Кир

БУЛЫЧЕВ

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО



ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД
МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

Москва
Эксмо
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Опасные сказки: Фантастические повести / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2007. — 896 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-20825-8

Впервые в рамках одной книжной серии выходят все повести и рассказы об отважной девочке из будущего Алисе Селезневой и ее замечательных друзьях.

На этот раз Алисе и ее друзьям предстоит сражаться с космическими пиратами, побывать в параллельных мирах и на загадочных планетах. Об этих и других приключениях вы узнаете, прочитав очередные восемь повестей цикла, среди которых «Война с лилипутами», «Дети динозавров» и «Привидений не бывает».

УДК 82-312.9
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4

© Булычев К., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-20825-8

ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ

Часть первая

СРАЖЕНИЕ В КУСТАХ

Глава 1

СУДЬБА ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

Алисе было жалко Колумба.

Он с риском для жизни переплыл Атлантический океан, не испугался ни жары, ни бурь, ни плохого характера трусливых матросов. Он открыл Америку, хотя и думал, что это всего-навсего Индия. Он высаживался на неведомых островах, ступал тяжелой ногой на золотой песок под тень кокосовых пальм. Он набрал полные трюмы товаров. Он вернулся в Испанию.

Его встретили, поздравили и тут же обратились к своим обычным делам. Кто зарабатывал деньги, кто стремился к титулам, кто воровал, кто казнил, кто строчил доносы — у всех были свои дела, и никому не было дела до Христофора Колумба, который открыл Америку. Потом, через несколько лет, его вообще посадили в тюрьму по гадкому и лживому доносу — такие были времена и нравы.

Алиса представляла себе, как Колумб бродит по своему кабинету или по тюремной камере, смотрит в окно на прохожих и умоляет их: «Ну посмотрите на меня!» А никто на него не смотрит, никто не знает о его подвигах!

Представляя себе эту грустную картину, Алиса подошла к окну своей комнаты, посмотрела на прохожих и стала мысленно умолять их: «Ну кто-нибудь, пожалуйста, поглядите наверх! Здесь я, Алиса Селезнева! За последний год я опускалась на дно Тихого океана, открыла Атлантиду, спасла последних атлантов, побывала на планете Пять-четыре, стала принцессой, а недавно побывала в центре Земли, ни минуты у меня не было спокойной. Тысячи человек славят меня как самую отважную девочку во Вселенной, другие удивляются моим мужеству и талантам. Но дома, в Москве, никому и дела нет до

моих подвигов. Все заняты своими хлопотами. И даже намерены посадить меня под домашний арест, как несчастного Колумба. Тут уж невольно задумаешься, а достойно ли человечество жить одновременно со мной?»

Стояла жара, воздух был неподвижен, и листья за окном вяло повисли, ожидая, когда же наступит вечер. До темноты оставалось недолго, но неизвестно, принесет ли она прохладу.

«Сейчас соберутся все взрослые, и начнется несправедливый и жестокий суд над отважной путешественницей».

Не успела Алиса так подумать, как в комнату вошел домашний робот Поля, который нянчил Алису еще во младенчестве.

Правая рука его покоилась на широкой черной перевязи. Вчера робот поскользнулся на банановой корке, которую сам при уборке забыл на полу, упал, ушиб руку и решил, что сломал ее. Он отказался вызывать ремонтников и занялся самолечением. Зрелище, конечно, комическое, но Поля так давно живет среди людей, что считает себя человеком.

— Алиса, — мрачно сказал Поля, — бабушка Лукреция спрашивает, какие котлеты готовить — рыбные или мясные.

— Все равно, — ответила Алиса.

— Так и доложим, — сказал Поля, которому бабушка не нравилась. Бабушка приехала из Симферополя погостить и сразу забрала дома всю власть. Она считала Полю обыкновенным домработником, чем глубоко его обижала.

Раздался звонок — вернулась с работы мама. Папа приехал следом.

Обычно они возвращались домой куда позже, но сегодня — Алиса об этом догадывалась — предстоит суд над несчастным Христофором Колумбом, то есть над Алисой. Вот все и сбежались.

«Ну что ж, суд так суд, — подумала Алиса. — С королями адмиралы не спорят. Они ждут своего часа и тогда поднимаются на мостик, встают у штурвала и смело подставляют лицо бурям и штормам».

— Алиса, — сказала мама, заглядывая в комнату, — ты отдала шторы в химчистку?

Не дело для человека сдавать шторы в химчистку — этим занимается домашний робот. Но Алиса и тут не стала спорить. А ответила тихо:

— Извини, мама, я не успела. Но их уже сдал Поля.

Вошел папа и с деланой бодростью сообщил, что в зоопарке начали нестись выкумсы и крокумсы. Алиса и не подозревала, кто такие выкумсы и крокумсы. Она уже год как не была у отца в зоопарке.

Тут из кухни выскочила шустрая симферопольская бабушка Лукреция и сказала, что обед готов.

Все пошли обедать. Бабушка все время говорила, что котлеты не получились, пирог подгорел и вообще никуда не годится, а все остальные тут же начинали с бабушкой спорить, потому что бабушке хотелось, чтобы ее хвалили.

Алиса знала, что Поля готовит лучше, чем симферопольская бабушка, а может быть, она просто привыкла к тому, как готовит робот. Возможно, и родители так думали, но все повторяли:

— Что ты, бабушка! Мы никогда не пробовали такого вкусного пирога!

— Бабушка, у тебя самые вкусные в мире котлеты.

Поля слушал эти похвалы мрачно, отворачивался, страдал от ревности, но из комнаты не уходил. Он переводил взгляд с Алисы на маму, с мамы на папу — все надеялся, что кто-нибудь защитит его честь. Но никто не защитил.

Не надо думать, что симферопольская бабушка Лукреция была стареньким одуванчиком, эдакой божьей коровкой.

В доме Селезневых она появилась две недели назад. Вечером открылась дверь, и возникла пожилая женщина очень маленького роста, стройная и большеглазая. Бабушка впорхнула в квартиру и заставила папу, который не видел ее десять лет, признать в ней свою тетю Лукрецию. Потом вошла в гостиную, поставила посреди нее свой объемистый пухлый чемодан и сообщила, что приехала в Москву по делам, пробудет здесь две или три недели, пока Тиберия не восстановят в училище, что она не выносит гостиницы, а летать каждый день обратно в Симферополь, чтобы там ночевать, не желает. Так что она приняла решение пожить пока у Селезневых и хочет спросить их...

Тут голос бабушки стал строг: довольны ли Селезневы ее приездом, не стеснит ли она их своим присутствием?

Селезневы — папа, мама, Алиса и робот Поля — тут же заявили во всеуслышание, что счастливы тем, что бабушка Лукреция избрала их дом своим временным пристанищем.

Бабушка оказалась деятельной и вездесущей. Раньше Алиса не задумывалась над этим словом, а может, и не знала его. А теперь поняла, что оно означает. Бабушка Лукреция умела одновременно существовать в самых различных местах. Если

она была дома и готовила обед, к негодованию Поли, оставшегося без привычной работы, она могла в то же время по двум видеофонам отстаивать права своего Тиберия, которого выгнал злодей Пуччини-2.

Злодей Пуччини-2 работает директором Московского циркового училища. Некогда он со своим близнецом братом Пуччини-1 выступал с группой дрессированных носорогов. Носороги кувыркались, стояли на рогах и пели простые песни, сами себе отбивая такт на больших барабанах — тамтамах. Оставив арену, он занялся воспитанием будущих цирковых талантов, но проявил себя тираном и самодуром, потому что выгнал Тиберия.

Бабушка, без всякого сомнения, навела бы порядок в цирковом училище, но Пуччини-2 улетел инспектировать цирк на Паталипутре, а затем намеревался посетить тайный союз шпагоглотателей на Альдебаране. Обещал вернуться в среду, затем сообщил, что задержится до понедельника... И вот так — третью неделю!

Любая обыкновенная бабушка, прежде чем нападать на Пуччини-2, сначала бы провидеофонила ему из Симферополя, договорилась о встрече, а потом бы уж прилетала. Но бабушка Лукреция заявила, что Пуччини-2 можно взять только внезапным налетом. Вот она и сидела у Селезневых, ожидая возвращения директора, чтобы внезапно напасть на него и восстановить справедливость.

Вообще-то она была милой, доброй бабушкой и умела не только жарить котлеты, но и жонглировать семью горящими предметами, делать стойку на одной руке, показывать карточные фокусы и развязывать любые узлы. Этого у бабушки не отнимешь. Она намекала на то, что карточные фокусы для нее — не предел, но все в доме были заняты своими делами, все торопились и опаздывали, поэтому бабушка за две недели так и не смогла отловить слушателя или зрителя.

Алисе тоже было не до бабушкиных фокусов. Она ждала, что же придумает испанская правящая камарилья в лице ее родителей, для того чтобы оставить Колумба дома и забыть о его подвигах и открытиях.

Родительский заговор раскрылся за чаем.

— Алисочка, — сказал отец невинным голосом, — как ты смотришь на то, чтобы навестить в Каугури тетю Аустру?

— Спасибо, — сразу догадалась Алиса, — у меня так много

дел на биостанции! Мне хотелось бы заняться селекцией вьющихся растений на Марсе.

— Ой! — сказала симферопольская бабушка. Она прониклась уважением к внучке, которая собирается заняться селекцией.

— Замечательно, — сказала мама. — У тети Аустры ты как раз и займешься селекцией. Тетя Аустра разводит артишоки. Это лучшие в Латвии артишоки, они получили медаль на выставке в Брюсселе. Неужели ты забыла об этом, Алисочка?

«Ну, мамочка, я тебе это предательство припомню», — мысленно ответила Алиса. Но заставила себя улыбнуться и сказать:

— Только не артишоки! У меня на них аллергия!

— Аллергия! — ахнула симферопольская бабушка. — Какой ужас!

— Где же ты ее подхватила? — спросил папа, который, разумеется, Алисе не поверил.

— Она у меня в крови, — сказала Алиса печально. — И это неизлечимо.

— На берегу моря! — сказала мама. — Я тебе завидую. Свежий морской воздух, никуда не надо спешить...

— Может, ты поедешь вместо меня? — спросила Алиса. — Ты же любишь разводить артишоки.

— Совершенно не представляю, что это такое, — призналась мама. — Это такие кролики?

— Черненькие, — сказала Алиса.

— Не слушай ее, — вмешался папа. — Артишоки — это растения. И дело, конечно же, не в них, а в том, что с нами вчера разговаривал ваш школьный доктор.

— ...и сказал, что его беспокоит состояние моего здоровья.

— Так точно, — сказал папа.

— Он вчера уже с родителями Аркаши Сапожкова разговаривал и с Пашкиной мамой. И точно в таких же выражениях.

— Алиса, если тебе двенадцать лет, — сказал папа, — это еще не значит, что ты разбираешься в медицине лучше школьного врача.

«Как это скучно, — подумала Алиса. — Они же в самом деле очень беспокоятся о моем здоровье, им кажется, что мне опасно летать на другие планеты и спускаться к центру Земли в первую очередь потому, что я могу схватить насморк. И наш милый школьный доктор, который сам никогда в жизни не отъезжал от Москвы дальше Калуги, потому что он единствен-

ный ребеночек у мамочки и она его берегла от микробов как зеницу ока, верит, что нам нужен покой». И тут Алисе пригрезился мореплаватель Христофор Колумб, которому королева Изабелла приказала пойти к придворному врачу, а тот утверждал, что в океане очень опасно, а открывать новые острова — самоубийство, ведь на них миазмы и москиты!

— Ты в самом опасном переходном возрасте, — сказала мама. — Вытянулась, меня уже догнала, одни кости.

— А ты хотела пухленькую доченьку, — ответила Алиса.

— Алиса! — сказала мама строго.

— Но главное, что сказал доктор, и я с ним совершенно согласен, — вмешался отец, — тебе нужен нормальный отдых!

— И нормальное питание, — вмешалась бабушка из Симферополя.

— Да, и нормальное питание!

— Я совершенно нормально питалась, — сказала Алиса, и ей стало смешно — не все ли равно, как и чем питается человек! Если сказать, что ей пришлось съесть за прошлый месяц, — мама бы умерла от ужаса! А что ты можешь поделать, если приходится опускаться на дно Тихого океана, чтобы открыть Атлантиду и обедать с атлантами? А что вы прикажете есть на планете Пять-четыре, где ничего съедобного не водится и даже живые шары обходятся только воздухом?

— Ты питаешься неизвестно чем, — продолжал отец, — спишь неизвестно где, гуляешь неизвестно с кем!

Он даже отодвинул недопитую чашку — так расстроился.

— И еще скажи, папочка, — ответила Алиса, которой, конечно же, лучше было помолчать — все равно взрослых, если уж они решили заботиться о твоем здоровье, не переспоришь, — скажи мне, чтобы я поменьше сражалась с драконами, стреляла из бластера, билась на лазерных мечах и бегала наперегонки с черным медведем.

— Она стреляет из бластера! — ахнула симферопольская бабушка.

— И у меня есть подруга, Ирия Гай, которая чемпион своей планеты по боксу и альпинизму.

— И она тоже стреляет из бластера, — тихонько сказала симферопольская бабушка, и на ее глаза навернулись слезы.

— Я полагаю, что ты сейчас специально пугаешь родителей. И сильно преувеличиваешь, — сказал отец. Но голос его был неуверенным.

— Преувеличивает, — сказала мама.

— А ведь вы так недавно были молодыми! — сказала Алиса, глядя на своих родителей, которых, правда, никто еще не считал пожилыми. — Мне трудно поверить, что ты, папочка, забирался внутрь космического кита, чтобы узнать, отчего у него болит живот. А потом прожил три месяца на ветках самой высокой сосны на планете Марош, чтобы узнать, как размножаются тамошние орлы.

— Папа и тебя брал в экспедиции, — сказала мама. — И никто не собирался растить из тебя тепличное растение. Только во всем надо знать меру.

— Разве я не знаю?

— Ты вся покрыта шрамами и царапинами. Не подросток, а бродячий котенок!

— Алису нельзя отпускать к тете Аустре, — сказал домработник Поля. Он стоял в углу и ничего не делал, так как считал себя раненым. — Она тут же сбежит от тети, а тетя старенькая и ее не догонит.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. — Зачем мне убегать от тети Аустры?

— Затем, чтобы переплыть через море в Швецию.

— Но зачем мне переплывать через море в Швецию?

— Чтобы утонуть на полдороге, — сказал Поля и засмеялся.

— Я больше так не могу, — сказала симферопольская бабушка. — Это не ребенок, а самоубийца.

— Школьный доктор, — заявил папа, — категорически против любых путешествий.

— А что же мне можно?

— Тебе можно провести август в средней полосе России, на чистом воздухе, желательно под Москвой. И учти, что доктор совершенно категоричен.

— Но если я останусь под Москвой, меня не пошлют пропалывать артишоки к тете Аустре?

— А ты останешься? — удивилась мама, которая не ожидала, что Алиса капитулирует так скоро.

— Да, может быть, — сказала Алиса. — И в самом деле, я с детства не жила на даче под Москвой. Наверное, в этом есть свои прелести.

Вы бы видели, какая радость охватила родных Алисы Селезневой, включая робота Полю и симферопольскую бабушку.

— И в космос ни ногой? — спросила симферопольская бабушка.

— Ни ногой, — согласилась Алиса.

По комнате пронесся порыв ветра — это присутствующие облегченно вздохнули.

Затем, перебивая друг друга и даже забыв о том, что Алиса сидит за тем же столом, взрослые начали обсуждать, куда бы поехать Алисе. Но она, послушав их, сказала:

— Я поживу на даче у Аркаши Сапожкова. Дача у него близко, в Кратове. И мне не скучно там будет. Пашка Гераскин тоже туда собирался.

Идею Алисы встретили одобрительными возгласами, и на радостях никто не подумал, как это подозрительно: не только Алиса, но и Аркаша Сапожков, и Пашка Гераскин добровольно едут на дачу, как самые обыкновенные маменькины дочки и сыночки. Им бы подумать и встревожиться. Хотя бы потому, что над кроватью Алисы висел лозунг, написанный Пашкой: «Покой нам только снится!»

Вдруг бабушка из Симферополя спохватилась:

— А где будут родители твоего друга?

— Аркашины родители — заядлые туристы, они ушли с братьями Аркаши в поход по речкам Горного Алтая.

Конечно, мама с папой предпочли бы, чтобы Аркашина дача кишмя кишела его тетушками и дедушками, чтобы не спускать глаз с их дочки, но все понимали, что спокойнее жить на даче, чем улететь на какой-нибудь Альдебаран.

На том и порешили.

Алиса прошла к себе в комнату, легла на диван, включила видик и подумала: «Вот я перехитрила родителей, сделала, как мне хотелось, вот я готова к новым опасным приключениям, и никто меня уже не остановит. Может быть, я совершу еще несколько подвигов и переживу смертельный бой с пиратами или драконами — все может быть... А потом мы сядем за стол, и папа с мамой будут говорить на обыкновенные темы и беспокоиться о моем здоровье. Их жизнь такая скучная, они так окончательно и бесповоротно забыли о собственной молодости, что думают, будто Алиса — маленькая девочка-шалунья, с которой ничего плохого не случится. Так им и роботу Поле удобнее. А жаль. Иногда так хочется рассказать правду о невероятных и страшных приключениях. Но Алиса ничего не станет рассказывать дома — не поймут, только перепугаются. Вот, наверное, и Христофор Колумб своей старушке маме о штормах и смерчах — ни слова. И старушка мама была уверена, что он плавает по спокойному морю, не отходя далеко от берега».

Глава 2

ПО СЛЕДАМ ГУЛЛИВЕРА

На следующее утро позвонил Пашка Гераскин.

— Как у тебя? — спросил он.

— Все в порядке, — ответила Алиса. — Доктор рекомендовал мне провести остаток каникул на даче и отдыхать на свежем воздухе. Мы решили, что я поеду на дачу к Аркаше Сапожкову, чтобы там и дышать.

— Счастливая, — сказал Пашка. — Моя мама сразу почуяла неладное. «Что, — спрашивает, — потянуло тебя к спокойной жизни? Может, ты тяжко болен? Дай, — говорит, — лоб пощупаю». Понимаешь?

— А ты?

— Я сказал чистую правду. Я сказал, что у нас летняя практика и каждый должен совершить необычное путешествие. Мы с тобой свое уже совершили.

— Даже три, — сказала Алиса.

— А Аркаша только сейчас подготовился. И ему нужны помощники. Мама сразу спрашивает: «Зачем? Это опасно?»

— Ну и хитрая она у тебя! — сказала Алиса.

— И не говори. Будь моя воля, я выбрал бы себе другую, попроще.

— И что ты ей ответил?

— Опять же чистую правду. Что Аркаша собирается написать цикл картин с натуры. А что мне мама ответила?

— Наверное, она ответила, что ты и огурца не можешь нарисовать. Какой из тебя помощник художнику?

Пашка вздохнул, и на экране видеофона было видно, как он расстроен. Алиса почувствовала его настроение и быстро спросила:

— Я тебя обидела?

— Я сам виноват, — вздохнул Пашка. — Если даже ты считаешь меня бездарным, значит, так оно и есть.

По всему было видно, что сам Пашка себя бездарным не считал.

— Не всем же быть художниками, — сказала Алиса.

— Погоди, я не досказал... В общем... мама выпытала.

— Ничего страшного, — сказала Алиса.

— Ничего? А если она взяла с меня слово?

— Какое слово?

— Я сказал, что Аркаша особенный художник. Он хочет рисовать микрокартины, но с натуры. Для этого он должен уменьшиться в пятьдесят раз. Мама как закричит: «Я с самого начала догадывалась, что это добром не кончится! Ты обязательно решил уменьшиться вместе с Аркашей, чтобы вас вместе склевал первый встречный воробей». Я ей говорю: «Мама, это только Аркаша уменьшится, а мы с Алисой будем за ним следить именно для того, чтобы его не склевал воробей».

— В общем, она тебе не поверила.

— Нет. И взяла с меня слово, что ни при каких обстоятельствах я не стану уменьшаться в пятьдесят раз. А ты знаешь — я человек слова.

— Человек, который слишком много говорит, — сказала Алиса, — и обязательно проговаривается...

В начале каникул каждый в классе выбрал себе необыкновенное путешествие. Алиса с Пашкой решили опуститься на дно Тихого океана в центре атолла Мооруту, где во время Второй мировой войны был потоплен японский транспортный конвой, что вез добычу, награбленную японскими солдатами в Индонезии, Бирме и Сингапуре.

Это путешествие, которое началось мирно и спокойно, привело к стольким приключениям, что теперь даже трудно вообразить, что все они произошли за считаные недели.

Вернувшись домой, Алиса узнала, что все ее одноклассники разъехались по разным концам Земли, чтобы совершить необычные путешествия. Только Аркаша Сапожков, который решил путешествовать вокруг собственной дачи, еще и не начинал путешествия.

Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что Аркаша был медлительным и задумчивым. Он обязательно должен все проверить, а потом перепроверить и еще раз обдумать.

В чем же была Аркашина идея?

Все художники, рассуждал он, рисуют только такие вещи, которые соответствуют человеческому росту. А если художнику надо нарисовать что-то маленькое, он вооружается лупами, микроскопами, предметными стеклами и перестает быть художником. Художники создали миллионы человеческих портретов. Но ни одного портрета гусеницы или комара. И если уменьшиться до размеров гусеницы, можно будет написать ее портрет. А если станешь маленьким, как комар, то увидишь,

что и у него есть лицо. Может быть, неприятное и даже страшноватое, но лицо.

Вот и придумал Аркаша путешествие под названием «Путешествие микрохудожника в Страну дремучих трав».

«В Стране дремучих трав» — название одной старой книжки, герои которой стали такими маленькими, что для них травы казались дремучим лесом. Есть и другие книги о таких лилипутах. Еще несколько сот лет назад английский писатель Джонатан Свифт написал повесть о Гулливере, который сначала попал к лилипутам, а потом оказался среди гигантов. А помните повесть «Путешествие Нильса с дикими гусями»? Там мальчик Нильс обидел гнома, тот превратил его в лилипута, и Нильс отправился в полет на шее своего друга — гуся Мартина.

Но одно дело — художественная литература, сказки и фантастика, совсем другое — настоящая жизнь. Объявив еще в мае на классном собрании, что он намерен отправиться в путешествие вокруг собственной дачи, Аркаша еще не знал, как он это осуществит.

Он послал запрос в Центральный информаторий, а тот обратился в Галактический справочный центр. Не может быть, рассуждал Аркаша, чтобы в великой Галактике, населенной миллионами цивилизаций, никто не придумал средства для уменьшения или увеличения живых существ.

И вот через две недели пришел ответ — и не с Альдебарана, не с созвездия Гончих Псов и даже не с Марса, а из города Бостона, из Физического института имени Айзека Азимова — знаменитого американского писателя XX века. В том институте давно бились над тем, как воплотить в жизнь одну давнюю идею Азимова. В своем романе «Космическое путешествие» он рассказал, как целая бригада врачей была уменьшена в тысячу раз, чтобы в специально сделанной микроскопической лодке, которая может путешествовать по кровеносным сосудам, добраться до мозга и совершить там операцию и спасти человека.

Узнав о работе американских ученых, Аркаша вылетел в Бостон. Несмотря на то что он был всего-навсего школьником, ученые разрешили ему ознакомиться с их работой и показали Аркаше рабочую модель своей машины. Пока что она могла уменьшить человека в пятьдесят раз. Для медиков этого было недостаточно. Для Аркаши — в самый раз. Уменьшенный Аркаша станет в три сантиметра высотой.

В июле азимовцы смонтировали опытную кабину у Аркаши на даче, но потом им пришлось срочно улететь по своим делам.

И вот тогда Алиса с Пашкой, вернувшись со звезд, согласились помочь другу. Но поставили такое условие: когда Аркаша закончит свое путешествие, он разрешит Пашке и Алисе тоже побывать в Стране дремучих трав.

Это путешествие, как понимала Алиса, могло оказаться опаснее и страшнее, чем полет к дальним звездам или плен у космических пиратов. Потому что враги и убийцы в мире насекомых куда более жестоки и быстры, чем любые разумные твари Галактики.

Честно говоря, Алиса предпочла бы улететь на Паталипутру или даже угодить в логово космических пиратов — только бы не попасть в зубы какой-нибудь гадкой сколопендре.

Но кому признаешься, что тебе страшно? Пашке, который лишь улыбнется снисходительно и начнет точить свою шпагу? Или Аркаше, который убежден, что настоящий ученый не может ничего бояться, потому что настоящему ученому некогда бояться — надо изучать окружающий мир?

...Наутро Алису собирали на дачу к Аркаше, словно капитана Гаттераса на Северный полюс. Симферопольская бабушка испекла пирожков, домроботник Поля тоже испек пирожков. И мама, разумеется, испекла пирожков. Алиса понимала, что делали они это не столько из любви к Алисе, сколько для того, чтобы доказать друг дружке, чьи пирожки самые лучшие. Даже удивительно, что папа не испек пирожков.

Для Алисы набрали целую сумку вкусных вещей. Мама объяснила, что это не только для Алисочки, но и для ее приятелей. Поля положил в сумку запасные сапожки, плащ и рад был бы положить и скафандр, и шубу — только они в сумку не лезли.

Алиса была спокойна и доброжелательна. Ни с кем не спорила, всем улыбалась, ни от чего не отказывалась. А когда она согласилась взять с собой аптечку, которую привезла из Симферополя бабушка и которую теперь пожертвовала внучке, мама сказала:

— Мне все это не нравится.

— Почему? — спросила Алиса.

— Я тебя не узнаю.

— А я узнаю, — сказал папа, который уже спешил на работу в Космический зоопарк. — Когда Алиса тихая, значит, готовится большая каверза.

— Папа! — возмущенно пискнула Алиса.

Но папу так легко не проведешь. Он только махнул рукой, сел во флаер и был таков.

— Сразу провидеофонь, как приедешь, — предупредила мама.

— Я буду ждать твоего звонка, — сказала симферопольская бабушка.

— Может быть, я отправляюсь в жерло вулкана, а не на дачу? — съязвила Алиса.

Но никто ее не услышал.

Глава 3

ПЕРЕД ПУТЕШЕСТВИЕМ

Это была старая-престарая дача, ее построил еще Аркашин прадедушка, который привез откуда-то толстые, в обхват, бревна. С тех пор прошло уже сто лет, и три поколения семейства Сапожковых собирались заняться хозяйством: развести на даче огород и сад, да еще розарий и альпинарий. Но надолго их усилий не хватило. Так что на большом дачном участке было всего понемножку: там росли три старые яблони, которые давали только кислые дички; заросли одичавшей малины были совершенно непроходимы, да к тому же подступы к ним были заняты лесом крапивы; по бокам узкой заросшей дорожки, что вела от покосившейся калитки к веранде, тянулись кусты пионов, роз, хризантем и иных цветов, которые высаживали здесь сменявшие друг друга ботаники-любители.

За дачей начинался густой лес и тянулся до самого Уральского хребта. Дача Сапожковых подходила для любых опытов — она была последней в поселке.

Пашка прилетел раньше Алисы. Он уже успел повесить гамак и, раздевшись до плавок, дремал в нем. Иногда он просыпался и давал Аркаше указания.

Аркаша заканчивал испытания уменьшительной кабины. Основную работу сделали техники из Азимовского института, но кое-какие мелочи остались на долю Аркаши.

Кабина стояла на траве перед верандой. Она представляла собой полосатую, красную с белым, бочку в метр высотой и такого же диаметра. Сбоку открывался люк, через который можно влезть внутрь кабины. Там помещалось сиденье и перед

ним — пульт управления. Влезши в кабину, ты мог усесться, прижав подбородок к коленям. Пульт оказывался тогда перед глазами.

Аркаша показал Алисе, как забираться в кабину. Алиса спросила:

— А почему она такая тесная?

— В Бостоне ее специально сделали для нас — подростков. Чем меньше кабина, тем меньше энергии она потребляет, тем легче ее наполнять.

— Зачем ее наполнять?

— Разве я тебе не сказал? Когда кабина начинает работать, ее наполняет особый газ — иначе как клетки твоего тела догадаются, что им надо уменьшиться?

— А он безвредный? — спросила Алиса.

— Алиса, не бойся, тебя никто не заставляет превращаться в насекомое! — закричал Пашка из гамака.

И тут же вывалился из него и, отмахиваясь руками, бросился кругами бегать по лужайке.

— Что с тобой? — спросила Алиса.

— Это чудовище какое-то! — закричал Пашка. — И еще кусается!

— Это не чудовище, а оса, — ответил Аркаша. — И учти, что сейчас ты в сто раз больше осы. А представь себе, что вы с ней почти сравняетесь.

— Зачем?

— Чтобы сражаться на равных. У нее шпага, и у тебя шпага.

Наконец Пашка отогнал осу и вернулся к гамаку.

— Мне надо подумать, — сказал он оттуда.

— Я знаю, что ты придумаешь, — ответила Алиса.

— Что?

— Тебя ждут неотложные дела на Северном полюсе.

— Ты хочешь сказать, что я струсил?

— Пашка, не веди себя как первоклассник, — сказал Аркаша. — Никто не заставляет тебя становиться маленьким, как муха, и сражаться с осами. Это, по крайней мере, неостроумно. Жизнь можно положить за более стоящее дело.

Пашка обрадовался такой поддержке.

— Вот именно! — воскликнул он. — Что может быть глупее, чем кончить жизнь в паутине крестовика или в челюстях майского жука! Не для того нас растили родители.

Но никуда Пашка не улетел, а улегся в гамак и закрыл глаза.

Аркаша показал на пульт:

— Я герметично закрываю кабину, затем впускаю газ и вдыхаю его три минуты. Под действием газа в моих клетках происходят изменения — клетки как бы съеживаются, хотя и остаются по составу и строению точно такими же, как прежде. И я начинаю уменьшаться.

— И получится?

— Когда они испытывали, — сказал Аркаша, — то поместили в кабину морскую свинку. Морская свинка уменьшилась в пятьдесят раз.

— И что дальше?

— Убежала.

— А где она теперь?

— Не знаю, — вздохнул Аркаша.

— Ой! — сказала Алиса. — Значит, она в траве бегает?

— Может быть.

— И я на нее могу наступить?

— Все может быть, — сказал Аркаша. — Мне это очень неприятно. Извини.

Они помолчали. Алиса присела на корточки. Она раздвигала травинки, смотрела вниз, стараясь разглядеть, нет ли там морской свинки с муху размером.

— Больше вы никого не уменьшали? — спросила Алиса. — В порядке опыта.

— Почти никого, — вздохнул Аркаша.

— Если ты скажешь про собаку...

— Нет, сначала они провели испытания на курице...

— И курица тоже?!

— Может быть, — сказал Аркаша.

— Аркаша боится, что ему там будет скучно, — заметил Пашка, который все, конечно же, слышал.

— Я постараюсь их найти и вернуть в большой мир, — сказал Аркаша.

— Ладно, — кивнула Алиса, — рассказывай дальше.

— А что рассказывать? Когда ты уменьшился до предела, то ты спускаешься сюда...

Аркаша вылез из кабины, затем показал на круглое отверстие посреди сиденья в старинный пятак диаметром.

— Погляди внимательно, — сказал Аркаша.

Алиса нагнулась. И увидела, что от этого круглого отверстия вниз ведет труба, на стенках которой видны махонькие скобы — как будто это шахта для оловянного солдатика.

— Это для... тебя? — спросила Алиса.

— Вот именно, — улыбнулся Аркаша. — Когда я стану лилипутом, я спущусь по этой лестнице вниз...

Аркаша повел Алису вокруг кабины и показал, что с другой ее стороны, у самой земли, есть еще одно отверстие.

— А тут я выйду, — сказал он.

— Как все здорово придумано! — воскликнула Алиса.

— Еще бы, — сказал Аркаша, — целый институт работал!

— А когда ты возвращаешься...

— Все то же самое, только в обратном порядке. Я должен войти сюда, подняться по скобам на сиденье, нажать на кнопку, и кабина начнет наполняться антигазом.

— Чем?

— Условно говоря — антигазом. Газом-увеличителем.

— Ясно. И ты снова большой. А сколько это продолжается?

— Каждая процедура занимает несколько минут — ведь это же не волшебство, а научный процесс. Да еще надо отдохнуть, прийти в себя.

— Откуда знаешь? — спросил Пашка. — Пробовал?

— Куда торопиться, — ответил Аркаша. — Азимовцы сказали.

— Давай я попробую, — попросила Алиса.

— Погоди, рано!

— Аркаша ни за что не уступит пальмы первенства, — сказал Пашка.

— Я специально занимался этим, — сообщил Аркаша. — Целый курс прошел. А Пашка всегда думает, что он умнее всех...

— Не думаю, а знаю, — откликнулся Пашка.

— Он тебе завидует, — улыбнулась Алиса.

— Завидовать клопу? Ничего интересного, — возразил Пашка. — Я понимаю — увеличиться раз в пятьдесят.

— И никто тебе не страшен! — сказал Аркаша.

— Вот именно! Берешь слона двумя пальцами...

— А зачем? — спросила Алиса.

— Ясное дело зачем, — сразу нашелся Гераскин. — Чтобы перенести его через реку Ганг и спасти от пожара в джунглях.

— Паша, от тебя и при нормальном росте человечеству несладко приходится. А от восьмидесятиметрового Гераскина все взвоют! — сказала Алиса.

— Хорошо, я остаюсь как есть — золотая середина. А вы как хотите — уменьшайтесь, увеличивайтесь, толстейте, худейте! Все равно я — повелитель Галактики!

И с этими гордыми словами Павел Гераскин отвернулся от друзей.

Аркаша с Алисой стали готовиться к походу в мир насекомых. Аркаша намеревался там рисовать — это была главная его задача. А чтобы рисовать, надо взять с собой краски, кисти, карандаши и прочие принадлежности. Но беда в том, что под действием газа уменьшаются лишь живые ткани. Что же касается вещей неживых — а кисти и краски, как известно, относятся к ним, — они остаются прежними. Даже самая маленькая кисточка стала бы для Аркаши подобна шесту для прыжков, а в ванночке для акварели он смог бы уместиться как в ванне.

Так что Алиса и Аркаша вначале устроили специальную базу.

Такую, как устраивал, например, путешественник Амундсен, когда шел к Южному полюсу.

Уменьшившись, Аркаша не собирался сидеть возле веранды, где стояла кабина, которую нельзя было смонтировать далеко от дома — она должна была постоянно находиться под наблюдением.

Аркаша решил, что, уменьшившись, он пройдет тропинкой до небольшого прудика, что поблескивает сквозь ветви живой изгороди. Там, на высоком берегу, он и устроит основную базу. База состояла из закрытой картонной коробки из-под ботинок, в которой Алиса аккуратно вырезала отверстие для входа. Конечно, романтичнее было бы построить шалаш, но коробка все-таки надежнее. Там, в безопасности от дождя, ветра и нежеланных гостей, сложили стопки нарезанных листиков тонкой бумаги, которые для Аркаши станут толстыми листами картона. Туда же поставили поделенную на квадратики коробочку с красками, кастрюлю, которую Алиса одолжила у своей куклы, коробочку с булавками, моток тонкой лески и катушку шелковых ниток, заостренную пилочку для ногтей и другие вещи, собранные по дому Алисой и Аркашей, которые могли бы пригодиться миниатюрному человечку в одинокой жизни в травяном лесу. Когда Алиса складывала добро в коробку, неожиданно появился Пашка, который, оказывается, тоже трудился. Из куска сосновой коры он вырезал лодочку длиной в пядь, такую легкую, что ее мог бы поднять и лилипут. В нее он вставил палочку-мачту и сделал парус из листа бумаги. Лодку пришвартовали к берегу прудика.

Наконец Аркаша сказал:

— Хватит! Вы хотите, чтобы я потратил неделю на устройство безопасной и скучной жизни.

— А ты хочешь рисковать? — спросила Алиса.

— В умеренных пределах — да, — ответил Аркаша.

— Правильно, — сказал Пашка. — Без риска нет жизни.

Алиса между тем приоткрыла коробку из-под ботинок и положила внутрь большой кусок ваты.

— Это еще зачем? — спросил Аркаша.

— Во-первых, это мягко, а тебе надо на чем-то спать. А во-вторых, ночью будет холодно, а ты совсем раздет.

— Как так — совсем раздет?

— Пока ты не придумаешь себе одежды, — сказала Алиса, — тебе придется походить голым.

— А ты будешь смотреть? — вдруг смутился Аркаша.

Пашка буквально зашелся от хохота, а Алиса достала из кармана маленькую тряпочку.

— Была у меня любимая куколка, — сказала Алиса. — Звали ее Дашей. Она убежала из дома с одним гномом. А платье от нее осталось... Ты бери, не стесняйся, ведь стрекозам и паукам совершенно все равно — девочка ты или мальчик.

Аркаша подумал ровно пять секунд, потом сказал:

— Ладно уж, клади возле кабины.

Алиса присела на корточки и положила кукольное платьице на землю возле отверстия, что вело из кабины наружу.

Глава 4

КЛЮЧ НА СТАРТ!

Пора было расставаться с Аркашей. Время уже клонилось к вечеру. Они стояли втроем возле кабины. Вдруг Алисе стало грустно: ну ладно бы шел человек на риск ради высоких идеалов или спасения какой-нибудь несчастной планеты. А то он собирается рисковать жизнью ради рисунков, которые, может быть, никому и не нужны.

— А я с тобой не согласен, — сказал тут Пашка Гераскин, у которого иногда прорезаются совершенно невероятные телепатические способности. — Нельзя делить подвиги на нужные и ненужные. Может быть, в своих картинах Аркаша сделает великое открытие.

— Паша, не преувеличивай, — смутился Аркаша.

— Помолчи, путешественник голопузый! — оборвал его Пашка. — Мы не знаем, что увижу я, когда отправлюсь в Страну дремучих трав. Мы совершаем рывок вперед, шаг в неизвестность. До нас только герои фантастических повестей жили как свои среди бабочек и кузнечиков. Теперь этим займемся мы, самые обыкновенные люди двадцать первого века. Да я не променяю такое путешествие на пять полетов к альфе Центавра! Что такое космос по сравнению с настоящими джунглями Земли! Долой космос! Да здравствует родной микромир!

Если поверить Пашке, получалось, что он к космосу относится отвратительно — сам не летает и другим не велит.

Наступила пауза. Аркаша несмело поглядел на Алису, потом на Пашку.

— Я пошел, да? — спросил он.

— Может, возьмешь сахара с собой? — спросила Алиса.

— Ты хочешь погубить эксперимент в зародыше! — возмутился Пашка. — Каждый член нашей экспедиции сам добывает себе пищу! И как только ты попросишь есть, значит, ты сдался.

Пашка был прав — так они договорились с самого начала. В травяном царстве все живут робинзонами... каждый живет сам по себе, помощи ни у кого не просит, только в случае настоящей, реальной опасности можно вызвать товарищей на подмогу. Для этого есть браслет-сигнализатор, чудо микротехники, оставленный азимовцами.

— Тогда поешь еще чего-нибудь, — предложила Алиса. — На дорожку.

— Ну что ты говоришь! — взмолился Аркаша. — Ты же знаешь, что уменьшаться надо натощак.

— Ключ на старт! — закричал Пашка. — Ничего не забыл?

— Вроде ничего.

Аркаша спустился с веранды. Он был в одних трусах и чуть поеживался от вечерней прохлады.

Перед открытым люком кабины, которая казалась такой чужой на зеленой поляне на фоне могучих сосен, Аркаша остановился и обернулся к товарищам.

— Вы обо мне не думайте, — сказал он, — ничего со мной не случится.

— А мы и не думаем, — ответил Пашка.

— Мы в гости к тебе приходить будем, — сказала Алиса.

— Только не пугайте меня, — засмеялся Аркаша. — Я ведь буду маленький. На меня и наступить ненароком можно.

— Ты с ума сошел! — испугалась Алиса. — Не смей даже так шутить.

Аркаша протянул Алисе руку, и в этот момент зазвонил видеофон.

Звонок был настолько неожиданным и резким, что друзья вздрогнули и замерли.

— Может, не подходить? — спросила Алиса. — Мы гулять ушли...

— Боишься, что дома узнали про наши опыты?

— Боюсь.

Видеофон продолжал отчаянно звенеть.

— Опасность, мой друг, — сказал Пашка, отправляясь к дому, — надо встречать лицом к лицу. Иначе догонит сзади.

Произнеся такой афоризм, Пашка поднялся на веранду и прошел в комнату.

Было так тихо, что ребята слышали каждое Пашкино слово.

— Да, мама, — произнес Пашка. — Все хорошо, мама. Собираемся ужинать, мама.

— Простая проверка, — сказал Аркаша.

Алиса тоже поняла, что Пашкина мама волнуется, ей трудно поверить, что ее непутевый сын мирно живет на даче и не пускается ни в какие авантюры.

— Они пошли за грибами, — слышен был голос Пашки. — Скоро придут. А я? Я читаю «Графа Монте-Кристо», в библиотеке взял, так приятно почитать добрую старинную книгу.

— Ты только послушай! — прошептал Аркаша. — Какой у нас друг! Он умеет читать!

Алиса прикрыла рот ладонью, чтобы не засмеяться. Ведь она ушла за грибами.

— Хорошо, мама, — говорил Пашка, — обязательно, мама, все будет хорошо, мама.

Он отключил экран и вернулся к друзьям несколько смущенный, потому что они все слышали.

— Понимаете, — сказал он, — с пожилыми людьми очень трудно. Они остались далеко в прошлом...

— Твоей пожилой маме уже, наверное, тридцать лет, — съязвила Алиса, делая вид, что сочувствует Пашке.

— Тридцать три, — уточнил Пашка. — Между нами пропасть.

— Ну что же, — сказал Аркаша, — пошли, а? А то я так сегодня и не уменьшусь.

Но только они сделали несколько шагов к кабине, как

снова зазвенел видеофон. На этот раз к аппарату подбежал Аркаша:

— Алиса, это тебя!

— Ну вот, — сказал Пашка. — Кто-то надо мной смеялся? Теперь и я посмеюсь.

На экране видеофона виднелось большеглазое треугольное лицо симферопольской бабушки.

— Алисочка! — сказала бабушка встревоженным голосом. — Кто тебя окружает?

— Меня? Никто.

— Кто подходил к видеофону? Он совершенно голый, как дикий индеец!

— Это мой друг Аркаша. Он собрался в лес...

— В лес? В таком виде?

— Скажи, что я купаться пошел! — зашипел Аркаша.

— Он купаться собрался, — сказала Алиса. — А почему ты звонишь?

— Случилось нечто ужасное, — сказала бабушка.

— Что еще? С кем?

— С тобой. Ты забыла пирожки с капустой.

— Всего-то?

— Я их пекла со вчерашнего дня. Чувствую, что у меня никогда больше не получатся такие пирожки.

— Ничего, я специально прилечу к тебе в Симферополь, когда ты их будешь печь.

— Нет! Я сейчас же лечу к тебе. Скажи, какой номер у вашей дачи, или встреть меня на флаерной станции.

Пока ее друзья корчились у веранды от хохота, Алиса умоляла симферопольскую бабушку не прилетать, потому что пожилому человеку уже поздно летать на флаере — в Москве бабушки вообще не летают на флаерах позже шести вечера. К тому же у Аркашиной дачи нет номера, а сама Алиса только что объелась пирогами, которые привез Пашка...

Наконец смертельно обиженная бабушка, не прощаясь, отключила аппарат, а Алиса сказала:

— Перестаньте хохотать. Ничего смешного я не вижу.

И когда Пашка с Аркашей пришли в себя, она добавила:

— Сегодняшний день можно занести в мою личную книжку рекордов Гиннесса — мне еще в жизни не приходилось столько врать и выслушивать столько же неправды.

— Цель оправдывает средства, — сказал Пашка. — Если бы ты сказала бабушке правду, что Аркаша через десять минут

станет ростом с оловянного солдатика, а ты готовишься через неделю последовать его примеру и пожить немного на равных среди муравьев и кузнечиков, она прискакала бы сюда на боевом коне в сопровождении всей твоей семьи...

— Это я понимаю... но врать плохо.

— Очень плохо, — сказал Аркаша. — Я замерз. Пошли же, наконец!

У кабины все попрощались.

Затем Аркаша открыл люк и залез внутрь.

— К полету готов? — спросил Пашка.

— К полету готов!

— Задраить люки! — приказал Пашка, который изображал из себя руководителя полета.

— Есть задраить люки! — сказал Аркаша.

Он закрыл изнутри люк, и кабина сразу стала безмолвной, чужой, неживой, как камень.

— А сколько ждать? — спросил Пашка.

— Он сказал — несколько минут.

— Надо было точнее спросить, — сказал Пашка.

Алиса присела на траву возле кабины, так чтобы видеть маленькое круглое отверстие у самой земли.

— Ты чего? — спросил Пашка.

— Он выйдет вот отсюда, — показала Алиса на отверстие.

Пашка тоже уселся на траву. Кабина молчала.

— Странно, — произнес Пашка. — Только что я ему руку жал, не чужой человек, семь лет вместе учимся. И вдруг такое с ним случится!

— Ты не гордись, — сказала Алиса. — С тобой это тоже может случиться.

— Тонкое наблюдение, — отметил Пашка и, встав на четвереньки, попытался заглянуть в маленькое отверстие.

И тут же в ужасе отпрянул!

Как бы ты себя ни готовил, все равно от неожиданности можно перепугаться.

Из отверстия буквально выкатился на траву миниатюрный человечек. А так как таких человечков не бывает, у Пашки было ощущение, словно перед его носом выскочила мышь.

А Аркаша, выпав из длинного скользкого туннеля на свет, увидел перед собой огромную страшную оскаленную морду. Ему ведь никогда раньше не приходилось видеть людей в пятьдесят раз больше его. Поэтому ему и в голову не пришло, что он видит человека, а тем более Пашку.

Так что Алиса, которая наблюдала эту сцену со стороны, к удивлению своему, увидела, как лилипут Аркаша кинулся обратно в норку, а Пашка отпрыгнул почти к самому лесу.

Поняв, в чем дело, Алиса едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

— А я его за мышь принял, — сказал Пашка, — или за тарантула.

Из отверстия в кабине выглянул голенький Аркаша.

— Какой я тебе тарантул! — пискнул он обиженно. Оказалось, что его пронзительный голосок можно разобрать в тишине сада. — А я думал, что ты мамонт.

— Мальчики, — сказала Алиса, — не надо ссориться.

— Отвернись! — пропищал Аркаша.

Стараясь не улыбаться, Алиса отвернулась. Ей было видно лицо Пашки, и когда оно стало расплываться в широкой улыбке, она поняла, что причиной тому — вид Аркаши.

— Можно обернуться? — спросила Алиса.

— Оборачивайся, — ответил за Аркашу Пашка.

Алиса обернулась, Аркаша стоял у кабины, придерживая руками слишком длинное кукольное платье.

Он что-то кричал, но Алиса не разобрала слов.

— Потерпи секундочку, — сказала Алиса. — Где у тебя ножницы?

— В большой комнате. На столе, — вспомнил Пашка.

Алиса сбегала за ножницами и, вернувшись, велела Аркаше снять платье.

— Я тебе сделаю чудесную набедренную повязку, — сказала она.

Через пять минут Аркаша был более-менее готов к тому, чтобы продолжить путешествие.

— Интересно? — спросил Пашка.

Аркаша показал под ноги, и Алиса поняла, что для него песчинки на тропинке были острыми камнями. А никакой обуви у Аркаши не было.

— Может, вернешься? — спросила Алиса. — А завтра что-нибудь придумаем.

Аркаша только отмахнулся.

— Он прав, — сказала Алиса. — Нужно человеку привыкнуть.

Они стояли у кабины и смотрели, как человечек ростом со спичку медленно уходит от них, поджимая ножки, потому что идет босиком по острым камням.

Аркаша остановился, запрокинул голову, посмотрел на друзей. Видно, они показались ему не настоящими существами, а порождениями страшного сна, и он махнул рукой, чтобы они уходили.

Конечно же, они не ушли. До прудика, на берегу которого стояла коробка из-под ботинок, было метров тридцать-сорок. Надо было идти по тропинке до отверстия в живой изгороди и там, свернув направо, идти вдоль нее, пока земля не начнет снижаться к пруду. Что за дорога — полсотни шагов? Десять секунд бегом. Но не для Аркаши Сапожкова, отважного путешественника, которому еще идти и идти — пока он достигнет убежища.

— Я теперь понимаю, — сказала Алиса, — что значит: человек — царь природы.

— А что?

— А то, что я могу пойти пешком через лес даже ночью, и все животные уступят мне дорогу.

— То ли уступят, то ли нет, — ответил Пашка. — Кабан может по глупости не знать, что ты — царь природы, волку об этом не рассказали, а медведь болел, когда это проходили.

— У тебя столько же шансов встретиться в дачном лесу с медведем или кабаном, как и с бенгальским тигром, — сказала Алиса.

Тут она увидела, как большая стрекоза, что не спеша летела мимо, обнаружила что-то впереди и пошла снижаться над тропинкой там, где шагал Аркаша.

Алиса не выдержала и рванулась вперед.

Стрекоза испуганно взмыла в небо, а она в несколько прыжков достигла забора — Аркаши нигде не было видно!

— Пашка! — закричала Алиса. — Он пропал! — Она выглянула за изгородь — тоже пусто. Может, Аркаша спрятался в траве?

Пашка не догонял ее. Он стоял в десяти метрах сзади.

— Просто чудо, — сказал он, — что Аркаша остался жив. Нет ничего опаснее для человека, чем стадо взбесившихся слонов.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Алиса.

— А то, что тебе надо медленно и осторожно вернуться обратно и научиться глядеть под ноги. Твое счастье, что Аркаша успел отпрыгнуть в траву, когда ты пробежала рядом с ним.

— Что ты говоришь! — испугалась Алиса. У нее коленки ослабли. Неужели так могло быть? Значит, Аркаша еще шел

по тропинке... а она думала... Представляете... она в самом деле могла наступить на друга!

На цыпочках, пошатываясь от страха, Алиса подошла к Пашке и остановилась в двух шагах. И тут она увидела Аркашу. Он стоял на самом краю тропинки и при виде Алисы поднял кверху кулачки.

— Прости, Аркаша, — сказала Алиса с чувством. — Я испугалась, что на тебя стрекоза нападет.

— И решила: лучше сама затопчу, чем врагам отдам, — добавил Пашка.

Алисе хотелось плакать.

Она присела на корточки перед Аркашей, чтобы разглядеть его лицо. Рот Аркаши раскрывался, но писк был неразличим.

— И не пытайся понять, — сказал Пашка. — Представляешь, как мало воздуха умещается в его легких — не из чего образоваться звуку.

— Давай отнесем его до коробки! — взмолилась Алиса.

— Не теряй присутствия духа, — возразил Пашка. — Если ты начнешь в такой форме проявлять заботу о друге, то я обещаю, что сам отнесу тебя в коробку, когда подойдет твоя очередь.

— Как так отнесешь? — Алиса выпрямилась и гневно поглядела на Пашку.

— Возьму двумя пальцами, — Пашка показал ей, как возьмет ее, — подниму в воздух и понесу. А ты будешь болтать ножками-макаронками.

— Ты только посмей! — Алиса кинулась было на Пашку, чтобы научить его манерам, но вспомнила, что где-то под ногами прячется несчастный Аркаша, и замерла как громом пораженная.

А Аркаша поглядел на друзей — теперь чужих и опасных чудовищ, будто заколдованных страшным волшебником, и быстро зашагал дальше, надеясь, видно, что у них хватит сообразительности больше за ним не ходить.

Они постояли на тропинке, глядя, как Аркаша дошел до изгороди, миновал ее, повернул направо и исчез из виду. Сколько это заняло времени — трудно сказать. Может быть, три минуты, а может, и все пятнадцать.

— Пошли на веранду, — сказал Пашка. — Он обещал дать нам сигнал, когда устроится.

— Нет, погоди минутку.

Алиса сошла с тропинки, пробежала по траве к изгороди и

встала на цыпочки, чтобы заглянуть поверх нее. Пашка последовал за Алисой.

Оттуда, где они находились, был виден прудик, поросший травой склон и стоявшая там коробка из-под ботинок.

Вот показался и Аркаша. Не глядя по сторонам, он шел по тропинке, которая казалась ему широкой дорогой. Он немного прихрамывал и опирался на копье, которое Алисе недавно служило всего-навсего булавкой.

Идти ему оставалось немного — уже начался спуск к пруду.

Не доходя до коробки, Аркаша остановился и стал сверху глядеть на пруд. Его первое путешествие заканчивалось.

— Ну что, пошли домой или посмотрим? — прошептала Алиса.

И в этот момент Пашка вскочил на ноги и отчаянно закричал:

— Беги, Аркашка!

То ли Аркаша услышал крик Пашки, то ли сам почувствовал опасность, но он отчаянно прыгнул в сторону. Только тогда Алиса поняла, в чем дело: над местом, где только что стоял Сапожков, пронеслась ворона и, не поймав добычу, взмыла вверх.

Аркаша кинулся бежать к коробке. Набедренная повязка размоталась и тянулась за ним, как длинный флаг.

— Она же могла его унести! — сказала Алиса.

— Точно. Он у нее в клюве бы уместился.

— Пашка, — сказала Алиса, — давай этот опыт кончать. Надо вернуть Аркашу.

— Почему? — спросил Пашка. — Разве случилось что-то неожиданное?

— Но ему грозят страшные опасности!

— Когда я пойду на его место, мне тоже будут грозить опасности.

— Вот я и говорю.

— Ты — свободный человек. Тебя никто не уговаривает уменьшаться.

— Я не о себе думаю. Вы с Аркашей такие неосторожные.

— Если ты про ворону, то мы с Аркашей это обсуждали. Надо все время поглядывать в небо.

— Если бы ты не крикнул...

— Если бы я не крикнул, он бы все равно успел. Я его знаю. И не забывай, что он вооружен.

— Ты имеешь в виду булавку?

— Это оружие не хуже любого другого.

Разговаривая, они поглядывали на коробку. Аркаша добежал до нее и обернулся. Он помахал рукой и исчез в отверстии. Видно было, как он закрывает за собой картонную дверь.

— Все, — сказал Пашка, — представление закончено.

— Тогда бежим в дом, сейчас будет связь.

В комнате на столе стоял передатчик, сделанный азимовцами. В нем уже загорелась зеленая лампочка.

— Центр на связи! — крикнул Пашка, подбегая к приемнику и включая вызов.

— Вы зачем за мной следили? — послышался тонкий голосок.

— Если бы не следили, тебя бы ворона склевала, — сказал Пашка.

— Я ее и без тебя видел, — сказал Аркаша. — Я очень прошу, не подглядывайте, а то я себя человеком не чувствую.

— Ладно, обещаем, — сказал Пашка. — Только и ты веди себя осторожнее. Не высовывайся.

— Тебе удобно, не холодно? — спросила Алиса.

Она подумала: мы разговариваем, будто Аркаша по крайней мере в Гималаях. А ведь можно выбежать из дома и поглядеть на него.

— Я специально ушел сюда, — пропищал Аркаша, — чтобы мне не задавали глупых вопросов: скушал ли я кашку, надел ли я пальтишко.

— Ты получше дверь закрой, — сказала Алиса, сделав вид, что не услышала его слов. — Мало ли какая змея заберется.

— Змеи по крайней мере не дают советов, — сказал Аркаша. — До связи.

— А когда будет связь?

— Связь будет утром в восемь ноль-ноль, — последовал ответ. — И прошу меня не беспокоить.

— Погоди, не отключай, — попросила Алиса. — Ты расскажи нам, как ты себя чувствуешь... ну как ты все видишь...

— Это очень интересно, — сказал Аркаша. — Сама вскоре узнаешь. Ведь нельзя же слепому рассказать про то, как выглядят цветы.

— Тебе не холодно?

— Ты опять за свое! — послышался гневный ответ Аркаши, и связь прервалась.

— Он прав, — сказал Пашка. — Я даже не знал, что в тебе такой сильный материнский инстинкт.

— Я просто беспокоюсь.

— Вот именно. В этом разница между мужчиной и женщиной. Мужчина хочет побыть в одиночестве, а женщина хочет все время давать указания.

— Пашка, это нечестно!

— Двенадцать лет Пашка. И если меня не съест комар, то стану Павлом Николаевичем. И как старший...

— Ты старше меня на один месяц!

— И как старший утверждаю: через неделю ты сама окажешься в травяном царстве. И увидишь, что все опасности сильно преувеличены. Знаешь почему? Потому что ты переживаешь за Аркашу. Когда переживаешь за другого, опасности всегда увеличиваются в десять раз.

— Я пойду поставлю чай, — сказала Алиса.

— Иди, только не думай при этом, какой Аркаша бедненький, потому что у него нет сладкого чая. Скоро он вернется и выпьет сразу двадцать чашек.

Когда Алиса через десять минут принесла чай, Пашка лежал на диване и читал старый латинско-русский словарь. В последнее время у него появилась идея побывать в Римской империи.

Он прошел к столу и взял чашку, не отрываясь от книги. Алисе пить не хотелось. Она смотрела на лес, в котором песчинкой затерялся Аркаша.

— А я знаю, чего тебе хочется, — вдруг сказал Пашка.

— Чего?

— Тебе хочется тихонько сбегать на берег прудика, открыть крышку коробки из-под ботинок и поглядеть, как там маленький Аркашенька спит на кусочке ваты.

— Хочется, — призналась Алиса. — Мне за него страшно.

— Хочешь погладить его пальчиком?

— Нет, — сказала Алиса. — Не хочу. Ты что будешь делать?

— Ты же видишь, я занимаюсь латынью.

Но Пашка Алису обманул. Он взобрался на балкон второго этажа, взял старый бинокль, с которым дедушка Аркаши служил на флоте, и смотрел оттуда на прудик и коробку из-под ботинок, чтобы с Аркашей ничего не случилось.

После ужина Алиса и Пашка по очереди осторожно подбирались к изгороди и глядели из-за укрытия на коробку. Они видели, как Аркаша выходил к прудику, как на него напали комары и он, отмахиваясь, убежал от них и спрятался в коробке.

Тогда комары накинулись на наблюдателей.

— Больше он сегодня не выйдет, — сказал Пашка, отбиваясь от комаров.

— Значит, и мы с тобой можем спать спокойно, — сказала Алиса.

Они вернулись на дачу, но спать не легли, а долго разговаривали, смотрели видик, потом провидеофонили своим домашним — как будто жили на полярной станции. Симферопольская бабушка грозилась приехать утром с пирожками.

А перед сном Пашка все же вызвал Аркашу.

— Помощь не требуется? — спросил он.

— Спокойной ночи, — сказал Аркаша.

Глава 5

НАПАДЕНИЕ СКУНУСИКА

Утром Алиса проснулась от громкого веселого голоса:

— Алисочка! Ты где? Вставать пора! Ваша мама пришла, молочка принесла! Бее-э-э-э!

Алиса вскочила с дивана, на котором спала, и выбежала на веранду, еще не сообразив, что за козочка к ним пожаловала.

Солнце встало, и лучи его били прямо в лицо, птицы оглушительно чирикали и пели, насекомые жужжали, скрипели, пищали, роса высохла на цветах и траве, и оттого в саду был густой зеленый аромат.

Перед верандой стояла бабушка из Симферополя с большой корзинкой в руке.

— Насилу вас отыскала, — сказала бабушка. — Ты мне не рада?

— Доброе утро, — сказала Алиса без всякой радости. — А мама с папой сюда не собираются?

— Нет, они до воскресенья не приедут, — ответила наивная бабушка. — До воскресенья только я буду к вам ездить.

— Зачем?

— Ясное дело зачем. Кормить, одежду привозить, могу и приготовить чего-нибудь вкусненького. От бабушки всегда польза есть. Небось без робота живете, и посуда немытая.

Это была катастрофа.

Тут проснулся Пашка, прибежал на шум, познакомился с бабушкой.

— Нет! — сказал он, узнав о планах симферопольской бабушки. — Ни за что! Алиса, ты же знаешь, что скунусики не выносят постороннего присутствия. Среди них начинаются

жуткие нервные эпидемии! Ваше появление, Лукреция Ивановна, обязательно приведет к экологической трагедии.

— Что он говорит? — спросила симферопольская бабушка.

Но Алиса уже поняла Пашкину подсказку. Это была единственная возможность отправить бабушку домой без скандала.

— Разве я тебе не говорила? — сказала она лисичкиным голоском, сбегая с веранды и принимая из бабушкиных рук корзинку с пирожками. — Паша Гераскин проводит здесь очень сложные опыты со скунусиками. Они такие нервные! Они требуют полного спокойствия — ни одного лишнего человека. Иначе...

— Иначе — смерть, — сказал Пашка. — Вчера к нам случайно забрела корова — они так перепугались, что шесть штук околели за ночь. Шесть штук!

— А во всей Вселенной насчитывается лишь восемьсот сорок две, — подхватила Алиса.

— Восемьсот сорок четыре, — поправил Алису Пашка. — Но я не гарантирую, что, услыша голос незнакомой бабушки, они не станут кидаться в пруд.

— Кидаться в пруд? — растерянно спросила бабушка.

— Да, так они выражают свой протест, — сказал Пашка.

— А... кто они такие?

— Вы не знаете, кто такие скунусики?

— Я газет не читаю, — призналась бабушка, — но ведь Алисочка могла бы и сказать. А она нам сказала, что отдыхать едет. Я же думала, и вправду отдыхать едет... А если эти скунусики ее растерзают?

— Никогда! — ответил Пашка. — Это я вам гарантирую.

— Пока сама не увижу, — заявила бабушка, — не уйду отсюда. Вы — народ молодой, безответственный, а твой друг, Алисочка, по глазам вижу, первостатейный враль. И тебя врать учит.

— Я? Ее? — возмутился Пашка. — Да она сама сто очков вперед кому угодно даст.

— И плохой ты джентльмен, Паша, — добавила бабушка. — Даже не понимаю, как тебе доверили разводить скунусиков. Ты же их испортишь. Давай показывай. Не верю я, что ты о них хорошо заботишься.

— Они спят, бабушка, — сказал Пашка. — Я же сказал, что их нельзя беспокоить.

— Ох, грехи наши тяжкие, — вздохнула бабушка и, видно, собралась уходить. Но что-то в ее поведении Алису смущало — бабушка на глазах стала слишком простоватой, почти сказочной бабусей. А ведь еще вчера она была самой обыкновенной пожилой женщиной, которая пудрила носик, собираясь в консерваторию.

Но ни взглядом, ни словом Алиса не успела предостеречь Пашку, потому что вдруг бабушка подняла к небу руки, словно защищаясь от какой-то опасности, и Алиса увидела, что из листвы на бабушку бросилось отвратительное создание, какого раньше ей видеть не приходилось. Оно было похоже на летучую мышь размером с кошку, у него был длинный голый цеплючий хвост и сильные, покрытые чешуей, зеленые лапы с длинными когтями.

— На помощь! — закричала бабуся. — Уберите своих скунусиков!

Но Пашка и Алиса стояли как молнией пораженные. Ведь скунусики были плодом воображения Пашки Гераскина, и, ясное дело, никогда раньше никому не приходилось видеть воображаемых животных. Впрочем, чудища, напавшего на симферопольскую бабушку, они тоже никогда не видели.

Зрелище было жуткое: маленькая сухонькая симферопольская бабушка носилась по лужайке перед дачей, чудище пикировало на нее, и бабушка еле успевала увертываться от растопыренных когтей.

Первым пришел в себя Пашка. Он оглянулся в поисках оружия и увидел возле веранды грабли. Одним прыжком Пашка перемахнул через перила веранды, схватил грабли и стал отгонять чудище от уставшей бегать бабушки. Чудище старалось схватиться за зубцы грабель или вцепиться в Пашку, но Пашка махал так энергично, что оно вынуждено было отступить и погнаться за симферопольской бабушкой. Пашка побежал за чудищем. Они мчались по тропинке, Алиса — за ними, они по очереди перемахнули через живую изгородь, и тут Алиса поняла, что все они намерены пробежать через коробку из-под ботинок.

И растоптать ее.

Алисе ничего не оставалось, как кинуться вперед, обогнать остальных, подхватить коробку и броситься, прижимая ее к груди, в кусты.

Остальные продолжали сражаться.

Из своего укрытия Алиса заметила, как зубцы грабель пронзают чудище, но никакого вреда ему не причиняют.

В коробке кто-то задвигался. Алиса спохватилась, что разбудила Аркашу.

— Аркаша, спокойно, — сказала она, нагнувшись к короб-

ке. — Не обращай внимания, спи. Сейчас Пашка управится со скунусиком, и я поставлю тебя на место.

В ответ послышался возмущенный писк.

— Я понимаю, что противно, когда тебя будят таким образом, но пойми — они обязательно бы тебя растоптали.

И тут Алиса ахнула: из-за отскочившей от Пашки бабушки вылетели еще два чудища и кинулись на Пашку.

— Сзади, Пашка! — крикнула Алиса.

Пашка еле успел обернуться и отмахнуться от новых врагов.

Три чудища нападали на него яростно и быстро. Пашке приходилось вертеть граблями, как пропеллером, и силы его были на исходе.

— Аркаш, я тебя пока отставлю, — сказала Алиса, ставя коробку на землю и оглядываясь в поисках какой-нибудь палки.

Пашка уже шатался от усталости — еще минута, и он вынужден будет опустить руки. Тут ему и конец — чудища его не пощадят.

«Как глупо, — подумала Алиса, — пройти всю Галактику и погибнуть под Москвой, на даче старого друга, от чудищ, которые почему-то прилетели вслед за симферопольской бабушкой. А почему они прилетели вслед за бабушкой?»

Алиса не нашла ничего более солидного, чем сухая сосновая ветка. С ней она и кинулась на помощь Пашке.

Но именно в этот момент твари улетели — так же внезапно, как появились, словно растворились в воздухе.

Пашка, не веря своим глазам, крутил головой. Потом уронил тяжелые грабли и сел на траву рядом с ними. Симферопольская бабушка вылезла из кустов, где она пряталась.

— Ужасти-то какие, — сказала она. — Я уж думала — помрем мы все.

— А что это было? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

— Как что? — сказала бабушка. — Так твой дружок сказывал: скунусики! Какие не подохли от волнения и переживаний, те вот и разлетались!

— Какие еще скунусики! — воскликнул в сердцах Пашка. — Нет никаких скунусиков.

— Все померли? — спросила симферопольская бабушка.

— Никто не помирал! Нет их и не было.

— А куда ж делись?

— Я их придумал!

— Ой, как нехорошо старуху пугать, — расстроилась симферопольская бабушка. — Ты их придумал, а они чуть меня не заклевали.

— Скунусики, которых я придумал, не могут вас заклевать! — пытался втолковать Пашка непонятливой бабушке. — Нет их, понимаете?

— А с кем же ты воевал?

— Не знаю.

— Так ты же со скунусиками воевал.

— А вы откуда знаете? — спросила Алиса.

— А кто их, подлецов, не знает, — удивилась симферопольская бабушка, — очень они нервные. Как какая бабуся приедет, они сразу дохнут...

Бабушка поглядела вокруг, вздохнула и добавила:

— Я в молодости и не таких делала.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Это ты чудищ сделала, да? Это был гипноз?

— Какой такой гипноз? — возразила бабушка. — Это голографические почки. Мое изобретение. Я всегда с собой их в сумке таскаю.

Бабушка вытащила из сумки маленький орешек, меньше лесного.

— Подвижные голограммы с программным управлением, — сказала она звонким театральным голосом. — Мы сжимаем двумя пальцами почку, приводя ее в действие...

Бабушка подкинула в воздух орешек, и на его месте образовался немалого размера дракон, который был во всем натурален. Он медленно поворачивал головой, как бы разыскивая жертву. А бабушка тем временем подкинула в воздух второй орешек, и он превратился в молодого рыцаря на белом коне. Рыцарь был вооружен длинным копьем и готов к бою. Дракон тоже не трусил — он ударил по земле хвостом и двинулся навстречу противнику. Удивительно только, что вся эта сцена происходила в мертвой тишине.

— Я с этой программой, — сказала бабушка, — всю Галактику облетела. А уж что касается каких-то там банальных скунусиков, то я их с собой кучей ношу. — Бабушка подкинула горошину, и еще одно чудище начало порхать над сражающимися драконом и рыцарем. — Мне они для чего нужны? Мне они нужны, чтобы кошек отгонять, — закончила бабушка, — а то они моего попугая дразнят.

Затем она при молчаливом изумлении присутствовавших щелкнула три раза пальцами. Дракон скукожился, собрался в

точку. Еще раз щелкнула пальцами — и рыцарь вернулся в скорлупку. Наконец спрятался в горошине и скунусик.

— Мне пора, — сказала бабушка. — Надеюсь, что Паша не очень устал махать граблями.

— Это моя обычная зарядка, — мрачно сказал Пашка, который не выносил, если над ним смеялись.

— До свидания, — сказала бабушка. — Если захотите пирожков, позвоните мне, я всегда буду рада испечь вам чего-нибудь вкусненького.

— Прости нас, — сказала Алиса.

— За что? Мы квиты, — ответила бабушка. — Вы хотели меня обмануть, чтобы я поскорее отсюда улетела. Я тоже вас обманула, сделав видимость страшилищ, с которыми вы сражались, как с настоящими. Но главное — не сбежали. Так что теперь я за вас спокойна.

Сказав так, симферопольская бабушка попрощалась и пошла к своему флаеру, что стоял на дачной улочке.

— А я с самого начала понял, что это голограммы, — сказал Пашка. — Но решил: а почему бы мне не размяться?

— Скунусик, — сказала Алиса, — типичный скунусик.

— А что?

— Нет более лживых насекомых, чем скунусики. Наше счастье, Павел Гераскин, что у моей симферопольской бабушки есть чувство юмора.

Пашка отвернулся и стал смотреть на спокойную гладь прудика. Вдруг глаза его стали круглыми.

— Алиса! — воскликнул он. — Где Аркашин дом? Она его унесла!

— Не беспокойся! — сказала Алиса, доставая из кустов коробку из-под ботинок. — Просто ты так прыгал, что наверняка бы растоптал Аркашу.

— А я испугался. Мне в ней показалось что-то зловещее. Понимаешь, она все время изображала какую-то древнюю бабусю из леса, а я видел перед собой нормальную женщину. И это меня насторожило.

— Недостаточно насторожило, иначе бы ты не стал врать про скунусиков.

— А славных скунусиков она умеет делать! — рассмеялся тут Пашка. — Надо было у нее парочку попросить. Я бы из них сделал себе личную охрану. На особо опасных планетах.

— Потом попросишь, — сказала Алиса, ставя коробку на место.

Тут же из дверцы выскочил голенький Аркаша ростом со спичку и, подпрыгивая от негодования, стал грозить Алисе кулачком.

— Аркаша, спокойно, — сказал Пашка. — Тебя же защищали. Больше тебя никто не будет обижать.

Но Аркаша не унимался — видно, сильно рассердился.

— Тогда пойди и надень штаны, — сказал Пашка. — Неприлично выступать перед девушкой в таком виде.

Эти слова подействовали на Аркашу. Он тут же кинулся обратно в коробку.

Так начался второй день экспедиции в Страну дремучих трав.

Глава 6

МОРДАШКИН, ПОЩАДИ РЕБЕНКА!

День продолжался куда обычнее, чем начался.

Аркаша, высказав на утреннем сеансе связи все, что думает об Алисе, взял большую булавку и пошел искать волоски для кисточек. Для этого он решил воспользоваться паутиной. А так как пауки могли возражать против грабежа, Аркаша искал паутину старую, брошенную. Алиса попыталась предостеречь Аркашу, чтобы он был поосторожнее с пауками — а то попадешь в паутину, запутаешься, вот тебе и конец придет...

Выслушав такое предостережение, Аркаша отключил связь, а Пашка в ответ на Алисины упреки сказал, что Аркаша абсолютно прав. Ни один мужчина не выдержит такой опеки.

На пульте в комнате горел зеленый огонек — все в порядке. Аркаша обещал далеко от коробки не отходить. Пашка пошел купаться — но не на маленький прудик, на берегу которого стоял дом Аркаши, а на озеро, за километр. И сказал, что вернется к обеду. Алиса стала было готовить обед, но не могла не думать об Аркаше. Ей все чудилось, что он лезет по паутине, а громадный паук-крестовик, а то и тарантул, подстерегает Аркашу.

Наконец Алиса не выдержала. Она притушила плиту и тихонько, надеясь, что Аркаша ее не заметит, начала подкрадываться к его убежищу. Все-таки лучше быть рядом и, если надо, прогнать тарантула.

Алиса прокралась вдоль изгороди — она понимала, что ей куда труднее увидеть Аркашу, чем Аркаше увидеть ее. Мура-

вей всегда скорее заметит медведя, чем медведь — муравья. Алиса опасалась приблизиться к прудику, чтобы не вызвать новой вспышки Аркашиного гнева.

Когда до прудика, отделенного от нее живой изгородью, оставалось совсем чуть-чуть, Алиса легла на землю и поползла по-пластунски. Порой она останавливалась и прислушивалась. За изгородь она заходить не смела, потому что Аркаша, конечно же, услышит шум, который она поднимает. Она проползла еще немного, так что теперь между ней и коробкой был только прудик — почти круглый, метров пять в диаметре. Один берег, на котором стояла коробка из-под ботинок, был высоким и крутым, а с той стороны, где ползла Алиса, он был совсем плоским, зарос осокой, из которой поднимались стрелы камыша.

Утренний мир прудика и леса был деловитым, шумным и даже крикливым — кто только не летал, не ползал и не плавал вокруг. Каково Аркаше — ему все время приходится быть настороже.

На руке у него браслетик — чудо техники. По нему Аркашу всегда можно найти.

Алиса чуть приподнялась над травой, чтобы получше разглядеть дальний берег, и тут замерла: она увидела Аркашу, разглядела его, высмотрела крошку, когда он, волоча за собой, как трос, паутинку, пытался оторвать ее от сети.

Но, по крайней мере, Алисе стало спокойней — Аркаша жив-здоров. Очень хотелось помочь ему оторвать и отнести в коробку паутину, но нельзя. Остается только лежать в траве, терпеть комариные укусы и мысленно уговаривать пауков не нападать на человечка.

Прошло минут десять, прежде чем Аркаша справился с паутиной, но когда он потащил добычу домой, Алисе пришлось тихонько уползти, а то бы он ее обязательно увидел.

Пашке, когда тот вернулся, искупавшись, она о своих переживаниях рассказывать не стала.

— Жизнь постепенно входит в обычное русло, — сказал Пашка. Он прошел к пульту и вызвал Аркашу.

Аркаша долго не отвечал — минуты три.

— Ты что, заснул? — удивился Пашка.

— А зачем вызываешь?

— Контрольный вызов, — сказал Пашка. — Это же естественно.

— Тогда считай, что я спал.

— Это ложь, исследователь Сапожков, — сказал Пашка. —

Вы попросту сняли браслет-передатчик, в чем выразилось ваше легкомыслие.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ни один нормальный человек не может все время таскать такой браслет. Но пойми, Сапожков, ты находишься в зоне повышенного риска, и мы несем за тебя ответственность.

— Перед кем?

— Перед твоими родителями, перед всеми твоими многочисленными родственниками и, наконец, перед человечеством, которое мечтает увидеть мини-картины, созданные гением Сапожкова.

Пашка говорил так серьезно, что Аркаша оторопел. По крайней мере, он молчал минут пять. Потом сказал:

— Все равно не буду таскать браслет. Он тяжелый. Он мне мешает.

— Тогда я прерываю эксперимент, — заявил Пашка.

— Это еще как?

— Как? Проще простого. Алиса, сбегай к прудику, там возле коробки из-под ботинок бегает мелкое существо чуть побольше муравья. С ужасным, вздорным характером.

— И что надо сделать, командор? — спросила Алиса.

— Возьми его двумя пальцами, принеси сюда, сунь в кабину и запусти в нее увеличивающий газ.

— Я спрячусь! — донесся Аркашин голосок. — Вы меня не найдете.

— Тогда, исследователь Селезнева, я попрошу вас отыскать беглеца, но не увеличивать его, а посадить в ванну. На три дня.

— А воду напускать?

— Насчет воды мы с вами решим позже.

— Сдаюсь! — засмеялся Аркаша. — Ладно уж, буду таскать этот браслетище. Из уважения к страданиям Пашки.

— А теперь докладывай, как провел день, — сказал Пашка.

— День еще не кончился, — ответил Аркаша. — Но события были. Сначала я искал старую паутину. Потратил, наверное, целый час.

— Нашел? — спросил Пашка.

— Нашел, еле живой ушел. Я ее стал резать, а на ней такие липкие комки — на них жертвы и попадаются. Я тоже немножко попался... Хорошо еще, что хозяин не поспел...

— Кисточки сделал?

— Сделал, только они очень мягкие. Я тут придумал пожестче. Я видел на одной гусенице волоски — как раз что мне нужно. Я собрался ее искать, когда Пашка меня вызвал.

— Только осторожнее! — взмолилась Алиса.

— Обещаю, — сказал Аркаша. — Да и что может случиться? Я же возле коробки... Ой! На помощь!

И больше ни звука.

Алиса от растерянности помедлила, может быть, пять секунд — не больше. Пашка — ни секунды. Еще не оборвался крик о помощи, как он перемахнул через перила веранды и помчался большими прыжками по тропинке.

Но когда Алиса догнала его, стоявшего между изгородью и коробкой из-под ботинок, вокруг было пусто — ни следа Аркаши.

— Тш-ш-ш, — предупредил Пашка. — Он где-то здесь, он же рядом с коробкой...

— Я боюсь, — прошептала Алиса.

— Ти-ш-ше!

Но вокруг и без того было тихо, если не считать жужжания насекомых и пения птиц.

«Зачем трава такая высокая? — подумала Алиса. — Здесь человека не разглядишь...» Вот что-то шевельнулось в траве.

Алиса кинулась было туда, но Пашка прошептал:

— Нет, я видел, это Мордашкин играет.

Мордашкин был соседским котенком, добрым, ласковым, пушистым.

Пашка начал осторожно двигаться в другую сторону. Но Алиса остановилась. Котенок Мордашкин! Ведь он — только для нее с Пашкой котенок. А для Аркаши... разве он котенок для Аркаши?

Алиса быстро шагнула в ту сторону. Котенок Мордашкин возился в невысокой мягкой траве. Он лежал, прижавшись животом к земле, резко поводя хвостом из стороны в сторону. Передние лапы его были протянуты вперед, как у египетского сфинкса, а между ними металось какое-то маленькое существо — может быть, мышонок, вставший на задние лапы. Вот этот мышонок кинулся вправо — Мордашкин играючи приподнял лапку и наподдал мышонку так, что тот упал.

И пока медленно поднимался, Мордашкин, склонив голову, весело глядел на жертву.

— Негодяй! — закричала Алиса. — Сейчас же брось! Ты что, с ума сошел! Ты что, не видишь, что это человек?

Котенок поднял голову — глаза у него были отчаянные. Он понял только, что у него хотят отобрать игрушку. Быстрым движением котенок схватил Аркашу зубами и кинулся бежать, столбиком подняв хвост.

— Пашка! — кричала Алиса, метнувшись за котенком. — Он здесь!

Пашка уже все понял. В два прыжка он опередил Алису и перепугал котенка до смерти. Но Мордашкин решил не сдаваться. Он сам нашел и поймал человечка — зачем он должен его отдавать?

Они обогнули пруд, вбежали в березовую рощу.

Котенок хотел было взобраться на березу, но сообразил, что с Аркашей в зубах ему это сделать труднее.

— Гони к пруду! — крикнул Пашка.

Алиса отрезала котенку дорогу к густому кустарнику, куда он хотел было спрятаться, и пришлось Мордашкину бежать к прудику. Алиса и Пашка сближались.

И тут котенок понял, что его не оставят в покое, и отпустил Аркашу. Тот упал в воду, у самого берега. Мордашкин не спеша потрусил домой, будто его ничто не интересовало.

Пашка по-вратарски упал вперед, чтобы дотянуться в прыжке до Аркаши. Но опоздал. Аркаша бесчувственно, не сопротивляясь и даже не двигаясь, стал опускаться под воду.

Какая-то небольшая птица, решив, видно, что это червяк, спикировала сверху, но не успела его схватить и, чуть не коснувшись воды, взлетела вверх. Алиса увидела, как к Аркашиному телу из глубины воды плывет серебряный окунек. Но тут Пашка подвел ладони под Аркашу и осторожно, но быстро вытащил его из воды.

Он сел, держа сомкнутые ладони перед собой, как будто протягивал Алисе драгоценность, и Алиса хотела было взять Аркашу из рук Пашки, чтобы понять, жив ли он...

И в тот момент, когда руки Пашки и Алисы встретились, Аркаша вдруг оперся ручками о ладонь друга, медленно сел и начал кашлять. Алисе, как под увеличительным стеклом, было видно, что Аркаше очень плохо!

— Эх, хлопнуть бы его по спине как следует! — произнес Пашка.

— И думать не смей! — ответила Алиса. Великое облегчение овладело ею. Аркаша жив и даже цел!

Постепенно Аркаша успокоился — кашель прошел, и Павел отнес его к коробке.

Аркаша с трудом сделал три шага до входа в свой дом, закинул голову, поглядел на друзей, потом показал рукой в сторону дачи и скрылся в коробке.

Алисе хотелось снять с коробки крышку и поглядеть, как Аркаша будет там устраиваться, но Пашка сказал:

— Пошли домой. Он будет с нами по связи говорить.

Они поднялись на террасу. Аркаша уже был на связи.

— Все в порядке, — сказал он. — Я даже не разбит, и крови нет. Честное слово. Сейчас полежу немножко, отдышусь и снова за дела.

— Аркаша, миленький, — попросила Алиса, — давай мы тебя увеличим, ну хотя бы на полчасика.

— Зачем?

— Посмотрим, где ты раненный. Ты же побывал в когтях льва! Сейчас у тебя шок, поэтому ты еще не чувствуешь боли.

— Мордашкин не делал мне больно, — сказал Аркаша. — Может быть, от меня все-таки пахнет человеком.

— Но он тебя ронял, — сказала Алиса.

— Не будем спорить, — ответил Аркаша тоном настоящего мужчины. — Если мне будет плохо, я вернусь и сам приму решение. А сейчас отстаньте от меня на полчаса. Добро?

— Отстали, уже отстали, — сказал Пашка. — Но дай нам слово, что будешь смотреть по сторонам.

— Даю слово, — сказал Аркаша. — А то в следующий раз Мордашкин утащит меня и загрызет. Бр-р-р!

Алисе стало так жутко, что она вышла из комнаты. Ее друг находился в зубах хищника, и тот мог спокойно его загрызть. Совершенно спокойно. Котенок Мордашкин загрыз семиклассника Аркадия Сапожкова!

— Алиса, — позвал ее Пашка, который быстро умел успокаиваться. — Что у нас с тобой на обед?

Глава 7

АРКАША ИСЧЕЗ!

До вечера ничего особенного не произошло. Аркаша браслета не снимал и все время поддерживал связь с Алисой.

Пашка, видя, что все пришло в норму, снова ушел купаться, потом занялся своими делами — он начал уже готовиться к тому дню, когда и сам уменьшится до размеров Аркаши. И со-

ответственно своему характеру решил как следует вооружиться. Он забрался в мастерскую, которую Аркашин дедушка устроил в сарайчике за домом, и там принялся выпиливать себе меч меньше двух сантиметров длиной.

Аркаша тем временем отыскал неподалеку от своего убежища заросли клевера и, выбрав цветы пониже, нагибал их к себе и высасывал из них нектар. Потом утверждал, что это очень вкусно. А когда стало прохладнее, он уселся на берегу прудика и нарисовал первый в мире микропейзаж, автор которого в сидячем положении возвышался лишь на два сантиметра над землей.

Порисовав, Аркаша пошел погулять к прудику. Алиса категорически возражала против того, чтобы он выходил на открытое место — в любой момент может прилететь ворона или вернется Мордашкин. Но Аркаша сказал, что он будет настороже и не выпустит из рук большой булавки.

Зловредный Мордашкин возник в окрестностях коробки ближе к вечеру и решил немного поохотиться на Аркашу. Аркаша благоразумно отступил к коробке.

— Странно это, — сказал он Алисе по связи. — Я вижу Мордашкина, знаю, что это котенок, что он сейчас сидит на том берегу прудика и облизывает лапу. Вроде бы все обыкновенно. Но сейчас он углядел меня и, вместо того чтобы подойти к моей ноге и приласкаться, как положено, он несется схватить меня и растерзать...

На этом Аркаша закончил свой монолог, потому что ему пришлось спрятаться в коробке. Мордашкин не выдержал.

— Мордашкин, не смей качать мой дом! — услышала Алиса голос Аркаши.

Алисе все-таки пришлось сбегать к прудику и отогнать Мордашкина, который хотел забраться в коробку и достать оттуда Аркашу.

Она шлепнула Мордашкина и предупредила его по-честному:

— Смотри, когда Аркаша станет большим, он тебе покажет!

Котенок отбежал, уселся и стал смотреть на Алису, склонив голову набок. И тут Алиса поняла: этот негодяй каким-то образом догадался, что и она сама через несколько дней станет маленькой и будет жить в этой коробке. А если так, то он не прочь поохотиться и на Алису.

Перед сном Алиса еще разок поговорила с Аркашей, кото-

рый сидел у входа и при вечернем свете записывал свои мысли в дневник обломком тонкого чертежного грифеля.

За ночь тоже ничего не случилось.

Аркаша проснулся рано и сообщил, что хорошо выспался, только пришлось забаррикадировать вход в коробку, потому что туда проникли два комара. И пока он их не победил, о сне нечего было и думать. Комары улетели на рассвете, и тогда Аркаша заснул.

Пашка после завтрака помчался на флаерную станцию — ему надо было сгонять в Москву в Исторический музей, чтобы взять там рисунок арбалета.

Алиса отыскала в шкафу тоненькие тряпочки и сшила из них плащики и для себя и для Аркаши с Пашкой. Плащики были устроены очень просто: материя складывалась пополам, наверху прорезалось отверстие для головы, а с боков плащики были прихвачены ниткой, так что руки оставались голыми, — они немного походили на плащи, которые носили три мушкетера.

Потом Алиса вызвала Аркашу на связь и спросила, не голодный ли он? Она готова принести ему завтрак.

Аркаша с негодованием отказался, заявив, что он не в детском саду.

— Ладно, — сказала Алиса, — я и не ждала, что ты согласишься. У меня есть для тебя подарок — я сшила тебе плащ. Принести?

— Вот это здорово! — обрадовался Аркаша. — Принеси, пожалуйста. Я как раз мастерю себе сандалии из коры.

Алиса прошла на кухню, принесла оттуда чай и сгущенное молоко. И только хотела сесть за стол, как случайно взгляд ее упал на пульт. Там горела красная лампочка — сигнал тревоги.

Алиса кинулась к пульту, включила вызов:

— Аркаша, откликнись! Аркаша, что с тобой?

Молчание.

— Аркаша, не молчи, пожалуйста!

Молчание.

Алиса кубарем скатилась с веранды, добежала до прудика. Где Мордашкин? Его надо было запереть.

И тут она увидела, что Мордашкин сидит на бочке для дождевой воды и умывается.

Значит, не котенок! Почему-то она почувствовала облегчение.

Вот и коробка.

— Аркаша!

Алиса знала, что Аркаша разговаривал с ней из своего укрытия. И это было всего пять минут назад.

Алиса сняла с коробки крышку.

В коробке никого не было.

Но даже с первого взгляда было ясно, что там произошло отчаянное сражение: ватная постель Аркаши разорвана в клочья, листы бумаги раскиданы и помяты, коробочки и ванночки с красками опрокинуты, разломанный браслет связи валяется у входа.

Значит, кто-то смог проникнуть в небольшую дверцу, внутрь коробки, кто-то, кто был сильнее Аркаши. Этот таинственный незнакомец одолел Аркашу и утащил его. Мордашкин или другой котенок в дверь бы не пролез. Не пролезла бы и птица. Змея?

Алиса даже зажмурилась — так явственно представила себе гадюку, которая вползает в открытую дверь коробки, обвивает своими кольцами беспомощного Аркашу и уносит его... Погоди! Алиса открыла глаза. Но ведь у нас гадюки не водятся! Даже маленькие! Змея могла напасть на Аркашу, но не могла унести его... Кто? Какое-то животное?

Но дверца в коробке была так мала, что вряд ли кто-нибудь крупнее, чем мышь-полевка, мог туда пробраться...

«Что же я теряю время?»

Надо искать вокруг... по следам. Земля влажная — наверняка на ней остались следы!

Алиса присела на корточки, стала разглядывать землю вокруг коробки. Вроде бы были следы — махонькие углубления в земле. А может быть, это и не следы? Надо притащить сильную лупу... Но есть ли на даче сильная лупа? Вряд ли. По крайней мере, за последние два дня Алиса не видела никакой лупы. Вот примяты травинки — но разве разберешь? Для того чтобы понять, как двигалась спичка через джунгли травинок, надо быть такой же спичкой, а не спичечной фабрикой.

Алиса на цыпочках, глядя под ноги — только бы не наступить на друга, вышла на берег прудика и огляделась, снова присела на корточки и, склонив голову к самой траве, заглянула под нижние ветки кустов, в гущу трав. Она разводила пальцами стебли и через несколько минут напрасных поисков поняла, что Аркашу она так не найдет и не спасет. И чем яснее она это понимала, тем жутче ей было: пропадет Аркаша навсегда — в когтях ли кота, в пасти змеи или в клюве вороны.

Как ты объяснишь это Аркашиным родителям, которые буквально молятся на сыночка? Да, скажешь ты, мы оставили его без присмотра в мире дремучих трав и даже не знаем, что с ним случилось. Но неужели вам не было ясно, как опасно безоружному человечку одному жить в траве? Почему вы не остановили его силой, после того как на него напал котенок?

Нет, поняла Алиса, она не может вернуться в Москву и увидеть старших Сапожковых, не сможет поглядеть в глаза своей учительнице Светлане и друзьям в классе и на биостанции...

— Аркаша! — закричала Алиса изо всей силы. Хотя отлично понимала, что, даже если Аркаша сможет откликнуться, она не услышит его голоса.

Может, и в самом деле Аркашу тащит себе в нору какой-нибудь барсук, а пленник старается оставить следы: вот он сделал зарубку на стволе — то есть на травинке, вот он кинул камень — то есть песчинку.

И Алиса так явственно себе это представила, что тут же помчалась обратно к дому. Как она могла потерять столько времени! Единственный выход, единственное спасение для Аркаши — стать такой же, как он, чтобы видеть все глазами лилипута. Только так его можно спасти.

Через минуту Алиса уже была в комнате. Она метнулась к пульту, на котором все горел красный огонек тревоги, потом в другую комнату, схватила свой плащик, который сшила так недавно, потом кинулась к столику, за которым вчера вечером Пашка мастерил для себя меч. Вот он — чуть больше ногтя, — только бы не потерять его... Алиса завернула меч в плащик. Все это и еще булавка, которая пригодится в том мире, да кусочек шоколадки...

Время шло. Уже прошло почти десять минут, как пропал Аркаша. А каждая секунда могла решить его судьбу. Алиса не стала думать — забыла ли она чего-нибудь или нет...

Только выбегая с веранды, поняла: забыла! Обязательно надо оставить записку Пашке. Ведь он ничего не знает.

Алиса включила видик и сказала, глядя на экран:

— Пашка, Аркаша исчез! Я ухожу туда, чтобы его искать. Оставайся на связи — твоя помощь может оказаться решающей. Родителям — ни слова!

Алиса выбежала к красно-белой полосатой кабине, что мирно стояла перед верандой, как пограничная будка.

Она открыла люк и хотела было забраться внутрь. Но сообразила, что из этого ничего не выйдет. Ведь если в самом

деле она станет маленькой, как Аркаша, то ее буквально погребет под собой ее нынешний костюм — брюки и куртка, носки и тапочки, наручные часы придавят ее, а заколка в коротких волосах пронзит, как сабля.

Алиса положила заколку на траву, разулась, потом оглянулась — никого поблизости, даже любопытного Мордашкина нет. И все равно было неловко раздеваться догола. Алиса даже сделала шаг, чтобы спрятаться за кабину, — но ведь неизвестно, с какой стороны раздеваться безопаснее.

«Алиса, — сказала она себе, — ты с ума сошла — терять время на такие глупые рассуждения! Три-четыре-пять!» Она скинула все с себя и нырнула в темное нутро кабины.

Металл сиденья был холодный, даже садиться неприятно. Очень тесно, коленки упирались в стенку, мешал угол пульта. Главное было — не потерять то, что держала в горсточке, — плащ, шоколадку, меч и булавку.

Алиса нажала на кнопку «Люк». Люк закрылся и чмокнул, присасываясь к оболочке. «Как бы тут не задохнуться», — подумала Алиса, но тут же в темной кабинке запахло свежими огурцами. «Странно, — подумала Алиса, — а скоро они пустят газ?» Но газа не было — только запах огурцов все усиливался, словно кто-то рядом их резал для салата. В кабине было не совсем темно — стены слегка светились, и пульт был зеленым, словно заполненный подсвеченной водой. Стрелка содержания газа в воздухе поднялась почти до предела.

«Значит, я дышу газом, — поняла Алиса, — и это он так пахнет. Что ж, это правильно. Хуже было бы, если бы газ пахнул чесноком или аммиаком. Интересно, сколько времени займет уменьшение?» Алиса совсем не боялась — наоборот, она спешила, она подгоняла время. Она понимала, как много от нее теперь зависит.

Но хронометр на пульте не спеша отсчитывал секунды, ничего интересного не происходило, и в голову начали проникать посторонние мысли: а вдруг сейчас снова заявится симферопольская бабушка? Войдет в комнату, прочтет Алисину записку — представляете, какой поднимется гомон вокруг! Они же все кинутся искать пропавшую девочку, пустят собак по следу...

Пульт почему-то увеличился и начал отодвигаться от Алисы, поднимаясь кверху. Наверное, от плохого освещения у нее начались зрительные галлюцинации. Пульт медленно уплывал

вверх, — и вот она уже смотрит на него снизу. Как это могло случиться?..

Ну до чего же ты, Алисочка, глупая! Забыла, зачем забралась в эту кабину? Газ действует! Ты теперь стала меньше ростом, чем была.

Алиса попыталась встать, и ей это отлично удалось — она даже не доставала головой до верха кабины. Она подняла руку, чтобы дотронуться до потолка, но рука не достала, и с каждой секундой потолок уходил все дальше, словно Алиса опускалась вниз, стоя на какой-то платформе.

И тут стало страшно. Сама не ожидала, что испугается, но испугалась — от неуверенности в том, удастся ли вернуться в свой размер и в свой мир, мало ли что случится? Вдруг останешься крохотулей. Два лилипутика на всей планете — она и Аркаша, будут они жить в коробке из-под ботинок, выращивать тлей, бегать от пчел, смертельно бояться кота, а со всех сторон к ним будут приезжать экскурсии, смотреть на них сквозь специальные увеличительные стекла и протягивать сквозь решетку крошки хлеба. А на решетке, конечно же, будет надпись: «Кормить Алису и Аркашу строго запрещается. У них из-за вас хроническое расстройство желудка». Мама будет приходить каждый день, сидеть в сторонке и тихо плакать...

Алисе стало так себя жалко, что она чуть не расплакалась. Но плакать было некогда — Алиса понимала, что, как только уменьшение закончится, надо бежать к Аркаше на выручку.

Но когда оно закончится? Оказалось, что вокруг нет ни одного ориентира, по которому можно было бы догадаться, какого ты размера.

К тому же свет совсем ослаб и неясно было — где верх, где низ, где выход. Что-то мягкое и громоздкое мешало смотреть — Алиса стала отталкивать эту груду материи, наткнулась на здоровенную железяку — хорошо еще, что тупую. Какой-то дурак подсунул сюда это барахло... И тут же голова сообразила: какой дурак мог подложить, если всего несколько минут назад Алиса еле уместилась в эту кабину, сжимая в кулачке свое добро... Так это ее добро! Это ее плащ, меч и копье. А где же шоколад? Еще растает — хороша она будет, вся в шоколаде!

Алиса расправила плащ — он был великоват, но не очень. Можно было одеваться.

Она быстро продела голову в отверстие — какая грубая ткань, просто дерюга!

И меч... Она подняла меч. Тяжелый, страшно неудобный. Как мог Пашка так неаккуратно сделать рукоять — держать невозможно! «Ах какая я глупая! — подумала Алиса. — Я совсем забыла взять плащ, который сшила для Аркаши!»

Ворча про себя, Алиса подобрала с пола пакет с куском шоколада — пакет еле вместился в карман, пришитый спереди плаща. Алиса стала похожа на маму-кенгуру.

Раздался щелчок. Запах свежих огурцов пропал. Высоко-высоко, куда уплыл пульт, что-то звякнуло. И тут же в полу, в бывшем сиденье, открылся люк — раньше его не было видно, и Алиса о нем забыла.

Она подошла к люку — это был глубочайший колодец, к стене которого были приклеены скобы.

— Эй! — крикнула Алиса вниз.

Эхо отозвалось:

— Э-э-эй...

Как неудобно — и булавка, и меч, и пакет с шоколадом, — так никогда не спуститься. «А спускаться надо... давай посчитаем: высота от сиденья до земли примерно сорок сантиметров. Значит, десять раз мой теперешний рост. Если сорвешься, костей не соберешь!»

Алиса легла на живот, опустила ноги вниз, нащупала пальцами скобу и перенесла на нее вес тела. Потом подобрала лежавшие на краю меч и копье — тяжеленные железяки, которые всего пять минут назад были такими маленькими, что приходилось сжимать их в кулаке, чтобы не потерять.

Алиса спускалась медленно — в одной руке меч и булавка, а другой она держалась за выступы. Пакет с шоколадом в кармане страшно мешал, цепляясь за выступы... Она проклинала саму себя — надо же иметь такую садовую голову, кочан капусты, чтобы тащить все тяжести с собой в кабину, вместо того чтобы оставить их на земле у выхода, как делает любой нормальный человек!

Когда Алиса поняла, что больше не сможет сделать ни одного движения, ей пришла в голову интересная мысль: а почему она должна тащить эти жутко тяжелые железяки в руке и погибать от этого, когда тот же самый меч и булавка могут отлично путешествовать вниз своим ходом. Придя к такому выводу, Алиса разжала пальцы, и ее оружие со звоном и гулом, ударяясь о стенки колодца, полетело вниз, и вскоре звон этот закончился громкими ударами — теперь меч и булавка ждали ее внизу.

Остаток спуска превратился в легкую прогулку. Внизу она подобрала оружие, которое уже не казалось таким тяжелым.

Выход из кабины открылся, как только Алиса подошла к нему. В глаза, отвыкшие от яркого света, ударило солнце.

Одним лилипутом на свете стало больше — Алиса вошла в Страну дремучих трав.

Глава 8

В ПОИСКАХ АРКАШИ

Ощущение было невероятное. Даже обидно, что ей приходится выходить в этот мир при таких печальных обстоятельствах.

Казалось, что даже небо стало куда выше. Впрочем, это было единственным, что связывало Алису с прошлым, — небо. Больше ничего узнать было нельзя.

И не в том дело, что одна вещь стала больше, а другая много больше, — просто все стало настолько иным, что и сравнивать-то было не с чем.

Алиса стояла возле гигантской красной с белым полосатой башни, которая возвышалась над лесом, вызывавшим в памяти заросли тропического бамбука, которые она видела в Индии.

Эти растения покачивались, шевелились, потому что были лишены твердых стволов, к тому же они кишели различного рода существами, большей частью небольшими, но среди них попадались и гиганты — ростом с Алису и даже больше.

Алиса отлично понимала, что она смотрит на заросли травы, окаймлявшие тропинку, но глаза отказывались верить, что трава может вымахать высотой в трехэтажный дом.

Алиса как бы оказалась в двух мирах. Первый — ее память. Она помнила о том, как эта тропинка, как эта трава и даже кабина выглядят с точки зрения обыкновенного человека. Но совсем иное предстало сейчас перед Алисой.

Вот узкая тропинка. Как странно было слышать, когда Аркаша жаловался, что на ней — острые камни. И в самом деле мягкая земля оказалась состоящей из различного размера камней, семян, веточек, сосновых иголок, устилавших тропинку. А вот бежит существо ростом с небольшую собаку — с громадной сверкающей головой и короткими жвалами. Оно шевелит усами и враждебно смотрит на Алису: вот-вот кинется в атаку.

Алиса отступила и подобрала с земли меч. Ведь эта злобная собака — рыжий лесной муравей, который больно кусает больших людей. Каково же от такого укуса будет Алисе?

Она наклонила копье-булавку и замерла. Муравей посмотрел на него, потом, наверное, решил, что у Алисы такое жало, нехотя побежал в сторону и скрылся в стене травянистых деревьев.

«Ну хорошо, осматриваться будем потом, — сказала себе Алиса. — Сколько уже прошло времени с тех пор, как пропал Аркаша? Может быть, целый час. Теперь у меня нет часов — придется разбираться по солнцу».

Громадная тень закрыла небо. Повернув копье острием к небу, Алиса по острым камням кинулась с дороги.

Она думала, что это — птица. Но оказалось — всего-навсего бабочка, которая спустилась подивиться Алисой. Красивая бабочка «адмирал». Голова у нее, как голова Алисы, только глаза в несколько раз больше.

Понимая, что стоять на тропинке — значит привлекать к себе внимание жителей травяного леса, Алиса побежала, поджимая пальцы ног, чтобы меньше резало камешками, к изгороди, которая поднималась впереди высокой зеленой стеной, будто обрывом гигантской горы.

Алиса знала, что до изгороди двадцать метров, но теперь ее шаг — сантиметр, значит, путь удлинился до двух километров. Да еще надо миновать несколько метров до коробки.

И какой же дурак поставил коробку так далеко от кабины? Все из-за этого прудика!

Алиса семенила к изгороди, а та приближалась так медленно, словно до нее было километров сто. К тому же все время приходилось быть настороже. А это даже к лучшему — некогда думать о камнях и палках.

Один раз к ней спикировала стрекоза, потом Алиса встретила сразу десяток муравьев, но они, к счастью, не обратили на нее внимания.

Наконец она добралась до изгороди. Та нависала над ней миллионами листьев, каждый из которых мог бы послужить Алисе одеялом. Листья поднимались к небу, к самым облакам, хотя Алиса в то же время отлично помнила, что живая изгородь, окружавшая дачу Сапожковых, высотой чуть больше метра.

За изгородью тропинка почти пропала среди густых бамбуковых зарослей, и камни на ней стали крупнее и острей — так что пришлось идти по обочине.

Алиса остановилась и перевела дух. Идти оставалось немного — белые стены здания без окон были видны сквозь зеленые стволы. Хорошо, что она знает — это коробка из-под ботинок. Иначе никогда бы не сообразила, кто и почему воздвиг здесь такое странное сооружение.

Ноги уже были изрезаны камнями, но Алиса все же продолжала идти вперед. Она опиралась на копье и волочила за собой меч, который хотелось бросить, но нельзя: неизвестно еще, с кем придется сражаться.

Стена коробки нависла над Алисой. Теперь надо было обогнуть ее, чтобы отыскать вход. А ведь недавно она глядела на эту коробку сверху, даже снимала с нее крышку одной рукой, без всякого усилия... Алиса дотянулась до стены и постучала в нее. Стена была толстой, неровной, сплетенной из крупных волокон.

Еще несколько шагов, и можно будет отдохнуть...

Алиса завернула за угол и увидела, что возле входа в коробку сидит на задних лапах гигантское существо, более всего напоминающее ископаемого ящера.

Заостренная, вытянутая вперед морда была плотоядно направлена в сторону Алисы — видно, чудовище почуяло ее заранее.

Черные глаза чудовища ярко сверкали. Они были невелики по сравнению с мордой, покрытой толстой щетиной. Круглые метровые уши чуть шевелились, прислушиваясь к Алисиным движениям, могучие лапы, оканчивающиеся страшными саблями когтей, способных одним ударом разорвать Алису пополам, легко несли на себе округлое крепкое тело, высотой в слона, но куда более массивное. Спина и бока ящера были покрыты могучими копьями — тысячи острых концов торчали во все стороны, готовые вонзиться в невинного странника.

Алиса от неожиданности замерла, прижавшись спиной к стене белого дома, и усталой рукой приподняла копье-булавку, понимая, насколько слабо ее оружие против этого гиганта.

Гигант сморщил подвижный мокрый нос, фыркнул и, вместо того чтобы наброситься на Алису, отступил на шаг, развернулся и неуклюже кинулся наутек.

И только глядя ему вслед, Алиса поняла, что ее перепугал самый обыкновенный ежик, а она, в свою очередь, еще больше испугала этого храбреца.

Как же Алиса могла не узнать ежа? И тут же она поняла — ведь никогда еще ей не приходилось смотреть на него снизу, никогда не приходилось встречать ежика, который в несколько раз больше ее, у которого каждая иголка ей по пояс, а носик — не меньше ее головы. Попробуйте хотя бы мысленно увеличить невинного ежика до такого размера, и потом посмотрим, кто из нас куда убежит...

Глядя вслед ежику, Алиса не смогла даже обрадоваться — так она устала. И ноги заболели вновь. Она перевалилась через высокий порожек коробки и без сил растянулась на твердом полу.

Наверное, от усталости, боли и пережитого страха Алиса впала в какое-то забытье — словно задремала. Но ненадолго. Как только ее дыхание стало реже и сердце перестало трепыхаться, она села и первым делом поглядела, что у нее со ступнями.

Оказалось — ничего страшного. Правда, они были исцарапаны, в одном месте даже сочилась кровь — но все это пустяки.

Алиса поднялась и стала осматриваться.

Вокруг все разгромлено, перевернуто. Кто-то чужой неожиданно напал на Аркашу. Почему Аркаша позволил этому врагу проникнуть внутрь дома? Не ждал опасности? Удивился, но не испугался? Иначе бы он воспользовался браслетом, который Алиса нашла на полу. Браслет связи был поломан, будто его нарочно растоптали.

Алиса подняла его — ремешок, которым он крепился к руке, был разорван. Представьте себе кошку или крысу, даже очень большую, но зачем ей срывать браслет с руки Аркаши и топтать его?

Конечно, ответ на это у Алисы был. Всегда есть что ответить на подобный вопрос: «Это получилось случайно».

Ведь случайности бывают такие нелепые и немыслимые, что нарочно не устроишь.

Алиса голову могла дать на отсечение, что Аркаша сражался — это она увидела еще сверху. Теперь она могла увидеть следы сражения с другой точки зрения, будто была его участницей.

Она обошла всю коробку в надежде увидеть какой-нибудь знак, оставленный Аркашей. Записку или предмет, значение которого понятно лишь друзьям, но ничего такого не увидела. Да и понятно: тот, кто напал на Аркашу, действовал быстро и решительно.

Честно говоря, когда Алиса обыскивала коробку, больше всего она боялась увидеть пятна крови. Ведь, если на Аркашу напал хищник, он мог его и сожрать. А если он его сожрал, то бесследно сделать это невозможно — что-то да останется.

Но крови в коробке не было — это означало, что враг выволок Аркашу наружу и потащил к себе в берлогу.

Значит, остается надежда, что Аркаша жив.

Если так, то надо думать, куда его могли потащить.

Алиса осмотрела пол возле входа. И хоть там было натоптано — и Аркашей, и самой Алисой, но ей показалось, что она видит и чужие следы — продолговатые, расширяющиеся спереди и узкие сзади. Как будто их оставил маленький утенок, надевший ботиночки.

Какое животное или насекомое могло оставить такие следы? Причем не два, не три — таких следов было немало. Многоножка? Но разве у нас водятся такие большие и агрессивные многоножки?

Надо идти по следам.

Но тут же Алиса сообразила, что, прежде чем пускаться в дорогу, следует что-то придумать с обувью: босиком по этой стране бегать нельзя. Алиса разворошила постель Аркаши, вытащив из нее два куска ваты, которая оказалась грубой массой толстых волокон, затем примотала вату к ногам. Конечно, такие ватные подошвы будут недолговечными, но на первое время они помогут.

Выйдя из коробки, Алиса внимательно оглядела землю у входа в нее, стараясь не затоптать следы. Многочисленные утиные следы вели вправо по берегу прудика.

Алисе удалось увидеть среди этих следов и следы человеческие. Это ее обрадовало — значит, Аркаша шел своими ногами, может, и не добровольно, но самостоятельно. Его не съели, а взяли в плен...

«Ну что за чепуха лезет мне в голову? — подумала Алиса. — Какой еще плен? Мы с Аркашей единственные разумные существа в Стране дремучих трав!»

Глава 9

В ПЛЕНУ У ЛИЛИПУТОВ

Сначала Алиса шла быстро. Правда, ватные лапти были не очень удобными, и веревки, которыми они были примотаны к ногам, резали икры, но все равно ей было несравнимо лучше, чем раньше.

Тропинка кончилась большим овальным углублением.

Алиса не сразу догадалась, что это ее собственный след, оставленный здесь час назад. Перед этим углублением утиные следы и след Аркаши свернули в травяные джунгли. Дальше идти стало труднее, потому что стебли травы стояли тесно, порой переплетаясь. Здесь было куда жарче, чем на открытом воздухе, по траве ползали различные тли, блохи и другая насекомая мелочь, которая мелочью для Алисы не была: когда тля размером с кулак, а червяк тебя длиннее, то лучше вовсе не сравнивать.

В большинстве случаев насекомые были заняты своими делами и на вторжение Алисы не обращали внимания, а те, что поменьше, старались убраться с ее пути. Но один назойливый жук неизвестно с какими намерениями вздумал гоняться за Алисой. У него были длинные усы, закрученные так залихватски, словно это был не жук, а старинный полководец Буденный, который только что слез с боевого коня.

Алиса выставила копье, и жук замер, уткнувшись лбом в острие булавки. Но как только Алиса опустила оружие, он тут же снова кинулся к ней.

В иной ситуации Алиса бы от него убежала, но сейчас она боялась потерять следы, и ей приходилось отбиваться.

Это жука страшно рассердило.

В очередной раз наткнувшись на копье, он поднялся на задние лапы, отвел усищи назад и брызнул в Алису желтой жидкостью. Отскочить она не успела — нападение было слишком неожиданным, только отклонилась в сторону.

И, о ужас! Часть жидкости попала ей на плечо и локоть, и отвратительный запах, наполнивший заросли, словно приклеился к ней.

А жук, торжествуя, не спеша отправился прочь. Даже ни разу не обернулся.

Алиса побрела дальше. В этой жаре запахи усиливались, и, как назло, нигде не видно воды, чтобы умыться.

Ладно, надо терпеть — это не самое большое горе.

Постепенно стало темнее. Подняв голову, Алиса увидела, что над травяными бамбуковыми джунглями навис зеленый потолок. Алиса вспомнила, что за коробкой, если пройти небольшую лужайку, начинается густой кустарник, который ей сейчас кажется высочайшим лесом.

Здесь, в тропической чаще, царил зловещий полумрак. Высоко в небе перекликались невидимые птицы, травяные джунгли росли здесь кущами, и чем дальше уходила Алиса в

глубь чащи, тем влажнее становилась почва под ногами и чаще встречались моховые деревья и гигантские лишайники...

Следы Аркаши и его врагов были видны отчетливо там, где они пересекали участки голой влажной земли. Так что Алисе было нетрудно идти по следам.

Один раз пришлось задержаться — дорогу ей неспешно пересекала большая гусеница. Она была составлена из двух десятков блестящих желтых бочек, каждая из которых покоилась на двух толстых, заканчивающихся когтями, коротких ногах. И когда гусеница подтягивала хвост и, сжимаясь, поднимала дугой среднюю часть, ножки топорщились высоко над головой. Наверное, и в обычной жизни эта гусеница была велика, а тут она представлялась королевой гусениц. В ней была своеобразная красота и тупость, направленная лишь на то, чтобы порадовать собственный желудок, набить все бочки едой. Алису гусеница даже не испугала. Алиса стояла довольно близко от нее, но, конечно же, гусеница, спешившая сменить столовую, не обратила на несъедобную, с ее точки зрения, Алису никакого внимания.

Алиса так загляделась на гусеницу, что пропустила тот момент, когда из чащи вышел человек и окликнул ее на непонятном языке.

Она даже зажмурилась, потом протерла глаза.

Но ничего не изменилось: между двух травяных стволов стоял человек чуть больше Алисы ростом, одетый в черный костюм, с какой-то блестящей штукой в руке — может, даже пистолетом, и говорил, обращаясь к ней.

— Ну и дела! — сказала Алиса. — Вот никогда не думала, что на Земле есть еще неоткрытые племена.

Человек крикнул тонким злым голосом.

— Неужели Аркаша у вас в руках? — спросила Алиса.

И в этот момент ее кто-то больно ударил сзади по голове.

От неожиданности Алиса выронила копье и схватилась за голову.

Обернувшись, она увидела улыбающееся жестокое лицо — и тут же ее ударили в висок.

— Еще чего не хватало! — воскликнула Алиса.

Она развернулась и как следует дала сдачи бандиту. А так как тот, видно, не привык, чтобы ему отвечали, он ахнул и сел на землю.

— Кто еще? — спросила Алиса.

Но тут она поняла, что шутки с жителями травяных лесов плохи. Мужчина, стоявший перед ней, поднял пистолет. Раз-

дался выстрел, и травинка у самой головы Алисы резко покачнулась, пробитая пулей.

Алиса не стала ждать следующего выстрела, а кинулась в чащу. Она забилась в бурелом сухой травы, надеясь, что ее не увидят.

Вокруг слышен был шорох, негромкие голоса, шаги, треск сучьев — ее искали.

Алиса неподвижно сидела на корточках.

Шаги приближались. Алиса почувствовала, что к ее укрытию подошло несколько человек. Она старалась не дышать.

— Эш! — раздался совсем близко крик.

«Это ко мне не относится», — успокоила себя Алиса.

Совсем рядом засмеялись.

Потом сквозь траву и сухие ветви протянулся острый клинок и легонько ткнул Алису в плечо.

— Э-э-э-э-ш-ш-ш-ш! — протянул чей-то голос.

Совсем рядом снова засмеялись.

Алиса поняла, что ее разыскали, и попыталась рвануться назад.

Но тут же спиной наткнулась на другой острый клинок.

— Ладно, — сказала Алиса. — Я сдаюсь.

Она медленно поднялась, так чтобы ее видели, вышла из зарослей.

— Та-тара, — сказал мужчина с мечом и пистолетом в руке.

Он показал на пояс Алисы.

Господи, а она совсем забыла! На поясе висел выкованный Пашкой меч.

Алиса вытащила его. Перед ней стояло уже человек шесть-семь, все в темных костюмах, с саблями и пистолетами — серьезный народ. Некоторые в касках с длинными козырьками, так что глаза скрывались в темноте, и это было неприятно.

Алиса бросила меч на землю. Он косо вошел в мокрую почву. Один из нападающих с трудом вытащил его и попытался поднять. Меч был ему тяжел. Странно — взрослые мужчины, кажутся нормальными, а ведь Алиса поднимала меч без труда. И тогда же Алиса обратила внимание на то, что те люди двигались чуть замедленно и как-то неуверенно, будто они ходили под водой, когда тебе каждый шаг дается с дополнительным трудом оттого, что надо преодолеть сопротивление воды.

Один из них, в каске, козырек которой лежал на носу, и поэтому ему приходилось закидывать голову, чтобы увидеть Алису, указал на нее пальцем и произнес небольшую речь, ко-

торую Алиса, разумеется, не поняла и даже пожалела, что рядом нет Аркаши с его гениальной способностью понимать и мгновенно выучивать новые языки. Аркаша любил повторять:

«Трудно выучить первый язык. Второй дается с немалым трудом. В третьем ты уже встречаешь кое-что знакомое, а двадцатый ты знаешь заранее — надо только выяснить мелкие детали».

Алиса, как и каждый человек в двадцать первом веке, знала, конечно, несколько земных языков, говорила на космолингве, могла объясниться на Паталипутре и среди брастаков. Но способности к языкам у нее были самые средние.

— Вы откуда? — спросила Алиса на космолингве, после того как человек с козырьком закончил речь.

— Это тебя не касается! — ответил человек в каске.

Так что оказалось, языкового барьера не существует.

— Пошли! — крикнул бандит.

Когда они пошли, Алиса обратила внимание, что на ногах у них были непривычной формы короткие сапоги, ступни которых расширялись, и оттого следы получались похожими на утиные. Алиса уже и без этого поняла, что Аркаша попал в плен к этим существам, а теперь она убедилась в этом окончательно.

Вокруг становилось все темнее — они все более углублялись в кустарник. Когда-то на этом месте стоял домик, но он давным-давно сгорел, остатки балок и кирпичей заросли бурьяном, потом на этой почве поднялись кусты, и росли они так густо, что не дали там приняться ни одному дереву.

За те несколько минут, пока они двигались к центру зарослей, Алиса догадалась, что встретилась с инопланетянами. Во-первых, нигде на Земле нет людей такого размера, как эти. Еще можно с трудом допустить, что миниатюрные дикари сохранились в каком-нибудь непроходимом тропическом лесу Амазонки. Но эти-то были не дикари! Они облачены в мундиры, шлемы, у них не только сабли, но и пистолеты. А для того чтобы сделать пистолет, надо, по крайней мере, изобрести порох и научиться плавить металлы. А этого в джунглях Амазонки, а тем более в джунглях Подмосковья не может случиться.

Встречу с инопланетянами вряд ли можно было назвать дружественной. Лет сто назад какой-нибудь писатель-фантаст обязательно написал бы о том, как приятно встречаться с братьями по разуму, как они любят нам помогать. Но у Алисы был большой жизненный опыт, и она знала, что в космосе живут самые различные цивилизации — и добрые, и жестокие.

Конечно же, существует Галактический совет, который разбирает все случаи нападений, недоразумений, грабежа и стычек. Но порой суд запаздывает, а патрульный крейсер, который должен навести порядок, прилетает слишком поздно.

Алиса вышла на небольшую прогалину в зарослях. На невероятной высоте ее сплошным шатром перекрывали зеленые листья, но внизу росли совсем небольшие кусты — они и скрывали космический корабль незваных гостей. Конечно же, космический корабль!

Корабль был неплохо замаскирован. Его не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Он представлял собой пирамиду со стесанными углами, вершина которой поднималась... Алиса затруднялась сказать, на сколько, но, наверное, не ниже, чем на высоту десятиэтажного дома. Только не настоящего десятиэтажного дома, а такого, в котором могла бы жить миниатюрная Алиса. То есть, если перевести размеры корабля в нормальные сантиметры, высотой он был примерно в полметра.

Навстречу Алисе открылся люк, и оттуда вышло еще несколько человек в черных мундирах. Они заговорили с теми, кто привел Алису. О ней самой на минуту забыли, зато заинтересовались мечом, который притащили к кораблю двое мужчин покрепче. Инопланетяне цокали язычками, ахали, спорили, стучали пальчиками по клинку... Затем из корабля выскочил худой человек — весь мундир в нашивках и позументах — и закричал что-то на непонятном Алисе языке.

Алису повели внутрь корабля. Если снаружи он был сильно избит, исцарапан, обожжен, очевидно, от долгого путешествия, то внутри корабль оказался страшно скучным и пустынным. Серые стены коридоров, темно-серые люки, круглые одинаковые лампы под потолком. Эта картина оживлялась лишь надписями и хулиганскими картинками, выцарапанными на стенах. Будто на корабле летали испорченные дети. Через несколько шагов коридор расширился — наверх вел неподвижный эскалатор. Алиса шла покорно, ведь каждый шаг, как она надеялась, приближал ее к Аркаше.

...Снова короткий коридор, который оканчивается нишей, забранной решеткой. За решеткой на полу сидит Аркаша в лохмотьях, что остались от набедренной повязки. Перед ним кучка палочек. С внешней стороны решетки стоят две девушки в длинных сиреневых платьях. Они очень внимательно смотрят на Аркашу и что-то записывают в блокноты. За их

спинами — толпа инопланетян, смолкшая при появлении Алисы.

— Эй, Аркаша! — воскликнула Алиса. — Наконец-то я тебя нашла!

Аркаша оторвался от палочек, вскочил, придерживая руками повязку, кинулся к решетке, но, вместо того чтобы обрадоваться появлению подруги, рассердился:

— Еще чего не хватало! Ты зачем пришла? Ты понимаешь, как ты рискуешь?

— Аркаша, значит, я не должна была обращать внимания на то, что ты пропал? А вдруг это Мордашкин? И он тебя нечаянно придушил?

— При чем тут Мордашкин! — сказал Аркаша. — Мне удалось отыскать неизвестную мини-цивилизацию. Это открытие галактического масштаба! Потребовались вся моя деликатность и дипломатичность, чтобы наладить с ними контакт. И как только что-то начало получаться, появляешься ты!

— Значит, это не они тебя поймали, а ты их нашел?

— Разумеется! Я им поддался! — ответил Аркаша в традициях нахала Гераскина.

Они разговаривали через решетку, как будто рядом никого не было. Это хозяевам корабля надоело. Алису стали подталкивать к решетке. Распахнулась железная дверь...

— Только не сопротивляйся, — предупредил Аркаша. — Ничего страшного. Они прилетели сюда завоевать Землю и поработить нас всех. Сначала нас с тобой изучат, как местных туземцев. Это очень интересно!

— Ты хочешь, чтобы меня считали дикой женщиной?

— Совершенно дикой.

— А потом покорили?

— Я не думаю, что им удастся нас покорить, но как интересно, если они попробуют это сделать!

— Но это невозможно!

— Тебе так кажется, а им — иначе. Они думают, что мы все — лилипуты.

Алису грубо затолкнули в клетку. За решеткой собралось уже человек двадцать, они шумно обсуждали пленников, один из людей в темном мундире даже показал Алисе кусок хлеба. Остальные засмеялись. Кусок хлеба влетел в клетку и упал к ногам Алисы.

— Вот это мне не нравится, — сказал Аркаша. Он нагнулся, подобрал кусок с пола и ловко запустил им в того, кто смеялся громче всех. Обиженный схватился за саблю, принялся вопить, остальные засмеялись еще громче, точно так же, как смеется толпа грубых, невоспитанных зрителей в зоопарке, когда верблюд плюнет в самого нахального зрителя.

Раздался пронзительный звонок — хоть уши затыкай.

— Что это? — удивилась Алиса.

Аркаша пожал плечами:

— Я тут всего час сижу, а может, и того меньше. При мне еще не звонили.

Он сделал шаг к решетке и стал прислушиваться к оживившимся лилипутам.

— Ясно, — сказал он наконец, — звонят к обеду, и это для них — святое. К тому же они соскучились жевать сухари и консервы, а сегодня их кормят свежей едой. Им не терпится ее отведать.

Оживленно разговаривая, зрители ушли. Остались лишь две фигуры в сиреневых платьях до пола.

— Это ученые дамы, — сказал Аркаша. — Им уходить нельзя, они меня изучают. Младшие научные сотрудники без степени.

— Как это изучают? — спросила Алиса.

— Очень просто. Видишь эти палочки? Я их должен складывать. Если я буду хорошо складывать — получу конфетку. Плохо — убьют!

— Аркаша, что ты говоришь!

— Я бы мог у них спросить подтверждения, — сказал Аркаша, — но мне не хочется открывать карты. Пускай они думают, что мы дикие люди и не понимаем их языка. Пускай они нас не стесняются...

— Эй! — приказала одна из девиц, показывая на палочки, разбросанные на полу перед Аркашей. Вторая кинула еще пригоршню палочек перед Алисой.

— Думай, Алиса, думай, — сказал Аркаша. — Если ты сможешь сложить из этих палочек квадрат, тебе дадут поесть. Ты голодная?

— Да ты что! Я же недавно завтракала.

— Счастливая. А мне завтрак только снится.

Девицы защебетали, торопя пленников.

— Велят думать, — сказал Аркаша.

— Как же я забыла! — воскликнула Алиса. — Все случилось так неожиданно, что я забыла про шоколад.

— Шоколад?

— Я тебе принесла шоколаду, — сказала Алиса.

Она вытащила из кармана в плаще пакет с комком шоколада. От этого военные девицы вообще пришли в крайнее негодование. У одной из них была палка — она просунула палку в решетку и норовила дотянуться до Алисы. Алиса передала шоколад Аркаше.

— Никогда в жизни еще не видел такого большого куска шоколада, — заявил он.

Аркаша вгрызся в шоколад, а девицы опомнились и принялись требовать, чтобы он занимался делом.

— У меня обеденный перерыв! — сказал Аркаша.

Девицы ответили взрывом негодования.

— А ты им дай по шоколадке, — сказала Алиса.

— А не жалко?

— Разве можно жалеть что-нибудь для девочек? — удивилась Алиса.

— Ты права, у них с шоколадом перебои.

Аркаша отломил кусок шоколада и, разделив его пополам, протянул сквозь решетку. Шоколад уже подтаял и пачкал пальцы.

Одна девушка отшатнулась от страшного оплывшего коричневого куска, а Аркаша весело сказал:

— Эй, гляди, я ем и до сих пор живой!

Вторая девица, на вид постарше, протянула палец, мазнула им по куску, потом поднесла к носу, долго нюхала, а ее товарка смотрела на нее, отставив ладонь с куском шоколада.

Наконец старшая девица не выдержала, лизнула... еще раз лизнула.

И вдруг совершила неожиданный поступок: быстрым движением она выхватила кусок шоколада у младшей и начала запихивать его в рот.

Младшая запищала, не сразу осознала, что же произошло. Потом облизала свои пальцы и поняла, чего же она лишилась!

Она кинулась на напарницу, стала вырывать из ее рук подтаявший шоколад, та спешила запихнуть остаток его в рот, а младшая совала ей в рот пальцы, стараясь выцарапать сладкую массу. Старшая кусалась, но кусаться и одновременно жевать шоколад — это ой как трудно!

— Может, им еще дать? — спросила Алиса.

— Не надо баловать. Они же дикие люди. Они еще сильнее захотят завоевать Землю, чтобы есть шоколад от пуза.

— Это очень наивно.

— Для нас — да. Для них — нет.

Военные девицы долизывали шоколад.

Они опьянели от шоколада, глаза стали мутными, движения неуверенными.

В таком виде их и застал офицер, который явился с проверкой.

С первого взгляда он понял, что пленники делом не занимаются, а девицы находятся в каком-то странном состоянии.

Не тратя времени понапрасну, начальник начал кричать на девиц, а они только отмахивались от него, под влиянием шоколада начисто забыв о военной выправке и дисциплине.

Офицер решил проверить, что же произошло на самом деле, и приказал Аркаше откусить и сжевать кусочек подозрительного вещества. Военные девицы глядели, как Аркаша жует шоколад, и стонали от желания продолжить пир, хотя и были полны сладким по уши.

Увидев, что Аркаша остался жив, офицер тоже откушал шоколада. В отличие от девиц, он был человечек дисциплинированный, смог оторваться от лакомства и, забрав остаток, покинул помещение. Ушли и перекормленные девицы.

— Времени у нас мало, — сказал Аркаша.

— Надо бежать, — сказала Алиса.

— Плохое Пашкино воспитание, — сказал Аркаша. — Чуть что — сразу бежать, хватать, стрелять, принимать меры.

— А ты что предлагаешь?

— Я, как всегда, предлагаю думать, — ответил Аркаша. — Я убежден, что сейчас убегать куда опаснее, чем оставаться.

Глава 10

ЗАВОЕВАТЕЛИ ЗЕМЛИ

Вскоре вернулся офицер и привел с собой начальника в генеральском чине.

— Выходи! — приказал офицер, не сомневаясь, что любое существо в Галактике должно беспрекословно выполнять его приказы.

Алиса и Аркаша подчинились.

— Не забудь, — напомнил Аркаша Алисе, — мы с тобой отсталые, но мирные дикари, которые населяют эти места.

— Что ты дикарь, — сказала Алиса, — они поверят... — Ар-

каша и в самом деле выглядел диким существом — босиком, в набедренной повязке, лохматый и худой. — Но меня трудно принять за дикарку, — сказала Алиса.

— Посмотрим, — не стал спорить Аркаша. — Если ты думаешь, что твой плащ — вершина портновского искусства, а твои сапожки сделаны лучшими сапожниками Вселенной, ты глубоко заблуждаешься.

Их ввели в большое помещение, которое на инопланетном корабле исполняло роль кают-компании. У дальней стены на возвышении стоял круглый стол. Вокруг него восседало несколько военных в пышно расшитых мундирах, украшенных множеством орденов и значков. От этого стола, как лучи от солнца, расходились еще десять столов. За ними сидели рядовые обитатели корабля — все в военной униформе, со значками и позументами.

При виде пленников никто и бровью не повел — все были заняты едой.

В центре, уперев в пленников тяжелый взгляд, сидел лилипут с квадратной челюстью, через все лицо — косой шрам. Даже за столом он не снял каски с железным козырьком. На эполетах у него были вышиты кометы.

Справа от командира восседал старичок, увешанный значками так густо, что под ними не было видно мундира. У старичка были удивительные усы — напомаженные, покрытые лаком, такие твердые, что на их концах висели маленькие золотые колокольчики, которые тонко позвякивали в такт, когда старичок открывал рот или поводил головой.

Слева от командира сидела рыжеволосая женщина средних лет, широкоплечая, полногрудая, упитанная, веселая, которая беспрестанно жевала. Она тоже была в мундире, который не застегивался — видно, шили его, когда она не была еще такой толстой.

За столом сидели и другие орденоносные начальники, но Алиса не успела их рассмотреть.

У главных персон губы и щеки были измазаны шоколадом. Видно, они втроем и сожрали остатки.

Между столом быстро пробегали плохо одетые, оборванные люди, которые разносили блюда с пищей и кувшины с напитками. Алиса обратила внимание на черноглазую худенькую девушку, которая не отрываясь глядела на Алису, затем споткнулась о валявшуюся на полу кость и чуть не выронила блюдо, но усатый старичок успел перегнуться через стол и

подхватить его. Поставив блюдо на стол, он уцепился тонкими пальцами за ухо девушки и дернул. Девушка заплакала, а соседи старика за столом расхохотались.

Человек со шрамом поднял руку, призывая своих товарищей к тишине.

— Слушайте и поражайтесь, ничтожные дикари! — выкрикнул он на космолингве. — С этого мгновения вы мои подданные! Радуйтесь!

Алиса с Аркашей молчали.

— Вам понятно? — спросил старик с напомаженными усами.

— Здравствуйте, — смиренно сказала Алиса. Она решила — пускай командует Аркаша. Он первый попал в плен.

— Первые выводы таковы, — сообщил старикашка. — Мои научные сотрудницы доложили, что туземцы способны сложить из палочек крест, но перед квадратом останавливаются в растерянности. Следовательно, они еще не люди.

— Это какие сотрудницы? Которые половину сладостей сожрали? — строго спросила толстуха.

— Мои сотрудницы, — ответил старичок злым голосом, — пожертвовали собой ради науки. Это разведчицы высокого класса.

— Ладно, ладно, — сказал главный начальник. — Не ссорьтесь, птенчики. Здесь я решаю — кто прав, а кто виноват.

Его слова, сказанные громче, чем было необходимо, вызвали в зале бурю восторга. Военные поднимались со своих мест, тянули вверх руки, звенели медалями и кричали:

— Вперед! Вселенная принадлежит нам!

— Ты будешь женщина, — сказал главный военный, показывая на Алису толстым корявым пальцем, на котором блестело несколько перстней. — А ты — мужчина. — Он показал на Аркашу. Сказал он это так важно, будто до этого Аркаша был лягушкой, а Алиса — муравьем. А теперь они назначены на должности мужчины и женщины.

Аркаша смиренно спросил:

— А ты кто будешь?

— Молодец! — обрадовался главный военный. — Славно спрашиваешь. Умница. Я — командующий непобедимым и грозным кораблем «Месть» флота Его Величества, я — суперадмирал!

И в зале поднялся восторженный рев. Он долго не стихал.

Наконец адмирал жестом прекратил восторги подчиненных, а наивный Аркаша спросил:

— Любят вас, что ли?

— Любят! — заявила толстая женщина и, поднявшись с места, крепко обняла адмирала.

— Это — моя Боевая Подруга, — пояснил адмирал, похлопав толстуху по спине. — А это, — другой рукой он похлопал по плечу старикашку, — наш знаменитый и великий теоретик, любимец народа профессор Как-тебя.

На этот раз военные в зале не кричали.

— Профессора меньше любят, — сказал Аркаша.

— Куда как меньше, — согласился адмирал. — Меня больше. И я думаю, что они правы.

— А это все ваши подчиненные? — спросил Аркаша.

— Это мои соратники! Боевые псы! Волки войны! Шакалы космоса! Пантеры Вселенной!

Вновь поднялся страшный рев. Как они стучали каблуками! Как рявкали! Как стонали!

— Я думаю, что вы прилетели нас завоевывать, — сказал Аркаша.

— Кто тебе сказал? — сразу насторожился адмирал.

— Рано дикарям об этом знать, — сказал профессор.

Алиса почувствовала неладное — она нечаянно кинула взгляд на профессора и увидела в его остром взоре недоверие и настороженность. Аркаша перегнул палку — он решил, что их окружают глупые солдафоны, которых легко одурачить.

— Вы живете в лесу? — хитренько спросил профессор, облизывая длинным языком шоколад с морщинистых щечек.

— Конечно, мы живем в лесу, — сказал Аркаша. — Где же нам еще жить?

— И вы кушаете сладкие вещи? — спросил старичок.

Адмирал и его Боевая Подруга замерли.

— Кушаем, — сказал Аркаша, не чувствуя подвоха.

— Хорошо живете, — сказал старичок. — А где ваш город?

— Какой город? — спросил Аркаша.

— Такой дикий, что не знает, что такое город, — удивился старичок.

— Очень дикий, — согласилась Боевая Подруга. — Надо ему всыпать ударов сто, тогда сразу поумнеет.

— Это интересная идея, — сказал старик. — Как вы думаете?

В зале раздались разрозненные крики:

— Выпорем!

Затем они слились в общий крик. Солдаты ритмично колотили кулаками по длинным столам и скандировали:

— Вы-по-рем! Вы-по-рем!

И в этом крике была такая дикая ярость, что Алисе стало не по себе.

— Ну хватит, хватит, мои молодцы! — остановил их адмирал. — Нужно будет — и голову отрубим... Ну что, продолжим допрос?

Зал постепенно успокоился.

— Значит, вы, дикари, живете в лесу? — спросил адмирал.

Аркаша кивнул.

— И нет у вас заводов и фабрик?

— Нет, — сказал Аркаша. — Откуда им взяться?

— А это что? — Резким движением адмирал дернул за край набедренной повязки Аркаши, и та размоталась. Аркаша остался совершенно голым.

Адмирал брезгливо поднял ткань над столом.

— Что ты скажешь, моя прекрасная Подруга? — обратился он к соседке.

— А то скажу, что ткань грубая, — ответила Подруга. — Но сделана на станке. И покрашена синтетической краской.

— Я так и думал, — сказал адмирал.

— Он такой же дикарь, — заметил старичок, — как я крокодил.

— Весь мой жизненный опыт говорит, — сказал адмирал, — что перед нами лазутчики и шпионы.

— Придется вас казнить, — заявила Боевая Подруга и расхохоталась.

— Это еще почему? — спросила Алиса, стараясь изобразить возмущение. Хотя у нее похолодело в груди. Эти бандиты совершенно не умели шутить.

— А потому, — вмешался профессор, — что мы прибыли к вам как друзья. Но вместо милых, добрых туземцев видим шпионов и лазутчиков.

— Но мы же к вам не приставали! — воскликнул Аркаша. — Вы же сами на нас напали.

— Это не так, — сказал старичок. — Это вы заставили наших смелых и честных солдат на себя нападать.

— Как так? — не понял Аркаша.

— А зачем вы ходили по временно оккупированной нами территории? Зачем вы полезли в запретную зону?

— Там не было написано!

— Не было? — Адмирал был удивлен и рассержен. — Как так не было написано? Вы обязаны были написать! Кто отвечает за надписи?

В дальнем конце стола вскочил офицер.

— Надписи были готовы, ваше могущество, — сказал он. — Только установка немного задержалась, потому что мы не знали местного языка.

— Вы должны были ставить надписи на нашем языке! — закричал старичок. — Сколько раз вам говорить одно и то же! Пускай они учат наш язык! Вот когда они нас завоюют, тогда пускай и ставят свои надписи и вывески!

— Как так они нас завоюют? — рассердился адмирал на профессора. — Кто нас завоюет?

— Это я в теоретическом плане, — испугался старик.

— Десять розог! — приказал адмирал.

— Нет, только не это! — закричал старичок. — Такое унижение я не перенесу! На глазах у рабов!

— А ну кыш отсюда! — гаркнул адмирал на оборванцев, которые разносили еду. Те разбежались по углам. Затем адмирал показал на Аркашу, который сидел на корточках, съежившись, потому что оказался совсем голым в такой компании, и добавил: — А штаны отдашь ему!

Под улюлюканье военных старичок покорно разделся, потом дрожащей рукой протянул свои штаны — все в галунах и позументах — Аркаше, а тот покорно их принял и надел.

Солдат принес кнут на длинной толстой рукоятке.

К удивлению Алисы, со своего места поднялась Боевая Подруга и, взяв кнут, жестом показала старичку-теоретику, что ему надо встать на четвереньки.

Многие вскочили со своих мест, шум в зале стоял невообразимый.

Боевая Подруга принялась хлестать старичка, а все остальные, включая адмирала, отсчитывали удары, и, что было очень странным, старичок тоже отсчитывал удары.

Алиса увидела, что из-за угла за наказанием наблюдает черноглазая кудрявая девушка-рабыня. Глаза ее горели от восторга, губы считали удары, а ладошки прихлопывали в такт. «Ох и не любят вас ваши рабы!» — подумала Алиса. Впрочем, старик был сам виноват.

Когда экзекуция закончилась, профессор, прихрамывая и сутулясь, ушел прочь из зала. Вслед ему кричали и улюлюкали, но он даже не обернулся. Алисе стало жалко его — нельзя же так над людьми издеваться!

Но о старике все сразу забыли.

Адмирал поднялся на стул, чтобы его лучше было видно, и отставил ногу в блестящем сапоге. Он держал в руке кружку с пивом.

— Слава нам, непобедимым! — закричал он.

— Слава! Слава! Слава! — безумствовали солдаты.

— Как зовут твою ничтожную планетку? — закричал адмирал, обращаясь к Аркаше.

— Земля, — ответил Аркаша.

— Земля — ты наша рабыня! — завопил адмирал.

И он начал петь:

— Мы тебя растопчем!

— Раз-два, раз-два! — вторили ему солдаты, стуча кружками о столы.

— Мы тебя смешаем с пылью!

— Раз-два! Раз-два!

Алиса подвинулась к Аркаше, который стоял, придерживая штаны.

— Пора бежать, — сказала она.

Но Аркаша не успел даже ответить.

Между ними возникла рыжая голова Боевой Подруги.

— Убежать успеете, — сказала Боевая Подруга. Она все еще держала в руке кнут, которым порола старика профессора. — Сначала поговорим.

Она толкнула Алису в спину, чтобы та шла вперед.

Возникший справа солдат подтолкнул Аркашу.

Через минуту они были в низкой комнате, где вдоль стен тянулись узкие диваны, а пол был устлан ковром.

По комнате ходил профессор. Он был уже в других штанах.

— Садитесь, — сказала Боевая Подруга.

— Хорошо тебе так говорить, а я сесть не могу, — ты же меня в кровь испорола.

— Так тебе и надо, — ответила Боевая Подруга.

Она бухнулась на диван и вытянула ноги, затянутые в черные кожаные штаны и сапоги.

— Вернемся домой, — сказал старичок, — напишу на тебя жалобу в суд. Заплатишь мне штраф как миленькая.

— Да разве ты будешь ждать возвращения? — ухмыльнулась Боевая Подруга. — Ты же каждый день на меня телеграм-

мы-жалобы строчишь. Хорошо еще, что радисты у меня в кармане.

Старичок рассердился так, что принялся бегать по комнате. Но Боевая Подруга не обращала на него никакого внимания.

— Ну что, мои дикари, — сказала она, разглядывая Алису и Аркашу. — Будем врать и изворачиваться или поговорим как разведчик с разведчиком?

— Что вы имеете в виду? — спросил Аркаша.

Вид у него был потешный. Штаны старика, украшенные позументами и галунами, были ему велики, и он их придерживал двумя руками, чтобы не потерять.

— А то мы имеем в виду, — сказал старичок, — что вы дикарей только в кино видели. Признавайтесь!

— А если не признаемся? — спросил Аркаша.

— Смерть ваша будет ужасна! — зарычала Боевая Подруга.

— Подружка шутит, — сказал старичок. — Ничего вам не угрожает, кроме адмирала, без которого мы, к сожалению, не можем обойтись. Мы-то вас не тронем. Мы — интеллигентные, образованные люди...

— Мы вернем вас адмиралу, — заявила Боевая Подруга. — Он в гневе безрассуден.

— Отдавайте, — сказал Аркаша. — Но тогда ни один из вас не уйдет отсюда живым.

— Вот такого разговора мы ждали, — сказал старичок. — Это уже беседа равных. Выкладывайте ваши карты на стол.

— Мы живем здесь, в лесу, — начал Аркаша.

— Только без этого, — перебила его Боевая Подруга.

Тут дверь распахнулась, и большими шагами вошел адмирал.

Если он и был пьян, то теперь это не чувствовалось. Взгляд его был ясен, руки не дрожали, шаги были уверенны.

— Простите, господа, — начал он. — Пришлось задержаться. Мои воины немного разыгрались. Ну просто псы!

— Зато верные, — вставила Боевая Подруга.

— Может быть, — рассеянно ответил адмирал. Потом обернулся к старичку: — Не беспокоит?

— Терплю, — отозвался старичок.

— Не мог я тебя не выпороть, — сказал адмирал устало. — Ты же глупость брякнул, непатриотично вел себя при народе.

— Стар я стал унижения переносить, — сказал старичок, но адмирал уже отвернулся от него и спросил у Боевой Подруги:

— Ну и как наши гости? Что рассказывают?

— Этих двоих к нам подослали. И теперь ждут их возвращения.

— Вернее всего, со всех сторон к нам уже подтягиваются войска, — добавил старичок.

Адмирал обернулся к пленникам. Он стоял, широко расставив ноги и набычившись. Шрам на щеке покраснел.

— А вы что скажете? — спросил он. — Прав мой старик или врет?

Алиса поглядела на Аркашу. Она не знала, как себя вести. Может, у Аркаши есть линия поведения? Если бы сейчас спросили у Алисы, что делать, она бы точно ответила — рассказать правду, объяснить этим лилипутикам, что они ошиблись, что им никогда не завоевать Землю. Пускай лучше улетают к себе.

— Зря вы время тратите, адмирал, — сказал Аркаша. — Ничего вам с нами не поделать, зато за нарушение галактического мира вам придется отвечать по закону.

— Юноша, — насупился адмирал, — боюсь, что цивилизация, к которой ты принадлежишь, не знает, что бывают законы женские и законы мужские. Законы женские охраняют дом и помогают растить детей. Законы мужчин учат захватывать, покорять, отнимать и завоевывать.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Молчать, когда я говорю! Только мужской закон ведет к прогрессу, только в мужском законе есть смысл жизни. Те планеты, на которых царит женский закон, обязательно становятся рабами мужских планет. Мы идем от планеты к планете, от звезды к звезде! Все планеты у нас под ногами. Каждый, кто встанет против нас, будет растоптан сапогами!

— Хорошо, — сказал Аркаша. — Вот, к примеру, вы нас завоевали. А потом что?

— Мы завоюем всю вашу планету, мы покорим вас! Вы станете нашими рабами!

— А потом?

— Потом мы покорим соседнюю с вами планету.

— А потом?

— Мы живем и, значит, двигаемся, — сказал старичок-теоретик. — Мы впитываем в себя знания и силу покоренных. После каждого завоевания мы становимся сильнее. И наступит день, когда мы станем самыми сильными во Вселенной. Это наша судьба!

— А вдруг вы встретите кого-то, кто сильнее вас? — спросил Аркаша.

— Это немыслимо, — сказал старичок. — Давно уже вычислено и известно каждому разумному человеку, что солдаты нашей армии — самые высокие и сильные разумные существа во всей Вселенной.

— Значит, выше вас не бывает?

— Природа бы не допустила этого, — сказал профессор.

— Это даже смешно, — сказала Боевая Подруга. — Да известно ли вам, недомерки, что я — победительница конкурса на самую сильную женщину Вселенной?

— Вас надо познакомить с моей симферопольской бабушкой, — заметила Алиса.

— И что тогда?

— Тогда бы вы заняли второе место.

За дверью раздался общий крик, будто завывала стая волков.

— Пора, — сказал тогда адмирал. — Пора собираться. Мои мальчики готовы к бою.

— Если их не пустить в атаку, они весь корабль разнесут, — захихикал старичок.

— Что будем делать с пленниками? — спросила Боевая Подруга. — Казним?

— Нет, они сначала укажут нам дорогу.

— Куда? — спросила Алиса.

— К тому месту, где нас ждет вражеская армия, — ответил адмирал.

— Но мы не знаем, где вас ждет вражеская армия. Боюсь, что ее вам не отыскать, — сказал Аркаша.

— А если отыщете, — добавила Алиса, — то вам не поздоровится.

— Она меня, по-моему, запугивает! — рявкнул адмирал.

Он распахнул дверь, и в комнату ворвался водопад криков и звон оружия. Оказывается, покончив с обедом и пивом, солдаты адмирала достали пистолеты и широкие загнутые сабли, а некоторые — короткие металлические дубинки с шипами. Воины топали ногами, распевали боевые песни. «Как хорошо, — подумала Алиса, — что они всего-навсего лилипуты».

Оборванные рабы, что прислуживали им, жались к стенам. Уже знакомая Алисе черноглазая курчавая рабыня выглядывала из-под стола и от страха шмыгала носом. Алиса улыбнулась ей. Та в ответ улыбнулась сквозь слезы.

Когда солдаты увидели в дверях адмирала, они завопили хором.

— Я поведу вас! — закричал громовым голосом адмирал.

— У-у-у-у! — кричали воины.

— Мы захватим эту жалкую планетку!

— О-о-о-о!

— Будет хлестать кровь!

— А-а-а!

— Тигры космоса никогда не отступают!

Неожиданно адмирал обернулся к Аркаше, и Алисе показалось, что в его глазах загорелась усмешка.

— Этот паршивый пленник, — крикнул он громче прежнего, — поведет нас к вражеской крепости!

— У-у-у! — радовались солдаты.

— А эту женщину, — адмирал показал на Алису, — получит тот, кто первым поднимется на стены их крепости!

— А-а-а!

— Три дня на разграбление! Вперед!

Построившись в колонну по четыре, солдаты, громыхая оружием, стали выходить из корабля.

— Подождите пока здесь, — сказал адмирал пленникам. — И не вздумайте убегать — бежать вам некуда.

Адмирал быстро пошел вслед за солдатами, за ним поспешила Боевая Подруга. Старичок тоже побежал следом, но через несколько шагов, запыхавшись, остановился и уселся у опустевшего стола. Подвинул к себе кружку с пивом и начал жадно пить мелкими глотками.

— Положение осложняется, — сказал Аркаша.

— Еще бы, — согласилась Алиса. — Не представляю, где ты возьмешь для них крепость, чтобы они смогли ее штурмовать.

— Думаю предложить им большой муравейник, — сказал Аркаша.

— Муравьев жалко.

— А мне — тебя.

— Меня?!

— Станешь женой одного из этих безобразников. Придется сидеть в его пещере, пока он будет завоевывать новые замки.

— Но я не соглашусь, — сказала Алиса. — Я ему скажу: «Разрешите, пожалуйста, сперва закончить среднюю школу».

— Ни в коем случае! — засмеялся Аркаша. — А то он тогда завоюет нашу школу, и нам негде будет учиться.

Сейчас, когда всех этих кричащих потных солдат не было

рядом, приключение казалось не таким уж и страшным. С минуты на минуту вернется Пашка...

— Не надо недооценивать нашего адмирала, — сказал старичок-теоретик, который, оказывается, не только пил пиво, но и все слышал. — Он только кажется таким легкомысленным и крикливым.

— Но что ему нужно? — спросила Алиса. — Ведь воевать глупо!

— Наивная психология, молодые люди, — сказал старичок. — Адмирал не знает другого ремесла, кроме войны, и другого способа производить продукты, кроме грабежа. Он — первобытная обезьяна, вооруженная пушкой. Поэтому он страшно опасен. Вы улыбаетесь, потому что не знаете, во что он превратил планету Крик-окрак. Пройдет немало лет, прежде чем она залечит раны.

— Если он хотел грабить, зачем же разорять?

— Для адмирала и его солдат высшая доблесть — убить другого, высшая радость — взять штурмом и сжечь чужой город, высшая добыча — захватить рабыню.

— Не сегодня-завтра его поймают или убьют!

— Вы ошибаетесь, — сказал старик-теоретик. — Управы на адмирала нет. Против него вынесены обвинительные приговоры на двадцати планетах, он везде объявлен вне закона — от Черной дыры до Альдебарана. Но он свиреп, скор и безжалостен. Пока патрульные крейсера телепают от звезды к звезде, адмирал уже тут как тут. И летит себе дальше! Любуйтесь, как он действует: три часа назад прилетел сюда, через час уже имел первого пленника, через два часа — двух пленных. Через три начал штурм вашего города! — Глаза старичка горели, щеки раскраснелись. Он гордился своим адмиралом.

— Какого еще города! — в сердцах воскликнул Аркаша. — Да вы понимаете...

— Мы все понимаем! Пока здесь шел пир и допросы, разведчики обнаружили в нескольких километрах отсюда громадный замок...

— Наверное, они нашу дачу нашли, — сказал Аркаша по-русски.

— Ну и пускай ее завоюют, — сказала Алиса.

— Я за Пашку беспокоюсь.

— Почему?

— Он может не разобраться — наступит еще на завоевателей...

— Не говори глупостей, — возразила Алиса. — Пашка будет беспокоиться за нас с тобой, он даже на муравья не наступит.

В этот момент завыла сирена. Она визжала отчаянно, от ее звука начинали болеть зубы.

— Тревога! На нас напали! — закричал старый профессор.

И выбежал в коридор.

Алиса и Аркаша — за ним. Может, это пришел им на выручку Пашка?

Глава 11

ГИБЕЛЬ МОРДАШКИНА

...Перед закамуфлированной пирамидой корабля были выстроены войска.

Солдаты и офицеры стояли стройными рядами, готовые к бою.

По бокам цепи солдат Алиса увидела две машины с раструбами. Чуть сзади строя стояли два вездехода. В один поднялся адмирал и встал в открытом люке. Его примеру последовала Боевая Подруга.

Старичку тоже хотелось залезть в вездеход, но места там не нашлось. Пришлось ему остаться рядом с пленниками.

День был в полном разгаре. В вышине порхали птицы, реяли стрекозы, дневная лесная жизнь не замечала того, что на нижнем этаже леса выстроилась целая армия, готовая к бою.

Подул ветер, наклонил траву, отвел в сторону листья кустарника, и Алиса на секунду увидела вдали край дачной крыши. Где же Пашка?

— Хорошо бы Пашка не спешил, — сказал Аркаша.

— Почему? — Алиса удивилась, как Аркаша угадал ее мысли.

— Мы сейчас не можем его предупредить.

— А что ему грозит?

Аркаша не успел ответить, потому что зеленый кузнечик, прыгая по своим делам, выскочил на поляну и увидел строй адмиральской армии. Перепугавшись, он взмыл вверх и пролетел низко над солдатами.

И тут солдаты показали, что у них неплохая выучка.

Они схватились за пистолеты и пулеметы, и сотни стволов стали извергать огонь и пули — словно это был не кузнечик, а вражеский аэроплан, летящий на бреющем полете.

Кузнечик словно налетел на невидимую преграду, замер в воздухе, перевернулся и, продырявленный десятками пуль, рухнул на землю. Солдаты разбежались.

— Славно, мальчики, славно! — крикнул адмирал.

Солдаты окружили кузнечика, который казался им настоящим чудовищем.

— В строй! — крикнул адмирал. — К бою готовьсь!

И тут Алиса почувствовала, что на них надвигается нечто громадное и страшное. Стебли зашевелились, как от приближающейся бури, за ними мелькало что-то темное, и в движении громадного тела была страшная беззвучность...

— Пашка? — спросил сам себя Аркаша. И сам себе ответил: — Нет.

Раздвинув лапой стебли, на краю поляны появился невероятных размеров зверь, похожий на коричневого, увеличенного стократно тигра. Супертигр приоткрыл пасть, в которой мог уместиться человек, и облизал алым языком белые зубы.

Строй воинов отшатнулся. Алиса схватила Аркашу за руку.

— Не узнаешь? — спросил Аркаша, который отлично умеет владеть собой в сложных обстоятельствах.

— Нет...

— Это же Мордашкин!

Конечно, это котенок, тот негодяй, который преследовал Аркашу, а теперь набрел на целую армию мышат, с которыми намерен расправиться.

— Ой, — сказала Алиса. — Они его могут убить.

— Надеюсь, они только отпугнут его, — сказал Аркаша. — В любом случае мы ничем ему помочь не можем.

— Я ему скажу, чтобы уходил.

— А он тебя в благодарность проглотит, — возразил Аркаша и крепко взял Алису за руку.

— Вот это добыча! — закричал адмирал. Видно, он и в самом деле ничего не боялся.

Котенок обернулся на этот писк и склонил голову.

— Где наш профессор? — крикнул адмирал.

— Нет, не надо! — закричал старик.

— Надо, — засмеялся адмирал. — Ты мне надоел. А ну дайте ему саблю.

Под смех солдат старик, которому сунули в руку саблю, пошел на подкашивающихся ногах навстречу котенку.

Котенок смотрел на него с любопытством.

— Если он отступит, стреляйте ему в спину! — крикнул адмирал.

Боевая Подруга расхохоталась так, что чуть не выпала из вездехода.

Старик шатался от страха.

Котенок решил, что мышка слишком наглая. Он поднялся и пошел к старику. Не доходя несколько шагов, Мордашкин остановился, хвост его дернулся. Котенок был настороже.

Старик издали замахнулся саблей, но так и замер.

— Вперед! — кричал адмирал. — Вперед, трус проклятый! Чему ты меня учил всю жизнь? Ты учил нападать, убивать и грабить во славу богов победы! Учи нас теперь своим примером!

Солдаты замерли. Им стало страшно — котенок, нависший над профессором, закрывал полнеба, а сам ничего не понимал, кроме того, что перед ним добыча, которой можно поиграть.

Мордашкин поднял лапу и дотронулся до старика. Тот отчаянно отмахнулся саблей. Видно, котенку стало больно. Он сердито зашипел и наподдал лапой старику. Тот отлетел в сторону и упал, как мягкая кукла. Сотни глоток ахнули от страха. А глупый котенок решил, что надо догнать игрушку, и прыгнул за стариком.

Солдаты ринулись в разные стороны. А адмирал вдруг закричал:

— Пушки отравляющего газа, пли!

Из раструбов, которые были установлены на машинах, стоявших по бокам солдатского строя, вылетели струи желтого дыма, которые, расширяясь, потянулись к котенку.

Котенок как раз положил лапу на лежавшего на земле старика.

— Адмирал! — крикнула Боевая Подруга. — Старичок-то, может, еще жив! Отравишь его, в недобрый час.

— Ничего, он свое отыграл, — ответил адмирал.

Котенок почувствовал неприятный запах, отвел морду в сторону и стал отступать.

Он успел сделать всего несколько шагов, как задние лапы у него подкосились. Мордашкин упал и, дернувшись, замер.

— Почему не надеваете противогазы? — кричал адмирал. — Сколько вас учить!

Сам он первым натянул противогаз.

Солдаты поспешили надеть противогазы. Котенок лежал

неподвижно. Старичок пытался приподняться... потом упал и замер.

— Отважные герои! — Голос адмирала звучал глухо. — Вперед, на врага! Уничтожим его смелым ударом!

Адмирал дал сигнал, его вездеход, набирая скорость, пошел вперед. В руке адмирала неизвестно откуда оказалась сверкающая сабля.

Вездеход развернулся возле неподвижного котенка, адмирал вытянул вперед саблю и проткнул ею шкуру мертвого животного.

— Я его убил! — закричал он.

В противогазе адмирал казался крысой в мундире.

Он махал над головой окровавленной саблей.

Сотни солдат в противогазах кинулись к котенку. Глухо звучал их рев:

— Слава адмиралу, победителю страшного супертигра!

— Слава!

— Хорош победитель, — мрачно сказал Аркаша. — Пошли отсюда.

— Куда?

— Подальше, — сказал Аркаша. — Пока они заняты своими подвигами. С ними не знаешь, что будет через три минуты.

— Ты прав, — согласилась Алиса. — Надо срочно становиться большими. А то они еще чего натворят.

— Главное — предупредить Пашку. А то вдруг он сюда придет. А газ у них, как ты видишь, смертельный.

Вездеход, в башне которого стояла Боевая Подруга, тоже похожая на крысу, только очень толстую, выехал перед строем безумствующих от восторга воинов.

— Я прочту вам поэму, рожденную сейчас в моем сердце! — закричала Боевая Подруга. — В честь победителя супертигров!

Адмирал перескочил из танковой башни на голову котенка. Он встал, уперев в шерсть свою саблю и подняв кулак свободной руки к небу.

— Как ты велик, почти достал до звезд! — декламировала Боевая Подруга. — Твой меч звенит, как колокол Вселенной...

— Какой этот адмирал маленький, ничтожненький, — сказала Алиса.

— Маленькие тоже бывают опасными, — возразил Аркаша.

Они побежали в заросли.

Никто не заметил их бегства. Но как только Алиса и Аркаша оказались в тени травяных стволов, они услышали, что за ними кто-то бежит.

— Скорее! — велел Аркаша. Но Алиса и без него знала, что надо спешить.

Шаги сзади не отставали. Кто-то настигал их.

— Стойте! — послышался голос. — Это я, Заури, не бросайте меня!

Черноволосая девушка-рабыня, которую Алиса заметила раньше, догнала их.

— Я не хочу больше оставаться у этих бандитов и убийц, — сказала она. — Мне страшно. Возьмите меня с собой.

— Бежим вместе, — предложил Аркаша. — Только не отставай.

Алиса протянула руку девушке, и они вместе стали пробираться сквозь заросли.

Глава 12

ГЕРАСКИН ВСТУПАЕТ В БОЙ

Пашка Гераскин вернулся на дачу раньше, чем рассчитывал.

Он бы еще посидел в библиотеке, если бы не увидел, случайно выглянув в окно, симферопольскую бабушку Лукрецию, которая мирно загребала пыль шлепанцами с загнутыми носками, неся в руке вчерашнюю корзиночку.

«Опять... — в ужасе подумал Пашка. — Опять пирожки, опять это странное стремление совать нос не в свои дела!»

Конечно, эгоист на Пашкином месте спрятался бы в библиотеке и переждал визит симферопольской бабушки, оставив ей на растерзание Алису.

Но Пашка был настоящим другом. Он увидел, что бабушка не спешила к стоянке флаеров, а направилась в кондитерскую — не иначе как купит сейчас там пирог и выдаст его за свой... Бывают же такие тщеславные бабушки! И все ради того, чтоб Пашка с Алисой ее похвалили.

Он проскользнул за спиной бабушки, добежал до стоянки флаеров, схватил первый попавшийся и рванул к даче. Надо было предупредить Алису — они еще успеют скрыться в лесу и переждать там визит старой дамы.

Отправив флаер на автоматике обратно на стоянку, Пашка вбежал на веранду и крикнул:

— Алиса! Ты где?

Никто не откликнулся.

— Алиса! — крикнул Пашка, обернувшись к саду.

Нет ответа.

Пашка вбежал в комнату. И тут увидел видеозаписку Алисы.

Просмотрев ее, он сразу позабыл о бабушке Лукреции и побежал по тропинке к коробке из-под ботинок, в надежде увидеть там если не друзей, то хоть какой-нибудь знак, оставленный Алисой.

Понятно, что в коробке было пусто, зато стрелу, указывающую на кустарник, Пашка сразу увидел.

Он медленно пошел в ту сторону, после каждого шага раздвигая траву и кусты и стараясь что-нибудь увидеть. Но ничего не увидел, а только спугнул котенка Мордашкина, который охотился в тех местах на кузнечиков.

Тогда Пашка пришел к такому же выводу, как в свое время Алиса. Уж очень велика разница в размерах между ним и Аркашей. Что может понять великан, для которого лес — трава по щиколотку, в жизни кузнечиков, обитающих в том лесу?

Конечно, читателю, который знает, что случилось с Аркашей и Алисой, легко осуждать Пашку или говорить, что он поступил неосмотрительно. Но Пашка очень волновался, даже больше волновался за Алису, чем за Сапожкова, — все-таки миниатюрная девочка, ростом в три сантиметра, одна в диком, кишащем гигантскими тварями лесу!

Так что Пашка, недолго думая, кинулся к полосатой кабине, влез в нее и впустил уменьшающий газ.

Если Алиса хоть и в спешке, но вооружилась, приготовилась к путешествию, то Пашка об этом не думал.

И только когда он уже уменьшался, он понял, что натворил. Он чуть не задохнулся под громадной грудой собственной одежды, которая заполнила внутренность кабины.

Но Пашка не стал возвращаться в исходное состояние, чтобы исправить свои ошибки, а, спустившись на землю, понесся к коробке из-под ботинок.

Разумеется, ему тут же изрезало ноги камнями, и этими же камнями он отбивался от комара, который, как вампир в страшном сне, пикировал на него, стремясь вонзить в Пашку жало, способное достать до сердца.

Через несколько минут Пашка уже был возле коробки

из-под ботинок, и там ему пришлось замереть, потому что он опять увидел Мордашкина, который резвился на берегу прудика и готов был поиграть и с лилипутом.

Наконец Мордашкин побежал дальше, и Пашка еще не знал, что тот бежит навстречу собственной смерти. Гераскин подождал, пока котенок скрылся с глаз, и потом пошел следом. Он слышал издали странный шум, будто кричали сотни людей, но решил, что это шумит ветер. Раза два ему пришлось остановиться — так было больно ступням. Он постарался примотать к ногам кусочки листьев — но волокна сразу порвались.

Пашка вышел к прогалине, у которой скрывался космический корабль пришельцев, слишком поздно. Мордашкин был уже мертв, и, облепив его, солдаты пытались снять с него шкуру, чтобы сделать дома, на родной планете, чучело супертигра. Того самого, которого собственноручно, в бою один на один, убил саблей господин адмирал.

Пашка остановился на краю зарослей, пораженный увиденным. Он готов был увидеть логово хищника, муравейник... любую опасность — только не маленький космический корабль, на котором прилетели существа такого же, как он, спичечного размера. Это было слишком невероятно! Так не бывает!

Но именно так и было.

Пашка решил не двигаться и понаблюдать за событиями. Он увидел вездеходы, машины с раструбами и самого адмирала, который руководил снятием шкуры с котенка. Сообразив, что Мордашкин погиб, Пашка страшно опечалился, что такой милый и веселый котенок больше уже с ним не поиграет, и было совершенно непонятно, как спичечные существа могли погубить его. Впрочем, подумал он, ведь люди же перебили всех мамонтов на земле, хотя были куда меньше их ростом.

Пашка сообразил, что, вернее всего, Аркаша и Алиса попали к этим людям в плен. Но если они в плену, то надо проникнуть на корабль и все узнать.

Проникнуть на корабль можно двумя способами.

Первый — вернуться к кабине, увеличиться, снова прийти к кораблю пришельцев, потрясти его как следует и достать оттуда Алису с Аркашей. У этого способа были недостатки. Во-первых, он был долгим. Пока ты доковыляешь до кабины, да превратишься снова в человека, да еще раз вернешься, инопланетяне могут три раза улететь. К тому же Пашка не был уверен, что его друзья спрятаны в корабле.

Второй способ — остаться маленьким и проникнуть в корабль.

Но как это сделать?

Солдаты нестройно пели боевые песни и свежевали котенка. По поляне кругами ездил небольшой вездеход, из люка которого, высунувшись по пояс, торчала толстая женщина с развевающимися рыжими волосами и декламировала стихи на непонятном языке...

Пашка решил добраться до корабля перебежками, скрываясь за травяными стеблями. Все рассчитав, он быстро пробежал к кочке мха и затаился среди жестких темных ветвей. Следующий шаг был сложнее — надо было проползти под носом у солдат, которые окружили котенка...

Но Пашка не успел этого сделать.

С другого края прогалины послышались громкие крики. Поглядев туда, Пашка увидел, что куча солдат тащит из зарослей Алису, Аркашу и неизвестную Пашке оборванную черноволосую девушку. Солдаты хохотали, шумели, толкали и били пленников.

— Ну что, убежали? — завопила на космолингве толстая рыжая женщина, направляя вездеход к пленникам. — Кого обмануть вздумали!

Сурового вида мужчина со шрамом через все лицо, в роскошном черном мундире, который до того командовал разделкой котенка, выхватил саблю и зарычал:

— Мы подарили вам жизнь, ничтожные! А вы посмели нас обмануть!

Он обернулся к толпе солдат:

— Что мы сделаем с этими непокорными рабами?

— Смерть! — зарычали солдаты. — Убей их, адмирал!

Пашка из своего укрытия увидел, как испугалась девушка в лохмотьях, стоявшая между Аркашей и Алисой. Алиса обняла ее за плечи и прижала к себе.

— Я повинуюсь вашей воле, мои отважные солдаты! — воскликнул адмирал. — Начинай, Боевая Подруга!

Он сложил руки на груди и смотрел, как солдаты в мгновение ока привязали пленников к толстым стеблям травы.

— Я первая! — закричала Боевая Подруга.

Она выхватила кинжал и соскочила на землю.

— Спорю, — заявила она, — что одним ударом снесу голову вот этой девчонке, — она показала на Алису.

— Если ты сможешь это сделать, — сказал адмирал, — то мы дадим тебе почетное звание Железной Руки!

— Железная Рука! Героиня! — кричали солдаты. — Она хочет совершить подвиг. С одного удара срубить голову дракону!

Боевая Подруга занесла саблю над головой, и Пашка понял, что больше отсиживаться в укрытии ему нельзя.

Он выскочил на открытое место, кинулся к ничего не подозревающему адмиралу, выхватил у него из руки пистолет и потащил адмирала к вездеходу. Прижавшись к нему спиной, Пашка приставил ствол пистолета к виску адмирала.

Адмирал завопил, будто Пашка его зарезал.

— Пашка! — закричала Алиса. — Молодец!

Адмирал бился в руках Гераскина — вот-вот вырвется.

— Стоять! — крикнул Пашка. — Не двигаться! Всем не двигаться! А то я тут же вашего адмирала пристрелю.

— Только не это! — возразил адмирал. — Я очень нужен народу.

Толпа солдат окружала Пашку полукольцом — солдаты скалились от злобы, но подойти не смели.

— Сейчас же развяжите пленных! — приказал Пашка.

Никто не двинулся с места.

— Если вам не жалко вашего адмирала...

— Ну скорее отвяжите их, неужели вам не жалко вашего адмирала? — закричал адмирал.

Несколько солдат неуверенно двинулись к пленникам.

Чтобы поторопить их, Пашка сказал:

— Считаю до трех!

— За что? — завопил адмирал. — Я хороший! Я никого не убил.

— Он хороший! — запищала Боевая Подруга. — Он меня любит.

— Да за одного Мордашкина, — Пашка указал пистолетом в ту сторону, где лежал котенок, — тебя достаточно убить!

— Они убийцы! — крикнула черноглазая девушка в лохмотьях.

Солдаты отвязали ее первой, и она помогала развязывать руки Аркаше и Алисе.

Схватив адмирала сзади за шею, Пашка начал отступать к друзьям, но адмирал сопротивлялся, сдвинуть его с места не удавалось.

— В машину, быстро! — крикнул Пашка друзьям.

Девушка-рабыня, за ней Алиса забрались в вездеход.

— Быстро! Мне его трудно держать! Заводи мотор, Аркаша!

Аркаша полез вверх, нога его скользнула по броне. Гераскин поднял руку, чтобы ему помочь, и адмирал, воспользовавшись тем, что Пашка ослабил хватку, вырвался и громадными прыжками помчался к своим солдатам.

Пашка понял, что быстрота — единственный шанс спастись.

— Вперед! — крикнул он, прыгая в вездеход.

— А как вперед? — спросил Аркаша. — Я никогда не управлял этой машиной.

— Пусти, — сказал Пашка.

— Ой! — Алиса, выглянув из вездехода, увидела, как обе машины с газовыми раструбами начали разворачиваться. Солдаты надевали противогазы.

— Они пускают ядовитый газ!

Но и Пашка ничего не мог поделать. Он никогда в жизни не видел такого вездехода. Он нажимал на кнопки, вездеход вздрагивал, ревел, но не двигался с места.

— Надо сдаваться, — произнес Аркаша, который смотрел в щель, — они уже готовы нас задушить.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка.

— Ты не видел, как погиб Мордашкин, — сказала Алиса.

— У нас женщины на борту, — добавил Аркаша.

Он осторожно высунулся из верхнего люка и закричал:

— Мы сдаемся!

В ответ раздались выстрелы — пули застучали по броне, Аркаша спрыгнул вниз в тесное чрево вездехода...

— Тогда прощай, Алиса, — сказал Аркаша.

— Я боюсь, — заплакала черноглазая рабыня Заури. — Я не хочу умирать!

— Я его заведу, я его обязательно заведу! — повторял Пашка.

Вездеход не двигался с места...

— Все! — воскликнул Аркаша.

И тут невероятные крики раздались над поляной.

Глава 13

БАБУШКИНЫ ДРАКОНЫ И СКУНУСИКИ

— Что такое? — удивился Аркаша. — Куда они побежали?

Он осторожно приоткрыл люк. Над самой поляной, едва не касаясь когтями земли, летали страшные твари — летучие

драконы, вампиры, саранча, гарпии и скунусики, крылья которых были больше корабля. Воздух потемнел и стал малиновым, будто в него влили ведро варенья.

Солдаты бросались в разные стороны, пытаясь уйти. Одни мчались к космическому кораблю, другие стреляли в небо, но пули были бессильны против чудовищ.

Аркаша успел увидеть, как адмирал бросился к газовой машине и, потрясая кулаками, требовал начать стрельбу, но тут сверху на машину спикировал дракон, и она помчалась к кораблю.

Тут адмирал увидел, что мимо него проносится вездеход, в котором сидит Боевая Подруга. Адмирал поднял руки — возьми меня!

Но Боевая Подруга на него даже не посмотрела — так она спешила к кораблю.

Некоторые солдаты еще пытались отстреливаться, но чудовища, которых становилось все больше и которые носились, вопя и скрежеща, были неуязвимы.

Спотыкаясь и отталкивая своих подчиненных, адмирал одним из последних забрался в корабль.

Быстро закрывается люк. Когти чудовищ скользят по стальным бокам корабля...

И тут в мгновение ока, как туча в грозовой день, которая тает через минуту после того, как излилась ливнем, все чудовища исчезли, пропала малиновая дымка, и наступила тишина.

И в полном изумлении ребята смотрели из вездехода, как на поляну вышла громадная великанша, каждая ступня которой была больше вездехода, а голова скрывалась где-то в облаках.

Великанша в два шага пересекла обширную поляну и наклонилась к космическому кораблю.

Гигантскими руками, каждый палец которых был в два человеческих роста, великанша приподняла пирамиду — космический корабль завоевателей — и вдруг, поднатужившись, толкнула его, словно ядро, и корабль взвился в небо, полетел, неуклюже переворачиваясь, и готов был грохнуться на Землю, но тут наконец включились его двигатели... Каким-то чудом он удержался в воздухе и, покачавшись над поляной, начал набирать скорость...

И вот, превратившись в точку, корабль пропал.

Лишь белый след напоминал о нем.

— Ничего не понимаю, — удивился Аркаша.

— А я кое-что начинаю понимать, — сказал Пашка. — Я эту великаншу видел возле кондитерской.

Конечно же, на помощь им пришла симферопольская бабушка!

Они вылезли из вездехода и махали руками, чтобы бабушка их заметила, но та их пока не видела. Она глядела в небо, наблюдая за удаляющимся кораблем.

На земле среди камней валялись пистолеты и шлемы смелых воинов, громадной горой шерсти поднимался мертвый Мордашкин. Поодаль виднелись брошенные вездеходы и газовые машины. А еще дальше — десантный катер.

Аркаша, подвернувший ногу, стоял неподалеку, опираясь о палку. Пашка подобрал пистолет и уже примеривался стрелять из него в цель. Черноглазая рабыня Заури подошла к Алисе и присела возле нее на корточки.

— Ты не убитая? — спросила она.

Прямо перед глазами Алисы поднимался блестящий светлый купол высотой с двухэтажный дом. Никакое воображение не могло бы помочь Алисе, если бы она не знала, что купол — округлый носок бабушкиной туфли, а колонна, уходящая в небо, — всего-навсего нога Лукреции Ивановны.

Колонна качнулась, купол медленно оторвался от земли и, кинув тень на Алису и рабыню Заури, поплыл над землей. Стал виден его фундамент, а попросту говоря, подошва туфли с прилипшими к ней песчинками, сучками и сосновыми иголками.

— Берегись! — крикнула Алиса и, дернув рабыню Заури за руку, отскочила вместе с ней в сторону. И вовремя. От подошвы, проплывавшей в небе, оторвался камень и с шумом, который, конечно же, бабушка Лукреция не уловила, упал вниз.

— Скорей бы вернуться в нормальный вид! — воскликнула Алиса. — Так не хочется погибнуть от удара песчинкой.

— Если она посмеет кинуть в тебя булыжником, — заявил Пашка, поднимая пистолет пришельцев, — она получит пулю в лоб.

— И даже не почешется, — сказал Аркаша.

Разглядеть бабушку можно было, лишь когда она отходила подальше. И вот сейчас, сделав несколько шагов в сторону лежавшего на земле Мордашкина, бабушка присела рядом с погибшим котенком, и ее сразу стало видно.

— А где их профессор? — спросил Аркаша. — Он же тоже погиб.

— Его взяли с собой, — сказала рабыня Заури. — Я видела, как они его тащили.

Они смотрели, как бабушка Лукреция осторожно подняла с земли тело котенка — пушистое облако поплыло над головами.

Бабушка быстро пошла прочь, только грохот ее подошв по тропинке долго не утихал в жарком воздухе.

— Вот жалость, — сказал Аркаша. — Сил нет пешком ходить.

— А нам и не надо пешком, — сообщил Пашка. — Есть вездеход.

— Мы уже проверили. Никто из нас не умеет им управлять.

— В бою — может быть, — сказал Пашка. — Но в спокойной обстановке не может быть никакой тайны. Все машины, построенные для гуманоидов, действуют по схожим законам.

— Странная великанша, — заметила Заури. — Ничего не сказала, а ушла. Ведь они могут вернуться и нас убить!

На ее больших черных глазах появились слезы.

— Ну уж, вернуться они не рискнут! — засмеялся Аркаша. — Они теперь недели две будут летать куда угодно, только подальше от Земли. Они же и не подозревали, что на свете бывают такие гиганты, как бабушка.

— Я тоже не подозревала, пока вы мне не сказали, — призналась Заури. — Как же она ходит? Как же кости ее держат?

Пашка рассмеялся, а Алиса сказала:

— В самом-то деле мы все такие, как она.

— И ты? — Заури была изумлена. Как будто Алиса предала ее.

— И я, и Аркаша, и Пашка. Мы все нормальные.

— Норм-мальные?

И Заури принялась рыдать.

— Ты что? — удивился Пашка.

— А ты поставь себя на ее место, — сказала Алиса. — Ей же кажется, что она попала из огня да в полымя!

— Лучше я вернусь в рабство, — воскликнула Заури, — чем жить среди таких страшилищ!

— Ничего страшного, — сказал Пашка, стоявший возле вездехода. — Через полчаса ты будешь такая же, как и мы!

— Я?

— Как так? — не понял Аркаша. — Что ты хочешь сказать?

— Не оставим же мы Заури здесь! — воскликнул Пашка. — Она пойдет в кабину и вместе с нами увеличится.

— Это же идея! — обрадовалась Алиса. — Конечно же,

если мы смогли стать лилипутами, то и ты сможешь стать обыкновенной вместе с нами.

— Я и сейчас обыкновенная, — сказала Заури. — Я боюсь стать гигантской — меня уж точно кости не выдержат.

Пашка протянул руку Заури.

— Здравствуй! — сказал он.

Рабыня неуверенно протянула ему руку.

Пашка сжал ее пальцы.

— Ой, больно, ты что делаешь! — рассердилась Заури и резко дернула руку. Пашка не отпускал.

Рабыня отчаянно стала дергать и наконец вырвала руку у Пашки.

Она отбежала на два шага.

— Ты какой-то странный, — сказала она обиженно.

— Я не странный, — ответил Пашка. — Я хотел проверить, отличаются ли твои кости от моих. Оказывается, ничем не отличаются. Ты только чуть-чуть меня слабее.

Конечно же, Пашка не убедил рабыню. Она горько расплакалась, потому что убежала с корабля, чтобы ее больше не угнетали, а Пашка ее ужасно угнетает. Вот когда она найдет своего отца, он тут же отрубит Пашке голову. И правильно сделает.

Алиса не сердилась на бабушку из Симферополя, которая убежала от них. Она понимала, что бабушка пытается оживить котенка. Если она дрессировщица, то обязательно проходила ветеринарное искусство и знает, как лечить животных. И если осталась хоть микроскопическая надежда — надо попытаться.

Стало темнее. Как будто грозовое облако надвинулось на них. Возвращалась бабушка Лукреция.

Она несла в руках большой белый дом — коробку из-под ботинок, которую подобрала на берегу пруда.

Она внимательно смотрела под ноги, чтобы на кого-нибудь не наступить.

Потом присела на корточки и тут же увидела Алису и Заури.

Сильными тонкими пальцами бабушка подхватила Алису, потом Заури, перенесла их в коробку, посадила на вату и тут увидела мальчиков. Аркаша с Пашей тоже совершили путешествие по воздуху.

Потом дом поднялся почти к облакам и, покачиваясь, полетел к кабине.

Бабушка Лукреция заглядывала внутрь и улыбалась им.

Глаза ее были размером с человека, а ресницы — как сабли.

— Лукреция Пантагрюэлевна, — сказала Алиса.

— Что? — спросила бабушка, увидев, что Алисин рот движется, но не разобрав писка.

Вопрос бабушки чуть не оказался роковым. От воздуха, вылетавшего изо рта гиганта, все в коробке попадали с ног. Пришлось бабушке поставить коробку на землю и дать возможность друзьям прийти в себя и поругать бабушку. Она виновато улыбалась и молчала.

Потом все же снова подняла коробку в воздух и поставила уже возле красной с белым кабины.

Бабушка выпрямилась, и голос ее долетел из сказочных высот:

— Начинайте увеличение! А я принесу вам одежду. И буду ждать.

— А не кажется тебе странным, — спросил Пашка, — что твоя симферопольская бабушка знает откуда-то нашу самую главную тайну: для чего здесь стоит кабина?

— После того как она увидела нас в таком виде, — ответила Алиса, — вряд ли ей трудно было сложить два и два. Кто пойдет первым?

— Ты и пойдешь, — сказал Аркаша.

— Почему?

— Потому что ты девочка.

— Тогда пускай идет Заури.

— Нет! — закричала рабыня. — Ни за что! Лучше смерть!

— Вот видишь, — сказал Пашка. — Она же боится, что, как только увеличится, все ее косточки треснут.

— Да, боюсь...

— Иди, Алиса, — сказал Аркаша. — Ты ее встретишь там, наверху.

— А если Заури начнет разваливаться, ты уж собери ее в кучку! — добавил Пашка коварно.

— Нет! — перепугалась Заури. — Лучше я здесь поживу!

— Где? В зарослях? — спросил Пашка. — Это самое лучшее решение. Гляди!

Пашка подобрал с земли песчинку размером с его кулак и кинул ее в заросли. Оттуда выскочил бурый жук и пролетел низко над головами. Если бы у лилипутов были свои автомобили, то жук был бы размером как раз с автомобиль.

— Что же мне делать? — Заури прижала кулачки к груди.

— Сначала ничего не делать, — сказал Пашка. — А спокойно глядеть на то, что делает Алиса.

Алиса улыбнулась рабыне и подумала: «Какое счастье

быть нормального размера! Никакой жук тебе не страшен. И муравей тебе не враг...»

Нагнувшись, Алиса вошла в круглое отверстие в стене кабины, из которого вел ход наверх, в сиденье кресла.

Алисе потребовалось минут пятнадцать, чтобы взобраться по лестнице, напустить в кабину увеличительного газа и стать снова нормальным человеком. Остальным было скучно ждать. Пашка, который совершенно не способен долго стоять на месте, отправился было в заросли в поисках подвигов, но Заури умолила его не бросать ее: ей было страшно. Одному Аркаше ее не защитить. Если Аркаше было обидно слушать такие слова, он и виду не подал — понимал, что лучше потерпеть, зато Пашка не встретится с тарантулом.

Пришла симферопольская бабушка и принесла шорты и майку Алисы.

— Не бойся, Заури, — сказала Алиса, и голос ее доносился сверху, как отдаленные раскаты грома. — Я тебя жду!

Заури вздрогнула и обернулась к Пашке.

Алиса еще не успела обуться и стояла босиком. Пашка подошел к большому пальцу ее ноги, подпрыгнул и сел на него верхом.

— Но! — закричал он. — Поехали!

Палец начал подниматься в воздух. Пашка вцепился в него, ему было страшно, но он и виду не подал.

— Ты чего не лезешь? — спросил он сверху у Заури.

— Страшно.

— Ладно уж, — сказал тогда Пашка. — Я за тобой залезу и буду тебе давать руководящие указания. Опускай меня, Алиска!

Он ударил кулаком по пальцу, Алиса медленно опустила Пашку возле кабины.

— Спасибо за прогулку, — сказал Пашка.

Конечно же, путешествие Заури по кабине заняло куда больше времени, чем увеличение Алисы. И только через полчаса рабыня присоединилась к Алисе. Хорошо, что рядом с ними была бабушка. Она увидела, что Заури закрыла глаза ладонями и покачивается — вот-вот упадет в обморок. Она подхватила ее.

— Что с тобой, девочка? — спросила бабушка.

— Так высоко, — прошептала Заури, — так далеко от земли... Если я упаду, я разобьюсь на кусочки.

— А ты посиди на траве, — сказала бабушка. — Тогда твои глаза будут ближе к земле.

Алиса принесла черноглазой рабыне свое платье, вид которого вернул Заури к жизни.

— Это мне? — воскликнула она. — Навсегда?

— Как хочешь.

Заури тут же успокоилась, и к тому времени, когда появился увеличенный Пашка, а потом Аркаша, она уже ожила, осмелела и даже улыбалась.

— Неужели и я была такая? — спросила Заури, глядя на муравья.

— Нет, это тебе приснилось, — ответил Пашка.

И тут Заури в первый раз рассмеялась.

Часть вторая

КТО Я?

Глава 1

РАССКАЗ МАЛЕНЬКОЙ РАБЫНИ

Вечером, когда все волнения улеглись и увеличенная до нормальных человеческих размеров рабыня Заури уже забыла о том, что ее кости не выдержат и треснут под тяжестью тела, а котенок Мордашкин, которого, ко всеобщей радости, бабушка Лукреция оживила, резвился на поляне, все сидели за столом на веранде и пили чай.

Алисе казалось, что она пробыла в лилипутском облике много дней, а чай в последний раз пила чуть ли не в прошлом году. Что же касается Заури, то ей сначала чай не понравился, и только после того, как Пашка щедрой рукой всыпал ей в чашку семь ложек сахара, она признала, что чай — вполне сносный напиток, хоть и уступает марасанге, которую пьют на сиенде господина Панченги Мулити.

Спорить с ней никто не стал.

— Какая ты хорошенькая, — сказала бабушка Лукреция, любуясь рабыней Заури. И в самом деле — вымывшись и переодевшись из платья в Алисины брюки и Аркашину гавайскую рубашку, Заури оказалась настоящей красавицей. Лицо у нее было смуглым, глаза темно-карими, волосы иссиня-черными, блестящими и тяжелыми — казалось, что их потоки оттягивают голову назад и шее трудно удерживать такой груз.

— Мне говорили об этом, — вежливо ответила Заури. — А на корабле капитан сказал, что готов на мне жениться.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Пашка. — Сколько же тебе, прости, лет?

— Откуда мне знать? — удивилась Заури. — Мне никто об этом не рассказывал.

— А ты в школу ходила? — спросил Пашка.

— Конечно, ходила, — ответила девушка. — Всю зиму ходила.

— А ты хоть знаешь, как твоя планета называется?

— Я не знаю, как называется вся планета, — сказала Заури, — но наша сиенда называется «Розовые Водопады».

— И там есть розовые водопады? — спросил Пашка.

— Конечно, — удивилась девушка. — Три розовых водопада. И один красный.

— Почему?

— Потому что в них падает кровь с неба.

— Ничего себе, спасли на свою голову! — возмутился Пашка. — Это же совершенно темное существо.

И тут-то Заури ударилась в рев. Она рыдала минут пятнадцать, и никто не мог ее остановить и утешить.

Сквозь потоки слез она говорила, что теперь ей уже никогда не найти своей сиенды, что ее превратили в урода и что ей теперь не отыскать себе мужа, потому что все настоящие мужчины стали меньше ее мизинца. А она попала к грубым и невежественным людям, которые не знают даже, что такое Розовые Водопады и сиенда господина Панченги.

— Хватит! — не выдержал наконец Пашка. — Сейчас я сам разревусь.

— А почему? — спросила Заури и тут же перестала рыдать.

— Не выношу женских слез.

— Тебе меня жалко?

— Конечно, жалко!

— Тогда я не буду плакать, потому что ты мне понравился с первого взгляда.

— А вот это лишнее! — вмешалась Алиса, которой слова рабыни совсем не понравились.

— Он тебе самой нравится, — сказала рабыня.

Алиса встала из-за стола и спустилась в сад.

— Алиска, не обращай внимания! — крикнул вслед Пашка.

А симферопольская бабушка заметила:

— Пускай Алиса погуляет, каждому человеку иногда хочется побыть одному.

«Спасибо тебе, бабуля, — сказала про себя Алиса. — Хоть ты и немолодая, но что-то еще в жизни понимаешь».

Алиса обошла кабину. Лес погрузился в сумерки, и небо стало бесцветным и бездонным. Заквакала лягушка в прудике. Алиса вдруг улыбнулась — ничего себе соседство было у Аркаши! Взрослая лягушка человечка одной левой с ног собьет!

Алисе было слышно, о чем шел разговор на веранде.

— А почему ты оказалась на том корабле? — спросила симферопольская бабушка.

Алиса остановилась у сосны и обернулась — отсюда было видно, как висевшая над столом лампа освещает лица и отражается в начищенном боку самовара.

— Потому что меня захватили, — ответила Заури.

— А давно?

— Может быть, давно, — сказала девушка.

Она поднялась из-за стола и спросила Пашку:

— Можно я возьму такой круглый фрукт?

Она показала на вазу с яблоками, что стояла на столе.

— Зачем? — спросил Аркаша.

— Мне надо тренироваться, — сказала девушка. — А то господин цирковой хозяин меня не возьмет.

— Сплошные тайны и недомолвки, — проворчал Пашка. — Вместо благодарности.

— Я тебя, Паша, не понимаю, — возразила Заури. — Разве я не благодарна всем вам и особенно тебе? Я очень благодарна. Я сказала — спасибо! Но это было раньше. А теперь уже другая жизнь. Я не могу всю жизнь ходить за тобой и говорить: «Спасибо, Пашенька, спасибо, спаситель, спасибо, спаси меня снова!»

Девушка взяла из вазы четыре яблока и, отойдя от стола, начала их подкидывать в воздух. Это у нее получалось очень ловко.

— Осторожнее, — предупредил Аркаша, — чашки разобьешь.

— Я не уроню, — ответила Заури. И сделала несколько шагов к перилам веранды, не переставая подкидывать яблоки.

Алиса обратила внимание на то, как бабушка внимательно смотрит на Заури.

— Кто тебя учил? — спросила она наконец.

Заури, не прекращая жонглировать, сделала сальто назад.

— Оп-ляля! — воскликнула бабушка.

Еще сальто — Заури чудом не ударилась ногами о косяк двери, собралась в комочек, подлетела к самому потолку и, что удивительно, не уронила при том ни одного яблока. Под потолком распрямилась ласточкой и через мгновение уже сидела на перилах веранды нога на ногу, как ни в чем не бывало продолжая жонглировать яблоками.

Аркаша и Пашка захлопали в ладоши.

— Ты гений, Заури! — закричал Пашка. — Тебе в цирке выступать надо!

— Рано ей еще выступать, — ответила за рабыню симферопольская бабушка.

— Конечно, рано, — согласилась Заури.

— Садись за стол, — сказала бабушка, — положи яблоки на место и постарайся вспомнить.

— Я ничего не помню!

— Каждый человек что-то помнит. Где ты раньше жила?

Заури вернулась к столу, положила яблоки в вазу.

— Я жила на сиенде, — сказала она. — Наша сиенда лежит на берегу реки Врог в провинции Альела на нашей планете.

— На какой?

— Я не знаю, как вы ее называете, но у нас на сиенде ее никак не называли. Зачем называть свой дом домом?

— А что такое сиенда?

— Сиенда — это место, где живут, где сеют зерно и сажают деревья.

— Как здесь? — Аркаша обвел рукой вокруг себя.

— Нет, что ты! Сиенда — это очень большое место. Там живет тысяча человек, может, даже больше.

— А кто там начальник? — спросил Пашка.

— Как так — начальник?

— Кто говорит — что делать, куда везти, куда ставить...

— Господин Панченга Мулити, кто же еще? — удивилась девушка. — Он и говорит, он награждает и наказывает.

— И твои родители тоже там живут?

— Не надо меня расстраивать. — Заури шмыгнула носом. — Я никогда не видела ни мамы, ни папы!

— Они умерли?

— Я не знаю, что с ними случилось. И нет ни одного человека, который захотел бы сказать мне правду! Сколько я себя помню — я всегда только презренная рабыня. Меня можно обидеть, избить, продать и даже убить.

— Так не бывает! — возмутился Пашка.

— Все бывает в нашей Галактике, — возразила бабушка. — Галактика большая, разные люди, разные обычаи...

— Неужели тебе никто не сказал, откуда ты появилась на этой самой сиенде? — спросила Алиса, подходя к веранде.

— А там много таких, как я. Нас так и зовут — найденыши. Только неизвестно, где нас нашли, кто нашел. Мне кажется, что я иногда вижу маму во сне. Но лица ее никак не могу разобрать.

— И больше ничего? — спросил Аркаша.

— Я помню, как ходила в поле собирать колоски, как про-

палывала курпицу, как собирала ягоды выри, я помню, как стирала и гладила. Но все это — уже на сиенде.

— А почему ты не спросила у взрослых?

— У каких взрослых? — печально улыбнулась Заури.

— Ну там же есть воспитатели, учителя, врачи...

— Зачем воспитатели и врачи рабам? Если раб умрет, на его место придет другой. Вот и все.

— Позор! — произнес Пашка.

— А я к этому привыкла, — сказала Заури. — Я и не знаю другой жизни. Когда я была поменьше, я иногда спрашивала у надсмотрщика: «Кто я такая? Откуда я? Где мои отец и мать?»

— А он?

— А он бил меня за это. Такие вопросы задавать нельзя.

— И больше спросить было не у кого?

— Мы жили в большом доме, где была одна комната. В этой комнате стояло сто кроватей. Мы все там были одинаковыми — никто из нас не знал своих родителей. И мы были уверены, что родились в этой самой комнате. Там у нас был уголок для самых маленьких. Иногда утром мы просыпались, а на свободной кровати лежит новенький малыш. Мы думали, что он появился, пока мы спали.

— Странно, — сказал Пашка. — В наши дни в цивилизованном обществе этого не бывает.

— А кто тебе сказал, что она жила в цивилизованном обществе? — спросил Аркаша.

— Погодите, мальчики, — сказала Алиса. — Не мешайте Заури рассказывать. Ведь интересно!

— Я не знаю, что рассказывать. Я же другой жизни не знала, для меня это все было обыкновенно...

— Тогда рассказывай по порядку. Какой был у тебя день. Кто вас кормил, кто вас будил, как вы ели, что делали потом, — сказала бабушка.

— Будили нас колоколом, — сказала Заури. — Колокол начал бить — скорей вскакивай. И беги мыться. Потому что умывальников мало, а умыться надо всем. Не успел первым к умывальнику, можешь остаться без завтрака. Утренний суп и кашу принесут, а потом унесут. Кто опоздал, тот голодный.

— Я бы лучше не мылся, — сказал Пашка.

— А госпожа Чистоль придет! Она у всех руки проверяет и ногти. У кого грязные — десять плетей, не хочешь? Настоящие плетки, не игрушечные.

— Что? Вас били? — возмутился Пашка. — Детей били?

— И правильно делали, — сказала рабыня. — Если нас не бить, мы распустимся, вообще ничего делать не будем. Я это знаю. Человек только из-под палки и работает.

— А ты здесь яблоками жонглировала, — спросила Алиса, — тоже из-под палки?

— Если не тренироваться, — рассудительно ответила девушка, — то разучишься. А разучишься, никому не будешь нужна. Вот тебя и отправят в подземелье горную пряжу чесать. Там ты от кашля и помрешь. Там все помирают.

— Темная сила! — сказал Пашка. — Откуда только тебя привезли!

— Погоди, Пашка, не мешай человеку, — остановила его Алиса.

— Я могу и не рассказывать, — заявила девушка. — Чего я буду рассказывать, все равно твой Паша не верит.

— Рассказывай, — смилостивился Пашка. — Только коротко и правдиво.

— А я по-другому и не умею.

Девушка хлопнула себя по щеке — убила комара. Потянулась, зевнула, прикрыв рот ладошкой — видно, хотела спать, но не могла признаться в этом, потому что остальным было интересно слушать ее рассказ.

— Потом нас всех, — продолжала Заури, — и сытых и голодных, гнали на работу. До обеда. Кого в поле, кого в мастерские — каждому работа найдется, даже самому немощному, даже самому маленькому.

— А какая работа?

— Обыкновенная. Тростник резать, грядки перекапывать, вредителей с листьев собирать, мешки с удобрениями носить — мало ли работы в поле?

— И за вами взрослые смотрели?

— Не дети же! — Заури даже рассмеялась. — Потом, как пообедали, кто обратно на работу, а кто в школу. Я в школу ходила, я умная, потому и живая, а которые глупые и в школу не ходили, они обязательно помирали — от усталости. А я в школу ходила, вот теперь считать умею и немного читаю.

— Значит, ты в школе училась читать и писать?

— Я в школе много чему училась, — сказала девушка. — В школе человека на все пробуют — вдруг в нем выгодная способность отыщется, и тогда его можно будет дорого продать. Нас и считать учили, и рисовать, и бегать, и прыгать — все пробовали.

— А ты хотела отличиться? — спросила бабушка.

— Конечно. Я хотела, чтобы меня продали.

— Зачем? — удивился Пашка. — Ведь это унизительно!

— А ты хотел, чтобы я на всю жизнь осталась на сиенде, чтобы каждый день до самой смерти гнула спину над грядками и рассадой? Чтобы меня бил кнутом надсмотрщик? У нас, у рабов, одна надежда — чтобы тебя выгодно продали. На другую планету. А я мечтала еще, что попаду в другой мир, что стану сама богатая и куплю билет на звездный корабль, буду на нем летать от планеты к планете и буду искать моих папу и маму. Они, наверное, и не знают, что я живая. Они, наверное, думают, что я давно уже умерла... — И Заури снова зарыдала.

Все ждали, пока она успокоится. «И это странно, — подумала Алиса. — Такого быть не может! Сидит на веранде Аркашиной дачи девушка, очень красивая, худенькая, черноволосая, и плачет, потому что она — рабыня и даже не знает, есть ли у нее родители».

— А как получилось, что ты стала жонглировать? — спросила бабушка Лукреция.

— Очень просто, — сказала Заури. — Мы проходили спортивные испытания. Прыгали, бегали, подтягивались, кидали разные предметы. Господин наставник развития тела приказал мне гнуться и прыгать. А потом дал шарики кидать. И потом говорит: «Очень интересно, в этой паршивке что-то есть». Он доложил моей комнатной госпоже, а комнатная госпожа самому Панченге Мулити, господину хозяину сиенды.

— А потом?

— Давайте перенесем разговор на завтра, — предложила симферопольская бабушка. — Уже совсем поздно, а у нас был такой длинный и трудный день.

— Нет, бабушка, пожалуйста! — взмолилась Алиса. — Еще совсем немножко осталось. А завтра некогда будет.

Бабушка развела руками.

— Давай рассказывай! — велел Пашка рабыне.

— Мне сразу лучше стало жить, — продолжала девушка. Она даже закрыла глаза, так ей приятно было вспоминать те дни, что последовали за открытием ее таланта. — Меня стали кормить лучше других. Мне мясо стали давать и сахар, представляете?

— Представляю, — сказал Пашка.

— От сахара только вред один, — вставил Аркаша. — Многие врачи советуют не есть сахара.

— Плохие врачи, — сказала Заури. — Вы их не слушайте.

— Значит, тебя отделили от остальных детей? — спросила бабушка.

— Да. Так всегда делают. Если видят, что рабыня выгодная, что ее можно будет хорошо продать, ее обязательно отделяют.

— А куда можно человека продать? — спросил Аркаша.

— У нас на планете много желающих. И даже с других планет на сиенду приезжали. Мало ли кому люди нужны.

— Сумасшедший дом, — сказал Пашка. — Сколько живу, столько удивляюсь и возмущаюсь. Человечество уже освоило половину Вселенной, наука ушла так далеко, что не видит собственного хвоста. А где-то в уголках таятся дикие нравы, рабские планеты и какие-то страшные разбойники. Нет, я решил твердо — иду в Патрульное училище! Буду патрульным разведчиком! Посвящу жизнь борьбе со всякими подонками и мучителями.

— А пока лучше кончи школу, — сказала Алиса. — Светлана очень тобой недовольна. И знаешь почему?

— И знать не хочу. В конце концов, не все ли равно, где ставить запятые. Я их совсем скоро отменю — и людям удобнее, и учителям.

— Кто же тебя учил, девочка? — спросила симферопольская бабушка у рабыни.

— Сначала наставник с нашей сиенды, а потом господин Панченга Мулити призвал из города наставника Трибуци. Он меня учил. И еще меня стали учить космолингве.

— Расскажи, пожалуйста, подробнее, — попросила симферопольская бабушка, — чему же тебя учил наставник из города?

— Как чему? Все тому же. Он учил меня кидать круглые вещи — яблоки, шары, а потом палки, булавы и даже горящие факелы. Три, четыре и так далее. Я могу кидать девять яблок — только небольших.

Все смотрели на бабушку и ждали, что она еще скажет. Но бабушка ничего больше не сказала. Она сидела за столом и смотрела перед собой, глубоко задумавшись.

— Досказывать? — спросила наконец Заури.

— Расскажи, как ты попала на тот корабль, — попросил Аркаша.

— Господин наставник из города не заставлял меня работать в поле и бил меня очень редко, только когда я теряла предметы, которыми жонглировала. Хороший наставник.

— Ничего себе хороший, — проворчал Пашка. — Дай срок, я до него доберусь!

— Нет, хороший! Ты не знаешь, какие бывают плохие, — сказала Заури. — Он меня все учил и учил. А потом позвал к себе, а там стоит совсем незнакомый господин. Такой странный господин, что я даже сначала испугалась. У него очень черные и густые брови, глаза светлые-светлые, а нос...

— А нос вот такой! — неожиданно вмешалась бабушка и показала двумя загнутыми пальцами, какой горбатый нос у того человека.

— Ты что-то знаешь, бабушка? — спросила Алиса.

— Нет, только подозреваю, — ответила та.

— Господин показался мне страшным, — продолжала Заури. — Он велел показать, что я умею делать. Я очень старалась и от страха уронила одну булаву. Мой наставник хотел меня побить, а тот, с черными бровями и сломанным носом, приказал меня не трогать. И вообще пальцем до меня не дотронулся. Он сказал, что я ему подхожу. И улетел к себе. А мне дал конфету, честное слово! Я до сих пор фантик храню...

Девушка провела пальцами по груди, но тут вспомнила, что она уже совсем не та, что была вчера, и если ее фантик и сохранился, то в тех лохмотьях, которые она оставила у кабины.

Заури сразу опечалилась. Алиса сказала:

— Ничего страшного. Завтра утром ты найдешь свое бывшее платье, оно никому не нужно и лежит возле кабины. И возьмешь оттуда свой фантик. Если, конечно, найдешь его.

— А почему не найду?

— Потому что он очень маленький.

Заури вздохнула — видно, ей в самом деле жалко было фантик. Потом она закончила свой рассказ:

— Господин Панченга Мулити долго разговаривал с наставником, потом мой хозяин сказал, что меня посылают учиться в Галактическое цирковое училище. Чтобы я вела себя там хорошо и слушалась господина начальника. Потому что он вложил большие деньги в мое образование и надеется, что я верну ему этот долг. Я ему была так благодарна... я поцеловала его сапог...

— Что? — грозно возопил Пашка.

— Так полагается, — сказала Заури, — в этом нет ничего особенного. Другие рабыни, постарше, еще больше делают... Мне дали провожатых до космодрома, там посадили на лайнер, и я летела и летела... Это было очень интересно. Вы не представляете, что такое космический лайнер!

— Представляем, — сказал Пашка.

— Тогда тем более — вы понимаете. Меня кормили три раза в день. Так не бывает!

— Да, так не бывает, — согласился Пашка, который решил больше с этой девушкой не спорить.

— Мы летели, и вдруг — звон! Что-то гремит, а капитан корабля велит всем оставаться в каютах, потому что на нас напали! Мы все испугались и попрятались по кабинам. А потом было совсем страшно, потому что какие-то чужие люди с пистолетами врывались в кабины, вытаскивали нас, обыскивали и все отнимали. А если кто-то сопротивлялся, они убивали его. Я сама видела!

— Может, не надо рассказывать, ты так волнуешься, деточка, — сказала бабушка.

— Нет, я расскажу. Мне лучше рассказать, чтобы вы тоже все знали. Они многих убили, и там была кровь... А тех, кто остался живой, собрали в кают-компании — это такая столовая на корабле — и сказали, что мы теперь будем рабами. Все возмутились, и плакали, и просили этого не делать. Только я не просила, потому что для меня в том не было ничего удивительного. Я и без того всю жизнь была рабыней. Только жалко было, что я не попаду в цирковое училище.

Заури замолчала.

Все остальные тоже молчали. Через минуту, наверное, Алиса спросила:

— А что было дальше?

— Ничего, — сказала Заури. Она даже удивилась такому вопросу.

— Как так — ничего?

— Я снова стала рабыней. Только не на сиенде, а на корабле, — сказала девушка. — Я мыла посуду, подметала пол, делала всякую неприятную работу. Только я не переживала и не сердилась. Я знала, что нужно терпеть. И если долго терпишь, будет лучше. А другие не умели терпеть. И тогда эти люди, которых вы называете бандитами, их наказывали — они их убивали, а некоторые сами умирали или убивались. И потом нас почти не осталось...

— И долго же вы так летели? — спросил Аркаша.

— Я не знаю, — сказала Заури. — Только могу сказать, что прошло много дней.

— Да, прошло много дней, — согласилась бабушка, глядя с печалью на Заури. — Мне нужно вас покинуть, — вдруг сказала она. — Мне надо срочно выяснить некоторые необъясни-

мые вещи, разрешить непонятные загадки. Как только я что-нибудь пойму, я сразу же вам сообщу.

— Тебя проводить до стоянки флаеров? — спросила Алиса.

— Нет, — отказалась бабушка, — не надо меня провожать. Я же не просто бабушка, а бывшая дрессировщица тигров.

— Нет, я провожу, — произнес Пашка и стал подниматься из-за стола. Но пока он поднимался, Лукреция Ивановна исчезла, растворилась в воздухе.

— Не знаю, как вы, — сказал тогда Пашка, — но я немного посплю. Минут шестьсот. У меня выдался трудный день.

Все согласились, что уже пора спать. Алиса с Заури легли наверху, на диване, а мальчики внизу. Одеял не хватило, было прохладно. Девочки обнялись и накрылись одним одеялом.

Алисе не спалось — уж очень удивительным и волнующим оказался прошедший день.

И тут она услышала внизу на веранде чьи-то шаги. Она сразу узнала по шагам Аркашу.

Алиса спросила тихо:

— Аркаш, ты чего не спишь?

— Я думаю о великом открытии в истории Галактики.

Алиса ответила не сразу. Потом сказала:

— Я тебя понимаю. Это в самом деле великое открытие.

— Какое еще открытие? — услышали они сонный голос Пашки.

— А такое, что в Галактике есть две цивилизации — одна в пятьдесят раз меньше другой, и каждая из них населяет целые планеты, летает на космических кораблях, и живут они бок о бок. Но до сегодняшнего дня — и это самое невероятное — они даже не подозревали о существовании друг дружки.

Глава 2

СНОВА ЛИЛИПУТЫ!

С утра все разбежались в разные стороны.

Аркаша сказал, что он временно откладывает свое путешествие — ему надо вернуться на два дня в Москву. Пашка пригласил Заури вечером в цирк, чтобы она могла оценить мастерство московских жонглеров, и распрощался до вечера. Алиса повезла Заури домой — девушку надо было по-человечески

одеть и показать врачу. Мало ли какой вред нанесла ее детскому организму жизнь на сиенде и на бандитском корабле!

Все Заури было в диковинку: и машины, и флаеры, и играющие в саду дети, и одежды — ведь она, кроме рабской плантации и пассажирского космического корабля, ничего в жизни не видела.

А когда приехали к Алисе домой, Заури была просто потрясена.

Во-первых, тем, что у Алисы есть своя комната.

Во-вторых, роботом-домроботником Полей, который встретил их в дверях и спросил:

— Обед ставить? В шестой раз суп подогреваю.

Заури сначала ахнула от удивления, а может, даже и от испуга, потому что Поля хоть и домашний робот, но не очень похож на человека. Скорее он напоминает увеличенную во много раз консервную банку с футбольным мячом вместо головы.

В-третьих, рабыню, конечно же, потрясло Алисино богатство. Ведь у Алисы оказался целый шкаф разных одежд — от сарафана до зимнего комбинезона и меховой малицы. А так как девочки были почти одного роста, хотя, судя по всему, Заури была года на два постарше, то рабыня забыла обо всем, даже о своих пропавших родителях. За час она перемерила половину Алисиного гардероба. Робот Поля страшно обрадовался тому, что его не гонят и на него не кричат, как обычно. Он стал давать советы, потом подключил видик к информаторию, набрал код Парижа и стал показывать, какие сейчас в Париже моды. Этим он все перепутал в хорошенькой головке жонглерши, и Заури чуть было не ударилась в слезы оттого, что не знает, как ей красивее одеться.

В конце концов Заури заявила, что из Алисиного гардероба ей ничего не подходит. Ведь она не школьница, а будущая великая актриса!

Пришлось им отправиться на флаере в магазин и взять с собой Полю, который изображал из себя знатока женской моды. К обеду они вернулись домой с чемоданом, набитым платьями, блузками и другими вещами для рабыни Заури, и, если бы жонглерша не проголодалась, они бы побывали и в парикмахерской.

Дома они по достоинству оценили кулинарные таланты Поли и после обеда улеглись на широком Алисином диване.

— Спасибо, — искренне сказала Заури, которая, конечно, замучила Алису своими капризами и требованиями. Но гостья

есть гостья, да и не каждый день тебе выпадает счастливый жребий обрадовать настоящую рабыню с другой планеты.

Вдруг Заури замерла, глядя в одну точку. Глаза ее стали медленно наполняться слезами. Она всхлипнула. Кончик носа стал краснеть. Слеза сорвалась и покатилась по щеке...

— Что ты? Что с тобой? — встревожилась Алиса.

— Как ты не понимаешь! — заревела рабыня. — Ведь я побуду у тебя, и мне надо будет возвращаться в свой маленький размер! И все мои платья и туфли я оставлю тебе! А сама опять надену свои лохмотья.

— Да что ты, не расстраивайся! — утешала ее Алиса. — Все эти вещи останутся твоими. Когда захочешь, ты сможешь прилетать ко мне, увеличиваться снова до моего размера и ходить в этих одеждах.

— Правда?

— Чистая правда! А пока ты будешь учиться в цирковом училище, ты сможешь одеваться как пожелаешь.

Заури перестала плакать, порозовела, глазищи ее заблестели.

И тут же тень вновь скользнула по ее лицу.

— Но они все у меня отнимут!

— Кто?

— Господин Панченга Мулити.

— Но он же тебе больше не хозяин. Мы не признаем рабства.

— Рабство есть везде.

Алиса не успела ответить, как раздался сигнал видеофона. Звонил Аркаша.

— Ого! — сказал он, увидев переодетую Заури. — Наша рабыня стала первой красавицей Москвы! Тебе надо участвовать в конкурсе «Мисс Москва»!

— Правда, ты не шутишь? — воскликнула Заури. — Я в самом деле такая красивая?

— Разумеется, — вмешался домроботник Поля. — Я лично давал ей советы, как стать красивой.

— Нет, — сказала Алиса, — к сожалению, твоя победа в конкурсе «Мисс Москва» будет недействительной.

— Это еще почему?

— Потому что ты меньше мизинца самой маленькой из твоих соперниц. Представь себе: все красавицы стоят в ряд, а перед тобой — большое увеличительное стекло.

— Перестань надо мной смеяться! — обиделась Заури. — Это я раньше была маленькой, а теперь я гигантская. Как ты.

— И хочешь остаться такой большой?

— Я еще подумаю, — ответила Заури. — Конечно, мне лучше кое-где быть большой, а кое-где маленькой.

— Браво, Заури! — засмеялась Алиса. — Ты уже не боишься, что твои косточки треснут.

— А что с ними сделается! — отмахнулась Заури.

И тут же обернулась к зеркалу проверить, насколько она красива в новом платье.

Аркаша сказал, что он сделал запрос в Центральный информаторий. И там ему ответили, что во всей Галактике нет ни одной планеты, на которой жили бы лилипуты размером со спичку. И никогда ни один человек не встречал такого лилипута.

— Не может быть! — сказала Алиса.

А Заури на всякий случай начала реветь.

Рыдания ее были такими горькими, что Аркаша сказал:

— Ну ладно, пока... я побежал...

Он, как и все мужчины, не выносил женских слез. А Заури оказалась чемпионкой мира по умению заплакать в нужный момент.

— Заури! — сказала Алиса. — Сейчас же перестань рыдать, а то ты испортишь слезами платье!

— Я мимо капаю, — ответила Заури, продолжая плакать дальше.

— Но что тебя сейчас так расстроило?

— Они говорят, что лилипутских планет нет, значит, и моей планеты нет. И моей сиенды нет, и моих папы и мамы нет, и даже господина Панченги Мулити нет! — Тут уж слезы хлынули таким потоком, что Алисе пришлось принести для рабыни полотенце, которое промокло минут через пять.

— Погоди! — пыталась прервать рыдания Алиса. — Но ведь ты есть!

— А я теперь неправильного размера! Я теперь уродка. Меня мама не узнает!

— Мы можем тебя сделать лилипуткой в три минуты, — ответила Алиса.

— Тебе хорошо рассуждать! А сама потом на меня наступишь. Лучше я потерплю. — Заури даже плакать на минутку перестала. — Только я совсем немного потерплю. А то моя мама состарится или умрет, и я ее не успею увидеть. Ты, пожалуйста, Алиса, придумай что-нибудь поскорее.

— Что придумывать, — сказала Алиса. — Придумывай —

не придумывай, надо лететь на твою сиенду к господину Панченге.

— Зачем? Он злой!

— А кто еще знает, откуда тебя привезли? Только он. Наверное, у него документы сохранились.

Заури от радости захлопала в ладоши.

— Летим! — закричала она. — Скорее летим!

— Во-первых, — остановила ее восторг Алиса, — мы не знаем, куда лететь. Ведь такой планеты нет...

— А во-вторых? — спросила Заури, приготовившись плакать, но отложив начало рыданий на минутку.

— А во-вторых, даже если бы мы знали, где твоя сиенда, туда надо лететь маленькими.

— Почему? Я не хочу уменьшаться. Я хочу быть большой и сказать господину Панченге: «Не отдашь мои документы, не скажешь, где моя мама, я на тебя наступлю... Нет, лучше я тебя одним пальцем раздавлю!.. Нет, лучше наступлю!»

— Стой, стой! — пыталась остановить разбушевавшуюся рабыню Алиса. — Растоптать его ты сможешь, но вот документы твои — такие маленькие, что читать их придется под микроскопом.

— Да, — согласилась Заури. Она поняла, что все это означает. — Даже если мы с тобой возьмем эти документы и растопчем господина Панченгу Мулити, нам надо возвращаться сюда и снова становиться маленькими, потому что, если я приеду к маме такой большой, я ее до смерти испугаю!

— А что, если с самого начала стать маленькой? — предложила Алиса. — Если с Земли прилететь на сиенду лилипуткой? Тогда к маме ты тоже попадешь маленькой.

— Нет! — закричала тут Заури так громко, что робот Поля въехал в комнату и грозно сказал Алисе:

— Перестань мучить несчастного ребенка!

— Я ее не мучаю, — сказала Алиса. — Скорее она меня мучает. То она спешит лететь на поиски своей мамы, то она, видите ли, передумала. Ну скажи, почему ты сейчас отказываешься уменьшаться?

— Потому что у меня никогда раньше не было таких чудесных платьев. Я уменьшусь, и у меня снова их не будет.

— Мама тебе сошьет новые.

— А вдруг мама шить не умеет?

— Сама научишься.

— Нет, лучше я сначала изношу эти платья, а потом мы полетим искать мою мамочку.

— Ну что ты об этом думаешь? — спросила Алиса у робота, который стоял в дверях и покачивал круглой головой.

— Я думаю, что рабыню надо пожалеть, а не смеяться над ней. Если человек больше любит платья, чем свою маму, — это его болезнь, а не развлечение.

— Я? Не люблю маму? — Заури была вне себя от возмущения. — Да я все эти проклятые платья сейчас выброшу в окно!

Она схватила одежду в охапку и подбежала к открытому окну.

И остановилась.

— Ну чего же ты? — спросила Алиса. — Давай кидай!

— Не могу, — ответила Заури, — я боюсь попасть кому-нибудь на голову.

— Если учесть, что это окно выходит в сад и там никто не ходит, — сказал робот Поля, — то о прохожих можно не думать.

Рабыня Заури бросила платья на пол, а сама села в кресло, чтобы поплакать.

Алиса ей не мешала. Робот тоже молчал.

Вдруг совершенно спокойным голосом, будто и не рыдала вовсе, Заури произнесла:

— Мне нельзя на сиенду.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что я рабыня и никто меня не отпускал. Как мы приедем, хозяин Панченга сразу велит схватить меня, бросить в подвал и заковать в цепи.

— Он не имеет права, — заявил робот Поля.

— А он не знает ничего про ваше право, — сказала рабыня. — Он делает что хочет.

— Я думаю, — продолжал робот Поля, — вам надо сообщить о ситуации инспектору Крому, затем вместе с ним заявиться на ту планету, всех негодяев арестовать, рабство отменить, сиенду сжечь и рабов отправить в санаторий.

— Это хорошая мысль, — отметила Алиса. — Но, к сожалению, она не очень практичная. Потому что мы не знаем, где родители Заури. А вдруг они тоже в плену у Панченги, только на другой сиенде или еще где-нибудь. Ведь инспектор Кром прилетит на военно-патрульном корабле...

— А у господина Панченги есть свои корабли, получше, чем ваш крейсер! — возразила девушка.

— Помолчи, — сказала Алиса. — Я, кажется, придумала. Сколько стоит рабыня на вашей планете?

— Очень дорого, — ответила Заури.

— А сколько все-таки?

— Тысячу кредитов.

— А сколько стоит один кредит? Что можно на него купить?

— На кредит можно целого барана купить.

— Значит, ты стоишь столько, сколько тысяча баранов?

— Это немыслимо дорого, — сказал робот. — За такую капризную рабыню не дадут и барана.

— Ты забыл, что у меня великий талант! — возмутилась Заури. — Я же умею кидать девять предметов!

Алиса выдвинула ящик письменного стола и вынула оттуда коробку с любимыми украшениями и драгоценностями. Там были изумрудный перстень, подаренный ей в Атлантиде, ожерелье из бриллиантов, полученное на память о планете Пять-четыре, и другие красивые сувениры. Заури даже заныла от восхищения.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — этого нам хватит?

— Для чего?

— Для того, чтобы тебя купить.

— А зачем меня покупать? Лучше подари мне все это!

— Если не хочешь искать своих родителей, то бери.

Заури сделала движение к коробке, но тут же поняла, какой плохой она кажется Алисе, и сказала:

— Конечно, хватит. На всю сиенду хватит. А кто тогда будет моим хозяином?

— Хочешь, я буду?

— Нет, только не ты! — взмолилась рабыня. — Ты будешь меня иголками колоть.

— Я? Иголками? Я никого никогда не колола иголками.

— Это потому, что у тебя раньше не было рабыни. А как я стану твоей рабыней, тебе сразу захочется колоть меня иголками.

— Ну хорошо, будь тогда Пашкиной рабыней.

— Ни в коем случае! Он захочет со мной целоваться!

— Заури, ты мне смертельно надоела. Ты хочешь, чтобы я тебя выкупила из рабства?

— А чьей рабыней я стану?

— Еще один такой глупый вопрос, и я никуда с тобой не

лечу. Пойми же — у нас нет рабства. Мы даже не знаем, что такое рабство!

— Неправда. Вот Поля — твой раб! Ты ему приказываешь, а он не смеет тебя не послушаться.

— Теоретически, — сказал робот, — меня можно рассматривать как раба Алисы и всего ее семейства. Но, по сути дела, я допускаю, что все обстоит наоборот и они являются моими рабами!

— Хватит, — Алиса собрала драгоценности в плоскую коробку.

— А может быть, ты одна слетаешь? — спросила Заури. — Я тебя тут подожду.

— Так кто тебя мне продаст, если тебя не будет? Кто мне поверит?

— Никто.

— Тогда летим.

— Я боюсь.

— Ничего не случится. Мы оставим Поле наши координаты, и, если что случится, нас сразу найдут. Не бойся. Ты же сама говоришь, что хозяева сиенды не грабители и не бандиты. Они выращивают и продают рабов. Значит, они любят деньги. Мы выкупим тебя, а потом спросим у главного начальника, кто ты такая и как попала на планету.

— И мы узнаем, где моя мама?

— Собирайся, Заури.

— А на чем мы полетим?

— Ты еще не догадалась?

— Нет. Откуда мне знать? Я никогда еще не летала на ваших кораблях.

— И куда же мы прилетим на нашем корабле?

— На планету... Ой, они же там все маленькие!

— Конечно же, мы не можем лететь туда в настоящем виде. Мы должны уменьшиться.

— А как же драгоценности?

— Для этого я отобрала бриллианты. Они маленькие, а стоят очень дорого.

— Но у нас же нет такого маленького кораблика!

— У нас есть такой маленький кораблик. Кораблик, компьютер которого наверняка знает координаты планеты, где находится сиенда.

— Где же этот корабль?

— На веранде Аркашиной дачи.

— На даче?

— Вот именно. Это планетарный катер с корабля бандитов, который они оставили, когда бабушка выбросила их с Земли.

— И мы в нем поместимся?

— Попробуем, — ответила Алиса.

— И я с вами, — сказал Поля.

— Нет, голубчик, — возразила Алиса. — У тебя куда более трудное задание. Ты должен остаться здесь, хранить нашу тайну, а в случае нужды организовать спасательную экспедицию.

— Рад стараться! — ответил робот.

— А в чем же мы полетим? — грустно спросила Заури. — Я уж привыкла красиво одеваться.

Алиса велела домроботнику притащить с антресолей ящик с куклами, до которого Алиса не дотрагивалась уже больше года, но мама не хотела выкидывать эти воспоминания о детстве.

Поля приволок большой ящик, поставил его посреди комнаты, вытер его влажной тряпкой и спросил:

— Захотелось перед дорогой поиграть в куклы?

— Разумеется, — сказала Алиса. — И еще немного пошить.

Алиса торопила Заури, которая, на счастье, оказалась хорошей рукодельницей. Алиса боялась, что с работы вернутся взрослые и тогда убежать будет труднее. Они перешили себе по платью. Напоследок Алиса сшила рюкзачок для бриллиантов и сложила в него ценности.

Поля проводил девочек до дверей. Он стоял понуро, не глядел на Алису.

— Ты что, чем-то недоволен? — спросила Алиса.

— Настоящий мужчина всегда недоволен, — вздохнул робот, — если женщины уходят в бой, а он остается на кухне.

— Твой бой еще впереди, — ответила Алиса.

Глава 3

ЛЕТИМ К РАБОВЛАДЕЛЬЦАМ!

Девочки вернулись на дачу раньше всех.

— Это лучше, — сказала Алиса. — А то Аркаша стал бы задавать вопросы, а Пашка наверняка бы увязался за нами.

— Ну и пускай бы увязался, — сказала Заури. — Мне он нравится.

— Я сама управлюсь, — сухо ответила Алиса. — Чего тут особенного — приехала, купила рабыню и уехала. А Пашка только напутает.

— Хорошо, — согласилась Заури, — когда я вернусь, я буду дружить с Пашкой. А когда окажется, что мои родители — короли или императоры, то Пашку от меня клещами не оторвешь.

— Это еще почему? — удивилась Алиса.

— Мужчины обожают принцесс! — ответила Заури.

— Ты так думаешь? — Алиса поднялась в дом. Машины и планетарный катер стояли на столе. Алиса взяла катер в руки. Он оказался тяжелым, хоть и был сделан из сверхлегких сплавов. В нормальном виде он весил бы больше тонны. А если разделить этот вес на пятьдесят, можно понять, почему Алиса с трудом его приподняла.

— Помоги мне! — сказала она рабыне. Вдвоем девочки дотащили катер до кабины и поставили его на землю.

— Жалко, я не показала тебе моего диплома, — сказала Алиса рабыне, которая часто дышала — устала нести катер.

— Какого диплома? — спросила Заури.

— Диплома, что я наследная принцесса одной империи. И могу туда полететь в любой момент.

— Ты? Принцесса? — Заури ужасно удивилась и не поверила. — Ты совсем не похожа!

— А кто похож?

— Если кто и похож, то это я! — сказала рабыня. — Ты посмотри, какая я красивая и изящная. Все это отмечают.

— Настоящая принцесса совсем необязательно красивая.

— Но желательно, — сказала Заури. Она оглянулась. — Даже зеркальца нет! Я не привыкла обходиться без зеркал.

— Если твоя мама окажется простым инженером, а твой папа просто писателем или механиком, ты расстроишься?

— Ни в коем случае не расстроюсь! — Заури счастливо улыбнулась, показав свои прекрасные жемчужные зубки. — Ведь я-то знаю, что на самом деле они король и королева.

Алиса уже понимала, что спорить с рабыней — только время тратить попусту.

— Раздевайся, — сказала она. — Пора лететь.

Она свернула в кулек перешитые кукольные платья и держала их наготове. Заури поглядела на них, потом кинула взгляд на платье, надетое на ней.

— Подожди, Алисочка, — шелковым голоском произнесла она. — Может, попробуем лететь в наших платьях?

— Ты же знаешь — они упадут с нас и погребут под собой.

— А может быть, не погребут? В виде исключения?

— Почему для нас должно быть исключение?

— А потому что на моем корабле и на сиенде все ходят в своей одежде, и хоть бы что!

— Они же не уменьшались! Они всегда были такими!

— А ты уверена?

— Заури, я от тебя устала. Я понимаю — тебе хочется любой ценой показать всем на сиенде, в каком красивом платье ты ходила на Земле. Вот ты и хитришь.

Заури тяжело вздохнула. Больше у нее не осталось никаких аргументов.

— Ты одевала своих кукол в самые уродливые платья в мире, — проворчала она наконец.

— Давай не будем спорить, — сказала Алиса. — Мне нужно вернуться обратно, прежде чем родители спохватятся.

Заури вздохнула и начала раздеваться. Раздевшись, она завернула свою одежду в простыню, а сверток отнесла в комнату и засунула под диван.

— Теперь никто не найдет, — сказала она, как пират, который закопал на необитаемом острове громадный клад.

Оставшись совсем голой, Заури вернулась к Алисе, которая сидела на веранде, писала письмо Аркаше, и спросила:

— Ты хочешь меня до смерти застудить?

Алиса рассмеялась и велела Заури завернуться в простыню. И сама, когда разделась, поступила так же.

Они подошли к кабине.

— Мы теперь с тобой привидения, — сказала Заури. — Давай останемся здесь до ночи, и когда Аркаша приедет, мы выскочим из кустов и закричим: «Ууу-ууу!»

— И что дальше? — спросила Алиса.

— Дальше он брякнется в обморок! А мы его водой обольем и скажем: «Что-то ты трусоват, Аркаша!»

— У тебя буйное воображение, — сказала Алиса. — Иди первой.

— Почему я всегда первой? А что, если там в кабине паук? Он меня съест.

— Заурочка, честное слово, некогда! Я должна убедиться, что ты уменьшилась нормально.

— Меня никто не любит, — заявила Заури, капнула слезами, но больше спорить не стала, а влезла в кабину.

Прежде чем Алиса закрыла люк, Заури успела сказать маленькую речь:

— Ты думаешь, что ты лучше, умнее и главнее меня? Ты глубоко ошибаешься. Вот сейчас мы снова станем нормального человеческого размера, и тогда я перестану бояться, что мои несчастные косточки вот-вот рассыплются от жуткой тяжести моего громадного тела. Тогда я снова стану веселой и беззаботной!

— Счастливого пути, — сказала Алиса. — Ты должна нажать вот на эту кнопку, а потом спустишься...

— Помню, помню, не маленькая! — раздраженно ответила Заури и захлопнула крышку люка.

Заури появилась из нижнего отверстия кабины только через двадцать минут. Алиса вся изнервничалась — мало ли что может случиться с несмышленышем. Но обошлось — вот Заури выползает из люка и, подняв руку, машет Алисе.

Алиса наклонилась и осторожно положила рядом с лилипуточкой мешочек с их вещами и рюкзак с алмазами и сама забралась в кабину.

Путь этот уже стал привычным. Закрывается люк, ты нажимаешь на кнопку, которая пускает газ. Вот и газ пошел — ты чувствуешь его свежий запах. Потом потолок кабины начинает быстро стремиться вверх и тесная камера превращается в громадный гулкий зал. Алиса поднимается и идет к открытому в сиденье люку. Лестница вниз кажется бесконечной, даже ноги устают — но и ей приходит конец.

И вот, раскрыв нижний люк, Алиса выпрыгивает на землю возле кабины.

И хоть она уже бывала маленькой, привыкнуть к этому нельзя.

Все изменилось в мире — все стало огромным и даже страшным. Все, кроме рабыни Заури, которая осталась такого же нормального роста, как и Алиса. И можно забыть на минутку, что обе девочки — лилипуточки.

— Что ты делаешь! — воскликнула Алиса. — Кто-нибудь увидит...

Оказалось, ожидая Алису, рабыня соскучилась и решила поглядеть, как увеличились алмазы. Она развязала мешок, и большие, каждый с кулак, сверкающие драгоценные камни покатились по земле.

Договорить Алиса не успела. Стало темно — нечто громадное, со свистом разрезающее воздух, опустилось сверху. Девочки упали на землю... Зажмурились от страха...

Шум, скрежет, снова свист... Стало светло.

Алиса вскочила первой и кинулась к мешку. Так и есть — одного бриллианта не хватает.

— Твое счастье! — крикнула Алиса, подхватывая мешок и лихорадочно засовывая в него тяжелые сверкающие камни. — Твое счастье, что это была не ворона, а какая-то маленькая птица. Ворона заодно с камнями склевала бы и тебя.

— Я не хотела... — заныла рабыня. — Я только посмотреть хотела.

— Хорошо еще, что я успела! А то бы остались мы без бриллиантов. На что бы мы тебя выкупали?

— Не сердись, Алисочка, — продолжала хныкать рабыня. — Я же не знала, какие здесь страшные звери водятся. У меня дома все птички маленькие, они поют песни, а орлы летают высоко и никогда не бросаются на людей. А здесь у вас все такие страшные!

— Конечно же, — сказала Алиса. — Ведь каждая планета устроена для ее обитателей. По размеру. Там, где маленькие люди, там и маленькие птицы. Это называется гармония.

— Не знаю, как что называется. Давай скорей отсюда улетим. Жду не дождусь, когда вернемся на сиенду.

— Ты даже согласна снова стать рабыней?

— Я не хочу быть рабыней, но лучше быть рабыней, чем жить в твоем гигантском мире!

— Ну, тогда полетели, — вздохнула Алиса. — Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Что ты сказала?

— Это очень старинная шутливая поговорка.

Алиса первой забралась внутрь планетарного катера. Теперь, когда она стала маленькой, катер превратился в настоящий космический корабль, летающее блюдце, в котором отлично разместились бы и десять человек. К счастью, он был устроен примерно так же, как и земные корабли. В нем был кубрик для экипажа и небольшой отсек управления.

Алиса втащила в катер тяжелый мешок, в котором была одежда, а также рюкзак с бриллиантами. Она бросила его посреди кубрика и сказала Заури:

— Одевайся первой.

Заури послушно раскрыла мешок.

— А можно я твое голубенькое возьму? — спросила она.

— Бери, бери, — ответила Алиса. Она прошла к пульту управления, уселась в пилотское кресло и включила пульт. Энергия была. И хоть некоторые надписи были сделаны на непонятном языке космических бандитов, никаких тайн для Алисы в катере не оказалось.

Она сразу отыскала и информаторий — справочный экран.

Алиса рассуждала так: раз в Галактике есть неизвестные нам лилипутские планеты, то они-то друг о дружке знают! Значит, у них есть свои звездные карты, свои заправочные станции и свои опасные перекрестки. И хоть рабыня не знает, как называется ее планета, — не беда. На карте обязательно будет показана планета Заури, надо только задать информаторию правильные вопросы!

— На какой планете находится сиенда Панченги Мулити? — спросила Алиса на космолингве.

Информаторий искал ответ меньше минуты. Потом на экране загорелась надпись на космолингве: «Информация строго секретная».

— Этого еще не хватало! — возмутилась Алиса. — Оказывается, у лилипутов тоже есть военные тайны.

— Давай я попробую спросить на языке нашей планеты, — предложила Заури. — Ты мне только скажи, куда говорить?

Но на вопрос рабыни экран ответил такой же надписью — лишь на другом языке.

— Я сейчас буду плакать, — предупредила Заури. — И никто меня не пожалеет.

— Я-то точно тебя жалеть не буду, потому что ты своим ревом мешаешь мне думать.

— А ты подумала, что я — сирота? — Голос рабыни дрожал.

Алиса не ответила, а Заури отложила рев на будущее. На самом деле она совсем не хотела мешать Алисе.

«Так, — подумала Алиса. — Все же я — человек, а катер — машина. И только машина. Значит, я могу его перехитрить. Надо только задавать нужные вопросы».

— Почему информация о сиенде господина Панченги секретна? — спросила Алиса.

На этот раз информаторий думал больше минуты, прежде чем ответил: «Я не могу дать координаты Резервной базы снабжения».

— Вот и замечательно! — сказала Алиса.

— Что же делать? — Заури еле удерживала слезы. — Нам теперь никогда не попасть на сиенду!

— Наоборот. Мы туда попадем без всяких приключений. Потому что сейчас я задам правильный вопрос, и информаторий на него может даже не отвечать...

— Я ничего не понимаю!

— Курс на Резервную базу снабжения! — приказала Алиса катеру. — На максимальной скорости! Опускаемся у сиенды Панченги Мулити. Как поняли?

— Приказ понял. Начинаю исполнение, — ответил катер.

— Сколько займет полет?

— Один большой прыжок. Вместе с разгоном и торможением — четыре часа.

— Исполняйте, — велела Алиса и выключила микрофон.

— Ты гений, — сказала Заури. — Я бы не догадалась.

— В этом не было ничего сложного, — заметила Алиса, которая, впрочем, была собой довольна.

Глава 4

КАК КУПИТЬ РАБЫНЮ?

Полет был как полет. Как и положено в двадцать первом веке. Ведь не в другую Галактику летели, а в своей же — от звезды к звезде. Так что это путешествие было нетрудным и неопасным, не то что путешествие вокруг Аркашиной дачи.

От того, что катер был в пятьдесят раз меньше обычного, ничего, в принципе, не менялось.

За время полета Заури приготовила обед, но показала себя никуда не годной хозяйкой. Пришлось вместо подгоревшего жаркого есть бутерброды. Потом она забралась в стенной шкаф и отыскала там скафандры, которые ей очень понравились, и рабыня начала думать, как бы перешить скафандр в модный костюм. Она все еще думала, когда их катер подлетел к планете Ноотри — первой в жизни Алисы планете, которую населяют лилипуты.

Переведя корабль на орбиту вокруг планеты, Алиса уже представляла себе, как они с Аркашей напишут доклад о лилипутских цивилизациях Галактики и выступят на научном конгрессе. Бородатые земные академики будут хлопать в ладоши,

а зеленые слизистые плюхи с Кавари будут пускать к небу радужные пузыри восторга.

Алиса не успела додумать свою мечту, как уже пора было садиться.

По ее приказу катер опустился в поле, неподалеку от сиенды, с которой родом рабыня Заури.

Корабль медленно сел в лесу, схожем с бамбуковым — тонкие зеленые стволы поднимались высоко в небо и покачивались под ветром. Небо было сумрачным, по нему бежали сизые тучи, и в воздухе чувствовалась влажность.

При посадке Алиса видела дорогу, которая вела к сиенде — группе белых домиков. Теперь им надо было выйти на ту дорогу.

Заури, конечно же, задержалась. В последний момент она передумала надевать голубое платье и решила надеть красное, чтобы еще больше удивить своих бывших подруг по рабскому общежитию.

Алиса спрыгнула на землю одна.

Сквозь стволы бамбука была видна широкая, как поле, дорога. Движения по ней не было — придется, видно, идти до сиенды пешком. Ну ничего, даже полезно размяться после полета.

Высоко в небе летали птицы.

— Ну что же мы стоим? — раздался голос. Это Заури кончила свой туалет и теперь делала вид, что задержка произошла вовсе не из-за нее.

На Алисе и Заури были самодельные сандалии — еще на даче они вырезали подошвы из пластика и приспособили к ним нитки. Подошвы получились тяжелыми, а нитки резали ноги.

— Скажи, Алисочка, — спросила Заури кошачьим голоском, — а у тебя не найдется одного лишнего бриллиантика? Самого маленького?

— Зачем?

— Мы бы сейчас купили на него настоящие туфли и шляпы — а то здесь считается не очень приличным для порядочной женщины ходить без шляпы.

— Хорошо, — согласилась Алиса. Конечно же, шляпа ее не волновала, но надеть настоящие туфли хотелось.

Раздвинув гибкие стволы, они вышли на широкую дорогу. Покатые красные крыши крайних домов сиенды виднелись на горизонте.

— Ну и далеко же ты села от сиенды! — возмутилась Заури. — Я не дойду.

— Странно, — сказала Алиса. — Я приказала катеру сесть в трехстах метрах от крайнего дома.

— Здесь целых триста километров, — сказала рабыня.

Алиса собралась было вернуться к катеру и перелететь на нем поближе к сиенде, как вдруг почувствовала, что земля под ногами мерно сотрясается.

— Это что? — испугалась Заури. — Землетрясение?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Такое впечатление, что идет стадо слонов. Причем все они шагают в ногу.

— Бежим! — крикнула Заури. — Улетим отсюда!

Они кинулись прочь с дороги. И вовремя.

Невиданное гигантское животное показалось на ней. Такого чудовища Алисе не приходилось видеть даже во сне.

Ростом оно было выше десятиэтажного дома, каждая лапа его была толще и больше колонны Большого театра, тело было покрыто шерстью — если можно назвать шерстью лохмы толстых веревок длиной с удава-анаконду. Но самое страшное — это пасть чудовища, которая не оставляла сомнений, что оно — хищник. Красная пропасть, окруженная метровыми заостренными зубами, нависала над тропинкой, и ясно было, что никуда не денешься от этих зубищ!

Чудовище с паровозным шумом втянуло в себя воздух и повернуло в сторону девочек черный блестящий нос с человека величиной. Злобные глазищи сверкали — чудовище увидело добычу!

С рыком, сотрясшим воздух, оно рванулось к девочкам, и убегать было поздно. Рядом с Алисой что-то упало, но сама она не могла даже двинуться. Бывает, что ужас, охвативший человека, становится так велик, что человек каменеет.

И тут случилось чудо!

Когда зубы чудовища дотянулись до Алисы, оно резко взмыло на задние лапы, а передними замахало в воздухе, натужно рыча. Чудовище пыталось дотянуться до Алисы зубами, но неведомая сила влекла его прочь, как будто оно было привязано к машине, спешившей промчаться мимо.

Страшный громовой вой потряс воздух — чудовище стонало от желания сожрать добычу, но преодолеть сопротивление не могло.

И тут из космической высоты до Заури донесся громовой голос:

— Иди, иди, малышка! За каждой гусеницей не набегаешься!

И только тогда девочки увидели, что шею чудовища стягивает ошейник, от которого тянется цепь, как у корабельного якоря. Другой конец цепи держит чудовище вдвое большее, чем первое. Этим чудовищем был человек, который и вел по тропинке свою собаку.

Собака прохожего увидела маленьких девочек и захотела их сожрать. А человек не разрешил собаке останавливаться и пожирать всякую гадость. И этим, сам того не зная, спас Алису и Заури от смерти.

Дорога еще сотрясалась от удаляющихся шагов, как Алиса обернулась к Заури и сказала дрожащим голосом:

— Не бойся, это человек...

И увидела, что ее подруга лежит на дороге без чувств.

Алиса оттащила Заури под сень травы — теперь уже ясно было, что вокруг всего-навсего трава, а не заросли бамбука.

Значит, произошла роковая ошибка — катер привез их на планету, которая принадлежала нормальному Алисиному миру. А не к миру лилипутов. И лишь по чистой счастливой случайности Алиса и Заури остались живы.

— Заури! — Алиса ударила рабыню по щеке, та открыла глаза и сразу зажмурилась. — Не притворяйся, ты жива, и я жива. И нам нужно срочно на катер. Мы должны отсюда улететь.

— На катер? — Заури сразу ожила. Она вскочила и первой добежала до катера.

Алиса задраила люк.

— Ты поняла, что случилось? — спросила она.

— Нет. Только очень испугалась.

— Мы ошиблись планетой. Может быть, катер нас обманул.

— Разве катер может обманывать?

— Его можно запрограммировать, чтобы он хранил тайну.

— Что же теперь делать?

— Надо искать другую планету. Хорошенько подумай, Заури, что ты знаешь о своей планете?

— Давай сначала поднимемся повыше, — сказала Заури. — А то вдруг это чудовище вернется?

— Ты права, лучше не рисковать, — согласилась Алиса и подняла катер на орбиту.

Тем временем Заури рассказала, что знала о планете, на которой она была рабыней. Оказалось, что на ней есть два ма-

терика, и посреди океана у Северного полюса поднимается великий вулкан Ао. Больше она ничего вспомнить не смогла, потому что на уроках не слушала учителя, а глазела на какого-то Кукуцу, который был красивый!

Алиса смотрела на экран. Перед глазами медленно поворачивалась планета. На экране были видны два материка, окруженные океанами, и даже небольшой остров у Северного полюса, над которым висело громадное черное облако — там извергался вулкан.

Странно. Выходит, что это та самая планета, но другого размера!

— А ты позвони вниз и спроси, в чем дело! — подсказала Заури.

— Ты права, — сказала Алиса. — Глупо пролететь так далеко и вернуться несолоно хлебавши.

Алиса включила космическую связь и вызвала справочное бюро планеты, вокруг которой они летали.

— Здравствуйте, — ответили из справочной. — Чем могу быть вам полезен?

— Дайте нам ваши координаты, — попросила Алиса.

— Странный вопрос. Вы же находитесь на орбите вокруг нашей планеты.

— Вы в этом уверены?

— Так же, как в том, что сегодня утром завтракал, — ответили снизу. — Может, вы дети? Может, вы украли боевой космический катер и теперь хулиганите?

— Нет, — сказала Алиса, — мы не дети. Но мы, очевидно, заблудились. Скажите, пожалуйста, вы какого размера?

— Еще более глупый вопрос, — прозвучал ответ. — Мы самого нормального размера.

— Конечно же, вы правы, извините. — Алиса даже покраснела. Наверное, на планете решили, что она сбежала из детского сада.

— Спроси про меня, — подсказала Заури.

Но Алиса и сама уже догадалась.

— Простите за беспокойство, — сказала она. — Вы не можете сказать, есть ли на вашей уважаемой планете сиенда «Розовые Водопады»?

— Одну минутку, — ответил голос. И почти тут же продолжал: — На северном континенте есть сиенда «Розовые Водопады».

— А кто хозяин этой сиенды?

— Хозяин сиенды «Розовые Водопады» уважаемый Панченга Мулити, известный филантроп, друг детей.

— А чем занимаются на этой сиенде?

— Это особенная сиенда, — ответил голос. — Господин Панченга Мулити устроил там детский дом. Он собирает сирот и дает им кров и воспитание.

— Он самый, — сказала Алиса, обернувшись к Заури. — Что будем делать?

— Я ничего не понимаю, — ответила та.

Алиса снова обратилась к справочному бюро:

— Простите, у вас на планете все люди одного роста? Или есть разные?

— А, это опять глупый катер? Отвечаю — у нас на планете есть люди разного роста и размера, есть толстяки и карлики, кривые и горбатые, хромые и лысые. У нас на планете есть все! А у вас?

— Нет, так мы ничего не узнаем... — вздохнула Алиса.

— Но они признались, что там есть Панченга Мулити, — сказала Заури.

— Если это не его большой двойник, — вздохнула Алиса.

— Как так двойник?

— Я подозреваю, что мы живем в Галактике, которая имеет близнеца. Только этот близнец в пятьдесят раз меньше, чем первый брат. И все в них одинаково. Только в разных размерах. Есть две планеты, на которых живут два Панченги Мулити — только один ростом в четыре сантиметра, а второй в два метра.

— Что ты говоришь! — воскликнула Заури. — Это значит, что меня тоже две? И тебя?

— А почему бы и нет?

— Но какие из нас настоящие?

— Обе настоящие.

— И понимать не хочу. Только голову чепухой забивать, — сказала рабыня Заури.

В этот момент в рубке раздался новый голос. Чем-то знакомый, взвизгивающий, резкий, взволнованный.

— Катер 8976-2, отзовись!

— Катер 8976-2 на связи, — ответила Алиса.

— Ваши координаты!

— Зачем они вам? — удивилась Алиса.

— У меня есть для вас важные новости. Иду на сближение.

— Ой, не надо, — прошептала Заури. — Мне этот голос знаком.

— Мне тоже, — сказала Алиса.

— Вы меня хорошо слышите? — спросил голос.

— А кто вы такой? — спросила Алиса.

— Вы очень обрадуетесь, когда меня увидите, — сказал голос. — Я ваш старый знакомый.

Послышался смех.

— Кто меня вызывает? — спросила Алиса у справочного бюро планеты.

— Я не поставлен об этом в известность, — ответило то.

Заури совсем испугалась.

— Алисочка, — стала просить она, — пожалуйста, давай отсюда улетим.

Видно, тот, кто разговаривал с ними, услышал просьбу Заури.

— И не пытайтесь, — произнес он. — Наша скорость куда больше вашей. Никуда вы от нас не денетесь. А будете сопротивляться — отдадим вас в галактический суд за воровство.

— Нас? За воровство? — удивилась Алиса.

— Разумеется. Откуда у вас катер, на котором вы летаете, как в своей детской коляске? Вы его украли!

— Это адмирал! — узнала Заури. — Это бандит!

— Адмирал — правильно, а бандит — очень грубо, — ответил голос.

Он снова засмеялся.

— Вы засечены, — сказал он наконец. — Вам никуда не деться. Ждите нас на орбите.

— Алисочка, бежим!

— Убежать мы не сможем. Он прав, — прошептала Алиса. — Но мы попытаемся опуститься на планету и спрятаться там в лесу.

— Так давай же!

— Садись в кресло. Будут перегрузки!

Алиса включила двигатели и начала резкий спуск к планете.

Но приземлиться они не успели.

Корабль адмирала — серая пирамида, та самая, которую так решительно выкинула с Земли симферопольская бабушка, настиг их у входа в атмосферу. Во время погони Алиса снова вызвала справочное бюро.

— Говорит катер 8976-2. Мы подверглись нападению неизвестного пиратского судна. Вы меня слышите?

— В пределах видимости нет ни одного неопознанного судна, — ответил голос.

— Кто же за мной гонится?

— За вами никто не гонится, — ответил голос.

На экране появилось лицо адмирала.

— Крошки, — сказал он, — хватит этих игрушек. Тормозите, а то подстрелим.

— Алисочка, не спорь с ним! — взмолилась Заури.

— Я сдаюсь, — произнесла Алиса. Впервые в жизни ей пришлось сдаться.

Глава 5

ГИГАНТЫ И ЛИЛИПУТЫ

Когда бандиты с корабля-пирамиды загнали свой спасательный катер в ангар, Алису и хныкающую Заури провели под охраной на капитанский мостик корабля, который располагался в верхней части пирамиды.

Адмирал и его верная Боевая Подруга ждали их там.

— Спасибо, — сказал адмирал, увидев девочек. — Большое человеческое спасибо. В неравной и героической борьбе с гигантскими монстрами мы вынуждены были отступить, как отступает человек перед лицом тайфуна, чтобы, пользуясь разумом и хитростью, вернуться победителем. Но раньше, чем я успел продумать все детали реванша, судьба подарила мне вас, козочки! Вы сами прыгнули в суп. Дайте я вас расцелую!

И с этими словами адмирал, перекосив в зловещей усмешке физиономию, изуродованную шрамом, направился к Алисе. Алиса отбежала в угол, а стоявшие на мостике офицеры хохотали, умирали от смеха, а громче всех визжала Боевая Подруга.

Заури на всякий случай начала рыдать, но на нее никто не обращал внимания.

— Только посмейте дотронуться до меня! — сказала Алиса. — Вас один раз уже выкинули с планеты, как нашкодившего котенка. Так я вам гарантирую, что вас выкинут отовсюду!

— Она еще смеет мне угрожать! — закричал адмирал, но остановился. — Как она смеет угрожать мне, непобедимому и великому?

— Она не смеет! — закричали офицеры.

— Вот видишь — ты не смеешь, а все равно угрожаешь. Это никуда не годится.

— Я предупредила, — сказала Алиса. — И могу сказать вам

со всей ответственностью: я такого же роста, как и та женщина, которая вышвырнула вас с Земли. Сейчас я уменьшилась временно, чтобы помочь моей подруге.

— Это правда, — дрожащим голосом подтвердила Заури.

— А ты молчи, ничтожная рабыня! — закричала на нее Боевая Подруга.

Но крик получился не очень уверенным.

— А я сейчас, — сказал адмирал грозно, — свяжусь со старшим братом и получу инструкции. И тогда сотру тебя в порошок.

— Давно пора было получить инструкции. А то вы без инструкций все время ошибаетесь, — сказала Алиса.

— Вызывай! — приказал адмирал.

Сидевший в пилотском кресле офицер ответил:

— Сиенда на связи.

Адмирал уселся во второе кресло. На экране появилось толстое лицо с заплывшими подслеповатыми глазками, низким лбом, над которым навис ежик черных волос.

— Это он! — ахнула Заури. — Это мой господин!

— Панченга Мулити на связи, — сказал толсторожий человек, лениво шевеля толстыми, как помидоры, губами. — Кто меня беспокоит?

— Это я, твой младший брат, Скулити, — ответил адмирал.

— Братишка! — Лицо Панченги собралось в мягкий кулак. — Ты куда исчез? Почему не докладываешь? Хочешь, чтобы я тебя разлюбил?

— Не хочу! — быстро ответил адмирал. — Но произошло столько непредвиденных событий...

— Докладывай. Только быстро, — сказал хозяин сиенды.

— Как ты знаешь, рейд проведен удачно...

— Удачно? Кто просил тебя перебить пассажиров лайнера?

— Мне не нужны свидетели.

— А ты знаешь, что на борту была моя рабыня Заури?

— Она жива, я взял ее к себе.

— Молодец. Не забудь ее вернуть.

— Она сбежала.

— Это обо мне, — прошептала Заури Алисе. — Помнит меня хозяин. Потому что я талантливая.

— Куда сбежала? — рассердился хозяин сиенды.

В ответ адмирал громко расхохотался.

— Недалеко сбежала. Тут она, поймали.

— Ладно, я тебя готов простить, но скажи, зачем сюда по-

жаловал? Тебе же строго-настрого приказано — сюда ни под каким видом! Ты меня не знаешь, я тебя не знаю!

— Мне нужно было срочно встретиться с тобой! Мы обнаружили расу гигантов. Людей, которые во много раз больше нас. Они населяют несколько планет, и мы вступили с ними в неравный бой.

— Не мели чепухи, — сказал хозяин сиенды, — таких гигантов не бывает. Их бы кости не выдержали.

— Вот видишь! — неожиданно вмешалась в разговор Заури. — Я тоже так думала. А оказывается — ничего. Когда я была гигантской, мои кости меня отлично держали.

— Ты была гигантской? Это что, цирковой фокус?

— Это самая обыкновенная наука. Алиса может подтвердить.

— Так, — медленно произнес Панченга Мулити. — А ну-ка, спускайтесь возле моей сиенды! Я тебя жду, адмирал, со всеми пленниками и объяснениями.

— Слушаюсь, брат! — воскликнул тот. — Немедленный спуск на площадку перед дворцом хозяина сиенды «Розовые Водопады»!

— Слушаюсь, адмирал, — ответил пилот.

Корабль бандитов, увеличив скорость, пошел по касательной вниз. Он прорезал облака — внизу побежали зеленые поля.

— Ты трепещешь? — спросила Боевая Подруга у Алисы.

— Нет, я удивляюсь, — сказала Алиса. — И жду громких испуганных криков вашего адмирала.

— Это еще почему? — Боевая Подруга смотрела на Алису с опаской.

— Вы сейчас узнаете. Боюсь, что вас ждет большой сюрприз.

— Ну скажи какой, скажи, пожалуйста!

— Это не та планета, на которую вы летели, и не тот господин Панченга, который вам нужен, — сказала Заури.

— Глупая шутка! — отрезал адмирал. — Держитесь! Мягкая посадка!

Корабль тряхнуло. Все упали.

— Поздравляю с мягкой посадкой, — сказал адмирал. — Вызвать караул! За мной следуют Боевая Подруга и пленники.

Люк был открыт. Около него стояли стражники.

— А может быть, нам все показалось? — спросила Заури.

Выглянув из люка и увидев густые высокие заросли травы, Алиса уверенно ответила:

— Ничего нам не показалось!

Адмирал стоял рядом с ними. Вокруг — офицеры.

— Где дворец господина Панченги, черная дыра его побери! — закричал адмирал. — Я расстреляю навигатора! Где он сажает корабль?

— До дворца метров двадцать, адмирал, — сказала Алиса, — но трава мешает его разглядеть!

Земля дрогнула.

— Вот и ваш брат — Панченга Мулити, — сказала Алиса.

На фоне голубого неба появилась гигантская фигура человека, в котором издали можно было узнать того толстяка, который только что был на экране. Но с каждым шагом голова его уходила все выше в небо.

— Все внутрь! — закричал адмирал. — Срочный подъем! Нас предали!

— Поздно, — сказала Алиса. — Он вас уже увидел и очень удивляется.

Толстый человек начал опускаться на четвереньки, как в замедленной съемке — живот мешал ему двигаться быстрее. Он тяжело дышал, и воздух вырывался из его рта с таким свистом и шумом, словно разыгралась буря. Ему трудно было устоять на ногах.

Адмирал кинулся со всех ног в пирамиду, но в люке произошла такая толкотня, что спрятаться в корабль не было никакой возможности.

Господин Панченга Мулити отличался крайней сообразительностью и присутствием духа. Усевшись на землю перед пирамидой, он надел очки и принялся внимательно вглядываться в сцену из жизни перепуганных лилипутов, которая разыгрывалась перед его глазами.

Его неимоверных размеров рука с толстыми пальцами медленно опустилась в груду солдатиков и разбросала людишек, затем палец раздвинул кучку шевелящихся, по-комариному визжащих бандитов, вытащил из нее адмирала и поднес к глазам. Алиса подумала, что она видела в детстве эту картинку: Гулливер разговаривает с лилипутами.

— Ты ли это? — зарычал в небе голосище Панченги Мулити. — Ты ли это, мой бравый и отважный адмирал?

В ответ маленький человечек что-то верещал, но разобрать слов было нельзя.

— Кто же тебя заколдовал, мой Скулити? Скажи мне его имя! Я ему лично оторву голову.

Панченга приблизил ухо к голове адмирала, который ме-

тался, размахивая руками, по его ладони, но ничего не услышал.

— Что же делать? — произнес он задумчиво. — Как же мне понять твой писк? А ну-ка, давай я буду тебе задавать вопросы, а ты вместо согласия поднимай ручки вверх. А если хочешь сказать «нет», то разведи их в стороны. Понял?

Человечек на ладони поднял ручки кверху.

— Вот и умница.

Голос громадного рабовладельца гремел как будто с облаков и был таким низким, что порой казался шумом горного обвала, в котором было трудно разобрать слова.

Те из солдатиков, что не успели забраться в корабль, остановились, сообразив, что эта громада — брат их адмирала, а Боевая Подруга подошла к Алисе и спросила:

— Как же это его угораздило?

— Кого? — спросила Алиса.

— Панченгу, ясно кого. Был человек как человек, толстоват только. А пока нас не было — вон какой вымахал! Наверное, кушал много. Или ты его заколдовала?

— А вы тоже хотите такой большой стать? — спросила Алиса у рыжей толстухи.

— Точно! — ответила Боевая Подруга. — То-то я тогда повеселюсь, пограблю, помучаю! Ради славы и чести великого рыцарства!

— Нет, — сказала Алиса. — Лучше вы оставайтесь как есть. Так от вас меньше вреда.

Тем временем рабовладелец расспрашивал адмирала:

— Ты заболел, что ли, или усох? Тебя заколдовали, да?

Адмирал энергично развел ручки и начал ими крутить.

— Сам заболел! — завопила Боевая Подруга. — Заболел и распух!

Но рабовладелец ее не услышал.

— Ты не тот Панченга! — закричал адмирал. Видно, только сейчас догадался. И кинулся бежать с ладони, забыв, что ладонь висит над землей на высоте пятого этажа.

В последний момент рабовладелец схватил адмирала за ногу. И снова поставил на место.

— Рассказывай все по порядку, — приказал он.

Адмирал что-то пропищал в ответ.

И в этот момент раздался другой голос — звонкий и ясный. Рядом с рабовладельцем возник другой человек. И хоть трудно от подошв ботинок гиганта разглядеть человека ростом

с тридцатиэтажный небоскреб, Алиса поняла, что он худ, черноволос, чернобров, большой крючковатый нос придавал ему сходство с птицей. Одет он был в зеленый комбинезон, и на груди были нашиты какие-то знаки, но какие, разобрать с такого расстояния было невозможно.

— Я сам расскажу тебе правду! — загремел голос чернобрового человека. — Они полетели грабить и убивать. Они хотели завоевать Землю, но им это не удалось. И больше им никогда ничего не удастся. Они обречены отныне воевать с муравьями и побеждать комаров. Так же, как и ты, страшный толстый паук!

— Как ты смеешь так говорить! — зарычал толстяк, и губы его надулись, как красные пиявки. — Я тебя убью.

Толстяк Панченга скинул с ладони адмирала, тот полетел вниз и с криком рухнул на землю. Алиса увидела, как толстые пальцы толстяка лезут в задний карман штанов, который был оттопырен, потому что в нем лежал пистолет.

— Осторожнее! — закричала Алиса. — Он вооружен.

Но чернобровый человек заметил это раньше Алисы. Он протянул вперед руку и сказал:

— Замри!

И рабовладелец окаменел в нелепой, кривой позе — сам согнут пополам, одна рука закинута назад к карману, а вторая вытянута вперед, словно он просит милостыни.

— Вы мне все надоели, — сказал чернобровый мужчина. — Совершенно распустились.

— Я не виноват... — рычал Панченга Мулити, — я нечаянно, отпусти меня, у меня спина затекла!

— Нет, потерпишь! Сначала мне нужно найти двух девочек — Алису Селезневу и Заури. Где они?

— Я не знаю, — завыл рабовладелец, — я не видел!

— Тогда навсегда останешься согнутым!

— Одну я видел... мою воспитанницу, мою любимую девочку Заури. Она была где-то там... А кто такая Алиса Селезнева, я не представляю.

— Эй! — воскликнул чернобровый мужчина. — Где вы, мои отважные птенчики?

И в этот момент он увидел Алису и Заури, которые подпрыгивали и махали руками, чтобы чернобровый человек их увидел.

С неба на землю рядом с Алисой опустилась ладонь размером с волейбольную площадку. Ладонь легла на землю, и голос приказал:

— Переходите, девочки, на руку, мне нужно отделить вас от этой компании.

Алиса тут же взобралась на ладонь, которая оказалась мягкой, но покрытой канавками, как будто гофрированная. Потом она протянула руку, чтобы помочь Заури.

— Не пойду, — вдруг захныкала красавица, — я упаду.

Но все же на ладонь залезла, и девочки уселись в углублении между светлых, изборожденных узкими траншеями холмов. Тут же рука поднялась в воздух. Подул свежий ветер.

— Как будто мы едем в ковше экскаватора, — сказала Алиса.

— А ты ездила когда-нибудь в ковше экскаватора? — спросила рабыня.

— Нет, но это легко представить.

Впереди по курсу медленного полета в воздухе появилось гигантское человеческое лицо. Ладонь остановилась, не доезжая до лица.

— Я рад вас видеть, девочки, — сказал громадный рот. А громадный глаз подмигнул им. — Путешествие заканчивается. Держитесь!

Чернобровый закрыл глаза и медленно произнес:

— Галлия омни дивизи ин партрес трес. Екзеги монумент эрре перенниус. Регаликве ситу — будь все, как быть должно!

И в это же мгновение земля понеслась куда-то вниз, облака приблизились, голова закружилась так, что впору потерять сознание.

А когда, переведя дух, Алиса все же открыла глаза, она поняла, что сидит на низенькой жидкой травке у ног высокого стройного чернобрового мужчины в комбинезоне, который протягивает ей руку, чтобы помочь подняться. Вторую руку мужчина протянул Заури, которая вдруг начала рыдать, повторяя:

— Господин Пуччини, господин Пуччини, я не виновата, что опоздала к началу занятий в училище! Я больше не буду. У меня нет родителей, я беспомощная рабыня. Не наказывайте меня!

— Кто тебя наказывает! — возмутился господин Пуччини-2. — Из-за тебя я вторую неделю не сплю, не ем, я потерял пять кило, у меня ни одного здорового нерва не осталось, и все из-за тебя — негодная девчонка!

— Все погибло! — зарыдала еще громче Заури. — Он меня никогда не купит в рабство. А я так хотела стать его рабыней!

— Еще чего не хватало! — возмутился господин Пуччи-

ни-2. — Мне не нужны рабыни! Мне нужны цирковые таланты! Я считал тебя моей студенткой и потому морально отвечаю за твою судьбу.

— А зачем вы сделали меня такой большой! Мне уже надоело! — продолжала рыдать рабыня. — Я хочу снова быть обыкновенной, как все.

— Как кто? — спросил Пуччини-2. — Как эти самые пираты? Или как этот рабовладелец, по которому виселица плачет?

И он показал на рабовладельца Панченгу Мулити, который все еще стоял, окаменев и согнувшись вдвое.

— Пощадите! — взмолился рабовладелец. — Пощадите меня! Я не виноват! Я ничего не знаю! У меня никогда не было рабов! Я не знаю никаких бандитов. Я живу тихо, воспитываю детишек на моей сиенде, творю добро...

— Ты хочешь знать правду? — Пуччини был страшно разгневан. — У вас с этими бандитами была отличная компания! Вас трое. Все три Панченги. Ты оседлал эту планету, второй брат командует бандитским кораблем. Где таится ваш папаша — пока неизвестно. Но скоро найдут и его...

«В общем, этого и следовало ожидать, — подумала Алиса. — Если ты рабовладелец, то, значит, заодно и грабитель, а если ты грабитель, то, значит, ты в свободное от грабежей время занимаешься подделкой денег или пишешь анонимные доносы на соседей. Хороших преступников после Робина Гуда не было».

Боевая Подруга, которая слышала этот монолог, стоя посреди площадки возле корабля, подняла свой бластер и начала стрелять в Пуччини. Тот не сразу понял, что его обстреливают, почесал ногу, в которую попадали пули, а потом сообразил и возмутился:

— Ты мне все брюки прожжешь, разбойница!

Он указал на нее пальцем и сказал:

— Замри!

И Алиса увидела, как фигурка Боевой Подруги замерла с поднятой рукой. Стрельба прекратилась.

— Твой братец адмирал рыскал по космосу в поисках добычи, — продолжал Пуччини. — Он нападал на мирные космические корабли, грабил их, убивал экипажи и пассажиров. Не убивали они только маленьких детей. Их свозили сюда, на полудикую и почти ненаселенную планету. Официально здесь располагался приют для сирот. Ни одному нормальному человеку и в голову не могло прийти, что под видом детского приюта скрывается лагерь рабов, где маленькие дети и подростки под палящими лучами солнца с утра до вечера обрабатывают поля марихуаны и опиумного мака, а также растительных ядов.

Здесь же, в подземельях твоего дворца, Панченга Мулити, хранятся миллионы золотых монет и тысячи бриллиантов — это все награбленное вашей семейкой добро! И все под видом детского приюта! Какой стыд!

— Мне стыдно, я больше не буду! — завопил полусогнутый рабовладелец. — Это меня папа заставил. Он сказал, что меня убьет, если я не буду хранить его драгоценности. А детишек я брал из жалости...

— Я хотел бы тебе поверить, толстый мошенник, — сказал Пуччини-2, — но факты — упрямая вещь. И они говорят против тебя. Я уже знаю, что многие дети росли и погибали на твоих плантациях, а тех, у кого был какой-нибудь редкий талант, ты выгодно продавал.

— Я никого не продавал. Разве я вам продал рабыню Заури?

— Ты сказал, что я могу взять ее в свое училище, если выплачу в фонд твоего приюта на нужды детишек десять тысяч золотых кредитов. Это было? Или эта расписка написана не тобой?

Пуччини вытащил из кармана белую бумажку и помахал ею перед носом Панченги Мулити. Тот попытался отвернуться, чтобы не смотреть на нее, и от резкого движения окончательно потерял равновесие и неуклюже упал. Упал и остался так лежать. Лишь открывал рот, как рыба, попавшая на сушу.

— Ему, наверное, плохо, — сказала Алиса.

— Не надо было обжираться пирожными и жирной свининой, — сказал Пуччини.

— Я хочу вернуться в человеческий вид, — сказала Заури. — Я устала быть великаншей.

— Почему ты решила, что ты не в человеческом виде? — спросил чернобровый Пуччини-2.

— Сначала я была маленькой, — сказала Заури.

— А ты что думаешь? — спросил Пуччини у Алисы.

— Я подозреваю... — сказала Алиса. И она рассказала директору циркового училища (а она давно уже догадалась, что он и есть тот самый Пуччини-2, на которого так сердилась на Земле симферопольская бабушка) о своей гипотезе, будто вся Галактика двойная — одна половина в пятьдесят раз меньше другой. И на каждую Алису есть махонькая Алиса, и на каждо-

го громадного рабовладельца где-то живет лилипут-рабовладелец. Но до сих пор эти две Галактики не подозревали друг о друге и шли совершенно отдельными путями. Но когда адмирал напал на Землю, то тайна открылась.

Пуччини слушал рассказ Алисы внимательно, будто забыл о том, что происходит вокруг, потом неожиданно улыбнулся:

— До сих пор я думал, что мне все ясно. А теперь мне все неясно. Скажи, Алиса, а ты на самом деле какого размера, большого или маленького?

— Я? Такая, как сейчас.

— А почему ты была маленькой?

— Потому что специально уменьшилась.

— Сама уменьшилась?

— Мы вместе с Заури уменьшались, — сказала Алиса. — Можете у нее спросить.

— Удивительно. А ты, Заури, какого на самом деле размера?

— Я в самом деле настоящая, как вот эти. — И рабыня показала на землю, где, задрав головы, стояли и слушали их разговор солдаты и офицеры бандитского корабля.

— Ты откуда об этом знаешь? — спросил Пуччини.

— Потому что я на этом корабле летала.

— Значит, так... — сказал сам себе высокий худой Пуччини и начал большими шагами мерить полянку, не опасаясь случайно раздавить кого-нибудь из адмиральской команды. Он бормотал под нос, а девочки провожали его глазами. — Эта, значит, нормального... а эта, значит, уменьшенного... а эта, значит, нормального...

— А ты, значит, сошел с ума, — послышался мелодичный женский голос, и с неба, с облаков, пользуясь своей широченной юбкой, как парашютом, не спеша спустилась симферопольская бабушка Лукреция. — Я тебя спрашиваю, Пуччини-2, — сказала она громко, когда ноги ее коснулись земли, — ты сошел с ума или ты не сошел с ума?

— Лукреция! — ахнул Пуччини. — Какими судьбами?

— Навожу порядок, — заявила симферопольская бабушка. — Ты наверняка опять все перепутал. Без меня вам не разобраться.

— Я не перепутал, но меня кто-то пытается запутать. А это у них не выйдет! — И чернобровый Пуччини-2 сердито покосился на Алису.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Что ты делаешь так далеко от дома? В твоем возрасте это вредно.

— А что ты знаешь о моем возрасте? — удивленно спросила бабушка. — Я прошла три курса полного омоложения тела и души. Я сама не представляю, сколько мне лет. А впрочем, это все пустяки.

Бабушка не спеша оглянулась и увидела пирамиду космического корабля бандитов.

— Ну вот, — сказала она. — Опять двадцать пять! Я же собственноручно выкинула вас с Земли. А вы сюда прилетели! Ну что мне, снова вас кидать? — Бабушка махнула рукой и спросила: — А где же здешний рабовладелец Панченга Мулити?

— Вон там лежит, отдыхает, — ответил Пуччини. — Он оказался не очень смелым. — Фокусник показал на поляну, где должен был лежать рабовладелец. Но его там не было. — Вот пройдоха! — воскликнул Пуччини. — Но далеко ему не убежать.

На этот раз фокусник ошибся. Как потом стало известно, Панченга Мулити дополз кустами до спрятанного в чаще корабля и улетел на нем к своему папе.

— Простите, — сказала Алиса, — мы с вами не решили самую главную задачу: кто из нас какого размера?

— Разве в этом есть какая-нибудь тайна? — удивилась бабушка Лукреция. — В этом нет никакой тайны.

— Я хочу знать, наконец, какого я размера! Я же не знаю, какие мне платья покупать! — закричала рабыня Заури.

— А разве тебе твой размер не нравится?

— Мне все нравится, но я не знаю, какого размера мои папа и мама, а они не знают, какого я размера!

— Знаешь, Лукреция, — сказал Пуччини симферопольской бабушке, — Алиса высказала странную гипотезу, будто существуют две Галактики, маленькая и большая, есть две Лукреции, два Симферополя и даже два меня — один в пятьдесят раз меньше другого. Как тебе это нравится?

— Совершенно не нравится, — сказала симферопольская бабушка. — Но меня утешает то, что все люди одного размера. Маленьких людей и маленьких планет не бывает.

— Как так не бывает! — удивилась Алиса. — А это что?

Она показала на пирамиду космического корабля. Солдаты Панченгов уже скрылись в нем, и люк медленно закрывался.

— Кстати, что это такое? — строго спросила симферопольская бабушка у директора циркового училища.

Неожиданно тот потупился и отвернулся.

— Нет, ты не отворачивайся, не отворачивайся! — рассер-

дилась бабушка. — Ты мне отвечай! Кто это натворил? Почему этот корабль такой маленький? Почему люди в нем такие ничтожные?

— Ну, погорячился, — ответил наконец Пуччини. — Со всяким бывает. Но пойми меня правильно! Как ты знаешь, Лукреция, я много летаю по Галактике и разыскиваю таланты. Настоящих талантов мало, и долг учителя — отыскать неограненный алмаз в куче пустой породы. Вот и носишься по гостиницам и пересадочным станциям. Но порой жизнь вознаграждает тебя за неимоверные усилия. Так случилось недавно со мной. На этой вот планете мне показали девочку-сироту, талант которой был бесспорен. Это будущая звезда... не говоря уж о ее удивительных внешних данных!

Широким жестом сеятеля директор Пуччини показал на Заури. Та потупилась и покраснела.

— Я имел сложные переговоры с директором приюта, в котором жила эта девочка. Конечно же, в то время я еще не знал, что она — рабыня. Мне лишь сказали, что она — сирота. Поймите, я и не подозревал, что все сироты — жертвы Панченги Мулити. Что родители этих детей убиты бандитами его брата. И, не зная, откуда они родом, под выдуманными именами они проводят жизнь на плантациях сиенды, а весь мир думает о Панченге как о благородном педагоге. Знаете ли вы, что в прошлом году он летал на всемирную конференцию по воспитанию трудных детей?

Алиса не отрываясь смотрела на Пуччини и потому пропустила момент, который чуть не оказался для всех роковым: воспользовавшись тем, что никто за ними не наблюдал, бандиты адмирала закрыли люки в своем космическом корабле и подняли его в воздух. Набрав высоту, адмирал направил корабль прямо в голову Пуччини, и тот наверняка бы погиб, если бы симферопольская бабушка не успела подставить ладонь на пути бандитского крейсера. Крейсер ударился о ее руку, как о стену, потерял высоту, но у самой земли выровнялся и полетел прочь, покачиваясь, как хромой шакал.

— Большое спасибо, Лукреция, — произнес господин Пуччини, склоняясь к руке симферопольской бабушки и галантно целуя ее. — Ты спасла мне жизнь.

— Во второй раз, — спокойно ответила бабушка, глядя вслед кораблю. — В первый раз, когда ты сорвался из-под купола. Ты был воздушным гимнастом, а я партерной акробаткой...

— И тогда все в цирке поняли, что ты не просто акробатка, а ученица великих цирковых магов, обладающая редким талантом повелевать вещами.

— А потом выяснилось, что и ты обладаешь этим талантом. Потому я жду окончания твоего рассказа.

— Мой рассказ заканчивается, — сказал господин Пуччини. — Договорившись с Панченгой, я заплатил ему кучу денег на содержание приюта. Затем я отбыл к себе домой на Землю, где меня ждали ученики. Но неожиданно мной овладело беспокойство. Я места себе не находил. Снова и снова я вспоминал неприятную физиономию этого толстяка, его бегающие глазки и чувствовал: во всей этой истории что-то неладно.

Девочке, на которую я возлагал столько надежд, что-то угрожает. А я привык доверять интуиции. Наконец я не выдержал, бросился в космопорт, нанял там небольшой корабль и полетел навстречу моей будущей воспитаннице.

— Спасибо, учитель, — проворковала Заури, глядя на Пуччини сверкающими преданными глазами.

Пуччини погладил рабыню по склоненной к нему головке.

— Когда я прилетел на Альдебаран, я узнал, что корабль, на котором летит Заури, опаздывает. Но должен быть с минуты на минуту. Минуты текли, превращались в часы, а корабля все не было. Так прошла ночь. Наутро я вылетел на поиски пропавшего лайнера. Его искали многие корабли, и уже через три часа удалось найти спасательную капсулу с лайнера, в которой было два пассажира. Они рассказали, что на лайнер напал бандитский корабль, которым командовал некий адмирал Панченга. Корабль был ограблен, затем бандиты начали убивать пассажиров и членов экипажа. Они вели себя ужасно: убивали безоружных, получали наслаждение от мучений своих беззащитных жертв. Двоим из пассажиров чудом удалось убежать и спастись в капсуле.

— Так и было! — воскликнула, обливаясь слезами, Заури. — Я все это видела! Меня они с самого начала отделили от остальных. Наверное, потому, что я сказала на первом же допросе, что я — рабыня Заури и принадлежу великому господину Панченге Мулити. Меня перевезли на их крейсер и отправили мыть посуду. Разграбив пассажирский корабль, они взорвали его. Чтобы замести следы.

— Этого им сделать не удалось, — сказал директор Пуччини-2. — Все преступления в конце концов раскрываются. Пат-

рульные корабли бросились на поиски крейсера адмирала Панченги. Но как найдешь бандита в просторах Галактики...

— Значит, они остались безнаказанными? — спросила Заури.

— Ты же только что была у них в плену, — ответила Алиса. — К сожалению, пока они на свободе.

— Но все же я их нашел! Я догнал их в открытом космосе.

— И ничего не сделали? — удивилась Алиса.

— А что я мог сделать? Я был один. Мой корабль был не вооружен. Да и не могу я стрелять! Я артист, а не полицейский.

— Даже если это преступники? — спросила Алиса. — Даже если это убийцы?

— Даже так, — признался Пуччини-2. — Но при виде их у меня родился замечательный план, — сказал директор циркового училища. — План, достойный настоящего мага и волшебника... Нет, я не могу сказать, что я сделал!..

Пуччини-2 отошел в сторону и стал смотреть в небо.

— Марио, — строго сказала бабушка Лукреция, — посмотри мне в глаза.

— Я смотрю, — сказал Пуччини-2, но не обернулся.

— Какой у тебя был план? Что ты сделал с кораблем бандитов? Ты же не мог их убить? Но ты хотел поймать их живыми. Я права?

— Ты, как всегда, права, Лукреция.

— Значит, ты намерен был совершить какой-то фокус. Какой?

— Не важно.

— Нет, важно. Ты его совершил?

— Да, — понурил голову директор циркового училища.

— Но потом упустил их?

— Не представляю, как это случилось!

— Так что ты сделал? Отвечай быстро.

— Я их успел уменьшить, — прошептал маг и чародей. — В пятьдесят раз. Только так я мог их привезти на суд.

— Это нарушение цирковых законов! Фокусник, маг и чародей не имеет права наносить людям вред, даже если они плохие люди. А ты их уменьшил!

— Ну какой же вред! — воскликнул Пуччини-2. — Они этого даже не заметили.

Алиса сделала шаг вперед.

— Скажите, пожалуйста, — спросила она, — если корабль

и всех его пассажиров уважаемый фокусник и маг Пуччини уменьшил в пятьдесят раз, значит, Галактика всего одна? И нет у нее близнеца в пятьдесят раз мельче?

— Правильно, девочка, — сказал Пуччини-2. — Конечно же, Галактика одна! И все люди в ней примерно одного размера.

— Как же так? — Заури была не согласна с фокусником. — Это неправда. Я ведь была на том корабле. Мы совсем не уменьшились.

— А как вы могли это заметить? — вежливо спросил Пуччини-2. — Ведь в открытом космосе вам не с чем было сравнивать ваши размеры.

— Неправда, — вспомнила Алиса, — когда мы становились в пятьдесят раз меньше, все с нас падало — ведь вещи не уменьшались!

— В вашей научной физической кабине вещи не уменьшаются, — ответила за своего друга симферопольская бабушка. — Но ведь мой друг все делает совершенно ненаучно.

— А я думала, что уменьшаться можно только научным путем, — сказала Алиса.

— Ты еще не все знаешь, — ответил Пуччини-2. — Приходи ко мне в цирк. Я покажу тебе такие ненаучные фокусы, что ты ахнешь!

— Мой друг Марио, — сказала симферопольская бабушка, — обладатель золотой волшебной палочки, которую дают раз в пять лет на своем съезде фокусники Галактики самому достойному из магов.

— Я буду у вас учиться, — сказала Заури. — Я стану самой лучшей вашей ученицей. Только вы мне скажите честно: большая я или маленькая?

— Ты такая, как сейчас, — ответила Алиса.

Глава 6

ТАЙНА ОСТАЕТСЯ ТАЙНОЙ

Перед тем как покинуть планету, они пошли на сиенду господина Панченги и объявили всем рабам и маленьким рабыням, что отныне они свободны и завтра к ним прилетят настоящие воспитатели, повара и учителя.

Пуччини-2 приказал надсмотрщикам выполнять до завтра

свои обязанности, но никого не бить и не обижать. Потом он пошел в кабинет рабовладельца Панченги Мулити.

Бабушка Лукреция, Алиса и Заури уже были там.

— А жалко, что моя теория о двух галактиках неправильная, — сказала Алиса. — Как приятно знать, что у тебя есть двойник. Я бы отыскала маленькую Алису и заботилась бы о ней.

— Твое счастье, что ты большая, а она — маленькая, — улыбнулся Пуччини-2. — А представляешь, если бы все было наоборот?

— А что?

— Тогда бы она о тебе заботилась. И даже носила бы в кармане.

Алиса засмеялась и больше о своей гипотезе никому не рассказывала.

Бабушка и Заури просматривали картотеку рабов сиенды Панченги, надеясь отыскать в ней настоящее имя и адрес Заури.

Лукреция Ивановна подошла к большому, до потолка, сейфу и попыталась его открыть.

— Ключей нет, — сказала она. — Он их взял с собой.

— А ты открой его волшебным способом, — решил Пуччини-2.

— Твоя правда! — сказала бабушка. Она отошла на три шага, протянула вперед руки и начала бормотать.

От ее бормотания сейф начал вздрагивать и трястись — тяжелая стальная дверь чуть выгибалась, будто ее тянули не слова маленькой хрупкой женщины, а трактор.

Бабушке было очень трудно. Даже пот выступил на лбу.

Наконец руки ее опустились, и она призналась:

— Стара стала. Не могу.

— Для женщины совсем неплохо, — сказал Пуччини. — Ты давно не тренировалась. А если бы тренировалась, обязательно бы открыла. А теперь — смотрите!

Словно нехотя, лениво и медленно Пуччини-2 поднял руку и указал пальцем на замок сейфа.

— Откройся, — сказал он.

Сейф сопротивлялся полминуты, не больше. Он даже подпрыгивал на месте. И вдруг с резким шумом дверь распахнулась настежь, и из сейфа посыпались пачки денег со всех планет Галактики, драгоценности и монеты.

Алиса сказала:

— Мой мешочек с бриллиантами пропал бы здесь.

— Какой мешочек? — спросил Пуччини-2.

Алиса рассказала, что она намеревалась выкупить Заури из неволи и собрала свои бриллианты.

— Ничего, — сказал Пуччини-2, заглядывая в сейф и разбирая коробки с бумагами. — Часто чем богаче человек, тем жаднее. Панченга взял бы у тебя твои бриллианты. Но вот отдал бы он тебе Заури — большой вопрос.

Пуччини-2 вытащил из сейфа длинную пластиковую коробку с несколькими отделениями, отнес ее на стол. Тонкими сухими пальцами он перебирал карточки — их было множество.

— А вот и нужная нам ячейка, — сказал он.

Пуччини нашел нужную карточку. К ней была приклеена фотография Заури и написано: «Передана в цирковое училище за десять тысяч кредитов».

Пуччини-2 перевернул карточку. На другой ее стороне была приклеена фотография маленькой девочки.

— Вот такой ты сюда попала, — сказал фокусник. — Похожа?

— Она совсем не изменилась, — улыбнулась Алиса.

Но Заури не интересовала собственная фотография. Она сунула носик в ящик в поисках других фотографий и документов.

— Где же все? — спросила она.

— Как видишь, больше здесь ничего нет.

— А кто моя мама?

— К сожалению... — произнес Пуччини виновато, — к сожалению, этого мы пока не знаем.

— Не смейте так говорить! — рассердилась рабыня. — Я же не сама родилась! Меня где-то нашли! Меня украли из какого-то королевского дворца. Почему вы скрываете от меня...

Она начала громко рыдать. А остальные стояли вокруг и молчали — разве отыщешь слова утешения для девочки, которая не знает, кто ее родители.

— Послушай, — произнесла наконец Алиса, — мы доберемся до братьев Панченгов — кто-то из них наверняка знает.

Но Заури продолжала плакать.

Часть третья

ПОГОНЯ ЗА ПРОШЛЫМ

Глава 1

КЕНТАВР ИЗ ЦИРКА

— Я вами недоволен, — сказал космический инспектор Кром.

Он не шутил. Он и на самом деле был сердит.

Инспектора можно было понять. К нему заявились две девочки. Светловолосую и голубоглазую он уже встречал. Ее звали Алисой Селезневой, она жила на Земле, училась в седьмом классе и увлекалась биологией. Вторую, кудрявую, смуглую, которую звали Заури, он никогда раньше не видел. С какой она планеты, инспектор не знал. Впрочем, не знала об этом и сама Заури. А возможно, никто во всей Галактике.

Тайна, которую принесли инспектору посетительницы, могла быть разрешена день назад. Но этого не случилось.

Девочки рассказали инспектору, что Заури, сколько помнит себя, была рабыней, лишь два дня назад освобожденной от жестокой власти рабовладельца Панченги Мулити и его родственников. Этим негодяям удалось столько лет обманывать всех вокруг, потому что свое рабское хозяйство они называли приютом для детей, потерянных в космосе. На самом-то деле дети терялись в космосе только потому, что на корабль, где они летели вместе с родителями или друзьями, нападали бандиты. Бандитами командовал младший брат рабовладельца. Взрослых они убивали или выкидывали за борт, а детей свозили на сиенду Панченги, где они трудились с утра до вечера, вспахивая землю, пропалывая картошку и ремонтируя компьютеры. Наиболее талантливых из них Панченги продавали. Окружающим эта продажа не казалась продажей. Допустим, если кто-то из подросших детей имел музыкальный талант, Панченга Мулити отвозил его в консерваторию и просил принять на обучение, а за это требовал денежек, чтобы кор-

мить сироток, которых он содержит за свой счет на своей прекрасной сиенде. И, конечно же, все платили такому доброму благородному толстяку. «Моим сироткам нужны новые видеофоны», «Мои сиротки так скучают без новых компьютерных игр», «Мои сиротки хотели бы колбаски...» — говорил он всем. Неловко отказывать сироткам — вот все и платили.

А те музыканты, художники, портные, сапожники, математики, лингвисты и другие таланты, что вырвались из сиенды Панченги Мулити, всю жизнь молчали о прошлом. И если их спрашивали, каково жить на сиенде Панченги Мулити, они замолкали, отворачивались, и в глазах у них возникал страх. Не хотели они вспоминать о своем сиротском детстве на сиенде толстого Панченги Мулити. К тому же рабовладелец предупреждал каждого, кто покидал сиенду: «Откроешь пасть, мой братишка отыщет тебя и глаза выколет». И все знали, что это не шутка.

Теперь обман Панченги был разоблачен. Но никто из освобожденных детей не помнил, что случилось с их родителями, — почти все они попали на сиенду малышами, а у тех, кто был постарше, стерли память.

Корабль, на котором бандитствовали Панченги, еще вчера был в руках Алисиной бабушки Лукреции Ивановны. Но та, бывшая фокусница и член галактического братства магов и волшебников, вместо того чтобы передать разбойников ближайшему патрульному крейсеру, размахнулась и закинула корабль далеко в небо. И негодяи улетели.

Вот из-за этого и расстраивался инспектор Кром.

— У них на корабле наверняка сохранились какие-нибудь документы, хотя бы судовой журнал. И мы смогли бы узнать, где и когда побывали грабители. Мы смогли бы без труда вычислить, на какие пассажирские космические корабли они нападали. А теперь где их искать? — говорил инспектор.

Инспектор Кром, худой и такой высокий человек, что страшно было, не переломится ли он пополам, поднялся с кресла, подошел к окну своего кабинета в Галактическом центре и, сложив на груди руки, задумался.

Алиса привела сюда Заури сразу после того, как владелец сиенды сбежал на своем корабле. Они просидели у инспектора больше часа, но так и не придумали пока, что же делать дальше.

Ведь наверняка у Заури были родители, была планета, где она родилась. Может быть, ее отец и мать погибли от руки

бандитов, но остались другие родственники — братья, сестры, тети, дяди или дедушка с бабушкой.

— Сложность еще и в том, — сказал инспектор, — что прошло много лет.

Заури смахнула слезу.

— Ну хоть что-нибудь ты должна помнить! — воскликнул тогда инспектор. — Даже маленькие дети что-то сохраняют в памяти.

— Я помню только сиенду, — сказала, всхлипнув, рабыня.

— Тогда я предлагаю для начала, — сказал инспектор, — просветить Заури мозг.

— Ой! — воскликнула, испугавшись, рабыня. — Это больно!

— Ничего подобного. Твой мозг просветят специальными лучами, и если в нем есть спящие воспоминания, мы их постараемся проявить.

— Соглашайся! — сказала Алиса. — Это же интересно.

— И не будет больно?

— Даже не будет щекотно, — улыбнулся инспектор. — Мы часто применяем такой метод, когда человек забыл что-то очень важное. Только три дня назад у нас был директор центральной ювелирной фабрики. Он забыл, куда положил ключи от входа.

— И вспомнил?

— Вспомнил, — сказал инспектор. — А заодно вспомнил, что должен был позавчера навестить друга, у которого день рождения.

— Навестил? — спросила Алиса.

— Нет, не навестил, — вздохнул инспектор. — Его друг пять лет назад умер.

Наконец Заури согласилась пройти испытание. Инспектор Кром вызвал доктора, который должен был все подготовить, а Алиса тем временем отправилась на космодром проводить бабушку Лукрецию и сказать ей, что немного задержится, пока не выяснится загадка Заури.

Бабушка Лукреция вместе с бывшим магом и дрессировщиком носорогов Пуччини-2 ждали ее у голубого фонтана посреди зала ожидания. Алиса увидела их издали, потому что фокусники, как всегда, страшно ссорились. Они махали руками, а их воображение все время рождало чудовищ, которые вылетали из рукавов и взмывали кверху. К тому времени, когда Алиса подбежала к старым фокусникам, люстра над их головой была об-

сажена гарпиями, стервятниками, птеродактилями, летающими бегемотиками и неизвестными науке тварями.

Алиса уже знала, в чем причина постоянного спора между старыми друзьями. Весной Пуччини-2 выгнал из циркового училища кентавра Тиберия. Да, да, самого настоящего кентавра — до пояса человека с руками, а дальше — могучего коня. Этот кентавр появился на свет по недоразумению — его выдумала бабушка Лукреция для своих выступлений, а потом материализовала. Ведь она была фокусником высшего магического разряда! Никто не запрещает фокусникам выдумывать и показывать зрителям любых чудовищ или, скажем, единорогов. Но после окончания выступления чудовище должно раствориться, исчезнуть! Ведь оно ненастоящее! Оно только кажется настоящим. Однажды после представления бабушка, как и положено, сказала кентавру:

— Исчезни!

А кентавр не исчез.

— Послушай, — сказала бабушка Лукреция. — Это уже никуда не годится. Что обо мне подумают мои коллеги? Что я не могу дематериализовать какое-то привидение?

— Вот это ты зря, — сказал кентавр, который страшно обиделся, что он — привидение. Для доказательства обратного он тут же нагадил на пол. А если бы вы знали, как это делают кентавры, вы бы тут же перестали смеяться.

Бабушка бросилась за ним убирать, жутко расстроилась, а кентавр отправился пастись. В тот вечер они выступали в Аргентине, цирк стоял в парке, и кентавр отлично погулял на воле.

Всю ночь бабушка билась над заклинаниями, но никому о своем позоре не рассказала. А как известно, любую ошибку цирковых волшебников можно исправить лишь в первый день. В десять раз труднее это сделать на второй день и почти невозможно через неделю. Если бы бабушке Лукреции не было стыдно перед коллегами, если бы она в ту же ночь вызвала к себе на помощь Пуччини-2, все бы, может, и обошлось. А она старалась все сделать сама.

Утром бабушка проснулась от призывного ржания кентавра, который желал репетировать. Оказывается, он не только умел говорить, но и обожал выступать и считал себя великим артистом. Из-за этого, как он потом признавался, он и не захотел растворяться в воздухе.

В конце концов бабушке пришлось сделать вид, что этот

кентавр всегда работал у нее в аттракционе, она назвала его Тиберием в память о коварном и спесивом римском императоре и даже привязалась к нему. Кентавр был, конечно, не гениальным, но вполне сносным артистом. Он умел ходить по натянутой проволоке под куполом цирка, отлично работал на задних ногах, считал до ста, танцевал вальс — не много для кентавра, но все же и такие артисты на земле не валяются.

Когда бабушка Лукреция вернулась домой в Симферополь и вышла на пенсию, Тиберий некоторое время пожил в сарае возле ее зеленого домика в Симеизе, даже интересовался сельским хозяйством и вытоптал всю редиску. Но вскоре это ему страшно надоело, тем более что у него случился несчастный роман с соседской коровой Зорькой, которая бросила его и предпочла цирковому артисту банального быка Василия. Так что кентавр мучился, переживал и в конце концов взмолился:

— Коллега Лукреция! Хочу овладеть профессией. Хочу работать! Я еще не стар!

— Зачем?

— Хочу выступать в настоящем цирке, хочу побывать на разных планетах, надеюсь, что найду мир, где живут подобные мне существа. Не может же быть, чтобы природа создала меня только один раз и не сделала для меня подругу.

Честно говоря, бабушка Лукреция, которая была добрым человеком, уже несколько раз пыталась создать для Тиберия подругу, но все опытные образцы существовали не больше пяти минут и растворялись в воздухе.

Бабушка Лукреция так и не посмела сознаться своим коллегам, что Тиберий — ее роковая ошибка. Иначе бы они страшно рассердились на нее за нарушение закона магов и, вернее всего, выгнали бы из лиги, а Тиберия наверняка сдали бы в зоопарк.

Поддавшись на уговоры несчастного Тиберия, бабушка попросила своего старого друга Пуччини-2 принять кентавра в цирковое училище, чтобы у него была специальность жонглера или хотя бы канатоходца. Она сказала Пуччини, что встретила Тиберия на одной отдаленной планете. Пуччини-2 никогда ничему не удивлялся. Он взял кентавра к себе и поселил в цирковой конюшне. Кентавру это не понравилось — все ученики и артисты жили в гостинице или по своим домам, а он в конюшне с обыкновенными животными!

Так что нет ничего удивительного, что кентавр на всех обижался, учился плохо, а вскоре обнаружилось, что он вообще не умеет читать и писать, даже подписывается с трудом — ставит два креста. Лекции по эстетике он, конечно, прогуливал, завел роман с одной кобылкой в конюшне, за что был бит другими жеребцами, чуть не затоптал самого Пуччини-2, когда тот поставил ему двойку на экзамене по жонглированию. Кончилось все это тем, что кентавра отчислили из училища и отправили с позором в Симферополь.

Тиберий заявился к Лукреции и такого ей наплел о гонениях, которым его подвергал тиран и угнетатель Пуччини-2, что бабушка Лукреция кинулась в Москву добиться восстановления ее любимчика в училище, а заодно рассказать Пуччини-2, что она о нем думает.

И вот теперь на космодроме Галактического центра в ожидании корабля на Землю Пуччини-2 и его бывшая подруга, а ныне заклятая врагиня Лукреция Ивановна стояли у голубого фонтана и так громко ссорились, что инопланетяне, которых немало было в космопорте, далеко обходили их стороной. Воображаемые чудовища взлетали над их головами и усаживались на люстру, а то и вовсе летали под потолком, крича и стрекоча. Разумеется, многие пугались, и как раз тогда, когда в зале появилась Алиса, туда вбежал местный блюститель порядка в синем мундире, с шестью дубинами в шести коротких щупальцах.

— Убрать! — закричал он издали. — Дети есть пугаются! Есть обморок.

— Ах! — воскликнула Лукреция Ивановна. — Откуда здесь эта гадость?

— Это мы с тобой натворили, — сказал Пуччини-2. — Давай их ликвидируем.

Алиса стояла и смотрела, как фокусники произносили нужные заклинания и щелкали пальцами, чтобы чудовища исчезли. Последнее чудовище, стервятник ростом с корову, созданный бабушкой Лукрецией, никак не желал дематериализоваться, летал над головами и отвратительно вопил.

— Погоди, — сказал Пуччини-2, — вижу, что ты за годы на пенсии многое подзабыла.

Он щелкнул пальцами, сказал несколько волшебных слов, и птица, хлопнув, как лопнувший воздушный шарик, исчезла. Лишь одно перышко размером с Алису некоторое время еще летало над фонтаном.

Бабушка Лукреция была удручена очередным провалом. Ей совсем не хотелось, чтобы Пуччини-2 заподозрил, что Ти-

берий не настоящий, а воображаемый кентавр, и потому при виде Алисы она поспешила воскликнуть:

— Алиса, девочка! Почему так долго?

— Бабушка, — сказала Алиса самым нежным из голосов, которыми владела, — миленькая, мне придется на часок задержаться. Я полечу следующим рейсом!

— Этого еще не хватало! — возмутилась бабушка. — А что я скажу твоим родителям?

— Ты ничего не успеешь сказать, как я уже приду домой.

— А что тебя задерживает?

Алиса рассказала фокусникам, как инспектор Кром предложил рабыне Заури проверить, что сохранилось у нее в памяти.

— А она боится оставаться одна.

— Я тоже остаюсь, — сказала бабушка.

— Не надо, — сказала Алиса ласково.

— И в самом деле, — сказал Пуччини-2, — оставь детей в покое. Они без тебя разберутся.

Затем он обернулся к Алисе, подмигнул ей и добавил:

— Смотри, чтобы к ужину не опаздывать!

— На корабле ужин вкуснее, — ответила Алиса.

— Что ты говоришь! — закричала бабушка. — Я тебе сделаю такой ужин, который ни один корабельный кок не осилит.

Но тут Пуччини-2 увел из зала свою подругу, и Алиса осталась одна.

Глава 2

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕВОЛЕ

Алиса вернулась к инспектору Крому в тот момент, когда обследование Заури закончилось, и Кром вместе с рабыней ждали Алису, чтобы просмотреть пленку.

Кроме них, в небольшом смотровом зале был доктор, который и просвечивал мозг рабыни.

— Ну как, не больно было? — спросила Алиса у Заури.

— Не больно, но все равно щекотало, — укоризненно сказала Заури. — Я очень боюсь.

— Ну чего же ты теперь-то боишься? Все позади! — сказал инспектор.

— Вы ничего не знаете. Вы не знаете, какое у меня было

прошлое! Вдруг я его забыла, потому что была преступницей, воровкой или даже убийцей?

— Рано тебе, — усомнилась Алиса.

— Бывают жуткие дети, они уже в пять лет совершают преступления, — возразила рабыня. — Я слышала о таких. И вообще, вдруг я окажусь дочкой дьявола?

— Может, тогда не будем смотреть пленку и разойдемся? — спросил инспектор, которому надоели все эти разговоры.

— Начинаем! — сказала Алиса и ободряюще пожала руку рабыне. Она понимала, что та волнуется и никто из взрослых мужчин не может понять ее.

— К сожалению, — сказал доктор, который расшифровывал воспоминания рабыни, — результаты нашего обследования негативны. Почти ничего не удалось узнать.

Свет в зале померк. Экран загорелся зеленоватым светом. По нему пробегали полосы, светлые зигзаги. Порой он становился светлее, порой — почти черным.

— Это что такое? — спросил инспектор Кром.

— Мы вычислили биологический возраст девочки, — прозвучал голос доктора. Самого его не было видно. — Оказалось, что ей по земным меркам четырнадцать с половиной лет. Развитие девочки было замедленным, — продолжал доктор, — из-за плохих условий жизни.

— Ничего страшного, — сказал инспектор Кром. — Догонишь остальных.

— Мне и так нравится, — сказала обиженно Заури. — Мужчины больше любят маленьких женщин, они им кажутся беззащитными.

— Заури! — воскликнул инспектор Кром. — Тебе еще рано об этом думать.

— О будущем никогда не рано думать, — возразила рабыня. — А то замуж не выйдешь. Мне старшие рабыни все, что нужно, рассказывали.

Инспектор вздохнул, и они снова стали смотреть на экран, на котором ничего интересного не появлялось.

— Разумеется, — сказал доктор, — мы сняли мгновенный снимок с памяти девочки, а затем компьютер проследил его минута за минутой — все четырнадцать с половиной лет. Затем он снова спрессовал изображение так, что мы видим год за минуту.

— Мы уже проглядели минут пять, — сказала Алиса.

— И так будет продолжаться двенадцать лет, поверьте мне, — сказал доктор.

— Тогда, может, и не стоит тратить время? — спросил инспектор.

— Не стоит, — согласился доктор. — Но я хочу показать тот момент, когда девочка вернула себе память. Это случилось два года назад. Смотрите! — сказал доктор, и Алиса от неожиданности ахнула.

Экран ярко вспыхнул — он показывал яркий солнечный день, голубое небо и зеленую листву.

— Обратите внимание, — произнес доктор, — первым воспоминанием ребенка стала именно плантация.

Изображение на экране изменилось. Теперь они увидели засеянное поле, где поднимались зеленые ростки. Вдоль зеленых рядов шли дети в серых халатах и, наклоняясь, пропалывали грядки.

— Это наша сиенда! — воскликнула рабыня. — Это морковное поле! Сейчас вы увидите нашу надсмотрщицу. У нее такая плетка!..

В поле зрения появилась лениво идущая женщина с плетью в руке. Вот она поравнялась с одной из работающих девочек, еле-еле приподняла плеть, конец которой взвился в воздух и тут же опустился на обнаженное детское плечо.

Девочка ахнула и попыталась спрятаться от следующего удара.

— Ее зовут Толстая Берта. В прошлом году она обожралась слив и подохла! — сказала рабыня Заури.

— Заури, хорошие девочки так не выражаются, — сказал инспектор.

— Какая же я хорошая? — удивилась рабыня. — Если бы я была хорошая, были бы у меня папа и мама, как у всех хороших. Видно, я нехорошая, если меня бросили или потеряли, как говорил господин Панченга.

— Ты же отлично знаешь, — сказал инспектор, — что, вернее всего, тебя украли, и твои родители в этом совсем не виноваты.

— Если их при том не убили, — сказала рабыня, всхлипывая.

И никто не нашелся, что ответить. Все понимали, что у девочки было тяжелое детство и ей нужно сочувствовать, а не ругать.

— Мы дали компьютеру такое задание, — сказал доктор. —

Проглядеть два последних года, сохранившиеся в памяти девочки, и отобрать все кадры, которые могут представлять интерес.

— И много оказалось таких кадров? — спросил инспектор.

— Раз-два — и обчелся.

— Какие у нас кадры! — сказала рабыня. — У нас все одинаково было. И люди одинаковые, и еда одинаковая, и одежда тоже одинаковая.

— Все это очень странно, — сказал инспектор Кром, подняв руку, чтобы экран на время выключили. — Девочке пятнадцатый год. Почему она помнит только последние два года жизни? А что было раньше?

— Наверное, то же самое, — сказала Заури.

— А что, если тебя привезли на сиенду только два года назад? — спросил инспектор Кром.

— А где же я все остальные годы жила? — ответила вопросом рабыня.

— Вот это мы и попытаемся проверить, — сказал инспектор. — Включайте!

— Включаю, — произнес доктор.

На экране замельтешили цветные полосы. Потом вместо них возникла вечерняя картина. Возле низкого бедного барака стояли несколько девочек в длинных серых платьях.

— Наш дом! — воскликнула рабыня. — Там моя койка стоит! Все как на самом деле!

Быстрыми шагами из-за угла барака вышел сутулый, с длинными волосатыми руками и оттого похожий на гориллу здоровяк в черном кожаном костюме. В руке у него была сучковатая дубинка. Он шел, переваливаясь и широко улыбаясь, так что были видны все его желтые зубы.

Девочки кинулись внутрь барака. Лишь одна из них — Алиса не сразу узнала в ней Заури — замерла, покорно опустив голову.

Именно к ней приближался, переваливаясь, рабовладелец.

— Это он, — прошептала в ужасе Заури. Видно, даже здесь, в безопасности, вдали от плантации, она не могла избавиться от ужаса при виде хозяина сиенды.

Панченга Мулити протянул вперед широкую ладонь, которая заканчивалась такими короткими и толстыми пальцами, словно это были и не пальцы вовсе, а сардельки.

— Давай назад! — закричал он.

Та Заури, которая сидела в зале рядом с Алисой, заплакала.

Другая Заури, что стояла на экране возле барака, дрожащей тонкой рукой распустила шнурки, которыми было скреплено у шеи ее платье, запустила пальцы за пазуху и вытащила оттуда три ореха.

— Что это такое? — не поняла Алиса.

— Это орехи гари, — сказала рабыня. — Они почти спелые. Мы их собирали. Но рабам их есть нельзя. И нельзя уносить с собой. Но я была такая голодная... Ай!

Заури вскрикнула, потому что на экране дубинка легко, словно играючи, дотронулась до плеча рабыни, и та упала, схватившись рукой за плечо, — ей было очень больно.

Алиса обняла Заури, стараясь ее утешить.

— Не смотри, — повторяла она, — отвернись.

— Может, выключить? — спросил доктор.

— Нет, — возразил инспектор Кром. — От того, что мы увидим здесь, может зависеть судьба девочки и ее родных.

Заури не смотрела на экран — она спрятала лицо в коленях Алисы.

Панченга обливал девочку грязными ругательствами... Алиса хотела попросить выключить, но доктор предупредил:

— Слушайте!

И они услышали:

— Вонючая воровка, жалкая побирушка, — рычал рабовладелец, пиная девочку сапогом. — Если ты еще хоть раз посмеешь поднять лапу на господское добро, то окажешься в клетке похуже твоих папаши и мамаши!

— Слышали? — спросил доктор.

— Слышали, — ответил Кром. — А ну-ка прокрути еще разок.

— ...окажешься в клетке похуже твоих папаши и мамаши! — повторил Панченга.

— Они живы! — закричала девочка. — Они живы.

— Вернее всего, ты права, — сказал инспектор. — По крайней мере, он говорит о них как о живых. Когда это было?

— Этот разговор состоялся полтора года назад, — сказал доктор. — Нужна более точная дата?

— Нет, — ответил Кром.

— Это было давно-давно, — сказала рабыня. — Я помню. У меня тогда неделю плечо болело. А доктора на сиенде нет.

— Неужели работорговцы останутся безнаказанными? — удивилась Алиса.

— Сейчас на сиенде работает специальная комиссия по защите детей, — ответил инспектор и обратился к доктору: — Есть что-нибудь еще?

— Есть еще один кадр, который я бы хотел вам показать. Это случилось на сиенде чуть меньше года назад.

Теперь они увидели на экране солнечный день. Меж полей тянулась пыльная дорога. По ней шел странного вида человек в старом дорожном костюме, с сумкой через плечо. У него была курчавая борода, длинные волосы и широкополая шляпа.

— Это еще кто такой? — спросила Алиса.

— Я его помню! — воскликнула рабыня. — Я его помню!

— Не шумите, всё увидите, — сказал Кром.

Дорога повернула, и возле нее обнаружился обложенный бетонными плитами источник, у которого стояла рабыня Заури и пила воду из жестяной погнутой кружки. Рядом, прямо на земле, в пыли, сидели другие маленькие рабыни.

— Жарко было, просто ужас, — вспомнила Заури.

— Что это вы такие грязные? — весело спросил странник, приглядываясь к девочкам. — Сколько я по планетам хожу, таких еще не видел.

— А мы здесь работаем, — ответила Заури.

— Таким маленьким в куклы надо играть, а не работать. Дашь напиться, кроха?

Заури, как зачарованная, протянула страннику кружку. Он подставил ее под струю, лившуюся из ржавой железной трубы, наполнил водой и начал жадно пить. Маленькие рабыни смотрели на него не отрываясь.

— Спасибо, — сказал путник, возвращая кружку. — А до вашей этой самой сиенды... далеко еще?

— Вон там, — сказала Заури. — Вас проводить?

— А ты не боишься?

— А чего мне бояться?

— Ну проводи... Постой-постой, что-то мне твое лицо знакомо? А ты меня не помнишь?

— Нет, — сказала Заури.

— А ты никогда на «Квадрате» не летала?

— Чего?

— Нет, наверное, обознался. Твои папа и мама где?

— Не знаю...

— А как ты сюда попала?

— Не знаю...

— Голову готов поставить на кон, что ты — Лара Коралли...

— Не знаю... — На глаза у девочки начали наворачиваться слезы.

— И родинка на шее. Точно как у Ларочки.

И тут послышался грубый голос:

— Эй, ты чего с ним разговариваешь?

К ним подходила надсмотрщица Берта.

— А что, нельзя разговаривать? — спросил странник.

— Нельзя. Больница здесь для малолетних идиоток, — ухмыльнулась надсмотрщица. — Чего здесь делаешь?

— Да машина моя что-то барахлит. Пришлось вон там, на поле, приземлиться. Вот и иду, ищу, где у вас механик.

— Покажи удостоверение или какой-нибудь документ. А вдруг ты разбойник? Мы здесь разбойников не любим. Чуть что — к стенке. У нас же дети! Заботиться надо, правда?

Надсмотрщица все время отвратительно улыбалась.

— Ладно, ты только покажи мне, где механик, — сказал странник.

— А вы брысь! — рявкнула на рабынь надсмотрщица. — Быстро по местам!

Девочки побежали в поле.

— Скажи мне, приятельница, — спросил путник, — вон ту девчушку, с кружкой, как зовут? Не Ларой?

— Нет, Заури она, — ответила надсмотрщица.

— Она местная?

— Местная, местная. Мы все местные.

Путник пожал плечами.

Экран погас...

— Вот этот человек нам может помочь! — сказал инспектор.

— Как его найти? — спросила Алиса.

— Я его помню, — сказала Заури. — Я так хотела его увидеть, но, когда он улетал, меня в бараке заперли. Я как сейчас помню.

— Может быть, этот человек — наша главная надежда, — сказал Кром. — Так что вы отдыхайте, погуляйте пока, а я дам задание компьютеру связаться с Центральным информаторием Галактики и по внешности, одежде, особенностям этого человека провести исследование и попытаться определить и отыскать его среди ста миллиардов гуманоидов в нашей Галактике. Боюсь, что это работа долгая. Придется потерпеть. Но не будем терять надежды.

На этом сеанс закончился, и все разошлись.

Доктор предложил девочкам пообедать у него, но они отказались. Алиса уже бывала в Галактическом центре, и ей хотелось показать новой подруге его чудеса.

Галактический центр — это столица нашей Галактики, хотя мало кто на свете может сказать: «Я отсюда родом». Когда-то, много лет назад, решено было устроить космический город, где могли бы встречаться жители разных планет, где можно было бы вырабатывать общие правила для звездных миров, не допускать беззаконий, насилия и войн. Для этого была выбрана пустая, никому не принадлежавшая планета, где построили город и космопорт. Постепенно этот город, который на всех языках называли Центром, разросся так, что его здания и переходы заняли целый континент. Все остальные участки суши были превращены в заповедники, куда с каждой из планет, входившей в Галактическое содружество, привезли растения и животных. Получилось множество различных заповедников. Если у тебя нет времени или возможности прилететь, скажем, на Паталипутру или на планету Брастаков, ты можешь побывать в Галактическом центре и увидеть малую Паталипутру.

В заповедниках они побывать не успели, зато Алиса показала новой подруге Музей истории Галактики, по которому посетители передвигаются только во флаерах, потому что там нет ни одного зала меньше километра в длину. А центральный зал, который называется «Возникновение Галактики», протянулся на шестнадцать километров, а высотой достигает трех километров.

Потом Алиса повела Заури в картинную галерею, оттуда в Музей восковых фигур, где собраны все знаменитости всех планет. Она показала ей Наполеона, Эйнштейна, Марию Стюарт, Гомера — но, честно говоря, к этому времени рабыня так устала, что с трудом отличала Шекспира от Юлия Цезаря и ей было совсем неинтересно, чем занимался этот самый Шекспир.

Когда Заури уже не чувствовала под собой ног и взмолилась о пощаде, Алиса полетела с ней обедать в ресторанчик, который находился на самой вершине Небесной башни. Они обедали и смотрели вниз на город и космодром, с которого поднимались корабли таких различных цветов, форм и назначений, что у непривычного человека кружилась голова.

Они разговаривали обо всем на свете, хоть и устали. Алиса предложила Заури пожить у нее дома до тех пор, пока она не устроится в цирковое училище.

— Я не смогу спокойно жить и учиться, — сказала Зау-

ри, — пока не узнаю о судьбе моих родителей. Как ты думаешь, почему господин Панченга сказал про клетку?

— Может быть, в переносном смысле?

— Что это значит?

— Что твои родители сидят где-то в тюрьме или в ссылке, откуда не могут вырваться.

— Ой! — расстроилась Заури. — Я сижу в ресторане, ем огуречное варенье, ореховые котлеты и другие вкусные вещи, а моя голодная мамочка сидит в подземной норе и не видит даже света!

Заури произнесла эту фразу таким голосом, словно Алиса была во всем виновата.

— Ничего, — сказала Алиса, понимая, что обижаться на сиротку, которой так не повезло в жизни, нельзя. — Сейчас большой компьютер ищет того мужчину, который тебя узнал.

— А если он не найдет?

— Погоди, — сказала Алиса. — Давай попробуем выяснить. Может быть, уже что-то известно?

— Что известно?

— Инспектор Кром сказал, что даст задание Центральному информаторию. Но у инспектора много других дел, и, вернее всего, он еще не спрашивал информаторий, нашли человека или нет. И мы это сделаем раньше инспектора.

— Как?

— Сейчас увидишь.

Они спустились вниз из ресторана, и Алиса остановилась перед небольшой тумбой метровой высоты, над которой возвышался стеклянный колпак, защищавший ее от непогоды.

— Знаешь, что это такое? — спросила Алиса.

— Я видела такие на улицах, — ответила рабыня, — но не задумывалась.

— Это справочное бюро. Любая информация, которая может тебе понадобиться, заключена в информатории. А справочное бюро — его продолжение. Ты можешь узнать, какая завтра будет погода, сколько сейчас градусов, где можно достать белого сенбернара, где живет самый лучший парикмахер во Вселенной, и заодно можешь спросить — готов ли ответ на вопрос, который три часа назад задал галактический инспектор Кром Центральному информаторию.

— Не может быть, — ахнула рабыня. — И тебе тоже ответят?

— А чем я хуже любого другого человека? — удивилась Алиса. — Если я знаю, как набрать запрос на пульте справочного бюро, значит, я могу получить информацию. Это же так просто.

— У вас все просто, — проворчала рабыня. — Да только для своих.

Алиса откинула стеклянный колпак и набрала на пульте сигнал запроса. Приятным мужским голосом справочное бюро спросило:

— Чем могу вам служить?

— Мне нужна информация, которую запросил сегодня в двенадцать ноль шесть местного времени галактический инспектор Кром у Центрального информатория.

— Прошу уточнить, — произнес голос. — Чего касалась эта информация?

— Информация касалась личности неизвестного путника, который год назад очутился на сиенде Панченги Мулити. Очевидно, у него случилась поломка в космическом корабле.

— Подождите, пожалуйста, — сказало справочное бюро. — Я запрашиваю центральную. Чего вы желаете, чтобы вам не скучно было ждать? Кофе, мороженое, сок?

— Два мороженых, — сказала Алиса.

Рабыня смотрела на справочное бюро, широко раскрыв от удивления глаза.

Сбоку в тумбе выдвинулась полочка с двумя вафельными стаканчиками, полными сливочного мороженого.

— Спасибо, — сказала Алиса.

— Кушайте, пожалуйста, — ответило справочное бюро. — Вас позовут.

— Странный народ. Они же на нас работают, а еще мороженым кормят! — сказала рабыня.

Девочки не успели доесть мороженое, как послышался веселый трезвон колокольчика.

— Вы спрашивали, — раздался мужской голос, — о запросе инспектора Крома?

— Это я, — сказала Алиса.

— Ответ готов, — сказал голос. — Но инспектор Кром его не получил.

— Почему?

— Потому что инспектора срочно вызвали в Управление пассажирских перевозок.

— Тогда вы можете сообщить ответ мне, — сказала Алиса. — Меня зовут Алиса Селезнева. Я семиклассница с Земли.

— Спасибо за информацию, — сказало справочное

бюро. — Сообщаю вам, что человека, который год назад был на сиенде Панченги Мулити, зовут Фока Грант. О нем известно, что он служил на исследовательских кораблях в космических экспедициях. Но последние пять лет он занимается свободным поиском корня мандрагоры на неисследованных планетах и астероидах. В Галактическом центре не бывает. Порой заезжает за припасами и оборудованием на Парадиз. Там его можно встретить либо в конторе «Прескиди и К°», либо в салуне «Синий флаг на желтой мачте». Его фотографию десятилетней давности, подробности его биографии, образцы почерка и другие сведения вы можете получить в Центральном информатории, где лежит пакет на имя инспектора Крома.

— Большое спасибо, — сказала Алиса.

Она обернулась к рабыне. Личико Заури было измазано мороженым до самых ушей, но притом она умудрялась тихо лить слезы.

— Что теперь тебя огорчило? — спросила Алиса.

— Хорошо тебе, — ответила рабыня. — Кто теперь будет искать Фоку Гранта?

— Его найти проще простого, — сказала Алиса. — Полететь на Парадиз...

— Никто не полетит на Парадиз, — сказала девушка. — Потому что никому не интересно, есть у меня родители или их нет.

— Перестань ныть, — сказала Алиса. — Я уже подумала, а почему бы нам с тобой, раз есть свободный вечер, не найти этого Фоку Гранта и не спросить его, где твоя мама?

— Неужели ты согласна ради меня на такой подвиг? — сквозь слезы спросила рабыня.

— Я не считаю это подвигом, — сказала Алиса. — Мы с тобой быстренько слетаем на Парадиз, и дело с концом.

Рабыня кинулась целовать Алису и всю ее измазала липким растаявшим мороженым.

Глава 3

ОДНОДНЕВКИ ФОКИ ГРАНТА

Девочкам повезло. Именно в тот день добраться до затерянной в глубинах космоса планетки Парадиз оказалось несложно.

Через полчаса отчаливал громадный пассажирский лайнер

«Левиафан», который вез смену зимовщикам на Ледяные астероиды. И хоть Парадиз принадлежит иной звездной системе, силы притяжения двух звезд, вокруг которых он обращается, заставляют его раз в три месяца залетать внутрь системы Ледяных астероидов. И тогда тамошние зимовщики летают на Парадиз за грибами и ягодами.

Когда молодые и шумные зимовщики узнали, что рабыня Заури ищет родителей, а Алиса помогает ей, они настолько прониклись сочувствием к девочкам, что первым же делом, как те добрались до цели, дали Алисе планетарный катер, чтобы, не теряя ни минутки, девочки поскорее могли добраться до таинственного Фоки Гранта. Больше того, планетарному катеру они дали программу, как быстрее отыскать Гранта, которого некоторые из зимовщиков уже встречали.

Пообедав на «Левиафане», девочки перешли на борт катера, и через сорок минут полета между Ледяными астероидами катер подлетел к зеленой планете. Вся она была покрыта лесами, даже океанам не хватило места — вместо них планета была изрезана множеством полноводных рек, которые впадали в обширные зеленые болота или озера, заросшие тростником.

Подчиняясь своей программе, катер с «Левиафана» промчался, снижаясь, над джунглями, затем завис над небольшой поляной на берегу реки.

— Объект по прозвищу «Фока-однодневка» находится на поверхности планеты точно под нами! — сообщил Алисе катер. — Что будем делать?

— Приказываю садиться, — сказала Алиса.

Катер медленно опустился на открытом месте, но Алиса с Заури не успели даже подойти к люку, как увидели, что снаружи к катеру летят удивительные и ужасные притом насекомые, похожие на комаров, но размером с большую собаку.

Насекомые отчаянно махали прозрачными ломкими крыльями, отломанные куски которых медленно кружились в воздухе.

— Что им нужно? — спросила Алиса у катера.

— Не бойтесь, — ответил катер, который бывал на планете уже не первый раз и знал все о ее фауне и флоре, — это однодневки. Они не кусаются. Только пищат. Выходите смело и не слушайте их.

— А разве они умеют говорить? — спросила Заури.

Катер хмыкнул, будто собирался засмеяться, да раздумал.

Зато люк раскрылся, и внутрь катера буквально ворвалась волна душистых ароматов зеленой планеты и вторая, следом,

волна оглушительного писка и скрипа, который издавали однодневки.

— Я не пойду, — сказала Заури. — Они меня съедят.

— Но катер же сказал, что они безопасны, — возразила Алиса, направляясь к люку.

Однодневки внутрь катера не забирались, но мельтешили, суетились, толкались у входа.

— Мы знаем, что они безопасны, — задумчиво сказала рабыня, — катер знает, что они безопасны. А разве они знают об этом? Они же ведут себя как очень опасные.

— Выходите, выходите, — сказал катер.

Алиса первой шагнула вперед, и когда однодневки поняли, что она их не боится, они всей стаей ринулись прочь, но пищать не перестали.

Заури так и не вышла. Она остановилась в люке и спросила оттуда:

— Дождика нет?

— Дождика? — Алиса не поняла ее. Погода была отличная, и это было видно из люка.

— Дождик может начаться в любую секунду, — сообщила рабыня. — В таком случае я промочу ноги и умру от простуды.

— Ясно, — сказала Алиса. — Тебя никто не заставляет выходить из катера. Подожди меня здесь.

— Ты только осторожнее, — сказала Заури. — Чуть что — сразу обратно.

Однодневки вились над Алисой, задевали ее крыльями и ногами, глаза их были как стеклянные — без всякого смысла.

Впереди, под сенью раскидистых деревьев, Алиса увидела маленький легкий домик с большими распахнутыми окнами. Дверь в дом была также открыта, и на ступеньках сидели три громадные однодневки ростом с Алису. Они были печальны и даже не взлетели, когда Алиса приблизилась. Только обратили к ней свои огромные глаза и замерли, как неживые.

— Здравствуйте! — крикнула Алиса. — Можно к вам?

Никто ей не ответил.

Алиса заглянула в раскрытое окно. Внутри была просторная комната, половину которой занимал длинный и широкий рабочий стол. На нем стояли приборы, микроскоп, химические сосуды. Посреди стола расположилась однодневка, которая при виде Алисы перепугалась, подняла крылья, попыталась взлететь, ударилась головой о потолок, сломала крылья и упала под стол.

— Что же ты такая неловкая? — сказала Алиса. — Я совсем не хотела тебя пугать.

Однодневки, что сидели на ступеньках, лениво взмахнули крыльями, словно отпугивали Алису, но не знали толком, как это делается.

Алисе не было смысла заходить в дом без хозяина. Она обернулась к Заури, которая стояла в открытом люке катера, и крикнула ей:

— Хозяина нет дома. Я пойду в лес, поищу его. Спроси у катера, здесь водятся тигры?

Катер ответил сразу — он ведь слышал каждое слово, сказанное Алисой:

— Тигров здесь мало, и они травоядные. Едят в основном лилии.

— Значит, они не тигры, — вмешалась рабыня, — а коровы или тюлени.

— Но лилии на этой планете бегают быстрее лошади, — сказал катер.

— Тогда это не лилии, — сказала Заури, — а олени. Ты, катер, такой необразованный.

— Простите, — спросил ехидно катер, — а где вы сумели получить такое замечательное образование?

— Что вы этим хотите сказать? — сердито спросила рабыня.

Алиса не стала слушать, как они спорят, а пошла по тропинке в лес. Но не успела пройти и нескольких шагов, как услышала впереди треск ветки.

На тропинке показался пожилой, загорелый до черноты седой человек, который нес на плече длинный сверток.

Над головой этого человека кружилась целая стая однодневок. Они пищали, скрипели и верещали так, словно он унес у них последний кусочек хлеба. По очереди однодневки пикировали на человека с неба. Но человек не обращал на насекомых никакого внимания и при этом напевал...

Тут он увидел Алису.

Остановился и замолчал.

— Гости! — воскликнул он громовым голосом. — Ко мне в гости приехали прекрасные дамы! У нас праздник!

Ответом на эти слова был такой всплеск писка и верещания взбешенных однодневок, что рабыня Заури спряталась в катер.

— Как вы мне надоели! — сказал в сердцах седой загорелый мужчина и протянул Алисе руку.

— Фока Грант, — сказал он. — К вашим услугам. Рад приветствовать вас на борту моей планетки! Что за счастливый случай привел вас ко мне?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Мы прилетели сюда вместе с Заури, которая была рабыней на сиенде Панченги Мулити. Мы прилетели, потому что надеемся на вашу помощь.

— Панченга Мулити... — задумчиво произнес Фока Грант, — сиенда... что-то я вспоминаю...

Но вспомнить он не успел, потому что целая стая однодневок ринулась на длинный мешок, который он нес на плече, и насекомые стали тонкими коготками рвать ткань, чтобы забраться внутрь мешка.

— Кыш, проклятые! — прикрикнул на насекомых Фока Грант, но без злости, а как прикрикивает мать на детишек, которые хотят схватить со сковороды пирожок и могут обжечь пальчики. — Вы заходите, заходите, — сказал Фока. — Лучше в доме говорить. А то эти твари не дадут нам ни секунды пожить спокойно.

— А почему они на вас так злобно нападают? — спросила Алиса.

— Не злобно, — улыбнулся Фока, — они жить хотят... Очень хотят жить. Но не понимают... многого еще не понимают.

Фраза была загадочной.

Фока первым поднялся по ступенькам в дом. Две гигантские однодневки встретили его, как истосковавшиеся по хозяину собаки. Они покачивали головами, сверкали глазищами и поднимали кверху прозрачные крылья.

— Не обращайте на них внимания, — сказал Фока. — Идите за мной.

Алиса зажмурилась на секунду — эти однодневки были все-таки очень противными. А когда она открыла глаза, то оказалось, что однодневки кинулись следом за Фокой Грантом, помешали друг дружке в дверях, запутались в ногах и крыльях и упали под ноги к Алисе. Она чуть было их не затоптала, пришлось остановиться на пороге и ждать, пока однодневки распутаются и втиснутся внутрь.

Фока прикрыл окна, потому что другие однодневки уже протискивались в них, потом схватил со стола салфетку и стал махать ею, отгоняя назойливых тварей, рвавшихся почему-то к длинному мешку, который Фока сбросил на пол в углу комнаты, но Фока все же смог их отогнать. И когда они, сопро-

тивляясь, вылетели в окно, он окончательно закрыл его, а десятки тварей принялись биться о стекло. Алиса подумала, что это такие большие комары, и представила, что снова стала лилипуточкой.

— Никогда не видела таких громадных комаров.

— Они называются однодневками, — сказал Фока.

— Все равно комары, — сказала Алиса.

— А где твоя подруга? — спросил Фока.

— Она испугалась однодневок, — сказала Алиса. — И осталась на катере.

— Ах, какая незадача! — расстроился Грант. — А они такие безвредные, ты не представляешь! Давай позовем твою подругу! Я вас чаем угощу.

— Мы лучше пойдем к нам на катер, — сказала Алиса. — У нас тоже есть чай, настоящий, земной, азербайджанский.

— Неужели азербайджанский! — обрадовался Фока Грант. — Это же лучший чай во всей Галактике. Я с удовольствием пойду к вам в гости. Вот только сейчас спрячу получше корешки от однодневок.

С этими словами Фока Грант развернул мешок, и в нем обнаружились длинные голубые корни.

Стук в окна резко усилился. Алисе даже показалось, что однодневки вот-вот разобьют коготками стекла, хотя, конечно же, это было невозможно. Но дергались и бились они так, словно от этого зависела их жизнь.

— Что с ними? — спросила Алиса.

— И не спрашивай, — Фока Грант махнул рукой. — Уж и сам не знаю, что делать, впору вообще улетать из этих мест. Пойдем отсюда. Спрячемся у вас на катере, чаю попьем, а вы мне расскажете, что же вас сюда привело... Уж очень мне знакомы эти слова — сиенда Панченги Мулити!

Фока Грант выпустил Алису из дома первой и, пока она, отмахиваясь от назойливых однодневок, перебегала через поляну, закрыл дверь и поспешил за ней.

— Они любят эти голубые корни? — спросила Алиса.

— Не то слово! — ответил Фока.

Рабыня Заури ждала их у люка в катер. Она открыла его пошире, чтобы они могли войти.

При виде девушки глаза Фоки Гранта расширились.

— Это ты! — воскликнул он.

— Да, это я, — согласилась Заури. — Только я не знаю, кого вы имеете в виду.

— Ты не помнишь меня? — спросил Фока Грант.

— Ваше лицо мне кажется знакомым, — сказала рабыня, — но я не совсем помню почему.

— Это она! — воскликнул Фока Грант, оборачиваясь к Алисе. — Конечно же, это она!

— Расскажите нам, кого вы имеете в виду, — попросила Алиса. — Дело в том, что моя подруга Заури не помнит своих родителей. И даже не знает, как ее зовут и откуда она родом! Когда-то ее отняли у родителей, которых, возможно, убили.

— Не может быть! — воскликнул Фока Грант. — Я в это никогда не поверю! Твои родители, Ларочка, живы!

— Ларочка? — Глаза рабыни загорелись. — Вы уверены, что это мое имя?

— Вне всякого сомнения, — ответил Фока Грант. — Так вас назвали пятнадцать лет назад.

— Но кто меня назвал? Умоляю, откройте мне тайну моего рождения! — закричала рабыня, и обильные слезы полились из ее прекрасных глаз.

— Садитесь, Фока, — сказала Алиса. — Мы сейчас приготовим вам чаю. Заури, успокойся, пожалуйста.

— Я тебе не Заури! Не смей называть меня этим отвратительным рабским именем, которое мне дали на рабской сиенде. Я Ларочка! Я родилась с гордым именем Лара, и я умру Ларой!

— Хорошо, — согласилась Алиса, стараясь не улыбаться. — Хорошо, Лара... как тебя по отчеству?

— Карловна, — подсказал Фока Грант. — Лара Карловна Коралли. Я летел вместе с Карлом и Салли на корабле «Квадрат», когда ты родилась! Карл и Салли были космонавтами-исследователями, а я радистом-связистом. А капитаном у нас был чех Водичка.

Голос Фоки Гранта стал задушевным, тихим, музыкальным. Глаза затуманились — он вспоминал...

Алиса быстро поставила чайник и достала из стенного шкафа чашки.

Рабыня Заури-Лара сидела напротив Фоки и ждала, когда он продолжит рассказ.

— Как славно мы летали вместе, — продолжал Фока Грант. — Твои родители были космическими изобретателями. Славный Йозеф Водичка вел корабль, ты играла в куклы, а я поддерживал связь и следил за двигателем...

— Дальше! — попросила рабыня, потому что пауза затянулась.

— Дальше? Совершенно не представляю, что было дальше, — сказал Фока Грант. — Честное слово.

— Как так? — воскликнули девочки хором. — Этого быть не может! Вы же не рассказали, где родители Заури-Лары!

— Родители Лары? Я не знаю.

— А где их дом? — спросила Алиса.

— На Земле, — ответил Фока Грант. — Это такая небольшая планетка в Солнечной системе. Добраться туда нетрудно...

— Не надо, — сказала Алиса. — Я знаю, где находится Земля, потому что я там живу.

— Не может быть! — обрадовался Фока Грант. — Моя бабушка родом с Земли. Так что мы с вами практически земляки. Скажите, а правду рассказывают, что по улицам земных городов зимой ходят белые медведи?

— Да погодите вы! — закричала рабыня Заури-Лара. — Как вы можете обсуждать всякие пустые проблемы, когда вы не ответили мне на главный вопрос: где мои родители?

— Извини, — сказал Фока Грант. — Я отвлекся — мне так редко приходилось встречать настоящих землян. Ты спрашивала о своих родителях? Ты хочешь поглядеть на их фотографии?

— Конечно!

— Тогда пошли ко мне в дом, я покажу тебе альбом.

— Правильно, — сказала Алиса. — А потом мы с вами попьем чаю. Ведь Лара так переживает. Она столько лет жила без родителей, а сейчас она вот-вот их увидит!

Рабыня волновалась так, что у нее тряслись руки и дергались губы. А уж о глазах и говорить не приходится — из них текли потоки слез.

Фока Грант был смущен.

— Мне надо было с самого начала догадаться, — сказал он. — Но я сам убежденный холостяк, у меня никогда не было детей, и я, честно сказать, не выношу детского писка. Я даже на нашем корабле мало общался с Ларой, все ждал, когда она подрастет и научится играть в шахматы. Ведь только после того, как человек научится играть в шахматы, он становится человеком.

— Значит, когда обезьяна научилась играть в шахматы, она стала человеком? — спросила Алиса.

— Вот именно! — радостно согласился Фока Грант.

— А я умею играть в шахматы? — спросила рабыня.

— Разве ты забыла, как я тебя учил? — ахнул Фока Грант. — Как мы всегда играли в шахматы с твоей мамой Сал-

ли Коралли и твоим папой Карлом Коралли? А ты стояла рядом, глядела на нас своими смышлеными глазенками.

Рабыня нахмурилась, стараясь припомнить, потом развела руками.

— Нет, — сказала она. — Я даже не помню, что такое шахматы. Значит, я еще не произошла от обезьяны?

— Произошла, — ответил Фока Грант. — Гарантирую.

Они возвращались к домику Гранта.

Алиса спросила его:

— А почему вы расстались с родителями Заури?

— Я решил провести остаток дней на этой планете.

— Зачем?

— Чтобы сказочно разбогатеть.

— И вы разбогатели?

— Почти разбогател, — сказал Фока Грант.

И тут он остановился и закричал:

— Что вы наделали! Вы меня разорили! Я вас всех перестреляю!

Он бросился к своему дому.

Тут Алиса увидела, что окно раскрыто и в ответ на крик Фоки Гранта из окна, толкаясь и сшибая друг дружку, вырываются громадные ломкие однодневки. Некоторые держат в лапках голубые корешки.

Фока распахнул дверь, и еще несколько однодневок выскочило оттуда.

Когда девочки вошли в домик Фоки, они увидели, что его хозяин стоит посреди комнаты, бессильно опустив руки. На полу лежат несколько затоптанных однодневок и разорванный, растерзанный длинный мешок, который он принес недавно...

— Что случилось, Фока? — спросила Алиса.

— Я снова разорен! — ответил Фока Грант. — Полгода моей работы впустую... Я готов плакать.

Но он не заплакал, а стал собирать с пола голубые корешки. Девочки помогали ему. Рабыня даже плакать перестала. Они спешили — и правильно делали, потому что в окна и дверь снова полезли однодневки...

— Вы хоть расскажите нам, — попросила Алиса, — что здесь происходит. Ведь так трудно, когда ничего не понимаешь!

— Как вам сказать, — ответил Фока Грант. — Оказывается, что если ты все предусмотрел, это не означает, что ты предусмотрел все. Ясно?

Алисе было не ясно, а рабыня ждала, когда ей покажут фотографии ее родителей, и не старалась понять.

— Я много лет вел жизнь космического бродяги, жил без родного дома, как лист, который гонит ветер, — грустно сказал Фока. — Я думал, что так будет до пенсии — благо команда мне попалась хорошая. Я имею в виду ваших родителей, Лара, и капитана Водичку. И вот произошло удивительное событие. Однажды случайная встреча изменила всю мою жизнь. Было это на астероиде Пересадка. Остановились мы там на неделю — надо было кое-что подштопать на борту. Жил я тихо, отдыхал. Только не хватало хорошего партнера в шахматы. Тут прилетает небольшой кораблик. На борту его седой, но совсем еще не старый, крепкий человек.

Летит, говорит, с планеты Парадиз к себе домой в систему Барнарда. На Пересадке остановился на три дня — ждет попутного лайнера. Выяснилось, что он не только умеет играть в шахматы, но за долгие месяцы на Парадизе истосковался по ним. И знаете, мы с ним сели за игру утром и просидели трое суток. Сами понимаете, что мы не только играли, но и разговаривали. И рассказал мне тот старик, что провел два года на Парадизе, искал там и копал, резал и сушил корень мандрагоры. Но не той мандрагоры, которую древние алхимики искали, а местной, парадизной. Этот корешок дарит человеку и любому живому существу бессмертие. На некоторых планетах этот корень покупают по весу алмазов. За грамм корня — грамм алмазов. Представляете?

— И вы полетели сюда? — спросила Алиса.

— Не так все просто, подруга, — ответил Фока Грант. — Наверное, я не решился бы на такую резкую перемену в работе и судьбе, если бы старатель не подарил мне свой дом на этой планетке и не рассказал, как искать в лесу, как и с какими особыми заклинаниями выкапывать корень мандрагоры... На прощание он велел мне беречься от однодневок. Этого предупреждения я не понял и не обратил на него внимания... Я решил попытать счастья и попрощался с моими товарищами по кораблю. С тех пор я живу и тружусь впустую на этой проклятой планетке.

— А сколько времени прошло с тех пор? — спросила Алиса.

— Сколько? Больше десяти лет!

Тут Фока вспомнил об обещании, открыл свой сундучок и вытащил оттуда стопку фотографий. Одну из них он тут же подарил Ларе. Без всякого сомнения, это была она — счастливая

смеющаяся девочка лет трех. Она стояла между двумя молодыми, красивыми космонавтами — мужчиной и женщиной. Сбоку был виден усатый краснощекий мужчина в мундире.

— Это моя мама, — прошептала Заури-Лара.

— Да, это Салли Коралли, — подтвердил Фока Грант.

— А это мой папа...

— Да, это славный изобретатель и исследователь Карл Коралли, — сказал Фока Грант.

— Но я их не помню! — в ужасе воскликнула девушка. — Как это могло случиться?

— Это делалось и делается негодяями пиратами, — сказала Алиса. — Им нужно было, чтобы ты случайно не вспомнила, кто ты и откуда. Не написала бы письмо в Службу галактической безопасности, не захотела бы убежать. И они стерли твою память. Ты дýмала, что ничего в жизни, кроме сиенды, не видела.

— А я видела... — прошептала рабыня, проводя пальцами по фотографии.

— Какие негодяи! — сказал Фока. — Если бы я тогда догадался, что они с тобой сделали, я бы камня на камне от сиенды не оставил! О, я старый осел! — расстроился Фока.

— А это кто? — Алиса показала на краснощекого усача.

— Это наш бравый капитан Водичка.

В этот момент в открывшееся окно влетело сразу несколько однодневок.

— Ну уж нет! — бросился им навстречу Фока.

Он махал руками, как мельница крыльями, он крушил насекомых, ломал им крылья. Попытки однодневок пробиться к остаткам голубых корешков провалились.

Выгнав их и закрыв окно, Фока завернул корешки в тряпку и спрятал в стол.

— Это ваша добыча? — спросила Алиса.

— Да, это и есть корень мандрагоры. Мое проклятие!

— Разве вы не разбогатели?

— Я беден, как и прежде. И все потому, что не прислушался к предупреждению старика, который мне оставил свой дом.

— Так что же случилось? — спросила Алиса.

— Однодневки... — вздохнул старатель. — Их здесь много, и размером они не больше комара... Они выходят на свет утром, порхают весь день и умирают к вечеру от старости. Я на них и внимания не обратил. И не заметил, что когда я принес свою первую добычу и разложил ее сушиться на столе, несколько однодневок прилетели и принялись ползать по корешкам. Я не заметил, конечно, что большинство однодневок вечером умерли, как им и положено, но несколько остались жить, потому что поели моего корня. За ночь они выросли вдвое, а утром вновь набросились на корень бессмертия.

— И с тех пор...

— С тех пор они всеми правдами и неправдами каждый день жрут все, что я собираю и выращиваю. Они стали дьявольски хитрыми! Они выросли в тысячу раз. Они уже не однодневки, а трехлетки! Они уже больше меня ростом!

— Их надо было всех передавить, — мрачно сказала Лара. — А корешки продать людям!

— Я так и хотел сделать, — сказал Фока.

— А почему не сделали?

Фока отвернулся от девочек, вздохнул и сказал:

— Жалко их стало.

— Кого? — не поняла Алиса. — Насекомых?

— Для вас это просто насекомые, может, даже противные, а я их уже давно каждую в лицо знаю. И я понимаю — они же умные стали, они жить хотят, у них теперь и дети, и внуки есть.

— Значит, вы теперь все силы тратите на то, чтобы кормить этих комариных уродов? — воскликнула рабыня.

— Ну не только их...

Фока Грант показал на закрытое окно. Алиса поднялась и подошла к нему. За окном на поляне собралось немало животных различного вида и размера — были там и тигры, и собаки, и змеи, и птицы...

— Ждут, негодяи! — сказал Фока. — Я их готов всех перебить!

— И вместо этого кормите корешками?

Фока пожал плечами.

— Я знаю, что нужно сделать, — сказала Заури-Лара. — Вы полетите с нами к моим родителям. Где они сейчас?

— Дома, на Земле, их нет, — сказал Фока Грант. — Я раза три пытался их отыскать — посылал им открытки к Новому году, справлялся в информатории. Но нигде и следа не нашел. Наверное, с ними случилось что-то ужасное!

— Не смейте так говорить! — закричала рабыня. — Я их все равно найду. Алиса, не слушай этого злого человека!

— Погоди, — сказала Алиса. — Может быть, вы знаете еще кого-нибудь, кто может нам помочь? Вы говорили, что на корабле еще был капитан?

— Капитан Водичка! Я его с тех пор не видел, но мне рас-

сказывал один зимовщик с Ледяного астероида, что на краю пустыни Паска на Вальпургее есть ресторан «Воды Водички» и гостиница. Хозяин там некий капитан Водичка. Я как раз собирался слетать туда и проверить, не мой ли это старый приятель. Но как улетишь, когда столько живых существ ждут от тебя продолжения жизни!

— Нет, — сказала рабыня. — Вы должны лететь с нами, Фока.

— Почему?

— Потому что нельзя быть кормильцем насекомых! Потому что надо вернуться к жизни! Потому что вы должны мне помочь!

— Правильно! — сказал старатель. — Полетели! Почему я должен тратить остаток своей жизни на кормление диких тварей? Нет, вы мне скажите — почему?

Он принялся быстро кидать в чемодан вещи, а за окном поднялся стон и вой, будто местные твари догадались, что их спаситель уезжает.

Все вместе они вышли на лужайку. На ней воцарилась гробовая тишина.

— Прощайте, эгоисты, — сказал Фока Грант сотням однодневок, бабочек, стрекоз и прочих насекомых и иных созданий громадного и умеренного размера, всех цветов радуги и изощренных форм. — Хватит мне вас спасать. Все равно бессмертия не бывает!

Существа молчали.

Они даже не удерживали его. Лишь некоторые, которые были посмелее, протягивали лапки и дотрагивались до штанин Фоки Гранта.

А когда он миновал лужайку, то, обернувшись, увидел, как одно за другим животные и насекомые ложатся на траву, вытягивают ножки и начинают ждать смерти. И все это в полной тишине. И вообще на планете исчезли все звуки — перестали петь птицы, щебетать и пищать насекомые, и даже затих ветер.

— Идите, идите, не оглядывайтесь и не обращайте внимания. Они нарочно, — сказала Заури-Лара.

Они дошли до катера.

— Улетаете? — спросил катер. — И правильно. Человек не должен жертвовать жизнью ради низших тварей.

Рабыня зашла в катер. Алиса ждала, когда за ней последует Фока.

— Ну? — спросила рабыня. — Сколько же вас ждать?

— Я останусь, ладно? — сказал вдруг старатель. — Я еще немного здесь поживу, может, они сами научатся корешки разводить...

Алисе стало ясно, что никуда отсюда Фока не улетит.

Глава 4

РЕСТОРАН «ВОДЫ ВОДИЧКИ»

— Передавайте привет капитану, — сказал на прощанье старатель Фока Грант. Он стоял на поляне, подняв руку, а вокруг него расположились, как на старинной фотографии, сотни однодневок и иных существ с планетки Парадиз, которые очень хотели жить.

До Вальпургеи катер домчал за считаные часы.

Вальпургея относится к группе Ледяных астероидов, которые вращаются вокруг почти совсем погасшей звезды Блум, но далеко не все они покрыты льдом. Они такие безрадостные, пустынные и ненаселенные, что кажутся ледяными. Несмотря на такую непривлекательность, Ледяные астероиды очень популярны среди туристов и старателей, ученых и авантюристов. Дело в том, что эти астероиды — остатки некогда расколовшейся громадной и весьма богатой планеты. Раскололась она не из-за войны или бедствия, а потому что две звезды, вокруг которых она вращалась, растащили ее на части. Одна из звезд от такого усилия взорвалась, а вторая почти погасла. Так что извечная борьба звезд, как это всегда бывает, никому не принесла радости.

Но оттого, что планета развалилась, как перезревший плод инжира, и население эвакуировалось оттуда спешно, то многого жители ее, конечно же, взять с собой не смогли. Через много тысяч лет после этого на астероид попала первая экспедиция. И представляете, как удивились разведчики, когда на мертвом Ледяном астероиде они отыскали развалины могучих замков, остатки алмазных шахт — следы могучей цивилизации.

К тому же, расколовшись на куски и превратившись в целый рой астероидов, планета показала всем, что было в ее глубинах. А там скрывались несметные сокровища...

Вскоре астероиды стали желанным местом для ученых и авантюристов. Жизнь там кипела, но не всегда мирно. Даже патрульные крейсера Галактического центра, которые дежу-

рили возле астероидов, не всегда успевали вмешаться, если возникал конфликт из-за богатой добычи.

Конечно, многие в Галактическом центре и на Земле говорили, что астероиды вообще надо закрыть для кладоискателей, но инспектор Кром доказал своему начальству, что лучше оставить все как есть — пускай лучше авантюристы, которым не сидится дома, проводят свои отпуска и свободное время на астероидах под надзором патрулей, чем будут шалить или бесчинствовать на нормальных планетах. Тем более что кладоискатели никогда не приставали к зимовщикам — ученым, которые жили на астероидах и изучали их. Каждый занимался своим делом...

Одним из таких мест был ресторан под названием «Воды Водички», построенный на краю пустыни Паска, которая покрывала чуть ли не половину неровной поверхности самого большого из астероидов. Именно туда, к прохладительным напиткам пана Водички, стремились кладоискатели и авантюристы, проведя несколько недель в пустыне, где днем температура поднимается до ста градусов и даже закипает вода, а ночью падает до тридцати градусов мороза. И, конечно, ни один человек не сунулся бы на эту раскаленную ледышку или на ледяную сковородку, если бы в пустыне не были раскиданы засыпанные песками древние города, замки и храмы живших здесь людей, в которых, если повезет, можно отыскать сокровища, а если не повезет, то сложить голову.

Кладоискатели там встречались разные. И такие, что провели здесь уже много лет, обгорели и почернели под солнцем, тысячу раз облезли от мороза, но так и не смогли поймать свою жар-птицу. Были там и новички, еще совсем зеленые, наивные, мечтающие о быстром счастье и сказочной удаче. Мало кто из них выживал. Кто остался жив, убегали обратно, к флаерам, ваннам и прохладным магазинам. А многие погибали — замерзали, сгорали, попадали на обед к песчаным драконам и электрическим гусеницам. К тому же в глубине пустыни, неизвестно чем и как, жили небольшие племена и банды разбойников, которые подстерегали путешественников, грабили их и убивали.

Если ты идешь из пустыни, в которой, возможно, бедствовал много дней, то ты обязательно мечтаешь о свежем лимонаде, холодном пиве, горячих сосисках или каком-нибудь блюде, которое известно только на твоей планете. И мечта эта становилась былью в тот момент, когда странник видел, как над

барханами появлялась остроконечная крыша заведения пана Водички. Тогда твой верный верблюд или упрямый йароврон ускорял усталые шаги и сам ты находил в себе новые силы... Еще немного, и ты уже бежишь, торопишься, увязая в горячем или ледяном песке, — осталось так немного, и перед тобой откроется дверь в ресторан, и ты увидишь за кассой улыбающееся круглое усатое лицо пана Водички. Но, честно говоря, чехи не часто залетают на этот астероид, потому что любят свой край и редко покидают Землю.

Пан Водичка внимательно наблюдает за всем, что происходит в зале. Ему драки и ссоры не нужны. Если инспектор Кром узнает о том, что здесь творятся безобразия, галактический патруль быстренько закроет «Воды Водички» и вместо ресторана установит сто автоматов по продаже газированной воды — с него станется!

Опытный взгляд пана Водички ничего не пропустит. Вот он видит, как скупщики окружили только что вернувшихся из пустыни двух японцев и пытаются узнать, что же принесли кладоискатели с собой, но пока ничего не добились. Видно, японцы ждут своих людей... А вон молодой человек с маленькой головкой на длинной шее — видно, родом с Пилагеи — рассматривает мятую-перемятую карту, которую подсовывает ему ушан с Паталипутры и доказывает, что именно эта карта говорит, где спрятал свои сокровища известный бродяга и пират Полугус Земфирский. Пилагеец кивает головой, глаза у него обалделые. Вот-вот он полезет за бумажником, а пан Водичка улыбается — он-то знает, что уважаемый Полугус Земфирский, открыватель сказочной Пенелопы, никогда не был бродягой и пиратом.

А пилагейца Водичке не жалко: пусть лучше его, дурачка, здесь, в ресторане, объегорят, проведут за нос, облапошат, чем он сунется в настоящую пустыню и погибнет ни за грош. Лучше, если он, разоренный, но живой прилетит обратно домой и будет всю жизнь рассказывать детям и внукам, как он чуть было не отыскал сокровища самого Полугуса Земфирского.

Вот открылась дверь, видно, кто-то еще пожаловал.

Нет, это гости не из пустыни. Совсем еще дети — две девочки. Наверное, подумал Водичка, это дети зимовщиков — как всегда, зимовщикам что-то нужно. Может быть, кончилась соль. Или перловая крупа. Зимовщики — соседи Водички и по-соседски обращаются к нему за помощью. Да и сам пан Водичка, чуть что, сразу посылает за подмогой к зимовщи-

кам — то свет починить, то компьютер исправить, то за доской или листом пластика... Мало ли какая помощь может понадобиться!

Две девочки уверенно вошли в дымный шумный салун. Одна из них, беленькая, на вид ей лет двенадцать, держит себя уверенно, не робеет. Крутит головой, ищет кого-то. Вот к девочкам подкатил робот-официант. Девочка что-то говорит ему, и робот показывает на пана Водичку. Так и знал — к нему от соседей!

Пан Водичка поднялся со своего высокого вертящегося стула и направился к гостьям. Он всегда был верен правилу: хозяин дома должен быть вежливым даже с самым незначительным гостем. Пан Водичка, если к нему приходили, всегда спешил встретить гостя на полпути, проводить к столу, улыбнуться и сказать несколько теплых слов — недаром даже самые отпетые убийцы и негодяи никогда не поднимали руки на Водичку. Впрочем, говорят, однажды так случилось, но этот человек на следующий день уже лежал в больнице со сломанной рукой.

Хозяин ресторана должен все видеть вокруг и запоминать. Вот поднимается при виде девочек молодой человек, худой, очкастый. Из романтиков-кладоискателей. Такие плохо кончают, если не успевают убежать домой. Что он пьет? Малиновый сок? И еще читает? С ума сойти!

— Чем могу служить? — спросил пан Водичка, подходя к девочкам и вглядываясь в знакомое лицо второй девочки, постарше.

Она была черноволосой, очень хорошенькой, с бледным капризным лицом... «Где же я видел ее? — мучился пан Водичка. — Голову могу дать на отсечение, что я ее видел!»

— Здравствуйте, — сказала беленькая девочка. — Вы пан Водичка?

— К вашим услугам, пани.

— Меня зовут Алиса Селезнева, а это моя подруга, имя которой вам должно быть известно. Это Лара Коралли!

Прекрасная Лара шмыгнула носом, и на глазах у нее появились слезы.

— Как же я не догадался, старый дурак! — воскликнул пан Водичка. — Как же я мог не догадаться! Конечно же, ты — Ларочка! Ты дочка Салли и Карла, не так ли?

— Да! — ответила Лара. — Но скажите мне немедленно: где

мой папа? Где моя мама? Неужели они в самом деле меня бросили?

— Успокойся, девочка! — уговаривал ее пан Водичка.

Он повел девочек за загородку, где стоял столик, накрытый белой скатертью, для самых почетных гостей «Вод Водички». Задернув тонкую занавеску, которая немного уменьшила шум, что долетал из общего зала, Водичка спросил:

— Вы, наверное, голодные? Будете есть или пить?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса.

— А я немного поем, — сказала Лара. — Чуть-чуть. Когда я нервничаю, я всегда хочу есть.

— Еще бы мне об этом не знать! — засмеялся Водичка, дергая себя за кончики усов, будто хотел разорваться пополам. — Как сейчас помню... Высадились мы на одной планете — название ее забыл... Птички поют, цветочки благоухают. И ты говоришь: мама, хочу земляники! Мама говорит: нельзя здесь рвать землянику, пока мы не провели анализов. Вдруг она ядовитая. Ну ты, как всегда, в слезы... Как-то тебя наказали за то, что ты не хотела ложиться спать, так ты ночью залезла в холодильник и съела жареного гуся. Целиком. А ведь ребенку было всего три года!

— Скажите, — перебила воспоминания Водички Алиса, — а вы давно расстались с Ларой?

— Разве она вам не рассказывала? — удивился пан Водичка.

— К сожалению, — сказала Алиса, — у нее стерта память.

— Я ищу папу и маму! — воскликнула Лара. — И мне никто не хочет помочь. Где мои родители, отвечайте!

— Но я не знаю. — Пан Водичка развел руками. — Как же я могу знать, если я сам с ними расстался давным-давно.

— Но объясните нам, как это было. Мы видели Фоку Гранта, он нам рассказал о том, как вы летали...

— Он нас покинул десять лет назад, — сказал Водичка. — А как он сейчас? Нашел свою мандрагору?

— Нашел, — сказала Алиса, — он делится ею с другими.

— Ну и правильно, — сказал Водичка.

— Расскажите, что случилось с кораблем «Квадрат» дальше, — попросила Алиса.

Пан Водичка уселся за стол напротив девочек, хлопнул в ладоши, и тут же один робот накрыл на стол, а другой принес котелки с удивительно ароматной похлебкой.

— Подкрепитесь, панночки, — сказал пан Водичка. — В вашем возрасте обязательно надо все время подкрепляться.

Выпейте малинового сока, попробуйте моих кнедликов. Кушайте...

Девочки послушались пана Водичку. Еда была сказочно вкусной.

— Я должен огорчить вас, — сказал пан Водичка, глядя, как девочки поглощают тушеное мясо, заедают его кнедликами и запивают соком лесной малины. — К сожалению, я не представляю, где могут находиться Карл и Салли. Я даже не знаю, живы они или нет.

При этих словах Лара, разумеется, зарыдала. А Алиса ощутила горькое разочарование. Столько мчаться, стараться — вот-вот найдем разгадку... и оказывается, все впустую.

— В последний раз я видел твоих папу и маму, — сказал пан Водичка, — десять лет назад.

— А я где была?

— Ты была на борту, разумеется, ты была на борту, — сказал пан Водичка. — Жива и здорова.

— А потом?

— С тех пор я твоих родителей не видел. Но уверен, что еще год назад они были живы.

— Откуда вы знаете? — спросила Алиса.

— Потому что я получил от них весточку.

— Где весточка? — спросила рабыня.

— Это был привет. Привет на словах. Мне принес его один кладоискатель.

— Когда? Когда это случилось?

Водичка отвел глаза, словно прислушивался к тому, что происходит за занавеской. Там стоял ровный шум, в котором порой возвышался какой-нибудь голос или раздавался крик, звенел разбитый бокал или даже бутылка...

— Это случилось недавно, — сказал Водичка, понизив голос до шепота, — не верьте мне...

И именно в этот момент занавеска резко откинулась в сторону, и появилось лицо, вернее, морда черной гориллы, один глаз которой был перевязан красной тряпкой. На голове у гориллы красовался блестящий, как лакированный ботинок, цилиндр, а длинные когти, вцепившиеся в занавеску, были покрыты золотым лаком.

— Водичка! — произнесла горилла. — Ты что застрял? Мы уже карты раздали — ждем, старина!

— Погоди, я занят, — сказал Водичка упавшим голосом.

Алисе показалось даже, что его рука, приподнявшаяся, словно он хотел защитить своих гостей, дрожала.

— Вижу, с какими птенчиками ты занят, старый враль, — зарычала горилла. Цепкими маленькими глазками чудовище уставилось в лицо Алисы. Рабыня Заури даже заныла от ужаса. — Надо бы тебе поделиться с нами!

— Как ты смеешь! — Водичка начал было подниматься со стула, но горилла вдруг расхохоталась — огромные желтые зубы щелкнули и разошлись, показав кроваво-красный язык. И, не закрывая хохочущей пасти, горилла исчезла — только покачивалась отпущенная ею занавеска.

— Кто это был? — спросила Алиса.

— Вам надо собираться, — сказал пан Водичка. — Нельзя вам больше здесь оставаться. Плохо здесь.

— Еще чего не хватало! — капризно воскликнула рабыня. — Вы же еще не сказали, где мои дорогие родители.

Она вынула фотографию, которую подарил ей Фока, и, рыдая, протянула ее Водичке.

— Я ничего вам не говорил, — сказал Водичка. — Я никого не знаю.

— Это неправда. Вот ваше лицо, смотрите, вы обнимаете моего папу за плечи и даже почти не изменились! — воскликнула Лара.

Водичка смотрел на фотографию, и Алиса увидела, что он тоже готов был заплакать. Водичка страдал. Водичке было плохо!

— Вы сказали, — Алиса решила ковать железо, пока горячо, — вы сказали, что получили весточку от родителей Лары совсем недавно.

— Я не помню... — Как грустно было смотреть на испуганного пожилого человека, по глазам которого было видно, что он мечтал об одном — чтобы девочки ушли отсюда как можно скорее.

— Вам передал привет кладоискатель!

— Не может быть!

— Значит, вы не друг моему папе! — воскликнула Лара. — Вы его враг. Я думаю даже, что вы его предали, а может, даже убили!

— Как ты можешь так говорить! — закричал в ответ Водичка. — Ради Коралли я готов был пожертвовать своей головой!

— Никто не требует от вас такой жертвы, — сказала Али-

са. — Но мы хотели услышать хотя бы два слова. Где они сейчас? Где?

— Где?

Водичка готов был уже сказать, но занавеска откинулась вновь. За ней стояла черная горилла. Единственный глаз ее горел алым светом.

— Пошли, — сказала она, — нам надоело ждать. А то мы твоих девочек вместо тебя за стол посадим.

— Иду, — сказал Водичка быстро. — Сейчас я их выведу наружу, они сядут в катер, а я вернусь.

— Мы вместе пойдем, — сказала горилла. Она положила лапу с золотыми когтями на плечо Водички, и лапа была такая тяжелая, что Водичка буквально осел под ее тяжестью. Алиса заметила, что у гориллы шесть пальцев.

— Я никуда отсюда не пойду! — вдруг закричала Лара Коралли. — И не надейтесь! — Она обернулась к горилле, совсем не испугавшись ее: — Вы не представляете, какой подлый человек этот Водичка! Он знает, где мои несчастные родители! Он даже получил от них весточку — совсем недавно. И не хочет мне сказать.

Водичка побледнел. Он смотрел в пол.

— Лара! — укоризненно сказала Алиса. — Как тебе не стыдно! Помолчи!

— А мне не стыдно! Это ему должно быть стыдно!

— Правильно, — зарычала горилла. Рядом с ней возникла змеиная голова в очках. Голова улыбалась. Алисе показалось, что она видит дурной сон.

— Правильно! — прошипела змея, языком сняла очки и начала их крутить кончиком языка.

— Как тебе не стыдно, старый Водичка, — сказала горилла, — скрывать от девочки такой пустяк. Да скажи ты ей, где ее папочка и мамочка, скажи, не стесняйся!

Какие-то другие рожи лезли в закуток, и все кричали:

— Скажи, скажи!

Водичка медленно отступал в угол. Глаза у него стали почти белыми, усы опустились, как тряпки...

— Скажите! — громче всех требовала Лара.

— Они улетели на Землю, — сказал тогда Водичка. — Они на Земле, на острове Гренландия. Они разводят там апельсины.

— Ура! — закричала горилла. — Правда торжествует! Я хочу апельсинов!

Остальные рожи тоже кривлялись, смеялись, подмигивали, жмурились, а у синего карлика с тремя головами все три носа превратились в апельсины, и тогда другие существа, завидев это, набросились на него, желая оторвать апельсины.

— Как звали кладоискателя, который вам это рассказал? — спросила Алиса, глядя на Водичку в упор.

Тот расслышал ее слова в шуме, царившем вокруг, и ответил, подмигнув Алисе:

— Плеш Корявый.

Горилла, которая нависала над ними и в драке не участвовала, сразу заподозрила неладное.

— Что ты сказал? — зарычала она. — Какой такой Плеш? Признавайся, что ты сказал?

— Пускай они уходят! — закричал в ответ Водичка. — Нам еще не хватало, чтобы сюда вслед за ними пожаловал галактический патруль. Ведь они же сообщили, куда летят.

— Наш катер на постоянной связи с центром, — подтвердила Алиса, понимая, что Водичка не зря сказал о патруле.

— Давайте я вас провожу до катера, как положено гостеприимному хозяину, — сказал Водичка, но горилла тут же схватила его за рукав.

— Никуда ты не пойдешь. Ты забыл, что тебя ждут друзья?

Держа золотыми когтями старого капитана, она приказала девочкам:

— А вы гуляйте отсюда, гуляйте, не задерживайтесь. Ваше счастье, что мои ребята сегодня добрые, не хотят с вами связываться. А то бы ваши белые косточки остались сушиться в нашей печурке.

Все, кто слышал эту шутку, расхохотались. Горилла потащила Водичку к столу, на котором были разложены карты, а вокруг сидели три бандита устрашающего вида, один даже был покрыт зеленой чешуей, с глазами, торчащими на палочках. Игроки встретили появление капитана радостными воплями, и Водичка уселся на свободный стул.

— Скорее! — сказала Лара. — Побежали на катер, нам надо вернуться в Галактический центр. Папочка и мамочка ждут меня там!

— Беги, — сказала Алиса. — Спрячься в катере, а я пока закончу здесь дела. Хорошо?

Алиса пыталась говорить совершенно спокойно, будто ее дела заключались в том, чтобы забрать забытую булавку или полюбоваться закатом.

— Только ты не долго, — сказала Лара. — Мне страшно.

— Никому, кроме меня, не открывай люк. Хорошо?

— Конечно, я никому не открою. Может быть, и тебе не открою.

Лара наконец-то улыбнулась.

Но Алиса ничего смешного в этих словах не уловила. Она смотрела вслед рабыне, пока та шла по ресторану, улыбаясь направо и налево завсегдатаям, и Алиса боялась, как бы кто-нибудь ее не задержал. Но обошлось.

Глава 5

НОВЫЙ ДРУГ

Алиса заметила, что пан Водичка, усевшийся за стол с гориллой и ее друзьями и вроде бы погруженный в карточную игру, не спускал с Алисы глаз, стараясь это сделать незаметно для своих товарищей. Не отпускал Алису и красный глаз гориллы. Видно, и ей было любопытно понять, почему эта девочка не убегает со всех ног из ресторана.

Алиса обратила внимание и на юного худого очкарика с длинными волосами, который явно не подходил этой компании. Очкарик глядел вслед Ларочке.

Перед ним на столе стоял стакан малинового сока и лежала книжка.

Алиса задержалась, потому что была совершенно уверена, что пан Водичка сказал неправду. Конечно же, ни папы Коралли, ни мамы Коралли на Земле не было. Ведь компьютер проверил все справочные отсеки Галактического центра и всех планет Галактики — не было ли запроса о пропавшей девочке, по описанию похожей на Лару. Разумеется, девочки всегда пропадали и пропадают. Не так часто, как мальчики, но и не редко. Обычно исчезновения кончаются благополучно. Например, девочка решила повидать свою бабушку в другом городе или своего друга из соседнего класса. Бывают девочки, которые хотят улететь в космос. Но бывает, что девочка пошла купаться в незнакомом месте и утонула, убежала в лес, и ее не нашли... Однако ни в одном справочном центре не нашлось запроса с описанием Лары Коралли. Значит, ее никто не искал. А если бы папа и мама Коралли были живы и свободны, они наверняка бы искали свою дочь!

Да и пан Водичка странно себя вел. Почему он подмигнул

ей, когда назвал имя кладоискателя, который якобы передал ему привет от папы и мамы Коралли? И что за странное у него имя — Плеш Корявый? Водичка, конечно же, что-то хотел сказать Алисе. Но не смел, потому что подслушивала горилла. Эта горилла, конечно же, не простая горилла!

Пока Алиса так рассуждала и мысли стремительно пролетали в ее голове, Лара дошла до дверей ресторана и обернулась. Даже сквозь дым и на таком расстоянии было видно, какая она хорошенькая и стройненькая. И если бы не такой капризный характер, цены бы ей не было. Но, наверное, этот недостаток у нее выработался оттого, что она росла в неволе и без родителей.

Алиса посмотрела на молодого человека, который пил малиновый сок и вежливо поднялся, когда они с Ларой вошли в ресторан. Увидев, что Лара вот-вот уйдет, он вскочил со своего места и кинулся за ней.

Но приблизиться не посмел, а в нескольких шагах от дверей остановился, переминаясь с ноги на ногу. Глаза его как бы неслись вперед, а сам он не мог преодолеть свою робость.

Лара затылком почувствовала горячий взгляд, обернулась в дверях и улыбнулась молодому человеку. Не потому, что он ей особенно понравился, а потому, что в глазах его было видно такое восхищение красотой юной рабыни, что ей это было очень приятно.

Но движение молодого человека заметила и подручная гориллы — змея в очках. Она поднялась на хвосте и, ловко крутя им, понеслась вслед за молодым человеком.

— Назад! — прошипела змея. — Наружу не выходить, на девицу не глядеть.

— Как вам не стыдно! — возмутился юноша, пытаясь оттолкнуть змею, но та мгновенно обвилась хвостом вокруг щиколоток молодого человека, рванула его на себя, и он, не удержавшись на ногах, грохнулся на пол, да притом так неудачно, что ушиб локоть, а кто-то из друзей гориллы, совсем уж расшалившись, кинул в него его же рюкзаком, и камни, которые были в рюкзаке, расшибли юноше лоб. Все вокруг хохотали, а если среди этой компании и были порядочные люди, они предпочитали не вмешиваться, чтобы самим не досталось.

Юноша пытался подняться, но это ему удалось не сразу. Он с трудом сел, держась за голову. Между пальцев у него текла кровь.

Лары уже не было в зале, и она всего этого не видела, но Алиса, которая оказалась свидетелем этой сцены, кинулась к

молодому человеку, желая ему помочь. Она присела рядом с ним и спросила:

— Вам больно?

В тот момент ей было все равно, обращают на нее внимание или нет, смеются ли над ней эти негодяи. Но она уже поняла, что на нее никто не обращает внимания, — в зале снова поднялся привычный шум, даже картежники во главе с горилой вернулись к своим делам.

— Принеси воды! — приказала Алиса роботу-официанту, который как раз подъехал к молодому человеку, намереваясь отодвинуть его в сторону, чтобы тот не мешал носить подносы.

Робот подчинился. Алиса протянула юноше свой платок.

— Это компания мерзавцев, — сказал юноша Алисе, словно был с ней давно уже знаком. — Я им покажу...

— Погодите, вытрите сначала кровь, — сказала Алиса.

Молодой человек был очень бледен, у него было приятное лицо с широким носом и карими раскосыми глазами, волосы были длинные, прямые и черные, они падали на плечи и были перетянуты ремешком.

— Нет! — молодой человек словно очнулся. — А где ваша подруга? Ей здесь опасно... и вам тоже, простите меня!

— Лара в безопасности, — сказала Алиса, — она пошла к катеру, который стоит у самого входа в ресторан.

— Надо проверить, — сказал юноша решительно.

Подкатил робот со стаканом воды. Алиса намочила свой платок и передала молодому человеку, чтобы он приложил его к рассеченному лбу.

— Погодите, — сказала она, — давайте отойдем к зеркалу, вам будет лучше видно.

На самом-то деле у Алисы была задняя мысль. Ей надо было под благовидным предлогом отвести в сторону от игроков этого молодого человека, который, очевидно, не принадлежал к их бандитской компании. И задать ему один очень важный вопрос.

Молодой человек поднялся, опираясь на руку Алисы. У него были тонкие руки и ноги, и даже странно было, как он смог выжить в этой жестокой пустыне.

— Меня зовут Вага Бычий Хвост, — сообщил юноша скорбным голосом.

— Бычий Хвост? — удивилась Алиса.

— Да, именно так!

Алиса поняла, что лучше не задавать вопросов, и повела его к зеркалу. Горилла что-то закричала вслед.

Но Алиса не стала оборачиваться. Вслед за криком гориллы послышался раскатистый хохот игроков.

Увидев себя в зеркале, Вага Бычий Хвост ужаснулся и чуть не упал в обморок.

— Я не выношу вида крови, — признался он Алисе. Но она и без того уже догадалась, что Вага — не самый храбрый человек на свете.

— Вам надо на свежий воздух, — сказала Алиса громко, чтобы, кто хочет услышать, услышал. — А то вам будет плохо.

Алиса была права — в ответ на эти слова с рамы зеркала скользнула вниз голубая рогатая толстая ящерица. Алиса увидела, как она кинулась между столов, взобралась на плечо горилле и начала что-то шептать.

Никто не мешал им выйти на улицу.

Снаружи было прохладно. День кончался — скоро ударит мороз.

Катер стоял совсем неподалеку. Люк был приоткрыт, из него выглядывало хорошенькое личико бывшей рабыни. Когда же она увидела, что из двери ресторана вышли рядышком Алиса и Вага Бычий Хвост, который прикладывал платок ко лбу, она так удивилась, что выпрыгнула из катера.

— Что случилось? Если он на тебя напал, то живым отсюда не уйдет! Я собственноручно выцарапаю ему глаза!

Молодой человек оробел, отступил обратно к двери ресторана и забормотал так неразборчиво, что и Алиса ничего не поняла.

— Ничего страшного не случилось! — громко сказала Алиса, которая была убеждена, что и снаружи ресторана найдется кому подслушивать. — Мой знакомый Вага нечаянно упал и ушибся. Я вывела его подышать свежим воздухом.

И правильно почувствовала Алиса: тут же камень, что мирно лежал у входа в ресторан, выпустил из-под себя тонкие ножки и побежал к двери. Алиса поняла, что он спешит донести горилле или змее в очках. А может, и самому Водичке? Может быть, он лишь притворялся другом семьи Коралли, а на самом деле давно уже всех предал, проиграл в карты?

— Я люблю дышать свежим воздухом, но на улице так холодно, что можно заболеть воспалением легких, — сказала Лара.

— Ой! — воскликнула Алиса, которой только и нужно было, чтобы Лара сказала что-нибудь подобное. — Конечно

же, я тоже замерзаю! А Ваге в его состоянии нельзя ни минуты оставаться снаружи. Пошли скорее в катер!

Говоря, Алиса не спускала глаз с входа в ресторан, желая узнать, кто же побежит доносить горилле.

И когда она увидела, как кучка песка собралась в колбаску и поползла к двери, она подождала, пока песчаная гусеница поравнялась с ней, и резким движением ноги отбросила ее подальше от входа. И тут же побежала к катеру.

Вага, пошатываясь от слабости, засеменил следом.

Лара отступила, пропуская их внутрь катера.

— Давно пора, — сказал катер, — я сижу и думаю: вы дураки или у вас спорт такой — кто скорей замерзнет?

И катер, у которого самым главным чувством было чувство черного юмора, залился смехом.

Алиса не обратила на это внимания. Только приказала ему закрыть люки и подняться в воздух.

— Правильно, — согласился катер.

— А как же я? — спросил Вага. — Ведь скоро будет такой мороз, что мне не вернуться в ресторан. И мне негде будет ночевать.

Алиса не стала тратить время на споры с молодым человеком.

— Вы нам нравитесь, — сказала она твердо. — Вы производите впечатление порядочного человека. Расскажите, как вы оказались в этой компании.

— Я оказался здесь намеренно, — сказал Вага Бычий Хвост. — Я родом из небольшого индейского племени манахо, которое обитает в Бразилии. Когда я родился, я был таким худеньким, что наш жрец дал мне имя Бычий Хвост. Такое имя можно носить только маленькому мальчику, потому что мужчине оставаться Бычьим Хвостом позорно. Вскоре мои родители уехали со мной в город Рио-де-Жанейро и нашли у меня способности к игре на флейте. Я поступил в музыкальную школу. Мои родители совсем не хотели, чтобы кто-нибудь вспоминал, что в моих венах течет кровь диких индейцев сельвы.

Когда я подрос, мне надо было становиться мужчиной. Но я узнал, что не имею права поменять свое детское прозвище на настоящее имя, пока не пройду испытания, которые надо проходить юноше, чтобы стать мужчиной. А как это сделать, если к тому времени наше племя превратилось в ансамбль народного танца и покинуло леса? Оно гастролирует теперь в Европе и в Китае. Так что у меня не осталось возможности пройти испы-

тания на мужество. Но и оставаться с позорным именем Бычий Хвост я не желал. И тогда в один прекрасный день я понял, что игра на флейте не мое призвание, а призвание моей мамы. Я сломал флейту о колено и отправился совершать подвиги.

— Ой, о колено! — ахнула Лара. — А я обожаю, когда играют на флейте.

— Когда это делает настоящий мужчина — может быть! — ответил худой индеец. — Но когда это делаю я — это стыдно.

— И вы полетели сюда?

— Да, я прочел, что здесь лежит суровая пустыня, что здесь настоящие мужчины ищут и находят клады. И я тайком от родителей улетел сюда.

— Вы бросили папу и маму? — спросила сквозь слезы Лара.

— Я был вынужден.

— А мои папа и мама бросили меня, — сообщила Лара.

— Лара! — укоризненно сказала Алиса.

— И вы стали мужчиной? — спросила Лара, глядя на молодого человека.

— К сожалению, я еще не успел, — сказал юный индеец. — Я оказался недостаточно физически развит для пустынных переходов, а все мои деньги я проиграл в карты Илеше и Горынычу.

— Это кто такие?

— Вы их видели — это черный одноглазый гориллоид и его пособник, змей в очках.

— Они мне с первого взгляда не понравились, — сказала Алиса.

Лара принесла чай и накрыла на стол. Несчастный кладоискатель Вага Бычий Хвост с восторгом смотрел на то, как она расставляет чашки.

— А как же вы собираетесь стать настоящим мужчиной? — спросила Алиса.

— Как только найду настоящий клад и совершу два-три подвига, тогда смогу официально поменять имя.

— И вы придумали какое? — спросила Алиса.

— Конечно. Бычий Рог!

— Но ведь почти никакой разницы! — воскликнула Алиса.

— Как так никакой? Хвост ведь сзади, а рог спереди.

Алиса с улыбкой согласилась и тут же задала следующий вопрос:

— Вага, скажите, а вы знаете человека по имени Корявый Плеш?

— Здесь?
— Разумеется.
— Но здесь нет такого человека!
— Вы уверены?
— Я совершенно уверен.

У Алисы сердце упало. Она так надеялась, что Водичка сказал ей настоящее имя, что он хотел помочь им, но по какой-то причине не мог. А оказалось, что он просто обманул ее. Или если такой человек и есть где-нибудь, то живет он, конечно, не на этой планете.

— Произошла какая-то ошибка, — продолжал молодой человек. — Дело в том, что Плеш Корявый — это место. Самое дикое место в этой пустыне.

— Вы уверены? — Алиса готова была расцеловать Вагу.

— Конечно. Бывать там я не бывал, но знаю.

— Вы бы лучше меня спросили про Плеш Корявый, — сказал катер, который всегда все слышал и умел вмешаться в разговор именно тогда, когда никто этого не ждал.

— А ты тоже знаешь?

— Как же не знать, если это место есть на карте.

— И что оно значит?

— Когда-то там был замок или крепость той планеты, которая раскололась. Стены и подвалы его были такие крепкие, что частично сохранились и по сей день. Среди кладоискателей крепость пользуется дурной славой. Никто еще не смог проникнуть внутрь и вернуться живым. И если все же находился кладоискатель, готовый на такой подвиг, он обязательно пропадал без вести.

— Это правда, — подтвердил Вага. — Я тоже хотел отправиться туда, чтобы доказать моему племени, что я настоящий мужчина, но не смог добраться, потому что у меня кончилась вода.

— Поэтому и остался живой, — сказал катер. — В этом тоже есть свои преимущества.

Глава 6

ЗАМОК В ПУСТЫНЕ

— Раз Плеш Корявый — это место, а не человек, значит, там есть человек, — глубокомысленно сказала прекрасная рабыня, и Вага-индеец согласно кивнул головой. Любое слово,

сказанное пунцовыми губками Лары Коралли, казалось ему верхом мудрости.

— Раз так, — согласилась Алиса, — значит, нам надо туда лететь, а прилетев, спросить, знает ли кто-нибудь там о супругах Коралли. Ты понял, катер?

— Милая девочка, — сказал катер, — в серьезных делах всегда лучше посоветоваться со старшими и более опытными существами. Например, со мной.

— Я уже начала советоваться, — сказала Алиса.

— Так мой совет таков: забудь, Алисочка, о Корявом Плеше. Туда нормальные катера не летают.

— Почему, если это не секрет? — спросила Алиса.

— А потому что туда долететь нельзя. По крайней мере, я не повезу моих пассажиров на верную смерть.

— Но почему на смерть? — спросила Лара.

— Я же говорил! — сказал Вага Бычий Хвост. — Никто туда не ходит.

— А откуда ты узнал, что туда ходить нельзя? — спросила Алиса.

— Все говорят! — удивился Вага-индеец. — Ты спроси любого в «Водах Водички».

— Но если они туда не ходили, — сказала Алиса, — откуда они знают, что туда нельзя ходить?

— А никто не говорит, почему нельзя ходить. Все только говорят, что нельзя, — сказал Вага.

— А вдруг все наоборот? — спросила Алиса. — Представь себе, что в том замке хранятся самые главные богатства пустыни и только твой противный гориллоид и его друзья туда ходят. Конечно же, им не хочется, чтобы кто-то другой узнал о сокровищах.

Эта мысль заставила Вагу сильно задуматься.

— Но ты же не будешь утверждать, — вмешался в разговор катер, — что на базе, к которой я приписан, тоже сидят гориллоиды и обманывают нас, честных исследователей, утверждая, что к Корявому Плешу летать нельзя.

— А на базе откуда знают об этом запрете? Кто первый сказал, что туда летать нельзя? Вспомни.

— К сожалению, я не обладаю такой информацией, — сказал катер.

— Тогда я предлагаю лететь к Плешу Корявому немедленно! — сказала Алиса. — Кто против?

— Я против, — сказал катер. — Во мне же записано: летать не рекомендуется.

— Катер, катерочек! — взмолилась Лара Коралли. — Неужели ты не понимаешь, что там, вернее всего, сидят мои мама и папа и ждут меня не дождутся.

— И давно ждут? — спросил деловито катер.

— Точно я тебе не скажу, — ответила Лара, — но не меньше десяти лет.

— Значит, сильно соскучились, — сказал катер и не двинулся с места.

И неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы Вага, выглянув в иллюминатор, не увидел, как двери в ресторане пана Водички распахнулись и оттуда выбежал гориллоид, размахивая бластером, а за ним выполз змей в очках и выскочил двугорбый карлик.

— Опасность! — крикнул Вага Бычий Хвост.

— Вижу, — ответил катер. — Поднимаюсь выше. Это единственный способ спасти вверенных мне пассажиров.

И тут же он взлетел вверх, успев подложить мягкие маты под пассажиров, которые, конечно же, не удержались на ногах из-за неожиданной перегрузки.

— Теперь куда? — спросил катер, когда ресторан пана Водички превратился в белый кубик на буром одеяле пустыни и фигурки злодеев уже нельзя было разглядеть. Но это, конечно же, не означало, что бандиты откажутся от преследования. Раз они заподозрили неладное, то, конечно же, сделают все, чтобы догнать и убить опасных соперников, — такие здесь нравы!

— Ты знаешь куда! — ответила Лара. — В крепость Плеш!

Черные кудри ее разметались кольцами по плечам, щеки раскраснелись, карие глаза сверкали так, что, казалось, могли прожечь обшивку катера.

— Я не могу выполнять приказы несовершеннолетней девушки, которая находится в нервном состоянии, — сказал катер. — Лучше уж я буду слушаться Алису.

— Давай посмотрим на Плеш сверху, — сказала Алиса, — не спускаясь. И тогда станет понятно, что нам угрожает.

— А какая высота безопасна? — спросил катер.

— Не бойтесь! — сказал Вага Бычий Хвост, который в присутствии Лары становился очень храбрым. — В случае чего я вас защищу!

— Я возьму повыше, — сказал тогда катер. — Поглядим на этот Плеш с высоты в два километра.

Алиса уселась в пилотское кресло и смотрела на экраны. Она опасалась, нет ли за ними погони. Но, видно, возле ресторана у злодеев не было своего летательного аппарата.

Впереди показалось серое, в цвет песка, сооружение. Как будто ребенок играл на берегу, построил замок из песка, а потом ушел, а замок разрушило ветром и водой.

— Плеш Корявый, — произнес катер.

— Странное название, — сказала Алиса.

— Кладоискатели дали, — сказал катер. — А они народ грубый, необразованный.

Алиса включила экран переднего вида, чтобы дать увеличение.

Крепость казалась совершенно безжизненной. Даже трудно было поверить, что здесь могут быть люди, — ни деревца, ни кустика на много километров вокруг, только неприветливые скалы полуразрушенного замка и песчаные барханы...

— Я опасаюсь, — сказал Вага-индеец, — что они могут сбить нас ракетой. Если в крепости сидят враги, то они заинтересованы в том, чтобы нас убить.

— Только не ракетой, — возразил катер. — Они же не дураки, они же знают, что мой полет контролируется Галактическим центром. Полагаю, что вам ничего не грозит до тех пор, пока вы находитесь во мне. Но вот когда вы меня покинете, я за вашу жизнь не поручусь.

— Спасибо за напоминание, — сказала Алиса. — Мы уж сами как-нибудь о себе позаботимся. Спустись-ка пониже, катер!

Катер послушно пошел вниз. Алиса дала на экране максимальное увеличение. Теперь ей был виден каждый камень стен, каждая бойница, каждая тропинка во дворе замка... но никаких следов жизни.

— Здесь никто не живет, — заявил катер раньше, чем Алиса сама успела сказать об этом.

— Вижу, — согласилась Алиса.

— Не может быть, — расстроилась Лара, — я так надеялась.

— Может, есть другой Корявый Плеш? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал катер. — В моей памяти у него однофамильца нет. Да и нет смысла давать такое отвратительное имя сразу двум замкам.

— Нам повезло, — сказал вежливо Вага, стараясь успокоить Лару, которая готова была зарыдать. — Это хорошо, что

твоих родителей здесь нет. Если бы они были, им бы пришлось туго.

— А ты прав, — согласилась Лара. — Здесь нет воды и нечего есть. Наверное, поэтому кладоискателям сюда нельзя ходить.

— Тебе не кажется, — спросила Алиса у катера, — что двор замка слишком чистый, как будто его специально подмели к нашему прилету?

Катер сделал вираж, и они пошли по кругу над развалинами замка.

— Смотрите! — крикнула глазастая Лара. — Там что-то лежит!

Алиса и катер увидели нечто блестящее, лежавшее неподалеку от тропинки, которая вела в замок.

Катер спикировал вниз и максимально увеличил блестящий предмет.

— Жестянка из-под пива, — разочарованно сказал Вага-индеец.

— Жалко, — сказала Лара. — Значит, какой-то человек здесь был, выпил банку пива и бросил ее...

— А ты как думаешь? — спросила Алиса у катера.

— Новенькая банка, — сказал катер.

Они сделали еще один круг над крепостью. Алисе показалось, что она видит следы на тропинке.

— Где будем садиться? — спросила Алиса.

— Зачем садиться? — удивилась Лара. — Ты же видишь, что моих родителей здесь нет.

— Ты уверена?

— Здесь нельзя жить!

— А я все-таки проверю, — сказала Алиса.

— Я опущусь у ворот, — сказал катер. — Внутренний двор для меня слишком мал.

— Я пойду одна, — сказала Алиса.

— Нет, — возразил Вага-индеец, — я с тобой. Я не позволю тебе идти одной.

— Температура воздуха за бортом минус двенадцать градусов, и она непрерывно понижается, — сообщил катер. — Полная темнота наступит через полчаса.

— Мне достаточно десяти минут, — сказала Алиса.

— Но ты простудишься, — сказала Лара, которая уже глубоко верила, что ее мамы здесь быть не может, и хотела как можно скорее отсюда улететь. Она устала за день, изнервничалась, и ей надоела эта упрямая Алиса.

— У меня теплый комбинезон, — ответила Алиса.

— Я все равно пойду с тобой, — сказал Вага-индеец.

— И не думай, дорогой Бычий Хвост, — сказала Алиса. — У тебя-то теплой одежды нет, и ты наверняка простудишься.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь, — сказал катер. — И вообще, никому из вас, дети, не следует сюда забираться.

— Я скоро вернусь, — сказала Алиса. — Отойдите от люка.

Она была права. Стоило люку открыться, как в него хлынул такой ледяной воздух, что Ларочка сразу закашлялась. Он обжигал щеки и хватал за нос. Алиса сунула руки в карманы и включила обогрев комбинезона.

Над земной вечерней пустыней поднялся морозный ветер. Он поднимал потоки песка и бросал в лицо. Перед Алисой возвышалась сложенная из громадных каменных блоков стена, в которой как раз впереди был пролом, словно кто-то штурмовал ее и пробил тараном. Через пролом тянулась тропинка, полузасыпанная песком.

Алиса обернулась. Катер надежно стоял за ее спиной. Он был похож на гриб с широкой шляпкой на короткой толстой ножке. Катер включил прожектор, и Алиса была благодарна ему — яркий расширяющийся луч света проник в замковый крепостной двор, и она пошла по нему, как по прямой светлой дороге.

Двор крепости был куда обширнее, чем казалось с вышины.

Здесь было чуть теплее, потому что сюда не проникал жгучий ветер. Алиса прислушалась. Было тихо... Впрочем, чего еще можно ждать от крепости, брошенной людьми много тысяч лет назад?

Банка из-под пива, которую они увидели с неба, куда-то пропала. А ведь Алиса отлично запомнила место, где она лежала.

Алиса быстро прошла через двор до того места, где должна была быть банка. Сюда не достигал луч прожектора. Алисе пришлось зажмуриться и посчитать до двадцати, чтобы глаза привыкли к темноте. Она открыла глаза — теперь лучше видно вокруг. Вот здесь должна лежать банка из-под пива. Алиса пригляделась и увидела следы, которые доходили до того места, где она стояла, потом поворачивали обратно. Как будто кто-то вышел из замка, чтобы подобрать забытую банку и унести ее.

Что ж, не остается ничего иного, как поглядеть, куда же ведут следы. Алиса ощутила страх, который маленькими ножками пробежал по ее спине.

Вернуться? Еще чего не хватало!

Она пересилила себя, заставила непослушные, вдруг ослабевшие ноги пересечь двор, обогнуть высохший колодец, пройти к черной пасти входа в замок.

Алиса остановилась перед входом и тихо спросила:

— Эй, здесь кто-нибудь есть?

Глухая, тяжелая, зловещая тишина была ей ответом.

Алиса сделала несмелый шаг вперед. И тут услышала быстрый сухой шорох. Шорох приближался — Алиса отскочила назад... Из черного пролома выскочила песчаная крыса с длинным пушистым хвостом и умчалась вдоль стены.

Вот видишь, сказала себе Алиса, ничего страшного здесь нет. Она ступила внутрь замка. Но храбрости, чтобы сделать еще один шаг, не осталось. Стоя в проеме, Алиса осмотрелась.

Крыша замка обвалилась в незапамятные времена, и поэтому были видны звезды на синем темнеющем небе и серые быстрые облака. Когда глаза привыкли к сумраку, можно было различить внутренность замка — круглое помещение, в центре которого — груда песка, дальше — плоский камень... а у стены... Нет, не может быть!

У стены, согнувшись, накрытый плащом или одеялом, скрестив ноги, сидел человек.

Он сидел неподвижно, лишь белые руки лежали на черном одеяле, а из-под козырька поблескивали глаза. А может быть, это воображение Алисы?

— Простите... — сказала Алиса, голос ее сорвался, — простите, вы меня понимаете?..

Человек ее не замечал.

— Простите, — сказала Алиса, отступая к выходу. — Мне нужно узнать, не живут ли здесь мои знакомые...

«Что за чепуху я несу!» — подумала Алиса.

Худая рука поднялась над одеялом, в темноте зашевелились губы, словно человек тщился что-то сказать... И вдруг со стоном он повалился на бок.

— Что с вами? — воскликнула Алиса.

Человек хрипел и в отчаянии тянул к Алисе худые руки.

— На помощь... на помощь... — различила Алиса.

Она забыла о своем страхе и кинулась к человеку.

И когда до него оставалось два шага, песок под ее ногами поддался, образовалась воронка, и Алиса заскользила внутрь, в темноту...

Глава 7

ПУСТЫННЫЕ КРОЛИКИ

Алиса отчаянно сопротивлялась, пытаясь уцепиться за край воронки, которая втягивала ее в холодную, душную тьму. Песок, мелкий и мерзлый, норовил забраться в нос, в рот, грозил задушить Алису, он сомкнулся над ее головой, полностью поглотия ее, закрутил... И вдруг скольжение превратилось в падение — и Алиса вместе с потоком песка полетела вниз.

Падение было недолгим — Алиса ничего не увидела и не сообразила. Правда, она не ушиблась, потому что упала на песчаный холм, который насыпался сверху, через дырку в сводчатом каменном потолке. Песок продолжал еще сыпаться, но все меньше и меньше, и наконец Алиса смогла увидеть круглое отверстие и в нем — бегущие облака и редкие звезды. Значит, она смотрела на небо из подвала замка. Значит, сверху, в полу, засыпанном песком, нечаянно или нарочно образовалась дыра, в которую, как водоворот, и утянуло Алису.

Если все это случилось нечаянно, надо будет ждать, пока ее найдут и вытащат из этого подвала. И хоть ее помощники Лара и Вага — не очень смелые и умелые, но не бросят же они ее на страшной планете! Только бы не замерзнуть в этом темном подвале.

Алиса поднялась и сразу утонула по колени в песке.

Тишину нарушало только шуршание ее подошв по песку...

Она вспомнила о таинственном человеке, который звал на помощь. Что с ним? Он остался там, наверху? А может быть, совсем не случайно плита пола откинулась под ее ногами?

Алиса снова кинула взгляд вверх и тут увидела, как на краю отверстия, закрывая свет звезд, появился черный силуэт человеческой головы.

Человек молчал, словно вслушивался, жива ли Алиса. Дыхание у него было прерывистым, старческим.

Алисе показалось, что взор этого человека может проникать сквозь тьму. Она невольно отступила назад. Еще шаг, еще...

И вдруг ее спина уперлась во что-то твердое.

Алиса попыталась отскочить от препятствия, но сильные руки схватили ее за плечи.

— Поймал? — спросила черная голова из провала.

— Здесь. Не трепыхается, — ответил человек, крепко схвативший Алису.

Алиса пыталась вырваться, но держали ее крепко, и она поняла: лучше узнать, кто поймал ее, чего эти люди от нее хотят...

— Я буду кричать! — сказала Алиса. Сказала не очень громко, как будто излагала ультиматум.

— Только попробуй! Я тебя придушу, — ответил человек, который ее держал.

Пока Алиса раздумывала, привести ли ей в исполнение свою угрозу или помолчать, человек сверху сказал:

— Раз все в порядке, я закрываю плиту.

— Только песочком сверху присыпь, не забудь, — ответил тот, кто держал Алису. — Чтобы никто не увидал.

— Не беспокойся, — ответил голос сверху.

Заскрипел камень о камень, зашуршал песок... Алиса увидела, как отверстие над головой сужается, исчезает.

Удар!

Все. Полная тишина и темнота.

— Дайте свет, — сказал мужчина, который держал Алису.

И тут же откуда-то со стороны ударил сильный луч фонарика. Он ослепил Алису, она зажмурилась.

— Пошли, — сказал он. — Можешь кричать, если тебе так нравится. Но предупреждаю, что никто и никогда не услышит твоего голоса, — ты и не представляешь, до чего здесь толстые стены.

Он подтолкнул Алису в спину, и она послушно пошла вперед. Она поверила мужчине, что стены здесь такие толстые и что ее криков никто никогда не услышит.

Алису повели по крутой каменной лестнице вниз, открылась со скрипом железная дверь, затем еще одна. За ней неожиданно начался белый, чистый, светлый коридор, словно Алиса попала в больницу.

По обеим сторонам коридора шли голубые двери, к которым были прикреплены таблички с именами: «Профессор Валишели», «Доктор Бебу-Бетуди», «Доцент А-А-Амара»... Вдруг Алиса замерла. Она увидела табличку, на которой было написано: «Исследователи Карл и Салли Коралли».

— Что здесь? — спросила Алиса и, обернувшись, впервые увидела человека, который ее вел.

— Здесь? Научный центр, — ответил конвоир и улыбнулся.

Алиса сразу узнала это грубое, толстое лицо с густой щетиной черных волос над низким лбом. Оно принадлежало рабовладельцу Панченге Мулити, которому совсем недавно удалось сбежать от Пуччини-2.

— Что вы здесь делаете? — спросила Алиса.

— По твоей милости я в отпуске, — злобно ответил рабовладелец. — Я разорен и вынужден был бежать к моему папе.

Навстречу им по коридору, мирно беседуя, прошли два старика в голубых халатах и шапочках. Они оживленно спорили о каком-то растворе. При виде Алисы и Панченги они вежливо поклонились, вовсе не удивившись тому, что разбойничьего вида мужчина ведет по научному центру девочку.

Чем же занимаются ученые в подземельях под пустыней?

Наконец Панченга Мулити отпустил плечо Алисы. Она растерла его — плечо затекло, так крепко в него впивались толстые пальцы рабовладельца.

Он протянул вперед руку и толкнул ручку последней двери в коридоре.

— Я привел, — сказал Панченга, заглядывая в дверь.

— Вижу, — ответил оттуда глубокий голос. — Заводи!

И Алиса оказалась в большой низкой комнате, устланной коврами и звериными шкурами, на полу стояли кованые светильники, сверху опускались чеканные люстры, в камине полыхал огонь. В комнате было жарко, словно ее хозяин боялся простуды.

Алиса не сразу разглядела самого хозяина. Он сидел у камина в низком мягком кресле, накрыв ноги клетчатым пледом. Он был на одно лицо с братьями Панченгами, только куда старше их. Волосы его поседели, глубокие морщины избороздили щеки, под глазами — темные мешки. Уголки губ опущены к подбородку. В толстых пальцах папаши Панченги поблескивали похожие на виноградины крупные четки, которые он перебирал.

— Папа, — сказал Панченга-сын, — все было сделано, как ты велел.

— Отлично, — сказал Панченга-папа. — Спасибо, мой мальчик.

Мальчику было лет сорок, не меньше, но Алисе в тот момент было совсем не смешно. Она понимала, что эти люди не умеют шутить.

На большом столе возвышалось какое-то сооружение, которое представляло собой пирамиду высотой примерно в полметра, обожженную, поцарапанную, всю в ссадинах и вмяти-

нах. Без сомнения, это был космический корабль адмирала Панченги, превращенный вместе с командой в лилипутов директором циркового училища Пуччини-2.

Значит, корабль добрался до базы семейства Панченгов, но увеличить его до настоящего размера, а значит, увеличить и всех его пассажиров, пока не удалось.

— Вот ты какая, Алиса Селезнева, — сказал Панченга-папа. — Мне интересно поглядеть на птичку, которая доставила столько неприятностей нашему семейству.

— Мне тоже интересно посмотреть на вас, — сказала Алиса. — Я думала, что в Галактике существуют два брата Панченги. А вот теперь встретилась с их папой.

— Помолчи, — устало сказал Панченга-папа. — Здесь все такие разговорчивые — страшно жить на свете. А говорить буду я. Ты согласна?

— Согласна, но мне очень хочется пить, у вас так жарко.

— У меня не жарко, а тепло, — равнодушно ответил Панченга-папа. — А пить я тебе не дам. Ты все равно скоро умрешь, так что нет никакого смысла тратить на тебя воду.

— Это не очень вежливо, — сказала Алиса. — И к тому же я не понимаю, чем это я вас так рассердила, что вы хотите меня убить?

— Я все знаю, не притворяйся дурочкой, — сказал Панченга-папа. — Я знаю, что именно ты виновата в печальной судьбе моих родных. — Панченга-папа показал рукой на корабль, стоящий на столе. — Я знаю, что ты носишься по пятам за мной, чтобы помочь рабыне Заури. Хотя эта рабыня не стоит твоих забот.

— Но ребенку нужны родители! — сказала Алиса. — И я была права.

— В чем?

— В том, что ее родители тут!

— Откуда ты знаешь?

Алиса прикусила язык. Ну кто ее тянул за него!

Панченга-папа обернулся к сыну и спросил:

— Ты ей сказал?

— Ничего я не говорил!

— Значит, это сделал проклятый Водичка. Не надо было оставлять его в живых! Сейчас же радируй в ресторан, чтобы его растерзали. Там есть какой-нибудь гориллоид?

— Самый лучший, папочка, любого готов растерзать!

— Не надо терзать пана Водичку, — сказала Алиса. — Он

ничего мне не сказал. Но у вас в коридоре висят таблички, а на табличках — имена ученых!

— Ну вот! — Панченга-папа чуть до потолка не подпрыгнул от ярости. — Попались на пустяке!

— Ну кто мог подумать, что мы будем водить по научному центру девчонок с Земли! — ответил Панченга Мулити.

— Тем более тебя придется быстренько ликвидировать, — сообщил Панченга-папа Алисе.

— Но меня будут искать. А когда догадаются, что вы со мной что-то сделали, вас жестоко накажут! — сказала Алиса.

— Нет, миленькая девочка, — ответил Панченга-папа. — Никто тебя не будет искать. Тебя уже нет в живых!

— Как так?

— Подумай! Случайно ты отыскала нашу секретную базу. И не только отыскала, но и притащила за собой катер с двумя интеллигентами! Что мне оставалось делать? Сбивать катер? Чтобы он перед гибелью сообщил обо всем в Галактический центр и сюда примчались все патрульные крейсера Вселенной? Нет, этого я себе не могу позволить. Отогнать вас пушками? Тоже глупо — через день ты вернешься сюда на крейсере. Значит, оставался лишь один выход: девочка с Земли Алиса Селезнева, не спросив брода, сунула свой маленький носик в самое заброшенное место на всем астероиде — в Плеш Корявый, где никто никогда не жил, где гнездятся только пустынные кролики и змеи. И, конечно же, неосторожный ребенок трагически погиб!

— Как же я погибла? — спросила Алиса.

— Самым естественным путем. Сейчас тебя отведут в загон, где мы держим пустынных кроликов, — это самые ядовитые твари во всей Вселенной. Они тебя растерзают... Косточки твои и обрывки твоей одежды мы выкинем в замок, из которого ты так благополучно к нам провалилась. И никакая экспертиза не догадается, что в твоей казни участвовал кто-нибудь еще, кроме кроликов... Несчастный случай, какая жалость... Так что жить тебе осталось пять минут. А то твои друзья начнут беспокоиться и полезут тебя искать. Конечно, мне бы хотелось их всех отдать кроликам, да боюсь, что переборщу, и это покажется подозрительным инспектору Крому.

— А вы знакомы с инспектором Кромом? — спросила Алиса.

— Не отвлекай меня, — сказал Панченга-папа. — Инспектор — пренеприятнейшая личность!

Алиса понимала, что должна думать очень быстро. Пан-

ченга-папа был такой спокойный и жестокий, что ему не заговоришь зубы, его ничем не отвлечешь. И план он придумал, с его точки зрения, безукоризненный. В самом деле — сунулась девочка в пустынный замок, а там какие-то твари... собирайте ее косточки. Куда более надежный способ так разделаться с врагом, чем сражаться в честном бою.

— А если я вам скажу, как можно увеличить корабль вашего сына и всех, кто там сидит внутри, вы оставите меня в живых?

— Нет, Алиса, — сказал Панченга-папа, — хоть мне очень грустно так тебе отвечать, я вынужден сказать «нет»! Мои ученые найдут способ увеличить корабль не сегодня-завтра. Они обещали. Иначе им не будут давать компота — непереносимое горе!

— Но я могу сделать это быстрее!

— Если бы мне было двадцать лет, я, может быть, и поддался бы на твои уговоры, девочка. А теперь я все понимаю... Нет, нет и еще раз нет! Ты позовешь своих родственников, а они позовут инспектора Крома... и нашу базу уничтожат... Лучше уж мои сынки подождут немного. Зато ни твоя симферопольская бабушка, ни мерзавец Пуччини-2, ни отвратительный инспектор Кром ничего не будут знать... Если больше вопросов нет, отведи, сыночек, девочку к кроликам, пускай они ею полакомятся!

Глава 8

ТАЙНА ПАПАШИ

— Папа, мне нужно поговорить с этим ребенком, — сказал Панченга Мулити.

— А мне нужно, чтобы ты его немедленно отдал на растерзание кроликам. Иначе базу обнаружат ищейки инспектора Крома, и из-за тебя я могу погибнуть.

— Я знаю. Я успею.

— Мальчики мои легкомысленные, — вздохнул папаша Панченга. — Смотрите вы у меня! Один лилипутом стал, другой своей сиенды лишился. Так ли я вас воспитывал? А ну-ка, включи обзорный экран! Вылезли они искать свою Алису или еще нет?

Панченга-младший покорно подошел к стене, отвел в сто-

рону занавеску и включил большой, во всю стену, экран. От экрана буквально хлынул холод — он показывал, как в полумраке над песчаными барханчиками неслись снежинки, а каменные стены крепости нависали над таким маленьким и беззащитным катерком... Он стоял и ждал, как щенок, который ждет зимой у магазина своего хозяина.

— Давай я его ракетой полосну! Никто не узнает, папаша! — предложил Панченга Мулити.

— Нет тебе на это моего родительского благословения! — рассердился Панченга-старший. — Я же предупреждал тебя — через полчаса здесь будет галактический крейсер. Им только предлог и нужен, чтобы искоренить весь род Панченгов!

— Ну ладно, — сказал Панченга-сын, — но ты же видишь, что они не спешат искать девчонку. Значит, у нас есть время.

— Вылезут, скоро вылезут, — уверенно сказал папаша. — Этому мальчишке-индейцу стыдно станет, вот он и пойдет ее искать. Может, он сейчас одевается, ищет чего потеплее — небось за бортом градусов двадцать мороза?

— Двадцать два, — сказал Панченга-сын.

— Ладно, допрашивай ее, только быстро. Даю тебе две минуты. А я пойду перегоню на мой корабль ученых-мученых.

— Ох и осторожный ты стал, папа. Это возраст, да? — спросил сын.

— Это называется инстинктом самосохранения, — сказал Панченга-старший. — Этот инстинкт позволяет мне жить и оставаться на свободе уже шестьдесят с лишним лет.

Папаша тяжело поднялся с кресла и, не взглянув на Алису, пошел к выходу. Не закрывая за собой дверь, он крикнул хрипло:

— Кобры, ко мне!

Со всех сторон застучали каблуки. Панченга-сын недовольно поморщился. Сквозь открытую дверь Алисе были видны высокие воины в серых чешуйчатых комбинезонах. Вместо фуражек на головах воинов были приспособлены змеиные головы с раздутыми шеями, глаза змеиных шапок горели маленькими фонариками.

— Выводите ученых из их кабинетов, быстро! И всех гоните на мой корабль. Раз-два, чтобы без заминки. — С этими словами папаша вышел из комнаты.

«Ой, — испугалась Алиса, — а вдруг папаша Панченга увезет Карла и Салли Коралли куда-то на свою планету, придется снова их искать».

— Этого нельзя допустить! — сказала Алиса. — Родителей надо вернуть Ларе. Вы меня слышите?

— Я-то вас слышу, — сказал Панченга Мулити. — Но помочь ничем не могу. Я мечтал бы вас всех отпустить. Но папа и брат не разрешают мне быть порядочным человеком. Мне сорок лет, и все эти сорок лет я борюсь с моими родственниками. Все время терплю поражение. Они понимают, что я с ними не согласен, что я всегда твердо воздерживаюсь, когда они голосуют за казни и мучения невинных людей. Поэтому меня и держали на сиенде, на сельском хозяйстве. Ведь не исключено, что в один прекрасный день я наберусь смелости и выведу их всех на чистую воду.

— Прекрасный день уже наступил! — воскликнула Алиса.

— Когда?

— Сегодня. Давайте начнем выводить их на чистую воду!

Панченга-сын подумал немного и потом отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Еще рано. Еще слишком рискованно.

— Вы боитесь, что ваш брат, который сидит в этом лилипутском корабле, вас услышит? — спросила Алиса, показывая на пирамиду космического корабля. Было видно, что один из его люков раскрыт и в нем стоит махонькая фигурка адмирала Панченги.

— Нет, нет, я никого не боюсь. — Этот лицемер и обманщик так покраснел, что Алиса поняла — он на какое-то время совсем забыл о пирамиде, стоявшей на столе. И теперь перепугался. Иначе чем объяснить то, что его отношение к Алисе резко изменилось. — А ну! — закричал он вдруг, хватая ее за руку и волоча к двери в коридор. — Немедленно на растерзание к пустынным кроликам! Чтоб твоего духу здесь не было!

Они оказались в коридоре. Там кипела невероятная суета. Бегали солдаты-кобры, стража Панченги-папы, спешили люди в черных мундирах, пробежал гориллоид... Все двери в комнаты были распахнуты, из комнат выволакивали ученых, а ученые старались вытащить вместе с собой нужные книги, кассеты, приборы. Все горланили, все торопились.

— И это все из-за меня? — спросила Алиса.

— Нет! Ты только ускорила бегство, — ответил Панченга-сын. — Если ты разузнала о базе, значит, инспектор Кром не за горами.

— Значит, все-таки я вас перепугала, — сказала Алиса.

— Много о себе думаешь, плохо кончишь, — ответил Панченга. Он все тащил за собой Алису, даже руку было больно.

— Да не спешите вы так! — крикнула ему Алиса. — Руку оторвете. Вас же никто из родственников сейчас не видит и не слышит. Переведите дух. У вас, наверно, сердце болит. При вашем-то лишнем весе!

— А ведь и впрямь, — согласился Панченга, замедляя движение. Свободной рукой он держался за сердце. — Так я долго не протяну.

Перед ними была лестница наверх. Возле нее дымил воткнутый в отверстие в стене факел. Панченга взял факел и сказал Алисе:

— Иди впереди, но не вздумай убегать. Убежишь — тебе же хуже.

Алиса нарочно не спешила. Она понимала, что каждая минута работает в ее пользу. Сейчас уже Вага вышел из катера и идет к крепости. Он осторожен...

Ее задача — тянуть время. Поэтому Алиса медленно, долго нащупывала ногой каждую ступеньку.

Но, как будто угадав ее мысли, Панченга толкнул Алису в спину.

— Иди как следует! Некогда мне с тобой цацкаться! Даже если твои косточки найдут в крепости и поверят, что тебя сожрали кролики, все равно в конце концов какой-нибудь гориллоид проговорится инспектору, а то и пан Водичка нас предаст... Разве можно верить людям? Ты иди, иди...

— А чего вам бояться? — спросила Алиса. — Вы же ничего плохого не сделали. Вы производите впечатление доброго и великодушного человека.

— Да, я такой! Я именно такой! Я лучше многих. И если бы не проклятая семья, которая меня затянула в преступный мир, я бы мог стать инженером, ученым, артистом, наконец!

— Еще не поздно.

— Поздно. Я совершенно разучился работать. А ты иди, Алиса, иди, тебя ждет быстрая и поэтому не очень мучительная смерть.

— А почему здесь ученые? — спросила Алиса. — Что они здесь делают?

Лестница оказалась короткой, за ней начался темный сводчатый коридор, сверху редко-редко падали капли воды...

— Если бы я не был уверен, что тебя через пять минут растерзают, никогда бы не сказал, — признался Панченга. — Это

идея папаши. Он давно уже с ней носился. Мой папаша — ужас какой головастый! Он давно еще говорил: самое дорогое на свете — мозги! И если у нас с вами, мальчики, мозгов не хватает, то надо отобрать мозги у других людей. Мы, конечно, смеялись сначала, но папаша нас убедил. И с тех пор мой братишка адмирал Панченга как захватит корабль, то ребятишек и красивых девочек сразу ко мне, на сиенду. Им там память стирают, чтобы не шебаршились, и они начинают пропалывать ананасы. Некоторых продавали — кого куда... А если на корабле попадались ученые или изобретатели, мой адмирал их отвозил сюда, к папе, для этого специально подвалы под крепостью оборудовали.

— Но зачем?

— А затем, что в ученых головах всякие полезные мысли бродят. А ученый часто и не подозревает, какие они полезные. Мы этому ученому говорим: работай на нас!

— А если он не захочет?

— Это он только сначала не хочет. А если на него нажать — сразу захочет. Один кушать любит, второй за своих родных боится, третий обеднел... Надо только ключик найти. А как нашел, дальше сложностей не бывает. Ему прибор нужно — мы ему прибор доставим, ему химию подавай — мы ему эту химию подаем! Изобретай, трудись...

— И что-нибудь получалось?

— Ты думаешь, мы только грабим? Ничего подобного, нам сиенда хорошие доходы приносила. Нам ученые золотые яйца несут. Они изобретают, придумывают, а мы торгуем. Мы так разбогатели, что оборудовали под базу целую планету. Оттуда нас не выкуришь! Там для ученых — рай! Все условия, не то что здесь. Рай из чистого мрамора.

— А как же вы изобретениями торгуете?

— Для этого мой папаша ночей не спит, думает.

— Я не понимаю. О чем ваш папа думает?

— А он думает, как изобретение повернуть, перевернуть и наизнанку вывернуть.

Алиса пожала плечами.

— Ну, слушай! Есть, например, у нас один ученый, он изобрел средство, которое уничтожает трение. Понимаешь? Ты помазал подошвы этим средством и никогда шагу не сделаешь — умора? Скользят ботинки, и все тут! Этот чудик думал, что его средство в промышленности очень нужно, чтобы части станков не терлись друг о дружку. А нам станки ни к

чему! Мы его изобретение чуть-чуть изменили и тирану Катациклу с Вапраососа продали баночку за тонну алмазов. Он этой мазью свою крепость смазал, и вот уже год, как его племянники эту крепость штурмуют, да не могут на стену влезть. Смешно? Еще хочешь пример?

— Хочу, — сказала Алиса. Ей-то некуда было спешить.

— Этот самый... как его... забыл, сделал заморозку. Если ею брызнешь на курицу — она тут же замораживается и уж не разморозится, пока антизаморозкой не капнешь. Для домашних хозяек удобно, для путешественников удобно... А папаша подумал и решил: это же замечательное оружие! Продали распылитель заморозки Дургу Брандердургу. Он этот распылитель поставил перед своим войском, когда с мачехой воевал, нажал на кнопку — и в мгновение ока заморозил все ее войско, включая и мачеху. А нам честно заплатил замороженными монетами.

— Очень интересно, но подло, — сказала Алиса. — Люди старались, хотели сделать лучше для всех, а вы все переворачиваете. И получается зло.

— А это не мы, Алисочка, придумали, — улыбнулся Панченга. — Это еще тысячу лет назад люди придумали. Это в истории тысячу раз было, и никто не удивлялся. Только ты решила удивиться. Сначала люди лодку придумали, чтобы через озеро переплыть, а другие к лодке таран приспособили, чтобы этим тараном чужие лодки топить. Одни люди самолет придумали, чтобы по небу летать, почту перевозить, и тут же другие пришли, посильнее да похитрее, и дали пилоту бомбу. Кидай, сказали, вниз на город, сверху убивать удобнее, чем с земли стрелять. И так, Алисочка, всегда и везде!

— Нет! — сказала Алиса. — Не всегда и не везде. Это вам только кажется, что таких, как вы, много. Такие, как вы, по углам и подземельям прячутся. Как крысы.

— Молчать!

— Я еще поговорю с учеными, я еще узнаю, как вам удалось их обмануть и запугать. Теперь я понимаю — вы и пана Водичку запугали.

— А почему бы и нет? Хоть он и не ученый, а нам пригодился. Мы ему простенько сказали: хочешь жить, хочешь, чтобы твои дружки Карл и Салли были живы, сиди в ресторане на краю пустыни и всех, кто хочет сунуть сюда нос, отпугивай. Вот он и сидит!

— Вы — законченные подлецы! — сказала Алиса.

— Ты не ругайся, не ругайся, — ответил Панченга. — Тебе

в твоем положении сейчас лучше кидаться мне в ноги, умолять, чтобы я твою жизнь спас.

— Не буду умолять. Вы и так меня не убьете, — сказала Алиса.

— Ты почему так думаешь?

— Уж очень вы не спешите меня своим кроликам отдать на растерзание, — сказала Алиса. — И все мне рассказываете. Я думаю, что вы ждете, пока ваш папа улетит и всех ученых заберет, а потом сядете на маленький катерок, который где-то спрятали, и тихонько улетите в другую сторону.

— Это ложь и клевета!

— Тогда скажите, что же вам в самом деле от меня нужно?

— Совсем пустяк. — Панченга смущенно улыбнулся, и при неверном свете факела улыбка его была похожа на злобную гримасу. — Мне хочется, чтобы ты, Алисочка, записала на видео несколько слов...

— Каких?

— Ну... что ты ничего не имеешь против меня, что я тебе ничего плохого не сделал, а даже спас тебя и помог выбраться из подземелья. Мне так хочется стать честным человеком!

— Если вас будут судить, — ответила Алиса, — я приду на суд и скажу, что вы и в самом деле не причинили мне вреда. Но я не знаю, кому вы причинили вред.

— Это еще когда будет... — сказал Панченга. — А меня в любую минуту могут схватить. Тогда я и покажу им пленку.

— Хорошо, — сказала Алиса. — А вы тогда меня отпустите?

— При первой возможности.

— Тогда я ставлю одно условие.

— Какое?

— Чтобы вместе со мной освободили родителей Лары Коралли. Без этого я отсюда не уйду.

— Но как я это сделаю? — удивился Панченга. — Неужели ты не понимаешь, что Карл Коралли — знаменитый ученый и изобретатель. Он моему папаше дороже алмазов. А жена его — красавица. Нет, мне их не добыть. Папашины кобры и горилоиды, наверное, его уже на корабль перевели.

— А вы пойдите и приведите сюда ученых, — сказала Алиса. — Тогда я вам наговорю на видеопленку любые комплименты.

— Я даю слово! Честное слово человека, который хочет исправиться. И начать новую жизнь. Как только ты уйдешь, я сразу же побегу за Салли и Карлом Коралли. Я не могу оста-

вить тебя одну, здесь опасно. И не могу взять тебя с собой. Поверь же, Алиса!

Он готов был зарыдать. Так ему хотелось, чтобы Алиса поверила: он на верном пути к исправлению! И Алиса понимала, что он не может разорваться надвое!

— Хорошо, — сказала она. — Я постараюсь вам поверить. Доставайте вашу видеокамеру. Что надо говорить?

— Что я хороший.

Панченга достал из кармана маленькую видеокамеру.

— Я подтверждаю, — сказала Алиса, глядя в объектив видеокамеры, который был почти не виден, потому что неровный свет дымного факела светил Алисе в глаза. — Я подтверждаю, что Панченга Мулити не причинил мне никакого вреда.

— И помог мне, а также Карлу и Салли Коралли выбраться из подземелья, — добавил Панченга.

— За что я ему благодарна.

— Спасибо, — сказал Панченга Мулити. — Я никогда не забуду твоих благодеяний, принцесса Алиса. Теперь иди прямо вперед. Через пятьдесят шагов свернешь налево. Поняла? Там будет выход в крепостной двор. Во дворе тебя уже ждет индеец Вага Бычий Нос.

— Бычий Хвост!

— Вот видишь, я волнуюсь и забываю. Подождите там минут десять, не больше. И тогда к вам придут Карл и Салли Коралли.

— Спасибо вам, — сказала Алиса, протягивая руку старшему брату Панченге, который оказался счастливым исключением в этой злобной компании.

— Я тоже благодарен тебе за доверие, — сказал Панченга, пожимая руку Алисе. — Надеюсь, что, когда мы встретимся вновь, я уже буду честным человеком. Беги, Алиса, Вага Бычий Хвост тебя ждет.

Алиса пошла вперед. Некоторое время факел светил ей вслед.

— Держись за стену, — донесся сзади голос Панченги. — Мне надо уходить. Сейчас станет темно.

— Уходите, уходите, — откликнулась Алиса.

Вокруг воцарились полная темнота и тишина. Алиса считала шаги.

Тридцать шагов... тридцать пять...

Вдруг Алиса остановилась. Ей ничего не было слышно, но она почувствовала, что не одна в коридоре, что совсем рядом притаилась невидимая опасность.

Глава 9

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЛШЕБНИКОВ

Алиса прислушивалась — ничего.

Побежать вперед или переждать опасность? Но она знала о пути наружу лишь то, что сказал ей Панченга. А что, если он ее обманул? «Нет, нельзя думать о людях плохо. Человек хочет исправиться, а я его подозреваю в коварстве!» И Алиса пошла вперед.

Она не сделала и пяти шагов, как с размаху налетела на решетку, которая перекрывала коридор.

Решетка была ржавая и холодная. Что такое? Почему решетка?

Алиса провела рукой в сторону — решетка пересекала весь коридор. Дальше пути не было.

Она постаралась пошатать решетку — может, это ошибка? Ей так хотелось думать, что Панченга ее не обманул.

Но решетка не поддавалась.

Алиса поняла, что у нее один выход — бежать обратно.

И тут она услышала, как сзади по сводчатому коридору прокатился скрежет еще одной решетки. Ее запирают? Зачем?

И тут же послышался негромкий смех. Тишина была такая, что каждый самый маленький и ничтожный звук становился грохочущим, как горный обвал.

Алиса узнала голос Панченги.

— Ты жива, Алисочка? Ты сейчас умрешь.

— Зачем вы это сделали? — спросила Алиса.

— Мне приказали, — сказал Панченга. — Я не хотел. Ты мне очень понравилась, но я — послушный сын.

— Когда вы брали у меня интервью, — спросила Алиса, — вы уже знали, что меня обманете?

— Да, — вздохнул Панченга. — И у меня сердце буквально обливалось кровью. Прощай, Алисочка, я побежал на корабль. Мой драгоценный папа думает, что я останусь здесь и приму на себя весь удар правосудия, что я буду расхлебывать кашу, которую они с братцем заварили. Как бы не так! Даже если меня и найдут в темных подземельях, со мной ничего не сделают. Я не совершил ничего плохого. Я старался только помочь Алисе Селезневой. И она оставила доказательство — видеопленку.

— Вы подлец, Панченга Мулити!

— Это твои последние слова, Алиса, — ответил Панченга.

Панченга свистнул — свист прокатился по туннелю.

И в ответ: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

Кто-то медленно прыгает, не спеша приближается к Алисе.

— Я впустил кроликов, прощай, девочка.

Алиса кинулась к стене, прижалась к ней... У нее не было никакого оружия, да она и не видела ничего в этой темноте. Кто на нее нападает, откуда... только: топ-топ, топ-топ, топ-топ...

И так страшно, и так одиноко...

И в этот момент что-то ярко вспыхнуло.

Зеленая линия протянулась вдоль коридора...

Темные тени, которые уже приблизились к Алисе, замерли, пораженные светом.

А еще через секунду каменные своды зала, в котором, оказывается, и стояла, прижавшись спиной к стене, Алиса, осветились сотнями разноцветных звездочек — словно начался карнавал...

Сначала Алиса ничего не понимала в сверкании и кружении огней... Но ничего не могли понять и те, кто хотел напасть на нее: удивительные, никогда не виданные ею существа. Приятные на первый взгляд и страшные, если присмотреться...

Они и в самом деле походили чем-то на кроликов: задние ноги этих тварей были куда длиннее передних, а передние были прижаты к груди. Но передние лапки пустынных кроликов, живущих на Ледяных астероидах, могут вытягиваться, словно резиновые, а из них появляются когти. Кролики, окружившие Алису, были ростом с больших собак, покрыты не шерстью, а каким-то серым мхом, что позволяло им сливаться с песком в пустыне. Но неприятнее всего были их морды — треугольные, с острыми хоботками, из которых непрерывно высовывались и прятались обратно неутомимые, беспокойные язычки. Эти язычки заканчивались блестящими, словно металлическими, иглами — именно этими иглами пустынные кролики наносят жертве небольшую рану, в которую попадает капля ядовитой слюны. И жертва умирает.

В тот момент, когда зажглись огни, кролики уже почти подкрались к Алисе, а они, как известно, отлично видят в темноте. Алиса бы так и не узнала, откуда произошло нападение...

Кролики, возмущенные тем, что кто-то мешает им растерзать беззащитную добычу, завертели головами, отыскивая обидчиков. И тут же их нашли!

Посреди зала стояли два человека. Оба в плащах и со шпагами в руках. Оба в широкополых шляпах и блестящих сапогах.

Кролики кинулись на двух мушкетеров, забыв об Алисе.

Огни под потолком и по стенам мигали, сверкали и гасли, рассыпались бенгальскими огнями и взрывались, как петарды.

Кролики, привыкшие к темноте и полумраку астероида, не могли сообразить, что к чему, жмурились, прикрывали передними лапками громадные глаза, но, правда, не отступали.

— Алиса, не двигайся! — крикнул один из мушкетеров, что был повыше ростом. — Они кидаются на то, что движется!

И, подкинув шпагу, завертел ею в воздухе, затем снова поймал за рукоять и вонзил в кролика, который уже дотянулся до мушкетера своим жалом.

И начался славный бой!

Алиса жалела, что не могла принять в нем участия, но и понимала, что не сумела бы управляться со шпагой с такой быстротой и ловкостью. Ее спасители мушкетеры были настоящими спортсменами, виртуозами фехтования!

Кроликов было больше десятка, но уже через две минуты их осталось четыре или пять... Еще одна атака на мушкетеров — и вот лишь два кролика отбежали к решетке.

Последняя атака...

Под карнавальными огнями лежали мертвые кролики. Яд с их языков, уже никому не опасный, капал на каменный пол.

И тут из-за решетки показался яркий свет — оттуда кто-то шел, неся в руке яркий фонарь.

— Все в порядке! — крикнул высокий мушкетер, снимая широкополую шляпу.

И тут Алиса узнала в нем директора циркового училища Пуччини-2.

Второй мушкетер, пониже ростом, провел концом своей шпаги по прутьям решетки, и вдруг они расплавились и потекли на пол сверкающими каплями металла.

— Проходите, — сказал маленький мушкетер.

И Алиса узнала по голосу... свою симферопольскую бабушку.

— Ловко вы их! — послышался знакомый голос.

Это же инспектор Кром!

Он нагнулся, прошел сквозь раскаленную красную решетку. За ним спешил, переваливаясь, пан Водичка.

— А я думала, что вы не успеете... — сказала Алиса.

Тут ноги ей отказали, и она села у стены.

Бабушка из Симферополя подбежала к ней, стала хлопотать, достала какие-то таблетки, велела выпить, Алиса отказывалась, а длинный Пуччини-2 стал на ее сторону и говорил, что нормальные герои никогда не едят таблеток сразу после боя.

Инспектор Кром пожал Алисе руку и сказал:

— Быстро, в двух словах доложи ситуацию!

Алиса рассказала о том, что здесь произошло.

Тем временем симферопольская бабушка расплавила и вторую решетку. Она была глубоко возмущена тем, что Панченга-сын так подло обошелся с ее внучкой. Это же надо: загнать обманом в клетку и напустить на ребенка смертельных хищников!

Они поспешили по коридору в сторону подземного убежища братьев Панченгов. По дороге Лукреция Ивановна успела рассказать Алисе, как она здесь очутилась.

Оказывается, симферопольская бабушка так и не поверила, что Алиса задержится в Галактическом центре только для того, чтобы рабыне Заури не было скучно проходить обследование. Бабушкина интуиция подсказала ей, что Алиса может ринуться в новую авантюру. И поэтому Лукреция Ивановна не стала возвращаться домой, а уговорила Пуччини-2 подождать до вечера, пока не вернется Алиса.

— И когда я не вернулась, — вмешалась Алиса, — ты, бабушка, объявила тревогу!

— Слабо сказано! Я начала бить в барабан, трубить в трубы и седлать коней! Мы с Пуччини отыскали инспектора Крома и узнали от него, что вы с рабыней исчезли в неизвестном направлении. А каким могло быть неизвестное направление?

— Вы догадались, что мы полетели к Фоке Гранту на планету Парадиз...

— Где несчастный Фока ищет мандрагору и скармливает ее однодневкам и пташкам!

— Не смейся над ним, бабушка, он ведь очень добрый человек.

— Очень добрый, но не очень умный, — возразила бабушка.

— А от него вы узнали, что мы отправились к капитану Водичке?

— Разумеется. И попали в настоящий салун для кладоискателей с экзотическими посетителями, карточными играми и всякой фанаберией, которая будто сошла со страниц детского комикса. Она была слишком красивой, чтобы быть на-

стоящей. Мы поняли, что ресторан — только ширма для бандитов.

— И Водичка вам все рассказал?

— Ничего нам Водичка не рассказал. Но не смог скрыть от нас своего испуга и своей радости.

— Как так? Сразу испуга и радости?

— Нам тоже это показалось странным. Но теперь-то мы понимаем: он обрадовался, что Алису и Заури ищут их друзья и могут им помочь. Но испугался, что братья Панченги и их подручные кобры и гориллоиды отомстят Водичке и семейству Коралли, ради которых Водичка и сидел в этой пустыне. Водичка — несчастный человек. Панченги запугали его, и он поверил в их могущество!

— А как не поверить, — сказала Алиса, — если ты окружен шпионами Панченгов!

— Гориллоиды попытались напасть на нас с Пуччини. Но ты понимаешь, девочка, как трудно справиться обыкновенным негодяям с настоящими магами и волшебниками, докторами иллюзионных наук! Пришлось нам тряхнуть стариной! Мы быстренько переоделись в костюмы мушкетеров, материализовали острые шпаги и в отчаянном рукопашном бою разгромили всех гориллоидов и кобр. А когда они разбежались, Водичка рассказал нам, что вас надо искать в крепости под странным названием Плеш Корявый. А тут и инспектор подоспел со своими агентами! Все остальное ты знаешь.

— Спасибо, что вы вовремя успели, — сказала Алиса. — Еще бы секунда — и я погибла.

— Алисочка, — ответила симферопольская бабушка, — в настоящем авантюрном романе спасение обязательно приходит в последнюю секунду. Иначе этот роман никуда не годится.

— Но ведь у нас не роман, а чистая правда!

— Для нас с тобой — чистая правда, а для тех мальчиков и девочек, которые когда-нибудь прочтут о наших замечательных приключениях, это будет роман.

На этом разговор Алисы и бабушки прервался, потому что они вышли из темного коридора и попали в освещенные помещения, где еще недавно братья Панченги держали пленных ученых. Самих ученых уже не было — папаша Панченга успел вывезти их на своем корабле, а забытые ими книги и вещи были разбросаны по полу. Вот тут Алиса и увидела Ларочку и Вагу Бычий Хвост. Вага бросился к Алисе.

— Наконец-то я тебя отыскал и могу спасти! — закричал

он. — Я немного задержался, потому что наверху страшный мороз! Ты не представляешь, как там холодно. Я хотел бежать раздетым — но тут Ларочка мне говорит...

— А я говорю, — перебила его Лара Коралли, — немедленно обратно в катер! Ты же простудишься.

— Нет, мне тепло! Ты меня хорошо закутала, Лара!

— А почему они в таких шляпах и плащах? — спросила Лара, глядя на фокусников.

— Они романтики, — сказала Алиса.

— Я не понимаю, почему романтикам надо так глупо одеваться, — сказала Лара.

— Они подражают людям, которые всегда приходили на выручку своим друзьям. Вот и оделись, как те люди.

— Но это же могут делать только маленькие дети, — возмутился Вага Бычий Хвост. — Я не ожидал такого от стариков!

— Стыдно, — сказала Лара.

— Если бы вы видели, как они расправились с ядовитыми кроликами, пока вы искали теплые вещи, то заговорили бы иначе, — обиделась за своих друзей Алиса. — Одними шпагами, без бластеров.

— Но ведь с бластером сражаться удобнее! — возразил Вага.

— Вага, Вага, — вздохнула Алиса. — Не надо тебе быть кладоискателем. Возвращайся домой и сей что-нибудь разумное, доброе и вечное. Например, поступи в ансамбль песни и пляски, в котором состоит все твое племя. И со временем ты наверняка добудешь себе красивое имя.

— Ты так думаешь? — спросил Вага Бычий Хвост и задумался.

В той комнате, где Алиса разговаривала с папашей Панченгой, было пусто. На столе стояла пирамида — космический корабль.

— Смотрите-ка, мы их так напугали, что они даже не успели корабль своих родственников забрать, — усмехнулся инспектор Кром.

— Простите, — обратилась к нему Лара, — а где мои родители?

— Сейчас мы это выясним, — сказал инспектор. Он не знал, что ответить. Его помощники уже сообщили, что корабль Панченги-отца успел подняться в небо и теперь его преследует патрульный крейсер. Но шансов догнать Панченгу мало — уж очень быстроходен бандитский корабль.

— Только быстрее, — сказала Лара, — я столько всего вынесла, а мне до сих пор не могут найти маму. Почему я должна быть сиротой, когда вы все живете со своими родителями?

И тут Лара отчаянно завизжала.

Она вскочила на стул и показывала пальцем вниз.

Проследив за ее рукой, Алиса увидела, что из-под дивана выглядывает носок ботинка, который вдруг шевельнулся и спрятался.

— А ну-ка, вылезайте, — сказал Кром. — Могу гарантировать вам жизнь. Но если вы что-то придумаете...

— Тогда я проткну его шпагой, — сказала симферопольская бабушка. — Чует мое старое сердце, что это и есть тот мерзавец, который издевался над моей внучкой.

Бабушка, как всегда, была права. Из-под дивана выполз покрытый пылью и паутиной Панченга Мулити.

И не только вылез, но тут же достал из кармана видеокамеру и быстро заговорил:

— Простите, но вы меня неправильно поняли. Я ни в чем не виноват. Иначе меня бы взяли с собой, но я с самого начала хотел встать на путь исправления. Я помогал девочке Алисе. Вот смотрите. — Он включил камеру, направил луч на стену, и там появилось изображение Алисы, которая стала говорить добрые слова об этом негодяе.

— Эта хорошая девочка нечаянно погибла, — сказал Панченга, — но я сделал все, чтобы ее спасти...

Алиса сделала три шага и встала в освещенном квадрате стены, чтобы закрыть собой собственное изображение. И заговорила:

— Этот Панченга врет! Он загнал меня в клетку к ядовитым кроликам...

Тут раздался тяжелый глухой удар. Оказывается, Панченга Мулити, который не думал, что Алиса спаслась, и не заметил ее, вылезая из-под дивана, решил, что сошел с ума, и упал в глубокий обморок.

— Бежим! — Лара тянула Алису за рукав. — Скорее надо найти папу и маму!

— Боюсь, что мы опоздали, — сказал инспектор Кром. — Корабль Панченги-старшего уже далеко в космосе. И догнать его будет нелегко.

— Как так нелегко! — возмутилась Лара. — Что же получается: каждый пират может увезти моих родителей, а вы только разводите руками?

— Мы их обязательно догоним, — сказал Кром. — И очень скоро. И ты сможешь обнять своих родителей.

Но Лара Коралли не поверила инспектору. Она обернулась к фокусникам.

— Разве вы не видите! — воскликнула она, прижимая к груди белые ручки. — Разве вы не видите, как страдает сиротка?! И неужели ваше сердце не обливается слезами?

— Будь спокойна, крошка. — Пуччини-2 смахнул набежавшую слезу. — Мы тебя не покинем.

— Не надо преувеличивать наши трудности, — сказал инспектор Кром. Он показал на лежавшего в обмороке Панченгу Мулити. — Ведь наш новый друг так хочет стать порядочным человеком! Как только он придет в себя, он нам сразу поможет.

— А если он решит тянуть время, — добавила симферопольская бабушка, — я вызову его на поединок и проткну шпагой.

— А если он будет упрямиться и погибнет на дуэли, — сказала Алиса, — то у нас останется еще целый корабль пиратов. — Она показала на серую пирамиду, стоявшую на столе. — Ведь адмирал Панченга Скулити и его команда остались в плену.

Все смотрели на корабль. Пираты бегали вокруг него и махали крошечными кулачками.

— Так давайте же скорее, спешите! — воскликнула Лара Коралли. — Может быть, они уже пытают моих родителей. Где нашатырный спирт? Я сама приведу в чувство этого негодяя!

— Не выношу нашатыря, — проговорил Панченга Мулити, не открывая глаз. — Инспектор, попрошу вас наклониться ко мне поближе.

Кром наклонился.

— Я вам помогу, — прошептал Панченга Мулити. — Я расскажу вам, как лететь на планету пиратов. Но сначала вы должны подальше спрятать корабль моего брата. Они отчаянные ребята, и если вырвутся от вас, мне несдобровать.

— Неужели вы боитесь лилипутов? — спросил Кром.

— Тише! Это они сейчас лилипуты. А завтра — гиганты. Как уменьшились, так и увеличатся. Уберите их!

— И тогда вы покажете нам, как лететь на планету пиратов?

— Только если вы соберете настоящий боевой флот.

— Зачем? — удивился Кром.

— Вы думаете, там только один корабль? На планете собирается после набегов до ста пиратских кораблей. Это не планета — это пиратский муравейник, это гадючье гнездо! Если

бы вы знали, как я их ненавижу. С моим добрым сердцем и любовью к справедливости...

— Хорошо, — сказал инспектор Кром. — Давайте пройдем ко мне на корабль, и там вы все нам расскажете. И тогда мы решим, как лучше действовать.

Панченга Мулити легко вскочил, хоть и был очень толстым. Он погрозил кулаком пирамиде на столе, и пираты-лилипуты во главе с его младшим братом начали грозить ему кулачками.

Кром пошел к двери. Панченга Мулити — за ним. Лара Коралли тоже хотела последовать за ними, но Кром, обернувшись от двери, сказал:

— А вам, девочки, там делать нечего. Хватит. Мы не можем рисковать.

— Как раньше рисковали, так ничего! — обиделась Лара. — А когда всего ничего осталось, то нельзя, да?

— Хватит! — строго произнес Кром. — Мне надоели эти детские крики.

— Он прав, — сказала бабушка, — мы вернемся на Землю и там будем ждать вестей. Недолго осталось.

— А я не доживу! — сказала Лара. — Вот помру вам назло. Тогда попрыгаете! Моя мамочка вернется и спросит: «Где моя любимая Ларочка?» А вы ответите: «Не сберегли мы Ларочку, погибла ваша Ларочка...» Тут моя мама вам глаза и выцарапает.

Щеки бывшей рабыни раскраснелись, черные кудри растрепались. Все чувствовали себя виноватыми перед несчастной девочкой, но понимали, что нельзя поддаваться чувствам — ведь Лара совершенно не способна была понять, насколько опасно дело, которое предстояло выполнить инспектору Крому, у которого не было флота, способного победить пиратов, и который должен был быстро придумать, как одолеть целую пиратскую планету.

И тогда симферопольская бабушка, у которой был большой жизненный опыт, придумала, как успокоить Лару.

— Оп-ля! — произнесла она и взмахнула в воздухе своей маленькой волшебной палочкой.

В руке у нее оказалось кружевное розовое платье, как раз Лариного размера.

— Одну минутку, — сказала коварная бабушка. — Прежде чем ты бросишься громить пиратов, тебе надо переодеться.

— Это... это мне?

— Да, Ларочка, пойдем примерим.

— А как же моя мама?

— Мы задержимся всего на несколько минут. Ну, пошли же!

Пуччини-2 подмигнул Алисе и последовал за бабушкой и Ларой. Кром с Панченгой Мулити ушли в другую дверь.

И Алиса осталась одна.

Потому что у всех были неотложные дела.

А у нее неотложных дел не было.

«Ну вот, все почти закончилось, — подумала она. — Пора домой...»

Как она заблуждалась!

Часть четвертая

В ПИРАТСКОМ ЛОГОВЕ

Глава 1

ВОЗЬМИТЕ НАС С СОБОЙ!

Кто-то кашлянул в темном углу.

Алиса вздрогнула. И тут же догадалась — там, затаившись ото всех, сидит скромный Вага Бычий Хвост, которому так и не удалось совершить подвига.

— Как ты думаешь, — спросил он Алису, — мне можно будет попрощаться с Ларой Коралли или она меня уже забыла?

— Она сейчас думает о своих родителях, — сказала Алиса, — и может тебя не узнать.

— Этого я и боялся, — согласился Бычий Хвост. — Ведь я в нее влюбился. Но совершенно без взаимности.

— Я тебе сочувствую, — сказала Алиса, разглядывая корабль адмирала Панченги. Боевая Подруга гуляла по самому краю стола и что-то выкрикивала. Но Алиса не разобрала, что пищит этот комарик.

— Наверное, я должен совершить невероятно великий подвиг, — сказал Вага. — Тогда она меня заметит и полюбит. Правда?

— Какой же подвиг ты намерен совершить? — спросила Алиса.

— Полететь на пиратскую планету и освободить папу и маму Лары. Я их освобожу и сразу спрошу, можно мне дружить с их дочкой?

— Ты славный парень, — сказала Алиса. — Хотя Лара маму и папу не спрашивает.

— Ни о чем?

— Боюсь, что ни о чем.

Молодой индеец закручинился.

Он с хрустом ломал пальцы и смотрел в пол. Он старался придумать, как вернуть расположение ветреной Лары.

Тут в комнату вернулся Пуччини-2. Он был несколько смущен.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Девочка стала примерять платье, и меня попросили уйти, — сказал волшебник.

— Вот вы знаменитый фокусник и волшебник, — сказала тогда Алиса. — Я думаю, что вы должны помочь моему знакомому индейцу. У него не очень удачное имя, но он не может от него избавиться, пока не совершит подвига.

— А в силу своего характера, — вмешался Вага Бычий Хвост, — я никак не могу этого подвига совершить. Видно, придется мне оставаться с детским именем.

— А если не секрет, как вас зовут? — спросил Пуччини-2.

— Вага Бычий Хвост, — покраснев, признался юный индеец.

Пуччини-2 принялся хохотать, но он хохотал не обидно, а с сочувствием.

— Надо помочь, — произнес он, отсмеявшись. — Как же это сделать?

— Я знаю, как это сделать, — сказал индеец. — Вы должны помочь мне первым попасть на пиратскую планету, победить всех пиратов и освободить родителей Лары. И тогда я смогу спросить у них разрешения дружить с девушкой.

— А сам? — спросил Пуччини-2.

— А меня она не послушается, — признался индеец.

— Мда-а, — вздохнул Пуччини-2. — Проблема!

— Еще какая! — улыбнулась Алиса.

— А ведь надо помочь, — сказал Пуччини-2.

— Надо! — воскликнул Вага Бычий Хвост.

— Мне и самому хочется совершить подвиг, — сказал Пуччини-2. — Тысячу лет не совершал подвигов.

— И меня возьмите в компанию, — попросила Алиса.

— А ты знаешь, что я хочу сделать?

— Догадываюсь, — сказала Алиса.

— А не струсишь? — спросил Пуччини.

— Никогда! — сказали хором Алиса и Вага Бычий Хвост.

— Тогда сдаемся в плен, — сказал Пуччини и присел на корточки перед столом, на котором стояла пирамида пиратского корабля.

Среди обитателей корабля возникло оживление. Один из солдат прицелился Пуччини в глаз и, наверное, выстрелил бы, если бы не Боевая Подруга. Она быстро шагнула вперед и уда-

рила кулаком по стволу автомата. По крайней мере, в отваге ей нельзя было отказать.

Следом за Боевой Подругой вышел к краю стола адмирал Панченга Скулити.

Пуччини-2 перешел на шепот, не потому, что скрывал свои слова, а чтобы не оглушить лилипутов.

— Господа, — сказал он, — у меня к вам есть предложение.

Пираты стояли неподвижно.

— Мне и моим друзьям нужно попасть на вашу базу.

— Нет! — воскликнул адмирал, и даже Алиса услышала этот крик.

— Погодите, — остановил пирата Пуччини-2. — Вы сначала выслушайте меня. Сказать «нет» никогда не поздно.

— Не перебивайте его! — сказала Алиса. — У нас совсем мало времени. Если сейчас вернется инспектор Кром, он никогда не разрешит нам с вами договариваться. Потому что вы преступники. А инспектора не договариваются с преступниками.

— Я предлагаю вам, — продолжал Пуччини-2, — взять нас в плен.

— Я в плен не сдаюсь! — заявил тут Вага Бычий Хвост, которому лучше было бы помолчать.

Но Пуччини сделал вид, что не услышал гневного крика молодого индейца.

Адмирал Панченга Скулити развел руками, как бы говоря: «Разве мы можем вас взять в плен?»

— Для этого, — продолжал фокусник, — мы уменьшимся до вашего размера.

— Зачем? — опять вмешался в разговор Вага.

— Вага! — возмутилась Алиса. — Или ты делаешь все, что нужно, или уходишь из комнаты и больше в наших делах не участвуешь.

— А как же подвиги?

— Подвиги будешь совершать дома, — сказала Алиса. — Поможешь бабушке перейти через улицу, спасешь птичку от кошки — в жизни всегда найдется место для подвига!

— Нет! Я с вами! — воскликнул Вага, так что Боевая Подруга подняла руки к ушам.

— Тогда слушай мою команду! — приказал фокусник. — Все пираты немедленно прячутся в корабль! Быстро! Еще быстрее!

Пираты подчинились. Со всех ног они кинулись к кораблю.

Когда на столе рядом с пирамидкой никого не осталось, Пуччини-2 обернулся к своим юным спутникам:

— А теперь мы все забираемся на стол. И не теряйте ни секунды. Я слышу, как сюда идут.

Алису и Вагу не надо было подгонять. Они уже все поняли, а если что-то и оставалось непонятным, то будет время разобраться.

Следом за фокусником они взобрались на стол. К счастью, стол был крепким, он даже не пошатнулся под их весом. Правда, свободного места на нем не осталось — только пирамида и три человека. Так что им пришлось держаться друг за дружку.

— Крепко держитесь? — спросил Пуччини.

Но он не стал ждать ответа, а начал быстро бормотать заклинания. Алиса вцепилась в него — у ее ног была вершина пирамиды, из открытого люка выглядывал адмирал Панченга Скулити. Махонький, как оловянный солдатик.

Вдруг голова Алисы закружилась — крышка стола, на которой она стояла, бросилась к ней навстречу, пирамида космического корабля стала расти... вот она уже выше ее, вот ее вершина унеслась куда-то ввысь, исчезли в дальней дали потолок и стены комнаты... Алиса не удержалась на ногах, упала, но Пуччини помог ей подняться. Пирамида пиратского корабля стояла в отдалении — теперь до нее надо бежать и бежать.

Вага Бычий Хвост сидел неподалеку и растирал ушибленную ногу.

— Скорее! — торопил Пуччини-2. — Он уже здесь!

Алиса поняла, что фокусник имеет в виду инспектора, и обернулась — вдали открылся громадный прямоугольник двери, и в нем показалась человеческая фигура. Она узнала в гиганте инспектора.

Алиса и фокусник потащили Вагу к кораблю. К счастью, инспектор не посмотрел на стол — ведь он ожидал увидеть людей нормального размера.

— Господин Пуччини! — отдаленным громом прокатился по комнате голос инспектора. — Алиса! Где вы?

И тут же, решив, что фокусника и Алисы в комнате нет, он повернулся и ушел, не закрыв за собой дверь.

Тем временем Пуччини, Алиса и ковыляющий Вага добрались до корабля. Адмирал Панченга Скулити и воинственная Боевая Подруга убедились, что инспектор ушел, выпрыгнули из люка корабля и направились навстречу гостям. Из люка

торчали дула бластеров и автоматов — пираты не хотели рисковать и стерегли каждый шаг гостей.

— Теперь говорите, — приказал адмирал.

Алисе странно было видеть большого плотного человека в пышном мундире — ведь адмирал только что был крошкой.

— Давайте войдем в корабль, — предложил фокусник, — а то инспектор вернется и увидит нас.

— Но сначала мы вас обыщем, — заявил адмирал.

— Великолепная идея! — ответил фокусник. — Особенно опасайтесь девочку. У нее за ушами пулеметы.

— А ну, без шуток! — обиделся адмирал, который не выносил, если его подозревали в трусости. — Пошли, пошли! Сколько можно ждать!

Обыскивать их не стали.

Через две минуты фокусник и его юные спутники оказались внутри пиратского корабля.

— Что смотришь? — ухмыльнулась Боевая Подруга.

— Как в родном доме, — ответила Алиса.

Боевая Подруга расхохоталась.

— То-то я тебя узнала!

— Где будем разговаривать? — рявкнул адмирал Панченга Скулити.

— Можно и здесь, — сказал Пуччини-2. — Чем скорее договоримся, тем скорее я смогу вам помочь.

— Ну давай, валяй, рассказывай! — произнес главный пират, изображая из себя хозяина корабля, который взял в плен ничтожных лазутчиков. — Только не думай, что я тебя помилую.

— Об этом и речи нет, — усмехнулся Пуччини. — О такой милости я и не прошу.

— О чем просишь?

— Прошу разрешения полететь на вашу планету на вашем замечательном корабле.

— А что ты потерял на нашей планете? — спросила Боевая Подруга.

— Вас это не касается.

— Ты у меня поговори, поговори... — пригрозил адмирал и поднял руку с зажатым в ней бичом, но рука как поднялась, так и застыла в воздухе.

— Не люблю я глупых шуток, — сказал фокусник. — И не выношу плохо воспитанных адмиралов.

— Что с тобой? Что он с тобой сделал? — испугалась Боевая Подруга.

А пираты, которые выглядывали из коридора, зашумели и принялись бряцать оружием.

— Ничего страшного, — ответил фокусник за адмирала. — Просто рука отсохла. На время. Теперь уже лучше.

Рука адмирала бессильно опустилась. Адмирал перевел дух и вдруг закричал злобным голосом:

— А ну, все отсюда! Устроили зоопарк!

Адмирал был так зол, что, за исключением Боевой Подруги, все пираты исчезли как по мановению руки.

— Слушайте, — сказал фокусник. — Мы летим к вам на планету. Там мне нужно освободить ученых Коралли — родителей Лары Коралли, которую вы знаете.

— Почему? — удивился адмирал. Видно, он ожидал чего угодно, но не такой просьбы.

— Потому что, — ответил фокусник, — Лара моя ученица. У меня связаны с ней большие надежды. Без папы и мамы она очень тоскует и не может учиться.

— Без папы и мамы? — Боевая Подруга расхохоталась, уперев усыпанные кольцами и перстнями руки в бока. — Я умру от смеха!

— Тем не менее это так.

— Значит, вы хотите полететь к нам и уговорить моего отца отдать вам этих самых Коралли? — спросил, улыбаясь, Панченга Скулити.

— Вот именно.

— И хотите, чтобы я вас отвез к моему отцу?

— Да, хочу.

— Губа не дура! — сказала Боевая Подруга. — Они же шпионы!

— Конечно, шпионы. Я и без тебя знаю, — огрызнулся адмирал. — Они хотят узнать, где главная пиратская база, и потом пригнать туда весь патрульный флот Галактики. Ну что на это ответишь?

— Ничего не отвечу, — сказал фокусник.

— А ты понимаешь, что попал ко мне в руки и не выйдешь из них живым?

— Я понимаю, — сказал Пуччини-2, — что вы меня как миленькие отвезете на базу, а уж там я сам буду решать, что мне делать!

— Да?

— Да!

— А если я тебя сейчас пристрелю?

— Если у вас в голове мозги, а не солома, — ответил Пуччини, — то тогда вы меня не застрелите, а выполните любое мое приказание.

И фокусник произнес эти слова так уверенно, что адмирал растерялся. Он понял, что фокусник имеет над ним власть. Но какую?

— Неужели ты не понял! — сообразила Боевая Подруга. — Без него нам никогда не стать снова большими!

— Вот именно, молодец, умница! — сказал фокусник. — И останетесь вы навсегда на столе. И не будете никому нужны — недаром ваш родной отец забыл вас захватить с собой.

— А вы?

— А я могу вам возвратить человеческий размер.

— Честное слово?

— Ну ты же знаешь, Скулити! — воскликнула Боевая Подруга.

Пират задумался. Ему не хотелось признавать поражение.

— Ладно, — сказал он наконец. — Давай превращай.

— Не спешите, — сказал фокусник. — Во-первых, здесь это сделать невозможно — над нами много метров песка и камня. Если увеличить корабль под пустыней, то его раздавит породой.

— А что тогда можно сделать?

— Сначала надо вылететь отсюда. Мы сейчас такие маленькие, что можем пролететь в двери.

— А потом?

— А потом, когда мы уже будем над планетой, я вас увеличу.

— Так чего же ты тянешь? Начинай!

— Не все так просто. Сначала ты должен мне поклясться, что не обманешь.

— Я? Обману?

— Вот именно. Нет больших лжецов, чем пираты!

— Обижаешь!

— Тогда поклянись, что ты довезешь меня до вашей базы и не причинишь вреда мне и моим друзьям.

— А как клясться? — спросил наивно адмирал.

Фокусник улыбнулся уголками губ.

— Адмирал, — сказал он, — я прожил на Земле и в Галактике много лет и знаю хитрости преступников. Повторяй за мной: «Пусть я забуду мать родную...»

— Нет, только не это! — закричал в ужасе адмирал. — Это

слишком страшная клятва. Ее не может нарушать ни один пират.

— Этого я и добиваюсь, — сказал Пуччини-2.

— Поклянись, — сказала Боевая Подруга. — Он наши обычаи знает. Я думаю, что он был пиратом.

— Только в неразумной молодости, — признался Пуччини-2.

И тогда, смахнув набежавшую слезу, адмирал Панченга Скулити поклялся:

— Пусть я забуду мать родную, если причиню или замыслю какой-нибудь вред или предательство против фокусника Пуччини-2, Алисы Селезневой и Ваги, простите, Бычий Хвост.

— Хорошо, — сказал фокусник. — Теперь быстро пошли на капитанский мостик. Я сам буду управлять кораблем.

На капитанском мостике фокусник уселся в кресло первого пилота.

Всем остальным он велел тоже рассесться по креслам, потому что возможны перегрузки.

Он включил двигатель, осторожно поднял пирамидку над столом и, держа минимальную скорость, направил корабль в полуоткрытую дверь. Чуть коснувшись двери, пирамидка вылетела в коридор и помчалась по еле освещенным подземельям к открытому люку.

Никто не встретился им на пути.

И вот пустыня!

Ледяная ночь царила над песчаными барханами и развалинами каменного замка.

Набирая скорость, пирамидка поднялась над планетой. Алисе показалось, что на краю пустыни, у гор, она видит огоньки гостиницы пана Водички. А может, это были огоньки базы геологов...

— Высота десять километров над поверхностью астероида, — сказал Пуччини-2. — Приготовиться к превращению!

И, не выпуская из рук штурвала, фокусник начал произносить свои заклинания.

На миг Алиса потеряла сознание... А может быть, ей это показалось.

— Все, — сказал Пуччини. — Мы вернулись в прежнее состояние. Прошу вас, адмирал, возьмите управление на себя. Курс — секретная пиратская планета!

Адмирал начал набирать тайный код.

Боевая Подруга поправила пышные волосы и обратилась к фокуснику:

— Честно говоря, я вам очень сочувствую, потому что вы приятный смелый человек и к тому же настоящий волшебник. Но все же я вам не завидую.

— Почему? — спросил фокусник.

— Неужели вы думаете, что папаша Панченга выпустит вас живым?

— Я в этом убежден, — сказал фокусник. — Иначе бы я не стал рисковать жизнью моих юных друзей.

— Подумайте, — сказала Боевая Подруга. — Если он выпустит вас живым, то тогда тайне пиратской планеты придет конец. Войдите в его положение.

— Не хочется думать о пустяках, — вздохнул фокусник. — На месте разберемся.

— В крайнем случае я совершу какой-нибудь подвиг, — сказал Вага. — Ведь мне пора этим заняться.

— Вот видите, — сказал Пуччини-2, — молодой человек не намерен терять времени даром. На месте драконов, привидений и негодяев я бы дрожал от страха.

Но Боевая Подруга лишь презрительно фыркнула.

Глава 2

ПРОИСШЕСТВИЕ НА КОСМОДРОМЕ

Полет занял немного времени. Как и все корабли будущего, пирамида пиратов разогналась, нырнула в суперпространство, вынырнула в подпространстве, перешла в надпространство и вышла из прыжка в двадцати двух часах лета от цели.

Пуччини-2 и его друзья все это время играли в шахматы в кают-компании, потому что адмирал, естественно, не хотел, чтобы они узнали координаты пиратской планеты, которую до сих пор не открыли еще патрульные корабли. В этом нет ничего удивительного, потому что пиратская планета скрывается сразу за черной дырой, в раковидной туманности, состоящей из белых карликов, неподалеку от фонтана обратного времени, брызги которого смертельно опасны для пролетающих кораблей.

Впрочем, Пуччини-2 умел подглядывать, на то он и был фокусником. Он умел видеть через толстую черную повязку, сквозь обложку закрытой книги и даже сквозь стенку стального

сейфа. Так что секретов для него почти не существовало. Иначе не станешь настоящим волшебником высокой категории.

Он мысленно следил за тем, как компьютер прокладывал курс корабля среди звезд, и запоминал его, хотя еще не знал, каким образом он сможет выбраться из пиратского логова.

— Подлетаем, — сказал он, поднимаясь из-за шахматной доски.

— Но вам — шах, — сообщил Вага Бычий Хвост.

— Я сдаюсь, — ответил фокусник, хотя его позиция была куда лучше, чем у индейца. — Я не могу отвлекаться на игру, когда к нашей кают-компании подходит адмирал Панченга Скулити. И он настроен весьма решительно.

В этот момент дверь распахнулась. В ней стоял адмирал, по бокам — пираты.

— Вы арестованы, — заявил адмирал.

— Почему именно сейчас? — спросил фокусник. — Вы хотите отличиться перед вашим папой?

— Молчать! — разъярился адмирал. — Вы арестованы за дело, потому что стало известно о ваших шпионских намерениях.

— Не надо спорить, — обратился Пуччини-2 к возмущенному Ваге, который хотел было броситься в бой, — ведь у нас с адмиралом общая цель — как можно скорее попасть на их планету и встретиться с его папой, Панченгой-старшим.

Вага хотел было что-то ответить, но не успел, потому что пираты накинулись на Пуччини и его юных друзей, сковали их легкой, но прочной цепью, а главное и самое неприятное — залепили им рты клейкой лентой, так что теперь они не могли ничего сказать.

Пока это происходило, корабль качнулся, тормозя и опускаясь на твердую поверхность.

— Приехали, — сообщил пиратский адмирал, не скрывая злорадства. — Я доволен. Мне удалось не только вырваться из плена, но и увезти с собой богатую добычу.

И он расхохотался.

Пленников вывели из корабля сразу следом за адмиралом и Боевой Подругой. На несколько секунд они все остановились в широко открытом люке пирамиды, оглядывая космодром.

Перед ними расстилалось широкое, залитое бетоном поле, на котором стояли различного вида и состояния корабли — от совсем старых, атомных развалюх до новейших пассажирских и даже военных кораблей, которые, однако, почти все были

либо разбиты, либо запущены до безобразия. Над космодромом сияло белое солнце, которое заливало все вокруг ярким, но неживым светом.

Вдали у горизонта возвышалось гигантское синее здание с множеством труб и башен. Оттуда к кораблю пиратов неслись скоростные танки и бронетранспортеры. Некоторые из них время от времени стреляли в небо, словно внутри их сидели великовозрастные шалуны.

— Эх, приятно снова оказаться в безопасности! — сказал адмирал.

— Погоди, еще неизвестно, как нас встретят, — предостерегла его Боевая Подруга. — Ты забываешь, что твой папаша нас предал и оставил в беде.

— Я ничего не забываю, — ответил пират. — Но с папой я буду выяснять отношения без свидетелей. В конце концов, я его наследник.

Лента, которой был заклеен рот Алисы, жутко стягивала кожу, хотелось сорвать ее, но могучего сложения пират держался за конец цепи и следил, чтобы пленники не совершали никаких лишних движений.

Со свистом и ревом сирен танки и бронетранспортеры подлетели к пирамиде и окружили ее полукольцом. Дула пушек были направлены на небольшую кучку людей у люка. Адмирал поднял руку, помахал и крикнул:

— Ну что, не признаете своего адмирала, крысы паршивые?

В ответ на его крик крышка люка ближайшего танка откинулась и оттуда вылез сам папаша Панченга. Он был одет в расшитый золотом халат, а на голове блестел стальной шлем.

— Сынок! — воскликнул он. — Курицын сын! Негодяй и дезертир! Как ты сумел от них вырваться?

— Как вырвался, так и вырвался, — ответил сынок. — И даже подарки папаше привез.

Он подтолкнул Пуччини-2 в спину, и пленники спустились вниз, на поле космодрома. Папаша Панченга в свою очередь покинул башню танка и подошел к Алисе. Он все не расставался со своими четками-виноградинами.

— Подарок папочке привез? — сказал он и расхохотался. — Ценный подарочек. Принимаю.

— Тогда приглашай, папа, на пир! Устали мы летать!

— Насчет приглашения придется подождать, — ответил Панченга-старший. — И не спеши выходить из корабля. Ты

забыл мне рассказать, как сбежал от инспектора Крома да еще вернулся в нормальный человеческий размер. А ну признавайся, за сколько они тебя купили, чтобы ты привел полицаев в наше теплое логово?

— Папа, я возмущен! — ответил адмирал. — Если вы будете и дальше так же меня сердить, я подниму мой кораблик в небо и оттуда сброшу на вашу седую голову небольшую бомбу. И поверьте мне, папаша, я не шучу. Я так обязательно сделаю, потому что не люблю, когда мне не доверяют. Причем не доверяют те, кто меня предал и бросил в плену.

— Поднимайся, поднимайся, бомби своего папочку, — ответил с ухмылкой старший Панченга. — Только не успеешь ты подняться, как тебя собьют ракетой «земля—воздух». Ты и мигнуть не успеешь.

— И не пожалеешь, папа?

— А чего мне тебя жалеть, — ответил папаша, — мне больше добра останется.

— Ах так! — Адмирал был возмущен. Он отбросил в сторону бластер и кинулся к отцу, как кидается в драку хоккеист. — Я тебе наставлю синяков!

— Ты? Мне? — Папаша отстегнул от пояса кинжал и кинул его на бетон. Он широко расставил руки и двинулся на своего сына.

Самое удивительное, что никого эта драка между Панченгами не удивила. Пираты покрикивали, подбадривая своих командиров, но никто, даже Боевая Подруга, не вмешался в драку и не попытался ее остановить.

Сначала пираты просто ходили кругами, примеривались, потом адмирал врезал своему папе между глаз, за что папаша расквасил ему нос и поставил синяк под глазом. После этого пираты вцепились друг в друга, потеряв равновесие, грохнулись на асфальт и покатились, махая руками, ногами и даже норовя ударить противника головой. Наконец адмирал, который был все же куда моложе и крепче отца, смог навалиться на него и начал душить. Тот захрипел, принялся дергать ногами, и Алиса испугалась, что старого Панченгу задушат до смерти. Остальным свидетелям этого поединка показалось то же самое, и пираты кинулись разнимать своих начальников.

Но Боевая Подруга выхватила бластер и закричала:

— Первому, кто дотронется до адмирала, голову отстрелю!

Всем было ясно, что пиратка не шутит, — что-что, а головы отстреливать она умела.

В растерянности все замерли, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не появилась непонятно откуда красноносая бабушка. Бабушка была в длинной, до земли, черной в розах юбке и странном белом головном уборе, похожем на бабочку. Она резво бежала к Боевой Подруге и пронзительно кричала:

— Доченька моя, крошечка! Где же ты все пропадаешь, я так без тебя истосковалась!

Боевая Подруга растерялась. Руки ее опустились, и она прошептала:

— Мама, вы откуда? Вы же в доме для престарелых!

— Сбежала, моя хорошая, сбежала, чтобы с крохотулечкой моей повидаться!

Алиса не удержалась и фыркнула — Боевая Подруга в два метра ростом, косая сажень в плечах, с бицепсами, которым бы позавидовал штангист, рыжие перепутанные волосы свисают до пояса — и вдруг «крохотулечка»!

Видно, эти слова показались смешными и остальным пиратам. Они забыли о сражении между Панченгами и покатились со смеху, а старушка все норовила прижать дочку к груди.

Вдруг бабушка внезапным быстрым движением вышибла из руки пиратки бластер — тот со звоном отлетел метров на пятьдесят. В тот же момент неизвестный толстый пират выскочил из танка и ударил адмирала по затылку гаечным ключом. Адмирал ахнул и отпустил своего полузадушенного отца. Сполз с него и растянулся на бетоне.

Люки подъехавших танков распахнулись, оттуда выскочили танкисты, скрутили Боевую Подругу, и пираты из корабля адмирала Панченги Скулити сразу сдались в плен. Короткий бой закончился.

Папаша Панченга с трудом выпрямился и сказал красноносой бабушке, которую Алиса все еще считала мамой Боевой Подруги:

— Спасибо тебе, старый боевой товарищ!

— Не стоит благодарности, старый негодяй, — ответила бабушка и тут же превратилась в очень худого человека с крысиным лицом.

— Ой! — хотела воскликнуть Алиса, но не смогла.

— Здравствуй, Алисочка! — воскликнул Крыс.

Конечно же, это был знаменитый пират Крыс, старый знакомый Алисы, который не разучился превращаться в других людей.

— А меня? Меня помнишь? — высоким голосом закричал танкист с гаечным ключом. — Не узнаешь ли ты своего старого друга Весельчака У?

Наверное, это прозвучит странно, но при виде старых негодяев, которые когда-то причинили Алисе столько неприятностей и даже горя, Алиса вовсе не рассердилась. Они казались ей сорняками — растут, всем мешают, пользы никакой, один вред, но в то же время ты уже привыкла к этой крапиве, куда от нее денешься?

Алиса понимала, что рассуждает неправильно. Пиратство надо уничтожать, а пиратов наказывать. Известно, что Крыс уже на Алисиной памяти отсидел полгода в тюрьме Галактического центра, но потом воспользовался своим умением перевоплощаться. Когда его перевели в госпиталь из-за коклюша, он смог во время уборки превратиться в пылесос и, пока робот-уборщик старался понять, почему у него два пылесоса вместо одного, подкатился к мусоропроводу и был таков. Оказалось, что за оградой госпиталя Крыса уже поджидал его старый приятель Весельчак У.

— Что же ты, мерзавец, — сердито воскликнул Весельчак У, обернувшись к лежавшему на земле адмиралу Панченге, — что же ты, негодяй, заковал в кандалы девочку Алису, нашу старую подругу?

— Она не девочка, а злобная шпионка, агент инспектора Крома, — с трудом проговорил адмирал.

— Они забрались к нам на корабль, чтобы узнать, где наша секретная планета, — добавила Боевая Подруга. — Их убить мало!

— Алиса, это правда? — строго спросил Весельчак У.

— Ну как же она может тебе ответить? — сказал Крыс, подходя к Алисе и сдирая с ее лица клейкую ленту. — Как же она ответит, если ей, как врагу, заклеили ротик!

— Спасибо, — сказала Алиса. — Здравствуйте.

— Вот видишь, — сказал Крыс своему другу, — Алиса всегда была хорошо воспитанным ребенком. Даже в таком прискорбном положении она не забывает с тобой поздороваться.

— Вижу, вижу, — согласился Весельчак У. — Так что же произошло на самом деле?

— Если вы развяжете нас и освободите моих спутников, мы вам все расскажем.

— Не развязывайте их! — воскликнула Боевая Подруга. — Они страшно коварные.

— Неужели вы все со своими танками и пушками боитесь трех безоружных людей? — спросила Алиса.

— Безоружных? — спросила Боевая Подруга. — Они любого заморочат. Слово — их страшное оружие.

— К тому же, — добавил адмирал Панченга, указывая на Пуччини-2, — вон тот, худой, очень опасный фокусник и даже волшебник. Скажи, папочка, когда ты нас бросил, мы были какими?

— Лилипутами, — уверенно ответил старый Панченга.

— А теперь?

— Теперь вы как люди.

— А кто это сделал? Вот этот самый Пуччини! Его надо расстрелять!

— Какое удивительное нахальство! — сказала Алиса. — Мы им помогли убежать из замка, а за это нас связали. Да если бы мы были страшными волшебниками, неужели мы так покорно дали бы себя связать?

— Это точно, не дали бы! — сказал Крыс. — Я Алису знаю!

— Как только вы нас освободите, мы вам все расскажем, — сказала Алиса. — Я даю вам честное слово. А вы, Крыс и Весельчак У, должны помнить, что мое честное слово совершенно нерушимо.

— Подтверждаю, — сказал Крыс.

— Нет, — возразил старый Панченга. — Я вообще людям с Земли не доверяю. А этим — тем более.

— А своему сынку вы доверяете? — спросила Алиса.

— Ему? Никогда! Я же сам его воспитал!

— Хватит разговоров, — сказал тогда Весельчак У. — Поговорили — и достаточно! Кто хозяин на этой планете, а кто гость?

— Ну вот! — обиделся папаша Панченга. — Разве можно гостей обижать?

— Мы гостей не обижаем, — ответил Крыс. — Но учти, если бы не мы с Весельчаком У, твой сынок тебя бы наверняка задушил.

— Да, нравы у нас в семье крутые! — вздохнул папаша Панченга.

— Освободить пленных! — приказал Крыс.

И тогда из-за спины папаши Панченги вышло несколько танкистов с бластерами у серебряных поясов. Они подошли к Алисе и ее спутникам и быстро освободили их.

Такое самоуправство семейке Панченгов не понравилось.

И, забыв о своих раздорах, они накинулись на Крыса с возражениями и жалобами. Но Крыс был здесь хозяином. Он только отмахнулся от криков Панченгов и сказал Алисе:

— До встречи во дворце, кисочка! — И захохотал, словно Алиса была его лучшей подругой.

С этими словами он ловко прыгнул в люк танка, за ним в люк втиснулся Весельчак У. Танк сорвался с места и понесся к городу. За ним — бронетранспортер, в который пираты посадили Алису и ее спутников.

Алиса глядела в иллюминатор бронетранспортера. За ним проплывали космические корабли различных марок и типов — они казались забытыми и даже какими-то запыленными.

— Скажите, вы на них летаете? — спросила Алиса у сидевшего рядом пирата.

— Мы что, самоубийцы, что ли? — рассмеялся в ответ пират. — Это наши трофеи. Как захватим, притаскиваем сюда, раздеваем, а потом оставляем здесь ржаветь. Может, пригодятся.

— И они могут летать? — спросил Пуччини.

— А кто их знает, — отмахнулся пират. — Пока не полетишь, не догадаешься.

— Но здесь есть совсем старые корабли.

— Всякие. И старые, и новые.

— Значит, вы давно здесь живете?

Пират пожал плечами, и за него ответил его товарищ.

— Я сам из других мест, — произнес он, — но мне рассказывали, что наша планета — резервная секретная база уже много лет. Только раньше ею владела банда Трехглавого Кавра, а потом ее перекупили Крыс с Весельчаком У. Ушли на пенсию и захватили.

— Ушли на пенсию? — удивилась Алиса.

— Говорят, что им надоело носиться по Галактике и скрываться от патрулей. Пускай, говорят, молодежь этим займется.

— Правильно, — поддержал его другой пират. — Они купили планету со всем барахлом и заняли главный дворец. А теперь занимаются тем, что торгуют награбленным или дают убежище тем пиратам, которым надо отсидеться.

— А мы им служим, — сказал первый пират.

— И довольны. Здесь есть все для культурного человека. А работа не пыльная. Стережем грузы, разнимаем драки, охраняем наших шефов, а кое-кто собирается писать мемуары.

— А что нужно культурному человеку? — спросил Пуччини-2.

— Выпить, закусить, с девушкой потанцевать, — ответил пират.

— Но у вас, наверное, есть консерватория и театры? — спросил Вага, который до этого момента молчал — переживал унижения, которым ему пришлось подвергнуться в лапах адмирала Панченги.

— Чего? — не понял вопроса пират.

— Малыш шутит! — воскликнул его товарищ, и оба долго смеялись шутке молодого индейца.

Огромное кладбище кораблей закончилось, но не закончилась свалка. Пираты охотно объяснили, что с захваченных кораблей снимают все ценное, а пустые ящики и контейнеры сваливают у дворца, может, еще пригодятся.

Тем временем танки и бронетранспортеры добрались до дворца. Дворец оказался громадным зданием из желтого мрамора, окна в нем были лишь на третьем этаже и выше, а вход представлял собой дуло гигантской пушки. Пираты объяснили, что пушка эта — вовсе не декорация, а самое настоящее орудие калибром в три метра. Там в глубине есть снаряд. И если в эту дверь войдут враги, пушка выстрелит, и тогда враг верхом на снаряде улетит в небеса.

Один за другим танки въехали в дуло пушки и, миновав метров сто по сверкающему металлическому туннелю, оказались перед открытым отверстием, куда уже свернул первый танк. Последовав за ним, бронетранспортер остановился в обширном зале — вестибюле пиратского дворца.

Овальное помещение размером с футбольный стадион было уставлено танками, бронетранспортерами и другими военными машинами, а поближе к стенам высились груды ящиков и контейнеров.

Весельчак У и Крыс уже вылезли из своего танка и поджидали гостей. Весельчак У был грузным, толстым, с круглым, даже симпатичным и добрым лицом, что совсем не соответствовало его коварному и подлому характеру. Крыс принял облик молодого человека с золотистыми кудрями, спадающими на плечи. Только глаза у него были свои, крысиные, их ведь ничем не изменишь.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Сейчас вас проводят в отведенные вам покои, накормят, правда, не очень хорошо, потому что у нас опять трубы прорвало и клубничные плантации затопило. А потом, когда отдохнете, вы мне расскажете,

что же вас привело в наши отдаленные края. Ведь, наверное, не только туризм?

Тут Крыс расхохотался, и Весельчак У вторил ему. Но глаза у пиратов оставались холодными и трезвыми. Им на самом деле было интересно, зачем прилетели к ним люди, но показывать своих опасений они не хотели.

— Мы совсем не устали, — сказал Вага Бычий Хвост. — Нам бы скорей освободить родителей моей любимой Заури, и мы от вас улетим.

Алиса хотела дернуть Вагу за рукав, чтобы он не говорил лишнего. Чем меньше пираты будут знать, тем лучше. Но раз уж не успела остановить рвущегося к подвигам юношу, ничего не поделаешь.

— Это становится интересным, — сказал Весельчак У. — Оказывается, вы к нам прилетели по делу?

— По делу, — согласился Пуччини-2. — Но прежде чем обсуждать важные проблемы, нам бы хотелось привести себя в порядок. У меня до сих пор все лицо в клее от этой паршивой ленты.

— Разумеется, разумеется! — Весельчак У постарался поклониться, но живот ему не позволил этого сделать. — Отдыхайте, мойтесь, пейте минеральную воду! Не спешите. Мы будем покорно ждать наших друзей, новых и старых, в музыкальном салоне нашего дворца. Отвести гостей в парадную туалетную залу!

Крыс сделал знак пиратам, и те повели гостей по узкому высокому коридору, кое-как освещенному голыми электрическими лампами. Процессия остановилась у грязной, некогда белой двери. Старший пират, прикрывая спиной дверь, набрал на ее замке комбинацию цифр, и со страшным скрипом она отворилась. Внутри горел яркий свет.

— Заходите, делайте что надо, — сказал пират. — Мы за вами придем.

Он пропустил Алису и мужчин внутрь, захлопнул дверь, и гости остались одни.

Они стояли в типичном общественном туалете, каких на Земле уже не осталось, но которые еще встречаются порой на некоторых отсталых планетах. С одной стороны к кафельной стене были прикреплены чугунные умывальники, а вдоль стены напротив тянулись кабинки с унитазами. Из кранов капала или лилась вода, пол был скользким, в углах — паутина.

Полотенце было одно на всех, и то сомнительной чистоты.

— Это и есть дворец? — спросил Вага, ни к кому не обращаясь.

— Я думаю, — сказал Пуччини, — что в покоях хозяев дворца ванные комнаты устроены получше.

— Я отказываюсь мыться в таких условиях! — заявил Вага. — Я житель цивилизованной Земли, а не дикарь какой-то.

— Я советую вам не капризничать, — возразил Пуччини. — Нас с вами никто сюда не приглашал. Если вам такое обращение нравится меньше, чем полет на корабле адмирала Панченги, то, наверное, вы сможете туда вернуться!

— Еще чего не хватало! — обиделся Вага, который не любил неприятной правды.

Алиса между тем открыла кран и стала ждать, пока стечет ржавая вода. Дверь приоткрылась, и в ней показалась физиономия пирата.

— Ну, скоро вы там? — спросил пират. — Мы заждались!

Хотя прошло всего две минуты с тех пор, как Алиса вошла в эту комнату.

Глава 3

МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН БАРАБАНОВ

Минут через двадцать (больше охранники не пожелали ждать) Алиса, Пуччини и возмущенный Вага Бычий Хвост прошли другим, тоже узким коридором в другую часть дворца. На этот раз коридор вывел их к лестнице, по которой они поднялись на следующий этаж, в длинный зал, освещенный дневным светом, проникавшим сквозь стрельчатые окна. На этом этаже было более оживленно, то и дело встречались пираты, а то и слуги или просто люди непонятного звания и назначения. Они прошли мимо кухни, где на широких плитах стояли кастрюли, а повара в белых колпаках помешивали в них половниками. И эта кухня была бы точно такой же кухней, как на любой нормальной планете, если бы на колпаках поваров не были вышиты черными нитками черепа и кости.

Алиса выглянула в окно — оно выходило во двор дворца, где среди редких деревьев и кустов стояли пушки, танкетки и даже вертолет. По двору по направлению к дворцу решительно следовали папа и сын Панченги, а также Боевая Подруга.

Они были недовольны и не скрывали своего плохого настроения.

Шедший впереди пират толкнул двустворчатую дверь, и перед Алисой открылась большая комната, стены которой были покрашены в оранжевый цвет.

— Музыкальный салон! — объявил пират.

Алиса увидела, что на полу комнаты, а также на нескольких столах стояли или лежали различного размера и формы барабаны и тамтамы. Крыс сидел на табурете перед громадным барабаном, втрое больше его самого, а перед стоявшим в другом углу Весельчаком У выстроились в ряд мал мала меньше двенадцать барабанчиков, перетянутых посередине ремешками, словно старинные красавицы в широких юбках.

При виде Алисы Крыс бухнул колотушкой по барабану, и утробный глухой грохот прокатился по дворцу. Вторя ему, Весельчак У дробно и часто принялся колотить по барабанам, словно по паркету бежало стадо оленей.

Вага Бычий Хвост заткнул уши, но Алиса и Пуччини, имевшие куда больший жизненный опыт, понимали, что каждый человек имеет право заниматься искусством и не следует делать вид, что тебе его занятия отвратительны.

Крыс бухал по большому барабану, Весельчак У молотил по маленьким, а Алиса подумала: как же мы мало знаем людей, включая собственных врагов. Всю свою сознательную жизнь она борется с пиратами, казалось бы, видела их уже много раз, но никогда не задумывалась, есть ли у них увлечения, слабости и чудачества. Ведь именно из этого состоят люди. Если человек любит стучать на барабане, то он еще не совсем потерян для Галактики. Он не автомат и не машина.

Видно, то же самое подумал и Пуччини-2. И когда последние гулкие удары прокатились по комнате, а исполнители опустили палочки и колотушки и с трудом перевели дух, не в силах сдержать удовлетворенных улыбок, он захлопал в ладоши и закричал:

— Браво!

Алиса поддержала его. Она тоже хлопала в ладоши. А Вага громко спросил:

— Вы что, с ума посходили?

И Весельчаку У, который услышал эти неприятные слова, стало так грустно, что он поморщился, как будто нечаянно разжевал лимон, а в глазах у него блеснула ненависть к юному индейцу.

— Спасибо! — искренне произнесла Алиса. — Я совсем не ожидала, что вы устроите здесь оркестр.

— В самом деле понравилось? — спросил Крыс, поправляя золотые кудри.

«Как жаль, — подумала Алиса, — что я знаю, как он выглядит на самом деле. Он похож на настоящую крысу и притом смахивает на скорпиона. Может быть, для своей мамы он был самым изящным и очаровательным ребенком на свете, но нам, к сожалению, этого не понять».

Крыс, словно прочел ее мысли, отвернулся и насупился.

Алиса только хотела сказать ему, чтобы пират не обижался, как двери снова растворились и в музыкальный салон вошли Панченги в сопровождении Боевой Подруги. Внимание тут же переключилось на них, и Алиса вздохнула с облегчением. По крайней мере, теперь пираты забудут о нетактичных словах Ваги и слишком красноречивом взгляде Алисы.

— Собрались! — закричал от входа Панченга-старший, спрятал в карман свои четки и ударил сапогом по ближайшему к нему барабану. Тот отозвался гулким стоном. — Таитесь, договариваетесь, как лучше поделить наши сокровища? Не удастся! Мы этого не допустим.

И он сделал шаг вперед и стукнул сапогом по барабану побольше, и на этот раз звук был куда более громким.

— А ну перестаньте безобразничать! — закричал Крыс. — Это же музыкальный салон, а не футбольное поле.

— Это тонкие, ценные инструменты, — поддержал его Весельчак У.

— Я тебе покажу тонкие инструменты, — завопил адмирал Панченга Скулити. Он обогнал своего папу и стал бегать по салону и с размаху колотить ногами по барабанам.

Грохот поднялся такой, что Вага убежал из салона, а Весельчак У начал вытаскивать из кармана бластер. Правда, это удалось не сразу, потому что он засунул его очень глубоко, чтобы тот не мешал музицировать на ударных инструментах.

Боевая Подруга поняла, чего хочет Весельчак У, и тоже вытащила из-за пояса бластер.

И тогда Пуччини-2 закричал, перекрывая грохот и крики:

— Раз! Два! Три! Замри!

И тут же все присутствующие в комнате замерли в тех позах, в которых застало их заклинание фокусника.

— Я думаю, — сказал Пуччини-2, — что для успеха наших переговоров нам лучше всего будет разоружиться.

И, сказав так, он быстро обошел всех замерших в комнате пиратов и разоружил их. Затем выбросил пистолеты и бластеры в угол музыкального салона и приказал:

— Три! Четыре! Пять! Прошу вас мышцы размять!

По комнате прокатилось движение и тяжелые вздохи. Придя в себя, пираты принялись было кричать на этот раз на Пуччини-2, но фокусник без особого труда сказал громче, чем все они:

— Если вы не перестанете вести себя как испорченные дети, мне придется вас заколдовать навсегда. И я не шучу.

В его голосе чувствовалась такая сила, что все замолкли.

— А теперь я передаю слово нашему хозяину, известному негодяю пирату Крысу, — сказал Пуччини-2.

В его голосе прозвучала ирония, и на месте Крыса любой бы из пиратов обиделся, если бы его так назвали. Но Крыс был неглупым человеком — недаром ему удавалось выпутываться из самых невероятных приключений. И когда нужно было что-то пропустить мимо ушей, он это делал очень умело.

— Спасибо за помощь, — сказал Крыс и склонил златокудрую юную голову. — Надеюсь, когда-нибудь я смогу отплатить вам взаимностью. Прошу всех проследовать за мной в соседнюю гостиную, где для нас накрыт небольшой скромный стол. Там мы и решим все наши проблемы, которых, как я понимаю, накопилось немало.

Опомнившись после урока, преподанного им Пуччини-2, все перешли в роскошный зал по соседству с музыкальным салоном. Там и в самом деле был накрыт стол, но очень скромный — на столе стояли лишь бутерброды, лимонад, а для желающих слуги разносили чашки с чаем или кофе.

Крыс, который явно был здесь главным, уже пришел в себя и уверенно командовал:

— Я вижу, что все устроились. И думаю, что для начала нам надо получше познакомиться.

— Куда уж лучше! — пробурчала Боевая Подруга.

— Я думаю, что мы сейчас представимся. Повторяю, каждый из нас. Включая меня. Я — демократ.

Весельчак У захлопал в ладоши.

Неправильно истолковав хлопки, повар выскочил из двери и склонился к толстому пирату, думая, что надо нести еду.

Весельчак У отмахнулся от него.

— Возражений нет? — спросил Крыс.

Адмирал Панченга Скулити обвел взором гостиную и уви-

дел, что в полуоткрытых дверях стоят пираты Крыса с бластерами в руках.

— Согласны, — сказал он первым.

— Тогда я начинаю, — произнес Крыс. — Я — правитель этой планеты, великий и знаменитый во всей Вселенной пират Крыс. Я вышел на покой, освоил вместе с моим другом эту планетку и помогаю по мере сил другим разбойникам, даю убежище, предоставляю кров и стол.

— Я могу только повторить то, что сказал мой друг Крыс, — произнес Весельчак У. — Мы помогли многим. Но не бескорыстно. Потому что мы не верим в бескорыстие. Лучше заплатить сразу, и тогда не испортишь отношений.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул Крыс, которому понравилась речь старого товарища.

Теперь пираты обернулись к папаше Панченге.

— Что я могу сказать, — произнес старый разбойник. — Я — филантроп.

Возникла пауза. Затем послышался голос Боевой Подруги:

— Это еще что такое, папаша?

— Филантроп — это любитель людей, — сказал Панченга-старший.

— Людоедство отменено и преследуется законом! — возмущенно крикнул Вага Бычий Хвост.

— Мальчик, не вмешивайся в разговор старших, пока не подошла твоя очередь, — остановил Вагу Крыс. — Любить людей можно необязательно в жареном виде. Некоторые любят людей за душевные качества.

Вага понял, как жестоко он ошибся. Он покраснел и опустил глаза.

— Я к тому же — директор научного института, — продолжал старший Панченга. — В моем институте замечательные ученые работают над важными проблемами. Мы стараемся помочь всему галактическому человечеству.

Алиса в удивлении обернулась к Пуччини-2. Тот поднял бровь — сам был удивлен.

— Я предоставляю ученым все возможности для работы и внедрения самых невероятных изобретений в жизнь. Но враги преследуют меня, и нам с учеными пришлось скрываться вот здесь... Но когда справедливость восторжествует, мы вернемся в центр Галактики!

— Врет, — сказал Пуччини-2 Алисе.

В тот момент как раз наступила тишина, и все услышали его голос.

— Простите, — сказал фокусник. — Я сказал слишком громко.

— Ничего страшного, — сказал Крыс. — Я тоже так думаю. Но мы не будем сейчас сводить счеты и искать правду. Лучше дадим слово другим нашим гостям.

— Со мной все ясно, — произнес адмирал Панченга Скулити. — Я путешественник. Я искал моего папу, чтобы воссоединить нашу семью. По дороге мне удалось поймать группу шпионов.

И адмирал показал на Пуччини-2.

Все ждали, что он скажет дальше. Но адмирал ничего больше не произнес. Тогда Крыс обернулся к Алисе.

— За всех нас ответит господин Пуччини-2, — сказала Алиса.

— Правильно, — сказал фокусник. — Дети полетели со мной, просто чтобы развлечься. А у меня есть цель.

— Какая? — спросил Весельчак У.

— Господин Панченга, — сказал фокусник, глядя в глаза старшему разбойнику, — крадет людей. А потом использует их в своих корыстных целях. Он украл родителей у девочки, которую зовут Лара Коралли. Они здесь, в так называемом институте, который на самом деле тюрьма для ученых. Мы прилетели для того, чтобы освободить супругов Коралли и воссоединить их с дочерью.

— Благородная цель, — сказал Весельчак У, не скрывая ухмылки.

— Не слушайте его! — возмутился Панченга-старший. — Он украл рабыню у моего сына!

— Да, он украл рабыню у моего брата! — кричал адмирал.

Крыс терпеливо подождал, пока Панченги прекратили кричать, и обратился к Весельчаку У:

— Что же получается, институт или не институт?

— Институт! — закричал старший Панченга.

— Тюрьма! — заявил фокусник.

— Это становится интересным, — сказал Весельчак У. — Как же нам проверить, кто из них говорит правду?

— А мы спросим самих ученых, — сказал Крыс. — Это будет справедливо.

— Это мой институт! — возмутился старший Панченга. — Я не позволю.

— А тебя и спрашивать не будут, — сказал Крыс. — Ты у меня на планете, и здесь мои законы.

— Но я же заплатил за убежище три тонны алмазов!

— Как стыдно! — покачал головой Весельчак У. — Как стыдно говорить о деньгах в таком благородном обществе. А ну, приведите сюда ученых, которых притащил с собой этот старый плут Панченга. Вводите их по штуке. Пускай рассказывают, чем занимаются и чего хотят.

Панченги пытались было спорить, но вскоре им пришлось замолчать. Силы были неравны. А Крыс с Весельчаком У посмеивались над ними, как сытые коты над мышами.

Глава 4

РАЗГОВОРЫ С УЧЕНЫМИ

«Что ж, — подумала Алиса, — могло быть и хуже. По крайней мере, Панченги теперь вынуждены будут показать ученых, а уж потом Пуччини-2 наверняка придумает, как освободить родителей Лары из неволи».

Первым под охраной пиратов в гостиную вошел старый человек с длинной бородой, завитой в седую косу и заправленной за пояс. Этот старик, который с достоинством поклонился собравшейся за столом компании, представился как профессор Валишели с Криптелы — небольшой планеты, о которой Алиса что-то читала, но что — забыла. Впрочем, это было сейчас неважно.

— Скажите, пожалуйста, профессор, — сказал Весельчак У, надувшийся еще толще от сознания своего величия, — что вы можете рассказать о Панченге и институте, в котором вы якобы работаете?

— О! — воскликнул профессор. — Я так благодарен академику Панченге! Мы все, ученые, страшно благодарны ему, мы даже избрали его президентом нашей небольшой Академии наук!

Слушая этот странный монолог, Панченга-старший важно кивал головой и медленно перебирал похожие на виноград четки. Он вовсе не казался удивленным.

— Вы благодарны ему? — спросил Пуччини-2.

— Разумеется. Мы все благодарны.

— И что же вы делаете в институте? — спросил Весельчак У, знаком приказав фокуснику замолчать и не мешать ему вести допрос.

— Каждый из нас занимается любимым делом.

— И какое же у вас любимое дело?

Профессор обернулся к Панченге и спросил:

— Вы не возражаете, президент-академик?

— Валяй! — сказал старый пират.

Но усмехнулся, притом не скрывая удовольствия, потому что пираты и разбойники любят, когда их называют академиками, профессорами или писателями. Они очень легко верят в то, что и на самом деле знают толк во всех науках и искусствах. И особенно много среди разбойников всегда было историков и экономистов — они с наслаждением учат людей тому, что было, что будет, и тому, как надо жить и тратить деньги. А вот математиков и физиков среди разбойников не встречается — для этого надо хотя бы научиться считать до двадцати пяти, а таких образованных редко держат в разбойниках.

Старый ученый осторожно вытащил из-за пазухи баночку с землей и поставил ее на стол. Затем вынул из кармана пакетик и высыпал из него на ладонь горстку мелких семян.

На глазах у внимательных зрителей старик кинул семена в банку и попросил разрешения полить их из бутылки с минеральной водой, что стояла на столе.

— Внимание! — воскликнул Панченга-академик. — Сейчас будет самое интересное!

И на глазах у всех собравшихся из банки, пробившись сквозь землю, полезли тонкие зеленые ростки. Через минуту они достигли высоты в сантиметр. Видно было, как они движутся, тянутся к свету, распускают листики.

— Говори! — приказал президент Панченга.

— Нами, — произнес старый ученый, — разработаны скоростные семена. При посадке их в почву они дают всходы немедленно. И к обеду пшеница уже колосится. Таким образом, мы можем обойтись без амбаров и хранилищ зерна. Если вам понадобилась пшеница или ячмень, то вы выходите в поле и сеете столько зерен, сколько вам нужно. А назавтра утром вы кушаете свежий хлеб.

— Ну как? — спросил старший Панченга, когда старик отошел на шаг, склонив голову и любуясь тем, как поднимаются в банке зеленые стебли.

Зрители наградили старика аплодисментами. Тот раскланялся. Алиса тоже вежливо похлопала в ладоши, хотя отлично знала, что ничего особенного старик профессор не изобрел. Опыты с быстрорастущими растениями Алиса с ребятами ста-

вили на биостанции на Гоголевском бульваре еще раньше. И вырастили, сами того не желая, целый лес на Арбатской площади.

— Ну, ну! — остановил аплодисменты старый Панченга. — Вы мне мои научные кадры избалуете.

— Послушай, — сказал Крыс, — а на что тебе этот ученый-мученый? Ты что, пшеницу решил разводить?

— Простите, но на космическом корабле имеет смысл выращивать быстрые растения для пополнения запасов пищи! — сказал профессор.

— Запасы пищи надо отнимать у встречных-поперечных, — возразил Крыс. — А выращивают пускай мужики.

Весельчак У расхохотался так, что чуть не хлопнулся со стула.

— А мы и не собираемся пшеницу разводить, — сказал старый Панченга. — Ты правильно рассудил, Крыс. Я бы этого старого козла не стал кормить, если бы от его изобретения мне не было пользы. А ну, старик, показывай, как ты выполняешь мои советы!

Старик смутился. Он ломал пальцы и переминался с ноги на ногу.

— Господин президент, — произнес он, — с исполнением ваших ценных указаний произошла некоторая задержка.

— В чем дело?

— Дело в семенах. Семена, вернее, зародыши еще недостаточно, как вам сказать... колючие.

— Ты меня обманываешь, старый козел?!

— Я вам обещаю, господин академик, — взмолился старик, — что в самое ближайшее время ваше указание, ваше мудрое повеление будет исполнено!

— Не в ближайшее время, — жестко произнес Панченга, — а послезавтра. Иначе знаешь, что будет?

— Знаю, господин президент. — Почему-то старый профессор с ужасом глядел на пальцы Панченги, которые перебирали четки.

— Тогда забирай свои вонючие травки и катись отсюда!

Разбойник поднял тяжелый кулак, и старик, подхватив банку, быстро-быстро задом засеменил к двери. Там он угодил в подставленные руки пирата, тот развернул старика и наподдал ему в спину коленкой. Старик исчез...

В комнате наступила тишина. Многим стало неловко за

поведение разбойника, но сам Панченга и его сын в два голоса хохотали, а Весельчак У хихикал, вторя им.

— Послушайте, — высоким голосом произнес Вага Бычий Хвост. — Как вам только не стыдно так обращаться с пожилым человеком? Я вызываю вас на поединок!

Его слова относились к пирату, который стоял у двери и ударил старого ученого.

Вага отважно направился к нему, но хитрый Крыс увидел, как поднимается со своего места фокусник Пуччини-2, как побледнела Алиса.

— Спокойно! — закричал он. — Все остаются на местах! Я здесь хозяин и не допущу никаких нарушений порядка.

Он говорил так уверенно, что все остановились.

— Я недоволен тобой, Панченга, — продолжал Крыс. — Если ты так хочешь наказывать своих ученых, делай это у себя на корабле. А здесь наказываю только я сам!

— Ладно уж, — проворчал Панченга. — Конечно, это мой раб, что хочу с ним, то и делаю. Но чтобы не портить твоего настроения, я больше их колотить не буду. Но ты меня тоже пойми: я уже второй месяц жду, когда он улучшит свое изобретение, а он тянет — совсем старый стал.

— А как ты захотел улучшить это изобретение? — спросил Крыс.

— А я все изобретения моих мымриков улучшаю, — рассмеялся Панченга. — На то у меня котелок на плечах! Когда я этого старичка поймал, я подумал: а на что мне пшеница? На что? А что, подумал я, если взять колючку? И через полчаса у меня будет колючая проволока!

— Но ведь колючая проволока железная! — вырвалось у Алисы.

— Вот мы и ищем такие колючки, которые были бы не мягче железа, но живые. Только старый он стал, медленно ищет.

— Молодец, — сказал Крыс. — Вот что значит разбойничья голова!

— Будет у меня такая быстрорастущая колючая проволока, я ее всюду смогу использовать. На ночь лагерь в пустыне устрою, посыплю вокруг колючек, а через полчаса вокруг загородка — на танке не проедешь! Поймал пленников или рабов — окружил их колючей проволокой... Эх, скорее бы он свое дело делал!

— Ясно, — сказал Крыс. — Зовем следующего?

— Зовем, — сказал Панченга-старший и усмехнулся. — Прошу любить и жаловать!

По приказу Крыса в комнату втолкнули изможденного, оборванного ушана с планеты Блук. Алисе там приходилось бывать, она когда-то пережила удивительные приключения на базаре в тамошнем городе Палапутра. Так что к ушанам она относилась с большой симпатией.

— Ах ты, упрямец! — встретил его криком Панченга-старший. — Ну, показывай моим друзьям, что ты изобрел!

Ушан печально поклонился разбойнику и, не отрывая взгляда от его четок, раскрыл потертый портфель, который нес в руке, и вытащил оттуда сверток, завернутый в мягкую бумагу.

Из бумаги он вынул пару туфель, похожих на домашние шлепанцы.

— Ну! — торопил его Панченга-старший. — Мы ждем! — С тяжелым вздохом ушан надел туфли. В тот же момент они потащили его ноги в разные стороны. Разгоняясь, он проехал через всю комнату и, стараясь закрыться руками от удара, со всего размаха въехал в стену.

Ушан упал, а туфли продолжали носиться по комнате, как будто в них были спрятаны взбесившиеся моторчики.

— Ну вот, — сказал Панченга с притворным расстройством, — опять ушибся! Опять будешь синяки залечивать.

— Простите, господин президент Академии, — ответил плачущим голосом ушан. — Я нечаянно.

Он пополз по полу в погоне за туфлями, с трудом догнал их и начал заворачивать в бумагу.

— Нет, ты объясни обществу, — потребовал Панченга, — объясни, почему ты тянешь с работой, обманываешь человечество?

— Попрошу вас подождать еще немного, ну хоть неделю. Я найду этот секрет!

— Но ты помни, чем грозит обман!

— Я знаю, господин президент. Я же не ем, не пью, не сплю...

— А вот это лишнее, — сказал укоризненно разбойник. — Мне нужны живые академики. И костюм погладь, стыдно перед обществом!

Забрав сверток с туфлями и униженно кланяясь, ушан покинул комнату, и все обернулись к Панченге-старшему в ожидании ответа на загадку.

— Видели, что он изобрел? — спросил Панченга. — Он

изобрел способ, как избавиться от трения. Такую мазь изобрел. Только ею что смажешь, трения — как не бывало! Да вы сами видели. У него туфли без трения.

— Это очень смешно, — сказал Весельчак У. — Только какой в этом изобретении смысл?

— А тот смысл, господин Весельчак У, — сказал папаша Панченга, — что, если смазать этим составом подступы к крепости, ни один заклятый враг не сможет в нее забраться. Только подойдет — тут же шмяк задом об асфальт!

— И в чем же проблема? — спросил Крыс.

— А в том, что он набрал мази на две подошвы, и больше не получается. Говорит, сырье некачественное! Ну, я ему покажу — некачественное!

Панченга-старший перебирал в жирных пальцах разноцветные четки, каждая бусина в них — размером с виноградину.

— Давайте следующего! — приказал Крыс. — Не весь же день нам на твоих ученых глазеть!

— А почему не поглазеть? — ответил Панченга-старший. — Это же сокровища! И каждый — гений! А всего их у меня тридцать голов.

— Тридцать? — ахнула Алиса.

— И тридцать изобретений, — ответил Панченга. — И каждое изобретение может удивить мир. И каждое изобретение я так переворачиваю с ног на голову, что даже изобретатель никогда бы не догадался без моей благородной помощи.

Пока Панченга смеялся и ему вторил сынок, пираты ввели еще одного изобретателя. Он был щеголеватым, стройным, почти трехметровым сирианцем, несколько похожим на зеленую ящерицу, гуляющую на задних лапах.

— Ага! — воскликнул при виде его старый разбойник. — Надеюсь, ты уже сделал, что тебе велели? Мое терпение истощается!

И Панченга указал пальцем на одну из бусин своих четок.

— О, простите, великий академик! — воскликнул сирианец. — Но осталось совсем немного!

— Ну, покажи моим друзьям, что мы с тобой умеем делать, — велел Панченга.

— Как прикажете. — Сирианец вынул баллон с распылителем. Вернулся к двери и жестом отогнал от нее стражника. Затем молча опрыскал дверь прозрачным раствором.

— Давай, давай! — торопил его Панченга. — Не можем же мы вечно тебя ждать.

— Одну минутку, чуть подсохнет!

Наконец, убедившись, что раствор высох достаточно, сирианец шагнул к двери, протянув вперед зеленоватые тонкие руки. И вдруг, ко всеобщему удивлению, его руки до половины прошли сквозь дверь.

— Ну! — Панченга даже привстал. — Давай, давай! Еще немного, и пройдешь.

Сирианец старался пройти сквозь дверь, но застрял посередине, руки почти по плечи — на одной стороне, туловище — на другой. Он дергался, рвался, старался, но ничего не получалось, хотя Панченга-старший очень сердился и готов был подбежать к сирианцу и протащить его сквозь дверь.

— Нет, — сказал наконец сирианец, устав бороться с дверью. — Слой не получается ровным. Молекулярный состав хромает.

— А ты его выпрями! Сколько можно ждать!

— Вы же знаете, я тружусь не покладая рук.

Ученый выглядел страшно расстроенным, даже его хохолок упал набок, что у сирианцев свидетельствует о крайнем душевном волнении.

— Ведь притворяется, — сказал Панченга. — Придется наказать.

Он снова взялся за бусинку. Пуччини-2, который внимательно наблюдал за ним, вдруг произнес:

— Не надо, господин Панченга. Это слишком жестоко и несправедливо.

— А ты откуда знаешь? — изумился Панченга.

— Я многое знаю, — ответил фокусник.

— Ладно уж, иди и работай, — смилостивился Панченга, и сирианец, вдвое согнувшись в дверях, покинул гостиную.

— Может, хватит? — спросил Весельчак У. — Я страшно как проголодался.

— Простите, — сказал фокусник, — мы хотели встретиться с супругами Коралли.

— Ах да! — Крыс сделал вид, что забыл о просьбе фокусника. — Конечно же, покажите нам профессора Коралли!

— Не имею ничего против, — сказал Панченга.

«Что-то он такой сговорчивый, — подумала Алиса. — Не иначе как замыслил какую-нибудь каверзу».

На этот раз пришлось ждать несколько минут. Панченга объяснил:

— Наверное, отдыхают. Они у меня устают, ученые. Головки у них слабые, мозгов слишком много.

Наконец в дверь втолкнули невысокого черноволосого мужчину, при первом же взгляде на которого Алиса поняла — это отец Лары Коралли.

— Карл Коралли, прошу любить и жаловать! — воскликнул старый разбойник.

Карл Коралли гордо поднял голову, и все увидели, что на виске у него кровоподтек, глаз подбит и лоб оцарапан.

— Ну вот, — вздохнул Панченга. — Опять, наверное, ввязался в пустую драку. Удивляюсь я тебе. Молодой профессор, достойный ученый, доктор наук — а такой невыдержанный характер! — Панченга развел руками, как бы приглашая всех разделить его огорчение по поводу того, какой плохой характер у молодого ученого.

Карл Коралли молчал и лишь внимательно обводил взглядом собравшихся в гостиной людей.

— А где ваша жена? — спросила Алиса, прежде чем Панченга успел что-либо еще сказать.

— Кто? — Коралли удивился.

— Ваша жена, мама Лары Коралли.

— Лара! — воскликнул ученый. — Моя Ларочка! Вы ее знаете? Где она? Она жива?

— Не беспокойтесь, — сказала Алиса.

Но тут вмешался Панченга.

— Поговорили — и хватит, — заявил он. — Пора и делом заняться. — И, видя, что Коралли готов и дальше задавать вопросы, оборвал его суровым голосом: — Молчать и подчиняться! Забыл, что ли?

И старый разбойник помахал в воздухе своими четками.

При виде их Коралли сжался, как будто его ударили.

— О нет! Умоляю вас! — прошептал он распухшими губами.

— То-то же, тогда рассказывай гостям, что ты изобрел.

— Вы же знаете, — сказал Карл Коралли. — Мы с моей женой Салли Коралли изобрели консервирующие кристаллы.

— Вот именно, — согласился Панченга.

— Что это такое? — спросил Пуччини-2.

— Вот... — Рука Коралли поднялась было, но замерла в воздухе на полпути.

Голос Панченги, остановивший жест ученого, был тихим и предвещающим опасность. «Как будто зашипела гремучая змея», — подумала Алиса.

— Ты рассказываешь нам о своем изобретении, — сказал Панченга, — и потом тихо, на цыпочках, уходишь отсюда к себе в камеру и сидишь там, ждешь моей милости. И ты знаешь, что будет с тобой, если ты произнесешь хоть одно лишнее слово.

— Я все знаю, — ответил Коралли мертвым, покорным голосом. — Я должен вам сказать, что изобрел небольшие кристаллы, в которые можно под влиянием особых лучей превратить любой продукт или материальное тело и хранить сколько хотите. Мое изобретение очень полезно при длительных перевозках. Вы можете законсервировать корову в шарике размером с виноградинку, — Коралли как бы невзначай показал на четки в руках Панченги, — и она останется заточенной там сколько угодно времени. Президент Академии наук господин Панченга высоко оценил мое изобретение и вынес мне благодарность. — Коралли провел пальцем по виску. — Мы все, находящиеся здесь ученые, рады служить этому великому ученому и организатору науки, который не жалеет сил и времени, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

— Все! — приказал Панченга. — Уведите его.

— Нет! — вырвалось у Алисы.

— Уведите, уведите, — сказал Крыс. — Дело принимает интересный оборот. Есть о чем поговорить.

— Да, — спокойно согласился Пуччини-2, — нам теперь есть о чем поговорить.

— Но вы забыли, зачем мы сюда прилетели! — закричал возмущенно Вага Бычий Хвост. — Мы прилетели, чтобы спасти родителей Лары Коралли!

— Помолчи, мальчик, — сказал Пуччини-2.

— Правильно, ему следует помолчать, — согласился Весельчак У.

Алиса поняла, что ей сейчас не следует вмешиваться и мешать фокуснику. Дверь за Карлом Коралли закрылась. Он покорно ушел к себе в камеру.

Глава 5

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

— Ну что ж, поговорим о деле, — сказал Пуччини-2.

— Не о чем нам говорить, — ответил старший Панченга. — И не вмешивайтесь в наши дела.

— Но вы же держите людей в плену! — заявил Вага. — Это каждому видно.

— Никто из них не возражает, — ответил Панченга. — Всем это нравится. Если не верите, вызовем снова моих ученых, и они поклянутся, что слаще, чем у меня, они никогда не жили и мечтают остаток своих дней трудиться и дальше под моим руководством.

— Не кажется ли вам, уважаемый Крыс, — обернулся Пуччини к главному пирату, — что мы имеем дело с очень серьезным преступлением?

— Как вам сказать, — пожал плечами Крыс, — я должен признаться, что всю свою сознательную жизнь я имею дело с серьезными преступлениями, причем я сам их и совершаю.

— И все же я позволю вам напомнить, — сказал Пуччини-2, — что бывают просто преступления и преступления подлые.

— Объясните мне разницу, я не совсем вас понял.

— Если вам понравился цветок во дворце и вы его сорвали, это будет просто преступление.

— А если этот цветок — последний в мире и занесен в Красную книгу? — спросил Крыс и сам же засмеялся.

— Вы меня понимаете, — рассердился Пуччини-2, — зачем же притворяться?

— Вы правы, — вдруг согласился с фокусником главный пират. — Я знаю, что, если патрульные крейсеры отыщут мое убежище, они начнут требовать, чтобы я отчитался в моих доходах. Но так как я бросил пиратское ремесло, то им будет трудно доказать, что я в чем-то виноват...

— Но если вы будете укрывать семейку Панченгов, — сказал Пуччини-2, — то вряд ли вас пощадят.

— Это еще что такое? — возмутился адмирал Панченга Скулити. — Мне кажется, что кто-то хочет нас предать. Я должен предупредить, что без боя мы не сдадимся, и еще неизвестно, кому после боя будет принадлежать эта планетка.

— Адмирал, адмирал, — вмешался Весельчак У, — не обращайте внимания! Мой друг шутит! Как только вы отдадите нам половину своих ученых с их изобретениями, мы сразу же забудем о всех ваших преступлениях.

— Как? Разве мало мы вам заплатили?

— Тогда мы не знали, какие у вас есть еще ценности, — сказал Весельчак У.

— Никогда!

— Ах, никогда... — Крыс поднял руку, собираясь вызвать

стражу, но Панченга опередил его. Он выстрелил в пирата из бластера, и Крыс закричал ужасным голосом, когда зеленый луч коснулся его плеча. В то же мгновение от боли он потерял облик прекрасного золотоволосого юноши и принял свой естественный вид — страшного скорпиона человеческого роста. Скорпион поднял ядовитый хвост, разрывая им остатки обугленной одежды, и ринулся к перепуганному Панченге. Весельчак У кинул в Панченгу кинжалом, тот еле успел увернуться... Вага Бычий Хвост тоже ринулся в гущу битвы, хотя совершенно непонятно было, с кем же он собирался сражаться.

— Пуччини! — закричала Алиса, понимая, что сейчас многие могут погибнуть.

— Раз! Два! Три! Замри! — прокричал заклинание фокусник, и в это же мгновение все в гостиной замерли в тех позах, в которых застигло их последнее слово Пуччини.

Это была удивительная сцена, вряд ли нашелся бы художник, способный изобразить ее на картине.

И главное — сразу же наступила такая тишина, что стало слышно, как о стекло окна бьется муха.

Пуччини-2 совершенно не удивился. Он ожидал этого. И знал, что надо делать.

Он прошел к растопырившему ручищи старшему Панченге и вынул из его омертвевших пальцев цепочку разноцветных виноградин — четки.

— Правильно, — сказала Алиса. — Я тоже так подумала.

Пуччини-2 поднял виноградины к свету, словно стараясь разглядеть, есть ли что внутри их.

— Вот эти цепи, которыми он опутал несчастных ученых, — сказал старый фокусник. — Это кристаллы, изобретенные несчастным Карлом Коралли и его женой. В них в живые консервы превращены все те, кого Панченга держит у себя в плену. Я догадываюсь, что в этих четках томятся в беспамятстве жены, дети, родные и близкие ученых. И если ученый посмеет отказаться работать на разбойника, то Панченга угрожает шарик раздавить...

— Так выпустите их на волю! — воскликнула Алиса.

— А как?

— Вызовите Карла Коралли!

Но вызывать его не пришлось. Послышались шаги, дверь распахнулась, и вбежал преследуемый стражником Карл Коралли.

— Лучше смерть! — закричал он и замер, пораженный зрелищем.

Стражник тоже остановился, не смея сделать ни шагу.

— Молодой человек, — вежливо произнес фокусник, словно они беседовали с Коралли на лужайке, — покажите мне, пожалуйста, как освободить несчастных!

— Дайте! Дайте сюда! — Коралли бросился к четкам и нежно, но крепко сжал их в руках. — Скажите, пожалуйста, вы смогли бы удержать эту свору еще на несколько минут? Мне потребуется время, чтобы вернуть к жизни всех несчастных!

— Постараюсь, — улыбнулся фокусник.

— Господин Пуччини, — обратилась к нему Алиса, — мне кажется, что значительно лучше будет снова превратить всех пиратов в лилипутиков.

— Нет, — сказал фокусник. — Они же разбегутся! Как тараканы.

— Не разбегутся! — Вага Бычий Хвост кинулся к стоявшей в углу кадке с пальмой, решительно потянул пальму за листья, кадка опрокинулась набок, и пальма — вся, с корнями, с землей — вывалилась наружу. — Вот она, замечательная тюрьма для злодеев-лилипутов!

— Ну что ж, — согласился фокусник, — в этой идее что-то есть.

И, произнося каждый раз соответствующее заклинание, он принялся по очереди превращать замерших пиратов в лилипутов, затем оживлять и двумя пальцами осторожно опускать в кадку.

Убедившись в том, что она не нужна фокуснику, Алиса стала помогать Карлу Коралли, который смазывал каждую бусину четок специальным раствором из пробирки, хранившейся у него в кармане. Затем осторожно укладывал шарик на пол. И тут происходило чудо: шарик темнел и принимался расти. Шарики росли довольно быстро, но все же прошло несколько минут, прежде чем они стали метровыми. Словно гигантскими икринками, в которых можно было угадать зародыши.

— У нас еще есть немного времени? — спросил Коралли.

— Пять минут, — ответил фокусник. — Я думаю, что мы успеем пригласить сюда ваших коллег. Они же, наверное, сильно переживают.

— Я вам буду очень благодарен, — сказал Коралли.

Тогда фокусник в сопровождении Ваги побежал к камерам, где были заточены ученые, а Алиса осталась присматри-

вать за лилипутами, чтобы не вылезли из кадки. Она наклонилась над кадкой, но вела себя осторожно — она знала, как больно может ужалить пуля из лилипутского пистолета.

Ожившие пираты бегали по дну кадки, махали ручонками, лишь Весельчак У и Крыс стояли в сторонке, в суете не участвовали и даже не глядели наверх. Алисе было жалко Крыса, который был немного обожжен лучом бластера, и она сказала:

— Я попрошу фокусника вас увеличить, Крыс и Весельчак У. Потому что сейчас вы почти ни в чем не виноваты.

— Спасибо! — еле слышно пропищал в ответ Весельчак У.

В этот момент сзади раздался хлопок, будто лопнул большой воздушный шарик. Алиса обернулась. Так и есть: первый из шаров Карла Коралли лопнул. И из него вышла полная, сонная ушанка, уши которой повисли, как у пуделя. Она чуть не упала, и Алиса кинулась к ней, чтобы ее поддержать.

— Где мой муж? — прошептала ушаночка. — Где мой дорогой профессор? Что со мной сделали?

— Сейчас, — сказала Алиса, — сейчас он придет.

Тут лопнул еще один шар, в нем сидели два старичка, худеньких, зелененьких и очень длинных. Алиса сразу догадалась, что это родители сирианского изобретателя. Она хотела было прийти к ним на помощь, потому что старички никак не могли встать на ноги, но ушаночка ее не отпускала.

А тут лопнул еще один шар... затем еще один, еще... Из каждого выходил какой-нибудь человек, а то и целая семья.

К счастью, в этот момент в открывшуюся дверь толпой хлынули ученые, которых освободили фокусник с Вагой. При виде дорогих своим сердцам родственников и любимых они начали кричать, рыдать, перебивая друг друга, и все устремились к лопающимся шарам — консервам Карла Коралли.

Сам же Карл перебегал от шара к шару, но его все время постигало разочарование. И лишь из последнего шара вышла наконец его любимая жена — красавица Салли Коралли. Она кинулась к Карлу, Карл кинулся к ней, они обняли друг друга, и Карл закричал:

— Наша дочь Лара нашлась!

И от счастья оба Коралли упали в обморок.

Но никто этого, кроме Алисы, не заметил, потому что в гостиной царило страшное столпотворение — наконец-то встретились мужья и жены, родители и дети, возлюбленные и просто дорогие друг другу существа, коварно разлученные

Панченгой-старшим, для того чтобы надежно держать в руках и угнетать несчастных ученых.

«Ну и семейка, — подумала Алиса, с радостью глядя на суматоху, крики, плач, смех, объятия, царившие вокруг. — Ну и Панченги! Один из них пиратствовал, грабил, захватывал в плен людей, другой отнимал у них детей и держал на своей сиенде, а третий придумал академию-тюрьму. Какими бы ни были разбойниками и грабителями Весельчак У и Крыс, все равно они — честные пираты. Они ведут себя по правилам. Не станут же они детей и стариков заточать в кристаллы только для того, чтобы выращивать колючую проволоку!»

Алиса подошла к фокуснику, который с таким же, как она, интересом наблюдал за встречей родных, и попросила его:

— Господин Пуччини, я думаю, что мы не должны становиться такими же, как братья Панченги. Как вы думаете?

Фокусник поглядел на Алису, улыбнулся и ответил:

— Ты права.

Он умел догадываться о чужих мыслях с одного слова.

Пуччини подошел к кадке, вытащил оттуда Крыса и Весельчака У, затем Алиса извлекла двух пиратов из команды Крыса. И фокусник, щелкнув пальцами, произнес нужные заклинания.

В следующее мгновение Крыс, Весельчак У и их пираты стояли рядом с ними. Пираты потянулись было за своими бластерами, но Крыс, обожженный, ободранный, уродливый и несчастный, сказал:

— Не надо суеты, мальчики, идите отдыхайте.

— Мы не обижаемся, — сказал Весельчак У. — С самого начала нам надо было понять, с кем мы имеем дело.

— Это не пираты, — сказал Крыс. — Это позор для грабительского племени!

— Хотите, я вас перевяжу? — спросила Алиса, хотя, честно говоря, ей не очень хотелось перевязывать скорпиона, хоть и знакомого.

— Не стоит, но спасибо, — сказал Крыс. — На мне все быстро заживает. Я пойду приведу себя в порядок, а ты, Весельчак У, побудь здесь и позаботься, чтобы никто не обидел наших гостей.

— Их обидишь! — улыбнулся Весельчак У. — Они сами какого хочешь пирата обидят.

И он рассмеялся, потому что, как свойственно большинству пиратов, был легкомысленным и не слишком умным.

Крыс с трудом превратился в танкиста и вышел, под охраной пиратов, из гостиной.

К Пуччини-2 подошел Карл Коралли. Он вел за руку свою жену.

— Подтвердите, пожалуйста, Салли, что наша крошка жива и здорова!

— Я совсем недавно с ней разговаривала, — сказала Алиса.

— И я тоже! — вышел вперед Вага Бычий Хвост. — Меня зовут Вага Бычий Хвост, но это временное, детское имя, и как только я совершу подвиг, я поменяю это имя на другое, более мужественное.

— Бычий Хвост? — удивилась Салли. — Это удивительно! И что же вы хотели сказать мне, молодой человек?

— Я хотел объяснить вам причину моего желания совершать подвиги, — продолжал Вага. — Дело в том, что я влюбился в вашу дочь.

— Что? — Салли Коралли была в ужасе. — В мою крошку?

— Ну, она не очень крошка, — поправил Салли муж. — Ей уже четырнадцать лет.

— Для меня она всегда крошка!

— Нет, вы не подумайте, — сказал Вага. — Я не собираюсь на ней пока жениться.

— Слава богу, он не собирается! — воскликнула Салли.

— Но как только я совершу подвиг и поменяю имя, я к вам вернусь.

— Надеюсь, это случится не скоро, — сказала Салли.

— А я надеюсь, что скоро, — решительно заявил юный индеец. — Поэтому попрошу вас проследить, чтобы Ларочка не вышла замуж за кого-нибудь еще. А то я бываю страшен в гневе!

Салли хотела было заявить что-то еще, но муж отвел ее в сторону.

— Милая, — сказал он ей, — мы так давно не видели дочурку, что совсем не знаем, какой она стала и чего ей хочется.

Ей хочется быть принцессой и красиво одеваться, чуть было не сказала Алиса. Но сдержалась. Ведь, может быть, ее родители совсем не хотят, чтобы Лара была принцессой. Ведь они не короли.

— Надо собираться, — сказал фокусник. — Твоя симферопольская бабушка никогда не простит мне, что я полетел сюда без нее.

— Вага, ты идешь? — спросила Алиса, когда фокусник на-

правился к кадке, чтобы пересадить семейство Панченгов себе в карман и отвезти инспектору Крому.

Вага не слышал Алису. Он уже подошел к Весельчаку У и сказал:

— Можно обратиться к вам с просьбой?

— Валяй, — сказал Весельчак У, довольный тем, что все для него кончилось благополучно.

— Меня зовут Вага Бычий Хвост, — сказал индеец.

Весельчак У уже слышал об этом, но не удержался и вновь захохотал.

Вага терпеливо, не обижаясь, дождался, пока пират отсмеется.

— Мне нужно совершить подвиг, — сказал он, — иначе я не могу жениться.

— А чем же я могу тебе помочь?

— Возьмите меня в пираты. Наверное, я тогда смогу быстро отличиться.

— Молодой человек, — сказал наставительно старый пират, — мы не совершаем подвигов, мы безобразничаем. Мы грабим и убиваем. Даже таким отпетым негодяям, как я, подобная жизнь в конце концов надоедает. Стыдно становится. Ведь не случайно мы с Крысом бросили грабежи и занимаемся честным сбытом награбленного. Так что я советую тебе, Бычий Хвост: иди в университет и совершай там подвиги — сдавай экзамены на пятерки.

И Весельчак У громко рассмеялся, довольный собственным остроумием.

А Вага отошел от него расстроенный — ведь подвиги откладывались на будущее.

Весельчак У приблизился к фокуснику и сказал:

— Вам надо лететь домой. Должен сказать, что могу предложить вам неплохой корабль «Черная смерть», сам на нем бы летал, да надоело. Берите его напрокат, только деньги вперед.

— Весельчак У, откуда у нас деньги? — удивилась Алиса.

— И за каждого ученого, который полетит с вами, тоже вперед, — сказал Весельчак У.

— Это проще простого, — сказал фокусник и провел рукой перед лицом Весельчака У. И вынул у него из уха бриллиант размером с голубиное яйцо.

Весельчак У посмотрел бриллиант на свет, попробовал его надкусить и спросил:

— Настоящий или снова фокусы?

— Если будут жалобы, запомните мой адрес, — сказал Пуччини-2. — Земля. Москва. Цирковое училище. Директору.

— Или мне напишите, — сказала Алиса.

— Твой-то адрес мы хорошо знаем, — сказал Весельчак У.

Он проводил шумную толпу гостей до выхода на поле космодрома, показал, где стоит «Черная смерть», отдал фокуснику ключи от корабля, а потом отозвал в сторону Алису и сказал:

— Нас с тобой, Алиса, не раз сталкивала жизнь. Можно сказать, что ты перевоспитала меня своим благородным примером. Поэтому я прошу тебя взять на память от меня небольшой подарок.

И он протянул Алисе бриллиант, который получил от фокусника.

— Ой! — удивилась Алиса. — Мне не нужно!

— Не нужно — еще кому-нибудь подаришь.

Алиса внимательно посмотрела на пирата и сказала:

— Я знаю, в чем дело, Весельчак У. Ты не веришь, что бриллиант настоящий.

— С фокусниками это бывает.

— Но гордость не позволяет тебе признаться в том, что ты не веришь гостю.

— У каждого своя гордость.

— Спасибо за подарок, — сказала Алиса.

— Можешь его передать этой самой девочке... бывшей рабыне. Ларе.

— Так я и сделаю.

Алиса пожала пухлую руку пирата и побежала к кораблю. Когда «Черная смерть» поднялась над планетой, Алиса рассказала фокуснику о подарке Весельчака У.

— Ах, как нехорошо получилось! — воскликнул фокусник. — Мне и в голову не приходило обманывать пирата. А он, видно, так привык всех обманывать, что и обо мне так же думает.

— А разве бриллиант настоящий?

— Ах, Алиса, Алиса, — упрекнул ее Пуччини-2. И хлопнул в ладоши.

— Что вы делаете? — спросила Алиса.

— Секунду назад, — ответил фокусник, — перед носом Весельчака У появился алмаз размером с арбуз. И подарить некому...

— Тогда я пойду поставлю для всех чай, — сказала Алиса.

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

Глава 1

КТО МУЖ ШЕХЕРЕЗАДЫ?

У Алисы было плохое настроение.

Она не пошла на каток с Пашкой и даже не стала смотреть свой любимый мультик. Она бродила по дому и места себе не находила. Все у нее валилось из рук.

За Алисой бродил домашний робот Поля. Он страшно по ней соскучился и поэтому приставал с глупыми разговорами.

— Вчера, — говорил он, — на последней минуте второго периода Лукьяненко такую шайбу вколотил в правый верхний угол... зашатаешься! Я записал на пленку. Хочешь, прокручу?

— Нет, не хочется.

— Вчера звонил Аркашка Сапожков и просил тебе передать, что у жирафа Злодея родились близнецы. Спрашивал, что делать?

— Скажи ему, пускай переименует жирафа в Злодейку, — ответила Алиса.

— А в школу ты завтра пойдешь?

— Нет, не пойду.

Вот тут робот замер в ужасе. Конечно, Алиса не была круглой отличницей, но учиться она любила.

От двери в кухню Алиса обернулась и добавила:

— Кроме того, я прекращаю есть, пить, гулять и играть в пинг-понг.

Если бы робот мог, он бы в этом месте зарыдал. Но роботы не плачут. Поэтому он только воскликнул:

— О, скажи, моя Алисочка, кто тебя так обидел? Ведь все в твоей жизни складывается замечательно. Ты только что возвратила детям планеты Уксу железную дорогу и одолела целую толпу тиранов на планете Тишина. Ну откуда у тебя плохое настроение?

— Прости, что я не сказала тебе сразу, — ответила Алиса. — Но пропал без следа мой хороший друг, спаситель козлика Ивана Ивановича, самый знаменитый путешественник эпохи легенд Синдбад Мореход.

— Как же, как же, слышал о таком, — сказал робот. — Но как он мог пропасть, если жил тысячу лет назад?

— Ты же знаешь, Поля, — ответила Алиса, — что я не раз бывала в эпохе легенд, у меня там есть друзья и враги. А любимая жена Синдбада Шехерезада приехала к нам просить помощи и скрывается в штабе комиссара Милодара.

— Тот самый Милодар? — спросил робот.

— Да, представитель ИнтерГалактической полиции на Земле, один из самых влиятельных и умных людей во Вселенной. И даже он не в состоянии помочь моей несчастной подруге Шехерезаде.

— Алисочка, — ласковым голосом спросил робот, — а если я налью тебе чашечку вишневого компота, который я сам готовил, может, ты мне расскажешь обо всем подробнее?

— Ну, Поля, совсем неинтересно рассказывать, если сам знаешь. Но специально для тебя я все расскажу. Неси компот.

Отхлебнув компоту, Алиса отошла к окну, где медленно кружились, опускаясь, желтые листья, и заговорила:

— На днях в кабинете комиссара Милодара я встретила свою старую знакомую принцессу Шехерезаду. Что ты знаешь о ней?

— Я? Я все знаю, — ответил Поля. — Я знаю, что Шехерезаду жестоко угнетал один шах. Он сказал, что если она расскажет ему сказку, то он отрубит ей голову. Нет, не так. Если она расскажет скучную сказку, то отрубит, а если интересную, то не отрубит... — Тут Поля задумался и сам себя спросил: — Так он ей отрубил голову?

— Нет, — ответила Алиса. — Шехерезада вот что придумала: она рассказывала сказку до самого интересного места, потом зевала, потягивалась и произносила сонным голосом: «Ах, как я устала, язык заплетается. Я должна чуть-чуть поспать. Завтра вечером ждите окончание». И так продолжалось тысячу и одну ночь, то есть почти три года подряд. За эти годы шах привык к Шехерезаде, забыл, что намеревался ее убить, можно сказать, даже полюбил несчастную девушку. Но главное — шах стал наркоманом. Да-да, наркоманом по части сказок. Он не мог без сказки заснуть. И врачи сказали, что эта болезнь

безнадежна и не поддается лечению. Так что шах решил жениться на Шехерезаде.

— Я об этом слышал, — сказал Поля.

— Погоди, это еще не конец истории. Дело в том, что у шаха было двести тридцать жен. И эти жены ненавидели Шехерезаду. Жены шаха собрались на собрание и приняли решение: если шах посмеет жениться на этой Шехерезаде, то они зацарапают новую жену до смерти, а самого шаха защекочут. Пускай тогда ищут виноватых — все равно не найдут, потому что нет закона, который запрещает щекотаться.

Шах понял, что жены не шутят. Он собрал совет, советники развели руками. Он позвал Шехерезаду, и та сказала ему:

— Я давно хотела сообщить вам, ваше величество, что я полюбила одного простого человека. Мне очень хочется выйти замуж именно за него.

— Кто такой, почему не знаю? — возмутился шах. — Отрубить ему голову!

— Я училась с ним в школе, — призналась Шехерезада, — к тому же мы жили с ним на одной улице. А ваше поведение, шах, меня удивляет. Другой бы на вашем месте обрадовался, а вы грозитесь.

— Чему же я должен радоваться? — удивился шах.

— Я останусь вашей сказительницей, — объяснила Шехерезада, — а мой муж, моряк, который путешествует по всему свету и знает миллион сказок, будет меня снабжать новыми историями.

— А придворную должность он не потребует? — спросили визири.

— Морякам у вас нечего делать.

— И кормить, одевать, ублажать жену будет за свой счет?

— Вот именно. Мой Синдбад — богатый и щедрый человек.

Визири склонили свои мудрые головы и стали ждать окончательного решения шаха.

— С одной стороны, — сказал шах и поскреб наманикюренными ногтями полоску живота между шароварами и бархатной жилеткой, — я люблю новые сказки, а жен у меня и без Шехерезады больше, чем нужно. Не успеваю их навещать. С другой стороны, насколько мне известно, весь мир знает, что после тысяча первой сказки я женился на Шехерезаде.

— Ну и пускай все так думают, — сказал самый старый и мудрый визирь.

Из-за занавеса, который отделял гостиную шаха от гарема, где жили жены, раздались бурные аплодисменты.

После этого Шехерезада вышла замуж за Синдбада Морехода, причем они сыграли свадьбу на острове Сокотра, куда нормальный человек добровольно не заберется. Там бывают только потерпевшие кораблекрушение и пираты, которые грабят потерпевших кораблекрушение. К счастью, у Синдбада и среди пиратов есть приятели, потому что он человек общительный, веселый и никому не делает зла.

Три раза Синдбад уходил в большие плавания и привозил оттуда удивительные истории. Причем его сказки были не только арабские, какие прежде рассказывала Шехерезада, а самые разные — сказки Австралии, которая тогда еще не была открыта, сказки Америки, которая тоже еще не была открыта, и даже сказки чукчей, о которых тогда никто не подозревал.

На четвертый раз Синдбад, как всегда, собрал товары, запаковал их и караваном доставил до реки Тигр. По реке Тигр лодки с грузом добрались до порта Басра, где их Синдбад перегрузил на большой корабль «Слава Багдада» с тремя мачтами и четырьмя палубами. Кроме Синдбада, на этом корабле ехали еще три известных и богатых купца, которые не в первый раз выходили в океан.

Через два месяца корабли добрались до острова Занзибар, оттуда взяли курс на остров Мадагаскар, а вот после острова Мадагаскар следы корабля «Слава Багдада» пропали бесследно.

Конечно, может быть, бездонная пучина поглотила корабль во время страшной бури, а может быть, острая скала, что как акулий зуб поднимается над волнами, распорола бок судна? А может быть, «Славу Багдада» задушил в объятиях, сломал и утащил в глубину гигантский осьминог, какие еще встречаются порой в Индийском океане? А может, наконец, на «Славу Багдада» напали безжалостные пираты и, растащив добро, утопили, привязав к ногам камни, всех купцов и матросов?

Алиса закончила рассказ и горько вздохнула. Она даже не допила свой компот, а поставила чашку на подоконник. Робот Поля был так расстроен рассказом, что потерял дар речи и несколько раз пытался заговорить, но дыхание его прерывалось, и получался только кашель.

— Но ведь... — произнес наконец робот, — но ведь все это только сказка, да?

— Понимаешь, — объяснила Алиса, — когда-то все это

было правдой. Очень давно, в эпоху легенд. Потом на Земле начался ледниковый период, который заморозил всех сказочных существ, обитавших в эпоху легенд. Погибли ведьмы, богатыри и волшебники, драконы и морские змеи. И когда лед сошел с Земли, то на Земле остались только обыкновенные люди и обыкновенные животные. Люди остались живы, потому что прятались в пещерах и разводили там огонь, а звери — потому что разбежались по лесам. Но в сказках осталась память об эпохе легенд.

Сначала сказки рассказывали у костра взрослые, а потом взрослым стало не до сказок, они принялись изобретать железную дорогу, лук, стрелы и автомат Калашникова. Так что сказки остались детям. Вот дети и верят в сказки, а взрослые отмахиваются и делают вид, что это — пустые выдумки. Нет, сказки не пустые выдумки — это воспоминание о древних-предревних временах.

— Но откуда в нашем времени появилась эта самая Шехерезада, — спросил робот Поля, — если она вымерла сто тысяч лет назад?

— Ты же смотрел кассеты моего фильма о приключениях в эпохе легенд. Разве ты забыл?

— Наверное, — признался робот. — Я тогда как раз собирался на подзарядку.

— Когда люди придумали машину времени и даже создали специальный Институт времени, то научные сотрудники стали путешествовать в прошлое. И вот однажды они добрались до эпохи легенд. Туда иногда летают экспедиции. Да и в Москве можно встретить какое-нибудь сказочное существо. Ты же знаешь, что под Москвой есть специальный Заповедник сказок.

— Это любому роботу известно. Ты мне лучше расскажи что-нибудь новенькое.

— А новенькое, — сказала Алиса, — заключается в том, что знаменитый комиссар Милодар из ИнтерГалактической полиции просит меня сегодня прибыть к нему в штаб, который расположен подо льдами Антарктиды, там он будет обсуждать со мной операцию «Синдбад».

— Зачем?

— Принято решение помочь Шехерезаде отыскать ее мужа.

— А зачем тебя зовут?

— Меня зовут как консультанта, — сказала Алиса. — По-

тому что я уже бывала в эпохе легенд и умею работать сыщиком.

— Не надо преувеличивать, — возразил робот. — Во-первых, ты девочка, во-вторых, у тебя не сделаны уроки на завтра, а в-третьих, если твоя мама узнает, что в такую погоду ты собираешься в новые авантюры, она тут же отправит тебя на перевоспитание к бабушке в Симферополь!

Глава 2

СОВЕЩАНИЕ ПОДО ЛЬДОМ

Как известно, комиссар Милодар, лицо важное в масштабах всей Галактики, по мановению руки которого поднимаются в космос патрульные крейсеры и отправляются в погоню за нечестивцами спецотряды спецроботов, знал, какую цену представляет его безопасность, и очень себя берег. Поэтому только на командном посту, который был спрятан в двух километрах под поверхностью льда в Антарктиде, он появлялся в своем обычном состоянии, а так вы могли увидеть только его голограмму, то есть объемную копию, которую ни за что не отличить от настоящего Милодара. Кстати, у комиссара Милодара на родине возле болгарского города Пловдива живет старушка мама. Милодар так боится свою маму, что даже перед ней появляется лишь в виде голограммы, и если мама начинает лупить его кулачками за какой-нибудь проступок и мамины кулачки проваливаются сквозь воздух, она кричит:

— Нет, он не сын мне, а призрак, вурдалак, хуже Дракулы!

Вот такой человек ждал Алису у себя под Антарктидой.

Алиса сошла с флаера посреди снежной пустыни, по которой неслась поземка. Холод проникал даже сквозь меховую шубу. Рядом в ледяном торосе раскрылся люк, из которого пахнуло теплом и вкусным запахом печеных булочек, потому что на тайной базе ИнтерГпола была своя пекарня, прачечная и даже заводик по производству ветчины.

У лифта Алису встретила ее старая приятельница Кора Орват, агент номер три. Кора Орват — молодая женщина, сирота, бесконечно преданная комиссару. Ей приходилось сражаться и разыскивать преступников на сорока разных планетах, и она, несмотря на свою молодость, считается одним из самых опытных сыщиков Галактического центра. Комиссар Милодар в ней души не чает и потому относится к ней строже, чем к другим агентам.

— Алисочка, — обрадовалась Кора, увидев свою подругу. Ведь разница в возрасте в десять с небольшим лет не столь велика, если подруги побывали уже в самых отдаленных и одичавших уголках Вселенной и известны там настолько, что где-нибудь на Паталипутре можно услышать, как трехногий аистифан кричит через дорогу: «Алисочка, какими судьбами! Скорее ко мне, у нас сегодня на обед сказочные прыгающие улитки!»

Они обнялись, и Кора повела Алису к кабинету Милодара.

— Совещание надолго? — спросила Алиса. — Бабушка просила сегодня вернуться домой пораньше, она жарит пирожки с грибами!

— Боюсь, что ты не успеешь домой к вечеру, — сказала Кора. — Но Милодар сам поговорит с твоей бабушкой.

— Синдбада нашли?

Отвечать было поздно, дверь в кабинет Милодара, вырубленная из голубого льда, сама отъехала в сторону, встречая гостей. Милодар встал из-за стола и поспешил навстречу Алисе:

— Проходи, садись, моя девочка. Нам понадобится твоя помощь.

— Речь идет о Синдбаде Мореходе? — спросила Алиса.

Милодар нахмурил густые черные брови и нервным движением запустил пальцы в жесткую курчавую шевелюру.

— Настоящий агент, — сказал он, — никогда не торопится показать начальнику, какой он информированный. Агент всегда молчит.

Милодар нажал на кнопку, и в кабинет вошла Шехерезада с подносом в руках. На подносе стояли чашки с чаем и горячее какао для комиссара.

Глаза Шехерезады были распухшими и красными. Еще бы, подумала Алиса, это такое горе, если у тебя пропал без вести любимый муж!

— Шехерезада, ставь поднос на столик, садись вместе с нами. У нас здесь все равны.

Помолчали, выпили по чашечке горячего крепкого чая. Потом Милодар сказал:

— Ну что ж, мои драгоценные, пора посылать агента в эпоху легенд.

— Вы думаете, сам Синдбад не найдется? — спросила Кора Орват.

— Прошло больше месяца, как он пропал. Такого с ним раньше не бывало, — вздохнула Шехерезада.

— Наверное, Институт времени пошлет своего сотрудника?

Милодар допил какао и возразил:

— Случай у нас особенный. Сотрудники Института времени с полицейской работой незнакомы, воевать со злодеями не приучены и, чуть что, несутся домой жаловаться, что их обижают. С другой стороны... — Комиссар Милодар раскурил длинную старинную трубку-кальян и вытянул ноги, — с другой стороны, посылать на поиски Синдбада обыкновенного нашего агента, даже такого хорошего, как Кора Орват, нельзя. Потому что этот агент не продержится и получаса между драконами, волшебниками, птицами Рукх и другими чудесами, для нас совершенно невероятными, а для жителей тех мест такими же привычными, как тараканы.

— Что я, драконов не видела? — возразила Кора Орват.

Милодар затянулся и отрицательно покачал головой.

— Погибнешь ни за грош, — сказал он. — Ничего ты не знаешь в эпохе легенд, и никто тебя там не знает.

— Так это лучше!

— Скажи, Кора, когда ты в последний раз читала сказку с доверием?

— Как так с доверием?

— Читала и верила, что все в ней — правда!

— Не помню.

— Вот поэтому я тебя и не отпущу в эпоху легенд. Там нужен свой человек, который все понимает.

— Вы хотите, чтобы полетела я? — спросила Алиса.

— Не перебивай старших! Я еще ничего не решил.

— Вы уже почти решили, комиссар, — сказала Алиса. — И надо сказать, что я ваше решение одобряю и поддерживаю.

— Нет, тебя тоже посылать опасно! Что я скажу твоей бабушке, когда тебя кто-нибудь растерзает? Или продаст в рабство? Девочки, да еще беленькие, очень высоко ценились на невольничьих рынках.

— Я сама пойду, — сказала Шехерезада.

— И через полчаса погибнешь, — сказал Милодар. — Ты чудесная женщина и отлично готовишь чай. Но скажи мне, ты какую высоту берешь?

— Я не беру высоты! — возмутилась Шехерезада. — Я же девушка из благородной семьи.

— Вот именно. А за сколько ты пробегаешь стометровку?

— Я не пробегаю стометровку, потому что это неприлично. Я шествую медленным шагом. Я же красавица!

— Вот поэтому ты и останешься здесь.

— Но я умею шить, вышивать, петь задумчивые песни, играть на зурне, а также в шахматы, целоваться...

— Хватит! Мне все ясно, — оборвал ее Милодар. — Вернем тебе мужа, будешь с ним целоваться, а пока потерпи.

— Я хочу целоваться с Синдбадом немедленно!

— Все! — закричал Милодар. — Довольно! Женщина, отойди в сторону и не мешай спасать твоего мужа!

Шехерезада хотела выцарапать комиссару глаза, но, к счастью, в комнате была Кора Орват, которая смогла так крепко обнять Шехерезаду, что той пришлось успокоиться и сесть в обнимку с Корой на широкий диван.

— Итак, — сказал Милодар, — необходимо существо, знакомое с образом жизни в эпохе легенд, незаметное, тихое, но в то же время отважное и сообразительное.

— Это я, — сказала Алиса. — Лучше вам никого не найти.

— Это почти ты. Но не совсем.

— Почему? — вежливо спросила Алиса. Не надо ссориться с взрослыми, не надо казаться упрямой и даже глупой. Агент должен быть незаметным, как почтальон. Недаром в каждом втором английском детективном романе убийцей оказывается почтальон или дворецкий, потому что на этих людей никто, даже самый великий сыщик, не обращает внимания.

— А потому, — ответил Милодар, — что ты девочка, и, значит, по закону Древнего Востока тебе положено сидеть дома и не высовывать носа, а твоя задача заключается именно в том, чтобы высовывать нос как можно дальше.

— Значит, вам самому придется ехать в ту эпоху, — вздохнула Кора Орват.

— Еще чего не хватало! — возмутился комиссар. — Да ты понимаешь, какая я ценность для Галактики? Меня надо охранять и еще раз охранять! Иногда мне так хочется махнуть на все рукой и удариться в отчаянное приключение! Но нельзя! Не будет меня — рухнет вся организация. Да знаете ли вы, мои дорогие девочки, что я даже сейчас не уверен, человек я или голограмма? А когда я ложусь спать, то не могу сказать, где я сплю на самом деле. Нет, к сожалению, я, как всегда, остаюсь на командном пункте и осуществляю общее руководство операцией.

Все вздохнули и согласились с комиссаром Милодаром. Таким человеком рисковать нельзя.

И все снова повернулись к Алисе, потому что именно на нее указывал перст комиссара.

— Ты пойдешь в эпоху легенд под видом мальчишки. Юнги... нет, скорее просто бродяги и бездельника.

— Вы меня сделаете Аладдином? — обрадовалась Алиса.

— Шшшшш! Молчать! Неужели ты не понимаешь, что некоторые вещи мы с тобой не имеем права разглашать. А кто тебе сказал про Аладдина?

— Я сама догадалась.

— Слишком догадливая.

— С вами станешь догадливой.

Комиссар задумался и понял, что ему сделали комплимент, он покраснел, потупился и произнес:

— Ну уж, скажешь такое...

Потом включил пульт охраны и спросил:

— Вы гарантируете мне, что ни одна муха не пролетит мимо в ближайшие пять минут?

— В Антарктиде нет мух, господин комиссар, — ответил охранник.

— Я лучше тебя знаю, где они есть, а где нет. Но надеюсь, вы отогнали пингвинов на двести километров от моей базы?

— Вокруг все тихо, пусто и свободно.

— Тогда слушай, Алиса. Мы тебя запускаем в эпоху легенд под видом мальчика Аладдина. Одежду и внешний вид тебе создадут в моем центре камуфляжа.

— Но потом это все отмоется? — спросила Алиса.

— Не все ли равно! — удивился Милодар.

— Хорошо, — согласилась Алиса. — Тогда я скажу маме, что вы заставили меня выполнять опасное задание, а для этого покрасили мне волосы и брови. Что еще вы хотите со мной сделать?

Милодар поскреб ногтями в проволочной шевелюре и сказал:

— Я ошибся. Я ошибся, когда предложил Алисе заняться этим делом. Алиса, ты свободна. Вместо тебя в прошлое отправится Кора Орват, и, вернее всего, ей не удастся вернуться живой. Корочка, попрощайся с Алисой, которая спешит домой к мамочке.

Такого оскорбления Алиса не могла снести. Она кинулась на комиссара с кулаками, а так как ни в одной разведке или

контрразведке мира не положено кидаться с кулаками на шефа, Алисе пришлось удержаться в самый последний момент и замереть в сантиметре от комиссара.

— Простите, комиссар, — сказала она, переведя дух. — Я не права. Я ничего не скажу маме.

— Тогда отправляйся, — сказал сердито комиссар. — И не возвращайся, пока не будешь готова к работе.

Глава 3

ВИШНЯ НА ГОЛОВЕ

Подготовка к путешествию на поиски Синдбада Морехода заняла немного времени, потому что Милодар многое подготовил заранее. Он ведь только кажется вспыльчивым, неуравновешенным и даже бестолковым. На самом деле комиссар все помнит, всех знает и никогда не повторяет ошибок дважды.

Волосы Алисе покрасили в черный цвет и связали сзади шнурком, так причесывались мальчишки в эпоху легенд.

Кожу ей загримировали, и Алиса стала смуглой, как будто провела две недели на берегу Черного моря. Эта краска была рассчитана на двадцать дней, но на всякий случай главный гример ИнтерГалактической полиции посоветовал Алисе не злоупотреблять мытьем и купанием.

Одели Алису так: сверху широкие синие шаровары, ткань их была тонкая и мягкая на ощупь, а на самом деле она была плотная, ее было трудно разрезать ножом или пробить копьем. В шароварах были сделаны карманы, хотя обычно их там не бывает. В одном кармане лежала маленькая, но отлично пристрелянная рогатка и камешки.

Поверх белой рубашки Алиса надела красную куртку с короткими рукавами.

На голове у Алисы была красная феска, она светилась в темноте, если Алиса того хотела, и могла осветить дорогу лучше любого фонарика. На ногах у Алисы-Аладдина были поношенные туфли с загнутыми носами. Туфли как туфли, которые носят бедные дети. Но подошвы их были настолько упругими, что при желании Алиса могла бежать со скоростью скакуна.

Алису провели в небольшой тренировочный зал, где стояли гимнастические снаряды и всевозможные тренажеры. Да-

льняя сторона зала была отгорожена невысоким барьером, за которым тренировались в стрельбе свободные от дежурства агенты.

Тренер по стрельбе, толстый эскимос, известный среди межпланетных преступников под именем Сеньор Смерть, дал Алисе сначала обычный бластер и выставил на расстоянии пятидесяти метров полуметровую мишень.

Алиса не стала спорить и по команде толстого эскимоса нажала на спуск и поразила мишень прямо в центр.

— Случайно, но красиво, — сказал Сеньор Смерть.

Сеньор Смерть не знал, что еще в третьем классе Пашка Гераскин был Робином Гудом, Аркаша Сапожков монахом Туком, а Алиса — Маленьким Джоном. Чтобы победить темные силы шерифа Ноттингемского, эта троица достала спортивные луки и сабли и две недели с утра до вечера тренировалась до изнеможения. Конечно, это была детская игра, типичная для века, о ней потом друзья почти забыли, но с тех пор Алиса умела попадать за сто шагов в прут, воткнутый в землю.

Не знал о детском увлечении Алисы и комиссар Милодар, который как раз пришел в тренировочный зал, чтобы проверить, как идет подготовка Алисы к заданию. Он тоже решил, что она попала в цель случайно. Но чтобы не расстраивать юного агента ИнтерГалактической полиции, он спросил шутливо, так, как взрослые любят разговаривать с детьми, делая вид, что разговаривают с ними, как со взрослыми:

— Алиса, может, ты еще какое-нибудь оружие освоила?

— Я не люблю сражаться, — сказала Алиса. — Но немножко стреляю из лука.

— Замечательно! — воскликнул Милодар. — Принесите нам два небольших спортивных лука. Таких, чтобы эта крошка смогла натянуть.

— Я натяну, не бойтесь, — сказала Алиса.

Милодар захохотал так, что в тренировочный зал сбежались агенты, заглянул доктор, в двери показались даже Шехерезада с Корой.

— Знаешь ли ты, — спросил Милодар, — что когда-то в Швейцарии жил свободолюбивый стрелок по имени Вильям Телль?

— Вильгельм Телль, — вежливо поправила комиссара Алиса.

— Вот именно! Не перебивай старших. Дело в том, что папа называл его Вильямом, а мама Вильгельмом. Этот стрелок обычно ставил на голову сыну яблоко и стрелял с расстояния в двадцать шагов. Мы можем повторить его опыт.

— Не надо! — взмолилась Шехерезада.

— Ну почему же?

— Потому что я точно знаю, что до начала стрельбы у Вильгельма Телля было шестеро сыновей, а после стрельбы он остался отцом-одиночкой.

Шехерезада смахнула большую слезу.

— Но я не имел в виду детей, — смутился Милодар. — Мы можем поставить яблоко...

Его холодный взор потек по залу и остановился наконец на инструкторе, Сеньоре Смерти.

— Мой рабочий день только что закончился, — быстро сказал тот.

— Вы уволены! — объявил комиссар. Потом оглядел всех и спросил: — Есть ли добровольцы?

Ответом ему была гробовая тишина.

— Извините. — В дверь заглянул повар. — Но я должен сказать, что яблок сегодня нет, не завезли.

— Вот именно этого я и боялся! — сказал Милодар. — Именно так! Нет яблока в тот момент, когда мы начинаем стрелять. А что есть?

— Вишни, — сказал повар.

— А может, вы хотели сказать «клюква»? — съязвил Милодар.

— Нет, клюквы нет, — признался повар.

Милодар на глазах закипел от ярости:

— Вы мне срываете испытание агента! Я вас всех разгоню! Дайте хотя бы арбуз!

Арбуз нашелся.

Милодар собственноручно поставил его на тумбочку в дальнем конце стрельбища. И все вздохнули с облегчением.

— Первой будешь стрелять? — спросил он. — Расстояние большое!

— Покажите мне, как это делается, — попросила Алиса.

— Ладно уж. Только смотри внимательно.

Милодар натянул тетиву. Это было непривычное для него оружие. Он привык решать все боевые вопросы, нажимая на кнопку. Но, как известно, на луке кнопки нет.

— Тишина в зале! — приказал тренер-эскимос.

Милодар выпустил стрелу. Она просвистела по дуге и, немного не долетев до арбуза, воткнулась в землю.

Все молчали. Ну что будешь говорить, если руководство не попало в арбуз?

— Кто-то дунул от двери, — сказал Милодар. — Надо следить за сквозняками. Но и я хорош! Не учел сквозняка. Давайте вторую стрелу!

Вторая стрела коснулась арбуза, причем так, что он скатился с тумбочки и, грохнувшись об пол, раскололся.

— Ну вот, — сказал Милодар. — Теперь тумбочку кто-то качнул. Безобразие. Ставьте второй арбуз.

— Второго арбуза нет, — ответил повар.

— Как так? — рассердился Милодар. — А как же нам состязаться? Ведь я попал в один арбуз. Как теперь ребенку попасть в другой?

— Простите, а можно я выстрелю в вишню? — спросила Алиса.

— Ха-ха, — сказал Милодар. — Понятно. Ты хочешь надеть ее на стрелу.

— Я хочу положить ее вам на голову, — сказала Алиса.

— Ну ладно, ладно, пошли завтракать, — сказал Милодар.

— Я не шучу, — сказала Алиса. — Но ведь вы ничем не рискуете.

— То есть как так я ничем не рискую? Ты собираешься положить мне на голову вишню, потом выстрелить и попасть мне в глаз. Я тебя правильно понял?

— Простите, но вы ведь можете превратиться в голограмму — в свое собственное объемное изображение.

— Что из этого?

— А мы положим вишню на голову вашей голограмме.

— И она провалится, — сказал тренер-эскимос.

— Куда? — не поняла Алиса.

— На пол. Ведь голограмма нам только кажется.

— Моя голограмма, — обиделся начальник ИнтерГпола, — отличается от обыкновенных голограмм тем, что в нее можно тыкать пальцами и думать, что это — мое тело. Моя голограмма — вершина человеческой мысли.

— Тогда ничего не мешает положить ей на голову вишню, — сказала Алиса.

— Нет, — сказал Милодар, — не надо позориться, моя девочка.

— Комиссар! — в один голос закричали Шехерезада и Кора. — Давайте проверим, в самом ли деле у вас — лучшие агенты во Вселенной.

— А это мысль. Лучшие агенты... мои агенты!

Он повернулся и быстрыми шагами покинул тренажерный зал. Вошел он через другую дверь, в остальном ничем не изменился.

— Куда вставать? — спросил Милодар.

— Туда, в конец стрельбища, к мишени.

Повар уже принес на тарелке спелую вишенку.

— Только осторожно, чтобы мне не было щекотно, — сказал Милодар. Повар двумя пальцами положил вишню на макушку комиссара.

Это удалось ему не с первого раза из-за того, что у Милодара очень густая шевелюра. Наконец вишенка улеглась на место, и взоры всех собравшихся в тренировочном зале устремились на нее.

— Ты все-таки поосторожнее стреляй, — сказал Милодар, — хоть я и не я, все равно неприятно.

— А вы не дергайтесь и не прыгайте на месте, — сказала Алиса.

Она тщательно натянула тетиву, прижалась щекой к изгибу лука и выстрелила. Стрела стремительно рванулась к цели. Алиса даже и не смотрела на вишенку, она была уверена, что попала в цель. Да и какие могли быть сомнения, когда все в зале начали кричать и хлопать в ладоши?

Милодар провел ладонью по шевелюре и спросил:

— А где... это самое?

Потом догадался оглянуться и увидел стрелу, лежащую на полу. На наконечник стрелы была нанизана спелая вишня. Милодар поднял стрелу, взял с острия вишню и кинул в рот.

— Вы с ума сошли! — закричал повар. — Она же немытая!

— А разве я чего-то съел? — спросил Милодар, подмигнул Алисе и добавил, проходя мимо и дожевывая вишенку: — А ты когда-нибудь видела, чтобы голограмма ела вишни?

— Ой! — воскликнула Алиса. — Значит, вы были настоящий!

— Настоящее некуда!

— Но вы же рисковали. А вдруг бы я... у меня бы дрогнула рука?

— Талант руководителя заключается в умении подбирать подчиненных, — сказал Милодар. — И учти, что, прежде чем отправить тебя на спецзадание, я проверил всю твою жизнь, по косточкам, по минуткам...

Глава 4

ЛАМПА ДЛЯ АЛАДДИНА

Мальчик Аладдин в красной курточке и красной феске, синих шароварах и черных туфлях с загнутыми носками заглянул в кабинет комиссара Милодара.

— Можно войти?

— Входи, агент, — сказал Милодар. — Сейчас тебе принесут чай и печенье, ешь от пуза, но не слишком. Никто не знает, когда ты пообедаешь в следующий раз.

Аладдин присел на краешек дивана. Сложил руки на коленях. Он вел себя, как положено уличному мальчишке, который впервые попал в богатый дом.

— Что прикажете, эфенди? — спросил он.

— Скоро тебе принесут волшебную лампу, — ответил эфенди Милодар. — Прошу тебя ее не потерять, вещь это ценная, подлинная. Без нее операция провалится, тебя разоблачат, и ты никогда не вернешься к папе и маме.

— Слушаюсь, эфенди, — поклонился Аладдин. — Слушаю и повинуюсь.

Вошла Кора Орват. Она принесла сухую лепешку и кучу медных монет.

— Желаю успехов, Алисочка! — сказала Кора.

Милодар страшно рассердился.

— Агент номер три! — воскликнул он. — Вы лишаетесь отпуска к бабушке под Вологду и квартальной премии. Вместо этого вы получаете строгий выговор в приказе.

— За что? — удивилась Кора.

— Вы рисковали сорвать операцию и выдать врагам нашего агента. Запомните: здесь нет никакой Алисы. Здесь есть только мальчик Аладдин!

Кора опустила голову.

— Разведчик ошибается только один раз! — сказал Милодар.

— Я виновата, — признала Кора.

— Ну то-то, — сказал Милодар. — А где лампа и джинн?

— Джинн еще не готов! — ответила Кора. — Его как раз собирают.

— Ах, как я мог забыть! — спохватился Милодар. — Слушай, мой мальчик. К сожалению, мы не успели достать для тебя настоящего джинна. Сейчас готовят надувного электронного джинна. Конечно, это не то что настоящий, многого он делать не умеет, но все-таки на настоящего джинна он похож.

— А вы откуда знаете? — спросил Аладдин.

— А никто не знает, — ответил Милодар. — Главное — много шума, много дыма и громкий голос. Все-таки защита. Кстати, ты тамошний язык знаешь?

— Конечно. В эпоху легенд говорили на Понятном языке.

— Тогда желаю счастья, Алиса, — сказал Милодар.

В комнате раздался смех Коры:

— Ха-ха-ха! Кто-то здесь называет нашего агента Аладдина женским именем! Вы не боитесь, комиссар, что враг подслушает наш разговор и вы загубите агента и всю операцию?

— Кто подслушает? — возмутился Милодар. — Я же специально проверил. На двести километров вокруг ни одного пингвина нет!

— Какой вы несправедливый, комиссар! — воскликнула Кора. — Почему мне нельзя, а вам можно?

— Потому что я твой начальник, — ответил комиссар. — Когда станешь начальником, тебе тоже многое будет можно. Аладдин, собирайся, пойдем поговорим с Шехерезадой.

— Зачем? — удивилась Алиса. — Мы обо всем уже поговорили.

— Нет, не обо всем, — ответил Милодар. — Шехерезада напомнит тебе о всех плаваниях своего мужа, чтобы ты знала, на каких островах и в каких странах он побывал, о каких чудесах он рассказывал.

— Но я же обо всем читала! — воскликнула Алиса.

— Когда?

— Давно, но не очень. Когда была маленькой.

— А сейчас мы проверим, хорошо ли ты все запомнила. Ведь повторение, мой друг, — мать учения.

Алиса не стала больше спорить с комиссаром, а перешла следом за ним в гостиную, которую специально сделали в Антарктиде, чтобы Шехерезада чувствовала себя как дома.

Гостиная была покрыта коврами, на которых были разбросаны подушки.

Посредине стоял резной деревянный столик, за столиком — тахта. На тахте возлежала прекрасная Шехерезада, одетая в прозрачный халат и шелковые шаровары.

При виде гостей Шехерезада всплеснула чудесными руками, зазвенела браслетами и ожерельями и спросила:

— Неужели это ты, Аладдин? Давненько я тебя не видела.

— Да, это я, ваше высочество, — сказал уличный мальчишка и низко поклонился.

Милодар уселся прямо на ковер и спросил:

— Славный у нас Аладдин получился?

— Как настоящий! — ответила Шехерезада. — Садись, мальчик, садись. Не бойся, никто здесь тебя не укусит. Если хочешь, бери рахат-лукум, угощайся, только руки о ковер не вытирай, грязнуля базарный!

Милодар усмехнулся. Он был доволен. Шехерезада, похоже, забыла, что перед ней сидит переодетая Алиса.

— Шехерезада, — попросил Милодар, — ты обещала нам рассказать о приключениях Синдбада. Постарайся говорить кратко, не отвлекайся.

— Слушаюсь, о, великий комиссар! — сказала Шехерезада. — И повинуюсь. Откушай пока мой рахат-лукум и запей шербетом.

— Я не могу, — отказался Милодар. — Я на работе.

— А ты, уличный попрошайка? — спросила Шехерезада.

— С удовольствием.

— Начинай, наконец! — зарычал Милодар.

— Хорошо, — сказала Шехерезада. — Начнем с первого приключения Синдбада. Оно началось на необитаемом острове, к которому пристал его корабль. Все купцы и моряки сошли на берег, чтобы размяться и перекусить. А мой Синдбадик притащил с корабля корыто и принялся за стирку.

— На них напали дикари? — спросила Алиса-Аладдин.

— Такие вещи надо помнить, — вздохнула Шехерезада. — Остров оказался громадной рыбой, которая так давно плавала по морю, что обросла лесами и горами. И когда матросы стали разводить на ней костры, рыбе стало больно, и она нырнула в океан.

— Правильно, я вспомнила, — сказала Алиса. — И ваш муж отправился в корыте плавать по морю. Он плавал до тех пор, пока не попал на какой-то другой остров. Но я забыла, что там с ним случилось.

— На том острове лежало яйцо птицы Рукх, — подсказала Шехерезада.

— Ой, я вспомнила!

— Не вспомнила, а вспомнил! Не забывайся! — оборвал Алису Милодар. — Все агенты попадаются на мелочах!

— Извините, — сказала Алиса.

Шехерезада подождала, пока Милодар успокоится, и продолжала.

— Эта птица Рукх известна тем, что она — самая большая птица на свете, — сказала она. — Даже птенцов своих она кормит взрослыми слонами.

— Ну, не взрослыми! — не поверил комиссар. — Я готов поверить, что слонятами или буйволами. Но не взрослыми слонами!

— Простите, комиссар, — сказала Шехерезада. — Но кто из нас живет в эпохе легенд, а кто — в двадцать первом веке?

— Я тоже читала о том, что птица Рукх кормит птенцов слонами, — сказала Алиса.

— Ну и пожалуйста, — заявил Милодар. — Я согласен, согласен, согласен! Пускай она их кормит паровозами и китами!

— Мой Синдбад шел по острову, — продолжала Шехерезада, — и увидел громадный белый шар. Сначала он решил, что это — дом. Он обошел вокруг, но не обнаружил ни окон, ни дверей. Синдбад удивился, улегся на траву в тени яйца и спокойно заснул. А проснулся он от страшного шума и ветра. Оказывается...

Шехерезада сделала паузу. У нее это здорово получается! Милодар не выдержал и закричал:

— Ну говори, говори, не томи! Что дальше?

— Прямо как мой шах, — сказала Шехерезада. — Такой же нетерпеливый. Так слушайте, это опускалась с неба птица Рукх. Крылья ее закрывали половину неба, крик был подобен грому, а вокруг нее бушевала буря...

— Шехерезада, не так красиво! Ты, наверное, забыла, что рассказываешь не шаху, а нашему агенту Аладдину. Так что время тянуть не нужно.

— Я рассказываю как всегда, — сказала Шехерезада. — А если не нравится, пускай вам рассказывает кто-нибудь другой.

Так как за Шехерезадой осталось последнее слово, она, помолчав, продолжала рассказывать.

— Синдбад Мореход, как известно, только что вылез из корыта и потому был почти совсем голый, да помилует его небо! — воскликнула Шехерезада.

— А зачем он разделся в корыте?

— Да не в корыте он разделся, а еще раньше, чтобы постирать белье. У них же на корабле не было прачечной и невозможно было поменять одежду. А мой Синдбад — ужасный чи-

стюля. Вот он разделся, все, кроме чалмы, с себя снял и начал стирать, а тут рыба...

— Хватит! — закричал Милодар. — Мы это знаем! Мы уже добрались до острова, где живет птица Рукх.

— Правильно, но ведь Синдбад был голый.

— Но при чем тут это? — совсем уж взбеленился комиссар.

— А потому что Синдбад придумал, как ему улететь с острова, — для этого надо привязать себя к ноге птицы Рукх, пока она сидит на своем яйце. Он размотал свою чалму, и получился длинный шарф. Он привязал себя чалмой к ноге птицы Рукх и стал ждать, когда она полетит добывать пищу. Так и случилось. С первыми ласковыми лучами солнца, которые нежно позолотили верхушки пальм и разбудили певчих птичек, огласивших окружающий мир мелодичными руладами и чириканьем; когда зашевелились под листьями червячки и гусеницы и вылезли из своих норок мышки...

— Шехерезада! — взмолился Милодар. — Короче!

— ...Птица Рукх взлетела в небо, перелетела через океан и опустилась в мрачную горную долину. Там Синдбад быстренько отвязался от ноги, а птица схватила в клюв гигантского удава и поднялась с ним в небо. Конец второй части.

Шехерезада налила себе чашечку чая, отхлебнула и продолжала:

— Это приключение сильно напугало моего Синдбада, но заложило основу нашего благосостояния. В том ущелье на земле валялось множество драгоценных камней, и умные люди приходили на обрыв над ущельем и кидали туда куски мяса. Орлы и другие могучие птицы кидались вниз, тащили мясо с приклеившимися к нему камешками наверх, там их убивали, а камни вынимали из мяса.

— Помню, помню, — сказала Алиса. — Синдбад снова размотал свою чалму и привязал себя к куску мяса. И его вытащил орел.

— Ну и орлы у вас, ну и орлы, — покачал головой Милодар. — Или, может, Синдбад очень мелкий?

— Синдбад у меня выше среднего роста. Вы, комиссар, ему только до уха достанете.

— Мы здесь собрались не для того, чтобы выдумывать мне физические недостатки, — обиделся Милодар. — Я задал вопрос и ждал ответа, а не комментариев. Продолжай.

— Орел бросил моего Синдбада наверху, сбежались геологи, которые там работали, очень удивились, как это Синдбаду

удалось остаться живым среди змей и скорпионов. Но потом подарили ему часть камней, которые орел вытащил вместе с ним. Вот, видите.

И Шехерезада, отодвинув черный локон, показала бриллиантовую серьгу неописуемого блеска.

— Продолжай, продолжай, — торопил Милодар. — У нас еще много дел. Мы не можем провести здесь тысячу и одну ночь. Какие еще выдающиеся приключения пережил твой муж?

— Ах, зачем их все перечислять! — улыбнулась Шехерезада.

— Ну это же ежу понятно! Твой Синдбад никогда не попадается дважды в одну ловушку и не будет слушать дважды одну и ту же сказку — он собирает для тебя новые сказки. Правда?

— Ах, какой вы мудрый, комиссар Милодар, — сказала Шехерезада. — Тогда я должна рассказать о самом страшном приключении моего мужа. Однажды он попал на остров. Остров как остров. То ли его там товарищи забыли, то ли корабль о скалу разбился — не помню. Но главное, что он увидел там полянку, через полянку протекал ручей, по ту сторону ручья сидел доброго вида старикашка и знаками звал Синдбада к себе. Синдбад, конечно, подошел, потому что уважает старших. Старичок знаками показал: «Перенеси меня через ручей». А потом, когда Синдбад его перенес, старичок не захотел с него слезать. Оказалось, что это паразит.

— Хомо-паразитикус, — произнес Милодар.

— Своими черными пятками он так сдавил горло моего мужа, что тот никак не мог сбросить старичка. Вот старичок и заставлял Синдбада носить его по острову день и ночь, кормить бананами и кокосами, и только пьянство спасло Синдбада.

— Что ты говоришь! — удивился Милодар. — Пьянство может только загубить, но не может спасти.

— Это наших оно губит, а от чужих спасает, — объяснила Шехерезада.

— Ну рассказывай, рассказывай!

— Синдбад отыскал старую сухую тыкву, сделал в ней дырку, вычистил изнутри, набил виноградом, раздавил виноград, и получилась тыква с виноградным соком. Старичок наблюдал за Синдбадом, но не мешал. Потом Синдбад заткнул тыкву покрепче деревянной пробкой и оставил дозревать. Прошло несколько дней, Синдбад открыл пробку — а из тыквы такой винный дух...

— Потрясающе! — воскликнул Милодар.

— Синдбад хлебнул этого вина и говорит: «Ничего вкуснее я в жизни не пробовал!» Тогда старик, конечно же, стал отбирать у него тыкву.

— Типичное поведение для эксплуататоров, — пояснил Милодар. — Они всегда отбирают у трудящихся плоды их труда.

— Выпил старичок все вино, ручки и ножки у него ослабли, и он свалился с Синдбада на землю, — заключила рассказ Шехерезада.

— Помню, — сказала Алиса. — Я читала. Потом Синдбад взял большой камень и как бабахнет ему по голове! И вдребезги!

— Клевета, — возмутилась Шехерезада. — Мой Синдбад без особой нужды старается никого не убивать. Даже комаров.

Милодар согласился с Шехерезадой.

— И правильно делает, — сказал он. — Такое поведение называется гуманизмом. Если враг сдается, его не убивают!

Шехерезада сладко потянулась:

— Может, на сегодня достаточно?

— И не мечтай! — заявил Милодар. — Если ты в самом деле хочешь отыскать своего мужа, то рассказывай до самого конца!

Шехерезада послушно кивнула и продолжала:

— В следующем путешествии Синдбад столкнулся с драконом. С самым настоящим.

— Этого еще не хватало! — возмутился Милодар. — Значит, у вас и драконы водятся?

— Кто только у нас не водится, — вздохнула Шехерезада.

— И как же он отделался от дракона?

— Он собрал на берегу океана бревна, палки и доски и сделал из них большую клетку. Дракон как увидел Синдбада, почуял его, зарычал и кинулся в атаку. А Синдбад залез в клетку и закрыл дверцу. Дракон распахнул пасть и попытался проглотить клетку. Но добыча в рот не поместилась. Дракон ее перевернул — и все равно клетка в пасть не лезет. Дракон чуть не рехнулся от злости, половину зубов переломал и наконец выкинул клетку далеко в море. Вот Синдбада и носило по волнам, пока его не приметили с проплывающего корабля. На этом корабле он добрался до Индии. В Индии он прожил довольно долго, но что там случилось, я рассказывать не буду.

— Почему же не будешь? — ласковым голосом спросил комиссар.

— Это наша семейная тайна.

— У тебя не должно быть от нас тайн, — сказал Милодар.

— Я расскажу, только учтите, эта история случилась до того, как Синдбад со мной познакомился.

— Учли, — согласился Милодар. — Раскрывай тайну.

— Индийский султан, — сказала Шехерезада, — полюбил Синдбада. И захотел, чтобы Синдбад остался в Индии навсегда. Поэтому он решил женить его на своей племяннице.

— И Синдбад, надеюсь, согласился? — спросил Милодар.

— Он у нас добрый, — ответила Шехерезада. — Ему было неудобно отказать султану.

— Наверное, Синдбад был страшно несчастлив! — воскликнула Алиса. — И эта племянница была жуткой уродиной.

— Ничего подобного, — возразила Шехерезада. — Она была красавицей и обожала Синдбада. Султан подарил молодоженам дворец, и они счастливо прожили в нем два года. И вдруг молодая жена заболела. Конечно, Синдбад позвал лучших врачей, но врачи сказали, что не могут помочь. И тут Синдбада вызвал к себе султан и печально сказал, что хочет с Синдбадом попрощаться. Синдбад не сразу понял: ведь болела его жена! Но султан объяснил Синдбаду, что в Индии есть такой обычай. Если умирает муж, то вместе с ним хоронят его жену. А если умирает жена, то вместе с нею хоронят ее мужа.

— Ничего подобного в Индии нет! — возразил Милодар. — Я там недавно был на конференции по светофорам.

— Это происходило в эпоху легенд, — напомнила Алиса.

— Ах да! Я так увлекся, что забыл. Ну продолжай, продолжай!

— Прошло несколько дней, — сказала Шехерезада, — жена Синдбада умерла. Собрались родственники и соседи, отнесли гроб за город к большому отверстию в земле. Сначала туда опустили гроб, а потом на веревке и живого Синдбада, спустили за ним кувшин воды, лепешку хлеба, крикнули сверху: «Сладкой тебе смерти, чужестранец!» — и наступила тишина. Положение у моего Синдбада было просто ужасное. От горя он лишился чувств, а когда пришел в себя, все уже разошлись, на его крики никто не откликнулся. Потом он кинулся было искать выход из подземелья, да наткнулся на кучу скелетов и снова лишился чувств.

Шехерезада замолчала. Все подождали немного, потом Алиса спросила:

— Простите, а как же он выбрался?

— Не знаю я, как он выбрался! — воскликнула Шехерезада. — Не сказал он мне. Может, забыл.

— Продолжай, принцесса, — сказал Милодар. — Где нам еще не надо искать Синдбада?

— Он побывал и в обезьяньем городе, — сказала Шехерезада.

— Точнее.

— Он попал в город, все дома которого глядели на море, и перед каждым домом стояла лодка или корабль. Весь день город жил как нормальные города. Но стоило наступить сумеркам, как люди садились в лодки или корабли и отчаливали от берега. Они проводили ночь в море неподалеку от берега, а с рассветом возвращались обратно. И всю ночь, пока город был пуст, в нем хозяйничали обезьяны. В сумерках они спускались с гор и ходили по улицам, ссорились и мирились — вели себя как люди. А с первыми лучами солнца обезьяны уходили обратно в горы, и люди занимали свои дома.

Тут Милодар не выдержал:

— Ты хочешь сказать, что люди, цари природы, мирились с таким унизительным положением? Они не истребили обезьян?

— Дело в том, что обезьяны, — продолжала Шехерезада, — жили на очень высоких деревьях, куда человеку не взобраться. А на этих деревьях росли драгоценные орехи. Так вот, жители города с утра набирали полные мешки камешков и шли в лес. Там они принимались кричать, дразнить обезьян и кидать в них камешками. А как вы знаете, обезьяны любят подражать людям. Они начинали рвать орехи с веток и кидать в людей. Так что к вечеру можно было вернуться домой, набрав мешок орехов.

— Остроумно, — заметил Милодар. — Надо использовать. А еще были приключения?

— Ах, господин комиссар, — вздохнула Шехерезада. — Больше я ничего не могу вспомнить.

— Отлично! — Милодар прошелся по комнате, потом указал пальцем на Алису и спросил: — Как, Аладдин, ты все запомнил?

— Все запомнил.

— Теперь ты знаешь, куда тебе не надо ездить и чего не надо делать?

Алиса стала говорить и загибала пальцы:

— Мне не надо жечь костер на спине гигантской рыбы, мне не надо разбивать яйцо птицы Рукх, не стоит возить на себе злобных старичков, дразнить драконов и ночевать в городе обезьян. И ни в коем случае мне нельзя жениться на племяннице индийского султана.

— Молодец! — сказал Милодар. — А я тебе дам совет. Из рассказа уважаемой Шехерезады следует, что все путешествия Синдбада приводили его на Восток. Значит, страны Востока Синдбад уже объехал. Так что искать его надо на Западе. А теперь я попрошу принести нам волшебную лампу и искусственного джинна.

Милодар нажал на кнопку, которая была спрятана под тарелкой с рахат-лукумом, и сверху раздался голос:

— Дежурный по штабу слушает.

— Попроси лейтенанта Мошкина зайти к нам, — сказал Милодар.

Глава 5

ДЖИНН ДЛЯ АЛАДДИНА

Дверь в гостиную открылась, и появился двухметровый лейтенант Мошкин, который играет в баскетбол за сборную Антарктиды. Вытянув вперед руки, он осторожно нес старинную медную лампу.

— Джинн подан! — сообщил лейтенант.

— Ну давай показывай, — сказал Милодар.

— Вылезай, нечистая сила! — приказал лейтенант Мошкин.

Лампа даже не дрогнула.

— Да поставь ты ее на столик! — сказал комиссар. — И вспомни пароль. Ни один джинн не вылезет наружу, если не сказать волшебное слово.

— А какое слово? — спросил Мошкин. — Мне дали лампу и сказали: отнеси джинна комиссару.

— Вот так с вами всегда, — вздохнул Милодар. Он взглянул на потолок и спросил: — Дежурный, свяжи меня с группой заклинаний и паролей.

— Группа заклинаний и паролей слушает, — тут же послышался голос.

— На какой пароль откликается джинн, который сидит в лампе Аладдина? — спросил Милодар.

— Это секретный пароль, — ответил голос.

— Здесь все свои, — сказал Милодар. — Говори!

— «Цветут каштаны на Елисейских Полях», — ответил отдел паролей.

— Чудесный пароль! Никогда не догадаться. Кто составлял? — взревел комиссар.

— Младший научный сотрудник Сюзанна де Бланш, — сказал голос.

— Перевести Сюзанну де Бланш в парижское отделение нашего архива, — велел Милодар, — и довести до сведения всех сотрудников, что пароль должен состоять из одного слова!

— Так точно, — ответил голос. — Но Сюзанну жалко. Она так кофе умеет готовить!

— Значит, вам жалко себя, а не Сюзанну, — сурово ответил Милодар. — Но пароль менять поздно. Аладдин, вызывай джинна!

— Но это же опасно! — пробасил лейтенант Мошкин.

— Аладдин у нас — опытный полевой агент, — отрезал Милодар. — Он ко всему привык. Правда?

— Конечно, — ответила Алиса. Голос у нее дрогнул.

Она взяла в руки лампу.

— Потри ее рукавом! — приказал комиссар.

Алиса потерла лампу рукавом и вспомнила пароль:

— Цветут каштаны на Елисейских Полях!

И вдруг лампа у нее в руке вздрогнула, задрожала, из нее повалил густой дым, лампа вырвалась из рук, со звоном ударилась о столик, и все услышали страшный голос:

— Кто посмел меня вызывать! На колени, ничтожная тля!

Алиса ничего не видела, к тому же она немного испугалась. Поэтому она сказала:

— Извините за беспокойство.

— Не так! — закричал Милодар. — Аладдин, ты забыл, что джинн — твой слуга. А ну сообщи ему об этом!

— Меня зовут Аладдин, — произнесла Алиса. — И я твой господин.

— Где же ты, мой господин? — откликнулся джинн.

Постепенно дым оседал и уползал за дверь, оставляя черные жирные пятна на полу, одежде и даже на потолке.

— Этого еще не хватало! — Милодар даже на джинна не смотрел, так он был возмущен этим безобразием.

А джинн стоил того, чтобы на него посмотреть.

Хоть он и был надувным, но при этом он получился таким страшным, волосатым, зубастым, рогатым и бородатым, что трудно было поверить, что это только игрушка.

— Кто разрабатывал технологию? — закричал Милодар.

— Доктор Кранц! — ответил голос с потолка.

— Доктора Кранца ко мне! На полусогнутых!

— Доктор Кранц занят, — ответил голос. — Доктор Кранц утешает сотрудницу Сюзанну де Бланш.

— Все ясно. В моей ставке сложился заговор против меня! — сказал Милодар. — Немедленно оторвите доктора Кранца от де Бланш — и пусть мчится сюда.

Джинн тем временем уселся на стол, схватил тарелку с рахат-лукумом и принялся кидать сладости в черную пасть, из которой все еще тянулся черный дымок.

— Что будем делать, хозяин? — спросил он у Алисы. — Хочешь, я всех этих людишек в крыс превращу?

— Не спеши, пожалуйста, — сказала Алиса. — Нам с тобой надо будет найти Синдбада Морехода.

— А это что за красотка? — спросил отвратительный джинн, увидев Шехерезаду. Шехерезада от страха прижалась к стенке.

— Это жена Синдбада, — ответила Алиса.

— Я на ней женюсь, — сказал джинн.

— Помолчи, джинн, — попыталась его остановить Алиса. — Ты же резиновый.

Тут в комнату вбежал главный изобретатель Кранц.

— А, вот вы где! — взревел комиссар. — Предупреждаю вас, доктор, что, пока вы не очистите от сажи эту комнату, домой вы не пойдете.

Кранц встал на цыпочки, чтобы стать повыше ростом. Он был возмущен.

— Без сна и отдыха я делал для вас это чудовище. Вместо благодарности я слышу от вас упреки.

Кранц двигался так быстро, что никто никогда еще не видел его целиком.

— Я с честью выполнил задание. Я создал самого гадкого джинна в мире. Разве он не страшный? — кричал Кранц.

— Разве я не страшный? — спросил джинн и пустился в пляс.

— Но зачем этот дым? — спросил комиссар.

— А чтобы пугать. Сначала дым, а потом джинн.

— И что еще он умеет делать? — спросил комиссар.

Доктор Кранц объяснил, как работает робот-джинн. Джинн был надувным. Если потереть медную лампу, он мгновенно надувался. Одновременно из кувшина вырывался черный дым для маскировки и устрашения врагов, а если необхо-

димо, то и усыпляющий газ, но это было опасно, потому что газ мог подействовать и на самого Аладдина. Джинн мог шуметь, ругаться и пугать, но вообще-то он был безобиден.

В придачу к джинну Кранц успел сделать ковер-самолет, который джинн держал под мышкой.

— Проткнуть джинна нельзя? — спросил Милодар. — Если со стороны кто подойдет.

— Не получится, — ответил джинн, — моя шкура непротыкаемая.

— А как мне загнать тебя обратно в лампу? — спросила Алиса у джинна.

Джинн долго скреб в затылке, потом все же вспомнил:

— Нужен пароль!

— Какой пароль? Про Елисейские Поля?

— Ни в коем случае. Нужен секретный пароль, понял?

У резинового джинна был такой же гадкий характер, как у настоящих.

— Меня охватывает тяжелое предчувствие, — тихо произнес Милодар. Он дернул себя за ухо, и тут же с потолка раздался голос:

— Дежурный по штабу слушает.

— А ну-ка узнай, голубчик, — сказал Милодар, — случайно не Сюзанна де Бланш разрабатывала пароль на исчезновение джинна?

— Именно она, — ответил голос.

— Это катастрофа! — произнес комиссар. — И какой же пароль она выдумала?

— Одну минутку... ага, вот такой: «А ля гер ком а ля гер».

— Это еще что такое? — взвыл комиссар.

— На войне как на войне, — перевела пароль Алиса.

— Еще один пароль Сюзанны де Бланш, — сказал тогда Милодар, — и я ухожу в отставку.

Глава 6

АЛАДДИН В БАГДАДЕ

Когда подготовка к путешествию была закончена и джинн благополучно заснул внутри медной лампы, Алиса попрощалась со своими друзьями и знакомыми и покинула гостеприимную Антарктиду.

Она полетела в Москву, в Институт времени, а оттуда перебралась в дупло старого дуба, что стоит на краю Дремучего леса в эпохе легенд.

Там ее ждал старый волшебник Оох. От дуба волшебством Ооха Аладдин в одно мгновение перелетел к городу Багдаду, но входить туда волшебник Оох не стал, потому что у него свои сложные отношения с тамошними волшебниками. Они уже три тысячи лет не могут решить, кто из них хитрее и сильнее.

— Спасибо, Оох, — сказала Алиса. — Я пошел.

— Если будет совсем плохо, ты знаешь, что надо сказать об этом любой ласточке. Ласточки — мои слуги, они тут же за мной полетят.

— Не беспокойся, Оох, — сказала Алиса. — У меня много друзей везде. Я ничего не боюсь.

Волшебник Оох, похожий на бродячего дервиша в длинном коричневом халате и высоком черном колпаке, долго стоял у ворот великого города Багдада и смотрел вслед мальчику, о котором он, конечно же, знал, что это на самом деле девочка.

Как и было договорено.

Теперь, пока Алиса не возвратится к машине времени, спрятанной в старом дубе, никакой связи с ней не будет. Она должна действовать сама по себе.

Никакую другую девочку комиссар Милодар не отпустил бы на такое опасное дело, но Алиса для него была настоящим агентом, и он не мог видеть в ней ребенка. «Агент Алиса Селезнева», — сказал он про себя и повторил вслух:

— Агент Селезнева.

Пока Милодар размышлял так в своем кабинете, мальчик Аладдин вошел в город Багдад и не спеша пошел по улицам, чтобы не привлекать чужого внимания.

Улицы кишели народом, в лавках торговали всем, что можно было найти в арабских странах, в Индии и даже в Атлантиде.

Порой посередине улицы обнаженные до пояса мужчины проносили носилки с богатыми горожанами или проезжали верхом воины или вельможи эмира. Аладдин, никем не замеченный, прошел мимо базара и попал в тихий район, где за высокими глиняными заборами — дувалами — прятались богатые дома.

Шехерезада сказала Алисе, что надо перейти горбатый мостик через арык, повернуть направо — и там будут ворота, вы-

кованные из красной меди и позолоченные, чтобы даже в дурную погоду они бросали вокруг солнечные блики.

Над глинобитным забором поднимались вершины пальм и деревьев манго, украшенных оранжевыми плодами. Ворота были приоткрыты, а по ту сторону дремал, сидя на корточках, сторож с копьем в руке.

Алисе не нужно было заходить в дом. Она даже не стала заглядывать во двор, хоть и любопытно было бы посмотреть, как живет Синдбад Мореход.

На счастье, к воротам изнутри подошла служанка с корзиной.

— Эй, — сказала она стражнику, — ты обед проспишь!

Сторож вскочил и спросонья застучал древком копья о землю, поднимая пыль.

— Я и не собирался спать, Гюльчатай! — зарычал он, показывая, какой он грозный.

— Тогда возьми метлу и подмети двор, — сказала служанка и выбежала за ворота.

«Вот человек, с которым можно поговорить!» — решила Алиса.

— Простите, — сказала она, догоняя служанку. — Не можете ли вы мне сказать, вернулся ли домой уважаемый Синдбад Мореход?

Служанка остановилась и строго посмотрела на мальчика:

— Зачем тебе нужно? А ну отвечай!

— Мой покойный папа, — сказал Аладдин жалобно, и слеза упала на его щеку, — мой покойный папа, когда умирал, велел мне: «Найдешь моего друга Синдбада Морехода, человека самого щедрого и справедливого во всем Багдаде, и он возьмет тебя юнгой на свой корабль».

— Эх, чует мое сердце, что ты не врешь, мальчик, — вздохнула служанка. — Но уже второй год, как мы ничего не знаем о нашем хозяине. Раньше он отовсюду присылал нам почтовых голубей или письма со встречными кораблями. Сейчас же ничего не известно. И я скажу тебе больше — недавно пропала наша несравненная Шехерезада. Сам шах, который давно питает к ней душевное расположение, приказал поднять на ноги всю городскую стражу, оповестить пограничников нашего царства — но все впустую. Даже волшебники колдовали целый день и не смогли решить, куда же делась Шехерезада. Не похитил ли ее дракон или злобный король подземного царства?

— Вернется ваша Шехерезада, — сказал Аладдин, — точно знаю.

— Почему знаешь?

— Потому что я ее сегодня видел живой и здоровой.

— Стой! Где ты ее видел, негодный мальчишка?

— Я видел ее в Антарктиде! — честно ответил Аладдин и кинулся бежать.

Служанка гналась за ним до самого базара, потом отстала, и шаги ее затихли за его спиной.

Главное Алиса узнала — Синдбад Мореход домой не возвращался, и никто не знает, где он находится. Значит, надо будет искать его по следам.

Багдадский порт был велик, сюда по реке от моря поднимались даже морские суда, и на набережной, между тюков, ящиков и связок товаров, можно было увидеть людей с кожей самого разного цвета, от черных зинджей, каффиров и курчавых эфиопов до смуглых либо белокожих индусов, широколицых желтокожих китайцев и японцев, ступающих так гордо, словно их узкие, с орлиными носами лица были обращены взором внутрь себя. А среди перекупщиков, что приехали за товарами с Севера, было немало жителей степи с кожей цвета обожженного кирпича, но были и вовсе белые люди, даже волосы у них были белые — они пришли от самой границы наступающих льдов. Их караваны везли мамонтовую кость и меха.

Мальчишка с лампой сразу пошел в харчевню — посреди нее горел костер, и вокруг костра на палочках были насажены рыбины. Там же на шампуре, подобном копью, жарилась баранина, и острым кинжалом торговец отсекал куски мяса и кидал на глиняные тарелки.

Перекусив, Аладдин подсел к большой компании грузчиков, у которых как раз был обед. Он завел беседу о великом и знаменитом Синдбаде Мореходе. Все с удовольствием рассказывали сказки и правдивые истории о нем, но ничего нового Аладдину узнать не удалось. Эти сказки Алиса читала в детстве, смотрела мультики или слышала от Шехерезады.

Алиса уж собралась идти дальше, как в харчевню заглянул широкоплечий курчавый человек, как оказалось, грек с какого-то острова, лежащего за западным морем.

— Да я видел Синдбада, — сказал он. — Собственными глазами его видал на Крите.

— Где? — вскочила Алиса.

— А тебе зачем это знать, мальчик? Ты небось и слова такого — Крит — не слышал. И твое счастье, если не слышал.

Грек прошел к хозяину харчевни, и тот налил ему полную глиняную кружку вина.

Алиса подобралась к греку поближе и спросила:

— Когда вы видели Синдбада? Мне очень нужно это узнать.

— Спиро еще ни разу не сказал неправды! Клянусь Зевсом! — воскликнул грек, и все в харчевне стали кричать:

— Он такой человек! Это точно! Лучше помрет, но не соврет!

— А ты кем будешь Синдбаду? — спросил Спиро.

— У меня послание ему от моего отца, — сказал Аладдин.

Грек оглядел Алису с ног до головы и вдруг, обернувшись к толпе грузчиков, спросил:

— Врет мальчишка или как?

— Врет! — закричали грузчики. — Не наш он, не видели мы его никогда.

— И одет он странно, — сказал кто-то из грузчиков. — Наверно, шахский шпион.

И Алиса поняла — надо отсюда бежать! Наверное, все правильно сшили и изготовили в мастерских техника Кранца или лейтенанта Мошкина. Но в чем-то глаза грузчиков углядели подделку.

Алиса скользнула к выходу, выбежала на раскаленную солнцем набережную и спряталась за грудой тюков, чтобы не упустить грека Спиро, когда он выйдет. Дело обстояло совсем не так плохо — в первый же день обнаружился след Синдбада.

С каждой минутой становилось жарче.

Алиса оглянулась — может, где-нибудь здесь протекает ручеек или продавец воды сейчас пройдет по набережной.

Неизвестно, когда грек выйдет из харчевни, а если побежать искать воду — то можно его упустить.

Прошло еще несколько минут, и Алиса поняла — сил терпеть не осталось. «Вон там, на корабле, стоят матросы — я попрошу у них попить». Алиса подбежала к стоявшему у пристани кораблю.

— Простите, — крикнула она, — у вас не найдется воды напиться? Я вам заплачу, у меня есть деньги.

На палубе судна стояло несколько матросов. Услышав просьбу Алисы, они прямо упали со смеху. Они корчились в хохоте, они падали на палубу, будто ничего смешнее они в жизни не слышали.

— Ну почему вы смеетесь? — обиделась Алиса. — Что такого в моем вопросе?

— Они смеются, — услышала Алиса голос грека Спиро, который именно в тот момент вышел из харчевни, — потому что видят нищего мальчика, а он хочет заплатить за воду. Видно, ты и в самом деле не тот, за кого себя выдаешь.

Алиса кинулась бежать по пристани. Несмотря на жару, на некоторых кораблях еще шла погрузка, на других готовились к отплытию, так что многие видели, как по пристани бежит мальчишка, а за ним — здоровый бородатый курчавый мужчина. Все решили, что грек гонится за воришкой, и один из матросов ловко подставил ей ногу. Алиса упала, медная лампа покатилась вперед. Грек схватил Алису за шиворот, потом приподнял легко, как котенка, и, сделав еще шаг, подобрал лампу.

— Ты хотел поговорить со Спиро? — спросил грек. — Как тебя зовут?

— Хотел, — сказала Алиса, — а зовут меня Аладдином.

— А что у тебя за лампа? Она похожа на волшебную.

— Самая обычная лампа!

— Неправда. Но не в этом дело. Сегодня вечером мой «Пинос» отплывет в Грецию. Туда, где в последний раз видели твоего Синдбада. Ты хочешь плыть со мной?

— Да, — сказала Алиса.

— За это отдашь мне лампу.

— Только когда я найду Синдбада, — сказала Алиса.

— А пока лампа полежит у меня, — сказал грек.

Алиса подчинилась и поплелась за Спиро.

Они поднялись на корабль с загнутым носом и квадратным парусом. Кормчий и надсмотрщик над гребцами вышли встречать хозяина.

— Этот мальчишка, Аладдин, будет у нас на корабле. Мы его определим в помощники повару.

Кормчий не стал спорить. Наоборот, он сказал:

— Правильно, наш повар не справляется.

— Иди к повару, — велел Спиро мальчику. — А когда выйдем в море, придешь ко мне в каюту, и мы с тобой вместе посмотрим, что там у тебя спрятано в лампе.

И капитан корабля потряс лампой, прислушиваясь, не звенят ли в ней монеты. Но Алиса знала, что без пароля кувшин открыть нельзя. А уж наверное грек Спиро не знает французского языка, хотя бы потому, что французский язык еще не выдумали.

Глава 7

БЕСПОЛЕЗНЫЙ ДЖИНН

Повар оказался очень худым человеком с двумя горбами.

— Ты так на меня не смотри, — сказал он своему новому помощнику, — а то поварешкой пришибу. У меня один мальчишка раньше был, все смотрел и смотрел, вот и получил поварешкой по голове, с тех пор кормит акул.

Повар оскалил зубы, но Алиса, с ее большим жизненным опытом, догадалась, что повар ее просто пугает. Такое у него чувство юмора.

Аладдину выделили подстилку за мешками с мукой и ячменем. Его работа заключалась в том, чтобы относить еду капитану и кормчему, у которых были отдельные каюты, мыть кастрюли и котел для каши.

К вечеру Алиса устала до смерти. Попробуй выскрести котел из-под ячменной каши и перемыть сто тарелок!

Она свалилась на мешки и сразу заснула. Повар растолкал ее на следующее утро. Корабль шел по широкой реке. Гребцы пели бодрую песню. День опять прошел в трудах, а на третий день «Пинос» вышел в море.

Пока ветер не надул парус, работали гребцы, сидевшие на поперечных скамейках. Потом они подняли весла, и корабль, набирая скорость, понесся по гладкому морю на юг, к проливу между Африкой и Азией, тому самому, на месте которого сегодня пришлось прорыть Суэцкий канал. В эпоху легенд проливы и моря были расположены не совсем так, как сегодня.

Когда стемнело и гребцы улеглись на скамьях, дремали или играли в кости, капитан велел Алисе подняться к нему в каюту.

Он сидел за столом без скатерти, перед ним стояла медная лампа Аладдина.

— Ну что, мальчик, будем разговаривать или в игрушки играть? — спросил грек.

— Я вас не понимаю, — ответила Алиса.

— Еще бы! — Капитан покрутил черные усы и сверкнул черным глазом. — Фитиля в лампе нет, масло не булькает.

Капитан даже поднял лампу, чтобы посмотреть, булькает или не булькает. И оказался прав — не булькает.

— Золота в лампе нет — слишком легкая.

Капитан снова потряс лампой, чтобы показать, какая она легкая.

— К тому же лампа не открывается — я тут все ножи поломал.

Капитан показал на поломанные ножи, что лежали на столе.

— Теперь ты сам, как хороший мальчик, расскажешь мне, зачем тебе такая лампа.

— У меня масло кончилось, — быстро ответила Алиса.

— Ну что ж, — сказал грек. — Жалко мне было это делать, но придется лампу пилить. Вон мне и пилу уже принесли.

Пила и в самом деле стояла, прислоненная к ножке стола. Зубья у нее были сделаны из зубов акулы.

— Жалко, — сказала Алиса. — Хорошая медная лампа, а вы хотите ее распилить. Лучше верните ее.

— Ты думаешь, что я глупый? — спросил грек. — Ты думаешь, если перед тобой неграмотный греческий капитан, то он не знает, что таскают мальчишки в медных лампах?

— А что?

— Конечно, джиннов!

— Я думаю, что вы преувеличиваете, — сказала Алиса.

— И вот что я решил, — сказал капитан. — Лампу мы, конечно, распилим, а тебя за вранье выбросим за борт.

Он смотрел на Алису склонив голову и крутил кончики усов. А Алиса его не боялась. И не потому, что была отважной девочкой. Она поняла, что грек, хоть и правильно разгадал секрет лампы, убивать Аладдина не собирается. Боится он, что джинн разозлится. Кому понравится, если твой дом пилят без разрешения...

Нет, не будет капитан рисковать, он будет хитрить.

И Алиса стала ждать, как будет хитрить греческий капитан.

Капитан вздохнул, посмотрел в потолок и спросил:

— Чай пить будешь?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я напился.

— А может, договоримся полюбовно? — спросил капитан. — Ты мне лампу, а я тебе скажу, куда поплыл с Крита Синдбад Мореход.

— А зачем вам лампа? — спросила Алиса.

— Мне надо жениться на дочке властителя острова Пафос. Никак он мне ее не отдает. А я весь высох от любви. Видишь?

Грек не выглядел высохшим.

— Не знаю, — сказала Алиса, — мне надо посоветоваться с джинном, сможет он помочь или нет.

— Ага! Признался, гадкий мальчишка, что джинна с собой таскаешь! — закричал капитан.

— Потише, капитан, — сказала Алиса. — Зачем будить всех гребцов? Сейчас они сбегутся сюда, а у каждого свое желание...

В этот момент низкая дверь без стука отворилась, и в ней появился худой помощник капитана — кормчий.

Его черный птичий взгляд упал на лампу и тут же перелетел на Алису.

— Ты что пришел? — спросил капитан.

— Шумели у тебя очень, Спиро, — сказал помощник. — Как бы не зашибли тебя.

— Меня? Зашибить? Да такого не найдется...

— Я ж не о мальчонке говорю, — сказал кормчий, — но некоторые матросы и гребцы недовольны. Они думают, что этот мальчишка не просто мальчишка, а Аладдин и в лампе у него таится джинн. Ты знаешь, капитан, каждому хочется своего джинна заиметь. У каждого полон рот желаний.

— Все! — разозлился капитан. — Долой отсюда! Всем спать! И пусть только кто-то посмеет залезть ко мне в каюту, я тут же ему голову отрублю. Вы меня, бандиты, знаете.

Капитан выхватил из-за пояса кривой нож, и его помощник задом выскочил из каюты. Алиса успела заметить, что за дверью толпятся матросы, стараясь заглянуть в капитанскую каюту.

Капитан захлопнул дверь и задвинул ее на засов.

— Все, — сказал он, — теперь мы победили.

— Кого же мы победили? — спросила Алиса. — Как же мы отсюда выберемся?

— Ничего страшного, — приказал капитан. — Мы твоему джинну прикажем нас отсюда отвезти на остров Крит на новом корабле. Вот мои матросы и останутся в дураках.

— А что, если у меня нет джинна?

— А если нет, то я тебя первым зарежу, — расхохотался Спиро. — Ну как, есть или нет?

— Он не сможет такое сложное желание выполнить.

— Чепуха! Для джинна это — пара пустяков. Ты еще молодой, а я сказок про джиннов наслушался — ты не представляешь сколько. Да чего время тянуть — вызывай джинна, мы его спросим. Да ты не бойся, не бойся, я же заклинания не знаю, так что если джинн вылезет, он только тебя и будет слушаться. Давай, давай, время не ждет.

— А если джинн вылезет, вы скажете, где искать Синдбада?

— Да мы вместе с тобой Синдбада отыщем.

Алиса подумала — как хорошо, что пароль такой сложный. Никто за ней его не повторит. Она потерла бок лампы.

— Ах, цветут каштаны на Елисейских Полях! — сказала она вполголоса. И тут же изнутри лампы послышалось ворчание и все нарастающий шум. Спиро побледнел и отскочил от стола. Из лампы рвануло черное облако дыма. — Не так буйно, — попросила Алиса джинна, — потом два дня за тобой не отмоешь.

— Я не виноват, — послышался голос из облака, — спрашивайте с доктора Кранца.

Капитан Спиро был отважным мореходом, но, конечно же, при виде черного дыма и звука могучего голоса он забился в угол своей каюты.

— Чего вызывали? — спросил джинн. Один его вид — зеленого, с физиономией исключительного уродства — способен был перепугать и современного разумного человека, каково же было обитателю сказочного времени!

— Скажи, мой слуга, — сказала Алиса. — Можешь ли ты выполнить мое приказание?

— Как всегда, — ответил джинн, — я склоняю бороду к твоим стопам и сдуваю пылинки с пальчиков твоих ног. Приказывай, Аладдин!

— Я сам все объясню, — сказал Спиро и вылез из-под стола. Слова джинна его успокоили. — Вы меня слушаете?

— Я слушаю только Аладдина, — ответил джинн.

— Я говорю устами этого доброго капитана, — объяснила Алиса.

— И что тебе надо, добрый капитан? — спросил джинн.

— Этот корабль попал в руки злых и недостойных моряков, — сообщил Спиро. — Они хотят нас убить.

— Ничего страшного — я их сейчас всех перебью, — сказал джинн, и тут же за стенами каюты послышался топот. Алиса поняла: моряки подслушивали их разговор с джинном и побежали прятаться.

— Нет, убивать их не надо, — быстро сказала Алиса. — Пускай живут. Но мой капитан хочет, чтобы ты перенес нас поближе к острову Крит и дал нам корабль, полный товаров.

— А этот чем тебе не нравится? — спросил джинн.

— Он — маленький, старый, и ходить на нем — сплошное разорение. Пускай он останется моему помощнику, а я хочу такой... такой... три палубы... пять палуб... три мачты... шесть мачт...

— Но, капитан, — сказал тогда джинн. — Я относительно небольшой и мирный джинн. Моя работа — защищать мальчика Аладдина, а не строить корабли и не носить их через все моря. Так что отстань от меня со своими глупыми запросами. Или ищи себе другого джинна, пострашнее.

— Слабосильных джиннов не бывает! Ты не джинн, а бездельник! — возмутился капитан Спиро.

— Не оскорбляй моего джинна! — рассердилась Алиса.

— Ну а что ты можешь? — помолчав, спросил Спиро у джинна.

— Могу тебя придушить.

— Это каждый джинн может.

— Могу скатерть-самобранку устроить, попируем, — сказал джинн.

— Да мы только что от Багдада отплыли.

— У меня есть ковер-самолет, — сказал джинн. — Могу тебя перенести в другую страну, только не очень далеко и не очень быстро.

— Ну почему мне так не везет с джиннами! — закричал Спиро.

— Потому что я сравнительно новый и синтетический.

— Я не знаю, что значит — синтетический, — сказал Спиро. — Это, наверное, ругательство, вроде как бы горбатый.

В окошко, ведущее на палубу, сунулась физиономия моряка.

— Мы все слышали, — сказал матрос. — Зла на тебя, капитан, не держим. Ты, так же как и мы, с этим мальчишкой попался. Пускай этот джинн в парус дуть будет. Хоть какая-то польза.

— Как это в парус дуть? — спросил джинн.

— Станешь дуть, а наш корабль будет нестись по волнам.

— Еще чего не хватало! — возмутился джинн. — У меня задача охранять мальчика, а не дуть в ваши дурацкие паруса.

— Мальчишка, а ну прикажи джинну! — сказал капитан. — А то и в самом деле выкупаешься.

— Ты как, джинн? — спросила Алиса. — Тебе не трудно?

— Мне не трудно, но унизительно, — ответил джинн. — Пошли наружу, покажете мне, что надо делать.

Джинн с трудом протиснулся в дверь капитанской каюты и оказался на палубе. За ним вышли капитан Спиро и Алиса.

Со всех сторон сошлись гребцы и матросы.

— Иди сюда! — приказал помощник капитана. — Дуй, только не перестарайся.

— Нет, — сказал джинн. — Гордость не позволяет.

— Ах так! — воскликнул капитан. — Тогда выкиньте их с мальчишкой в море.

Джинн только и ждал этого момента. Он нажал на кнопку, которой его снабдил доктор Кранц, и облако голубого сонного газа окутало весь корабль.

Это было последнее, что успела увидеть Алиса.

После этого она заснула, и ей снилось, как она идет по марсианской полянке, усыпанной марсианскими незабудками.

Глава 8

В ПЛЕНУ У ПИРАТОВ

Алисе было больно и холодно.

Она открыла глаза.

Оказывается, джинн схватил ее за ноги и окунает через борт в воду. Одна туфля свалилась, феска упала, головой Алиса ударилась о борт.

— Ты что делаешь? — Она старалась высвободиться из рук своего слуги.

— Не беспокойся, господин, — ответил джинн. — Дело простое. Я на них выпустил сонный газ. Теперь на ближайший день их не разбудить, да вот беда — вы тоже почему-то заснули.

— Хоть бы велел минуту не дышать, — проворчала Алиса.

— Я, господин, и не подумал, что вы дышите, — признался джинн.

— Для джинна ты одновременно слишком образован и слишком глуп, — сказала Алиса.

— Мне обидеться? — спросил джинн.

— Тебе помолчать, — сказала Алиса.

Пока все складывалось неудачно. На палубе храпели матросы, сам капитан спал в каюте — одни ноги торчали наружу. Повар заснул на кухне, и Алисе пришлось бежать туда тушить очаг.

— Я не могу позволить этим дикарям над собой издеваться, — сказал джинн. — Мой изобретатель, доктор Кранц, мне всегда говорил: «Гансик, держи нашу честь высоко».

«Господи, — подумала Алиса, — он еще и Гансик! Ну почему не Бонапарт?»

— Куда дальше плыть будем? — спросил джинн.

— Надо будить капитана. Без него далеко не уплывем, — сказала Алиса.

— Ни за что! Он меня обидел.

Алиса обернулась в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы стукнуть джинна по голове, и тут увидела далеко-далеко на фоне вечерних облаков косой парус.

— Это еще что такое? — спросила она. — Давай узнаем, кто там плывет.

— Погоди, господин, — возразил Гансик. — А может, это плохие люди?

Корабли быстро сближались, и уже через десять минут стало ясно, что джинн, к сожалению, оказался совершенно прав. На высокой мачте корабля, что несся за ними, трепетал черный треугольный флаг с белым черепом и красными костями.

— Мне кажется, это пираты, — предположила Алиса.

— Не знаю, что такое пираты. Доктор Кранц не закладывал мне в память такого понятия.

— А зря! — сказала Алиса. — Какое у тебя есть оружие?

— Только оборонительное! — гордо ответил джинн.

— Конкретнее! — приказала Алиса.

— У меня есть гранаты с вонючим газом.

— Далеко умеешь их кидать? — спросила Алиса.

— Метров на сто, — ответил джинн.

— Тогда подождем, пока подплывут поближе. А вдруг они и не хотят на нас нападать?

Алиса с джинном стояли на корме, у руля, и смотрели, как корабль с черным флагом приближается к ним.

Корабль казался пустым. Виден был только рулевой, да чалма еще одного пирата выглядывала из бочки на мачте.

— Может, это «Летучий голландец»? — спросила Алиса. — Летает по воле волн, у руля стоит скелет, а остальные моряки куда-то пропали?

И тут с пиратского корабля донесся крик:

— Спускай парус и сдавайся, а то отправим кормить акул!

— Может, сдаться? — спросил джинн. — Акулам и без нас есть кого кушать.

— Неужели ты испугался? — спросила Алиса.

— Я не знаю страха! — ответил джинн. — Но я не умею плавать.

— Не бойся, не утонешь, — сказала Алиса. — Ты же надувной.

— Ты клянешься, что я не утону?

— Клянусь.

— Ну тогда я покажу этим пиратам! — зарычал джинн и выпустил из пасти клуб черного дыма. — Дрожите, ничтожные пираты! Вам от меня не уйти!

Второй пират, который сидел в бочке на мачте, закричал хриплым голосом:

— Капитан, это не настоящий джинн. Это джинн-недоросток! Я точно знаю!

— Ах, недоросток! — воскликнул джинн и метнул в пиратов вонючую гранату.

Граната взорвалась как раз под мачтой, и облако зеленого дыма поднялось к бочке, в которой сидел один из пиратов.

— Вот и все, — сказал джинн, потирая лапищи. — Сейчас они сдадутся на милость победителей.

Но как он ошибался!

С мачты пиратского корабля донесся хриплый голос:

— Слушай, они в нас сыром «Рокфор» кидаются! Только самого сыра я что-то не вижу.

Зеленое облако улетело в сторону, и пиратский корабль продолжал гнаться за «Пиносом».

— Капитан, — раздался снова голос с мачты, — будь другом, пристрели этого наглого джинна-недоростка! А то еще чего-нибудь кинет.

Рулевой пиратского корабля поднял с палубы лук, заложил в него стрелу с каленым наконечником и прицелился.

Джинн, увидев это, начал бить себя в грудь, как горилла, и громко вопить:

— Ну стрельни! А ну попробуй! Да от меня гранаты отскакивают!

Рулевой не смутился и выпустил стрелу, которая со свистом разрезала воздух и вонзилась в пузо роботу-джинну. И удар ее был таким сильным, а наконечник таким острым, что он пробил тройной слой пластика и резины, хотя доктор Кранц клялся, что джинну ничего не грозит.

— Ууууух! — вышел из джинна воздух, он сложился и превратился в большую разноцветную тряпку.

Так Алиса оказалась одна против пиратов на корабле «Пинос», где беспробудно спали капитан Спиро, сто гребцов и матросов.

Деваться ей было некуда, оставалось только ждать, пока ее возьмут в плен или отправят на корм акулам.

Через несколько минут пиратский корабль догнал «Пинос», прижался к нему бортом и рулевой крикнул:

— А ну, кто есть живой, выходи с поднятыми руками!

Алиса не выносила выходить с поднятыми руками.

Поэтому она забежала за каюту капитана, чтобы ее не было видно.

Она услышала чьи-то легкие шаги и голос:

— Здесь сонное царство! Сто человек спят без задних ног. Перепились, что ли? А может, заколдованы?

— Ты осторожнее, Аль-Могила, — произнес крикун, — нам еще с тобой заклинателей не хватало!

— Но если они заколдованные, — сказал пират с загадочным арабским именем Аль-Могила, — может, среди них наша Гюль-Гюль?

— Ну что за чепуху ты несешь! Ты лучше загляни за каюту капитана. Не может быть, чтобы на корабле с нами один джинн сражался. Мне кажется, что рядом с ним стоял мальчишка.

Алиса не смела пошевелиться. Если попытаешься убежать — рулевой сразу тебя увидит. И, уж наверное, у него найдется еще одна стрела! Или этот самый Аль-Могила разрубит ее саблей...

Все ближе стучат легкие шаги. Алиса зажмурилась и тут же услышала совсем рядом голос. Он раздался снизу, от коленок. Как будто Аль-Могила подполз к ней незамеченным.

— Вижу мальчишку! — сказал Аль-Могила. — Он жмурится от страха. Что делать?

Алиса открыла глаза.

И увидела, что перед ней стоит не человек, а большой зеленый попугай.

Алисе приходилось видеть в жизни разных попугаев. Белых и синих, красных и разноцветных, серых и зеленых, говорящих и поющих, умных и глупых. Но это был особенный, пиратский попугай.

Аль-Могила ростом был чуть побольше вороны, но, видно, в жизни ему пришлось немало пережить. Один глаз был у него завязан наискосок черной ленточкой, вместо правой ноги у него была аккуратно выпиленная деревяшка, а подмышкой левого крыла он опирался на костыль.

Голову попугая украшала белая чалма с золотым полумесяцем. Физические недостатки не мешали попугаю шустро передвигаться по палубе. Единственный глаз сверкал, как изумруд. Голос у птицы был хриплый и нахальный.

— Ты чего молчишь? — спросил он Алису. — Язык, что ли, проглотил, Мандалай?

— Ничего я не проглотил, — ответила Алиса.

— А меня, кстати, надо бояться. Я и заклевать могу. Смотри, — сказал попугай. — На моей совести немало невинных душ. Я ведь безрассудный: сначала заклюю, а потом разбираюсь, кто прав, а кто виноват.

Пиратский корабль привалился бортом к «Пиносу». Алиса разглядела рулевого пиратского корабля — мальчишку чуть постарше ее самой. Черные курчавые волосы были схвачены красным платком, на ногах — красные штаны до колен, подвязанные широким золотым ремнем, за который был засунут кинжал.

Алиса поймала конец тяжелого каната.

— Давай заматывай, крепи! — крикнул мальчишка.

— А наш мальчик — сухопутная крыса, — сказал попугай.

— Помолчи, Аль-Могила! Ты лучше скажи, что будем делать с сонными пленниками?

— За борт их, — сказал попугай. — Чего жалеть-то.

— Тебе бы всех утопить. — Мальчишка обернулся к Алисе: — А тебя как зовут?

— Аладдин, — ответила Алиса.

— Что-то знакомое имя. Так это твой джинн в лампе был?

— Вы его убили!

— Вот чудо! — закричал попугай Аль-Могила.

Как потом оказалось, это маленькое существо не выносило, если его звали попкой, попугаем, птичкой или даже смели сократить его боевое имя. Он разрешал называть себя Аль-Могилой. Но не иначе. Попугаю было триста лет, из них двести он провел на пиратских кораблях, так что считал себя последним профессионалом пиратского дела.

Попугай тяжело взлетел над палубой — летать ему мешал костыль, который приходилось держать под мышкой, и сделал круг над кормой, где лежал джинн с выпущенным воздухом.

— Похоже, сдох, — сказал попугай. — Надо будет всем рассказать, как мне удалось в поединке одолеть настоящего джинна. Этого мне еще делать не приходилось.

— А почему все спят, а ты нет? — спросил мальчик-пират.

— Потому что мне не хочется, — ответила Алиса.

— Ты отвечай, не увертывайся. Ты у нас с Аль-Могилой в

плену, — сказал мальчик, положив ладонь на рукоятку одного из кинжалов.

— Я вас не боюсь, — произнесла Алиса. — Ты, наверное, слышал, что Аладдин ничего не боится, потому что он хитроумный.

— Хитроумный ты был, пока у тебя джинн в лампе болтался, а теперь ты — пустое место.

— Что тебе нужно от меня узнать? — спросила Алиса.

— Это твой корабль? — поинтересовался мальчик.

— А как тебя зовут? — спросила вопросом на вопрос Алиса.

— Меня зовут Рашид, — ответил мальчик. — Я буду со временем великим полководцем или даже султаном.

— Это не мой корабль, — сказала тогда Алиса. — Капитан Спиро согласился взять меня на борт мальчиком на кухню, помогать повару.

— То-то ты так бедно одет!

— Это был несчастный случай, — сказала Алиса. — А почему ты один на корабле?

— Он не один, он не один! — закричал попугай, который уже взлетел на мачту. — Он со мной, так что можете не беспокоиться.

— А джинн твой был? — спросил Рашид.

— Мой.

— А куда вы плыли?

— Куда плыл Спиро, я не знаю, но он обещал отвезти меня на остров Крит, где недавно видели Синдбада Морехода.

— На что тебе Синдбад Мореход? — спросил Рашид.

— Меня просила его найти Шехерезада.

— А что тебе за это обещали?

— Ничего, — сказала Алиса. — Это же приключение!

— Ты только из-за приключения помчался в море? — спросил Рашид. — Аль-Могила, ты слышишь, что говорит этот малыш?

— Я слышу и удивляюсь, — ответил попугай. — Типичный Мандалай!

— Такие мальчишки встречаются редко, — сказал Рашид.

— А что с этими делать будем? — кивнул попугай на матросов.

— А пускай себе спят, — сказал Рашид. — Мы ограбим корабль, а они пускай спят.

— Можно начать грабеж? — спросил попугай Аль-Могила.

— Давай, разве тебя остановишь, — вздохнул мальчик.

Он перепрыгнул на палубу «Пиноса» и протянул Алисе руку:

— Давай будем дружить. Ты мне, Аладдин, понравился.

— Но у меня теперь нет джинна, — сказал Аладдин.

— Обойдемся. Ты будешь носить пустую лампу, а люди будут подозревать, что там джинн.

— Ах, нет! — закричал из каюты капитана попугай. — Пускай Аладдин таскает в лампе меня. А я буду работать вместо джинна.

Алиса засмеялась, но попугай не любил шуток.

Он выскочил, хромая, из капитанской каюты и погрозил Алисе костылем:

— Ты что, считаешь, джинн меня страшнее? Да ты у Рашидика спроси! При виде меня джинны разбегаются.

Алиса пожалела птичку-инвалида и перестала смеяться.

— Я думаю, — сказал Рашид, обходя палубу корабля Спиро и заглядывая в трюм, откуда доносился дружный храп гребцов, — что мы опустим плавучий якорь, чтобы их не кинуло на скалы. И я надеюсь, что сон у них не вечный.

— Наверняка не вечный, — ответила Алиса. — Доктор Кранц плохого не придумает.

— Кто?

— Я тебе потом расскажу, хорошо? — сказала Алиса.

Рашид ей тоже понравился, хоть и был пиратом.

— Тогда давай вернемся на наш корабль, — предложил Рашид, — там напьемся чаю. Мне не хочется, чтобы они вдруг проснулись, а мы здесь сидим.

Алисе тоже этого не хотелось.

— Аль-Могила! — закричал мальчик. — Вылезай, возвращаемся к себе.

— Помоги тащить! — откликнулся попугай.

Он волок по полу шкатулку с золотом и драгоценными камнями.

— Извини, Рашидик, — спросила Алиса, — неужели тебе нужно столько золота?

— Мне нужно куда больше золота. Иначе зачем бы я пошел в пираты? — со вздохом ответил мальчик.

Он подхватил тяжелую шкатулку с драгоценностями и перенес к себе на корабль.

Потом крикнул Алисе:

— Ты останешься или плывешь с нами?

— А вы куда? — спросила Алиса.

— Если ты хочешь, то на Крит. Нам все равно. А оставаться на «Пиносе» тебе опасно. Как они увидят, что нет драгоценностей, они тебя растерзают.

Алиса перепрыгнула к пиратам.

— Учти, — сказал попугай, устраиваясь на борту рядом с Алисой, — что с точки зрения закона ты вступаешь в компанию бандитов и грабителей. Если тебя поймают, то обязательно отрубят голову.

— Ну, раз мне все равно голову терять, — сказала Алиса, — лучше с вами.

— Эй! — воскликнул Рашид. — Они просыпаются.

И в самом деле, один за другим матросы на корабле Спиро открывали глаза, поворачивались, поднимались, еще минута-две — и они все вспомнят.

Рашид кинулся к борту и стал рубить канат.

Он крикнул Алисе:

— Стой у руля!

Алиса схватилась за рукоять руля. Она была толстой и тяжелой и вырывалась из рук.

Но, к счастью, Рашид перерубил канат, и течение быстро разнесло корабли в разные стороны, а поднимавшийся вечерний туман скрыл пиратов.

Глава 9

НЕСЧАСТЬЕ РАШИДА

Попугай Аль-Могила быстро ходил по борту, опираясь на костылик.

— Славно, — повторял он. — Славно. Теперь у нас настоящая банда. Пока мы были с Рашидиком вдвоем, мы были дуэтом. А сейчас настоящая банда. И придется вам избрать меня предводителем.

— Почему? — спросил Рашид.

— Ах, ему неясно, Мандалай! — возмутился попугай. — Кто здесь самый старший? Кто настоящий разбойник? Я — Пират-Костыль, гроза морей Аль-Могила!

Алиса сказала:

— Давайте я ужин приготовлю. Я умею готовить.

— Только пшено не трогай! — предупредил попугай. — Я пшено так люблю, что готов убить каждого, кто притронется

к мешку. Вы ешьте что хотите, а мне отсыпьте пшена. Это настоящая пиратская пища!

Алиса пошла на кухню. Кухня была простым очагом на корме судна, огороженным камнями, чтобы не задувало ветром.

Рашид пошел за ней.

— Иногда, — признался он, — Аль-Могила мне так надоедает, — голову бы ему свернул. Хотя без него мне пришлось бы трудно.

— Расскажи мне о себе, — попросила Алиса. — Если, конечно, это не секрет.

— Родился я в простой княжеской семье, — сказал Рашид, — в стране Крым. Тебе это что-нибудь говорит?

— Да я там тысячу раз была!

— У тебя там владения?

— Нет, у меня там друзья, — ответила Алиса.

— Значит, ты не знатного рода?

— Давай потом в этом разберемся, — сказала Алиса. — Ты пока о себе расскажи.

— Княжество у нас небольшое, от Ялты до Ливадии, — продолжал Рашид. — Ни с кем мы не воевали, растили виноград, давили вино и ловили рыбу. Но тут откуда-то приехал неприятный человек по имени князь Симеиз. Он выстроил себе замок на самом высоком мысу и назвал его «Ласточкиным гнездом». Он начал нападать на наши владения, но мы сопротивлялись, как львы. Тут у меня подросла сестренка, прекрасная и милая девушка Гюль-Гюль. Симеиз потребовал у моего отца, чтобы он отдал Гюль-Гюль ему в жены. «Ты с ума сошел! — закричал мой папа. — Гюль-Гюль нет еще и шестнадцати лет, а тебе уже пятьдесят шесть. Ты древний старик». — «Все равно, — крикнул Симеиз, — я ее получу!» Он набрал войско из крымских разбойников — жестоких коктебельцев, хитрых караимов, зловещих евпаторийцев и даже проходимцев из Керчи. Они напали на наше маленькое княжество, и началась неравная война. В ней погибли мои папа и мама и почти все наше войско. Симеиз увез к себе в «Ласточкино гнездо» нашу любимую Гюль-Гюль...

Тут рыдания подступили к горлу юного пирата, и он ненадолго замолчал. Затем взял себя в руки и продолжил печальный рассказ:

— Тогда моя старая кормилица Фатима села верхом на последнего нашего коня и поскакала по крымским замкам и крепостям с рассказом, что произошло. И все князья и султа-

ны Крыма собрались на съезд и вызвали негодяя Симеиза. Съезд выслушал нашу жалобу и ответное слово князя Симеиза и постановил: «Коли князь Симеиз победил в честной войне, то владения, за исключением одной деревни, переходят к нему. Но вот жениться на Гюль-Гюль он не имеет права, если она этого не захочет». Привели Гюль-Гюль и спросили, хочет ли она выйти замуж за князя Симеиза. Заплакала моя сестренка и сказала, что скорее бросится со скалы Дева в Черное море, чем согласится на это.

— Молодец! — сказала Алиса. — У нее настоящий характер.

— Наш характер, княжеский, — сказал попугай.

— Тогда Симеиз сказал: «Раз я не могу на ней жениться, я ее спрячу от всего света и сделаю так, чтобы она заснула вечным сном. А отдам я ее только тому, кто привезет мне сундук, полный золота. Я люблю золото даже больше, чем хорошеньких девушек». Князья Крыма подумали и согласились. А пока она будет спать беспробудным сном, кто-нибудь привезет сундук золота, и Симеиз отдаст ему мою сестру.

— И ты пошел в пираты? — спросила Алиса.

— Я сначала об этом и не думал. Я решил работать. Но скоро понял, что вернуть сестру я смогу только через сто лет. Я сел на наш последний корабль и отправился в путешествие в надежде, что добуду богатство в дальних странах. И надо же было так случиться, что вскоре я попал в плен к страшному пирату Барбароссе. Он меня не убил, а полюбил и стал учить своему ремеслу, а когда ушел на пенсию, то подарил мне маленький корабль и попугая.

— То есть меня, — сказал Аль-Могила.

Алиса разлила по мискам похлебку с курицей, они с Рашидом взяли по ложке и принялись есть. Попугаю Алиса положила в миску разваренного пшена. Он спешил, обжигался, потом потребовал посахарить пшено и насыпать туда изюму.

— Я гурман, — заявил он. — За триста лет я столько всего перекушал, что запомнить невозможно.

— Вот и все моя история, — закончил свой рассказ Рашид. — Присоединяйся к нам, будем разбойничать вместе.

— Нет, спасибо, — ответила Алиса, — я не хочу разбойничать. Давайте доплывем вместе до Крита, а там каждый пойдет своим путем.

— А жалко, — сказал Рашид, — я к тебе почти привык.

— И мне ты по сердцу. А меня за триста лет интуиция никогда не обманывала, — поддакнул попугай. — Оставайся!

— Нет, — твердо произнесла Алиса. — Пирата из меня не выйдет. Я вообще не люблю пиратство, и среди пиратов у меня есть злейшие враги.

— Если так, — рассердился Рашид, который считал себя хорошим человеком, — то сам мой посуду после ужина.

— Пожалуй. — И Алиса стала мыть посуду.

Звезды падали с неба, одна даже ударилась в миску и отскочила в воду. Это была очень красивая звездочка. Но Алиса знала, что это не звездочка, а обыкновенный магниево-железный метеорит, поэтому она за ней не стала нырять.

Попугай забрался на самую вершину мачты. Он иногда дремал, но не забывал посматривать вперед.

Ветер дул ровно и нежно, будто гладил щеки.

Наступила ночь.

Глава 10

ПОПУГАЙ И МИНОТАВР

На следующее утро на горизонте показались лиловые горы острова Крит.

— Здесь, — сообщил попугай, — живет Минотавр. Не слышал?

— Конечно, слышал, — подтвердила Алиса-Аладдин. — Его нашел в лабиринте, а потом убил древнегреческий герой Тесей. В честном бою. Потом взял Ариадну, ту самую девушку, которая подарила ему клубок ниток, чтоб найти путь к Минотавру, но я думаю, что Минотавр не имеет отношения к нашему Синдбаду.

— Но Спиро говорил тебе, что Синдбада здесь видели?

— Говорил, — согласилась Алиса.

— Тогда прощай, приятель, — сказал Рашид. — Тебе здесь оставаться, а мы спешим на север, в страну Крым. Сундук почти полон.

— Нет, — возразил попугай. — Нам тоже надо пристать. Взять свежих фруктов, воды налить, пшено у нас кончается...

— Но мы только что в Багдаде всем запаслись!

— Ну, Рашидик, ласковый ты мой, — запрыгал вокруг попугай. — Я тебя по-дружески прошу. Сколько раз мы с тобой

стояли спина к спине у грот-мачты и отражали атаки врагов... Нет, ты не предашь меня!

— Ничего не понимаю, — признался Рашид.

— Не понимаешь — тогда слушайся старших!

Рашид послушался и повернул свой корабль к гавани острова Крит. Алиса только посмеивалась, глядя, как спорят ее спутники. Ей жалко было с ними расставаться — лучше бы искать Синдбада вместе. Но у Рашида своя забота, им с Алисой не по дороге. «Однако даже ради благородных целей нельзя становиться разбойником», — думала она.

У причала приезжих ждали торговцы, посредники, жулики и всевозможный портовый люд.

Рашид вышел на нос корабля и крикнул:

— Нас не трогать! Мы пираты. Церемониться не станем. Но и безобразничать тоже не намерены. Привезите нам бочку свежей воды, мешок пшена и дюжину ощипанных куриц.

— Надолго ли к нам, уважаемые пираты? — спросил начальник порта.

— Вот оставим вам мальчонку, — Рашид показал на Аладдина, — и завтра с рассветом отправимся дальше, к северным землям.

— Там вам добычи не найти, — сказал начальник порта. — Льды надвигаются, люди туда не плавают.

— Это нам решать, — ответил Рашид. — А вы лучше скажите, какие у вас сегодня развлечения? Может, мы в театр сходим или на танцы?

— Особых развлечений нет, — сказал начальник порта. — Если не считать смертельной борьбы с Минотавром.

И он показал на большую надпись на очень древнем греческом языке, которая была привязана к двум столбам на набережной:

«СМЕЛЬЧАКИ! Желающие проверить, остался ли в живых Минотавр после того, как его убил Тесей, могут за три золотых монеты посетить лабиринт. Лабиринт открыт ежедневно до обеда. Кроме воскресенья.

Администрация».

— Что же это получается? — спросила Алиса. — А разве Минотавра не убили?

— Кто же его одолеет? — спросил начальник порта. — Наш Минотавр, можно сказать, чемпион мира по единоборствам на дубинах.

— А Тесей? — спросила Алиса. — А нить Ариадны?

— Только не надо мне рассказывать сказок, — ответил критянин. — Мы все об этом в детстве слышали. И про то, как Афины обязаны были отправлять ежегодно десять самых красивых юношей и девушек в жертву чудовищу Минотавру, который обитал в нашем лабиринте, и как однажды в число этих жертв попал и юный Тесей. А Тесея полюбила Ариадна — дочка нашего короля — и дала ему клубок, который он разматывал, чтобы не заблудиться в лабиринте, где скрывается наше национальное чудовище с туловищем человека, а головой быка. Правильно я рассказываю?

— Об этом даже дошкольники знают, — сказала Алиса.

— И Тесей убил Минотавра? — спросил Рашид.

— Ну зачем ему это? Он побегал по лабиринту и вернулся назад.

— А может, все-таки Минотавр убит?

— Если он убит, кому же мы каждую неделю котлами похлебку с мясом таскаем?

— Значит, — спросила Алиса, — вы считаете, что он жив?

— А ты, мальчик, проверь, гони три монеты!

— Я бы сходил проверил, — сказал Рашид, — но не имею права рисковать жизнью. Без меня никто не выручит Гюль-Гюль.

— И я не буду туда лазить. Потому что боюсь темноты и тараканов, — сказала Алиса.

— Ну что ж, — попугай спрыгнул с плеча Рашида на землю, — видно, придется мне самому проверить.

— Давай, — согласился Рашид, совсем не испугавшись за судьбу своего друга. — Слетай посмотри, только учти, там коридоры низкие, особенно не разлетаешься.

— Где не пролечу, пройду пешком, — ответил попугай.

— Ребята, вы что задумали? — испугалась Алиса. — Ведь это же опасно! Вы что забыли, что Минотавр уже убил многих славных героев Греции и других стран? Что он обладает гигантской силой? Ради чего наш Аль-Могила пойдет на верную смерть?

— Ради куража! — ответил маленький пират. — Триста лет я иду на смерть ради куража. Все уже погибли, потонули, перестали дышать, одни кости остались, а я все живу, и ого-го какой! И не пытайтесь меня остановить!

Попугай взлетел и понесся к гигантскому мрачному сооружению, похожему на глиняную шапку, над маленьким входом в которую было написано: «ЛАБИРИНТ».

Но войти в лабиринт попугаю не удалось, потому что у входа стояли два мрачных воина в железных шлемах и с копьями в руках.

— Билет! — зарычали они хором.

— Потом. — Попугай опустился на землю и оперся о костыль. — Когда я его победю... или правильно говорить — побежу!

— Побежу, — сказал один из воинов.

— Нет, победю, — сказал второй.

— Я тебе сколько раз твердил: побежу! Побежу!

— Ты бы хоть раз послушался умных людей! По-бе-дю!

— Нет, побежу!

Попугай покачал головой и прошел между колен стражников, которые продолжали выяснять, кто из них грамотней.

Они совсем забыли о попугае, но Алиса переживала за него. Она подошла к стражникам и спросила:

— Скажите честно, Минотавра убили или нет?

Страж поглядел на мальчишку и добродушно сказал:

— Ну скажи, кто может одолеть Минотавра, который на голову выше обычного человека, мышцы у него, как у Геракла, рога, как у дикого буйвола, сила... ну о силе и говорить не будем. Тут у нас недавно были соревнования быков, он троих забодал.

— А он разве выходит?

— Что ж ему, всю жизнь в тюрьме сидеть? Выходит, но лучше бы уж не выходил. То девушку потопчет, то стадо овец разгонит... одна мамаша с ним может справиться.

— Кто?

— Ихняя мамаша, — ответил страж, — царица Пасифая, супруга нашего короля Миноса.

— А ваш король, значит, бык?

— Мальчик, ты сошел с ума! — изумился страж. — И если бы не твой нежный возраст, я бы лично проткнул тебя копьем за оскорбление королевских величеств.

— Не знаю, чем я их оскорбил. Но, наверное, нечаянно.

— Если ты еще не знаешь, — сказал страж, — то учти: так бывает даже в королевских семьях — ребеночек родился похожим не на папу, а на одного морского быка. Потому что Пасифая его безумно полюбила. Ну что будешь делать, куда деваться королю Миносу, когда его сын так сильно на него не по-

хож? Вот и было объявлено, что Минотавр — мутант. Мы не знаем, что это значит, наверное — урод.

— Правильно, — подтвердила Алиса. — У нас тоже мутанты бывают.

— А ты сам, мальчонка, откуда будешь? — спросил страж.

— Мы багдадские, — ответила Алиса.

— А чего тебя к нам занесло? — удивился страж.

Разговор был неспешным, мирным, они сидели в ряд и разговаривали, как будто не в эпохе легенд, а в самой обыкновенной, современной.

— А я Синдбада Морехода разыскиваю, — объяснила Алиса. — По просьбе его несчастной жены Шехерезады. Он, как всегда, отплыл за сказками и не вернулся. Мне капитан Спиро сказал, что его на Крите видели.

— А ты зайди в управление порта, — посоветовал страж. — Там у них есть специальный свиток — в него заносят имена всех капитанов и названия кораблей. Если Синдбад сюда заходил, значит, он там записан.

— А вдруг попугайчику моя помощь потребуется?

— Твой попугайчик пока бродит по темным ходам и переходам и ищет Минотавра, но ищет он его зря, потому что Минотавр сейчас спит. Вот через полчасика начнется шум — уничтожение твоего пирата. Полетят его последние перья.

Алиса вздохнула и пошла в низкое здание управления порта, где стоял один стол и был один служащий — пожилой, с красными надутыми щеками, в белой тунике, похожей на детскую распашонку.

Он щелкал лесные орехи, и нащелкал их столько, что к столу пришлось идти по колени в скорлупе.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Могу ли я узнать у вас, когда приходил в ваш порт корабль Синдбада Морехода?

— Кто его знает! — ответил служащий и плюнул шелухой в муху. И только тогда Алиса поняла, что в комнате происходит отчаянное соревнование. Служащий плевал скорлупой так, чтобы сшибить муху, а мухи летали вокруг, словно тореадоры вокруг быка, и умело увертывались от скорлупы.

— А нельзя узнать? — спросила Алиса.

— Иди и смотри, — сказал служащий, — я неграмотный.

Он подтолкнул к ней громадный свиток, что лежал на столе, наполовину заваленный скорлупой.

— Вообще-то этим занимается начальник порта, но он тут

напился пьяный, пошел сражаться с Минотавром... и... вот и похоронили мы его косточки. Безобразие у нас, а не жизнь.

Служащий тут же забыл об Алисе.

Она стала разворачивать свиток.

Последним в нем числился «пиратский корабль, название стерто, командир Аль-Могила. Экипаж из двух негодяев, по которым веревка плачет».

Алиса подумала, что, наверное, попугай сам забегал сюда и написал это. У него было зверское чувство юмора.

Когда Алиса уже думала, что сойдет с ума от щелканья орехов и жужжания мух, она вдруг увидела такую надпись: «Торговое судно «Багдадский купец», капитан Синдбад Мореход. Разгрузка товаров, загрузка новых, записывал все истории про Минотавра, однако сражаться с ним не захотел. Встречался и разговаривал с Дедалом. Вчера отплыл на север, желая поглядеть на коня Пегаса и гору Олимп». Числа возле этой надписи не было, года тоже — да и какие могут быть годы в эпоху легенд!

— Спасибо, — сказала Алиса служителю, но он не слышал — он выбрал самую большую синюю муху и попробовал сшибить ее целым орехом. Остальные мухи тучей кружили над ним и жужжали: «Нечестно, нечестно, целым орехом не стреляют!»

И тут снаружи донесся страшный рев.

Алиса выбежала на площадь.

И чуть в обморок не упала от ужаса, хотя, как вы знаете, Алису испугать нелегко.

Из ворот лабиринта с трудом вылезло невероятное чудовище — гигантского роста детина, почти голый. Голова у него была бычья, шире плеч, а рога торчали в стороны, загибаясь, как клешни у краба.

Это чудовище и ревело.

Народ, что был на площади и на набережной, прыснул в разные стороны, некоторые корабли даже начали на всякий случай поднимать якоря и отваливать от пристани.

И тут Алиса разглядела, что же так рассердило Минотавра.

Перед самым носом чудовища, размахивая костылем, летел попугай, который держал в свободной лапке острую длинную сабельку и, подлетая к чудовищу, норовил его уколоть.

Минотавр был в полном отчаянии. Он даже нырнул было в воду, но и тут попугай от него не отстал.

— Мама! — кричал Минотавр. — Скажи ему, что я больше не буду!

Сверху, от королевского дворца, бежала толпа придворных дам, впереди неслась немолодая толстая женщина.

— Я спешу, мой мальчик! — кричала она. — Кто посмел обидеть мое чудовище!

Если признаться честно, то, кроме этой женщины, в которой Алиса угадала маму Минотавра — царицу Пасифаю, никто Минотавру не сочувствовал.

Добежав до площади, Пасифая стала грозить палкой попугаю.

— А ну улетай отсюда, подлая птица! — приказала она.

— Улечу, как только он сдастся и освободит невинные жертвы!

— Никогда! — кричал Минотавр.

— Миленький, а может, мы согласимся? — спросила его мать.

— И еще одно условие! — крикнул попугай, взлетая повыше, чтобы царица не достала его своим жезлом. — Пускай переходит на вегетарианство.

— Это еще что такое? — спросил Минотавр.

— А это питание овощами, фруктами и кашей, — сказал попугай. — Быкам вообще не к лицу пожирать людей. Неприлично. Ты потому до сих пор не женился, что ни одна корова с тобой играть не хочет.

И в доказательство того, что он не шутит, попугай больно кольнул Минотавра саблей и сразу отлетел.

— Эх, не был бы я хромой, — крикнул попугай при этом, — ты бы у меня, Мандалай, попрыгал здесь, как балерина в «Лебедином озере».

— Откуда ты это знаешь? — удивилась Алиса.

— Ах, — ответил попугай, — «Лебединое озеро» — это древняя легенда, она старше эпохи легенд, ее еще мастодонты друг другу рассказывали.

Тем временем обессиленный Минотавр опустился на землю.

— Мама, — сказал он, — я больше не могу. Ну сделай что-нибудь!

Из толпы вышел очень богато одетый человек в короне, — судя по всему, царь Минос.

— Ах, мой пасынок! — воскликнул он. — Пора тебе смириться. Перебесился, и хватит. А то приедет какой-нибудь Тесей

и отрубит тебе голову. Тебе нравится, когда тебе отрубают голову?

— Я должен подумать, — сказал Минотавр.

— Думать ему нельзя, — заметил попугай. — Думать он не приучен. Отправьте его на луга щипать траву, познакомьте с красивой коровой, вот он у вас и остепенится.

— А ты будешь щипать травку, мама? — спросил неумный Минотавр.

— Еще чего не хватало! — обиделась царица.

— Хватит, договорились, — сказал попугай. — Выпускай пленников.

Минотавр с проклятиями вернулся к входу в лабиринт, достал из связки ключей, висевших у него на поясе, самый большой и открыл маленькую дверцу рядом с основным ходом. Над дверцей было нацарапано: «Мясная кладовая».

— Выходите! — жалким голосом произнес Минотавр.

С плачем и стонами из кладовки выбежали несколько молодых девушек и юношей, затем на свободу выбралось стадо козлят и ягнят. В конце выползли две черепахи. Алиса подумала, что никогда не читала в греческих сказках и мифах, что Минотавру и черепах давали на обед.

— Иди! — крикнул попугай. — Отдыхай, дыши воздухом, наслаждайся солнцем. А любопытных прошу в лабиринт нос не совать.

— Почему? — стали спрашивать люди. — Почему?

— А потому что там плохо пахнет, он же никогда не мылся, — ответил попугай. — Я еле выдержал этот бой.

Мама Пасифая взяла Минотавра за кольцо в носу, и они пошли прочь, за ними толпой придворные.

Царь Минос задержался, он подошел к попугаю, который устало стоял на большом камне, опершись о костыль, и сказал:

— Спасибо вам от меня лично и всего населения нашего острова. Вы спасли репутацию Крита.

— Боюсь, что это еще не конец истории, — вздохнул попугай.

— Счастливого пути, — сказал царь Минос. — Будете в наших краях, заглядывайте. Если встретите Тесея, скажите, что его услуги больше не требуются.

С этими словами царь Минос расстался с попугаем, тот перелетел на борт корабля и крикнул Алисе:

— Отдать концы!

Алиса кинула Рашиду конец каната.

Рашид поднял паруса.

Попугай взлетел на верхушку мачты и смотрел, как стража заходит в лабиринт.

— Давай поскорей, — приказал он Рашиду.

— Я и так спешу, — ответил Рашид.

Он поднял парус и навалился на руль. Набирая скорость, корабль стал уходить от острова Крит.

Попугай волновался. Он прыгал на мачте, летал к Рашиду, мешал ему и все торопил и торопил рулевого.

— Что с ним? — спросила Алиса. — Нервы?

— А ты посмотри, что творится на берегу!

Алиса оглянулась и увидела, что из лабиринта выскакивают воины и бегут к берегу, громко крича и размахивая руками.

К счастью, попутный ветер все крепчал, на верхушках волн появились белые барашки, серые клочья туч понеслись по темнеющему небу.

— А чем они недовольны? — спросила Алиса.

К этому времени погоня уже отстала.

— Покажи ей, — сказал попугай.

Рашид сказал:

— Пошли вниз.

На столе в каюте стоял небольшой ящик. Рашид открыл его, и Алиса увидела, что он полон золотыми монетами.

— Это откуда? — удивилась она.

— Это плата, которую должны были вносить те храбрецы, что решили сразиться с Минотавром. Плата за вход. За пять лет накопился целый ящик, но Минотавр ни с кем не хотел делиться и берег монеты пуще своего ока. А когда Могилка выманил его из лабиринта, началась такая суматоха, что даже ты не заметил, как я сбегал в лабиринт и принес коробку.

— Но это же воровство!

— А мы и есть пираты, — ответил попугай. — Мы грабители и особенно любим грабить то, что добыто нечестным путем.

— Почему нечестным? — спросила Алиса.

— А где те смелые герои, которые заплатили Минотавру за вход в лабиринт? Он их всех забодал и затоптал. А теперь пускай жует травку...

— Мне самому не нравится, что я пират, — сказал Рашид, — но я благородный пират.

Глава 11

НЕУДАЧЛИВЫЙ ИКАР

Нельзя сказать, что Алиса радовалась тому, что попала в пиратскую компанию, но другой у нее не оказалось, к тому же пираты к ней привыкли и считали своей. Оказалось, что Алиса лучше всех готовит, быстрее всех стирает и умеет делать массу других полезных вещей. В отличие от ее спутников, она учила геометрию и тригонометрию и могла вычислить расстояние до далекого острова или путь по звездам. Конечно, попугай, как кормчий, тоже мог стать к рулю, но за триста лет он многое подзабыл.

Весь следующий день они держали путь к северу. Пираты спешили попасть в Черное море, а Алиса хотела узнать, побывал ли Синдбад Мореход на горе Парнас и видел ли он крылатого коня Пегаса.

К тому же Алису беспокоило упоминание в портовом свитке о Дедале. Зачем он нужен был Синдбаду?

Ветер был сильный, порывистый, и корабль покачивало. Правда, на борту собрались бывалые моряки, и никто из-за этого не переживал.

По небу неслись белые кучевые облака.

Иногда можно было увидеть, как среди облаков парит коршун или орел.

Вон еще два орла — да какие большие!

— Погляди, Рашид! — позвала Алиса. — Какие большие птицы.

Рашид только отмахнулся. Он с утра пересчитывал деньги.

— Не беспокойся, — утешал ее Аль-Могила, — в случае чего я их заклюю. Я теперь вообще высокого о себе мнения. Все-таки я победил Минотавра. Пора складывать обо мне легенды.

— Нет, — сказала Алиса, снова посмотрев на небо, — кажется, что это все-таки не орлы. Да посмотри ты, в конце концов, Рашид!

Рашид оторвался от своих трофеев и посмотрел в небо.

— Это крылатые люди, — сказал он, — наверное, ангелы. Я о них где-то слышал.

— Странно, — сказал попугай, — христианство ведь еще не существует, может, это еврейские ангелы?

Птицы-люди быстро снижались. И видно было, что одна из них летит уверенно, а вторая то снижается, то взлетает.

— Не лети высоко! — Крик был слышен даже на корабле. — Воск расплавится!

Вторая птица послушалась и стала спускаться.

— Не летай низко, — закричал первый человек-птица, — в воду попадешь!

Но последнее указание опоздало. Несчастная птица врезалась в волны и исчезла под водой.

— О, горе! — закричала первая птица. — О, крушение всех моих жизненных планов!

Громко стеная, птица удалилась к горизонту.

— Смотрите! — крикнул попугай, который сидел на мачте. — Он не утонул, его крылья на воде держат.

И в самом деле — крылья птицы были сделаны из деревянных палочек и веревочек, к которым были приклеены гусиные перья. Они и не дали утонуть летуну.

Рашид с Алисой вытащили его на борт.

Молодой человек лежал на палубе и тяжело дышал. Потом открыл глаза и спросил:

— Простите, я жив?

— Вот именно! — закричал попугай Могилка. — Вот именно. Хотя мало кто остается живым, грохнувшись с такой высоты.

Молодой человек застонал, Алиса дала ему напиться и смазала синяки волшебной мазью, которую попугай хранил на борту на всякий случай.

— Меня зовут Икаром, — сказал молодой человек. — Мой отец Дедал — ученый-энциклопедист и великий изобретатель, изобрел воздухоплавание. Он сделал крылья на легких рамах из птичьих перьев и скрепил их воском.

Алиса хотела сказать: «Хватит, хватит, я это уже в школе проходила», но сдержалась, потому что ее спутники о драматической истории Икара и Дедала ничего не знали.

— Вы стали как птица! — сказал Рашид. — Хотел бы я тоже полетать.

— Ну и чего бы добился? Был бы как я, — возразил попугай, — только куда менее поворотливым. Так что не радуйся. К тому же смотри, чем это кончилось. Твой Икар чудом не утонул.

— Отец хотел как лучше, — сказал Икар. — Он хотел, чтобы я летал так же хорошо, как он. Но мне стало очень страшно, когда я увидел землю так далеко внизу.

— Летать надо учиться, — сказал попугай. — Иначе бы яйца летали. Полет — это искусство.

— Что же теперь мне делать? — расстроенно спросил Икар. — Мой отец в Афинах умрет от горя, что я пропал.

— Ладно, — решил Рашид. — Мы тебя не бросим. Но в Афины нам сейчас не по дороге. У меня как раз накопилось достаточно денег, чтобы поговорить с князем Симеизом. Если хотите, я ссажу вас на острове, мимо которого мы сейчас проплываем, а вы уж добирайтесь до Афин как можете. Или потерпите — сделаем наши дела в Крыму, и на обратном пути я вас обязательно завезу в Афины.

— Может быть, так лучше, — сказал Икар, который пришел в себя, и сразу стало видно, что этот курчавый черноглазый молодой человек из хорошей семьи. — Я отдохну от папы и его бесконечных поучений. Ну, не всем же быть пилотами. Я, например, всю жизнь имел склонность к цифрам. Я буду чудесным, полезным финансистом.

Романтика цифр куда выше романтики облачных пространств, где сыро, дует и нет никакого порядка!

— Тогда мой посуду, — сказал попугай. — На корабле тоже должен быть порядок.

Молодой человек согласился, даже обрадовался, что его не возвращают к папе в небо.

Глава 12

НА ПУТИ В КРЫМ

Пиратский корабль взял курс прямо на пролив Геллеспонт, который ведет в Черное море.

Икар оказался юношей очень наивным и отсталым, он все время удивлялся, неужели в Черном море черная вода, а если в Черном море черная вода, то можно ли писать ею вместо чернил.

— Чепуха, — кричал попугай, разгуливая по борту. — В мире много разных морей, есть Красное — ты думаешь, в нем вода красная, как кровь? В нем вода обыкновенного цвета. А есть еще Желтое море. И вода в нем не желтая, но говорят, что вокруг него живут люди, у которых желтая кожа.

— Потому что они в нем купаются? — спросил Икар.

— Если бы было так, — ответил попугай, — то вокруг Черного моря жили бы одни негры.

— Ах, кто такие негры? Только не пугайте меня, — заволновался нежный Икар.

— Вам лучше таких людей и не видеть. У них черная шкура, губы наружу, и они едят таких, как ты, Икаров.

— Давай поплывем тогда в Белое море, — попросил юноша.

Все посмотрели на Алису как на самую образованную.

— Белое море, — сказала она, — лежит так далеко на севере, что промерзло до самого дна, а сверху там слой льда повыше нашей мачты.

— А как же там живут? — удивился Рашид.

— В дни моей молодости, — сказал попугай, — когда я еще ого-го каким молодцом-орлом был, наши иногда и в Балтийское море плавали. Слыхал о таком? — Попугай обернулся к Алисе.

— Я там бывал, — ответил Аладдин.

— Вот именно, и я думаю, что ты куда старше, чем хочешь казаться, — сказал попугай Аль-Могила.

Дальше они плыли без всяких приключений, если не считать, что у одного маленького островка им стали петь сирены и они чуть не потеряли Икара. Алисе пение сирен показалось нестройным, фальшивым и недостойным того, чтобы ради него кидаться в морские волны, Рашид сказал, что любит только восточную музыку, а попугай заявил, что у него на всякий случай сегодня с утра в ушах вата. А вот Икар, как истинный грек, начал бегать по палубе и кричать, что сейчас вот-вот бросится к сиренам.

Сирены летели за кораблем небольшой стаей, некоторые пели, некоторые просили чего-нибудь вкусненького, некоторые специально звали Икара:

— Иди к нам, мальчик! Удовольствие получишь.

— Знаете что, — сказал тогда Икар, — я за себя не ручаюсь, может, привяжете меня к мачте?

— Да ты присмотрись, Мандалай! — сказал попугай. — Одна другой страшнее. По происхождению они — средиземноморские тюлени. Только с крыльями. Ну какая тут может быть любовь?

— Привяжи! — настаивал Икар.

Его привязали к мачте и сели ужинать. Тут же Икар потребовал, чтобы его развязали или кормили с ложки, потому что сирены не отставали и совсем обезумели — они тараторили,

что уже третьи сутки голодные, а из чугунного горшка, в котором Алиса сварила чудесный гуляш из пшена с курицей, поднимался и тянулся за кораблем, как хвост, такой аромат, что сирены украли горшок, обожглись и в конце концов уронили его в море.

На закате по небу промчался крылатый конь Пегас. Зрелище было фантастическое! Громадный прекрасный конь светился голубым светом, и сквозь его шкуру просвечивали звезды.

— Привет тебе, Пегас! — крикнула Алиса. — Спешишь на работу?

— Привет, Алиса, — откликнулся Пегас, — спешу на свое место среди созвездий. Наступает ночь. Надо показывать путь мореходам.

— Пегас! — крикнула Алиса. — Не видел ли ты Синдбада Морехода?

— Видел, — ответил крылатый конь, — я даже рассказал ему некоторые правдивые истории из моей жизни.

— Куда он дальше поплыл?

— Я думаю, что к гиперборейцам, на север, — сказал Пегас. — Ему хотелось поглядеть на ледяные реки и снежные горы. Он все твердил, что такой сказки его дорогая Шехерезада еще не слышала. Прощай, Алиса!

— Как это он тебя назвал? — спросил подозрительный попугай.

— Я не расслышал, — сказала Алиса.

— Но мне кажется, что он назвал тебя женским именем, — сказал попугай.

— Ты ослышался, — сказала Алиса.

— Наверное, приятно иметь столько знакомых, — позавидовал Рашид.

— Да уж, мне приходилось путешествовать, — ответила Алиса.

Все улеглись спать прямо на палубе, заснули сразу, только попугай остался на вахте. Он сидел на верхушке мачты и ворчал:

— Никому нельзя доверять! Подсовывают неизвестно кого! Если Аладдин уже не Аладдин, то, может, и я жар-птица?

И тут он начинал хихикать, как будто кто-то возил гвоздем по жестяной банке.

Наконец впереди показались голубые горы земли Крым.

— Скорей бы ступить на твердую землю, — повторял Икар.

Попугай с Рашидом склонились над картой.

— Вот здесь, — Рашид показывал на высокий утес, нависающий над морем, на котором прилепилась круглая башня, — в замке «Ласточкино гнездо» живет страшный тиран Симеиз. А вон там, правее, где в море сползает язык ледника — первый из ледников, что добрался сюда из Руси, лежит моя родимая земля. Она томится под гнетом Симеиза. Ах, зачем я родился на свет, чтобы переживать все эти мучения!

Он направил корабль в небольшую бухту, умело провел его между вылезающих из голубой воды скал.

Сверху, с гряды снежных гор, которые, как сказал Рашид, назывались Ай-Петри, скатывались серые снежные облака.

К каменному молу сбежалась небольшая толпа одетых в шкуры людей. Они узнавали своего принца и радовались его возвращению. Никто, оказывается, уже и не надеялся, что он жив.

— Ты совсем не изменился, Верный Волк, — сказал Рашид пожилому воину в волчьей шкуре и железном шлеме. У него было обветренное бородатое лицо.

— Вы тоже, господин. Только подросли и стали мужественней.

— Это моя работа, — сообщил попугай. — Я его учил уму-разуму.

Собравшиеся вокруг люди засмеялись. Они никогда еще не видели пиратской птицы и решили было, что это маскарадный костюм.

— Как моя сестренка Гюль-Гюль? — спросил Рашид. — Что о ней известно?

— Мы обыскали все горы, — сказал Верный Волк, — мы облазили все пещеры, но найти ее не смогли.

— Пойдем в дом, перекусим по-человечески, — сказала добрая женщина. — Наши хозяйки уже приготовили обед. Чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, Фатима, — сказал Рашид и пояснил Алисе: — Фатима — моя кормилица. Когда мои папа и мама погибли, она мне заменила родителей.

— А что у тебя нового? — спросил Верный Волк, когда все стали подниматься по тропинке к кучке каменных хижин, которые теснились на склоне горы.

— Вот возьми этот сундучок, — сказал Рашид Верному Волку, — и попробуй его.

— Ого, тяжелый сундук! Вы камни, что ли, в нем возите?

— Целый сундук золота. Я привез выкуп за мою сестру.

— Слава нашему князю! — закричали жители крымского княжества.

— Я бы никогда этого не сделал, — сказал Рашид, — если бы мне не помогли друзья. Разреши, я тебя с ними познакомлю. Рядом со мной идет прекрасный юноша. Его зовут Икар. Он родом с острова Крит. Его папа, Дедал, изобрел воздушные путешествия. Но, к сожалению, Икар не смог удержаться на крыльях и упал в море. Там мы его и подобрали. С тех пор он путешествует вместе с нами.

— Так мы же видели папу Икара, — сказала Фатима, — он покружился над нами и полетел к Кавказу, видно, там теплее.

— Он все еще разыскивает меня. — Икар смахнул крупную слезу.

— А это мальчик Аладдин. — Рашид показал на Алису. — У него была волшебная лампа с джинном, но джинн лопнул в бою, а лампа осталась. К тому же Аладдин мой хороший друг и добрый парень.

Тем временем попугай уже извелся от того, что его не представляют. Он прыгал по борту, размахивая костылем.

— А это, — объявил Рашид, — мой главный друг и помощник, попугай Аль-Могила. Он опытный пират и мореход. Без него я никогда бы не добыл выкуп и не смог вернуться живым. Так что всем хорошим в жизни я теперь обязан нашему Могилке.

— Не Могилке, — поправил попугай Рашида, — прошу называть меня Аль-Могила!

И никто не стал спорить, хотя некоторым людям было трудно понять, почему главным пиратом стал хромой попугай.

— Ну ведите нас, давайте отдохнем. Ты, Верный Волк, отдай вот этот сундучок самым надежным и верным воинам. Тут наше с тобой счастье.

— Слушаюсь, принц, — ответил Верный Волк.

И все они пошли по тропинке еще выше, к самым каменным домам. Над некоторыми поднимались струйки дыма.

— С дровами плохо стало, — сказал Верный Волк. — Все леса подо льдом, приходится посылать корабли на Кавказ, но далеко не все возвращаются, там ведь всегда война идет.

Из домов высыпали женщины и дети. Их было немного, и Рашид расстроился.

— А где же остальные? — спросил он.

— Остальные? Кто погиб, кто умер прошлой зимой от голода, кого звери загрызли, кого увели в плен солдаты Симеиза. Мало у тебя людей осталось. Но теперь надежда есть — вернулся принц, вернется и жизнь.

В самой большой каменной хижине они уселись на войлочные коврики.

— А где же твой дворец? — спросил Икар.

— Ах, ты не знаешь, Икарчик, — сказал Рашид. — Мой дворец теперь принадлежит тирану.

— Какое безобразие! — сказал Икар. — А сестра у тебя красивая?

— Самая красивая девушка в Крыму.

— Мало ли кого можно назвать красавицей!

Рашид обиделся:

— Клянусь тебе... да что клятвы! Верный Волк, есть у нас еще портреты Гюль-Гюль?

— С большим удовольствием, — сказал Верный Волк, — сейчас достану.

И пока женщины разносили блюда со скромной крымской едой, он принес небольшой, сделанный красками в самом Иране портрет принцессы.

— Конечно, — сказал Верный Волк, протирая портрет волчьей шкурой. — Конечно, он не может передать живости и непосредственности этого лица, но тем не менее похож...

— Как вылитая, — всхлипнула кормилица Фатима.

— Похож... — повторили все местные жители, что набились в комнату.

И когда они замолчали, все услышали короткий глухой стук.

Это упал, ударившись о ковер затылком, великий герой Крита, воздухоплаватель Икар.

И когда его откачали и отпоили мятным чаем, он попросил портрет снова и, покрывая его страстными взглядами, возопил:

— Это невероятно! Она прекраснее богини Геры!

Раздался грохот, земля зашаталась, с потолка посыпалась штукатурка.

— Нет! — вскричала Алиса, вскакивая на ноги. — Нет смертной девушки, которая могла бы сравниться с Герой, а также с Афродитой, Венерой, Деметрой и рядом других богинь.

— Ты о чем? — спросил Рашид.

— Она права! — закричал попугай, прыгая по подушкам. — Нельзя злить богинь — это никогда хорошо не кончается.

Землетрясение улеглось, Икар успокоился.

— Я не хочу тратить времени даром, — сказал Рашид. — Я пойду к князю Симеизу.

— Я с тобой, можно? — спросила Алиса.

— И я! — закричал Икар.

— А без меня тебе туда и соваться нечего, обдерут как липку, — предупредил попугай.

Глава 13

ХИТРЫЙ СИМЕИЗ

В замок к Симеизу отправились всей честной компанией. Впереди топал Верный Волк, он нес копье и шуровал им под кустами — не спрятались ли там змея или прыгучий скорпион.

Затем два воина несли на носилках сундук с драгоценностями.

За ними следовал Рашид, который надел по этому случаю чалму, праздничный халат, обмотал себя поясом длиной в сто шагов, отчего казался втрое толще обычного, и это ему нравилось.

— Таким, — сказал он Алисе, — я стану, когда займу трон. Настоящий султан должен быть солидным.

Толстая кормилица Рашида Фатима проводила их до горы. Дальше им с Верным Волком пути не было, на прощание она вздохнула:

— Ну, совсем исхудал, совсем жирка на мальчике не осталось.

— Молчи, старуха! — закричал сверху попугай, который неровными кругами носился над процессией. — Я его еще заставлю спортом заниматься. Он у меня еще станет настоящим разбойником!

— Ну что вы говорите, уважаемая птица! — отвечала кормилица. — Мальчик у нас — сиротка, а сиротки должны хорошо питаться.

Следом за Рашидом по дорожке шли Алиса с Икаром. Икар норовил выйти вперед, потому что считал себя героем, а Аладдин в его глазах был просто мальчишкой. Но ссориться с ним не хотел, он знал, что Аладдин состоит в друзьях с попугаем и Рашидом, порой вздыхал и повторял:

— Ах, что будет, когда папа узнает о моем решении жени-

ться на простой крымской княжне? Он меня проклянет. За мной, знаете, ухаживали многие принцессы с великих островов — Пафоса, Какоса, Макоса и Ньюфаундленда.

Перед воротами в замок «Ласточкино гнездо» стояли два воина в кольчугах и высоких железных шлемах. Мост был поднят.

Попугай взлетел повыше и крикнул:

— Эй, там, в «Ласточкином гнезде», принимайте гостей!

Алисе сразу представилась сказка из тех, что ей приходилось видеть в детстве. Открываются двери таинственного замка, и страшный злодей в черном балахоне и черной короне протягивает горящий жезл, отчего все вокруг замирают или вообще превращаются в каменные статуи.

На крик попугая воины даже не вздрогнули, лишь повели глазами.

Зато внутри замка что-то зажужжало, зашуршало, и наконец раздался скрипучий голос:

— Заходите по одному. Оружие складывайте у дверей. И не пытайтесь обмануть моих стражей. В первую очередь это касается попугая.

Ворота со скрежетом растворились.

Двор замка был ухожен, дорожки посыпаны песочком, они вились между клумб, на которых нежились скромные, изящно подобранные цветы, а над ними вились пчелы и порхали бабочки.

Сам замок изнутри был побелен, а наличники окон покрашены в приятный зеленый цвет.

Перед ними оказалась невысокая дверь.

— Вот тут и живет этот скорпион, — сказал Рашид.

Дверь широко открылась, и появился пожилой человек в бархатном халате и высоком красном колпаке, на босых ногах у него были войлочные туфли. Руки хозяин замка сложил на круглом животике.

— И кто же это из нас скорпион? — спросил он.

— Вы и есть скорпион, Симеиз Разгальдович, — заявил Рашид. — И не пытайтесь ввести в заблуждение моих друзей. Они и вправду могут подумать, что вы добрейшее существо во всем Крыму.

— И не только в Крыму, я бы сказал, во всем мире, если бы память о вашем покойном папеньке и вашей покойной маменьке не останавливала меня напоминанием: «Ты не прав, Симеиз! Опомнись, мы были лучше тебя!»

Заходите, — продолжал Симеиз, — угощать мне вас нечем,

времена у нас неурожайные, но газированной минеральной водички могу предложить в изобилии. Прошу.

Они попали в кабинет, уставленный книжными шкафами, посреди него стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, там же возвышался старинный микроскоп, который во времена легенд, конечно же, еще не был изобретен.

— Располагайтесь, располагайтесь в приюте горного отшельника, — произнес хозяин замка.

Алиса получше рассмотрела его — у Симеиза было розовое лицо и такая же розовая лысинка, окруженная венчиком седых волос. Нос у Симеиза был пуговкой, уши круглые, большие, и росли они поперек головы. Ни бороды, ни усов у князя не оказалось.

— Нам некогда, — твердо сказал Рашид. — Мы принесли выкуп.

— Ах, этого не может быть, — ответил Симеиз. — Такую сумму нельзя заработать честным путем, да и бесчестным трудно.

— Эй, тиран! — крикнул хрипло попугай. — Тебе денежки нужны или поговорим иначе?

— Поговорить всегда важнее.

— Ребята, — приказал попугай, — бери ящик, пошли назад. Как он наговорится, пускай крикнет погромче, мы, может, вернемся, а может, другого мудреца найдем.

— Могилка! — взмолился Рашид.

— Я тебе не Могилка, а Аль-Могила, и еще неизвестно, мавританский ли граф или просто испанский. И жизненного опыта у меня в сто раз больше, чем у тебя, мальчишка! Ты погляди на него — у него же ручки трясутся, как хочется на наши деньги лапы наложить.

— Замолчи, презренная птица! — закричал Симеиз. — Сейчас прикажу тебя в суп пустить.

— Для меня еще кастрюля не заготовлена, — ответил попугай, но на всякий случай взлетел наверх и уселся на книжный шкаф.

— Попугай, ты не прав, — решительно заявил Икар. — При всем моем желании как можно скорей жениться на Гюль-Гюль, я считаю, что птицам не положено разговаривать так с благородными людьми. Каждый должен знать свое место.

— Тогда и людям нечего делать в нашем небе, — ответил попугай. — Ты чего полез в небо? Если бы не я — конец тебе бы пришел.

— Ах, как интересно, — сказал Симеиз. — Какая любопытная беседа. Кстати, мне давно хотелось спросить, сколько фунтов золота в этом сундучке?

— Двадцать фунтов чистого золота в монетах и драгоценных камней, — твердо сказал Рашидик. — Все проверено.

— И я проверяла по просьбе Рашида, — сказала Алиса.

— Кто проверяла?

— Извините, я хотел сказать — я проверял!

— Ох, не люблю я все эти переодевания! Мальчик, скажи мне, ты случайно не девочка?

— Перестань, старикашка! — закричал попугай. — И не смей смотреть так на моего друга Аладдина. Заклюю!

— Я пошутил, пошутил, — быстро ответил Симеиз. — Ставьте сундук на стол, принесите сюда десять медных тазов, я буду считать деньги.

— Может, потом посчитаешь? — осведомился попугай. — Мы с тебя сдачу требовать не будем.

— И в самом деле, скажите нам тайну, — потребовал Икар. — И мы уйдем.

— Если бы я был простым деспотом и горным колдуном, — ответил Симеиз, — конечно, я бы сказал, и вы бы ушли. Но вы же видите, что я образованный человек, много читаю, изучаю инфузорий и всякую морскую мелочь, жду не дождусь, когда родятся Ньютон и Ломоносов, чтобы с ними в переписку вступить.

Говорил он мягко, гладко, а глаза у него были лживые и недобрые. Воины внесли стопку мисок. Симеиз принялся вынимать из шкатулки монетки по штучке и кидать их в миски. Такой счет должен был занять немало времени.

Алиса пошла вдоль книжных полок.

Она приоткрыла книжный шкаф и попробовала снять с полки книжку. И ничего из этого не вышло, потому что все переплеты были склеены между собой, а за ними обнаружилось пустое пространство, заставленное статуэтками нимф, наяд, богинь, сирен и всяких других раздетых красивых женщин.

Симеиз заметил, что Алиса нечаянно открыла тайну его «учености», и с отчаянным криком кинулся к полке. Он вырвал у Алисы крышку из переплетов, поставил на место, захлопнул стеклянную дверцу шкафа и сказал:

— Настоящее знание показывается только настоящим ученым, а наглым мальчишкам никогда не увидать света истин-

ного знания. Так что убирайся из комнаты, пока тебя не сбросили со скалы!

— Уважаемый сосед, — сказал тогда Рашид, — мы в Крыму не одни. За каждым нашим шагом следят люди. И люди знают цену вашему слову. Хотите доживать свою жизнь в стыде и позоре — ваша воля.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Симеиз. — Я вот со счета сбился. Придется сначала начинать.

— Не надейся! — крикнул попугай. — Я знаю. В сундуке лежит три тысячи четыреста сорок монет, не считая драгоценностей.

— А если чего-то не хватает, даю вам слово, — сказал Рашид, — что я привезу недостающие деньги в течение года.

— Давайте лучше тут нахулиганим, книги порвем, вазы разобьем, стулья поломаем! — не унимался попугай. — Он как шелковый станет.

— Я пошутил! — испугался Симеиз. — Я давно хотел все рассказать! Принцесса заколдована отравленным яблоком. Она откусила его и погрузилась в вечный сон. А чтобы ее никто не потревожил, она спрятана в пещере. Там она лежит на хрустальном ложе и ждет рыцаря, который ее разбудит поцелуем.

— Это буду я! — крикнул Икар.

И поцеловал портрет Гюль-Гюль.

— Нет, — возразил Симеиз. — Поцеловать можно, только любя всем сердцем. Она от этого проснется. А если это просто увлечение, пустяк — то и не шелохнется.

— Но я же все равно на ней женюсь! — крикнул Икар.

— Пожалуйста, — ответил колдун. — Но сначала она должна проснуться.

Тогда Рашид сделал шаг к столу, протянул руку и сказал Симеизу:

— Ключ!

Симеиз вздохнул и открыл ящик письменного стола. Там лежал небольшой медный ключ. Он кинул его Рашиду, тот повернулся и быстро вышел из комнаты.

— Поищи, поищи! — крикнул вслед Симеиз. — У тебя впереди вечность!

Алиса побежала за Рашидом.

— Ты в самом деле знаешь, где пещера? — спросила она.

— Найдем! — прохрипел попугай. — Недаром мы все моря проплыли. Да чтобы паршивой пещеры не найти — быть того не может!

Глава 14

В ТАЙНОЙ ПЕЩЕРЕ

Рашид вышел во двор замка и осмотрелся.

Попугай ходил кругами и постукивал костылем.

— Чего мы здесь ждем? — спросил Икар. — Время идет впустую!

— Погоди, — сказал Рашид. — Мы с Могилкой думаем.

— Аль-Могила думает, — поправил его попугай.

— Надо отправляться в горы! Пещеру надо искать в горах, — настаивал Икар.

— Ты ищи в горах, — сказал попугай, — а я здесь погляжу.

— Почему? — спросила Алиса.

— Эх, Аладдин, Аладдин, не знаешь ты людей, — вздохнул попугай. — Ведь князь Симеиз хочет все время пещеру держать под прицелом. Мало ли что случится. Что он, в горы побежит проверять, хорошо ли замки и засовы стерегут принцессу? Нет, он держит принцессу под рукой, чтобы каждое утро заглядывать туда.

— Попугай прав, — сказал Рашид, — я тоже так думаю. Надо только догадаться, как он эту пещеру замаскировал.

Алиса сразу включилась в эти поиски.

— Может, на кухне? — спросила она.

Заглянули туда, но никакого хода из кухни не нашли.

— Может, в подвале под башней, где котельная?

Заглянули в котельную. И там пещеры не было.

— А это что такое? — спросил попугай.

Он постучал костылем в небольшую дверцу, на которой была прибита табличка:

«СКЛАД крупы, муки и сахара.
Вход строго воспрещен».

Рашид подошел к двери, попробовал, и оказалось, что ключик замечательно подошел к замку.

— Нет там никого! — закричал Симеиз, высовываясь из окна на втором этаже.

Рашид его не послушался, шагнул в пещеру и прошел вглубь, протискиваясь между мешками с крупой и сахаром.

В глубине склада, вырубленного в скале, они увидели еще одну дверь. Она была не заперта, а только закрыта на засов. Внутри горели керосиновые лампы и было светло.

Рашид первым вошел внутрь.

Потом все остальные.

И странная, удивительная картина открылась их взорам.

Посреди пещеры стояла хрустальная кровать с шелковым матрацем и пуховыми подушками. На кровати безмятежно спала красивая девушка, удивительно похожая на Рашида — и брови такие же, и нос, и рот.

У ее ног, прямо на каменном полу пещеры, спал еще один человек.

Красивый, усатый и смуглый.

— Синдбад! — закричала Алиса. — Синдбад Мореход! Я тебя нашла! То есть я тебя нашел! Просыпайся!

Никто не проснулся. Ни княжна, ни Синдбад.

Лишь дикий хохот волшебника Симеиза донесся сзади. Оказывается, хозяин замка тоже прибежал в пещеру.

— Сейчас узнаем, — сказал попугай, — главное — добыть свидетеля. Всегда есть свидетель, надо только его схватить и выкрутить ему руки!

Тут послышался слабый писк, и все увидели, что попугай стоит на выступе стены и держит за круглое ухо небольшую летучую мышь.

— И что же мы видели? — спросил попугай таким ледяным голосом, что даже Алисе захотелось провалиться сквозь землю. Все же за триста лет он поднабрался жестокости.

Мышь спросонья била крыльями, попискивала и никак не могла сообразить, чего же от нее требует такая страшная хромая птица.

— Ты здесь живешь? — спросил попугай.

— Чего? — не поняла мышь.

По крайней мере, она умела разговаривать. Существа, жившие в эпоху легенд, обычно могли разговаривать, но среди них встречались и безмолвные, — например, грибы и головастики. Зато лягушки, яблони и груши говорить умели и любили.

— Давно здесь скрываешься? — спросил попугай.

— Всегда, — сказала мышь. — Я живу здесь.

— И помнишь, как принцессу заколдовали?

— Конечно, помню, — ответила мышь. — Только не делайте мне больно. Еще два года назад волшебник Симеиз сюда ее принес, дал ей яблоко и запер дверь. Ну, думаю — заморит ее голодом. Да отпустите вы меня — никуда я не улечу, тоже мне, орел выискался! — крикнула мышь.

— Ладно, ладно, — проворчал попугай и отпустил пленницу.

Мышь поправила помятое ухо и продолжала:

— Девица поплакала, поплакала, а потом взяла яблоко и откусила. Я хотела ее предупредить, что яблоко, вернее всего, заколдованное, знаете ведь, как это бывает в сказках?

Все согласно кивнули.

— Но разве княжна послушается жалкую мышку?

— Откусила? — воскликнул Рашид. — Кусочек откусила?

— Целый кусище, — ответила летучая мышь. — А потом, как и положено, пошатнулась и рухнула на хрустальное ложе...

— А дальше что было? — спросила Алиса. — Как там очутился Синдбад? Почему он тоже спит?

— Дело житейское, — ответила летучая мышь.

Ей нравилось быть в центре внимания, она спрыгнула на пол и расхаживала среди людей, что было не по нутру попугаю, который постукивал костыликом по камню, как будто стрелял из пулемета.

— Этого, который здесь валяется, сам господин Симеиз привел. «Вот, говорит, вы сказки собираете, такой сказки вы еще не видели. Лежит княжна, спит вечным сном, я знаю секрет, как ее оживить. Догадаетесь — красавица ваша». А этот самый, который спит, отвечает: «Большое вам спасибо за предложение, но у меня дома осталась жена по имени Шехерезада, женщина несравненной красоты и невероятных достоинств. Я ее не променяю даже на сто иностранных принцесс. Ради нее я путешествую по свету, собираю сказки, а она их рассказывает шаху, у которого работает сказочницей». — «Хе-хе-хе, — говорит тогда мой сосед Симеиз, — знаем мы, какая она у него сказочница и какие они там сказки рассказывают». Тогда вот этот, что лежит на полу, страшно рассердился и кинулся на господина Симеиза. А господин Симеиз — скользь в дверь и захлопнул ее за собой. Тогда этот самый...

— Синдбад! — сказала Алиса. — Сколько раз тебе повторять! Его зовут Синдбад Мореход, и он мой друг!

— Тогда этот Синдбад побегал по пещере, постучал в дверь и опечалился. Сел на пол и принялся думать. Вдруг видит — лежит на полу яблочко, от которого княжна откусила. И говорит так печально: «Известен лишь один способ оживить принцессу — поцеловать ее! Но меня этот способ не устраивает, потому что я женат». И вот в такой печальной задумчивости Синдбад откусил от яблочка, потому что ему очень хотелось пить. И некому было его предупредить...

— Он откусил от яблока! — ахнула Алиса.

— Вот именно. И заснул вечным сном рядом с княжной Гюль-Гюль.

Все замолчали.

Гнетущая тишина воцарилась в темной пещере. Тени скользили по стенам и потолку. Было страшно.

— Что же будем делать? — спросил попугай.

— Надо их целовать, — сказал Икар. — Мы сейчас всех перецелуем...

— Не получится, — сказал Рашид. — Целовать надо нечаянно, от чистого сердца. Не зная, что из этого получится.

— И все же я попробую, — сказал Икар и направился к хрустальному ложу.

Рашид встал у него на пути.

— Не смей целоваться с моей сестрой! — пригрозил он. — А то останешься без головы.

— Рашид даст тебя мне на растерзание, и останешься без головы, — сказал попугай.

— Да я не просто так, я жениться хочу, — сказал Икар.

— Пока что о женитьбе и речи быть не может, — сказал попугай, — потому что если она не проснется, то получится целование без просыпания.

— Но ведь надо попробовать, — требовал Икар. — Может, нас обманывают.

— А кто будет Синдбада целовать? — спросила Алиса.

— С ним потом разберемся, — сказал Икар и наклонился к принцессе.

Он нежно поцеловал ее в щеку. И ничего не произошло.

— Щека у нее прохладная, — сказал Икар, — почти холодная.

— Еще бы, — сказал попугай, — летаргический сон.

Зато Икар, как юноша чувствительный и нежный, после этого поцелуя закатил глаза и упал без чувств рядом с Синдбадом Мореходом.

— С ума сойти, что за картинка! — сказал попугай. — Такого ни в одной сказке не придумаешь. Давайте я их клюну как следует — сразу проснутся.

Тут все рассмеялись, даже летучая мышь запищала от хохота. Попугай кинулся было за ней, да не догнал.

— Могилка прав, — сказал Рашид. — Где вы слышали о том, чтобы витязь пришел к спящей красавице, сам откусил от заколдованного яблока и заснул мертвым сном? А второй поцеловал красавицу и грохнулся в обморок?

— Тоже мне, Синдбад Мореход! — буркнул попугай. — Яблоки любит, свою жену любит, а чужих принцесс не любит!

Все отсмеялись, и наступила тишина. Думали, что делать дальше.

И вдруг все услышали из-за мешка с крупой и сахаром шорох, потом раздался громкий щелчок. Затем наступила тишина.

— Рашид, — спросила Алиса. — Ты ключ от двери с собой взял?

— Кажется... — сказал Рашид, — кажется, я его оставил в двери...

И кинулся через склад к двери.

К сожалению, опасения оправдались. Дверь была заперта снаружи.

Тут как раз пришел в себя Икар.

— Разойдитесь! — крикнул он. — Сейчас я всем покажу! Больше вы не посмеете надо мной смеяться.

Он бросился на дверь, как бык на красную тряпку, отлетел от нее, упал на мешок с сахаром, схватился за ушибленное плечо и обиженно произнес:

— Ну почему никто не предупредил меня, что дверь железная?

Ему никто не ответил.

А Рашид печально произнес:

— Обидно погибать в одном сантиметре от цели!

— Погоди, погоди, — сказал попугай Могилка. — А как ты, летучая мышь, сюда прилетаешь и отсюда улетаешь?

— Вам не выбраться. Тут есть ход, но он такой узкий, что только летучие мыши и тараканы могут им пользоваться.

Все снова загрустили. Кроме попугая.

— Где пройдет летучая мышь, — сообщил он, — там пролетит стальная птица. Стальная птица — это я, закаленный в боях пират из попугаев. Показывай мне дорогу, Мандалай!

Зашуршали крылья, и послышался далекий голос летучей мыши:

— Здесь вам узко будет, вы костылик уберите.

— Без костыля я не воин, — ответил попугай. — Ничего, проберемся.

И наступила гробовая тишина.

Глава 15

НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Было так тихо, что стало слышно, как похрапывает во сне Синдбад Мореход и потрескивает факел.

— В крайнем случае будем рыть подземный ход, — сказал Рашид. — Мы будем рыть отсюда, а Верный Волк и кормилица будут рыть с той стороны.

— Если Симеиз им разрешит, — заметила Алиса.

— А я больше надеюсь на моего папу. Он уж, наверное, узнал, что я спасен и меня пора выручать, — сказал Икар.

— А как он мог узнать?

— Пегас меня видел? Видел. Туземцы меня видели? Видели. Птицы и те моему отцу сообщат. Возможно, он уже подлетает.

Алиса подумала, что никто не знает, где она, даже родители, потому что она на особом задании. Но комиссар Милодар наверняка о ней думает.

Неожиданно заскрипела дверь.

Все обернулись к ней.

Дверь никак не открывалась — словно кто-то тянул за нее, но не мог открыть.

Алиса первой подбежала к двери и навалилась на нее. Дверь подалась легко. Оказывается, с той стороны за ручку тянул попугай Могилка, который выбрался наружу и повернул ключ. Повернуть-то повернул, а открыть силы не хватило.

— Ура! — закричали все хором. Спящая княжна, не просыпаясь, отмахнулась от этого крика, как от комара.

— Как ты достал ключ? — спросил Рашид у своего друга.

— Проще простого. Вы не осудите меня за то, что я совершил кражу?

— Нет, мы тебя не осудим, — ответил за всех Рашид.

— Ключ лежал на письменном столе этого злодея, — сказал попугай. — Он меня даже не заметил.

— А где Симеиз? — спросил Рашид.

— Послушай, — ответил попугай.

Все замолчали. И слышно было, как со второго этажа замка раздается тихий звон и затем бормотание: «Шестьсот семьдесят два, шестьсот семьдесят три, шестьсот семьдесят четыре, шестьсот семьдесят пять...» Симеиз считал монеты!

— Обратно! — приказал Рашид. — В пещеру. Будем держать совет.

— Что будем делать дальше? — спросила Алиса.

— Разбудим и убежим, — предложил Икар.

— Нам их не разбудить! — воскликнул Рашид.

— Тогда зови своих людей, — сказал Икар.

— Но двери в замок Симеиза заперты. Как сможет Верный Волк и городской люд пробиться сюда? Да и не вытащить нам спящих...

— Все, кто хочет уйти, — свободен, я никого не удерживаю, — печально произнес Рашид. — А я останусь возле сестры.

— Не говори чепухи, — ответил попугай. — Никто не бросит тебя в беде.

Они сидели и все вместе размышляли. В конце концов они доразмышлялись до того, что будут ждать ночи и в темноте попробуют незаметно перелезть через стену.

Но дождаться темноты им не удалось, потому что во дворе замка раздались крики.

— Где ключ? — неистовствовал Симеиз. — Я всех в лягушек превращу!

Еще секунда, и он догадается, что случилось. Так и есть. Он кинулся между клумбами к складу.

— Открыто! — закричал он. — Открыто моими ключами!

— Ничего не остается, — сказал Рашид, — как идти на бой.

Он вышел из двери в подвал, размахивая кинжалом.

— Стража! — перепугался Симеиз. — Стража! Зарубите его. А то он сделает мне больно.

Со всех сторон сбежались воины. И тут во дворе замка потемнело. Будто большое облако опустилось с неба. От страха воины попадали на землю, а Симеиз залез в копну сена. И лишь Алиса знала, как называется та большая круглая штука, что медленно опустилась на замок «Ласточкино гнездо».

Это был воздушный шар. Совершенно первобытный, только что изобретенный, склеенный рыбьим клеем из рыбьих и акульих кишок.

К шару была привязана плетеная корзина. С одной стороны из корзины высовывался пожилой носатый мужчина с лавровым венком на голове. С другой — уже знакомая Алисе краснощекая толстая кормилица Рашида по имени Фатима.

— О, мой отец! — закричал Икар и побежал к шару. — Ты

великий изобретатель нашего времени! Ты изобрел новые крылья, которые могут поднять наверх нас всех.

— Что-то вас очень много! — закричал в ответ воздухоплаватель Дедал. — Но я все равно рад тебя видеть.

— И не пытайся бросить в беде моих друзей! — крикнул Икар. — Мы летим или все вместе, или остаемся все вместе на мучительную смерть.

— Но почему я должен спасать совершенно чужих людей? — спросил Дедал.

— Во-первых, они сами меня спасли, когда ты махнул крыльями и улетел. Во-вторых, я люблю девушку, которая спит в этой пещере, и намерен на ней жениться.

— Сначала я должен познакомиться с родителями невесты, узнать, какое у нее приданое, а потом уж будем решать все в семейной кругу.

— Отец, ты всегда был эгоистом. Для тебя не существует людей — тебе бы только прославиться!

Пока шла эта перепалка, Симеиз опомнился, вылез из сена и приказал своим воинам зарубить пленников. Воины побаивались Рашида и Икара, не говоря уж о воздушном шаре, который висел над их головами. Поэтому они производили много шума, махали саблями, громыхали щитами, но вперед не шли.

— Дедал, — сказала тогда Алиса. — Вы любите золото?

— Каждый настоящий ученый любит золото, — ответил Дедал. — Будь у меня много золота, я бы построил дирижабль из китовой шкуры.

— Если мы вам дадим сундук с золотыми монетами, у вас в корзине найдется место для всех нас?

— Мне надо проверить.

— Эх, — сказал Икар. — Как жаль, что мой папа спешит разбогатеть. А ведь он талантливый изобретатель.

— Помолчи, мальчишка! — крикнул Дедал.

— Я молчу, — сказал Икар, — потому что я уже утонул. Но люди, которые вытащили меня из воды, никогда не спрашивали, сколько я им за это заплачу.

— Покажи золото! — крикнул Дедал Рашиду.

Рашид кинулся по лестнице на второй этаж, в кабинет Симеиза, а Симеиз побежал за ним с криком:

— Это грабеж! Это мое золото!

— Вы называете это грабежом? — крикнул вслед Симеизу Икар. — Я на любом суде могу подтвердить, что вы взяли у нас

сундук с драгоценностями, а в благодарность заперли нас в пещере! Вы обманщик и злодей, господин Симеиз!

Воины перестали размахивать мечами, а Дедал опустил свой шар пониже, чтобы корзина была вровень с подоконником окна на втором этаже.

Рашид подтащил к окну сундук и поставил его на подоконник. Он открыл крышку, и Дедал смог убедиться, что там в самом деле лежат золотые монеты.

— Везешь или нет? — спросил Рашид.

Алиса снизу видела, как загорелись глаза у изобретателя.

— Эх, была не была! — крикнул он и протянул руки.

Корзина наклонилась. Дедал вцепился в сундук, но в этот момент Симеиз оттолкнул Рашида и схватился за другой край сундука. Сундук накренился, и из него золотым водопадом посыпались во двор замка монеты. Дедал тянул сундук к себе, Симеиз к себе, а воздушному шару, видно, надоело качаться над самой землей, и он взмыл вверх.

— Ох! — закричали все хором.

Потому что увидели, как за открытую крышку сундука держится Симеиз, а его ноги болтаются над бездной. С другой стороны сундук держит Дедал, свесившись над краем корзины.

Не успел шар улететь далеко от замка, как случилась беда: Дедал перевалился через край корзины и полетел вниз, а за ним полетел сам сундук и злобный Симеиз.

Их отчаянный вопль донесся до замка.

А воин, который стоял на башне, доложил оттуда:

— Они бухнулись в воду!

— Я не хочу, чтобы мой папа утонул. Может, он неважный отец, но изобретатель знаменитый! — закричал Икар.

— Они плавают и держатся за сундук! — сообщил часовой.

— Ничего с ними не случится, — сказал Рашид. — Разве что охладятся немного. Жалко только нашей с тобой добычи, Могилка.

— А ты не жалей, — сказал хриплым голосом попугай. — Я знаю, где наши деньги!

— Где? — спросил Рашид.

— Прикажи всем воинам и слугам Симеиза выстроиться у стены, — сказал попугай.

Рашид приказал им выстроиться. Воины отказались, некоторые даже пытались сопротивляться и махали своими сабля-

ми. Но с ними быстро справились. Они поняли, что раз старого хозяина нет, то лучше слушаться новых!

Когда воины и слуги выстроились, попугай, прихрамывая, пошел вдоль строя. Он останавливался перед каждым и говорил:

— Вот ты, рыжий, спрятал сто шестьдесят две монеты. Из них восемьдесят в поясе, тридцать за пазухой, а остальные в сапогах.

Затем переходил к следующему и сообщал скрипучим голосом:

— А ты у нас чемпион. Двести сорок монет, два жемчужных ожерелья и сорок колец с изумрудами.

— Это клевета! — кричал воин.

— Сам отдашь или заклевать тебя? — спрашивал попугай.

И очередной воин сдавался. Рашид расстелил на земле скатерть, и скоро на ней уже сверкала гора золота и драгоценностей.

Алисе эта операция наскучила. Ее куда больше волновало, как выбраться отсюда и вызволить Синдбада.

И вдруг опять потемнело.

Неужели?

Да, над замком снова снижался воздушный шар. Но ведь Дедал плавает в море!

Шар медленно опустился посреди двора, и все увидели, что в корзине сидит кормилица Рашида, толстая Фатима. О ней-то все забыли!

— Когда ты научилась управлять шаром? — удивился Рашид.

— А я смотрела, как Дедал это делает. Ты что думаешь, женщины глупее мужчин? Залезай в шар, — сказала Фатима.

— А шар выдержит нас? — спросил Икар. — Ведь папа возражал.

— Если шару будет тяжело, он не поднимется или сразу опустится, — сообразила Фатима. — Давайте попробуем.

С помощью воинов из пещеры вынесли Синдбада и принцессу Гюль-Гюль. Их положили в корзину шара. Затем забрались остальные. Рашид затащил и скатерть, в которую были завернуты монеты и драгоценности.

— Полетели! — сказал Икар, который командовал полетом как сын воздухоплавателя.

Шар с трудом оторвался от земли и повис в воздухе. Выше он подниматься не желал.

— Надо скидывать балласт, — сказала Алиса.

Но никакого балласта в корзине не было.

— А золото? — напомнила Алиса.

— Ты с ума сошла? — рассердился попугай. — Да я за него жизнью рисковал.

— Дорогой Аль-Могила, — сказала Алиса. — Золото тебе нужно было, чтобы выкупить княжну. Зачем оно теперь?

— Золото всегда нужно! — ответил попугай. — Я построю на него дворец.

— А принцесса останется спящей?

— Выспится — проснется, — нагло заявил попугай. — А не проснется, Мандалай, пускай спит.

— Я этого не допущу! — закричал Икар. — Я требую, чтобы принцессу везли в Багдад, там есть настоящие волшебники и доктора.

— А ты как думаешь, Рашид? — спросила Алиса.

— Я думаю, что ты прав, Аладдин, — сказал Рашид.

— Бог с ними, с деньгами, — вздохнула Фатима, — были бы все здоровы, а деньги мы заработаем.

И тогда Алиса высыпала из скатерти золото вниз, во двор замка, и воины и слуги бегали и прыгали под золотым дождем, как дети, хватая монеты.

А воздушный шар постепенно набрал высоту и направился в сторону моря.

Шар медленно летел над берегом и никак не мог подняться выше. И тут они увидели, как из моря выходит мокрый и несчастный изобретатель Дедал. За ним подплывает Симеиз.

Увидев шар, Дедал замахал руками и закричал:

— Снижайтесь! Возьмите меня.

Все посмотрели на Икара.

— Прости, папа, — сказал Икар. — Но ты отказался увезти моих друзей, как же я могу сейчас выгнать их из воздушного шара?

Икар покраснел, потому что был послушным сыном и никогда еще не осмеливался так разговаривать со своим строгим отцом.

И тут послышался тихий голос Фатимы.

— Простите, — сказала кормилица, — но мне совершенно нечего делать в вашем Багдаде. У меня с утра белье замочено, грядки недополоты. Если можно, я тут сойду.

Шар снизился у самой воды, кормилица расцеловалась со своим Рашидом и приказала ему строго-настрого, чтобы он

вылечил сестренку и скорее возвращался домой. Вместо нее в корзину влез сердитый Дедал.

— Без меня улететь хотели, — ворчал он, — без великого ученого! Наука вам этого не простит.

Симеиз стоял в стороне, грозил шару кулаком, но приблизиться не смел. Без воинов он был не такой смелый.

На этот раз шар сразу оторвался от земли и легко полетел через Черное море, а потом над горами и пустыней направился в сторону славного города Багдада.

Когда шар поднялся выше облаков и гордо плыл на юг, все постепенно успокоились, лишь Икар не отрывая глаз смотрел на спящую Гюль-Гюль да попугай ковылял по борту корзины и бормотал:

— Такие деньги, Мандалай, выкинули! Нет смысла в жизни!

— Скажи, пожалуйста, Могилка, — спросила Алиса, — а что это за странное слово «Мандалай», которое ты так часто произносишь? Это иностранное ругательство?

— Ах, какая ты необразованная! — возмутился попугай. — Мандалай — это сказочный город в далекой стране Бирме, где я имел счастье родиться триста лет назад. О, Мандалай, Мандалай, жемчужина Востока!

Глава последняя

ВСЕ ПРОСНУЛИСЬ

Летели долго. Прошла целая ночь, прежде чем на горизонте показались широкая река и могучие стены Багдада.

Шар пролетел над домами и дворцами, и Алиса показала, где опускаться, — у стоящей за городской стеной уединенной усадьбы, которая была окружена глинобитной стеной.

Шар медленно опустился у ворот в усадьбу, подняв тучу песка и пыли. Закричал осел, закудахтали куры, залаяли собаки, дверь открылась, и в ней показался волшебник Оох.

— Ранние гости, — сказал он, протирая глаза. — Я наколдовал, что вы прилетите к полудню, а вы поспешили.

— На рассвете лететь приятнее, — ответил Рашид и поклонился волшебнику. Хоть он никогда не встречался с Оохом, он сразу догадался, что перед ним настоящий могущественный волшебник.

— Заходите в дом, — пригласил волшебник. — Если не

ошибаюсь, то судьба свела меня с великим изобретателем воздухоплавания Дедалом и его сыном Икаром.

— Вот мой сын Икар, — сказал Дедал.

— Здравствуйте, — сказал Икар, — но я так и не полюбил летать. Мне очень хочется жениться.

Слуги вынесли из корзины спящих Синдбада и Гюль-Гюль, и все остальные прошли в большую теплую комнату, где напились чаю с такими свежими лепешками, словно их еще не начинали печь.

Пока завтракали, все наперебой рассказывали о своих приключениях.

И когда кончили, волшебник Оох, один из одиннадцати главных Магов Востока, произнес:

— Все ваши проблемы решаются легко. Кроме одной. Это проблема сонного яблока. Вы привезли мне хоть огрызок его?

— Эх, в голову не пришло! — воскликнул попугай. — А ведь должен был догадаться. Как же я так опростоволосился!

— Вот именно, — сказал волшебник Оох, — возраст еще не основание для мудрости.

Он подошел к спящим.

Княжна Гюль-Гюль и Синдбад лежали рядом на низких диванах, и лица их были спокойны.

— Эх, как странно в жизни бывает, — сказал попугай. — Если бы Синдбад взял и поцеловал девушку, все были бы живы и здоровы.

— Ничего бы не вышло: он любит Шехерезаду, — напомнила Алиса.

— Мы бы ей не сказали, — ответил попугай.

— Иногда мне хочется тебе голову отвертеть, — сказал Рашид. Попугай обиделся и взлетел на шкаф.

— Наверное, придется тебе всех волшебников собирать, — сказала Алиса. — Это называется консилиум.

Вдруг снаружи раздались крики, портьера, которая прикрывала дверь в комнату, отлетела в сторону, как боевое знамя, и в дверях показалась женщина изумительной красоты.

Это была Шехерезада.

— Где Синдбад? — закричала она. — Где вы его скрываете?

Она увидела на диване своего мужа и кинулась к нему.

Она стала покрывать его горячими поцелуями, и минуты через две он открыл глаза и сказал:

— Ну что ты, Шехочка, люди же смотрят.

— Где ты был? Где тебя носило почти два года? — спроси-

ла Шехерезада. У нее быстро менялось настроение. И если всего три минуты назад она трепетала от ужаса, то теперь уже успокоилась и даже начала сердиться.

Синдбад сел на диване и сказал:

— Я привез тебе сорок две новые сказки. Я старался.

— А еще чем ты занимался?

— Он лежал в пещере, — сказал попугай, — вон с этой девушкой.

— Вдвоем? В пещере? С девушкой? И что же они делали? — строго спросила Шехерезада.

— Они спали, — ответил Рашид. — Моя сестра Гюль-Гюль была заколдована и лежала в пещере на хрустальном ложе. А когда ваш супруг пришел в эту пещеру, то, вместо того чтобы поцеловать ее, как положено, он доел заколдованное яблоко и тоже заснул.

Шехерезада тут же успокоилась. Она поцеловала мужа в лоб и сказала:

— Ну и правильно. Иногда лучше отравленное яблоко, чем чужие поцелуи.

— А как ты сюда попала? — спросила Алиса.

— А я просто убежала от Милодара, — сказала Шехерезада. — Антарктида — это место не для меня. Синдбад, пошли домой, дети ждут!

— Постойте, ханум! — взмолился Рашид. — А как разбудить мою сестренку?

— Как обычно, — сказала Шехерезада, — поцеловать. Неужели здесь нет ни одного влюбленного в нее молодого человека?

— Я! — закричал Икар. — Это я! Я готов!

— Он уже целовал — и ничего не получилось, — сказал Рашид.

— Икар, не слушай их, — сказала Шехерезада, — попробуй еще раз. Я по твоим глазам вижу, что ты уже по уши влюблен.

Икар, пошатываясь, подошел к дивану.

— Может, не стоит? — спросил Дедал. — У нас с тобой такая важная научная работа впереди! А эта девушка иностранного происхождения...

Слова отца как бы подстегнули Икара. Он тут же опустился на колени и поцеловал княжну в розовые губки.

Гюль-Гюль словно ждала этого момента.

— Ну наконец-то, — сказала она, открыв глаза. — Я уж давно слышу все, что вокруг происходит. И думаю — неужели ты все еще не полюбил меня по-настоящему?

Княжна Гюль-Гюль вскочила с дивана, отстранила Икара и кинулась к брату:

— Рашид, ты не представляешь, что ты для меня сделал. Ты самый лучший брат на свете!

— Вот то-то, — попугай смахнул крылом слезу, — а то я уж думал, что настоящих героев никто не заметит.

— Я тебя заметила, — сказала княжна. — Ты будешь жить у нас в доме, у тебя будет большая золотая клетка...

— Только этого мне не хватало! — воскликнул попугай и прыгнул к открытому окну. Он задержался на подоконнике. — Прощайте, друзья! — крикнул он. — Душа бродяги и разбойника не выдержит золотой клетки. Ваша сказка кончилась, моя — продолжается.

И он вылетел в синее небо. Рашид кинулся за ним, но не успел его остановить.

— Как ты могла так обидеть бродягу и разбойника! — упрекнул он сестру.

— Не расстраивайтесь, Рашид, — сказал волшебник Оох. — Вы с ним еще встретитесь.

— Вот и сказка вся, — сказала Алиса. — Как мне жалко с вами расставаться.

Отдохнув и попрощавшись со всеми, Алиса с помощью волшебника Ооха вернулась к опушке Дремучего леса, где ее ждала кабина времени.

Только она собралась войти в дупло гигантского дуба, как услышала хриплый голос:

— Эй, девчонка, не спеши. Разговор есть.

Алиса обернулась.

На низкой ветке дуба сидел хромой, одноглазый попугай в чалме.

— Ты прилетел проводить меня, Могилка? — спросила Алиса.

— Не совсем так, — сказал попугай. — Дело в том, что я в эпохе легенд испытал уже все опасности и пережил все приключения. Возьми меня в будущее. Я буду жить у тебя, охранять тебя от злодеев, а когда ты полетишь на корабле в космос, я тебе пригожусь. Я же старый бессовестный бандит, но верный друг, Мандалай, забери меня!

Алиса поняла, что за эти дни она полюбила старого разбойника.

— Ну что мне с тобой делать, — сказала она. — Полетели в

двадцать первый век. Если тебе не понравится, ты всегда сможешь вернуться обратно.

— Нормально, Мандалай, — сказал попугай и уселся Алисе на плечо. Потом наклонил к ее уху клюв, ущипнул за мочку уха и прошептал: — Но никогда не смей называть меня Могилкой. У меня есть честное имя — Аль-Могила.

— Слушаюсь, Аль-Могила, — повторила Алиса.

ПЛАНЕТА ДЛЯ ТИРАНОВ

Глава 1

У ПАПЫ ПРОПАЛИ ГОЛКОРЫ!

Перед Новым годом Алиса получила видеописьмо с планеты Уксу. Когда она вставила письмо в компьютер, на экране появилось лицо жительницы той планеты. Лицо было похоже на мордочку веселого ежика.

— Дорогая Алиса Селезнева! — произнесла уксуйка на космолингве. — Мы знаем о твоих путешествиях и подвигах. Нам очень хочется с тобой познакомиться. Через месяц в нашей столице состоится научная конференция молодых ученых. Пожалуйста, прилетай к нам и расскажи о том, как вы с Павлом Гераскиным построили подземную лодку и спускались к центру Земли. Если Павел захочет, пускай тоже прилетает. Мы тебя очень ждем.

После этого начался видовой фильм о планете Уксу, и планета Алисе так понравилась, что она решила слетать на конференцию.

Но оказалось, что легче решить, чем сделать.

Планета Уксу, как всем известно, расположена в системе звезды Реклод-3, до которой от Земли несколько световых лет. Регулярных рейсов туда нет, нерегулярных — тем более. Планета Уксу только-только избавилась от карантина, который ввели из-за какого-то ужасного тирана.

Конечно, в такое путешествие лучше отправиться в хорошей компании. Но Паша Гераскин занимался с Громозекой раскопками на Марсе, остальные Алисины друзья были в разъезде, а папа, мама и симферопольская бабушка заняты на работе.

И тогда Алиса вспомнила о Гай-до.

Она набрала номер видеофона в польском городе Вроцлаве и увидела на экране милое лицо Ирии. Ирия вытерла тыль-

ной стороной руки муку со щеки, дунула на непослушную прядь волос, упавшую на нос, и, ничуть не удивившись, что ей звонит Алиса, сказала:

— Как хорошо, что ты позвонила, Алисочка, я как раз собиралась искать тебя. Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь готовила пирог с тыквой по-французски?

— С тыквой и черносливом?

— Вот именно! Скажи, девочка моя, надо ли пропускать тыкву через мясорубку или достаточно нарезать кусочками?

— Лучше пропустить, — ответила Алиса. — Но не забудь добавить сливки.

— Ах да, конечно же, сливки! Спасибо, Алисочка! — И с этими радостными словами Ирия отключилась. Видно, она решила, что не Алиса ей звонила, а, наоборот, — она сама провидеофонила в Москву, чтобы узнать про пирог.

Ирия была чудесным, удивительным человеком.

Родилась она на далекой планете Вестер. Ее отец, великий конструктор космических кораблей, воспитывал ее без мамы и старался сделать из нее настоящего мальчика. Так что Ирия стала чемпионом планеты по боксу, покорила все самые высокие горы, водила мотоцикл, самолет, вертолет, космолет и бульдозер, прыгала в высоту на два с половиной метра и разбивала ребром ладони шесть кирпичей. Отец оставил Ирии в наследство свое последнее детище — разумный космический кораблик по имени Гай-до. Он проектировал его для разведочных партий на дальних планетах, так что Гай-до все умел и был под стать своей госпоже.

После смерти папы Ирия часто отправлялась на Гай-до в дальние путешествия, открывала новые планеты и астероиды, стала настоящим космическим волком. Но однажды, на свое счастье, на планете Пять-четыре она отыскала попавшего в катастрофу польского путешественника Тадеуша и полетела с ним в Польшу. С тех пор она почти безвылазно живет возле города Вроцлава, воспитывает свою маленькую дочку, заботится о муже и совершенно забыла о боксе, стрельбе, альпинистских восхождениях и прыжках через космическое пространство.

Гай-до постепенно свыкся с такой жизнью. Его примирила с ней любовь к маленькой девочке, которую он считает своей племянницей, служа ей нянькой, игрушкой, коляской и грелкой.

Но порой на кораблик нападает тоска — ему снятся звезд-

ные пространства, астероиды, а чаще всего зловещая планета Пять-четыре. Тогда Гай-до начинает тихонько напевать песни космических скитальцев, но Ирия приказывает ему замолчать, а то девочка их запомнит и испортит себе вкус и слух.

Гай-до замолкает и думает: «В сущности, мне повезло. Мог бы я сейчас летать от планетки к планетке, совершать вынужденные посадки, разбиваться о скалы, напрягаться и трещать по швам, покрываться ржавчиной и окалиной. А теперь я живу в покое, стою на опушке леска, нянчу очаровательного человеческого детеныша, которого нашла в капусте моя дорогая госпожа Ирия, — ну чего еще может желать космический корабль? Ничего!»

После этого Гай-до тихо вздыхает и принимается раскачиваться, чтобы девочка поскорее засыпала.

Алиса знает об этом, она нередко навещает Ирию и Тадеуша, и малышка ее уже узнает. Алиса жалеет Гай-до, она уверена, что самое большое счастье для космического корабля, особенно для такого умного и отважного, как Гай-до, — это летать от звезды к звезде и грудью встречать метеориты.

Поэтому она опять набрала номер видеофона и тут же увидела на экране Ирию. На этот раз Ирия была очень удивлена.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Нет.

— А почему ты снова звонишь? Я все запомнила о черносливе.

— Ирия, ты перепутала. Это не ты мне звонила, а я тебе.

— Ты? А мне показалось, что я. Ну тогда быстро говори, а то у меня все подгорит, и ты будешь виновата.

— Ирия, скажи, пожалуйста, ты не отпустишь со мной на несколько дней Гай-до?

— Зачем?

— Мне нужно слетать на конференцию на планету Уксу. А туда нет рейсов.

— Ты собираешься туда лететь одна? Куда смотрят твои родители? — возмутилась Ирия. — Да ты знаешь, что на этой планете правит страшный тиран, известный по всей Галактике? Только через мой труп!

Алиса не стала спорить и возмущаться. Она привыкла к тому, что все взрослые, даже лучшие из них, сначала дают волю своим чувствам, а потом начинают думать. В конце концов, что может случиться с ребенком в космосе, тем более что ты уже не ребенок, а перешла в седьмой класс, занимаешься

биологией и приглашена сделать научный доклад на конференции.

В жизни главное — терпение.

Пошумев и побурлив, Ирия утихла и спросила:

— А мама не возражает?

— Мама не возражает, — честно ответила Алиса.

Мама, может, и возразила бы, но она была в командировке на Плутоне и о планах Алисы на ближайшие дни ничего не знала.

— Странно, — произнесла Ирия. — Я бы мою малышку никогда не пустила на планету Уксу.

— Вот когда она вырастет, тогда и поговорим, — мудро возразила Алиса. — Кстати, тамошнего тирана уже прогнали.

Вдруг лицо Ирии изменилось.

— Горит! — воскликнула она. — Мой французский пирог горит! Позвони мне завтра!

— Нет, — твердо ответила Алиса. — Я вылетаю к тебе. Скажи Гай-до, что мы с ним отправляемся.

— Ни в коем случае! — Ирия отключилась, а Алиса пошла собираться. Ведь путешествие должно было продлиться несколько дней.

Первым делом Алиса позвонила отцу в Космический зоопарк, где он работал. Отца долго искали и наконец соединили — почему-то он сидел в каком-то подвале и был покрыт паутиной и пылью.

— Папочка, что случилось! — спросила Алиса. — Ты заблудился?

— Тише, — прошептал отец. — Они где-то здесь...

— На твой зоопарк напали?

— Хуже, — сказал отец.

— Вот он! — раздался крик. Заметались лучи сильных фонарей, мелькнула тонкая сеть, которую растягивали два научных сотрудника, словно шли не по сухому подвалу, а по реке с бреднем.

— Прости, Алиса, перезвони через полчаса, — произнес отец.

— Я только хотела тебе сказать, что мне надо слетать на несколько дней на Уксу. Котлеты в холодильнике, а остальное расскажет Поля...

Тут Алиса поняла, что видеофон показывает лишь суету, свалку в подвале, а папы там уже и в помине нет.

— Что случилось? — спросил, входя в комнату, домоброт-

ник, то есть домашний робот Поля. Он не выносит, кстати, если его называют домработником, и поправляет: «Я же робот, значит, домро́ботник».

— Я думаю, что у папы какие-то неприятности, — ответила Алиса. — Вернее всего, на него напали космические пираты. Он прячется от них в глубоких подземельях административного корпуса.

— Ты шутишь или пугаешь? — спросил домроботник Поля.

— Я еще не знаю, — ответила Алиса. — Ты сам погляди на экран.

Но смотреть было не на что — экран был отключен. И как они ни старались вызвать профессора Селезнева, ничего у них не выходило — линия не работала.

Алиса собралась уже было лететь в Космозо выручать папу, но тут он сам позвонил домой и сказал:

— Прости, дочка, не мог с тобой говорить. У нас чрезвычайное происшествие.

— Это мы видим, — заметил домроботник.

— Понимаешь, сбежали голкоры, — сказал отец.

— Голкоры! Не может быть! Но почему?

— Меня не было, моего заместителя не было... а тут приехали с телевидения, чтобы их снимать.

— Снимать? Голкоров? — Алиса была сильно удивлена.

— Это меня тоже удивило, — заметил отец. — Но главное заключается в том, что, когда я вернулся в Космозо, клетка была открыта, телевизионной группы и след простыл, и никто не запомнил, как выглядели телевизионщики.

— Погодите, погодите! — прервал профессора Селезнева домроботник Поля. — Я ничего не понимаю. Объясните мне, в конце концов, что произошло в Космическом зоопарке и кто такие голы-коры.

— Поля, надо читать газеты, — упрекнула робота Алиса. — В прошлом месяце «Пионерка» писала, что в Космический зоопарк поступили два голкора. Так у нас назвали странных животных с Хрустальной планеты. Эти животные совершенно невидимы.

— Невидимы? — повторил Поля. — Тогда зачем их держать в зоопарке?

— А что с ними делать? — удивилась Алиса. — Застрелить? Они же не виноваты в том, что невидимы.

— Значит, зрители их увидеть не могут?

— Почти не могут, — улыбнулся профессор Селезнев.

— Что значит это ваше «почти»? — строго спросил домроботник. — Или их можно увидеть, или нельзя.

— Но ведь недаром их прозвали голкорами, — сказала Алиса, — это сокращение от «голые короли». Сами-то голкоры невидимы, но они очень любят наряжаться. Для них в клетках лежат целые груды самых различных нарядов. И все свободное время эти животные, которые на ощупь похожи на худых кенгуру, примеряют наряды. И это, скажу я тебе, Поля, удивительное зрелище! Ты видишь, как по клетке гуляет дама без лица и без рук, но в платье до пола и в шляпке с цветами.

— Ой, какой ужас! Никогда больше не пойду в Космозо! — возмутился домроботник.

— Но их в Космозо нет! — удрученно сказал профессор Селезнев. — Они пропали. Эти телевизионщики забыли запереть клетки, и редкие животные убежали, ушли, пропали. Они могут попасть под машину или упасть с обрыва.

— А я думаю, что их у вас украли.

— Кому они нужны?

— Это второй вопрос, — сказал Поля. — А первый заключается в том, что никто не видел телевизионную группу, никто не знает, кто открыл клетку, а, наверное, ваши голкоры стоят больших денег.

— Громадных! — воскликнул профессор Селезнев. — Это уникальные, может быть, последние во Вселенной подобные существа.

— Ищите их в другом зверинце или цирке, — сказал робот Поля.

— Нет, это невозможно! — возразил профессор и замолчал, потому что понимал, что скорее робот прав и они зря теряют время, обыскивая подвалы и чердаки.

— Папочка, — сказала Алиса, — сделай запрос во все космодромы, чтобы там проверили, не попадутся ли голкоры.

— Но как? Как я сообщу им: «Ищите нечто невидимое!» Меня же засмеют.

— А ты сообщи обтекаемо...

— Я подумаю, — ответил отец. Потом опомнился и спросил: — А ты, Алиса, зачем мне звонила?

— Ах, пустяки. — Алиса говорила равнодушным голоском, как будто речь шла о прогулке за грибами в Кратово. — Мне тут надо на три дня слетать на научную конференцию, сделать доклад. Ты не возражаешь?

— Только оденься потеплее, еще зима, — ответил отец, который очень гордился Алисой и любил, если она, как настоящий ученый, где-нибудь выступала и делала доклад. С отцами такое бывает.

Тут за спиной отца возникла встрепанная голова Петра Михалыча, молодого сотрудника Космозо.

— Скорее, профессор, мы, кажется, разгадали тайну! — воскликнул молодой человек. — Старина Крестоног ломает клетку!

— Пока, Алиса, звони, как приедешь на конференцию! — крикнул отец и побежал следом за Петром Михалычем.

Алиса вздохнула и пошла собирать вещи. По крайней мере, у нее теперь было отцовское разрешение. А это немало.

Робот помог ей собраться, потом Алиса поцеловала его в твердую прохладную щеку — и они расстались.

Глава 2

ЧТО РИСУЮТ КРЕСТОНОГИ?

Если вы после этого все поняли, то вы живете в конце XXI века, часто бываете в Космозо, а может, даже летали на экскурсию в пустынные лабиринты Крепты.

Если вы ничего не поняли, то придется объяснять с самого начала.

На шестой планете небольшой звезды из созвездия Микроскоп в пустыне Джань живут крестоноги. Крестоноги — это крупные черепахи на длинных скрещенных ногах. У них шесть пар ног. Четыре пары для того, чтобы стремительно бегать по пустыне между отвесных, сверкающих под солнцем скал, а две про запас.

Насытившись саранчой и саксаулом, крестоноги берут твердые палочки или острые камешки и начинают рисовать на отвесных скалах. Вся планета Крепта разрисована картинками крестоногов.

Что же рисуют крестоноги на планете Крепта?

Все, что увидят. Увидят саранчу — рисуют стаю саранчи, увидят саксаул — рисуют целый лес. Рисуют они просто и ясно, как дети. Зачем они это делают, ученые догадались недавно. Оказывается, самки крестоногов позируют самцам. И если самке понравится свой портрет, она соединяет свою

жизнь с художником. Если нет — ему приходится рисовать самку попроще или учиться рисовать получше. А все остальное рисование — для тренировки.

В Космическом зоопарке на Земле крестоноги не могли бросить своего занятия. И потому стали любимцами публики. С утра к клетке крестоногов подвозят целый грузовик картона и кучу толстых карандашей и фломастеров.

Позавтракав, крестоноги рассаживаются по клетке и начинают работать. Чаще всего они рисуют зрителей и меняют рисунки на лакомства — конфеты, булочки, мороженое. Самки крестоногов стоят в стороне и строго следят, чтобы вкусные вещи не оставались у самцов. Они сразу отнимают лакомства у своих мужей. А те знают, что, пока самки не насытятся, им в теньке не заснуть.

Все крестоноги корыстны. Лишь Старина Крестоног, с длинной седой бородой, свисающей из-под панциря, не брал за свои рисунки ни конфет, ни пышек. Он любил искусство. И это было странное качество для такого примитивного животного. Ведь крестоноги глупы, как настоящие черепахи. Петр Михайлович любил Старину Крестонога за бескорыстие и преданность искусству и всегда давал ему больше картона и фломастеров, чем другим крестоногам.

Если бумага кончалась, Крестоног начинал буйствовать и ломать ограду. Но это случалось редко.

Но именно сегодня это случилось.

Автоматическая служба охраны сообщила Петру Михайловичу, что в его хозяйстве беспорядок. Петр Михайлович включил монитор и увидел, что Старина Крестоног носится вдоль изгороди, размахивая фломастером. Крестоноги говорить не умеют, но отлично подражают случайным звукам, если эти звуки музыкальные. Старина Крестоног завывал мелодию известной арии: «Тореадор, смелее в бой, тореадор, тореадор!»

Зрители хохотали и били в ладоши.

Кучей лежали листы картона.

Петр Михайлович прибежал к клетке, неся на голове стопку чистых листов картона. Увидев его, крестоног перестал завывать и замер от счастья — он понял, что скоро начнет рисовать снова. Остальные крестоноги, подталкиваемые подругами, тоже потянулись к ограде.

Раздав листы, служитель собрал готовые рисунки и вынес их наружу.

И когда выходил, заметил, что из клетки крестоногов отлично видна главная аллея, что ведет к большому загону с голкорами.

Конечно, крестоноги рисуют не очень здорово — они же нигде не учились, но всегда можно угадать, кого они имеют в виду. Вот и сейчас на нескольких листах Петр Михайлович разглядел платформу с телевизионными камерами, на ней ехали два человека. Один очень толстый, словно надутый воздушный шар. Лицо его было тоже надутым, а уши острые, торчащие, как у свиньи. Второй телевизионщик был меньше его ростом, худ, остронос и очень неприятен на вид. Издали его можно было принять за крысу на задних ножках.

А в остальном это были телевизионщики как телевизионщики.

На другой картине служитель увидел ту же платформу у дверей в загон к голкорам. Голкоров тоже можно было угадать. Они были нелепо одеты, а некоторых частей тела у них не хватало, словно художник забыл их нарисовать. Но крестоноги никогда ничего не забывают. Что видят, то и изображают.

А вот третий картон был интереснее всех.

На нем платформа с аппаратурой ехала прочь от загона. В ней стояли оба оператора, толстый и тонкий. А у их ног лежали платья, ботинки и еще какие-то части одежды.

Профессор Селезнев схватил картон и крикнул Петру Михайловичу:

— Петя, пожалуйста, выдай сегодня Старине Крестоногу двойную порцию компота.

— А остальным крестоногам? — спросил Петя.

— Остальным тоже по двойной порции компота. Иначе они Старину Крестонога загрызут. Они же настоящие художники.

После этого профессор Селезнев тут же связался с ИнтерГполом — ИнтерГалактической полицией. По особому тайному номеру.

На экране появилось загорелое лицо комиссара Милодара. Он сидел за столом в своем кабинете.

— Ах, Селезнев! — сказал Милодар. — Опять у тебя пропала дочка?

— Нет, не дочка, — сказал профессор. — С Алисой все в порядке. У меня пропали голкоры. Информацию я уже послал тебе по стереофаксу.

— Знаю, знаю, получил информацию. Но сегодня у меня нет ни минуты свободной. Завтра займусь.

— Комиссар Милодар, — произнес Селезнев официальным голосом, — я обращаюсь к тебе как директор Космозо. У нас пропали уникальные инопланетные животные. Каждая минута промедления грозит бедой.

— Для этого есть обыкновенная милиция, — ответил Милодар.

— Тогда погляди на описание голкоров и на картон, нарисованный одним нашим животным. Может, ты догадаешься... — Селезнев тут же отправил по факсу лист картона размером метр на метр.

— У тебя и животные рисуют? — удивился Милодар, но взял лист картона и принялся его рассматривать.

— В Космозо все есть, — ответил профессор.

В задумчивости комиссар Милодар запустил пальцы в курчавую шевелюру и стал похож на горгону Медузу, у которой, как известно, прическа состояла из живых змей.

Тем временем дверь в кабинет комиссара Милодара отворилась, и вошла красивая яркая женщина.

— Ах, пожалуйста, Шехерезада, — попросил Милодар, — позови Кору Орват. Она в аналитическом зале составляет доклад об экспедиции в жерло вулкана.

— Фи! — вдруг обиделась Шехерезада. — И не подумаю. Вы забываете, господин повелитель, что я настоящая принцесса, а она даже не дворянка, а ваш агент.

— Что же, мне самому ее звать? — спросил Милодар.

— Вот именно! — гордо ответила Шехерезада и пошла прочь из кабинета.

Милодар бросился к экрану, подмигнул Селезневу и сказал:

— Наверное, тебе легче со зверями, и даже с хищниками, чем мне с этими женщинами. Знаешь, почему у меня здесь живет Шехерезада?

— Ума не приложу.

— У нее пропал без вести ее второй муж Синдбад Мореход. И она требует, чтобы ИнтерГпол его отыскал. А как мы его отыщем, если он пропал не здесь и не сегодня, а в эпоху легенд. Ох, боюсь, мне придется самому туда отправиться. Она ведь не отстанет!

— У тебя же есть агенты.

— Ни на кого нельзя положиться, — вздохнул Милодар.

Тут ему надоело ждать, и он закричал громовым голосом:

— Агент Кора Орват, немедленно к комиссару Милодару!

Зазвенела люстра, и с потолка посыпалась штукатурка.

Тут же открылась дверь, и вошла молодая женщина.

— Зачем кричать, — сказала она. — Я и так все слышу.

Женщина профессору Селезневу понравилась. Она была высокого роста, коротко пострижена, узка в талии и широка в плечах. Настоящая красивая спортсменка, вернее всего прыгунья в высоту.

— Агент Ноль-три, — сердито сказал Милодар. — Вы кончили писать отчет?

— Разумеется, не кончила, — ответила Кора Орват.

— Тогда отложите его. Вам придется немедленно вылететь на задание.

— Что случилось, комиссар?

— Жалоба из зоопарка о похищении ценных невидимых животных.

Кора увидела, что над столом комиссара горит экран и на нем видно лицо профессора Селезнева.

— Ах, профессор, — сказала Кора. — Я виновата! Он так кричал, что я вас не заметила.

— Ничего страшного, — сказал профессор. — Я рад вас видеть.

— Кора, не отвлекайся, — крикнул Милодар. — Ты на работе. Смотри на эти картинки. Картинка первая — вид животных голкоров совсем одетых. А вот эта картина нарисована инопланетным чудовищем крестовиком...

— Крестоногом, — поправил Милодара Селезнев. — И он совсем не чудовище.

— Инопланетным крестоногом. На ней ты видишь условное изображение похитителей.

— Мне кажется, что я где-то видела этих телеоператоров, — сказала Кора.

— Я тоже их видел, — сказал Милодар.

— Я догадался! — воскликнул профессор Селезнев. — Это же космические пираты Крыс и Весельчак У! Конечно же, это космические пираты. Их нам еще не хватало!

— Ясно, — сказал Милодар. — Если это космические пираты, значит, их место в космосе. И давно они побывали в вашем зоопарке?

— Наверное, сегодня утром, — сказал Селезнев.

— Значит, они уже улетели, — сказала Кора Орват. — Важно другое...

— Вот именно! — Комиссар снова запустил пальцы в курчавую шевелюру. — Зачем им это нужно?

— Что? — спросил Селезнев.

— Зачем им было лететь к нам и воровать из зоопарка каких-то уродцев? — сказала Кора Орват.

— А вот это вы, агент Ноль-три, и узнаете в ближайшие дни, — объявил Милодар.

— Комиссар! — взмолилась Кора. — Но ведь вы обещали отпустить меня в отпуск! Я уже полгода не видела бабушку.

— Бабушка потерпит еще неделю. И чем быстрее ты разгадаешь тайну голкоров, тем лучше для всех! Но если ты недовольна, можешь писать заявление об уходе.

— Вы же знаете, комиссар, — сказала печально Кора, — я никогда не брошу свою трудную, но любимую работу.

— Тогда иди, получай оружие и спецодежду, а я свяжусь с эскадрой патрульных эсминцев. Корабль будет ждать тебя на космодроме в Жуковском. Счастливого пути.

— Спасибо, комиссар.

Селезнев стал благодарить комиссара за помощь. Но комиссар ответил:

— Не стоит благодарности, профессор. Это наш долг.

Глава 3

СНОВА С ГАЙ-ДО

Гай-до согласился лететь не сразу.

Конечно, ему хотелось размяться, повидать новые планеты и себя показать. Но он очень беспокоился, как без него будет жить малышка. Она обязательно простудится, или у нее заболит животик. Разве можно доверять ребеночка его маме?

И неизвестно было, где кончается шутка, а где кораблик начинает говорить серьезно. Ведь даже самый разумный корабль все равно не человек.

Вообще-то Гай-до похож на небольшой желудь, стоящий на коротких ножках. Ничего лишнего. Совсем невыразительный корабль.

Но не зря его конструировал величайший корабельный мастер Галактики. Если нужно, Гай-до может выпустить крылья и маневрировать в любой атмосфере, парить на одном месте, нырять в воду или даже в раскаленную лаву. На земле Гай-до умеет пользоваться манипуляторами — длинными металлическими руками. Причем, в отличие от нормальных людей, у Гай-до есть еще несколько рук внутри. Так что он может дотянуться до любой точки внутри себя — приготовить обед для команды, выстирать белье, сделать постели, разобрать навигационные карты и даже погладить своего капитана по голове, если капитану взгрустнулось. Гай-до может спеть песню, рассказать сказку, поспорить с вами на любую тему или сыграть в шашки.

Его имя на вестерском языке означает: «Брат Гай». А если учесть, что девичья фамилия Ирии была Гай, то понятно, чьим братом считается этот кораблик.

Алиса выслушала все возражения и соображения корабля, потом открыла люк и вошла в Гай-до. Заслышав, что кто-то вошел, малышка проснулась и засмеялась — она узнала тетю Алису.

— Ты чего сидишь взаперти? — спросила Алиса.

Девочка уже умела ходить, она сразу побежала к люку, но Гай-до люк не открыл.

— Ты подумала, какая на улице погода? — возмутился корабль. — Если ты бегаешь по морозу совсем голая, то это не значит, что надо заморозить ребенка.

Тут люк открылся снаружи, в него заглянула Ирия, накинувшая пальто поверх домашнего халата.

— Алиса, обедать! Тадеуш приехал с работы, — сказала она и подхватила малышку на руки.

— Ну вот, — проворчал корабль, — эта мать берет ребенка немытыми руками. Неужели ты не училась в школе и не знаешь, как опасны микробы?

— Микробов не бывает, — засмеялась в ответ Ирия, — самый мелкий зверь — комар!

Космический корабль даже покачнулся от такого невежества.

— Как ты можешь так говорить! Наука утверждает, что есть не только микроорганизмы, но и существа куда меньше их размерами, например вирусы.

— Мы их не признаем, — с улыбкой ответила Алиса.

Тут кораблик догадался, что его разыгрывают, и произнес:

— Знаю, знаю, не думайте, что только вы понимаете шутки. Но девочку я на улицу не пущу. Там мороз.

— Тем не менее, — рассердилась Ирия, — я погуляю с девочкой без тебя, потому что ей полезен свежий воздух. К тому же ей пора закаляться.

— Закаляться! — с отвращением произнес Гай-до. — Пока я жив, ребенок не будет закаляться! Я не позволю бить его по голове железным молотом.

Конечно же, кораблик по незнанию решил, что закалка бывает только в кузнице, поэтому он так страшно возмутился.

— Хватит! — ответила Ирия. — Лучше уж лети с Алисой. Ты отдохнешь от нас, а мы отдохнем от тебя.

— А малышка?

— Я сама о ней позабочусь. Я ее мать.

— Сомневаюсь, — желчно заявил корабль.

Ирия не стала ждать, пока он придумает что-нибудь еще, а взяла смеющуюся девочку и, прижав ее к груди, побежала через заснеженную поляну в дом.

Алиса осталась одна с Гай-до.

— Ну и что будем делать? — спросила она.

Кораблик думал две минуты.

— А сколько лететь до той планеты? — спросил он наконец.

— Дня три.

— А там долго оставаться?

— Нет, за день управимся.

— Значит, всего неделя?

— Наверное.

— Замечательно. Я лечу с тобой, а они пускай сами позаботятся наконец о своем ребенке. И посмотрим, какие они будут, когда мы вернемся...

Тем же вечером Алиса стартовала на Гай-до к планете Уксу. И спала она уже на борту корабля, и замечательно выспалась. Ей не привыкать — Алиса провела в кораблях половину детства.

Они долетели до планеты Уксу без приключений. Большую часть пути они неслись по Трассе.

Места эти всем известные, на каждом шагу маяки и заправочные станции, навстречу несутся лайнеры и катера, все здороваются, желают друг другу веселого пути, поздравляют с многочисленными праздниками и юбилеями. Чтобы не показаться невежливой, Алиса заказала по космонету и через полчаса получила толстый и очень интересный справочник — «Праздники, юбилеи и дни рождения, которые отмечаются в

цивилизованной Галактике». Этот справочник был тут же введен в компьютер, и стоило Гай-до услышать позывные встречного корабля или увидеть вдали какой-нибудь астероид, компьютер тут же сообщал:

«Через два часа встречаемся с космическим лайнером второго класса «Проланга», приписанным к порту Два планеты Ах-ва. Национальный праздник планеты второго марта, а вчера капитан корабля отмечал день рождения своей двоюродной дочери от третьего брака, с чем его недурно было бы поздравить. Кроме того, среди пассажиров на борту корабля находится граф Грамон дю Грамоффон из поместья Яварман. Как раз сегодня он отмечает триста шестьдесят шестую годовщину со дня победы армии его прапрадедушки над лягушатниками в Мокрой Яме».

Алиса усаживалась у экрана, набирала позывные корабля второго класса «Проланга» и вызывала на связь капитана. Капитан склонял к экрану все свои пять голов, и Алиса вежливо поздравляла его с днем рождения двоюродной дочери, а потом к экрану подбегал сам граф Грамон дю Грамоффон и громко спрашивал: «Вы не забудете меня поздравить?..»

И так с утра до вечера, даже пообедать некогда.

Зато когда на третий день полета обнаружилось, что в общий справочник внесен и день рождения Алисиной бабушки, все встречные корабли спешили поздравить Алису, и приемник даже перегрелся от поздравлений.

Так что Алиса не замечала, как проходит полет. Но тут ее благодушное настроение разрушил голос Гай-до:

— Алиса, ты только погляди, кто тебя поздравляет.

На экране появилось лицо Шехерезады.

— Дорогая Алиса, — произнесла восточная женщина, — по просьбе и поручению его превосходительства великого победителя и полководца Милодара им-Милодара я горячо поздравляю тебя с днем рождения твоей уважаемой бабушки.

— Спасибо, Шехерезада, — сказала Алиса.

— Странно, — заметил Гай-до. — Он мог бы и сам нас поздравить.

— У моего господина важное совещание, — сообщала Шехерезада.

— Неужели он решил найти твоего Синдбада? — Алиса была знакома с Синдбадом и очень его любила.

— Ни минуты спокойной у нас нет, — всхлипнула Шехе-

резада. — Но я больше на тебя, Алисочка, надеюсь. Как вернешься, поищешь моего беспутного муженька?

— Мы это сделаем, только не плачь. — Гай-до не выносил женских слез. — Дай нам сделать доклад на конференции — и мы сразу обратно!

— Ох, все непросто, — сказала Шехерезада. — И не хотела я впутывать в это дело Алису. Там действуют настоящие черные силы. Забудь мою просьбу, Алиса.

Шехерезада зарыдала и отключила связь.

И тут на экране появилось звериное лицо известного космического пирата Крыса.

— Привет, Селезнева, — сказал он. — Мне стало известно про твою бабушку преклонных лет. Выражаю сочувствие.

— А почему сочувствие?

— А кому нужна старуха! — сказал пират. — Мы старух обычно чик-чик! Но порядок есть порядок...

— Стой! — закричала Алиса. — Не отключайся! Кто украл в Космозо голкоров?

— А, в самом деле, кто украл голкоров? — удивился Крыс.

— Это ваших с Весельчаком рук дело, — сказала Алиса. — Зачем вам несчастные животные? Вы их даже кормить не умеете.

— А их надо кормить? — Потеснив Крыса, на экране появился Весельчак У. — Мы думали, что они не кушают.

— Постыдись, пират, — сказала Алиса. — Давайте встретимся в космосе, и вы перегрузите на Гай-до несчастных животных.

— Еще чего не хватало! — обиделся Крыс. — Мы рисковали, пробирались на Землю. Ты знаешь, чем мы рисковали?

— Чем?

— А тем, что Земля — единственная планета в Галактике, где не берут взяток, где нет жуликов и даже политиков. И мы к вам забрались, рискуя собой. Мы загоним этих невидимых за бешеные денежки. Мы теперь — честные торговцы.

— Есть пеленг, — прошептал Гай-до.

Он не терял времени даром, засек координаты пиратов и передал их в Галактический центр, чтобы комиссар Милодар мог выслать срочный крейсер.

— Так вы не сказали, зачем вам голкоры? — Алиса старалась тянуть время.

— Стой! — закричал Весельчак У своему напарнику. — Не отвечай! Она тебя облапошит. Я уверен, что ее гадючий кораблик уже передал наши координаты в Центр безопасности. Вырубай звук и моторы — проваливаемся в пылевой мешок.

— Есть проваливаться в пылевой мешок! — ответил Крыс.

И экран погас. Словно пираты Алисе только почудились.

— Нет, их не найти, — вздохнул Гай-до, — иголка в стоге сена твои пираты. И чего это он заподозрил неладное?

Но Алиса ничего не смогла ответить. Хотя понимала, что пираты накопили немалый жизненный опыт.

Глава 4

ДИКТАТОР УКСУ-БА

Сверху планета была как планета, но Алиса привыкла не доверять первому впечатлению, потому что в космосе оно бывает ложным. Она включила дисплей и попросила дать ей информацию по истории планеты Уксу.

Оказалось, что планета Уксу невелика, но отличается хорошим климатом и добрым, трудолюбивым населением. Жители Уксу похожи на людей, но меньше их ростом, хоть и толще. К тому же их тела покрыты тонкими мягкими иголками, отчего уксуйцы напоминают больших ежей.

Раньше они и жили как ежи — в норах и дуплах громадных деревьев в уксуйских лесах. Но постепенно научились работать и разговаривать, построили города и начали ходить друг к другу в гости. В общем, стали как люди.

Но известно, что когда на планете развивается цивилизация, то начинаются всякие безобразия. Например, войны. Так случилось и на Уксу. Много лет назад уксуйцы-муксуйцы попытались отнять тучные пастбища сумчатых баранов у уксуйцев-стремитов. А раз началась война, то появились уксуйцы-лейтенанты, уксуйцы-сержанты и даже уксуйцы-фельдмаршалы.

Один из фельдмаршалов по имени Уксу-ба оказался самым наглым, хитрым и бесстыжим из всех генералов планеты. Он завоевал земли соседей. Потом отнял земли у соседей соседей, построил флот, переплыл океан и захватил пастбища у жителей Заокеанской Уксубии. А через несколько лет его победоносная армия подошла к большому, мрачного вида городу, обнесенному высокой стеной.

Радостный Уксу-ба приказал готовиться к штурму, заряжать пушки и натягивать тетиву у катапульт.

И вдруг на стене города появилась фигурка пожилой уксуйки.

— О мой драгоценный! — кричала она. — Наконец-то ты вернулся!

— Это еще кто? — рассердился Уксу-ба. — Вызовите снайпера, чтобы он сбил эту птичку.

— Простите, ваше сиятельство, — сказал адъютант Уксу-ба. — Но долгие походы плохо влияют на ваше зрение. Это не птичка, а ваша родная мама.

— А почему моя мама ждет меня черт знает где? — спросил завоеватель.

Тогда адъютант взял подзорную трубу и прочел надпись над запертыми воротами. Там было написано: «Уксуполь».

— Ваше сиятельство, — сказал адъютант, — у меня есть подозрение, что мы стоим перед нашей родной столицей.

— Не может быть, — ответил Уксу-ба, который никогда не учился в школе. — Ведь мы все время шли в одну сторону.

— А что, если наша планета круглая? — спросил адъютант, которого выгнали из второго класса за то, что он считался умником.

Уксу-ба приказал отрубить голову адъютанту, чтобы не умничал понапрасну, но убивать мамашу не стал, тем более что она велела открыть сыну ворота.

Хочешь не хочешь, полководец Уксу-ба на собственном опыте убедился, что планета Уксу — круглая. Как шар. И больше ему завоевывать нечего — за родной столицей расстилаются земли, уже завоеванные прежде.

Покорив планету, Уксу-ба занялся ее переделкой. Так как он не выносил грамотных, все школы были превращены в тюрьмы и на каждой повешена вывеска: «Школа жизни». Детей в этих школах учили стрелять из гранатометов, ставить мины, подкладывать взрывчатку в автобусы и прыгать с парашютом. Если ты в этой школе жизни умел подличать, доносить, бить исподтишка и вредить, то ты получал медаль «За подлость». И тебя прямо из школы посылали в армию лейтенантом.

Уксу-ба объявил, что у него самая большая армия и потому вся Галактика должна покориться ему со страха.

В Галактике никто не знал об этом, и потому она не покорилась.

А Уксу-ба велел строить космические корабли, чтобы завоевать соседние планеты. Космические корабли строили из подручного материала, свели все леса и потратили все кирпичи. Корабли получились громадные и страшные.

Диктатор приказал своей армии грузиться на космические корабли, закрывать за собой двери и окна и подниматься в небо.

И тут его армия взбунтовалась.

— Мы знаем, что если войдем в эти деревянные корабли, то никогда не выйдем обратно живыми! — кричали солдаты. — Давайте посадим туда Уксу-ба — и пускай себе летит куда хочет.

Уксу-ба перепугался. Всю ночь он прятался на кухне у своей мамы, но утром вышел на трибуну, потому что отыскал выход из положения.

— Солдаты! — закричал он. — Мы отправляемся в поход. Мы снова обойдем нашу планету вокруг.

— Но мы уже ходили в такой поход! — удивился один генерал.

— Глупец! — закричал Уксу-ба. — Мы победим наших врагов еще раз!

— Но там нет никаких врагов!

— А вот это не ваше дело! — рассердился Уксу-ба. — Идите воюйте, грабьте, убивайте! Я отдаю планету на разграбление моим славным гвардейцам.

Некоторые солдаты тут же кинулись грабить соседей и родственников, но другие задумались: не сошел ли Уксу-ба с ума? Ну где вы найдете тирана, который завоевывает собственную планету?

Но все же армия покорно зарядила пушки и выступила.

...Идет гвардейский полк по дороге, подходит к первому городу. Из крайнего дома выходит женщина в халате с дымящимся кофейником в руке.

— Куда вы идете, мальчики? — спрашивает она.

— На войну, — отвечают солдаты.

— А моего уксубенка у вас нет?

— Как же, как же, мама! — кричит ее сынок и бежит к маме.

— Не сметь! — приказывает командир полка. — Мы на войне!

И тут начинаются неприятности. Уксу-ба думал, что его армия завоюет собственную планету, награбит в свое удовольствие и успокоится. Но его солдаты оказались не такими мерзавцами, как сам тиран. Как только они сообразили, что напали на своих братьев, сестер, дедушек и бабушек, они побросали оружие и разошлись по домам. А те, кто не захотел домой, вернулись к Уксу-ба и обо всем ему доложили.

Пока они рассказывали, они услышали, как по окрестным землям несется, приближаясь, гул.

Уксу-ба кинулся на балкон.

За ним придворные.

И они увидели, как по всем дорогам к дворцу идут жители планеты Уксу. И несут плакаты, на которых написано:

«ХВАТИТ!»

— Что значит — хватит? — возмутился Уксу-ба. — Война еще не кончена. Еще не все мои земли покорены.

Но оказалось, что тирана никто не слушает. Все его помощники, генералы и полковники разбежались кто куда.

Пришлось Уксу-ба сдаваться.

Наверное, лет сто назад такого тирана посадили бы в тюрьму или даже расстреляли. Но теперь не казнят и не сажают в тюрьмы. Зато, если жители планеты или государства не желают больше терпеть тирана, они все вместе просят, чтобы диктатора убрали с планеты навсегда.

Глава 5

ПЛАВАТЬ ВРЕДНО

Узнав о недавнем прошлом планеты, Алиса прониклась сочувствием к уксуйцам и решила, что пошлет им свою коллекцию кукол.

Гай-до вызвал диспетчерскую на Уксу, и когда там узнали, что к ним летит Алиса, то очень обрадовались.

А через час, оставив Гай-до на попечение веселой компании механиков и электронщиков космопорта, Алиса оказалась в окружении уксуйских детей и подростков.

Странное зрелище представляли собой обитатели Уксуполя.

Климат здесь теплый, и уксуйцы одевались лишь в короткие передники из кожи, ткани или бус. Иголки на спине у уксуйцев длинные, но мягкие, а на голове их завивают. Некоторые модницы украшают колючие прически гребнями, цветами и даже фотографиями своих возлюбленных. Все свои пожитки уксуйцы носят в сумке, пришитой к переднику. Там же таскают и маленьких детей, словно кенгурят. Так что, когда молодая уксуйка вынула из сумки и передала Алисе ключ от гостиничного номера, из сумки тут же высунулась пушистая мордочка. Алиса даже ахнула от неожиданности.

— Привет, — сказал уксубенок. — С приездом, Алиса.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Мамочка все уши мне прожужжала о твоих приключениях. Говорят, ты — самая знаменитая девочка в Галактике.

Алиса смутилась, она не знала, что ответить, и ее выручила молодая мама, которая щелкнула свое сокровище по носу, и ребеночек, надувшись, свернулся в клубок и нырнул в карман.

Гостиница, где поселилась Алиса, стояла на берегу озера, и она тут же побежала купаться. Хорошо еще, что купальник с собой захватила.

На берегу было немало уксуйцев, которые заходили в воду по щиколотку, а некоторые, особо смелые, по колено. Потом они приседали и били ручками по воде. Но никто не плавал.

Алису это смутило. Мало ли какие опасности могли таиться в незнакомом месте.

— Простите, — спросила она одного из купальщиков. — Здесь можно плавать?

— Что делать? — спросил вежливо купальщик.

— Плавать.

— Простите, — сказал купальщик, и его черноглазая мордочка приобрела печальное выражение. — Я не понимаю, что вы собираетесь делать.

— Плыть. Прыгнуть в воду и отправиться вон к тому островку.

— На чем? — спросил купальщик, и Алиса увидела, что он смотрит на нее как на сумасшедшую.

К тому времени вокруг уже собралась целая толпа любопытных уксуйцев, которые негромко переговаривались и кидали на Алису испуганные взгляды.

Алиса поняла, что ничего объяснить не сумеет. Поэтому она просто спросила:

— В этом озере водятся крокодилы?

— Кто? — хором испугались окружающие.

— Крупные хищники, — ответила Алиса. — Крокодилы, акулы, медузы, барракуды?

— О нет! — закричали в ответ уксуйцы, которые поняли, чего от них хочет эта прелестная девочка.

— Тогда — до встречи!

И Алиса побежала к воде.

Пока она бежала, все молча смотрели.

Но стоило ей зайти в воду по пояс, как зрители заволновались. Они тянули к ней руки и кричали:

— Вернись! Нельзя!

Вода была теплая, чистая, бархатная. Алиса ни за какие деньги не вылезла бы из нее. Она прыгнула вперед, нырнула и, проплыв метров десять под водой, вынырнула и обернулась.

Берег был еще довольно близко. Десятки уксуйцев стояли по щиколотку в воде и громко кричали.

Алиса поняла, что нарушила какой-то очень важный запрет, и поэтому сделала вид, что не слышит криков. Она поплыла к островку неспешным брассом.

Доплыть до острова ей не удалось. Минут через пять она услышала шум моторов. К ней неслись три или четыре катера. А над головой завис вертолет.

Из вертолета через громкоговоритель мужской голос призывал:

— Девочка с планеты Земля, не волнуйся. Мы тебя спасем. Старайся не делать резких движений.

Катера кружили вокруг Алисы и кидали спасательные круги: штук двадцать кинули, чудом не убили — пришлось три раза нырять.

Отчаянное соревнование между Алисой и ее спасателями продолжалось до тех пор, пока она не вернулась на берег.

Из последних сил она выбралась на песок. Ее подхватили десятки коротких рук и потянули подальше от воды.

— Почему вы не даете мне плавать? — спросила Алиса. — Я же вам ничем не мешаю.

— Плавать? — спросил пожилой уксуец в длинной розовой одежде и высоком колпаке. — Что это такое?

— Передвигаться по воде с помощью рук и ног, — ответила Алиса.

— Это невозможно, — сказал старик.

— Это невозможно, — повторили окружающие.

— Но вы же видели, что я плаваю? — удивилась Алиса.

— Нет, нет! НЕТ! — раздались со всех сторон крики. — Мы этого не могли видеть, потому что этого не может быть никогда. Только рыбы и утки могут плавать. Человек рожден для хождения по земле. Он не может плавать. В воде можно простудиться, захлебнуться и утонуть. Плавать некрасиво, опасно и вредно.

— Ни одна воспитанная девочка не будет плавать, — сказал кто-то из толпы.

— Ее никто не возьмет замуж! — крикнул другой.

— Кому нужна лягушка! — завопил третий, и поднялся такой шум, что Алиса заткнула уши.

К счастью, именно в этот момент подъехала открытая машина, в которой сидело несколько участников конференции. Они возвращались с экскурсии, услышали крики и поехали посмотреть, не война ли началась.

Алиса поблагодарила своих коллег и забралась в машину.

— Зачем было поднимать такой шум? — спросила она у уксуйского мальчика, с которым познакомилась в гостинице. — Не все ли равно, плаваю я или нет?

— В том-то и беда, что на нашей планете никто не плавает, — ответил колючий мальчик.

— Неужели ваши руки устроены так, что ими нельзя загребать?

— Как ты видишь, наши руки устроены нормально, — ответил мальчик. — Но тиран Уксу-ба и его лакеи, а также генералы, адмиралы, офицеры и прапорщики, начальники департаментов, помощники палачей и другие его слуги очень любили купаться. Но беда в том, что они ходили в латах, касках, кирасах и бронежилетах. А в руках держали пулеметы, гранатометы, пистолеты и пушки. Ну разве можно купаться с такой тяжестью? Так что на берегу обязательно придется раздеться и разоружиться. Значит, решил Уксу-ба, надо сделать так, чтобы купались только его слуги, а все остальные и не подходили к воде. Он вызвал к себе ученых и велел напечатать научные труды о том, что людям вредно купаться. Потом он приказал писателям и поэтам написать романы и поэмы о вреде купания. И даже детские сказки о том, как один мальчик пошел купаться и его укусила подлая жаба. А другой только окунулся, как умер от загадочной болезни... На всех стенах были расклеены листовки с такими стихами:

Если ты идешь купаться,
Мне с тобою стыдно знаться.
Только подлые уроды,
Не подумав, лезут в воду.

— Не очень хорошие стихи, — заметила Алиса.

И все гости с ней согласились.

— Стихи не очень хорошие, — заметил колючий мальчик, — но удобные для тирана Уксу-ба. Прошло несколько лет, и людей уже не надо было отгонять от воды. Они сами стали обходить речки и озера стороной.

— Но теперь тирана нет! — сказала Алиса. — Его же прогнали.

— Но люди многое помнят, — ответил мальчик. — Бывшие слуги тирана вздыхают, когда вспоминают, как им было удобно плавать в одиночестве. Им противно видеть, что дети теперь ходят в школу или на танцы.

— А где он? — спросила Алиса.

— Разве вы не знаете? — удивился мальчик. — В Галактике преступников не держат в камерах, а перевоспитывают. Музыкой и искусством. Но для особо опасных преступников, а именно тиранов и завоевателей, которых выгнали жители собственных планет, нашли далекую планету Тишина.

— А ваш Уксу-ба?

— Уксу-ба тоже живет на той планете, — сказал мальчик. — Когда народ сверг его, то тирана спросили, хочет ли он остаться в своей стране? «Нет! — закричал тиран, заглянув в глаза людей. — Куда угодно, только подальше отсюда!»

— И они живут в одиночестве, в бедности? — спросила Алиса.

— Ничего подобного! У каждого есть дом, он получает продукты, одежду и все необходимое. Даже существует правило: каждый тиран может взять со своей планеты любимую вещь. Только одну вещь.

— Например? — спросила Алиса. — Пушку? Гранатомет? Бомбу?

— Нет, вещь не должна приносить вред окружающим.

Мальчик замолчал и вздохнул. Другие уксуйские дети, которые слушали этот разговор, тоже опечалились.

— Я что-то не так сказала? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал мальчик. — Мы просто вспомнили, как он нас всех одурачил!

— Как же это случилось?

— Ты хочешь об этом узнать?

— Конечно.

— Тогда мы тебе это покажем.

Глава 6

ЧТО УКРАЛ УКСУ-БА

Машина остановилась у входа в большой зеленый парк.

Это был детский парк. Множество маленьких уксуйцев бегали по его дорожкам, малыши высовывались из родительских

сумок-карманов или из разноцветных рюкзачков, которые носили на животах старшие братья и сестры.

На больших площадках крутились карусели, возвышались горки и колеса смеха.

Но дети вели Алису дальше, не обращая внимания на развлечения и суматоху вокруг.

Наконец они вышли на зеленую полянку, окруженную невысокой каменной резной оградой. Полянка поросла сочной травой, в которой белели ромашки. Но вокруг царила тишина. От поляны шла просека в лесу, полого загибавшаяся и исчезавшая среди деревьев.

— Вот здесь, — сказал мальчик.

В середине поляны стояла гранитная плита. Дети и взрослые, подходившие к полянке, понурившись, останавливались. Некоторые даже тихо плакали. Подойдя поближе к плите, Алиса прочитала:

«Здесь начиналась лучшая во Вселенной детская железная дорога, изготовленная двумя поколениями мастеров — гномов Железногорья.

Эту дорогу украл у наших детей диктатор Уксу-ба. Позор и проклятие вору и разбойнику!»

— То есть как так украл? — удивилась Алиса. — Целую железную дорогу украл?

— А какая это была дорога! — воскликнула стоявшая рядом старенькая уксуйка. Иголки на ее спине и плечах поседели, но на голове она их завивала и красила в оранжевый цвет. — Паровоз был выточен из зеленого нефрита, колеса у него были серебряными, а труба из черного мрамора.

Из кармана на переднике у старушки высунулась голова гнома в красном колпачке.

— О рельсах скажи, бабуля, — пискнул он.

— А рельсы были золотые, — сказала старенькая уксуйка.

— А вагоны? — спросил гном, будто сам не знал.

— А вагоны изумрудные.

— Правильно, — подтвердил мальчик, который привел Алису в парк. — Все это правда.

— Но как же тогда он смог ее украсть? — спросила Алиса.

— Было воскресенье, — вспомнила старушка, — вся планета пела и танцевала, радуясь, что отделалась от тирана.

Дети тоже плясали и пускали в небо ракеты, а когда наступило утро, мы увидели, что поезда нет. Всей железной дороги нет.

— Даже рельсов, — подсказал гном и спрятался в кармане.

— Надо было догнать и отнять, — сказала Алиса.

— Нельзя, девочка, — ответила старушка. — Нельзя, потому что каждому тирану, которого отправляют на планету Тишина, позволено брать с собой одну вещь. Самую любимую. Уксу-ба и заявил капитану, что его самая любимая вещь — детская железная дорога.

— Предложили бы ему деньги, — сказала Алиса.

Уксуйцы, что окружали ее, хором вздохнули. И за всех ответила старушка:

— Зачем ему деньги?

— Поменяйтесь!

— На что? Ведь Уксу-ба думает, что наступит день и его позовут обратно править нашей планетой. Вот тогда он вернется с подарком детям — железной дорогой.

— Я бы на вашем месте не сдавалась, — сказала Алиса.

— Мы и не сдаемся, — сказал гном из кармана. — Мы не сдаемся и просим: Алисочка, отними у Уксу-ба нашу драгоценную железную дорогу и верни ее нам. Мы тебе памятник при жизни поставим.

— Еще чего не хватало! — ответила Алиса.

Она попрощалась с уксуйцами и поспешила прочь из парка, потому что начиналось заседание конференции, на котором ей обязательно надо было присутствовать.

Глава 7

ПОРОШОК ОТ НАСЕКОМЫХ

Когда конференция завершилась, уксуйские друзья проводили Алису до ее корабля.

Она попрощалась с новыми друзьями, вошла внутрь Гай-до и сказала:

— Надеюсь, ты не скучал?

— Как тебе сказать, — сдержанно ответил кораблик. — Я завел, правда, двух-трех знакомых, встретил старого приятеля из геологической службы Вестера, но, честно говоря, я предпочел бы полет от планеты к планете сидению в комфортабельном космопорту.

— Я тебя понимаю, — сказала Алиса. — Нам пора домой. Тебя ждет твоя малышка, а меня школа. Но если тебе хочется,

мы можем сделать небольшой крюк — по крайней мере один день у нас остался.

Гай-до очень обрадовался этому. Он принялся думать, куда бы слетать. То ли поглядеть на страшные вулканы и кипящие озера планеты Пять-четыре, то ли заглянуть в джунгли Эвридики, то ли, наконец, погулять по поясу астероидов. Пока кораблик размышлял, Алиса спросила:

— Знаешь, что я придумала?..

— Говори, а то у меня компьютер плавится — столько всего хочется!

И тогда Алиса рассказала кораблю о детской железной дороге планеты Уксу и о том, как уксуйцы страдают из-за своей потери.

— Что же ты раньше молчала! — воскликнул Гай-до и тут же задраил люк. — Конечно, мы сейчас же летим на планету Тишина и отберем у этого негодяя чужую железную дорогу.

— Не спеши, дружок, — ответила Алиса. — Во-первых, нас могут не пустить на планету — туда посторонним прилет воспрещен. Во-вторых, даже если мы и отнимем железную дорогу, как мы ее упакуем — она же состояла из паровоза, трех вагонов и платформы? Не считая рельсов, которые нельзя оставить.

— Думать будем потом! — категорически заявил Гай-до. — А сейчас летим!

Алиса не стала спорить с корабликом, потому что и сама хотела поскорей попасть на планету Тишина и поглядеть на самых настоящих негодяев, которые еще недавно угнетали и мучили целые народы, а то и планеты. Гай-до связался с Центральной справочной и попросил сообщить координаты планеты Тишина. Справочная отказалась дать эти сведения, потому что они считались секретными. Тогда в дело пришлось вмешаться Алисе.

— Информаторий, — сказала она, — вас вызывает Алиса Селезнева.

— Это какая Алиса? — На экране появилось лицо диспетчера Справочной. — Неужели та самая Алиса? Девочка с Земли?

— Да, — улыбнулась Алиса. — Я та самая девочка.

— Я рад с тобой познакомиться, — сказал диспетчер. — Я столько читал и смотрел фильмов о тебе. Чем я могу тебе быть полезен?

— Честно говоря, у меня нет официального дела на планете Тишина. Но я сейчас была на планете Уксу и узнала, что,

когда их диктатор Уксу-ба отправился на планету Тишина, он прихватил с собой главную ценность детей всей планеты — детскую железную дорогу.

— Но зачем она ему? — удивился диспетчер.

— Вот именно это я и хочу выяснить, — сказала Алиса. — Я хочу помочь ребятам с Уксу.

— Ты права, Алиса, — согласился диспетчер. — Под мою собственную ответственность я сообщу тебе координаты планеты. И, больше того, запомни, что меня зовут Жирардо Жерардо, а инспектора планеты, который находится на ее спутнике, зовут Карло Жерардо. И он, как ты можешь догадаться, мой родной брат. Передавай ему от меня привет. Надеюсь, что он тебе поможет. Будь счастлива, поддерживай со мной связь. Будешь пролетать поблизости, загляни на чай, хочу пожать тебе руку.

— Спасибо, зайдем, — сухо сказал Гай-до, который не любил фамильярностей по отношению к Алисочке.

— Это еще чей голос? — насторожился диспетчер.

— Это голос моего корабля, — сказала Алиса.

— Ты летишь на Гай-до? — спросил диспетчер.

— А как вы догадались?

— Все знают о подвигах Гай-до на планете Пять-четыре, — ответил с улыбкой диспетчер, и даже недоверчивый Гай-до довольно заурчал, как кот, которого погладили за ухом. И взял курс на планету Тишина.

Недолгое их путешествие не было отмечено никакими событиями, если не считать одного смешного случая.

Алиса готовила себе ужин, и ей страшно захотелось чего-нибудь необычного.

— Погляди в трюме, — сказал Гай-до. — Ирия туда складывает все, что мешает ей дома. Я тысячу раз просил ее провести в моем трюме уборку и выкинуть то, что не положено возить в себе порядочному кораблю. Но она только отмахивается и подкладывает какие-то новые банки и пакеты...

Кораблик вздохнул и замолчал. Он научился вздыхать, и его вздохи казались дуновением ветра, пролетевшего по отсекам.

Алиса спустилась в трюм и стала изучать, что же стоит и лежит на полках.

Ирия не задумывалась, можно ли на одной полке стоять банке с кремом для ботинок, коробке с шампунем, блинной муке, календуле, связкам сушеной петрушки, крупе из грунд-

риков, бутылочке мумие и пакету с цветочной пыльцой... А это что? Алиса сняла с полки тщательно завинченную банку и открыла ее. До половины банка была наполнена серым порошком. Алиса понюхала его, и ей сразу захотелось чихнуть. Когда она закрывала банку, чтобы поставить ее на место, она все же чихнула, и пыль облаком ринулась ей в лицо.

И лицо тут же жутко зачесалось. Зуд быстро проник за ворот, помчался по груди и рукам, и Алиса, едва поставив банку, начала отчаянно чесаться.

— Что происходит? — спросил Гай-до. — Ты меня раскачаешь.

— Это я хотела тебя спросить, что же происходит? — чуть не плача, спросила Алиса. — Сейчас я себя до смерти зачешу! Ну помоги же мне!

В конце концов даже Гай-до ничем Алисе помочь не смог — пришлось ей раздеваться и долго мыться под душем, а Гай-до тем временем включил вентиляцию-дезинфекцию, чтобы очистить воздух в корабле.

Пока Алиса вытиралась и приходила в себя, Гай-до провел экспресс-анализ и торжественно сообщил:

— Если ты узнаешь, что было в банке, ты будешь смеяться.

— Ну, говори!

— Там был порошок от насекомых!

— Что?!

— Видишь, ты уже почти засмеялась. В банке был порошок от блох, клопов и тараканов, который Ирия нашла на чердаке своего дома и за ненадобностью спрятала в меня.

— Но почему она не выкинула его?

— Потому что Ирия настоящая женщина. Ей труднее всего выкинуть что-то совсем ненужное. Потому что это ненужное может вдруг пригодиться.

— Чепуха какая-то! Я не такая, как все глупые женщины, — возмутилась Алиса. — А представляешь, что случилось бы, если бы эту банку нашла малышка?

— Она не могла ее найти, — ответила Гай-до, — потому что Ирия поставила банку на верхнюю полку. А мы с тобой ее выкинем.

— Погоди, — попросила Алиса. — А почему этот порошок такой чесучий?

— Все насекомые начинают чесаться и разбегаются.

— Понимаешь, — произнесла Алиса, — ведь это не наш порошок... А вдруг он для чего-то пригодится?

Тут Гай-до во весь голос расхохотался, а Алиса смутилась и вылезла из трюма. И пошла готовить себе ужин из самых обыкновенных консервов и случайно попавшего на борт ананаса...

Глава 8

ИНСПЕКТОР КАРЛО НЕ ДОВЕРЯЕТ

К вечеру того же дня Гай-до вышел на орбиту Тишины. Издали планета казалась совсем обыкновенной, а от Земли отличалась тем, что почти вся была покрыта океаном — лишь небольшой континент, окруженный островками, виднелся в ее экваториальной области.

Перед Гай-до в пространстве сверкающей звездочкой несся спутник планеты — переделанный из небольшого астероида.

— Тревога, — прозвучало в динамике. — Кто приближается к планете, не нанесенной на карты?

— У нас есть разрешение, Карло! — крикнула Алиса. — Нам разрешил прилететь сюда ваш брат Жирардо. И если вы разрешите причалить к вашей станции, я все расскажу.

— Опять этот бездельник вмешивается в мою жизнь, — мрачно ответил инспектор. — Недаром наш папа всегда был им недоволен.

— Так нам можно причалить или нельзя? — растерялась Алиса.

— Так и быть, причаливайте. Только не вздумайте толкать мой дом. У меня суп на плите — если расплескаете, не прощу!

— Учтем, — коротко ответил Гай-до, а потом отключил связь и сказал Алисе: — Он меня оскорбляет.

После этого он причалил к станции инспектора так мягко, что даже Алиса не почувствовала этого мгновения. Конечно же, инспектор, у которого, видно, был плохой характер, за это Гай-до не поблагодарил. У люка Алису встретил мрачного вида робот. Он был похож на старинный сейф, по бокам которого болтались тонкие гибкие металлические руки, а из-под верхней крышки, нависавшей как козырек, поблескивали красные рецепторы — глазки. Странно было, что стенки сейфа были погнуты и поцарапаны, словно робот дрался с танком.

— Вытирайте ноги, — сказал робот. — За каждым не навытираешься.

— У меня чище, чем в вашем логове, — дерзостью на дерзость ответил Гай-до. Робот немного подумал и сказал, словно диктовал решение задачки:

— Имеем дело с говорящим кораблем. Неинтересно.

Гай-до настолько опешил от этого высказывания, что ничего не ответил. Алиса вытерла ноги, которые у нее, разумеется, были совершенно чистыми, и прошла в глубь Наблюдательной станции.

Робот ехал сзади и подсказывал, куда поворачивать. И это оказалось нужным, потому что станция, хоть и небольшая, состояла из многих комнаток, закоулков, коридорчиков, темных шкафов и тупичков. Словно ее специально делали, чтобы заблудиться.

Инспектора планеты диктаторов Карло они обнаружили на кухне, где он только что снял с плиты кастрюльку с супом, и по всему помещению разносился чрезвычайно аппетитный аромат.

— Сами видите, — сказал инспектор, — я не мог оторваться, чтобы вас встретить.

На щеку был наклеен пластырь, под глазом — синяк.

Он оказался молодым лысым человеком с узкими плечами. Карло не скрывал своего недовольства незваными гостями.

— Мы к вам ненадолго, — сказала Алиса.

— А вас много?

— Я и мой корабль, — ответила Алиса.

— У них корабль говорящий, — пояснил робот, похожий на сейф. — Но только сомнительно, что он разумный.

— Тогда быстро говорите, что вам требуется, и улетайте, — невежливо сказал Карло. — У меня нет ни минуты свободной.

— Это точно, — мрачно подтвердил робот.

— Среди ваших... — Алиса запнулась, она не знала, как называть диктаторов.

— Клиентов, — подсказал робот.

Между тем инспектор налил супу в тарелку, поставил тарелку на кухонный стол и, не приглашая Алису, принялся есть. Алиса, конечно же, была не голодна, но она никогда бы не позволила себе не пригласить гостя к столу.

— Продолжайте, — проворчал робот-сейф.

— Среди ваших клиентов, — продолжала Алиса, — есть бывший диктатор с планеты Уксу по имени Уксу-ба.

— Как же. Достойный человек, — сказал робот-сейф. Карло продолжал жадно хлебать суп. — Настоящий изверг.

— Тогда вы меня поймете! — Алиса поймала себя на том, что обращается к роботу-сейфу, словно он здесь главный. — Этот Уксу-ба украл на своей планете детскую железную дорогу — три вагона и паровоз.

— Знаю, — сказал робот. — Она у него стоит.

— Но ее надо вернуть обратно. Вы не представляете, как переживают дети на Уксу.

— Представляю. Они писали нам письма, — сказал робот. — Но по закону мы не можем отнять у диктатора железную дорогу, потому что каждый из наказанных диктаторов и вождей имеет право взять с собой самую любимую вещь. Некоторые брали книгу, другие картину, третьи — портрет дедушки или латы прадедушки. Но Уксу-ба взял железную дорогу.

— Тогда позвольте мне самой поговорить с этим диктатором, — попросила Алиса. — Может, он послушает меня.

— Ха-ха-ха, — ответил робот-сейф. — Он вас и слушать не будет. Убьет, и дело с концом.

— Надеюсь, вы меня защитите, — постаралась улыбнуться Алиса. Но никто ей не ответил. Инспектор продолжал быстро есть суп, а робот перемигивался красными глазками, и вид у него был угрожающим.

— Вот именно, — проговорил инспектор Карло Жерардо. — Именно этого я и ждал. Значит, вы непременно желаете попасть на планету диктаторов? И даже к Уксу-ба?

— Хочу, — призналась Алиса. — И не вижу в этом ничего плохого.

— А я вижу, — сказал инспектор. — И мне уже надоели выдумщики. Лгуньи и лжецы. А ну признавайтесь, кто вас послал?

Длинные гибкие руки робота в мгновение ока вытянулись и обхватили Алису словно канатами.

— Как вы смеете! — воскликнула Алиса. — Меня никто не посылал.

— Выкинем ее прямо в космос, шеф? — спросил робот-сейф.

— Она этого достойна, — согласился Карло.

— Ну, я понес ее выкидывать? — спросил робот-сейф.

— Погоди, пускай она сначала признается во всем. Ну, признавайся!

— В чем? — спросила Алиса.

— Кто тебя подослал и с какой дьявольской целью. Я думаю, что ты агент какой-то телевизионной или газетной компании, которой нужны сплетни и жареные факты о нашей скромной жизни.

— А я уверен, — сказал робот-сейф, — что она сторонница одного из наших клиентов и прилетела его освободить.

— Клянусь вам, я не отношусь ни к какой газете, ни к какой телевизионной студии и уж тем более не хочу освобождать диктаторов!

— Вы понимаете, какой вред вы наносите спокойствию Вселенной, когда воспеваете тирана? Ах, он бедненький, ах, ему так плохо на планете Тишина! — произнес Карло.

— Думаете, вы сделаете добро своей планете, если поможете бежать отсюда какому-нибудь негодяю, по которому в старые времена виселица плакала? — спросил робот-сейф.

Алисе было обидно.

— Ну если вы не верите мне, то спросите мой кораблик, — попросила она.

— Мы не разговариваем с сообщниками, — ответил Карло. — Посади ее в какую-нибудь комнату, запри покрепче, пускай посидит, подумает, пока не прилетит инспектор. Пускай он с ней разбирается. Надоело... Надоело! — Карло помолчал и добавил: — И надо же — каждый второй пользуется именем моего дорогого брата Жирардо!

Глава 9

ГАЙ-ДО СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Алиса была в отчаянии. Вот уж не предполагала, что ее желание помочь ребятишкам с планеты Уксу приведет к таким неприятностям. Что делать? Как их убедить?

И тут астероид покачнулся. Зазвенела посуда в шкафу.

— Что такое, — испугался Карло. — В нас попал метеорит?

— Нет! — донесся до них голос с пульта. — Это я, корабль Гай-до. Я услышал, что вы задерживаете мою пассажирку — благородную и честную Алису Селезневу, отважного борца с диктаторами и пиратами всей Вселенной. Вы посмели заподозрить ее в страшных преступлениях!

Астероид снова покачнулся — еще сильнее.

— Я вас опрокину! — крикнул кораблик. — Немедленно отпустите Алису.

— Он сошел с ума, — сообразил Карло. — Нам не хватало

еще сумасшедшего космического корабля! Робот, приготовь установку защиты! Дать по кораблю-агрессору залп из всех установок!

— Погодите! — закричала Алиса, которая испугалась за Гай-до. Ведь ее маленький кораблик не знал страха. — Ну почему вам не связаться с Галактическим центром или даже с Землей? Мое имя есть в справочнике. Вы можете поговорить с моим папой.

— Связь с Галактическим центром очень ненадежна, — ответил робот-сейф. — Между нами — черное облако.

Астероид качнулся еще раз.

— Гай-до, прекрати! — приказала Алиса.

— Не прекращу.

И тут Алиса сообразила, что надо делать.

— Постойте! — воскликнула она. — Пожалуйста, сходите к Гай-до на борт, и пусть он даст вам какую-нибудь книжку обо мне. У него их штук десять.

— Еще бы! — ответил Гай-до. — Я собираю все книги о девочке с Земли.

— А что в этих книжках? — спросил Карло.

— Там описаны некоторые из моих приключений, — скромно ответила Алиса. — Эти книжки очень популярны на Земле и на некоторых других планетах.

— На всех, где живут культурные люди, — добавил Гай-до.

— Хорошо, — сдался Карло. — Я пойду и возьму эти книги. Но не буду заходить внутрь твоего корабля, девочка. Я не хочу, чтобы он захватил меня в плен. Я открою люк, а он пускай передаст мне книги манипулятором. Он сможет?

— Смогу, — вздохнул Гай-до, — хотя мне стыдно слушать, как человек, которому доверили охранять целую планету тиранов и деспотов, испугался одной девочки.

— Девочки разные бывают, — ответил робот-сейф, — а некоторые люди отлично умеют переодеваться в девочек.

Карло Жерардо вскоре возвратился, неся в руках пачку книг и видеокассет.

Он положил пачку на стол и принялся перекладывать книги.

— Это все о тебе? — спросил он недоверчиво.

— Там есть мой портрет, — ответила Алиса.

— Как странно! — сказал Карло. — Столько книг об обыкновенной девочке?

Он внимательно посмотрел на Алису, сравнивая ее с портретом на обложке, потом принял решение:

— Отведи девочку на ее корабль. Я прогляжу книги и завтра утром сообщу свое решение.

Робот-сейф, который, как показалось Алисе, с удовольствием посадил бы ее под замок, молча отвел девочку к люку, и Алиса прыгнула внутрь Гай-до.

Гай-до уже приготовил ей ужин, хотя, честно говоря, Алисе совсем не хотелось есть. Но пришлось уничтожить все, потому что для Гай-до было бы трагедией, если бы Алисочка лишилась аппетита.

Кораблик был недоволен приемом и удивлен тем, что на свете есть неучи, которые ничего не читали про Алису.

Наступил ранний вечер. Чтобы скоротать время, Алиса и Гай-до занялись хозяйством. Гай-до вымыл полы и стены и постирал белье, Алиса приготовила себе на завтра еду и вышила подушечку для малышки. Гай-до давно просил ее об этом.

Утром Алиса проснулась от сигнала связи.

Она посмотрела на часы: шесть тридцать местного времени. Еще бы спать и спать...

Жмурясь от яркой лампочки, Алиса включила экран.

На экране появилось лицо Карло. Он выглядел ужасно — глаза красные, невыспавшиеся, лысина потускнела, один ус торчит вверх, а второй — вниз, а синяк под глазом стал желто-зеленым.

— Я не спал всю ночь, — хрипло произнес он. — И мой робот Кристалл тоже не спал всю ночь — мы читали книги о тебе. Прости, что мы оскорбили тебя подозрением. Я беру все мои слова обратно. Я счастлив, что судьба позволила мне познакомиться с самой Алисой Селезневой!

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень рада. Только мне хочется спать. Вы не могли бы позвонить часа через два?

— Ой, простите! — ахнул Карло. — Я забыл, что еще рано, — мне так хотелось выразить вам свое восхищение. А скажите, пожалуйста, вы в самом деле наследная принцесса...

— И еще дважды княжна, трижды королева и один раз премьер-министр, — ответил за Алису Гай-до, который внутренне ликовал, но старался не показать своей радости.

С извинениями Карло отключился, а Гай-до сказал:

— Мог бы и вчера сообразить, что к чему. Неужели по человеку не видно, герой он или злодей?

— Вот посмотрим с тобой на тиранов и злодеев и выясним, можно их сразу отличить от обыкновенных людей или нельзя, — ответила Алиса.

С этими словами она снова заснула и даже успела до восьми часов просмотреть длинный сон с приключениями, в котором она сражалась с роботом-сейфом.

А утром Карло встречал Алису у люка.

Глава 10

ВИД НА ТИРАНОВ С ОРБИТЫ

— Прости, Алиса, еще раз, что мы тебя так плохо встретили, — сказал утром, за общим завтраком, инспектор Карло Жерардо. — Ты не представляешь, в каком кипящем котле оказались мы с Кристаллом.

— Это точно, — подтвердил робот-сейф, стоявший поодаль.

— Я думал, что отыскал тихое место, чтобы спокойно заниматься научными изысканиями в музыке и поэзии. Но не тут-то было. Эти деспоты никак не хотят мириться с тем, что не нужны собственным народам, они повсюду пишут жалобы и вызывают комиссии, утверждая, что мы здесь нарушаем права человека и тирана, потому что тиран тоже человек.

— Не нравится мне ваша система, — произнес Гай-до. — Получается несправедливо. Если ты украл булку, то тебя посадят в тюрьму, а если ты десять лет угнетал собственный народ и казнил миллион человек, тебя отправят отдыхать на мирную планету Тишина.

— Так принято, — сказал Карло. — Возьми, например, Наполеона. Слыхали о нем?

— Конечно, это был великий французский император! — сказала Алиса. — Он завоевал всю Европу, но потом Кутузов его победил в Бородинской битве под Москвой. Наполеон бежал и чуть не погиб от мороза.

— А Москва сгорела, — добавил Гай-до, который за последние годы прочел массу земных книг, особенно исторических.

— Вот видите, — сказал Карло. — Вы об этом Наполеоне помните, памятники ему стоят по всей Франции. А чем он, простите, занимался?

— Он завоевывал другие страны.

— Зачем? — спросил Карло.

— Чтобы их покорить, — ответила Алиса, чувствуя подвох.

— А зачем?

— Все великие полководцы завоевывают другие страны, — сказал за Алису Гай-до. — Поэтому они и великие.

— В чем же, наконец, величие этих людей? — буквально закричал Карло, так он рассердился. — В чем величие Александра Македонского, Чингисхана, Наполеона, Гитлера? Молчите? Тогда я вам отвечу — их величие в том, что они убили много-много людей. Людей, которые хотели жить, читать книги, путешествовать, воспитывать детей или выращивать деревья. Одних они убили, потому что забрали в свою армию, а других убили, потому что погнали на них эту свою армию. И до сих пор многие глупые люди гордятся, что такие убийцы жили с ними в одной стране или в одном городе. Так что мой ответ, Алиса, таков: все тираны, все деспоты, все вожди и великие завоеватели — обыкновенные преступники.

— Но они же сами никого не убили! — попыталась встать на защиту Наполеона Алиса. — Они лишь приказывали идти в поход.

— Главарь любой банды сам не пачкает рук. Но он от этого не перестает быть ничтожным убийцей, — сказал Карло.

— Под этими словами я готов подписаться, — добавил робот-сейф.

Алиса промолчала. С одной стороны, она была совершенно согласна с инспектором Карло, но с другой... При ней никто еще не называл Наполеона или Александра Македонского ничтожными преступниками. Хотя если задуматься, то ничего хорошего людям эти великие полководцы не сделали — перебили массу народу, своих и чужих, а потом умерли, и ничего от их империи не осталось. Только слезы и разрушения...

— Но человечество, — продолжал между тем разгневанный Карло, — всегда подходило к тиранам и деспотам с особой меркой, будто оно было загипнотизировано их преступлениями. Поэтому Наполеона даже в тюрьму не посадили, а отправили на остров Святой Елены, где он гулял по окрестностям и писал дневник... ну точно как наши диктаторы.

Карло вздохнул и неожиданно сказал печальным голосом:

— Пошли, посмотришь на наших наполеонов.

Алиса послушно направилась за инспектором по узкому коридорчику. В конце его была небольшая дверь и за ней — обширный круглый зал, по стенам которого горели разноцветные телевизионные экраны.

— Вот они — наполеоны, — мрачно повторил Карло. — Насмотрелся я на них.

— Наш Карло, — пояснил робот-сейф, — не выносит диктаторов и тиранов. И весьма сожалеет, что ввязался в эту историю. Он уже посылал четыре заявления об уходе с работы, но в Центре никак не могут подыскать ему замену — нет желающих сидеть на этой станции и опекать тиранов. А некоторые думают, что у нас работа тихая...

— Но у вас и сама планета называется Тишина.

— Ее так до нас назвали, — вмешался в разговор Карло. — Когда обнаружилось, что здесь никто не живет, только птицы и рыбы — и они совершенно безмолвные. Но теперь об этом пришлось забыть...

— А вы часто бываете на планете? — спросила Алиса.

Карло ответил не сразу и на вопрос вопросом:

— Ты обязательно хочешь туда спуститься?

— Мне надо поговорить с Уксу-ба. Не зря же я сюда летела.

— Ничего ты не добьешься, — сказал Карло.

— Не добьется, — подтвердил робот Кристалл.

— Но попытаюсь, ладно? По крайней мере, я узнаю, чего он хочет в обмен на этот поезд.

— Тогда слушай: после обеда я сам полечу на планету Тишина. Мне надо раздать им почту, полученную из Центра, передать кое-какие продукты, бумагу для доносов, авторучки и чернила. Только ты должна быть очень осторожной. Даже мы с Кристаллом никогда не знаем, чем кончится наш визит на планету.

— Я обещаю.

— Ты не будешь выходить из катера без моего разрешения.

— Разве мы полетим не на Гай-до?

— Ему придется остаться здесь. Никакой корабль, кроме специального катера Инспекции Объединенных Звезд, не имеет права приземлиться на Тишине.

Конечно же, Гай-до расстроился, узнав, что его не берут на планету. И не поверил, что это объясняется специальными правилами. Он считал, что Карло невзлюбил его за утреннюю ссору. Хотя на самом деле Жерардо о ней давно забыл.

— Поскорее возвращайся, — сказал Гай-до Алисе. — Не нравится мне эта планета и вся эта тишина...

Но Карло, судя по всему, относился к спуску на планету вполне спокойно.

— Конечно, — говорил он, грузя на катер почту и продукты, — если ты не знаешь характера этих негодяев, можно попасться им на зуб и даже погибнуть. Но я знаю их слабости. Главная слабость заключается в том, что они так ненавидят друг друга, что совершенно не способны объединиться и напасть на меня. Скажу тебе по секрету: я не мешаю даже делать соседям пакости — ведь такой у них характер, иначе бы они жить не смогли. Раньше они пакостили в масштабе своей планеты, а теперь на своем клочке земли.

— Не упрощай, — буркнул робот-сейф. — Они такие изобретательные, что порой диву даешься.

— Ты думаешь, что наши синяки и травмы от того, что мы по станции неудачно ходим? — продолжал Карло. — Нет, это производственные травмы. Мы стараемся быть начеку, но все же попадаемся. В прошлый раз они хотели наш катер захватить, целый бой произошел, а на той неделе они между собой передрались, и мы их разнимали — еле оттуда выбрались. Ведь мы же им ответить не можем!

— А хочется, — вздохнул робот-сейф.

— Так что на планете смотри, Алиса, в оба, — еще раз предупредил Карло.

Когда катер заходил на посадку, Алиса спросила:

— И они совсем одни там живут?

— Может, они бы предпочли иметь компанию. Да и кто мог запретить их женам или детям полететь вместе с мужем и папой и разделить с ним его одиночество, — ответил Карло. — В тяжелые моменты жизни и выясняется, любят ли тебя на самом деле. Пока ты диктатор и вождь, все кричат тебе «ура», все тебя любят и готовы снимать с тебя сапоги. И чем больше эти люди изображают любовь, тем меньше они любят тирана на самом деле. Надо читать историю, правда?

Алиса согласилась, что надо читать историю. Потому что в истории есть много примеров тому, как лучшие друзья и ближайшие родственники предавали, оставляли, забывали королей и завоевателей. Как только те теряли власть и силу. Просыпается утром бывший властитель и видит, что никто не спешит приготовить ему завтрак и принести свежие газеты. Никто не рассказывает ему, как его любит простой народ, и никто не приглашает его на парад. Даже лифтер или вахтер не узнают короля, когда тот выходит из дворца. А на улице еще хуже! Мальчишки бегают, толкаются, орут и знать не знают короля, взрослые ходят на работу, сидят в кафе, спешат на

стадион — и никто ни разу не крикнул: «Да здравствует наш любимый, самый жестокий в мире король!»

— Иногда сюда прилетают родственники, — сказал Карло. — Вот в прошлом месяце здесь побывала мама Орла-Хохотуши. Потом к Шрипу прилетела дочка с мужем — требовали, чтобы он признался, куда спрятал государственную казну. Шесть лет прошло — никто найти не может.

— Признался?

— Да что ты! Чуть не задушил родственников!

Катер инспектора медленно опускался над большим островом, окруженным волнами океана. Посреди него возвышались горы, их склоны заросли непроходимыми лесами, но на краю острова Алиса увидела широкую долину, которую пересекала полноводная река. Эта долина была разделена на участки для бывших наполеонов. Некоторые из участков, как рассказал Карло, лежат на берегах реки, кое-кто предпочел близость гор. Конечно, сверху границ не разглядишь, но диктаторы строго следят, чтобы их соседи этих границ не нарушали.

— Если ты не возражаешь, — продолжал Карло, — мы полетим по течению реки.

— Как хочешь, — сказала Алиса. — Мне интересно посмотреть на диктаторов и тиранов живьем.

Глава 11

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЫ ТИРАНЫ!

Катер шел вверх по течению реки и вдруг завис над поляной.

— Нам сюда, — сказал Карло.

На краю поляны, задами к лесу, стоял большой дом. Над домом торчала мачта с треугольным флагом, на котором был вышит красный дракон.

— Кто здесь живет? — спросила Алиса.

— Объясню, — произнес робот-сейф. — Владения тиранов тянутся по этому берегу реки. На том берегу находится лишь участок Уксу-ба, который ни с кем не водится. Мы высадились на центральной усадьбе генералиссимуса Бамса Снярдетти по прозвищу Кровавый Дракон.

— Они все враждуют, — сказал Карло. — Но все же раз в

неделю по очереди собираются у кого-нибудь, чтобы получить почту, вещи, которые они заказали в магазинах, свежие газеты и фильмы.

— Ты сегодня их увидишь, — сказал робот Кристалл, — посмеешься. Как только они все получат, тут же начнут ссориться.

— А может, им и не надо встречаться? — спросила Алиса.

— Они сами хотят этого, — сказал Карло. — Ведь им дьявольски скучно. Поэтому все, кроме Уксу-ба, раз в неделю встречаются.

— Жаль, что Уксу-ба не встречается, — сказала Алиса. — Мне ведь нужен именно он.

— Что делать, если он такой непримиримый, — вздохнул Карло. — Но мы к нему сегодня же слетаем.

Катер мягко опустился на ровную, словно подстриженную, зеленую траву.

Алиса почему-то решила, что тираны сейчас же побегут к ним за письмами и посылками. Ничего подобного не произошло. Стояла тишина, лишь звонко пели птицы.

— Где же тираны? — спросила Алиса.

— Им спешить несолидно, — сказал робот-сейф. — Они же короли да президенты. Придут, куда им деваться!

Карло открыл люк, и Алиса первой выскочила на траву. Было тепло, пахло цветами, в листве деревьев, близко подходивших к поляне, весело перекликались птички.

Сама поляна, слегка спускаясь, тянулась от леса к реке.

Посреди поляны из травы поднимался ствол большого узловатого дерева с мелкими синеватыми листочками.

Тонкая бельевая веревка тянулась от дерева до дверей дома, но никакого белья на ней не висело.

— Итак, — сказал Карло, — скажи нам, Алиса, сколько тиранов ты видишь на этой картинке?

— Я не вижу ни одного тирана.

Робот-сейф выбрался из люка. Он волочил за собой длинный ящик с письмами, посылками и кассетами.

— А я вот вижу на этой картинке пятерых тиранов, — сказал Карло. — Хотя всего их на планете к настоящему времени шестеро.

— Ты шутишь, — сказала Алиса.

— Здравствуйте, господа тираны, — сказал Карло и склонил голову.

И неожиданно для Алисы в ответ послышались слова:

— Здравствуй, Карло!

— Привет, Карлуша!

— Ты опять опоздал, негодник!

Причем в несколько голосов. Словно на этой поляне было странное, многоголосое эхо.

Но где же тираны?

Алиса вертела головой, не понимая, кто же говорит. Тогда Карло объявил:

— Господа тираны, к вам приехала в гости Алиса, девочка с Земли. Она очень хотела познакомиться с вами. Надеюсь, вы не будете возражать?

— Разве мы когда-нибудь возражали? Оклеветать нас легко. Не бойся, иди к нам, ребеночек.

Алиса вспомнила, что видела как-то в детском журнале загадочную картинку: «Найдите среди листвы охотника и трех уток...»

Но как она ни старалась, ничего найти не смогла. Ни охотника, ни уток.

— Познакомься, Алиса, — сказал Карло. — Король Шрип Пронзительный.

Тонкая веревка, что была протянута от дерева к веранде дома, закачалась, ее конец, перекинутый через ветку, приподнялся, и Алиса увидела, что веревка оканчивается маленькой головкой в крошечной золотой шапочке.

Головка была похожа на змеиную, по сторонам рта размером с копеечку виднелись черные точки — глаза.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. Такого живого существа ей еще не приходилось встречать. Она так удивилась, что невежливо спросила: — Значит, вы тоже тиран?

— Это клевета, — пропищала веревка. — Я — самый гуманный из Шрипов, у меня даже справка есть об этом.

— Врет, — послышался голос, и из-за ствола дерева вышла большая, похожая на пингвина, но куда более толстая розовая птица с губами вместо клюва. Губы все время двигались, кривились, даже дрожали. — Шрип всегда врет, — сказала толстая птица. — Он самый жадный тиран в Галактике. Может быть, я грубее его, но я никогда не стану душить своих подданных из-за колечка или цепочки.

— А это, — представил губастую птицу инспектор Карло, — наш великий шутник по прозвищу Хохотуша.

— Точнее, — сказала розовая птица, — меня зовут Орел-Хохотуша. Я самая гордая птица. Я поднимаюсь к облакам и рею там сколько захочу. И называть меня можно просто — горный орел. И вообще, на меня лучше смотреть в подзорную трубу.

— Горный орел, — с презрением сказала веревка Шрип, — горный орел, а летать боится. Он даже на сантиметр над землей не может подняться!

— Могу. Мне это ничего не стоит!

— Тогда поднимись.

— Некогда мне с вами тут время терять, — сказал Орел-Хохотуша и, раскачиваясь, побрел к речке.

— И он тоже тиран? — спросила Алиса.

— Я — добряк и шутник! — откликнулся Хохотуша от речки.

— Чепуха! — послышался гулкий нутряной бас.

Алиса обернулась, но так и не увидела, откуда он донесся.

— Это говорит Подводный Бык, — сказал Карло, — смотри.

И он показал на большой пузырь, который поднялся из омута в речке и лопнул. Из лопнувшего пузыря вылетела новая фраза:

— Хохотуша мой друг и союзник, однако я его когда-нибудь обязательно утоплю.

— Я от тебя унесусь к облакам, — ответил Хохотуша, но от берега чуть отступил. — Я буду парить возле звезд и петь небесные песни, ах!

— Вот ты и познакомилась с тремя тиранами, — сказал Карло.

— Они совсем не похожи на тиранов.

— А разве Уксу-ба похож на тирана? — спросил робот-сейф.

— Я его еще не видела.

— Увидишь. Ничего страшного.

— А еще тиранов мне покажут? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказал Карло. — Сейчас появится хозяин этого дома. Готовься!

Заиграла боевая музыка, загремели барабаны. На веранду дома выехала инвалидная коляска. Коляску толкала перед собой пожилая медсестра в белом халате и наколке с красным крестом.

Коляска приблизилась к дереву, и Алиса увидела, что в ней сидит странное существо. А может, и не существо. В коляске находилось множество проводов, трубочек, суставчиков, бутылочек, один карий глаз, дико глядящий перед собой, боль-

шое ухо и согнутый указательный палец правой руки, который нажимал на курок несуществующего пистолета.

— Познакомься, Алиса, — сказал Карло. — Ты видишь генералиссимуса Бамса Снарядетти. Это почетное прозвище генералиссимус получил в проигранной им битве у Кривого Порога.

Внутри генералиссимуса что-то заскрипело, застучало, и послышался пронзительный голос:

— Славную бойню я тогда заварил! Уложил два миллиона своих солдат, но от врагов тоже ничего не осталось.

И чудовище в кресле расхохоталось.

Медсестра, которая толкала перед собой коляску, сказала ласковым голосом:

— Вы уж простите генералиссимуса. Он такой боевой, что до сих пор остановиться не может.

— А где же все остальное? — спросила Алиса.

— Все остальное, — сказала медсестра, — потеряно в битвах. Шестьсот сорок два сражения и семьдесят шесть ран — это чего-то да стоит! Он наш маленький герой!

— Да, я ваш маленький герой, — сказал генералиссимус и подвигал ухом.

— Вот все и собрались, — произнес сверху невнятный голос.

Алиса подняла голову, думая, что увидит еще одну птицу. Но птицы не было.

Вдруг дерево зашевелило ветвями, словно на него налетел порыв ветра. Оно покачнулось, и тогда Алиса догадалась: ведь это дерево разговаривает с ней!

Тем временем робот Кристалл раскрыл ящик с почтой.

Глава 12

ЛОВУШКА ДЛЯ ИНСПЕКТОРА

— Генералиссимус Снарядетти, — сказал Карло, — вам письмо из протезной ассоциации. Обещают сделать вам новые зубы!

— Стальные? — спросил генералиссимус. — Самонаводящиеся?

— Не торопитесь, наш герой.

Медсестра подошла к Карло и взяла письмо.

— А из дома нету? — спросила она.

— Из дома генералиссимусу никто не пишет.

— Неблагодарные! — взревел генералиссимус. — Я всю жизнь боролся за счастье моего народа, я вел войны со всеми соседями, я одержал триста побед и потерпел триста поражений, остальные битвы закончились вничью! Но почему они не пишут мне писем?

— А вам, Увара Тихеньевна, — сказал Карло, обращаясь к медсестре, — целая пачка писем. От ваших подруг, от ваших коллег, от ваших племянников и от вашей тети. Скучают, наверное.

— Я тебя уволю! — закричал генералиссимус. — Я не позволю. Почему тебе пишут, а мне нет?

— Потому что я не одержала ни одной победы, Снарядетти, — ответила медсестра.

— Что ты сказала? — спросил генералиссимус. — Обойди меня с другой стороны. Ты же знаешь, что у меня правое ухо плохо слышит.

— Нет у тебя правого уха, — вздохнула добрая медсестра. — Горе ты мое несказанное!

— Когда генералиссимуса выгнал его народ, которому надоели бесконечные войны, он взял с собой медсестру как самую ценную вещь, — сказал Карло Алисе. — Вот она и мучается.

— Это неправда, — медсестра улыбнулась Алисе, — я добровольно последовала за несчастным генералиссимусом в изгнание, потому что долг сестер милосердия заботиться о несчастных, которые никому не нужны.

— Что ты сказала? — спросил генералиссимус, сверкая глазом. — Почему ты так тихо разговариваешь? Я прикажу тебя казнить. Расстреляю прямо на поле боя!

— Не обращайте внимания, — сказала медсестра Увара Тихеньевна. — Он меня не расстреляет. Отобрали у него пушечки и самолетики.

— Это точно! — прогудело дерево. — Никто не боится тебя, Снарядетти.

Тем временем Карло достал из ящика с письмами небольшой мешок.

— Вы просили спецудобрение-три, — сказал он дереву. — Удобрение прибыло.

— Неужели! Какая радость! — сказало дерево. — Теперь я буду расти втрое быстрей. И я им всем покажу!

Алиса увидела, как из земли высунулись длинные белые живые корни. Они потянулись к мешку с удобрением.

Алиса подумала, что это дерево может быть опасным.

— Извините, — спросила она, — вы тоже диктатор?

— Ах, это клевета, — отмахнулось дерево ветвями так, что поднялся ветер. — Ну какой из меня диктатор! Вы же видите, что я дерево, даже деревце. Меня знаете как любовно зовут дома? Ивушкой.

— Ах, не верьте ему, — откликнулся Орел-Хохотуша. Он выпятил красные губы и даже присвистнул. — И держитесь от этого изверга подальше. Он же высосал на своей планете все соки из населения. Засушил планету на корню! Об этом все в Галактике знают.

— Хохотуша прав, — сказал Карло. — Ивушка в самом деле распустил корни куда ни попадя и сосал соки из своих сограждан.

— Но он же не мог протянуть корни через речку! — сказала Алиса.

— Он ходячее дерево! — сказал робот Кристалл. — Имей это в виду.

— Ходячих деревьев не бывает, — обиделось дерево Ивушка. А тем временем его гибкие корни вытягивали из мешка серый порошок, и внутри ствола чавкало, ухало и охало, словно там у него был живот.

— Хохотуша, — сказал Карло, — тебе целый мешок корреспонденции. Как всегда.

— Ну давай сюда, давай, — заурчала толстая птица. Она расправила розовые крылья и, переваливаясь, побежала к Карло.

— Развяжи, развяжи! — кричал Хохотуша на бегу. — Я же спешу!

Карло развязал мешок, и птица запустила внутрь крылья с когтями на концах и стала выбрасывать конверты и пакеты, вскрывать их и рвать, при этом взвизгивая, смеясь, плача и издавая множество других различных звуков.

— Что это за письма? — тихонько спросила Алиса у Карло.

— Это ответы на его жалобы. Орел-Хохотуша — самый большой склочник во Вселенной. Он все время сочиняет жалобы и доносы в газеты, журналы, на телевидение и во всякие организации.

— Чем он недоволен? — спросила Алиса.

Орел-Хохотуша услышал разговор Алисы с Карло и сложил алые губы бантиком.

— Я недоволен, во-первых, — сказал он, — собственным неблагодарным народом, который меня не ценит, я недоволен галактическим начальством, которое держит меня в голоде и холоде на этой страшной планете.

— Ну где же здесь голод и холод? — спросил Карло. — Жарковато бывает, но чтобы холодно...

— Вот именно! — крикнул Орел-Хохотуша. — Умираем от жары. Я недоволен моими безобразными соседями, которые меня хотят убить. Я много чем недоволен. И можно сказать словами одного неизвестного мудреца: я недоволен, значит, я существую.

С этими словами Орел-Хохотуша углубился в свою переписку, а Карло достал из ящика пластиковый контейнер.

— Это, — сказал он, — для Подводного Быка.

— Наконец-то! — послышался гулкий голос из-под воды.

— Что это? — спросила Алиса.

— Это икра некоторых рыб с планеты, где он царствовал.

— Я буду разводить рыб, — сказал Подводный Бык. — Я их разведу полную реку и потом всех съем. Кидай сюда!

Карло кинул контейнер в воду. Волны разошлись кругами, и подарок для Подводного Быка пропал под водой.

— Скорее! Где посылки для меня? — закричал тонкий Шрип — живая веревка. Он обвивал дерево и раскачивал головкой возле глаз Карло. — Мне тоже хочется...

Робот-сейф достал из ящика две большие сумки, туго набитые, но не очень тяжелые.

— Сколько их? — спросил Шрип.

— Как заказывал — семьдесят два.

И тут тиран-веревка в мгновение ока обвил сумки телом, и Алиса поразилась тому, какой он длинный.

Робот словно догадался, о чем думает Алиса, и подсказал:

— Никто еще не смог его точно измерить.

— Если речь идет о моей длине, — сказал Шрип, — то, во-первых, я с каждым днем расту. К тому же, для вашего сведения, я могу вытягиваться и становиться в два раза длиннее, чем на самом деле. Недаром я забирался на тридцатый этаж без лифта.

— А что там, в сумках? — спросила Алиса.

— Кассеты с фильмами про любовь. Я обожаю смотреть фильмы о любви толстых земных женщин к толстеньким зем-

ным мужчинам. У меня есть фильмотека, которая занимает весь мой дом.

— А как же он смог стать тираном? — спросила Алиса у Карло.

— Он людоедствовал, — коротко ответил Карло.

— Ничего подобного, — сказал веревка Шрип. — Я только освобождал квартиры от лишних жильцов.

— А если учесть, что все жители на той планете размером со спичку, то представляете, какую опасность он представлял, — сказал робот.

— Чепуха! — крикнул Шрип. — На то я и король, чтобы руководить. Если я не скушаю лишних, то кто их скушает? Король — это главный вкушец!

— Боевая подруга, — обратился генералиссимус к медсестре, — хватит пустых разговоров. Веди наших гостей чай пить!

— Как? — удивился Карло. — А вы не будете друг на друга жаловаться?

— Еще как будем, — сказал Орел-Хохотуша. — Мы уже и жалобы друг на друга заготовили. Но сначала мы вас хотим чаем угостить!

— С нашим вареньем, — сказала добрая медсестра. — Сама варила.

— Ну что ж, — сказал Карло. — Пойдем, Алиса, посмотрим, как живут наши тираны.

И они все пошли в дом. Вернее, все, кроме дерева Ивушки и Подводного Быка, которые в дом попасть не могли.

Но если бы Алиса задержалась и послушала, что происходит на поляне после их ухода, она бы сильно удивилась.

Дерево склонилось к омуту, тихо произнесло:

— Будь готов. Операция «Захват» начинается.

— Вас понял, — ответил голос из-под воды.

Вода в пруду взбурлила, снизу поднимались пузыри.

Неожиданно из воды показалась небольшая зеленая русалка.

— Ах, неужели так скоро? — воскликнула она сонным голосом.

И тут же некая сила утянула ее под воду. Русалка только успела взвизгнуть и замахать лапками.

— Ты ей слишком много воли даешь, Подводный Бык, — сказало дерево.

— Что делать, — ответил из-под воды густой бас, — эта русалочка — моя последняя любовь. И ей так хочется в родную речку!

Но Алиса не слышала этих разговоров и не видела зеленой русалочки. Она шла по коридору следом за роботом Кристаллом и инспектором Карло.

И внезапно пол под ее ногами исчез.

Глава 13

В ТЕМНОМ ПОДПОЛЕ

В полу оказался большой люк. А под ним был вырыт подвал, о котором инспектор Карло и его робот, которым все надо знать, не догадывались.

Впрочем, если бы они и знали, то вряд ли удивились бы, потому что подвал был наполнен мешками с картошкой и морковкой, банками с солеными грибами и маринованной рыбой, горами сушеной петрушки, укропа и других душистых травок. Все эти богатства были собраны доброй Уварой Тихеньевной, которая круглые сутки хлопотала в своем саду, огороде и оранжерее. Она оставляла своего генералиссимуса дремать на солнечной веранде и планировать новые походы, а сама занималась хозяйством. Такая уж она деятельная натура, не могла ни минуты просидеть спокойно.

Надо сказать, что с самого начала тираны готовили этот подвал как ловушку для инспектора Карло и его робота. Они давно уже замыслили разделаться с ними. Но время шло, заговор все откладывался, вот Увара Тихеньевна и заняла подвал плодами своей деятельности.

Алисе повезло, потому что она упала на мешки с морковкой и картошкой. Конечно, ничего приятного, но не так больно. А вот роботу Кристаллу совсем не повезло — он упал на банки с компотом и грибами. А больше всего не повезло Уваре Тихеньевне, потому что этот кусок железа в полтонны весом грохнулся на ее сокровища.

Было совсем темно.

Рядом что-то шевелилось, хрустело и звенело.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Эх, черт! — выругался робот-сейф. — Опять я попался. Это ловушка.

— А зачем ловушка? — спросила Алиса.

— Нам обязательно скажут, — ответил робот. — И хорошо еще, что нас свалили не в действующий вулкан.

Робот помолчал несколько секунд и мрачно добавил:

— Я весь в чем-то липком, сладком и соленом. Кажется, это варенье, грибы и кислая капуста. Представляешь, какой компот получается? Мне теперь лучше и не вылезать наружу.

— Почему? — спросил Алиса.

— А потому что стыдно. Неужели не понимаешь? Я — бывший боевой робот, робот-охранник, обо мне девушки песни пели, а сижу в яме, измазанный вареньем. Ах, если бы роботы умели кончать жизнь самоубийством, я был бы первым кандидатом... Послушай, Алиса, а может быть, ты меня убьешь, чтобы не мучился?

— Поживи еще немного, Кристалл, — сказала Алиса. — Лучше объясни мне, как отсюда выбраться.

— Как же выберешься из бетонного подвала? — удивился Кристалл. — Нет, пока нас не освободят друзья, нам придется терпеть.

— Погоди! — остановила его Алиса. — Слушай.

Осторожно пробираясь между ящиками и банками, Алиса прошла в угол подвала — над тем углом находился конец комнаты, в которой собрались тираны и с ними Карло Жерардо. Они разговаривали, а в подвале было слышно каждое слово.

— Что такое? — услышала Алиса голос Карло. — Где Алиса? Где мой робот?

— Ах, не знаю, — послышался в ответ сладкий голос Орла-Хохотуши. — Только что здесь были.

— Я не шучу! — бушевал Карло. — Немедленно отвечайте мне!

— Шшшш, — прошелестела веревка Шрип. — Не надо суетиться. Все идет по плану. И если ты, Карло, перестанешь кричать и махать руками, я тебе с удовольствием все расскажу.

— Сначала освободите Кристалла и Алису!

— Ничего с ними не случится, — сказал скрипучим голосом генералиссимус. — Они отдыхают, правда, Уварочка?

— Ах, Карло Умбертович, — пропела ласково медсестра, — я тоже думаю, что ничего не угрожает вашим друзьям. И я бы рада их освободить. Но кто мне позволит?

— И не думай, — сказал душитель Шрип, — задушу. А если Карло будет шуметь, я и его задушу. За свою славную жизнь я задушил восемьсот тысяч моих граждан, неужели меня не хва-

тит, чтобы задушить жалкого инспектора и его свиту. Ты должен нас выслушать, Карло.

— Пускай он согласится, — прошептала Алиса. — А то они никогда нас не выпустят.

— Не хочу я вас слушать, бандиты! — сказал Карло. — В моих жилах течет кровь Юлия Цезаря! Такие, как я, не сдаются.

— Не сдавайся, — сказал Орел-Хохотуша. — Не сдавайся, только послушай нас, несчастных, загнанных в угол выдающихся людей современности.

— Ладно, говорите, только быстро, — согласился наконец Карло. — Что вам нужно?

— Нам нужно улететь отсюда, — тихо сказал Шрип. — Мы выбрали свободу.

— И как же вы хотите улететь? На чем? Куда?

— Ты нас слушаешь, Карло, это уже хорошо, — сказал Орел-Хохотуша. — Так знай же, что неподалеку от нашей планеты крейсирует пиратский корабль капитана Крыса.

— Ой! — ахнула Алиса. — Вот он куда с Земли полетел!

— Он согласен взять нас с планеты и до поры до времени спрятать, если мы уберем тебя, Карло, и Наблюдательную станцию. Конечно, пираты могут разбомбить эту станцию, но им не хочется привлекать к себе излишнее внимание. Пока они ее будут бомбить, ты можешь вызвать помощь. Вот тогда мы и решили вас заманить сюда и спрятать.

— Но ведь тираны никогда не могут сговориться между собой, — сказал Карло.

— Когда нужда появилась, то договорились, — сказала Увара Тихеньевна. — Вы не представляете, какие они у нас злобные.

— Что есть, то есть, — дерево Ивушка незаметно подошло к дому и заглянуло в окошко.

— Нам повезло, — проскрипела веревка Шрип, — что ты привез с собой эту глупую девчонку. Этим ты облегчил нам задачу. Пока девчонка у нас в руках, ты будешь нас слушаться.

— А если не буду?

— Если не будешь, то мы отвинтим девочке ее маленькую светлую головку, — пискнул генералиссимус. — Я в своей жизни столько таких головок оторвал, даже вспомнить трудно.

— Я вам помогать не буду, — сказал Карло.

— Да нам и не надо, чтобы ты что-то делал, — прошуршало дерево Ивушка, заглядывая веткой в окно. — Но если будет

радиограмма из Галактического центра, ты должен будешь подойти к экрану и сказать, что на твоей станции все в порядке. Понял?

— А если нет?

— А если нет, мы будем мучить Алису.

— Только не это! — воскликнул Карло.

— Вот ты и у них в руках, — вздохнула добрая Увара Тихеньевна. — Я тебе не завидую, инспектор.

— Я и сам себе не завидую, — согласился Карло. — Но совершенно не представляю, что мне делать.

Алиса обернулась к роботу-сейфу.

— Хитрые тираны, — сказала она. — Наверное, вы с Карло сделали ошибку, что взяли меня сюда.

— Разве догадаешься заранее! — сокрушенно промолвил робот. — А надо было догадываться.

Алиса подумала немного и решила:

— Карло они держат крепко. Придется нам с тобой думать, как ему помочь. Ведь не сдадимся же мы кучке тиранов.

— Не сдадимся, — подтвердил робот. — Но я не знаю, чем вытереть с меня варенье и компот. Я не выдержу такого позора.

— Забудь о красоте. Боюсь, что у нас не очень много времени. Давай я попробую выйти на связь с корабликом Гай-до.

Алиса включила свой браслет связи, но он молчал. Чуть-чуть пощелкивал, но сигнала не было.

— Не понимаю, — удивилась Алиса, — почему связь с кораблем не работает.

— Я думаю, что этот подвал изолирован.

— Как же мне вызвать на помощь Гай-до?

— Видно, сначала тебе надо будет отсюда выбраться, — сказал робот.

— Но ты же сам сказал, что этот подвал бетонный и еще изолированный.

— Я и сейчас так думаю, — сказал робот, — но по мне кто-то ползает. Эх, нет света, и глаза мои не светятся.

— Кто там по тебе ползает? — испугалась Алиса. — Я боюсь сороконожек и скорпионов!

— Наверное, это муравьи, — сказал робот, — они любят варенье. Они меня всего облепили.

— Скажи, — подумала вслух Алиса, — а что, если найти муравьиную дорожку и поглядеть, куда она ведет? Наверное, в бетоне есть трещины.

Робот зашуршал, загремел банками и пополз по полу.

А наверху продолжался разговор Карло с тиранами.

— Зачем вы все это затеяли? — говорил Карло. — Ведь вы никому в мире не нужны. Вас выгнали с собственных планет. Зачем вам возвращаться, только позориться.

— Можно я отвечу за всех наших тиранов? — спросила медсестра. — Я давно с ними общаюсь и думаю, что кое-что уже понимаю.

— Говорите, уважаемая Увара Тихеньевна, — сказал Карло.

— Недавно ваши подопечные собрались впервые вместе и подумали, зачем враждовать между собой, когда можно найти общего врага.

— Меня? — спросил Карло.

— Можно и тебя, — отозвалась Увара Тихеньевна. — Вот они и договорились — пока не улетят отсюда, враждовать не будут.

— Невероятно! — закричал Карло. — Этого быть не может. Все психологи и футурологи, психиатры и реставраторы убеждали меня, что тираны между собой не сговариваются.

— Может быть, у них нашелся вождь, — предположила медсестра, — ведь так бывает — нет вождя, нет армии. Есть вождь — есть армия!

— Ах, какая вы умная, — сказал Карло. — Но что нам делать?

— Я с вами не могу долго разговаривать, — сказала Увара Тихеньевна. — Меня растерзают тираны. Вы ведь знаете, для них простой трудящийся человек — ничто. Растерзали и пошли дальше, даже рук не вымыли.

— Это мы можем, — послышался голос Орла-Хохотуши. — Растерзать мы всегда с удовольствием. Но и зацеловать можем.

Алиса так заслушалась, что забыла о том, что происходит рядом с ней, в подвале. Робот возился где-то в углу, вздыхал, скрипел, искал муравейник и вдруг тихо сказал:

— Уууух...

Вот этого Алиса не услышала, потому что наверху продолжался интересный разговор.

— Хватит терять время на пустые разговоры! Пора выходить на связь с нашими друзьями пиратами, — решил веревка Шрип. — Они уж, видно, заждались.

— Верно, — поддержал его Орел-Хохотуша, — давай, Увара Тихеньевна, иди к передатчику.

— Ой, — удивилась Алиса, — у них и передатчик есть!

Робот не откликнулся, но Алиса тут же сообразила, что, конечно же, у них передатчик есть — иначе как бы они связывались с инспектором Карло.

Наверху наступила тишина — видно, медсестра включила передатчик и набирала код пиратского корабля.

«Интересно, как же им удалось, — подумала Алиса, — сидя здесь, на планете, договориться с пиратами?»

— Как ты думаешь, Кристалл?.. — обернулась она к роботу-сейфу.

Но никакого робота в подвале не было.

Глава 14

ПРИСТРЕЛИ МЕНЯ!

В подвале стало светлее.

Алиса обернулась и увидела в дальней стенке дыру размером с холодильник. Из нее в подвал попадал неяркий свет.

«А где же робот? — подумала Алиса. — Я даже не заметила, как он ушел из подвала. Из страшного бетонного подвала, из которого уйти совершенно невозможно».

Алиса подошла к отверстию и увидела, как по стене бегают тысячи муравьев, а сама стена трухлявая, как гнилушка.

— Ну и муравьи! — сказала Алиса.

— Я не рассчитал сил, — услышала она голос снизу.

Алиса выглянула в дыру и поняла, что дом генералиссимуса, где они сидели в подвале, стоит на склоне холма. На холме тесно росли кусты и деревья, потому возле дома было полутемно.

Робот Кристалл лежал на земле, подняв ногу.

— Вывихнул ногу, — сообщил он Алисе. — Я думал, что стена крепкая, надавил на нее — и выпал наружу.

— Сейчас я тебе помогу, — сказала Алиса.

— Помочь мне нельзя, — сообщил робот. — Ты погляди на меня и ужаснись!

Алиса поглядела и ужаснулась. Робот был весь измазан вареньем, соленьями и соусами, а сверху покрыт массой муравьев, ос и тараканов, которые на нем обедали.

— Не трать времени, — сказал робот. — Беги. Мне же не больно. К сожалению.

— Почему к сожалению? — спросила Алиса.

— Потому что я хочу быть человеком, — произнес робот. — Но человек все время борется с болью и мучениями. Я же знаю об этом со слов и совершенно не умею страдать. А без страданий из меня не получится человека.

— Это очень интересная мысль, — сказала Алиса. — Я такой еще не слышала ни от одного робота. Но мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Может быть, мы тебя женим.

— Женим? На женщине-роботе? На роботихе?

— Вот именно. Я знаю, что иногда жены так мучают мужей, что мужья начинают страдать.

— А если наоборот? — спросил робот.

Алиса махнула рукой.

— В чем беда с вами, роботами, — вздохнула она, — вы не знаете, когда надо спешить, а когда можно поговорить о страданиях. А мне надо срочно вызывать Гай-до, чтобы он нас выручил.

— Подожди! — возмутился робот. — Неужели ты считаешь, что разговор о моих страданиях не так важен, как твой Гай-до?

— Ползи к реке, — ответила Алиса, — и отмывай варенье!

Промедление оказалось почти роковым.

— Эй! — раздался крик сзади. — Где наши узники?

— Бежим! — крикнула Алиса.

— Пристрели меня, — ответил робот. — Выстрели в меня из бластера, чтобы я не попал живым к врагам! Скорее стреляй!

— Кристалл, — строго сказала Алиса, — ты же знаешь, что у меня нет никакого оружия. Даже палки. И я никого никогда не убиваю.

— Глупая девчонка! — закричал робот так, что, наверное, все тираны услышали его крик. — Неужели ты не понимаешь, что мы с тобой на войне?! А на войне все средства хороши. Если я попаду в плен, то я выдам военную тайну!

— Ползи к реке! — крикнула Алиса.

Робот пополз вниз. Вокруг роились мухи и осы.

Алиса покатилась по обрыву к берегу.

Река была неширокая, она текла медленно, с другой стороны к ней подходил лес. Деревья были покрыты разноцветными цветами. Если бы не тираны, это была бы чудесная планета, туристический рай. Когда тираны выведутся или исправятся, сюда обязательно будут летать туристы.

Сзади зашуршали кусты — преследователи не отставали.

Пришлось нырять.

Как опытный путешественник, Алиса не любила неизвестные водоемы. Мало ли что там могло водиться. Но сейчас выбирать не приходилось. Алиса нырнула рыбкой и раскрыла глаза. Вокруг было зелено, шевелились водоросли. Что-то темное и быстрое неслось к ней.

Алиса выскочила на поверхность. И увидела совсем рядом чешуйчатую спину крокодила. Тут же над поверхностью воды показалась крокодилья пасть размером с чемодан, вооруженная треугольными зубами.

Алиса, которая была отличным пловцом, ринулась в другую сторону. Но и с той стороны ее ждала пасть крокодила!

Алисе ничего не оставалось, как набрать побольше воздуху в легкие и нырнуть к самому дну реки, чтобы плыть дальше вдоль дна. Она надеялась, что так крокодил не сможет ее достать.

Она почти доплыла до противоположного берега, как что-то схватило ее за ногу.

Алиса попыталась вынырнуть, но это что-то ее не пускало.

На счастье, башмак слетел с ноги, и Алиса выскочила на поверхность воды, ожидая, что ее встретят крокодильи морды.

В книжках рассказывают, что если человеку грозит смертельная опасность, то перед его взором проходит вся прошлая жизнь. Но с Алисой случилась странная вещь: она вспомнила, куда засунула в прошлом году бабушкины заколки. Их потерю бабушка переживает до сих пор.

Разумеется, эта мысль пролетела в голове, как молния, тут Алиса увидела удивительную вещь.

Один из крокодилов, что напал на нее, медленно плыл по течению желтым брюхом кверху, раскинув когтистые лапы. Второй крокодил выскочил из глубины, сжимая в челюстях башмак Алисы и бешено сверкая глазами. Он был бы рад проглотить Алису, но башмак ему мешал.

И тут кто-то сильно толкнул Алису в спину.

Она в ужасе решила, что это третий крокодил, но не успела даже закричать, как врезалась в тростники, росшие у берега, и сообразила прыгнуть вперед, на сушу.

Следом за ней из воды выбрался совершенно голый, покрытый зеленой чешуей молодой человек. Он тяжело дышал и сжимал в руке небольшой острый меч.

— Простите, — сказал он, — что я немного запоздал.

Глава 15

НЕСЧАСТНЫЙ РУСАЛ

Один из крокодилов уже уплыл вниз по течению, но второй подбирался к берегу, нацеливаясь на молодого человека.

— Кто вы? — спросила Алиса.

— Я такой же несчастный, как и вы, — ответил зеленый юноша.

— Сзади крокодил!

— Я вижу, я привык уже к ним.

Юноша мгновенно обернулся и ударил мечом по шее крокодила. Крокодил тут же ушел на глубину, и вода запенилась от яростных ударов его хвоста. В водовороте плавал башмак Алисы.

— Скорее, — сказал зеленый юноша. — Мы должны отойти от реки, а то нас подстрелят.

Он выудил башмак и вылез на берег.

Как бы в ответ на его слова по воде вскипели чередой фонтанчики — кто-то стрелял с того берега.

Пули щелкали по листьям.

— Это кто стреляет? — спросила Алиса.

— Это дерево Ивушка кидается своими орехами. Больно, но не смертельно.

Хромая на одну ногу, Алиса кинулась в кусты, зеленый юноша следом за ней.

— Давайте познакомимся, — сказала Алиса. — Я Алиса Селезнева, прилетела сюда по делам, но нечаянно угодила в подвал, из которого убежала.

— Меня зовут Гамлет, — ответил зеленый юноша. — По национальности я — русал.

— Кто вы?

— Русал. То есть русалка мужского рода.

Юноша отдал Алисе башмак и, пока она обувалась, вздохнул и продолжил:

— Как грустно, что всю жизнь мне приходится объяснять, что русалки, как и все другие существа в мире, делятся на два пола — мужской и женский. Только наши женщины, особенно подростки, — страшно невоспитанные, они любят авантюры, танцы и ночные хороводы. Для них нет лучшего развлечения, чем заманить в глубину обычного земного человека. И я вам должен сказать, Алиса, что среди нас, русалов, такое пове-

дение не поощряется. Тем более что оно плохо кончается не только для человека, но и для русалки.

— Мне было очень приятно это узнать, — сказала Алиса. — Я давно подозревала, что не бывает народов, состоящих только из одних женщин. У вас же должны быть дети, иначе вы все вымрете.

— Гениально! — сказал зеленый Гамлет. — Именно так. Мы любим детей, и обычно воспитанием занимаются русалы. А наши женщины пляшут и танцуют.

— А почему вы здесь оказались?

— Сейчас расскажу, — начал русал, но ему пришлось временно замолчать, потому что их преследователи вышли к самой воде.

Впереди семенил губастый Орел-Хохотуша, с рогаткой в лапе, за ним извивалась веревка Шрип, которая обвивала хвостом дубинку, шествие замыкал генералиссимус Снарядетти. Зажмурив единственный глаз, указательным пальцем он жал на курок деревянного пистолета.

— Отойдем подальше в кусты, — предложил зеленый русал. Они кинулись в чащу, и вовремя, потому что орехи щелкали по стволам деревьев, взрывали землю и рвали траву. Алиса с зеленым юношей нашли неглубокую ложбину и затаились в ней.

— Что они, с ума посходили, что ли? — спросила Алиса зеленого юношу. — У них настоящие автоматы. Так и человека убить нетрудно.

Зеленый юноша только улыбнулся и ответил:

— А они и хотели нас с тобой убить. Их автоматы стреляют желудями, а гранаты у них картофельные. Но учти, картошкой тоже убить можно. Потому что началась настоящая последняя война. Генералы не умеют шутить. Если они начали войну, значит, хотят кого-то убить. Кстати, за это их сюда и прислали. На своих планетах они не шутили.

— Я тебе честно скажу, — ответила Алиса. — Мне пришлось во многих переделках побывать, но на настоящей войне я еще, по-моему, не бывала.

Стрельба продолжалась, слышен был рев:

— Кто убил крокодила? Кто посмел убить моего крошку?

— А кто убил крокодила? — спросила Алиса.

— Я, — скромно ответил зеленый юноша.

— А зачем вы это сделали?

— Потому что он собирался тебя проглотить.

— Это правда, — согласилась Алиса. — Я даже от страха зажмурилась. А разве здесь крокодилы водятся?

— Раньше не водились, но Подводный Бык уверял, что ест только свежую рыбу. Ему привозили банки с икрой. Он подкупил кого-то в рыбном питомнике, и икра оказалась особенная, из головастиков вывелись крокодильчики. Крокодилы злые, голодные, мы их боимся.

— Но почему об этом не знает инспектор Карло?

— А кто ему скажет?

Алиса задумалась. Наверное, слова зеленого юноши надо было понимать как признание того, что тираны давно замыслили восстание. Алисе очень хотелось узнать, почему этот зеленый юноша ее защитил. Но тут желуди и орехи стали ложиться ближе к Алисе, и юноша приказал:

— Перебежками, голову не поднимать, к большому пню... беги!

Алиса послушалась его.

Пень был и в самом деле велик, даже поднявшись во весь рост, Алисе не достать бы до верха, а уж не обхватить — подавно.

Зеленый юноша повел себя странно.

Он подполз к пню и стал стучать в него костяшками пальцев.

— Слышу, слышу, — раздался слабый голос изнутри.

Кусок коры отвалился, и оказалось, что это потайной ход внутрь пня.

— Я уж тебя заждался, — произнес изнутри ворчливый голос. — Залезайте, залезайте!

Зеленый юноша толкнул Алису вперед и пролез в пень за ней. Внутри было полутемно, и Алиса не сразу разглядела обитателя пня, маленького лохматого человека со странным звериным лицом.

— Девочка, — сказал мохнатенький, — давай знакомиться. Много о тебе наслышан. Надеюсь, что мы еще посражаемся с тобой вместе.

И он запел дурным голосом:

К мачте став спина к спине,
Сражаться будем или нет,
А дальше все забыл я!

Алиса поняла, что это типичный уксуец, только в три раза меньше, чем те, которых она видела прежде.

На нем был даже обычный уксуйский фартучек, расшитый, правда, алмазами.

Глава 16

НАШ СОЮЗНИК УКСУ-БА

— Вы Уксу-ба! — догадалась Алиса.

— Собственной персоной. А откуда ты знаешь обо мне?

— Мне на вашей планете рассказали.

Тут над головами у них взорвался арбуз, и во все стороны полетели корки. Пень даже зашатался.

— Кончится тем, что они введут в дело танки, — сказал махонький уксуец.

— Нет у них танков, — ответил зеленый юноша. — Не придумывайте. На огороде танк не вырастишь.

— Нет так нет, — согласился Уксу-ба.

Он свернулся колючим клубком, наружу высовывался лишь ежиный носик и генеральские погоны, наколотые на плечи.

— Пока идет артиллерийская подготовка, — сказал Уксу-ба, — признавайся, зачем ты меня ищешь? Ты шпионка?

— Честно говоря, я не шпионка, — призналась Алиса. — Но меня прислали к вам с планеты Уксу.

— Неужели меня помнят? — обрадовался тиран. — И как, ждут? Скучают? Поют песни о моих славных походах?

— Не очень скучают, не очень ждут, и, наверное, вам туда лучше не возвращаться.

— Так что же им от меня нужно?

— Вы взяли у них детскую железную дорогу, которую когда-то сделали гномы. Им хочется получить ее обратно.

— Ну вот! — обиделся Уксу-ба. — Всем хочется мою маленькую игрушку. А ведь я владею ею по закону. Это моя единственная вещь в этой ужасной ссылке. Я ведь бедный и несчастный! У меня никогда не было игрушек.

В стенку пня попала картофелина, и пень снова зашатался так, что чуть не выскочил из земли вместе с корнями.

Когда пыль улеглась, Уксу-ба продолжал:

— Я родился в бедной уксуйской семье, в классе я был самым маленьким, на улице я был самым маленьким, и даже в бане я был самым маленьким. Меня все обижали и толкали. В конце концов я озлобился и стал самым злобным карликом на планете. Я решил отомстить переросткам. И отомстил. Я полпланеты перебил, а остальных сослал в дальние края! И если бы не предательство, им никогда бы до меня не добраться...

— Так вы отдадите железную дорогу? — спросила Алиса.

— И не подумаю. Потому что ее нет.

— А что вы с ней сделали? — удивилась Алиса.

Уксу-ба молчал, и за него ответил зеленый юноша:

— Уксу-ба переименовал поезд в бронепоезд.

— Вот именно! — согласился Уксу-ба. — Этот бронепоезд называется «Кровавый мститель».

— Но зачем? С кем вы тут воюете? — спросила Алиса.

— Все против всех! — сказал Уксу-ба. — Так устроен мир.

Зеленый юноша, который выглядывал наружу, проверяя, не наступают ли противники, объяснил Алисе:

— Они с Уксу-ба давно враждуют. Им нужен его поезд.

— Зачем?

— У него, если ты не знаешь, паровоз сделан из нефрита, труба выточена из черного мрамора, вагоны изумрудные, фонарики рубиновые, крыши из бирюзы — это чудесное произведение железнодорожного и ювелирного искусства.

— Потому-то я его и утащил с моей родной планетки! — подтвердил Уксу-ба. — Без меня там порядка нет, еще разворуют. Вот мне и пришлось мой любимый поезд превратить в мой любимый бронепоезд. Я покрасил его в защитный цвет, поставил на крышу катапульту — попробуй отними!

— Поэтому вы не участвовали в заговоре против нас с инспектором Карло? — спросила Алиса.

— Ах, милая девочка, все в жизни значительно сложнее, — улыбнулся Уксу-ба, — я бы и рад участвовать в восстании и улететь отсюда, но остальные подлые тираны договорились, что их вывезут на своем корабле космические пираты. На мое несчастье... ой-ой-ой! На мое ужасное несчастье, пираты потребовали плату за это!

— Какую же плату?

— Неужели ты еще не догадалась? Они потребовали мою железную дорогу. А я... я не смог с ней расстаться. И вот я начал оборонительную войну!

— Вы воюете против всех остальных тиранов? — спросила Алиса.

— А что ему остается, — сказал зеленый юноша. — Если он сдастся, они отнимут у него железную дорогу, а может, заодно и самого его пристукнут.

— Вот именно! — сказал ежик и закручинился. — Я даже капитулировать не могу. Я нахожусь в осаде. Я сражаюсь из последних сил. У меня только один союзник — Гамлет.

— Гамлет — это я, — напомнил зеленый юноша. — Состою в союзниках тирана Уксу-ба.

— Но почему?! — воскликнула Алиса. — Вы же так не похожи на тирана.

— А я и не тиран, — ответил зеленый юноша, — я самый обыкновенный русал. Мы ловим рыбу, собираем водоросли, рвем рыбачьи сети, чтобы не лезли в наши края, даже пугаем глупых туристов, чтобы не жгли костров. На берег вылезаем в крайнем случае, не любим мы сухопутной жизни. Пускай наши жены и сестры танцуют и веселятся — разные у нас характеры.

— А почему вы сюда попали?

— Как почему? — удивился зеленый юноша. — Разве вы не видали мою невесту? Эсперанцу?

Алиса в растерянности обернулась к Уксу-ба. Тот сидел, свернувшись в колючий клубок у ее ног, но взгляд Алисы почувствовал, и на его мордочке появилась лукавая улыбка.

— Так зовут невесту нашего друга Гамлета — у этого племени в ходу очень странные имена. Невесту нашего Гамлета утащил с собой Подводный Бык. Помнишь — одна вещь или один человек. Я взял с собой поезд, генералиссимус взял с собой медсестру, а Подводный Бык — русалочку, которая стрижет ему ногти, расчесывает волосы и вообще за ним ухаживает.

— За Быком?

— Дело в том, что Подводный Бык — всего лишь прозвище, а на самом деле он не бык.

— А кто? — спросила Алиса.

— Увидишь, — ответил Уксу-ба. — Это его титул.

— Так чем же он вас тиранил? — спросила Алиса у зеленого Гамлета, но тот не успел ответить.

Откуда-то издали донесся звонок.

— Вас к телефону, — сказала Алиса.

— Пока я добегу до дома, — сказал Уксу-ба, — меня могут застрелить. Лучше уж я не буду подходить.

— А вдруг это важный звонок? — спросила Алиса.

— Ну подумай, девочка, — обиделся маленький колючий тиран. — Кто может мне звонить на почти необитаемой планете? Только враги.

— А вдруг они хотят сказать что-то важное?

— Ничего хорошего от врагов я не услышу. Значит, мне лучше их и не слушать, — ответил Уксу-ба.

А телефон все надрывался.

— Нет, я так не могу. — Алиса кинулась к дому, перед которым была вырыта длинная траншея, прямо как на войне. В одном месте траншея была соединена глубоким ходом с домом, и из нее можно было попасть прямо в подпол. Нижние этажи дома были заложены мешками с песком. Видно, Уксу-ба заранее готовился к войне. Удивительно! Вокруг тебя все готовятся к войне, а ты думаешь, что тираны уже почти перевоспитались. А ведь так рассуждал добрый Карло, который вырос взрослым, но так и не догадался, что тираны никогда не перевоспитываются.

Пока Алиса бежала, ее заметили, и несколько снарядов упало совсем рядом. Один из снарядов подкатился ближе и в самом деле оказался картофелиной. Видно, не зря тираны копались на приусадебных участках.

Глава 17

ГАЙ-ДО ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

— Алло! — крикнула она. — Планета Тишина слушает.

— Это куда я попал? — спросил знакомый голос.

— Вы звоните в резиденцию тирана Уксу-ба, — ответила Алиса.

— А кто у телефона?

— У телефона Алиса Селезнева.

— Какое счастье! Неужели ты меня не узнала?

— Это ты, Гай-до?

— Я с ума схожу от беспокойства! Я вызвал станцию Контроля — там никого нет. Ну, я сначала не очень испугался, потому что знал, что вы собрались побывать на планете. Прошел час, второй — никто не выходит со мной на связь. Тогда я взял в Информатории справочник всех телефонов планеты и всем начал звонить. И представляешь — никто мне не ответил! Что случилось? Почему ты до сих пор не вернулась на Контрольную станцию?

— Гай-до, миленький, как хорошо, что ты позвонил. Случилось страшное несчастье. Тираны взбунтовались и держат в плену Карло. Робот сломал ногу, я чудом переплыла через речку и спряталась у Уксу-ба!

— Но он же тоже тиран!

— Да, он тиран, но он тиран, который за нас, потому что он против других тиранов.

— Слишком сложно ты мне все объясняешь. Но не важно. Я сейчас же приземлюсь и наведу здесь порядок.

— Ой, как хорошо, Гай-до, а то я волнуюсь, как бы они не сделали чего-нибудь плохого Карло. Только, пожалуйста, Гай-до, прежде чем спускаться, свяжись немедленно с Галактическим центром. Расскажи им, что здесь произошло. Пускай они пришлют сюда патрульный крейсер.

— Еще чего не хватало! — возмутился кораблик Гай-до. — Что я, сам не справлюсь с кучкой тиранов!

— Подожди! Насколько мне известно, на помощь тиранам спешит корабль космических пиратов.

— Каких еще пиратов?

— Это наши с тобой старые знакомые — Весельчак У и Крыс. Они обещали вывезти тиранов с планеты. Для этого тираны и захватили в плен Карло. Чтобы он не успел ничего сообщить в Центр, ты меня понимаешь?

— Не страшны мне пираты! — заявил Гай-до.

— Я знаю, — сказала Алиса, — что ты у меня самый смелый кораблик во всей Вселенной. Но пойми простую вещь: у пиратов — военный корабль, вооруженный до зубов. Достаточно одного выстрела из их пушки, чтобы от тебя ничего не осталось. Зачем же мне мертвый Гай-до? Я думаю, что тебе посоветуют дежурить рядом с планетой и не вмешиваться, пока на помощь не придет настоящий крейсер.

— Тогда я не буду связываться с Галактическим центром, — решил Гай-до.

— Гай-до, конечно, ты разумный корабль. Но ты никогда не летаешь один. Так уж придумано, что у тебя всегда есть капитан. И я твой капитан.

— Ну это еще как сказать...

— Гай-до! Опомнись! Немедленно исполняй мою команду! — приказала Алиса.

— Исполняю! — совсем другим голосом ответил Гай-до. — Сейчас же выхожу на связь и вызываю на подмогу галактический крейсер!

Он помолчал несколько секунд и добавил:

— Но, вообще-то, я на тебя, Алиса, сильно обижен. Ты не даешь мне тебя защитить.

— Лучше смотри в оба! Ты должен заметить приближение корабля пиратов раньше, чем они тебя обнаружат.

Алиса не успела закончить разговор с кораблем, как в траншею спрыгнули ее союзники — зеленый Гамлет держал на руках колючего тирана Уксу-ба.

Зеленый юноша тяжело дышал.

— Они перешли в наступление, — сообщил он.

— Мой дом совсем не защищен, — сказал Уксу-ба, — придется прятаться в бронепоезде. Там у меня артиллерия.

— Еще артиллерии нам не хватало, — возмутилась Алиса.

— Я не хочу быть беспомощной жертвой негодяев! — вспылил бывший тиран. — Я буду с ними сражаться, но не отдам им мое имущество.

— Я тоже буду сражаться и освобожу мою невесту из объятий Подводного Быка, — сказал зеленый Гамлет.

Алиса высунулась из траншеи — ничего не было видно.

— А что там происходит? — спросила она.

— Они переправляются через реку.

— Как?

Ее спутники не ответили. Они побежали по узкой канаве к дому.

Алиса решила все же посмотреть, где и как наступают противники.

Она выпрыгнула из траншеи и, пригибаясь, добежала до большого пня, в котором они так недавно прятались. Возле пня никого не было, и Алиса осторожно спустилась поближе к берегу и раздвинула кусты, чтобы разглядеть, что же там происходит.

Глава 18

БОЙЦЫ БРОНЕПОЕЗДА

Такого ей не приходилось видеть никогда.

По реке плыл небольшой крокодил, на спине которого стоял розовый Орел-Хохотуша и улыбался во весь рот. Видно, он чувствовал себя героем и победителем, потому что в руке держал сверкающую сабельку и махал ею, как будто несся верхом на боевом коне.

За крокодилом с Орлом-Хохотушей двигалось сложное сооружение. На двух больших крокодилов положили бревенчатый помост, на помост поставили кресло-каталку, в котором

сидели глаз и ухо генералиссимуса, а рядом стояла бледная от волнения медсестра Увара Тихеньевна.

Завершала эскадру гигантская черепаха. На ее панцире стояла деревянная пушка, рядом лежали кучей картофелины-снаряды. А над пушкой, словно живой прут, покачивался сам господин Шрип — головка и веревочная шея.

«Как бы их остановить? — задумалась Алиса. — Надо кинуть что-то в воду, чтобы крокодилы сбросили своих наездников. Но что?»

Алиса схватила с земли небольшой камень и изо всех сил кинула его вперед. Камень не долетел до крокодила, который вез Орла-Хохотушу, но столб брызг поднялся так высоко, что облил Орла с ног до хохолка на голове.

— Это еще что такое! — закричал он. — Артиллеристы, подавить узел сопротивления противника!

Алиса еле успела забежать за пень — Шрип не тратил времени даром и бабахнул из своей пушки картофельной картечью.

Алиса поняла, что пора отступать. Главное, чтобы Гай-до успел укрыться за планетой и не попал на прицел пиратам. А вдруг пираты еще далеко и Алиса была не права, запретив Гай-до спуститься ей на помощь?

У Алисы было в запасе еще две-три минуты, пока враги высадятся на берегу, и она побежала к телефону, который стоял в траншее, и подняла трубку.

— Гай-до, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Гай-до, — я к тебе подлетаю!

И тут же визгливый голос космического пирата прокричал:

— Давай, Гай-до, подлетай, старый дуралей! Я сделаю из тебя железную котлету на машинном масле! Весельчак, приготовь ракеты «воздух—воздух» к бою!

— Гай-до, прячься! — крикнула Алиса.

— Я должен тебе сказать, — успел крикнуть Гай-до, — патрульный крейсер вышел с дежурной станции! Он будет здесь через пять часов. Ты меня слышишь?

Алиса не успела ответить, как в телефоне раздался голос пирата Крыса.

— Не знаю, как твоя девочка, — крикнул он и захохотал, — зато я все слышал. И должен тебе сказать, что пяти часов нам более чем достаточно, чтобы вывезти всех живущих на планете и все ценности и скрыться без следа в Серой туманности.

А если твой любимчик Гай-до вмешается, я уже пообещал сделать из него железную котлету на машинном масле!

И наступила тишина.

К Алисе подбежали Уксу-ба и зеленый Гамлет.

— Ну и что? — спросил Гамлет. — Патрульный крейсер идет нам на помощь?

— Идти-то он идет, — ответила Алиса. — Но вот пока он доберется до нас, будет поздно.

— Бежим в бронепоезд! — решил Уксу-ба. — Мы будем сражаться до последнего патрона.

— Правильно, — сказал юноша, — лучше воевать и двигаться, чем сидеть на месте и ждать, пока тебя скушает крокодил.

От реки донеслись крики «Ура!».

— Побежали, — сказал Уксу-ба. — Гамлет, возьми меня на руки, я за вами не успею.

Гамлет схватил на руки ежика с генеральскими погонами, и, пригибаясь, они побежали траншеей за дом.

Оказалось, что с другой стороны дом устроен как вокзал.

На нем была прикреплена надпись золотыми буквами:

«Уксуй Детский».

Было окошко с надписью:

«Билетная касса».

Там было еще «Багажное отделение» и даже кран с надписью: «Кипяток».

К стене вокзала был прибит страшный плакат с изображением человека, падающего с платформы, а к нему приближался поезд. Под этой картинкой было написано: «Сэкономишь минуту — потеряешь жизнь!»

В общем, это был самый настоящий вокзал.

На рельсах у перрона стоял самый некрасивый поезд, какие Алисе приходилось видеть на старинных картинках. От крыши до колес он был выкрашен некрасивой серой краской, а на боку первого вагона были неаккуратно выведены белые буквы: «Смерть угнетателям трудового народа!»

За вагонами была прицеплена платформа с высокими стальными бортами. На ней стояло какое-то странное сооружение, которое ничего не напоминало.

Завершался бронепоезд еще одним перекрашенным вагоном.

Не слезая с рук русала, Уксу-ба достал из-за пазухи ключ и, подтянувшись наверх, отпер дверь в задний вагон.

— Это мой штабной вагон, — сказал он. — Здесь я думаю и руковожу операциями.

Внутри вагон сиял. Его стены были выложены самоцветными камнями, на полу лежал ковер, а посреди на длинном малахитовом столе была разложена карта.

Уксу-ба вспрыгнул на стул и развел лапками.

— Вот, — сказал он, — поле сражения. Наш противник только что форсировал реку Амазонку, и его отряды приближаются к нашей столице, стараясь окружить вокзал и отрезать нам пути к отступлению.

Уксу-ба водил указкой по карте, на которой Алиса нашла вокзал и железную дорогу, где стоял бронепоезд. Отсюда железная дорога тянулась вдоль речки. На том ее берегу Алиса отыскала дом генералиссимуса. В нем томился инспектор Карло. Под домом было написано: «Ставка противника». А вот и омут, где обитает Подводный Бык и скрывается несчастная русалочка. Железная дорога доходила до крутой горы, исчезала в тоннеле, появлялась на той стороне и изгибалась, чтобы вернуться к вокзалу.

— Сколько нам нужно продержаться? — спросил Уксу-ба.

— Гай-до сказал мне, что патрульный крейсер прилетит через пять часов.

— Будут жертвы, — объявил Уксу-ба. — Мало кто из нас увидит восход свободного дня. Но нашей свободы мы им не отдадим.

Алиса чуть было не засмеялась. Она же все знала.

Ведь каждый здесь собирался сражаться за свое: Уксу-ба защищал драгоценный поезд, зеленый русал Гамлет мечтал отыскать и отобрать у Подводного Быка свою невесту русалочку, а Алисе надо было спасти инспектора Карло, а также, если удастся, вернуть детям-уксуйцам их железную дорогу.

Так что планы и надежды защитников бронепоезда совершенно не совпадали.

Правда, враги у них были общие.

— Против наших тиранов-ветеранов мы устоим, — сказал Уксу-ба. — Артиллерия у меня будет посильнее и, главное, калибром покрупнее, чем у них. Но если в дело вмешаются пираты, нам придется спускать флаг.

— Мы погибнем, но не сдадимся, — заявил зеленый Гамлет.

— Тогда к делу! — Уксу-ба на цыпочках подбежал к бойнице в стенке вагона и, вглядевшись, сказал Алисе: — Посмотри!

Глава 19

НАСТУПАЕТ РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

Алиса увидела, как на перрон вокзала выезжают тираны. Сначала выползла черепаха с пушкой. Шрип отвел пушку и замер, оглядываясь. Затем Орел-Хохотуша набрал в мешок картошки и принялся заталкивать клубни в дуло пушки.

Генералиссимуса не было видно.

— Все ясно, — сказал Уксу-ба, — часть врагов пошли в обход. Их мы и будем опасаться.

— Что будем делать, генерал? — Зеленый юноша сразу признал в Уксу-ба начальника и командира.

— Переменим позицию на более выгодную, — ответил тиран. — Алиса, тебе я доверяю управление локомотивом. Ты пойдешь вперед. Я сам останусь здесь и буду управлять сражением, а ты, Гамлет, немедленно отправляйся на орудийную платформу. Не теряйте ни секунды, сейчас начнется штурм.

И тут же, как бы в ответ на слова Уксу-ба, в дверь вагона постучали.

— Кто там? — спросил тиран.

— Это Шрип, — ответил голос, — мы предлагаем вам сдаться. За это мы сохраним вам жизнь и возьмем только поезд. Все равно он тебе уже не нужен.

— Давайте же! — торопил Уксу-ба Алису и Гамлета. — Не теряйте времени!

Русал остался на платформе с высокими железными бортами, возле странного сооружения. Рядом с сооружением лежали кучей кочаны капусты и такие гигантские тыквы, которых Алисе и видеть еще не приходилось.

Алиса же побежала дальше, через пустой вагон и оказалась в паровозе.

— Ну как? — услышала она голос Уксу-ба. — Ты на месте?

— На месте, — ответила Алиса.

— Ты видишь рычаг красного цвета?

— Вижу.

— Если ты повернешь его направо, поезд поедет вперед, если вверх, то он остановится. Если повернешь налево, то поезд покатится назад. Тебе понятно?

— Все понятно, мой генерал! — сказала Алиса.

— Тогда полный вперед! Рычаг направо. Только не очень торопись.

Что-то застучало по стене паровоза.

— Что это? — спросила Алиса.

— Они начали обстрел, — сказал Уксу-ба. — Похоже на орехи.

«У-у-ух-ух-ух», — медленно заговорил паровоз. Поезд дернулся, покачнулся и двинулся с места.

Алиса посмотрела в узкое окошко справа от себя и увидела, как Орел-Хохотуша сыплет в пушку картофелины, а из-за угла вокзала выглядывает генералиссимус, который оттягивает единственным пальцем большую рогатку, прикрепленную к креслу.

Алиса еле успела спрятаться, как в щель влетел железный болт.

Наверное, вам смешно читать о войне, снарядами в которой служат картофелины и гайки. Но если бы у тиранов было оружие посерьезнее, они бы закидали Алису гранатами.

— Полный вперед! — приказал по внутреннему телефону Уксу-ба.

Алиса повернула рычаг еще правее — увидела, как за бойницей исчезло здание вокзала и вместо него показались зеленые деревья. Колеса паровоза все быстрее и быстрее постукивали на стыках рельсов.

— Не так быстро, — прикрикнул на Алису Уксу-ба, — а то с рельсов сойдем!

Алиса чуть отвела рычаг влево, и Уксу-ба приказал зеленому Гамлету:

— Из орудий главного калибра по скоплению противника залпом, огонь!

Алиса взглянула назад — у кабины паровоза не было задней стенки — и увидела платформу, на которой возле странного сооружения стоял зеленый русал. Он оттянул громадную деревянную ложку, из которой можно было бы накормить кита, положил в нее большой кочан капусты и отпустил.

«Да это же катапульта!» — догадалась Алиса. Правда, прежде ей не приходилось видеть настоящей катапульты, но она знала, что у древних греков и римлян катапульты были самым любимым оружием — они перекидывали из катапульт камни, а то и бочонки с горящим маслом через высокие каменные стены.

Кочан капусты, как отрубленная зеленая голова великана, полетел по высокой дуге к вокзалу, где укрепились преследователи. И надо же было ему угодить точно по пушке Орла-Хохотуши! Пушка опрокинулась.

— Давай еще! Стреляй же! — кричал Уксу-ба. Алиса не знала, что ей делать: то ли подать поезд назад, то ли ехать вперед.

На всякий случай она остановила поезд.

Второй кочан сшиб с ног медсестру Увару Тихеньевну.

Она лежала и кричала:

— Но ведь я совсем ни при чем! На мне красный крест нарисован!

— Поехали вперед, — сказал по телефону Уксу-ба, — а то в самом деле ты, Гамлет, стреляешь куда ни попадя.

— Вот сейчас прилетят пираты, — вопила веревка Шрип, — они вам за всех нас отомстят!

Алиса повела паровоз вперед, но проехать им удалось недалеко.

Впереди на рельсах лежало бревно. Кто-то перегородил железнодорожные пути.

Алиса резко перевела рычаг влево и ударилась головой о переднюю стенку кабины. Сзади раздались крики Гамлета и Уксу-ба, которые тоже не удержались на ногах.

Глава 20

ПОДВОДНЫЙ БЫК И ЕГО КРОКОДИЛЫ

— Впереди лежит бревно, — сказала Алиса. — И, кстати, я ушиблась.

— Какое еще бревно? Мы же оторвались от противников, — удивился Уксу-ба.

— Это не бревно, — сказал зеленый Гамлет. — Это боевой крокодил.

— Нам еще крокодилов не хватало, — обиделся Уксу-ба. — Мы победили в первом бою, здесь ни одного тирана быть не должно... Гамлет, дружочек, стрельни, пожалуйста, по крокодилу, пускай он уйдет с дороги.

Гамлет развернул катапульту, заложил кочан покрепче и запустил крокодилу точно в голову. Но крокодил оказался хитрее.

Крокодил хлопнул пастью — и проглотил кочан.

Алисе показалось, что крокодил улыбается.

— Что будем делать, начальник? — спросил Гамлет.

— Вылезай и бейся врукопашную, — приказал Уксу-ба.

— А если он меня победит?

— Тогда мы будем петь о тебе песни!

— А может, толкнем его паровозом?

— У нас паровозов на всех крокодилов не напасешься! Сейчас же вылезай и убери это проклятое пресмыкающееся. Иначе нас догонят и победят.

— Они и так нас догонят. Куда нам деваться?

— Ничего подобного. Скоро, за поворотом, тоннель. Мы в него въедем и будем там прятаться, пока не прилетит патрульный крейсер. У меня все рассчитано. Иди, иди, не тяни время!

Русал вздохнул, спрыгнул с платформы, вытащил меч и пошел к крокодилу.

— Сейчас он ему покажет! — сказал Уксу-ба.

Русал подошел к крокодилу и замахнулся мечом.

Крокодил медленно повернул голову в его сторону и широко раскрыл пасть, словно зевнул от скуки. И тут Алиса поняла, что отважный Гамлет может целиком поместиться в этой пасти.

Русал попытался рубануть крокодила мечом по носу. Крокодил мгновенно прыгнул в сторону русала, русал отшатнулся, споткнулся о шпалу и грохнулся на рельсы.

И тут Алиса поняла, что только она может помочь русалу, нажала на кнопку с надписью «Свисток», и паровоз засвистел так громко, словно хотел разбудить лес и горы.

Крокодил, уже готовый проглотить русала, замер с открытым ртом.

Алиса заметила, что от воды к крокодилу бежит зеленая девушка. «Так это же русалка!» Алиса ее уже видела, когда прилетела.

Она снова нажала на свисток, чтобы предупредить девушку.

Но та словно и не замечала зеленое бревно с разинутой пастью на рельсах.

— Гамлетик, мой дорогой жених! — кричала она. — Ты пришел меня освободить!

Крокодил удивился и повернул голову в сторону русалки.

Вернее всего, ему в жизни не приходилось видеть сразу столько зеленых людей.

Увидев русалочку, которая неслась к крокодилу, распустив свои зеленые локоны, зеленый юноша забыл о врагах и кинулся ей навстречу. Он высоко подпрыгнул, подхватил русалку, и они покатились по склону к реке.

Алиса вздохнула с облегчением и направила паровоз на крокодила. Паровоз выпустил струи пара и дыма, гудел и пыхтел.

И нервы крокодила не выдержали.

Он закрыл пасть и начал пятиться. Потом потерял равновесие и покатился в речку следом за женихом и невестой.

Алиса беспокоилась за русала Гамлета. Поэтому она резко повернула рукоять управления налево, бронепоезд вздрогнул и замер. Уксу-ба что-то кричал, но Алиса его не слушала. Она выскочила из паровоза и в два прыжка оказалась на платформе возле катапульты.

И вовремя.

Сверху ей было видно, как, скатившись к воде, русал и русалка запутались в камышах, так что были видны только их головы.

— Я так тосковал по тебе! — твердил русал.

— Я умирала без тебя! — повторяла русалка.

— Я убью этого тирана! — говорил русал.

— Он издевался надо мной, — жаловалась русалка.

Алиса боялась, что крокодил опомнится и накинется на русалок снова, но опасность исходила вовсе не от крокодила.

— Если он мне попадется, — сказал русал, — я его разорву на части, как Геркулес льва.

И тут вода в реке расступилась — и послышался низкий голос, который Алисе уже приходилось слышать:

— Кто здесь хочет разорвать меня, как Геркулес льва?

— Ой, он услышал! — закричала русалка. — Это сам господин Подводный Бык.

— Вот именно. — И Подводный Бык выплыл на мелкое место.

Подводный Бык оказался мало похож на быка, а уж тем более на подводного.

Это была гигантская синяя жаба, размером почти с корову. На плоской голове жабы были видны короткие загнутые рожки, как на шлеме древнего викинга. Наверно, поэтому ее прозвали быком.

— Как ты посмел, — сказал Подводный Бык, — нарушить правило Галактической федерации! Как ты посмел поднять руку на мою собственность. Мне же разрешено взять с собой самую любимую и нужную вещь! Русалка Эсперанца и есть эта вещь! Долой, ничтожество!

— Я ее люблю, — заявил русал смело, хоть ему, конечно,

было очень страшно — каждая лапа этого Подводного Быка была толще его туловища. — Я прибыл на эту планету специально, чтобы ее увезти.

— Кстати, — спросил задумчиво Подводный Бык. — А как тебе удалось сюда добраться?

— Мы сделали водяной метеорит, — ответил русал, — меня в нем заморозили и пустили в вашу сторону. Это было нелегкое путешествие. А когда мой ледяной метеорит вошел в атмосферу, то он растворился, и я упал в океан.

— Значит, никто не знает, что ты здесь, воришка?

— Знают мои союзники, — сказал Гамлет, — Алиса Селезнева, которая управляет этим поездом, и тиран Уксу-ба, который им командует.

— Ну недолго им командовать и управлять, — сказал Подводный Бык. — И учти, что у меня зубы хоть и маленькие на вид, но каждый нечетный — ядовитый.

И он раскрыл свою гигантскую пасть и протянул когтистые толстые лапы к отважному русалу.

Крокодил, который к тому времени оправился от падения и наблюдал за этой сценой, тоже раскрыл пасть, чтобы поживиться кусочком русала.

И в этот самый печальный и даже трагический момент Алиса натянула рогатку катапульты, заряженную свеклой в несколько килограммов весом, и отпустила спуск.

Могучей бордовой гранатой свекла пролетела по крутой дуге и угодила точно между глаз Подводному Быку.

— Это что... — только и успел сказать Подводный Бык, опрокинулся назад и упал точно на крокодила, который в ярости вцепился в толстый скользкий зад гигантской жабы. Подводный Бык от боли подлетел до вершин деревьев и тяжело поскакал прочь.

Глава 21

НЕСКЛАДНАЯ СУДЬБА ПОДВОДНОГО БЫКА

Откуда безмозглому крокодилу было знать, что Подводный Бык — самый ядовитый из тиранов, который мстит судьбе за свою нелепо сложившуюся жизнь.

Родом Подводный Бык был с планеты Кви-да-ква, место

это болотистое, но экзотичное. Туда съезжаются любители лягушачьего пения со всей Галактики.

Каждая вторая лягушка обладает там чудесным голосом, каждая десятая может поспорить с Карузо, каждая сотая — музыкальный гений, сродни певице Вишневской. Самые знаменитые на планете лягушки — певцы. Они живут в самых глубоких болотах и едят самых вкусных мух.

И вот лет тридцать назад в одном обыкновенном болоте родилась одна обыкновенная лягушечка, обычный головастик, которого сразу отдали в музыкальную школу.

И тут обнаружилось, что у лягушонка, которого за крепкое сложение прозвали Бычком, совсем нет музыкального слуха, а с голосом — ну просто безобразие.

Представьте себе положение ни в чем не повинного ребенка, который вынужден быть самым последним в классе, хотя он красив собой, широк в задних лапах и отличается ярким синим цветом.

На любой планете, если ты не стал певцом, ты можешь стать вагоновожатым или пожарником. Но и в пожарных командах планеты Кви-да-ква, и в бригадах сцепщиков вагонов первое место отдавалось лучшим квакальщикам.

И вот возник конфликт. И, может, Бычок нашел бы себе место в жизни, стал бы грузчиком или шахтером, но он, как назло, вырос самым сильным на улице да насмотрелся по телевизору на соревнования культуристов. И занялся спортом.

Спорт, как вы понимаете, на музыкальной планете не в почете. Так что конкуренции у Бычка не было. В десять лет он уже побил чемпиона континента по кикбоксингу, но его любимая лягушечка, с которой он учился в одном классе, и внимания не обратила на такой подвиг, а ушла прыгать в лужу с немощным тенором.

А Бычок все тренировался, принимал запрещенные лекарства, которые увеличивали мышцы, ел только сырое мясо и стал грозой всех спортсменов на планете. Он вырос настолько, что однажды нечаянно наступил на домик своих родителей и раздавил его. Так он остался сиротой. На похоронах Бычок плакал, но наблюдательные лягушки заметили, что плачет он крокодильими слезами, а это среди лягушек считается дурным тоном.

В тупой рогатой голове Бычка, который заставлял теперь называть себя Подводным Быком, жила только одна идея — прославиться как лучшему певцу планеты Кви-да-ква.

Но чем больше безумствовал Подводный Бык, чем больше он сгонял силой лягушек на свои концерты, тем больше над ним смеялись. Именно смеялись!

И когда Подводный Бык вырос размером с корову и даже зубы у него от злости стали ядовитыми, он собственноручно захватил власть на планете, объявил себя Шеф-тенором и приказал по всем программам радио и телевидения передавать песни только в его исполнении. На концерты Шеф-тенора было приказано ходить после работы в обязательном порядке.

Так как это не дало нужного эффекта, Подводный Бык пошел на следующий шаг. Во-первых, он запретил всем, кроме себя, петь. Во-вторых, он приказал отрубить языки всем, кто пытался это сделать даже под одеялом или в собственном подвале.

Разумеется, гости перестали прилетать на эту планету, и на ней наступила гробовая тишина. По вечерам, заткнув уши ватой, лягушки шли в главный концертный зал, где из большой мраморной ванны весь вечер выл тиран и диктатор.

И наконец это кончилось тем, чем и должно было кончиться, — лягушки всех стран объединились, связали тирана и выгнали его с планеты.

И Подводный Бык попал на планету Тишина.

Из всех ценностей мира он хотел взять трубу бас-геликон.

Трубу ему дали, и Подводный Бык каким-то хитрым образом засунул в трубу геликон несчастную русалочку, которую полюбил последней старческой любовью. Он обещал ей, что будет петь с утра до вечера, но, к счастью для русалочки, в первый же день прибытия на Тишину Подводный Бык пригласил прочих диктаторов и дал им сольный концерт.

Диктаторы народ суровый. Его послушали ровно шесть минут, затем Шрип запустил ему в голову бананом, а генералиссимус выстрелил желудем точно между глаз. Дерево медленно вытащило из земли корень толщиной в человеческую руку и стегануло его так, что Подводный Бык свалился в омут. А Орел-Хохотуша подбежал, переваливаясь, к берегу и закричал:

— Если ты издашь еще один музыкальный звук, мы отнимем у тебя русалку!

— Только не это! — закричал из воды Подводный Бык и ушел в глубину придумывать страшную месть. Но на планете тиранов придумать страшную месть трудно. Поэтому Подводный Бык сделал вид, что он с ними заодно, а потом уж — будь

что будет. Может, удастся захватить пиратский корабль. Тогда он будет летать по Вселенной, стрелять из пушек, а для тех, кто останется в живых, устраивать сольные концерты популярных песен.

Пока Подводный Бык, ревя от боли, прыгал среди деревьев на откосе, Уксу-ба по телефону приказал своим спутникам:

— Русалки — к катапульте! Алиса — полный вперед! Нам немного осталось до тоннеля.

Русал и русалка с трудом забрались на платформу, от волнения у них подкашивались тонкие зеленые ноги.

— А ты, Алиса, молодец, — сказал Уксу-ба. — Ловко угодила Подводному Быку в переносицу! Вперед, к победе!

Алиса обернулась и увидела, что русал с русалкой стоят рядом с катапультой, держась за руки и не отрывая взгляда друг от друга. Так они проглядят любую опасность. Но Алиса понимала, что ей до них не докричаться, и потому повернула рычаг направо, и поезд начал разгоняться, весело пыхтя и стуча колесами по рельсам вдоль берега реки.

Дорога постепенно закруглялась, и впереди Алиса увидела черное пятно — вход в тоннель, где Уксу-ба и собирался отсидеться, отстреливаясь, пока не придет подмога.

Но сделать это они не успели.

Глава 22

ПРИЛЕТ ПИРАТОВ

Сверху, с облаков, не спеша и совершенно бесшумно, спустился потрепанный, погнутый старый космический корабль. Конечно, не такой, как малыш Гай-до, а настоящий, даже на вид боевой, черный, сверкающий, без опознавательных знаков и иллюминаторов, лишь на его боках были нарисованы черепа и скрещенные кости. Много черепов с костями.

И никто, кроме Алисы, не знал, что каждый череп означал сбитый, погубленный, уничтоженный корабль. Причем не только военный — с военными кораблями пираты, как известно, встречаться недолюбливают. Каждый череп напоминал о горькой судьбе пассажирского лайнера, торгового судна или исследовательского корабля.

Пиратский корабль медленно опустился прямо на рельсы,

и те под его тяжестью расползлись в стороны. Тут же спереди отворился люк.

Алисе ничего не оставалось, как резко затормозить — иначе поезд врезался бы в пиратов или, в лучшем случае, сошел с рельсов и свалился в реку.

— Что там у вас? — крикнул Уксу-ба, да тут же замолк: видно, выглянул в окно и понял, с кем имеет дело. А вот русал этого не понял. Он быстро выстрелил из катапульты, и именно в тот момент, когда люк открылся и в нем появился во всей своей красе известный старый пират Весельчак У. Тут-то капустный кочан бабахнул его по голове так, что пират свалился внутрь корабля.

Наступила страшная пауза.

Электронная пушка корабля медленно повернулась и направила свое дуло на паровоз.

Алиса поняла: еще секунда — и все погибнут, и ничто не может остановить этой гибели.

Но тут со всех сторон донеслись вопли.

— Не стреляй! — кричал в бойницу Уксу-ба. — Поезд разобьешь!

— Не стреляй! — кричал поднявшийся с пола Весельчак У. — Нам же тогда ничего не достанется!

— Не стреляй! — кричали вразнобой сзади.

Помост, привязанный к двум крокодилам, медленно плыл по реке. На помосте разместились все тираны.

В кресле сидели остатки генералиссимуса Снарядетти.

Рядом, понурившись, стояла уставшая медсестра.

Шрип вытянул свою головку вверх метров на пять и раскачивался, готовый превратиться в петлю и схватить жертву за горло.

Орел-Хохотуша стоял на краю помоста и целился вперед из рогатки, которую он зарядил небольшой картофелиной. При этом он пел:

Чего ж я не сокол, чего ж не летаю!
Чего же из пушки так метко стреляю?
Когда все снаряды я перестреляю,
Мне выдадут орден, а может, медалю!

А Алиса как заколдованная смотрела на пиратский корабль и ждала выстрела.

Но выстрела не последовало.

Сначала из люка вышел Весельчак У — самый толстый

космический пират в мире. На лбу у него вспухла большая шишка.

Держась за лоб, пират спустился на рельсы.

За ним выглянул, но не стал вылезать еще один пират. Был он невелик ростом, с очень странным лицом — сильно вытянутым вперед и немного вниз, нос был на конце красным, глаза черными, и лоб пересекала черная прядь волос.

— Крыс! — невольно воскликнула Алиса.

— Какая встреча! — ответил пират Крыс, увидев, как Алиса спускается по лесенке с паровоза.

— Крыс, — сказал Алиса. — Как тебе не стыдно? Зачем ты украл в зоопарке голкоров, зачем ты связался с этими наглыми тиранами? Ты же сколько раз обещал уйти на отдых и не портить жизнь в Галактике.

— Если я уйду, — ответил пират, — всем сразу станет скучно. За кем будут гоняться патрульные крейсеры? Кого будет искать ИнтерГалактическая полиция во главе с комиссаром Милодаром? Чьим именем будут пугать детей на всех планетах?

— Вот тут ты не прав! — взревел из реки Подводный Бык, который спустился к воде и окунул в нее укушенный крокодилом зад. — А мы на что? Мы же настоящие тираны! Вам, простым пиратам, никогда за нами не угнаться. Мы если убиваем, так тысячами и миллионами, если разрушаем, то целые города! У меня во дворце висели портреты великих полководцев и завоевателей, и возле каждого было написано, сколько невинных людей он загубил. Тебе никогда не сосчитать! Да здравствуют тираны!

— Мальчики, мальчики, — вмешалась в разговор медсестра Увара Тихеньевна. — Ну что за споры. Вы все лихие непобедимые злодеи, но не забывайте, сюда летит патрульный крейсер. Чем скорее пираты вывезут отсюда вас и этот поезд, тем лучше. В любой момент в Галактическом центре могут хватиться инспектора, которого мы держим в подвале.

— Патрульный корабль будет здесь только через четыре часа, — отмахнулся Весельчак У.

— Откуда вам это известно? — спросила медсестра.

— От верблюда! — огрызнулся невоспитанный Весельчак У. — Им на нас наябедничал Гай-до, летающий ночной горшок.

— Этого еще не хватало! — закричал генералиссимус,

кресло с которым медсестра выкатила на берег. — Почему вы его не сбили?

— Его собьешь! — сказал Крыс. — Он же быстроходнее всех кораблей, да к тому же хитрый. Спрятался за какой-нибудь горой, ищи его! Да не бойтесь. Он не может нам навредить. Оружия на нем нет!

Эти слова успокоили тиранов. Орел-Хохотуша сразу спросил:

— А мне можно уже к вам на корабль?

— Ты тиран? — спросил Крыс.

— Еще какой!

— И я тиран! — закричал Подводный Бык.

— Может, я не похож на тирана, — сказал Шрип, — но я тоже известный угнетатель.

— Все тираны? — спросил Крыс. — Еще есть?

Алиса увидела, как Уксу-ба тихонько пролез через платформу и заполз в кабину паровоза. Интересно, что ему там понадобилось?

— Еще есть один, — сказала Увара Тихеньевна, — зовут его Уксу-ба, он как раз хозяин этого драгоценного поезда, который мы вам подарим в обмен на вашу помощь.

— Так где этот поезд? — спросил Крыс.

— Неужели не видите? — улыбнулась своей доброй улыбкой медсестра. — Вот он.

— Но это же старинный грязный серый поезд, в нем нет ничего драгоценного!

— Он только кажется обыкновенным и серым, — сказала медсестра, — а под краской — весь из драгоценных камней. Не верите — посмотрите сами.

Тем временем русал и русалка спрыгнули с платформы и попытались скрыться в кустах. К несчастью, это заметил Подводный Бык.

— Держи мою пленницу! — закричал он. — Хватай мою рабыню!

Одним прыжком гигантская жаба перескочила через поезд и помчалась за русалкой и русалом, ломая кусты. Орел-Хохотуша кинулся было на помощь Подводному Быку, но тут все увидели, как поезд дернулся, дрогнул и, набирая задний ход, покатился прочь от корабля пиратов. В кабине его сидел Уксу-ба и изо всей силы толкал рычаг налево.

— Никогда вам не видать моего поезда! — кричал он.

— Держи его! — вопила медсестра.

— Держи его! — кричали остальные тираны.

— Придется пристрелить водителя! — Крыс поднял бластер.

— Крыс! — закричала Алиса. — Тебе сначала придется убить меня и Гай-до. Подумай!

— Ты с ума сошла, — возмутился Крыс. — Я твой враг на всю жизнь. Если я тебя убью, о чем Кир Булычев будет писать свои книжки?

Но пока он произносил эти разумные слова, длинная веревка Шрип поднял свою голову метра на четыре и начал раскачиваться и закручиваться, как индеец закручивает свое лассо. Затем Шрип ловко метнул самого себя, влетел в кабину паровоза, обхватил Уксу-ба за шею и так дернул, что тот взлетел в воздух и, вырвавшись из зверской хватки Шрипа, улетел в реку.

Глава 23

КАК ПОГИБ ТИРАН

Поднялся фонтан брызг — и, о ужас! — к Уксу-ба как стрела кинулся крокодил.

Он раскрыл пасть, и несчастный тиран планеты Уксу пропал в ней. Крокодил облизнулся и в секунду исчез под водой, словно его и не было.

Остальные тираны замерли от неожиданности и испуга.

— Ну вот это зря! — в конце концов крикнул с откоса Орел-Хохотуша, который застрял в кустах, так и не догнав русалок. — Так тиранами кидаться нельзя. Мы — товар штучный.

— Но я же не знал, что его крокодил подхватит, — ответил Шрип.

Даже Подводный Бык забыл о русалках, и по его жабьей морде катились слезы.

— А он ведь был славный парень, — прорычал он, — мы с ним такие веселые соревнования устраивали — кто больше комаров прихлопнет за пять минут. Так он всегда меня обыгрывал.

— Спи спокойно, дорогой боевой товарищ, — вздохнул генералиссимус.

Только добрая женщина-медсестра сказала строгим голосом:

— Хватит, разнюнились! А ну отойдите, я сама подгоню поезд к люку.

Медсестра ловко прыгнула в кабину паровоза и подогнала поезд к люку корабля пиратов. Весельчак У, который, как известно, отличается немалой силой, потер рукавом паровоз, чтобы проверить, на самом ли деле он под краской драгоценный.

У Алисы появилась идея. Она обернулась к доброй медсестре Уваре Тихеньевне и спросила:

— У вас случайно нет слабительного для крокодилов?

— Зачем? — удивилась медсестра.

— А вдруг Уксу-ба еще цел?

— Слушай меня, девочка, внимательно, — сказала медсестра. — Во-первых, этот негодяй Подводный Бык развел в реке две дюжины крокодилов, и даже если я буду их пытать до утра, ни один не сознается, что именно он проглотил несчастного тиранчика. Я же — гуманистка. И не намерена терзать и пытать несчастных животных.

— Еще чего не хватало! — закричал тут Подводный Бык. — Крокодилы — моя собственность. Неужели я позволю резать им животы ради какого-то международного преступника!

Алисе стало грустно. Все эти люди и нелюди думают о своей выгоде. И хоть Уксу-ба был не самым лучшим из людей, все-таки скармливать его крокодилам без суда нехорошо.

— А может, девочка права? — вдруг раздался голос генералиссимуса. — Может, перестреляем крокодилов к чертовой бабушке? Все же человек — это звучит гордо, а крокодил — это звучит совсем не гордо.

— Стреляй, — сказала тогда Увара Тихеньевна. — Стреляй из своей пушки орешками. Кто тебе, недоумку, даст в ручку настоящее оружие?

— Уварочка! Здесь же чужие люди! Может пострадать моя репутация, — прошептал генералиссимус.

— Сейчас не до нее! Нельзя терять время даром!

Голос доброй медсестры прозвучал так четко и громко, что всем сразу захотелось ей подчиниться. Вылез из воды Подводный Бык. Заторопилось дерево Ивушка, которое запоздало, потому что слишком медленно перебиралось вброд через реку.

— Меня не забудьте, — шелестело дерево, — меня не забудете, и я не забуду.

Орел-Хохотуша прыгал по крыше вагона и скреб ее когтями, чтобы содрать краску, но лапки у него были слабенькие, да и не очень-то он старался.

Алиса не могла отвести глаз от медсестры.

— Ты правильно поняла, — сказала медсестра, уловив ее взгляд. — Я и есть голова, которая думает за всех. Без меня эти идиоты сидели бы по своим норам и планировали заранее проигранные сражения. Но я не люблю корон, «Кадиллаков», почетных караулов и приютов моего имени. Я — скромная тихая женщина, но я люблю порядок. По-ря-док! А люди, моя милая Алисочка, такие беспорядочные существа, что их все время приходится наказывать. Ради их блага!

— Давай, давай! — кричал из люка Крыс. — Майна! Вира!

— Что он кричит? — спросила медсестра.

И лицо у нее было совсем не таким добрым, как сначала показалось Алисе. Ведь если тебе говорят: вон та тетя добрая, она медицинская сестра, ты уже смотришь на нее как на добрую женщину и медицинскую сестру. Но если эта медицинская сестра призналась тебе, что она только притворялась сестрой, а в самом деле она тиран и диктатор, — тебе ее лицо уже меньше нравится.

— Это старинные слова грузчиков, — сказала Алиса, — они значат вверх и вниз. Но вы не досказали мне, как стали тиранкой, — напомнила Алиса.

— Ах, это так просто! В диктаторах у нас состоял мой дядя, которого я сделала генералиссимусом и главным завоевателем. Ему это нравилось. Тебе нравилось воевать, дядя?

— Это славное занятие! — ответил генералиссимус из кресла. — Если бы у меня было еще пять-шесть рук и голов, я бы сейчас не здесь сидел — я бы уже Красную пустошь покорил и Половинный хребет снес бы до основания.

— Ты у меня умница. — Увара Тихеньевна почесала полководца за ухом. — Народ моей планеты, — продолжала она, — ненавидел бесконечные походы, мобилизации, бомбежки и сражения, но долго никто не мог догадаться, что сестра милосердия, которая никогда не отходит от израненного героя, и есть его голова и воля. Его искалеченной ручонкой я водила по карте, готовя бои и сражения, к его глазу я прикладывала подзорную трубу, чтобы он лучше разглядел, по какому детскому садику шарахнуть бомбой. Мы намеревались бороться за единство нашей великой планеты, пока на ней не останется ни одного лишнего человека! Не вышло... Проклятые миротворцы выгнали нас с планеты! Но мы вернемся, продадим

поезд Уксу-ба, получим от пиратов оружие — и в поход за мир во всем мире!

Медсестра тихо и даже нежно засмеялась.

— Вообще-то я добрая, я пироги печь люблю, мне бы внучат развести.

— Так что же вы медлите? — спросила Алиса.

— Не могу. Времени нет, долг не позволяет. Ты не представляешь, Алисочка, сколько еще на свете всякой мерзости, грязи и неорганизованной преступности — а ведь всех надо уничтожить, чтобы люди счастливо жили.

— Я думаю, — тихо произнесла Алиса, — что я еще в жизни страшнее вас человека не встречала.

— Ну что ж, это хорошо, — сказала медсестра. — Ты первый человечек, перед которым я раскрылась, и ты первая, кто меня понял. Ведь когда моего дядю изгоняли с планеты, меня так все жалели, так жалели, что я добровольно отправляюсь с ним в изгнание. А я чуть от смеха не лопнула! Ну, думаю, покажу я вам, как меня жалеть!

Глава 24

КТО СТРАШНЕЕ?

— Может, не стоит вам связываться с такими негодяями? — спросила Алиса у Крыса, который командовал погрузкой. — Ведь вы становитесь сообщниками страшных преступников.

— Значит, ты считаешь, что мы — космические пираты, — улыбнулся Весельчак У, — не такие страшные преступники, как эти?

— Сравнивать вас будет суд, — твердо сказала Алиса. — Но вы, пираты, как паразиты, как блохи, а тираны — это ядовитые пауки, это скорпионы, от которых никому нет пощады!

— Кто-нибудь, пожалуйста, при случае расстреляйте эту девочку, — попросил генералиссимус. — Мне еще никто никогда не говорил таких противных слов.

— Полезно лишний раз услышать правду, — сказала медсестра. — И подумай, какую пользу ты принес, проведя сто сражений и убив сто тысяч человек!

— Я стал генералиссимусом, — ответил ее дядя.

— Вот именно, — согласилась медсестра. — А мог бы остать-

ся полковником. Подводный Бык, вытащи наконец свой зад из воды и помоги мне работать. Неужели одна слабая женщина должна целый поезд в порядок приводить?

— Поворачивайтесь, поворачивайтесь, — прикрикнул на тиранов Крыс, — а то прилетит патрульный крейсер, и ваш поезд никому не понадобится.

Дерево Ивушка вылезло из воды и, медленно раскачиваясь на белых корнях, подошло к поезду. Оно обхватило ветвями вагон и кинуло его в люк пиратского корабля.

— Вот как надо работать! — сказало дерево. — За это попрошу обеспечить мне каюту по размеру и со всеми удобствами.

Тут же дерево с помощью Подводного Быка кинуло в люк платформу.

— Готово, — сказала медсестра. — Куда нам проходить?

— А никуда, — ответил Весельчак У, отступая к своему кораблю.

— Я вас не поняла, — сказала медсестра.

— Если бы вам подвалило такое сокровище, как поезд из драгоценных камней, — спросил Крыс, — неужели бы вы его отдали кому-то другому?

— Я? Да ни в жизнь! — крикнула медсестра. Но тут же спохватилась и добавила: — Ну, разумеется, это зависит от обстоятельств.

— Обстоятельства сложились так, что мы вынуждены вас покинуть, — сказал Крыс, — потому что мы вас не любим.

— Но мы же договорились, что будем помогать друг другу!

— Попрошу без оскорблений, — сказал Весельчак У. — Мы — честные космические пираты, порой грабим, порой хулиганим, но чтобы замучить собственный народ — никогда!

— Никогда! — подтвердил Крыс.

— Мы будем вам служить, — сказал Подводный Бык. — Мы с вами составим славную команду. Я, например, могу под водой сидеть часа три и за это время всех там перекусаю.

— А я взовьюсь к небесам, ах, к небесам! — воскликнул Орел-Хохотуша. — И разгоню тучи. Пусть всегда будет солнце!

— Вам нужна советница по стратегическим проблемам, — сказала медсестра. — Лучше меня вам кандидатуры не найти.

— Все, что могли, мы от вас получили, — отрезал Крыс. — Теперь поедем торговать, менять и получать выгоду. Адью!

И в этот момент сзади послышались голоса.

— Стойте! — кричал робот Кристалл, похожий на сейф.

— Стойте! — кричал инспектор Карло Жерардо, который

ехал у него на плечах. — Вы совершаете роковую ошибку. Отсюда нельзя улетать.

— Это что за явление? — спросил Весельчак У.

— Я инспектор планеты и официальное лицо! — кричал Карло. — Я требую, чтобы вы сдались!

И тогда все внимание озлобленных тиранов обратилось на несчастного Карло.

Растопырив руки, лапы и все, что могли, они направились к Карло, чтобы его убить.

Медсестра Увара Тихеньевна со шприцем, наполненным ядом, катила перед собой кресло-каталку с генералиссимусом, который целился в Карло из своего пистолета.

Рядом шагал Подводный Бык, опустив рога, чтобы пронзить Карло. Веревка Шрип раскачивал головкой, чтобы наброситься на Карло и удушить его.

Дерево Ивушка тянуло к Карло свои ветви, чтобы свернуть ему шею. Крокодилы выползли по пояс на берег, любуясь зрелищем. Начался последний акт бунта тиранов.

И никто не заметил, что сверху с неба бесшумно опускался небольшой космический корабль Гай-до.

Глава 25

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Гай-до опускался, выставив перед собой, как тонкую руку, манипулятор, в котором держал баллон.

Алиса единственная заметила появление своего друга и подумала, что этот баллон она недавно видела.

В тот же момент ее браслет-передатчик зашептал голосом Гай-до:

— Алиса, ныряй в воду! У тебя три секунды.

— А Карло?

— Ныряй, потом разберемся! — крикнул Гай-до. У него тоже нервы были на пределе.

Алиса побежала через рельсы к реке.

Медсестра бросила взгляд на нее, но ненависть к Карло была так велика, что она выкинула Алису из головы.

Алиса рыбкой нырнула с берега и ушла вглубь.

Русал с русалкой, увидев прыжок Алисы, последовали за ней.

И вовремя.

Потому что из баллона широкой струей вылетел белый порошок. В мгновение ока легким облаком он окутал всех, кто был на берегу. Крыс взглянул вверх и увидел Гай-до.

— Ну вот это наглость! — закричал он. — Я же тебя из пулемета собью!

Но договорить Крыс не успел, потому что его охватил страшный зуд и чих. Все тело зачесалось так, что он начал срывать с себя одежду и выть. Крыс выскочил из корабля и покатился по траве.

Крыс налетел на Весельчака У, и вместе они врезались в диктаторов и тиранов, которые отчаянно чесались, ломая ногти и расцарапывая себя в кровь.

Даже Карло свалился с Кристалла и начал корчиться у его ног, даже крокодилы перевернулись брюхом кверху и раздирали себя когтями. И во всей этой сутолоке, в диких криках и воплях, в возне и суматохе не пострадала лишь Алиса, которая вынырнула на середине реки, не попав под порошок, русалки да робот-сейф, он же Кристалл, — ведь роботы не чешутся!

Алиса не смогла сдержать смеха. А ведь еще недавно она хотела выкинуть средство от насекомых, которое забыла на Гай-до Ирия. Вот что значит быть настоящей женщиной. Не выкинула — и пригодилось!

И вдруг Алиса увидела невероятную картину — из открытого люка пиратского корабля выскочили два странных существа.

Одно из существ было одето в длинный шелковый халат, но вот головы у него не было вовсе. А у второго была голова в противогазе и шаровары, а между маской и шароварами была пустота. Эти существа тоже чесались и извивались.

— Голкоры! — закричала Алиса. — Голкоры папины нашлись!

Голкоры в мучениях срывали с себя остатки одежды и вот-вот могли исчезнуть.

— Кристалл! — крикнула Алиса роботу-сейфу. — Лови вон тех двух, страшненьких, почти невидимых, — они наше зоологическое достояние!

И сама тоже побежала за голкорами.

Но следует признаться, что голкоры успели сорвать с себя одежды и пропали, так что бежать пришлось по следам, как за человеком-невидимкой.

— Чем ловить невидимок, — сказал робот Кристалл, — я

займусь наведением порядка. А то непонятно, зачем меня сюда прислали.

— Здесь порядка сейчас не наведешь! — крикнул с неба Гай-до. — Лучше давай улетим отсюда, а они сами пускай разбираются.

— Никогда! — громко ответил робот-сейф. — Никогда я не отступал с поля боя!

— Вижу, вижу, что ты был когда-то боевым роботом, — засмеялся Гай-до, — но, насколько я знаю, последний час ты просидел в яме, и ничего не случилось.

— Я чинил свою ногу, — сказал робот Кристалл. — А теперь намерен сражаться.

— Тогда слушай Алису. Командует она, — сказал Гай-до, который знал, что Алиса его не подведет.

Алиса наконец схватила голкоров, и Гай-до, нежно обняв манипуляторами, перенес их внутрь себя. Затем Алиса огляделa поле боя. Она понимала, что пройдет еще несколько минут, и все придут в себя. Ведь, в сущности, ничего не случилось — почешутся и вернутся к своим безобразиям. Значит... значит, надо было их оставить на необитаемом острове.

— Давай конец! — крикнула Алиса своему кораблю.

— Хах-хах-ха! Я горжусь своей хозяйкой! — засмеялся Гай-до.

В мгновение ока Гай-до выпустил буксирный магнитный зацеп и схватил им корабль пиратов.

Чмок — корабль пиратов прилепился к Гай-до.

— Заноси Карло в корабль пиратов! — приказала Алиса, и робот Кристалл тут же подчинился, потому что он привык подчиняться, когда ему приказывают. Затем он и сам забрался в корабль пиратов. — Русал, русалка, срочно бегите в корабль пиратов. Мы отчаливаем через минуту.

— О нет! — закричал Крыс, стараясь подняться. — Я вложил душу в мой корабль!

— Получишь его в ИнтерГалактической полиции у комиссара Милодара, — сказала Алиса. — Вместе со своей черной душой.

Русал Гамлет с невестой взобрались в пиратский корабль.

Гай-до задраил люк и спросил по внешней связи:

— Эй, на пиратской шаланде, к старту готовы?

— К старту готовы! — ответил робот Кристалл и захохотал басом. И тут же Гай-до, ведя на буксире пиратский корабль, поднялся в небо и взял курс на базу инспектора Карло Жерардо, которая, как известно, крутится на орбите вокруг планеты Тишина.

А те, кто остался внизу: диктаторы, пираты и крокодилы, — так мучились и чесались, что не сразу сообразили, что их оставили на необитаемом острове.

На станции русалки и люди тщательно вымылись с мылом, чтобы избавиться от порошка.

Потом попили чаю и решили, что Алиса полетит с русалом и русалкой на Гай-до к планете Уксу, волоча на буксире пиратский корабль, в котором лежит детская железная дорога.

А Карло будет ждать патрульного крейсера, которому все расскажет.

Только стали прощаться, как все планы рухнули.

Станция закачалась.

К ней со всего размаха причалил патрульный крейсер ИнтерГпола.

Люк в станцию распахнулся, и появился сам комиссар Милодар в полном боевом облачении, а за ним его ассистенты, помощники и адъютанты.

— Сдавайтесь! — рявкнул он с порога. — Ваша игра закончена. Я узнал эту пиратскую шаланду.

— Милодарчик, — взмолилась Алиса, — не надо. Мы с Гай-до уже все сделали.

— Что вы сделали? — спросил Милодар. Он только тут узнал Алису.

— Мы победили космических пиратов и всех тиранов и диктаторов Галактики.

— Шутки в сторону! — обиделся комиссар Милодар. — Я несся через всю Галактику, чтобы спасти вас! И вообще, неизвестно, на самом деле ты Алиса или переодетая пиратка?

К счастью, вошли Шехерезада и Кора Орват.

— Милодар, — стали они умолять великого сыщика, — мы знаем Алисочку и клянемся тебе, что это она.

— Вы хотите сказать, что девочка двенадцати лет может победить космических пиратов, захватить в плен их корабль и изолировать на планете всех тиранов?

— И спасти меня, — скромно добавил инспектор Карло.

— И вернуть мою любовь, — вздохнула русалочка.

— Может, — сказала Шехерезада. — И когда Алисочка отвезет на планету Уксу детскую железную дорогу, я попрошу ее найти моего любимого мужа Синдбада Морехода. Ты согласна, Алиса?

— Конечно, согласна, если мама отпустит, — сказала Алиса.

— Какая мама не отпустит моего агента номер один! — закричал комиссар Милодар.

— Ты не знаешь моей мамы, — ответила Алиса.

— Тогда я поговорю с отцом!

— Когда будешь говорить с отцом, — сказала Алиса, — не забудь его порадовать. Я нашла его голкоров.

— Где они? Где они? Почему я их не вижу? — спросил комиссар.

— Потому что они невидимы!

— А как же их найти?

— Пускай Шехерезада отнесет им несколько своих нарядов. Голкоры обожают яркие одежды.

— Хоть сейчас! — сказала Шехерезада.

— Не смей раздеваться! — крикнул комиссар Милодар. — Здесь же дует! Ты простудишься.

— Бывают же такие наивные комиссары! — воскликнула Шехерезада. — Неужели вы думаете, что на свете есть принцесса, которая отправится в космическое путешествие, не взяв с собой по крайней мере дюжины платьев?

С этими словами Шехерезада вышла из отсека, а комиссар принялся расспрашивать Алису о том, как ей удалось справиться с восстанием тиранов.

Потом робот Кристалл принес всем чай. Алиса и ее друзья расселись вокруг стола, дверь отворилась, и вошла Шехерезада.

— Садись к нам, — сказал Милодар, — а то чай остынет.

Он подвинулся, чтобы Шехерезаде было куда сесть, но тут же смертельно побледнел и схватился за сердце.

Потому что у Шехерезады не было лица.

Платье было, туфли с загнутыми носками были, кашемировая шаль была накинута на волосы... а лица не было.

Следом за Шехерезадой появилась еще одна Шехерезада.

И у нее не было лица!

— Кажется, я схожу с ума, — прошептал Милодар.

И вот тогда вошла третья Шехерезада, самая настоящая, с лицом и даже улыбкой на лице.

— Ах, комиссар, комиссар, — произнесла она под общий смех, — неужели вы не можете отличить принцессу от голкора?

СЫЩИК АЛИСА

Глава 1

КОЛЕСА ДЛЯ БОГОМОЛА

Если ты приходишь домой и тебе надо делать уроки, то во дворе обязательно светит солнце, в городе открылась Ярмарка Чудес, Пашка Гераскин, который делает только то, что ему хочется, зовет тебя купаться на остров Родос, а марсианский богомол так скрипит старыми суставами, что хочется убежать на Северный полюс.

— Поля! — крикнула Алиса, кидая ранец с компьютером в угол. — Поля, куда ты задевался?

Робот — домашний работник по имени Поля, оказывается, давно уже стоял в дверях, укоризненно склонив набок железную голову. И где только он научился так склонять голову?

— Вы меня звали, госпожа? — спросил он.

В последние годы робот читал только дамскую литературу, предпочитая романы о графинях, которые безнадежно влюбляются в недостойных баронов, в то время как благородные маркизы вздыхают в оранжерее. И хоть все смеялись над увлечением робота, разубедить его в том, что дамская литература никак не относится к настоящей жизни, было невозможно. И больше всего он страдал от того, что не умеет плакать. Ведь героини его любимых романов буквально не просыхали от слез. Однажды он даже намазал себе «слезы» подсолнечным маслом и был посрамлен жестокосердными хозяевами.

— Виконт, — сказала Алиса роботу, понимая, что такое обращение — самый прямой путь к сердцу Поли. — Не будете ли вы так любезны придумать, чем смазывают суставы старых марсианских богомолов, чтобы они не мешали людям делать уроки?

— Давайте я сделаю уроки за вас, графиня, — ответил великодушно робот. — В последний раз.

— Благодарю вас, я сама, — сказала Алиса. — Так чем смазывают суставы богомолам?

— Попрошу не издеваться, — вмешалось в разговор полуметровое насекомое, пытаясь спрятаться под кровать. — Если я одинокое существо, заброшенное судьбой на чужую планету и вынужденное проводить остаток дней в плену у двуногих, это не означает, что по мне можно ходить ногами!

— Я же хочу сделать как лучше! — воскликнула Алиса. — Ты не будешь скрипеть. От этого выиграешь и ты, и все человечество.

— Суставы у меня внутри, — сказал богомол. — Вы что же, резать меня намерены?

— Тогда уходи! — приказала Алиса. — И ты, Поля, уходи. Все уходите и оставьте меня в покое. У меня завтра контрольная по математике.

— Пойдем, — сказал робот богомолу.

Богомол покорно пошел за роботом, и Алисе было слышно, как робот рассуждает вслух:

— Может, в тебя шприцем масло впрыснуть?

— Я не переношу боли, — отвечал богомол.

— Вот уж не думал, что ты ее чувствуешь, — сказал робот. — Я в прошлом месяце тебе нечаянно ногу отломил, ты когда это заметил?

— Я заметил сразу, — сказал богомол, — но сказал на следующий день. Не хотел тебя расстраивать.

— Врешь, — сказал робот.

Они миновали коридор и скрылись на кухне.

Теперь ничего не мешало приниматься за уроки. Кроме лени.

И Алиса стала колдовать, чтобы началось землетрясение, чтобы школу смыло приливной волной цунами, чтобы грянул мороз тридцать градусов и занятия отменили. Она колдовала и понимала при этом, что такое колдовство — пустая трата времени.

Тогда, загадала Алиса напоследок, пускай сейчас зазвонит видеофон и папа попросит ее срочно приехать в Космозо.

Космозо — это космический зоопарк, он расположен в Москве, а Алисин папа, профессор Селезнев, — директор этого зоопарка.

Но с чего бы профессору Селезневу звонить дочери, если она сейчас сидит у компьютера и делает уроки.

И в этот момент зазвонил видеофон.

На экране появилось лицо профессора Селезнева.

— Алиса, — сказал он. — Что нового в школе?

У Алисы язык отнялся от неожиданности. Вот не думала, что удастся заставить папу позвонить!

— В школе все хорошо, — ответила Алиса.

Тут вошел робот Поля и, увидев, что Алиса разговаривает с отцом, заявил, становясь в поле зрения профессора:

— Вот вас мне и нужно!

— Что еще случилось?

— Ваша дочь, — сказал домашний робот, а сокращенно домроботник Поля, — высказала неудовольствие по поводу того, что у ее марсианского богомола слишком громко скрипят суставы. Я обследовал богомола и понял, что смазать суставы не удастся, потому что они покрыты хитиновым покровом. Тогда у меня появилось предложение: а что, если отломать все ноги у богомола, а вместо них сделать колеса?

— И как же богомол? — Профессор Селезнев старался сдержать улыбку. — Он согласен на такую операцию?

— Он не заметит, — сказал робот. — Мы обломаем ему ноги во сне. И когда он проснется, то все будет кончено. У него будет шесть пар колес на резиновых шинах.

Алисе показалось, что робот даже надулся от собственной сообразительности. Поля относился к породе ученых дураков, которые встречаются и среди людей. Такие ученые дураки лишены чувства юмора. Им рассказываешь что-нибудь смешное, а они смотрят на тебя совершенно серьезно и спрашивают: а что тут смешного? Причем так строго спрашивают, что начинаешь думать: может, и в самом деле на свете нет ничего смешного? Такие люди бывают очень опасными.

— Хорошая идея, — согласился Селезнев и обратился к Алисе: — Ты уж присмотри за своими друзьями, а то богомол занесен в межпланетную Красную книгу.

— Отлично, — согласилась Алиса. — А богомол на колесиках будет еще более редким насекомым. — Но ей тут же пришлось бежать за роботом. Он, оказывается, решил, что получил согласие людей на операцию над богомолом.

Алиса вернулась к экрану и спросила отца:

— Что у тебя случилось?

— Я жду гостя, — сказал Селезнев. — Это твой знакомый. Ты не хочешь присутствовать при нашем разговоре? Думаю, тебе будет интересно.

— Конечно, — ответила Алиса и поскорее отключила ви-

део, чтобы отец не заметил, какое у нее счастливое лицо. Ее колдовство удалось! Можно не делать уроков.

У Алисы было предчувствие, что ее ждет новое приключение, а она с раннего детства и недели не может прожить без приключений.

И она собралась так, словно намеревалась отправиться в поход: вынула из хлебницы свежий бублик, повторила просьбу роботу не дотрагиваться до богомола, который уже залез от страха под буфет, оставила записку маме, что к ужину обязательно постарается вернуться домой, и поспешила к остановке автобуса.

Автобус стоял на Арбатской площади. Это был автобус мгновенного действия. Через сто лет в городе люди будут в основном ездить на таких автобусах. Ты входишь в его заднюю дверь, проходишь по салону и выходишь в переднюю дверь. Если ты не ошиблась автобусом, то передняя дверь ведет к площади перед Космозо.

День был будний, и посетителей в зоопарке было не много. Даже место на стоянке флаеров перед входом можно было отыскать без труда.

Алиса прошла в ворота Космозо, напоминавшие вход в пещеру, в полутьме засверкали самоцветы, над головой зажегся, встречая посетителей, зеленый, в искорках, свет, который излучали Изумрудные лишайники, привезенные когда-то с астероида Ветерок. Миновав короткую пещеру, девочка оказалась в удивительном, привычном с детства, волшебном мире космического зверинца.

Алисе, конечно же, не терпелось узнать, какого неожиданного гостя ждет ее отец, но она не могла отказать себе в удовольствии пройти мимо клеток, где вольготно чувствовали себя обитатели дальних планет, которых специальные экспедиции давно уже привозят на Землю.

За стеклом, в жаре пустыни, под искусственным солнцем, жарились живые кустики, порой вырывая из песка корни, чтобы подойти к крану и напиться. А вот целое семейство индикаторов — пушистых добродушных зверьков, которые меняют цвет в зависимости от настроения. На лужайке возле круга, где катал детей добродушный розовый дракончик, мирно паслись два склисса. Коровы как коровы, никогда не подумаешь, что они умеют летать. Но при виде Алисы склиссы заволновались, принялись мычать, побежали к ней, раскрыв прозрачные стрекозиные крылья...

К сожалению, у Алисы не хватало времени повидаться со своими знакомыми, но все же она сделала небольшой крюк и заглянула к пруду.

— Э-ге-гей! — крикнула она. — Вылезай, соня! Я тебе бублик принесла.

И в ответ на ее крик вода посреди пруда расступилась, спугнув гусей и казарок, и показалась голова ящера. За головой последовала шея, которая все поднималась, поднималась над водой и никак не кончалась, так что, не покидая середины пруда, колоссальный бронтозавр смог дотянуться губами до стоявшей на берегу Алисы и, вытянув вперед мягкие розовые губы, взять у нее из рук свежий бублик. В знак благодарности бронтозавр прикрыл белой пленкой черные глаза и снова ушел в глубину, спать и думать. Хотя до сих пор никто не знает, о чем думают бронтозавры.

От пруда всего два шага до похожего на раскрытую ракушку здания дирекции. В ракушке помещается не только дирекция, но и госпиталь для зверей, лаборатория и центр наблюдения, ведь за космическими животными приходится следить круглые сутки — мало ли, что может произойти. И порой решают дело секунды.

Пройдя по коридору, Алиса толкнула дверь, на которой была маленькая металлическая пластинка:

Проф. СЕЛЕЗНЕВ.
ДИРЕКТОР

Папа был один. Он сидел перед компьютером, по экрану бежали ряды мелких цифр.

— Алиса, — не оборачиваясь, сказал профессор. — Садись и жди. Я буду занят еще две минуты.

Алиса, конечно же, не стала садиться. Она принялась разглядывать свои любимые фотографии на стенах кабинета. Там были изображены чудесные животные, а также виды планет, на которых папе приходилось бывать. А вот и фотография космического корабля «Пегас». Когда-то в раннем детстве, может, тысячу лет назад, Алиса вместе с папой и капитаном Полосковым летали на нем в космос, и она там впервые столкнулась с космическими пиратами...

Алиса собралась рассказать папе, что ей недавно пришлось встретиться с пиратами вновь, но только она открыла рот, как дверь без стука распахнулась и в комнату как ураган

ворвался маленький, поджарый, быстрый, даже стремительный человек с вьющимися, словно проволочными, волосами, большим орлиным носом и яркими светящимися глазами. Он был таким загорелым, словно провел отпуск на Гавайских островах. Но Алиса, которой и раньше приходилось видеть этого человека, знала, что комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар проводит все свое свободное время под двухкилометровой толщей льда, потому что его кабинет лежит возле Южного полюса.

— Здравствуйте, привет! — воскликнул комиссар Милодар. — Вам привет, профессор Селезнев, и тебе привет, отважная девочка Алиса.

У комиссара была отличная память на лица.

Отец оторвался от компьютера и протянул комиссару руку.

— Садитесь, — сказал он.

— Рук не пожимаем! Это негигиенично. Мне семья не позволяет! — заявил Милодар, но на самом деле комиссар говорил неправду. Дело в том, что он очень берег себя, потому что считал, что без него вся работа ИнтерГалактической полиции на Земле развалится. Его надо беречь. А как берегут комиссаров? Их держат в кабинетах, а на все встречи и даже опасные задания вместо них посылают великолепно сделанную голографическую копию. Комиссар сидит сейчас в своем кабинете подо льдами Антарктиды, а его копия пришла в кабинет Селезнева и не хочет пожимать рук, так как тогда профессор сразу догадается, что перед ним не комиссар, а только его копия.

Но, видно, профессор Селезнев об этом догадался. Он не стал пожимать руку комиссару. Вместо этого он спросил:

— Чему мы обязаны вашим визитом?

— А вам сегодня никто ничего не рассказывал?

— Нет.

Комиссар встал посреди кабинета, уперев руки в бока.

Алиса и Селезнев стояли перед ним. Никто не садился.

— Это очень странно, — заметил комиссар.

— Комиссар Милодар, — попросила Алиса, которая совершенно не стеснялась комиссара, — почему вы говорите загадками?

— Я не загадками говорю. Я подозреваю вашего папу в утаивании важной информации.

— Что? — удивилась Алиса.

— А вот что: вчера из этого зоопарка кто-то сбежал. Не будем уточнять кто. Сегодня ваш папа, Алиса, узнал, что в зоопарке на одного жильца меньше. Но он не решился рассказать об этом нам, полицейским, и надеялся поймать чудовище сам.

— Это чистой воды чепуха! — возразил профессор Селезнев.

— Если чепуха, то откуда взялась эта страшная угроза всему человечеству? — Комиссар щелкнул пальцами, и у него в руке, как у фокусника, появилась подвижная цветная фотография, видеокадр, который в просторечии называют викадом.

На фотографии было изображено нечто совершенно странное и даже отвратительное.

Представьте себе пруд или озеро, наполовину заросшее тростником. На дальнем высоком берегу видны осины и елки.

Почти из середины пруда, высунувшись по пояс, на зрителя глядело противное бледно-голубое существо размером чуть побольше толстого человека. Существо это было не то что толстым, но очень тугим и мутным, каким бывает надутый рыбий пузырь.

Головой существо напоминало моржа, если бывают голубые моржи, без ресниц и бровей, с седыми усами и слюнявым ртом. А вот клыками природа это чудище наградить забыла.

Без видимых усилий существо поднялось над водой, так что показался его толстый белый живот, и начало хлопать по поверхности пруда пухлыми ладонями с перепончатыми пальцами, которые заканчивались длинными загнутыми когтями.

Затем водяной толстяк медленно погрузился в зеленую воду и выпустил один за другим несколько больших пузырей воздуха.

Милодар кинул викад на стол, и фотография проехала немного по его плоскости, затем ударилась в настольный календарь и замерла. Это было странно, потому что голограмма комиссара не должна была раскидывать во все стороны настоящие викады.

— Что вы на это скажете? — спросил Милодар.

— А что я должен сказать? — осторожно осведомился Селезнев.

— Не юлите, профессор. Это ваш зверь?

— Нет. У нас нет ничего подобного.

— Он сбежал из этого зоопарка?

— У нас никогда не было таких зверей... и сотрудников.

— Алиса, — Милодар обернулся к дочери профессора, — ты подтверждаешь слова отца?

— Почему вы не доверяете мне, комиссар? — спросил профессор, останавливая готовую ответить Алису.

— Я всем доверяю, — ответил Милодар, — но я всем и всегда повторяю: у меня не бывает просто разговоров с людьми, у меня бывает только перекрестный допрос. Даже когда я ложусь спать со своими женами.

— У вас несколько жен? — удивилась Алиса.

— Только две, — ответил Милодар, — и тебе рано об этом знать. К тому же здесь спрашиваю я. Тебе знакомо это чудовище?

— Нет, — сказала Алиса.

— Ты его видела в папином зоопарке?

— Нет!

— Но, может, оно само вывелось? Здесь столько нечисти, страшно войти.

— Во-первых, не страшно, — сказала Алиса. — А во-вторых, здесь нечисти совсем нет, а есть только животные. Вот вы нам показывали типичную нечисть. Я такого где-то видала. Наверное, в мультике, — сказала Алиса. — И он назывался водяным.

— Алиса, не путай комиссара Милодара! — взмолился профессор Селезнев. — Он просит опознать животное, а ты ему рассказываешь сказки.

— Любая информация нам, сыщикам, полезна, — возразил комиссар. — Не исключено, что мы имеем дело с каким-то розыгрышем. Ведь мы еще до конца не избавились от хулиганов и интриганов. Поэтому я попрошу Алису сообщить мне все, что она знает об этих водяных.

— Теперь я понимаю, почему комиссар попросил меня позвать тебя на нашу встречу, — сказал профессор. — Ему хотелось послушать сказки.

Милодар усмехнулся:

— Профессор, вы просто ревнуете. Вы думали, что если я прилетел к вам, то буду разговаривать только с вами. Но учтите, что из вашей дочери может выйти незаурядный сыщик. Мы с ней знакомы.

— Как же, как же! — вспомнил Селезнев. — Прошлой осенью Алиса встретилась с вами в пустыне Такла-Макан, когда пропал без вести профессор Лу Фу?

— Правильно! — подтвердил Милодар. — У вас великолепная память, профессор. Алиса тогда нам очень помогла. И я надеюсь, что она поможет правосудию снова. Честно сказать, когда я узнал о появлении этого голого голубого моржа в пруду возле деревни Тучково под Москвой, то я вспомнил, кто у нас главный специалист по чудовищам — профессор Селезнев. И тогда хлопнул себя по лбу и воскликнул: а не родственница ли ему одна неглупая девочка Алиса? И в справочном бюро мне ответили: она его единственная дочь! Вот тогда я провидеофонил вам и попросил позвать на нашу встречу Алису. Всем все ясно?

Селезнев хмуро кивнул, а Алиса бодро ответила:

— Так точно, комиссар!

Комиссар Милодар, довольный произведенным на профессора впечатлением, подмигнул Алисе и принялся ходить по кабинету директора, заложив руки за спину.

Неожиданно он остановился и сказал:

— Господин профессор, я попрошу вас не грозить пальцем вашему единственному ребенку и не корчить страшных гримас. Она не совершила ничего плохого. И надеюсь, что еще сделает немало хорошего на ниве криминалистики.

— Я и не сержусь, — улыбнулся Селезнев.

— Тогда продолжим беседу, — сказал полицейский комиссар. — Алиса, будь любезна, помоги старику, расскажи, что ты знаешь об этих самых... водяных.

— Я знаю то же, что и все дети, — ответила Алиса. — То есть не очень много. В русских сказках и, наверно, в сказках других народов есть такие существа, которые называются нечистой силой, или нечистью. Я думаю, что они остались в наших сказках еще с тех древних времен, когда славяне были язычниками и верили в языческих богов, они думали, что лес и речки населены всякими мелкими злыми духами.

— Это так? — спросил Милодар у профессора Селезнева, словно никогда не читал сказок. И тут же он подтвердил опасения Алисы: — Должен признаться, что никогда не читал сказок. И не смотрел мультфильмов. В два года мне купили первый компьютер, а в шесть лет я распутал мое первое уголовное дело — об ограблении и убийстве старушки, которая

жила в соседнем подъезде. Она давала людям деньги в долг под проценты. И ее убил один...

— Он зарубил ее топором? — спросил Селезнев.

Алиса видела, как папа с трудом удерживается от смеха.

— А вы откуда знаете? Читали? — спросил Милодар.

— Если фамилия убийцы Раскольников, то я читал эту историю у знаменитого писателя Достоевского, — сказал Селезнев. Он явно потешался над гостем.

Но Милодара не так-то легко было сбить с толку.

— Нет, — сказал он уверенно. — Молодого человека звали Карамазовым... С тех пор я стал помогать полиции, в четырнадцать лет был зачислен в штат полицейского участка и получил звание младшего сержанта. Продолжай, Алиса, рассказывай нам о вере древних славян.

— Древние люди считали, что в лесу живут лешие и Баба Яга — костяная нога. На деревьях сидят соловьи-разбойники, в воде прячутся водяные и русалки...

— О русалках я слышал, — перебил Алису Милодар. — Попрошу конкретнее, что мы знаем о водяном?

— Очень мало, — призналась Алиса. — Я слышала, что водяной утаскивает к себе в подводное царство тех, кто ему понравится... Папа, а что ты знаешь о водяном?

— Забыл, — признался Селезнев. — Может быть, водяной действительно похож на того толстяка, которого нам сейчас показали. Но, насколько я знаю, все, кто его видел, потонули. К тому же по долгу службы я не верю в сказки и вам, комиссар, не советую.

— Скудно, — сказал Милодар.

— А вы поглядите в библиотеке, — предложила Алиса. — Там, наверное, есть сборник сказок.

— Некогда, некогда мне по библиотекам бегать! — воскликнул Милодар. — Может быть, это вовсе и не водяной, а какое-нибудь чудовище, которое сбежало от вас. Только вы боитесь мне об этом рассказать.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь. Наверняка вы знаете этих гадов, которых здесь содержите. А теперь поехали!

— Куда поехали? — удивился Селезнев.

— На пруд в деревне Тучково, — ответил Милодар таким тоном, что никто не посмел ему перечить.

Глава 2

ВОДЯНОЙ В ПРУДУ

У входа в корпус-ракушку стоял синий полицейский флаер. В нем сидела девушка в форме сержанта ИнтерГалактической полиции.

Милодар куда-то исчез.

— Скорей, — крикнула девушка, — комиссар Милодар ждет нас у пруда!

Удивительное дело, ведь Алиса — девочка-наоборот: ее можно попросить, но ей нельзя приказывать. А вот Милодар умеет приказывать так, что все вокруг слушаются, даже когда знают, что он совершенно не прав.

Флаер мгновенно взлетел над Москвой, набрал скорость и помчался на запад, где в семидесяти километрах от города, возле дачного поселка, в пруду нашли неизвестное существо.

— Скажите, — спросил профессор Селезнев у девушки, которая вела флаер, — а кто нашел этого водяного?

— Кого? — не поняла девушка-сержант.

— Водяного, — сказала Алиса. — Кто нашел голое голубое чудовище, на которое мы летим смотреть?

— Ах, вы о нем! Мы его прозвали голопузик... Этого голопузика увидели дачники Вундермахеры, которые пришли вчера днем купаться в пруду.

— Разве не холодно? — удивился Селезнев. — Ведь сентябрь кончается.

— Они закаленные, — пояснила девушка. — Они зимой в проруби купаются. Спортсмены мирового класса! Они взяли с собой спаниеля. Дачники задержались, а собака полезла в воду. И когда сам Вундермахер хотел тоже нырнуть, он услышал страшный визг. Вундермахер не стал нырять, а посмотрел вперед и увидел, что его любимую собачку схватил отвратительный голубой голый толстяк, который вылез по пояс из пруда. Тогда господин Вундермахер не испугался, взял рогатку...

— Что взял? — удивился профессор Селезнев.

— Господин Вундермахер — экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки по движущимся целям, — пояснила девушка-сержант. — Он не расстается с рогаткой, потому что рассчитывает на матч-реванш с До Ди Джо.

Алисе хотелось спросить, кто такой До Ди Джо, но важнее было узнать, чем кончился поединок на тучковском пруду.

— Господин Вундермахер вынул рогатку и выстрелил в чудовище. Чудовище схватилось за глаз, куда попал заряд из рогатки, и отпустило собачонку, жизнь которой была спасена. Господин Вундермахер успел сделать снимок чудовища, прежде чем оно окончательно скрылось под водой. После возвращения домой господин Вундермахер срочно связался с полицией, которая в лице старшины Потапенко прибыла на флаере к пруду. Милицейскому наряду удалось разглядеть сверху неизвестное существо голубого цвета, однако милиционеры не стали принимать меры по отлову существа... А, вот мы и прилетели!

И в самом деле, внизу показался пруд, наполовину заросший осокой, за ним начинался лесок, на краю которого стояли дачи.

У одного из домиков были видны люди. Они махали руками, привлекая внимание пилота флаера. Алисе было слышно, как в наушнике раздались слова:

— Снижайтесь у крайней дачи. Вы нас видите?

— Вижу, — ответила женщина-сержант, и флаер резко пошел вниз.

Милодар был среди встречавших — голограмме расстояние не помеха. Он встретил Алису и ее папу, словно был гостеприимным хозяином этих мест.

— С прилетом, с прилетом! — воскликнул он. — Знакомьтесь. Вот это господин Вундермахер, это спасенная им вчера собачка Джерри, а вот это его жена.

К удивлению Алисы, господин Вундермахер оказался скромным молодым человеком, очень высоким и стесняющимся своего роста, отчего даже сутулился, а его жена была очаровательной смуглой женщиной с большими, черными, чуть раскосыми глазами на скуластом лице. Но на этом чудеса не кончились.

Господин Вундермахер протянул Алисе руку с очень длинными, но сильными пальцами и представился:

— Алеша Чудодеев.

— Как? — удивилась Алиса.

— Вундермахер — это перевод моей фамилии на немецкий язык. Так меня в шутку называют мои коллеги по стрельбе из рогатки на международных соревнованиях. Им понятнее, и звучит громче.

Сказав это, Алеша покраснел, как морковка. Он отвел глаза, будто признался в грязном преступлении.

— Ничего, — постаралась одобрить его Алиса. — Вы еще вернете себе звание чемпиона и разгромите в честном бою этого ничтожного До Ди Джо.

Милодар зашелся в припадке кашля, а Алеша покраснел еще больше, словно вымазался вишневым соком.

— Мою жену... — промолвил он, — мою любимую жену зовут До Ди Джо. Мы полюбили друг друга на прошлом первенстве мира и теперь вот второй месяц как поженились и вместе готовимся к соревнованиям. Вы не представляете, какой высокий уровень соперничества в нашем спорте!

— Ах, простите, — смутилась Алиса. — Я не могла догадаться, что в вашем виде спорта женщины и мужчины выступают вместе.

— И мы, женщины, выступаем намного лучше, — прошептала До Ди Джо. — Заходите внутрь, я вам покажу мою коллекцию рогаток. Мой папа и моя мама, которые ввели меня в мир большого спорта, собирали народные рогатки по всему свету.

— К сожалению, время не ждет, — отрезал Милодар. — Ведите нас к пруду. Я должен показать специалистам чудовище, которое там поселилось.

Они пошли по тропинке под сенью пожелтевших осин и изумрудных елок, вокруг шумела листва, из редкой травы поднимались оранжевые шляпки подосиновиков. Вот бы сейчас взять корзинку...

Алиса слышала, как ее отец разговаривает с Милодаром.

— Мне это дело сразу из районной милиции перекинули, — говорил комиссар. — Что-то инопланетное, что-то загадочное, сказали они, — не наше дело! Нам и слонов хватает.

— Слонов? — удивился Селезнев.

— Здесь неподалеку, в Яхроме, — сказал Милодар, — есть слоновья ферма. Разводят слонов для зоопарков, цирков, домашних зверинцев и для лесозаготовок на крутых склонах. Так эти слоны, как им скучно станет, разламывают загородку, убегают и бродят по окрестностям, выпрашивают пищу, а то и огороды разоряют.

— А там, на ферме, вы проверяли? — спросил Селезнев.

— Вы думаете, где слон, там и водяной?

— Ничего я не думаю, — сказал Селезнев. — Но там могли вести генетические опыты, то есть выводить новые породы слонов.

— Нет, — задумчиво ответил Милодар, — тот голубой толстяк совсем не похож на слона.

Алиса поглядела в другую сторону. Экс-чемпион мира и чемпионка шли, держась за руки, а спаниель по кличке Джерри бежал перед ними. Алиса обратила внимание на то, что у молодоженов к поясам прикреплены кобуры, словно для пистолетов. Там же рогатки!

Впереди между деревьями показался пруд. Но тут Вундермахеры-Чудодеевы остановились, потому что начали спорить.

А вот и пруд. Поверхность его, не больше ста метров в диаметре, была совершенно гладкая, и было заметно, что большей частью он совсем мелкий, так что для водяного почти не остается места.

— А ну-ка, — попросил Милодар командирским голосом, — кто из вас, рогаточников, вызовет его на поверхность воды?

Алиса увидела, что женщина-сержант, которая привезла их сюда, стоит в трех шагах позади, и в руке ее — пистолет. Полиция не желала рисковать.

Алеша вынул из кармана круглый шарик размером с вишню и, взяв большую эмалированную рогатку, натянул ее тугую резинку... Снаряд со свистом разрезал воздух и косо вошел в воду, почти не подняв брызг.

— Попал, — сказал Алеша.

И тут же вода в центре пруда заволновалась, из нее выскочила большая жаба и, прикрывая передней лапкой глаз, куда угодила вишенка, поплыла брассом к берегу.

— Не тот, — сказал Селезнев.

— Еще неизвестно, — возразил комиссар. — Не исключено, что ваш так называемый водяной может менять облик. Никогда не расслабляйтесь. Алисочка, крохотулечка, поймай, пожалуйста, жабочку. Ведь ты не боишься жаб?

— Не боюсь, — улыбнулась Алиса. Оказывается, когда комиссару что-то нужно, у него даже голос меняется.

Она обежала пруд, пробралась сквозь прибрежные кусты и погналась за жабой, которая сидела, держась за глаз, но при виде Алисы тяжело запрыгала прочь.

Удивительный человек этот Милодар, думала Алиса. Ведь если водяной — оборотень, то тогда Алисе может грозить опасность. Вот превратится сейчас жаба снова в водяного и

перекусит Алису пополам... Алиса даже замерла, не решаясь схватить жабу.

Это сделал за нее папа. Видно, его посетили такие же мысли. Профессор Селезнев догнал Алису. Он не хотел, чтобы водяной перекусывал его дочь пополам.

— Зря испугались! — закричал с того берега Милодар. — Вы у меня все под прицелом. Если бы он сожрал Алисочку, ему бы не поздоровилось.

— С некоторым опозданием, — заметил Селезнев, которому Милодар не нравился. Профессор не выносил хвастунов. А ведь, несмотря на многие положительные качества, в Милодаре немало хвастовства и фанфаронства.

Селезнев держал жабу двумя пальцами за шею. Она опустила ноги и висела неподвижно.

— И каково ваше мнение, профессор? — спросил Милодар.

— Мое мнение, что это самая обыкновенная жаба.

Тогда Милодар обернулся к Алеше и приказал:

— А ну, чемпионы, попробуем еще раз!

Женщина-сержант предложила:

— Давайте я поднимусь на флаере. Сверху виднее.

— Подожди, может, все-таки мы его выманим.

Следующей стреляла хрупкая До Ди Джо. Ее шарик также вонзился в воду, но никто оттуда не выпрыгнул.

— Не надо поднимать флаер в воздух, — сказал тогда Милодар. — Я сам посмотрю.

Он грустно вздохнул и признался:

— Ненавижу холодную воду.

После этого Милодар пошел к пруду и шаг за шагом, раздвигая стебли осоки, погрузился сначала по пояс, потом по шею, потом с головой. И гладь пруда даже не шелохнулась.

— Что он делает? — воскликнула До Ди Джо. — Он же простудится! Его загрызет чудовище!

«Странная женщина, — подумала Алиса. — Сначала думает о простуде, а только потом о смерти».

Но Алиса, в отличие от остальных, совершенно не боялась за нос и горло Милодара. Ведь в пруд пошел не сам комиссар, который спокойно сидит у себя в кабинете под ледовым щитом Антарктиды, а его голограмма, которая не может простудиться. И вообще, не было никакой нужды стрелять по воде из рогатки и мучить несчастную жабу, которой грозит остаться

без глаза, если ты можешь отправить на разведку свою голограмму.

Милодара не было минуты две. Из глубины пруда поднялось к поверхности облако рыжего ила. Наконец показался Милодар.

— Никого, — сообщил он. — Совершенно никого, если не считать головастиков, личинок стрекоз и жуков-плавунцов. Куда делся водяной? Может, его и не было? — Рассуждая так, Милодар вылез из пруда.

— Как так — не было! — возмутился Алеша. — А кого же я тогда фотографировал? Кто мою собачку чуть не съел?

При этих словах Джерри заскулил, будто его и на самом деле вот-вот сожрут.

— Мало ли, кого вы фотографировали! — ответил Милодар сердито. И понятно было отчего. Возникла неизвестная опасность. Может быть, инопланетная, может быть, даже для всего человечества. — А когда мы приезжаем, чтобы эту нечисть посадить в аквариум и изучать, оказывается, что пруд совершенно пуст. Значит, чудовище уже ползает по лесу?

Комиссар больше в воду не полез. Он делал вид, что страшно промок и устал. Но Алиса, которая стояла к нему ближе прочих, отлично видела, что одежда его совсем сухая.

— Кстати, — спросил он, отступая назад, чтобы никто не мог до него дотронуться. — Кто-нибудь заметил у него ноги или какой-нибудь там хвост?

Все молчали. Милодар еще раз спросил об этом у Алисы, видно считая ее экспертом по русским чудесам.

— Я думаю, что у него хвост, как у русалки, — сказала Алиса, хотя не была в этом уверена. — Я где-то читала, что русалки — его дочки.

— А может, он зарылся глубоко в ил и сидит? — предположил Милодар.

— И вы его не нашли? — спросила чемпионка мира.

— Если я туда лазил и чуть не простудился, — спохватился Милодар, — то от меня не смог бы спрятаться даже гвоздь!

— Ну, если гвоздь... — произнес профессор Селезнев так, что только полное отсутствие чувства юмора спасло комиссара от глубокой обиды.

Милодар молча обозревал пруд, надеясь, видно, что водяной мог затаиться в осоке.

Алеша спросил:

— А купаться можно?

— Купаться погодим, — ответил Милодар. — Пока не будет уверенности.

— Нам пора, — сказал профессор Селезнев. — Не до вечера же нам ждать появления вашего фантома.

— Вы ставите под сомнение?.. — снова обиделся Алеша.

— Нет, я только хочу сказать, что водяной таинственно появился и так же таинственно исчез, и мы хотели бы, чтобы милая девушка — сержант милиции отвезла нас обратно в Космозо, — сказал профессор.

Милодар глубоко вздохнул, с трудом признавая поражение. Потом махнул рукой, и этот жест девушка-сержант поняла правильно. Она отодвинула дверцу флаера, чтобы Селезневым было удобнее в него забраться. Они попрощались с рогаточниками мирового класса и через несколько минут возвратились в Космозо.

Отец отправился в обход — каждый день он обязательно проверял, как себя чувствуют его питомцы, не заболел ли кто из них, не скучает ли. Алиса, все еще помня о том, что дома ее поджидают уроки, упросилась в обход с отцом. Отец, как и все взрослые, не отличался проницательностью и не догадался, что его дочка была готова делать что угодно, кроме математики. Она поболтала немного с птицей говоруном, который сидел в открытой вольере. У говоруна две головы, он может летать между звезд, обладает сказочной памятью, но вообще-то существо безмозглое. Так вот, у говоруна была большая радость — он женился. Одна крупная попугаиха какаду решила связать свою судьбу с космическим героем. Алиса познакомилась с невестой, пожелала птицам большого семейного счастья и много яиц, потом убрала в загоне у склиссов, насыпала корму невидимым рыбам и полюбовалась тем, как исчезает корм в их невидимых глотках.

Прибежали два кустика и пошли следом за Алисой, переступая корнями. Говорят, у кустиков долгая память — они уже несколько лет помнят, как Алиса их поила компотом. Потом девочка постояла возле аквариума, в котором живет многоклетка. Так некрасиво называют загадочное существо, которое недавно попалось охотникам за животными. Когда многоклетка спит или просто отдыхает, она рассыпается на много тысяч зеленых клеток, почти невидимых для глаза, но когда ей хочется поесть или возникает желание отправиться в гости в соседний аквариум, многоклетка собирается в единое

существо, которое каждый раз придумывает себе новую форму. Чаще всего они повторяют то, что подсмотрели за день. То собирутся в зеленую черепаху, то изобразят карикатуру на собственного служителя или на кого-то из зрителей. Но иногда многоклетки вспоминают что-то из своей прежней, дикой жизни, и тогда может получиться весьма страшное существо. Правда, клеток не хватит на дракона или даже медведя, но зеленую кобру они собрать из себя могут. Только без ядовитых зубов.

У пруда, лежа на мелководье брюхом к небу, динозавр чесал короткими передними когтистыми лапами светло-желтое пузо. Алиса подобрала швабру, оставленную служителем в загоне, перепрыгнула через барьерчик и крикнула динозавру:

— Бронтя, подплыви поближе.

Бронтя лишь шевельнул гигантским хвостом, и его обтекаемое тело медленно подплыло к берегу.

Алиса стала чесать шваброй брюхо своего любимца, а тот рычал от удовольствия, так что желтые листья сыпались с деревьев.

Зрители, которых днем в Космозо немного, сначала помогали Алисе советами и веселыми возгласами и даже уговаривали Бронтю съесть конфетку. Но когда бронтозавр чуть не вылез на берег, они отбежали на солидное расстояние и продолжали давать советы оттуда. А одна перепуганная исландка побежала в дирекцию с криком, что девочка попала в пасть бронтозавра. К счастью, она натолкнулась на профессора Селезнева, и тот ее как-то успокоил. Он объяснил ей, что бронтозавр — старый друг Алисы, она спасла ему жизнь, когда он только-только вылупился из яйца. Может, исландка и поверила, но быстро ушла из зоопарка в планетарий, что поднимает неподалеку свой стометровый купол. Под этим куполом носятся ракеты и другие космические корабли, и дети в них чувствуют себя словно в настоящем космосе.

Потешившись с Бронтей, Алиса пошла к семейству питекантропа Геракла. Питекантроп раньше жил на детской биостанции на Гоголевском бульваре, но подрос, стал опасен для окружающих, потому что у него бывали приступы плохого настроения, к тому же он влюбился в самку гориллы, женился на ней и добровольно переехал в Космозо. У них с гориллой родился детеныш, и они страшно ссорились из-за того, что Геракл пытался учить ребенка русскому языку, который

сам толком освоить не сумел, но мама-горилла была категорически против. Она хотела, чтобы ее сын вырос настоящей обезьяной, так как полагала, что обезьян на свете осталось мало и каждая на вес золота, а людей развелось слишком много.

Алиса немного послушала спор родителей, причем Геракл пытался выговаривать человеческие слова, а его жена только рычала и повизгивала в ответ. А детеныш питекантропа и гориллы носился по загону, качался на ветках деревьев и кидался в зрителей банановой кожурой.

У этого загона ее и отыскал отец.

— У меня к тебе есть один неделикатный вопрос, — сказал он.

Алиса почувствовала, как у нее сердце упало на желудок.

— Спрашивай.

— Неужели вам сегодня ничего не задали на дом?

— Папа, — строго ответила Алиса, потому что родителей полезно держать в строгости, чтобы не распускались. — Папочка, я лучше тебя знаю, когда мне делать уроки, а когда заниматься общественно полезным трудом.

— И какова же твоя программа действий?

— Я хотела с тобой попрощаться, у меня дома дела. Тебя ждать к обеду?

— Если ничего не случится, в шесть я буду дома.

Они распрощались, и Алисе уже ничего не оставалось, как садиться к проклятому компьютеру, который никогда не делает ошибок и другим не дает.

Глава 3

ГОСТИ ИЗ СКАЗОЧНОГО ЛЕСА

Следующий день не принес ничего нового. Загадка водяного в пруду так и не была разгадана, несмотря на то что Милодар приказал осушить пруд. Приехали несколько суперцистерн, в которые была перекачана вода вместе с мальками и головастиками, а когда всю тину выгребли и просеяли, воду с головастиками слили обратно. Никаких следов водяного, конечно же, не обнаружили.

Алиса забежала на биостанцию, где строили новый дом для жирафа Злодея, который был вовсе не злодеем, а добрей-

шей души животным. Никого из друзей там не было, и некому было рассказать о неудавшейся встрече с водяным.

Вечером Алиса собиралась пойти на Ярмарку Чудес, и мама обещала составить ей компанию, но вынуждена была улететь в Чили, где по ее проекту строилась гостиница и гигантский аквариум для китов и акул: мама Алисы — архитектор и редко бывает дома. Одной идти на Ярмарку не хотелось, хотя, как объявляли по телевизору, там собрались фокусники, обманщики, чудотворцы, кукольники и акробаты со всего мира.

Алиса посмотрела по телевизору старый фильм, а когда пришел папа, они сыграли несколько партий в быстрые шахматы. Так прошел вечер. Ничего не произошло особенного, если не считать пирога с абрикосами, который неплохо испек робот Поля, и ничто не предвещало завтрашних событий.

А события эти начались с неожиданного визита к Алисе комиссара Милодара.

Он появился в половине третьего, когда Алиса, вернувшись из школы, занималась уборкой.

Комиссар возник из воздуха посреди комнаты, наступил на кучку мусора, однако мусор не рассыпался, потому что это опять была голограмма, то есть комиссар был совершенно невесомым.

— Ну что же это такое! — воскликнула Алиса. — Вы врываетесь в чужой дом без разрешения. А что, если бы я была раздета?

— Ничего страшного, — рассмеялся Милодар. — Тогда бы я попросил тебя одеться. Но ведь ты одета? Тогда слушай — мне некогда здесь прохлаждаться. Положение серьезное и становится все серьезнее с каждой минутой!

Комиссар Милодар вытянул руку вперед и стал похож на памятник самому себе.

— Что случилось? — спросила Алиса, кладя на стол пачку книг. Она любила старинные книги, в переплетах и со страницами, из-за чего над ней всегда посмеивался Пашка Гераскин.

— Он снова возник, — сказал Милодар. — Нужна твоя консультация.

— Водяной?

— Нет, сама смотри!

Милодар протянул Алисе маленький, любительский, викадик, какие делают папаши семейств на пикниках или на экскурсии в Мексику. Изображение трудно было разглядеть — видно, камера от страха прыгала в руках снимавшего.

— Ничего удивительного, — сказал Милодар. — Они бежали от нее километра три. Только в поле им удалось оторваться. Вставь в компьютер и увеличь стоп-кадр.

Алиса послушалась его.

На большом дисплее появилось изображение. Компьютер очистил его от всего лишнего, сфокусировал, и картина, представшая взору Алисы, оказалась в самом деле зловещей.

Это была старуха. В рваном платье, которое за последние сто лет никто не стирал и не штопал. Главной чертой сморщенного безгубого лица был нос, который свисал к верхней губе и встречался там с длинным желтым зубом из нижней челюсти. В худой когтистой руке старуха держала метлу. Одна ее нога была обыкновенной, а вместо второй торчала голая кость, будто бабушка взяла ногу напрокат у скелета, что стоит в Алисиной школе в биологическом кабинете.

— Ты можешь представить, — заговорил Милодар, — как перепугалось мирное семейство Пуделей.

— Пуделей?

— Не собак пуделей, а семейство по фамилии Пудель!

— Я слышу, не нужно кричать.

— Когда мирное семейство Пуделей встретило этих чудовищ в лесу, оно бежало без оглядки...

На викаде были видны облака, вершины деревьев, трава под ногами — все, что попадало в поле зрения камеры, которой размахивали на бегу.

— Кто это там, рядом с Бабой Ягой? — спросила Алиса.

— Как, ты знаешь имя этой страшной старухи?

— Мне странно, что ваши Пудели не знают таких простых вещей.

— Вот видишь, я тоже не знал, — сказал Милодар. — Ты у нас специалистка по сказкам, а мы с Пуделями многое забыли. Лучше скажи мне, что тебе известно об этом чудовище?

— Значит, так, — начала Алиса. — Зовут ее Баба Яга — костяная нога...

— Вот именно, костяная!

— Живет она в лесу, в избушке на курьих ножках...

— На каких? На курьих? Разве бывают такие маленькие избушки?

— Нет, — сказала Алиса, — но бывают такие большие ножки. Обычно Баба Яга летает над лесом в деревянной ступе и

направляет ее полет метлой. У нее есть спутники — черный ворон и черный кот, которые живут в ее избе. Питается она...

— Вот именно, это существенно!

— Я думаю, что маленькими мальчиками. Она их сажает на лопату и отправляет в печь.

— Ты с ума сошла! Это же людоедство. Она разумна или нет?

— Не знаю, разумна или нет, но разговаривать умеет.

— Откуда ты столько знаешь?

— Мне бабушка рассказывала, — ответила Алиса. — А ей — ее бабушка.

— Замечательные традиции у вас в семье! — воскликнул Милодар. — Значит, Пудели должны благодарить судьбу за то, что эта самая Баба Яга передвигалась в тот день пешком.

— Она могла оставить ступу в избушке. Завтра возьмет и кого-нибудь догонит.

— Не смей так думать, Алиса! Если это случится, мы с тобой вылетим с работы.

— То есть вы вылетите с работы, а я из школы?

— Алиса, не отвлекайся и научись понимать шутки. Меня никто никогда не погонит с работы, потому что я — главный комиссар на Земле.

— Хорошо, не буду, — сказала Алиса. — А вы так и не сказали мне, кто был с Бабой Ягой?

— Он не получился на снимке. По показаниям Пуделей, он похож на гориллу или снежного человека. Это обросшее шерстью, неопрятное и даже страшное существо.

— Наверное, это друг Бабы Яги, леший, — предположила Алиса. — Они часто ходят вместе.

— Где они ходят вместе?

— В сказках.

— Алиса, мы имеем дело с совершенно реальными событиями. Мы не имеем права смириться с тем, что по нашей стране шастают бабы-яги и лешие, а в наших водоемах купаются водяные. Разве так может быть?

— Разумеется, нет.

— Вот видишь! И какое ты находишь этому объяснение?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Надо полететь туда и посмотреть.

— Погоди, — остановил ее Милодар, — сначала я свяжусь с поисковой группой. Можно дать изображение на ваш экран?

— Валяйте, — сказал домашний робот Поля, — мне ведь

тоже интересно. Для меня эти ведьмы и лешие — воспоминания о детстве Алисы. Бабушка, бывало, читает Алисочке, а я рядом пол натираю. И запоминаю. А когда бабушка задремлет, я ее заменяю и дочитываю.

На большом домашнем экране, куда комиссар переключил связь, появилось изображение мрачного полицейского в стальной пожарной каске.

— Доложите! — приказал ему Милодар.

— Мы обшарили весь лес по соседству с дачным поселком, но не обнаружили никаких следов пожилой женщины с костяной ногой и волосатого мужчины отвратительного вида.

— Та-а-ак! — угрожающе произнес Милодар. — Может быть, вы забыли дома биоискатель?

— Нет, — ответил полицейский, показывая короткую трубку с раструбом на одном конце, — биоискатели работают. Мы определили всех зайцев, белок и даже ворон в лесу, но не нашли ни одного из подозреваемых существ.

— Но они могли переодеться в дачников!

— Дачники уже два часа как попрятались по домам или убежали на станцию. Поселок совершенно пуст.

— Та-а-ак. — Милодар отключил экран и начал расхаживать по комнате, сцепив за спиной пальцы и размышляя вслух: — Мне начинает казаться, что в этой истории появляются какие-то общие черты, назовем их системой. Ты согласна, Алиса?

— Как я могу ответить, если не знаю, о какой системе вы говорите.

— Вчера мы искали водяного, его видели, но потом он исчез без следа. Сегодня мы ищем Бабу Ягу и лешего, их также видели, зафиксировали, а поймать не можем. Они пропали без следа. Но при этом оказывается, что все они не настоящие, а вышли из сказок, что они не должны существовать, их только бабушки помнят и о них рассказывают...

— И я! — вмешался робот Поля.

— Вот именно! Их не может быть, и мы их не находим, но люди пугаются и бегают от них по лесу.

Тут Милодар обернулся к Алисе и быстро произнес:

— Алисочка, мне пора, дела не ждут. Спасибо тебе за помощь. Нет, не отнекивайся! Ты оказала неоценимую услугу, дав толчок моему творческому порыву. Завтра я тебе принесу это дело на блюдечке, как очищенное и посоленное яйцо. Надо только подумать.

— Пошевелить серыми клетками? — спросила Алиса словами Эркюля Пуаро — любимого сыщика Агаты Кристи. Но Милодар, видно, не читал романов Агаты Кристи, потому что он сердито ответил:

— У меня нет ничего серого! — и растворился в воздухе.

— Зря ты ему сказки рассказывала, — заметил Поля, глядя на пустое место.

Глава 4

СОЛОВЬИ-РАЗБОЙНИКИ

В тот день Милодар не появлялся, не звонил, не беспокоил, — как сквозь лед провалился на свою антарктическую базу. Он хоть и обещал объявиться только завтра, но Алисе было немного обидно. Это типичная мужская черта — благодарить, рассыпаться в комплиментах, а когда все пройдет — забыть о том, что контрольную ты списал у Алисы, что задачку тебе решила Алиса и даже совет ценный дала та же Алиса. Скромная, незаметная труженица...

Алисе стало себя жалко, она вздохнула и пошла ужинать. Мамы не было, а папа о событии с семейством Пуделей не знал вообще — по телевизору о Бабе Яге не говорили. А когда Алиса попыталась рассказать, то оказалось, что папа в Бабу Ягу не верит. Наверное, какая-то артистка детского театра, сказал папа, пошла по грибы и заблудилась.

Но на следующее утро Милодар все же позвонил.

— Докладываю, — сказал он, — мы прочесали частым гребнем лес и окрестные места. Никаких чудовищ, бабок и леших не обнаружено, даже если бы они были микроскопического размера. Я тебе гарантирую — никаких сказочных существ в лесу не было.

Алиса поняла, что Милодар показал себя лучше многих знакомых мальчишек.

— Если еще появятся, вы мне, пожалуйста, позвоните, — сказала Алиса.

— Не только позвоню, сам к тебе приеду. Мне без твоих энциклопедических знаний никуда не деться.

— Значит, вы думаете, что это не последние чудовища?

— Во-первых, мы не знаем, куда они прячутся, — ответил комиссар. — Во-вторых, мы не знаем, откуда они берутся. И,

в-третьих, мы не знаем, когда появятся новые и испугают очередных Пуделей.

Милодар появился у Алисы через два дня.

Он был мрачен.

— К сожалению, — произнес он, — мои худшие предположения оправдались.

Он вытащил большой конверт с печатями и марками. Из конверта извлек викад. Официальный, снятый специальной камерой.

— Любуйся, — сказал он так, словно хотел закончить фразу словами «что ты натворила». Но не закончил. Потому что Алиса нажала на уголок викада — и на нем появилось изображение большого флаера, видно рейсового. Он лежал в кустах, на боку. Вокруг роились полицейские и медицинские флаеры и кареты, а из разбитой машины выносили тела людей, некоторым раненым помогали выбраться и дойти до носилок.

— Что там случилось? — ахнула Алиса.

— Продолжение наших сказочных игр, — сказал Милодар. — Как сообщает пилот рейсового флаера, в тридцати километрах южнее Москвы он встретил странную гигантскую птицу серого цвета, внешне похожую на воробья, только размером с дом. Пилот не ожидал увидеть такую птицу, и у него было несколько секунд, чтобы уйти от столкновения — но он не успел...

— А автоматика?

— Автоматика не сработала. Она показала, что никакой птицы нет. Чепуха какая-то!

— Кто-нибудь погиб?

— Я еще не знаю. Пострадавших отправляют в клинику Склифосовского. В крайнем случае будут оживлять. Но ситуация неприятная. Пришлось запретить все полеты вокруг Москвы.

— А где птица? Неужели ее не догнали?

— Ее видели в районе Звенигорода через час после столкновения.

— И что же?

— Смотри, — Милодар протянул Алисе еще один викад. Опять любительский. На викаде была видна птичка, впрочем, изящная, серенькая, скромная. Но тут она пролетела рядом с деревом, и Алиса поняла, что глаза обманули ее, — на самом деле птичка была чуть меньше слона.

— Ну, кто это?

Алиса смотрела, как птица долетела до высокого обрыва, на котором росли могучие сосны, нырнула внутрь соснового бора и пропала из глаз.

— Почему ты молчишь, Алиса? — строго спросил комиссар.

— Потому что думаю.

Робот Поля вошел в комнату и стал рассматривать викад.

— Я могу сказать, — вмешался он в разговор.

— А вот ты помолчи! — рассердился Милодар. — Мне еще не хватало иметь робота-консультанта по русским сказкам.

— А эта птица не из сказки, — возразил Поля, — поэтому Алиса и не может угадать.

— А откуда эта птица, Поля? — спросила Алиса.

— Из былины, — сказал начитанный робот.

— Не говори глупостей! — прикрикнул на робота Милодар.

— Если этот человек не будет на меня кричать, — заявил робот, — то я готов сказать, как птица называется.

— Он будет молчать, — обещала Алиса.

Милодар нехотя кивнул.

— Это Соловей-разбойник. Про него рассказано во многих былинах. Его никто, конечно, не видел, но известно, что он пугал людей до смерти своим свистом, а богатырям приходилось с ним сражаться. Чаще всего они побеждали.

— Как же ты догадался? — удивился Милодар.

— Потому что я знаю орнитологию.

— Это лишнее! — возмутился Милодар. — Роботы не имеют права швыряться такими словами.

— Очевидно, вы меня неправильно поняли, — сказал робот, — орнитология — это наука о птицах. У меня есть несколько атласов и справочников, а летом я порой ухожу в лес, чтобы слушать пение птиц.

— Это правда, — подтвердила Алиса. — Поля — большой любитель птичьего пения.

— У меня есть десяток кассет с записями соловьиных концертов, — сказал робот. — Так что я соловья отличу от любой другой птицы.

— Но соловей ведь маленький, — сказал комиссар.

— А это большой соловей, очень большой. Потому он и именуется разбойником. Вам выпало большое счастье — вы

первыми в мире увидели Соловья-разбойника. Теперь вы имеете право писать мемуары.

— Твой робот не может знать выдумок про соловьев-перероствков! — закричал Милодар. — Хватит издеваться надо мной! Я тебе не подружка, а руководитель ИнтерГалактической полиции!

— Тогда, мистер руководитель, — ответила хладнокровно Алиса, — я не понимаю, зачем вы пожаловали в наш скромный дом? Зачем вы ставите под сомнение способности моего робота?

— Послушайте ее! — радостно воскликнул Поля, а марсианский богомол вышел из-под стула на видное место, чтобы показать, как он горд за робота.

— Это еще что за существо? — в ужасе воскликнул Милодар, который, как потом выяснилось, не выносил мух, тараканов, кузнечиков и прочих длинноногих членистоногих.

Все, разумеется, расстроились, а богомолу стало стыдно, что он отвратителен, на взгляд комиссара, и он попытался выброситься из окна, но, как всегда, неудачно.

— Значит, так, — сказал комиссар, — никуда не уходить, ждать моих приказаний! Начинается охота на соловьев-разбойников. При обнаружении разбойника, скрывающегося под личиной соловья, не приближаться, держать наготове парализующее оружие!

Милодар глядел куда-то в сторону и отдавал приказания несуществующему человеку. Алиса догадалась, что он сейчас разговаривает со своим помощником или секретарем, который остался в Антарктиде.

И на самом деле Милодар стал растворяться в воздухе. Его голограмма возвращалась в штаб.

— Мы его будем слушаться? — спросил Поля, показав голосом то, что роботам показывать нельзя, — неуважение к Человеку.

— Ты займешься обедом, — сказала Алиса. — А я пойду погуляю.

— Ты позволишь в виде исключения погулять вместе с тобой? — льстиво спросил домроботник.

— В следующий раз, — ответила Алиса и умчалась из дома, оставив крайне обиженного Полю.

«Кто-то делает сказочных персонажей», — размышляла Алиса, подняв флаер в воздух и направляясь в сторону Звенигорода. Она решила сама посмотреть на месте, что там натво-

рил Соловей-разбойник, и поискать его. Ведь нельзя же верить на слово роботу. Мало ли что может померещиться железному слуге, который, видите ли, занимается на досуге орнитологией и невзлюбил знаменитого комиссара Милодара.

Несмотря на сильное воздушное движение, Алиса добралась до Звенигорода за несколько минут. Эти места зовутся Подмосковной Швейцарией, потому что с высоких берегов Москвы-реки открываются чудесные виды. Сосновые боры нависают над высокими обрывами, а сама речка то разливается по плоским зеленым лугам, то ускоряет свой тихий бег, сжатая заборами гигантских дач, которые здесь строили диктаторы, потом палачи, потом богачи, а теперь в них вольно раскинулись детские садики.

Сначала Алиса посетила то место, где потерпел аварию рейсовый флаер.

Она спустилась пониже, но выбираться из флаера не стала — ясно было, что всех оттуда увезли, пострадавшие давно уже в госпитале, а обломки флаера никакого интереса для нее не представляют.

«Натворив столько бед, я бы на месте Соловья-разбойника полетела в лес, — решила Алиса. — Поглубже. Хотя никто, даже любознательный Поля, не знает привычек Соловья-разбойника».

Лес начинался сразу за рекой и шел стеной до дачных заборов.

«На сосне бы я не стала жить — много колючек и трудно укрыться. А вот раскидистый дуб — замечательное место для того, чтобы спрятаться».

Алиса медленно вела флаер вдоль опушки леса.

Тут она заметила полицейские вертолеты, которые бороздили небо над деревьями. Значит, такая же мысль пришла в голову и полицейским. Ну ладно, ничего страшного, по крайней мере она здесь не одна.

Алиса увидела группу очень высоких и пышных дубов.

Вот где должно скрываться его гнездо!

Алиса спустилась ниже, к самым вершинам дубов, и начала приглядываться. Разумеется, она ничего не увидела. Лес был тихим, задумчивым, словно он прислушивался к тому, что должно произойти.

Ей стало ясно, что ничего не произойдет до тех пор, пока она не опустится вниз, на землю, пока не станет частью леса.

Лес не открывает своих тайн людям, которые летают над ним в механических птицах.

Алиса опустилась на небольшой лужайке рядом с крайним дубом. И осталась совершенно одна.

Хоть люди были где-то недалеко, а за рекой начинались корпуса санатория, Алисе казалось, что она очутилась в самом центре девственного, непроходимого леса.

Над деревьями взволнованно носились крикливые вороны, будто кто-то враждебный занял их угодья.

— Тра-та-та-та! — запел музыкальный пулеметик.

— Каррр! — вопили вороны. — Каррр! Карр!

— Та-ля-та-ля-та-ля, — пропела другая птица.

— Карр! — вдруг откликнулся кто-то из глубины листвы.

И вдруг... словно птичка поднесла клюв к могучему микрофону, карканье, громкое, как раскаты грома, потрясло лес.

Это он! Только почему-то каркает!

Алиса кинулась к стволу дерева и постаралась заглянуть в листву.

Как жаль, что на ней нет «кошек» или липучек, чтобы подняться по крайней мере до того места, откуда начинаются большие ветви.

Но лезть на дерево ей не пришлось.

Видно, громкое карканье насторожило полицейских, и они решили проверить, откуда оно доносится.

Алисе снизу было видно, как синий флаер приблизился к листве и вдруг кинулся в сторону, едва не потеряв равновесия.

Листва раздалась, и оттуда вдогонку за флаером ринулись две птицы, совершенно непохожие друг на дружку. Одна была гигантским соловьем — даже непонятно, как его выдержали ветви дуба, вторая — вроде попугая, разноцветной, вертлявой, суетливой, но все равно громадной. Но обе птицы, улетая прочь, оглушительно каркали.

Стая ворон, как черный ажурный хвост, кинулась за ними. Напасть на гигантских птиц вороны не смели и потому обругивали их вслед, осыпая своими вороньими проклятиями.

Снизу Алисе было отлично видно, как полицейские флаеры, всегда готовые к встрече с чем-то объяснимым и понятным, от вида соловьев-разбойников пришли в полное расстройство и кинулись в разные стороны.

К счастью, до крушения дело не дошло, но пилотам пришлось немало пережить.

С торжествующим карканьем соловьи поднялись к облакам и исчезли.

Алиса вернулась к своему флаеру. Из него она вышла на связь с Милодаром.

— Вас не было в этих несчастных флаерах? — спросила она.

— Меня никогда нигде не бывает! — отрезал комиссар. — А ты откуда знаешь?.. Ага, не отвечай, я тебя засек! Ты находишься в том же квадрате. Как ты в нем оказалась?

— Я сюда прилетела.

— Почему ты прилетела точно туда, где были соловьи-разбойники? Признавайся, ты с ними в сговоре?

— Против вас, комиссар?

— Не говори глупостей. Нельзя плести заговоры против меня. Но все равно ты вызываешь подозрения. В конце концов — ты маленькая девочка, недоросток, ребенок. Ты почему себя ведешь не по правилам?

— Я всю жизнь вела себя не по правилам и буду вести себя не по правилам, — ответила Алиса. — А здесь я оказалась, потому что решила, что соловьи далеко не улетят. А раз не улетят, то будут таиться в дубовой роще.

— Все, все, все! Не трать моего драгоценного времени! Скажи мне, что мы с тобой будем делать дальше?

— Дальше нам полезно было бы подумать, — сказала Алиса.

За открытым люком флаера начинался такой мирный, золотой, такой ласковый лес, что невозможно было представить, что в нем могут таиться чудовища.

— Чудесно! — воскликнул комиссар. — Мы начали думать. Раньше никто никогда не думал, а пришла Алисочка-кисочка и начала думать. Мыслитель! И что же мы придумали?

— Пока что я обратила внимание на две детали, — ответила Алиса. — Во-первых, соловьев уже двое и они совершенно разные. Один соловей похож на соловья, только очень большой. А другой соловей похож на попугая.

— И что?

— Не знаю, но это может оказаться важным.

— Что еще?

— Вторая деталь мне тоже показалась серьезной.

— Выкладывай!

— Соловьи не знали, как петь по-соловьиному.

— Почему ты так решила?

— Они каркали! Они увидели птиц и решили научиться петь. Но увидели-то они ворон! Какие соловьи поют в начале октября?

— Любопытно, — признался Милодар. — Очень любопытно. А теперь отправляйся-ка домой, пока тебя родители не хватились.

— Мои родители привыкли к моему характеру, — возразила Алиса. — Они даже с ним смирились.

— Я им не завидую, — сказал Милодар. — Впрочем, делай как знаешь, мне некогда тратить на тебя время. У меня есть более срочные дела.

Тем временем небо над головой начало темнеть от вертолетов, флаеров и прочих летательных аппаратов, включая дирижабли и воздушные шары, которые слетались в этот тихий дачный уголок в надежде увидеть соловьев-разбойников, о которых только что сообщили в новостях.

Алиса села во флаер и поднялась к самым облакам, чтобы посмотреть на события сверху.

Но дело в том, что и любопытные, и даже полицейские, за исключением тех, кто был здесь с самого начала, совершенно не представляли, как выглядит Соловей-разбойник и кого надо искать.

Они носились вокруг, мешая друг другу, и время от времени над воздушной толпой пролетал крик, что соловьев уже видели и поймали, — черная стая смещалась в сторону и некоторое время роилась в той стороне. Потом оказывалось, что тревога ложная, и все начиналось вновь.

Алисе это надоело, и она поднялась в облака. И не случайно — ведь именно туда полетели птицы, чтобы скрыться от людей.

Некоторое время она поднималась в сплошной белой вате, затем в облаках показался просвет, сверху туда заглянуло солнце, но Алиса никого не увидела. Она продолжала подниматься, уверенная в том, что вот-вот увидит соловьев-разбойников, и побаивалась немного, как бы они не напали на ее маленький флаер.

Вот и еще один разрыв в облаках, словно воронка в песчаной пустыне. И тут Алиса увидела соловьев-разбойников. И даже не двух, а трех. Еще один, видно, поджидал их в облаках. Соловьи, громадные, как самолеты, медленно реяли сре-

ди облаков, словно отдыхали после встречи с людьми, и вначале восприняли Алису как четвертого соловья, их товарища.

Но через несколько минут один из соловьев, тот самый, что был похож на попугая, предупреждающе каркнул.

Остальные посмотрели на флаер Алисы и, не тратя времени, спикировали на него с трех сторон.

Хорошо еще, что Алиса умела водить машину лучше любого пилота. Она кинула флаер к земле, соловьи налетели друг на дружку, а Алиса уже спряталась в спасительной вате облака.

За несколько секунд Алиса пролетела облако и оказалась под ним, там, где бессмысленно кружились, выискивая соловьев, полицейские флаеры.

— Эй! — крикнула Алиса в микрофон, который разнес ее голос далеко вокруг. — Сейчас вы увидите соловьев! Будьте осторожны и уберите подальше зевак. А то они могут перепугаться и...

Алиса не успела закончить предупреждения, как из облаков, словно пикирующие бомбардировщики, выскочили три соловья-разбойника. Один серый, похожий на настоящего соловья, только очень большой, другой, скорее схожий с толстым голубем, но с большими когтями и загнутым орлиным носом, а третий — разноцветный, как попугай, но с пугающими размерами когтей и клюва.

Любое действие требует подготовки. Полицейским нужно было несколько секунд, чтобы подготовиться, зрителям и зевакам требовалось несколько секунд, чтобы броситься врассыпную. Но соловьи этих секунд никому не дали! Они неслись, как управляемые снаряды, и, конечно же, не пели по-соловьиному, а издавали те звуки, которым недавно научились, — оглушительно каркали.

Флаеры и прочие летательные аппараты с зеваками ринулись к земле, а полицейские, стараясь прикрыть их, открыли огонь из своих пулеметов. Заряды лазерных пулеметов вонзались в тела громадных птиц и пронзали их насквозь. Но самое страшное заключалось в том, что соловьи не обращали внимания на заряды. Они продолжали гоняться за зрителями, часть из которых успела приземлиться или спрятаться в листве деревьев.

Соловьи гонялись за своими жертвами, не обращая внимания на полицейских, но тех становилось все больше, и тогда соловьи сочли за лучшее отступить в облака.

Глава 5

СЫЩИКИ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ

«Итак, — сказала сама себе Алиса, расхаживая по комнате, — мы должны решить задачу, от которой, возможно, зависит будущее всей Земли».

Только что она выключила телевизор, где дикторша рассказала, что соловьи-разбойники, неуязвимые для самого современного оружия, скрылись в густых облаках и на их поиски направлены специальные отряды. Она попросила население не подниматься без нужды в небо, поглядывать с осторожностью на облака и, главное, проявлять выдержку.

По тому, как дикторша произносила эти предостережения, даже Алисе, которая уже сталкивалась с соловьями, становилось не по себе. Каково же тем, кто соловьев видел на картинках?

Затем выступил Алисин знакомый, комиссар Милодар, который сообщил, что, к сожалению, дело не ограничивается соловьями-разбойниками. За последние дни в одном пруду найден самый настоящий водяной, а вчера в окрестностях Москвы появились Баба Яга и леший, которые скрылись в неизвестном направлении.

Затем Милодар сказал, что, наверное, кому-то это покажется странным и даже смешным, а кто-то решит, что все это — выдумки любителей шуток и сказок, но один из соловьев-разбойников напал сегодня на рейсовый флаер, и тот разбился. Есть жертвы. А это уже не шутки и не плоды воспаленного воображения полицейских.

Пока что не удалось поймать ни одного из странных животных, но полиция продолжает поиски и надеется в ближайшие часы раскрыть эту тайну. Конечно же, это легче сделать, если ей будут помогать другие люди. В первую очередь всем следует обращать внимание на необычных животных или странных существ, может быть, даже сказочных, которые попадутся на глаза.

Алисе все это было известно, но ей так хотелось первой разгадать тайну!

— Поля, иди сюда, — позвала она робота.

Поля тут же появился в дверях. Он скучал днем, когда никого не было дома, и появление любимой Алисочки считал праздником.

— Что ты думаешь по поводу всей этой истории? — спросила Алиса.

— Я думаю, что это чья-то шутка.

— Почему?

Робот вытер резиновые перчатки о передничек, снял их и кинул, не оглядываясь, потому что знал, что перчатки обязательно повиснут в кухне на крючке.

— Естественным путем такие животные не могли вывестись на Земле. А если бы стали выводиться, мы бы с тобой заметили, — сказал робот.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Алиса. Пока что робот не говорил ничего нового, но ей хотелось выслушать его соображения, чтобы проверить саму себя.

— Прилететь из космоса они тоже не могли, — сказал робот.

— Почему?

— Потому что в космосе нигде не рассказывают наших сказок.

— А если кто-то специально решил подослать к нам чудовищ из наших сказок?

— Зачем? — удивился робот.

Красный огонек в его лбу загорелся ярче — у робота поднялось настроение. Давно они с Алисой не обсуждали таких важных проблем.

— Сначала кто-то хочет нас запугать, а потом завоюет.

— И ты в это веришь? — спросил робот и даже присвистнул. — Я-то думал, что вы, русские, уже перестали все свои неудачи сваливать на шпионов и вредителей.

— Я оценила твою шутку, Поля, — сказала Алиса, — ты рассказал мне, кто не мог изготовить или вывести этих чудовищ, а теперь расскажи, кто мог это сделать.

— Конечно, с одной стороны, они могли вывестись сами собой, — предположил робот, — незаметно для вас, людей, где-то в дремучих лесах и глубоких болотах...

— Что же получается, — возразила Алиса, — таились, таились и вдруг все вместе объявились?

— По очереди.

— И три соловья-разбойника?

— Это ты, Алиса, решила, что птицы — соловьи-разбойники, — заметил робот Поля. — Ты и своему комиссару эту мысль внушила. А вдруг это вовсе не соловьи и не разбойники?

— А кто же?

— Этого мы с тобой еще не знаем.

— Поля! — Алиса даже топнула ногой от возмущения. — Я тебя умоляю, перестань нести чепуху и ответь серьезно.

— Серьезно? Серьезно — не знаю.

— Тогда я буду говорить, хорошо? — спросила Алиса.

— Ну что ж, послушаем. — Поля постарался голосом и всем своим видом показать, насколько серьезно он относится к стараниям девочки стать настоящим сыщиком.

Алиса подошла к окну. Уже начало темнеть. Первые огни зажигались в домах.

— Мне кажется, — сказала она, — что все эти существа сделаны в одном месте. И сделаны они человеком, который когда-то читал сказки, но подзабыл их. А если он в детстве не видел картинки с Соловьем-разбойником или изображения водяного, то он не знал толком, какими они должны быть. А вот Бабу Ягу рисуют у нас часто. Он и сделал ее очень выразительной и страшной.

— Это уже интересно, — заявил Поля. Алиса подумала, что если бы он умел курить, то сейчас закурил бы трубку. Он вел себя как Шерлок Холмс, который разговаривает с туповатым Ватсоном.

— Мне продолжать, сэр, или вы уже обо всем догадались? — спросила Алиса.

— Продолжайте, — смилостивился Поля.

— Этот самый... изготовитель чудовищ даже не знал, как поют соловьи.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что его соловьи-разбойники учились петь у ворон — и получилось ужасно!

— Погоди, погоди! — перебил Алису Поля. — Твой изобретатель забыл научить соловьев петь. И соловьи сами отправились искать своих меньших братьев.

— Они искали соловьев?

— Конечно, они искали соловьев, только не знали, что осенью соловьи не поют.

— Может, ты и прав, Поля. Но мне кажется, что соловьев придумывали разные люди. Одни знали этих птичек и сделали свое чудовище серым, а другие не знали и сделали его разноцветным.

Алиса поняла, что беседа с Полей ничего ей не дала. Все это она могла бы продумать сама за две минуты.

Получалось, что любой вариант ведет в тупик.

Даже когда вечером по телевизору сообщили, что над городом Раменское многие видели дракона или, точнее, змею с крыльями, которая ушла в сторону заката, несмотря на то что была обстреляна мастером спорта по стрельбе, легче Алисе не стало.

Папа качал головой и посмеивался — он не верил, что под Москвой завелась всяческая нечисть, — а Поля молча подавал на стол, мыл посуду, даже не стал смотреть тысяча двести сорок пятую серию фильма «Слезы Розы».

Позвонил Милодар. Позвал к видеофону Алису.

— Ну как, моя крошка? — спросил он без улыбки. — Что будем делать завтра?

— До утра, я думаю, вы их переловите, — сказала Алиса.

— Я тоже надеюсь, — сказал Милодар. — Кстати, я попросил прекратить показ этих чудовищ по телевизору, а то завтра детей на улицы не будут выпускать.

— А что, появились еще какие-то?

— Вторая змея с крыльями была замечена над Переяславлем через час после первой. Она отличалась цветом и формой крыльев.

— Я думаю, — заметила Алиса, — что это не змея, а Змей Горыныч. Не слышали о таком?

— Опять русская сказка?

— Вот именно!

— Это мне уже надоело! — крикнул Милодар и отключил связь.

Алиса пошла к себе в комнату, легла спать, но заснуть долго не могла.

На следующее утро телевизор ничего не рассказывал о чудовищах, а у Милодара связь не отвечала.

После школы Алиса позвонила на телестудию, и там ей сказали, что никаких новых сведений о драконах, водяных и прочем зверье на студию не поступало.

Поля несколько раз заходил к Алисе в комнату, стоял на пороге, молчал, но новых версий не предлагал.

Алиса сидела у себя, ничего не делала и представляла, как по небу носятся боевые флаеры и истребители, ищут чудовищ и пытаются их поймать. А если они опасны, то их убивают... Хотя Милодар говорил, что еще ни одного чудовища не поймали и не убили. Что же получается, техника конца XXI века не может поймать одну Бабу Ягу или выловить из лужи водяного?

— Разумеется, — сказала Алиса.

— И я так думаю, — поддержал ее робот.

— Что ты думаешь?

— Хозяйка, я тебя знаю с рождения, мне любая твоя мысль понятна, — сказал Поля. — А сейчас ты подумала, что эти чудовища должны вылетать из одного центра. Не может быть, чтобы в нескольких местах Земли какие-то злые шутники выращивали змеев и водяных, а потом выпускали их на волю.

— Правильно, — согласилась Алиса. — И что дальше?

— Дальше мы с тобой будем считать, — сказал робот.

Он включил компьютер и попросил его дать карту Москвы и ее окрестностей.

— Погоди, — прервала его Алиса. — Давай возьмем простую карту. Дисплей нам мал.

Они расстелили на столе большую карту Подмосковья и начали наносить на нее время и место встречи людей с чудовищами.

— Сначала был водяной. Два дня назад. Затем Баба Яга и леший — позавчера... Вот здесь! Потом соловьи-разбойники. Они летают и потому передвигаются быстрее. Их увидели здесь... нет, здесь! А потом я сама полетела к Звенигороду и встретила их вот здесь. И последнее: Змей Горыныч, который летал в районе Раменского. И если верить Милодару, через час был замечен еще один змей, над Переяславлем... вот тут! Далеко отлетел.

— Итак, — подытожил робот Поля, будто он придумал всю эту историю, — мы имеем ряд точек. По ним нам следует отыскать пункт, из которого все они вылетели. Это несложная задача.

— Несложная, — согласилась Алиса, — если ты знаешь, одновременно они вылетели или в разное время.

— Этого мы никогда не узнаем, — согласился Поля и расстроился. — Задача не имеет решения, — сообщил он.

— Может, и не имеет, если подходить к ней математически. Но решение есть, если подойти к задаче по-детски, — сказала Алиса.

Она воткнула булавки в точки, где встречались чудовища, затем привязала к булавкам ниточки, взяла пучок в руку и натянула — получился шатер из ниточек.

— Вот здесь, — сказала Алиса, — под вершиной моего

шатра, мы и будем искать злодея, вернее, его лабораторию. Место, где выводятся существа из детских сказок.

Она опустила руку на карту Москвы и попросила робота:

— Скажи мне, что же попадает в подозреваемый район?

— В подозреваемом районе располагается выставка, — сказал робот, — когда-то она называлась Сельскохозяйственной выставкой, потом Выставкой достижений народного хозяйства, потом...

— Поля, меня сейчас не интересует история. Расскажи мне, что там находится сегодня.

— А сегодня на месте этой выставки открывается Ярмарка Чудес. Со всех краев земли, со всех концов Солнечной системы сюда слетелись лучшие фокусники, клоуны, кукольники, волшебники, колдуны, чревовещатели, шпагоглотатели, музыканты, которые умеют играть на ложках, на пиле, на ведре и других невероятных инструментах, — в общем, это самая настоящая старинная ярмарка со старинными развлечениями. Сам не знаешь, что там отыщешь — то ли тебе покажут женщину без головы, то ли тебе отрежут твою собственную голову.

— Ну, уж наверное, там не так опасно! — улыбнулась Алиса.

— Одной девочке вечером на такой Ярмарке появляться рискованно!

— Я все поняла, Поля, тебе тоже хочется сходить на Ярмарку, — догадалась Алиса.

— Мне хочется охранять тебя, — возразил Поля.

— А на Ярмарку не хочется?

— Мне хочется разгадать тайну чудовищ.

— Надоело сидеть на кухне?

— Мне хочется выйти на бой с драконами!

— Прекрасно, — сказала Алиса. — Именно такой боец с драконами и требуется на дальних планетах. Ты когда-нибудь задумывался, Поля, что у тебя ноги приспособлены только для того, чтобы ходить по гладкому полу?

— Неправда! — обиделся домроботник. — Я могу переступить через порог.

— Ты знаешь, что не можешь быстро двигаться?

— Это подстроено завистниками, которые боялись, что я опрокину чашку с бульоном! Но я умнее многих и лишен страха. Я иду с тобой на Ярмарку.

— Миленький Поля, мы с тобой совсем не уверены, что чудовища сначала появились на Ярмарке. Возможно, наше путешествие окажется напрасным, а все дома останутся без обеда.

— Ничего! — закричал робот, хотя он и не умел кричать. — Я оставлю записку, что сломался, и попрошу профессора Селезнева и богомола пообедать консервами.

— Ну ладно, — сдалась Алиса. — Только сними с себя фартук и поварской колпак.

— Ты думаешь, что меня тогда примут за боевого робота?

— Не уверена, — созналась Алиса. — Но по крайней мере тебя не примут за кухонного робота.

Когда Алиса собралась, Поля ее уже ждал. Он снял фартучек и колпак. Но вместо колпака водрузил на круглую голову поспешно склеенный из бумаги конус с черепом и скрещенными костями, а через плечо у него тянулась матерчатая портупея, в петле которой был укреплен широкий кухонный нож.

— Теперь я вижу, что у меня есть настоящий защитник.

У домашних роботов не бывает чувства юмора, так как оно может повредить при приготовлении пищи, поэтому Поля ответил голосом хорошо выдрессированного солдата:

— Так точно, вы видите перед собой настоящего защитника!

Во флаере Поля ворочался, пристраивая свою сбрую, поправлял колпак и поглядывал в зеркальце. Он себе нравился.

Над Ярмаркой полеты были запрещены, так что пришлось опуститься на гигантской стоянке, которая подковой охватывала Ярмарку со стороны проспекта, и оттуда идти пешком. На Алису с роботом никто и взгляда не кинул, а на подходе к Ярмарке начали встречаться различного вида существа, одетые нелепо, необычно и даже фантастически.

Над площадью протянулась через половину неба горящая надпись:

ЯРМАРКА ЧУДЕС

Каждая буква в ней была размером с телевизионную башню, и каждая отличалась от соседней цветом и формой. Садившееся на другой стороне неба солнце потускнело, как будто стеснялось такой яркой и беспардонной надписи.

Еще дома Алиса с Полей узнали, что на Ярмарке разрешены только те чудеса, которым не меньше ста или даже трехсот лет. А вот чудеса, придуманные людьми недавно и имеющие отношение к космическому веку, на Ярмарку не допускались.

И это понятно: для того чтобы чудо стало чудесным, оно должно немножко состариться. Есть такие особенные магазины — антикварные. В них продают только старые удивительные вещи, а то, что можно купить в обыкновенном магазине, вы в антикварной лавке не отыщете. Вот так и с Ярмаркой Чудес. Там можно увидеть лишь то, что в обыкновенном парке ни за что не увидишь.

— Заходите, заходите! — кричали зазывалы, которые бродили перед входом на Ярмарку, прикрепив к ботинкам высокие ходули, и казались вдвое выше обычного человека. Зазывалы были облачены в клоунские костюмы, и когда им надоедало зазывать, они вынимали дудочки и рожки и начинали играть веселые мелодии.

Пройдя вместе с красочной и шумной толпой в ворота Ярмарки, Алиса была оглушена пением, музыкой, грохотом и хохотом Ярмарки. Здесь каждый пытался завлечь посетителя, каждый старался показать ему что-то такое, чего тот никогда в жизни не видел.

Ярмарка состояла из сотен павильонов, маленьких и больших, шатров, башен и башенок, между ними умещались качели и американские горки, по которым, набирая страшную скорость, носились вагончики. Среди павильонов бродили продавцы разных вкусных вещей, которые в обычной жизни взрослые тебе покупать не дают. Там продавали шары из воздушного сахара, пирожки и пончики, тростниковый сок, мороженое кокосовое, банановое, пельдиаровое, просто малиновое и с вишневым желе.

Но, конечно же, самое интересное происходило в павильонах и на сцене балаганов.

Больше всего Алисе понравились названия балаганов и зазывные надписи и призывы, которые были прикреплены к ним или написаны на матерчатых лентах, сделаны из светящихся трубочек или разноцветных ламп.

Вот некоторые, может даже не самые удивительные из них:

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ
ВАСЯ N.

Ансамбль чечеточников
ОГОНЬ ИЗ КАБЛУКОВ

САЛАМАНДРА В ОГНЕ
Не обожгись, любимый!

САБЛЕГЛОТАТЕЛЬ
Хоссов аш-Ширин

ЖЕНЩИНА-ШКАФ
Шесть ящиков

УГАДЫВАЕМ ВАШИ МЫСЛИ И ТАЙНЫЕ ЖЕЛАНИЯ,
О КОТОРЫХ ВЫ САМИ НЕ ДОГАДЫВАЕТЕСЬ

БУДУЩЕЕ ОТКРЫТО ПЕРЕД ВАМИ!
Гадалка с Цейлона мадам Баттерфляй

ПОЛЕТ ПОД КУПОЛОМ
Женщина-бабочка, ее бабушка и их дедушка

НЫРНИ К РУСАЛКЕ — ВЫНЫРНЕШЬ ЖАБОЙ!
ХОЧЕШЬ СТАТЬ МОЛОДЫМ — ОКУНИСЬ В КИПЯТОК!

— Да, — сказала Алиса после того, как они потратили часа два на хождение между павильонами и балаганами, — здесь наших чудовищ найти труднее, чем иголку в стоге сена. Что будем делать, мой защитник?

— Искать дальше, — ответил Поля и надвинул на горящие красные глазки бумажный колпак.

На небольшой площади, недалеко от длинного, похожего на огурец озера, играл маленький оркестр, музыканты были одеты в атласные панталоны, камзолы и белые чулки. Они отбивали такт башмаками с золотыми пряжками. И музыка их была такой заразительной, что Алиса, не выдержав, пошла в пляс, с ней плясал здоровенный парень в двухцветном костюме шута, а Поля суетился, бегал за ними и следил, чтобы шут не украл Алисочку.

— Что ищешь, красавица? — спросил шут.

— Ты не поверишь, — ответила Алиса, — я ищу водяного и Змея Горыныча.

— Зачем тебе такие противные создания?

— И еще Бабу Ягу и лешего.

Парень рассмеялся.

— Столько гадости я сроду не видал, — признался он, — и не знал, что на нашей Ярмарке они водятся.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — я у кого-нибудь могу о них узнать?

— Ищи таких же, как тот, — сказал шут, — что вон там стоит. Если тебе страшно, я с тобой к нему подойду.

Алиса поглядела, куда указывал шут, и увидела, что там, в тени кустов, стоит робот Поля в бумажном колпаке. Только человеку, который не знает, какое это чудесное и доброе существо, может показаться, что он встретился с чудовищем.

Музыка прекратилась. Алиса кончила танцевать и подошла к роботу.

— Ты что-нибудь узнал? — строго спросила она, так как боялась, что он начнет укорять ее за легкомыслие.

— Как я мог узнать, — ответил сердито робот, — если я тебя охраняю?

Такую карту Алисе было крыть нечем, и они пошли дальше.

Вдруг Алиса сказала:

— Стой!

Над входом в большой круглый балаган висела вывеска:

«Только у нас! Настоящий динозавр Бронтя, на котором в детстве каталась знаменитая девочка Алиса! Спешите покататься на нем по настоящему пруду!»

— Заглянем? — спросила Алиса.

— Это чепуха! — серьезно откликнулся робот. — Неужели ты не знаешь, что настоящего Бронтю держат в Космозо?

— Знаю, — ответила Алиса. — Я два дня назад с ним виделась. Но неужели никому нельзя пошутить, пользуясь тем, какая я знаменитая!

— Не воображай! Ты знаменита только в своем классе, и то потому, что умудрилась схлопотать двойку на контрольной по алгебре!

— Поля, нельзя подсматривать в чужой дневник! — рассердилась Алиса. — Нам, людям, от вас, роботов, житья не стало.

— Так сдай меня на металлолом! — воскликнул разобиженный робот. — Сдай сейчас же! Я не хочу жить!

Он направился прочь, крича:

— Где здесь принимают металлолом? Я хочу, чтобы меня переплавили!

Алисе пришлось бежать за ним, утешать и доказывать, что Поля очень нужен всему человечеству, а Алисе особенно.

Потом она все же повела его в балаган, где показывали Бронтю. Может, это и есть Змей Горыныч?

Но внутри балагана все оказалось очень просто. Там стоял круглый бассейн в пластиковых берегах диаметром метров десять. В нем по кругу плавал надутый пластиковый дракон, или бронтозавр, зеленого цвета.

Толстый грустный мужчина в тренировочном костюме с кожаным фартуком на животе держал бронтозавра за веревку, продетую в ноздри, и подтягивал его к себе, но не просто, а рывками, чтобы бронтозавр извивался, как живой. Правда, ничего живого все равно не получалось.

— Только раз в жизни! — кричал мужчина. — Катайтесь, не утоните! Гарантий не даем!

Никто не спешил влезать на пластиковое чудовище.

— Не наш? — спросила Алиса у Поли.

— Разумеется, не наш! — серьезно ответил робот. — Наш крупнее.

Они вышли и купили по мороженому, одно съела Алиса, а свое ей потом отдал Поля. Внутри Поли не было холодильника, как в самых современных домашних роботах, и мороженое немножко подтаяло. Потом они попробовали по очереди силу на силомере. По этой старинной штуке надо было бить кулаком, и тогда стрелка подлетала вверх — у кого на метр, у Алисы на два, а у Поли на три с половиной метра. Но приз Поле не дали, потому что он робот.

— На мне разве написано, что я робот? — спросил Поля.

— А на тебе и писать не надо, — ответил карлик, хозяин силомера.

— Вы просто завидуете моей силе, — сказал Поля.

Тогда карлик обиделся и сам так ударил кулачком по выступающей кнопке, что стрелка улетела до самого верха и закачалась на высоте четырех метров.

— Пошли, Поля, — приказала Алиса. И вдруг закричала: — Смотри!

Навстречу им в большом аквариуме ехала русалка. Это была самая настоящая русалка с хвостом вместо ног, не из тех русалок, что пляшут на берегах, соблазняя добрых молодцев.

Аквариум был на колесах, словно переделан из старого кресла для инвалида или бабушки. Люди не особенно обращали внимание на русалку, потому что вокруг ходило, бегало и прыгало немало необычных тварей и людей. Но Алису интересовало именно то, на что другие и не думали смотреть. Например, она увидела, что русалка, которая едет в облезлом кресле, чуть шевелит в аквариуме широким плоским хвостом, она заметила, как, не останавливаясь, та опустила зеленую руку и, зачерпнув воды, провела по груди и животу — не любят русалки сухости! Можно дать голову на отсечение, что никто из поддельных русалок не стал бы смачивать себе грудь водой.

— Простите! — крикнула Алиса, бросаясь следом за русалкой. — Вы куда?

Та нажала на кнопку в подлокотнике кресла и прибавила скорости.

Алиса побежала за ней.

Русалка оглянулась и оскалилась по-звериному. И тут же покатила еще быстрей. Это просто чудо, что она никого не сбила с ног, не задавила, не покалечила. Русалка неслась со скоростью автомобиля и через минуту скрылась из виду.

— Ну и что будем делать? — спросила Алиса у робота.

— Не беспокойся, — ответил Поля. — Мы знаем цвет и марку коляски. В любом отделении милиции нам сообщат, где живет эта зеленая русалка.

— Знаешь, ты кто, Поля? — спросила Алиса.

— Кто?

— Ты — мыслитель. Страшнее тебя в мире нет.

— Я знаю, что я мыслитель, — согласился Поля. — И это мне часто мешает жить, потому что необразованные и нечуткие люди порой воспринимают меня как прислугу и не ждут от меня глубоких мыслей. А знаешь, как трудно все время таить мысли в себе? Я же живу под напряжением! В любой момент моя голова может лопнуть.

— Пойдем, пойдем, не задерживайся, — попросила Алиса.

— В какую сторону? — спросил мыслитель Поля.

— Туда.

— Но русалка, которой ты так заинтересовалась и которая имеет явное отношение к русскому фольклору, скрылась в диаметрально противоположном направлении!

— Правильно! Мы должны попасть к тому месту, откуда она выехала! — объяснила Алиса и побежала вперед, стараясь

никого не сшибить с ног. — Смотри по сторонам и замечай все, что кажется тебе необычным!

Вот эту просьбу Алиса высказала зря! Потому что не успели они пробежать и ста метров, как робот Поля ринулся в сторону и уцепился за рукав известного востоковеда, крупнейшего специалиста по вавилонской клинописи профессора Сулейменова-Стальского, внесенного в Книгу рекордов Гиннесса как обладатель самой густой и длинной бороды на свете.

Когда Поля увидел профессора с завязанной в узел бородой, в нем проснулся охотник за подозрительными редкостями.

— Алиса! — закричал он. — Я взял его!

— Простите! — Профессор пытался освободиться из объятий железного бандита в бумажном колпаке с нарисованным на нем черепом и костями, но, конечно же, одолеть робота он не мог. — Я не имею чести... Мы практически незнакомы! — повторял профессор, задыхаясь.

— Что ты делаешь, Поля? — подбежала Алиса.

— Это Черномор! — закричал Поля. — Это сказочный карла, который украл нашу Людмилу и держит ее в заточении.

— Простите! — кричал профессор, сопровождаемый известной сенегальской фотомоделью Эжени Кюри. — Мой небольшой рост не дает вам оснований...

Алиса принялась вырывать профессора из жестокой хватки робота. На помощь им пришла фотомодель, и совместными усилиями им удалось освободить профессора из плена. Посрамленный Поля отступил, но так и не поверил, что профессор — существо реальное, а не сказочное.

Оставив профессора на попечение заботливой сенегальской фотомодели, Алиса потащила разочарованного в жизни робота Полю дальше. Так они вышли к берегу пруда, похожего на огурец. И остановились.

Через аллею, закрепленная концами за стволы высоких сосен, висела надпись, сделанная из разноцветных лампочек:

ПРИДУМАЙ СЕБЕ ЧУДО!

Перед высоким шатром из зеленых и оранжевых пластиковых полос, словно воздушный шар, возвышались два столба. Между столбами висело полотнище с таким лозунгом:

ТЫ САМ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СКАЗКИ!

— Стой! — приказала Алиса роботу. — В тебе зазвенел звоночек тревоги?

— Ничего во мне не зазвенело, — ответил Поля. — Звенит только в испорченных роботах. А мне еще жить да жить!

Алиса махнула рукой и поспешила к группе зевак, которые толпились перед большим стендом рядом с кассой — будкой, похожей на собачью, только значительно большего размера.

К стенду были приколоты викады с изображением различных сказочных существ. И среди них — леший, Баба Яга, водяной и даже Змей Горыныч. А вот и соловьи-разбойники!

— Все, — сказала Алиса. — Наше путешествие закончилось. Мы достигли Северного полюса.

— Ты ошибаешься, — возразил Поля. — Северный полюс покрыт дрейфующими льдами.

Алиса засмеялась и подошла к кассе.

Внутри будки смутно виднелось лицо, а когда Алиса хотела спросить, можно ли купить билет, лицо исчезло, и вместо него появился раструб серебряной трубы. Кассирша заговорила в трубу низким голосом:

— Спешите купить билет! Последние гастроли! Чудо двадцать первого века! Сам придумал — сам беги!

— Что-то мне ее голос знаком, — заметила Алиса, дожидаясь, пока кассирша закончит свое рекламное объявление, чтобы заглянуть внутрь.

В кассе сидела отлично известная Алисе тетя Дуся, которая раньше работала в Космическом зоопарке смотрительницей в отделе бронтозавров. Но ее пришлось уволить, потому что она лупила животных и ругала их.

— Тетя Дуся! — воскликнула Алиса. — Вы что здесь делаете?

— Я здесь работаю, — ничуть не смутилась служительница.

— А можно купить у вас билет на представление?

— Из уважения к папаше я пущу тебя бесплатно, — ответила тетя Дуся. — Но железяку, которую ты с собой притащила, прислони к столбу, пускай подождет.

— Что значит — прислони? — возмутился Поля.

— Железяк я бесплатно не пускаю, — басом сказала тетя Дуся.

— Нет, он пойдет со мной, — сказала Алиса. — Это наш домашний робот.

— Так он у вашего родителя работает? — спросила тетя Дуся. — У уважаемого профессора Селезнева? — У нее от почтения даже голос изменился.

— Он у нас дома живет, он даже старше меня, — ответила Алиса.

— Ну ладно, — смилостивилась тетя Дуся. — Я вас обоих пускаю без билетов. Идите, но ведите себя хорошо. У нас опыты тонкие, психологические. И учти, что за участие в опытах плата особая. Тут уж я тебе ничем не смогу помочь.

И тетя Дуся открыла маленький шлагбаум, перекрывавший вход в шатер.

Алиса и робот Поля вошли внутрь.

Глава 6

СТРАННЫЙ ЦИРК

Внутри шатра все напоминало небольшой цирк шапито.

Даже пахло опилками и конским навозом.

Под потолком горели разноцветные лампы, и на манеже все казалось ярким и праздничным, зато ряды для зрителей оставались в полутьме.

Присмотревшись, можно было понять, что на самом деле зритель видел только половину манежа, разделенного пополам огромным зеркалом, которое начиналось у купола, доставало до земли и надежно делило зал пополам. Но зеркало это было особого свойства — оно не отражало самих зрителей. Достигалось это тем, что оно было чуть изогнутым.

Зрителей в цирке было немного — человек двадцать-тридцать. Справа от Алисы сидели родители с маленькими детьми, слева — двое молодых людей. Но в темноте было трудно разглядеть их лица.

Заиграла бодрая цирковая музыка, в зале стало темнее, а свет на манеже разгорелся ярче.

Под эту музыку на арену вышла тетя Дуся. Но ее было трудно узнать.

Она была облачена в короткую пышную юбочку розового цвета, лифчик с кружевами, все в блестках, а лицо закрывала

розовая полумаска. Чулки и сапоги тети Дуси были белыми и тоже в блестках.

— Маска, я тебя знаю, — сказал Поля.

— Па-а-прошу не мешать представлению! — громко ответила тетя Дуся. — Узнать меня нельзя, меня родная мать не узнает. Теперь я госпожа Инкогнита Тобосская! Что, съела, железяка?

— Помолчи! — остановила Алиса Полю, который рванулся было в бой.

Тетя Дуся подошла поближе к бортику манежа. В руке у нее оказался самый настоящий хлыст, как у дрессировщика. Она поставила носок сапога на борт манежа и заявила:

— Сейчас вы увидите такое чудо, от которого лопнете! Мой номер знают даже в Конотопе и на Сатурне! Многие умирали, не выходя из цирка. Которые оставались в живых, назавтра приходили вновь! Сегодня в ваших силах то, что было доступно только богам. А я за скромное вознаграждение даю вам такую возможность. Раскошеливайтесь!

От такого крикливого напора зрители оробели и молчали.

— Кто желает соперничать с богами и создать новое живое существо? Ну, не трусьте! Я вижу среди зрителей девочку Алису. Девочка Алиса, хочешь ли ты попробовать свои силы?

— Нет! — закричал Поля. — Я этого не допущу. Я сам попробую свои силы!

— У роботов нет настоящего воображения, — ответила тетя Дуся. — Робот не может ничего создать.

— А мы попробуем! — Поля пытался вырваться на манеж, но Алиса уцепилась за него:

— Полечка, милый, не надо, потерпи!

Пока Алиса воевала со своим верным роботом, она упустила шанс выйти на арену. Вместо нее выбежал один из мальчиков лет шести-семи, что сидел справа с братом и родителями. Он перемахнул через барьер и встал рядом с тетей Дусей. Размером он был как раз с ее мускулистую ногу, обтянутую блестящим чулком.

— Вот и молодец, — сказала тетя Дуся добрым голосом. — Сейчас мы с тобой сотворим чудо.

Тетя Дуся хлопнула в ладоши, и в ответ на это сбоку из прохода выехал на колесиках небольшой столик с пультом.

— Я должна предупредить дорогих зрителей, что все, что вы сейчас увидите, на самом деле не существует. Это только

изображение, только картинка, которую выдумает наш дорогой... Как тебя зовут, наш дорогой?

— Его Колей Пуделем зовут! — откликнулся брат мальчика из темноты. — Можно я тоже спущусь? Я лучше умею придумывать!

— Ничего подобного, — ответил Коля Пудель. — Сначала я придумаю, а потом ты.

— Миша, сейчас же перестань! — взволновалась его мама.

— Попрошу передать мне сто рублей, — сказала тетя Дуся. Она сама взбежала по ступенькам наверх, и Алиса услышала, как мама Пудель шуршит бумажками.

Затем тетя Дуся подошла к мальчику и прикрепила к его виску присоску.

— Ты все запоминаешь? — тихо спросила Алиса робота. — Это может быть очень важно.

— Я все снимаю, — ответил Поля. — Я спрятал сегодня за глазами видеокамеру.

— Да ты у меня изобретатель, а я и не знала!

— Теперь будешь знать, — гордо ответил робот.

Никто не слышал этого разговора, потому что внимание зрителей было приковано к манежу.

Тетя Дуся отошла к столику с пультом и оттуда приказала басом:

— Мальчик Коля, смотри перед собой и представляй!

— А что я должен представлять?

— Сейчас посмотрим. — Из кармана на бедре тетя Дуся достала небольшую записную книжечку в золотом переплете и начала бормотать себе под нос: — Соловья-разбойника мы проходили, водяного изобретали... русалок только сегодня делали...

Поля толкнул Алису в бок локтем. Локоть у него был острый, и Алиса чуть не взвыла от боли. Но сдержалась и кивнула.

Наконец тетя Дуся нашла нужную строчку.

— Ты русские сказки знаешь? — спросила она Колю.

— Знаю.

— И былины знаешь?

— И былины... — Но мальчик Коля не был уверен, он кинул взгляд в темноту, где сидели его родители.

Оттуда донесся женский голос:

— Знаешь, знаешь!

Коля кивнул.

— Значит, сегодня, — сказала тетя Дуся, — мы с вами будем воображать этого самого... Кащея Бессмертного. Слышали о таком?

Все, кроме Поли, ответили, что слышали. Поля сжал резиновые губы, но глаза его бегали, снимая все вокруг.

— Перед тобой — экран, — сказала тетя Дуся. — Передо мной — усилитель твоих мыслей. Давайте похлопаем Коле и посмотрим, какого он нам выдумает Кащея Бессмертного. Только не испугай свою маму! — Тетя Дуся захохотала басом.

Из темноты раздался ответный смех.

Мальчик Коля насупился, приложил кулак ко лбу, будто от этого ему лучше думалось.

И тут же на громадном зеркале, разделявшем манеж надвое, начал появляться туманный силуэт.

— Давай, давай! — крикнула тетя Дуся. — Думай! Энергичнее думай!

Мальчик напрягся. Он старался. Но пока что на экране клубилось нечто невнятное, непохожее на Кащея. Алисе вдруг захотелось закричать: «Я знаю, какой из себя Кащей!» Она еле удерживалась, чтобы не побежать вниз и не помочь мальчику.

— Колька! — закричал его брат Миша. — Он костлявый!

— Я сам знаю, что он — скелетик. Я по телику смотрел! — отозвался Коля Пудель.

И тут переливчатое и непонятное пятно в зеркале, разрезающем цирк, стало вытягиваться вверх и как бы делиться на отрезки — и уже можно было в нем угадать скелет гигантского роста, под потолок. В руке у скелета была сабля, на ногах — черные сапоги, а больше на скелете ничего не было.

Скелет начал переступать с ноги на ногу и улыбаться. Самое жуткое — смотреть, как Кащей улыбается.

Он расхохотался, но ни звука не долетело в зрительный зал. Это тоже было страшно.

Кащей казался совершенно реальным и объемным, будто он не был изображен на плоскости силой воображения ребенка, а просто отразился в зеркале, и все время хотелось оглянуться, чтобы проверить, нет ли Кащея Бессмертного в зале, не затаился ли он за спиной.

— Готов ли твой Кащей? — спросила тетя Дуся.

— Наверное, готов, — ответил мальчик.

— Нравится он тебе?

— Как живой! — ответил мальчик.

— Теперь мне, теперь мне! — закричал мальчик Миша.

— Сначала, — сказала тетя Дуся, — создатель этого чудовища мальчик Коля, а также его родственники и родители имеют право сфотографироваться у изображения Кащея Бессмертного. Стоимость фотографии — сто рублей.

— Много, — откликнулась мама мальчика. — Я уже разорилась!

— Мама! — буквально завопил мальчик Коля. — Ты хочешь оставить меня без праздника?

— Тебя я хочу оставить с праздником, а семью — с деньгами. Как только ты сфотографируешься, твой братишка Миша сразу побежит своего Кащея придумывать.

— Это очень полезно, — заявила тетя Дуся. — Познавательно!

Она ходила по манежу, постукивала концом хлыста по белому сапогу, икры ее ног были похожи на бутылки шампанского.

— Придумывание чудовищ и сказочных существ приятного вида, — рассуждала тетя Дуся, — развивает у детей воображение, а у взрослых — любовь к воспитанию детей. Мы этим занимаемся, чтобы помочь учителям и художникам. А ну, давай покажи нам, что ты умеешь делать.

Последние слова тети Дуси относились к Кащею Бессмертному. Монстр переступил с ноги на ногу. Тетя Дуся щелкнула хлыстом, подняв с манежа облако пыльных опилок. И тогда, ко всеобщему удивлению, скелет начал приплясывать, как будто вот-вот пустится вприсядку.

— Осторожнее! — вырвалось у Алисы. — Он может рассыпаться!

— Рассыплется — другого изобразим! — весело ответила тетя Дуся и еще раз щелкнула хлыстом.

Кащей постарался и в самом деле сплясать вприсядку, но тут одна из ног отвалилась, и он запрыгал за ней, но тетя Дуся остановила его:

— Ты куда? Фотографироваться будем! — Тетя Дуся махнула хлыстом, так что он пронзил зеркало и ударил Кащея по плечу. Тот, хотя и был из костей, подпрыгнул от боли, скоренько приставил себе ногу, а тетя Дуся закричала мальчику Коле: — А ну, быстро фотографироваться! А то этот паразит совсем погибнет!

Мальчик Коля, расстроенный тем, что так жестоко обхо-

дятся с его изобретением, подошел к зеркалу, и под куполом начали вспыхивать звезды, а в воздухе — возникать и падать на опилки рядом с мальчиком большие фотографии Кащея. Потом возле несчастного Кащея сфотографировалась вся семья Пуделей, но Мише мама запретила придумывать чудовище. Пожалела денег.

— Хватит нам одного Кащея, — сказала она. — Коля даст тебе фотографию поиграть.

— А ну, кто следующий! Не робейте! — закричала тетя Дуся.

Алиса хотела откликнуться, но ее опять сбил с толку Поля.

— Давай я пойду, — прошептал робот, — я умею придумывать!

— Молчи и наблюдай! — приказала Алиса.

Из верхнего ряда на манеж спустился незнакомый парень. Он был выбрит, в ухе сверкала серьга, через плечо — пулеметная лента, из которой торчали незабудки. Он сразу протянул тете Дусе сотню и сказал:

— Давай усилитель. Изобразим Кащея в лучшем виде.

Немногочисленные зрители захлопали в ладоши.

Парень прищурился и протянул вперед руку.

Через минуту муть в зеркале превратилась в среднего роста костлявого дедушку с длинной белой бородой, вырастающей из худого лица...

— Нет, — сказал парень, — не так.

И тут же кожа с лица сошла, и обнаружился бородатый череп. Зато остальная фигура оказалась закрытой длинным, до земли, черным плащом, словно это был не Кащей Бессмертный, а какой-то вождь Черных Легионов со зловещей планеты Икс.

В руке у Кащея вместо обыкновенной сабельки возник бластер, извергавший зеленые лучи, а над головой появилось сияние.

— Инопланетный Кащей, — сообщил молодой человек, сделал кульбит и исчез в темноте задних рядов.

Сфотографироваться он не захотел, и тетя Дуся, сделав фотографии инопланетного Кащея, швырнула их в темноту, откуда раздался голос:

— Спасибо, тетя, ваш подарок принял!

Вдруг на манеж легко выбежал экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки Алеша Вундермахер-Чудодеев. Смущаясь, он достал из кармана деньги и сказал:

— Если не возражаете, я бы желал создать существо из моего детства, то есть такого Кащея, который, на мой взгляд, наиболее точно соответствует общепринятому в фольклоре его образу.

— Для реализации изображений, — сказала тетя Дуся, — отбираю только тех чудищ, про которых никто ничего не знает. Художники их рисовали как черт на душу положит. Я вот завтра за Лихо Одноглазое возьмусь. Никто его не видел, только сказители о нем пели.

— И все же... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

— Зови меня просто — Авдотьей Альбертовной.

— Тем не менее, Авдотья Альбертовна, в течение веков в нашем искусстве родился устойчивый образ Кащея Бессмертного.

— Валяй, — сказала тетя Дуся, — если ты такой упрямый. Нам не жалко.

Алешин Кащей Бессмертный был страшнее того Кащея, которого придумал мальчик Коля. Он тоже был скелетом, но не в сапогах, а в валенках. В костяной руке Кащея была золотая шкатулка, и Алиса сразу догадалась, что именно там хранится душа Кащея в виде иголки. На голове Кащея сидела ржавая железная корона, а на валенках болтались обрывки цепей — видно, Алеша вспомнил, что в какие-то отдаленные времена злодея держали в цепях.

— Чудесно, — сказала тетя Дуся. — Я тоже его представляла именно таким. Поклонись, Кащеюшка!

— Алиса, я встревожен, — сообщил робот Поля. — Если это только изображения, то почему они подчиняются этой большой женщине?

— Думаю, что это — вид гипноза, — сказала Алиса. — Мы с тобой загипнотизированы.

— А что же она тогда фотографирует? Гипноз?

— А кто сказал, что невозможно сфотографировать изображение, которого нет, но которое наш глаз видит?

Тут тетя Дуся предложила Алеше сфотографироваться вместе с Кащеем, который не переставая кланялся, как китайский болванчик, но Алеша возразил.

— У нас с супругой, — сказал он, — есть достаточно денег. Для тренировки в стрельбе из рогатки нам очень нужна подвижная мишень. Вот мы и подумали — продайте нам нашего Кащея.

— Ну как же я смогу это сделать, — развела руками тетя

Дуся. — Ведь это же только видимость. На самом деле Кащея не существует.

— Но мы много заплатим, — сказал Алеша.

Из зала закричали:

— Молодой человек, отвяжитесь от женщины! Сказали, что невозможно, значит, невозможно.

— Оставьте мне ваш адрес, — быстро проговорила тетя Дуся. — Если у нас появится возможность производить настоящих Кащеев и драконов, мы вам обязательно позвоним.

Опечаленный Алеша протянул тете Дусе визитную карточку. Алису что-то кольнуло в сердце.

— Поля, — сказала она, — не спускай глаз с Алеши.

— Зачем? Он производит впечатление вполне культурного и порядочного молодого человека, — сказал робот.

— Не задавай лишних вопросов! — оборвала его Алиса.

А тем временем тетя Дуся вышла на середину манежа и снова крикнула:

— Есть ли еще желающие показать нам своего Кащея?

— Я иду, тетя Дуся! — крикнула Алиса, сбегая по проходу вниз.

— Кого я вижу! — радостно воскликнула тетя Дуся. — К нам в гости пришла дочь самого профессора Селезнева. Поприветствуем ее, господа!

Раздались аплодисменты. Алисе не видны были люди — прожектора били в глаза, и казалось, что тебя держат в воздухе, как бабочку на булавке.

— Чего же ты хочешь, девочка? — спросила тетя Дуся. Но Алиса чувствовала, что на самом деле тетя Дуся вовсе не рада тому, что дочка директора Космозо пришла на Ярмарку и увидела ее тут.

— Я тоже хочу придумать Кащея, — сказала Алиса.

— Ах, какая жалость! — воскликнула тетя Дуся. — У меня аккумулятор сел. Нельзя больше придумывать.

— У меня есть деньги, — сказала Алиса.

— Я была бы рада сделать это для тебя бесплатно. Но на сегодня представление окончено. Приходи завтра, девочка.

— Может быть, вы разрешите сделать маленького Кащея? — спросила Алиса.

— Нельзя даже маленького.

Тетя Дуся подняла руку, тут же прожектора и звезды под куполом погасли и в зале зажегся свет. Зрители поняли, что представление закончено, и начали подниматься с мест. Алиса

видела, как встали чемпионы мира по стрельбе из рогатки, как пошли к выходу всей семьей Коля, Миша и их родители Пудели, парень с серьгой, поддерживая за локоть подружку, какие-то еще незнакомые люди выходили из зала.

— А можно заглянуть туда? — спросила Алиса тетю Дусю, показывая на зеркало.

— Зачем? — удивилась тетя Дуся.

От нее пахло потом, пылью, пудрой и одеколоном. Она была похожа на толстую лошадь.

— Мне интересно, не осталось ли что-нибудь там от ваших Кащеев?

— Это невозможно, — сказала тетя Дуся. — Это совершенно невозможно! После того как Кащея сфотографируют, я смываю изображение. Из этого раствора можно сделать нового Кащея.

— Или водяного?

— Или водяного.

— Или Соловья-разбойника?

— Тебе рассказывали, как мы тут изобретали соловьев-разбойников?

— Я викады снаружи видела.

— Как жаль, что тебя не было позавчера, когда мы их изобретали. Это было так весело!

— И ни один из них не мог случайно улететь?

— Да ты с ума сошла, Алисочка! Такие звери не могут разбредаться по всей стране и пугать детей! Нет, я честно зарабатываю свой кусок хлеба. Я беру деньги за билеты, я продаю фотографии на память, я продаю фотографии художникам, которые иллюстрируют детские сказки...

Тетя Дуся собрала стопку фотографий, положила их в большой конверт, потом погасила почти весь свет. Она увидела, что Алиса все же хочет заглянуть за зеркало, и рассердилась:

— Я же сказала тебе, что там никого нет! Ты была бы довольна, если бы я пришла к тебе домой и стала рваться в детскую, где ты хранишь любимых куколок?

Алиса хотела было с презрением отмести подобное подозрение, даже повернулась было, чтобы позвать на помощь Полю, — пускай он подтвердит, что у Алисы тысячу лет как нет никаких куколок, но Поли нигде не было — видно, он выслеживал Алешу.

Сочтя молчание Алисы за сомнение, тетя Дуся быстро вы-

вела ее наружу и оставила посреди шумной вечерней Ярмарки у входа в павильон.

— Ты найдешь дорогу домой? — спросила тетя Дуся.

— Да, — ответила Алиса, стараясь казаться робкой девочкой.

— Тогда иди, у меня еще дела, надо аккумулятор на завтра зарядить.

Алиса отошла на несколько шагов от входа в балаган. Вокруг гремели оркестры, сверкали фейерверки, смеялись дети и взрослые...

Где же Поля?

Он не мог потерять Алешу из виду.

Алиса решила еще раз проверить, действительно ли Кащей — только изображение, видимость на экране. Если тетя Дуся права, то окажется, что Алиса зря потеряла вечер и ей нечем будет порадовать комиссара Милодара.

Надо было найти задний вход в балаган, чтобы проверить, есть ли там кто-нибудь.

Она обошла балаган вокруг, для этого ей пришлось перешагивать через канаты, обходить колья, даже отгонять злого бродячего кота, который думал, что темный мир между балаганами — это его царство.

И тут она натолкнулась на мостки, которые вели от балагана к небольшой барже, стоявшей на озере позади балагана, почти привалившись к берегу. Зачем фокуснице баржа?

На барже было темно.

Алиса осторожно ступила на мостки и услышала тихие голоса на барже. В задней надстройке открылся люк, и оттуда вышла тетя Дуся, которую можно было угадать лишь по короткому и широкому силуэту. Тетя Дуся вела за собой на веревке скелет, который позванивал на ходу обрывками цепей и громко вздыхал.

— Да помолчи ты, тут Алиска может ошиваться, — зло сказала тетя Дуся. — Еще донесет папаше, и закроют нас, а закроют — не видать нам больше своих денежек!

Тетя Дуся прошла совсем близко от Алисы, девочка даже почувствовала, как от нее попахивает пивом. За тетей Дусей, позванивая цепями, плелся Кащей Бессмертный.

Алиса изо всех сил вглядывалась в темноту, стараясь понять, какого из Кащеев волочит за собой бывшая служительница зоопарка.

«Ну, конечно же, цепи есть только на Кащее, придуманном Алешей. Видно, жадная тетя Дуся решила все же отвезти Кащея к нему, ведь он оставил ей свой адрес?»

Алиса увидела, что наверху, на откосе берега, между балаганами тетю Дусю ждут.

— Ты здесь? — прошептала тетя Дуся.

— Да, мы здесь, — ответил экс-чемпион мира по стрельбе из рогатки.

— Деньги с собой?

— Деньги с собой, — ответил Алеша.

— Протяни мне руку — я тебе товар тащу, — сказала тетя Дуся.

— А его кормить надо? — спросила жена чемпиона мира.

— Обойдется, — сказала тетя Дуся.

— Младенцев хочу, — прорычал Кащей Бессмертный. Впервые Алиса услышала его голос. — Сладеньких младенцев люблю!

— Кого он хочет? — испуганно спросила Алешина жена.

— Леденцов, — нагло ответила тетя Дуся.

«Ни в чем ей верить нельзя», — поняла Алиса.

— Скажите только, — попросил Алеша, — а как они у вас получаются?

— Тайна профессии, — ответила тетя Дуся. — Впрочем, никакой тут особой тайны нет. Усилитель воображения у меня импортный, рассчитанный на мелких виррониан цев. У них и биоволны мозга мелкие, короткие. А как я поставила его в нашем балагане, оказалось, что он не только изображения делает, но и настоящих чучелов изготавливает.

— Он опасный? — вякнула чемпионка.

— Какой он опасный! Это же видимость одна. Привидение, по сути дела. Вы его спокойно можете как мишень использовать.

— Последний вопрос, — сказал Алеша. — Вы гарантируете нам, что этому привидению... не будет больно, если мы станем стрелять в него из рогатки?

— Если из рогатки, то не больно, гарантирую, — сказала тетя Дуся. — Что я, садистка, что ли? Где деньги?

— Сейчас, сейчас... Но меня не покидают некоторые сомнения...

— Молодой человек, — сказала тетя Дуся, — если вы уж решили совершать незаконный поступок и стрелять в Кащея Бессмертного из рогатки, то не надо изображать из себя первоклассницу.

— Она права, мой драгоценный, — произнесла До Ди Джо.

Зашуршали деньги — Алеша расплачивался.

Алиса убедилась, что по крайней мере один из Кащеев существует вне экрана. Следовало узнать, где тетя Дуся прячет других и какие у нее на них планы.

Для этого Алиса решила незаметно проникнуть на баржу, так как подозревала, что именно там ей удастся раскрыть секрет. И завтра она сможет со сдержанной улыбкой представить комиссару Милодару разгадку тайны, на что были не способны все его агенты.

Но не всегда получается как хочешь.

Только Алиса приняла решение, как услышала знакомый пронзительный голос:

— Я не позволю! Я вас привлеку по статье за жестокость к искусственным созданиям, включая роботов и привидений! Сейчас же отпустите Кащея на свободу!

Господи, ну кто просил этого глупого и честного робота Полю вмешиваться именно тогда, когда все так хорошо получалось!

Поля бросился с высокого берега на тетю Дусю, но его погубило то, что вместо неожиданного нападения он решил сначала сказать речь и дал возможность противнику прийти в себя.

Глаза Алисы уже привыкли к неверной полутьме, и она увидела, как тетя Дуся размахнулась и своим хлыстом полоснула робота Полю так, что он потерял равновесие и зашатался. А экс-чемпион Алеша успел выхватить из-за пояса рогатку и всадил шарик в голову роботу. Тот окончательно сошел с катушек и со всего размаху бухнулся в воду у берега.

Алисе бы оставаться на месте — ее же никто не искал. Но нельзя было бросать Полю без защиты. Она кинулась к роботу, чтобы поддержать его, и угодила прямо в руки тети Дуси.

Она услышала сначала всплеск — это робот рухнул в воду, а затем укоризненный голос тети Дуси:

— Я же предупреждала, Алисочка: не лезь, куда тебя не просят! Вот ты себя и погубила.

— Я только хотела помочь роботу, — призналась Алиса.

— Твой робот, считай, утонул. А вот что делать с тобой, не знаю.

— Отпустите ее, — сказал Алеша. — Немедленно отпустите девочку!

— А кто у меня Кащея Бессмертного купил? Дядя Вася? А кто из рогатки мирному роботу в лоб попал и, может, его вывел из строя? Дядя Вася?

Алеша смущенно замолчал. «Вот так человек ступает на путь преступлений, — подумала Алиса, — делает один неверный шаг, и всегда найдется кто-то, кто поможет сделать еще один шаг и еще один... пока не наступит момент, после которого поздно поворачивать назад».

— Бери своего Кащея и мотай отсюда! — приказала тетя Дуся. — Иди берегом озера, чтобы тебя не заметили.

— А Алиса? — испуганно спросила чемпионка.

— Ничего плохого с ней не будет, — рассмеялась тетя Дуся. — Мы не убийцы. Алиса проведет ночь взаперти, чтобы мы могли уехать, куда хотим. Что и вам советую сделать. А ну, быстро!

Загремели, удаляясь, цепи Кащея. Алиса поняла, что стрелки из рогатки дружно убежали, уводя с собой покупку.

Конечно, Поле плохо лежать на дне, но Алиса понимала, что ничего особенного с роботом не случится. Как только она отделается от тети Дуси, Полю тут же вытащат, откачают, высушат, и станет он лучше прежнего. Но что будет с ней самой?

— А тебе придется немного посидеть на барже! — сообщила тетя Дуся, убедившись в том, что все противники и союзники обезврежены.

Когда Алиса попыталась сопротивляться, тетя Дуся, привыкшая укрощать бронтозавров, в мгновение ока скрутила Алису и кинула ее в каюту баржи. Алиса не удержалась и свалилась по трапу на пол.

Хлопнул люк. Загремел засов.

Послышались тяжелые шаги служительницы.

Потом заскрипели мостки.

Тетя Дуся поднялась на берег.

Глава 7

ПРИВИДЕНИЯ НА БАРЖЕ

Свет попадал в каюту через небольшие круглые люки в бортах, выше Алисиной головы. Глаза Алисы уже привыкли к темноте, но она зажмурилась, чтобы глаза привыкли еще лучше.

И вот, когда она стояла с зажмуренными глазами, Алиса поняла, что в каюте баржи она не одна. Кто-то тут есть еще...

За бортом начался новый фейерверк, шутихи, ракеты вспыхивали часто и бурно, и при каждой вспышке света Алиса могла все лучше разглядеть, кто же находится в трюме, кроме нее.

И нетрудно догадаться, что в трюме оказались два Кащея Бессмертных.

Первый, придуманный мальчиком Колей, был скелетом, у которого все время отваливалась правая нога, а второй, которого придумал парень с серьгой, был Кащеем инопланетным, с бластером в руке, в длинном плаще и с бородой, которая росла прямо из черепа.

Алисе стало страшно.

Она стала отступать, потому что оба Кащея медленно приближались к ней. И притом молчали, а от этого Алисе было еще страшнее.

— Смерть! — неожиданно произнес одноногий Кащей.

— Смерть! — повторил за ним инопланетный Кащей и тут же выстрелил в Алису из бластера.

К счастью, бластер у него был ненастоящий, иначе бы вся баржа вспыхнула. Луч лишь осветил внутренность каюты.

Алиса поняла, что если бластером ее Кащей не достанет, то костлявыми руками он легко ее задушит.

При очередной вспышке бластера, осветившей все мертвенным зеленым светом и отразившейся в холодных, глубоко спрятанных в глазницах глазах Кащеев, Алиса увидела за трапом небольшой люк.

Он был приоткрыт.

Отступая, Алиса стала уговаривать Кащеев:

— Спокойно. Я же ничего плохого вам не сделала... Мы с вами товарищи по несчастью...

— Смерть! — прорычал инопланетный Кащей и снова начал палить из бластера.

К счастью, пока он палил, то вперед не двигался. И Алиса, забежав за трап, постаралась нырнуть в люк. Передний Кащей ударился о трап и стал чертыхаться, второй налетел на него. Таким образом, у Алисы образовалась маленькая передышка — она не только перебралась в следующее помещение, но и успела закрыть дверь на задвижку.

Как только она это сделала, первый из Кащеев добрался до

двери и стал в нее ломиться, правда, без особого успеха, потому что переборки на барже оказались крепкими, не по зубам Кащею Бессмертному, даже если он инопланетного происхождения.

По свету, который попадал внутрь из небольшого иллюминатора над головой, Алиса поняла, что оказалась в небольшой кладовке, где хранились веревки, куски холста, войлок и прочие хозяйственные предметы. Алиса, страшно уставшая за день, тут же соорудила себе постель. Забравшись на гору холста и канатов, она выглянула в иллюминатор и поняла, что перед бегством тетя Дуся сумела оттолкнуть баржу от берега, и теперь она покачивалась посреди озера, а отсюда ни до кого не докричишься.

Тогда Алиса решила не волноваться.

Она сказала Кащеям:

— Конечно, вы можете ломиться и дальше, но двери здесь крепкие, а я вас совсем не боюсь. Так что лучше тоже отдохните, завтра вам придется разговаривать с самим комиссаром Милодаром, а он человек очень серьезный.

Кащеи еще немного потолкались в дверь, потом замолчали.

Алиса заснула.

Она спала хорошо, без снов, потому что всегда спится лучше в путешествии на корабле...

А проснулась Алиса от шума и шагов на палубе.

— Эй! — крикнула она, поднимаясь.

И тут же ударилась головой о ступеньку трапа.

Шаги приблизились, и кто-то крикнул знакомым голосом:

— Она здесь! Я слышала!

Застучали быстрые шаги, кто-то сбежал в трюм и стал ломиться в дверь.

— Одну минутку, — сказала Алиса. — Сейчас открою.

В ее каютке было светло — рассвет наполнил ее голубым воздухом.

Дверь отворилась, и Алиса кинулась на грудь маме, которая и была первой поднявшейся на борт баржи.

Алиса обнималась и целовалась с мамой, вернувшейся из командировки ночью, папой, роботом Полей и другом детства Пашкой, который страшно завидовал, что приключение обошлось без него. Потом Алисе рассказали, что, пока она мирно

спала в кладовке, а два Кащея сторожили ее в трюме, дома поднялась паника — куда делся ребенок?

Сообщили Милодару. Милодар поднял на ноги Галактическую полицию и ничего не нашел. Никто же не догадался отправился на Ярмарку Чудес!

Дома ничего не было известно до середины ночи, пока не появился робот Поля.

Он был вне себя, ничего не соображал, потому что выполз на берег промокшим до последнего кристалла и через двадцать шагов совершенно отключился. На него случайно натолкнулся ночной сторож Ярмарки и сообщил номер робота в милицию.

Полю привезли домой, протерли, просушили все сопротивления и сочленения, промазали лучшим маслом, и тогда к нему вернулась память.

Это произошло уже на рассвете.

Но и робот Поля не знал, куда могла деться Алиса, потому что он угодил в воду раньше, чем ее заточили на барже.

Зато робот Поля знал, что один из Кащеев незаконным образом попал в руки Алеши и его жены.

С утра Селезневы и Милодар кинулись туда и разбудили молодых людей. Те были страшно смущены тем, что совершили не очень благородный поступок, и сразу повели Милодара и Селезневых в сарай, где устроили своего Кащея.

Кащея там не было!

Они его заперли на ночь, но он исчез.

Зато стрелки из рогатки догадались, что Алису надо искать на барже, куда ее отдали в лапы двум другим Кащеям.

Разгневанный Милодар бросился к тете Дусе, а остальные — на Ярмарку.

Баржу нашли посреди озера.

А дальнейшее всем известно.

За исключением одной детали: ни одного Кащея Бессмертного на барже не обнаружилось.

А так как вряд ли кто-то мог побывать на барже ночью и выгрузить Кащеев, значит, человечество встало перед новой загадкой, разгадать которую было не очень легко.

Но решение этой загадки явно знала тетя Дуся.

Когда ее разбудили и обвинили в похищении Алисы, да еще в попытке убить девочку с помощью Кащеев, тетя Дуся совершенно спокойно отправилась с Милодаром на баржу и

по дороге сообщила, что никаких Кащеев там быть не может и не было никогда, потому что Кащеи — это воображаемые изображения на экране. Как их можно отправить на баржу?

Конечно, Милодар не поверил тете Дусе. Ведь он уже понимал, что Алиса наткнулась на след страшных чудовищ, которые мучили Москву все последние дни. А источник этих чудовищ — балаган тети Дуси.

Так что, когда все собрались на барже, тете Дусе пришлось во всем сознаться.

Она как-то по случаю дешево купила аппарат для передачи мыслей на экран. На одной планете его использовали врачи, чтобы ставить диагноз больным. Но воображение людей на Земле оказалось куда сильнее, чем у тех, кто изобрел этот приборчик. Ну что бы стоило тете Дусе сообщить об этом в Академию наук или хотя бы в милицию, чтобы никого не пугать. А она не сообщила. Она научилась делать фокусы — ее чудовища по приказу хозяйки совершали всякие движения, плясали и даже страдали, когда их били хлыстом.

Но, конечно же, одной женщине, даже такой сильной, как тетя Дуся, было невозможно усмотреть за своими чудищами.

После представления тетя Дуся загоняла их всех в трюм на барже и отправляла баржу на середину озера. А утром приплывала к ней в лодочке и пригоняла баржу обратно. Но не всегда ей удавалось упрятать всех чудищ, особенно когда в балагане был народ и сеанс шел за сеансом. Некоторые из них вырывались и бегали по окрестностям.

— Но потом? Потом-то что с ними случалось? — настаивал комиссар. — Почему мы не могли их найти?

— А потом они исчезали. Как и положено, — спокойно ответила тетя Дуся.

— А как положено? — спросил Милодар.

— Я догадалась! — закричала Алиса.

— Что-то ты слишком догадлива для обыкновенной девочки, — недовольно сказал Милодар.

— А кто сказал, что я обыкновенная девочка? — удивилась Алиса. — Такие чудовища, как и черные сны, и вообще всякая нечисть, исчезают с первым криком петуха. Потому-то их на следующий день не могут отыскать!

— Эта девочка слишком много знает, — мрачно сказала тетя Дуся. — Мне самой пришлось потратить неделю, прежде

чем я догадалась, куда деваются все мои крохотулечки, когда я прихожу утром покормить их человечиной.

— Ах, — сказал робот Поля и попытался упасть в обморок.

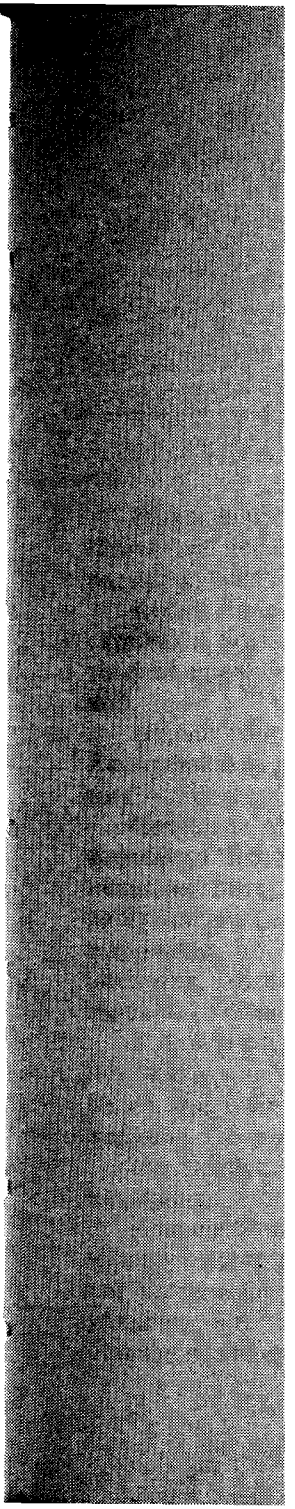
Но Алиса подхватила его и сказала уверенно:

— Тетя шутит.

— Еще как шучу! — согласилась тетя Дуся. — А тебя, Алисочка, знала бы — утопила! Это не шутка.

Робот Поля опять попытался упасть в обморок. На этот раз Алиса ему не мешала. Она сказала:

— Не бойся! У нее ничего не получится.



ИЗЛУЧАТЕЛЬ ДОБРОТЫ

Глава 1

ОАЗИС В ПУСТЫНЕ

Никогда бы Алиса Селезнева не познакомилась с Корой Орват и не пережила страшные приключения в Золотом Треугольнике, если бы не дедушка.

Когда Алисочке было пять лет, дедушка принес домой скрипку и сказал, что находит у Алисы идеальный слух и поэтому ей пора учиться музыке, чтобы стать великой скрипачкой.

Целый год Алиса занималась с учительницей, Сферой Яковлевной, а дедушка сидел на уроках и таял от наслаждения — его мечта готова была сбыться.

Через год Алиса взбунтовалась и сказала, что станет пожарником. После отчаянной гражданской войны дедушка, конечно же, потерпел поражение, скрипку убрали в шкаф, Сфера Яковлевна перешла к другим талантам, а Алиса не стала пожарником, но с увлечением занимается на Станции юных биологов, которая скрывается под пальмами и баобабами Гоголевского бульвара в Москве.

У Алисы есть тайна: порой, когда дома никого из взрослых нет, она достает из шкафа скрипку и играет на ней для себя. Ведь когда тебя не заставляют, начинает хотеться. Правда, это желание с возрастом возникает все реже...

Но однажды, уже в шестом классе, умение Алисы играть на скрипке пригодилось науке.

Аркаша Сапожков начал проводить опыты по воздействию музыки на рост растений. Он был убежден, что растения не такие тупые и бесчувственные, как принято считать. И если их ублажать, они заплатят тебе сторицей. Вот и начал Сапожков ставить возле куста роз проигрыватель, чтобы тот играл цве-

там классическую музыку. Розы слушали музыку, но никак не реагировали.

Аркаша менял кассеты, перебрал всех композиторов за последние двести лет, но безрезультатно.

Его тщетные опыты как-то увидел и услышал Пашка Гераскин. Он тут же сказал, что Аркаша неправильно ставит опыт, потому что розам не нужны симфонии и кантаты. Розам нужен хороший джаз или по крайней мере рок-дроп и рок-джамп — два основных направления жесткой эстрадной музыки XXI века.

Аркаша не умел спорить с Гераскиным, так что тот поставил свои кассеты, и к концу дня кончики листьев на розовых кустах начали дрожать в такт ритму. Пашка обрадовался, закричал на всю Москву, что сделал эпохальное и гениальное открытие.

Прошло еще три дня. От громкой музыки устали не только биологи, но и жители окрестных домов. Даже птицы перестали петь на бульваре. Розовые кусты, хоть и угнетенные шумом, продолжали расти как росли, а Пашка Гераскин больше на станции не появлялся, потому что готовился к новому великому начинанию — первенству мира по блицдомино среди мальчиков. Уговорить его вернуться на станцию не удалось. Лишь на четвертый день он прислал на Гоголевский бульвар какого-то старичка в черном кожаном костюме с блестками и нашлепками, который заявил, что пленки принадлежат ему и он без них не может спать.

Биологи с великим облегчением вернули пленки и стали наслаждаться тишиной.

Они наслаждались тишиной целый день, а потом Аркаша подошел к Алисе и спросил:

— А правда, что тебя в детстве учили играть на скрипке?

— К счастью, я скоро сбежала из дому, — сообщила Алиса, — и жила в лесу, как Маугли, питалась медом диких пчел, а если видела в лесу скрипача, то разрывала его зубами!

Аркаша выслушал Алису, склонив голову набок. Он порой думает медленно, но всегда в конце концов находит правильное решение. Вот и в тот раз через минуту он медленно произнес:

— Это была шутка! — И сам счастливо засмеялся.

— В моей шутке была доля правды, — предупредила Алиса.

Аркаша не испугался. Он был серьезен.

— Ты не совсем разучилась играть на скрипке? — спросил он.

— А почему я должна разучиться?

— Много лет прошло. Ты же еще дошкольницей была.

— Чего тебе надо, друг? — строго спросила Алиса. — Ведь ты спрашиваешь не из пустого любопытства?

— Я никогда не позволю пустому любопытству овладеть мною, — ответил Аркаша.

— Тогда расскажи, что ты задумал.

Аркаша подошел к розовому кусту. Он смотрел на него и говорил печальным голосом:

— Все наши опыты пока провалились. Эти проклятые розы не хотят слушать музыку. Ни классическую, ни джазовую, ни рок-дроп, ни рок-джамп. А вдруг, подумал я, это происходит оттого, что музыка, которой мы питаем растения, ненастоящая? Ведь я начал свои опыты, потому что прочел о том, что средневековые монахи заставляли горох созревать скорее, играя перед ним на лютне. Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Это несложно, — ответила Алиса.

Аркаша поперхнулся. Не очень приятно сознавать, что твои мысли несложные. Но так как он, в отличие от Пашки, не позволял себе шумных сцен, то, помолчав, продолжал:

— И я тогда подумал: а не предложить ли нашим цветам настоящую музыку? Живую! Сначала я хотел пригласить какого-нибудь скрипача или пианиста, а то и целый оркестр, но Маша Белая сказала, что ты в детстве училась играть на скрипке...

— Ты хочешь, чтобы я играла на скрипке перед розами? — удивилась Алиса.

— Вот именно! Ты немножко поиграй, часика три-четыре, и мы посмотрим, обратят ли цветы на тебя внимание.

Алиса покачала головой.

— Нет, — сказала она, — я все забыла. Ведь я несколько лет скрипку в руки почти не брала.

— Почти? — Аркаша как клещ вцепился в неосторожно сказанное слово. Он сразу догадался, что Алиса иногда играет на скрипке. Для себя. В конце концов Алиса была вынуждена признать, что Аркаша прав. А еще через день она принесла свою скрипку.

К тому времени Аркаша уже вычислил самое лучшее расстояние от розового куста, учел направление ветра и располо-

жение солнца. Он поставил Алису на дорожке в двух метрах двадцати сантиметрах от куста, так чтобы солнце находилось справа от Алисы. Затем посмотрел на часы, велел подождать сорок секунд.

— Поехали! — крикнул он наконец.

Жираф Злодей подошел к Алисе и, опустив голову к скрипке, принялся ее обнюхивать.

— Отойди, — сказала Алиса, — это не едят.

Но и другие животные, обитающие на Станции юных биологов, тоже потянулись поглядеть, что будет делать их любимая Алисочка, и Аркаше пришлось их отгонять.

Алиса тем временем начала с простых упражнений — ей ведь тоже надо было освоиться. Скрипка послушно прижалась к плечу, она была приятной на ощупь, и ей хотелось петь — только помоги ей, коснись струн!

И Алиса заиграла.

Вскоре она забыла о времени, о слушателях, о том, что минуты несутся, словно лыжники с горы...

Аркаша подошел к розовому кусту и стал всматриваться в него.

И убедился, что куст не остался совсем равнодушным к Алисиной игре на скрипке: листья чуть шевелились, откликаясь на музыку, а лепестки цветов раскрывались, чтобы не пропустить ни одной ноты.

— Есть! — обрадованно закричал Аркаша.

Розовый куст смутился и замер, жираф Злодей отпрянул и спрятался за баобаб, питекантроп Геракл сиганул на дерево и скрылся в листве.

— Боюсь, — сказала Алиса, опуская скрипку, — что ты все испортил.

И слушатели согласились с ней.

— Ничего подобного! — не сдавался Аркаша. — Опыт увенчался успехом, потому что на этом этапе нам ничего больше не нужно. Мы пойдем шаг за шагом.

— Без меня, — заметила Алиса.

— Как так без тебя? Мы же разделим с тобой славу!

— Думаю, что с тобой никакой славы мне не дождаться, — ответила Алиса, все еще сердившаяся на Аркашу, который не вовремя расшумелся.

Она положила скрипку в футляр.

— Что ж, — сказал Аркаша, — если ты не хочешь мне помочь, то я приглашу Квартет Бородина, там работают добрые люди.

Так закончились опыты на станции, но не закончились приключения Алисы.

За ужином Алиса призналась маме, что сегодня играла на скрипке, чтобы помочь Аркаше проводить опыт. Но ничего из этого не вышло.

— И не выйдет, — сказала мама. — Потому что ученые уже доказали, что, просто играя, распевая песни или даже стреляя из пистолета рядом с растением, ты ничего не добьешься.

— Значит, это тупик?

— Ничего подобного! — засмеялась мама. — Я сегодня утром видела передачу о профессоре Лу Фу. Ты что-нибудь знаешь о профессоре Лу Фу?

— Я слышала... — сказала Алиса неуверенно. Но тут же вспомнила: — Конечно, он придумал гравитационные двигатели! Правда?

— Он многое сделал помимо этого. Но гравилеты — его самое известное изобретение.

— Это было очень давно! Наверное, до нашей эры.

— Это было шестьдесят лет назад. Но дело в том, что профессору Лу Фу скоро исполняется сто лет.

— А при чем здесь скрипка и растения?

— Потому что лет десять назад великий Лу Фу оставил свой институт в Шанхае, покинул друзей и учеников. И уехал в пустыню Такла-Макан.

— Куда?

— Ну вот, Алисочка! — расстроилась мама, которая всегда хотела, чтобы Алиса выросла широко образованным человеком. — Можно подумать, что ты не училась в школе...

— Мама, — призналась Алиса, — в тот день, когда в школе проходили пустыню Такла-Макан, я болела.

— Ты уверена?

— Это же ты не пустила меня в школу! У меня болело горло.

— Сдаюсь, — сказала мама. — К сожалению, моя дочь хитрее меня.

— Мамочка, пожалуйста, напомни мне о пустыне Такла-Макан.

— Если ты возьмешь карту, — сказала мама, — то увидишь, что точно в центре Азии находится громадная пустыня Такла-Макан, до сих пор не освоенная человеком. Она тя-

нется на многие сотни километров к северу от Тибета и похожа на гигантское пересушенное блюдце, куда не попадают дожди, потому что со всех сторон оно окружено горными хребтами. Речки, которые стекают в это блюдце с гор, зимой замерзают — ведь там бывает холодно, как в Сибири, — а летом почти все пересыхают и теряются в песках. Лишь самая большая из них, Тарим, которая течет по северному краю пустыни, достигает большого соленого озера Лоб-Нор. Это озеро мелкое, и никто не скажет точно, какую площадь оно занимает...

— Мама! — воскликнула Алиса. — Откуда ты так много знаешь? Это ненормально!

— Это совершенно нормально, потому что когда я была студенткой, то путешествовала по пустыне Такла-Макан и даже побывала на озере Лоб-Нор.

— Но зачем?

— Потому что мне это было интересно.

— Разве человеку может быть интересна голая пустыня?

— Во-первых, — возразила мама, — пустыни никогда не бывают скучными и голыми. Как будущий биолог ты должна знать, что в любой, даже самой безводной пустыне кипит жизнь, только она принимает особые формы — обитатели пустыни в жару скрываются под песком или в норках, травы и даже кустарники сбрасывают листья в жаркий или холодный периоды года, зато когда в пустыню приходит весна, она вся расцветает. Нет, Алиса, на свете более буйного и красочного зрелища, чем цветущая пустыня, покрытая крокусами, нарциссами, тюльпанами и множеством других трав и цветов: растения спешат, они должны отцвести, дать плоды и семена за несколько недель, а за это же время всякая пустынная живность успевает нарожать детенышей, выкормить их и сделать запасы на лето, осень и зиму. Вот любоваться пустынной весной мы туда и ездили.

— Тогда я тебе, мама, завидую, — сказала Алиса. — Я была на многих планетах и видела много разных цветов, но никогда мне еще не приходилось видеть цветущей пустыни.

— Я почти уверена в том, что если ты полетишь в Такла-Макан через месяц, то застанешь цветущий край.

— Но зачем мне туда лететь? — удивилась Алиса. — У меня немало дел в Москве. К тому же мне хотелось навестить Громозеку. Я его так давно не видела!

— Тогда дослушай меня, Алиса, — попросила мама. — Я не кончила рассказывать про озеро Лоб-Нор.

Алиса промолчала. Конечно же, ей было непонятно, какое отношение имеет к ней пустынное озеро, но мама уже доказала сегодня, что она знает больше Алисы, и не стоит с этим спорить. Если маме хочется показать свою образованность, на то ее воля!

— Это озеро давно открыто и в то же время совершенно не изучено. Питают его пустынные реки, которые, как правило, летом пересыхают. Даже самая большая из них, Тарим. Но за те месяцы, которые они несут свои воды в озеро, они его успевают наполнить настолько, что озеро разливается на несколько сотен километров. К концу лета оно обязательно съеживается и даже распадается на несколько соленых озер. Зато весной Лоб-Нор — бескрайнее море, на котором останавливаются стаи перелетных птиц. Берега его заросли зеленой травой, тростники покрывают мелководье...

— Мамочка, — не выдержала Алиса, — мне очень интересно слушать про озеро Лоб-Нор, но почему я должна о нем знать?

— Разве я тебе не сказала, что там живет физик Лу Фу?

— Замечательно! — воскликнула Алиса. — И что же дальше?

— А дальше я узнала, что профессор в глухой пустыне, недалеко от озера Лоб-Нор, развел замечательный сад. Пока он никому об этом не рассказывает, считая, что его опыты не завершены. Тем не менее известно, что Лу Фу воздействует на растения какими-то лучами, которые заставляют их расти со сказочной быстротой даже в таком неплодородном месте, как Такла-Макан. И, судя по всему, его опыты имеют общее с теми, что вы так безуспешно пытались сделать с Аркашей и Пашкой.

— А профессору можно позвонить?

— Он не любит репортеров, зевак и туристов. Он считает, что у него каждая минута на счету и незачем отвлекаться на пустые разговоры. Но я думаю, если ты сообщишь, что работаешь в той же области, профессор согласится показать тебе свое хозяйство. — Мама улыбнулась, словно чуть-чуть не принимала Алису всерьез.

— Но как мне сказать ему, что я хочу увидеть сад? — спросила Алиса, сделав вид, что не замечает маминой улыбки.

— Напиши ему видеописьмо, — посоветовала мама. — Старики любят старинные вещи.

Когда Алиса вернулась на биостанцию, Пашка и Аркаша как раз сидели там и играли в шахматы. А это на станции обычно означало, что ее биологические гении завершили один этап в своей творческой жизни и думают, чем бы теперь заняться — то ли кита поймать и научить его стоять на хвосте, то ли организовать физкультурный парад муравьев, то ли отрастить плоские хвосты детям в соседнем садике, чтобы лучше плавали...

— Ребята, — обратилась к ним Алиса, — кажется, мы нашли человека, который умеет воздействовать на растения!

— Пройденный этап! — заявил Пашка.

— Бесперспективно! — поддержал его Аркаша.

Так лучшие друзья и соратники предали Алису.

— Значит, вы к нему не полетите? — спросила Алиса, все еще не теряя надежды.

— А где он живет, твой гений? — язвительно произнес Пашка.

— В пустыне Такла-Макан.

— Не слышал о такой, — заявил Пашка. — Значит, ее нет.

Как известно, Пашка — самый самоуверенный человек на свете, и это часто ставит его в дурацкое положение.

Когда Аркаша засмеялся, Пашка понял, что попал впросак, и быстро поправился:

— Вспомнил! Она на Марсе. Конечно же, у Южного полюса. Я там был еще мальчишкой.

— Эта пустыня в Центральной Азии, — сказал Аркаша. — Мне туда не хочется. Особенно сейчас, когда весна только начинается и ночами там температура падает ниже нуля.

Он и это знал, отличник!

— Значит, никто из вас не намерен составить мне компанию? — спросила Алиса.

— И охота тебе было... — заметил Пашка.

— Я всегда стараюсь доводить дело до конца! — произнесла Алиса, но ее товарищи уже не смотрели на нее — главные события развивались на шахматной доске.

«Ну хорошо! — сказала себе Алиса. — Мужчины — самые ненадежные люди. А мальчишки — худший вариант мужчин. Как жаль, что с ними приходится дружить!» Но теперь Алиса обязательно пробьется к профессору Лу Фу и побывает у него

в оазисе. И докажет изменникам, кто из них настоящий ученый.

Возвратясь домой, Алиса тут же уселась за компьютер, чтобы написать видеописьмо профессору. Она рассказала, как они пытались воздействовать на растения разной музыкой, как ничего из этого не вышло и как мама рассказала об опытах профессора Лу Фу. Алиса спрашивала, можно ли посетить профессора в удобное для него время и совсем ненадолго, но не как любопытной туристке, а как коллеге-биологу.

Ответное письмо пришло на следующий день.

Алиса сразу вставила его в компьютер, и на экране дисплея показалось лицо профессора Лу Фу.

Профессор оказался очень старым, но совсем не дряхлым человеком. У него было загорелое худое лицо в глубоких морщинах. Профессор был совсем лысый, его жиденькая белая борода лежала на груди, а длинные белые усы свисали по сторонам до подбородка. Годы сгорбили его. Надиктовывая письмо, профессор ходил по обширной светлой комнате, и его движения были резкими и точными — никак не дашь человеку сто лет.

— Дорогая девочка Алиса, — произнес старик глубоким молодым голосом, вглядываясь в экран большими яркими черными глазами. — Я был рад получить твое письмо, потому что я глубоко уважаю людей, независимо от их возраста, которые серьезно занимаются наукой и хотят принести пользу людям. В последние годы я стараюсь видеть как можно меньше людей, тем более что ко мне в основном стремятся проникнуть туристы и корреспонденты, ничего не понимающие в моей работе. Их объединяет одна цель — похвастаться перед другими людьми тем, что они видели старика Лу Фу, который совсем выжил из ума.

Тут профессор заразительно засмеялся.

Дальше он рассказал Алисе, что старается никого не принимать в оазисе, пока его работа не завершена. Исключение он делает лишь для студентов-биологов из Урумчи и некоторых своих коллег. Профессор сообщил, что согласен считать девочку из Москвы своим коллегой. Он также сказал, как лучше всего добраться до его оазиса.

Следовало долететь рейсовым кораблем до большого города Урумчи. Там, в Урумчи, в Педагогическом институте надо отыскать аспирантку Ичунь, которая часто навещает профес-

сора. Ичунь даст Алисе программу полета для флаера. После этого Алиса возьмет на стоянке флаер, который за час донесет Алису до оазиса в пустыне. Одно условие: Алиса должна прилететь одна, потому что профессору трудно принимать сразу нескольких человек, особенно если между ними затешутся мальчики.

Алиса была счастлива. Конечно же, она не удержалась и прокрутила письмо Пашке и Аркаше. Те просмотрели послание Лу Фу, и Пашка сказал:

— Желаю тебе удачи, коллега. Но я уверен, что человек, которому сто лет, даже если он и был когда-то великим ученым, вряд ли сейчас может думать, как молодые львы.

Под молодым львом Пашка имел в виду себя и немного Аркашу.

Аркаша не был таким категоричным.

— Слетай, — сказал он. — Может, и в самом деле увидишь что-то интересное. Тогда мы будем рады подключиться. Хотя я не понимаю, как можно сотрудничать со стариком, который терпеть не может юных гениев.

— Он нас боится, — добавил Пашка. — И завидует нашим способностям.

Вечером Алиса предупредила маму, что на субботу слетает в пустыню Такла-Макан, а мама испугалась, что Алиса, как всегда, простудится. Поэтому она воскликнула:

— Только не вздумай лететь без шапки! Мне еще не хватало, чтобы ты простудилась, а у тебя в понедельник контрольная по русскому языку!

Алиса послушно надела красную вязаную шапочку, в которой когда-то давно побывала в Заповеднике Сказок и даже в Эпохе Легенд, где все принимали ее за Красную Шапочку. Но в лайнере Москва—Ташкент—Урумчи она шапочку сняла и спрятала в сумку.

* * *

Город Урумчи, красиво расположенный в горной долине и окруженный, куда ни кинь взгляд, снежными вершинами, был крупным туристическим центром. И это понятно.

Когда-то, лет двести назад, люди ездили отдыхать на Черное море или на Канарские острова. Целыми днями они лежали на берегу, обжигались до красноты, загорали до черноты, лениво поглощали обеды и ужины, а вечерами танцевали под

гитару. Потом, когда появилось много самолетов и теплоходов, люди стали больше путешествовать. Они плыли на Гавайские острова, смотрели на слонов у горы Килиманджаро, ныряли с коралловых рифов Сейшельских островов и любовались карнавалом Рио-де-Жанейро. Им хотелось, чтобы вокруг было удобно и красиво.

Прошло еще несколько десятилетий. Люди наконец перестали воевать друг с другом, прекратили засорять реки и губить свежий воздух, Земля смогла отдохнуть. А ее обитатели, наоборот, живя в комфорте, истосковались по трудностям. Ведь дома было спокойно, красиво и уютно. Рядом были бассейн и лес с грибами, ягодами и искусственным климатом. И вот люди стали путешествовать в такие места, куда их раньше и калачом было не заманить. Целыми семьями они отправлялись в пустыню Гоби, на Северный полюс, в глубины амазонской сельвы и джунгли Малайзии. Они давали себя кусать комарам и скорпионам, мучились от недоедания, сырости и жажды — и возвращались домой счастливые, потому что наконец-то смогли испытать настоящие трудности!

Урумчи, когда-то небольшой город, расположенный недалеко от пустыни Такла-Макан, хребта Каракорум и других негостеприимных мест, стал за последние годы одним из самых известных центров туризма на Земле. Небоскребы гостиниц и универмагов видны уже издали, когда туристические лайнеры делают круг, снижаясь к третьему по величине в Азии аэродрому. Там уже строится и космопорт, потому что слава грозной пустыни и непреодолимых гор распространилась по всей Галактике. Завтра тут появятся ушаны, кустики, брастаки и прочие изнеженные цивилизацией обитатели уютных планет.

Однако пока еще туристы, хоть их и немало, растворяются в тишине и просторах гор и каменистых пустынь, вдыхают их ледяной воздух и мертвую бесконечность и, как правило, очень быстро возвращаются в комфорт гостиниц города Урумчи, к его подогретым бассейнам и вкусным креветкам сорока двух роскошных ресторанов. Мало кто из туристов выдерживает в пустыне больше двух дней, три дня — это героизм, пять — подвиг, равный подвигу Марко Поло, который прошел те места с караваном из Венеции, правда, очень-очень давно.

Хитроумные хозяева этих мест отлично разбираются в психологии туристов и не мешают им испытывать себя в суро-

вых условиях пустыни. Зато они принимают все меры, чтобы, возвратившись в Урумчи, путешественники почувствовали себя в раю и не спешили выбраться оттуда домой. А для того чтобы помочь рассказывать знакомым об испытаниях в диких местах, в Урумчи есть множество магазинов, торгующих трофеями путешественников — синтетическими шкурами барсов и лошадей Пржевальского, буддийскими масками и статуэтками, сделанными в местных мастерских по древним образцам, и даже отпечатками следов снежного человека, которого туристы часто ловят, но еще ни разу не поймали.

Обо всем этом Алиса имела слабое представление. Поэтому она удивилась, увидев, какой громадный лайнер отправляется из Лондона в Урумчи с посадками в Москве и Ташкенте. В тысячеместном корабле почти все места были заняты, хотя туристский сезон еще и не начинался. Правда, в пустынях Гоби и Такла-Макан, а также на плато Тибета и на Каракоруме сезон продолжается круглый год, потому что зимой выжить в пустыне еще труднее, чем летом, и испытания для туристов начинаются с того момента, когда они сходят с трапа лайнера.

Но Алиса об этом тоже не знала и поражалась суете, оживлению и подъему духа пассажиров лайнера. В уютные кресла усаживались не программисты, языковеды, вице-президенты фирм или фермеры, а настоящие пустынные волки, наследники Марко Поло, готовые дать сражение льдам, снежным лавинам и песчаным бурям и отразить нападения снежных барсов.

О, как они все были экипированы! В пуховиках, с ледорубами, в кислородных масках, с мотками веревок через плечо, с термосами, в которых хранился неприкосновенный запас кипятка и сгущенного молока! Некоторые везли с собой луки, стрелы и арбалеты, так как более современное оружие у них отобрали при посадке в лайнер. Не говоря уже об утепленных арктических палатках, надувных матрацах, котлах для варки плова и баранины... А одна семья даже везла с собой байдарку, что совсем удивило Алису. Байдарка почти в четыре метра длиной. Она была сверху затянута кожаным чехлом, пристегнутым к бортам, и занимала массу места. Ее с трудом уложили в проходе, и она всем мешала — пассажирам и стюардессам. Но глава семьи господин Торнсенсен — могучий альбинос с красным лицом и шкиперской бородкой — вел себя совершенно спокойно и, казалось, не слышал ворча-

ния пассажиров. Куда больше переживала госпожа Торнсенсен — толстая пожилая дама с тремя подбородками и в черном парике, из-под которого были видны ее собственные рыжие волосы. А вот третья представительница семейства — девушка лет пятнадцати, маленькая, стройная, скуластая, похожая на китаянку, только более смуглая, оказалась соседкой Алисы. От нее за два часа полета от Москвы до Урумчи Алиса узнала многое о семействе Торнсенсен. Оказывается, папа Ма Ми — так звали девочку — был не родным ее отцом, а приемным. Сама Ма Ми родилась в Бирме, но ее родители погибли во время землетрясения. Тогда многих сирот взяли на воспитание в другие страны. Вот и досталась осиротевшая малышка норвежской семье Торнсенсен. Правда, Торнсенсены жили не в Норвегии, а в Сингапуре, где у папы Кнута был магазин детских игрушек. Ма Ми Торнсенсен ходила там в колледж, а мама Клара была председательницей Общества защиты кошек.

Ма Ми оказалась веселой и разговорчивой девочкой. За свою короткую жизнь она немало путешествовала и даже жила некоторое время в Италии. Она звала Алису к себе в гости и расспрашивала ее, зачем та летит в Урумчи. Алисе не хотелось врать новой знакомой, которая к тому же была года на три старше ее, но и правду говорить не хотелось, потому что профессор Лу Фу в своем письме специально просил, чтобы Алиса не рассказывала о поездке к нему. Он боялся лишних визитеров. Теперь же, оказавшись в шумном, как футбольные трибуны, туристическом лайнере, Алиса поняла, что опасения старого физика не были лишены оснований.

Ма Ми очень быстро рассказывала, как ее папа, любитель рыбной ловли, прочел где-то, как трудно ловить рыбу на озере Лоб-Нор, и загорелся идеей испытать свои силы, а то он очень растолстел за прилавком своего магазина в Сингапуре.

Он с трудом уломал Ма Ми и госпожу Клару согласиться на эту авантюру, и в конце концов ее приемная мать дала согласие, а за ней согласилась и Ма Ми. Впрочем, Ма Ми с самого начала особенно и не сопротивлялась — ей было интересно увидеть самую грозную пустыню на Земле и поплавать на байдарке, специально сделанной для этого путешествия, по таинственному и неуловимому озеру Лоб-Нор, которое, как говорили, этой весной разлилось так, что берегов не увидишь, потому что зима выдалась мягкой и снежной; следовательно, озеро стало почти совсем пресным.

— У нас все есть, — сказала Ма Ми. — И палатка с обогревом, и высокие сапоги, чтобы подбирать рыбу на мелководье или охотиться на уток. Утки уже, оказывается, начали свой перелет к северу, и первые стаи появились в тростниках, окружающих озеро.

Когда лайнер сделал посадку в Ташкенте, чтобы забрать оттуда еще туристов, девочки пошли погулять. Вскоре их догнал папа Торнсенсен, который принес им мороженое в стаканчиках.

Ма Ми рассказала приемному отцу, что Алиса летит в Урумчи, потому что у нее там есть знакомая в Педагогическом институте, с которой они будут проводить биологические опыты. Зовут студентку Ичунь.

Алиса и в самом деле сказала Ма Ми о себе именно это. Она опасалась, как бы, узнав о том, что Алиса летит к профессору, Торнсенсены не вцепились в нее с требованием отвезти их к нему. Тогда профессор, вернее всего, выгонит не только любопытных туристов, но не поздоровится и самой Алисе.

— Я не могу дождаться того момента, — громко говорил господин Торнсенсен девочкам, шагая рядом с ними по разогретому весеннему полю аэродрома в Ташкенте, — когда я всажу острогу в бок громадного сома!

Алиса сомневалась, что громадные сомы водятся в пересыхающем да еще большей частью соленом озере, но зачем спорить с рыболовом и заранее портить ему настроение?

Норвежец пригласил Алису навестить их на озере Лоб-Нор и вместе порыбачить или пострелять птицу. Алиса сразу согласилась. Тут объявили посадку, и пришлось возвращаться к лайнеру.

От Ташкента до Урумчи лететь совсем немного — полчаса.

Прямо от горных вершин лайнер ринулся вниз, на лежащий между хребтов аэродром в Урумчи, за которым начинались небоскребы гостиниц и казино.

Странно было осознавать, что уже недалеко отсюда простирается дикая, почти не тронутая человеком природа.

Алиса попрощалась с Ма Ми, как только лайнер замер у здания аэропорта. Ма Ми еще раз пригласила Алису в гости в Сингапур. Потом Торнсенсены с шумом, спорами и даже ссорясь с другими пассажирами, почти так же тяжело нагруженными, как и норвежцы, начали вытаскивать из салона свои рюкзаки и байдарку.

Алиса поспешила вниз. У барьера ее окликнула круглолицая, толстенькая, с добрыми глазами студентка Ичунь, которая прибежала встретить Алису к лайнеру. Ичунь обожала старого профессора и готова была умереть, только бы ему было хорошо. И больше всего в жизни ее огорчало то, что профессор Лу Фу не хотел, чтобы кто-то ухаживал за ним или хотя бы жил в его доме. Он говорил, что за сто лет жизни заработал наконец право последние годы пожить в свое удовольствие и никого не слушаться. Рассказывая об этом, пока они шли через зал, Ичунь повела Алису к своему флаеру. Уходя, Алиса оглянулась. Торнсенсены как раз втаскивали в зал байдарку. Тащили ее женщины, а сам краснолицый Кнут шумно помогал им советами и командами.

В тот день Ичунь собиралась сама навестить профессора. А раз багажа у Алисы не было, то ничто не мешало тут же подняться в воздух и отправиться к Лу Фу — самому умному, самому доброму, самому чуткому и самому-самому человеку на Земле.

— Ты сейчас увидишь, чего он добился в своем оазисе, — говорила Ичунь. — Я считаю, что его достижения значительнее гравитационного двигателя. Зачем летать по Вселенной, когда можно отыскать счастье на Земле?

Это заявление было очень наивным, но вызвано оно было огромной любовью к профессору, поэтому Алиса не стала спорить, хотя, если бы не изобрели гравитационного двигателя, Алисе никогда бы не удалось побывать на всех тех планетах, которые она повидала.

Ичунь оказалась удивительной болтушкой, а кроме того, ей было интересно знать обо всем, что происходит в Москве. А когда она услышала, что Алиса побывала на многих других планетах, то вопросы посыпались втрое быстрее.

Так они и летели эти полчаса, что занимает путь до оазиса на флаере. Внизу проносились покрытые снегом горные вершины, затем за тонкой, блестевшей под солнцем полоской реки потянулась каменная пустыня с желтыми полосами барханов, а дальше к югу простирались бесконечные пески. Но Ичунь не стала углубляться в пустыню, а повернула флаер к востоку и повела его довольно низко над песками. Порой в низинах и на затененных участках скал были видны белые

пятна снега, но вообще-то снега было немного — места здесь такие сухие, что снег никогда не покрывает пустыню, а если и выпадет, то вскоре его сдувает жестокими ураганными ветрами — ведь им есть где разгуляться.

Странно было представить, что в таких местах могут жить или просто бывать люди. Алисе даже стало страшновато за отважных туристов. Каково здесь будет Торнсенсенам, особенно когда зайдет солнце и грянет ночной мороз?

И тут Алиса увидела зеленое пятнышко на серо-желтом фоне пустыни. Пятнышко росло и приближалось.

— Видишь? — спросила Ичунь.

— Это что?

— Это и есть оазис профессора Лу Фу, — ответила толстенькая китаянка.

Флаер сделал круг над зеленым садом, который раскинулся на пологом спуске к рукаву реки Тарим, несущей по камням ледяную воду к озеру Лоб-Нор, и опустился на каменной площадке в нескольких метрах от входа в усадьбу профессора Лу Фу.

Алиса увидела изысканные литые чугунные ворота, видно привезенные сюда издалека. Ворота были приоткрыты, так что надпись «Просьба позвонить» на китайском, русском, английском и уйгурском языках к Алисе и Ичунь не относилась.

— Профессор заранее задал воротам программу, — сказала Ичунь, подходя к ним. — Чтобы они нас встретили, а чужих не пустили.

— Добро пожаловать, — сказали ворота, когда Алиса вошла.

— Вообще-то профессор не любит, чтобы к нему заходили любопытные туристы. Они бывают очень бесцеремонными, а профессор — человек деликатный и слаб здоровьем, пустые люди его раздражают.

— Ты права, моя дорогая Ичунь, — послышался молодой голос.

По дорожке навстречу гостьям медленно шел очень старый, хрупкий, согбенный человек с жидкой белой бородкой и усами, в черной круглой шапочке. У человека были большие молодые веселые глаза в тонких морщинках, которые остались от многих тысяч улыбок.

За старым профессором, на полшага позади, шла молодая девушка с резкими чертами лица, карими глазами и такими

густыми черными бровями, что они срослись над переносицей.

— Я рад видеть юную гостью из Москвы, — сказал старик. — Ты, наверное, уже догадалась, что я и есть старый отшельник Лу Фу.

— Конечно, профессор, — ответила Алиса. — Вряд ли вы живете здесь с братом, который за вас всю жизнь фотографировался.

Профессор рассмеялся.

— Познакомься с Фатимой. Фатима — подруга Ичунь, они вместе учатся и вместе за мной ухаживают, как самые настоящие внучки. Только Ичунь китаянка, а Фатима — уйгурка. А теперь, когда мы все познакомились, я предлагаю дорогим гостьям пройти в дом, потому что поднимается зимний ветер и вы можете замерзнуть.

Профессор как будто подслушал мамины напутствия!

— Ой, что вы! — воскликнула Алиса. — Мне совсем не холодно. И если вы не возражаете, я хотела бы сначала посмотреть ваш сад. Даже с неба он кажется удивительным и необыкновенным.

— Пожалуйста, — ответил профессор. — Я люблю показывать свой сад друзьям. Их у меня осталось не много, и они редко меня навещают, и если бы не молодежь из Урумчи, я бы совсем закис.

Но при этом профессор улыбался, и Алиса поняла, что он несколько преувеличивает. И если у него бывает мало народа, то только потому, что он сам этого хочет.

— Следуйте за мной, — пригласил профессор.

И только тут Алиса поняла, что заворожена взглядом профессора, она даже не заметила, что он одет в рабочий костюм — наверное, одежду китайского крестьянина: синюю куртку и синие широкие штаны. На босых ногах, несмотря на холод, были лишь легкие сандалии.

Профессор пошел вперед по туннелю, собранному из легких деревянных планок, оплетенных виноградом так, что внутри было полутемно. И, что самое удивительное, листья винограда были зелеными, а сверху свисали тяжелые грозди спелых ягод.

По обе стороны туннеля в просветах между виноградными листьями были видны клумбы с розами, пионами и даже

флоксами, а далее Алиса заметила полянку, засаженную хризантемами.

Когда туннель кончился, они оказались на небольшой лужайке перед домом. Тут как раз вышло солнце, и в мгновение ока замерший было живой мир оазиса всполошился и кинулся по своим делам: из густой травы вылетели бабочки и кузнечики, деловитые шмели и пчелы слетелись к цветам, а муравьи побежали через дорожки. Запели птицы, они гнездились в кущах деревьев, правда, еще невысоких, но пышных. Алиса увидела там и клен, и яблони, а ближе к высокой металлической ограде, литой, как и ворота, стояли сосны вперемежку с бананами и бамбуком, это было необычно, но красиво.

— Я опасаюсь не только нежеланных гостей, — сказал профессор. — Ограда ограничивает действие моих лучей и служит как бы экраном.

Последних слов старого профессора Алиса не поняла, но она не спешила с вопросами — ведь профессор обязательно расскажет, чем он занимается и что за лучи он изобрел.

Внутри небольшого домика, скромного настолько, что казалось, будто у отшельника, который здесь живет, нет никаких потребностей и желаний, было тепло. Солнце било в большие окна, делая еще более заметным скромное убранство комнат.

Первая комната служила профессору гостиной, столовой и, очевидно, кабинетом. Пол в ней был покрыт циновками, посредине стоял невысокий стол, возле него — два небольших табурета. Третий табурет Алиса увидела справа, у консоли, на которой стоял компьютер. На стенах было две-три старые фотографии, на одной Алиса угадала молодого профессора возле космического гравитоплана древней конструкции, рядом с ним стояла молодая красивая женщина. Ее Алиса тоже узнала. Это была Сандра Сингха — первый пилот гравитоплана, которая пропала без вести во время испытательного полета — космос всегда требовал жертв.

Что еще было в комнате? Несколько книг на столе, дискеты на консоли, абажур с черным драконом, вышитым на желтом шелке, древняя статуя Будды, видно найденная в пустыне...

— Мне много не нужно, — сказал профессор, указывая гостьям на табуретки. — Простите, Алиса, если вам у меня покажется не очень уютно. Фатима, ты угостишь нас чаем?

Фатима уже исчезла за дверью.

Дверей было две — одна вела на кухню, другая — в глубину дома, наверное в спальню профессора.

Сначала немного поговорили о том, как Алиса долетела до Урумчи, профессор расспросил гостью о здоровье ее родителей. Оказалось, что профессор читал о приключениях Алисы и даже видел документальный фильм о путешествии ее к центру Земли. Профессор был вовсе не таким отшельником, как могло показаться. Он сам признался, что получает специальную программу новостей, а также несколько видеожурналов и внимательно следит за всеми событиями в мире.

— Так расскажите, Алиса, — попросил профессор свою гостью, — что за опыты вы проводили в Москве со своими товарищами и какими были их результаты?

Профессор разговаривал с Алисой точно так же, как говорил бы со своим взрослым коллегой, и ничуть не притворялся. Для него на самом деле совершенно ничего не значил возраст собеседника. Он ценил в людях ум и доброту. Остальное, как утверждал он, приложится.

И Алиса совсем не стеснялась, хотя впервые в жизни попала в ситуацию, когда ее коллеге, к которому она прилетела по делу, почти на девяносто лет больше, чем ей. И родился он в прошлом веке!

Алиса рассказала профессору о том, как Аркаша хотел заставить розовый куст отзываться на классическую музыку, а Пашка Гераскин заставил растение слушать сутками сплошной рок-дроп и рок-джамп.

Профессор даже развеселился, особенно когда Алиса рассказала ему, что розы чуть не завяли после трех часов сплошного рока. Затем Алиса поведала профессору, как сама впуталась в эту историю, потому что когда-то дедушка учил ее играть на скрипке.

— И что же розы? — спросил Лу Фу, когда Алиса рассказала, как принесла на биостанцию скрипку.

— Аркаша уверяет, что они шевелили листьями и даже лепестками, правда, чуть-чуть.

— Вот именно, чуть-чуть, — согласился профессор. — Я должен сказать вам, коллега, что я проходил через эти опыты. Не удивляйтесь, Алиса. Ведь я тоже не сразу добился таких результатов.

И профессор показал на окно, за которым, просвеченные

солнечными лучами, покачивались под ветром ягоды черешни. Дальше стояли апельсиновые деревья, украшенные тяжелыми оранжевыми плодами.

— Значит, мы пошли по неправильному пути? — спросила Алиса.

— Да, ваш путь был тупиковым. Вы могли пригласить целый симфонический оркестр, но вряд ли даже морковка выросла бы быстрее. Если бы вы немного подумали, то наверняка догадались бы о том, о чем удалось догадаться мне.

— Но о чем догадались вы, профессор?

Алиса посмотрела на Ичунь и Фатиму. Обе студентки глядели на профессора влюбленными глазами. Они уже давно знали об открытии, но им и в голову не приходило перебивать или торопить профессора.

— Ну что ж, покажем нашей московской гостье, что мы научились делать? — спросил профессор у студенток.

Обе вскочили.

— Мы готовы, профессор! — сказала Ичунь.

— Тогда одевайтесь потеплее — наверху сильный ветер.

И хоть девушки отказывались одеться, профессор принес из своей спальни три теплых халата.

— Я специально держу их здесь, — сказал профессор, — у нас в пустыне тепло бывает только летом. Но тогда наступает такая жара, что хочется зарыться в песок с головой. Даже речка пересыхает, и все растения прячутся или погибают... кроме моих!

В голосе профессора прозвучала гордость.

По внутренней лестнице они поднялись на плоскую крышу. Крыша была окружена барьером по пояс человеку, и в середине ее на возвышении стояла стеклянная башенка. В ней была видна установка, похожая на гидропушку, с помощью которой в рудниках размывают и дробят породу.

Дул сильный холодный ветер, он гнал низкие серые облака, порой в разрывах между ними показывалось синее, куда темнее, чем в Москве, небо, и оттуда ослепительно сияло солнце.

Профессор подвел девушек к башенке.

Ему совсем не было холодно, хотя ветер трепал его белую бороду и пытался сорвать куртку. Порой даже казалось, что он вот-вот свалит старика с ног. Но Лу Фу и внимания не обращал на погоду.

— Когда я решил уйти в отставку с поста главного физика Земли, я уже знал, чем займусь на досуге — я постараюсь помочь тем ученым и простым людям, которые стараются восстановить природу Земли и, может быть, не только восстановить, но и помочь ей развиваться лучше, чем раньше. Но как это сделать? Разводить сады? Это делают многие. Выводить новые сорта растений? Этим тоже занимаются тысячи генетиков. Но я находился в более выгодном положении, чем другие спасители земной природы. Я много путешествовал в молодости и когда-то в одном тибетском монастыре отыскал и купил у монахов, забывших язык пали, на котором она была написана, рукопись на пальмовых листьях. Когда-то ее привезли из стран Южных морей. Неведомый древний мудрец утверждал в рукописи, что сила человеческого духа такова, что если правильно думать и правильно чувствовать, то человек может заставить растения быстрее развиваться. И в этой книге, которой уже исполнилось две тысячи лет, были приведены специальные заклятия и упражнения, направленные на то, чтобы воздействовать на растения добром.

— А как это — добром? — спросила Алиса.

— Все существа на свете понимают, что такое зло, а что такое добро.

— И растения?

— Все живое! Просто, чем дальше от человека находится живое существо, тем труднее человеку достучаться до него и передать ему свои чувства. Порой достаточно взгляда другого человека, чтобы почувствовать себя хорошо. Собака тоже может передать свои чувства взглядом, кошка — мурлыканьем, а как достучаться до сердца скорпиона?

— Ой, я не хочу достукиваться до его сердца! — воскликнула Ичунь.

— Вот видите! — засмеялся старый ученый. — Из древней рукописи на пальмовых листьях я узнал, что человеку легче найти пути к растениям, чем к скорпионам. Потому что панцирь скорпиона — это не только защита от врагов, но и защита от чужих чувств. Есть животные, насекомые или бактерии, лишенные доброты. Или, вернее, такие, с которыми очень трудно найти контакт... А растения, оказывается, очень отзывчивы. Если знать, как к ним обратиться.

— И вы научились?

— Сначала я подверг советы этой рукописи сомнению, по-

тому что я ученый и не верю в волшебство. А уроки рукописи мне показались уж очень близкими к волшебству.

Но потом я решил все же проверить мудреца и с помощью древних заклинаний и упражнений начал ставить опыты на растениях. И что же оказалось? Старинные заклинания действовали!

Голос профессора звучал громко и уверенно, словно голос совсем молодого человека, глаза у него были молодые, и Алиса понимала, что таким же молодым сохранился разум ученого. И это чувствовала не только она, но и студентки из Урумчи, которые, наверное, слышали этот рассказ не в первый раз, но с трепетом внимали профессору.

— Тогда я задался вопросом, — продолжал профессор, — что же заставляет растения реагировать на мои заклинания?

— А как они реагировали? — не сдержалась и перебила профессора Алиса.

— Вопрос правильный, — согласился профессор. — У растений увеличивалась скорость роста, они не болели, плоды на них получались больше, а цветы ярче, чем у обычных растений.

Алиса кивнула.

— А я задумался, — возвратился к своим мыслям профессор, — что же за секрет содержится в словах рукописи? Почему растения слышат меня? И понял, что все заклинания, которые я произносил, состояли из добрых слов. Все движения, которые я производил, были добрыми движениями, такими же, как ласка рук матери, укачивающей своего ребенка, или движение ладони, которая гладит животное. Все, что было в этой рукописи, так или иначе оказалось связанным с добротой. Когда же я догадался, то закрыл книгу, отложил в сторону опыты и решил, что пришла пора оставить двигатели, корабли, институт и попытаться в последние годы жизни научить растения расти с помощью доброты. И вот десять лет назад я скрылся от друзей и родственников, которые наверняка решили, что я на старости лет сошел с ума, прилетел сюда и построил домик прямо в сердце пустыни. Правда, я поставил его на берегу реки Тарим, которая зимой и весной несет воду в озеро Лоб-Нор. А был разгар зимы...

— Ой, наверное, вам было очень трудно! — воскликнула Алиса.

— Да, это была трудная зима и трудная весна. Порой мне

хотелось сдаться и убежать в мой теплый Шанхай. Но я упрямый старикашка. Я своего добился. На основе уроков и намеков старинной рукописи я, как ученый двадцать первого века, построил усилитель — ведь любое человеческое чувство, любое движение ума, любые мысли можно усилить. Мне удалось выделить физическую природу добра. Мне удалось сфокусировать в тонких лучах эманацию добра. То есть луч моего аппарата, несущий добро, действует на растение так, как если бы ему объяснились в любви одновременно сто тысяч детей. Вы не замерзли?

— Нет, что вы! — в один голос воскликнули три слушательницы.

— Вы не представляете, как я волновался, впервые включая мой генератор доброты в этом саду. Росло там всего-навсего три ветки саксаула и верблюжья колючка. И знаете, что мне пришлось делать в последующие три дня? Я выпалывал верблюжью колючку, которая под влиянием моего луча буквально заполонила всю усадьбу! С тех пор я не нарадуюсь на растения.

Профессор поднялся на площадку к своей «пушке». Он любовно погладил ее.

— Отсюда, — сказал он, — мой луч может достать до любой точки усадьбы. Каждый день я обязательно устраиваю два сеанса доброты. И сейчас вы увидите сеанс, который я проведу специально для моей гостьи Алисы, которая пролетела через половину Земли, чтобы встретиться со своим коллегой, и которая, как я надеюсь, построит такие, как у меня, установки в своей Москве. Сегодня я могу сказать, что первый этап моих опытов удачно завершен, и с завтрашнего дня я начну готовить письма в научные журналы и разошлю по заповедникам и лесоводческим хозяйствам чертежи моего генератора. И я надеюсь еще увидеть тот день, когда в пустынях вырастут сады и на местах вырубленных лесов поднимется зеленая поросль.

Профессор включил аппарат.

Тонкий расширяющийся оранжевый луч вырвался из дула «пушки», и профессор медленно повел его по кругу так, чтоб дотронуться до всех растений. Подобно солнечному зайчику, луч освещал цветы, плоды, замирал на секунду у корней деревьев и пробегал по их листве... И Алиса с удивлением смотрела, как под этим лучом, словно малыши, принимающие солнечные ванны, растения прихорашивались, выпрямлялись,

выпускали новые побеги, раскрывали свежие листья и бутоны — казалось, что вся усадьба профессора Лу Фу ожила: шуршали ветви, распевая песни, кружились над деревьями птицы и насекомые... Когда «пушка» поворачивалась, луч случайно задел Алису, и она почувствовала, как ее толкнуло в сердце трепетное чувство радости...

— Все! — произнес профессор. — Сеанс закончен.

Алиса окинула взглядом усадьбу. Казалось, что над садом пролился ливень — такими свежими были растения.

— Теперь вы понимаете, почему я не хотел раньше времени показывать свою работу зрителям, — сказал профессор. — Примчались бы репортеры, прибежали бы глупые туристы, стали бы мне мешать, шуметь и ломать забор, чтобы достать сувенир.

Алиса хотела было встать на защиту туристов, но студентки полностью поддержали профессора. Алиса вспомнила шумный лайнер и Торнсенсенов с их байдаркой и поняла, как они правы.

— Можно спуститься вниз, выпить чаю и погреться. К сожалению, я не могу предложить вам настоящего обеда, которого требуют ваши молодые желудки, потому что сам я питаюсь только овощами. Но я думаю, что вы не откажетесь выпить со мной еще по чашке чаю.

Когда они снова пили чай, Алиса высказала свой восторг по поводу того, что увидела, а профессор, которому было приятно слышать восторженные слова о своем изобретении, отнекивался и повторял, что ничего особенного он не сделал и что при желании это мог бы сделать каждый. И если бы Алиса с друзьями не увлеклись музыкой, может, и они догадались бы о существовании лучей добра.

Алиса спросила, можно ли будет и завтра посмотреть, как работает генератор? Профессор ответил, что он будет рад увидеть Алису завтра, потому что он должен рассказать ей, как сделать генератор доброты для московских школьников. Сейчас же профессор устал...

— Не беспокойтесь, учитель, — быстро сказала Ичунь. — Мы уже улетаем. Алиса останется у меня, а завтра утром я ее привезу сюда снова.

Профессор вышел проводить гостей к воротам, и, поднимаясь на флаере, Алиса видела в иллюминатор маленькую фигурку в синем костюме. Профессор стоял, подняв руку, а за его спиной начиналась зеленая чаша его сада.

Профессор дал девушкам с собой целую сумку с апельсинами и яблоками, которые созрели ранней весной. Всю дорогу до Урумчи девушки ели фрукты, и во флаере весело пахло апельсиновой кожурой.

Глава 2

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Комиссар Милодар, шеф земной службы Интернациональной Галактической полиции, позвонил своему агенту Коре Орват среди ночи, потому что имел гадкую манеру звонить всегда не вовремя. Сам он почти не спал и не выносил, когда спали его подчиненные.

Спросонья Коре показалось, что обвалился потолок и оттуда в спальню ворвалась стая визгливых гиен. А это был всего-навсего звонок видеофона.

— Ты что делаешь? — сурово спросил комиссар.

Кора достаточно проснулась, чтобы ответить:

— Собираю апельсины.

Ее шутка не возымела действия, потому что комиссар удивленно откликнулся:

— Кто тебе сказал про апельсины?

Кора окончательно открыла глаза и посмотрела на часы: четыре часа тридцать пять минут. Самое время для того, чтобы поговорить об апельсинах.

— Мне приснился сон, — ответила Кора, — что я собираю апельсины и варю из них компот.

— Чепуха! Я не верю в сны! Признавайся, откуда ты узнала про апельсины?

— Комиссар, если вы будете на меня и дальше кричать, я выключу связь.

— Нельзя. Раз ты проснулась, значит, начался рабочий день.

— Тогда расскажите мне тихим голосом, что произошло, — попросила Кора. — Только очень тихим голосом. У меня разыгрались нервы.

— Неправда! Ты еще такая молодая, у тебя нет нервов!

— Еще тише, умоляю!

— Еще тише невозможно. Я сам себя не услышу.

— Это совсем не обязательно, — сказала Кора. — Вы же знаете, о чем хотите мне сообщить.

Милодар тяжело вздохнул. Он не любил упрямства Коры и ее умения оставить за собой последнее слово, но признавал ее профессиональный дар.

— Говорит ли тебе что-нибудь, — спросил он приглушенным голосом, — имя Лу Фу?

— Разумеется, как и любому интеллигентному человеку, — ответила Кора. — Это великий китайский ученый, физик и философ, лауреат Нобелевской премии. Каждый школьник знает о четырех принципах Лу Фу. Шестьдесят лет назад он изобрел гравитационный двигатель, и благодаря ему мы можем за считаные дни пересечь всю Галактику.

— И это все?

— Я знаю, что он очень старый и живет где-то в горах или в пустыне, где разводит розы.

— Молодец, девочка! — похвалил Кору комиссар Милодар. — У тебя хорошая память. Я могу добавить только, что уважаемому профессору Лу Фу через неделю должно исполниться сто лет и во всех странах мира, а также на многих планетах готовятся к этому празднику. Ведь Лу Фу воспитал сотни учеников, не говоря уж о почитателях.

— И вы разбудили меня, чтобы сообщить об этом?

— Ты ошибаешься, Кора. Дело куда серьезнее.

— Меня выбрали в делегацию ИнтерГпола, которая повезет букет великому ученому?

— Не говори глупостей! В делегацию выбирают солидных людей, а не рядовых агентов.

— Тогда в чем дело?

— А в том, что профессор исчез, и вернее всего — убит.

— Быть не может!

Кора вскочила с кровати, сна — ни в одном глазу.

— Ну чего же вы молчите, комиссар! Я вас слушаю!

— Смотри-ка, проснулась! — усмехнулся Милодар. — Уже готова к бою!

— Какие будут приказания, шеф?

— Я решил поручить это дело тебе!

— Но ведь есть более заслуженные агенты, более опытные.

— Наоборот, мне нужен агент молодой, быстрый, отважный и, кроме того, знающий китайский язык. А это ты, Кора

Орват! Итак, через пятнадцать минут прошу быть у меня в кабинете.

— Я не успею, — ответила Кора.

Но, конечно же, комиссар Милодар не стал ее слушать.

Кора представила, как ее начальник включает хронометр, сидит перед ним, попивая кофе, и считает секунды. Он уверен, что она не уложится в пятнадцать минут, потому что это невозможно.

Ах так?!

За двенадцать секунд Кора выскочила из постели, добежала до ванной и через семьдесят секунд уже была на кухне — умытая, причесанная и полностью одетая. А кухня, привыкшая к тому, что ее хозяйка всегда спешит, уже сварила кофе, залила молоком кукурузные хлопья и выжала сок из грейпфрута.

Завтрак занял почти минуту — пришлось подкрепиться, потому что неизвестно было, когда удастся поесть в следующий раз.

Хрустя кукурузными хлопьями, Кора включила компьютерную энциклопедию и сразу увидела на экране доброе лицо старого профессора Лу Фу. Профессор был совсем лыс, у него были тонкие белые усы, кончики которых спускались к подбородку, и редкая, клинышком, седая борода. Затем компьютер показал Коре дом профессора. Оказывается, он уже двадцать лет как отошел от работы в институте, вышел на пенсию и поселился в очень странном для пенсионера месте — на краю громадной, грозной пустыни Такла-Макан, одного из последних не освоенных людьми мест на Земле.

— Сейчас вы увидите дом профессора Лу Фу, — произнес низкий голос диктора. Он говорил по-китайски.

На дисплее потянулась бескрайняя каменистая пустыня, над которой кое-где поднимались гигантские барханы. Затем показались низкие голые холмы, между ними — зеленое пятнышко. Пятнышко росло, пока не превратилось в цветущий оазис, защищенный холмами от ветров и песчаных бурь. Посреди оазиса, рядом с маленьким синим прудом, располагался небольшой белый дом, окруженный плодовыми деревьями. На плоской крыше дома поблескивала стеклянная башенка.

— Здесь, в тишине и вдали от суеты, профессор проводит свои спокойные годы, размышляя о смысле жизни и стараясь по мере сил принести пользу людям, — сообщил диктор.

Лу Фу вновь появился на экране. На этот раз он трудился в

саду, разрыхляя мотыгой грядку. С дерева рядом упал апельсин и покатился к профессору. Ах, вот почему комиссар удивился сну Коры!

Кора выключила компьютер. Прошло уже четыре минуты из отпущенных ей комиссаром Милодаром.

«Какой благородный старик», — подумала она, выбегая на улицу к своему флаеру.

— Что готовить на обед? — крикнула из окна кухня.

— К обеду меня не жди, — ответила Кора.

— Когда же это наконец кончится! — взвыла кухня.

Дверца флаера открылась.

Садясь в машину, Кора сказала ей:

— У нас есть девять минут, чтобы долететь до Антарктиды, где меня ждет в штабе комиссар Милодар.

— Не успеть, — ответил флаер.

— А ты постарайся.

— Пробки, — ответил тот. — Воздушные пробки над Малаховкой и Бермудским треугольником. Меньше десяти минут не гарантирую.

— Я тебя очень прошу. Это дело чести.

— Ну тогда держись! — предупредил флаер. — Ты хорошо пристегнулась?

Они были над Антарктидой через восемь минут тридцать секунд, трижды нарушив правила движения и чуть не врезавшись в мыс Горн.

Еще через полминуты на скоростном лифте Кора понеслась вниз сквозь двухкилометровый ледяной щит Антарктиды. Там, в глубине и безопасности, находится штаб ИнтерГпола — Интернациональной Галактической полиции. С опозданием в четыре секунды Кора вошла в кабинет комиссара Милодара.

Тот постучал согнутым пальцем по хронометру и сказал:

— Я бы на твоем месте не успел. Что будешь пить? Джин, виски, самогон, коньяк?

Кора не успела открыть рот, чтобы ответить, как Милодар уже протянул ей высокий бокал парного молока.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Я готова к работе.

* * *

— Сейчас ты увидишь прилетевшего из Урумчи свидетеля, — сказал комиссар Милодар. — Этот человек последним видел профессора живым. И первым попал к нему в дом по-

сле его исчезновения. Он сообщил обо всем в криминальную полицию Урумчи. После этого свидетель нашел в себе силы первым же лайнером прилететь сюда, чтобы дать показания.

— Я ничего не понимаю, — сказала Кора, глядя на часы. — Сейчас половина шестого утра. Когда же ваш свидетель успел посетить сегодня профессора, узнать, что он исчез, вернуться в Урумчи, дать показания полиции и прилететь сюда...

— Тебе ли быть такой наивной, Кора! — расстроился комиссар. — В каком месте я тебя разбудил?

— Под Вологдой, — ответила Кора. — Было половина пятого.

— А сколько в это время было в пустыне Такла-Макан?

— Наверное, часов на пять-шесть больше. У них уже утро...

— Умница! Значит, за несколько часов наш свидетель успел прийти, увидеть и принять меры. Как Юлий Цезарь.

Кора хотела было поправить комиссара, так как, по ее сведениям, изречение Юлия Цезаря звучало не совсем так, как цитировал его Милодар, но потом решила оставить комиссара в неведении. Тем более что она и в самом деле вела себя как наивная девочка, которая прогуляла урок о часовых поясах и теперь думает, что Земля плоская.

— А здесь у меня время произвольное. Как-никак полюс, — продолжал комиссар. — Вот вы и встретились на равных.

Милодар щелкнул пальцами.

— Ввести свидетеля! — произнес он.

Такой жест приводил в изумление посетителей, попавших к комиссару в первый раз и не знавших, что за происходящим в кабинете внимательно наблюдает любимая секретарша комиссара, подлинное имя которой за последние годы забылось. Но сотрудники ИнтерГпола именовали ее Церберовной. И стоит комиссару щелкнуть пальцами, как любое его пожелание исполняется.

Дверь в кабинет отворилась, и вошла высокая девочка лет двенадцати, светловолосая и голубоглазая. Девочка была одета в дорожный комбинезон с вышитой на груди эмблемой юных биологов Земли — птицей дронтом. Эту эмблему придумал замечательный натуралист и любитель животных Джеральд Даррелл. Птицу дронта много лет назад истребили охотники, и ни одного дронта в мире не осталось. И, прикрепляя к груди

изображение вымершей птицы, юные биологи клянутся: мы будем охранять всех живых существ.

— Познакомься, Кора, — сказал комиссар Милодар. — Это Алиса Селезнева. Она живет в Москве. Должен сказать, что Алиса не совсем обыкновенная девочка, потому что в своем возрасте она установила рекорд — побывала на двадцати трех планетах.

— На двадцати четырех, — ответила Алиса.

— Нет, на двадцати трех. Я проверил твое досье, — повысил голос комиссар.

— У меня хорошая память, — сказала девочка. — К сожалению, вы ошибаетесь.

Коре захотелось захлопать в ладоши, чтобы поддержать девочку. Молодец, что не оробела под орлиным взглядом комиссара Милодара. Ну, теперь держись!

— Досье на детей с неустойчивой психикой составляется суперкомпьютером, — сообщил Милодар, — который просто не способен ошибиться.

— У меня и психика неустойчивая? — спросила Алиса.

— А ты что думала? Разве может быть устойчивой психика ребенка, который к двенадцати годам облетел половину обитаемой Галактики?

— Но ведь большей частью меня возили туда взрослые.

— Значит, это были взрослые с неустойчивой психикой, — заявил комиссар.

— Я им скажу о вашем мнении, комиссар, — сказала Алиса. — Им будет интересно его услышать. Надеюсь, оно официальное?

— Совершенно неофициальное! — быстро воскликнул комиссар. Он умел вовремя отступить на заранее подготовленные позиции. Ведь среди людей, с которыми летала Алиса, могли оказаться и персоны, которым не понравится критика Милодара. Лучше не рисковать...

— Кстати, — продолжал Милодар, обращаясь к Коре, — Алисочка отличница, можно сказать — лучшая ученица в классе. Кроме того, она успешно занимается биологией. Именно в качестве юного биолога Алиса посетила профессора Лу Фу.

Алиса между тем рассматривала молодую женщину, с которой ее только что познакомил комиссар Милодар. Женщина казалась несколько заспанной, — видно, ее выдернули из постели куда раньше, чем ей того хотелось. С первого взгляда

Алисе понравилось в новой знакомой то, что в ней все было настоящее, свое. Ведь не секрет, что женщины конца XXI века широко пользуются косметикой и хирургией, чтобы казаться красивыми. Некоторые изменяют себе лицо, другие удлиняют ноги, третьи даже отращивают небольшие крылышки или третий глаз во лбу, но большинство превращают себя в длинноногих блондинок. Бывает, попадешь на пляж и видишь — тысяча одинаковых красавиц! Непонятно, как их знакомые мужчины различают.

А вот у Коры все было свое: и рост — метр восемьдесят пять, и синие глаза, и русые волосы, прямые и коротко остриженные, и даже зубы, не такие белые, чтобы быть фарфоровыми.

Кора сказала:

— Мне очень приятно познакомиться с юным биологом. У меня еще никогда не было знакомого биолога.

И незаметно для Милодара она подмигнула Алисе.

— Вот и отлично! — воскликнул комиссар. — Мы познакомились, и можно переходить к делу. Алиса, расскажи нам о последней встрече с профессором Лу Фу и о том, что случилось сегодня утром. А моя секретарша угостит нас душистым кофе со сливками.

Он щелкнул пальцами.

— Через три минуты, шеф! — послышался из-под потолка голос Церберовны.

Алиса рассказала Коре и комиссару о том, как она решила наговорить письмо старому физику и получила от него приглашение. Как прилетела в Урумчи и встретилась со студенткой Ичунь. Как потом они прилетели в пустыню Такла-Макан к озеру Лоб-Нор и нашли там зеленый оазис профессора.

Комиссар, который уже слышал рассказ Алисы, и Кора, услышавшая обо всем впервые, часто перебивали девочку, чтобы уточнить детали. Их все интересовало: и как выглядел Лу Фу, и как вела себя Ичунь, и кто такая Фатима, и какие плоды дал с собой Алисе старый профессор. Особенно они вцепились в Алису, когда она перешла к описанию отлета. Они три раза просили девочку повторить рассказ о том, как профессор пригласил ее прилететь к нему еще раз, чтобы поговорить об установке генератора доброты в Москве. Наконец, выпотрошив Алису, как цыпленка, они успокоились, и Милодар приказал:

— Продолжай. Рассказывай, что было после вашего возвращения в Урумчи.

— Ничего, — ответила Алиса. — Мы прилетели в город и отправились в общежитие, где живет Ичунь. Она провела меня к себе в комнату, и мы посидели там, поговорили.

— О чем?

— В основном о том, какой великий человек профессор и какой он чудесный старик. Ичунь обожает своего учителя.

— А Фатима? Она его не любит? — спросил Милодар.

— С чего вы взяли? — удивилась Алиса. — Фатима тоже его любит. Но ее с нами не было, потому что она местная, из Урумчи, живет в доме своих родителей и вечером ушла домой.

— Итак, тебе ничего не известно о том, что делала Фатима, — уточнил комиссар. — Продолжай.

— Что продолжать? Потом мы пошли ужинать в маленький уйгурский ресторан...

— Почему в ресторан? — спросил Милодар. — Не рано ли вам ходить в ресторан, госпожа школьница?

— Нет, — вежливо ответила Алиса. — Не рано. Там хорошо кормят. Даже лучше, чем в студенческой столовой.

— Это выдумки!

— Это правда, — вставила Кора. — Вы, комиссар, институтов не кончали, а я имею высшее образование и должна вам сказать, что не очень любила бывать в нашей студенческой столовой.

— Клевета! — Милодар настаивал на своем. — Я читал, что полезнее всего питаться в студенческих столовых.

— Продолжай, Алисочка, — попросила Кора.

— Из ресторана мы пошли... — Алиса с опаской взглянула на комиссара, и тот, перехватив взгляд, закусил губу, готовый ринуться в бой.

— Правду и только правду! — потребовал он.

— Мы пошли на дискотеку, — упавшим голосом призналась Алиса.

— Так я и думал! — Милодар явно расстроился, а Кора рассмеялась.

— Я провела детство в приюте, — призналась Кора. — И если бы ты только знала, как мы мечтали о дискотеке! Впервые я побывала на ней на первом курсе института, зато, скажу тебе, провела там лучшие ночи моей жизни!

— Почему меня не поставили об этом в известность? —

возмутился Милодар, дергая себя за кудри. — Почему я узнаю о своих агентах порочащие их сведения через несколько лет?

— Во-первых, комиссар, — возразила Кора, — в дискотеке нет ничего порочащего. Именно там я в совершенстве овладела рок-дропом и рок-джампом.

— Этого еще не хватало!

— Во-вторых, там я знакомилась с хорошими мальчиками.

— Еще того хуже! Там не может быть хороших мальчиков.

— Может, вы хотите, комиссар, чтобы мы с Алисочкой показали вам, как танцуют рок-дроп и рок-джамп?

— Или рок-скок? — спросила Алиса. — Это новая московская мода.

— Вы зачем здесь собрались? — грозно спросил Милодар, чувствуя свое бессилие перед девушками. — Мы обсуждаем важную проблему! Каждая минута на вес золота. Я не намерен тратить время на пустые воспоминания испорченных девиц! Мы немедленно продолжаем допрос. Алиса, что необычного произошло той ночью на дискотеке?

— Ничего, комиссар.

— Как жаль. Продолжай.

— После дискотеки мы долго гуляли по улицам, — сказала Алиса. — Ичунь провожали ее друзья, а я гуляла с ними.

— Кто эти друзья? — насторожился Милодар.

— Студенты и школьники, — ответила Алиса.

— Их фамилии?

— Я не спрашивала их фамилий. Там были два китайца, два уйгура и узбек.

— Они спрашивали тебя о профессоре?

— И не думали, — сказала Алиса. — Они спрашивали об Ичунь.

— Тогда продолжай. Итак, вы вернулись домой...

— Мы вернулись домой и легли спать. Утром проснулись, но Ичунь не могла встать с постели. Ночью ведь шел снег, а она гуляла с непокрытой головой.

— А я что говорил! — обрадовался комиссар, который всем и всегда велел надевать головные уборы. — На улице свирепствует грипп!

— Ичунь потеряла голос, и у нее начался страшный насморк. Я дала ей лекарства, но лететь со мной к профессору она не могла. Так что она отдала мне ключ от своего флаера, чтобы я могла слетать к Лу Фу.

— Значит, ты летела туда одна? — прищурился комиссар, словно и не знал об этом.

— Совсем одна, — ответила Алиса. — И жалею об этом. Лучше бы со мной кто-нибудь был. Вы не представляете, как мне было страшно!

— Ладно, ладно, — сказал комиссар, который не выносил женских страхов и женских слез. — Ничего особенного. Ты ведь даже трупа не видела.

— Но вы представьте, — Алиса обратилась к Коре, которая ее понимала куда лучше, чем этот курчавый цыган с безжалостными глазами, — вы представьте: я посадила флаер у ворот. Ворота были приоткрыты. Я думала, что профессор открыл их специально для меня... Я прошла внутрь. И что-то меня сразу встревожило. Как будто сад был не таким, как вчера.

— Почему не таким? — взвился комиссар. — Подробнее!

— Милодар, — вмешалась Кора, — через час или два мы с вами будем на месте преступления и тогда сами все почувствуем. Продолжай, Алиса.

— Сад был неживой. Там не было птиц и насекомых — все куда-то попрятались. Я прошла к дому. Дверь в него тоже была открыта. Я позвала профессора, потому что удивилась, что он не вышел меня встретить. Никто не откликнулся. Я тогда еще не испугалась — решила, что, наверное, профессор работает и не заметил, как я пришла. Я вошла в первую большую комнату. Там профессора не было. Но вид комнаты меня удивил... нет, даже испугал.

— Почему? — спросил Милодар.

— Там все было разбито, раскидано, словно... словно там побывало стадо слонов. Нет, не слоны, там побывали какие-то сумасшедшие.

— Дальше!

— Я стояла у входа в первую комнату и кричала: «Профессор, профессор!» Но никто не отзывался. И было так тихо, вы просто не представляете, до чего там было тихо. Даже мухи не летали... — Алиса замолчала. Она снова переживала страх, который овладел ею в доме профессора.

— И ты вошла в следующую комнату? — подсказал Милодар.

— Я долго не решалась, — ответила Алиса. — Я все прислушивалась. А вдруг профессор просто заснул? Потом мне показалось, что кто-то смотрит на меня снаружи. Я подбежала к

окну. Тут как раз налетел холодный дождь со снегом, и стало сумрачно.

— А за окном никого не было? — спросил комиссар.

— За окном никого не было. Только сыпались листья.

— Ты это заметила?

— Я уверена, — сказала Алиса. — Я смотрела, а листья падали. Их срывало ветром.

— Продолжай, — попросил Милодар.

— Я все-таки решилась и заглянула сначала на кухню. Там был жуткий беспорядок. Потом я сунула нос в спальню профессора. Но и там было пусто. И вся мебель была перевернута, словно кто-то сошел с ума. Но я боялась увидеть мертвого профессора и даже обрадовалась, что его нет.

— И никаких следов профессора? — спросила Кора.

— Нет. Я даже поднялась на крышу, — сказала Алиса, — чтобы лучше осмотреть оазис.

— А что было на крыше?

— Кто-то разбил стеклянную башню и опрокинул, уничтожил генератор доброты. Видно, люди, которые напали на профессора, совершенно не представляли, на что они подняли руку.

— Или слишком хорошо представляли, — мрачно заметил комиссар Милодар.

Слушая Алису, он ходил по своему кабинету из угла в угол, стараясь не приближаться к Алисе и Коре, которые стояли у стола. Объяснялось это просто: великий сыщик комиссар Милодар был на две головы ниже Коры Орват — агента № 3 в его команде. Но это еще куда ни шло — обиднее оказалось то, что девочка Алиса тоже была выше Милодара. Так что он хоть и метался по комнате, но к собеседницам не приближался.

— Я попыталась позвонить в Урумчи, но связь в доме профессора была выведена из строя — там не осталось ни одной целой металлической или пластиковой вещи. Тогда я побежала к флаеру и из него вышла на связь с полицейским управлением. Я рассказала дежурному, что случилось, и дежурный был очень удивлен. Он даже сначала мне не поверил. Потом велел ждать, пока прилетит патруль. Я хотела сказать дежурному, что мне страшно здесь ждать одной, но постеснялась. Тут мне позвонил следователь Лян Фукань, которому доложили о том, что случилось. И следователь спросил меня, не хочу ли я вернуться в город, если мне страшно. И тогда мне стало

совсем не страшно. — Алиса улыбнулась. — Я сказала ему, что ничего не случится, я подожду во флаере. А если замечу что-нибудь подозрительное, то сразу подниму машину в воздух. Следователь сказал мне, что я молодец, и еще спросил, где я так хорошо выучила китайский язык.

— А ты что ответила?

— А я ответила, что каждый культурный человек в двадцать первом веке знает китайский язык. Тогда следователь сказал, что он больше за меня не боится, но советует быть внимательной и осторожной. А дальше вы все знаете.

— Да, дальше мы все знаем, — согласился Милодар. — Как только следователь и полицейская группа примчались в оазис профессора Лу Фу, осмотрели дом и оазис и пришли к решению, что профессора нигде нет, они тут же отрядили поисковые группы в пустыню. Может быть, подумали они, профессор по какой-то причине ушел из дому и заблудился. Но тут следователь Лян Фукань обнаружил в спальне опрокинутый стул, на опрокинутом стуле — обрывки веревки, а также капли крови на полу под стулом. Стало ясно, что кого-то, вернее всего хозяина дома, привязывали к стулу и ранили его. Тут уж ни у кого не осталось сомнения, что в дом к профессору проникли злоумышленники, мучили профессора, пытаясь что-то у него выведать, а затем увезли его с собой. Но кто были эти преступники, еще следовало узнать. К тому же непонятно, у кого профессор мог вызвать такую ненависть, чтобы его мучили и полностью разгромили его скромный дом... Наверное, это было самое загадочное дело в практике следователя Лян Фуканя!

* * *

Каково же было разочарование следователя, когда, доложив об исчезновении профессора в Пекин, он узнал, что вести это дело он будет не один — к нему присылают на помощь агента № 3 ИнтерГалактической полиции, потому что авторитет профессора в Галактике настолько велик, что дело подлежит расследованию на высочайшем уровне. Лян Фуканя попросили не обижаться — ведь у ИнтерГалактической полиции куда больше возможностей и опыта. Вернее всего, преступление задумано и совершено преступниками высочайшего класса, профессионалами, с которыми провинция Урумчи давно не сталкивалась.

Если даже следователь Лян Фукань и был разочарован или обижен, он никак этого не показал. Он поклонился начальнику управления, который сообщил ему новости с экрана видеосвязи, и спросил, где ждать коллегу. Начальник попросил Лян Фуканя завершить осмотр места происшествия и встретить агента ИнтерГпола на аэродроме Урумчи.

— Хорошо, — сказал следователь.

Он обследовал пустыню и долину Тарима, а тем временем в Центре управления комиссар Милодар заканчивал инструктаж агента № 3 Коры Орват.

— Тебе придется работать в тесном сотрудничестве с китайскими коллегами, — говорил он. — Тебе надо будет показать, что ты не вмешиваешься в их дела, а помогаешь всеми доступными способами. Ясно?

— Ясно.

— Ты готова к отлету в Урумчи?

— Готова.

— А я? — спросила Алиса.

— А тебе что надо, девочка? — удивился комиссар, который уже забыл о существовании Алисы. — Ты разве не улетела домой?

— А мне что делать? — настаивала Алиса.

— Ты лети домой, к маме, — отмахнулся Милодар, занятый своими заботами. — Тебе обедать пора.

— Спасибо за совет, — сказала Алиса, — но я им не воспользуюсь.

— Это еще почему? — Комиссар не терпел, когда ему перечили.

— Мне надо вернуться в Урумчи.

— И не думай. Там не место маленькому ребенку.

— Спасибо за то, что вы считаете меня маленьким ребенком, — сказала Алиса. — Только я все равно полечу в Урумчи, с вашей помощью или без вашей помощи.

— Прости, Алиса, — сказала Кора Орват. — А зачем тебе надо в Урумчи?

— Во-первых, у меня все вещи в общежитии остались. А Ичунь сойдет с ума, если увидит, что я пропала.

— Я ей скажу.

— Она вам может не поверить. К тому же нельзя так вот запросто бросить в беде человека, который дал тебе кров. Представляете, каково сейчас Ичунь и Фатиме. Им ведь ка-

жется, что, если бы они остались со старым профессором, ничего плохого не случилось бы.

— Наверное, ты права, — сказала Кора. — Может, Алиса полетит с нами? — спросила она Милодара.

— Лишнее все это! И вообще, во флаере тесно, — проворчал тот.

Алиса расстроилась. Каждому станет обидно, если ему уже двенадцать лет, а его считают бесполезным ребенком.

Когда они поднимались на скоростном лифте на поверхность ледяного щита Антарктиды, Кора вдруг тихо спросила Алису:

— Ведь это не главная причина, почему ты хочешь вернуться в Урумчи?

— А какая главная? — спросила Алиса.

— Главная заключается в том, что ты, Алиса, обожаешь загадки и тайны и тебя никакими конфетками не выманишь из пустыни Такла-Макан, пока не разгадана тайна исчезновения профессора.

— Но он же мне не чужой человек! — сказала Алиса. — Он мой коллега, он пригласил меня в гости, я еще не получила от него чертежей генератора добра для нашей биологической станции. Разумеется, я никуда не улечу из пустыни. И не мечтайте меня выгнать!

— А кто тебе сказал, что я мечтаю тебя выгнать? Я же сама тебя позвала.

Комиссар не отрывался от своей видеозаписной книги, которую изучал, пока они поднимались на лифте с глубины в два километра, и не слушал разговора. Но для порядка спросил:

— Вы о чем шепчетесь?

— Извините, комиссар, — сказала Кора. — Мы о своем, о девичьем.

— Вот именно, — согласился комиссар, — о девичьем. А надо — о деле!

— Я согласна, чтобы ты осталась со мной, — сказала Кора Алисе. — Только ты должна дать мне слово, что без моего разрешения не будешь соваться в опасные места.

— Обещаю! — обрадовалась Алиса. — Я ведь давно уже не тот легкомысленный ребенок, каким меня знают по фильмам и книжкам. Я даже могу поклясться, что буду вас слушаться!

— Не надо, я тебе верю, — сказала Кора. — Но и ты меня не подведи.

Лифт вылетел на сверкающую снежную поверхность ледяного щита Антарктиды. У замаскированной под торос двери лифтовой шахты стоял скоростной флаер — служебная машина Милодара, кстати, снабженная гравитационным двигателем конструкции профессора Лу Фу.

— Комиссар, — сказала Кора, — Алиса летит с нами в Урумчи.

— Но ведь я же сказал, — воскликнул комиссар, — что детям не место в служебном флаере!

— Алиса оставила вещи в студенческом общежитии. Она их заберет, поговорит со студентками, а потом, если захочет, может улететь в Москву на рейсовом лайнере.

— А если не захочет? — насторожился комиссар.

— Тогда и решим... Да вы забирайтесь во флаер, комиссар, забирайтесь. В ногах правды нет. По дороге все обсудим.

Флаер Милодара оказался просторным и комфортабельным. В нем даже нашлось место для штанги и пианино. И Алиса никому не помешала. Но у Милодара не было детей, и он не знал, как с ними обращаться.

Флаер резко забрал в небо и понесся к северу.

— Кора, ты что-то хочешь сказать. По глазам вижу!

— Вы, как всегда, угадали, — откликнулась Кора. — Мне хотелось бы попросить Алису, если у нее, конечно, найдется для этого время, слетать со мной в оазис профессора.

— Это еще зачем? — Голос комиссара был строг.

— Она уже была там два раза и может мне помочь при расследовании. — Голос Коры тоже был строг.

— Чем тебе может быть полезен маленький ребенок?

— Мне нужен единственный свидетель, который был у профессора перед смертью и первым после его исчезновения.

— Вообще-то ей лучше бы лететь домой, — произнес комиссар таким голосом, что даже Алиса поняла, что они с Корой выиграли сражение.

Милодар тут же углубился в свои видеозаписи, потом вышел на связь с какой-то группой № 6 на Марсе, которая что-то потеряла или нашла, и забыл о спутницах.

— Спасибо вам, Кора, — сказала Алиса. — Я никогда этого не забуду...

— Во-первых, не вам, а тебе — не так уж велика у нас разница в возрасте. Я старше тебя раза в два, не больше. Во-вторых, ты и в самом деле можешь мне пригодиться. Кто знает...

Следствие есть следствие, а расследование в пустыне Такла-Макан для меня нечто новенькое. Так что будем считать, что мы с тобой обо всем договорились к общему удовольствию. В Урумчи я даю тебе полчаса, чтобы домчаться до общежития, взять свои вещи и девушку по имени Ичунь, которая нам может понадобиться. Догоните нас в оазисе.

— Есть, капитан! — откликнулась Алиса.

* * *

Алисе потребовалось полчаса для того, чтобы успокоить Ичунь и убедить ее в том, что профессор, скорее всего, жив. А потом Алиса уговорила Ичунь полететь на флаере в оазис. Ичунь все время плакала, слезы катились по ее тугим щекам, волосы растрепались, глаза распухли и превратились в узкие щелочки.

— Что же будет, — повторяла она, — что же теперь будет!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Алиса.

— Но ведь через две недели у нас юбилей! Профессору исполнится сто лет. Уже избран почетный комитет, съедутся гости. Как ты не понимаешь таких простых вещей!

— Чего я не понимаю?

— Что будут делать гости, если не будет хозяина?

На этот вопрос Алиса ответить не смогла. Она лишь представила себе, как гости растерянно бродят по пустыне в поисках профессора.

Когда они прилетели в оазис, Милодар и Кора Орват их уже ждали. Алиса увидела следователя Лян Фуканя, толстенького, очень вежливого человечка в строгом черном костюме и при галстуке, что выглядело в пустыне необычно.

— Я очень рад, — сказал следователь, — что Алиса возвратилась в оазис профессора Лу Фу, потому что я надеюсь на ее помощь, и мне приятно также видеть Ичунь.

— Почему? — спросила Ичунь и тут же залилась слезами, потому что увидела, какой разгром в доме профессора.

— Вы можете заметить, что отсутствует, что пропало, — сказал следователь.

Ичунь со следователем ушли в дом. Алиса осталась в саду. Ей не хотелось возвращаться в разоренный, испоганенный дом.

Сад был уже не так пустынен, как утром. Эксперты и сыщики деловито шныряли по дорожкам, рылись в ворохах листьев, ползали между грядок, искали микроследы на дорожках... Куда бы Алиса ни ступила, ей говорили, шептали, ворчали, приказывали:

— Девочка, отойди, девочка, ты мешаешь, девочка, не наступи на вещественное доказательство! Девочка, что ты тут делаешь? Девочка, неужели тебе не сказали, что детям сюда вход воспрещен?

Алиса послушно отступала, отпрыгивала, отходила, она понимала, что специалисты заняты делом, а она и в самом деле может нечаянно наступить на пылинку, оставленную преступником, или, что еще хуже, принести лишнюю пылинку на своей подошве.

Несмотря на подавленное настроение, Алиса смогла сделать важное наблюдение: сад, лишенный помощи генератора добра, на глазах погибал. Манговые деревья и финиковые пальмы, испугавшись холода, поспешили сбросить листья, виноград и сливы, тронутые ночным морозом, катились по дорожке, гулко падали апельсины, стайкой поднялись бабочки и полетели к озеру — видно, надеялись укрыться в густых тростниках. Но если муравьи могут зарыться в землю, змеи — спрятаться в норы, бабочки и птицы — улететь, то растения лишены этой возможности. Они умирают там, где живут, им не положен заграничный паспорт.

Порыв холодного ветра принес с собой заряд мокрого снега. Стало сумрачно, словно вечером.

Алиса поняла, что ей вовсе не хочется стоять здесь и мерзнуть.

Пришлось пройти в дом. Там горел свет — сыщики обследовали помещения и снимали их с разных точек.

— Не спешите, — услышала Алиса голос Лян Фуканя, — сосредоточьтесь. Вы бывали в этом доме много раз. Неужели вы не помните, чего не хватает? Были у профессора деньги?

— Зачем ему деньги? — послышался голос Ичунь. — Если ему что-нибудь было нужно, все сразу присылали из города Урумчи. Но профессор был очень скромным человеком, он старался ни у кого ничего не просить. К тому же он был вегетарианцем и мог обходиться плодами собственного сада. Мы с Фатимой привозили ему лишь рис, вермишель и соевое масло. Нет, деньги профессору были не нужны.

— Но посмотрите, — настаивал следователь. — Здесь стояли очень дорогие приборы и компьютеры. Откуда они?

Алиса осторожно вошла в гостиную и остановилась у двери, слушая разговор.

— Странный вопрос, господин Лян Фукань, — удивилась студентка. — Ведь профессору достаточно было мигнуть глазом, чтобы ему прислали любой прибор китайского, да и не только китайского производства.

Комиссар Милодар статуей командора возвышался в углу комнаты. Он вертел головой, но не двигался с места. Дальше, за открытой дверью в спальню, была видна Кора Орват, которая вместе с уйгурским экспертом рассматривала веревки, которыми ученого привязывали к стулу. Второй эксперт брал для анализа щепки, испачканные кровью.

— Была ли у профессора какая-то особо ценная вещь? — продолжал спрашивать маленький кругленький следователь толстенькую робкую Ичунь. — Подумайте. Может быть, он показывал ее?

Алиса подумала, что они похожи, как дочь и отец.

— Профессор не любил вещей, — ответила студентка. — Он говорил нам, что забрался в сердце пустыни не для того, чтобы брать с собой в изгнание красивые вещи. Пускай, говорил он, они поживут дома, в Шанхае, и доставят удовольствие многим людям.

— И все же, — сказал из угла комиссар Милодар, — они что-то искали. Я бы даже сказал, что какая-то вещь их интересовала больше, чем сам профессор. И если уважаемый следователь Лян Фукань позволит, я бы предположил, что у профессора выпытывали, где спрятана эта вещь.

— Значит, они убили профессора? — испугалась Ичунь.

— Не знаю, — ответил Милодар, — надеюсь, что его увезли с собой. Им нужны знания, им нужна информация, которая спрятана в голове профессора. Но если им была нужна только та информация, зачем переворачивать все вверх дном?

Ичунь только развела руками.

Лишь во второй половине дня следователи закончили осмотр сада профессора. К сожалению, ничего достойного внимания они не нашли. Если преступники и оставили следы, то на территории оазиса их затоптали, а снаружи их сдуло ветром и смыло дождем.

Так как погода стояла отвратительная — моросил холодный дождь, — никому не хотелось дольше оставаться в оазисе.

И когда Лян Фукань с экспертами улетел в Урумчи, за ними последовал и комиссар Милодар с помощницами.

В гостинице Урумчи, в комнате Коры Орват, Милодар попрощался со своим агентом.

— Желаю удачи, — сказал он.

— Спасибо.

— Я буду тебя постоянно контролировать, — сказал комиссар, — так что не надейся, что сможешь отдыхать или смотреть видео.

— Я и не надеюсь. Я постараюсь вообще не спать.

Милодар обернулся к Алисе.

— Наверное, твои родители беспокоятся? — строго спросил он.

— Я звонила маме из Урумчи, — ответила Алиса. — Мама не беспокоится. Она привыкла.

— Жаль, — вздохнул комиссар. — Но, надеюсь, ты сегодня улетишь?

Алиса взглянула на Кору Орват. Неужели она не поддержит ее?

Кора Орват молчала, обернувшись к окну.

— Я полечу завтра, — сказала Алиса. — На лайнере.

Уже вечерело, и последний в тот день лайнер круто взмыл с летного поля, которое начиналось сразу за гостиницей. Если захочешь, из окна можно наблюдать за взлетом и посадкой кораблей.

— Ну что ж, мои дорогие, мне пора лететь. Сегодня надо успеть переделать еще целый воз работы, — сказал комиссар.

С этими словами Милодар помахал девушкам изящной рукой и медленно растворился в воздухе.

— Значит, он был не он? — спросила Алиса.

— Как всегда, — ответила Кора. — Это его голограмма. Комиссар не любит появляться на людях самолично. Из-за этого бывает много смешных случаев.

— А отличить нельзя?

— Пока он не начнет брать в руки вещи, ты не заметишь разницы. Впрочем, можешь спросить, хочет ли он выпить чашечку кофе. Если это настоящий комиссар, он согласится, а если голограмма, то с благодарностью откажется.

— Где я буду спать? — спросила Алиса.

— А ты не раздумала оставаться со мной? Дома ведь лучше.

— Нет, если можно, я останусь с вами, Кора, до тех пор, пока профессора не отыщут. Мне неловко уезжать.

— Ну хорошо, я тебя не тороплю. Сейчас закажем ужин.

Они легли спать в тот день совсем рано — ведь Кора и Алиса поднялись на рассвете, а день выдался долгим и трудным.

* * *

Гостиница, в которой провели ночь Алиса с Корой, стояла рядом с аэродромом, в ней останавливались большей частью пилоты, стюардессы и те люди, чьи дела могли срочно позвать в дорогу. Это надо знать, чтобы не удивиться встрече, которая утром следующего дня произошла неподалеку от гостиницы.

— Алисочка, — сказала Кора, стараясь перекричать шум душа. — Сбегай вниз, в аэропорту есть магазин. Купи там для нас с тобой жевательной резинки, шоколада, яблок, бананов и других нужных в путешествии продуктов. Возможно, нам с тобой придется провести в пустыне несколько часов, а то и сутки. Продуктов у профессора в доме нет, а на сад рассчитывать не приходится. Он уже засыхает. Деньги у меня в сумке.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Многие экспедиции срывались и гибли, потому что путешественники брали слишком мало продуктов. Так случилось с экспедицией капитана Скотта.

— Прости, — откликнулась из душа Кора, — я провела лучшие годы в детском доме. Там про Скотта не проходили. Ты мне потом о нем расскажешь.

Алиса спустилась вниз, перебежала площадь, где располагалась стоянка флаеров и наземных экипажей, а также велосипедов. В Урумчи живет немало пенсионеров, которые селятся здесь из-за чудесного горного воздуха и сухого климата. Они борются за чистоту окружающей среды и отказываются ездить на машинах или летать во флаерах. Они используют для поездок велосипеды или бегают с рюкзаками.

За стоянкой располагалось длинное здание аэропорта. Алиса увидела вывеску магазина и побежала туда. В магазине она провела полчаса и выбралась наружу, толкая перед собой тележку, наполненную фруктами и сладостями: ведь если тебе доверили снабжение экспедиции, на тебя ложится тяжкая ответственность. А вдруг Кора погибнет, если в резерве не окажется молочного шоколада? А что, если придется весь день провести без пепси-колы? Так что Алиса предпочла взять больше, чем недобрать. Экспедиция должна выжить.

Алиса вышла из магазина как раз в тот момент, когда к зданию вокзала на стоянку мягко опустился большой туристический летающий автобус. Из него спускались один за другим туристы, обвешанные своим скарбом, а некоторые — трофеями. К своему удивлению, Алиса узнала среди них вчерашних попутчиков. «Ой, — удивилась она, — эти отважные Магеллаты провели в пустыне и на озере Лоб-Нор всего два дня! Ничего себе, смелые ребята!»

Тут из дверей автобуса показался господин Кнут Торнсенсен. Он тащил за собой байдарку, которая казалась бесконечной, а Алиса стояла как зачарованная, глядя на это зрелище. Из салона автобуса были слышны возмущенные голоса задержанных этой выгрузкой туристов. Торнсенсен отбросил рюкзак и тащил байдарку, лицо его стало вишневым, и Алиса испугалась, что он сейчас лопнет. Но обошлось. Из последних сил сингапурский норвежец все же вытащил из автобуса свое сокровище, и байдарка вылетела наружу, как пробка из шампанского, а за ней, потеряв равновесие, выскочила и мадам Торнсенсен, потерявшая парик. Толстенная мадам, разумеется, не удержала равновесия и растянулась на мостовой. С грохотом покатились во все стороны кастрюли, миски, соковыжималки и прочие хозяйственные принадлежности, которые, как выяснилось, мадам брала с собой в пустыню.

К счастью, находившиеся поблизости пассажиры успели подхватить мадам Торнсенсен и с трудом поставить ее на ноги, а Кнут Торнсенсен, задержавшийся из-за оплошности жены посреди стоянки, закричал на нее, держа байдарку за нос:

— Ну давай же! Скорее! Сколько можно тебя ждать? Ты опять копаешься!

Мадам поднялась и начала исследовать оцарапанную коленку, для чего ей пришлось наклониться, а сделать это при ее комплекции нелегко. Тут из автобуса выскочила Ма Ми с большим рюкзаком за плечами и вытянула за собой чехол с удочками. Она хотела помочь мадам Торнсенсен и склонилась к ее коленке, но мадам не стала ждать. Под грозным взглядом супруга она заковыляла к корме байдарки, с трудом приподд-

няла ее и, хромая, побрела за мужем. Ма Ми пришлось собирать посуду и рассыпанные по земле предметы.

Алиса подкатила коляску к Ма Ми и хотела помочь ей.

— Ах! — воскликнула та испуганно, когда тень Алисы упала на нее. — Что ты здесь делаешь, Алиса? Ты меня выслеживала?

— Я хотела тебе помочь, — сказала Алиса, но так как она держала за ручку коляску, полную продуктов для путешествия, и не сообразила отпустить ее, то помочь Ма Ми она не могла.

— Спасибо, мне не надо помощи! — сказала Ма Ми.

— Ты меня боишься? — спросила Алиса.

— Зачем мне тебя бояться? — удивилась Ма Ми, ползая по земле и кидая в мешок кастрюли, терки, сковородки, кофеварки и чашки.

— А почему вы возвращаетесь? — спросила Алиса. — Холодно?

— Ужасная погода! — воскликнула Ма Ми. — Папа заболел бронхитом.

Алиса отпустила тележку и стала помогать Ма Ми. Вдвоем они за три минуты собрали все вещи в мешок, Ма Ми взвалила его на спину, а Алиса взяла тяжелый чехол с удочками, положила его поперек тележки с продуктами и покатила следом за Ма Ми.

— Тебе понравилось на озере Лоб-Нор? — спросила Алиса.

— Ты не представляешь, как там ужасно! — откликнулась Ма Ми. — Ночью пошел снег, а потом на озере была буря, у мамы начался страшный насморк, два туриста чуть не утонули, папа Кнут раскашлялся, из пустыни летели тучи песка... Мы еле успели выбраться оттуда живыми.

— Девочка права! — воскликнул шедший сзади тучный турист в меховой шубе до земли. — Это просто чудо, что мы остались в живых. Но больше всех рисковал отец этой девочки. Он пытался рыбачить на озере. Он мог утонуть в своей байдарке.

— Да, именно так, — согласилась Ма Ми. — Я была с ним!

Они вошли в высокий зал аэровокзала. Кнут Торнсенсен и его жена стояли посреди зала, соединенные длинной байдаркой: Кнут держал ее спереди, а его жена — сзади.

Кнут увидел дочь.

— Ма Ми, ты сведешь маму с ума! — крикнул он. — Сейчас же сюда! Не задерживайся, мы опоздаем на лайнер!

— Спасибо, Алиса, за помощь, — сказала Ма Ми. — Надеюсь, что мы еще увидимся.

Она схватила чехол с удочками и, с трудом волоча мешок, рюкзак и чехол, побежала к приемным родителям.

Алиса осталась в растерянности, она даже попрощаться толком не успела. Хотя Ма Ми ей, честно говоря, очень понравилась. Она хотела бы с ней дружить.

— Счастливо! — крикнула она вслед девушке.

Но та не обернулась. Наверно, и не услышала, потому что Кнут Торнсенсен выговаривал за что-то приемной дочке, а она, как побитая собачонка, семенила рядом с этой нелепой байдаркой, похожей на гигантский коричневый банан.

Так эта семейка и исчезла в дверях, ведущих к летному полю.

Когда Алиса возвратилась к Коре, та была поражена количеством продовольствия, которое следовало взять с собой экспедиции.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Не забудь, что нам с тобой еще надо позавтракать.

— Твое счастье, — сказала Кора, — что у меня тоже хороший аппетит. Иначе я тебя оставила бы в пустыне, пока не перемелешь все эти запасы.

— А что поделаешь? — вздохнула Алиса. — Я ведь расту.

Перед вылетом Кора позвонила следователю Лян Фуканю и сказала ему, что она вылетает в оазис профессора Лу Фу, чтобы еще раз не спеша осмотреть дом без свидетелей и специалистов.

— Я вас понимаю, коллега, — согласился следователь. — Надеюсь, что вы не забудете сообщить мне, если отыщете что-нибудь интересное, пропущенное невнимательными глазами моих сотрудников.

— Обязательно, уважаемый следователь, — сказала Кора. — Хотя вряд ли ваши сотрудники что-нибудь упустили.

— Он обиделся? — спросила Алиса, когда Кора прекратила связь.

— Не совсем так, — ответила Кора. — Следователь Лян Фукань — профессионал. Он хотел бы сам распутать это дело и найти профессора. Но он понимает, что похищение профессора, скорее всего, международное преступление и корни его могут находиться далеко от Урумчи. Конечно, ему немного

обидно, что дело передали такой... такой девчонке, как я... Лучше расскажи мне, что ты видела, пока ходила в магазин. А то тебя не было так долго, что можно подумать, будто ты встретила друзей.

Пока они загружались во флаер, переданный им следователем, Алиса рассказала о встрече с Торнсенсенами, которые бежали с озера Лоб-Нор, испугавшись снега и ветра. Она смешно изображала туристов, показывая, как семья норвежцев тянула байдарку.

Кора слушала Алису не перебивая.

Флаер был уже высоко в небе, когда Алиса наконец закончила свой рассказ и Кора спросила:

— А девочка Ма Ми старше тебя?

— Ей лет пятнадцать.

— А родители ее в самом деле норвежцы?

— Они живут в Сингапуре.

— А что делает этот господин... Торн...

— Торнсенсен. У него магазин детских игрушек.

— Очень любопытно. И при том он — рыболов?

— Да. Так мне Ма Ми сказала. Он даже пытался рыбачить под снегом на озере Лоб-Нор.

Флаер летел высоко над пустыней на автопилоте, впереди уже показалась зеленая точка оазиса.

Алиса выглянула в окошко.

— Тебе не кажется, что листва пожелтела? Даже отсюда видно, — сказала она.

Кора в ответ только кивнула. Она о чем-то напряженно думала.

Алиса принялась разглядывать быстро приближающийся оазис.

Теперь она уже не сомневалась. За сутки, что прошли с их вчерашнего визита сюда, на оазис как будто накатила осень.

Даже Кора, хоть и думала о другом, удивилась, когда флаер опустился перед воротами, теперь наглухо закрытыми. Над забором поднимались кусты и деревья, состарившиеся за ночь, пожелтевшие, побуревшие. Все апельсины уже осыпались, порыв ветра принес охапку бурых листьев...

— Это ужасно! — воскликнула Алиса. — Сломав излучатель доброты, они загубили столько невинных растений.

Алиса хотела было вылезти из флаера, но тут увидела, что Кора набрала на пульте номер и спросила:

— Следователь Лян Фукань может подойти?

— Его нет в управлении, — ответил женский голос.

— Можно мне выйти с ним на связь?

— Следователь просил его не беспокоить.

— У меня срочное дело, связанное с исчезновением профессора Лу Фу. Я Кора Орват.

— Подождите минутку, я попытаюсь его вызвать, — сказала женщина.

Через несколько секунд Алиса услышала голос следователя.

— Простите, коллега, — сказал он. — Я сейчас в бассейне. Надо поддерживать себя в форме.

— Простите, что я вас отрываю от занятий, — сказала Кора, — но у меня дело большой важности.

— Говорите, коллега Орват.

— Скажите, пожалуйста, проверяли ли вы туристов, которые ночевали позавчера на озере Лоб-Нор неподалеку от оазиса профессора?

— Разумеется, коллега, — ответил следователь. — Мы проверили обе группы туристов, которые ночевали на озере Лоб-Нор. Никто не покидал лагерь, но за сутки они так продрогли и промокли, что в полном составе помчались по домам.

— Вы совершенно уверены?

— У меня нет никаких сомнений. — В голосе следователя звучало недовольство недоверием Коры.

— Знаете ли вы, — спросила Кора, — что у семьи Торнсенсен была большая байдарка?

— Разумеется, — ответил следователь. — Торнсенсен — заядлый рыболов. Мы даже связались с Сингапуром и выяснили, что это чистая правда. Отпуск он проводит в своей любимой байдарке.

— Заглядывал ли кто-нибудь в его байдарку? — спросила Кора.

— Почему мы должны подозревать уважаемого человека, хорошо известного в кругах торговцев детскими игрушками? За него могут поручиться сотни людей.

Алиса подумала, что они испортили Лян Фуканю купание. Ни один следователь не любит, если намекают на то, что он что-то упустил или не заметил.

— И все-таки я очень прошу вас дать сигнал в Ташкент, чтобы там под любым предлогом заглянули внутрь байдарки, — попросила Кора.

— Зачем? — спросил следователь. — Может, вы подозреваете, что там спрятан труп профессора Лу Фу?

— Чтобы выяснить, нет ли в байдарке скоростного двигателя, который позволил бы ей за ночь долететь от озера Лоб-Нор до оазиса профессора Лу Фу.

— Хорошо, хорошо, — сказал Лян Фукань. Каково ему было подчиняться этой самоуверенной девчонке из ИнтерГ-пола!

Рассерженный следователь отключил связь.

— Нехорошо получилось, — произнесла Кора. — Нам же вместе работать, а он, кажется, мною недоволен.

— Я с ним согласна, — сказала Алиса. — Мой опыт общения с людьми показывает, что эта семья — не преступники. Я разговаривала с Ма Ми. Она нормальная, хоть и не очень счастливая девочка.

— И все равно, — упрямо сказала Кора. — Если есть хоть маленькое подозрение, его надо развеять. Ведь ты же не знаешь, куда делся профессор. И я не знаю. Но неразрешимых тайн не бывает. Кто-то, хотя бы похититель или убийца, знает, что случилось. И если мы его выследим, то и сами все узнаем.

Они вошли в сад. Сад словно проснулся, удивился тому, в какой суровой, зимней, неприветливой пустыне он расцвел. И постарался соответствовать этой пустыне, как Золушка в роскошном платье и хрустальных туфельках, оказавшись на кухне, спешит все снять и спрятать, чтобы никто не догадался, какой проступок она совершила. Вот и сад стал серым, жухлым, несчастным, увядшим.

— Уж лучше бы, — сказала Алиса, пока они шли по дорожке к дому, — здесь была пустыня как пустыня. А то очень грустно.

В этот момент они услышали впереди глухой удар.

— Стой! — приказала Кора.

Она остановила Алису движением руки, а сама осторожно, как пантера, двинулась вперед.

Не успела Кора скрыться в бурых кустах, как раздался еще удар, потом еще один... Затем послышались удар потише и возглас Коры:

— Ой! Меня, кажется, убили!

Забыв об осторожности, Алиса кинулась вперед и увидела, что Кора стоит, прижавшись спиной к стволу апельсинового дерева, и прижимает ладонь к темени.

И тут еще один апельсин, сорвавшись с дерева, ударил Алису по плечу.

Стук раздавался со всех сторон, — поднявшийся ветер срывал апельсины с деревьев, и они стучали, ударяясь о твердую землю.

Перебежками, чтобы не попадать под апельсиновую бомбежку, девушки добежали до дома.

— На войне как на войне, — сказала Кора. — Хотя, честно говоря, мне приходилось бывать и в более жестоких переделках, но так близко от гибели я не была никогда.

— Правда? — удивилась Алиса. Но поняла, что Кора шутит, и рассмеялась.

— Ты не смейся, ты пощупай, видишь, какая шишка растет!

В доме стояла тишина, и, хоть окна были закрыты, пыль покрыла опрокинутые стулья, разломанный стол, перевернутый шкаф, сброшенные со стеллажей книги...

— Теперь, — сказала Кора, — мы с тобой будем искать то, не знаю что.

— Это мне нравится, — согласилась Алиса.

— Я не шучу. Я не знаю, и ты не знаешь, что мы отыщем. Но если следователи и эксперты ничего не нашли во всем доме, значит, они плохо искали. Вернее, не плохо, а стандартно. Мы должны с тобой увидеть что-то, чего они не смогли заметить. Задача тебе понятна, мой помощник?

— Да, мистер Холмс! — ответила Алиса.

— Что мы видим на этой картинке? — спросила Кора. — Мы видим дом старого профессора, разгромленный преступниками. Но неужели это просто хулиганы, которые получали удовольствие от своего хулиганства?

— Может быть, — согласилась Алиса.

— Они прилетели в самое пустынное место на Земле специально, чтобы побезобразничать. И мы с тобой в это поверим?

— Ни в коем случае, мистер Холмс! — ответила Алиса. — Они прилетели, потому что им что-то было нужно.

— Отлично! — воскликнула Кора. — Как мне приятно, что меня сопровождает такой умный доктор Ватсон. Им нужно было что-то... большое?

— Нет, небольшое.

— Почему они не попросили профессора дать им эту вещь?

— Потому что профессор не захотел им дать эту вещь. Они даже привязали его к креслу и били, но он не сдался.

— Как только мы, доктор Ватсон, догадаемся, какую вещь профессор не захотел дать преступникам, мы разгадаем загадку оазиса.

Разговаривая так, сыщики прошли во вторую комнату, которая служила профессору спальней.

Здесь тоже были видны следы погрома, но Алиса обратила внимание на то, что здесь разгромлена только половина комнаты, та, что была ближе к двери. Ковер в этой половине комнаты был вспорот и разодран, комод с бельем буквально вывернут наружу... А вот в дальней половине комнаты преступники не хулиганили. Будто устали.

— Обрати внимание, Кора, — сказала Алиса. — Они просмотрели все книги на стеллажах в гостиной, но стеллаж в дальнем углу спальни их не заинтересовал. Разве это не удивительно?

— Удивительно, — откликнулась Кора. — Но мы постараемся объяснить эту странность.

— Можно, я объясню, мистер Холмс? — воскликнула Алиса.

— Попробуйте, доктор Ватсон.

— Они нашли то, что искали!

— Замечательно! Пятерка с плюсом. А раз они не были хулиганами, а оказались вполне деловыми людьми, то они тут же перестали громить и переворачивать чужой дом, а уехали с добычей. С предметом достаточно маленького размера, чтобы его можно было спрятать на полке за книгами.

— Но я не понимаю, — сказала Алиса, — куда они дели профессора?

Кора подошла к окну, за которым снова бушевала снежная вьюга, оседая тяжелыми шапками снега на ветвях деревьев.

— Вот это меня и беспокоит больше всего, — сказала Кора. — Может быть, они не хотели, чтобы профессор рассказал о том, кто на него напал и что у него забрали. В таком случае дела наши плохи. Ведь проще всего профессора было убить и закопать в пустыне. Его могут никогда не найти.

— Ой, какой ужас! — воскликнула Алиса.

— Но есть надежда, что профессор жив, — сказала Кора. — Это может случиться, если он им нужен.

— Но зачем им нужен старый ученый? Он же для них опасен, — сказала Алиса. — Он их знает в лицо.

— Если его далеко спрятали, то он никому ничего не сообщит...

Сказав это, Кора включила связь-экранчик, прикрепленный к браслету.

— Следователь Лян Фукань! — произнесла она. — Вас вызывает агент Орват.

Маленькое лицо следователя показалось на экранчике.

— Извините, вам удалось связаться с Ташкентом? — спросила Кора.

— Да, только что, — ответил следователь.

— И что же?

— Как только лайнер приземлился в Ташкенте, часть туристов с него сошла. В том числе семья Торнсенсен. Лайнер полетел в Москву без Торнсенсенов на борту.

— Так где они? — закричала Кора.

— Где угодно, — ответил следователь. — Может быть, они поехали ловить рыбу на озеро Иссык-Куль.

— Пожалуйста, я вас очень прошу, — взмолилась Кора, которой не хотелось портить отношения со следователем, хотя у них и были разногласия, так как Лян Фукань не желал подозревать Торнсенсенов. И это можно было понять. Ведь он с самого начала не проверил их, а теперь не хотел в этом признаться. — Я вас прошу, продолжайте вызывать Ташкент. Ведь Торнсенсены не могли провалиться сквозь землю!

— Разумеется, — ответил следователь, и связь прервалась.

Над пустыней Такла-Макан поднималась буря. За окнами стемнело.

— Наверное, к утру, — сказала Кора, — ни одного листочка на деревьях не останется.

Алиса пошла на кухню и приготовила обед из запасов пищи, которые они привезли из Урумчи. Обед состоял из ананасов, бананов, мороженого и шоколадных конфет с пепси-колой. Кора заявила, что она не ела такого вкусного обеда с тех пор, как сбежала из детского дома. Но она не сказала, когда и из какого детского дома она сбежала, а Алисе было неудобно спрашивать — ведь они совсем недавно познакомились.

После обеда они перешли в спальню профессора. Именно там стоял у окна его письменный стол. Ящики были выдвинуты, но, наверное, когда грабители открыли стол, они нашли то, ради чего пришли в этот дом, и тут же прервали обыск. А следователи и эксперты, которые появились здесь с утра,

документы профессора трогать не стали. Ведь никто не доказал, что профессор погиб. Может быть, он гуляет по пустыне где-то неподалеку и вот-вот вернется к себе. И он всерьез рассердится, увидев, что следователи вели себя подобно грабителям.

Но Кора — не простой следователь, а агент ИнтерГалактической полиции. Ей приказано любой ценой раскрыть тайну исчезновения профессора, потому что все, связанное с его делом, может представлять опасность для Галактики. Он ведь не простой пенсионер...

Кора попросила Алису внимательно проглядеть книги на стеллаже в спальне профессора. Каждую книгу, просмотрев, ставить на место. Если что-то покажется странным, сразу сообщать ей.

Сама же Кора уселась за письменный стол профессора и стала по очереди проверять ящики стола. Она делала это осторожно, каждую бумажку просматривала, каждую микрокассету прослушивала и клала на прежнее место.

Алиса снимала книжки с полок, пролистывала и ставила обратно. Смотреть на старые книги было скучно. Впрочем, и кассеты и дискеты касались в основном физики и небесной механики... Следующий стеллаж был заполнен литературой по психологии, физиологии и наукам о человеке. Затем Алиса перешла к шкафу, полному дискет и альбомов о разных растениях. Алиса ничуть не удивилась, встретив в библиотеке профессора столько книг и кассет по различным наукам. Ведь профессор раньше занимался физикой и астрономией, а в последние годы разрабатывал аппарат, передающий человеческие чувства растениям. Но для того чтобы сделать такую «пушку», что еще вчера стояла на крыше дома, надо было очень многое знать и о технике, и о растениях.

Алиса чувствовала, что ничего интересного для следствия на полках она не отыщет, но раз уж она помогала настоящему агенту, и притом подруге, то она не собиралась сдаваться.

— Алиса, — окликнула ее Кора, — погляди, на каком языке это написано?

Алиса подошла к Коре. Та выложила на письменный стол целую пачку писем, написанных самым настоящим пером; к ним были приколоты конверты для космической почты.

Почта будет существовать в двадцать первом и даже в двадцать втором веке. Есть люди, которым нужны буквы и слова, которым хочется когда-нибудь достать дорогое сердцу письмо и перечитать его в тишине, лежа на диване и не включая компьютера. Всегда останутся люди, которые любят писать собственной рукой, точно так же, как это делал Лев Толстой или Леонардо да Винчи. Некоторые считают их чудаками и чуть ли не сумасшедшими, но эти люди не обижаются.

Кора передала пачку писем Алисе, а сама занялась изучением записок, дискет, лент и голограмм, лежавших в ящиках письменного стола.

«Наверное, их писал такой же древний старик, как наш профессор», — решила Алиса, беря пачку писем из рук Коры.

Она просмотрела конверты и обращения в письмах и тут же уверенно сказала:

— Это итальянский язык. Письма пришли из Болоньи.

— Ах да, конечно! — откликнулась Кора, которая, подобно Пашке Гераскину, не выносила, если обнаруживалась ее слабость или ошибка. Вот и тут, совершенно как Пашка, Кора пожала плечами и сказала: — Конечно же, это итальянский язык! А то я засомневалась — а вдруг это аргентинский. Знаешь, они ведь так похожи!

Алиса не удержалась от ехидного замечания:

— Ты, наверное, в тот день болела и пропустила урок. И никто тебе не сказал, что не существует аргентинского, колумбийского и панамского языков. Там все говорят по-испански.

— Ты права, — вдруг призналась Кора. — У меня к языкам нет никаких способностей. А когда пытались их внедрить таблетками, то меня тут же рвало, честное слово!

— С помощью таблеток язык по-настоящему не выучишь, — ответила Алиса. — Таблетка действует два-три дня и может научить только самым простым выражениям. Таблетки — это для туристов. Мой папа из-за таблетки угодил в неприятную историю.

— Расскажи!

— Мой папа работает в Московском космозо — зоопарке для космических зверей. Один раз ему надо было лететь на конференцию по охране носорогов в Бангладеш. У него была таблетка, он ее проглотил, и пока летел да читал материалы к конференции, действие таблетки кончилось. Он пошел к трибуне и вдруг сообразил, что ни слова не помнит на языке бенгали. Тогда он попросил в президиуме у какого-то профессора еще одну таблетку. Тот ему дал, и папа прочитал до-

клад. Ему похлопали, все в порядке, а когда он сел на место, сосед его спрашивает, — а почему он выступал на бурятском языке? Оказывается, тот тип в президиуме перепутал таблетки. Смешно?

— Смешно, — согласилась Кора, — но не похоже на правду. И раз у нас с тобой здесь нет таблеток, будь любезна, прочти эти письма.

Алиса смутилась. Ей стало неловко, что она вместо помощи рассказывает старые анекдоты. Она, конечно, не догадалась, что Кора оборвала ее только потому, что смутно представляла себе, где находится Бангладеш, так как в детском доме прогуливала уроки географии, а иногда и уроки истории. Поэтому она и не поняла, почему в Бангладеш не понимают бурятского языка.

Алиса раскрыла первое письмо. Пробежав его глазами, она принялась вслух переводить.

— «Дорогой синьор Лу Фу! — начиналось письмо. — Мой старый друг доктор Бочкин из Тюмени был у меня в гостях и рассказал, что Вы последние годы работаете над проблемами воздействия лучами доброты на растения. Когда я услышала это выражение — «лучи доброты», — все во мне, синьор, перевернулось. Неужели Вы подошли к разгадке тайны, которая мучила меня столько лет? Неужели Вы добились осуществления мечты лучших людей всех времен? Пусть эти люди и не предполагали обратить свои усилия именно в этом направлении и потребовался весь Ваш талант, чтобы добиться цели, но я полагаю, что...»

— Хватит, — оборвала Алису Кора. — Не трать больше нашего с тобой времени. Это просто какая-то поклонница. Кстати, погляди на обратный адрес. Как ее зовут?

— Графиня Серафина Беллинетти, — прочла Алиса. — Болонья, Италия.

— Вот видишь! — сказала Кора. — Эти старые графини все как на подбор сумасшедшие. Возвращайся к книгам, а я продолжу разбираться в бумагах.

Алиса вернулась к полкам, но письма от итальянской графини оставила себе. Она тихонько уселась в уголке на стул и принялась читать их дальше. Даже трудно объяснить, почему Алиса не послушалась Коры. Может быть, ей стало жалко старую графиню, которую обвинили в том, что она сумасшедшая. Может, потому, что она никогда еще не читала писем от итальянских графинь. При других обстоятельствах

она, конечно, никогда не стала бы читать чужих писем. Но сейчас было иначе: от случайного слова или адреса, от имени или от неосторожно оброненной угрозы могла зависеть судьба профессора.

Так что Алиса продолжала читать письмо:

«Первая половина моей жизни сложилась удачно. У меня было все — и муж, и ребенок, и любимый дом. Но восемь лет назад муж и сын Карло погибли во флаерной катастрофе, и я осталась одна на всем свете. Мне трудно передать глубину отчаяния, в котором я находилась. В течение года я не могла видеть других людей, я скрывалась в своем замке и молилась, чтобы скорей наступила моя смерть. Но однажды, гуляя по окрестностям, я увидела нищенку с больным ребенком. И поняла, что есть люди, которым куда хуже, чем мне. И мне стало стыдно, что я прячусь в роскошном замке, не замечая, как страдают люди вокруг. Тогда я превратила мой замок в больницу для неизлечимо больных сирот, для тех, кто лишен разума.

Прошло уже несколько лет, как я стараюсь облегчить участь несчастных. Я приглашаю к себе в замок самых лучших специалистов и стараюсь следить за новыми открытиями в медицине — я занята с утра до вечера. И мне не так тяжело, как могло бы быть. Несчастный человек должен быть погружен в несчастья других людей — этим он лечится. Это для него лучшее лекарство.

За годы работы я пришла к выводу, что растения оказывают на душевнобольных благотворное воздействие. Если ребенок проводит ночь в саду, он лучше высыпается, чем в комнате. Если же в саду притом играет очень тихая приятная музыка, то ее воспринимают и растения и люди...»

— Кора! — заявила Алиса. — Эта графиня, хоть и сумасшедшая старуха, проводила такие же опыты, как мой друг Пашка Гераскин.

— И так же безуспешно, — откликнулась Кора, погруженная в чтение документов профессора. — А ты теряешь время понапрасну.

«...Но когда я узнала о Вашем открытии, Ваших работах, уважаемый профессор, то поняла, что Вы отыскали новый путь, пойти по которому я не догадалась. И я подумала: может быть, Вам будет интересно испытать Ваш прибор в моей клинике. Ведь если лучи добра так благотворно воздействуют на

растения, может быть, через растения они подействуют и на моих больных? Ведь в любом случае хуже не будет».

Так как Кора не обращала на нее внимания, Алиса продолжала изучать письма итальянской графини. Правда, о многом приходилось только догадываться, потому что в пачке лежали письма из Италии, но не было, конечно, ответных писем профессора. Алиса сразу догадалась, что профессор подробно ответил на первое письмо графини Беллинетти и даже сам задал ей несколько вопросов, потому что в следующем письме итальянка сообщила, сколько у нее больных, как устроена клиника, какие врачи там работают. А в третьем письме графиня написала:

«Я прошу Вас называть меня просто Серафиной, как меня называют все, даже мои пациенты. Я посылаю Вам кассеты с фильмами о моем имении и нашем саде. Надеюсь, что Вы когда-нибудь сможете к нам выбраться».

Кассет не было, но, видимо, их надо было искать среди прочих кассет и дискет, сложенных стопками возле компьютера и видеосистем.

— Алиса, ты собираешься сидеть здесь вечно? — спросила Кора. — Ты еще и десяти процентов библиотеки не осмотрела.

— Извини, Кора, — ответила Алиса. — Но у меня такое ощущение, что эта переписка очень важна. Она может нам помочь.

— Чем же? — язвительно спросила Кора. — Неужели ты подозреваешь эту старушку в том, что она украла профессора? Может, ты думаешь, что она в него влюбилась?

Алиса не стала отвечать Коре — зачем спорить, если все равно ничего не сможешь доказать.

Но ей очень нравилась эта бабушка, которая добровольно отдала жизнь уходу за больными детьми и думает, как бы им помочь. Алисе очень хотелось, чтобы профессор Лу Фу чем-нибудь ей помог. И вот в пятом или шестом письме она наткнулась на строчки, которых так ждала!

«Дорогой профессор, — писала графиня. — Разумеется, я понимала, что Ваша установка, которая работает на крыше Вашего дома, слишком дорогое и сложное устройство, чтобы его можно было размножить и прислать к нам в клинику. Но я верила, что Вы что-то придумаете. Представьте, как я обрадовалась, прочтя в Вашем последнем письме, что Вам удалось наконец изготовить карманную модель Вашего генератора. Да, конечно же, я понимаю, что его действие ограничено и он

уступает стационарному излучателю. Но мне и не нужны большие масштабы. Ведь наши опыты только начинаются. Главное, что малый излучатель такой простой и дешевый! Я вижу теперь, что наступает время, когда в каждом саду, в каждом оазисе можно будет установить генераторы, и вся жизнь на Земле изменится. Нет, не хмурьтесь, мой уважаемый друг, не сердитесь. Я знаю, что Вы не считаете работу завершенной, если она не проверена тысячу раз. Но я прошу Вас прислать мне карманный генератор на несколько дней. Я обещаю, что возвращу его Вам по первому требованию. Но я думаю, что результаты испытаний в клинике важны не только для меня, но и для Вас».

Алиса подошла к Коре, которая, перевернув стол кверху ножками, исследовала его внутреннюю поверхность.

— Кора, — сказала она, — я уверена, что графиня Беллинетти может нам помочь. Я уверена, что тебе надо срочно к ней слетать.

— Почему же?

— Прочти это письмо.

Кора пробежала письмо по диагонали.

— Ничего особенного не вижу, — сказала она. — Не понимаю, какое это может иметь отношение к исчезновению профессора.

— Я тоже не знаю, — призналась Алиса. — Но я убеждена, что графиня знает что-то важное!

— Я подозреваю, — сказала Кора, — что ты, Алисочка, насмотрелась детективов и тебе кажется, что ты вот-вот станешь Шерлоком Холмсом.

— Рядом с вами, разумеется, — ответила Алиса.

Кора не сразу поняла, шутит Алиса или на самом деле так думает, поэтому отмахнулась от нее как от мухи и сказала:

— Не трать времени даром. Продолжай осматривать библиотеку.

— Кора, я очень тебя прошу, — Алиса заговорила вкрадчивым голоском, — разреши мне взять на час твой флаер и слетать в Италию.

— Одна? В Италию? Ни за что!

— Ах, как ты мне напоминаешь мою бабушку, — сказала Алиса. — Только бабушка кричит не так громко.

— Слушай, — обиделась Кора. — Я тебя взяла на расследование, хотя совсем не должна была этого делать. И вместо того

чтобы меня отблагодарить, ты со мной споришь и даже стараешься меня обидеть.

— О нет, господин сыщик! — ответила Алиса. — Я вам так благодарна, что даже моим детям и внукам прикажу за вас молиться!

— Алиса!

— Двенадцать лет как Алиса! И я вернусь через час.

— Так я тебе и поверила! — сказала Кора. — За час до Италии и обратно, да еще там поговорить со старушкой, которая уже выжила из ума!

— Значит, можно взять флаер?

— Только чтобы дотемна возвратиться! Иначе я тебя сегодня же отправлю к папе и маме.

— Слушаюсь.

Алиса остановилась посреди комнаты.

— Так чего же ты ждешь? — спросила Кора. — Часы уже стучат!

— Но лучше, наверное, если ты позвонишь синьоре Беллинетти и скажешь, что я лечу к ней.

— Ага! — обрадовалась Кора. — Значит, и мы на что-то годимся!

— Годитесь, — согласилась Алиса. — Ты бы очень обиделась, если бы я стала договариваться без тебя. Это все равно как если бы доктор Ватсон договорился о поединке с доктором Мориарти, а Шерлоку не сказал ни слова.

— Ты так думаешь? — спросила Кора. — Наверное, ты права. Кстати, у тебя есть друзья среди малолетних преступников?

— Конечно, — ответила Алиса. — У меня есть два друга, Аркаша и Паша. Один из них только что вернулся из пиратского логова, потому что пираты отказываются с ним летать — так плохо он себя ведет. А Аркашу, к сожалению, выслали на Плутон. Он искусал последнего бенгальского тигра!

Кора кивнула. Больше вопросов она не задавала.

Она вышла с Алисой наружу. Сыпал снежок, деревья и трава побурели, апельсины, лежавшие в снегу, были темно-коричневыми.

Забравшись во флаер, Кора включила видеосвязь. Набрала межгород. В Болонье ей дали номер клиники госпожи Беллинетти. Подошла миловидная медсестра в синем платье, белом переднике и белой наколке. Она сказала, что госпожа директриса поехала на рынок за свежими фруктами для детей. Вернется она через полчаса. Тогда ее можно будет застать.

— Лети пониже, — сказала Кора и похлопала Алису по плечу.

Алиса забралась во флаер и резко забрала машину вверх.

Бурый, полузасыпанный снегом сад стал быстро уменьшаться.

У изгороди на снегу стояла маленькая фигурка Коры Орват. Кора махала рукой.

Флаер вошел в низкое снежное облако, его как следует тряхнуло, и Алиса, выправив машину, повела ее вверх, чтобы выйти из облаков.

Через пять минут облака разошлись, и на темно-синем небе загорелось белое солнце. Солнце висело над бесконечным ватным облачным слоем, и лишь далеко на горизонте из облаков поднимались могучие хребты, покрытые вечными снегами.

Глава 3

ПОМОЩНИЦА ГРАФИНИ СЕРАФИНЫ

Флаер обогнал время и достиг итальянского города Болоньи утром. Здесь было солнечно, редкие пушистые облака плыли по небу, как парусные корабли, бурно цвели деревья, над городом висел аромат их лепестков.

Сама Болонья оказалась большим городом, в котором по всем центральным улицам протянулись галереи, чтобы в жару горожанам не надо было ходить по солнцепеку. Недалеко от старинного собора поднимались две высокие тонкие косые башни — когда-то, в дикие времена, жители Болоньи предпочитали жить в башнях, чтобы к ним не забрались разбойники.

Пролетев над утренней Болоньей, Алиса стала снижаться над зелеными парками и садами окрестностей города. Она связалась с клиникой, и вахтер сказал ей, что наведет флаер на стоянку, которая расположена за дворцом.

Оставив флаер, Алиса быстро прошла к дому.

Было пусто, жужжали пчелы, наперебой заливались птицы, каменные плиты под ногами были усеяны белыми и розовыми лепестками яблонь и вишен.

Дворец графини был очень старым. Наверное, он был построен лет пятьсот назад. В толстых серых стенах были прорезаны высокие узкие окна, по углам крыши и в нишах стен стояли мраморные скульптуры.

На открытую веранду, от которой к стоянке вела широкая каменная лестница, вышла уже знакомая Алисе дежурная медицинская сестра.

— Госпожа Серафина ждет вас у себя в кабинете, — сказала она. — Прошу вас следовать за мной.

Алиса поднялась по лестнице и ступила в прохладу каменного зала. Пол был мраморный, сложенный из разноцветных плиток, зал окружен изящными колоннами. Здесь тоже стояли статуи. И если бы Алиса не увидела по пути нескольких медицинских сестер и не заметила колясок, в которых съезжались в столовую на завтрак больные дети, можно было бы подумать, что она попала в музей.

Но она была не в музее.

Кабинет синьоры Беллинетти представлял собой странную смесь дворцовых покоев и современного кабинета директора клиники. На резных столах красного дерева стояли компьютеры, принтер разместился на мраморном столике, различного рода пленки, кассеты, бумаги заполняли столы и полки. Но хотя кабинет принадлежал очень занятому человеку, его нельзя было назвать захламленным или неопрятным. Просто в нем царил тот вид беспорядка, когда хозяин отлично знает, где лежит та или иная нужная ему вещь.

За столом сидела черноволосая женщина. При звуке шагов Алисы она легко поднялась с кресла, обежала стол и встретила Алису посреди кабинета.

Женщину Алиса сразу назвала про себя Дюймовочкой. Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась девочкой, хотя, конечно же, была взрослой, наверное, не моложе Алисиной мамы. На женщине было широкое шелковое платье, шея, тонкие руки и лицо были загорелыми, смуглыми, как у рыбачки. Светлые зеленые глаза сияли так ярко, словно в них были вставлены лампочки. А волосы ее были такими буйными и густыми, что не желали подчиняться заколкам и разбегались водопадом по плечам. Алиса с первого взгляда влюбилась в эту женщину.

— Здравствуйте. Меня зовут Серафина, — сказала женщина и протянула Алисе горячую сухую руку. — Случилось

что-то ужасное? Нет, не скрывайте от меня, я привыкла к несчастьям, я выдержу!

— Вы не знали? — Почему-то Алиса была уверена, что графиня Беллинетти уже знает об исчезновении профессора.

— Когда мне сказали, что меня вызывали из пустыни Такла-Макан, я сразу отзвонила в оазис профессору Лу Фу, но связи не было. Тогда я позвонила в Урумчи, и там в институте мне сказали, что профессор исчез. Но почему-то никто не отозвался в оазисе.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Весь дом профессора перевернут с ног на голову, все будто растоптано стадом слонов, честное слово! А связаться с оазисом можно только из нашего флаера, а флаер стоит у ворот.

— Я ничего не понимаю. Садись, девочка...

— Алиса.

— Садись, Алиса, и расскажи мне все по порядку.

Алиса уселась в удобное кресло, графиня Серафина налила ей в бокал прохладного апельсинового сока и, не перебивая, выслушала ее рассказ. В заключение Алиса сказала:

— Я только кажусь такой молодой. У меня есть уже жизненный опыт. Сейчас я помогаю агенту ИнтерГалактической полиции, которая ведет следствие. А так как агент Кора занята изучением переписки и бумаг профессора, она попросила меня слетать к вам в Италию. Извините, но я прочла ваши письма к профессору.

— В любом другом случае я бы рассердилась на то, что вы читаете чужие письма, — сказала Серафина. — Это нехорошо.

— А вдруг в них заключается тайна профессора? А вдруг от какого-то письма может зависеть его жизнь?

Серафина кивнула.

— Сейчас я не сержусь, — сказала она. — Я понимаю вас. Что ты хотела бы узнать, девочка?

— Первый, и самый главный, вопрос у меня такой, — сказала Алиса. — Видели ли вы генератор доброты профессора Лу Фу?

— Вы имеете в виду аппарат, который стоит на крыше дома?

— Нет, я спросила о маленьком карманном излучателе.

— Я ждала этот излучатель с минуты на минуту, — ответила графиня. — Каждый день. Он мне очень нужен. И профессор обещал мне, что, как только он испытает карманный излучатель, он первым делом пришлет его сюда. И вот такое несча-

стье... — Графиня вздохнула. Потом сказала: — Если ты хочешь посмотреть на нашу клинику, пойдем, сейчас как раз кончается завтрак и мои пациенты пойдут гулять.

Они вышли из кабинета и попали в довольно большой, окруженный со всех сторон широкими галереями внутренний двор, лучше сказать — цветущий сад. В тени деревьев стояли детские кроватки.

— Это наша летняя спальня, — сказала графиня. — Дети лучше спят и лучше себя чувствуют под некоторыми видами деревьев. Но не под всеми.

— Любое растение выделяет кислород, — сказала Алиса, — и поглощает углекислоту. Поэтому под ним полезно спать.

— И под анчаром? — улыбнулась графиня. Оказывается, она знала стихи Пушкина. — Помнишь: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом. И он послушно в путь потек и утром возвратился с ядом...»

— Конечно, помню, — ответила Алиса. — «И умер бедный раб у ног непобедимого владыки». Только это легенда.

— Конечно, легенда, — согласилась Серафина. — Но я тщательно подбираю растения, которые лечат детей. Я помогаю им расти.

— С помощью генератора Лу Фу?

— Нет, — улыбнулась Серафина. — Я сама служу генератором. По крайней мере до тех пор, пока не получу излучателя от профессора.

— Как это?

Они шли по саду. Большинство детских кроваток стояли пустыми — видно, их владельцы ушли завтракать, но некоторые дети совсем не могли ходить. Они лежали неподвижно, но при виде Серафины улыбались, и их лица даже розовели. Графиня подходила к каждому, брала его пальцы в свои руки, согревала их и замирала, как будто задумавшись. Некоторые дети начинали говорить, другие продолжали дремать, третьи молча глядели перед собой. Алиса почувствовала, как ей тоже стало тепло и спокойно.

— Это гипноз? — прошептала она.

— Нет, Алиса, — ответила Серафина. — Это и есть лучи доброты. Оказалось, что я могу их излучать. Но я очень устаю от этих сеансов. Совершенно выматываюсь... К тому же меня хватает лишь на десять-двенадцать пациентов, а у меня их больше сорока.

— Значит, профессор не изобрел лучи доброты?

— Как же он мог изобрести то, что есть в природе, что известно любой матери, любой бабушке, даже многим детям? Но профессор догадался, какова физическая суть волн, он научился выделять их, превращать в лучи, смог сконструировать прибор, который концентрирует их. Он — великий ученый и изобретатель.

— Простите, Серафина, — сказала Алиса, — но ведь лучи профессора воздействуют только на растения. А вы говорите о больных детях.

— На растения воздействовать легче, — сказала Серафина. — Они ведь устроены проще, чем люди. Они впитывают лучи и сразу на них отзываются. С людьми эта проблема настолько сложна, что в ближайшие годы ее нельзя будет решить.

— Но почему?

— Потому что все растения устроены одинаково, а люди — по-разному. Потому что если есть лучи добра, то кто-то может отыскать лучи зла. И тогда еще неизвестно, будем ли мы благодарны науке. Даже сейчас, на этом этапе, изобретение профессора привело к беде. Скажи, Алиса, ты почему сюда прилетела?

— Потому что... профессор пропал.

— Или даже его убили. А почему?

— Наверное, из-за генератора лучей.

— Вот видишь. Профессор занимался лишь растениями, но кому-то помешал.

Они шли по саду. Серафина наклонялась к кроваткам малышей, тогда она замолкала и замирала. А Алиса замечала, что после каждой такой остановки графиня становится все бледнее и движется все медленнее. Наконец она подошла к пустому гамаку, натянутому между двух кленов, и опустилась на него.

— Мне надо чуть-чуть отдышаться, — произнесла она виноватым голосом.

Алиса сказала:

— В вашем письме вы писали профессору, что ждете, когда будет готов карманный излучатель. Скажите, пожалуйста, вы видели, как он выглядит?

— Да, — ответила графиня. — Я это знаю точно. Я могу показать тебе, Алиса, последнее письмо от профессора. Он описывает в нем портативный излучатель. Там же есть голограмма

излучателя. Но почему ты спрашиваешь? Неужели излучатель пропал?

— Мы его не видели.

— А разве вы не нашли его в доме Лу Фу?

— Нет, к сожалению, его не нашли! — Алиса хлопнула себя ладошкой по лбу. — Конечно же, именно так!

— Странно, — удивилась Серафина. — Можно подумать, что ты обрадовалась пропаже аппарата.

— Это радость сыщика! — ответила Алиса. — Вашим ответом вы помогли мне разгадать важную тайну!

— Какую же? — спросила Серафина.

В саду стало жарко, графиня забрала назад пышные волосы и перевязала их шнурком.

— Понимаете, преступник искал в доме профессора какую-то небольшую, но ценную вещь. Вся передняя комната перевернута, искали за книжками, под подушками, под диваном — значит, эта вещь была небольшая. В задней комнате тоже полный разгром, но не такой, как в первой. Добравшись до письменного стола, бандит вдруг успокоился. Он не тронул ни книг, ни кассет, даже не стал залезать в ящики стола. Почему?

— Ты думаешь, что он нашел то, что искал?

— А что он мог искать?

— Неужели малый излучатель доброты?

— Вот именно! Ведь он пропал вместе с профессором.

— Но кому он мог понадобиться? — спросила Серафина.

— Вы же сами сказали мне, что такое изобретение не должно попасть в дурные руки. Дурные руки — они потому дурные, что растут из дурной головы. А дурная голова полна грязных мыслей. Мы, конечно, догадаемся, зачем генератор доброты понадобился преступникам. Но первый шаг с вашей помощью я сделала!

— Ты рассуждаешь как взрослый сыщик.

— А может быть, я и стану сыщиком. Вообще-то я стану биологом, космическим зоологом. Я буду изучать животных на других планетах. Но в отпуске я буду заниматься ловлей преступников.

— Ты готовишь себя к очень бурной жизни, — сказала Серафина.

Она поднялась из гамака, и они прошли внутрь дома, где графиня показала большую столовую, откуда сестры разводили или развозили в креслах детей. Потом они заглянули в

устланную громадным мягким ковром комнату для игр и снова поднялись в кабинет графини Беллинетти.

— Теперь, — сказала Алиса голосом настоящего детектива, — нам с вами важно узнать, кому было известно о существовании портативного излучателя.

— Как же мы можем догадаться?

— Будем думать вместе, — сказала Алиса.

Дюймовочка посмотрела на Алису, склонив голову, и вдруг рассмеялась. Она заливалась смехом таким звонким и мелодичным, словно звенели сто серебряных колокольчиков. Няня в белой наколке сунула испуганно нос в кабинет, но графиня отмахнулась от нее: мол, ничего страшного!

— Почему вы смеетесь? — строго спросила Алиса, которая все еще не могла выйти из роли великого сыщика. То-то сейчас посмотрел бы на нее Пашка Гераскин!

— Потому что ты и в самом деле почти превратилась в сыщика. И если закрыть глаза, то тебя можно перепутать с комиссаром Мегрэ или самим Эркюлем Пуаро.

Алиса смутилась. Она представила, какой смешной выглядит со стороны.

— Не красней, девочка, — сказала графиня Беллинетти, оборвав смех. — Мне очень нравится, что ты серьезно относишься к этому делу. И я понимаю, что ничего смешного в исчезновении профессора нет. Прости меня, что я так не вовремя засмеялась.

— Ой, я совсем не обижаюсь! — ответила Алиса. — Я просто не заметила, что выгляжу как воробей в орлиных перьях.

— Не расстраивайся, — сказала графиня. — Для начала я хочу тебе показать, как выглядит излучатель. А то ты увидишь его, но не обратишь внимания, потому что не догадаешься, что это такое.

Серафина вытащила из стола пластинку, сжала ее пальцами, и в воздухе возникла голограмма портативного излучателя. Он был похож на старинный электрический фонарь: трубка длиной пятнадцать сантиметров и толщиной с початок кукурузы, с раструбом на конце. На трубке были кнопки, с помощью которых можно было управлять излучением.

— Так просто? — удивилась Алиса.

— Все гениальное просто, — ответила графиня.

— А зачем профессор прислал вам голограмму?

— Мы как-то разговаривали с ним, и он показал мне, как

испытывает этот прибор. И на память об испытаниях прислал мне его голограмму.

— А кто, кроме вас, знал, как выглядит прибор?

— Только Мариам, — ответила графиня.

— Вы сказали — Мариам?

— Это моя помощница. Она вне подозрений, — сказала Серафина.

— Простите, пожалуйста, — настаивала Алиса. — Можно, я с ней поговорю?

— К сожалению, Мариам две недели назад улетела домой, она готовится поступать в медицинское училище. Ведь медицина — ее призвание.

— А где живут ее родители?

— Алисочка, ты бываешь несносной! — воскликнула Серафина. — Если я тебе говорю, что Мариам — хорошая девочка, значит, она хорошая. Я чувствую это.

— Дорогая мадам Серафина, — сказала Алиса. — Ну подумайте, что получается: никто не знал, кроме вас и вашей помощницы Мариам, что профессор уже собрал экземпляр портативного излучателя. Вы ждали, когда профессор кончит испытания и пришлет вам этот излучатель...

— Он сделал бы для меня второй прибор, — сказала Серафина.

— Не важно. Я хочу только сказать, что о приборе знали вы и Мариам.

— Но, может, у профессора были еще друзья, может, он рассказал об излучателе каким-нибудь знакомым?

— Нет, — ответила Алиса. — Никто в Урумчи о приборе ничего не знал. Мы разговаривали с ученицами и помощницами профессора из тамошнего института, но они ничего не слышали о портативном приборе.

— Я знаю, что профессор был очень осторожным, — вздохнула графиня. — Он говорил мне, что боится, как бы его приборы не попали в руки плохих людей. Он даже как-то писал мне, что выбрал такое безлюдное место для жизни не потому, что ему надоели люди, а чтобы чувствовать себя в безопасности. Ведь в пустыне ты издалека видишь путника или флаер. Вот сделаю все, закончу опыты — и передам человечеству, говорил он. Знающие люди найдут способ оградить человечество от опасностей.

— От каких? — спросила Алиса.

— Он не стал мне о них рассказывать...

Они помолчали. Из сада доносились детские голоса. Сорока залетела в комнату и попыталась схватить со стола пластинку с голограммой прибора.

— Еще тебя не хватало, Цицерон! — рассердилась графиня. — Лети на кухню и попроси, чтобы тебя покормили.

Сорока резко крикнула — явно обиделась. И вылетела из кабинета.

— Я расскажу тебе о Мариам, — сказала Серафина. — И ты сама решишь, что делать.

— Спасибо.

— Мариам нашли на шоссе среди холмов, севернее города. Она была туристкой. Из тех самостоятельных туристов, которые берут рюкзак, надевают башмаки на толстой подошве, вешают через плечо видеокамеру и топают от горы к горе, от озера к озеру. Дело было вечером, стоял туман, и водитель машины на горной дороге заметил Мариам лишь в последний момент, когда поворачивал за скалу.

Он остановил машину и, к своему ужасу, увидел, что девушка неподвижно лежит на асфальте. Водитель решил было, что он ее убил, но, к счастью, оказалось, что девушка жива, только от удара она потеряла память. Моя клиника была ближайшей от места происшествия, и девушку привезли ко мне. Вскоре она пришла в себя, и доктор поставил диагноз: контузия и шок. Он сказал, что память к девушке возвратится, а так как серьезных повреждений нет, можно полагать, что через несколько дней она встанет на ноги.

И в самом деле через три или четыре дня девушка поднялась с постели. Но она, к сожалению, ничего не помнила. Ни откуда шла, ни кто ее родители, ни где она живет. Правда, через неделю она вспомнила, что ее имя — Мариам.

По-итальянски Мариам говорила с акцентом, но трудно было понять, какой язык ее родной, потому что она, как и положено современной девушке, знала немало языков и сама не могла сказать, какой из них предпочитает.

На вид ей было лет пятнадцать; скуластая, большие черные глаза, лицо доброе, волосы прямые. Мариам очень хотела вспомнить, кто она такая, и очень расстраивалась, что не может. Но она не любила сидеть без дела, поэтому стала помогать нашим санитаркам, а потом и медсестрам. Она умела обращаться с детьми, и дети тоже ее любили, никакой работы она не чуралась и никогда не уставала. Я стала уговаривать

Мариам поступать в медицинское училище и работать дальше в нашей клинике, пока к ней не вернется память.

— А профессор Лу Фу знал о вашей помощнице?

— Разумеется, — ответила Серафина. — Мариам была не только санитаркой, но и моей секретаршей. Она вела все мои дела, потому что я ненавижу писанину, но клиника — это большое хозяйство, и приходится переписываться с различными людьми. В общем, Мариам избавила меня от самой неприятной работы, за что я ей очень благодарна.

— Значит, письма профессора она читала?

— Разумеется.

— Скажите, пожалуйста, — вдруг сообразила Алиса, — а вы начали свою переписку с профессором уже при Мариам?

— Ничего подобного! Я переписывалась с профессором уже несколько месяцев.

— А кто-нибудь знал о вашей переписке?

— В этом нет никакой тайны! Я даже давала интервью журналистам о том, как стараюсь использовать доброту для лечения детей. И о том, что сотрудничаю в этом с китайским профессором Лу Фу.

— Значит, кто-то мог подослать к вам Мариам? — строго спросила Алиса.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась графиня Серафина. — Ты бы видела, в каком состоянии была эта несчастная девушка, когда ее нашли без чувств на горной дороге. Алиса, я даже не подозревала, что среди современной молодежи встречаются такие холодные и бездушные существа.

— И что было дальше с вашей Мариам? — спросила Алиса, которая совсем не собиралась сдаваться.

— Она трудилась... она вела себя безукоризненно!

— А потом?

— Не только я полюбила ее. Ее любили пациенты, ее любили мои сотрудники. Софи! Софи, куда ты подевалась?

Дверь в кабинет приоткрылась, и вновь заглянула санитарка. Алиса догадалась, что санитарка подслушивала под дверью, и графиня об этом знала, но не удивлялась. Может быть, половина сотрудников клиники подслушивали под дверью.

— Что, синьора? — спросила санитарка.

— Софи, скажи, что ты думаешь о Мариам?

— Она заменила мне племянницу, — с готовностью заявила санитарка.

И Алисе показалось, что из-за двери послышался хор голосов, который подтверждал точку зрения санитарки Софи.

— А что думал о ней профессор Лу Фу? — спросила Алиса.

— Ты жестокий, бездушный следователь! — воскликнула Серафина. — Профессор отлично знал Мариам, любил ее, приглашал к себе. Он говорил мне, что Мариам напоминает ему его внучку, живущую в Шанхае.

— И чем же кончилась эта история?

— Она кончилась две недели назад, — сказала графиня.

— Шестнадцать дней, — поправила ее санитарка, которая осталась в кабинете.

— Да, шестнадцать дней назад, как раз через два дня после того, как я получила от профессора эту вот голограмму излучателя и мы убедились в том, что излучатель действует. Мы ждали, когда профессор закончит испытания и пришлет нам экземпляр генератора доброты. И тут к нам приехал господин Ахмет аль-Барзани. Он оказался отцом девушки.

— Сколько же она прожила у вас? — спросила Алиса.

— Сколько? — обратилась графиня к санитарке.

— Два месяца без двух дней, — донесся голос из-за двери.

— А ее папа ни разу не побеспокоился о судьбе дочери? — спросила Алиса.

— Раз вы не знаете, девочка, то не клевещите на Мариам, — обиделась санитарка Софи — бровастая, угрюмая, широкая в плечах девушка. — Мариам всегда ходила по земле с рюкзаком, чтобы познать жизнь. Ее родители были к этому приучены. Мы тоже долго не понимали, почему они не откликались. А ее папа и мама жили в горах Ирана, в своем имении. Ее папа — известный писатель, а мама занята воспитанием восьмерых детей.

— Вот видите, — сказала Серафина, — у нас ни от кого нет тайн.

— Значит, — сказала подозрительная Алиса, — два месяца ее папа и мама, ничего не подозревая, жили в горах... А вы давали объявления о том, что найдена девушка?

— Этим занималась полиция, — сказала санитарка.

— А когда родители приехали за ней, она их узнала?

— В этом и было чудо! — воскликнула графиня. — Ты бы видела, Алиса, каким светом озарилось ее лицо!

— О да! — раздался хор из-под двери.

— Она закричала: «Папа, мама!» — вспомнила санитарка и

смахнула слезу. — Она побежала к ним вся в слезах. И они тоже рыдали!

Графиня развела изящными руками и сказала:

— Вы слышали? Это не только мое мнение, это мнение всех моих сотрудниц и сотрудников. Общее мнение!

— Она вам и адрес оставила? — спросила Алиса.

— Разумеется, — сказала Серафина. — Ей нечего скрывать. Мариам сейчас готовится поступать в медицинское училище в Багдаде.

— Нет, в Тегеране, — поправила директрису санитарка.

— Она мне сказала, — в дверях показалось краснощекое лицо еще одной санитарки, — она мне сказала, что будет поступать в медицинский колледж в Карачи.

— Вот именно! — воскликнула Серафина.

— И все же, — взмолилась Алиса, — где мне ее искать, чтобы расспросить?

— Сейчас я найду открытку, — сказала Серафина. — Она мне прислала открытку с дороги.

Серафина стала быстро разбрасывать на столе бумажки, кассеты и пленки, пока наконец не нашла то, что хотела. Она протянула открытку Алисе:

— Можете пользоваться открыткой, как пожелаете. Только прошу вас об одном: никогда не подозревайте невинных людей.

— Спасибо, — сказала Алиса и быстро проглядела текст.

«Дорогая синьора Серафина! — было написано на открытке ровными круглыми буквами. — Я пишу Вам с дороги. Под крылом самолета пролетают горы и пустыни. Скоро буду дома и тогда напишу обо всем подробно. Спасибо за заботу. Передавайте мои приветы профессору Лу Фу. Я надеюсь, что смогу его навестить в ближайшем будущем. Пускай ждет. Ваша Мариам».

— А обратный адрес? — спросила Алиса.

— Обратный адрес она пришлет мне, как только начнет учиться, — ответила Серафина.

Алиса поняла, что больше она ничего не добьется. Тем более что с каждым новым вопросом сотрудники клиники все меньше ее любили и все больше любили несчастную Мариам.

— Хоть скажите мне, как выглядят ее родители? — уже без особой надежды на успех спросила она.

— Родители как родители. Отец — высокий, могучий человек в шляпе. У него светлые глаза.

— Розовая кожа, — добавила санитарка. — Очень красивый мужчина.

— А мать — полная, молчаливая, она все время вязала и говорила только на их языке.

— На каком? — спросила Алиса.

— Наверное, это был язык урду, — сказала неуверенно Серафина, — или язык пушту. В общем, никто у нас его не знает.

Раздался продолжительный звонок.

— Простите, Алиса, — сказала Серафина с некоторым облегчением, — но нам пора начинать обход. Пациенты не могут ждать.

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Большое спасибо за то, что вы потратили на меня столько времени, и простите, что я была такой назойливой.

Но итальянки улыбались Алисе, никто на нее не сердился.

Серафина проводила ее до флаера.

Алиса поднялась высоко в небо и погнала машину обратно на восток. Она надеялась засветло вернуться в оазис профессора.

Глава 4

СЛЕДЫ ВЕДУТ В БАНГКОК

Когда Алиса возвратилась в оазис, он произвел на нее удручающее впечатление. Она и не думала, что жизнь в нем гибнет с такой быстротой. Кора ждала ее. Она просмотрела всю корреспонденцию профессора, но не нашла ничего подозрительного. Поэтому она встретила Алису в мрачном состоянии духа.

— Где ты пропадала столько времени? — спросила она строго. — Никогда не буду больше брать в помощницы таких маленьких девочек. Тебе еще в куклы играть.

— Может быть, — не стала спорить Алиса. — Но, пожалуй, мне удалось кое-чего добиться. У меня есть подозреваемая.

— Ну наконец-то! — воскликнула Кора. — У меня нет подозреваемых, у комиссара Милодара, который только что звонил мне, нет никаких подозреваемых, а у этого милого ребенка их десятка два.

— Мою подозреваемую зовут Мариам. У меня нет ее портрета, но есть описание.

— Сколько же лет похитительнице профессора?

— По описанию — пятнадцать.

— Правильно! — воскликнула Кора. — Детективу двенадцать лет, убийце — пятнадцать! Преступность катастрофически молодеет. Ты голодна?

— Мне не до еды! — воскликнула Алиса.

— Хорошо, хорошо, только не волнуйся, коллега. Возьми бутерброд и докладывай, что тебе удалось узнать в Италии.

Алиса взяла бутерброд и сначала показала Коре подаренную Серафиной голограмму излучателя, за что Кора была ей искренне благодарна. Она заявила, что один такой трофей оправдывает всю экспедицию в Болонью. Алиса даже покраснела от похвалы.

Потом Алиса рассказала о девочке, которую нашли без сознания на дороге, и о том, как она самоотверженно работала в клинике. Затем, как только стало известно, что профессор Лу Фу уже изготовил опытный образец малого излучателя, неожиданно появились ее родители, и девочка исчезла — якобы уехала поступать в медицинское училище.

Кора внимательно выслушала Алисин рассказ и ее подозрения. Потом сказала:

— Допустим, что ты не права.

— Как так?

— Допустим, что девочка Мариам ни в чем не виновата. Что она говорила правду, что ее в самом деле сбила машина в горах и она действительно потеряла память. Конечно, в ее действиях слишком много случайностей, и мне трудно в них поверить. Но давай поверим.

— А дальше что?

— А дальше нам придется искать другого похитителя. Но этот человек обязательно должен быть очень заинтересован в том, чтобы заполучить генератор доброты. Но зачем? Кому нужно выводить растения?

— Это фермеры?

— Чепуха...

— Почему?

— Представь себе, что некий фермер решил повысить урожайность. Вот он выходит пораньше с утра на поле пшеницы и включает излучатель. Но для большого поля ему понадобится пять или десять излучателей.

— Но, может, это не фермер.

— Когда у тебя будет рабочая гипотеза, — сказала Кора, — тогда ее и выкладывай. Не раньше.

— Знаю! — сразу же воскликнула Алиса и взяла со стола второй бутерброд. — Это цветочники.

— Какие такие цветочники?

— Ты представляешь, какие плантации роз или тюльпанов можно развести зимой на острове Шпицберген или даже в Тюмени, причем за несколько дней?

— Идея интересная, — согласилась Кора, протягивая Алисе кружку с горячим чаем. — Но ты понимаешь, что через пять минут после того, как в цветочном магазине на архипелаге Шпицберген появятся зимние розы, об этом будут знать сотни людей? Нет, эта акция должна быть тайной, и результаты — тоже тайными...

— Тогда все просто, — сказала Алиса. — Надо искать среди тех сумасшедших, которые выводят новые сорта и соревнуются на всемирных выставках. Допустим, среди торговцев орхидеями...

— Успокойся, мой юный друг, — сказала Кора. — Не думай плохо о коллекционерах и генетиках, им проще позвонить профессору и попросить о помощи, как сделала твоя старушка графиня.

— Серафина — не старушка!

Кора не слушала. Она включила прямую связь со штаб-квартирой ИнтерГпола в Антарктиде. На их счастье, Милодар был на месте. Кора рассказала комиссару о визите Алисы в Италию. Милодар сначала страшно рассердился: «Еще не хватало использовать маленьких детей! Ты что, не знаешь, насколько наша работа и опасна и трудна?» Но потом сказал, что сейчас проверит историю Мариам через компьютер Всемирной автоинспекции, которая фиксирует историю всех катастроф и происшествий на дорогах Земли. И уже через пять минут комиссар вызвал оазис и сообщил:

— Данные подтвердились. Девушка, страдающая от последствий шока и контузии, потерявшая память, была найдена патрулем дорожной полиции неподалеку от города Болонья семьдесят дней назад. Описание девушки у меня имеется. Послать вам?

— Не надо, — ответила Кора. — Мы все равно ее не видели и вряд ли увидим.

— Тогда слушайте дальше. Девушка попала в детскую клинику графини Беллинетти и находилась там сначала на изле-

чении, а потом помогала санитаркам. Две недели назад родители нашли девушку. К счастью, она их вспомнила и улетела вместе с ними домой.

— Куда? — спросила Кора.

— Вот в этом и заключается загадка, — сказал комиссар Милодар. — Компьютер проверил по моей просьбе адрес, оставленный родителями девушки. Оказалось, что улицы Справедливости в Тегеране нет и среди жителей города нет семьи Ахмета аль-Барзани. Я должен сказать, что эта информация наводит меня на некоторые размышления.

— В самом деле? — удивилась Кора.

— Да, вы должны быть мне благодарны, — сказал комиссар, — за мою своевременную помощь. Если бы не я, вам вряд ли удалось бы заподозрить эту девушку... как ее зовут?

— Комиссар, стыдно красть конфетку у ребенка, — заметила Кора.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Милодар.

— Вы отлично знаете, что Мариам отыскала Алиса, а вы в это время играли в теннис.

— Разве? — Милодар улыбнулся наивно, как младенец. — И где же эта Мариам?

— Я ее обязательно найду, — сказала Алиса. — Я даже подозреваю где.

— Что? — взвился Милодар. — Забыла, что ты всего-навсего девочка, которой разрешили посмотреть, как работают взрослые? Так что быстренько все рассказывай и лети домой. Тебя мама заждалась.

— Разумеется, — согласилась Алиса. — Я скоро полечу. Кора обещала меня доставить прямо домой.

— Вот именно! — заявил комиссар.

Алиса посмотрела на Кору, и та все поняла.

— Комиссар, — сказала она ласковым голоском, — я очень занята сейчас. И уже темнеет. И мы с Алисочкой так устали. Может быть, вы позволите нам переночевать в Урумчи, а завтра с утра мы полетим в Москву.

— Ну ладно, ладно, — смилостивился комиссар, не заметив хитрости своего агента. — Устали — отдохните... Только чтобы с утра домой!

— Слушаюсь, — ответила Кора.

Когда Кора отключила связь, Алиса бросилась ей на шею:

— Ой, спасибо! Я тебе так благодарна.

— Тогда рассказывай, что ты задумала! Ты что, полагаешь,

я по доброте тебя выгораживаю перед этим эксплуататором несчастных полицейских агентов? Ничего подобного. Я хочу, чтобы мой доктор Ватсон помогал мне, а не бросался в самостоятельные приключения.

— Я не бросаюсь в приключения. Я просто хочу поговорить со следователем Лян Фуканем.

— Зачем?

— Я хочу узнать, нашли ли туристов Торнсенсенов.

— С байдаркой?

— Вот именно, с байдаркой! — сказала Алиса.

Кора кивнула. Она не возражала.

— Я предлагаю сначала самим добраться до Урумчи, — сказала она. — Честно говоря, этот мертвый оазис действует на меня очень плохо. Мне просто плакать хочется.

Алиса согласилась с Корой. Они привели в порядок кабинет профессора, закрыли все двери и ворота, и вскоре флаер взвился над пустыней и за несколько минут донес их до сверкающего огнями большого города.

Со следователем Лян Фуканем они еще с дороги договорились о встрече. Зная, что у его коллег был трудный день, следователь предложил поужинать вместе с ним в китайском ресторане «Хай Юань», куда агенты и направились, лишь на несколько минут залетев в гостиницу, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Причем Алиса вымыла лицо и руки, Кора, наоборот, намазала себе ресницы и губы. Алисе даже стало грустно от того, что такой хороший и смелый человек ведет себя как самая обыкновенная девица, которая хочет кого-то соблазнить. Но ведь не будет же Кора соблазнять следователя, которому лет пятьдесят! Алиса так прямо и спросила Кору об этом. Кора усмехнулась улыбкой опытной светской львицы и ответила, проведя перед Алисиным носом зелеными, модно покрашенными ногтями:

— Я совершенно не намерена кого-то покорять или соблазнять. Но настоящая дама обязана быть красивой и модной. Когда подрастешь, сама догадаешься.

— Да никогда в жизни! — воскликнула Алиса возмущенно. — Лучше я расти не буду, чем красить ногти и губы!

Так и не поняв друг дружку, агенты вошли в ресторан, поделенный на небольшие кабинки. Следователь Лян Фукань встретил их перед одной из кабинок и вежливо пригласил рассаживаться. Он сказал, что сам закажет ужин.

Принесли палочки и положили перед Алисой. «Ну все —

пришла гибель моя, — поняла Алиса. — Я же никогда в жизни не ела палочками!» Но как может признаться в этом девочка, которая сражалась с космическими пиратами, бороздила космос, сидела в тюрьме на планете барсаков и чуть не попала в пасть к дракону... Лучше остаться голодной!

— Что у вас нового? — спросил следователь, после того как поговорили немного о погоде и самочувствии гостей.

— Алиса была сегодня в Болонье, — сказала Кора. — А я весь день разбирала бумаги профессора. И безрезультатно. Зато у Алисы есть некоторые успехи. Расскажи, Алиса, следователю.

Алиса начала рассказывать о своем полете в Болонью к графине Беллинетти, но тут принесли большую миску с рисом и несколько небольших блюд с различными кушаньями, совершенно непонятно какими, потому что все было порезано на куски и залито соусами.

Алиса решила, что наступило самое удобное время рассказать о своих открытиях, а заодно посмотреть, как будут пользоваться палочками Лян Фукань и Кора. Но следователь слушал Алису с вниманием и забыл о еде, а может быть, считал неприличным есть, когда его гостьи не едят.

Наконец не выдержала Кора.

— Давайте поужинаем сначала, — сказала она. — А то все остынет.

У Алисы замерло сердце: вот-вот она опозорится.

Но Кора неожиданно произнесла:

— Только покажите нам, как есть палочками, а то я, например, совершенно не знаю, как это делается.

Алиса чуть не подпрыгнула от радости, и вместе с Корой они стали учиться брать палочками кусочки мяса и рис так, чтобы не все падало обратно на тарелку. В конце концов они кое-как научились это делать, и тут подошедший официант вежливо сказал:

— Я принес ложки, чтобы наши гостьи не мучились. Ведь от еды надо получать удовольствие.

Так что Алиса сдалась и стала есть фарфоровой ложкой с короткой ручкой, а Кора не сдалась и подхватывала на лету рисовые зерна, падающие с палочек. Следователь же так орудовал палочками, словно у него в руке было пять разных ложек.

— Это очень интересно, — сказал следователь, когда ужин

постепенно вошел в свое русло. — Как же вы полагаете искать эту самую Мариам?

— У меня есть одна версия, — сказала Алиса.

Следователь внимательно посмотрел на Алису и сказал:

— Разумеется, я не хочу мешать ходу вашего расследования, коллеги, но осмелюсь тоже вставить одну фразу.

— Какую?

— Когда мы сделали запрос в Ташкент, чтобы узнать, куда полетели дальше туристы Торнсенсены, мне сообщили, что они пересели на один из частных самолетов, стоявших на аэродроме. И их след простыл.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Вы умеете читать мысли?

Кора засмеялась.

— Просто следователь Лян Фукань, — сказала она, — настоящий профессионал и умеет складывать два и два.

— Разумеется, — согласился Лян Фукань. — Более того, я опросил всех спутников Торнсенсенов по туристической группе, и у меня есть записи бесед с ними. После обеда мы пойдем ко мне в кабинет и просмотрим их.

— Лян Фукань, вы гений! — воскликнула Алиса.

— Нет ничего гениального в том, чтобы додуматься до очевидного. Но вот информация, которую Алиса добыла в Италии, нам может помочь.

— Но признайтесь, — спросила Алиса, — вы тоже догадались, что девушка Ма Ми и девушка Мариам по описаниям очень похожи?

* * *

После очень вкусного ужина, в конце которого Алиса настолько расхрабрилась, что постаралась пользоваться палочками, все пошли в кабинет следователя, который располагался в соседнем небоскребе.

— Я не буду вам показывать все мои беседы с туристами, потому что в большинстве своем они ничего не заметили и вообще думали только о своих проблемах, но вот послушайте, что нам рассказал журналист и фотограф Зденек Ольшевский, который был в той группе, но спал меньше прочих туристов, так как охотился за красивыми кадрами.

На экране возникла голова лохматого молодого человека с длинными рыжими усами. Алиса вспомнила его: он сидел через два ряда от нее в лайнере.

— Я отлично помню эту компанию, — сказал он. — Странные люди. Тащить с собой байдарку, когда зимой рыбы там не найдешь. Но каждый сходит с ума по-своему.

— В ту ночь они спали? — спросил Зденека следователь.

— Нет, не спали. Они отправились на рыбную ловлю.

— Откуда вы знаете?

— Ночью взошла луна. По небу неслись дикие облака. Мне не спалось. Я выглянул из палатки, и мне показалось, что может получиться удивительный кадр: ночная буря на озере! Я взял камеру и вылез наружу. Было холодно, скажу я вам! До сих пор уши дрожат! Не успел я сделать несколько кадров, как заметил, что тростник возле берега раскачивается и оттуда доносятся приглушенные голоса. Я испугался. Решил, что кому-то плохо или даже кто-то утонул... Я положил камеру и кинулся к тростнику. Но там я обнаружил только семейство Торнсенсен — они как раз спускали на воду байдарку.

— Все втроем? — спросил следователь.

— Кажется, их толстая мамаша осталась дома, но я не уверен. Когда я поздоровался и спросил, что заставило их отправиться в путь в такое время и в такую погоду, господин Торнсенсен буквально зарычал на меня — он упрекал меня за то, что я подглядываю и преследую честных людей. Я смутился, попросил прощения и хотел уйти, но тут девочка Ма Ми прервала своего отца и объяснила мне, что они решили порыбачить при свете луны, это особое искусство, которому ее папа научился в Гренландии.

— А что делал в это время Торнсенсен?

— Он что-то неразборчиво ворчал и не глядел на меня.

— Вы видели удочки, сети? Какие-нибудь приспособления для рыбной ловли?

— Нет.

— Может быть, было слишком темно?

— Нет, ярко светила луна, я все отлично видел.

— И все же вы не уверены, вдвоем были Торнсенсены или втроем.

— Я не заглядывал в байдарку.

— А байдарка большая?

— Она куда шире, чем обычные байдарки.

— Там могли поместиться три человека?

— Конечно.

— А четыре?

— Может быть, и четыре.

— Спасибо. Продолжайте.

— Больше мне нечего сказать. Они уселись в байдарку, затем Ма Ми попросила меня подтолкнуть лодку и сказала, что к рассвету они вернутся. Я пожелал им не замерзнуть и что-нибудь поймать.

— Они уплыли на веслах?

— Да, господин Торнсенсен греб... впрочем, я не уверен. Может, мне показалось, но через несколько минут я услышал некий шум... как будто заработал мотор.

— Снаружи этого мотора не было видно?

— Не было. Снаружи это была самая обыкновенная байдарка.

Кора, которая внимательно смотрела беседу следователя с туристом, заметила:

— Это очень важная деталь. Если бы они поплыли на веслах, то им ни за что не добраться бы до оазиса за ночь.

— А когда байдарка возвратилась с ночной ловли, вы не заметили? — спросил на экране следователь у Зденека.

— Я уже спал, — ответил поляк. — Но услышал голоса. Они пробирались сквозь тростник и вытаскивали байдарку.

— Сколько было времени?

— Я не знаю точно, но уже светало.

— Вы не выглянули из палатки?

— Нет, мне хотелось спать.

— И вы не слышали, о чем они говорили?

— Они старались не шуметь.

Следователь включил свет. Экран погас.

— Эта байдарка могла быть переоборудована во флаер — современная техника это допускает, — сказал он.

— Они успели побывать в оазисе и вернуться той же ночью в лагерь туристов на Лоб-Нор, — закончила Кора.

Следователь завершил свой рассказ так:

— Я поговорил со всеми туристами, которых удалось отыскать. К сожалению, все остальные спали и не слышали, что происходило. Но любопытную деталь мне рассказал проводник. Оказывается, утром разболелась жена Торнсенсена, она простудилась. Так что Торнсенсены и были первыми из туристов, которые решили немедленно возвратиться в Урумчи, ссылаясь на жуткий климат и холод. За ними последовали остальные, никому не понравилось на озере. А те, кто хотел

остаться, не решились этого сделать, когда основная часть группы улетела.

— Знаете, что я думаю... — сказала Алиса.

— Знаем, — откликнулась Кора. — И если ты не веришь, то я могу написать твою версию на листке бумаги, а когда ты ее расскажешь, мы прочтем мою. Если она совпадает с твоей версией, ты мне будешь должна... ну что? Любое желание, хорошо?

— Не надо писать, — сказал вежливый следователь Лян Фукань. — Я уверен, что Алиса — честная девочка и она не будет спорить...

— Так что же я думаю? — спросила Алиса.

— Ты думаешь, что профессора увезли в байдарке. Недаром они не желали ее складывать, а терпели все неудобства, только бы втащить ее в лайнер.

— Да, — призналась Алиса. — Так я и подумала. Хорошо, что мы не поспорили.

— Жалко, что я не выиграла желания, — улыбнулась Кора.

— Ты не обижайся, Алиса, — сказал следователь, — но твоя догадка лежала на поверхности.

— А раз так, — сказала Алиса, — почему же вы не задержали Торнсенсенов на аэродроме?

— Потому что мы опоздали объявить розыск. Мы догадались только после того, как Зденек рассказал о ночной рыбной ловле, а Алиса — о девочке Мариам из болонской клиники. Кстати, я не удивлюсь...

— Вы не удивитесь, если Мариам и Ма Ми — одна и та же девушка! — поспешила сказать Алиса, чтобы оставить за собой последнее слово, и ее взрослые коллеги согласно закивали, хотя потом следователь Лян Фукань сказал:

— Возможно, это и не так. Каждому из нас хочется принимать желаемое за действительное.

Алиса согласилась со следователем, хотя ей было приятно сознавать, что на нее уже никто не кричит и ее не посылают в детский сад пить кефир и ложиться в кроватку, чтобы не путалась у взрослых под ногами.

— Если у нас есть рабочая гипотеза, — в тишине кабинета произнесла Кора, — то теперь надо подумать, где бы отыскать эту семейку. Ведь найти ее легче, чем излучатель.

— И что вы намерены делать, коллега? — спросил Лян Фукань.

— С утра я улетаю в Ташкент. Я собираюсь проследить, на

какой самолет или флаер перегрузили свою байдарку Торнсенсены. Ташкент — оживленное место, там масса народу, кто-то должен был их заметить...

— Хорошо, — согласился следователь. — Мы же завтра продолжим поиски в пустыне вокруг оазиса. Нельзя исключать вероятность, что эти люди убили профессора. Тогда они могли спрятать его тело в песках. Завтра из Пекина привезут мощный биоискатель.

— А я? — спросила Алиса. — Что я буду делать?

— Может, тебе лучше вернуться домой? — сказала Кора. — Ты уже достаточно напутешествовалась. Спасибо тебе за помощь.

— Ничего подобного, — ответила Алиса. — Я недавно разговаривала с Москвой. Мама не возражает, если я еще немного поброжу по пустыне. В молодости моя мама здесь путешествовала и полюбила эти края. Она даже открыла здесь лошадь Пржевальского.

— Что? — сказал следователь. — Какую лошадь?

— Не может быть! — воскликнула Кора.

Алисиной шутки они оба не поняли. Наверное, ни Кора, ни Лян Фукань не знали о знаменитом путешественнике XIX века, который открыл в этих местах дикую лошадь, названную его именем. Лян Фукань не знал о лошади Пржевальского, потому что по-китайски она называется иначе, а Кора, как всегда, проболела урок, на котором об этом путешественнике и о его лошади рассказывали.

Вскоре все члены следственной группы разошлись по своим квартирам. То есть Лян Фукань пошел к себе домой, Кора — в гостиницу, а Алиса отправилась ночевать к толстушке Ичунь, которая ждала ее, чтобы выслушать новости о поисках профессора.

Алиса была уверена, что никто не заставит ее улететь домой к маме в самый разгар расследования. В крайнем случае она продолжит поиски сама.

* * *

Алисе не удалось выспаться, потому что она просидела с Ичунь и Фатимой до трех часов ночи, обсуждая последние события и пытаясь найти путь к раскрытию тайны. Но, к сожалению, ничего не придумали, кроме того, что надо отыскать Ма Ми.

Рано утром Алиса уже была на ногах и поспешила в гостиницу к Коре, чтобы застать ее и вместе слетать в Ташкент. Но Алиса опоздала. Когда она вбежала в холл гостиницы и спросила у портье, у себя ли госпожа Орват из номера 213, тот ответил, что госпожа Орват полчаса назад улетела куда-то на скоростном флаере и не сказала, когда вернется. А несколько минут назад звонил следователь Лян Фукань и просил передать Алисе Селезневой из Москвы, что, если она придет, пускай тут же свяжется с ним, а то он улетит в пустыню и не успеет передать ей билет на лайнер, летящий прямым рейсом в Москву.

Алиса поблагодарила портье, но решила, что звонить следователю не будет. Она уже выходила из гостиницы, когда услышала звонок международного видео. Подумав, что звонок может относиться к ней, Алиса остановилась. Портье включил экран. На экране появилось знакомое лицо комиссара Милодара.

— Немедленно соедините меня с Корой Орват из номера двести тринадцать!

— Простите, — ответил портье, — но Кора Орват из двести тринадцатого недавно улетела.

Алиса дернула его за рукав. Тот поглядел вниз и, догадавшись, закончил фразу следующим образом:

— Но рядом со мной стоит девочка, которая вчера весь день провела с госпожой Корой Орват.

С экрана Милодар взглянул на Алису.

— Как хорошо, что я тебя застал! — сказал он. — Ты знаешь, где Кора?

— Да, она в Ташкенте, ищет следы Торнсенсенов.

— Правильно, — сказал комиссар. — Я кое-что для нее выяснил. Когда ты ее увидишь, передай ей.

— Говорите, комиссар, — сказала Алиса.

— Мы обратились в Сингапур с просьбой сообщить, живет ли в городе торговец детскими игрушками по фамилии Торнсенсен. Честно говоря, мы не ждали положительного ответа. Но, оказывается, в Сингапуре есть магазин детских игрушек Кнута Торнсенсена, который называется «Бэмби». Мы запросили тогда фотографию норвежца и сведения о том, когда его видели в последний раз. И вчера ночью я получил фотографию Торнсенсена. На фотографии был изображен совершенно другой человек! Туристы и проводник группы не узнали в нем нашего рыболова Торнсенсена. Тогда мы проследили по

билетам, откуда прилетел в Урумчи этот самый Кнут Торнсенсен со своим подозрительным семейством. Нам ответили — из Сингапура. Значит, они все продумали! Но вряд ли подозреваемый нами Торнсенсен живет где-нибудь в Исландии. Ведь недаром он назвался сингапурцем, недаром он подробно рассказывал о магазине детских игрушек, которым он якобы владеет. Да и Ма Ми похожа на китаянку. И я попросил моих коллег в Сингапуре: попробуйте найти какие-нибудь следы высокого краснолицего человека с желтыми волосами, плохими зубами и светло-голубыми глазами. И ты можешь себе представить...

Тут Милодар сделал паузу, а Алиса сказала, опередив его:

— Они нашли следы такого человека в Сингапуре.

— Вот именно! Это Нильс Ларсен, бывший телохранитель раджи Перака, который убежал от раджи, связавшись с торговцами наркотиками и ограбив дворец султана.

— Простите, комиссар, — спросила Алиса, — а Перак — это близко от Сингапура?

— Ах, как вас плохо учат! — ужаснулся Милодар. — Мне придется всерьез поговорить с твоим учителем географии. Перак — это султанат в Малайзии. Там еще сохранились султаны, чтобы было кому жить во дворце.

— А где этот Торнсенсен сейчас? — спросила Алиса.

— Он нам забыл доложить! — ответил Милодар. — Но ему все равно от нас не скрыться. Как только увидишь Кору, расскажи ей все это. А я пока продолжу поиски Торнсенсена.

Алиса смотрела на погасший экран. Какая-то мысль тревожила ее. Мысль о том, кому может пригодиться излучатель доброты. Для каких целей?

Алиса вышла на улицу и уселась на лавочку в садике у гостиницы. Ветер налетал с гор, срывал брызги с фонтана, и ледяные иголки кололи щеки Алисы. Алиса набрала на браслете код Коры, но та не отозвалась — видно, не подключила свой браслет к космической связи. Алиса подумала, что, если бы Кора была сейчас рядом, она бы ей сказала: «Мы с тобой размышляли, кому и зачем настолько может понадобиться излучатель, чтобы ради него пойти на преступление, если не садоводам или фермерам. Допустим, что Торнсенсен увез излучатель в Юго-Восточную Азию. Если не в сам Сингапур, то куда-то поблизости. А поблизости расположен так называемый Золотой Треугольник... Конечно же, Золотой Треугольник!»

Алиса даже вскочила со скамейки. Как жаль, что Коры нет рядом.

Но можно позвонить следователю.

Алиса хотела было набрать его номер, но сдержалась. Ведь сегодня воскресенье, следователь отдыхает в кругу семьи. Будет ли он доволен, если московская девочка начнет задавать ему глупые вопросы в выходной день?

Поэтому Алиса отправилась прогуляться по дорожке сада, окружавшего гостиницу. Она шагала, заложив руки за спину и чуть шевеля губами. Взор ее был обращен к земле — она была похожа на великого ученого Ньютона, который ждал, когда же наконец упадет с дерева это проклятое яблоко, чтобы можно было открыть закон всемирного тяготения!

Кто самые злобные и бессовестные преступники в Галактике? Торговцы наркотиками! Уже больше ста лет полиция всего мира борется с этой напастью, но пока есть наркоманы, нам никуда не скрыться от торговцев наркотиками. И стоит нам уничтожить плантации опиумного мака или кокаина, как цены на наркотики поднимаются, но число наркоманов не уменьшается. Только медики научатся бороться с каким-нибудь наркотиком и вылечивать от него людей, как торговцы изобретают другие вещества, с которыми справиться пока невозможно...

«Знаю, что надо делать!» — мысленно произнесла Алиса и побежала в городскую библиотеку, где попросила в читальне подборку сообщений, касающихся наркотиков. Она знала, что надо искать: существует ли какой-нибудь новый наркотик, с которым еще не научились бороться, но у которого есть особенности: он медленно растет или редко встречается.

За окном библиотеки стемнело, облака спустились к самой земле, редкие туристы попрятались в теплых отелях или дискотеках, за горами бушевала весенняя пурга...

В наушниках звучали тексты вырезок из газет.

«Особую опасность сегодня представляет корионг, — говорил голос диктора, — всего три года назад его привезли на Землю с планеты того же названия, и он превратился в угрозу номер один...

Один грамм вещества, которое получают, выпаривая корни корионга, заменяет по своему эффекту чуть ли не килограмм героина.

Достаточно человеку один раз проглотить таблетку корионга, как он, испытав сказочные полеты и головокружи-

тельные приключения, мечтает о том, как бы их повторить. Корионг опасен еще и тем, что его не улавливает химический контроль и не чуют собаки. Все планеты Галактики принимают отчаянные меры для того, чтобы не допустить ввоза и разведения корионга, но торговцы наркотиками ввозят его семена, которые вообще невозможно уловить приборами. Единственным относительным утешением в борьбе с этой чумой двадцать первого века остается капризность этого растения. Оно требует особых условий для выращивания и растет очень медленно. Корионг прибавляет за год не более сантиметра, и никакие стимуляторы или удобрения не могут его ускорить...»

— Вот! — воскликнула Алиса.

Библиотекарша удивленно посмотрела на нее, за соседним столиком кто-то возмущенно фыркнул.

Но Алиса уже поняла, что, конечно же, виноват во всем корионг. Ведь если заставить его расти в несколько раз быстрее, на что, наверное, и надеются торговцы наркотиками, то они получат колоссальную прибыль.

Допустим, что открыта причина преступления. Но где тогда искать профессора и его аппарат? Вернее всего, преступники используют какую-то из старых баз в Золотом Треугольнике. Уже сто лет в этих местах, где смыкаются границы нескольких государств и над непроходимыми джунглями поднимаются скалистые горы, различные службы по борьбе с наркотиками и даже армии соседних стран стараются поймать преступников. Но они скрываются в горных деревушках, строят укрепления в джунглях, прячутся в пещерах... Днем преступники выглядят обыкновенными жителями деревень — крестьянами, охотниками, ремесленниками, но стоит полицейским отвернуться, как начинают работать подпольные лаборатории и в тени могучих лесных исполинов расцветают небольшие плантации, которые не разглядишь с вертолета или флаера.

«Где же и как разводят корионг? — подумала Алиса. — Каких условий он требует?»

Она снова включила справочный компьютер, и тот рассказал ей, что корионг очень капризен. Он требует постоянной температуры в двадцать шесть градусов, определенной влажности воздуха, яркого света по крайней мере двадцать часов в сутки...

— Так, — прошептала Алиса, чтобы кого-нибудь снова не

напугать, — куда же мы посадим это сокровище? Ведь это должно быть место укромное и безопасное. Причем располагаться оно должно где-то в Золотом Треугольнике...

Алиса продолжала проглядывать справочные материалы по наркотикам в Золотом Треугольнике, и терпение ее в конце концов было вознаграждено. Статья в гонконгской газете сообщала следующее:

«ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ ГЕНЕРАЛА МАУН ДЖО

Очередная облава на самозваного генерала Маун Джо, короля торговцев наркотиками в Золотом Треугольнике, закончилась провалом. После короткой перестрелки с таиландскими горными стрелками бандиты генерала отступили в труднопроходимые джунгли и вскоре были со всех сторон обложены правительственными войсками. Когда же по особому сигналу отряды начали сближаться, чтобы взять бандитов в кольцо, обнаружилось, что те куда-то исчезли. Горные стрелки прочесали весь хребет Кангем и окрестные долины, на помощь им пришла даже космическая разведка, но безрезультатно. Когда же в тылу таиландцев неожиданно началась яростная стрельба, правительственным отрядам пришлось убедиться в том, что их атакует самый отчаянный из помощников генерала — норвежец Нильс Ларсен по прозвищу Белый Слон. По рассказам местных горцев, в тех местах на десятки километров протянулись обширные пещеры. Входы в эти пещеры оберегаются волшебными заговорами и клятвами, которые дают местные жители, зная, что того, кто покажет путь к пещерам, ждет неминуемая гибель. Считается, что в подземельях расположены лаборатории генерала Маун Джо, его склады и даже жилье для его сподвижников...»

У Алисы возникло желание тут же вызвать комиссара Милодара и рассказать ему о своем открытии — ведь Милодар понадеялся на центральный компьютер, а вот в обыкновенную библиотеку никого не послал... Алиса возвратила папки библиотекарше.

— Что-нибудь удалось узнать, девочка? — спросила библиотекарша.

— Спасибо, я нашла то, что искала.

— Собираешься в туристический поход в Таиланд? — спросила библиотекарша.

— Да, своего рода туристический поход, — согласилась Алиса.

— Только ни в коем случае нельзя ехать в джунгли без взрослых! — предупредила ее библиотекарша. — Там встречаются опасные животные и насекомые.

— Я обязательно поеду туда с папой и мамой, — смиренно сказала Алиса. — Я боюсь опасных насекомых.

Она вышла на улицу. И тут окончательно поняла, что ни за что не скажет комиссару Милодару о том, что Нильс Ларсен служит генералу Маун Джо в Золотом Треугольнике. Потому что в худшем случае комиссар Милодар не поверит в то, что она смогла узнать больше, чем центральный компьютер, а в лучшем скажет, что сам догадался обо всем еще вчера. И пошлет в горы две дивизии космической безопасности, которые никого не найдут и все испортят.

Связи с Корой все не было.

Тогда Алиса оставила у портье записку:

«Кора, я полетела в Золотой Треугольник. Кнут Торнсенсен оказался помощником генерала Маун Джо по имени Нильс Ларсен. Корионг разводят в горных пещерах. Все остальное тебе расскажет комиссар Милодар. Постараюсь вернуть профессора к обеду. Твоя Алиса».

Разумеется, эта записка была непозволительным легкомыслием. Если ты участвуешь в расследовании преступления, то главное — согласовывать свои действия с коллегами и не стараться их обогнать. Даже если тебе кажется, что ты можешь сама разгадать мировую тайну и доказать самоуверенным комиссарам, что и среди подрастающего поколения есть настоящие сыщики, кидаться одной в логово преступников не следует.

Правда, Алиса придумала себе оправдания. Кора пропала где-то в Ташкенте, Лян Фукань ищет следы в пустыне, значит, кроме Алисы, некому заняться генералом Маун Джо. Поэтому Алиса взяла на площадке свободный флаер и сообщила диспетчерской, что берет курс на Бангкок, столицу Таиланда.

День уже подходил к середине — оказывается, много времени ушло на поход в библиотеку. Алиса почувствовала, что проголодалась, но надо будет потерпеть. Тем более что она торопилась разгадать тайну и спасти профессора до того, как в дело вмешаются Кора и Милодар. Тогда Алису могут попросту отправить домой.

Глава 5

БАНДИТЫ ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Полет до Бангкока оказался нелегким. Над Гималаями пришлось подняться километров на десять, чтобы не столкнуться с горой, а так как Алиса взяла обыкновенный одноместный быстрый флаер, то на такой высоте было холодно и не хватало кислорода.

Когда снежные вершины Гималаев остались позади, флаер полетел над поросшими лесом горами Бирмы. И тут он попал в могучий, полный молний, грома и воды фронт муссонных облаков. Алиса поняла, что следует поставить машину на автопилот — он лучше сможет рассчитать, какой путь и какая скорость безопасней, тем более что автопилот находится на постоянной связи с компьютером Центральной диспетчерской.

Алиса понимала, что ей ничто не грозит, флаер был рассчитан на куда более сильные передряги, но его бросало, как щепку в бурном море. Было темно. В темно-фиолетовых тучах проскакивали зигзаги молний, и, встречаясь, тучи громко трещали, будто сталкивались поезда.

Когда флаер опустился в Бангкоке, гроза еще продолжалась, и Алиса, пока добежала от флаера до здания аэропорта, успела промокнуть.

Первым делом она нашла справочное бюро и спросила:

— Простите, пожалуйста, мне нужно срочно в Золотой Треугольник. Вы не скажете, как мне туда попасть?

Справочное бюро — золотой шар, свисавший с потолка, — ответило высоким равнодушным голосом:

— С так называемым Золотым Треугольником регулярного пассажирского сообщения нет, так как он не является географическим понятием, а придуман журналистами. Если вы назовете мне нужный вам населенный пункт, я охотно отвечу на ваш вопрос.

Алиса, разумеется, не знала ни одного населенного пункта в том районе. Виновата была она сама — не догадалась поинтересоваться, когда изучала папку документов в библиотеке.

Расстроившись, Алиса стала искать глазами какого-нибудь осведомленного человека. Увидев полного мужчину в парадной военной форме, она подбежала к нему и спросила:

— Вы не скажете мне, до какого города мне нужно лететь, если я хочу попасть в Золотой Треугольник?

— Честь имею! — воскликнул по-тайски нарядный военный. — К вашим услугам — генерал Прем Рукпачон, руководитель отдельного полка по борьбе с торговлей наркотиками. Почему вы интересуетесь этим опасным районом?

К счастью, Алиса знала и тайский язык, поэтому все поняла. Генерал явно не собирался шутить. И это ее встревожило. Вот-вот он посадит ее в тюрьму, а потом придется доказывать, что ты не принадлежишь к наркомафии.

— Я — туристка, — сообщила Алиса. — Нам в школе велели написать статью об орхидеях, которые водятся в горах Таиланда. И мне сказали, что самые красивые и редкие орхидеи растут в Золотом Треугольнике.

— О, какое заблуждение! — воскликнул генерал Прем Рукпачон. — Вы все перепутали, девочка. Там водятся не орхидеи, а бандиты. Поэтому я советую вам сначала пойти в музей и узнать, где водятся орхидеи. Но ни в коем случае не летайте в Золотой Треугольник! Там не место девочкам, если они не наркоманки!

— Большое спасибо! — с облегчением воскликнула Алиса. — Я тут же иду в музей!

Она побежала прочь от генерала, а он кричал ей вслед:

— Музей совсем в другой стороне! Вы должны спросить, где проспект Короля Пумипона.

Бежать Алисе пришлось недалеко. Вскоре она увидела станцию международных флаеров и аэробусов. Она подбежала к билетной кассе и спросила:

— Сколько стоит билет до Золотого Треугольника?

Автомат в кассе ответил:

— Вопрос некорректный. До Золотого Треугольника билетов не продают.

— Скажите, а какой город считается центром Золотого Треугольника?

— Обратитесь в ИнтерГпол, — сказал автомат. — Но предупреждаю, что, если вы надеетесь приобрести дешевые наркотики, вы глубоко заблуждаетесь. Все наркотики будут у вас конфискованы на границе, а вас саму отправят на принудительное лечение.

— Нет, я не собираюсь покупать наркотики, — ответила Алиса и пошла прочь.

Касса-автомат произнесла ей вслед скрипучим голосом:

— Учтите, что вы уже сфотографированы, обмерены и сведения о вас запущены в Центральный криминальный компьютер.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. Она испуганно оглянулась.

Но в шуме вокзала, в сверкании солнца, прорвавшегося на несколько минут сквозь тяжелые тучи и успевшего согреть мостовую и воздух так, что все вокруг заволокло паром, никто не слышал и не видел Алисы.

Что делать дальше? Идти в местную библиотеку или музей и изучать географию? Ведь сейчас сведения о том, что Алиса в Бангкоке, попадут на стол комиссару Милодару, и он сильно удивится. В любую минуту Алису могут задержать и отправить к маме.

Но как узнать... как узнать...

Лихорадочно размышляя, Алиса дошла до стоянки такси. Молодой таксист, сидевший в старомодном, ярко раскрашенном флаере и жующий банан, подмигнул Алисе и спросил:

— Какие проблемы, госпожа туристка?

— Вы не сможете мне помочь.

— Тогда возьми банан. Легче будет, — сказал таксист.

Алиса взяла банан, очистила и начала жевать.

— Может, поедем куда-нибудь? — спросил таксист. — Хочешь на рынок? Там купишь себе юбку, а если хочешь — такого краба, какого в жизни не видела. У меня такси специально сделано, чтобы мелкие грузы возить.

— Нет, — сказала Алиса. — Мне на рынок не нужно.

— А куда нужно?

— Не знаю.

— Тогда спроси.

— Да никто не знает!

— Если никто не знает, спроси у меня, — заметил таксист. — Если не веришь, проверь — никто не знает окрестности лучше меня. Хочешь в музей — отвезу в музей, хочешь в королевский дворец — отвезу в королевский дворец. Ты только скажи, и Танин к твоим услугам!

— Хорошо, — согласилась Алиса. Почему не попробовать?

Алиса уселась во флаер. В нем было только одно сиденье рядом с водителем, а сзади грузовой отсек, в котором после предыдущего пассажира остались банановые листья.

— Куда прикажешь, принцесса? — спросил Танин.

Глаза у него были хитрые, нос курносый, темные, туго обтянутые кожей скулы блестели, как смазанные жиром.

— Мне нужно в Золотой Треугольник, — сказала Алиса.

— Отлично.

Но флаер не двинулся с места.

— Почему ты не летишь, Танин? — спросила Алиса.

— Жду уточнения, — сказал таксист. — Ведь Золотой Треугольник больше иной страны. Назови в нем место — полетим.

— Я не знаю, в какое мне нужно место.

— Значит, ты должна знать имя человека, — уверенно сказал таксист. — Ведь ты летишь к кому-то в гости.

— Как сказать... меня не ждут. И даже не хотели бы, чтобы я прилетела.

— Это бывает. Места там темные, народ подозрительный... Так кого же мы намерены удивить?

— Я хотела бы повидаться с генералом Маун Джо.

— Ого! — удивился таксист. — Хорошо, что ты встретила меня, у которого язык всегда на замке. Другой бы никуда не полетел, а тут же сдал бы тебя полиции. Ты хоть знаешь, что генерал Маун Джо — торговец наркотиками, которого до сих пор не могут поймать и обезвредить полицейские трех соседних стран — Таиланда, Лаоса и Бирмы?

— Да, я знаю это.

— Но ты не его друг?

— Клянусь, что я не его друг.

— Потому что, если ты друг этого негодяя, я тебя туда не повезу.

— Танин, я пытаюсь раскрыть преступление, которое совершили помощники генерала Маун Джо.

— Какие помощники? — спросил таксист.

— В первую очередь мне нужно отыскать Нильса Ларсена.

— О, это опасный человек!

— Тогда быстрей вези меня к нему!

— Девочка, ты сошла с ума. Давай лучше сообщим в полицию.

— Я обязательно сообщу в полицию, — сказала Алиса. — Как только узнаю, где они прячут одного человека. Сейчас все решают минуты. Жизнь профессора Лу Фу в опасности!

— Если ты уверена, то полетели, — сказал Танин, перегнулся через голову Алисы, захлопнул дверцу своей колымаги и накинул резинку на ручку дверцы, чтобы дверца не раскры-

лась в полете. Это была не очень надежная, зато простая система.

Флаер тяжело набрал высоту и полетел низко, под облаками. Внизу тянулась зеленая равнина, разделенная на квадраты рисовых полей, некоторые квадраты были затоплены. По дороге брели буйволы, и машины объезжали их по обочине, над деревенскими домиками поднимались острые шпили белых пагод. Полет занял чуть больше получаса. Алиса расспрашивала Танина о Золотом Треугольнике, о наркотиках и о том, почему до сих пор никак не могут полностью покончить с наркобаронами. Танин охотно отвечал, он много знал, но Алисе не всегда было понятно, когда он говорит правду, а когда выдумывает, чтобы похвастаться. Похоже, Танин был большим хвастуном.

Вскоре внизу на склонах холмов появились деревья, и чем выше становились холмы, тем гуще была на них растительность. Гряда за грядой холмы поднимались все выше и скоро превратились в зеленые горы, между которыми в лесистых ущельях текли бурные потоки. Было пасмурно, то и дело начинался дождик, но потом прерывался, как бы собираясь с силами.

Деревни встречались все реже, все меньше было внизу дорог.

— Туристам здесь делать нечего, — сказал Танин, — дикие джунгли, насекомые, сырость и сквозняки, полезных ископаемых здесь нет, сельским хозяйством заниматься негде. Раньше эти места были дикими, а теперь считаются заповедными.

Горы поднимались все выше, лесные великаны возвышались над лесом, густо опутанные толстыми лианами. По ветвям одного из великанов носились стайкой обезьяны и грозили кулачками потревожившему их флаеру. В долине горной реки показалась прогалина, к которой и направил свою машину таксист.

— Прилетели, — сообщил он Алисе.

— Но здесь нет ни одного дома, — удивилась Алиса.

— А ты бы хотела, чтобы генерал Маун Джо построил дом и написал на его крыше свое имя? За ним же гоняется полиция трех государств. Его спасает только то, что он сказочно богат и дьявольски хитер.

— А как же вы, Танин, его нашли?

— Таксисты помнят все адреса. Как же работать, если не

знаешь, куда везти пассажира? Как иначе зарабатывать свои честные деньги? — И Танин засмеялся, показав ослепительно белые зубы.

Флаер, снизив скорость, опускался к прогалине. Неожиданно Танин заговорил совсем другим тоном, будто вдвое повзрослел:

— Если ты будешь разговаривать с Нильсом Ларсеном, то учти, что Нильс — злой, расчетливый убийца. Если генерал ему прикажет, он убьет и свою маму. Но еще опаснее его помощник Исмаил аль-Акбар, в прошлом террорист, а ныне повар генерала Маун Джо. Он очень любит переодеваться в женщину, и генерал посылает своих сообщников на особо деликатные и сложные задания вдвоем, причем Исмаил выступает в роли жены Нильса Ларсена. Он удивительный чревоугодник и обжора!

— Он выступает как жена! Конечно же, они были вместе! А кто тогда девушка Ма Ми?

Танин не успел ответить на этот вопрос.

Такси опустилось на высокую траву у берега шумной реки.

— Мы уже засечены, — сказал Танин, — поэтому разговоры на волнующую тебя тему отменяются. Они ведут нас давно, а сейчас будет торжественная встреча.

— Что ж, спасибо, — сказала Алиса. — Сколько я вам должна?

— Если вернешься живой, то и рассчитаемся. А с мертвых я за проезд не беру.

Скорее всего, таксист шутил, но лицо его оставалось серьезным.

— Я постараюсь с вами расплатиться, — сказала Алиса, сняла резинку с дверной ручки и, открыв дверцу, выскочила на траву.

— Я прилечу за вами через два часа! — крикнул в открытую дверь таксист, хотя Алиса его об этом не просила. Она поняла, что эта информация предназначалась для местных жителей, чтобы они знали, что об Алисе помнят.

Потрепанный желтый, с шахматными кубиками, флаер начал подниматься над вершинами деревьев...

Алиса сделала шаг к речке.

В лесу стояла мертвая тишина, словно птицы и даже насекомые были недовольны ее вторжением. Лишь мерно шумела по камням речка.

Сзади раздался голос:

— Ах, какие у нас неожиданные гости! Неужели это ты, Алисочка?

Алиса в изумлении обернулась.

За ее спиной стояла ясноглазая Ма Ми. Та милая девушка, с которой они летели в лайнере от Москвы и которая только вчера улетела с Лоб-Нора, помогая «папе» нести удочки.

Алиса не знала, кто такая на самом деле Ма Ми, но у нее были основания подозревать, что именно эта девушка под видом пострадавшей туристки пробралась в клинику графини Беллинетти и разузнала все, что нужно, об излучателе доброты.

— Ма Ми! — сказала Алиса. — Вот уж не ожидала тебя увидеть! Ты здесь живешь?

— Конечно, это наш дом. Но что привело тебя к нам в гости?

— Здесь так красиво! — ответила Алиса. Она все еще не могла придумать, что сказать Ма Ми, попытаться ли сделать ее союзницей или видеть в ней врага. Поэтому Алиса тянула время. — Здесь замечательно. Я давно собиралась побывать в этих горах.

— Всего-навсего? — подняла брови Ма Ми.

Она была в камуфляжном комбинезоне, каскетке, а к широкому поясу был прикреплен бластер, точно такой, какие бывают в приключенческих фильмах.

— И тут я вижу тебя! — закончила Алиса.

— А я должна тебе поверить? — рассмеялась Ма Ми. — Ты будешь мне здесь врать, как будто мы с тобой малолетки, а я буду тебе верить? За кого ты меня принимаешь, нахальный ребенок?

— Пока я не знаю, кто ты на самом деле.

— Здесь принимают только желанных гостей, — сказала тогда Ма Ми, и в голосе ее прозвучала угроза.

Алиса не испугалась. Она продолжала:

— А я хочу услышать от тебя правду. Два дня назад мы летим с тобой в Урумчи, день назад я провожаю тебя в Ташкент, а сегодня ты оказываешься в горах на границе Бирмы и Таиланда. Разве в это можно поверить?

— Я тебе в подруги не навязывалась, — сказала Ма Ми. — Но готова тебя выслушать. Что тебя сюда привело?

— Я ищу профессора Лу Фу. Я подозреваю, что норвежец, который изображал твоего папу, на самом деле не Торнсенсен, а Нильс Ларсен, а ты не его дочка.

— А кто же я? — улыбнулась Ма Ми.

— Вот этот вопрос я и хотела тебе задать.

— Я думаю, — сказала Ма Ми, — что ты еще мала, Алисочка, чтобы самостоятельно заниматься расследованием загадок, которые тебе не по зубкам. Мне вообще удивительно, как взрослые могли тебя отпустить в такое опасное путешествие.

Алиса не стала отвечать на этот пустой вопрос, а спросила сама:

— Скажи мне, где профессор Лу Фу? Пойми, ему сто лет, а вы утащили его в вашей байдарке.

— Ты и это знаешь? — усмехнулась Ма Ми. — Это мне не нравится. Пожалуй, ты права, я устрою тебе встречу с норвежцем Ларсеном. Он умеет пугать маленьких глупых девочек.

— Ты не ответила на мой вопрос! — воскликнула Алиса. — Где профессор Лу Фу?

— Профессор Лу Фу? Он недавно прилетел сюда в гости к моему папе. Мой папа — ботаник, он разводит редкие растения, и они с профессором Лу Фу вместе проводят опыты. Так что можешь не беспокоиться за профессора. С ним все в порядке.

И Ма Ми весело засмеялась. Она была на вид такой милой, такой доброй и веселой девочкой, что Алисе трудно было поверить, что она разговаривает с самой настоящей бандиткой. Может, ей всего пятнадцать лет, но она даст сто очков вперед любому старому разбойнику.

Над головой закричала синяя птица — майна. Незаметным ловким движением Ма Ми вскинула бластер и выстрелила. Птица упала к ее ногам кучкой синих перьев.

— Не люблю, когда меня перебивают, — сказала Ма Ми.

— Если ты думаешь, что я испугалась, ты глубоко ошибаешься, — сказала Алиса. — Но я уверена, что убить птицу — это уже преступление. Против природы и людей.

— Я убиваю всех, кто мне мешает. И если ты будешь мне надоедать своими поучениями, то и тебя убью. И не испугаюсь ни комиссара Милодара, ни всего ИнтерГпола. А уж тем более девчонки.

— Не думай, что я здесь одна! — ответила Алиса. — За каждым моим шагом следят друзья.

— Сомневаюсь! Если бы Милодар знал, где нас искать, он никогда не послал бы одного ребенка.

Алиса промолчала, отметив про себя, что Ма Ми тоже много знает о своих противниках. Конечно же, было наивно

лететь одной в джунгли, надеясь, что они испугаются Алисы и отдадут ей профессора и излучатель.

— Я хочу увидеть профессора, — сказала Алиса.

— Ты просишься к нам в гости? — спросила Ма Ми.

— Да, — сказала Алиса.

Ма Ми подняла руку, и в то же мгновение из кустов вышли два высоких крепких солдата и встали по обе стороны Алисы.

— Обыскать! — приказала Ма Ми. — Все передать мне. Чтобы средств связи не осталось. Это главное!

В одно мгновение солдаты обыскали Алису, сняли с нее браслет связи, вытащили из-за уха детектор, по которому можно было следить, где она находится, отняли ее записную книжку, компьютер — оставили только одежду.

— Больше ничего нет, — сообщил один из молодчиков.

— Я и не думала, что она побежала к нам без разрешения, — презрительно произнесла Ма Ми. — Тем хуже для тебя, Алиса.

После обыска стражи повели Алису вверх по реке, вдоль высокого обрыва. Ма Ми, шедшая первой, остановилась перед гладким участком скалы. Она провела ладонью по камню, и часть скалы отъехала в сторону, обнаружив тщательно устроенный вход в подземелье. Внутри был длинный коридор, уходивший в глубь скалы.

Там их ждал лже-Торнсенсен. Он даже не посмотрел на Алису, а сразу доложил Ма Ми:

— Мы его сбили над соседней долиной. Первой ракетой.

— Убедились, что он разбился? — спросила девушка.

— Никаких сомнений, — ответил норвежец. И засмеялся.

— Ну вот, Алисочка, — обратилась к ней Ма Ми. — Видишь, случилось несчастье, и ты в нем виновата.

— Что такое? — встревожилась Алиса.

— Твой таксист, который слишком много знал, не долетел до Бангкока и не сможет возвратиться, чтобы забрать тебя. Он упал и разбился.

— Вы его сбили!

— Никто не просил его соваться в наши горы, — жестко ответила Ма Ми. — У нас и без него достаточно хлопот.

Алисе стало страшно. И так жалко Танина, что она чуть не расплакалась.

— Только без слез! — приказала Ма Ми. — Ненавижу, когда дети ревут. Я им тут же отрезаю головы. Правда, Нильс?

— Так точно, госпожа, — подтвердил норвежец.

— Где мой папаша? — спросила Ма Ми.

— Ваш благородный отец принимает пищу, — сообщил норвежец.

— Можно было и не спрашивать, — сказала Ма Ми. — От моего папаши в это время ничего иного ждать нельзя. Ты, Алиса, хотела познакомиться с моим отцом, с его опытами над экзотическими растениями, которые он проводит в этих подземельях. Что ж, я думаю, мой папа все тебе покажет. Он очень любит нежданных гостей. — В голосе девушки снова прозвучала угроза.

Они прошли через зал, вырубленный в скале, и остановились перед невысокой деревянной дверцей, покрытой затейливой резьбой. Ма Ми набрала код и первой вошла внутрь.

Они оказались в небольшой, ярко освещенной комнате. Почти треть ее занимал стол, покрытый белой скатертью. Две двери по обе стороны стола вели в другие помещения. За столом в одиночестве сидел очень маленький человек — Алисе от входа было видно, что его ножки болтаются, не доставая до пола.

Человек был невелик, но отдельные части его лица были обычного размера и потому казались слишком большими: приплюснутый нос, мягкие оттопыренные уши, раскосые глаза и толстые губы как бы принадлежали человеку нормального роста. Одет он был в военный мундир с золотыми эполетами и расшитым золотым галуном воротником.

Перед человеком стояло много чашек, мисочек, блюдец и баночек, из которых струились соблазнительные запахи. Но все его внимание было обращено к миске, полной горячей тонкой лапши. Ловко и быстро человечек наматывал лапшу на палочки, обмакивал их в блюдце с соусом и отправлял в рот, потом подхватывал креветку или кусочек мяса и бросал следом. На лице его блуждала бессмысленная улыбка.

Остальные стояли в дверях и ждали. Даже Ма Ми не сказала ни слова. Проглотив очередную порцию лапши, генерал недовольным тоном произнес:

— Что там еще приключилось? Опять налет полиции?

— Нет, папа, — сказала Ма Ми. — Но мы задержали очень интересную туристку.

— Туристку? Утопить!

— Подожди, папа, умей дослушивать до конца! — возрази-

ла Ма Ми. — Эту девочку мы встретили в Урумчи. В том городе, куда мы летали за профессором.

— Это интересно. Тем более скорее топите ее!

— Папа, ты не понимаешь. Вчера она еще была в пустыне и следила там за нами, а сегодня мы ее ловим у самого входа в пещеру. Как это тебе нравится?

— Значит, ты считаешь, что ее не надо сразу топить?

— Я считаю, — сказала Ма Ми, — что нас выследили и нам следует готовиться к эвакуации.

— Только не это! — раздался крик из боковой двери.

Алиса увидела, что там стоит мадам Торнсенсен, «мама» Ма Ми, но в мужском костюме и белом фартуке. На голове у «мадам» возвышался белый поварской колпак. Конечно же, это повар Исмаил, о котором рассказал несчастный Танин!

— У меня половина обеда для его превосходительства стоит на плите, холодильник полон, я мусс не успел взбить, шербет не тронут! Никакой эвакуации! Я требую, чтобы вы защищали нашу твердыню до последней капли крови! — закричал повар.

— Вот именно, — сказал маленький генерал. — А какой у нас сегодня мусс?

— Кокос с мангустином, — ответил Исмаил тем сладким голосом, какой бывает у толстяков.

— Никакой эвакуации! — подтвердил генерал. — Всех свидетелей казнить, пленных не брать, генератор включить на полную мощность.

— Мы не можем включить его на полную мощность, отец, — сказала Ма Ми. — Профессор Лу Фу отказывается нам помогать.

— Профессора пытать, пока не сдастся!

— Папа, я не думаю, что ты прав.

— Не мешай мне нормально питаться! Ты же знаешь, что до конца обеда меня нельзя беспокоить.

И он пояснил, обращаясь к Алисе:

— Я по натуре — гурман. Для чего я зарабатываю деньги? Только для того, чтобы хорошо кушать. Детство мое прошло в бедном квартале, я не всегда ложился спать сытым. И я поклялся себе, что когда стану взрослым, то никогда не буду голодать. И я сдержал свою клятву!

— Чего же вы такой маленький? — не удержалась от вопроса Алиса.

— Это мое счастье! Мой организм с такой скоростью перерабатывает пищу, что я всегда остаюсь стройным и красивым. Я могу есть круглые сутки, но это не отражается на моей подвижности.

Генерал вскочил со стула, выбежал на свободное пространство перед столом и начал плясать, изгибая руки и подбрасывая согнутые в коленях ноги.

— Значит, эвакуация откладывается? — спросила Ма Ми, с отвращением глядя на пляску своего папы.

— Эвакуации не будет. Они никогда не найдут входа в нашу пещеру.

— Но комиссар Милодар не успокоится, пока не отыщет Алису и профессора.

Генерал прекратил танцевать и, склонив голову набок, быстро и четко произнес:

— Значит, ты делаешь так: берешь такси, на котором она прилетела... Надеюсь, такси не разбилось?

— Разбилось вместе с таксистом.

— Туда же положишь труп этой... Алисы. Произошло неожиданное крушение. Никто не спасся. А теперь идите, идите, вы мешаете мне насладиться десертом.

Алиса понимала, что маленький генерал кривляется, разыгрывает спектакль, правда, непонятно было, кого он считает зрителями.

— Пойдем, — сказала Ма Ми, уводя Алису прочь из столовой. Они остановились в коридоре. Поблизости стояли норвежец Ларсен и два солдата.

— Вот видишь, — вздохнула Ма Ми, — с кем мне приходится работать. У них, у старшего поколения, только один приказ: «Уничтожить». А если ты — надежда своей семьи, если тебе еще жить да жить... Почему я должна тебя убивать?

Ма Ми смахнула слезу. Она говорила так искренне, что Алисе хотелось ей поверить. И в самом деле — нелегко быть дочерью такого закоренелого преступника и палача...

— Ты не представляешь, — сказала Ма Ми, — как мне хочется быть самой обыкновенной девушкой, мне хочется учиться, гулять с молодыми людьми, собирать цветы. Я очень способная к наукам, особенно к медицине. Я мечтаю ухаживать за больными детьми, а меня заставляют заманивать в ловушку старых ученых.

— Вы убили Танина? — спросила Алиса.

Ма Ми понизила голос до шепота:

— Боюсь, что я не смогу помочь тебе и профессору. Поверь мне, что я готова плакать!

Алиса буквально разрывалась между желанием поверить этой девушке и недоверием к ней. Ма Ми потащила Алису к себе в комнату, устланную мягкими звериными шкурами, оставила стражей и норвежца в коридоре и закрыла дверь, чтобы спокойно поговорить.

— Я совершила в жизни много плохих поступков, — сказала Ма Ми, — но я росла без мамы, которую по приказу дедушки затоптал слон, а папу я боюсь. Он может быть жестоким и со мной. Поэтому мне приходится ему помогать. У нас в горах с этим строго. Ну как я могу отказать моему папе в помощи? Ведь я училась в колледже и кое-что знаю, тогда как папа и мои горные родственники совершенно необразованные. Поэтому, когда операция требует расчета и хороших манер, папа всегда посылает меня. Я с десяти лет участвую в его делах. О, как мне все это надоело!

Ма Ми сидела, скрестив ноги, на куче шкур. Она достала фляжку и спросила Алису:

— Виски будешь? У меня и джин есть.

— Нет, спасибо, — ответила Алиса. — Я не пью.

— Зря теряешь время, — усмехнулась Ма Ми. — Жизнь коротка, и нас обязательно убьют.

— Но ведь у твоего отца много денег.

— Еще бы, иначе его давно бы убили конкуренты или полицейские. Всем приходится платить. Но вчера мне наконец удалось уговорить папу улететь с Земли.

— Улететь с Земли?

— Да. Здесь он обложен со всех сторон, как волк красными флажками. Единственный выход — улететь на тихую планету, где нет этих проклятых наркотиков и бандитов, которые держат в руках моего папу.

— Значит, твой папа ни в чем не виноват?

— Не улыбайся, Алиса. Все совсем не смешно. Конечно, мой папа с детства попал к бандитам, он прошел у них жестокую школу, он многих убил. Но и сам потерял в боях всех родных, кроме меня. Ему все это давно осточертело.

— Поэтому он приказал тебе убить меня и спрятать мой труп в такси?

— Но ведь ты жива!

— Я не знаю, что случится со мной через минуту.

Ма Ми улыбнулась и налила из фляжки в серебряный стакан. Она выпила полный стакан виски, как будто это был чай. Алиса поразилась тому, что девушка, почти девочка, научилась так пить...

— А что? — сердито спросила Ма Ми. — Почему ты так на меня смотришь? Да, я пристрастилась к виски и джину. В мои четырнадцать лет я повидала столько, сколько тебе не увидеть и за сто лет.

Алиса не стала спорить с Ма Ми, хотя сама-то знала, что видела больше и пережила больше приключений, чем разбойница. Но не пристрастилась к виски и наркотикам.

А Ма Ми достала толстую бурую сигару и прикурила от золотой зажигалки.

— И папа не возражает против твоего курения? — спросила Алиса, отворачиваясь от вонючего дыма.

— Я при нем не курю, — ответила Ма Ми и закашлялась.

И Алиса поняла, что, подобно своему маленькому папе, Ма Ми — тоже актриса и верить ей нельзя, потому что для нее самое большое удовольствие — морочить людей, изображая из себя то невинную жертву, то борца за справедливость, а то, если нужно, и кровожадную бандитку.

— Положи сигару, — сказала Алиса. — Тебе совсем не хочется курить.

— Ах, ты ничего не понимаешь, — заупрямилась Ма Ми.

Но затягиваться больше не стала и продолжала разговаривать, поводя в воздухе рукой с зажатой между пальцами сигарой.

— Мой папа страшно нуждается в деньгах, — говорила она, — чтобы улететь с Земли. Но у него совсем нет наличных денег. Последняя ставка — на корионг. Ты слышала, что это такое?

Ма Ми настороженно смотрела на Алису, словно старалась угадать, намерена ли пленница говорить правду.

— Нет, не слышала, — сказала Алиса. Внутри у нее все напряглось. Значит, она была права!

Ма Ми кивнула — видно, поверила.

— Корионг, — сказала она, снова наливая себе виски, — это ценное лекарственное растение. Его привозят с одной далекой планеты, но наше гадкое правительство запрещает людям разводить корионг.

— А что это за лекарство? — спросила Алиса.

— Это волшебное средство, — запела малиновкой Ма Ми, — оно мгновенно снимает боль и простуду. Больше не бу-

дет на Земле насморков и гриппа. Но правительство хочет сохранить монополию. Ни себе, ни людям!

— А при чем тут твой папа? — спросила Алиса.

— А он смог достать у знакомого астронавта несколько корешков корионга, но корионг растет страшно медленно. И никакие удобрения не помогают. А тут со мной случилось удивительное приключение. Я очень люблю путешествовать. Несколько месяцев назад я взяла рюкзак и отправилась пешком по Италии. И знаешь, что случилось? Никогда не догадаешься. Меня сшибла машина, и я чуть не погибла. К тому же потеряла память. Меня выхаживали в клинике одной итальянской графини. Потом я ей помогала и вела ее переписку. Так я узнала, что в пустыне Такла-Макан живет старый китайский ученый, который изобрел излучатель... Ты об этом знаешь? — Вдруг Ма Ми спохватилась — видно, вспомнила, при каких обстоятельствах познакомилась с Алисой, и закончила словами: — Впрочем, ты и так все знаешь.

— Я знаю, что вы с Ларсеном украли излучатель и самого профессора! — сказала Алиса.

— Ты права, — вздохнула Ма Ми и отхлебнула из третьего стакана виски. — Когда папа нашел меня в Италии, я рассказала ему все, что знала о профессоре, и папа приказал: «А ну-ка, немедленно достань мне излучатель! Мы сможем выращивать корионг!» Конечно, я не хотела причинять зла профессору, но поним ла, что, если мой папа срочно не достанет денег, чтоб улететь с Земли, мы все обречены. И мне надо было решать, кого я больше люблю — своего единственного папу или совсем чужого мне древнего старикашку? И я выбрала папу!

Ма Ми ткнула погасшей сигарой в грудь Алисе, словно кинжалом.

— Погоди, — остановила ее Алиса. — Но как же вам удалось проникнуть к профессору?

— Проще простого! Ведь профессор знал меня в лицо, я не раз вела с ним переговоры от имени синьоры Серафины. Он как-то показывал мне маленький излучатель. Может быть, он даже любил меня!

— И ты этим воспользовалась?

— Разумеется. Это и называется военной хитростью. В полночь, когда дул ветер и шел дождь, я позвонила ему в ворота. Старик спал. На этом и строился расчет. Когда я позвонила, он соскочил с постели, включил экран внешнего наблюде-

ния и увидел, что я стою у ворот, одна, сиротливая, под дождем. «Что случилось?» — крикнул профессор. «У меня к вам срочное дело от синьоры Серафины! — ответила я. — Впустите меня». — «А где твой флаер?» — спросил старик. «Он остался там...» Я показала назад, в темноту. «Сейчас, — сказал старик, — я сейчас открою, потерпи...»

Конечно же, этот старый дурень открыл ворота, я вбежала внутрь, но не дала им закрыться, чтобы Нильс смог проникнуть следом за мной. Старик вышел к дверям дома. Он был встревожен. Я бросилась к нему, как будто была очень взволнована и испугана. Я держала его руки, а Нильс легонько двинул его по голове, затем связал и вкатил двойную порцию снотворного. Потом мы начали искать малый излучатель. Почти час на это ушло! Нашли его в запертом нижнем ящике письменного стола.

— Но зачем вы увезли и профессора?

— Чтобы быть уверенными в том, что излучатель будет работать. Правда, это оказалось излишним. Излучатель отлично работает!

— Тогда отпустите профессора!

— Поздно. Он же знает нас в лицо. Он знает, как отыскать нашу пещеру. Нет, к сожалению, он обречен... как и ты, Алиса.

— Вы подвергаете опасности жизнь великого человека!

— Такой старичок никому не нужен. Пора уступить дорогу молодежи. — Тут Ма Ми лукаво улыбнулась: — По крайней мере, пока он у нас, они не посмеют бомбить.

— Я хочу увидеть профессора! — попросила Алиса.

— Я как раз хотела тебя к нему отвести, — ответила Ма Ми. — Вам будет лучше вместе. Я думаю, что идея моего папы бросить твой трупик у флаера глупая. А ты как думаешь?

Ма Ми поднялась на ноги и, пошатываясь, открыла дверь. Алиса никогда еще не видела пьяной такую молоденькую девушку.

Ма Ми вышла из комнаты и почти бегом довела Алису до обширной, размером с футбольное поле, пещеры. Сверху спускались мощные прожекторы, которые заливали ослепительным светом зеленый покров поля, разделенного на квадраты. Поливальные устройства, медленно поворачиваясь, орошали плантацию струями воды.

Недалеко от входа в пещеру находилась башня, похожая на вышку для прыжков в воду. На ней стояла группа людей в

белых халатах. Один из них держал в руке малый излучатель профессора Лу Фу и поводил его лучом так, чтобы свет падал на растения.

— Здесь мы разводим корионг, — с гордостью произнесла Ма Ми. — За один день это благородное лекарство выросло в десять раз. Ты не поверишь, Алиса, но еще вчера эти растения лишь на сантиметр вылезали из земли. Через неделю мы сможем собрать самый крупный в Галактике урожай этого лекарства. Тогда мы с папой продадим его в аптеки, соберем наш скромный багаж и улетим на какую-нибудь тихую планету, где папа будет кушать, а я продолжу медицинское образование, чтобы потом ухаживать за больными детьми.

Алиса уже знала, что сладкая Ма Ми опять лжет. Корионг не лекарство, а страшный наркотик, и если папаша Маун Джо сможет продать его, то нависнет угроза над жизнью многих тысяч людей.

— Теперь ты понимаешь, Алисочка, почему мне придется тебя убить? Ты слишком много знаешь. Но я придумала для тебя смерть поинтереснее, чем мой необразованный папа. Я хочу, чтобы от тебя не осталось следа!

И тут Алиса всерьез испугалась. Черные непроницаемые глаза милой девушки Ма Ми казались пустыми и бездонными. За ними не было души. Как страшно, подумала Алиса, что обыкновенная девочка превратилась в такое бессовестное и безжалостное существо. Никакой пощады от Ма Ми ждать не приходилось... В этом виновата сама Алиса. Потому что решила, будто сможет одолеть опытных и жестоких преступников, и кинулась освобождать профессора, скрыв свою авантюру от взрослых.

— Мы уберем тебя не здесь, — сказала Ма Ми, будто объясняла Алисе, как дойти до умывальника. — Мы оставим тебя с профессором, и пускай вас убьет его изобретение...

Ма Ми не успела кончить свою пьяную речь, как дверь в оранжерею распахнулась и в ней показались два человека.

Свет в зале был таким ярким, что Алиса сразу узнала этих людей: широко расставив ноги и направив бластеры на Ма Ми и норвежца, в дверях стояли Кора Орват и милый таксист Танин.

— Ура! — закричала Алиса.

Вообще-то она никогда не кричит, но тут особый случай. Ведь Алиса была близка к гибели. К тому же она очень обрадовалась, что таксист Танин жив, а не разбился вместе с флаером.

Ма Ми хотела было вытащить из кобуры бластер, но Танин крикнул:

— Бросай оружие!

Голубой луч бластера пронзил воздух возле головы Ма Ми и задел один из прожекторов, который задымился и с грохотом рухнул на траву. Кора между тем направила свое оружие на тех людей, что стояли на вышке и облучали корионг. Они кинулись бежать и в мгновение ока скрылись в темной пещере, с входом в которую была соединена верхушка башни.

— У них излучатель! — крикнула Алиса.

— Ничего, они от нас не уйдут! — ответила Кора. — Где профессор?

— Не знаю.

— Стой! — Крик Танина относился к Ма Ми и норвежцу, которые хотели было убежать. Таксист приказал им поднять руки. Кора подошла и, обыскав их, отняла оружие.

Танин все время оглядывался, особенно внимательно он следил за вышкой, опасаясь, что там могут появиться боевики генерала.

— Ведите нас к профессору! — приказал Танин.

— Слушаюсь, — поспешил согласиться высокий норвежец. Он очень боялся, даже дрожал, но Алиса подумала, что, скорее всего, он старался казаться более испуганным, чем был на самом деле.

Ма Ми обернулась к Танину и сказала голосом хорошо воспитанной девицы:

— Танин, я так рада, что ты жив. Я переживала, что ты разбился.

— Спасибо, Ма Ми, — ответил таксист. — Но я подозревал, что твои молодчики постараются меня сбить. И когда увидел, что из горы вылетела ракета, я тут же катапультировался. Так что мое дорогое старое такси закончило свою жизнь без меня.

— Мерзавец! Негодяй! — крикнула Ма Ми, выдав свои настоящие чувства.

— Не волнуйся, крошка, — сказал Танин и тут же пояснил Алисе: — Когда Ма Ми была маленькой, а ее папаша еще не был генералом, а просто разбойничал в горах, Ма Ми жила у своей двоюродной тетки в соседнем со мной доме. И я катал ее на своем такси.

— К счастью, я забыла об этом! — заявила Ма Ми.

Ведомые норвежцем, они миновали ярко освещенный зал и ступили в длинный коридор.

— Далеко еще идти? — спросила Кора.

— Недалеко! — раздался голос сверху — из микрофона в потолке.

Алиса узнала голос маленького генерала.

— Вы уже пришли! — воскликнул генерал и разразился пронзительным хохотом.

Алиса догадалась, что они угодили в ловушку, но не сразу поняла, что же случилось...

В это мгновение свет в коридоре погас, камни под ногами раздвинулись, и все они — Алиса, Кора и Танин — провалились вниз.

Они упали метра на три в глубину, ушиблись, но, к счастью, ничего не сломали. Пока они пытались подняться, на них сверху упала какая-то сеть. Алиса попробовала встать, но сеть опутала ее руки и ноги. Рядом возились так же опутанные, как и она, Кора и Танин.

Вдруг сеть натянулась, ее узлы и веревки больно врезались в тело — сеть потащили по полу вниз.

От темноты и боли Алиса потеряла ощущение времени. Долго ли их волокли, куда, зачем, — она так и не поняла.

Затем движение прекратилось. Рядом стояли люди.

Слышен был голос норвежца, который отдавал приказания. Алиса почувствовала, как быстрые грубые руки обыскивают ее. Звякнул металл — Алиса догадалась, что обыскивают и обезоруживают ее спутников.

— Все? — спросил норвежец.

— Оружия нет, — ответил другой голос. — Передатчиков и «жучков» — тоже.

— Тогда веди их в клетку.

* * *

— Как неладно все получилось! — пробормотала Кора. — Мы ведь думали застать их врасплох и не предупредили комиссара.

— Я увидел, как спускается девушка с неба, выскочил из кустов и кричу ей: нельзя! Убьют!..

— Молчать! — раздался голос сзади.

Кора пошатнулась — ее ударили в спину.

Коридор закончился небольшой комнатой, дальняя часть которой была отгорожена толстыми вертикальными прутьями. За решеткой в клетке, освещенной небольшой лампочкой, стоял стул. На стуле сидел профессор Лу Фу. Одежда на нем была порвана, на щеке кровоподтек, лоб разодран...

— Как вы посмели! — Алиса обернулась к тем людям, что вели их.

Ма Ми выглянула из-за спин охранников.

— Не надо было спорить с нами, — сказала она сладким голоском. — Мой папа не терпит, когда ему возражают. Я бы, конечно, оказала старику все уважение... но что могу поделать я, слабая девушка...

— Говори, говори! — Из узкого бокового хода выскочил маленький генерал на высоких каблуках, золотое шитье на его эполетах отбрасывало сверкающие лучики. — Говори, моя доченька, клевещи на своего папочку! Ты сама стоишь ста таких негодяев, как я!

— Папа, здесь же чужие! Что они скажут, когда вернутся домой?

— Опять врешь! — рассердился генерал Маун Джо. — Ты отлично знаешь, что нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь из них вышел отсюда живым. Нам еще повезло, что эта агентша не догадалась предупредить комиссара, что летит сюда по следам Алисы.

— Я бы не спешила ей верить, папочка, — сказала Ма Ми, — ты же знаешь, какие хитрые эти агенты ИнтерГпола, их специально учат обманывать нас, несчастных честных бандитов.

— Ты думаешь, сюда заявятся полицейские?

— Я почти уверена в этом, папочка.

— Тогда расстрелять их немедленно! Я, кажется, уже приказывал!

— Папа, это неразумно.

— Почему?

— Потому что это старомодно. Так ведут себя самые обычные разбойники. Мы же с тобой цивилизованные бандиты, я даже хочу получить медицинское образование.

— Что же с ними сделать?

— Сколько у нас есть времени, папа? — вопросом на вопрос ответила Ма Ми.

— Я думаю... — Генерал Маун Джо обернулся к Ларсену.

— Если они предупредили комиссара и таиландскую поли-

цию, значит, те уже подлетают сюда... Но что они будут делать дальше?

— Я знаю, — сказала Ма Ми. — Они найдут останки сбитого флаера этого глупого таксиста, который даже погибнуть не сумел как порядочный человек!

— Виноват, госпожа! — Танин заморгал длинными ресницами. И если бы уголки его губ не дрожали, можно было бы подумать, что глупый таксист и на самом деле раскаивается, что не погиб.

— Они тут же начнут искать следы вокруг поляны! — закончила Ма Ми.

— Ну и пускай ищут, — ответил норвежец. — Им потребуется полчаса, чтобы отыскать ход в скалу, еще полчаса — чтобы пробиться внутрь...

— Значит, у нас есть двадцать минут, — сказала Ма Ми.

— Но почему, доченька? — спросил генерал. — Нильс сказал — час!

— По той простой причине, — ответила юная бандитка, — что все лучезарные прогнозы дяди Ларсена надо уменьшать в три раза.

— Значит, у нас двадцать минут?

— Да. И хватит разговоров! — воскликнула девушка. — Немедленно начинайте действовать!

Но действовать не пришлось, потому что в помещение въехал столик на колесах, который толкал перед собой Исмаил. На столике громоздились всевозможные изысканные блюда: колбасы, жареные попугаи, обезьяньи почки в сметане, мусс из крабов и многое другое.

— Где будем дообедывать? — спросил тонким голосом повар.

— Где, где? А черт его знает где! — заорал в ответ генерал. — Я смертельно проголодался. Я могу в любой момент погибнуть. Я не добегу до резервной базы.

И генерал кинулся к тележке.

Ма Ми злобно поморщилась и обернулась к норвежцу:

— Сейчас же подними солдат, чтобы вырывали из земли ростки корионга, складывали в мешки и тащили к секретному выходу к реке. Понял?

— Правильно, моя девочка, — согласился норвежец.

— Чтобы через пятнадцать минут все было кончено и мешки перенесены.

— Слушаюсь.

— Ты же сам возьми все из сейфа. В первую очередь рубины и топазы. Я присоединюсь к тебе у выхода, как только закончу ликвидацию пленных.

— Ты уверена, Ма Ми, что их надо всех ликвидировать? — спросил норвежец.

— И притом бесследно. Чтобы ни одна живая душа не могла связать их гибель с нами.

— Но у нас нет времени их закопать...

— Но у нас есть другой способ, — сказала девушка, — недаром я так интересуюсь биологией. Ваша смерть наступит от естественных причин. — И большие красивые глаза Ма Ми лихорадочно загорелись. — Вас погубит гигантская попорунья.

— Вот именно! — воскликнул генерал, продолжая жевать. — Как забавно!

— Папочка, помолчи, ты меня отвлекаешь! — сердито остановила его Ма Ми. — Если ты будешь меня перебивать, то попорунья полакомится и тобой.

— Как ты можешь так шутить! — ахнул генерал и тут же вгрызся в ножку фазана. Когда он нервничал, его аппетит разыгрывался до безумия.

— Маун Батан, — приказала Ма Ми молодому солдату, — сейчас же принеси сюда излучатель профессора. А ты, Маун Пул, поставь вот здесь треножник. Три человека должны принести кадку с попоруньей. Она стоит на втором складе. Кто знает, как она выглядит?

Солдаты, стоявшие вокруг, послушно бросились исполнять приказания. Оставшиеся в пещере по приказу Ма Ми открыли дверь в клетку, где сидел старик, и втолкнули в нее пленников. Дверь со скрипом закрылась. Ма Ми проверила, надежен ли замок.

— Алиса, — узнал девочку старик. — Ты попала сюда из-за меня?

— Я хотела освободить вас, — ответила Алиса, — но в плен я попала по собственной глупости.

— Мы тоже сами виноваты, — сказала Кора и представилась профессору.

Профессор с трудом сидел на стуле.

— Что они хотят сделать? — спросила Алиса профессора.

Тот не ответил. Он внимательно смотрел, как солдаты внесли кадку, в которой находилось растение, похожее на ветви-

стую елочку. Затем по знаку Ма Ми еще один солдат втащил шланг и включил воду.

— Ах, как жаль! — тихо произнес Лу Фу.

— Что вас расстроило? — спросила Алиса.

— Они подключили воду. Я так надеялся, что они забудут.

— Почему?

— А потому, — ответила весело Ма Ми, которая услышала слова профессора, — что попорунья сейчас будет расти, а когда растешь, всегда хочется пить. Вы поглядите на моего папашу — все время жрет. А то бы помер и оставил мне все драгоценности.

— Но-но! — откликнулся генерал. — Без грубостей, доченька!

Генерал с опаской поглядел на растение в кадке.

Солдаты установили за ним треногу, на вершине которой укрепили малый излучатель профессора Лу Фу.

Ма Ми включила его.

Голубой луч протянулся к корням растения.

— Прощайте, друзья, — сказала Ма Ми, будто пропела. — Прощай, Алисочка. Я успела полюбить тебя... Прощайте, профессор, я прониклась к вам уважением. Прощай, глупый таксист, прощай, неосторожная полицейская ищейка Кора. Никогда мы больше не увидимся. Папаша, поехали отсюда, нам пора сматывать удочки.

И вот Исмаил толкнул тележку — генерал так и не слез с нее, — за ним поспешили Ма Ми и солдаты. Со скрипом закрылась железная дверь. И наступила тишина.

Клетка, в которой находились пленники, представляла собой глубокую нишу в скале, освещенную голой лампочкой. Вертикальными стальными прутьями она была отделена от остальной пещеры. Прямо перед решеткой находилась кадка с попоруньей, за ней — работающий излучатель доброты.

— Ну что ж, — сказала Алиса. — Давайте думать, как отсюда выбраться.

— Боюсь, что мы опоздали, — сказал профессор. — И только я в этом виноват!

Растение, похожее на елку, зашевелилось. На концах колючих ветвей появились как бы ложечки, окруженные мелкими длинными лепестками, словно у китайской хризантемы.

— Вот это и есть присоски попоруньи, — сказал профессор.

— Что за присоски? — спросила Кора.

— Попорунья — страшный хищник, который живет в самых недоступных болотах. Счастье, что это растение невелико, но оно питается кровью и мясом животных. Говорят, что когда заяц или белка попадают в его объятия, то от них ничего не остается, ровным счетом ничего.

Танин отступил, глядя, как ожили, покачиваясь, хризантемы и начали клониться к прутьям.

— Какая гадость! — воскликнула Кора. — Я всегда не любила комаров. И червяков тоже...

Ветки попоруньи оказались гибкими, живыми, подвижными...

— Излучатель вызывает к жизни каждую клетку этого чудовища, все в нем бешено растет, торжествует, — сказал профессор. — И боюсь, что мы не в силах остановить это создание природы. О горе, я убил невинных девушек!

Ко всему попорунья испускала неприятный трупный запах, казалось, что она сожрала весь воздух в пещере и стало нечем дышать... Ветви с хризантемами на концах уже проникли в клетку. Кора протянула руку, чтобы оборвать хризантему, приблизившуюся к ее лицу, но Танин закричал:

— Не смей до нее дотрагиваться! Она обжигает!

Вся решетка была густо заплетена ветками попоруньи, словно клумба хризантем встала вертикально, отрезав людей от мира.

— Скорее бы комиссар... — сказал Танин, задыхаясь. Он отстранил Алису и старика и приказал им: — Прячьтесь в угол.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Пока этот цветочек будет пожирать меня, — сказал таксист, — Милодар может успеть вам на выручку.

— Эй! — закричала Кора. — На помощь! Мы здесь!

Но звуки натыкались на зеленую стену, на белые хищные цветы и умирали...

Жадные тонкие щупальца хризантем отогнали пленников к дальней стене. Единственным их орудием был стул, на котором раньше сидел профессор. Именно этим стулом Танин пытался отбиваться от ветвей хищника. Но прошло еще несколько минут — и стало ясно, что отступать дальше некуда. Вот первая из хризантем, решительно отведя в сторону стул, дотронулась до руки Танина.

— Нет! — закричала Кора и попыталась оторвать щупальца от руки молодого человека.

— Не надо! — откликнулся Танин. — Смотри!

И тут Кора, а за ней и Алиса увидели, что цветы попоруньи, дотронувшись до кожи людей, не обжигали и не пронзали ее, а лишь трогали и даже как будто гладили их.

— Смотрите! — вскрикнул профессор. — Они потеряли агрессивность.

Стоять в клетке было все труднее, потому что ветви и цветы попоруньи заполонили все свободное пространство и шевелились, трогали, щекотали пленников, будто хотели познакомиться.

— Они нас не жалят! — сказал Танин.

Алиса даже осмелилась погладить хризантему, и та, широко раскрывшись, прижалась прохладными лепестками к ее руке.

— Это похоже на чудо, — произнес профессор.

И тут издали, как сквозь вату, донеслись голоса.

— Где они могут быть? — спросил женский голос.

— Не подходите! — откликнулся мужской голос. — Это попорунья. Она смертельно опасна.

— На помощь! — закричала Кора. Потом она сунула два пальца в рот и засвистела так, что попорунья съежилась и ее хризантемы, толкаясь, попытались выбраться из клетки.

— Давно бы так, — проворчал Танин.

— Попорунья сожрала их! — послышался уже близко женский голос, и Алиса узнала графиню Беллинетти.

— Ничего подобного, — ответил мужской голос. — Никто не умеет так свистеть, как мой агент Кора Орват. Как только она перестанет свистеть, тогда и убеждайте меня в ее смерти.

— Мы живы! — крикнула Кора.

— Слышу, — отозвался мужской голос. — Здесь Милодар. Вызываю огнеметы для уничтожения этой нечисти.

— И не вздумайте! — крикнула в ответ Кора. — Лучше дайте нам ключ от клетки, и мы выйдем сами.

— Но она нас сожрет, — сказал комиссар.

— Нет, не сожрет! — закричала Алиса. — Неужели вы не понимаете, что, пока работает излучатель доброты, это растение не может нас есть! Оно вообще не может нападать на живые существа. Не выключайте излучатель.

— Чепуха! — воскликнул комиссар.

— Девочка права, — сказал слабым голосом профессор. — Она совершенно права.

— Я отобрал ключ у Нильса Ларсена, — услышала Алиса голос следователя Лян Фуканя. — Сейчас я открою клетку...

— Ой, куда вы идете! — закричала графиня.

— Пока работает излучатель, — ответил следователь, — мне нечего опасаться.

Раздвинув ветви, следователь подошел к решетке и открыл замок.

Пленники один за другим вышли сквозь зеленую живую завесу. Последним шел Танин, поддерживая старика.

— Какое счастье, — сказал он, — что при виде попоруньи вы не стали ее жечь и уничтожать — тогда бы и нам не поздоровилось.

— Но я не могу этого объяснить, — сказала графиня Беллинетти. Ее буйные волосы волнами стекали на плечи. — Почему растение изменило свои привычки?

— Потому что оно получило запас доброты и откликнулось на лучи таким образом, — сказал Танин. Глупый таксист переменился. Как будто подтянулся и стал выше ростом.

Заметив удивленный взгляд Алисы, он негромко сказал:

— Давай познакомимся. Капитан Танин Каничон, старший инспектор таиландской полиции.

— Так вы все знали с самого начала?

— Нет, не все, — улыбнулся Танин. — Но ждал связи с Корой Орват.

— Вы знали, что Милодар предупрежден?

— Да, мы должны были оттянуть время, принять огонь на себя, пока добирается комиссар с отрядом.

— Но мы не подумали, — сказал комиссар, — что эта девочка Ма Ми окажется такой злобной и безжалостной.

— Ее еще можно перевоспитать, — сказала графиня. — Если вы позволите, я возьму ее к себе в клинику. Я думаю, еще не поздно сделать из нее хорошего медика.

— Под вашу ответственность, — буркнул Милодар. — Но я буду наблюдать за вашей клиникой — как бы она не натворила там дел.

— Надеюсь, что и попорунью вынесут отсюда? — спросил профессор. — После того как она нас пощадила, было бы жестоко оставить ее здесь погибать.

— Сделаем, — улыбнулся Танин. — Только не советуем подходить к ней после того, как будет выключен излучатель.

Профессор Лу Фу покачнулся, но Кора успела подхватить его. Милодар вызвал санитаров, и вскоре профессор летел на флаере в Бангкок.

Остальные вышли из убежища в скале и остановились на берегу реки.

— Возвращайтесь по домам, — приказал Милодар. — Дальше мы разберемся без вас.

— А где Ма Ми? — спросила Алиса. — Ее не поймали?

— Не скажу, — ответил Милодар. — Потому что, если тебе сказать лишнее, ты сразу бросишься искать приключений. А когда ты погибнешь, что я скажу твоим родителям?

— Что я немного опоздаю к обеду, — отозвалась Алиса. — Так где же Ма Ми?

Комиссар ответил не сразу. Сначала он переварил шутку Алисы, потом сказал:

— Тебя бы отправить в дом для трудновоспитуемых подростков. Ты нам чуть не сорвала операцию.

— Комиссар, — Кора Орват обняла Алису за плечи и прижала к себе, — пожалуйста, не придирайтесь к моей помощнице. Алиса с честью прошла испытания на профессию сыщика.

— Ничего подобного, — ответил комиссар, — она только путалась под ногами.

Алиса хотела ответить... и сказать все, что думает об этом Милодаре! И тут увидела, что комиссар смеется. Пришлось и ей засмеяться. Потом она спросила:

— А где Ма Ми?

— Я готов тебя убить! — заявил комиссар. — Поймаем мы твою Ма Ми. Сейчас берут их резервную базу. Хочешь с ней встретиться?

— Нет, спасибо.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я хочу быть уверенной, — ответила Алиса, — что профессору ничего больше не угрожает.

— Я клянусь, что это именно так! — ответил Милодар.

— А где излучатель? — спросила Алиса.

— Здесь.

— Дайте его мне. Я вылетаю в оазис профессора.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Милодар.

— Алиса права, — сказала Кора Орват. — И я лечу с ней. Мы должны возродить оазис к возвращению профессора. Я не могу допустить, чтобы столетие такого замечательного ученого праздновалось в пустыне. К тому дню сад будет вновь цвести и плодоносить.

ДЕТИ ДИНОЗАВРОВ

Глава 1

Алиса пришла домой, закрылась у себя в комнате и наговорила такое письмо своему старому врагу Крысу:

«Планета «Секретное логово пиратов».

Пирату Крысу.

Уважаемый Крыс!

Надеюсь, что ты меня помнишь. Ведь мы с тобой немало враждовали в прошлом. Но, насколько мне известно, вы с Весельчаком У во многом пересмотрели свои взгляды и исправились. Если вам еще не надоело жить честной жизнью и вы не покинули свое секретное логово, ты не откажешь мне в маленькой просьбе.

Но прежде я должна рассказать, почему прошу твоей помощи.

К нам на биологическую станцию пришел один израненный студент и рассказал ужасную историю.

Оказывается, он недавно побывал на далекой и почти неоткрытой планете-заповеднике Стеговия. На этой планете жизнь развивается медленнее, чем на Земле, и поэтому там еще живы существа, которые на Земле давным-давно вымерли. Но сейчас всем этим существам грозит страшная опасность: планета под влиянием землетрясений изменила орбиту и начала удаляться от своего солнца. Климат катастрофически меняется. А все пресмыкающиеся и земноводные, которые там живут, не приспособлены к холодам. Они вот-вот вымрут, и планета станет пустынной.

Студент, который все это нам рассказал, прилетел на Стеговию, чтобы изучить обстановку и понять, как помочь тамошним животным. Но животные встретили его как злейшего врага. Оказывается, недавно на той планете побывали брако-

ньеры, которые охотились на динозавров из-за их красивых шкур и рогов, а также собирали яйца ящеров. Теперь животные планеты Стеговия боятся людей и ненавидят их. Так что наш друг студент, который не знал о браконьерах, чуть не погиб, когда на него напали динозавры. Он еле унес ноги с планеты. Он обратился в Службу охраны галактической природы, и они поставили экспедицию на планету Стеговия в план второго квартала будущего года. У службы охраны много планет, которые надо защищать и охранять.

Теперь ты понимаешь, Крыс, что мы с Пашкой Гераскиным решили сделать. Мы немедленно летим на планету Стеговия и постараемся хоть кого-то спасти. Но для того, чтобы это сделать, нам надо принять вид каких-то местных существ. Ведь мы не можем прилететь туда в человеческом облике.

Дорогой Крыс! Я знаю, что вы с Весельчаком У умели раньше принимать облик любого живого существа и из-за этого причинили нам с папой много неприятностей. Я думаю, что теперь, когда вы живете на пенсии, вам не нужны средства для изменения внешности. Не можешь ли ты поделиться со мной этим секретом? Я была бы благодарна. А уж как будут тебе благодарны драконы, динозавры и тритоны планеты Стеговия, трудно вообразить.

Пожалуйста, не откажи мне в просьбе.
Твоя Алиса Селезнева».

Видеописьмо получилось размером с почтовую открытку. Алиса кинула его в почтовую трубу, которая находилась в коридоре, возле входной двери. Почтовый ящик щелкнул, принимая письмо, и Алиса представила себе, как оно, превратившись в точку-сигнал, улетело в Галактику. Для почты нет секретов и нет секретных планет. Завтра письмо уже попадет в логово к космическим пиратам, если, конечно, им не надоело быть хорошими и они не отправились в новый бандитский налет.

Отправив письмо, Алиса вышла из дому, добежала до угла, где была стоянка флаеров, и, взяв машину, полетела в Польшу, где недалеко от города Вроцлава жили ее друзья — необыкновенная женщина Ирия, ее муж Тадеуш и дочка Вандочка. Ирия Гай — инопланетянка и конструктор космических кораблей. Только она больше любит готовить обеды, солить грибы и варить варенье. Еще она обожает лечить от всех настоящих и будущих болезней своего любимого мужа, космического биолога Тадеуша. Она рада была бы с утра до вечера лечить и свою маленькую Вандочку, но не тут-то было.

В саду дома под Вроцлавом стоит небольшой, похожий на яйцо с руками космический корабль Гай-до. Его построила Ирия Гай.

Гай-до считает себя братом Ирии, а порой готов заменить ей родителей. Гай-до — лучший в Галактике разумный космический корабль. Но когда он не летает, он заботится о Вандочке и не дает маме Ирии перекармливать, перелечивать и перетискивать ребенка.

Алиса опустилась в саду за домом Тадеуша и, оставив флаер, пошла к зарослям морозоустойчивого бамбука, где скрывался от чужих взоров корабль Гай-до. Когда она вышла на лужайку, то увидела чудесную картинку.

Вандочка училась ходить, держась за длинный металлический палец Гай-до. Девочка смеялась, и корабль булькал, изображая смех.

— Здравствуйте! — громко сказала Алиса. — Неужели мы уже умеем ходить? Ведь Вандочка только что родилась.

— Время! — ответил ей космический корабль. — Неумолимое время покрывает серебром наши волосы, сгибает наши ноги и насылает на нас болезни. Молодые растут, а старики сгибаются под тяжестью лет.

— Кто же здесь старик? — удивилась Алиса. — Кто здесь согнулся под тяжестью лет?

Маленькая девочка выпустила металлический палец, сделала несколько шагов, упала в траву и заплакала.

— Что ты наделала! — возмутился корабль. Его открытый люк казался плачущим ртом. — Ты чуть не загубила нашу крошку.

Корабль схватил девочку своими длинными манипуляторами и бережно, словно стеклянную, перенес внутрь себя.

Только он успел это сделать, как на дорожке показалась красавица с распущенными волосами, в коротком халатике и с поварешкой в руке. Это была Ирия Гай.

— Почему ребенок плачет? — закричала она.

— Ребенок уже не плачет, — с достоинством ответил корабль. — И я ни в чем не виноват. Девочку испугала твоя подруга Алиса.

Вообще-то Гай-до не доносчик. Но в тот момент он перепугался, что у него отнимут воспитанницу.

Ирия заглянула внутрь Гай-до и увидела, что ее дочка невредима. Она сидит на полу и играет в кубики. Тогда она обернулась к Алисе и сказала:

— Прости, Алиса, я не заметила, как ты прилетела. Я так была занята лимонным пирогом! Пошли на кухню, а то у меня все сгорит.

На кухне все было в порядке, ничего не подгорело. Алиса расспросила Ирию, как живет и чувствует себя ее семья, а Ирия поведала ей о том, что у Тадеуша вчера был насморк, Вандочка по недосмотру этого Гай-до оцарапала коленку, а сам Гай-до подвергся нападению стаи голубей, которые его всего изгадили. Алиса послушно внимала молодой женщине, а между делом пробовала пирог.

Вдруг Ирия спохватилась:

— А почему ты прилетела? У тебя неприятности? Что-то случилось? Кто-то заболел? Говори честно, ничего не утаивай.

— Честное слово, все здоровы, а мы с Пашкой Гераскиным собираемся на планету Стеговия, где живут динозавры и ископаемые драконы.

— А кто из взрослых с вами полетит? — спросила Ирия.

— Пока никто, — сказала Алиса, которая ждала такого вопроса.

— Ты с ума сошла! Вас там разорвут и затопчут!

— Ирия, миленькая, ты же знаешь, что мы с Пашкой были в разных переделках и всегда выходили сухими из воды.

— Это бывает до определенного момента, — возразила Ирия. — Нет, я вас не отпущу!

— Но ты же не можешь лететь с нами. И Тадеуш занят...

Алиса сделала вид, что рассуждает вслух. На самом деле она искусно направляла мысли Ирии. К счастью, Ирия этого не замечала.

— Тогда... — произнесла она. — Тогда я пошлю с вами Гай-до.

— О нет! Он так нужен дома! Он же учит Вандочку ходить.

— Вот именно этого ему делать не следует! — возразила Ирия. — Я обойдусь без него. А старичку пора прокатиться, понежиться в вакууме, окунуться в черные дыры и повертеться в бурных атмосферах.

— Ой, я не уверена! Он, наверное, все забыл! — сказала Алиса, стараясь сдержать улыбку.

И тут в разговор вмешался Гай-до, который до этого молчал.

— Я ничего никогда не забываю, — заявил он. — У меня абсолютная память.

— Вот и договорились! — поспешила сказать Алиса, пока кто-то из них не передумал. — На днях мы летим в космос!

— Погоди, погоди! — воскликнул Гай-до. — А как же Вандочка?

— Хватит прохлаждаться. Займись профилактикой, — приказала Ирия. — Если найдешь в себе неполадки, сообщи мне до нуля часов. Сегодня ночью я приведу тебя в порядок.

Корабль вздохнул, потом спросил:

— А надолго лететь?

— На несколько дней, — ответила Алиса. — Всего на несколько дней. Но путешествие будет опасным.

— Тогда я согласен, — ответил корабль.

Глава 2

Через два дня Алиса получила видеописьмо.

Когда она развернула его, на листе пленки появилось не очень приятное, зато похожее лицо бывшего космического пирата Крыса, который ушел на пенсию и занимался музыкой.

«Здравствуй, Алисочка! — сказал пират. — Как приятно было получить от тебя письмо! Мой друг Весельчак У говорит, что чем дольше мы с ним будем честными пенсионерами, тем больше писем будем получать. Ты спрашиваешь, каким образом мы научились менять свою внешность? Это страшная тайна. Но тебе мы ее можем открыть. Как-то, много лет назад, еще будучи молодыми шакалами космических трасс, мы с Весельчаком попали на планету Синий Воздух. У нее есть другое официальное название, но местные жители называют ее именно так. Мы собирались немного пограбить и побаловаться там, но по молодости лет не рассчитали своих сил и попали там в тюрьму. Мы думали, что нам пришел конец, но у них как раз тогда проходил всепланетный театральный фестиваль. Жители Синего Воздуха — ужасные любители разных зрелищ, оркестров, театров и балетов. Ну и вот — сидим мы в тюрьме, обливаемся слезами, проклинаем нашу судьбу-злодейку, как вдруг двери темницы раскрываются, и нам говорят: «Выходите, голубчики, у нас амнистия, потому что мы все идем в театр». Такие вот «чайники» живут на той планете. Значит, выпустили нас на свободу и приказали на прощание идти с ними в театр. Нам что, мы согласились. И тут мы увидели такую вещь, что удивились на всю жизнь...»

Лицо Крыса на экранчике письма сморщилось от смеха. Теперь он был больше похож на ящерицу, чем на крысу. Но Алисе не было противно смотреть на него. Она уже привыкла к этой физиономии. У Крыса ведь тоже была мама, подумала она. И хоть мама Крыса не отличалась хорошим характером, ее мальчик ей казался красивым. Так думают все мамы, даже крокодилов.

«Представляешь, там была одна артистка, вполне приличная. Она все кричала, била себя в грудь, переживала, а эти синевоздушники хлопали в ладоши и кричали ей: «Давай еще!» Выходим мы с Весельчаком после спектакля на улицу и видим: вокруг нас каждая вторая женщина — ну точная копия той артисточки! Мы сначала думали, что рехнулись, не может того быть! Но нам объяснили, что на Синем Воздухе есть такая травка, из нее делают пилюли. Как примешь пилюлю, можешь превратиться в кого желаешь. Эти чудаки придумали ей самое глупое применение — они превращаются в тех людей, кого любят. Мало им того, что на выборах президента половина планеты ходит в виде одного кандидата, а половина планеты в виде его противника. Мало того, что возлюбленные превращаются на свиданиях друг в друга, чтобы доказать свою любовь. Но после каждого концерта полгорода принимает вид какого-нибудь барабанщика. Правда, у них довольно строгие правила — если ты воспользуешься этой травкой во вред окружающим, для преступления или даже для злой шутки, то тебя жестоко наказывают. Знаешь как? Тебе делают укол, после которого травка уже никогда на тебя не подействует. Для них это просто трагедия. Привыкают изменяться, а тут ходи всю жизнь таким, какой есть!

Но мы с Весельчаком У были не такими воспитанными, как жители Синего Воздуха. Мы взломали в ту же ночь одну аптеку и взяли ящик пилюль. Нам на всю жизнь хватило! У нас и сейчас еще осталось, но немного. Мы бы рады тебе прислать, но пойми нас правильно. Дружба дружбой, а денежки врозь. Мало ли, что еще в жизни случится, а мы не хотим оставаться без пилюль. Так что тебе придется самой слетать на Синий Воздух и попросить у них лекарства для своих дел. Не обижайся, такова жизнь! А если захочешь к нам заглянуть, милости просим. Тарелка супа для тебя всегда найдется. Я купил новый барабан, и его удары слышны на другой стороне нашей планеты.

Твой старый и злейший друг
капитан Крыс».

Алиса позвонила Пашке Гераскину.

— Ну как? — спросил ее друг. — Получила ответ от Крыса?

— Да. Он рассказал, где раздобыл средство менять облик, но не захотел с нами поделиться.

— Узнаю старого пирата, — сказал Пашка. — Не хочет расставаться со своим испытанным оружием. А на той планете нам это средство дадут?

— Крыс уверяет, что средство добывают из травы, которая растет на планете Синий Воздух. Ты слышал о такой планете? Там очень любят искусство.

— Погоди, — сказал Пашка. — Сейчас свяжусь с рок-джампменом Габриэлем Федоренко. Он недавно вернулся с гастролей. Кажется, он мне говорил о такой планете...

Пашка оказался прав. Через полчаса он перезвонил Алисе и сказал, что отыскал Габриэля на репетиции и тот признался, что только что возвратился с планеты Синий Воздух, и даже передал Пашке по пневмопочте удивительную фотографию. На большой фотографии стояло в ряд примерно пятьдесят человек, все — точная копия Габриэля Федоренко. А внизу было подписано: «Угадай, кто из них — я?»

Значит, Крыс был прав. Травка существовала.

На следующее утро Алиса и Пашка сообщили своим родителям, что срочные дела требуют их отлета с Земли на неделю, но что они задерживаться не будут и к началу занятий в школе не опоздают.

После этого друзья вылетели к Вроцлаву, где их уже ждал корабль Гай-до.

Как Ирия и обещала, она привела в порядок Гай-до. Тот был заправлен топливом, и холодильник его был полон продуктов, потому что никто не знал, есть ли продукты на замерзающей планете. Гай-до был взволнован, он распевал боевые марши и хлопал в ладоши манипуляторами. Но в последний момент, когда все уже было готово к отлету, он вдруг загрустил и сказал, что не может расстаться на целую неделю с крошкой Вандочкой и поэтому никуда не полетит.

Тут уж Ирия вышла из себя:

— Если ты не можешь держать своего слова и превратился из корабля в сумасшедшую бабушку, оставайся дома! Ржавей и рассыпайся! Но учти, что я никогда не подпущу близко к моей дочке такую истеричку! Понял?

Гай-до молчал целую минуту.

Потом вздохнул и произнес:

— Понял... я шутил, госпожа! Конечно же, я все сделаю для моих юных друзей. А ты уж позаботься о Вандочке, пока меня не будет.

Глава 3

Знаменитый космический археолог Громозека похож на слона с щупальцами вместо рук. Глаз у Громозеки ровно восемь, и они окружают его голову так, что ему не надо ее поворачивать, чтобы поглядеть назад. На голове Громозека носит кубанскую папаху, которую ему когда-то подарил Алисин папа, профессор Селезнев.

Знаменитый космический археолог Громозека стоял перед гигантской ямой, откуда исходило зеленое сияние, — там на глубине десяти метров его экспедиция только что обнаружила древнюю ванну, вырубленную из одного кристалла изумруда. Кристалл был размером с паровоз и сиял так, что небо над ним стало зеленым.

Громозека, открывший такое чудо совершенно забытой цивилизации на совершенно необитаемой планете, никак не мог решить, то ли ему вывезти ванну в Галактический центр, чтобы все жители Галактики могли ею полюбоваться, то ли сделать на этой необитаемой планете специальный музей, чтобы сюда прилетали туристы. Правда, эта необитаемая планета прячется между звезд на окраине Галактики, и вряд ли многих туристов удастся сюда завлечь.

Помощники Громозеки, собравшиеся в экспедицию с разных планет — розовые, зеленые, трехногие, одноногие, с хоботами, носами, клювами, все как на подбор мелкие, втрое ниже Громозеки, но шустрые и деловые, — столпились вокруг и громко восхищались красотой и редкостью находки.

Со стороны навеса, где стоял обеденный стол и хранились редкие черепки, медленно ехал автопогрузчик, чтобы извлечь из ямы ванну.

В этот момент браслет на одном из щупальцев Громозеки заговорил голосом диспетчера:

— Профессор Громозека, корабль Гай-до просит разрешения на посадку. Что делать?

Вопрос был не праздным. Дело в том, что когда археологи

раскапывают мертвую планету, то посадка туристов или вообще посторонних существ там обычно запрещается. И не только потому, что туристы могут нечаянно утащить или сломать какую-нибудь находку. Известны случаи, когда в древних слоях, открытых археологами, таились опасные вирусы или даже замерзшие под землей насекомые и гады.

Правда, здесь этого не наблюдалось, но осторожность никогда не мешает.

— Гай-до! — воскликнул профессор Громозека. — Мне знакомо это слово. Я подозреваю, что меня решила навестить моя любимая подруга Алиса. Немедленно вытащить ванну наружу! Я хочу, чтобы Алисочка полюбовалась нашей находкой. Кроме того, прошу накрыть столы. Все самое вкусное — моей подруге!

На пустынной планете началась страшная суета, потому что все археологи Вселенной скучают без гостей и любят их принимать. А тут, оказывается, приближается знаменитая Алиса Селезнева, о которой написано столько книг и снято столько фильмов!

Похожий на яйцо космический корабль Гай-до пронесся над планетой и мягко опустился рядом с раскопками. Его тень упала на изумрудную ванну, а ее отблеск озарил бок корабля.

Люк открылся, и из корабля вышли два человека.

Совершенно незнакомые археологу Громозеке.

Невысокого роста человек с бакенбардами поддерживал под локоть высокую красавицу с томными глазами. Черноволосый человек был облачен в темный костюм с высоким стоячим воротником. В свободной руке он держал странного вида высокую черную шляпу, которая раньше называлась цилиндром. Красавица же была одета в длинное, до земли, платье, и ее плечи были обнажены.

— Театр приехал! — пискнул какой-то лохматый практикант.

Но Громозека, который отлично разбирался в людях, сразу сообразил, что эти гости — не актеры.

— Добро пожаловать, — произнес он, пуская две струи дыма из ноздрей и прикрыв передние глаза. — Должен признаться, что я ожидал прилета моей дорогой подруги, но раз прилетели вы, я тоже рад.

— Большое спасибо, профессор Громозека! — сказала кра-

сивая дама. — Мы знали, что можем рассчитывать на ваше гостеприимство. Ах, что это?

Дама увидела изумрудную ванну. Она была потрясена.

— Это изумрудная ванна, — сказал Громозека, — ей по крайней мере три тысячи лет, а она выглядит как новенькая.

— И в ней можно мыться? — спросила дама.

— Мыться? — Громозека растерялся. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то захочет мыться в памятнике древнего искусства. — Может быть, может быть... А кто вы будете?

— Простите, что мы не представились, — сказал невысокий черноволосый мужчина. — Моя фамилия Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин, знаменитый русский поэт. А это — моя любимая жена Наталия Николаевна. Из-за нее меня убили на дуэли.

Услышав столь странную фразу, помощники Громозеки загомонили на разных языках. Они испугались, что к ним пожаловали привидения.

Чей-то пронзительный голос завопил:

— Мы не потерпим мертвяков! К нам уже лезли мертвяки, мы их всех выгнали.

— Мы не мертвяки, — с достоинством ответила Наталия Николаевна.

— Значит, вы живые? — спросил растерянный Громозека.

— С одной стороны, — задумчиво произнес поэт Пушкин, — меня убили больше двухсот лет назад. С другой стороны, вы можете меня пощупать и убедиться, что я совершенно теплый и мягкий. То же относится и к моей жене Наташе, только я обычно не позволяю другим мужчинам ее трогать.

Археологи ничего не понимали и стояли вокруг, разинув рты. Но и гости ничего не хотели объяснить.

Громозека, который все еще старался изобразить из себя гостеприимного хозяина, спросил:

— Может быть, вы хотите позавтракать?

— Как, Наташа? — спросил Пушкин.

— С удовольствием, — ответила его красавица жена. — Но сначала я должна принять ванну. Спасибо господам археологам и гробокопателям, что они принесли ванну. Я попрошу сделать вокруг нее занавеску и согреть воду. Я буду сегодня принимать изумрудную ванну. Мне врачи рекомендовали изумруд от зубной боли.

Громозека растерянно задышал дымом и принялся чесать

свои толстые бока когтями, которыми заканчивались его щупальца. Он не знал, как объяснить странным гостям, сразу ископаемым и живым, что археологические находки нельзя использовать по прямому назначению. А вдруг они сломаются? Нет, место им в музее.

— Что же вы молчите? — удивилась жена Пушкина. — Неужели вам жалко? Неужели вы боитесь, что ванна разобьется?

— Нельзя! — закричал один из ассистентов Громозеки. — Ни в коем случае! Это же мировая ценность.

— Саша, — сказала тогда Наталия Николаевна, — нас здесь не уважают. Немедленно возвращаемся на корабль и отправляемся на другую планету.

— Если ты считаешь, что это правильно, — ответил Пушкин, — то я тебе подчиняюсь. Но, честно говоря, я хотел бы сначала пообедать.

— Но я же никогда не купалась в изумрудной ванне! — Наталия Николаевна даже топнула ножкой в бархатной туфельке.

Так как ответа она не получила, то, не попрощавшись, направилась к кораблю Гай-до. Муж последовал за ней.

— Может быть, вам понравится наш суп из лангустов, — взмолился Громозека, спеша к Гай-до следом за семейством Пушкиных. — Я не хотел бы, чтобы вы улетели без обеда.

Пушкины уже подошли к кораблю, Громозека почти догнал их, но тут все испортил Гай-до. И надо же было кораблю засмеяться!

Никто не ожидал от него такого безобразия.

Гай-до даже раскачивался от смеха. И звуки, которые вылетали из него, были похожи на кваканье гигантской лягушки.

— Это еще что такое! — воскликнул Громозека. — Что такого смешного вы нашли здесь?

— Ой, Пушкин! — ответил Гай-до. — Я сам — такой же Пушкин!

В растерянности археологи крутили головами, стараясь понять, что же происходит, как вдруг с совершенно чистого синего неба хлынул обильный ливень.

Археологи кинулись под навес.

— Это он! — крикнул на бегу Громозека.

— Это он! — вторили археологи.

Пушкин и Наталия Николаевна, которые побежали следом за Громозекой, промокли не меньше других от неожиданного ливня.

— Кто такой — он? — спросил Пушкин. — О ком вы говорили?

— К сожалению, мои друзья имеют в виду именно меня, — ответил крошечного роста человек, такой худенький, словно родители его были муравьями. Большой, похожий на грушу нос перетягивал человечка вперед, и он был вынужден опираться на трость. — Все думают, что я виноват в стихийных бедствиях. Но это не так.

И человечек стукнул тростью о пол. Дождь пошел с удвоенной силой.

— Разрешите вам представить, — сказал Громозека Пушкину. — Магистр Эмальчик.

— Теодор Эмальчик, — поправил Громозеку человечек, который доставал ему до колен. — Магистр физики и доктор катастрофических наук. Величайший специалист по катастрофам в Галактике.

Загремел гром, навес пошатнулся, но устоял.

Человечек снял широкополую темную шляпу, и под ней обнаружилась рыжая шевелюра.

— Очень приятно, — ответил Пушкин и тоже снял черный цилиндр. — Меня зовут Александром Сергеевичем. Я — знаменитый русский поэт.

— Не знаю, не слышал, не интересуюсь поэзией. Мыслю глобальными масштабами, — ответил Эмальчик.

Несмотря на свой маленький рост, он был очень гордым человеком.

— А это моя жена, — сказал Пушкин, не смущаясь ответом катастрофиста, — Наталия Николаевна.

— Женщинами тоже не интересуюсь, — сказал катастрофист. — Жду завтрака.

— А я жду, когда мне нальют шампанское в изумрудную ванну, — заявила жена Пушкина. — Я хочу купаться в шампанском.

Дождь все еще барабанил по крыше навеса.

Громозека задумчиво поскреб когтем один из своих подбородков.

— Странно, — сказал он. — Я человек начитанный, русскую литературу люблю и читал о семье Пушкина. Но не верю! Признайтесь, вы меня разыгрываете?

— Нет! — воскликнул Пушкин.

Его жена выступила вперед, вынула из бисерного кошелька желтую пилюлю, проглотила ее и на глазах пораженных археологов превратилась в высокую худенькую девочку лет двенадцати.

— Я так и думал, — сказал Громозека. — Я вижу перед собой Алису Селезневу, и я прощаю ей все неуместные шутки.

Возгласы удивления послышались из толпы археологов, и они усилились, когда Пушкин тоже проглотил пилюлю и стал мальчиком, курносым и темноволосым, с такими озорными глазами, что было совершенно ясно — с ним надо держать себя начеку.

Катастрофист Эмальчик удивился настолько, что сел за стол и стал пить сгущенное молоко. А дождь сразу прекратился.

— Что с вами было? — спросил Громозека. — Неужели вы настолько увлеклись изучением творчества Пушкина, что превратились в него?

— В Пушкина превратиться — еще куда ни шло, — отозвался Эмальчик, — но при чем тут его жена?

Пашка с аппетитом принялся завтракать, а Алиса рассказала археологам, как они с Пашкой Гераскиным прилетели на планету Синий Воздух, потому что им нужны были пилюли для превращения. Оказалось, что достать эти пилюли непросто. Жители планеты очень боятся, что они попадут в дурные руки, как уже случалось раньше. Поэтому они устроили Алисе и Пашке испытания, чтобы выяснить, правду ли они говорят о несчастных замерзающих чудовищах на планете Стеговия. А когда убедились, что гости сказали правду, то потребовали с них плату за пилюли. И догадайтесь, какую?

— Я уже догадался, — заявил Громозека. — Они уговорили вас показать им всевозможных героев, писателей и ученых Земли для их музея. Вот вы и превратились в семью Пушкиных.

— Ты почти угадал, Громозека, — сказала Алиса. — Но на самом деле они послали нас в университет, на литературно-исторический факультет. И мы там читали им лекции. Пять дней подряд. Когда мы читали стихи Лермонтова, то Пашка превращался в Лермонтова, а я в его бабушку. Когда мы рассказывали о дуэли Пушкина, то я становилась Наталией Николаевной, а Пашка — убийцей Пушкина Дантесом.

Алиса показала на обеденный стол, и, обернувшись, археологи увидели, что на месте Пашки там сидит и пьет кофе со сгущенным молоком статный усатый господин в белом мундире. Лицо у господина было надменное и злое.

— Познакомьтесь, — произнесла Алиса. — Дантес.

Господин поднялся, поклонился и вытащил из-за пояса пистолет с длинным стволом.

— Чья очередь? — спросил он, направляя пистолет на археологов. Те прыснули в разные стороны, а Громозека хотел отобрать пистолет у Дантеса, но его когти пронзили пустой воздух.

— Зря стараешься, Громозека, — сказала Алиса. — Пистолет тебе только кажется.

И тут Дантес снова превратился в Пашку Гераскина. Алиса сказала:

— И вот пять дней мы читали тамошним студентам стихи и рассказывали о земных писателях. Хорошо еще, что я люблю поэзию и помню многие стихи наизусть.

— Я тоже помню! — воскликнул Пашка. — «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французам отдана!»

Все замолчали, ожидая услышать все стихотворение. Пашка замолчал. Потом сказал:

— Лермонтов. «Бородино». Стихотворение. «Ты помнишь, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, французу отдана...» И так далее.

— Что — так далее? — вежливо спросил Громозека.

— Далее идет описание древнего сражения, это не так интересно.

Археологи засмеялись, поняв, что Пашка забыл продолжение. Когда их смех утих, Алиса продолжала свой рассказ:

— Мы прочли лекции в университете, нам выдали пилюли, и мы полетели на Стеговию. А по дороге Гай-до сообщил, что в этом секторе Галактики трудится наш друг Громозека, который сделал важные открытия. Вот мы и решили навестить вас.

— В образе Пушкина и его жены, — докончил Пашка. — Мы хотели вас повеселить.

— Все ясно, — сказал Громозека. — И я, честно говоря, испытываю большое облегчение.

— Почему?

— Потому что никто не будет просить моего разрешения искупаться в памятнике старины — изумрудной ванне.

— Разве нельзя? — печально спросила Алиса. — А я так об этом мечтала: вот прилечу к Громозеке и нырну в ванну!

— Алиса!

— Я шучу!

Все сели за стол, и за завтраком Алиса рассказала о несчастной судьбе планеты Стеговия. Археологи сочувствовали чудовищам, которым, видно, придется вымирать, и давали путешественникам различные, большей частью бесполезные советы.

— Неплохо, — сказал наконец Громозека, — если бы вам удалось вывезти со Стеговии каких-нибудь живых существ и переселить их на другую планету.

— На эту, на нашу! — воскликнул лохматый практикант. — Здесь все равно никто не живет.

— К сожалению, на планете никто не живет, потому что здесь нет воды и растительности. Когда-то местные жители настолько загадили эту планету, что сами вымерли, а планета до сих пор прийти в себя не может.

— Сюда динозавров везти нельзя, — согласилась Алиса.

— Но если понадобится помощь, — закончил Громозека, — сразу выходите с нами на связь.

— Спасибо, — сказала Алиса.

После завтрака археологи снова собирались на раскопки, а Пашка с Алисой решили улететь.

И в этот момент произошло событие, которое изменило судьбу спасательной экспедиции, да, можно сказать, и судьбу всей планеты Стеговия. Потому что махонький человечек Эмальчик, по профессии катастрофист, вдруг заявил:

— Я лечу с вами.

— Почему? — спросила Алиса.

Но никто не услышал ее вопроса, потому что среди археологов поднялось такое веселье, такая радость, что навес зашатался и рухнул. Все, кто сидел под ним, еле успели выскочить наружу. А когда пыль улеглась, Громозека, прочихавшись, заявил:

— Надеюсь, это последняя наша катастрофа.

— Ура! — закричали археологи.

А маленький рыжий Эмальчик, заплетая от волнения тонкие пальчики, признался Алисе:

— Я ничего не могу поделать. Я такой талантливый катастрофист!

Алиса не выдержала:

— Кто-нибудь объяснит мне, что все это значит и чем опасен этот человек?

Громозека отечески положил на затылок катастрофиста тяжелый коготь и сказал:

— Наш друг Эмальчик в самом деле талантливый катаст-

рофист. Он занимается стихийными бедствиями. Всеми и всяческими. Он эти катастрофы изучает, он их чувствует, он их, к сожалению, притягивает к себе, как громоотвод притягивает молнии. И вы сегодня были тому свидетелями. Стоило ему выйти из палатки, как хлынул ливень, стоило ему сказать, что он летит с вами, рухнул наш любимый навес, который не могли пошатнуть бури и землетрясения.

— А как вы это делаете? — спросила Алиса.

— Я сам не знаю, — ответил Эмальчик. — Катастрофы ко мне притягиваются, потом я их изучаю и ликвидирую. Я очень ценный специалист.

— Вам лучше оставаться на необитаемых планетах! — заметил Громозека.

— Зачем же тогда вам с нами лететь? — спросил Пашка, которому соседство катастрофиста совсем не понравилось.

— Но там, на Стеговии, разразилась настоящая катастрофа! — ответил Эмальчик. — Страшная, ужасная, неповторимая! Мне по плечу! Я должен ее увидеть!

— А вы не сделаете хуже? — спросила Алиса.

— А там, насколько я понял, хуже некуда, — ответил Эмальчик. — И, пожалуйста, не бойтесь меня. В обычной жизни я не так уж опасен. Я даже бываю полезен. Я прилетел сюда и сразу совершил такой обвал вон на той горе, что из-под него показался целый город! Разве не так?

— Так! — хором согласились археологи, и Алиса заподозрила, что они не совсем искренни. Уж очень спешили похвалить катастрофиста.

— Только обещайте не устраивать нам никаких катастроф, — попросила Алиса.

— Не бойся, — отозвался Гай-до, который стоял в отдалении, но, разумеется, все слышал, потому что у него был такой слух, что он слышал, как договариваются комары в соседнем лесу. — Если его катастрофы принесут вред моей Алисочке, то я его хоть в другой Галактике отыщу, со дна океана подниму и лично на него упаду. Такой катастрофы никто еще не видел!

— Вы этого не сделаете! — громко ответил Эмальчик, который, правда, немного струхнул. — Роботы не имеют права причинять людям зло. Даже если я нечаянно устрою катастрофу, меня может судить только человеческий суд.

— Не беспокойтесь, — откликнулся Гай-до, — я все могу. У меня на борту дети. А ради спасения и защиты детей корабль имеет право на любые действия. Смотрите Справочник спасательной службы, статья пятьсот шестьдесят семь, параграф три.

Катастрофист замолчал. Он неуверенно топтался на месте...

— Так вы летите с нами? — спросила Алиса. Она думала, что после таких угроз Эмальчик откажется.

Но ученый вздохнул и ответил:

— Придется мною пожертвовать. Но планета Стеговия настолько интересный объект с точки зрения катастрофизма, что я не могу отказаться от полета.

— Ну, тогда держись! — пригрозил кораблик.

Попрощавшись с археологами, которые не скрывали радости, что отделались от маленького катастрофиста, Алиса, Пашка и новый член экспедиции поднялись на борт Гай-до.

Громозека подошел к люку.

— Может быть, все же оставим его здесь? — спросил он.

— Ничего, справимся, — ответила Алиса.

— Я ведь могу принести пользу! — плачущим голосом откликнулся из корабля катастрофист. И тут же внутри Гай-до раздался глухой взрыв и белое облако вырвалось из люка.

— Огнетушители сюда! — приказал Громозека.

— Не надо, — откликнулась Алиса. — Ничего страшного.

— Это я немного виноват, — сказал изнутри Эмальчик. — Я нечаянно сел на пластиковый мешок с мукой. И он лопнул. Но ведь это не катастрофа?

— Для кого как, — ответил Гай-до. — Для меня катастрофа. Мне придется всего себя изнутри пылесосить. К тому же это предпоследний мешок муки, который я достал из трюма, чтобы испечь детям оладушки.

— Начинается, — вздохнул Громозека.

Люк закрылся, и Гай-до, набирая скорость, помчался к облакам.

Громозека долго смотрел ему вслед, и все его восемь глаз были печальны. В четырех из них блестели слезы.

Он был глубоко встревожен за судьбу экспедиции по спасению животных на планете Стеговия.

Глава 4

В тот вечер впервые в жизни Гай-до не уследил за молоком, которое убежало, залив кухонный компьютер.

Картинка, изображавшая Вандочку на руках Ирии, кото-

рая висела над пультом управления, упала со стены и разбила по пути вазу для цветов.

Пашка спешил к приемнику, чтобы посмотреть второй тайм матча «Жальгирис» — «Реал», споткнулся о кресло, расшиб палец, столкнулся с Алисой, набил ей шишку на лбу.

— Это я во всем виноват, — сказал маленький Эмальчик, жуя подгоревшую котлету. — Вокруг меня странное, не учтенное наукой поле. Поле повышенной раздражительности. Я как бы впитываю в себя все сигналы о катастрофах и разрушениях, которые происходят вокруг. Я их чувствую, даже предчувствую, но точно не могу предсказать. Не дано. Зато порой я могу отыскать их причины и принести пользу. Вы не думайте, что от меня происходят только одни беды. Я должен признаться, что с половины планет, на которых я побывал, меня вышвырнули и едва не убили. Зато на другой половине планет меня наградили орденами и медалями, поставили в мою честь памятники и назвали моим именем фабрики, улицы и заводы.

— Вы полетели с нами, чтобы помочь? — спросила Алиса.

— Я полетел, потому что меня притягивают катастрофы, как магнит притягивает кусок железа. И потому я заранее не знаю, пользу я принесу или жуткий вред...

С этими словами Эмальчик вскочил на ноги и закричал:

— Гай-до, сейчас что-то произойдет! Смотри вокруг!

— Что произойдет? — удивился Гай-до. — Впереди открытый космос, ни одного камешка на локаторах!

— Я не знаю, я чувствую, — отозвался катастрофист и полез под стол. Он был не самым смелым человеком.

— Вы что там делаете? — спросил Пашка, приподнимая край скатерти.

— Если бы вы пережили хотя бы одну сотую процента катастроф, которые выпали на мою долю, — отозвался из-под стола Эмальчик, — вы бы не под стол, а под кровать залезли и не вылезали бы до конца полета.

Положение было нелепое и тревожное. Корабль летел, включив все локаторы и внимательно оглядывая окрестности на миллион километров вокруг. Алиса и Пашка сидели за столом, поджав ноги, чтобы не ударить ботинком катастрофического гостя. Есть не хотелось. И ничего не происходило.

— Все обошлось, — сказал, не выдержав, Пашка, которому катастрофист уже начал надоедать. — Представление перенесено на завтра.

— Вы так думаете? — спросил Эмальчик, и его огненная

шевелюра появилась из-под скатерти. Он стоял на четвереньках, все еще не решаясь выйти.

— Старт! — крикнул Пашка.

Катастрофист испугался, рванулся вперед, захватив край скатерти. Скатерть, разумеется, поехала за ним, все, что стояло на столе, оказалось на полу, в грохоте, звоне и в виде осколков.

— Я отказываюсь! — вопил Гай-до. — Уберите это несчастье! Он погубит нас всех.

Но что самое удивительное — Эмальчик, выбравшись из-под осколков, был страшно доволен. Он сидел на полу и улыбался.

— Какая удача! — воскликнул он.

— Это в чем удача? — Алиса опустилась на корточки и принялась собирать осколки с пола.

— Ведь катастрофа оказалась такой небольшой! — заявил катастрофист. — Я боялся, что она будет серьезной и мы все погибнем. А сейчас погибли лишь чашки и тарелки.

— Это только вам катастрофа кажется маленькой, — возразила Алиса, — а для нас она очень серьезна. Мы будем вынуждены питаться из консервных банок. А это не очень приятно.

— Ах, как вы не понимаете! — воскликнул катастрофист Эмальчик. — Эта маленькая катастрофа, которую я устроил сознательно, всех вас спасла!

— Внимание! — негромко произнес Гай-до, и Алиса поняла, что он хочет сообщить им что-то серьезное.

— Включаю экран внешнего обзора при тысячекратном увеличении.

Загорелся экран. Все обернулись к нему.

На экране была видна искра. На глазах она увеличивалась, превращалась в раскаленный белый клубок, затем из клубка стали вырываться протуберанцы — огненные хвосты.

— Что такое? — спросил Пашка.

— Столкновение двух планет, — ответил Гай-до. — Мы наблюдаем редчайшее событие в истории Галактики. Катастрофу вселенского масштаба...

И тогда Алиса посмотрела на рыжего катастрофиста.

— Может, вы это имели в виду? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Эмальчик, ломая пальцы. — Я не уверен. Я чувствовал, что катастрофа надвигается, и потому

решил устроить маленькую катастрофу, чтобы не случилось большой... но, наверное, я опоздал.

— Еще как опоздал! — ответил Пашка. — Чашки можно было и не бить.

— Катастрофа произошла без участия господина Эмальчика, — сурово заявил Гай-до. — Планеты сближались, может быть, сотню лет.

— Сближались они без меня, — согласился рыжий катастрофист. — Но столкнулись при мне.

Каждый остался при своем мнении, но, разумеется, и Алиса, и Пашка, и даже Гай-до с тех пор Эмальчика опасались. На второй день полета, после того как случайный метеорит сделал дырку во лбу кораблика и пришлось зашпатлевывать отверстие, чтобы воздух не вылетел из корабля, Гай-до заявил катастрофисту:

— Как только прилетим на Стеговию, я попрошу тебя держаться от нас подальше. Хватит с нас твоих катастроф.

— Зря вы так ко мне плохо относитесь, господин Гай-до, — ответил катастрофист, — ведь я всегда могу предупредить, что вам что-то грозит.

— Так как ты не знаешь, что нам грозит, может получиться путаница, и мы погибнем, потому что побежим от одной катастрофы к другому несчастью.

Катастрофист вздохнул и согласился. Он только сказал:

— Мне так грустно с вами расставаться. Вы милые люди, и я согласен оберегать вас от катастроф даже с риском для моей жизни.

Тут все хором закричали, что помощь Эмальчика им не нужна, и обиженный катастрофист замолчал и молчал до самой планеты Стеговия.

Глава 5

На подлете к планете Стеговия Алиса достала фотографии, сделанные совсем недавно студентом, которому пришлось оттуда убежать.

— Смотри, — сказала она Пашке, — белые пятна на севере и юге планеты увеличились. Явно ледники надвигаются с полюсов к экватору. Значит, есть опасность, что жизнь на планете скоро погибнет.

— Какая страшная катастрофа, у меня уже все поджилки

трясутся, — сказал Эмальчик. — Скорее бы там оказаться! Ведь катастрофы излучают особые волны, а я — единственный человек в Галактике, который их умеет принимать и впитывать.

Он облизнул губы красным остреньким язычком, и Алиса заподозрила, что он не только смотрит на катастрофы, но и питается ими. Не будь катастроф, Эмальчик умер бы от голода.

— Где будем садиться? — спросил Гай-до.

— Давай сначала осмотримся, — предложила Алиса. — Снижайся и включи кинокамеры. Нам нужно понять, кто здесь обитает.

Гай-до снизился у оконечности северных ледников.

Это было грустное зрелище. С бреющего полета можно было рассмотреть, как километровая стена льда медленно ползет по равнине, снося холмы, заполняя реки и озера, как спички ломая деревья.

— Невероятная скорость для ледника, — сообщил Гай-до. — Километр в час. И за день температура падает на градус. Еще несколько недель, и вся планета будет покрыта льдом.

— Это ужасно! — сказала Алиса. — Как только мы вернемся домой, надо будет сообщить в службу Галактической безопасности. Может быть, они найдут способ обогреть планету.

— Ох, какая замечательная катастрофа! — Эмальчик потирал ручки. Ему нравилось то, что он видел на экране.

— Совершенно ненормальный человек, — произнес Гай-до.

— Как все гении, — согласился катастрофист. — Как все гении, я выгляжу ненормальным с точки зрения банальных и глупых существ.

Гай-до замолчал. Ему не нравилось, что его отнесли к банальным существам, но что возразить, он не сообразил.

Гай-до летел совсем низко. Под ним раскинулись обширные леса. Большинство деревьев стояли без листвы, замерзшие или гибнущие. Еще несколько месяцев назад это были тропические вечнозеленые леса, которые не могут выжить в холодном климате.

Вскоре миновали большое озеро, по берегам которого росли пальмы. Листья пальм пожухли и стали бурыми.

Там, на берегу озера, они увидели первых обитателей планеты.

В озере плавали ящеры — у них были округлые тюленьи

тела с короткими хвостами и длинными шеями, которые заканчивались маленькими змеиными головами.

— Водоплавающие ящеры, — сказал Пашка. — Похожи на наших земных плезиозавров. Какие размеры, Гай-до?

— Длина двенадцать метров, — ответил корабль. — Включая хвост.

— Не долго им здесь плавать, — сказал катастрофист. — Видите, уже лед по берегам образуется.

Озеро осталось позади. Правда, всегда можно будет проглядеть его на видео.

Через полчаса полета Алиса заметила, что растительность внизу уже не так угнетена, как возле ледника. Видно, здесь, у экватора, было теплее. Между холмами, покрытыми лесами, тянулась степь, где бродило немало животных.

По степи медленно, с достоинством брели корабли саванны — гигантские динозавры на толстых ногах. Они лениво срывали листву с деревьев. Похожие на ощипанных страусов, между ними носились стайками прыгающие птицеящеры, несколько летающих ящеров возились вокруг трупа погибшего гиганта, терзая его и вырывая загнутыми зубастыми клювами куски мяса.

Гай-до тщательно снимал всех животных и пейзажи, собирая информацию для путешественников.

Вскоре степь кончилась, и корабль понесся вдоль колоссального скалистого обрыва, вершина которого исчезала в облаках.

Обрыв был усеян пещерами, как будто оспинами.

Некоторые из них, особенно у подножия обрыва, были так велики, что в них мог спрятаться любой из местных гигантов.

— Смотрите! — воскликнула Алиса.

Они увидели, что перед одной из больших пещер стоит на задних лапах крупный зубастый динозавр, словно охраняет то, что спрятано внутри.

— Заметили место? — спросила Алиса.

— Разумеется, — ответил Гай-до.

Он снизил скорость, чтобы получше рассмотреть обрыв.

Вскоре они увидели еще пару пещер с часовыми. Динозавры, как по команде, подняли головы, следя за Гай-до, и один из них раскрыл пасть, словно угрожая кораблю.

— Возможно, у них есть зачатки сознания, — сказал Гай-до.

— И если кто и избил несчастного студента, — согласилась

Алиса, — то, вернее всего, такие чудовища, как эти. Интересно, что они могут прятать в пещерах?

У третьей такой же пещеры с охраной происходила в тот момент драматическая сцена. Гигантские жабы, с рогами длиной и толщиной в человеческую руку, рвались в пещеру, а динозавры защищались. Жабы полосовали рогами покрытые крупной чешуей и пластинами шкуры динозавров, но у динозавров были клыки и когти не хуже тигриных... Гай-до завис над сценой боя, очень хотелось узнать, чем он кончится... А кончился бой неожиданно — жабы вдруг разом повернулись и не спеша запрыгали прочь. Динозавры тут же принялись зализывать раны, не делая попытки догнать врагов.

Динозавры заметили зависший над их головами космический корабль и начали скалить гигантские пасти и подпрыгивать, угрожая Гай-до.

— Они уже видели нечто подобное, — заметил катастрофист.

В этот день он вел себя тихо, словно готовился к встрече с любимой катастрофой, а теперь сидел, прижав нос к иллюминатору, и только восторженно ахал при виде ледника или гибнущих лесов.

— Я обязательно должна попасть в эти пещеры, — сказала Алиса.

— Зачем? — удивился кораблик.

— Интуиция подсказывает мне: там таится что-то важное, — откликнулась Алиса. — Ведь мы до сих пор не имеем плана действий. Мы прилетели спасать зверей, а звери об этом не знают, и мы сами не знаем, как это сделать, если на них наступает ледник. Мне уже приходилось бывать в мире, где начинался ледниковый период. Но там был сказочный мир, и ледники наступали несколько сот лет. А здесь мир настоящий...

— И катастрофа настоящая! — радостно отозвался Эмальчик. Со стены упала картина, изображавшая березовую рощу под Вроцлавом, ударила Эмальчика углом по затылку, и хоть он храбрился и уверял, что это не катастрофа, а просто неприятность, на голове у него выросла шишка размером с яблоко.

— Сначала надо выбрать место для посадки, — сказал Гай-до. — Впереди я вижу гряду каменных холмов с голубыми плоскими вершинами. На крайней вершине есть озеро. Как вы смотрите на то, чтобы мне опуститься в озеро?

— Замечательно! — ответил Пашка. — Только непонятно, как мы будем в тебя попадать.

— Через верхний люк, — ответил Гай-до. — Я от него перекину один из манипуляторов, как мостик на край озерца.

— Смешно, — сказал Пашка.

— Зато, если здесь есть ящеры, которые не любят космических гостей, — сказала Алиса, — они ни о чем не догадаются.

Через несколько минут Гай-до осторожно опустился в озеро на вершине холма, вода даже не взволновалась.

— Скорее! — торопился Эмальчик. — Откройте люк! Я хочу вдохнуть свежего воздуха катастроф.

Правда, он был не одинок. Всем хотелось поскорее вылезти наружу.

Гай-до открыл люк и протянул манипулятор, как мостик.

Оттолкнув всех, Эмальчик первым выбежал на обрывистый край холма. Бесконечным зеленым ковром тянулся лес, за ним поднимались голубые горы. Ближе была видна извилистая полоса реки. Холодный ветер пронизывал до костей. Над головами пролетел небольшой ящер с перепончатыми крыльями. Порывом ветра его опрокинуло и понесло вниз, к вершинам деревьев.

Эмальчик натянул на уши свою черную шляпу, рыжие лохмы торчали из-под нее. Эмальчик поморщился.

— Болит? — спросил Пашка.

— Я привык к синякам и шишкам, — ответил катастрофист. — В моей профессии лучше иметь запасную голову... или три.

— Что вы сейчас будете делать? — спросила Алиса.

— Пойду, — просто ответил катастрофист. — Нюхом чую, куда надо идти. Вы не откажете мне в нескольких консервных банках продовольствия?

— Не откажу, — откликнулся Гай-до. — Берите что хотите, только не задерживайтесь.

Катастрофист загадочно улыбнулся.

— Не стоит меня гнать, — прошептал он. — Я вам еще сильно пригожусь.

За пять минут Гай-до набил рюкзак катастрофиста консервными банками и протянул его манипулятором хозяину.

— Спасибо, — сказал Эмальчик. — Было очень приятно с вами путешествовать.

Он обернулся, потянулся к манипулятору, чтобы взять рюкзак, зашатался: носище Эмальчика перевесил и потянул

его вниз. Падая в воду, он схватился за Пашку, Пашка не устоял на ногах и тоже полетел в холодное озеро.

Но реакция Гай-до, который, как утверждал потом, предвидел, что все кончится именно так, была отменной!

Он отпустил рюкзак и схватил Пашку за шиворот в тот момент, когда тот уже касался воды. Он поставил Пашку на берег рядом с Алисой, а сам сунул манипулятор в озеро и выволок промокшего, нахлебавшегося воды катастрофиста.

—.Будем сушиться и обогреваться? — спросил Гай-до.

— Еще чего не хватало! — гордо ответил катастрофист.

Он натянул лямки мокрого рюкзака.

— Надеюсь, там ничего не промокло? — спросил он.

— Ничего не промокло, — ответил Гай-до, — я все предвидел.

Катастрофист подобрал свою тросточку и, помахав ею на прощание, зашагал вниз с холма.

— Что-то будет, — произнес Пашка. Он все еще не мог опомниться после своего полупадения в озеро.

Эмальчик как будто подслушал его негромкие слова.

Он неудачно наступил на камень.

Камень покатился вниз и по пути задел еще два камня. Сдвинулись другие камни вокруг Эмальчика.

И вот уже в грохоте и пыли с холма катится вниз небольшая лавина.

На гребне лавины, оседлав большой серый булыжник, несется катастрофист Эмальчик, размахивая тростью...

Лавина врезалась в кусты.

Некоторое время друзья ждали, не зашевелятся ли кусты. Но все было тихо.

— Боюсь, — произнес Пашка, — что это была его последняя катастрофа.

— Ну как же он их не чувствует! — возмутился Гай-до. — Надо мне лететь вниз и поработать манипуляторами.

— Погоди, — сказала Алиса. — Мы сбегаем и посмотрим. Будет нужно, позовем тебя.

В сопровождении Пашки Алиса побежала вниз, стараясь держаться в стороне от лавины, над которой еще стояла пыль.

Внизу, у речки, которая обмывала подножие холма, лавина замерла, вкатившись последними булыжниками в воду.

Из-под них торчали ноги катастрофиста. Один из башмаков соскочил и лежал в воде.

Алиса с Пашкой подбежали и, отбросив в сторону крупные камни, дружно вытащили катастрофиста из-под лавины.

Когда его положили в воду, он застонал, открыл глаза и произнес:

— Наверное, вы хотите, чтобы в довершение всего я простудился.

— Нет! — Алиса так обрадовалась, что Эмальчик жив, что совсем на него не рассердилась.

Другое дело Пашка.

— Послушайте, — сказал он. — Даже когда вы ушли от нас, вы все равно попадаете в катастрофы. Мы же не можем вас все время спасать.

— Это правильно. Больше такого не повторится.

Катастрофист, пошатываясь, поднялся. Пашка отдал ему ботинок.

— Я пошел, — сообщил он.

— Может быть, отдохнете? — спросила Алиса. — Поднимитесь наверх, Гай-до даст вам пластырь.

— Шрамы украшают людей моей профессии, — ответил Эмальчик и, прихрамывая, перешел речку вброд. Речка была совсем мелкой, но ему вода доставала до пояса, и раза два его чуть было не снесло.

Глава 6

Проводив неладного катастрофиста, Пашка с Алисой поднялись на холм, к озерку, в котором спрятался Гай-до. Его макушка, как серый валун, поднималась над поверхностью.

— Обошлось? — спросил Гай-до. Большие пузыри воздуха поднялись из глубины.

— Он ушел в самостоятельное плавание, — сказал Пашка.

— Тогда и вам пора собираться, — сказал Гай-до. — Правда, я считаю, что безопаснее оставаться внутри меня. А уж я займусь налаживанием отношений с местным населением.

— Местное население тебя не поймет, — ответил Пашка. — А нам интереснее самим решить сложную задачу.

Алиса с Пашкой забрались внутрь космического корабля и стали рассматривать фотографии, сделанные с видео.

Они решали, в кого из местных чудовищ им лучше превратиться, чтобы удобнее проникать в различные места планеты.

Пашка быстро выбрал себе оболочку. Он решил превратиться в большого боевого ящера, такого, как те, что охраняли пещеры в обрыве. Конечно, Алиса могла бы тоже стать динозаврихой, но она послушалась совета Гай-до.

— Если Пашка станет могучим чудовищем, — сказал Гай-до, — то тебе надо будет отыскать совсем другой облик. Надо, чтобы ты умела делать то, что чудовище сделать не может.

— Петь, да? — спросил Пашка.

— Наивно, — ответил Гай-до. — Не все ли равно нам, поют ли динозавры? А вот такие могучие звери, как ты, летать не умеют.

— Правильно! — воскликнула Алиса. — Какой ты молодец, Гай-до! Конечно, я могу быстро прилетать сюда, если нужно, и видеть все сверху.

— Значит, решено, ты будешь птеродактилем! — сказал Пашка. — Пускай тебя все боятся.

— Опять ошибка, — сказал Гай-до. — Я думаю, что второй наш агент должен быть совсем незаметным. Он не должен повторять агента номер один — он будет дополнять его.

— Ну кем же? Кем же будет второй агент?

— На одном из наших снимков есть махонькая летучая мышь, — сказал корабль. — Она размером со спичечную коробку. Попробуй, Алиса, превратиться в летучую мышь. И станешь незаметной.

— Маленькую никто бояться не будет, — сказал Пашка.

— И замечательно. Ненавижу, когда меня боятся, — ответила Алиса.

— Возникает сложность, — произнес кораблик, — как я буду поддерживать с вами связь? Мы можем прикрепить передатчик к шкуре динозавра, но как быть с летучей мышью? Для тебя лишних десять граммов — неподъемная ноша.

— Я постараюсь не отлетать далеко от Пашки, — сказала Алиса.

— А если тебя съедят? — спросил Гай-до. — Учти, что я этого не переживу.

— А я жестоко отомщу убийце, — заявил Пашка, и было непонятно, шутит он или всерьез готов к гибели Алисы и уже планирует месть.

— Хватит! По старшинству — я начальник экспедиции. Я принимаю совет Гай-до и превращаюсь в летучую мышку. Прошу Пашку никому за меня не мстить, потому что на этой

планете царит неразумная жизнь, и наша задача ее спасти. Понятно?

— Понятно, — покорно сказал Пашка.

— Но если мне будет страшно, я тебе крикну, — сказала Алиса.

— Ты не крикнешь, а пискнешь, и еще неизвестно, услышу ли я тебя, — ответил Пашка.

— Не будем терять времени, коллеги, — сказала Алиса. — Пойдем, Пашка, на открытый воздух. Пора превращаться.

— А почему на открытом воздухе? — удивился Пашка.

— Потому что когда ты станешь динозавром, то не пролезешь сквозь люк.

Гай-до хмыкнул и сказал:

— Берите голографические снимки. Там есть все размеры. Пилюли оставьте у меня.

— Почему? — спросил Пашка.

— А потому что у динозавров нет карманов. У летучих мышей нет с собой сумочек.

— Счастливо оставаться! — сказала Алиса.

Через люк они выбрались на вершинку корабля. Потом по тонкому мостику перебежали на каменную плоскую поверхность холма.

Стало еще холодней, ветер усилился и дул короткими порывами.

— Он прав, — задумчиво произнесла Алиса, — катастрофа приближается.

Услышав слово «катастрофа», Пашка спросил:

— Как там наш Эмальчик?

— Наверное, он уже впереди, — ответила Алиса и показала на столб смерча, который, завиваясь, несся над равниной у самого горизонта. — Нам лучше держаться от него подальше.

— Хорошо, Алисочка, — сказал Пашка. — Я превращаюсь в хищного динозавра и прошу не попадаться мне на зуб.

Он проглотил пилюлю, отбросил голограмму и на глазах у Алисы стал расти, зеленея и покрываясь толстыми пластинами чешуи. Во все стороны полетели клочки Пашкиной одежды...

— Ну конечно, — проворчал Гай-до, который наблюдал за этим превращением, — если не напомнишь, сами никогда не догадаются. Что же он не разделся!

— Ты же сам сказал почему — потому что ты не напомнил!

— А ты где была?

— Я только сейчас догадалась.

Алиса быстро разделась и направилась по мостику к кораблю. По дороге ей пришлось обогнуть зеленый столб, и, только миновав его, она сообразила, что это была Пашкина нога.

Алиса закинула голову и, пробежав глазами по зеленой чешуйчатой ноге, по серой бронированной груди, по шее с ошейником из шипов, к пасти, усеянной метровыми зубами, к маленьким тупым глазкам, порадовалась, что ей не надо превращаться в такое страшилище.

— Чего смот-ришь? — медленно проговорило чудовище, с трудом ворочая красным языком. — Не узнаешь, что ли, подружка?

— Осторожнее, раздавишь, — отозвалась Алиса.

Она кинула свою одежду в открывшийся люк корабля и, заглянув в голограмму, проглотила таблетку. Она представила себе, как превращается в летучую мышь, изображенную на объемной картинке, и тут же весь мир вокруг стал увеличиваться. И Пашка показался не просто громадным, а таким гигантским, что его голова терялась где-то под облаками.

— Ты где? — громовым голосом прорычал динозавр.

Алиса почувствовала удивительную легкость — она была невесомой! Она могла подняться в небо, к облакам... Хотя ей и не очень хотелось летать по яркому небу, она предпочла бы, чтобы скорее наступил вечер.

Она посмотрела по сторонам — вместо рук у нее были перепончатые серебристые крылья. Алиса наклонилась над водой и увидела свое отражение — мордочка с большими ушами, глаза черные, грудь покрыта короткой шерстью... Она — летучая мышка!

Алиса взмахнула крыльями и легко поднялась в воздух. Она летела рядом с Пашкой, поднимаясь словно на лифте — мимо нее проходили по очереди Пашкины колени, Пашкино брюхо, Пашкина шея, Пашкина морда... И вот все осталось внизу — динозавр с клыкастой мордой, стоявший рядом с небольшим мелким озером на каменной вершине каменного холма, из озера высовывалась круглая серебристая сфера — затылок Гай-до. Вокруг расстилались леса, изрезанные широкими и узкими речками, а дальше, над деревьями, поднималась километровая стена — обрыв, к которому и собирались подобраться Пашка с Алисой, чтобы выяснить, как спасти чудовищ.

В небе было интересно, но пока Алиса не привыкла ле-

тать — неуютно. Слишком просторно, слишком быстро и близко бегут облака, слишком далеко земля. Хоть Алиса знала, что крылья ее не подведут, все равно было страшновато глядеть вниз. Она и хотела бы лететь пониже, но сильный ветер тянул ее вверх, к облакам. Пашка стал маленьким, он встал на толстые задние лапы и махал передними, стараясь привлечь внимание Алисы. Видно, он беспокоился за нее.

Потом Алиса увидела, как Пашка медленно пошел к подножию холма, но тут низко летящее облако окутало ее, и Алиса потеряла ориентировку. Она старалась спуститься, но ее закрутило вихрями. Если бы Алиса была настоящей летучей мышкой, она бы, наверное, нашла способ прижать к телу крылья и спикировать к земле, но ведь Алиса еще только училась летать, и потому она потратила несколько минут, стараясь выбраться из облака, а когда выбралась, то очутилась не под облаками, а над ними, под синим небосводом. Ее глаза, приспособленные для сумерек и ночи, с трудом переносили солнечное сияние, и Алиса вынуждена была зажмуриться.

Ей было так одиноко и страшно, что она уже жалела, что согласилась стать мышкой, а не мамонтом или драконом.

Но сейчас уже ничего не поделаешь — пилюль у нее с собой нет, а Гай-до далеко.

Пока Алиса размышляла, что делать дальше, она почувствовала, как на нее упала тень. Сначала Алисе показалось, что это надвинулось еще одно облако, но когда, прищурившись, посмотрела вверх, то поняла, что к ней, снижаясь, летит большой ящер с перепончатыми крыльями и длинной зубастой пастью. Крылья ящера достигали метров трех в размахе, и Алисе он показался гигантом.

И тут она поняла, что ящер вовсе не намерен любоваться мышкой, а предпочел бы ее съесть. Он вообще-то вылетел на охоту, и если ему не попадется добыча в небе, то он спустится в долину, возле Большого Водопоя, где могут быть недоеденные большими хищниками трупы животных.

Алиса поймала себя на том, что читает примитивные мысли ящера, и не успела еще сообразить, что же это значит, как увидела, что хищник стремительно опускается, выпустив мощные лапы с длинными когтями.

В отчаянии Алиса прижала крылья к тельцу и нырнула вниз. Главное — успеть скрыться в облаке.

Ветер свистел в ее больших, покрытых шерстью ушах, воздух стал плотным, как вода, и было трудно пробиться сквозь

него, а ящер уже был рядом — вот-вот его когти достанут Алису. И она узнавала его мысли. Видно, в этом мире животные могли читать мысли и чувства других существ. Это надо будет проверить. Интересно, это качество дано всем или только маленьким и беззащитным существам, которые таким образом спасаются от врагов?

«Сейчас достану, сейчас схвачу, сейчас проглочу!» — так думал ящер. А может, так додумывала за него мышка.

В последний момент Алиса успела скрыться в облаке.

Ящер влетел в облако следом за ней, и она продолжала слышать его мысли: «Где она? Почему не вижу? Она близко... сейчас найду...»

Алиса постаралась ни о чем не думать — будешь думать, поймают... Но постепенно мысли ящера звучали все глуше, и Алиса поняла, что слабая мышка лучше слышит чужие мысли, чем ящер. Правильно рассудила природа: она дала способность слышать мысли беззащитным существам...

Наступила тишина.

Особенная тишина, которая бывает лишь внутри облака и которую людям не дано испытать.

Алиса медленно опустилась к земле и вместе с облаком неслась куда-то, словно завернутая в серую непроницаемую вату.

Потом облако кончилось.

Под Алисой, далеко внизу, виднелись холмы, покрытые лесом, а впереди, совсем недалеко, показался обрыв — цель ее путешествия.

Где же Пашка?

Даже если он и идет по лесу, вряд ли его увидишь и узнаешь. Надо будет подлететь поближе, чтобы можно было его распознать среди других чудовищ. Мимо Алисы летела желтая бабочка.

Алиса расправила крылья и метнулась за ней.

Мгновение — и бабочка исчезла... Куда она делась?

Алиса хотела остановить себя, но опоздала. Ее рот втянул бабочку, а глотка проглотила ее. Бабочка оказалась вкусной.

Алиса очень расстроилась. «Еще не хватало, чтобы я стала хищницей! Я-то думала... а что я думала? Мне некогда было подумать. Мы забыли обсудить простую, но важную проблему: чем питаются существа, в которых мы превратились. А вдруг Пашка — кровожадное чудовище? В будущем надо следить за

собой, и если захочется схватить стрекозу или бабочку, надо будет думать о бананах или яблоках».

С этими мыслями Алиса помчалась к обрыву, надеясь, что отыщет Пашку, который, конечно же, топает в том же направлении.

Алиса подлетела к гигантскому обрыву.

Верх его скрывался порой в облаках, а порой они расступались, и тогда на его краю были видны игрушечные на вид ящеры, драконы, чудо-жабы и иные обитатели этой планеты.

Чуть в стороне от обрыва Алиса заметила большое озеро, в которое впадала река. Алиса проследила реку взглядом и увидела, что она берет начало наверху и срывается с обрыва водопадом — такого водопада Алисе в жизни видеть не приходилось. Наверное, он падал с километровой высоты.

Возле озера бродили разные группы животных. Алиса рассудила, что именно там она сможет что-то узнать и отыщет своего Пашку.

Стараясь не обращать внимания на вкусных бабочек и жуков и думая о бананах, Алиса снизилась к озеру. Она внимательно поглядывала по сторонам, понимая, что если ей хочется съесть жука, то среди местных жителей нетрудно найти таких, кто рад бы полакомиться ею самой.

К счастью, никто не обращал на Алису внимания, и она смогла затаиться в листве большого дерева, стоявшего на берегу озера, откуда открывался отличный вид на долину и пещеры.

Среди животных, которые паслись или отдыхали вокруг нее, Алиса почти не нашла млекопитающих. Значит, они на этой планете не успели вывестись. А может быть, подумала она, жизнь на Стеговии развивалась иначе, чем на Земле, и тут динозавры не вымерли, как они вымерли на Земле. А значит, они не освободили места для маленьких предков млекопитающих, то есть теплокровных животных, которые могли заботиться о своих детенышах и выкармливать их. Поэтому их дети могли учиться у своих родителей всему, что те умели, и чаще дорастали до взрослого возраста. А это очень способствует эволюции, то есть прогрессу.

В озере Алиса увидела гигантских водных ящеров, с длинными шеями и маленькими головами, которые были приспособлены для жизни в воде. Они резвились, хлопая по воде широкими ластами и переплетая длинные шеи. В тростниках по низкому берегу озера медленно бродили грузные, защищенные броней травоядные ящеры, которые разгребали ил и грязь ножищами и мордами, выискивая пищу. Похожие на них гиганты паслись и на траве вокруг озера.

А вот и Пашка... впрочем, ты зря поспешила обрадоваться, Алиса. Вон идет еще один Пашка, а вон там — еще один... Несколько чудовищ мирно брели по берегу, не обращая внимания на добычу. Они сошли к воде и стали долго и шумно пить. Они втягивали воду так сильно, что она вспучивалась возле их морд. Затем ящеры отошли к убитому кем-то громадному травоядному динозавру и начали рвать зубами его мясо. «Нет, — подумала Алиса. — Даже если Пашка захотел бы скрыться в этой стае, он никогда бы не стал питаться падалью...»

Алиса сделала усилие, чтобы не схватить пробегавшего по суку жука, и подумала, что надо скорее придумать, как помочь местным чудовищам, и быстро бежать отсюда. Так недолго привыкнуть — будешь потом на Земле гоняться за бабочками... Это еще ничего, только бы Пашка не пристрастился к дохлым динозаврам.

Тут Алиса увидела бредущего в одиночестве хищного ящера. Вот это уже больше похоже на Пашку.

Алиса вылетела из листвы и полетела над берегом озера к этому одинокому ящеру.

Алиса осторожно подлетела к нему и опустилась на загривок, между торчащими кверху роговыми пластинами. Ей хотелось подслушать мысли динозавра.

И ей это удалось.

«Мясо, — думало чудовище, — мягкое мясо. Много мяса. Никому не дам...»

«Неужели это Пашка?» — подумала Алиса. Но ее не услышали.

Тогда она перелетела поближе к уху динозавра и спросила вслух:

— Паша, это ты?

Туша чудовища содрогнулась — оно попыталось могучей лапой ударить себя по уху.

«Надо прихлопнуть... — услышала Алиса чужую мысль. — Летают здесь всякие... еще укусят».

Нет, это был не Пашка.

Алиса поднялась в воздух и стала высматривать своего друга.

И тут увидела его.

Без всякого сомнения.

Случилось вот что.

Недалеко от озера паслась семья. Мама-ящерица и детеныш-ящеренок. Это была довольно крупная ящерица, ростом с корову, только втрое длиннее, а детеныш, пожалуй, не уступил бы ростом среднему крокодилу. Он был в игривом настроении, поднимался на задние лапы и потешно молотил передними по боку своей мамы, а та увертывалась от него и улыбалась ящериным ртом.

И тут на поляне появился ящер, настолько тяжело вооруженный, словно он был не ящером, а старинным морским крейсером. Вместо пушек у него во все стороны торчали рога и бивни. В пасти мог бы уместиться автомобиль.

Увидев ящериное семейство, чудовище взвыло и побежало к ним, высоко подбрасывая рогатый зад, словно радовалось встрече со старыми приятелями.

Но все понимали, что на самом деле оно бежит, чтобы сожрать молодую маму и ее ящеренка.

Те замерли в ужасе и слишком поздно кинулись в воду.

Чудовищу оставалось пропрыгать до них метров двадцать, как от группы динозавров-хищников отделился крупный ящер и в два прыжка оказался между крейсерозавром (так Алиса для себя назвала рогатое чудовище) и семейством ящерицы.

Этот поступок был совершенно непонятен с точки зрения законов этой планеты. Если кто-то решил пообедать своими соседями, никто ему не мешает. У каждого своя столовая и свои жертвы. Понятно еще было, если бы ящер сам набросился на ящерицу, чтобы проглотить ее раньше соперника. Но нет — он защищал ее!

— Пашка! — закричала Алиса.

Только человек, и в первую очередь Пашка Гераскин, мог кинуться защищать незнакомых ящериц на далекой планете, рискуя жизнью. У Пашки есть недостатки, но благородства ему не занимать.

О благородстве крейсерозавр не имел никакого представления, но когда свой брат хищник встал у него на пути, ящер очень рассердился. Он даже стал менять цвет — по зеленой чешуе ползли желтые и белые полосы, из шкуры полезли новые рога и бивни, словно мало было старых. Крейсерозавр поднялся на задние лапы, став высотой с шестиэтажный дом, и, забыв о ящерицах, помчался на Пашку.

Сейчас, поняла Алиса, все окончательно выяснится. Это

будет зависеть от того, как поведет себя безрассудный хищник, вставший на защиту ящериц. Ведь если это просто ящер, он будет сражаться как тупое существо, а если в нем заключен человек, то он обязательно что-то придумает.

Алисе не пришлось долго ждать.

Когда крейсерозавр пошел на Пашку (если это был Пашка), тот не стал сражаться с ним морда к морде, а ждал его неподвижно, делая вид, что вовсе не боится противника, который был втрое больше его размером. Но в самый последний момент он сделал прыжок в сторону, и крейсерозавр всей своей многотонной массой врезался в болото, подняв столб грязи до самых облаков. Если бы вокруг были зрители, они, конечно, стали бы хлопать в ладоши, но зрители разбежались — никто не хочет попасть под танк.

Нелепо размазывая по морде грязь, чтобы протереть глаза своими короткими когтистыми передними лапами, крейсерозавр вылез на сухое место и стал крутить головой, стараясь понять, сбежал ли его противник или ждет, когда его добьют.

Оказалось, что противник ждет, отойдя к куче деревьев, похожих на укроп, только в двадцать метров высотой.

Крейсерозавр взревел так, что вода в озере заволновалась, а все обитатели его, что издали наблюдали за схваткой, попрятались в тростники или ушли в глубину.

Потопав задними лапищами и помахав передними, крейсерозавр помчался к своему противнику. И тут противник без всякого сомнения доказал, что он не ящер, а самый обыкновенный Пашка Гераскин.

Потому что он успел подобрать с земли бревно, когда крейсерозавр подбежал к нему, отступил в сторону и изо всех сил стукнул бревном по затылку чудовища.

Разумеется, если бы по чудовищу ударил человек или даже горилла, тот бы и не заметил удара, но не забудьте, что Пашка тоже был довольно крупным, пятиметровым, ящером, боевой машиной первобытного мира. И удар получился таким, что голова его противника сплющилась, и, пробежав еще метров сто, крейсерозавр потерял равновесие и грохнулся на траву, пропахав носом канаву почти до самого леса.

А Пашка отбросил бревно и захлопал в ладоши. Ладоши у него были как большие подушки, из которых вырастали когти, каждый как бычий рог.

Алиса уже спокойно, не таясь, подлетела к ящеру, который хлопал в ладоши, празднуя победу над чудовищем, в не-

сколько раз более сильным, чем он сам, и опустилась ему на переносицу между выпученными, как у жабы, глазами.

— Привет, — сказала она. — Развлекаешься?

Глаза, каждый из которых был больше Алисы, повернулись к ней, переносица вздрогнула так, что Алиса еле удержалась, и тут она услышала звук, донесшийся откуда-то из-под нее, потому что там располагался рот чудовища.

— А-ли-са... Ты видела?

— Замечательно! Рыцарь Пашка встает на защиту слабых и обиженных. Ты молодец, и мне понравилось, как ты сражался.

— Честно?

— Честно, Пашка. Но не забывай, что мы прилетели сюда не для того, чтобы убить нескольких ящеров, а для того, чтобы спасти их от холодов.

— Это я... пом-ню... но я... не удер-жал-ся.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Пошли тогда к пещере, посмотрим, что там скрывается. Здесь нам делать нечего.

Глава 7

Обрыв поднимался неподалеку от озера. Пашка дотопал до него за пять минут. Алиса летела над ним, и путешествие прошло без приключений, если не считать того, что какая-то хищная летающая лягушка спикировала, чтобы проглотить Алису, но Пашка был настороже. Он легонько оттолкнул Алису в сторону, чуть не поломав ей крылья, и подставил свою пасть летающей лягушке. Летающая лягушка скрылась в Пашкиной пасти, пасть захлопнулась, и Пашка улыбнулся.

— А вот это мне не нравится, — заявила Алиса.

— Че-го?

— А то-го, что ты ничем не отличаешься от местных хулиганов. Кто тебе позволил сожрать лягушку? А что, если у нее дети?

— Нет, — ответило чудовище. — В ней ик-ра...

Пашка пожевал немного и добавил:

— Вкус-на-я.

— Иногда я тебя ненавижу, — сказала Алиса. — То ты ведешь себя как человек, а то превращаешься в крокодила. Знала бы, не взяла тебя с собой.

— А те-бе не хотелось? — спросило чудовище.

— Чего не хотелось?

— Ку-шать.

Алиса взмыла к небу. Ей было неловко признаваться в своей слабости. Ведь Пашка прав — раз ты живешь в чужой оболочке, то эта оболочка хочет кушать то, к чему привыкла.

Пашка засмеялся — словно медленно кашлял. Он-то знал Алису лучше всех. И догадался, что своими словами попал в цель.

Трава была вытоптана, повсюду тянулись, пересекаясь, тропинки, в некоторых местах виднелись глинистые ямы, наполненные грязью, кое-где в них нежились непонятные чудища, похожие на бегемотов. И никак не разберешь, какие они там, в грязи.

Вот и первая пещера.

Перед ней никого не было.

— Пашка, — пискнула мышка Алиса, — я загляну туда, а ты здесь постой, не спеши. Мало ли, какая гадость там может скрываться.

— Если скры-вается, я ее уничто-жу.

— Во-первых, уничтожать — не наша с тобой задача. Ты кого-то уничтожишь, а окажется, что это редкое существо, занесенное в местную Красную книгу.

— Здесь нет ра-зумной жизни!

— Ты хочешь сказать, что некому написать Красную книгу?

— Да.

— А я говорила в переносном смысле. К тому же ты, оказывается, не гуманист.

— Я не гу-ма-нист. Я чу-до-ви-ще! — Пашка лязгнул зубами, чтобы было страшнее.

Алиса влетела в пещеру.

Вход в пещеру был очень велик, чтобы самый большой из динозавров мог войти туда не нагибаясь.

В пещере неприятно пахло, но никого не было видно.

Алиса обернулась. Пашкин силуэт маячил у входа. Пашка переступал с лапы на лапу, ему хотелось последовать за Алисой, но он обещал ждать, значит, надо терпеть.

Алиса летела вглубь. Стало темно, и тут Алиса поняла, что ее глаза чудесно приспособлены к темноте. Человеческий глаз не смог бы что-нибудь рассмотреть. Но глаз летучей мыши видел опасность.

Алиса еле успела замереть в воздухе и свалилась на каменный пол. Ход в глубину перекрывала гигантская паутина.

Движения воздуха, вызванного появлением Алисы, было

достаточно, чтобы хозяин паутины проскочил под ее нижним краем и кинулся вперед. Алиса метнулась к потолку... Паук с клешнями, которые могли бы перекусить каменную колонну, прыгнул за ней...

Алиса со свистом понеслась к выходу.

— Пашка, берегись! — пропищала она.

Но друг ее не понял, вместо того чтобы бежать, испугался за Алису и рванулся внутрь пещеры.

Они столкнулись с пауком, и от неожиданности паук сделал шаг назад. Это спасло Пашку.

Он услышал, как Алиса, повиснув на его ухе, кричала:

— Спасайся, Пашка, он ядовитый!

Задом наперед Пашка стал выбираться из пещеры, опомнившийся паук преследовал его, угрожающе раскрывая и закрывая клешни. Клешни смыкались с отвратительным скрежетом. Алиса услышала, как Пашка проворчал:

— На-до ска-зать...

И задом вывалился из пещеры на откос.

Но паук не оставил добычу. Он выбежал следом за Пашкой, и, разглядев паука на свету, Пашка со всех своих гигантских ног кинулся бежать. Паук был покрыт рыжей шерстью, на спине у него сидело штук двадцать паучков, его дети открывали и закрывали свои маленькие клешни, которые тоже омерзительно скрипели.

Паук оказался на редкость шустрым. Пашка не смог от него убежать.

Пашка прыгал, паук тоже прыгал, Пашка проламывался сквозь кустарник, паук тоже проламывался сквозь кустарник... Вот-вот должно было случиться неизбежное: паук уже протянул свои клешни, чтобы уцепиться за Пашкин хвост... Но тут раздался страшный грохот... земля расступилась как раз между Пашкой и пауком, и в ней образовалась двухметровая трещина невероятной глубины. Из нее вырвались столбы пара.

Пашка от страха прыгнул вперед, паук от страха ринулся назад, оба упали по разные стороны пропасти и лежали, стараясь отдышаться.

Алиса опустилась на бок Пашки, который вздымался от частого дыхания, и сказала:

— Тебе сказочно повезло.

— А я вот не верю в сказки, — ответил ей катастрофист

Эмальчик, появляясь из столба пара. — Все катастрофы имеют простое физическое объяснение.

— Ой, и вы здесь! — обрадовалась Алиса.

— Как я понимаю, в образе мотылька с ушами я вижу мою подругу Алису! — воскликнул катастрофист.

— А в образе горы запыхавшегося мяса вы видите моего друга Пашку Гераскина, — сказала Алиса. — А вы как здесь оказались?

Маленький человечек просиял, запустил ручки в свою рыжую шевелюру и сообщил:

— А я уже общался с уважаемым корабликом Гай-до, и тот подсказал мне, где вас искать.

Человечек расхохотался:

— Где вас искать, я сообразил сразу, но что вы будете в таком несчастном виде, мне бы никогда не догадаться!

— Так это вы устроили трещину? — догадалась Алиса.

— Я устроил не трещину, а катастрофу, — сообщил Эмальчик. — Потому что иначе мне бы никак не остановить этого отвратительного паука.

— Ну уж, — не поверил Пашка. — Та-кой ма-лень-кий, а сделал та-кую яму!

— Катастрофист обязан знать, в какой точке надо приложить немного силы, чтобы получить гигантский результат. Должен сказать тебе, Паша, что общий учитель всех катастрофистов и основатель нашей науки древний грек Архимед как-то сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир». Теперь тебе ясно?

— Нет, — признался Пашка. — Ящеры не доверяют мелким существам. Они знают, что чем мельче, тем хитрее!

— В следующий раз будет ясно! — сообщил катастрофист и исчез в столбе пара.

— Спасибо! — крикнула ему вслед Алиса. — Большое спасибо, что вы нас спасли.

— А я ду-ма-ю, — сказал Пашка, — тре-щи-на сама по-лу-чи-лась.

— Поблагодарить никогда не мешает.

— Правильно! — высунулась из дыма мордочка катастрофиста. — Лишний раз поблагодаришь — лишний раз спасут.

Наступила тишина.

Пашка с трудом поднялся на все четыре лапы.

— Ну что, — спросила Алиса, — пойдем исследовать другие пещеры?

— Может быть, обойдемся без пещер?

— Нет, — возразила Алиса. — В пещерах они живут. Пока мы не узнаем, что там хранится, нам не догадаться, как их спасти.

Пашка покорно побрел впереди, а Алиса летала вокруг его головы.

Так они дошли до следующей пещеры. Возле нее, как на часах, стояли два ящера, очень похожие на Пашку.

Ящеры внимательно рассматривали Пашку, который был чуть крупнее их и светлее, а двойной гребень на его спине был не черным, а серым. Ведь Пашкин образец гулял сейчас где-то далеко отсюда.

Алиса почувствовала настроение ящеров, которые стерегли вход в пещеру.

Они насторожились при приближении чужака. Пашка был их породы, но мог оказаться и врагом.

«Остановись!» — мысленно приказал один из динозавров Пашке.

Пашка, видно, понял его. Он замер на месте.

Первый динозавр остался у входа в пещеру, второй подошел к Пашке. Со стороны это было странное зрелище. Громоздкий, неуклюжий на вид динозавр, приподнявшись на задних лапах и вытянув толстый короткий хвост, медленно обходит другого такого же динозавра, почти касаясь его ноздрями.

И тут Алиса уловила мысленный вопрос чудовища:

«Чужой?»

Через некоторое время она услышала ответ Пашки:

«Свой».

«Плохой?»

«Хороший», — ответил Пашка.

Значит, существа одной породы могут мысленно общаться!

«Хороший пнут?» — спросил динозавр. Алиса не знала, кто такой пнут, — наверное, и Пашке никто об этом не сказал.

«Хороший пнут», — повторил Пашка.

«Хорошо бы угадал!» — подумала Алиса.

Конечно, динозавры общались не словами, они передавали друг другу общие понятия, которые даже не выразишь словами, и надо быть своими на этой планете, чтобы разбираться в волнах первобытных мыслей.

«Зачем пришел?» — спросил динозавр.

«Пнут пришел к пнуту», — сказал Пашка.

«Пнут к пнуту», — повторил динозавр.

Он обернулся к своему напарнику и мысленно сказал:

«Пнут пришел».

«Хороший?» — спросил напарник, который тоже был туповат.

«Пнут хороший».

Тогда второй динозавр, стоявший у входа в пещеру, подумал так:

«Хороший пнут пришел. Хороший пнут встретил его. Мы все — хорошие пнуты».

«Ну вот, обошлось, — подумала Алиса. — По крайней мере, теперь я буду знать, как называется эта порода чудовищ».

— Пнут Пашка! — пропищала она. — Я полечу в пещеру, погляжу, что они там берегут.

— Осто-рож-но, — сказал Пашка.

Это удивило пнутов.

«Он делает ртом», — сказал один из них.

«Он плохой пнут».

«Все пнуты умеют делать ртом», — ответил им Пашка.

Динозавры растерялись. Такая высота разумения была им не под силу. Они начали открывать и закрывать рты, но из них вырывался лишь занудный рев. Ничего больше ртом динозавры изображать не умели.

Пока динозавры, которые стерегли вход в пещеру, учились разговаривать, Алиса незаметно влетела внутрь.

Там было темно, но для Алисиных глаз темноты не существовало.

Пещера была велика. В ней пахло навозом, и там было куда теплее, чем снаружи.

Пол был устлан грязной соломой, а над полом возвышались какие-то темные груды, словно черные стога сена.

Когда Алиса подлетела поближе, она сообразила, что видит пнутьих самок, которые сидят неподвижно и, кажется, дремлют.

Алиса никак не могла понять, почему же они такие неподвижные. Но, опустившись пониже, она поняла, что чудовища заняты делом. Это пнутьихи-наседки. Они высиживают яйца. Если опуститься к самому полу, то увидишь, что из-под животов чудовищ видны округлые бока яиц. Алису удивили цвет и блеск яиц. Яйца отливали золотом. Такого ей еще не приходилось видеть. Представляете — пнутьихи восседали на золотых шарах, каждый размером больше футбольного мяча.

Алиса осторожно подбежала по полу к выкатившемуся

из-под наседки яйцу и постучала по нему ноготком. Яйцо не отозвалось, да и не могло отозваться — оно же было полным.

Динозавриха услышала стук и сердито обернулась к Алисе. Она увидела ничтожную летучую мышку, которая посмела дотронуться до ее сокровища. Со злобой пнутьиха попыталась прихлопнуть наглую мышку лапой, но промахнулась — Алиса взмыла вверх и вылетела из пещеры.

Снаружи Пашка стоял между двумя стражами.

Алиса села ему на переносицу и сказала:

— Пашка, я все поняла!

В ответ ей Пашка страшно зарычал и попытался прихлопнуть Алису лапой.

Ой, она снова ошиблась!

Алиса взлетела, а стоявший рядом другой пнут приоткрыл жабью пасть и с усмешкой спросил:

— Ты че-го са-дишь-ся на чу-жой нос?

— Пашка, — запищала Алиса сверху. — Ты мог бы и предупредить! Меня же чуть не прихлопнули!

— В следующий раз лучше смотри, — рассмеялся Пашка. Он уже почти не заикался. — Я кра-сивый, а они — уроды!

«Что делает пнут? — снова заволновались динозавры. — Зачем он опять открывает рот?»

— Слушай, Пашка, — сказала Алиса. — Знаешь, что там, в пещере?

— Они мне уже сказали, — ответил Пашка.

— Там сидят пнутьихи на яйцах.

— Правильно.

— А какие яйца?

— Ихние, — сказал Пашка. Его морда выглядела очень глупой.

— Вот и не знаешь. Яйца у динозавров не простые, а золотые! Теперь тебе понятно, зачем сюда прилетали браконьеры и почему динозавры так не доверяют людям?

— Понятно.

— Но почему яйца золотые — непонятно. Ведь у них не было Курочки-Рябы?

Тогда Пашка мысленно обратился к динозаврам-охранникам.

«Почему вы здесь стоите?» — спросил он.

«Мы охраняем наших жен и яйца пнутов от убийц».

«А кто убийцы?»

«Убийцы — маленькие злодеи, у них нет хвоста, зато у них

разноцветные шкуры. В лапах у них есть когти, которые они кидают вперед и убивают».

— Ясно, — сказала Алиса, которая подслушивала мысли динозавров. — Конечно, это люди. Браконьеры. Мы с тобой были правы. И студент пострадал из-за них. Но ты спроси, почему яйца золотые?

«Почему яйца такого цвета?» — спросил Пашка.

Вот тут уж пнуты удивились бесконечно. Они с трудом шевелили мозгами и никак не могли понять: неужели яйца бывают другого цвета?

Пришлось отложить решение этой загадки на будущее.

«Эта пещера — специальное место, куда собираются все пнутьихи, чтобы высиживать яйца?» — спросил Пашка, не дожидаясь, пока Алиса подскажет ему этот вопрос.

«Ты пнут и не знаешь?» — удивился один из охранников.

«Он плохой пнут», — подумал второй охранник.

«У меня слабая память», — признался Пашка.

Пнуты не знали, бывает ли у них слабая память, но так удивились Пашкиному ответу, что не стали спорить.

И даже сказали ему, что раньше все пнутьихи высиживали яйца дома, в лесу, в кустах, в собственных пещерках под охраной мужа. Но теперь, когда надвигается ледник и стало холодно, когда есть опасность, что снова вернутся грабители и похитители золотых яиц, динозавры настолько поумнели, что стали собирать динозаврих в большие пещеры. Там теплее и безопаснее. В крайнем случае, если нападут бандиты, можно позвать на помощь других пнутов, которые стерегут соседние пещеры.

Конечно, пнуты объяснили это Пашке не сразу, да и не так разумно. О многом Пашке и Алисе пришлось догадываться, а остальное додумывать.

Пашка хотел было сам заглянуть в пещеру, но стража его не пустила. Ни к чему, подумали пнуты, чужому пнуту смотреть на наших самок, которые сидят на яйцах. Пришлось подчиниться.

Тут Пашка сказал, что проголодался и с удовольствием скушал бы какого-нибудь барана.

— Ты с ума сошел, чудовище! — закричала на него Алиса. — У нас в Гай-до уже готов настоящий обед. С борщом.

— А борщ мясной? — спросил Пашка.

— Конечно.

— Значит, если за столом, то можно есть мясо убитых жи-

вотных? — ехидно спросил Пашка, который уже научился двигать челюстями так, чтобы разговаривать свободно. — А если мне хочется покушать на свежем воздухе, то нельзя?

— Пашка, — честно предупредила Алиса, — если ты не прекратишь свои глупые шутки, я расскажу обо всем твоей маме и всему нашему классу. И тогда я посмотрю, как ты будешь оправдываться.

— А я не буду оправдываться! — разозлился Пашка. В нем вскипела холодная кровь хищного ящера. — Я тебя сейчас поймаю и незаметно проглочу. А дома скажу, что тебя, к сожалению, сожрал какой-то пнут.

Пашка даже взмахнул лапой, и Алиса на всякий случай взлетела повыше.

Но тут Пашка одумался и согласился идти обедать домой, тем более что надо посоветоваться с Гай-до и подумать, что же им делать дальше.

Они пошли обратно, сначала вдоль обрыва, заглядывая по пути в пещеры. Они увидели, что не только пнуты, но и другие динозавры, в том числе даже крейсерозавры, собрали своих жен в теплых пещерах, стараясь сохранить яйца и защитить их от браконьеров и морозов.

Обогнув озеро, Алиса и Пашка отправились по лесу к холму, на вершине которого их ждал Гай-до. Алисе надоело летать, и она доехала, восседая на Пашкином лбу.

Через полчаса они поднялись на холм.

Верхний люк Гай-до был открыт — кораблик ждал своих пассажиров.

Гай-до протянул Пашке и Алисе манипулятор, между пальцами которого были зажаты пилюли. Алиса проглотила пилюлю, задав себе урок: превратиться снова в девочку Алису.

Тут же земля убежала вниз — Алиса еле удержалась на ногах. Она выросла в двадцать раз.

А рядом уменьшался, превращаясь в человека, Пашка.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Я же не одета!

— И я тоже! — закричал Пашка. — Гай-до, немедленно принимай меры.

— Одну минутку, простите, я совсем забыл.

В ту же секунду с неба хлынул дождь, посыпался град и снег.

Пашка и Алиса кинулись к кораблю по шаткому мостику, а навстречу им из люка вылез маленький Эмальчик, державший в левой руке одежду Алисы, а в правой — Пашки. Одежда тут же промокла, а катастрофист закричал:

— *Скорее, не могу же я удерживать стихии! Прыгайте в люк.*

Ребята прыгнули в люк, люк закрылся, и они, проклиная так не вовремя подвернувшегося катастрофиста с его штучками, спрятались по углам натягивать мокрое белье.

А катастрофист уже сидел за столом и наливал себе суп.

К тому времени, как Алиса села за стол, он успел разбить тарелку с супом и опрокинуть солонку.

Пашка обещал его убить, как только снова станет динозавром, а Гай-до попросил Эмальчика взять на ближайшие два дня обед сухим пайком и есть этот паек где-нибудь подальше от кают-компании.

Глава 8

После обеда все уселись в кают-компании Гай-до. Пашка с Алисой стали рассказывать о своих приключениях в мире ящеров, а Эмальчик, что было категорически запрещено, вытащил сигару и закурил, прежде чем Гай-до, не выносивший табачного дыма, успел его остановить.

Как только облако сизого дыма окутало маленькую кают-компанию, все начали кричать на Эмальчика, тот смутился и принялся гасить сигару.

Любой иной человек погасил бы сигару о что-нибудь негорючее. Но Эмальчику было мало природных катастроф. Конечно же, он погасил сигару о диванную подушку, и следующие полчаса всем пришлось тушить пожар.

Когда пожар погасили и обнаружилось, что погиб только диван, который и без того собирались выбрасывать, все повернулись к катастрофисту. Тот понял, что его сейчас убьют, и уселся в угол на четвереньки, выставив перед собой тонкие ручки.

И всем стало смешно.

В конце концов, мало кому приходится возить по Галактике настоящего катастрофиста и еще остаться живым.

Эмальчик тоже рассмеялся, но чай пить все вышли наружу.

На вершине холма было прохладно, с севера дул ветер, облака проносились низко над макушкой Гай-до.

Эмальчик попросил ребят досказать, что им удалось увидеть в пещере, и тут Алиса вспомнила о странных яйцах.

— В пещере, — сказала она, — я увидела динозаврих-наседок. Они высиживали яйца. Удивительно, но яйца были золотыми, как в сказке. Честное слово!

— Ничего удивительного, — ответил маленький катастрофист. — Если бы вы по-настоящему подготовились к путешествию, вы бы узнали, что Стеговию открыли уже много лет назад и здесь побывали разные экспедиции, а знаменитый покоритель дальних миров и великий путешественник Полугус Земфирский даже написал книгу об этой планете. Книга эта очень редкая, потому что ее изъяли из всех библиотек, но коллеги сделали мне копию в Галактическом центре, и я, если вы пожелаете, могу прочесть вам отрывок из второй главы.

— Конечно, мы вам будем благодарны, — сказала Алиса.

Пашка промолчал, потому что перед отлетом Алиса просила его заглянуть в Информационный центр и посмотреть, что там есть о Стеговии. Пашка, конечно же, не успел и сказал Алисе, что там ничего нет.

Эмальчик достал мини-кассету и включил звук.

Голос актера произнес:

О, как природа нам являет разум свой!
Все на Стеговии тому подчинено.
Когда вам, друг, удастся подглядеть,
Какие яйца там чудовища несут,
Вы, без сомнения, зажмурите глаза,
Не в силах выдержать их блеска, цвета их.
Ну где еще найдете место в мире,
Где даже ящеры, лягушки, червяки
И твари прочие из золота несут
И яйца, и яички, и икру...

Эмальчик перевел дух.

Алиса укоризненно взглянула на Пашку. Пашка смотрел на бегущие облака и ничего не слышал.

— И дальше все тоже в таких стихах? — спросила Алиса.

— Я могу пересказать своими словами, — догадался катастрофист.

— Пожалуйста, — попросила Алиса.

— Оказывается, на Стеговии много золотоносных ручьев и речек, — сказал он. — Можно сказать, почти все — золотоносные. И вот когда самкам ящеров, динозавров или жаб подходит время вынашивать в себе яйца, они удаляются к золотоносным ручьям и пьют их воду в больших количествах. Вы спросите зачем?

— Зачем? — спросил Пашка, не отрывая взгляда от облаков.

— Потому что тогда скорлупа яиц становится золотой.

— Но зачем? Ведь по всей Галактике все существа, которые несут яйца, обходятся без золотой скорлупы.

— Зато золотое яйцо не унести хищнику, золотое яйцо не разбить клювом птеродактилю. В золотом яйце будущий ящер чувствует себя в безопасности.

— А как же он вылезает наружу? — спросил Пашка.

— Об этом тоже позаботилась природа. Если хотите, я снова обращусь к поэме Полугуса Земфирского.

— Не надо! — остановил катастрофиста Пашка. — Расскажите своими словами!

Эмальчик улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Природа подарила каждому новорожденному ящеру и лягушонку вместо хвостика золотой штопор. Им он пробуравливает скорлупу, вылезает наружу, а затем через несколько дней штопор у него отваливается, и вырастает настоящий хвост.

— Удивительно! — воскликнул Гай-до. — Как все здесь гармонично!

— Вот из-за этой гармонии книгу Полугуса Земфирского изъяли из всех библиотек. Зачем вводить в соблазн начинающих бандитов и коллекционеров штопоров? Эту книгу можно получить только по требованию Академии наук или на черном рынке.

— Вот слышала, Алиса? — обрадовался Пашка. — Ты меня в библиотеку зазря посылала.

— А ты в ней был?

— Я все равно бы не нашел, — ответил Пашка.

Алиса не стала с ним спорить, а спросила у катастрофиста:

— Но все-таки некоторые грабители сюда пробрались?

— К сожалению, именно так. И динозавры их запомнили.

— А что же нам теперь делать, как им помочь? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь. Она размышляла вслух.

— Я думаю, — сказал Гай-до, — если мы не можем спасти самих динозавров, потому что мне их не вывезти отсюда, то давайте вывезем яйца самых разных животных. Мы привезем

их на землю, в Космический зоопарк, и там выведем из них молодежь.

— А потом поищем для них какую-нибудь подходящую необитаемую планету, — поддержал его Пашка.

Маленький катастрофист поднялся и пошел с холма.

— Вы куда? — спросила Алиса.

— В трех километрах отсюда начинается лесной пожар, — сообщил Эмальчик. — Надо присутствовать.

— Сумасшедший какой-то! — заметил Гай-до.

— Не сумасшедший, — ответил Эмальчик, — а профессионал высокого класса.

С этими словами он скрылся в кустах.

— Может быть, и не сумасшедший, — задумчиво произнес Гай-до, — но крайне опасный человек.

Остальные с ним согласились.

Затем стали обсуждать, что делать дальше.

Надо было собрать как можно больше яиц самых различных обитателей планеты. Затем следовало подготовить на борту корабля инкубатор, чтобы яйца не погибли по дороге. В общем, работы было невпроворот, а сделать ее следовало за день-два, если вы не хотите превратить Гай-до из инкубатора в детский дом.

Общее решение было таким: все перелетают на Гай-до вниз, в лес, поближе к обрыву, потому что уже известно, где высиживают яйца пнутьихи. Затем Алиса и Пашка начнут собирать яйца — по нескольку от каждого вида, а Гай-до тем временем подготовит в своем трюме место для хранения яиц. К счастью, они здесь небьющиеся, так что необязательно подкладывать под них подушки и одеяла.

Гай-до решил было лететь сейчас же, чтобы вечером начать погрузку, но тут налетела буря с градом и со снегом. Ветер валил с ног, Алиса с Пашкой вынуждены были забраться внутрь корабля, чтобы переждать жестокую непогоду. Сразу стемнело, и стало ясно, что в такую темень в лесу и у обрыва делать нечего. Тем более что быстро надвигалась ночь.

Так что остаток вечера Пашка с Алисой провели в трюме Гай-до, освобождая его от лишних вещей, что накопились в нем, пока Гай-до мирно стоял в саду дома под Вроцлавом. Здесь были и садовые лопатки, и пустые горшки из-под рассады, и детские погремушки, и кусок шланга, и высохшие букеты — чего только не соберется в животе космического корабля, который давно не поднимался в космос!

Алиса безжалостно выбрасывала вещи в мусорный контейнер, чтобы уничтожить все перед отлетом с планеты. Гай-до устраивал скандалы, стараясь сохранить свое барахло. Пашка посмеивался и разбирал материалы съемок, выясняя, куда отправляться назавтра и в кого ему лучше превратиться, а Алиса была рада, что настала непогода, потому что без ее решительных действий кораблик никогда бы не расстался с любимой погремушкой Вандочки, с пустыми бутылочками из-под кефирчика, с мешком удобрений для незабудок и другими драгоценностями.

Когда наступила темнота, трюм был более-менее очищен, Алиса нажила себе смертельного врага в лице Гай-до, а Пашка умудрился куда-то исчезнуть, несмотря на ливень, который хлестал по холму, переполнив озеро так, что вершинка Гай-до и мостик-манипулятор были покрыты холодной водой.

— Гай-до, куда Пашка задевался? — спросила Алиса, когда мыла руки после уборки.

Гай-до не ответил. Он молчал, надувшись, потому что чувствовал себя ограбленным.

Алиса стала искать Пашку сама.

Никаких следов!

Она уже стала волноваться — этот безумец мог по какой-нибудь прихоти выбежать под дождь и заблудиться...

— Гай-до, — взмолилась Алиса после бесплодной попытки отыскать Пашку на корабле — да и где там можно было спрятаться? — Гай-до, ты бы заметил, если бы Пашка вышел через люк?

Гай-до молчал.

Алиса поняла: этот негодяй получает удовольствие от страданий Алисы.

— Вам, роботам, — сказала она сердито, — не разрешено доставлять неприятности человеку.

Вот тут Гай-до не выдержал и заговорил:

— Вы с Пашей сами доставляете себе неприятности, а я не робот, а разумный корабль.

— Но сделанный, кстати, людьми!

— Тебя тоже сделали родители — разве я тебя в этом упрекаю? — заявил корабль.

Алиса не смогла сдержать улыбку.

— И все же, — сказала она, — ты только скажи мне, на борту Пашка или нет?

Гай-до молчал.

— Тогда давай сделаем так, — сдалась Алиса. — Я спрошу, на борту ли Пашка. Если ты промолчишь, это будет знак согласия. Молчание всегда знак согласия.

— Ты меня не путай, — сказал Гай-до. — Я формальной логике не обучался. Ты меня все равно перехитришь, потому что я простой, добрый и честный, а вы, люди, все время хитрите, притворяетесь, обманываете друг друга и меня.

— Ну уж, не обобщай! — возразила Алиса. — Люди разные бывают.

— А кто ворует золотые яйца? — спросил Гай-до. — Разве хоть один корабль украл хоть одно золотое яйцо?

— Так где же Пашка?

— На корабле, — ответил Гай-до.

— А где?

— Я за тебя искать не буду, я тебе в слуги не нанимался! — Гай-до полностью отомстил за очистку трюма и, удовлетворенный, замолчал.

— Ну ладно, Пашка, я тебя найду! — заявила Алиса.

Ответом ей была гробовая тишина. Ни Гай-до, ни Пашка не откликнулись.

Алиса полезла под стол. Под столом было пусто.

Она заглянула под обгоревший и кое-как застеленный пластиком диван. Никого. Она пошла на пульт управления, но там негде спрятаться. Тогда Алиса направилась в камбуз.

Посмотрела под плитой, открыла духовку... и тут послышалось тихое угрожающее шипение.

Алиса от неожиданности отпрыгнула.

Из духовки выползла плоская клетчатая змея, пасть ее была распахнута, и по желтым зубам сочился яд или что-то очень похожее на яд.

— Гай-до! — закричала Алиса, выбегая из камбуза и задраивая дверь. — Гай-до, срочно дезинфицируй камбуз! Ты впустил туда ядовитую змею. Я могла погибнуть, а Пашка, наверное, уже погиб!

— Я не впускаю змей внутрь себя, — ответил Гай-до.

— Но она же попала на корабль!

— Нет, — отрезал Гай-до.

— Тогда что же это такое?

— Это твой друг Пашка Гераскин, — ответил Гай-до, — мне надоело покрывать ваши человеческие обманы.

— Это так, — прошелестело под дверью, — можешь открыть. И не бойся. Я провожу опыты.

Алиса поняла, что Пашка на самом деле принял вид змеи, и осторожно приоткрыла дверь.

Змея стояла на хвосте и раскачивалась.

— Зачем ты это сделал? — спросила Алиса, отступая на всякий случай от двери.

— Лучше дай мне пилюлю, я хочу вернуться в свой родной облик, — ответил Пашка. — Я готовлюсь к завтрашнему дню. Не ходить же мне весь день в образе пнута?! Тогда мне ни одна змея своих яиц не отдаст.

— Мог бы сказать, что превращаешься в ядовитую змею, — упрекнула друга Алиса.

— Зачем? Ты же была занята уборкой.

— А зачем в духовке прятался?

— Я хотел понять, действительно ли ты так любишь всех животных или только зайчиков.

— Превращайся обратно, — сказала Алиса. — Вот тебе пилюля.

Пашка проглотил пилюлю, но не вернулся в свой облик, а стал ящерицей и побежал по потолку. К счастью, запас пилюль на борту был достаточным. Так что до ночи Пашка испытывал новые образы, а Алисе надоело на это смотреть, и она пошла спать.

Глава 9

Утро было свежим, солнечным, но морозным. По краям озерца белела кромка льда, льдом покрылся и затылок Гай-до. Так что, когда он поднялся после завтрака и полетел к обрыву, взлет сопровождался хрустом льдинок.

Гай-до пролетел вдоль обрыва и медленно пошел дальше, к югу. По дороге его пассажиры снимали на видео всех животных, разыскивая места, в которых они могли прятать, закапывать или высиживать яйца.

Разведка заняла часа два, потом Пашка не выдержал и сказал:

— Мы можем так и до вечера летать. От этого больше яиц не станет.

— Но мы должны подсчитать, сколько видов водится на планете, где они таятся или пасутся, чем питаются, как размножаются. Неужели тебе не понятно? — удивилась Алиса.

— Мне понятно, — ответил Пашка, — что всем этим зани-

мается компьютер на борту Гай-до. А мы с тобой должны действовать. От нас зависит, сколько спасется будущих динозавров.

Алиса и Гай-до согласились с Пашкой, и Гай-до пошел на посадку на берегу большого озера, где в то время неуклюжие, цветом и размером похожие на слонов черепахи откладывали золотые яйца и зарывали их в песок.

— Начинаем! — воскликнул Пашка.

Гай-до открыл люк. Пашка первым выскочил на песок и, как договаривались, сразу превратился в гигантскую жабу. У этой жабы на спине были круглые углубления, в которых она вынашивала свою икру, а потом жабят. Но так как Пашка был лишь подобием жабы, эти углубления у него были пустыми. Он превратился как бы в большую сумку для чужих яиц.

Привыкая к новому телу, небольшими прыжками, чуть приподнимая над песком белое пузо, Пашка попрыгал к воде.

За ним следовала Алиса, принявшая вид птицеящера, который на Стеговии ходит на задних лапах, а передние лапки у него свободны. Он не умеет летать, а назвали его Пашка с Алисой птицеящером, потому что он больше всего похож на ощипанного куренка трехметрового роста.

Пашка допрыгал до воды.

Алиса догнала его.

Отложив яйца, черепашки уже скрылись в воде. Они были такими глупыми, что не могли думать о будущем и не умели заботиться о своих будущих детях. Но ведь обидно, если из-за этого им придется вымирать?

Места, где были закопаны в песок яйца, оказалось нетрудно отыскать по следам, оставленным глупыми черепахами. Несколько яиц уже были откопаны клювастыми летающими ящерами, которые теперь долбили их клювами, пытаясь добраться до содержимого.

Пашка лег на песок рядом с Алисой, и она, выкапывая яйца, клала их в углубления на его спине.

— Хватит, — сказал Пашка. — Ты готова мне весь корабль черепашьими яйцами набить.

— Ты прав, — согласилась Алиса, — но ведь жалко...

— Ты лучше погляди в воде, — предложил Пашка. — По-моему, я вижу водяную змею, которая только что снесла яйца. Видишь, блестят?

Алиса видела, но ей было страшновато нырять в воду.

Пашка догадался и сказал укоризненно:

— По-моему, ты забыла, что покрыта бронированной чешуей!

Алиса зашла по горло в холодную воду и достала оттуда два змеиных яйца. Никто ее, конечно, не посмел тронуть...

Наполнив все ячейки на спине жабы разными яйцами, Пашка с Алисой вернулись к Гай-до, который скромно дожидался их у опушки леса.

Забираться в корабль не стали. Гибкими длинными манипуляторами Гай-до осторожно снимал яйца с Пашкиной спины и отправлял их себе в грузовой люк, как обжора, который руками кидает себе в рот пельмени.

Следующей остановкой на пути спасателей стала чаща леса.

Здесь тоже жили ящеры и земноводные, а также сухопутные крабы и раки. Весь этот лесной народец был невелик, потому что ему приходилось пробираться между могучими стволами деревьев, но это же не значит, что их нужно оставлять вымирать от холода. Для настоящих спасателей размер спасенного не играет роли. Они с одинаковым энтузиазмом будут спасать и кита, и селедку!

В лесу Пашка с Алисой провели больше двух часов. Тем более что они куда медленнее продвигались в чаще, чем на открытом месте. Конечно же, спасатели не были уверены, что нашли яйца всех лесных жителей, но они сделали все, что могли.

Пора было лететь к обрыву, где ждали настоящие крупные динозавры.

Гай-до молчал — он был занят вычислениями, а ведь каждое яйцо надо было описать, проанализировать, поместить в коробку или ящик, снабдить карточкой, чтобы не спутать, выведется ли из яйца змея или скорпион.

Когда Алиса заглянула в трюм, ее встретило золотое мерцание — большие, средние, маленькие яйца и даже золотая икра занимали полки трюма.

— Когда они выведутся, — спросил вдруг Гай-до, — куда золотую скорлупу денем?

— А она тебе нужна?

— Нужна.

— Он себе хочет золотые зубы вставить, — сказал Пашка, который подошел к Алисе и тоже смотрел в трюм.

— Чепуха! — обиделся Гай-до. — Зачем мне зубы! Но мне бы очень хотелось сделать дверные ручки и шпингалеты, как у лорда Палмерстона в его имении Кроухедж.

— Какой еще Палмерстон? — воскликнул Пашка. — Что ты говоришь, Гай-до! Неужели ты все-таки сошел с ума?

— У Тадеуша есть книга, очень старая, с картинками, — терпеливо сообщил Гай-до, — про английских чудаков. Так вот, лорд Палмерстон в своем замке Кроухедж приказал отлить дверные ручки из золота. Мне бы не хотелось ни в чем уступать этому благородному лорду. Когда Вандочка подрастет, ей будет приятно летать на роскошном корабле.

— Отлично, — сказала Алиса. — А у лорда конюшня была?

— У лорда Палмерстона была конюшня скаковых лошадей, — ответил Гай-до.

— Заведем для Гай-до конюшню? — спросила Алиса.

— Разумеется, — согласился Пашка, — при условии, что в ней тоже будут золотые ручки и золотой унитаз.

— Паша! — возмутился Гай-до, который был большим ревнителем хорошего тона. — Ты забыл, что выражаешься в обществе юной дамы?

— Ладно, пускай унитаз будет серебряным, — сдался Пашка.

— Все! — закричал оскорбленный Гай-до. — Улетаю без вас! Живите как хотите! Всему есть предел!

— Улетай, — согласилась Алиса. — Только выброси сначала яйца динозавров, черепах и змей. Ведь тебе все равно, погибнут они или выживут!

Гай-до замолчал.

Лишь через час, когда Алиса с Пашкой выбрались через люк и остановились рядом с ним, в лесу, подступавшем в том месте к обрыву, корабль сказал:

— Я разочарован путешествием с моими так называемыми друзьями. Очень тяжело пережить издевательства и насмешки!

Глава 10

Учтя опыт вчерашних походов, Пашка и Алиса отправились к обрыву, снова изменив свой внешний вид.

Пашка выглядел как самый настоящий пнут, а на шее у него болтался большой мешок из непрозрачного пластика.

Алиса же снова стала птицеящером, потому что у птицеящеров были сильные передние лапы с когтями. Ими удобно поднимать большие круглые яйца динозавров.

Оставив Гай-до в чаще, Алиса с Пашкой осторожно направились к знакомой пещере, где сидели наседки пнутов.

Вот и озеро, вокруг которого бродят травоядные гиганты... А вот и обрыв. Но пнутов, которые вчера охраняли вход в большую пещеру, не было видно.

Пашка первым заглянул в пещеру. Там было пусто.

— Я боюсь, — сказал он, — что вчера мы их спугнули и они перенесли яйца в другую пещеру.

— Далеко им не уйти, — сказала Алиса. — Но сначала я проверю, не забыли ли они чего-нибудь там, внутри.

Пашка остался у входа, а Алиса заглянула в пещеру.

В пещере она нашла только одну наседку.

Пнутиха была мертвой. Она лежала черным холмом на изрытом, истоптанном сене. Рядом с наседкой валялось раздавленное золотое яйцо — нужно было обладать немалой силой, чтобы его раздавить.

— Пашка! — закричала Алиса. — Несчастье!

Пашка сразу ринулся в пещеру. Но не разглядел мертвую наседку.

— Что случилось? — спросил он.

И тут увидел убитую пнутиху и раздавленное яйцо.

Он наклонил свою страшную голову, разглядывая наседку, и Алисе стало на секунду не по себе — ведь она видела, как гигантский ящер стоит над телом подобного ему чудовища и, покачивая головой, размышляет.

— Я думаю, что на них напали другие динозавры, — сказал Пашка.

— Зачем?

— У них идет борьба за существование, как во всей природе. Более сильные напали на пнутов. Вот даже след, смотри...

И в самом деле, по раздавленному яйцу можно было понять, что в пещере побывал какой-то исполин.

— Остальные разбежались, — сказал Пашка, — а одна самка не успела убежать.

— Если это так, то я только довольна, — сказала Алиса.

— Не понимаю, чем ты можешь быть довольна, если видишь погибших животных? — удивился Пашка.

— Если это обыкновенная вражда ящеров, то эта пещера — исключение, и в других пещерах все должно быть в порядке.

— А что же еще может быть? — спросил Пашка. — О чем ты подумала?

— Я сначала подумала, что сюда снова прилетели грабители. Тогда это — угроза всей планете.

— Почему? Даже если и грабители! Они же раньше прилетали, ничего, обходилось. Увезут свою добычу, а ящеры новые яйца снесут.

— Пашенька, пойми же! — взмолилась Алиса. — Раньше здесь был хороший климат, и динозаврихи могли снова снести яйца и вывести детенышей. А теперь жизнь на планете доживает последние месяцы. Потом здесь все замерзнет. И если украсть яйца динозавров, это значит — уничтожить их вообще. Ведь в холод динозаврихи не смогут снести новые яйца и высидеть их.

— Ты права, — согласился Пашка. — Давай не будем терять время попусту. Я думаю, что сейчас самое время заглянуть в другие пещеры и посмотреть, как там обстоят дела.

Перед выходом из пещеры они снова остановились. Здесь следы были виднее. Все было истоптано, и на мокрой земле были оттиснуты многочисленные следы пнутов и несколько отпечатков куда более крупных лап...

— Я знаю, кто это, — сказала Алиса. — Это крейсерозавр. Помнишь, ты с ним отважно сражался?

Пашка согласился с Алисой.

Они пошли вдоль обрыва в поисках следующей большой пещеры.

Со стороны они, наверное, выглядели странно: рядышком идут два ящера — гигантский пнут и втрое уступающий ему размером птицеящер. И разговаривают ящеры по-русски.

Впрочем, последнее было несущественно, потому что на планете Стеговия никто не знает не только русского, но и английского языка или космолингвы, на которой объясняется вся Галактика.

— Паша, — сказал птицеящер, — меня очень смущает одна деталь.

— Докладывай, — ответил пнут.

— А как крейсерозавры носят яйца?

— Наверное, в передних лапах, — сказал Пашка.

— А сколько было яиц в той пещере?

— Трудно сказать. Ты ведь тоже не считала.

— Я сказала бы, что там сидели четыре или пять наседок, каждая высиживала шесть, десять яиц... это неважно. Ты мне скажи, сколько было крейсерозавров?

— Судя по следам... наверное, два.

— Как два крейсерозавра могут унести пятьдесят золотых

яиц в передних лапах, если эти лапы им нужны, чтобы отбиваться от разъяренных пнутов?

— Ой, спроси что-нибудь полегче, Алиска, — отмахнулся зеленой лапой Пашка. — Унесли, значит, унесли. Вот у меня, например, есть мешок на шее...

— Его я тебе сшила, — сказала Алиса, — когда у меня были человеческие руки. Чувствуешь разницу?

— Сейчас дойдем до пещеры и во всем разберемся.

Они дошли до следующей пещеры, в которой раньше жили пнуты, примерно через пять минут.

Пещера являла собой грустное зрелище.

Перед пещерой лежал мертвый пнут, его уже терзали летающие гиены.

Внутри все было пусто, если не считать следов нападения крейсерозавров. Там тоже побывало два чудовища.

На этот раз Пашка задумался всерьез.

— Если это были те же крейсерозавры, — сказал он, — то тогда они кому-то сдавали яйца.

— И я так думаю, — сказала Алиса. — Кто-то стоял рядом и ждал, пока они их принесут.

Мысль была нелепой, но соображений получше у них не нашлось.

У третьей пещеры Пашка с Алисой задержались подольше, там они отыскали живого пнута. Он был ранен и потому остался у пещеры. Пашка заставил его думать.

«Это были большие ящеры?» — спросил он мысленно.

«Большие, — подумал в ответ раненый пнут. — Злые. Яйца...»

«Зачем?»

«Не знаю. Наверное, кушать. Пища».

«А раньше большие нападали на вас?»

«Не знаю». — Вопрос показался пнуту слишком сложным, он не смог на него ответить, потому что для него не существовало времени — он не понимал, что одно событие бывает прежде другого.

«Куда они пошли?» — мысленно спросил Пашка.

Собрату по породе пнут был готов рассказать все, что знал:

«Туда пошли. К озеру пошли. А наши за ними... плохо брать чужие яйца».

Пашка согласился с пнутом, что это делать нехорошо.

Они оставили раненого пнута и поспешили дальше вдоль обрыва, в сторону озера.

И не прошло четверти часа, как они увидели впереди серые гребни спин и бугорчатые затылки нескольких пнутов, которые толпой спешили вдоль обрыва. Когда Алиса догнала их и забежала сбоку, она увидела, что стадо пнутов преследует двух гигантских крейсерозавров. Причем один из крейсерозавров, не оборачиваясь, медленно шагает впереди, а второй все время огрызается, сам нападает на разгневанных пнутов, отгоняет их, но потом торопится за своим товарищем.

Глупые пнуты никак не догадывались окружить крейсерозавров, чтобы можно было напасть на того, что топает первым.

А это следовало сделать.

Тогда их шансы вернуть своих будущих детей резко возрастали.

Могучий крейсерозавр буквально сгибался под тяжестью двух громадных корзин, висящих по его бокам, как торбы у вьючной лошади. Корзины были соединены канатами, а сами сплетены из металлических прутьев и размером не уступали кузову самосвала.

Корзины были доверху полны золотыми футбольными мячами — яйцами несчастных пнутов.

— Теперь мне все ясно, — сказала Алиса, но Пашка ее не услышал за ревом пнутов и топотом могучих ног. Алиса потеряла его из виду — он растворился в этом стаде пнутов, став одним из чудовищ.

Забыв, что Пашка ее не может услышать, Алиса продолжала говорить:

— Так как крейсерозавры на этой планете еще не додумались, как плести корзины, то мы с тобой, Пашка, можем предположить, что или кто-то очень умный напялил корзины на ящера и велел ему таскать золотые яйца, или...

— Или это не крейсерозавр, — сказал Пашка, который тоже догадался обогнуть процессию ревущих пнутов и присоединился к Алисе.

Второму крейсерозавру приходилось несладко — пнуты наконец-то догнали его, и несколько самок вцепились ему в хвост. Чудовищный ящер мотал хвостом, стараясь скинуть с себя шевелящийся груз. Первый же крейсерозавр не мог прийти ему на помощь, не скинув с себя корзин, уж очень тяжелыми были золотые яйца — даже у крейсерозавра есть предел сил.

— Их погубит жадность, — сказал Пашка.

— Давай поможем пнутам, — предложила Алиса.

Но Пашка отрицательно покачал тяжелой зубастой головой, и его маленькие неподвижные глазки яростно заблестели.

— Мы должны увидеть, — сказал он, — куда они держат путь.

— Ты совершенно прав, мой дорогой ящер, — согласилась Алиса.

— Я рад, что ты оценила мои умственные способности, ощипанная курица, — так же вежливо ответил Пашка.

Не оглядываясь, первый крейсерозавр свернул направо и вломился в густой кустарник. Он оставил своего друга на произвол судьбы. А пнуты, поймав второго ящера, забыли о яйцах. Кипя справедливым негодованием против похитителя молодежи, они всей толпой принялись рвать и терзать врага.

— Он нас уже не интересует, — сказал Пашка.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Побежали за первым.

Бежать было нетрудно, потому что крейсерозавр, подобно танку, проломил в чаще широкую дорогу. Можно было даже не спешить — яростное прерывистое дыхание гиганта раздавалось по всему лесу — похитителя яиц невозможно было потерять.

Наконец путь привел Алису и Пашку на поляну.

Посреди поляны стоял старый, но еще крепкий космический корабль без опознавательных знаков.

— Так я и думала, — сказала Алиса. — Браконьеры.

— Не просто браконьеры, — поправил ее Пашка.

— Да, не просто браконьеры, а браконьеры с пилюлями. Наверное, они прилетели с планеты Синий Воздух.

— Ее обитатели не производят впечатления...

— Когда речь идет о тонне золота, впечатление может оказаться ложным, — возразил Пашка.

Тем временем крейсерозавр улегся на землю возле корабля.

— Устал он, что ли? — спросил Пашка.

— Наверное, сейчас выйдут сообщники. — Но сообщники не выходили.

Крейсерозавр убедился в том, что корзины встали на землю, и задом-задом начал выползать из-под своего груза. Не сразу, но это ему удалось.

Тогда он протянул гигантскую лапу к люку корабля, умело поддел его когтем, и люк открылся. Крейсерозавр вытащил изнутри пилюлю и проглотил ее.

И тут же, на глазах у изумленных Алисы и Пашки, превратился... в космического пирата Крыса!

— Этого быть не может! — прошептала Алиса. — Он же исправился! Он же сам мне говорил, что играет на барабане...

— Трудно исправить пирата, — ответил Пашка. — И я думаю, что ты сама в этом виновата. Кто просил его прислать пилюли?

— Я.

— Кто заронил в преступную пиратскую голову мысль, что сейчас самое время слетать на Стеговию и набрать там яиц, превратившись в какого-нибудь ящера? Ты же мне показывала письмо, которое ему наговорила. Оно — ценное руководство для пиратов!

— Все равно мне очень грустно сознавать, что меня так подвели! Неужели снова с ними придется враждовать?

— Всегда приходится враждовать с преступным миром, — ответил Пашка. — В этом наше призвание.

— Тогда иди и борись.

— А как же второй крейсерозавр?

— Господи, как я могла забыть о Весельчаке У! Конечно, Крыс без него не сунулся бы в такую авантюру. Весельчак У плохо влияет на Крыса.

— Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты, — ответил на это Пашка.

Алиса замолчала. Она смотрела, как пират разглядывает и гладит золотые яйца.

— Что, выйдем и арестуем их? — спросил Пашка.

— Я бы рада, но вдруг у них есть бластеры? Мы погибнем, а ящерам не поможем.

— А что ты предлагаешь? — спросил Пашка. — Ведь мы не можем сейчас бежать к Гай-до и оттуда вызывать галактический патруль.

— Конечно, не можем, они десять раз улетят и скроются в своем пиратском логове.

Но на этот раз трудную задачу за Алису решила сама судьба.

Судьба появилась на поляне с ревом и топотом — это пнуты, вырывая куски крейсерозавра, преследовали Весельчака У.

При виде этой жуткой картины Крыс, совсем забыв о своем соратнике, подхватил одно тяжелое яйцо и побежал к открытому люку.

— Стой! — закричал ему вслед Весельчак У. — Ты что делаешь?

— Не бойся! — отозвался Крыс изнутри корабля. — Тащи сюда корзины.

— Меня сожрут, пока я буду тащить эти чертовы корзины! — завопил Весельчак У. — Дай пилюлю!

Крыс, видно, понял, что и в самом деле придется сматывать удочки. Он кинул в морду Весельчаку пилюлю. Тот раскрыл пасть, хлопнул челюстями, в отчаянном прыжке оторвался на секунду от пнутов и хлопнулся о землю, превратившись в толстого, запыхавшегося пирата Весельчака У, совершенно голого и расцарапанного.

Пнуты от неожиданности осадили назад и начали тревожно перекликаться.

Но один из них, самый умный или самый сердитый, все же догадался, протянул вперед лапу и прижал ею Весельчака к земле.

— Спасите! — прохрипел Весельчак У.

— Ну как я тебе помогу? — отозвался из люка его друг. — Они меня тоже растерзают.

— Достань бластер! Где твой бластер?

— Я же не взял бластер, когда превратился в динозавра, — ответил Крыс. — К чему бы я его привязал?

— Ну придумай что-нибудь! Я погибаю!

— Сейчас сбегаю за оружием, потерпи!

— Не убегай!

И тогда Алиса, которой стало жалко, что Весельчак погибнет такой неприятной смертью, закричала:

— Крыс, кидай в него яйцом! Кидай яйцом в динозавра!

— Что?

— Кидай яйцо! — крикнул Пашка.

— Кто говорит?

Почему-то Крыс никак не мог сообразить, что ему подсказывает птицеящер.

— Кидай яйцо! — прохрипел Весельчак У. Он тоже понял, что Крыс прижимает к груди единственное их оружие.

И тогда Крыс впервые в жизни смог побороть в себе жадность ради товарища по пиратским проделкам. Он размахнулся и из-за головы, как футболист, который вводит мяч в игру из аута, метнул золотое яйцо в пнута, который намеревался раздавить ногой Весельчака.

Яйцо, блеснув в воздухе, попало в нос динозавру, и тот отпустил Весельчака У, чтобы подхватить драгоценность.

Весельчак вскочил и, прихрамывая, бросился к кораблю.

За ним устремились остальные пнуты.

Весельчак побежал не прямо к кораблю — видно, сообразил, что не успеет. Он метнулся к корзине и стал шустро выхватывать яйца и кидать ими в пнутов. Динозавры хватали яйца, как настоящие вратари, и вот уже ближайшие к Весельчаку животные были обезврежены — их лапы заняты золотыми яйцами.

— Крыс! — закричал Весельчак У. — Выходи, я буду кидать тебе яйца, а ты их лови и складывай!

— Ты с ума сошел! — закричал из люка Крыс. — Они же тебя затопчут.

— Не затопчут, они не могут оторваться от своих мячиков!

Весельчак У схватил первое яйцо и кинул его Крысу. Крыс не смог его поймать: получил яйцом по лбу и чуть не потерял сознание.

— Лови следующее! — закричал тонким голосом толстяк.

— Нет уж! — рассердился Пашка. — Так они и в самом деле улетят с добычей. Я этого не позволю!

И он с ревом побежал к Весельчаку У.

Толстый пират решил было, что все пнуты одинаковы, и следующее яйцо метнул в Пашку, рассчитывая, что тот обнимет добычу и будет ее лелеять.

Но, разумеется, он ошибся.

Пашка тут же перебросил яйцо птицеящеру Алисе, а сам, угрожающе рыча, надвигался на Весельчака.

— Скорее! — кричал Крыс. — Я улетаю!

— Грязная лягушка! — ругался Весельчак У. — Головастик недорезанный! Ты почему не берешь яйцо?

Голова Пашки уже нависла над пиратом, и нервы у того не выдержали.

Он кинулся к кораблю.

Люк пиратского судна закрылся, и через несколько секунд оно рванулось к звездам.

— Как хорошо, что у страха глаза невнимательны, — заметил Пашка, перекладывая яйца из корзины в мешок, висевший у него на шее. — Он даже не удивился, увидев ящера с мешком.

— Возьмем шесть штук, — сказала Алиса. — Нам еще надо столько яиц собрать!.. Ведь мы не собираемся устраивать на Земле заповедник для пнутов?

— А почему бы и нет? — спросил Пашка. — Мы, пнуты, очень красивы, элегантны и умны.

Но пора было покидать поле боя. Остальные пнуты уже опомнились и потянулись к корзинам. Так что, взяв шесть яиц, пнут Пашка побежал прочь.

За ним, подобно кенгуру, весело прыгала Алиса Селезнева.

— Отнесем яйца на Гай-до, — сказала она, — и отправимся искать логово крейсерозавров. Боюсь, что там нам не помогут никакие космические пираты.

И Алиса была права!

Еще два яйца гигантов крейсерозавров, которые удалось к вечеру принести на Гай-до, два шара метрового диаметра весом в полторы тонны золота каждый, достались спасателям так дорого, что у них хватило сил лишь забраться внутрь корабля и, отказавшись от ужина, свалиться на койки... и заснуть.

Глава 11

Утром Гай-до разбудил Алису.

— Прости, — сказал он. — Мне надо с тобой посоветоваться.

— Что случилось? — Алисе так не хотелось просыпаться! Она даже глаз не стала открывать, надеялась, что Гай-до спросит, она ответит и можно будет дальше спать.

Но дальше спать не пришлось.

— Я засек космический корабль без опознавательных знаков, — сказал Гай-до. — Судя по всему, это наши старые знакомые. Они возвратились и намереваются снова приземлиться.

— Знаешь, кого они мне напоминают? — ответила Алиса, садясь на койке и протирая глаза. — Овода. Его отгоняешь, хочешь прихлопнуть, а он взлетит, покружится над тобой — и снова садится, чтобы укусить.

— Что ж, сравнение не хуже любого другого, — ответил Гай-до. — Можно сравнить их с комарами, слепнями и даже голодными шакалами. Что будем делать?

— Надо с ними поговорить, — сказала Алиса. — Я скажу, что мы обо всем знаем и если они и дальше будут воровать золотые яйца, то я обо всем расскажу в галактической полиции.

— Очень они тебя испугались! — произнес Пашка, который тоже проснулся и вышел в кают-компанию. — Крыс и Весельчак У отлично знают, что ты здесь, что мы с тобой не очень взрослые и, к сожалению, не вооружены. Они знают, что Гай-до тоже не приспособлен для боя. А я могу поклясть-

ся, что их старая посудина, на которой они прилетели, напичкана оружием.

— Но что же тогда делать? — спросила Алиса.

Ей было очень грустно. Конечно, она сама виновата, что пираты прилетели сюда грабить. Им и в голову не приходило возвращаться к своим дурным занятиям, сидели в своем дворце, играли на барабанах, пировали и принимали гостей. И тут письмо от нее — оно, конечно, прозвучало как боевая труба! Они застучали копытами и помчались в бой!

— Алиса, ты слушаешь меня? — донесся до нее голос Пашки.

— А? Что? Конечно, слушаю. Я только немного задумалась.

— Тогда слушай внимательно, потому что времени у нас в обрез. С минуты на минуту они могут выследить новых динозавров и начать свою операцию иначе. А если совсем разозлятся, то возьмут в руки оружие!

— Не посмеют.

— Посмеют. Потому что трудно отказаться от добычи, которая совсем рядом.

— И что же ты предлагаешь? — спросила Алиса.

— Их надо пугнуть, — ответил Пашка.

— Но ты же сам сказал, что они нас не испугаются.

— Нас не испугаются, а кого-то испугаются.

— Кого же?

Пашка обратился к Гай-до:

— Скажи, ты можешь выйти с ними на связь?

— Думаю, что смогу, — ответил корабль.

— Тогда я с ними поговорю. Не называй себя. Только дай мне связь...

Алиса встревожилась.

— Пашка, что ты задумал? Ты пойми, что это не игрушки. Пираты опасны для всех...

— А этого я и не знал! — засмеялся Пашка. — Не беспокойся, мы все уладим. Поверь, что я уже не тот ребенок, с которым ты когда-то летала на рыцарскую планету.

— Каждый мужчина — до старости ребенок, — вмешался в разговор Гай-до.

— Есть связь? — перебил его Пашка.

— Канал свободен, — сказал корабль. — Когда услышишь щелчок, можешь говорить.

— Всем молчать! — приказал Пашка.

В тишине корабля раздался щелчок. Затем послышалось легкое шуршание, будто звезды терлись о небо.

Пашка насупился, приложил рупором руки ко рту и заговорил медленно, по слогам. Алиса сразу поняла, в чем дело. Он говорил так, как вчера, когда был в шкуре пнута.

— Вы слы-ши-те ме-ня? — произнес Пашка низким хриплым голосом.

— Кто там? Кто на связи? — послышался высокий, пронзительный голос Крыса. Значит, пираты сразу услышали Пашку.

— Го-во-рит Со-вет ди-но-зав-ров, — продолжал Пашка. — Слу-шай-те!

— Какой еще Совет?

— Вы бежа-ли от нас се-годня, — рычал в микрофон Пашка. — Но хо-ти-те вернуть-ся. Мы все ви-дим.

— Это шутка, — неуверенно произнес Крыс. — Наверное, это шутка. Динозавры не умеют говорить.

— Ди-но-завры уме-ют мстить. Сегод-ня вы убили на-ших пнутов. Вы хо-тели украсть на-ших детей. Нет по-щады!

— Вам все равно не нужны яйца, вы все замерзнете, — заговорил Крыс. Алиса улыбнулась. Наконец-то пират поверил страшному голосу и стал оправдываться. А если так, значит, он уже испугался.

— Это на-ше де-ло. А ваша смерть — это ва-ше дело, — сказал Пашка. — Со-вет дино-завров приговорил вас к смер-ти. Как пиратов и граби-телей. Теперь по-про-буйте спуститься к нам. Только по-про-буйте!

Наступила томительная пауза. Слышно было, как далеко-далеко переговаривались в своем корабле пираты.

— Врут они, — послышался голос Весельчака У, — пугают. Откуда у них станция связи?

— Вот именно это меня и тревожит, — ответил Крыс. — Откуда у динозавров Совет и станция связи? Кто их этому научил?

— А может, они? — спросил Весельчак У. — Те самые?

— Вот я и подумал, — ответил Крыс. — Это Алиска со своей компанией. От нее добра не жди.

— Нет, быть не может, все-таки она — ребенок...

— Ребенок? А мало мы от нее настрадались? Мало нас из-за нее жизнь молотила? Ты на себя посмотри — весь в шрамах и порезах. Ведь это динозавры тебя так разукрасили. А если бы не было у них Совета динозавров, никогда бы им нас не выгнать...

— А может, попробуем разок? — неуверенно спросил Весельчак У. — Уж больно золото хорошее.

— Есть у нас одно яйцо на память, для музея, и хватит! — отрезал Крыс. — Берем курс на нашу планету.

— Ох, стареешь ты, капитан! — сказал Весельчак.

— Я не старею, а хочу вернуться домой живым.

— Тогда я свергаю тебя, — сказал Весельчак У. — И беру власть! Мне нужно золото!

Гай-до вздохнул и прошептал:

— Ну прямо лорд Палмерстон. Как живой! Золотые ручки ему подавай!

— Я не слы-шу ваше-го решения, — прорычал Пашка.

И тут все услышали тихий голосок незаметно вошедшего в корабль катастрофиста Эмальчика:

— Разрешите, я внесу свою лепту.

Он подошел к передатчику и сказал таким же голосом, как Пашка (ведь подслушал, молодец):

— Го-ворит Совет динозавров! Если вы попытаетесь вер-нуться на планету, вы погиб-нете при посадке. Мы это тоже мо-жем. А чтобы вы не думали, что мы шу-тим, смотрите! Сейчас у вас на корабле перегорит свет.

— Ой! — раздался испуганный крик Крыса. — Почему темно?

— А по-то-му! — грозно ответил маленький катастрофист.

— Крыс, миленький, мне страшно! — откликнулся Весельчак У.

— Улетаем! — закричал Крыс. — Мы улетаем. Верните нам свет!

— Долетите без све-та, — ответил Совет динозавров.

Связь отключилась.

— Корабль пиратов взял курс прочь от планеты, — сказал Гай-до.

— Включи им свет, — попросила Алиса, — трудно же без света.

— Не жалей их, Алиса. Они же никого не жалеют, — сказал Пашка.

— Не в этом дело, — заметил маленький катастрофист. — Я предвижу катастрофы, даже маленькие, но это не значит, что я могу их исправлять. Это наша профессиональная беда... Я знал, что свет у них перегорит, но я не могу зажечь им свет.

— Тогда все садятся завтракать! — приказал Гай-до. — Сегодня трудный день, нам еще предстоит собрать немало яиц.

Глава 12

Ох, нелегко пришлось в этот день спасателям!

Ведь дело, которое взвалили на себя Алиса и Пашка, было неблагодарным и даже порой жестоким. Ну как ты объяснишь первобытным родителям какого-нибудь золотого яичка, что ты отбираешь их наследника не для того, чтобы сожрать или сделать из него яичницу, а чтобы вырастить из него достойного члена динозаврового общества, может даже, председателя несуществующего пока Совета динозавров.

Но Пашка терпеливо тащил на шее тяжелый мешок, Алиса обманывала родителей, а Гай-до, скрываясь за кустами, описывал яйца и их родителей, занимался исследованиями, чтобы обеспечить каждому яйцу достойную жизнь на другой планете.

Не было среди спасателей только маленького катастрофиста, который заявил, что его привлекают свежие катаклизмы и он желает посетить одно наводнение и два землетрясения. Но к вечеру обязательно вернется.

Настроение у Алисы было ужасное, и пнут Пашка не мог развлечь ее своими шутками, да к тому же он сам устал и еле волочил мешок и ноги. Все было бы еще терпимо, если бы не грустная процессия динозавров, лягушек, змей и ящериц, которые вереницей ползли и топотали сзади, воя, ноя, рыдая и упрашивая спасателей вернуть им золотые яйца.

Они не понимали ничего, но сильно горевали.

С неба раза два начинал сыпаться снег, а ветер был студеным. Когда Пашка выгружал очередную порцию золотых яиц в трюм Гай-до, местные чудовища расходились. Для них яйца существовали, пока они их видели. Стоило любимым яйцам пропасть из виду, как интерес к ним пропадал.

Кое-как закончив работу, спасатели приняли свой обычный вид, забрались в корабль, вытерлись досуха полотенцами, оделись потеплее и пообедали. Оказалось, что, несмотря на плохое настроение и усталость, аппетит у них не пропал.

— Это потому, что вы еще молоды, — серьезно сказал Гай-до.

— Трюм почти заполнен, — сообщил Пашка. — Я думаю, что пора лететь на Землю. Больше мы не сможем принести никакой пользы. Мы привезем все яйца в Космический зоопарк к твоему папе, и пускай он их кладет в инкубатор.

— Я думаю о том, как бы устроить сюда большую экспедицию, — сказала Алиса. — Чтобы вывезти и взрослых ящеров.

— Решать это будет твой папа, — сказал Гай-до, — и другие ученые. Но боюсь, что такого корабля, чтобы вывезти отсюда крейсерозавров и пнутов, не отыщется. Да и новую планету для них будет нелегко подобрать. Все это требует времени и усилий... Даже при самом лучшем отношении к динозаврам такая экспедиция опоздает. Эмальчик говорил мне, что ледники и снег покроют всю планету месяца через два. Она все быстрее удаляется от своей звезды.

— Значит, мы с тобой — последняя надежда для Стеговии?

— Боюсь, что да.

— Тогда мы вернемся сюда еще раз. Ведь мы обязаны собрать яйца всех обитателей планеты, а мы многих из них даже не видели.

— Хорошо, Алиса, — согласился Гай-до. — А пока, если позволишь, я с тобой попрощаюсь и займусь подготовкой к отлету. Мне надо проверить, на каждое ли яйцо у меня есть карточка и все ли наши трофеи находятся в хороших условиях.

— Когда стартуем? — спросил Пашка.

— Через час, — ответил Гай-до. — Мы должны вернуться домой прежде, чем начнут выводиться ящеры. Иначе мы никуда не долетим.

— А где же катастрофист? — спросил Пашка.

— Он с нами не летит, — ответил Гай-до, — он сказал, что должен остаться, чтобы увидеть самую великую катастрофу, которую ему приходилось видеть.

— Но он же замерзнет! — воскликнул Пашка.

— Я ему оставил утепленную палатку и запас продовольствия.

— Но продовольствие кончится! — встревожилась Алиса.

— К этому времени за ним прилетит корабль Службы катастрофистов. Он с ними договорился.

— А есть такая служба?

— В Галактике все есть. Неужели ты думаешь, что наш Эмальчик — единственный чудак?

— Все равно страшно оставаться одному на умирающей планете, — сказала Алиса.

В этот момент люк раскрылся, и в него ворвался заряд снега. В проеме люка стоял покрытый снегом, промокший, но, как всегда, уверенный в себе катастрофист.

— Вы обо мне разговаривали? — спросил он с порога.

— Мы вас жалели, — сказала Алиса.

— Не надо меня жалеть, я получаю удовольствие от своей

работы! Такая катастрофа может только присниться! Я — самый счастливый человек во Вселенной.

— Тогда закройте люк, — сказал Гай-до, — вы мне перморозите всех динозавров.

— О да! Конечно. Я зашел попрощаться с вами, пожелать счастливого пути. Вот эту кассету немедленно перешлите моему шефу в Галактический центр.

Катастрофист церемонно поклонился по очереди Алисе и Пашке и помахал ручкой Гай-до. Уходя, он вдруг остановился и спросил:

— Совсем забыл, мне нужна железка, сантиметров в семьдесят длиной. По-моему, я ее видел в кладовке среди инструментов.

Через минуту катастрофист снова открыл люк, помахал железной палкой, которую отыскал в кладовке, и скрылся в снежной буре...

Той же ночью Гай-до стартовал к Земле.

Глава 13

Внутри корабля было жарко и душно — такую температуру больше всего любили динозавры. Для людей это было не очень удобно, но все терпели. И терпели бы дальше, если бы не неожиданное событие.

Утром, когда все, кроме Гай-до, еще спали, в корабле раздался отвратительный скрежет.

Гай-до заглянул к себе в трюм и увидел, что из одного пнутского яйца торчит маленький золотой штопор, который шустро поворачивается. Пока Гай-до пытался сообразить, что же творится, яйцо развалилось пополам и из него выскочил шустрый динозавр, около метра длиной, страшно худой и голодный — непонятно, как только он мог уместиться в яйце размером с футбольный мяч.

Сначала Гай-до подумал, что это случайность. Одно перезрелое яйцо... но уже к восьми утра в трюме обнаружились три динозавренка, одна белая жаба, плоский змееныш, птицеящеренок и еще шесть зверюшек.

Когда Алиса с Пашкой проснулись, им пришлось вместо завтрака лезть в трюм и кормить зверят неприкосновенным запасом. Через час уже не осталось сгущенного молока, сливок, масла, мяса, котлет, фарша, рыбы и так далее...

К двенадцати вывелся первый крейсерозавр.

Новорожденный крейсерозавр достигал трех метров в длину. Он лежал поперек трюма, касаясь носом одной стенки и хвостом упираясь в противоположную.

— Если мы не накормим этого крокодила, — сообщил Пашка, — он начнет жрать остальных, даю тебе слово.

Алиса спрыгнула в трюм и, увертываясь от злобного детеныша, стала выбрасывать наверх, в руки Пашке, мелких детенышей. Гай-до, как мог, помогал ей, придерживая манипуляторами крейсерозавренка, чтобы он не перекусил Алису пополам.

Пока она занималась этим, родилась еще одна жаба, и Алиса не успела глазом моргнуть, как ящер проглотил новорожденную.

— Дайте ему чего-нибудь поесть! — закричала Алиса.

— У меня осталась только мука! — ответил Гай-до.

— Сыпь муку! — в отчаянии закричала Алиса.

Гай-до высыпал в пасть крейсерозавренка мешок муки, и она, к счастью, на время слепила его челюсти.

Алиса выбралась наружу, в кают-компанию.

— Что-то надо делать, — сказала она. — Далеко до ближайшей планеты?

— Через восемь часов будем пролетать Декабристку, — сказал Гай-до. — Спускаемся там. И выгружаем детенышей. Декабристка прозвана так космонавтами, — сообщил Гай-до, — ввиду того, что средняя температура на ее поверхности — минус шестьдесят.

— Ну почему нам так не везет! — воскликнул Пашка. — Где у тебя планета потеплее? Может, сменим курс, если нужно?

— До ближайшей планеты с нормальной температурой двое суток...

— Может, спустимся к археологам Громозеки? — спросил Пашка.

— Но там пустыня! Детеныши съедят запасы экспедиции, а потом самих археологов, — предупредил Гай-до.

— Вызывай спасателей! — крикнула Алиса.

— Корабли патруля не приспособлены для перевозки динозавров, — ответил Гай-до.

Из люка показалась обмазанная тестом морда крейсерозавренка.

Пашка ткнул в нее стулом. Морда попыталась попробовать стул на вкус. Со стулом в зубах она скрылась внизу.

Новорожденный пнут кусал Пашку за ногу, требуя пищи, жаба прыгнула на пульт управления.

— Мы погибли, — сказала Алиса.

— Да, первый раз в жизни, — согласился Пашка, — признаю свое поражение. Давай простимся, Алиса!

— Не кривляйся, Пашка, — сказала Алиса. — В конце концов, мы-то спасемся, а вот как спасти детенышей, я не знаю. Гай-до, придумай что-нибудь.

— Пока не придумал, Алиса, — ответил корабль. — Сними, пожалуйста, саламандру с моего компьютера.

Из люка вновь показалась морда крейсерозавренка. Пришлось отдать ему второй стул. Но этим дело не ограничилось. Рядом тут же возникла морда второго крейсерозавра. И третий стул исчез в трюме.

— Ввиду того, что я отвечаю за безопасность моего экипажа, — сказал Гай-до, — я должен вас предупредить, что через час, а может быть, раньше, я попрошу Алису и Пашу надеть скафандры. Затем я открою внешний люк и заморожу всех динозавров, включая яйца.

— Ты не сделаешь этого, Гай-до! — закричала Алиса.

— У него нет другого выхода, — сказал Пашка.

— Должен быть! — закричала Алиса. — Должен быть!

В этот момент ожил приемник космической связи на пульте управления.

— Выход есть, — произнес знакомый тонкий голосок.

Глава 14

— Кто это?

— Катастрофист, — подсказал Гай-до.

— Конечно, это я, — согласился Эмальчик. — Я звоню вам, потому что случайно подслушал ваши переговоры и у меня появилось деловое предложение.

— Какое? — спросила Алиса.

— Я предлагаю вам вернуться на планету Стеговия!

— Мы не можем, — сказала Алиса. — Ведь там все наши динозавры погибнут.

— Я гарантирую им жизнь и свободу, — решительно отве-

тил Эмальчик. — И даю честное слово катастрофиста, что я нашел выход и для вас, и для динозавров.

— Подчиняемся? — спросила Алиса у Пашки.

— А разве у нас есть другой выход?

— Я боюсь, как бы Эмальчик не устроил новую катастрофу.

В ответ послышался бодрый голос Эмальчика:

— Не беспокойтесь, я ее уже устроил.

— Я разворачиваюсь, — сказал Гай-до.

Через шесть часов бешеной гонки Гай-до вышел на орбиту Стеговии.

Его пассажиры, все последние часы воевавшие с бедными динозаврами и пытавшиеся рассадить их по разным углам корабля, уморились настолько, что задремали.

Так что Гай-до первым увидел перемены, случившиеся с планетой.

Ледники значительно уменьшились — это было видно даже невооруженным глазом, всюду текли ручьи, кое-где над морями поднимался пар.

— Эмальчик, — вызвал Гай-до катастрофиста, — вижу Стеговию. Вижу перемены. Что случилось?

— Климат изменяется к лучшему, — ответил катастрофист. — Можно возвращать динозавров.

— Но что случилось?

— Опускайтесь на старом месте, — ответил Эмальчик, — я буду вас ждать.

Гай-до разбудил Пашку и Алису.

Он пересказал им разговор с катастрофистом. Спасатели прильнули к иллюминаторам.

— Я знаю, — сказал Пашка. — Он устроил гигантское извержение вулкана!

— Нет, — возразил Гай-до. — Никаких извержений не зарегистрировано. И вообще, после извержений вулканов становится не теплее, а холоднее, потому что пепел закрывает путь солнечным лучам.

— Что же это? — размышлял вслух Пашка, отмахиваясь от жабы, которая прыгнула ему на макушку и пыталась откусить ухо.

Гай-до резко снизился и опустился у обрыва на берегу озера.

Там текла мирная жизнь. Динозавры гонялись друг за другом, старательно пожирая слабых и удирая от сильных.

В траве по колено стоял Эмальчик. Он улыбался — рот до ушей.

— Как долетели? — спросил он.

Алиса приоткрыла люк.

— Здесь тепло, — сказал Эмальчик. — Двадцать пять в тени. Завтра будет еще теплее.

Алиса и Пашка спрыгнули в траву.

— Но послезавтра не станет холоднее? — спросил Пашка.

— Ни в коем случае! — ответил катастрофист. — Катастрофа уже произошла.

— Какая катастрофа? — спросила Алиса.

Маленький рыжий Эмальчик показал железную палку, которую держал в руке.

— Что это? — спросил он.

— Железная палка, которую вы вчера взяли в моей кладовке, — ответил Гай-до.

— Ничего подобного, — возразил Эмальчик. — Это самый настоящий рычаг. У меня был рычаг, я нашел ночью точку опоры и немножко перевернул эту планету. Теперь она возвращается на старую орбиту.

— Как? — изумился.Пашка. — Вы не шутите? Вы это сделали один?

— Кроме меня, на планете не оставалось ни одного разумного существа, — сказал Эмальчик. — И ведь дело не в размере рычага и усилия. Дело в том, чтобы найти нужную точку. А у меня, как у самого талантливого катастрофиста, есть чутье на такие штуки.

Он направился к Гай-до и открыл люк.

— С вашего разрешения, положу рычаг на место. Больше он нам не пригодится.

Но тут из открытого люка живой рекой хлынули пнуты, крейсерозавры, птицеящеры, жабы, змеи, лягушки, тритоны, птеродактили... Они сбили с ног и погребли под собой перепуганного катастрофиста.

Когда они промчались мимо и разбежались в поисках родителей, Пашка помог катастрофисту подняться.

— Как же так? — спросил он. — Вы знаете о катастрофах, но не знаете, когда катастрофа приключится с вами.

— Да, это большой недостаток, — согласился катастрофист. — Над этим я еще должен много работать. Угостите

меня чаем, а то я всю ночь был на ногах, искал эту противную точку опоры...

Алиса приготовила чай, а Гай-до тем временем вытаскивал яйца и выкладывал их на траву. Со всех сторон сбежались динозавры и земноводные существа. Они искали своих детей и, найдя, счастливые убегали, прижимая наследников к груди.

За чаем Алиса рассказала катастрофисту, как они перепугались, когда начали выводиться динозавры, а катастрофист рассказал, как он возвращал планету на старую орбиту.

Потом катастрофист уронил и разбил любимую чашку Алисы.

И они полетели домой, на Землю.

ГОСТЬ В КУВШИНЕ

Замечательному художнику
Евгению Мигунову, другу Алисы,
подарившему идею этой повести

Глава 1

НЕЖДАННЫЙ ДЖИНН

Просто нежданный гость — это полбеды. Нежданный джинн в доме — это целая беда.

Однажды в июне Алиса получила посылку.

Посылка была тяжелой и со всех сторон оклеена надписями: «Не кантовать!», «Верх», «Низ», «Бок».

Семья собралась вокруг стола, на котором лежала посылка.

Дедушка считал, что посылка напоминает коробку с хрустальным сервизом. Бабушка решила, что внутри ящика находится аквариум, папа предположил, что Алисе прислали супертелевизор, принимающий программы с Марса, только мама призналась, что не представляет, что там находится. Тогда домашний робот Поля, которого все называют домроботником, поднял руку и произнес:

— Попрошу всех покинуть квартиру.

— Почему? — спросил дедушка.

— Потому что, скорее всего, в ящике находится бомба замедленного действия. Наконец-то террористы добрались до семейства Селезневых. Они хотят отомстить Алисочке за то, что она разоблачила космических пиратов.

Все засмеялись, но не очень громко.

Когда тебе говорят, что на столе лежит самая настоящая бомба, ты, конечно, понимаешь, что это шутка. А потом думаешь: а вдруг это не шутка?

— Чепуха! — решил папа и добавил: — А по какому номеру вызывать саперов?

— Ты меня смешишь, — сказал дедушка. — Неужели мы с тобой сами не обезвредим какую-то глупую бомбочку?

Но робот Поля уже укатился на кухню и оттуда вызвал группу саперов, которые через три минуты влетели в открытое

окно. Саперов было двое, они были одеты в бронекостюмы, за их спинами вертелись пропеллеры. Саперы понюхали, потрогали, осмотрели ящик. Особенно их заинтересовал обратный адрес: «Эпоха легенд. Древняя Аравия. Пещера джиннов».

— Скорее всего, — сказал главный сапер, — это сказочная посылка. — Он вынул из чемоданчика генератор силового поля и добавил: — Сейчас мы его обесточим, а потом посмотрим.

Силовое поле окутало посылку невидимой преградой, которая все пропускает снаружи, но ничего не пропускает изнутри.

Затем главный сапер со всей осторожностью разрезал ножницами шпагат, которым была обвязана посылка, снял оберточную бумагу, сильными пальцами раскрыл фанерный ящик, и оказалось, что внутри его находится большой ком ваты.

Сапер принялся распутывать вату и вскоре утонул в ней по уши. Вата не могла выбраться из силового поля, и поэтому саперу было очень неудобно работать.

— Есть! — закричал он, но никто не увидел, что же он нашел. — Это не бомба, — сказал он. — Снимай защиту!

Второй сапер отключил силовое поле, и первый сапер упал на пол в ворохе ваты. В руках он держал большой медный кувшин. Старинный, украшенный чеканными узорами, заткнутый медной пробкой.

Сапер сказал:

— Тяжелый кувшин. Видно, полный вина.

— Алисочка не пьет вина! — возмутился дедушка.

Сапер поболтал кувшином, и изнутри донесся глухой звук. Словно крик, заглушенный подушкой.

— Там кто-то есть! — воскликнула бабушка. — Там находится несчастный пленник! Срочно освободите его.

— Я бы на вашем месте хорошенько подумал, — ответил главный сапер. — А если это кричит какой-нибудь гигантский зловещий микроб?

— Или чудовище из болот Ядовитых гор? — поддержал его второй сапер.

Сапер поставил кувшин на стол, и все смотрели на него, ожидая, что будет дальше.

И тогда в полной тишине кто-то постучал по стенке кувшина изнутри.

— Неужели злобный микроб будет стучать? — спросила Алиса.

— А тем более чудовище из Ядовитых болот, — сказал папа.

— Они бывают жутко коварными, — не сдавался второй сапер.

— Тогда придется кому-то окружить себя силовой защитой, открыть кувшин и рискнуть жизнью. Я старый, меня не жалко, — решил дедушка.

— Я возражаю, — сказал сапер. — Человеческая жизнь бесценна.

И все посмотрели на Полю, потому что понимали, что робота, в крайнем случае, можно починить.

— Почему вы так на меня смотрите? — взволновался робот. — Вы хотите пожертвовать мною? Говорите правду! И ты, Алиса, такая же жестокая, как все?

— Я согласна сама открыть кувшин, — заявила Алиса.

— Но мы ей этого не позволим! — хором закричали саперы.

— А если меня исковеркает до неузнаваемости? — спросил домроботник Поля.

— Мы сделаем тебе оболочку лучше прежней, — сказал дедушка.

— А я могу отказаться? — робко поинтересовался робот.

— Отказаться ты можешь, — ответил первый сапер. — Каждый робот, который забывает, что его главная задача — охранять людей, может отказаться. Но тогда нам придется...

— Пустить его на переплавку, — вздохнул второй сапер.

— Они шутят! — воскликнула бабушка.

— Вот расплавим, тогда и посмотрим, — ответил ей сапер. — У саперов не бывает чувства юмора, потому что бомбы не смеются.

— Алиса, — произнес робот Поля. — Я завещаю тебе коллекцию монет.

— Я сама! — закричала Алиса, так ей стало жалко робота.

Отец схватил ее и прижал к себе.

Робот Поля подошел к столу. Саперы выпустили из генератора невидимое силовое поле, и робот оказался в нем, как в круглой банке.

Он обернулся, встретился взглядом с Алисой и кивнул ей. Алиса с трудом сдерживала слезы.

Робот поднатужился, вытащил пробку из кувшина, и отту-

да вырвались клубы черного дыма. Видно было, как в дыму шевелится кто-то большой и страшный.

— Разве так встречают гостей? — послышался из дыма громовой голос.

Могучими ручищами неизвестное чудовище разорвало силовое поле и выросло до потолка.

Оказывается, в кувшине скрывался мужчина пожилого возраста с собачьими ушами, в чалме, украшенной драгоценными камнями, в расшитой куртке, распахнутой на груди, и широких шелковых синих шароварах. Его наряд заканчивался золотыми туфлями с острыми загнутыми носками.

— Я оскорблен и унижен! — рычал гость.

— Простите, — сказала Алиса, вырываясь из папиных рук и кидаясь к чудовищу. — Я вас узнала!

— Узнала?

— Вы Мустафа! Вы младший брат джинна Хасана ибн-Хасана, который помог мне, когда я путешествовала в эпохе легенд! Но почему вас прислали в посылке?

— А как мне еще до тебя добраться? — спросил джинн. — Я сидел в пещере на берегу Аравийского моря в медном кувшине и ждал, когда наступит ледниковый период. Но мне же было скучно! И я тогда спросил своего брата Хасана: «У тебя есть знакомая молодая волшебница, которая будет жить в далеком будущем?» И мой брат Хасан кивнул своей мудрой головой. «Ты сделал ей одолжение?» — спросил я. И мой брат Хасан подтвердил, что это именно так. И тогда я спросил: «Брат Хасан, можно ли мне немного размять ноги и слетать в далекое будущее, чтобы познакомиться с девочкой Алисой и слегка развлечься у нее в гостях?» И мой брат Хасан дал мне на это согласие. Тогда меня вместе с кувшином поместили в посылку. Эту посылку мой друг Синдбад-мореход отвез на край дикого леса, там отыскал в дупле векового дуба глубокоуважаемую машину времени, положил посылку со мной, то есть с кувшином, в машину времени и нажал соответствующую кнопку. Как я понимаю, посылку получили в вашем Институте времени и послали по почте дальше. И вот я оказался в твоем доме, я жду радости по поводу моего приезда, я жду музыки и развлечений, а вместо этого надо мной издеваются эти железные человечки.

— Простите, Мустафа, — сказала Алиса, — мне очень приятно с вами познакомиться. Но я совсем не ожидала, что вы

приедете к нам в таком ящике. Я думала, что джинны приезжают на шелковых носилках или хотя бы верхом на слонах.

Мустафа сделал вид, что не услышал слов Алисы.

Вместо этого он строго спросил:

— А это что за людишки здесь собрались?

— Я как раз собиралась вас со всеми познакомить. Сначала с моей бабушкой Клавдией Матвеевной.

Джинн расплылся в улыбке. Он вытащил из мешочка, висевшего у него на поясе, скромный, но изящный нефритовый браслет и произнес:

— Дорогая Клавдия-джан. Всю свою жизнь я мечтал встретиться с такой мудрой и заслуженной женщиной, как ты. Я мечтал, что мы будем обсуждать с тобой строки древних сказаний, будем говорить о воспитании внуков и правнуков. Возьми мой скромный дар, Клавдия-джан, да хранит тебя небо. Этот браслет вырезан руками гномов в пещерах Бадахшанских гор.

Бабушка поблагодарила джинна, а Алиса познакомила с джинном дедушку. Алексей-ага получил в подарок от джинна сапфировые четки и шелковую чалму. Затем подошла очередь мамы. Маме досталось коралловое ожерелье. Папа Алисы особенно понравился джинну, и поэтому профессору Селезневу пришлось принять от джинна в подарок кривую саблю дамасской стали в серебряных ножнах.

Джинн сказал при этом:

— Учти, профессор-ага, этот клинок разрезает на лету конский волос. Хочешь попробовать? Возьми у любого своего коня и разруби!

— Простите, Мустафа, — сказал профессор, — но у меня дома нет ни одного коня.

— Не может быть, чтобы волшебница Алиса жила в такой бедной семье! Но у тебя должен быть хоть один верблюд!

— Простите, но у меня нет верблюда.

— Неужели на все хозяйство у вас только один осел? — расстроился джинн.

Он разволновался, пыхтел черным дымом, из глаз капали на ковер слезы, состоящие из серной кислоты, и прожигали в ковре дырки.

И тогда Алиса спасла положение.

— Вы не правы, глубокоуважаемый Мустафа! — воскликнула она. — Мой отец, премудрый профессор Селезнев, владеет несметными богатствами. У него есть железные слуги. Вот

трое перед вами. — Она показала на саперов в касках и бронекостюмах и на домашнего робота Полю.

— То есть как? — удивился первый сапер. — Нас вызывали на обезвреживание, а теперь называют слугами!

— Вы свободны, — сказала им Алиса. — Спасибо за службу.

И она им так выразительно подмигнула, что саперы догадались, что Алиса шутит, взяли под козырек и дружно ответили:

— Рады стараться!

— Кроме того, мой премудрый отец, — продолжала Алиса, — владеет особым царством под названием Космический зоопарк, или Космозо. Слышали ли вы, Мустафа, о таком царстве?

— Нет, не приходилось, госпожа.

— Именно там собраны все самые страшные чудовища с разных звезд. И мой глубокомудрый отец повелевает ими, но держит в клетках, чтобы они не сожрали все живое.

— О небо! Какое счастье! — закричал Мустафа. — Я не ошибся! Я и на самом деле приехал в гости к могущественнейшему семейству на Земле.

— Можно считать, что так, уважаемый Мустафа, — согласилась Алиса и подумала, что даже такой требовательный к другим людям человек, как ее друг Пашка Гераскин, порадовался бы находчивости Алисы.

И тут в комнату вошел марсианский богомол.

Надо сказать, что у Алисы всегда живут разные звери и птицы. Одни немного, другие подолгу, а марсианский богомол прижился навсегда. Потому что его почти не надо кормить и поить. Как известно, марсианские богомолы едят раз в месяц, а пьют только 29 февраля, в високосном году. Так что даже если все Селезневы, народ, как известно, беспокойный и непоседливый, разъедутся по разным концам Галактики, а домоботник Поля отправится на конгресс нумизматов, ничего с богомолом не случится. Он замрет посреди комнаты и не двинется, пока кто-нибудь не вернется.

Марсианский богомол похож на палку с круглыми глазами, приделанную к шести длинным, тонким, членистым, но очень крепким ногам. Ростом он Алисе по пояс. На первый взгляд к нему страшно подойти: заденешь слегка, и его ноги сломаются. Ничего подобного! Как-то богомол задумался, вышел на улицу и столкнулся со снегоуборочным комбайном. Комбайн спереди погнулся, а богомол только испугался и убежал обратно. Если, правда, бег богомола можно считать бегом.

Его догонит и маленький ребенок. А когда он гуляет, то переставляет ноги, как сонная черепаха.

Надо добавить, что марсианский богомол — существо совершенно безмозглое, но доброе и привязчивое. И страшно любопытное.

Поэтому неудивительно, что, услышав шум в соседней комнате, богомол решил проверить, что же там случилось.

Он вошел в комнату, и никто, кроме Алисы, не обратил на это внимания. К марсианскому богомолу за несколько лет все настолько привыкли, что его не замечали. Алиса же испугалась — вдруг джинн Мустафа примет богомола за злого духа и захочет его убить?

— Не бойся, Мустафа! — воскликнула Алиса, кидаясь вперед, чтобы встать между богомолом и джинном. — Он не кусается.

— А я знаю, что он не кусается, — спокойно ответил джинн.

Он шагнул вперед, протянул лапищу и почесал когтем между выпуклыми круглыми глазами богомола.

Только знатоки марсианского животного мира и сами марсиане знают, что богомолы любят, чтобы их чесали между глазами.

Богомол замер от наслаждения, а Мустафа, к всеобщему удивлению, объяснил:

— Не удивляйтесь, уважаемые Селезневы. Я хотел бы признаться, что свою бурную молодость я провел не в кувшине, а немало путешествовал и шалил. Как-то мой дядя Эль-Менеджер взял меня на загадочную красную планету, которая поднимается кровавым оком над уснувшей пустыней. Мы побыли там недолго, потому что там нечего пить, нечего есть и нечем дышать. Сами жители той планеты обитают в пещерах и прячутся от яркого света. А по пустыне бегает только вот такая саранча, как ваш друг. Есть саранчу нельзя, потому что в ней только жилы и кости.

— Вы бывали и на других планетах? — спросил дедушка.

— Бывал, — ответил джинн и широко зевнул. Из его пасти вырвалось облако дыма.

Алиса поняла, что первое знакомство состоялось и обошлось без жертв. Пора сделать перерыв.

— А теперь, наш дорогой гость, — сказала она, — вам пора отдохнуть. Дорога была трудная, ваш возраст требует отдыха.

— О, как ты права, премудрая девица! — согласился Мустафа.

— Но где ты будешь спать?

— Удобнее всего мне спать в кувшине. Я уже привык. Ты меня заткнешь пробкой, чтобы шум вашего уважаемого города не мешал мне отдыхать.

Алиса, конечно же, согласилась.

Джинн подпрыгнул, взялся руками за горло кувшина, опустил внутрь ноги и, уменьшаясь, исчез в его горлышке. Когда снаружи осталась только голова и руки, джинн помахал на прощание Алисе и сказал:

— Спокойного сна, до встречи завтра утром. Разбуди меня на рассвете и не забудь, что на завтрак я пью чай с молоком!

С этими словами джинн исчез и сразу захрапел.

Алиса плотно заткнула кувшин пробкой.

И все на цыпочках, чтобы не побеспокоить гостя, разошлись по своим комнатам.

Так джинн Мустафа поселился в доме Селезневых.

Глава 2

ПРОДАЙ КОЗУ!

Жизнь в доме сильно осложнилась. Джинн Мустафа оказался существом неумным, жестоким и совершенно невоспитанным. Робота Полю он считал ничтожным рабом, пользоваться вилкой и ложкой не желал, все хватал со стола руками, жаловался, что его плохо кормят, и грозился уйти жить к соседям. К тому же он скучал и требовал, чтобы его развлекали.

В театр его водить было нельзя. Однажды Алиса попыталась это сделать. Она повела его на балет «Лебединое озеро». Джинн вел себя там так неприлично, что лучше и не вспоминать.

Мало того, что он выскочил на сцену и стал танцевать танец маленьких лебедей, так потом еще гонялся за одной балериной и кричал, что хочет на ней жениться.

Спектакль был сорван, женщины плакали, мужчины едва сдерживали гнев, некоторые даже требовали отправить джинна обратно в сказочную Аравию.

В книжках описаны случаи, когда джинны по разным причинам попадали в наши времена. И в конце концов с ними справлялись. Правда, это были выдумки писателей, а Мустафа существовал на самом деле. Джинны из книжек бывают скорее смешными, чем страшными. Какой-нибудь старик Хоттабыч вообще кажется добрым, хоть и сварливым дедушкой. Разумеется, на самом деле ничего подобного от джинна ожидать нельзя. Тем более что он всего-навсего приехал в гости, и за месяц его не перевоспитаешь.

К тому же было неизвестно, на сколько джинн приехал в гости.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал механик Зеленый, который как-то зашел к Селезневым в гости. — В крайнем случае мы его возьмем с собой в космос и потеряем вместе с кувшином в вакууме. Лет через тысячу его найдут...

— Это жестоко, — ответила Алиса. — Он же не виноват, что его никто никогда не воспитывал.

— Вот именно, — прорычал джинн Мустафа. Он беззвучно вошел в комнату, где происходил этот разговор, неожиданно схватил механика за шиворот и выкинул в окно.

— Как ты смеешь! — закричала Алиса.

— А как он смеет терять меня в космосе? — ответил вопросом на вопрос джинн.

Алиса побежала вниз, Зеленый с трудом поднялся с клумбы и сказал грустно:

— Я вас предупреждал!

С ним всегда случаются неприятности. И механик Зеленый давно не ждет от жизни ничего хорошего.

На третий день Алиса повела Мустафу на станцию юных натуралистов, ту самую, что занимает часть парка, бывшего Гоголевского бульвара. В зарослях пальм и сосен раскинулся мир чудес. Юные ботаники из соседних школ выращивают здесь вишни размером с арбузы и квадратные арбузы, чтобы их было удобнее перевозить, там вывели породу кур, покрытых курчавой шерстью, и назвали их куровцами. Эти куровцы несут яйца, а кроме того, их раз в месяц стригут. Известный многим Пашка Гераскин скрестил как-то обыкновенного комара с серой перелетной птицей. Получился комгусь — комар крупнее вороны и настолько страшный, что от него разбегалось все живое.

В этом уголке, который еще называют биостанцией, с увлечением трудятся Алиса и ее друзья, а также постоянно живут некоторые звери и птицы. Самые знаменитые из них — жираф Злодей и питекантроп Геракл. Геракла привезли на машине времени из древнейшей Индонезии, где он начал превращаться в человека, но не успел, потому что его хотел сожрать саблезубый тигр. Про него рассказывают, что он не дал

улететь комгусю в Ледовитый океан, а убил его дубинкой, сделав таким образом важный шаг на пути превращения обезьяны в человека.

Алиса с утра позвонила на биостанцию и сообщила друзьям, что приведет гостя — джинна Мустафу. Близняшки Маша и Наташа Белые стали готовить к его приходу халву и шербет, потому что знали, как ублажить джинна, а Джавад Рахимов обещал сделать плов, какой делают только в его родном городе Баку.

Жираф Злодей, добрейшее существо высотой шесть метров, вымылся с шампунем, и только обезьяночеловек не проявил никакого интереса к визиту настоящего джинна, а объелся бананами и заснул.

Джинн потребовал, чтобы его везли по городу в кувшине, потому что вдруг начал стесняться людей отдаленного будущего. Алиса так и сделала. Она опустилась на флаере у биостанции, вытащила медный кувшин и под музыку игравшего на губной гармошке Пашки Гераскина принесла кувшин на площадку у входа на станцию, поставила на песок и вытащила пробку.

— Вылезай, Мустафа-ага, — сказала она, — приехали.

— Что-то мне не хочется вылезать, — ответил из глубины кувшина джинн, — поехали домой.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Мы готовились, старались, а он не хочет. Дай-ка мне кувшин, я вытряхну твоего джинна наружу!

Пожалуй, этого говорить не следовало.

Раздался отвратительный вой, и джинн Мустафа выскочил из кувшина со скоростью прыгающего льва.

Кувшин покатился в сторону, жираф Злодей подскочил так, что ударился рогом о пролетавший мимо воздушный шар, но, к счастью, никто не пострадал.

— Это кто меня чуть не вытряхнул? — взревел джинн, играя мышцами. — Мысленно попрощайся с матерью, которая имела неосторожность произвести тебя на свет, бездельник!

Аркаша Сапожков, который стоял неподалеку, развернув лист со стихами приветствия гостю из эпохи легенд, упал от поднявшейся бури. А стихи унесло на другой конец Москвы.

Лишь питекантроп Геракл ничего не испугался.

Он вышел вперед и начал бить себя кулаками в грудь, отчего получался звук, словно колотят молотком по пустой железной бочке.

Джинн Мустафа оторопел от звука и, конечно же, от вида обезьяночеловека.

— Это еще что такое? — спросил он куда тише, чем вопил минуту назад.

Геракл, переваливаясь, направился к всесильному джинну.

— Изыди! — загремел джинн и дыхнул в питекантропа огнем, опалив тому шерсть. Но Геракл — самое отважное создание в мире.

Он продолжал наступать на джинна, а джинн продолжал отступать.

— Это див! — закричал он. — Это сам дьявол! Мое могущество бессильно перед порождением адского пламени.

Мустафа упал на колени и наклонился вперед, намереваясь удариться головой о песок.

Все могло плохо кончиться, но Алиса не растерялась. Она кинулась вперед, обняла руками толстую шею Геракла и начала быстро шептать ему в ухо:

— Геракл, миленький, это свой, свой, только очень глупый джинн! Это гость! Давай его встретим и будем любить! Ну, Геракл, не опозорь нас!

Геракл почти не умеет говорить, но все понимает. И, уж конечно, он не хотел бы подвести свою любимицу Алису.

Он поднял волосатую ногу и поставил ступню на затылок джинна, замотанный шелковой чалмой.

— Геракл! — произнесла тогда Машенька Белая. — Сейчас же отойди, а то останешься сегодня без компота.

Это была страшная угроза. Геракл задрожал, взвыл и отскочил от джинна.

Мустафа приподнял голову, но так и остался стоять на коленях.

— Алиса, — сказал он, — попрошу немедленно вернуть меня в кувшин. Ваш мир захвачен страшными дивами, суккубами и инкубами. Честному джинну здесь нечего делать.

— Открой глаза, о высокочтимый Мустафа, — ответила Алиса. — И посмотри, с каким почетом тебя встречают на нашей биостанции.

Мустафа осмелился открыть глаза и увидел Пашку, который играл на гармошке «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» композитора Хачатуряна: он считал, что древние джинны любят эту мелодию.

Затем Мустафа увидел вежливого и воспитанного молодого человека Аркашу Сапожкова, который на хорошем персидском

языке читал стихи Омара Хайяма, приветствуя высокого гостя. К сожалению, джинн никогда не был в Персии и персидского языка не знал. Да и с Омаром Хайямом не встречался.

И, наконец, Мустафа увидел двух девочек и одного мальчика, которые приглашали его за стол, накрытый в лаборатории. Посреди стола дымился чудесный плов, а вокруг теснились другие кушанья, изготовленные хозяевами.

И тогда Мустафа решил всех их простить и проследовал к столу.

Он много съел и много выпил, но с самого начала не согласился, чтобы питекантроп Геракл сидел с ним за одним столом.

И сколько ни уверяли джинна натуралисты, что Геракл — это обезьяна, которая уже превращается в человека, но еще не успела, джинн возражал:

— Может быть, это не див, не суккуб и не инкуб. Я верю вам, юные шалуны. Но за долгую мою жизнь я никогда не слышал, чтобы хоть одна обезьяна захотела превратиться в человека и даже смогла это сделать. И теперь я понимаю, как хорошо, что они и не пробовали! Иначе Землю бы заселили эти страшные уроды. Я бы повесил за ноги того жулика, который придумал сказку о том, что человек произошел от обезьяны. Как фамилия этого обманщика?

— Его звали Чарлз Дарвин, — сказал Аркаша Сапожков. — Но мы его считаем великим ученым, а Геракла называем недостающим звеном между обезьяной и человеком.

— Попрошу дать мне адрес этого Дарвина, — сказал Мустафа, захмелевший от шербета. — Я с ним сведу счеты. Я спасу человечество.

— Так от кого мы, по вашему мнению, произошли? — спросила Алиса.

— От своих родителей! — отрезал джинн. — А некоторые — от меня!

Больше никто не стал спорить с Мустафой, а он огорчился, когда узнал, что Чарлз Дарвин давно умер.

— Как жаль, что я не поговорил с ним как мужчина с мужчиной!

— И что бы ты ему сказал, Мустафа? — спросила Алиса.

— Я бы сказал ему: не женись на обезьяне, и твои дети вырастут порядочными джигитами.

Так они и не смогли ничего объяснить джинну Мустафе.

После обеда джинн признался Алисе, что ему очень по-

нравилась пятнистая коза с длинной шеей, хотя он понимает, что такой козы быть не может.

Алиса не сразу сообразила, что он имеет в виду жирафа Злодея.

— Это не коза, а жираф, — сказала Алиса.

— Называй его хоть коровой, — ответил джинн, — но, на мой взгляд, он совершенная коза в пятнах. И мне его шкура очень нравится. Я хочу сделать себе из нее теплый халат. Сколько стоит эта коза?

От испуга жираф заморгал своими длинными ресницами и начал отступать от джинна, который стоял посреди газона и ковырял палкой в ухе.

— Мы не можем тебе помочь, Мустафа, — сказала Алиса. — Жираф наш друг, а мы не снимаем шкур со своих друзей.

— Я — гость! — возразил джинн. — И слово гостя — закон. Я хочу получить шкуру этого козла и еще хочу взять в жены этих двух красавиц.

Он показал на Машу и Наташу Белых.

— Зачем тебе такие молоденькие жены? — удивился Джавад.

— Они замечательно умеют готовить. Мне нужны жены, которые будут для меня готовить. А вот тебя я в жены не возьму. У тебя плов подгорел.

Джавад от удивления открыл рот и забыл его закрыть. Он точно знал, что плов не подгорел.

Взяв с собой вишню размером с арбуз, джинн потребовал, чтобы Алиса отвезла его домой. Он залез в свой кувшин и закричал изнутри:

— Алиса, затыкай меня пробкой. Больше я сюда ни ногой! Плов подгорел! Козла не дали, жен не дали! Плохие люди! Я им буду мстить!

Алиса не стала спорить с джинном, а заткнула кувшин пробкой, и ребята помогли донести его до флаера.

— Простите, — сказала Алиса. — Честное слово, я не думала, что он так себя будет вести.

— Сидел бы в своей эпохе легенд, — сказал Аркаша.

— И учил бы правила поведения в приличном обществе, — добавил Пашка.

— Вы должны его понять, — вступилась за джинна Алиса. — Просидели бы вы тысячу лет в кувшине, без всякого общества, без развлечений. Он ведь даже неграмотный.

— Кто ему мешал вылезти и принести пользу людям? — спросил Джавад.

— Обстоятельства! — глухо донесся голос из закрытого кувшина. — Во всем виноваты обстоятельства моей жизни. Меня всегда окружали враги и завистники.

Глава 3

МУСТАФА И БРОНТЯ

На следующий день Алиса пригласила Мустафу в Космический зоопарк, директором которого был ее отец, профессор Селезнев.

Путешествие через город Мустафа снова совершил в кувшине.

Алиса уже знала, что внутри слышно все, что говорят снаружи.

— Все-таки ты меня удивляешь, — произнесла она, поднимая в воздух флаер. — Зачем прятаться в кувшине, когда вокруг столько интересного? Ну чего ты боишься?

— Я... ничего... не боюсь...

— Сколько интересного можно увидеть, когда смотришь на Москву с высоты птичьего полета!

— Ничего... интересного.

— А может, ты боишься высоты?

— Джинны... ничего... не боятся.

Алиса не поверила ему. Но спорить не стала.

— Скоро прилетим? — спросил джинн из кувшина.

— Уже прилетели.

Они опустились перед самым Космозо.

Вход в зоопарк представлял собой большую пещеру, стены которой выложены светящимися кристаллами с разных планет. В этих стенах размещены также аквариумы и террариумы, в которых обитают разные рыбы и пресмыкающиеся со всей Галактики.

Вот гуськом плывут рыбки-мигалки. Они исчезают и снова появляются, но в другом месте. А если покажется хищник, они начинают исчезать и появляться с такой скоростью, что у того кружится голова. А вот стоит та самая сороконожка, которую в детстве спросили, с какой ноги она начинает шагать, с левой или с правой. Вот она и стоит с тех пор... многоножка

уже состарилась, обзавелась детьми, стоят они всем семейством и думают. В аквариумах есть цветы, похожие на рыб, и рыбы — вылитые цветы. Там из стены торчат кристаллы, у которых вдруг вырастают крылья, и они летают, сталкиваясь и звеня, как колокольчики. По песку ползают короткие змейки различных цветов. Когда им становится скучно, они соединяются по две, три, четыре, превращаясь в длиннющих разноцветных змей. Там же разбросаны камни, которые могут превратиться в героев ваших любимых книг, а потом исчезнуть.

Алиса с джинном миновали ворота и оказались между невысокими барьерами, за которыми гуляли, отдыхали, ходили и спали различные безопасные для зрителей животные. А хищные и опасные животные жили дальше, в клетках, большей частью невидимых, сделанных из силовых преград.

Джинн довольно спокойно рассматривал удивительных и страшных зверей со всех концов Галактики, но потрясли его собаки с планеты Пенелопа. Эти собаки видны по половинкам. Отдельно целой стаей гуляют передние половинки собак, а отдельно — задние половинки. Если не знать, в чем дело, можно с ума сойти. На самом же деле все объясняется просто: каждая собака живет в двух днях. Передняя половинка сегодня, а задняя завтра. И они не могут встретиться.

Затем джинн остановился перед клеткой со страшным тигрокрысом — полосатой крысой размером с тигра и втрое злобней. Тигрокрыс зарычал на джинна, а Мустафа зарычал на тигрокрыса. Начали сбегаться зрители, споря, кто кого перерычит. Алиса пыталась увести джинна, но безуспешно. В конце концов тигрокрыс сдался и уполз в угол клетки. Но несколько посетителей в зоопарке оглохли, а редкая птица карузель потеряла голос.

— Ну и что? — спросил джинн. — Это и есть Космозо? Ни одного настоящего чудовища.

И тут Алиса вспомнила о Бронте, ее любимом динозавре, которого знала со дня его рождения и даже раньше, когда Бронтя сидел в яйце. Теперь ему уже пять лет, ростом он с кита, но Алису узнает и любит по-прежнему.

— Сейчас я тебе покажу одного водяного змея, — сказала Алиса джинну. — Он еще молодой, не вырос до своего настоящего размера, но, может быть, тебе он покажется настоящим чудовищем.

— Мы с ним сразимся? — с надеждой спросил джинн.

— Нет, — ответила Алиса. — Броня травоядный, добрый, он никого не трогает.

Они вышли к пруду, в котором жил динозавр Бронтя. Бронтя спал. Он весь ушел под воду, и снаружи торчали только его ноздри и глаза, как будто островки посреди пруда.

— Ну, где твоя морская корова? — спросил Мустафа. — Уже спряталась от меня?

Алиса свистнула в два пальца, и Бронтя, услышав свист, медленно поднялся над водой.

Сначала долго-долго высовывалась его шея с маленькой головой, потом вода пруда разбежалась, и уровень ее опустился на метр, потому что Бронтя встал на ноги и его туша показалась над водой.

Конечно же, Мустафа был выше ростом, чем любой человек, и видом куда страшнее, да к тому же отличался невероятной силой и наглостью, но за две тысячи лет жизни ему не приходилось видеть динозавра, потому что динозавры, как известно каждому школьнику, вымерли на Земле несколько миллионов лет назад.

Приоткрыв свою пасть, в которой без труда умещается телефонная будка, Бронтя издал радостный вопль, и вокруг зашатались павильоны, а некоторые зрители даже убежали из зоопарка, и двинулся к Алисе.

Но откуда необразованному аравийскому джинну знать, что Бронтя спешит к любимой девочке? Ему показалось, что чудовище хочет его сожрать.

— В кувшин! — закричал он. — Где мой кувшин?

— Кувшин во флаере остался, — сказала Алиса. — А зачем тебе кувшин?

— Спрятаться хочу и не вылезать наружу тысячу лет! Ты заманила меня в коварную ловушку! Я с самого начала подозревал, что мелкие волшебницы хорошими не бывают! Но я перед смертью убью и тебя! Пускай только твой прудовой змей посмеет тронуть волос на моей голове, я тебя растерзаю.

Алиса вдруг захихикала.

От удивления джинн поперхнулся. Нет ничего обиднее для сильного негодяя, чем смех мотылька. Значит, он недостаточно страшный! Значит, надо стать еще страшней.

— Как ты смеешь смеяться!

— Но ведь у вас на голове ничего не растет, — невинно ответила Алиса.

Тем временем глупый и добрый Бронтя вытащил из воды

все двадцать метров своего покрытого непробиваемой блестящей шкурой тела. Он надеялся, что Алиса принесла ему булочку.

— Не смей, — грозно сказал динозавру джинн. — Я погибну, но перед смертью уничтожу тебя и все живое вокруг!

Алиса испугалась, что Мустафа накинется на Бронтю, но, к счастью, в последний момент отвага отказала Мустафе, и он попытался спрятаться в урне для мусора, которая стояла возле дорожки. Он влез туда и начал выкидывать из урны обертки от мороженого и банки из-под сока. При этом он кричал:

— Алиса, немедленно заткни меня пробкой!

— Какая еще пробка! — воскликнула Алиса.

А динозавр Бронтя в первый раз в своей жизни рассмеялся, потому что раньше никогда не видел богатыря, который скорчился в урне для мусора. Наружу торчала только лысая макушка джинна, похожая на страусиное яйцо. Мудрый орел Мафусаил спикировал сверху и клюнул в лысину, думая, что яйцо никому не пригодится.

Бронтя фыркнул на орла, осторожно взял урну в зубы и перевернул ее. Он решил, что уважаемому джинну тесно и не очень удобно сидеть в урне для мусора. Джинн вывалился наружу и на четвереньках побежал из зоосада.

— Я маленькая собачка! — кричал он. — Меня никто не видит.

Алиса почти догнала его у выхода. Тогда джинн сделал усилие и взлетел в небо.

Он летел невысоко и небыстро, но все флаеры, воздушные автобусы и прочие аппараты, которые подчинялись правилам воздушного движения, рассыпались во все стороны, чтобы не столкнуться с джинном.

Алиса кинулась к своему флаеру, прыгнула в него и поднялась в небо.

Она поравнялась с летящим джинном Мустафой и стала его уговаривать:

— Дорогой Мустафа, я очень перед тобой виновата. Я же не думала, что ты испугаешься моего очаровательного Бронтю...

— Я? Испугался? Да я испугался, что нечаянно зашибу его! Однозначно! — кричал в ответ джинн.

— Пойдем дальше пешком, — просила Алиса.

— Я вообще улетаю от вас! — кричал в ответ Мустафа, выковыривая из-за шиворота мусор и бумажки.

В конце концов ценой многих усилий и извинений Алисе

удалось уговорить строптивого гостя залезть в кувшин, который стоял на заднем сиденье.

Дома Мустафа отказался вылезать из кувшина и не захотел обедать. Пришлось Алисе кидать в кувшин куски котлеты, а потом лить туда чай. Наевшись, джинн заснул и проспал два дня.

Глава 4

КИНОЗВЕЗДА МУСТАФА

Через два дня Алиса, опасаясь, как бы джинн не умер от голода и не задохнулся, спросила, вытащив пробку:

— У тебя все в порядке, Мустафа?

— У меня все в порядке, — ответил джинн. — Но скоро я подохну от скуки. Ты должна отвести меня в гости к своим друзьям.

— К каким?

— К маленьким. Я не люблю больших друзей. Друг должен меня бояться, разве не понятно?

Алисе это было неприятно, но она не стала спорить с джинном.

И когда Алиса совсем уж было пришла в отчаяние, выход нашелся сам собой.

Ей позвонил старый папин приятель Герман Шатров.

— Алиса, — сказал он, — вся Москва говорит, что у тебя живет настоящий джинн, куда страшнее любого дракона.

Алиса оглянулась, не подслушивает ли гость. Но гостя не было. Его голос доносился из кухни — Мустафа давал советы домашнему роботу Поле, как жарить курицу.

— Живет, — призналась Алиса Герману. — Страшное дело. Весь дом ждет не дождется, когда же он нагостится.

— А он что думает по этому поводу?

— Ах, Герман, — сказала Алиса, — эти джинны живут так подолгу, что для них наше «долго» все равно что минутка. Не исключено, что он проживет у нас...

— Пять лет?

— Не пугай, — рассмеялась Алиса. — Я хотела сказать — до осени.

— Почему не дольше?

— Потому что все эти джинны страшно теплолюбивые. Он

боится сквозняков, холода, ветров и даже росы. С минуты на минуту он ждет начала ледникового периода.

— Послушай, Алиса, — сказал Герман. — А как ты смотришь на то, чтобы отдать мне твоего джинна недельки на полторы?

— Замечательно!

— Мы тут снимаем фильм. По старинной детской повести «Старик Хоттабыч». Ты не читала такую?

— Нет.

— Этой повести больше ста лет. Написал ее писатель Лагин. Там рассказывается о том, как один мальчик, который жил у нас в первой половине двадцатого века, случайно нашел кувшин, где был спрятан джинн.

— Трудно поверить.

— Почему?

— Что джиннам у нас делать?

— Ну, это фантастическая повесть! Это сказка! Ее очень любили дети двадцатого века.

— И что же делал тот джинн? — спросила Алиса.

— Они с мальчиком очень подружились, и постепенно джинн настолько привык к нашей стране, что решил никогда ее не покидать. Он даже устроился работать радистом на полярную станцию.

— Зачем на полярной станции радист? — спросила Алиса.

— Все это происходило очень давно. Тогда даже телевизора не было. Но книжка получилась веселая. Старик Хоттабыч, так звали джинна, ходил в цирк, на стадион и всюду попадал в смешные истории. Фокуснику он решил показать, как делать настоящие чудеса, а футболистам подкинул на поле много мячей, чтобы им всем хватило. И вот, снимаем исторический фильм для детей о старике Хоттабыче.

— А зачем вам нужен мой Мустафа?

— Одного джинна мы нашли. Это пенсионер, чемпион мира по длине бороды. Добрейший старичок. Его теперь даже внуки Хоттабычем зовут. Но в фильме у нас должен быть еще один джинн, старший брат Хоттабыча по имени Омар Юсуф. Это отрицательный герой. Настолько отрицательный, что в конце концов от него отделались, запустив в космос. Как ты думаешь, твой джинн не согласится у нас сняться в такой роли?

— Мустафа никогда не согласится быть плохим джинном, — сказала Алиса. — Он думает, что все джинны хорошие.

— Вот именно! — рявкнул Мустафа, который незаметно вошел в комнату. — Кто решил, что я плохой джинн? Тогда он

пускай готовится к смерти. От него останется порошок и мокрое место.

Герман Шатров смотрел на Мустафу, широко открыв глаза.

— Это чудо! — воскликнул он. — Второго такого джинна нам никогда не найти. Теперь я понимаю, почему джиннов так боялись дети!

— И не только дети, — поправил его Мустафа и почесал когтями волосатую голую грудь. — Меня боялись целые армии. Из-за меня убежал из Индии Александр Македонский. Ты его знаешь?

— Читал, — осторожно сказал Герман.

Алиса подмигнула Герману. Мустафа опять выдумывал — он только вчера посмотрел по телевизору исторический фильм об Александре Македонском и страшно завидовал славе древнего полководца.

— Чем ты мне заплатишь? — спросил Мустафа.

— Боюсь, что рубинов, алмазов и жемчуга у меня нет, — признался Герман.

— Этого добра у меня целые сундуки, — расхохотался джинн. — Ты меня соблазни чем-нибудь бесценным, чистым, как весенний цветок.

— Я обещаю тебе славу, — сказал Герман.

— Какую? Неужели ты дашь мне войско, чтобы победить твоего ничтожного соседа и стать славным полководцем?

— Нет. Я обещаю тебе аплодисменты зрителей, цветы поклонниц, наградные вазы и миллион писем от почитателей.

— Чепуха, — проворчал джинн, — я не умею читать и не намерен учиться. Пускай учатся слабые!

— Тебе даже не надо учиться, — сказал Герман. — Мы дадим тебе секретаря, который будет читать для тебя все вывески и объявления. Конечно, если тебе некогда играть в кино, то скажи — и мы найдем другого артиста.

— Только попробуй! — рассердился Мустафа. — Или я играю главную роль, или я разнесу на куски все твое кино.

— Просто уж и не знаю, что тебе сказать, — произнес Герман.

Но глаза у него были хитрые и смеялись. Он заманил к себе Мустафу, хоть Мустафа думает, что это он сам решил играть в кино.

Мустафа обернулся к Алисе и спросил:

— А что думает по этому поводу моя недостойная сестра?

— Я всю жизнь мечтала сняться в кино, — сказала Алиса, — чтобы потом все жители Земли и всей Галактики видели меня на экране или по телевизору и говорили: «Какая красивая девочка! Какая талантливая актриса!»

Мустафа знал, что такое кино и что такое телевизор. По вечерам его было не оттащить от экрана, особенно если показывали мультики. Поэтому слова Алисы ему были понятны. Но все же он продолжал сомневаться.

— А вдруг, — сказал он не очень уверенно, — они захотят посмеяться над несчастным доверчивым и добрым джинном!

— Если ты заподозришь что-то подобное, — удивилась Алиса, — неужели ты не сотрешь с лица Земли всю съемочную группу, а заодно и всю киностудию?

— Сотру, — согласился джинн и обернулся к экрану видеофона: — Я согласен сниматься в вашем ничтожном фильме. Но только попробуйте не заплатить мне аплодисментами и премиями!

Нужно ли говорить, что, когда Алиса привезла Мустафу на съемочную площадку, при виде настоящего дикого и злобного джинна все заверещали, а некоторые смертельно перепугались. Мустафе там понравилось.

Только старика Хоттабыча он не уважал. Он его щипал, дергал исподтишка за бороду и ругал по-арабски.

Так как снимали исторический фильм, то со всей Москвы, из всех театров и даже музеев на площадку свезли множество вещей и инструментов, которыми пользовались древние люди в середине двадцатого века. Когда Алиса пришла в первый зал, где подготавливали декорации, она там увидела вот что: трамвай, примус, галоши, чайник, железный утюг, гладильную доску, этажерку, покрытую кружевной салфеточкой, патефон, модель самолета-биплана, кровать с никелированными шариками на спинке, красный галстук, много портретов всяких забытых людей с усами и лысинами, в париках и шляпах, корыто, подкову, колесо от телеги, амбарный замок, эмалированную кастрюлю, шесть сковородок, валенки с заплатами, лапти изношенные и лапти новые, прялку, сани, ящик гвоздей и шурупов, костыли, шелковый веер, керосиновую лампу, связку толстых свечей, сундук, ножную швейную машинку, карету и еще массу вещей, которые Алиса не успела разглядеть.

Среди всего этого богатства стояла костюмерша, а может, реквизиторша Оксана с толстой белой косой и розовыми щеками. От нее пахло земляникой, и она казалась случайно залетевшей на свалку бабочкой.

— Что делать? — спросила она у Алисы.

— Что делать? — раздались голоса.

И тут Алиса увидела, что в глубине зала, за грудами вещей, стоят пожилые и даже старые люди. Человек десять.

Девушка-реквизитор заметила удивление Алисы и объяснила:

— А это наши консультанты. Мы позвали сюда самых ученых стариков и старушек, чтобы они объяснили нам, какие из этих вещей были в ходу в тысяча девятьсот тридцатом году, а какие еще раньше. Вот они и думают.

— Это очень сложно, — сказала Алисе одна бабушка. — Мне вот сто двадцать лет, и я совершенно забыла, в каком году по Пушкинской площади ходил трамвай, а в каком — троллейбус.

— А я стараюсь решить, — вмешался в разговор старик с бородой почти такой же длинной, как у джинна, — что было сначала, свечки или керосиновые лампы? А вы как думаете?

— Сначала все грелись у костра, — сказала Алиса, — и ложились спать на закате.

— Чепуха! — возразил Мустафа, который тоже стоял в зале, где были разложены вещи. — Сначала были светильники. Причем некоторые из них волшебные. У нас в Аравии рассказывают о недостойном отроке Аладдине, который вызывал джинна с помощью светильника. Так вот, я уполномочен заявить, что это — сказка, и только сказка! Ни один уважающий себя джинн не будет связываться со светильниками.

Старики и старушки попрятались среди перин, сундуков, и некоторые даже залезли в трамвай. Девушка-реквизитор покраснела, но решительно заявила:

— Я попрошу вас не пугать консультантов. Мы обещали докторам и правнучатам консультантов не волновать их. Пожалуйста, уходите отсюда и не кричите.

— Смелая девушка! — вдруг улыбнулся Мустафа. — И очень красивая. Я ее беру.

— Куда же ты ее берешь? — спросила Алиса.

— Я ее беру к себе в гарем, — сказал джинн. — Она будет моей младшей любимой женой.

— А где же твои старшие и нелюбимые жены? — спросила Алиса. Она и не подозревала раньше, что у Мустафы есть семья.

— Мои старшие жены, к сожалению, умерли от старости, — ответил Мустафа. — Я же джинн, а они просто женщины. Я должен откровенно сказать, что, когда эта ваша русская красавица умрет от старости, я все еще буду таким же молодым и крепким мужчиной, как сегодня.

Джинн подкрутил усы, вытащил свой золотой гребень и принялся их расчесывать, как кот, который вылизывает свою шерсть.

— Нет, — сказала Оксана, — пожалуй, нам лучше обойтись без вас, господин Мустафа. У вас совершенно неподходящий характер.

— А у тебя, красавица? — спросил джинн. — Разве у тебя не отвратительный характер?

— Мой характер нравится моему жениху, к тому же я не люблю лысых ушастых брюнетов.

— Я постригу уши, — ответил джинн. — Затем я растерзаю твоего жениха, а потом украду тебя на ковре-самолете.

Тут в зал вошел Герман Шатров вместе с режиссером картины, невысоким человеком по фамилии Юзовский.

Они так и замерли, увидев Мустафу.

— Это то, что мне нужно! — воскликнул Юзовский. — Это самый настоящий Омар Юсуф, джинн-хулиган. Я искал его всю жизнь!

Он протянул джинну руку и сказал:

— Рад с вами познакомиться. Мы будем работать вместе. Мы получим самые высокие премии! Я вам гарантирую «Оскара».

Джинн Мустафа не знал, что «Оскар» — это знаменитая премия, которую дают за лучшее кино. Поэтому он ответил:

— Никакого Оскара мне не нужно. У меня и без него достаточно рабов. Я буду у вас сниматься, если получу в награду вот эту красавицу!

— Пускай не мечтает! — обиделась Оксана-реквизитор. — Дожили! Только посмейте расплачиваться с актерами честными девушками! Профсоюз не даст меня в обиду!

— Может быть, вам подойдет дворец? Или катер? Или космический корабль? — спросил режиссер.

— Все призы и премию Мира! — крикнул Герман.

— Или девица, или ничего!

— Подождите, — сказала тогда Алиса. — Я знаю, что делать. Можно я одну минуту поговорю с джинном один на один?

Разумеется, никто не возражал.

Алиса потянула джинна в угол за позолоченную карету и шепотом сказала:

— Я полностью на твоей стороне, Мустафа. Я согласна с тем, что тебе нужна новая младшая красивая жена.

— Разумеется, — ответил Мустафа. — Представляешь, возвращаюсь я в свою аравийскую пещеру, и тут же открываются все кувшины, в которых сидят мои родственники. Они выглядывают оттуда и спрашивают: что же ты привез из отдаленного холодного будущего, Мустафа? А я откидываю чадру с моей младшей жены, и они умирают от зависти! И я остаюсь последним и единственным джинном на Земле.

— Замечательно! — сказала Алиса. — Я представляю, как погибают от зависти Хасан, Максуд, Мухаммед...

— Али, — подхватил Мустафа, — другой Хасан, Саллахаддин, Хуссейн...

— Но есть одна маленькая сложность, — прошептала Алиса. — Конечно, тебе она покажется пустяком. И ты даже рассмеешься. Но я, как друг, должна тебя предупредить.

— Говори свой пустяк!

— Ты не спросил, кто же жених этой девушки с золотой косой и розовыми щеками.

— Наверно, какой-нибудь ничтожный студент-математик или, что еще хуже, поэт-песенник!

— Ты не угадал, мой драгоценный Мустафа, — сказала Алиса. — Хотя ты даже знаком с ее женихом.

— Знаком?

— Конечно! Ее жених живет в Космическом зоопарке, в пруду, и его зовут Бронтя. Помнишь бронтозавра, большого, как гора? Это он, ее жених. Он очень любит свою невесту. Но я думаю, что, когда ты скажешь ему, что берешь Оксану в младшие жены, бронтозавр тут же заплачет и согласится с тобой.

— Конечно, — важно кивнул Мустафа. — Он заплачет и убежит. И я его презираю за это. Ничтожная ящерица! Как я его презираю!.. И ты говоришь, что он посмел напроситься в женихи к этой девушке?

— Но он же не знал, что ты приедешь сюда!

— Конечно... — Мустафа задумался. Он думал минуты две и думал так настойчиво, что слышно было, как поскрипывают его мозги, когда мысли пробираются сквозь узкие извилины.

— А знаешь что? — вдруг спросил Мустафа. — Я тут подумал... я подумал и решил. Зачем мне такая толстая некрасивая невеста? Обойдусь я без нее! Я найду себе лучше... может быть, подожду, пока ты подрастешь, и возьму тебя, Алиса, в младшие жены. Разве ты хуже этой щекастой девицы?

— Кому что нравится, — скромно ответила Алиса.

— Пускай они дадут мне все награды, которые этот фильм получит на международных и галактических фестивалях! — сказал джинн. — И еще пускай мне дадут этого самого Оскара. Он будет чистить мне лаковые туфли!

— И девушка Оксана нам не нужна?

— Какая еще Оксана? — удивился джинн. — Не знаю никакой Оксаны. Где режиссер? Мне не терпится начать сниматься в кино! Я покажу всему человечеству, какие добрые, интеллигентные и сообразительные бывают джинны.

И, подмигнув Алисе, джинн Мустафа зашагал в съемочный зал. Свой медный кувшин он держал под мышкой.

Вслед ему со страхом глядели консультанты и девушка Оксана.

Глава 5

ПРЕЗИДЕНТ ПРОСТОЙ ПЛАНЕТЫ

С тех пор как джинн Мустафа стал сниматься в кино, в доме Селезневых наступил покой. Джинн возвращался со съемок поздно, уставший, хриплый, быстро проглатывал барашка или осетра, которого ему жарил домашний робот Поля, и тут же заваливался спать. Спал он в кувшине, так ему было спокойнее. Кувшин ставили в комнате робота, иначе никто бы не заснул, потому что из горлышка всю ночь вырывался богатырский храп. Роботу же было все равно — он выключал на ночь слух.

Утром, ожидая, когда за ним прилетит флаер, Мустафа завтракал и рассказывал Селезневым о том, что делал накануне. Искусство хорошо влияло на злобного джинна, с некоторыми коллегами он подружился, а девушка Оксана почти перестала его бояться.

Однажды Мустафа обмолвился, что, как только закончатся съемки, он улетит отдохнуть в свою древнюю Аравию, но обязательно вернется на Каннский фестиваль и на все остальные фестивали. И жить он будет в самом шикарном отеле, и ходить станет во фраке, потому что кинозвезды не живут в обыкновенных домах и не носят шаровар!

Так прошло недели две. Все уже привыкли к тому, что джинн трудится. И вдруг он утром объявил, что наступает по-

следний съемочный день. Завтра — расставание. Он заплакал, и горючая слеза упала в манную кашу.

Все повздыхали и сказали, что не знают, как им теперь жить без Мустафы, но, честно говоря, никто особенно не расстроился. Мустафа был незваным джинном.

В тот день Мустафа, как всегда, улетел на студию. Алиса побежала на биостанцию, а остальные разошлись по своим делам.

Начиналось лето, у всех было много дел и планов.

Когда у Алисы выдалась свободная минутка, она позвонила на киностудию и позвала к видеофону Германа Шатрова.

— Здравствуй, Герман, — сказала она. — Мне Мустафа сказал, что вы кончаете съемки?

— Да, сегодня последний день, — ответил оператор. — Устали все смертельно, но очень надеемся, что получился эпохальный, нетленный фильм!

— А как наш джинн? Вы им довольны? Он ничего страшного не натворил?

— Как тебе сказать... были трудности! Но в целом мы довольны! Он создал запоминающийся образ чудовища. Зрители будут плакать и смеяться. Так что мы все тебе благодарны за помощь.

— Ты не знаешь, — спросила Алиса, — когда он сегодня вернется домой?

— А что?

— Мы с Полей хотели устроить Мустафе прощальный ужин.

— Одну минутку, — сказал Герман. — Тут как раз Мустафа идет! Мустафа, возьми трубочку!

На экране возникло лицо джинна. Лицо было задумчивым и очень важным.

— Ах, это ты, Алиса! — произнес джинн. — Я тебя с трудом узнал! У меня столько поклонниц, что я уж не знаю, что с ними делать. Целый гарем!

— Ты опять о женитьбе думаешь! — вздохнула Алиса. — Ну зачем тебе держать женщин в кувшине!

— Не вмешивайся в мою частную жизнь! — остановил Алису джинн. — И быстро говори, что тебе от меня нужно. А то через две минуты начинаются последние съемки, и мне некогда с тобой рассусоливать!

Алиса удержалась, чтобы не засмеяться, и сказала:

— Я только хотела спросить, когда тебя ждать домой? Мы с Полей собирались приготовить для тебя прощальный ужин.

— Не нужен мне ваш ужин, — отрезал джинн. — Оксаночка пригласила меня в ресторан, а оттуда я прямым ходом отправлюсь в машину времени. Так что обедайте без меня. Прощай!

И Мустафа бросил трубку.

Герман подхватил трубку и включил экран видеофона.

— Выражаю тебе сочувствие, — сказал он. — Но у джиннов свои понятия о вежливости. Боюсь, что этот господин уже вычеркнул тебя из памяти.

— Ну, что поделаешь...

Алиса улыбнулась, но, честно говоря, ей было неприятно. Все-таки почти месяц они заботились об этом злом волшебнике, кормили его, стирали его шаровары, выслушивали его глупости, его бесконечное хвастовство, а в благодарность... он уезжает, даже не попрощавшись.

Но потом Алиса пожала плечами и подумала: «Так ли уж это плохо? Теперь дома будет тихо и спокойно».

Алиса позвонила домой, сказала домашнему роботу Поле, что торжественный ужин отменяется, и занялась своими делами.

День стоял чудесный, не очень жаркий, облака медленно плыли по синему небу, возле дорожек уже розовела земляника, жираф Злодей нарвал ромашек и, осторожно сжав букетик мягкими губами, подарил его Алисе.

А когда Алиса возвратилась домой, ее ждал приятный сюрприз.

Только что приехал старый друг Селезневых, космический археолог, великий ученый и путешественник Громозека, ростом почти со слона, с глазами вокруг носа, щупальцами вместо пальцев. Кому-то он, может, и покажется не очень красивым, но Алиса обожала его с раннего детства. А Громозека считал Алису своей старшей дочкой и готов был ради нее пройти пешком через всю Галактику, в одиночку разгромить пиратский флот или победить тигрокрыса.

Громозека еле уместился в большой комнате. Мама принесла ему бокал валерьянки, и он выпил его за здоровье хозяев дома.

Потом он объяснил, что у него есть дело к Селезневым. Надо помочь одному хорошему человеку.

— Если надо, то поможем, — сказал папа. — При условии, что он — не ископаемый аравийский джинн.

— Что? — не понял Громозека. — Какой еще джинн?

И Алиса рассказала Громозеке о том, какого гостя они терпели целый месяц и как этот гость решил улететь, не попрощавшись.

— А вы пересчитали ложки и вилки? — спросил Громозека.

— Почему мы должны пересчитывать ложки? — удивился папа.

— Бывают такие гости, особенно среди древних волшебников. Поживет, поживет, а потом ложек не хватает.

Все засмеялись, а Громозека сказал:

— Мой знакомый, которого я привез с собой, немного задержался по дороге. Он увидел антикварный магазин и застрял в нем. Но как только он кончит там дела, он придет.

— Он коллекционер? — спросил папа.

— Сами увидите, — ответил Громозека. — Он большой оригинал.

Пока ждали нового гостя, Громозека рассказывал о своей последней экспедиции, о том, как растут его дети и толстеют его жены, об общих знакомых и друзьях. Время летело незаметно...

— Но совсем недавно попал я на отдаленную и почти необитаемую планету, — сказал Громозека. — Представьте себе, еду я по бездорожью в своем вездеходе и вижу, что у обочины стоит и ждет попутки странно одетый человек. Конечно, я его довез до дому. И оказалось, что та планета населена всего одной семьей переселенцев. Живет на ней Авдеев Корней, его сыновья Фаддей, Алексей, Бамлей, Кирей, их жены Валерия, Калерия, Фалерия и Домна, а также их дети числом двадцать шесть, разного возраста.

— Они сектанты? — спросила мама.

— Нет, они просто эмигранты.

— Откуда!

— С Земли.

— Но почему?

— Потому что... — начал Громозека, но в это время раздался звонок в дверь. — А вот и сам Авдеев Корней. Он вам все расскажет, — закончил археолог.

В квартиру быстро вошел невысокий мужчина.

Он поклонился всем присутствующим. Его редкие бесцветные волосы лежали поперек лысины. Маленькие подбритые усики топорщились над верхней губой.

— Прошу прощения за столь нежданный визит, — сказал он. — Разрешите представиться — Авдеев Корней, президент планеты Обиталище.

Домашний робот Поля подкатился к нему и протянул руки, чтобы принять его пальто.

— Простите, — обратился к нему гость, — но я принципиально не пользуюсь услугами роботов.

Он сам снял пальто и повесил его на вешалку в коридоре.

На президенте были черный костюм и белая рубашка с синим галстуком под жестким стоячим воротником.

— Куда прикажете садиться? — спросил он.

— Может, вы хотите чаю? — предложила мама.

— Не откажусь, — улыбнулся Авдеев Корней. — Но я не вижу самовара.

— Простите, — откликнулся обиженный робот Поля, — мы не держим музейных вещей.

— Тогда я так посижу, — сказал президент Авдеев.

Он сел на стул и положил ладони на коленки.

Всем стало неловко, будто они нарочно обижают хорошего человека.

— Может, вы бублик съедите? — спросила Алиса.

Но тут засмеялся Громозека.

— Я тоже сначала растерялся! — проговорил он. — Но потом мы поговорили, и оказалось, что все не так страшно. Авдеев Корней, расскажи моим друзьям о своих проблемах.

— Но им, наверное, неинтересно, — сказал президент.

— Ничего, потерпят, — успокоил его Громозека.

— Человечество зашло в тупик, — негромко, но внушительно произнес президент Авдеев Корней. — Я убедился в этом много лет назад. Мы все больше отдаемся во власть бессмысленных машин и пластиковых роботов! — Он указал пальцем на робота Полю, и тот испуганно отступил в угол комнаты. — Мы живем в пластиковом мире, но человеку так жить вредно. Все люди умрут, и останутся только роботы...

— Может, вы ошибаетесь?.. — неуверенно сказал дедушка. — Мне уже немало лет, но мне нравится жить.

— Вот именно! — воскликнул президент. — Именно! Вы ничего не чувствуете! Но враги беспощадны!

Дедушка молчал.

— Я понял, что единственное спасение — вернуться к нашему славному прошлому. Молоко должно быть парным, бо-

тинки кожаными, а шляпы соломенными или валяными! Все должно быть естественным и настоящим. Долой комбайны и уборочные агрегаты! Долой фабрики-автоматы и летающие автобусы! Человек рожден свободным!

— А как насчет электричества? — спросил профессор Селезнев.

— Зачем свободному человеку электричество, — ответил вопросом на вопрос Авдеев, — если у него есть свечи и лампа? Зачем ему жевать какой-то «Орбит без сахара», если он может откусить кусок морковки?

Президент Авдеев Корней замолчал, переводя дух.

— Я у них на планете был, — поддержал его Громозека. — И даже позавидовал. Все Авдеевы полностью отказались от современной цивилизации. Они вернулись к экологической чистоте и демократической простоте. Ходят только пешком, пашут землю плугом и лопатой, сами доят коров и плетут корзины. Они сами строят себе дома с помощью топора, без единого гвоздя.

— Вот именно! — воскликнул Авдеев Корней.

— Они встают с петухами и ложатся с закатом солнца. Они не знают телевизора и даже не умеют читать и писать.

— Но у нас возникла проблема, — признался президент. — У нас подрастают дети — мои многочисленные внуки. Население нашей планеты увеличивается с каждым годом. Нам не хватает свечей и самоваров, домотканой материи и глиняных горшков, даже кастрюль нам уже мало. Ведь мы далеко не все можем сделать сами! И я воспользовался кораблем Громозеки, чтобы вновь посетить мою Землю и попросить помощи.

Все замолчали. Можно было смеяться над президентом Обиталища, можно было сочувствовать ему, но скажите, пожалуйста, где можно достать в конце XXI века на Земле не нужные никому самовары, горшки, швейные машины или калоши? Где купить топор или заступ? Куда проще взять садового робота, огородный автомат, электронного уборщика, микроволнового повара — на Земле есть множество предметов и приборов, придуманных для того, чтобы помогать людям. Но совсем не осталось предметов, которыми трудно управлять. Они сохранились только в музеях или в коллекциях.

— Надо будет спросить в Историческом музее, — сказал дедушка. — У них много всякого барахла скапливается. Может быть, им не все нужно?

— Ты не знаешь музеев, — возразила мама. — Даже если у них есть сто одинаковых ненужных вещей, они лучше создадут специальный отдел по хранению ненужных вещей, но никогда не расстанутся с пуговицей.

— На Обиталище все зависит от моей поездки, — сказал президент Авдеев Корней. — Я должен срочно научить моих детей и внуков жить простой жизнью. Иначе операция по спасению человечества от изобретений провалится. И что тогда со всеми нами станет лет через двести — я не берусь предсказать! Но я представляю себе людей будущего как откормленных свиней на пуховых подушках. А роботы и автоматы будут кормить их с ложечки сгущенным молоком.

— Стойте! — обрадовалась Алиса. — Я знаю!

— Что? — Все обернулись к ней.

— Я знаю, где можно достать ненужные старинные вещи!

— Где же? — спросил президент.

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Германа Шатрова. Герман был дома, он как раз собирался обедать.

— Герман, миленький, у меня проблема, и она зависит от того, кончили ли вы снимать свою картину!

— Сегодня кончили, — ответил Шатров. — И получилась гениальная нетленка!

— А не могли бы мы с тобой, — сказала Алиса, — помочь одной хорошей планете?

— Я очень люблю помогать планетам. И если ты мне объяснишь все в двух словах, чтобы суп не остыл, я рад тебе помочь.

И тогда Алиса в трех, а может, в десяти словах объяснила Шатрову, что президент Авдеев Корней ищет и не может найти старинные вещи для своей планеты, чтобы его внуки могли расти среди керосиновых ламп и хрустеть редиской, выращенной на своем огороде.

Шатров сдержанно улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что ты позвонила сегодня. Завтра мы собирались разбирать наш склад. Что интересно — отдать в музеи, а что никому не нужно, собирались выкинуть. Так что я могу сейчас позвонить Оксане-реквизитору, которая пока дежурит на складе. Она откроет зал для твоего друга, и пускай он берет то, что ему пригодится.

Алиса поблагодарила Шатрова и обернулась к президенту. Она хотела сказать ему: «Теперь вы можете ехать по такому-то адресу», — но тут поняла, что гость смотрит на нее и ждет, что она сама ему все и покажет.

Алиса вздохнула и сказала:

— Уважаемый президент Авдеев Корней, давайте я провожу вас на студию и помогу вам.

Но Громозека пожалел Алису.

— Не надо, — сказал он громовым голосом. — Я в Москве все знаю, как в собственном доме. И дорогу на студию знаю. Так что отвезу президента куда нужно и помогу ему отобрать тряпки и коробки. Тем более у меня с собой есть специальная платформа, на которой я разъезжаю по Москве — ведь в такси или во флаере мне не поместиться.

Громозека поднялся и пошел к двери, возле которой уже стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, президент планеты Обиталище Авдеев Корней, которому сказочно повезло, что именно сегодня кончились съемки исторического фильма о старике Хоттабыче.

Глава 6

ПИСЬМО ИЗ АРАВИИ

Больше Алиса не видела президента Авдеева Корнея.

Громозека позвонил из космопорта и радостно сообщил, что президент набрал на студии целую платформу старых вещей и, счастливый, улетает к себе домой. Потом пришла космограмма: президент благодарил семью Селезневых, и в первую очередь Алису Селезневу, за исключительно важную помощь в освоении планеты Обиталище и приглашал в гости на ягоды, грибы и парное молоко.

За летними делами и заботами Алиса забыла о джинне Мустафе и даже о президенте Авдееве Корнее. Лето оказалось очень бурным — сначала Алиса с Пашкой Гераскиным попали на Тихий океан и пережили там подводные приключения: нашли то, что осталось от Атлантиды, и даже ее последних обитателей; и уже перед самым началом занятий слетали на Планету Без Памяти. Впрочем, это только со стороны кажется, что лето было очень бурным и занятым — Алиса-то считала, что это самое обыкновенное лето, бывает куда интересней.

Когда она вернулась после космических путешествий домой и приняла ванну, домашний робот Поля выложил ей на письменный стол посылки, бандероли, письма, кассеты и капсулы, которые накопились дома за последний месяц.

Среди этой корреспонденции Алиса обнаружила письмо от старого знакомого джинна по имени Хасан ибн-Хасан, с которым встречалась в эпохе легенд.

В письме говорилось вот что:

«Достопочтенная и мудрая девочка Алиса!

Шлю тебе привет из солнечной Аравии, где я провожу дни и годы в темной пещере, ожидая наступления ледникового периода. Надеюсь, что ты, светлоокая, здорова, а также здоровы твои уважаемые родители и почитаемые дедушки и бабушки. От имени всех джиннов древней Аравии выражаю тебе благодарность за заботу о нашем младшем брате, недостойном джинне Мустафе. Спроси его, пожалуйста, собирается ли он возвращаться в родные края. Может быть, он погиб или, что еще хуже, женился на чужбине? Если он погиб, беда невелика, но мы, его родственники должны знать об этом и поделить его имущество, а также занять его место в пещере. Ты его не жалей, потому что Мустафа был большим негодяем и эгоистом. Мы до сих пор подозреваем, что он убил свою бабушку. Не бойся, напиши всю правду, мстить не будем.

Твой друг Хасан ибн-Хасан.
Жду ответа, как соловей лета!»

— Погляди, Поля, что ты думаешь? — сказала Алиса и протянула письмо роботу.

Робот прочел письмо, потом понюхал его и сказал:

— Пахнет сандаловым деревом, Аравийской пустыней, слезами верблюда и невероятной древностью.

— Все правильно, — согласилась Алиса. — Но скажи мне, что означают вопросы о Мустафе? Неужели он пропал без вести?

— Не исключено, — ответил робот. — Я до сих пор не доверяю путешествиям во времени. Один знакомый робот рассказывал мне, что каждый третий путешественник во времени прилетает подмененный.

— Как так — подмененный? — удивилась Алиса. Она знала, что робот Поля свободное время проводит на завалинке в мастерской по починке роботов в Кратове и там набирается глупых слухов и сплетен, которыми обмениваются старые роботы.

— Из себя он точно такой, как прежде, — сказал робот. —

Даже родная мама не узнает. Но на самом деле от него остается одна оболочка. Все внутренности перехватываются на полпути заговорщиками, которые подстерегают его и отправляют воевать в армию Серой Дыры.

— Ясно, — вздохнула Алиса, — от тебя мне толку не добиться. Но я на самом деле волнуюсь, что же могло произойти с джинном! Где мне узнать...

— В Институте времени, где же еще, — сказал робот. — Но правды не знают и они.

— Помолчи, Поля, — рассердилась Алиса. — Разговор о серьезных вещах, а ты придумываешь неизвестно что!

— Я придумываю гипотезы, — возразил домашний робот. — Я — настоящий ученый. Не исключено, что я уйду от вас и поступлю в университет!

Алиса отмахнулась от робота и набрала номер справочной Института времени.

На экране появилась девушка, остриженная почти наголо — так стригутся все сотрудники Института времени, чтобы легче было надевать парики и маскироваться.

— Чем я могу вам помочь? — спросила девушка у Алисы.

— Один знакомый, — сказала Алиса, — прилетел ко мне в гости из эпохи легенд, пожил у меня месяц и отправился обратно. А его родственники прислали мне письмо, в котором утверждают, что он не вернулся домой.

— Наверняка по дороге его перехватили, — вмешался в разговор робот Поля. — Украли, это точно! И теперь он воюет в армии Серой Дыры.

— Такого быть не может! — возмутилась девушка. — Случалось, что наши сотрудники пропадали без вести в прошлом. Некоторые даже оставались там добровольно... впрочем, вам все это знать не обязательно.

— А куда Мустафа делся? — строго спросил Поля.

— Мустафа — это имя вашего гостя? — спросила девушка.

— Да, — сказала Алиса. — Он джинн, из древней Аравии.

— Одну минутку! — попросила девушка, и видно было, что она смотрит на экран своего компьютера.

— Подождите, — попросила ее Алиса. — Не ищите, пожалуйста, Мустафу в списке гостей из прошлого. Его там нет.

— Почему же? Имена всех гостей обязательно вводятся в наш компьютер.

— Но он прибыл к нам в кувшине, — сказала Алиса. — Он был запечатанный.

— Откуда такая жестокость? — удивилась девушка.

— У древних джиннов так принято путешествовать, — сказала Алиса. — Они предпочитают жить в кувшинах или бутылках. Вот и Мустафа приехал к нам в кувшине. А кувшин был в ящике. В посылке. И если вы проверите, то увидите, что в июне вы получали из эпохи легенд посылку на имя Алисы Селезневой.

Девушка снова обратилась к экрану и через минуту сказала:

— Вы совершенно правы, девочка. В июне сего года поступала посылка на имя Алисы Селезневой из эпохи легенд с обратным адресом: «Древняя Аравия. Пещера джиннов, джинну Хасану ибн-Хасану». Правильно?

— Правильно, — сказала Алиса. — И теперь скажите, пожалуйста, когда джинн Мустафа улетел от нас обратно в эпоху легенд?

— Не путайте меня! — воскликнула девушка. — Вы сказали, что получили из эпохи легенд посылку, а теперь спрашиваете, когда вернулся Мустафа. Вы же не получили Мустафу?

— А кто тогда был в посылке?

— Это вам лучше знать, — сказала девушка.

— В посылке был джинн Мустафа. Вернее, в посылке был кувшин, а в кувшине путешествовал джинн Мустафа. И мне хочется узнать, когда он вернулся обратно.

— В кувшине? В посылке? Или просто так?

— Мне все равно как! — сказала Алиса. — Мне только хочется узнать, когда это случилось.

Девушка поняла и долго смотрела на экран своего компьютера. Потом вздохнула и сказала:

— Простите, Алиса, но, к сожалению, за все лето от нас в эпоху легенд не было никаких отправлений!

— Но, может быть...

— Что может быть?

— Может быть, он по ошибке куда-то еще полетел?

— Послушайте! Какая может быть ошибка? Если мы отправляем кого-то в прошлое, то мы делаем это в соответствии с законом и всеми правилами. Никто не может просто так, без разрешения, кинуться в прошлое, тем более в эпоху легенд.

— А он полетел в другую эпоху! — крикнул робот Поля. — Ищите его в самой безобразной эпохе. В самой жуткой и варварской эпохе. В армии Серой Дыры! Там ему и место.

— Да поймите же! — совсем расстроилась девушка. — Если вы не верите мне, я могу позвать директора института. Если бы в машину времени забрался кто-то неучтенный, то компь-

ютеры сразу бы определили его вес и размеры. После того как один мальчик из двадцатого века попал к нам, а потом одна девочка убежала от нас в двадцатый век, у нас очень строго по этой части. Очень строго.

— Знаю, знаю, — сказала Алиса, — я и была этой девочкой.

— Тогда вы тем более должны понимать, что никакой джинн у нас не проскочит без разрешения. Даже в коробке.

Алиса отключила видеофон и пригорюнилась.

Как сообщить теперь джиннам в древней Аравии, что не знаешь, куда делся их родственник Мустафа!

— Кто мог его видеть последним? — задала себе вопрос Алиса.

— Кто-то на киностудии, — отозвался умный робот Поля. — Наверняка ему дали флаер, чтобы он долетел... только вот вопрос: куда он долетел?

Алиса уже кинулась к видеофону.

К счастью, Герман Шатров был в Москве.

— Герман, — спросила она, — ты помнишь последний день съемок вашей картины?

— Конечно, помню.

— Когда съемки кончились, что делал джинн Мустафа? — спросила она.

— Совершенно не представляю. Я его в суматохе и не разглядел.

— Кто мог его видеть?

— А что случилось?

— Пропал Мустафа. Не вернулся в Аравию. Родственники волнуются.

— Но не мог же он остаться в Москве! Мы бы об этом узнали.

— Мы бы узнали... но есть одна ужасная возможность... мне даже страшно подумать...

— Алиса, что ты думаешь? Чего ты боишься?

— Скажи, куда делись все декорации вашей картины, все предметы и вещи?

— Они, наверное, на складе, а может, их вернули в музеи.

— Где склад?

— Я сейчас позвоню Оксане-реквизитору. Она должна знать.

— Срочно звони! Я не отхожу от экрана!

Герман стал звонить девушке с золотой косой, а робот Поля спросил Алису:

— Ты чего боишься? Мне-то можешь сказать?

— Я боюсь... я боюсь, что Мустафу могли забыть!

— Как забыть? Где забыть?

— На складе забыть, — сказала Алиса. — Он же в кувшине! А что, если он лег отдохнуть и кто-то заткнул кувшин пробкой? А потом все ушли, и наш несчастный Мустафа до сих пор сидит в кувшине на складе?

Такая мысль перепугала и Полю.

— Это слишком жестоко! — сказал он.

Тут позвонила Оксана.

Алиса сказала ей, что боится, не забыли ли на складе кувшин. Оксана сказала, что, конечно, этого быть не должно, но мало ли, что может случиться с таким противным и приставучим джинном, как Мустафа. Она согласилась тут же поехать на склад, открыть его и поглядеть, нет ли там кувшина.

Алиса с Полей помчались на флаере туда же.

Вместе с Оксаной и прилетевшим Германом они открыли большой склад, где хранится реквизит от разных картин, и начали искать кувшин с джинном. Они переворачивали вещи, они звали Мустафу, надеясь, что джинн отзовется из кувшина... но все напрасно!

Потом они обзвонили все музеи и школьные исторические кабинеты, куда могли передать вещи со съемок. Но и там не было ни одного подходящего кувшина.

Так что пришлось смириться с мыслью, что джинн Мустафа пропал без вести. Осталось только послать телеграмму в эпоху легенд, чтобы родственники-джинны начинали делить его имущество и место в пещере, но Алиса все откладывала этот момент. Как будто еще на что-то надеялась.

Глава 7

АЛИСА ЛЕТИТ НА ПЛАНЕТУ ОБИТАЛИЩЕ

Светлые идеи приходят в любое время суток. Захочет такая идея тебя посетить — вот и пришла. И ей все равно — ночь это или разгар дня.

Так случилось и с Алисой.

Она проснулась среди ночи и совершенно явственно подумала: «Я знаю, где сейчас бедный Мустафа. Он попал на пла-

нету Обиталище к президенту Авдееву Корнею вместе со старинными предметами со съемок».

Алиса была настолько уверена в своей догадке, что тут же прошла босиком в папин кабинет и включила там галактическую связь. Археолог Громозека копал затерянный город на какой-то отдаленной планете, но его межпланетный телефон у папы был записан в компьютерную книжку. Так что Алиса тут же набрала код и номер. К счастью, в месте, где происходили раскопки, была середина дня. Громозека тут же подошел к телефону и узнал Алису.

— Что случилось? — переполошился он. — Ты попала под флаер? Мама утонула? Дедушка сломал ногу?

— Погоди, Громозека, — остановила его Алиса. — Все куда проще. Постарайся вспомнить, какие вещи брал президент Авдеев Корней со склада на киностудии.

— Ну как теперь вспомнишь! Несколько месяцев прошло!

— Постарайся, это очень важно.

— Он брал стол, самовар, сундук, валенки... он брал массу вещей.

— А среди вещей был большой восточный медный кувшин?

— Может быть, — сказал Громозека, — я за ним специально не наблюдал.

— Вспомни, миленький! От этого зависит жизнь одного... существа.

— Какого?

— Джинна Мустафы! Может быть, вы нечаянно забрали со съемок кувшин, в котором он спал, и никто этого не заметил.

— Как же не заметил? А разве джинн не снимался в кино?

— Вы попали туда как раз в конце съемок. Была суматоха, все собирались, разъезжались. И никто не хватился несчастного Мустафы.

Громозека горько вздохнул и сказал:

— Нет, не помню. С одной стороны, мне кажется, что вроде бы я видел какой-то кувшин, но с другой стороны, я ничего не видел...

— Тогда, — решительно произнесла Алиса, — у меня нет выбора. Я лечу на планету Обиталище. Туда ходят рейсовые?

— Какие рейсовые! — удивился Громозека. — Туда ничего не ходит. Только раз в году привозят почту, новые ботинки, соль и спички...

— Дай координаты!

— Координаты есть в справочнике. Но, Алиса, это же неразумно!

— Разумно, — возразила Алиса. — Я виновата и должна это дело распутать.

— Ты туда не попадешь, — сказал Громозека. — Представь себе — это же самая отсталая и первобытная планета во всей Галактике. Они отказались от всего, даже от электричества. К ним никто не летает, они никуда не летают...

— Тем лучше. До встречи, Громозека! — попрощалась Алиса. — У меня как раз осталось два дня до конца каникул.

— Но кто тебя повезет?

— Мой друг, — ответила Алиса.

И она говорила правду.

У Алисы на самом деле есть добрый друг — это маленький, разумный космический корабль Гай-до. Он живет под Вроцлавом в семье Ирии Гай, воспитывает ее малышку. Алиса с Гай-до побывали во многих переделках. Алиса надеялась, что Ирия разрешит взять кораблик на два дня поискать на первобытной планете кувшин с потерявшимся джинном.

Ирия отпустила Гай-до на выходные, папа и мама согласились с Алисой, что ей необходимо поискать Мустафу, и вот через два дня они отправились на Гай-до в поисках планеты Обиталище.

Дорога была нелегкой, но Гай-до промчал Алису как на гонках, и к вечеру следующего дня они подлетали к планете Обиталище.

— Учти, кораблик, — сказала Алиса, стоя у пульта управления, — что нас никто не встретит. У них даже нет электричества... Такие они все принципиальные.

— Вытерпим, — ответил Гай-до.

Сделав круг, Гай-до снизился над небольшой, поросшей лесами планетой Обиталище.

Алиса стояла у иллюминатора, стараясь отыскать поле, на краю которого должна стоять избушка поселенцев.

Но вместо нее она увидела, как навстречу им с планеты поднялся гравитолет, небольшой, но вполне современный.

Сделав круг, он приблизился к Гай-до.

— Кто к нам в гости? — спросили с корабля. — С какой целью?

— Это я, Алиса Селезнева.

Алиса подумала, что ошиблась и попала на другую планету.

— Сверяю с компьютером, — сказали с гравитолета, — есть ли в списке наших друзей Алиса Селезнева.

И через минуту Алиса услышала:

— Добро пожаловать, Алиса! Наша планета ждет тебя. Ты у нас желанный гость. Следуйте за мной.

Гай-до полетел за гравитолетом и вскоре опустился на пластиковую посадочную площадку неподалеку от небольшого, но странного города. В том городе не было домов, магазинов и улиц. Только несколько высоких дворцов и замков, каждый из которых был окружен садом. Но самое удивительное заключалось в том, что эти дворцы не были придуманы архитекторами, а повторяли какое-нибудь всем известное здание. Там стояли в окружении клумб и цветников, пальм и магнолий Эйфелева башня, пирамида Хеопса, дворец Мамакарда Четвертого Паталикутры, Эмпайр-стейтс-билдинг из Нью-Йорка, московская Останкинская телевизионная башня, собор Парижской Богоматери, индийский мавзолей Тадж-Махал, дворец императора планеты Прохладные Струи, известный тем, что был выпилен из гигантского изумруда...

— Какое странное у них представление о простоте и древности, — сказала Алиса. — Я-то была уверена, что мы выйдем на лужайку, где пасется стадо коров, что мы будем пить чай из самовара в маленькой избушке...

— Не делай выводов раньше времени, — сказал Гай-до. — Вылезай, осмотрись. Тем более что тебя здесь знают и даже, кажется, ждут.

С этими словами Гай-до открыл люк, и Алиса вышла на пластиковое покрытие.

И тут она увидела, что от дворцов и башен к ней летит несколько флаеров самых разнообразных моделей, размеров и раскраски. Но все это были современные машины, скоростные, автоматические, чудо техники.

Из флаеров выскакивали молодые люди и дети, одетые легко и ярко, все чем-то похожие друг на друга.

Они кидались к Алисе, обнимали ее, целовали, дети называли ее сестренкой, взрослые — дочкой.

Первый из мужчин, знакомясь с Алисой, представился:

— Авдеев Фаддей. Жду в гости!

Второй сказал:

— Авдеев Алексей. Я вам так благодарен за подарок! А вот моя жена Валерия.

Третий мужчина назвался:

— А я Авдеев Кирей, жену мою зовут Калерией.

Алиса уже догадалась, что она встретилась с семейством Авдеева Корнея, президента планеты Обиталище.

Поэтому она спросила:

— А где же ваш папа, президент планеты?

— К сожалению, — ответил Алексей, — папа не сможет вас приветствовать. И я не знаю даже, захочет ли он вас увидеть.

— Я к вам ненадолго, — сказала тогда Алиса. — Мне только хотелось у вас спросить, не знаете ли вы о судьбе... может быть, вы видели кувшин... Я ищу... — Ну никак Алиса не могла задать вопрос о джинне, потому что дети и взрослые тянули ее к себе, приглашали в гости в свои дворцы и замки, которые, оказывается, и были их домами.

— Подождите! — раздался сверху голос. — Выслушайте Алису. Не кричите все сразу!

Авдеевы замолчали. И посмотрели вверх.

— Извините, — сказала Алиса, — это говорил мой кораблик.

— Правильно, — громким голосом произнес Гай-до. — Мы прилетели узнать, не попал ли к вам на планету случайно кувшин с джинном Мустафой. Он пропал без вести, и его родственники беспокоятся, не погиб ли он?

— Ничего подобного! — послышался голос джинна Мустафы, который опускался с неба на ковре-самолете. — Я жив, здоров, счастлив. И отлично понимаю, что мои родственники-джинны ждут не дождутся, чтобы я помер, тогда они поделят все мои драгоценности и вещи, займут мое место в пещере и тут же забудут обо мне.

Глава 8

ОДИНОКИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Ковер-самолет повис над землей, как диван. Мустафа величественно сошел с него, и все жители планеты Обиталище поклонились ему. А маленькие дети, которых там было видимо-невидимо, подбежали к нему, чтобы он взял их на руки и подбросил к небу. Через полчаса все Авдеевы, Алиса, джинн Мустафа и даже кораблик Гай-до собрались на верхней площадке Эйфелевой башни.

Всем известно, что Эйфелева башня уже много лет стоит

посреди города Парижа, и туристы со всего мира съезжаются туда, чтобы ею полюбоваться.

И вот, оказывается, на планете Обиталище недавно построена точная копия французской башни, такая же высокая, как в Париже. Ее вершина часто скрывается в облаках.

На вершине Эйфелевой башни есть площадка. На площадке стоит большой стол, окруженный креслами. Кресла там разные. Есть обыкновенные для взрослых Авдеевых, есть широкое кресло для джинна Мустафы, есть маленькие кресла на высоких ножках для авдеевских детей. Только, разумеется, для Гай-до кресла не нашлось, и он повис в воздухе над перилами площадки.

С шумом, смехом, разговорами Авдеевы заняли места за столом.

Рядом с Алисой кресло пустовало.

— А тут кто должен сидеть? — спросила она.

Авдеевы грустно замолчали. Потом Алексей сказал:

— Это кресло ждет нашего папу, Авдеева Корнея, президента нашей планеты.

— А где же он?

— Он там, за рекой, в тени деревьев, — сказал Кирей. И грустно вздохнул.

Существовала какая-то тайна, но Алиса понимала, что, когда нужно, эту тайну раскроют. Самой же лучше не вмешиваться в чужие дела.

Валерия и Калерия принесли большой самовар, и все принялись пить чай. Алиса заметила, что самовар был единственной старинной вещью на столе — все остальное было совершенно современным, даже гренки саморазогревались, стоило до них дотронуться, сахар сам пересыпался из сахарницы в чашку, стоило тебе этого захотеть. Кроме чая, конфет и торта, на столе стояли блюда с киви, ананасами, бананами, виноградом и другими фруктами.

День клонился к закату, но солнце еще пригревало. Поэтому было очень приятно пить чай на вершине Эйфелевой башни, где веял свежий ветерок. Авдеевы расспрашивали Алису о новостях на Земле и в Галактическом центре. Оказывается, они были в курсе многих событий и поддерживали с Землей связь. По системе ноль-транспортировки им пересылали кассеты с новыми фильмами и компьютерными играми. Кстати, дети, которым надоело слушать, как разговаривают с

Алисой взрослые, стали играть, а другие принялись летать вокруг, надев крылья или сапоги-самолеты.

— Расскажи, Мустафа, — попросила Алиса джинна, который подошел к ней с бокалом апельсинового сока. — Как случилось, что ты сюда попал? Правильно ли я догадалась, что тебя увезли по ошибке?

— О мудрая из мудрейших девочек Вселенной, — сказал Мустафа, — я счастлив тем, что могу считать себя в числе твоих ближайших друзей. Ты права, о, как ты права! Три месяца назад, в день окончания съемок, я утомился и залез в свой кувшин, чтобы немного отдохнуть. Девушка Оксана, да продлит небо ее жизнь и золотую косу, обещала мне, что за мной пришлют флаер. Но, конечно же, коварное создание, она об этом позабыла. Только заткнула кувшин пробкой, чтобы актеры и режиссеры не отвлекали меня от отдыха. Когда же я очнулся, то понял, что меня куда-то везут. Но и это меня не встревожило, я думал, что меня везут на флаере домой. И я снова заснул и проспал до тех пор, пока очнулся в космосе, куда меня нечаянно увез уважаемый президент Авдеев Корней, да продлит небо его жизнь!

— И что же случилось потом? — спросила Алиса.

Авдеевы собрались вокруг и внимали рассказу джинна, словно услышали его впервые.

— А потом я стал стучаться, потому что проголодался. И можешь представить мой гнев, когда кувшин открыли, и вместо тебя и робота Поли я увидел незнакомое мне лицо президента Авдеева Корнея. О ужас, я был готов растерзать его на части! Но не мог.

— Почему же? — спросил Гай-до, который с интересом слушал рассказ, повиснув над перилами площадки.

— Да потому, невежественная железка, — ответил джинн, — что по правилам судьбы я становлюсь слугой тому человеку, который выпустил меня из кувшина. А таким человеком стал Корней.

— И что же ты делал?

— Первые три дня, — сказал джинн Мустафа, — я помогал этому человеку строить новую избу для его детей, затем он заставил меня пасти стадо, плести лапти, доить коров и отгонять медведей, которые зачастили на пасеку. Ты представляешь, как унизительно было великому из великих, первой кинозвезде среди джиннов Мустафе заниматься этими делами?

— Да, я могу представить, — улыбнулась Алиса.

— На ночь Корней сажал меня в кувшин и затыкал пробкой. И я был обязан его слушаться. И если бы не доброта моих друзей, — джинн обвел когтистой рукой вокруг, показывая на семейство Авдеевых, — мне бы пришлось вечно оставаться в грязных рабах на скотном дворе.

— И что же случилось? — спросила Алиса у Авдеева Алексея.

Алексей посмотрел на Валерию, Валерия на Калерию, Калерия на Фаддея, а Кирей сказал:

— Чего уж таить от тебя, Алиса! Расскажем тебе всю правду! Конечно, мы уважаем нашего папу Корнея. Конечно, мы послушно отправились следом за ним, чтобы жить на дикой планете первобытной жизнью, пахать землю, жить без электричества и телевизора и радоваться простой жизни... Но поставь себя на наше место: неужели ты бы не устала от такой хорошей жизни?

— Устала бы, — призналась Алиса. — И сбежала бы с этой планеты.

— А мы придумали другое. В одно прекрасное утро, когда папа уехал косить траву на речку, мы открыли кувшин и выпустили джинна.

— Так и было! — подтвердил Мустафа.

— Мы объяснили джинну, что сил у нас больше нет жить такой же простой жизнью, как жили пещерные люди!

— А я им сказал, — продолжил джинн, — что тоже больше не в силах доить коров, отпугивать медведей! Хватит! Мы живем в цивилизованном веке! У Алисы Селезневой я каждый день смотрел телевизор, а уж что я делал, когда снимался в кино, — этого вам никогда не понять! — И тут джинн Мустафа почему-то громко расхохотался.

— Мы попросили джинна: вылезайте, пожалуйста, из кувшина и давайте вместе переводить планету на рельсы прогресса, — сказал Кирей.

— Как так? — удивилась Алиса.

— А так, — засмеялась Калерия, — когда президент Корней вернулся с сенокоса, у нас уже было проведено электричество, работал телевизор и водопровод с канализацией. Ты бы посмотрела, как он кричал. А мы говорим: что делать, мы выпустили джинна из бутылки, а где он теперь, никто не знает. И пока он не изменит всю планету, он не остановится.

— Так и случилось, — сказал Мустафа. — Я заказал книгу по имени Энциклопедия, посмотрел там картинки и каждому

из Авдеевых построил по дворцу, а чтобы им было интереснее и детям для образования полезнее, наши дворцы — копии дворцов из других времен и мест. Мы снова изобрели воздушное сообщение и сделали автоматы, чтобы они работали в садах и на огородах... мы многого добились, но это еще не все!

— Не все! — хором откликнулись Авдеевы. — У нас немало интересных планов. Приезжайте через год — Обиталище станет самой передовой планетой в Галактике.

— Да здравствует содружество джиннов и людей! — закричал мальчик Боря, сын Алексея.

Наступил вечер, солнце клонилось к закату. Гай-до реял над перилами башни.

Допив чай, Алиса спросила:

— А где же президент Корней?

— Он отказался участвовать в наших планах, — сообщила Валерия. — Он сказал, что будет и дальше гнуть свою линию.

— И что же?

— Гнет и гнет.

— А можно с ним повидаться?

— Конечно, можно, если он этого захочет, — сказал Алексей. — Но он ложится спать с заходом солнца, так что придется подождать до завтра.

— Но солнце еще не село, — сказал Гай-до, — я успею домчать Алису до дворца президента.

— Ну что ж, рискните, — сказал Алексей. — Калерия покажет дорогу. С остальными родственниками папа, к сожалению, не желает разговаривать.

— А меня он ненавидит, — вздохнул джинн. — Хотя, казалось бы, что плохого я сделал — доил коров, гонял медведей, а потом изобрел электричество и радио...

Калерия и Алиса залезли в Гай-до, и через несколько минут он домчал их до лесного озерка, на берегу которого стояла избушка. Возле избушки на завалинке сидел бывший президент планеты Авдеев Корней и вырезал из деревяшки столовую ложку.

Калерия осталась возле Гай-до, а Алиса подошла к Авдееву и, поздоровавшись, спросила:

— Вы помните меня?

— Почему же не помнить? Ты Алиса Селезнева, я у тебя с Громозекой был в гостях. И ты показала мне, где лежат старые вещи. Поэтому ты и есть мой главный враг!

— Но почему?

— Это ты подсунула мне кувшин с джинном! И оттуда пошли все мои неприятности.

— Да я до последней минуты не знала, куда делся джинн Мустафа. Я и к вам приехала, потому что искала его.

— Уходи! — закричал печальный и даже злой президент и запустил в Алису недоструганной деревянной ложкой.

— Может, вам чего-нибудь нужно? — спросила Алиса.

— Мне все дает природа, — ответил Авдеев.

В сарайчике возле дома замычала корова.

Не прощаясь, президент поднял с земли мятое ведро и пошел в сарай доить.

Пришлось улетать не попрощавшись.

На посадочную площадку Алису пришли провожать все Авдеевы. Они дали ей миллион поручений.

— Какое послание отправить твоим родственникам в Аравию? — спросила Алиса.

Джинн вытащил из кармана шаровар ловко вылепленную из глины человеческую кисть. Ее пальцы были сложены так, что большой палец находился между указательным и средним.

— Это у нас, джиннов, — сказал он, — называется фигой или шишом.

— А у нас тоже, — улыбнулась Алиса.

— И у нас, — сказали Авдеевы.

— Это означает, что ничего они не получат, — решительно произнес Мустафа. — Ни вещей моих, ни драгоценностей, ни портретов моих бывших жен, ни моего места в пещере. Вот поживу здесь в свое удовольствие, лет через сто вернусь и наведу там порядок!

Он обнял за плечи старшую дочку Калерии, милую крепкую веселую девушку, а свободной рукой махал Алисе до тех пор, пока Гай-до не скрылся в облаках.

Алиса смотрела в иллюминатор на удаляющуюся планету. А Гай-до сказал:

— Надо же было так случиться, чтобы древний и первобытный джинн разрушил мечту Авдеева о древней жизни!

ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ

Глава 1

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО БУЛЬВАРУ

Была середина декабря. В московских переулках, во дворах и в парках насыпало много снега. К счастью, за последние годы XXI века удалось заштопать озоновые дыры, вычистить воздух и воду, закрыть дымные и вредные заводы. Человечество вздохнуло свободно, зимы в Москве снова стали морозными и снежными, а небо звездным и прозрачным. По нему проносились флаеры и лайнеры.

На центральных площадях и улицах пластиковые мостовые и тротуары прогревались, там было сухо и чисто, а редкие снежинки, прилетевшие с ветром, испарялись, не успев коснуться земли. Можно было всю зиму гулять в лакированных туфлях.

Но Алиса Селезнева считала, что зимой лучше ходить по снегу. Поэтому она оставила флаер на стоянке за Арбатской площадью, а дальше пошла пешком по лесным тропинкам Гоголевского бульвара. Она шагала не спеша, радуясь тому, как похрустывает снег под подошвами, и любуясь тем, как фонарики, протянутые меж деревьев, отражаются звездочками в снежинках.

Алиса остановилась перед детской биостанцией. Биостанция была пустынна, лишь в оранжерее горел яркий свет. Зимой всех зверей переводят в Космический зоопарк, где работает Алисин папа, профессор Селезнев. Ведь юные натуралисты не могут бывать здесь каждый день — у них много дел в школе. Правда, после школы сюда обязательно забегает кто-нибудь из ботаников проверить, как идут дела в оранжерее, и покормить волка Гаврюху, который остается на зиму сторожем, потому что любит снег и свободу.

Вот и сейчас Гаврюха, издали почуяв Алису, примчался к воротам. Он часто дышал и глядел на Алису с радостью.

Алиса открыла ворота и вошла на станцию. Гаврюха, приблудный волк, но умница, поднялся на задние лапы, чтобы поцеловать ее в лицо, но Алиса не удержала вес такого большого зверя и с размаху грохнулась на снег. Гаврюха смутился и принялся толкать ее в бок холодным носом, чтобы помочь подняться.

Гаврюха появился на биостанции осенью. Утром натуралисты пришли на станцию и увидели, что он лежит, свернувшись кольцом, у ворот. Сначала его приняли за овчарку, но потом приехал профессор Селезнев и сказал, что это не собака, а настоящий волк. Он хотел было увезти волка, чтобы тот чего-нибудь не натворил. Ведь волки — животные дикие и во взрослом виде не приручаются. Но волк стал просить, чтобы его оставили. Он лежал на земле, прижав морду к песку и виляя хвостом, как собака. Он даже подвывал, как будто хотел что-то сказать, и ребятам стало его жалко. К тому же случилась странная вещь: на выручку к волку прибежали питекантроп Геракл и жираф Злодей, постоянные обитатели биостанции, которые, оказывается, уже были знакомы с волком и подкармливали его как умели.

«Ну если жираф согласен жить с волком, — развел руками профессор Селезнев, — значит, это не волк, а кролик. Теперь осталось решить загадку, как взрослый волк мог очутиться в центре Москвы».

Волк улыбнулся и поднялся на ноги. Он подошел к Алисе и прижался холодным влажным носом к ее ладошке. Алиса погладила его жесткую теплую шерсть.

«Как его назовем?» — спросил тогда Пашка Гераскин.

«Рексом», — сказал Аркаша Сапожков.

«Белый Клык!» — предложила Маша Белая.

Волк медленно поворачивал голову, удивляясь, какие смешные имена придумывают для него. Он скалил зубы, широко улыбаясь.

Пашка Гераскин нахлобучил ему на голову тюбетейку, и волк стал похож на забубенную дворнягу.

«Гаврюха! — воскликнул Пашка. — Его будут звать Гаврюхой, и он станет на биостанции сторожем!»

Все согласились, включая волка.

Так Гаврюха остался на станции. Он охранял ее, гонял ворон, выводил за рукав из оранжереи шалунов, выл на луну, чтобы не слишком светила и не мешала спать зверям и птицам, даже носил в зубах ведра с удобрением для опытов Аркаши с быстрорастущими растениями. Но вот наступила зима, и Гаврюхе стало тоскливо. Если бы не чувство долга, глубоко заложенное в загадочном волке, он бы сбежал в лес. Впрочем, никто не знал, где лежит тот лес, откуда пришел на Гоголевский бульвар мирный волк Гаврюха.

Прошло уже три месяца, как Гаврюха поселился на биостанции...

Поднявшись со снега, Алиса достала из кармана пуховика косточку для Гаврюхи, которую завернула для него еще за обедом. Гаврюха благодарно кивнул. Алиса сказала:

— Кушай, не стесняйся.

Волк не любил, когда люди смотрели, как он ест. Почему-то он считал, что это неприлично.

Алиса взглянула на дорожку — следов на ней, если не считать волчьих, не было, хотя обильный снегопад кончился еще засветло. На всякий случай Алиса спросила:

— Пашка Гераскин не заходил?

Волк, придавив косточку лапой, отрицательно покачал головой.

— Сегодня никого не было?

Никого, показал волк.

— Ты ешь, Гаврюха, — сказала Алиса. — Тебе не обидно, что тебя называют Гаврюхой?

Нет, покачал головой волк.

— Тогда я пойду домой, — сказала Алиса.

Она прикрыла ворота на биостанцию, помахала волку и пошла прочь.

Бульвар широк, люди обычно гуляют по центральной аллее. Алисе хотелось побыть одной, и поэтому она выбрала одну из пустынных узких дорожек.

Было еще совсем не поздно. Откуда-то доносилась музыка, ярко светясь, промчался над головой прогулочный флаер, сквозь деревья было видно, как на аллее малыши играют в снежки.

Скоро Новый год. Надо придумывать, кому какие покупать подарки. Это ужасное занятие. Кажется, что все уже подарено в прошлые праздники. А если добавить, что нужно посылать подарки на другие планеты, где есть друзья, — можно голову сломать от напряжения!

Покупать папе новый свитер? Но ведь мама тоже купит ему новый свитер! И почему только папа бросил курить? Он сразу лишил всех родных возможности дарить ему экзотические зажигалки, трубки или коробки с сигарами, которых папа и на дух не переносил...

Задумавшись, Алиса сбилась с пути. Тропинка стала совсем узкой. Она была покрыта тонким слоем девственно гладкого снега, значит, за последний час-два никто здесь не проходил.

Звуки погасли, потому что на их пути стояли разлапистые ели, огни еле проглядывали сквозь хвою. Алиса почувствовала себя неуютно, словно заблудилась в настоящем лесу. Она хотела было засмеяться, но смеха не получилось... Хоть ты знаешь, что до людей всего триста метров, но сердце замирает...

Впереди была небольшая полянка.

Ели и сосны тесно сошлись, перекрывая все пути к ней.

Алиса раздвинула ветви.

Посреди полянки, на блестящем под звездами и луной снежном покрове, стоял небольшой черный сундук. Старинный, с округлой крышкой, медными уголками и медной скобой, на которой висел, держась открытым ухом, тяжелый железный замок.

Алиса замерла. Если бы она увидела такой сундук под Новый год, она бы решила, что это часть новогоднего карнавала, что вот-вот из-за деревьев выйдет Дед Мороз. Но было лишь шесть часов вечера, середина декабря, и Дед Мороз, если он существует, гуляет где-нибудь по тундре или отдыхает в далекой стране Лапландии.

Алиса подошла к сундуку. Она решила откинуть крышку и посмотреть, что спрятано внутри. Но не успела этого сделать, потому что вдруг ее пронзило ощущение опасности.

Знаете, как бывает: вроде бы ничего не произошло, вроде бы все в порядке, но тебя охватывает страх.

Алисе показалось, что город, который так уютно обступал этот лес-бульвар своими кварталами и парками, шумел, пел и смеялся, куда-то исчез.

Наступила такая тишина, которая бывает только в страшном сне.

Алиса сделала два шага к сундуку и услышала, как громко заскрипел снег, будто кто-то вскрикнул под ногами.

Но все же заставила себя подойти к сундуку поближе.

На поляне было темнее, чем в аллеях, — она освещалась лишь луной и звездами, снег казался синим, деревья — черными, а сундук — черным-черным, будто это была не вещь, а провал вместо вещи, открытая дверь в подвал.

И тут же Алиса заметила, что на чистом-чистом снегу были видны следы сапог небольшого размера. Они доходили как раз до сундука. Видно, человек нес на себе сундук, потом поставил

его на землю, потоптался рядом... И вдруг увидел что-то такое ужасное, что отпрыгнул от сундука и кинулся бежать.

Все это Алиса прочитала по следам, потому что была хорошим следопытом и в прошлом году провела целый месяц в лагере разведчиков, где ребят учили, как не заблудиться в лесу, как разжечь костер под дождем, как перейти реку по бревну, как прочитать следы зверей и многим другим, очень интересным и совершенно ненужным, с точки зрения обыкновенных людей, вещам.

Что же могло так испугать небольшого человека?

Почему он бросил сундук и убежал?

Ну хоть бы кто-нибудь заглянул на эту тропинку, ну хоть бы ворона каркнула, хоть бы кошка пробежала... Было пусто, тихо и очень страшно.

Алиса дотронулась до сундука. Он был холодным, но не очень — ничего особенного, деревянный сундук.

Она попробовала приоткрыть его — крышка была в меру тяжелой, как и следовало ожидать. Она послушно поднялась.

Сундук был пуст.

Как жаль, что Алиса не прихватила с собой фонарика — вон что-то круглое поблескивает на дне сундука. Что это? Стекло?

Большая ель взмахнула лапой, стряхнув на землю снежный ком. Тот беззвучно упал вниз, подняв облачко снежной пыли.

«Алиса! — воскликнул внутренний голос. — Уходи немедленно. Тебе грозит опасность!»

Алиса закрыла сундук и тут увидела, что между стволами что-то светится. Холодным, неживым светом.

Светящееся пятно медленно и бесшумно двигалось к Алисе, все вытягиваясь вверх, как столб зеленого света. Было видно, как расступаются ветви деревьев, чтобы пропустить светящееся тело.

Алиса стояла как зачарованная, глядя на зеленоватый столб.

А внутренний голос все требовал, чтобы она уходила. Он буквально визжал от ужаса.

Алиса попробовала отступить, но ноги ее не слушались.

А зеленый столб выплыл на полянку, и Алиса поняла, что он очень похож на человека, которому на голову накинули зеленоватую светящуюся простыню.

Теперь уже можно было разглядеть длинные руки этого призрака, неподвижно висевшие по бокам, и пустые глаза-провалы в светящейся голове.

Раньше Алисе никогда не приходилось встречать привидение. Но, оказывается, для того, чтобы угадать, кто перед тобой, достаточно первого взгляда.

Привидение надвигалось на Алису медленно и беззвучно, словно облако. Его светящееся одеяние доставало до самой земли и отбрасывало на голубой снег слабый зеленый отсвет.

Неожиданно Алиса увидела, как в нижней части круглой головы привидения образовалась щель. Это же был рот! Рот становился все больше и больше, как будто привидение примеривалось, как бы ему укусить девочку.

Алиса словно очнулась и попыталась сделать несколько шагов назад, но привидение двигалось все быстрее, и девочка поняла, что ей надо бежать со всех ног, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Алиса не стала больше смотреть на привидение, потому что если смотришь на него, то ноги сразу слабеют. Она повернулась и кинулась бежать от привидения по тропинке, в сторону биостанции.

Она неслась со всех ног, но неожиданно ей под ногу попал выступающий из снега корень сосны. Алиса споткнулась о него и рыбкой полетела вперед.

Всей спиной она чувствовала, что привидение близко, и представляла, как оно сейчас ударит ее холодным электричеством, а потом проглотит...

Алиса попыталась подняться и ползти, но руки стали такими слабыми, что она снова растянулась на холодном снегу. Она могла лишь поднять голову и прошептать:

— Помогите!

Поздно, никто ее не услышит!

Но помощь была близка. Алиса услышала частое громкое дыхание и увидела, что, подобно серой молнии, к ней несется громадный пес!

В двух шагах от Алисы пес оттолкнулся от земли и прыгнул вперед.

Раздалось оглушительное шипение и страшный вой.

Алиса вскочила и поняла, что освободилась от ужасной власти привидения. Руки и ноги снова подчинялись ей.

Она чуть было не кинулась бежать дальше — этого хотели ее неразумные ноги.

Но ее умная голова остановила ноги на бегу и обернулась назад.

Она увидела, как, рыча, скалится на привидение приблудный волк Гаврюха. А привидение, извиваясь, испуская небольшие молнии и струи пара, отступало перед злобной атакой Гаврюхи.

— У-у-у-у-у-у! — завыл волк и, припав к земле, пошел на привидение. Алиса подумала, что волку, наверное, тоже страшно, потому что привидение — существо из страшного мира темных теней, заклинаний, злых волшебников и оживших мертвецов. А волк — теплый, живой, обыкновенный.

Не отрывая глаз, Алиса следила за борьбой, которая кипела рядом.

Волк прыгнул на привидение, сноп зеленых искр вырвался из призрака, на какую-то секунду враги завертелись в схватке, и Алисе даже показалось, что волк в этой суматохе и сиянии огней превратился на мгновение в человека... снова в волка... снова в человека... снова в волка!

Гаврюха отлетел назад — шерсть его дымилась. Он жалобно завыл.

Но и привидению, видно, пришлось несладко. Оно уменьшилось, будто усохло, оно дрожало, и по нему прокатывались волны зеленого, словно газового, света... Привидение стало удаляться, оно отступало сквозь густые ветви, и лишь зеленые искорки задержались на темных, покрытых снегом лапах елей.

Еще секунда, две... от привидения не осталось и следа.

Стараясь не дрожать, неподалеку стоял отважный и верный волк Гаврюха. Он часто дышал, высунув розовый язык.

— Как я тебе благодарна! — сказала Алиса.

Шатаясь от слабости, она шагнула к нему.

Гаврюха отстранился от Алисы. И она поняла почему. В некоторых местах на спине и боках его шерсть была опалена холодным пламенем. Волку было неловко, что он так некрасиво выглядит.

— Не стесняйся, — сказала Алиса. — Ведь ты меня спасал. Ты не будешь возражать, если я тебя оботру снегом?

Волк покачал головой — он не будет возражать.

Мимо пробегали дети, совсем маленькие. Они перекидывались большим мячом. За ними катилась на колесиках старая няня-робот и кричала:

— Не спешите, мне вас не догнать! Не спешите!

Дети увидели дымящегося волка, на которого Алиса кидала снег, и какой-то мальчик закричал:

— Собачка горит! Надо позвать пожарную команду.

— Она не горит, — поправила малыша девочка. — У нее внутри чайник. Это пар идет.

— Не задерживайтесь! — крикнула няня. — Мячик уже укатился!

Дети сразу забыли о дымящейся собачке и побежали дальше. За ними на двух резиновых колесах покатила старенькая няня-робот.

Алиса осторожно терла волка снегом. Если ему и было больно, он ничем этого не показывал.

— Как ты только услышал! — приговаривала Алиса. — Ты же меня спас. Это было привидение?

Волк кивнул.

— Ты раньше видел привидения?

Волк колебался. Он кивнул, не сразу, но все же кивнул.

— Странно, — сказала Алиса. — Никогда мне не встречались настоящие привидения. Я даже не думала, что они существуют на самом деле. Скажи, волчище, а они опасные?

Волк снова кивнул. И даже зарычал.

Алисе было интересно наблюдать за Гаврюхой. Порой он вел себя как волк и даже выл, а порой — как собака, рычал, вилял хвостом, правда, почти не умел лаять.

— Вот и я думаю, что они опасные, — сказала Алиса.

Волк отряхнулся, как пес, который вылез из речки. Снег полетел в разные стороны.

Алиса подумала, что теперь, конечно же, пойдет домой по главной аллее, а дома первым делом расскажет обо всем отцу. Он, наверное, знает, встречаются ли привидения на Гоголевском бульваре или им с волком это показалось.

— Ты меня проводишь? — спросила Алиса волка.

Тот кивнул.

Они уже собирались идти, как Алиса вспомнила, что сундук все еще стоит посреди поляны.

— А с ним что делать? — спросила она волка.

Волк ничего не ответил. Даже не двинулся. А Алисе показалось, что он пожал плечами.

Алиса продолжала рассуждать вслух:

— Вряд ли кто-нибудь его обронил. Шел, шел, нес сундук, задумался и обронил. Смешно?

Волк улыбался. Улыбаться он умел.

— А может быть, он поставил его на поляне, чтобы приманивать привидения?

Волк молчал.

— Что же делать? Кому рассказать о сундуке? Правильно! Папе! Папа знает все и даже догадается, зачем кто-то бросает на бульваре старинные пустые сундуки.

Пора было уходить, но Алиса никак не могла решиться оставить сундук на произвол судьбы.

И тут из чащи ее окликнули:

— Алиса, это ты?

— Это я. А ты кто?

— Ты с Гаврюхой? — спросил знакомый голос из чащи.

— Да, мы здесь с Гаврюхой.

— А больше никого нет?

— Кто был, убежал, — сказала Алиса.

— Я так и думал, — сказал Пашка Гераскин и вышел на открытое место.

Пашка Гераскин — старый друг Алисы. Они не раз вместе попадали в переделки и пускались в опасные авантюры. Но декабрь — не время для авантюр, надо учиться.

Пашка подошел к сундуку и похлопал его по крышке.

— Никто к нему не приближался? — спросил он.

— Пашка, перестань говорить загадками, — попросила Алиса. — И расскажи все, что ты знаешь.

— А плакать не будешь?

— Не буду.

— И дрожать не будешь?

— Пашка, ты мне надоел. Если ты не начнешь немедленно свой рассказ, я пойду домой.

— Ладно, начинаю, — торжественно произнес Пашка. — Я должен сказать, что у меня появился новый знакомый. Его зовут Иона Ионович Гоц. У профессора Гоца в лаборатории стоял один ценный прибор. Вот этот!

И Пашка показал на сундук.

— Так я и знала, что без тебя не обошлось, — сказала Алиса. — Значит, это ты ходишь ночами по бульвару с сундуком в обнимку?

— Этот сундук — наследство профессора Гоца. Он доверил его мне, но просил не спускать с него глаз. Сначала я хотел отнести сундук домой, но ты же знаешь мою маму!

— Знаю. Она очень хорошая.

— Она неплохая, но не выносит старых и пыльных вещей. А я люблю притаскивать домой старые и пыльные вещи. Еще на той неделе мама сказала, что, если я притащу еще ка-

кую-нибудь ископаемую рухлядь, она выставит меня из дому вместе с этой дрянью.

— И ты испугался нести сундук домой?

— Я решил отнести его на биостанцию. Днем будем его стеречь мы с тобой по очереди, а ночью за ним присмотрит Гаврюха. Правильно, волчище?

Но почему-то слова Пашки волку не понравились. Он зарычал, глядя на сундук.

— Гаврюха, ты не прав, — сказал Пашка.

— Продолжай! — попросила Алиса.

— Я как раз собирался тебе все рассказать, но ты меня все время перебиваешь. Постарайся немного помолчать!

— Постараюсь.

— Профессор Гоц уехал в командировку и оставил мне в наследство этот сундук. Так как это не совсем обычный сундук, я решил отнести его в нашу лабораторию. И когда я шел от профессора сюда — только не смейся! — за мной увязалось привидение! Сейчас ты станешь говорить, что привидений не бывает! Ну говори, говори!

— Я ничего не говорю, — сказала Алиса.

— Странно. Тогда я закончу свой рассказ. Как только я вошел в темный лес, привидение выскочило из чащи и кинулось ко мне. Мне пришлось бежать, потому что я не знаю, как заговаривать привидения! Да и вообще я в них не верю! Ты не смеешься?

— Нет.

— Я подождал немного и осторожно вернулся на полянку. Вот и встретил вас. Ты в это веришь?

— Верю, — сказала Алиса.

А приблудный волк Гаврюха наклонил большую теплую голову в знак согласия.

Глава 2

ТАЙНА ЧЕРНОГО СУНДУКА

Алиса с Пашкой отнесли черный сундук в лабораторию.

В лаборатории было тепло, прибрано, на длинном столе стоял букет хризантем. Видно, последней дежурила одна из девочек.

Пашка закрыл было дверь перед носом волка, но Алиса сказала:

— Пускай Гаврюха с нами посидит. Ему же скучно одному.

— Вообще-то собакам и волкам не место в комнате, — начал было Пашка. Не потому, что хотел выгнать Гаврюху, а просто у Пашки такая привычка: оставить за собой последнее слово. — Но пускай, в виде исключения, волк побудет с нами.

Сундук стоял посреди лаборатории. Пашка сел на него и вдруг спросил:

— А почему ты так легко со мной соглашалась? Ты же не веришь в чудеса.

— Если бы ты выслушал меня раньше, то не удивлялся бы, — ответила Алиса.

— Я тебя внимательно слушаю.

Волк лег на пол, вытянулся во весь свой двухметровый рост и прикрыл глаза, будто все это его не интересовало, а пришел он в лабораторию погреться.

— Видела я твое привидение, — сказала Алиса. — Привидение как привидение, ничего особенного!

— Значит, ты не его видела! — воскликнул Пашка. — Потому что от настоящего ты бежала бы до самого Черного моря.

— Я и бежала, — засмеялась Алиса. — Только не добежала, потому что встретила Гаврюху.

Алиса голову могла дать на отсечение, что волк улыбается. Голова его лежала на полу меж вытянутых вперед лап, глаза были закрыты, но рот растянулся в улыбку.

Алиса в двух словах рассказала Пашке про свое приключение и закончила так:

— Конечно, это не привидение, но какое-то неизвестное явление. Я сегодня поговорю с папой. Наверняка он знает. Может даже, это чудище сбежало из Космического зоопарка.

— Не утешай себя, Алиса, — сказал Пашка. — Это самое настоящее привидение.

— Их не бывает!

— Привидения бывают. Волк Гаврюха может тебе это подтвердить.

Волк Гаврюха не шевельнулся.

Не дождавшись подтверждения, Пашка продолжал:

— Профессор Гоц отправился к ним в гости. И если там все будет в порядке, я скоро к нему присоединюсь.

Вдруг Гаврюха тихо, но угрожающе зарычал.

— Ему не нравится, — сказала Алиса.

— Что может понимать дикое животное! — отмахнулся Пашка.

Алиса попросила:

— Пашка, если ты начал рассказывать, то рассказывай. Мне домой пора.

— Хорошо, — согласился Пашка. — Ты знаешь, что я хочу стать знаменитым биологом? Может, даже великим. Ты слышала об этом?

Алиса кивнула. Гаврюха открыл один глаз, чтобы посмотреть на будущего великого биолога.

— Для этого я полетел наблюдателем на конгресс по изучению чудес на Гавайях. Доклада я не делал — зачем удивлять моим жизненным опытом коллег? Но все выслушал и узнал немало интересного. И, кстати, познакомился там с профессором Гоцем. Он не очень старый, ему лет сорок, но очень талантливый. Мы с ним купались в океане, катались на досках по волнам прибоя и даже забирались в жерло действующего вулкана. Считай, что мы с ним подружились. Мне кажется, что Иона Ионович выбрал меня своим научным наследником.

— А чем занимается твой новый друг? — спросила Алиса.

— Он изучает биологию привидений.

— Где же он их берет?

— Вот в этом и заключается главное открытие моего друга.

— Оно секретное? — спросила Алиса.

— Нет, но о нем нельзя никому рассказывать.

— И мне тоже?

— Нет, — ответил Пашка, — ты — исключение. Хотя бы потому, что ты уже видела настоящее привидение. И сейчас ты станешь единственным, кроме меня, человеком на Земле, который посвящен в открытие профессора.

Пашка вытащил из кармана кассету.

— А почему сам профессор нам не может рассказать?

— Потому что профессора с нами, к сожалению, нет, — ответил Пашка. — Он отправился в командировку. Я же говорил об этом!

— Может, подождем его возвращения? — спросила Алиса.

— И ты не хочешь узнать, откуда берутся привидения?

— Конечно, я хочу узнать!

— Тогда возьми кассету и посмотри на нее.

Алиса послушалась.

— Ничего не видишь?

— Я вижу на кассете надпись: «Для Павла Гераскина».

— Теперь ты веришь, что я имею право показать тебе кассету?

— Как она попала тебе в руки?

— Профессор мне позвонил вчера и просил обязательно заглянуть после школы. Конечно же, я побежал к нему. Я постучал, дверь сама отворилась. Автосекретарь сказал мне, чтобы я прошел в кабинет. Посреди кабинета на полу стоял вот этот черный сундук. На нем лежала кассета. Автосекретарь попросил меня просмотреть кассету. Я просмотрел и решил, что надо показать ее тебе. Будешь смотреть?

— Конечно. Ты меня заинтриговал.

— Я и сам еще не все понимаю, — сказал Пашка. — Лишний раз посмотреть не помешает.

Он вставил кассету в щель под стенным экраном. Потом уселся на сундук. Алиса устроилась на полу, прислонившись к теплому мохнатому боку волка.

На экране появилось лицо худого, сутулого человека. Можно было подумать, что он все еще растет, но неравномерно. Затылок вырос так, что голова стала тыквочкой, и редких волос не хватало, чтобы прикрыть макушку. А руки и ноги вылезли из брюк и рукавов. Взгляд у профессора рассеянный, потому что он был погружен в свои сложные научные мысли.

«Здравствуй, Павел, — сказал профессор. — Я надеюсь, что ты смотришь мою пленку. Мой отъезд в параллельный мир был таким поспешным, что я не успел с тобой повидаться».

— Параллельный мир? — удивилась Алиса.

— Погоди! — остановил ее Пашка.

«Не удивляйся моим словам, — продолжал профессор Гоц. — Параллельный мир существует. И таких миров много. Один из них соприкасается с нашим настолько тесно, что при определенных условиях можно перемещаться из одного мира в другой».

Профессор Гоц замолчал и закрыл глаза, словно вспоминал. Потом откашлялся и заговорил дальше:

«Когда люди говорят о параллельных мирах, они обычно думают, что в параллельном мире и в нашем все одинаковое или почти одинаковое. Может быть, это именно так в тех мирах, куда пока невозможно добраться. Но параллельный мир, соприкасающийся с нашим, — совсем другой. Хотя ты о нем знаешь. И каждый человек на Земле тоже о нем знает. Я туда уже перемещался и потому могу тебе все заранее объяснить. Физические законы, по которым построен параллельный мир, отличаются от земных. То, что у нас считается сказками и выдумками, для жителей параллельного мира — самая обыкно-

венная реальность. С детства я увлекался книжками и фильмами о привидениях, вампирах, таинственных замках, князе Дракуле и чудовище Франкенштейне. Я знал, что всего этого не существует. Но ведь все, что не существует, откуда-то произошло! Люди ничего на самом деле не выдумывают. Они только берут то, что известно. И кое-что в этом меняют. Люди не способны изобрести даже кенгуру!»

Почему-то неспособность людей изобрести кенгуру очень рассердила профессора. Резким движением он откинул со лба упавшую прядь черных волос и отпил воды из стакана, стоявшего перед ним.

«Еще когда я учился в школе, я понял: люди не могли изобрести привидение! Они слишком для этого тупые! Им не придумать оборотней и мертвецов, которые встают из могил, русалок, которые заманивают путников в глубокие омуты... нет, людям никогда не придумать весь мир чудесных тайн и страшных явлений, о которых так хорошо умеют рассказывать дети... Но если люди не придумали привидения, то откуда они их взяли? И я догадался — значит, они где-то живут. Ну, допустим, они сохранились в непроходимых джунглях острова Сулавеси. Но непроходимых джунглей на Земле уже не осталось... Может, это просто память о том, кто когда-то жил на Земле, а потом вымер, как мамонты? Но ведь люди никогда не рассказывают историй про то, что мамонты водятся на Чукотке или в Антарктиде. Но любят поведать о том, как в покинутом доме поселилось привидение и всех перепугало».

Профессор Гоц перевел дух, окинул слушателей яростным черным взглядом, словно мог их видеть, и продолжил:

«Я посвятил изучению привидений половину жизни. А может, и больше. Я собрал все книги, в которых говорилось о привидениях, призраках и вампирах. Я ввел все эти данные в компьютер... И ничего не добился. Но я не отчаивался. Я понимал, что у меня осталось еще несколько десятилетий жизни, которые я могу посвятить любимому делу — охоте за привидениями. А если со мной что-нибудь случится, если я погибну на этой опасной охоте, то у меня теперь есть молодой друг и помощник, юный охотник за привидениями, бесстрашный Павел Гераскин».

Профессор Гоц закрыл глаза, давая возможность Пашке прочувствовать похвалу. Пашка, конечно же, прочувствовал, зажмурился и стал похож на сытого кота. Разве не приятно, когда взрослый профессор говорит, что ты его бесстрашный помощник?

«И вот мои многолетние поиски наконец принесли плоды. После встречи с тобой на Гавайских островах, мой мальчик, мне прислали одну очень древнюю рукопись. Ее написали монахи монастыря Святого Иакова, который затерялся в глубине Карпатских гор, в самом сердце Румынии. В те времена и Румынии еще не было, а на том месте располагалось Валашское княжество. Говорят, что именно там чаще всего и встречались оборотни, вампиры и привидения. И даже сам князь тех мест Влад Дракула был дружен с нечистой силой. Один из монахов, по имени Георгий, был очень любопытным человеком. Он решил проверить слухи о привидениях. И если где-нибудь в окрестностях люди говорили, что видели необычное свечение или ожившего мертвеца, монах садился на своего серого ослика и ехал туда. Несмотря на то что прошло много сотен лет, я преклоняюсь перед этим отцом Георгием — он был самым настоящим ученым. Он завел карту тех мест и отмечал на ней крестиками те пункты, где появлялась нечистая сила. Эта карта лежит у меня. Смотрите!»

Профессор Гоц поднес к экрану серый лист, на котором чернилами грубо были нарисованы горы и горки, извивы рек и леса. По всей карте были разбросаны небольшие крестики. И видно было, что особенно густо они скопились в одной из горных долин.

«Отец Георгий решил, что место, где люди чаще всего видели привидения, и есть их гнездо, или логово. И этот отважный борец с нечистой силой взял с собой крест, сосуд со святой водой, молитвенник, взвалил на ослика мешок с сушеными овощами, кислой капустой и прочими простыми продуктами и отправился прямо в гнездо привидений.

Оказалось, как выяснил монах, что привидения чаще всего выходят из развалин замка, в котором когда-то жил и умер граф Влад Дракула. Девять дней и девять ночей отец Георгий просидел в засаде возле развалин. Стояла холодная, дождливая осень. Монаху надо было укрыться от дождя, и он соорудил себе шалаш из еловых веток. На десятый день в густых сумерках он увидел, как из развалин замка выползает зеленоватое привидение. Отец Георгий вышел навстречу ему, подняв крест и разбрызгивая святую воду. Привидение от неожиданности отступило. Отец Георгий решил, что отогнал нечисть. Но не ушел, несмотря на то что ему было страшно. Он все записывал на лист пергамента, который взял с собой. На следующий день привидение привело с собой подкрепление, и это плохо кончилось для монаха. Когда встревоженные братья из монастыря наконец отыска-

ли тело брата Георгия, они увидели, что он весь обожжен, крест обгорел, ряса разорвана. И самое удивительное — в теле брата Георгия не осталось крови. Монахи назвали отца Георгия мучеником и написали о нем труд, который и попался мне совсем недавно. Для меня находка этой рукописи, — продолжал профессор Гоц, — была большой и давно ожидаемой радостью. В сентябре этого года я собрался и полетел в Румынию, в глубь Карпатских гор, где когда-то располагалось княжество Валахия.

Конечно же, те места далеко не так заброшенны, как пятьсот или шестьсот лет назад. Теперь тут немало санаториев, лыжных баз, горных приютов для туристов. И все же сохранились земли, где санаториев не строят и даже деревень нет. До сих пор местные люди туда заглядывать не любят. И на окраине тех мест стоит давным-давно заброшенный, но реставрированный монастырь Святого Иакова. Теперь прошу тебя быть внимательным...»

Профессор продолжал говорить, но его лицо на экране исчезло, а вместо него появились заросшие лесами горы.

«Конечно, ты понимаешь, — слышался голос профессора, — что я взял с собой не крест и не святую воду, а несколько бутербродов, хороший фонарь и теплые башмаки. И, конечно же, я запасся съемочной аппаратурой. С этого момента я буду показывать тебе, мой юный друг, не свое скучное лицо, а пейзаж и строения, которые попались мне на глаза».

На экране были видны проплывавшие внизу горы.

«Как вы понимаете, — продолжал профессор, — я полетел к монастырю Святого Иакова на флаере, чтобы не терять времени. Тем более что была уже середина дня, а мне хотелось до темноты вернуться в отель».

Внизу показалось несколько невысоких каменных строений, окруженных стеной. В середине возвышалась церковь с крышей, похожей на пирамидку.

Флаер спустился к церкви, и к профессору подошел старый монах, который спросил что-то по-румынски. Ни профессор, ни слушатели румынского языка, к сожалению, не знали. О чем профессор и сообщил старику по-французски: он знал, что румынский язык немного похож на французский и все образованные румыны обязательно говорят по-французски.

— Этот монастырь закрыт, сюда редко приезжают гости. Что же привело вас сюда, уважаемый гость? — спросил по-французски монах.

— Меня привела старинная рукопись, — ответил профессор. — Рукопись написана в вашем монастыре в 1623 году и повествует о том, как монах вашего монастыря отец Георгий искал и нашел привидения, но, к сожалению, погиб, потому что не смог их победить.

— Неужели вы знаете о борьбе отца Георгия с дьяволом? — удивился старик.

— Более того, — сказал профессор, — я хочу сам отправиться туда, где погиб отец Георгий, и увидеть место, откуда выходят привидения.

— Это очень опасно, — вздохнул старый монах.

— Значит, привидения и сейчас появляются?

— Я не могу вам этого сказать... — Видно было, что старик не хочет лгать, но и не может сказать правду.

— Я посвятил всю жизнь поиску привидений, — сказал профессор. — Я хочу понять, что же они представляют собой на самом деле? Есть ли они или только кажутся воображению людей?

— Это опасно, — повторил старик.

— Я буду осторожен. Подумайте, брат Георгий погиб пятьсот с лишним лет назад. Сегодня у меня есть средства защитить себя.

— Разве можно защитить себя чем-то, кроме креста, от нечистой силы? — удивился старик.

— К сожалению, крест не помог брату Георгию, — заметил профессор.

— Все бывает...

— Может быть, вы подскажете мне дорогу до развалин замка Дракулы? — спросил профессор.

— Вы и это знаете?

— Большой тайны в том нет, — сказал профессор. — Я давно собирался сюда прилететь. Ведь о хозяине замка князе Дракуле написаны книги, сняты фильмы ужасов — считается, что он прожил пятьсот лет! И нет ничего удивительного, если привидения водятся именно там.

— Долгое время никто не слышал в наших местах о привидениях, но в этом году охотники и туристы уверяют, что видели странных существ. Кто они, мы не ведаем, — ответил монах.

Он вздохнул. Понял, видно, что упрямый гость отыщет путь к замку и без его помощи. Поэтому он объяснил по карте, как долететь до замка. Профессор поблагодарил его и вернулся к флаеру.

Развалины замка были недалеко — несколько километров. Флаер уже спускался к каменным развалинам, так заросшим

лесом, что если не знать, то нипочем не догадаешься, что здесь когда-то стоял замок.

«Три дня я провел у этих развалин, — продолжал свой рассказ профессор. — Я таился в лесу, потому что не хотел, чтобы меня заметили. Конечно, ты можешь, Паша, спросить, почему я надеялся отыскать привидения в развалинах? Ведь прошло столько лет! Но я тебе вот что скажу: если ты ищешь сосновый лес, то его лучше всего искать там, где леса были раньше. Если ты хочешь найти муравья, то отправляйся в те края, где жили муравьи, а если где-то и можно встретить привидение, то, наверное, там, где когда-то водились всякие чудовища.

И вот мое терпение было вознаграждено! Вечером в густых сумерках, под мелким осенним дождем, показался зеленоватый светящийся столб — это был призрак! Он двигался к развалинам. Значит, привидение уже погуляло, побывало в разных местах и теперь спешило к себе в логово. Но в логово ли?

Осторожно, стараясь не попасться на глаза привидению и не погибнуть, как несчастный брат Георгий, я двинулся следом за ним. Сердце мое билось, руки дрожали от нетерпения и радости! Ведь наконец-то сбылась моя мечта! Я встретил привидение!»

Профессор Гоц снова включил камеру, и зрители увидели сумеречный лесной пейзаж. Впереди поднимались остатки каменных стен, заплетенные повиликой и диким виноградом. И на фоне этих развалин был отлично виден удаляющийся зеленоватый столб — привидение!

— Привидение! — закричала Алиса.

Волк вскочил и зарычал.

— Привидение! — повторил Пашка. — Я его сегодня видел!

Профессор между тем продолжал:

«Я вошел в развалины, не зажигая фонаря, потому что не знал, насколько хорошо привидения видят. Ведь сказки и легенды расходятся в этом».

Вокруг стало совсем темно — лишь впереди было видно сияние. Профессор пробирался следом, стараясь не шуметь, но порой он наступал на камень или сухую ветку — и замирал, опасаясь, что привидение обернется и заметит его.

«Я вступаю в подземный коридор, — прошептал профессор. — Под ногами ровный каменный пол. Над головой низкий свод. Я могу коснуться его рукой. С него падают капли».

Вдруг привидение впереди остановилось. Сразу остановился и профессор.

«Я боюсь подходить ближе, — тихо произнес профессор. — Подождем, пока привидение возобновит движение».

Но привидение дальше не пошло.

Оно что-то делало вдали, покачивалось, изгибалось, словно танцевало. Потом вдруг стало уменьшаться ростом, словно проваливаться под пол.

После минутного колебания профессор поспешил вперед. Он вошел в низкий округлый подвал, но не увидел там никакого привидения. А вход в подвал был только один — через который и вошел профессор.

Подвал напоминал склад ненужных вещей — там были свалены стулья и столы со сломанными ножками, разломанные шкафы и кровати, сундуки, ящики, просто доски... И тут профессор заметил гаснущее сияние — оно исходило из приоткрытого черного сундука.

Профессор подбежал к сундуку и заглянул внутрь. Он успел увидеть зеленую искорку, которая пропала на дне сундука. И сундук превратился в одну из забытых здесь когда-то вещей.

«К счастью, — сказал профессор, — у меня с собой были некоторые физические приборы. Я сразу измерил электромагнитное, биологическое и электрическое поля снаружи и внутри сундука. И приборы показали, что сундук этот необыкновенный — он излучал всевозможные поля, как будто был мощной энергетической установкой неизвестного типа.

Я понял, — продолжал профессор, — что в этом сундуке, возможно, и скрывается разгадка тысячелетней тайны, к которой я наконец-то приблизился. Ты меня понимаешь, Павел Гераскин?»

— Да, я понимаю! — откликнулся Пашка, забыв, что профессор его не слышит.

«С большим трудом я вытащил сундук из развалин и на флаере привез его домой.

Возле сундука я поставил камеры, которые должны были заработать, как только из него покажется привидение. А тем временем я советовался со всеми знаменитыми физиками, надеясь, что они мне помогут.

На шестнадцатый день после того, как я привез сундук домой, одна из камер заработала. Я услышал сигнал и примчался, даже не надев халата. Сам я никого не застал, но когда проверил пленки, то оказалось, что крышка сундука приоткрылась, из него полилось зеленоватое сияние, привидение

приподнялось, огляделось и тут же вновь спряталось в сундуке. И как я ни искал его, найти не сумел.

Уже три месяца черный сундук стоит у меня дома. Я сам видел, как в него спряталось привидение, а потом исчезло. Моя камера заметила, что другое или то же самое привидение собиралось выйти из сундука, но, видно, ему не понравилась обстановка, и оно спряталось вновь. И не оставило никаких следов. Где прячутся эти привидения?

Я расспросил тысячу ученых, пока не отыскал знаменитого японского физика Фукиду. Когда он услышал о моих приключениях, то буквально загорелся — он стал просить меня, чтобы я показал ему черный сундук.

Мы отвезли сундук в институт Фукиды, и японский физик после двух недель работы заявил, что этот сундук вовсе не сундук. А дверь в параллельный мир».

— Что-то сундук не похож на дверь, — сказал Пашка, будто профессор Гоц мог его услышать.

«Конечно, дверь — условное слово, — словно услышал вопрос профессор. — Фукида рассказал мне, что, когда миры прикасаются друг к другу, происходит удивительное явление. Если смотреть из нашего мира на параллельный, то он умещается на острие булавочной головки. Но стоит тебе перейти в параллельный мир, наш мир станет для тебя таким маленьким, что может поместиться в булавочной головке.

А черный сундук — вовсе не сундук. Именно он и есть та точка, в которой можно перейти из одного мира в другой. Привидения иногда пользуются этим переходом. Но откуда они знают об этом? — спросишь ты.

На то они и привидения! Кстати, анализы показали, что сундук страшно древний, ему уже тысяча лет. И если открыть сундук и внимательно присмотреться к нему, то увидишь, что в его дно вставлено небольшое каменное кольцо. Это каменное кольцо и называется Вратами. Давным-давно какой-то мудрец, знавший о переходе между мирами, вставил каменное кольцо в дно сундука и спрятал его таким образом от любопытных глаз. Ведь каменное кольцо могут украсть, оно может потеряться, а сундук потерять куда труднее. Так что, Паша, я оставляю тебе самые настоящие Врата, соединяющие два мира. Будь осторожен, хотя ты, возможно, мне не веришь».

— Это все теория! — заявил Пашка.

«Физике приходится верить. Она — наука точная. Ее законы правят миром. И если физика считает, что наши миры со-

прикасаются, значит, это так. Меня же интересует другое — как добраться до привидений».

— А как? — спросил Пашка.

«А добраться до привидений можно, только увидев, что же лежит за Вратами. Что за мир там? Я хочу увидеть привидения у них дома, пощупать их, измерить, понять! Я хочу получить Нобелевскую премию по биологии! Я хочу, чтобы в энциклопедии написали: «Иона Гоц — открыватель нового мира!» Паша, ты должен дать мне слово, что не выдашь меня!»

Профессор Гоц насупил брови и уперся взглядом в зрителей. Алиса даже глаза отвела.

— Не выдам! — поклялся Пашка.

«Теперь пойми самое главное! Я вернусь через три дня! А потом мы с тобой организуем замечательную экспедицию в параллельный мир. Но пока я в разведполете, ты обязан беречь сундук пуще своего ока. Без него мне не вернуться домой! Без него я сгину в чужом мире, и открытие не состоится. Ты понял?»

Пашка молча кивнул.

«Не спускай с сундука глаз ни днем ни ночью! Три дня! Только три дня! Обещаешь? Жди меня!»

Экран погас.

Профессор исчез.

Наступила тишина.

— Теперь ты меня понимаешь? — спросил Пашка.

— Конечно, я тебя понимаю, — ответила Алиса. — Но я не уверена, что другие тебя также поймут.

— Поэтому я перед тобой открыл все карты, — сказал Пашка.

Алиса подошла к сундуку и подняла крышку, чтобы лучше разглядеть каменное кольцо на его дне.

Пашка тем временем продолжал свой рассказ:

— Я подумал, ну как мне охранять сундук три дня и три ночи? Переселиться в квартиру профессора Гоца? А что скажет мама?

— Да, — согласилась Алиса. — Твоей маме уже давно надоели твои приключения. Она мне жаловалась.

— И кому она только не жаловалась! И хуже всего, что в школу пожаловалась, — вздохнул Пашка. — Так что, ты понимаешь — я не мог перетащить сундук домой. Я не мог переселиться к сундуку поближе. Мне оставалось лишь отнести сундук в безопасное место. А где оно?

— И тебе кажется, — сказала Алиса, — что самое безопасное место — это лаборатория биостанции?

— Вот именно! Лаборатория запирается, ни одно привидение туда не заберется, а к тому же ее охраняет волк Гаврюха.

— Ты возражаешь? — спросила Алиса.

Гаврюха отрицательно покачал головой.

— Только закрой его, Пашка, — велела Алиса. — А то еще какое-нибудь привидение выскочит.

— А ты думаешь, что они сквозь стены не могут проходить? — спросил Пашка.

Алиса не успела ответить, как зарычал Гаврюха.

И было из-за чего рассердиться приблудному волку: сквозь открытую форточку с улицы в комнату вползало привидение.

Оно было похоже на светящуюся гусеницу.

В лапе привидение держало ананас. Ананас застрял в форточке, и привидение начало дергаться, извиваться, чтобы протащить его в лабораторию.

Приблудный волк кинулся было на привидение, но Алиса схватила его за ошейник и потащила обратно.

— Помоги мне его удержать! — крикнула она Пашке.

— Да оставь ты его и беги! — откликнулся Пашка. — Оно нас убьет.

— Гаврюшечка! — взмолилась Алиса. — Не рвись, потерпи. Нам же нужно с тобой узнать, может ли привидение пройти сквозь стенки сундука!

Волк сразу понял ее. Куда быстрее, чем Пашка. Он сразу сел и лишь молча скалился, а Алиса метнулась к сундуку и закрыла его. А так как привидение, которое наконец пролезло в форточку, было совсем близко, Алиса отпрыгнула в сторону под защиту волка.

Привидение не обратило никакого внимания на то, что в лаборатории горит свет и находятся чужие. Оно подплыло к сундуку и попыталось втиснуться в щель, затем ткнулось в замочную скважину.

Если бы это не было самое настоящее и даже опасное привидение из параллельного мира, Алиса бы засмеялась, настолько забавно привидение пыталось пролезть в сундук.

Но никто не смеялся.

От привидения пахло электричеством, а по комнате пролетали зеленые искры. Привидение было сильным, но неумелым и несообразительным. Оно билось о сундук, даже двигало

его по полу, но не могло догадаться потянуть за язычок, чтобы открыть крышку.

Может быть, прошла минута, может, больше. Привидение отчаялось пролезть в сундук и стало кружиться вокруг него, как оса вокруг закрытой банки с медом.

Прижимаясь к полу, волк двинулся к призраку.

Когда до привидения оставался всего метр, Гаврюха зарычал, привидение заметило волка и начало угрожающе к нему клониться.

Оно стало похоже на зеленую кобру перед нападением.

Алиса ринулась к сундуку за спиной привидения.

— Не смей! — закричал Пашка, который прятался за шкафом. — Это же опасно!

Но Алиса надеялась, что привидение не видит ее. Она протянула руку и откинула крышку сундука. И тут же отпрыгнула назад.

Привидение услышало стук крышки и развернуло, как гусеница, верхнюю половину тела.

Открытый сундук так удивил и обрадовал его, что привидение забыло о волке и немедленно перетекло в сундук. Оно стало жидким, и казалось, сундук до половины наполнили светящимся зеленым газом, в котором плавает большой ананас.

Из сундука донеслось шипение.

— Я знаю, на что это похоже, — заявил Пашка, выйдя из-за шкафа и приблизившись к сундуку. — Как будто грязная вода из ванны уходит.

Но привидение его не слышало. А если и слышало, то не обратило внимания на эти слова.

Оно исчезло. Сундук был пуст.

— Поздравляю вас, господа! — произнес Пашка Гераскин. — Вы присутствовали при замечательном эксперименте. Вы наблюдали переход привидения в параллельный мир.

— Спасибо, что объяснил, — ответила Алиса. — А то мы с Гаврюхой не догадались. Но мне важно другое — я доказала тебе, что привидения не могут перейти из мира в мир, если сундук закрыт. Им необходимо, чтобы была хотя бы щель.

— Ну и что? — спросил Пашка.

— А то, — сказала Алиса, — что мы можем спокойно закрыть сундук и не бояться, что всякие неприятные твари вылезут из него и будут гулять по Москве.

— Ты права, — согласился Пашка. — Я тоже так подумал. К

тому же я узнал: это привидение, которое на меня напало. И на тебя тоже. Нам удалось вернуть его туда, откуда оно пришло.

— А ты уверен, что это то же самое привидение? А вдруг их было три и два еще остались у нас?

Пашка нервно обернулся, но потом решил, что Алиса шутит. Но на всякий случай он спросил:

— Ты шутишь, правда?

— Шучу, — согласилась Алиса. — Посмотри на Гаврюху, и ты поймешь, почему привидений больше не осталось.

— Почему? — Пашка поглядел на волка, но ничего не понял.

— Гаврюха совершенно спокоен, он машет хвостом и не боится за нас. Я права, волчок?

Гаврюха наклонил голову. Он согласился с Алисой.

— Тогда пошли домой, — сказал Пашка. — А то моя мама будет беспокоиться.

Они попрощались с волком Гаврюхой и пошли домой, разговаривая о привидениях и всяких чудесах. Алисе, которая отлично знала Пашкин характер, надо бы удивиться, почему Пашка вдруг начал беспокоиться о маме и решил идти домой. Никогда он о маме не беспокоился. У него даже было готово этому объяснение: «Ведь это мама меня родила, а не я маму родил. Кто родил, тот пускай и беспокоится». Спорить с такими словами было бесполезно. Пашка наверняка станет политиком — он умеет слушать только себя самого.

И если Пашка начал беспокоиться о маме, значит, он что-то замыслил. И не хочет, чтобы Алиса об этом знала.

Когда они прощались у Алисиного дома, Алиса спросила Пашку:

— Странно, что ты не волнуешься за судьбу своего профессора. Ведь, как я понимаю, уже прошло три дня, как он живет у привидений.

— Ну чем я могу ему помочь? — Пашка развел руками.

Тут бы Алисе ему не поверить.

А она поверила.

Глава 3

ПАШКА, КОНЕЧНО, ПРОПАЛ

Придя домой, Алиса устроила за ужином строгий допрос отцу, есть ли привидения или это выдумка.

Профессор Селезнев — директор Космического зоопарка.

Он лучше всех разбирается в инопланетных животных. Поэтому папино мнение было для Алисы важным.

— Давай сначала решим, — сказал папа, — что такое привидение.

— Ну, это призрак...

— Видишь, ты даже и не задумывалась. Сколько раз произносила это слово, а не думала, что же оно значит.

— А что оно значит?

— Некоторые люди верят, что если человек был очень плохой или умер какой-нибудь страшной смертью, то его душа не может отправиться в рай, на тот свет, а остается на Земле, бродит вокруг, мучается, мучает окружающих и ждет, когда же наконец с него снимут проклятие и душа сможет успокоиться.

— А такие привидения могут стрелять электричеством?

— Как так?

— Если ты близко подойдешь, оно ударит током?

— Алисочка, ты путаешь материальные и мистические явления. Удар электричеством — реальная вещь. Электричеством может ударить рыба-скат или электрический угорь. Но привидение... оно существует как бы в другом мире. Оно с нами не соприкасается.

— А почему люди боятся привидений?

— Люди боятся всего, что им непонятно. Но, насколько я знаю, даже в сказках и легендах привидения людей не трогают. Им достаточно показаться, пролететь, и человек умирает со страху.

И папа засмеялся. Он, ясно же, не верил в привидения.

— Скажи, папа, — спросила тогда Алиса, — а существует параллельный мир?

— Теоретически это, конечно, возможно, — ответил папа. — Но на самом деле никто этого не знает. Хотя такая теория есть.

— И в том мире есть я?

— Алиса, ну как я могу ответить на такой вопрос? Может быть, это тоже сказка.

— Ну как же так, папа, ты же ученый и директор зоопарка, ты ловил животных на ста планетах. Почему ты ничего не знаешь о привидениях и параллельных мирах?

— Я знаю о том, что видел, но не могу ничего сказать о том, что никто, никто не видел.

— А если я скажу тебе, папа, что я видела привидение?

— Где?

— На Гоголевском бульваре. И оно стреляло током!

— Значит, это было не привидение.

— А что же?

— Неизвестный мне вид животного.

— А такой вид животного может водиться в параллельном мире?

— Дочка, мы с тобой так никогда не договоримся. Ведь даже если есть параллельный мир, мы о нем ничего не знаем. Как же я могу ответить на твой вопрос?

Так разговор зашел в тупик. И папа Алисе не смог помочь.

Спала Алиса плохо. Сначала долго не могла заснуть, смотрела, как движется луна за окном, как в соседней комнате поскрипывает длинными ногами марсианский богомол, как льется на кухне вода — видно, старый домашний робот Поля моет старинные монеты, которыми он все еще увлекается. Когда по лицу луны проплывало облако, Алисе казалось, что оно похоже на привидение, желающее заглянуть в комнату.

Когда Алиса заснула, ей начал сниться длинный сумасшедший сон, в котором она попала в страну, где вместо людей живут привидения, по улицам ходят привидения, даже в магазине в очереди стоят привидения. Алиса очень боялась призраков и шла, прижимаясь к стенам домов. Ей почему-то надо было попасть на вокзал, откуда уходил последний поезд в страну нормальных людей. И когда до вокзала оставалось уже совсем немного и виден был дым паровозов, поднимающийся над крышами домов, привидения заметили Алису. По улице полетели зеленые искры — привидения бежали за ней, раскачиваясь на бегу, как гусеницы, вставшие на задние ножки. Алиса нырнула куда-то в подворотню, но навстречу ей выскочил волк, который молча скалился, приказывая ей остановиться...

Алиса вскочила... Небо за окном заволокло тучами, а в доме стояла мертвая тишина.

Алиса легла вновь.

Ну почему ей так страшно? Она же дома, ей ничего не грозит. Стоит ей позвать, как сразу примчится робот, которому никакое привидение не страшно.

Так, уговаривая себя, Алиса снова заснула.

Проснулась она поздно, разбитая, словно и не спала вовсе.

Она опоздала в школу, чего с ней не случалось уже два года. И почему же никто ее не разбудил? Мама-то хоть могла это сделать! Она уходила из дому последней и даже оставила

записку — что есть на завтрак, словно маленькая девочка Алиса сама не разберется в этой проблеме.

Шлепая босиком по полу, Алиса вышла на кухню. Робот Поля сидел у телевизора, не в силах оторваться от мультсериала.

— Что случилось? Почему обо мне забыли? — сердито спросила Алиса.

— Ах, не мешай, — ответил робот, не поворачивая пластиковой головы. — Кофейник на плите, каша в продуктопроводе. Видишь, что человек занят!

«Обидно, когда ты никому не нужна», — подумала Алиса.

Она села завтракать. Даже новости не посмотришь — робот со своими мультяшками к экрану не подпустит.

Тут Алиса подумала о том, что профессор Гоц, может быть, уже вернулся домой из мира привидений.

Она позвонила Пашке.

К видеофону подошла его мама — человек добрый и нерешительный. Пашке с мамой повезло — ее легко обвести вокруг пальца. Уже с первого класса школы она поверила в то, что ее сынок Пашка — самый талантливый и сообразительный мальчик в Москве. И Пашка этим отлично пользовался.

— Доброе утро, Алисочка, — сказала Пашкина мама. — А Паша уже ушел.

— В школу?

— А разве он тебе не сказал, что начинается конференция по биологии инопланетных беспозвоночных? Пашеньку специально пригласили, потому что еще прошлым летом он отыскал на Паталипутре неизвестный вид говорящего червяка! У Паши доклад. Он вернется через два дня. Его даже из школы отпустили!

— Спасибо, Мария Степановна, — сказала Алиса. Не спорить же ей с чужими родителями! Она не доносчица. Но никаких сомнений в том, что Пашка снова обманул свою маму, не оставалось. Никакой конференции не было, а говорящего червячка на Паталипутре нашел в прошлом году их общий друг Аркаша Сапожков. Червяк укусил Аркашу за палец, все боялись, что укус ядовитый, и сразу повезли Аркашу в Институт сывороток и противоядий. Но по дороге выяснилось, что Аркашин палец начал говорить. И нес такую же чепуху, как червяк. Только через две недели заражение прошло, и палец наконец замолчал. А Пашки там и близко не было.

— Так, — подумала Алиса вслух, попрощавшись с Марией Степановной. — Куда же помчался наш общий друг?

Робот, который, оказывается, слышал весь разговор, хоть и не переставал смотреть мультик, неожиданно ответил:

— Твой общий друг помчался искать приключения.

Алиса встревожилась. Ей всегда было неспокойно, когда Пашка бросался на поиски приключений. Чаще всего это кончалось тем, что Алисе или кому-нибудь еще приходилось вытаскивать Пашку из зубов очередного дракона.

— Я поехала на биостанцию, — сказала Алиса роботу. — Если будут звонить, вернусь вечером.

— А в школу не будешь заходить? — спросил робот.

— Ты же меня не разбудил! — ответила Алиса.

— Я думал, что ты достаточно взрослая, чтобы самой просыпаться вовремя.

— Ты просто забыл обо всем, потому что смотрел свои мультики, — возразила Алиса.

Робот ничего не ответил. Роботы никогда не отвечают, если виноваты. Врать они не умеют, а ошибок признавать не желают. Что остается бедному роботу? Он молчит, как партизан на допросе.

Так Алиса стала прогульщицей и побежала на биостанцию.

Утро выдалось солнечное, но морозное. Небо было глубоким, чистым, голубым, а флаеры и другие летательные аппараты казались мухами и стрекозами — высоко в небе они поблескивали под лучами солнца.

Ворота биостанции были широко распахнуты, сквозь стеклянные стены оранжереи были видны фигуры ботаников, приблудный волк Гаврюха встретил Алису у ворот и совсем по-собачьи замахал хвостом. Он побежал к лаборатории, будто хотел показать что-то интересное.

Лаборатория была пуста.

Закрытый сундук стоял посреди комнаты.

У Алисы от сердца отлегло. Честно говоря, она очень боялась, как бы Пашка не кинулся в параллельный мир искать своего профессора.

Но волк крутился возле Алисы, подвывал, словно хотел что-то рассказать. Потом постарался лапой открыть крышку сундука.

— Не надо, — попросила его Алиса. — Мало ли что может случиться, а вдруг новое привидение приползет?

Волк не успокаивался.

— Я же не виновата, — сказала Алиса, — что у тебя рот так устроен, что ты говорить не можешь.

Волк бросился в угол лаборатории и принес в зубах непонятно как попавший туда кубик от детской игры. На кубике была нарисована часть медвежьей морды, на другой грани — синее небо, на третьей — речка.

— Понимаю, — сказала Алиса. — Из таких кубиков можно составить картинку. Ты хочешь составить картинку?

Волк отрицательно помотал головой. Он прижал кубик лапой, потом перевернул его.

Он хотел рассказать о чем-то, связанном с кубиком, но Алиса никак не могла его понять.

Волк сердился и даже подвывал.

Вдруг он сообразил: он кинулся прочь из комнаты. Выйдя в коридор, он громко завыл, призывая Алису.

Потом он встал на задние лапы, упершись передними в дверь, к которой была прикреплена табличка «Лаборатория». Левой лапой волк продолжал упираться в дверь, а правой начал постукивать по буквам таблички.

— Ты хочешь что-то сказать про лабораторию? — спросила Алиса.

Нет, всем своим видом показал волк.

Он постучал когтями большой лапы по другой букве в слове «лаборатория».

И тут Алиса поняла! Что получится, если сложить детский кубик и буквы на табличке?

Алиса перевела взгляд с таблички на кубик, валявшийся на полу. Волк от радости отпрыгнул от двери и — Алисе такого еще видеть не приходилось — перевернулся через голову.

Алиса не тратила даром ни минуты. Поднимая клубы свежего снега, она промчалась по бульвару, выскочила на площадь, вскочила в автобус мгновенной езды, пробежала внутри его, вышла на Лубянке и кинулась в детский магазин.

Конечно же, в отделе для дошкольников кубиков с буквами для обучения малолеток не оказалось. Робот-продавец, подкативший к Алисе на резиновых колесиках, даже не сразу ее понял.

— Зачем же ребенку, — спросил он голосом учительницы, который в него вложили, когда собирали на фабрике, — учить грамоту таким старинным и нелепым способом? Я могу предложить вам на выбор восемь дошкольных компьютеров, каж-

дый из которых гарантирует вашему ребенку абсолютную грамотность через шесть часов занятий.

— А мне нужны кубики, — вежливо сказала Алиса.

— Значит, ваш ребенок... немного умственно... — Роботу-продавцу было невозможно выговорить последнее слово, чтобы не обидеть покупательницу.

— Да, с вашей точки зрения, мой ребенок умственно отсталый, — помогла роботу Алиса. — Но, с моей точки зрения, это самый умный из всех знакомых мне волков.

— Как вы сказали? — спросил продавец. — Вы, наверное, ошиблись. Вы позволите отвести вас к доктору? У нас в магазине есть отличный педиатр и еще более отличный психиатр. Пошли, моя дорогая, пошли, ты отдохнешь на зеленых лужайках солярия!

Тут Алиса окончательно взбунтовалась, потребовала встречи с заведующей магазином, которая была живой женщиной, и та, выслушав Алису, не стала задавать лишних вопросов, а взяла принесенный Алисой кубик за образец и подошла к замечательной машине, которая носила странное название «Папа, почини!».

Хоть в будущем наверняка люди смогут делать больше интересных игрушек, чем теперь, у каждого ребенка есть Самая Любимая Игрушка. Или подаренная бабушкой Самая Ценная Игрушка. Вот такие игрушки ломаются чаще всего.

Машина «Папа, почини!» состоит из блока памяти, куда заложены изображения и размеры всех игрушек, которые когда-либо существовали на Земле и даже на других планетах. Вторая часть машины — портативная реставрационная мастерская, или дубликатор. Если ты введешь в машину сломанную игрушку, то за три минуты машина заменит в ней сломанную часть, и игрушка станет как новая. А если ребенок потерял игрушку, то машина по вашему описанию найдет в памяти нужную игрушку и сделает ее копию за десять минут. Вы не представляете, сколько родителей обрадовались, а сколько детей перестали плакать, когда погибшая игрушка возвращалась домой абсолютно целой!

Алиса отдала заведующей кубик, та приказала машине сделать сто кубиков, и чтобы на всех сторонах каждого были бы написаны крупные буквы. И еще Алиса попросила заведующую найти для кубиков удобный мешок со шнурком, чтобы волк мог носить его на шее.

Заведующая не упала в обморок и даже не очень удивилась. А когда передавала Алисе ее заказ, сказала:

— Передавайте привет вашим зверям в цирке.

— Обязательно передам, — сказала Алиса. — Большое спасибо от меня и от волка.

С мешком кубиков Алиса побежала обратно. Прошло уже больше чем полчаса. Алиса боялась опоздать. Ведь бывает же так, что новость остается важной новостью только до тех пор, пока не случится что-нибудь более важное. Ведь волк хотел сказать что-то срочно.

Волк тоже волновался. Он вышел встречать Алису на аллею бульвара, хоть ему строго-настрого было запрещено это делать. Ведь он мог напугать детей, которые не знают, что он добрый, трудящийся и почти домашний.

— Домой, домой! — приказала Алиса. — Сейчас я тебе все покажу.

В лаборатории Алиса развязала мешок и высыпала кубики на пол.

Гаврюха совершил странный для волка поступок. Он подошел к Алисе и, подняв морду, лизнул ее в щеку.

Затем отошел к кубикам и стал учиться складывать из них слова.

Значит, Алиса догадалась правильно.

Тем временем Алиса занялась изучением сундука. При свете дня было видно, насколько он старый. Дерево было много раз крашено, чтобы не сгнило, и все равно в разных местах от сундука отлетели щепки.

Бронзовые нашлепки на углах и полосы, которые шли поперек крышки и по стенкам, были тронуты зеленью.

Внутри сундук был некрашеным. Алиса заметила, что к крышке с внутренней стороны был приклеен кожаный ремешок. За него, как догадалась Алиса, можно потянуть крышку на себя, чтобы она закрылась.

Алиса услышала, как тявкнул волк, и закрыла сундук. Волк стоял, широко расставив лапы. Перед ним лежала змейка из кубиков — неровно, с трудом волк собрал из кубиков надпись:

ПАША УШЕЛ СУНДУК

— Ты хочешь сказать, что Пашка Гераскин сегодня здесь был?

Волк кивнул.

— И забрался в сундук?

Волк снова кивнул.

— Он пошел искать профессора Гоца?

Волк кивнул.

— Но ведь это очень опасно!

Волк поднял кверху морду и тихонько завыл. Выл он так печально, что Алиса без труда поняла, что Пашку в параллельном мире ожидают страшные опасности.

— А ты откуда знаешь? — спросила Алиса у приблудного волка.

На это волк ответить не смог.

«Так, — подумала Алиса, — положение тревожное, но пока еще не очень страшное. Пашка в своей не очень длинной жизни столько раз кидался в авантюры, что другому хватило бы приключений на сто лет. И чаще всего обходилось. А если не обходилось, то на помощь приходили друзья или знакомые. Разумеется, это не значит, что Пашку можно бросить на произвол судьбы».

— Что будем делать? — спросила Алиса у волка.

Волк махал хвостом, весело глядя на нее. Ответа Алиса не дождалась.

— Пожалуй, я расскажу об этом сундуке комиссару Милодару, — сказала Алиса. Хотя она не была уверена, что это правильный выход.

Комиссар Милодар был Алисиным знакомым. Он служил комиссаром в ИнтерГполе, что означает ИнтерГалактическая полиция. Наверное, комиссар знает, как искать мальчиков в параллельном мире... Но представляете, какой поднимется шум вокруг этого сундука! Комиссар пришлет агентов, вызовет экспертов, сундук разберут и соберут снова, группа захвата кинется выручать Пашку... В результате все может кончиться очень плохо. Хотя бы потому, что комиссар Милодар никогда не видел привидения и не знает, как с ними обращаться. Комиссар Милодар убежден, что он может победить любого противника. А ведь не всегда нужно противников побеждать. Иногда их лучше понять.

Алиса села на стул возле сундука и задумалась. Волк стоял рядом.

Погода была великолепная, светило солнце, ботаники рядом с оранжереей играли в снежки. Никаких злобных привидений и неприятных чудес на свете нет и быть не могло... Алиса, иди в школу, ты еще успеешь на последний урок! Это космическая экология. Обидно прогулять... А с другой стороны, Пашке всегда нужен трезвый друг, который его остановит и уговорит не делать глупостей...

Если бы Алиса была помоложе, ну, допустим, училась в первом классе, она бы кинулась вдогонку за Пашкой не задумываясь. А сейчас она понимала, что параллельный мир может оказаться очень опасным, и, конечно, лучше позвать взрослых, чтобы они решали, что делать...

— Ох, — сказала Алиса. — Голова раскалывается. Не знаю, что и придумать.

И тут она услышала, что в сундуке что-то щелкнуло. Как будто открылся замок. Затем она услышала тихое шуршание... И все.

— Что? — спросила Алиса, вскочив со стула. — Неужели снова привидение?

Гаврюха отрицательно покачал головой. Он решительно подошел к сундуку и, поддев носом крышку, постарался поднять ее. Ему это не удалось, но Алиса поняла, что в сундуке нет ничего опасного. Иначе бы волк почуял.

Она открыла крышку. Сундук был пуст. Только из камня-кольца торчал уголок белого листа.

Алиса потянула его. Оказалось, что она держит в руке записку.

В записке крупно, размашистым Пашкиным почерком было написано: «Алиска! Жду тебя завтра днем в замке Кросскан. Обязательно захвати для профессора электронный микроскоп и хирургические инструменты, а для меня купи теплые сапоги и комбинезон с обогревом, только чтобы моя мама не знала. Здесь холодно. Одевайся потеплее. Если попадется, захвати пистолет. Твой друг Павел».

— Пашка! — закричала Алиса, склонившись над сундуком. — Ты меня слышишь? Возвращайся, там опасно!

Конечно же, из сундука ей никто не ответил.

Держа в руках записку, Алиса принялась рассуждать:

— Если Пашка написал записку и сунул ее в наш мир, значит, он там близко? Может быть, мне прыгнуть туда и найти его, пока он не отошел далеко и не забрался в этот замок Кросскан?

Она не замечала, что говорит вслух.

Но сообразила об этом, когда услышала голос волка.

Волк разбирал кубики. Это было трудно — отыскать букву,

повернуть кубик нужной стороной кверху и поставить его в строчку.

— Эх, надо мне изобрести для тебя другую систему — как рояль, — сказала Алиса. — Ты бы нажимал на клавиши, а на бумаге выскакивала бы буква.

Тут Алиса вспомнила, что именно такими были самые древние пишущие машинки.

— Впрочем, нам некогда. Я слушаю тебя, Гаврюха.

Гаврюха оказался даже сообразительнее, чем Алиса подозревала. Он оставил от первой надписи слово «ПАША» и уже к этому слову приставлял другие. Сначала слово «ДАЛЕКО». Получилось «ПАША ДАЛЕКО».

— А кто же записку мне передал?

«ДРУГОЙ», — сложил кубики волк.

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса. Потом подумала и спросила: — А ты откуда об этом знаешь, волчище? Может, ты там уже бывал?

Волк неожиданно кивнул.

— В самом деле? Так чего же ты раньше молчал?

Волк посмотрел в сторону, и Алиса поняла этот жест: «А меня никто не спрашивал».

— Я пойду туда! — сказала Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

— Ты что думаешь, я Пашку оставлю в беде?

Волк снова отрицательно покачал головой.

— Ну хоть это ты понимаешь.

Алиса снова взяла записку:

— «Завтра днем в замке Кросскан...» Интересно, а далеко ли до этого замка?

Сказав так, она поглядела на волка.

Волк занялся складыванием кубиков.

Алиса стала думать, что ей взять из дому, а что придется купить. Она уже поняла, что откликнется на призыв Пашки. Тем более что Пашка и не сомневался, что Алиса к нему примчится. Если Алиса Пашку знает как облупленного, то и Пашка Алису тоже отлично изучил.

«НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ», — гласила надпись.

— Значит, я могу отправиться в путь завтра утром? — спросила Алиса у волка. Она уже перестала удивляться.

Волк отрицательно покачал головой.

— Когда же?

Волк снова принялся составлять кубики. Алиса закрыла

сундук и нетерпеливо ждала, когда же он кончит копаться! Но надпись была длинной и трудной для волка:

СКОРЕЕ МЕНЬШЕ ОПАСНОСТЬ

Алиса решила, что будет слушаться волка. Он производит впечатление серьезного и умного животного.

— Жаль, — сказала она, — что волчья пасть не приспособлена для того, чтобы произносить слова. А то бы мы с тобой поговорили обо всем.

Волк склонил голову. И Алисе показалось, что с печалью.

— Я побежала домой, собираться в поход. Я возьму все, что велел Пашка, и оденусь потеплее. Лучше не спорить с опытными путешественниками. Скажи, может, мне надо захватить что-нибудь еще, может, Пашка забыл о чем-то?

Волк прошелся раза два по комнате. Потом, уже быстрее, чем раньше, составил из кубиков:

ПИЛАТ

— Хорошо, — сказала Алиса, прочтя указания волка. — «Пилат» — вещь полезная. Вроде он есть у Аркаши. Ладно, я что-нибудь придумаю. А ты, Гаврюха, сиди, никого к сундуку не допускай, я вернусь через час.

Волк проводил Алису, и она захлопнула дверь за собой. Так лучше. А то какой-нибудь юный ботаник забредет в лабораторию и увидит лишнее.

За несколько минут Алиса добралась до дому.

Глава 4

ПУТЕШЕСТВИЕ В СУНДУКЕ

Сборы в путешествие заняли немного времени.

Алиса ворвалась домой, удивив домашнего робота Полю, который снял голову и чистил ее, потому что был большим модником и чистюлей.

Когда голова увидела Алису, она смутилась, глаза закрылись, а нарисованные когда-то Алисой красные губы задрожали.

— Ну как так можно! — сказал робот.

Его руки поставили голову на место. В ней загорелись зеленые глаза. Робот укоризненно произнес:

— Но ведь ты никогда не приходишь домой в это время!

— Поля, мне некогда с тобой разговаривать. Прошу, срочно приготовь мне завтрак в дорогу.

— Какой?

— Плитку шоколада, нет, три плитки шоколада, бутерброды с колбасой и сыром, пачку печенья... банку сгущенного молока.

— Ты куда? — удивился робот. — На Северный полюс?

— На Северном полюсе, к твоему сведению, есть буфет для изголодавшихся путешественников, — ответила Алиса. — Я буду значительно ближе. Но в лесу.

— Зимой? Но ты замерзнешь.

— Достань мой комбинезон с подогревом и вязаную шапку.

— Я сейчас позвоню твоей маме.

— И не думай доносить. Я тебя уволю. На пенсию.

— Ты не посмеешь этого сделать! Мне еще рано на пенсию! Можешь проверить на фабрике! У меня срок годности не прошел!

— Не кричи, Поля, — остановила робота Алиса. — Лучше слушайся старших.

— Я старший!

— Тогда я обойдусь без тебя, — сказала Алиса.

Робот смертельно обиделся и уехал на кухню. Алиса сама быстро собралась, оделась, потом, уже уходя, позвонила Аркаше Сапожкову.

— Добрый день, — сказала она. — Я боялась, что ты еще из школы не пришел.

— А что с тобой случилось? — удивился Аркаша. — Я думал, что ты заболела. А тебя нет дома. И Пашки нет дома. Я уж подумал, не бросились ли вы в новое приключение?

— Аркаша, я тебе потом все объясню, — сказала Алиса. — Но сейчас мне нужны золотые монеты. Ты ведь раньше собирал...

— Я почти все двоюродному брату подарил, — сказал Аркаша. — Но погоди, я погляжу.

Через минуту Аркаша снова подошел к видеофону.

— Осталось штук двадцать. Но они не представляют коллекционного интереса.

— Мне не важно, представляют или не представляют, — ответила Алиса. — Выйди из подъезда, я буду мимо пробегать и захвачу.

Тут же Алиса вызвала номер Маши и Наташи Белых.

Подошла одна из близняшек.

— Маша, — сказала Алиса, — у меня к тебе дело.

— Я Наташа, — ответила девочка на экране видеофона.

— Ну хоть носите разные платья! — воскликнула Алиса. — Сколько можно вас путать!

— Мы всегда носим разные платья, — сказала Наташа. — Сегодня я надела розовое, а Маша синее.

— Но я же не знаю, кто из вас какое надел! — ответила Алиса.

— Можно было спросить, — сказала Наташа Белая.

Близняшки Белые учились на класс старше Алисы, но они все вместе занимались на биостанции. Близняшки — замечательные люди, только иногда они бывают слишком серьезными. Неудивительно, что Маша с Наташей решили стать учительницами.

— Слушай, — сказала Алиса, — у вас есть «Пилат»? А то я свой кому-то отдала, а кому — не помню.

— У нас есть два «Пилата», — ответила Наташа.

— Мне нужен один. На два дня.

— А как же мы в воскресенье полетим на соревнования по прыжкам с трамплина?

— Возьмете лыжи, — строго сказала Алиса.

За экраном началось шушуканье. Потом появилась Наташа, но уже в синем платье. То есть не Наташа, а Маша.

— Только на два дня, не больше.

— Тогда спустись к подъезду, — велела Алиса. — Через десять минут я буду пробегать мимо и заберу ранец.

Теперь оставался только один звонок.

— Джавад? — спросила Алиса. — Скажи, пожалуйста, у тебя с Пашкой одинаковый размер одежды и обуви?

— А в чем проблема? — удивился Джавад Рахимов.

— Пашке срочно понадобились теплые сапоги и комбинезон с подогревом. А ехать к нему домой я не могу. Ты меня понимаешь?

— Опять Пашка в какую-нибудь авантюру ввязался?

— Мы с ним собрались в небольшое путешествие... в Антарктиду. На выходные дни. К понедельнику вернемся.

— Путешествуйте, — снисходительно разрешил Джавад, — только учтите, что в понедельник контрольная по химии и Мария Гавриловна вами недовольна. Запомнила?

— Запомнила.

— И доведи эту мою мысль до сведения Павла Гераскина, — сказал Джавад.

У Джавада Рахимова есть один недостаток. Он сам отличник и хочет, чтобы все вокруг стали отличниками. Но искатель приключений вроде Пашки Гераскина не может стать отличником, потому что ему некогда быть отличником. А вот Джавад этого не понимает.

— Хорошо, — ответила Алиса. — Я все расскажу Пашке. А ты через двенадцать минут спустись к подъезду и вынеси сапоги и комбинезон.

— Слушаюсь, — сказал Джавад.

После этого Алиса написала маме записку: «На два дня до понедельника уезжаем на экскурсию. Я тепло оделась и не простужусь. Обнимаю, Алиса».

После этого Алиса щелкнула робота Полю по затылку, чего он не выносил, поцеловала в пластмассовую щеку, что он обожал, и выскочила из дому.

Сначала она забежала к Аркашке Сапожкову, который отдал ей кошелек с золотыми монетами. Она не знала, пригодятся ли монеты, но в путешествии по незнакомой стране лучше не рисковать.

От Аркаши Алиса побежала к дому, где жили сестры Белые.

Наташа или Маша вынесла ей сумку с «Пилатом».

Слово «Пилат» расшифровывается очень просто: «Портативный индивидуальный летающий аппарат». Дети называют его *семимильными сапогами*, а *взрослые — гравиподошвами*. И все правы.

От Белых Алиса поспешила к Джаваду. Он уже ждал ее с аккуратно запакованным рюкзаком, в котором, как можно было понять, умещались теплые сапоги и комбинезон с подогревом для Пашки.

Прежде чем отдать рюкзак, Джавад все-таки не выдержал и спросил:

— А что ты должна сказать Пашке?

— Я? — Алиса так спешила, что забыла о просьбе Джавада.

— Так я и знал, — сказал Джавад. — Ты не помнишь о контрольной!

— Я? Не помню? Да ты меня ночью разбуди, и я тебе сразу скажу: в понедельник у нас в классе контрольная по химии и Мария Гавриловна недовольна Пашкой Гераскиным и Алисой Селезневой... А почему она недовольна?

— А об этом спросите у нее, — сказал Джавад и исчез в подъезде.

Теперь оставалось лишь забрать на биостанции портативный электронный микроскоп и хирургические инструменты для профессора Гоца.

Алиса бежала к станции, снег скрипел под ногами, и она думала, что, наверное, профессор Иона Гоц в душе такой же легкомысленный мальчишка, как Пашка Гераскин. Это надо же — кинуться в параллельный мир изучать привидения и не взять с собой никаких приборов! Даже сачка!

Интересно, а привидения как ловят? Сачками?

Эта мысль так заинтересовала Алису, что, когда она открыла дверь в лабораторию и волк Гаврюха подошел поздороваться, она спросила его:

— А как ловят привидения?

Волк ничего не ответил.

Алиса принялась собираться. Ей надо было уместить все в свой рюкзак. И еще переодеться.

Пока она втискивала в рюкзак вещи, волк занимался кубиками. Когда же Алиса застегнула рюкзак, то увидела, что волк сложил новую фразу:

ПРИВИДЕНИЯ НЕ ЛОВЯТ

— Спасибо за информацию, — сказала Алиса и продолжала собираться, а волк начал складывать из кубиков еще одну надпись. Надпись была длинной. Вот что он написал:

Я ИДУ ПЕРВЫЙ ТЫ СЧИТАЕШЬ ДО СТА ИДЕШЬ ТОЖЕ

— А тебе что там делать? — удивилась Алиса. — Нет, ты только подумай: что они решат? Приходит к ним человек без приглашения, и еще с волком. Нет.

Волк указал лапой на кубики. И сделал это так уверенно, что Алиса подумала: «А почему я должна отказываться? Волк по-дружески предлагает свою помощь. Судя по всему, он о том мире кое-что знает, по крайней мере больше меня. Если там гуляют привидения, может быть, лучше идти туда со своим волком?»

— Ну ладно, — сказала Алиса. — Мы с тобой туда на минутку. Отдадим Пашке вещи и обратно, хорошо?

Пока Алиса говорила, улыбка на морде волка расплывалась все шире.

Алиса тоже не удержалась и засмеялась:

— Конечно, ты думаешь, что я совсем глупая! Или притворщица! Будто люди ходят в параллельный мир к привидениям для того, чтобы отдать товарищу теплые вещи. Конечно же, на самом деле я хочу Пашке помочь! И, скорее всего, ему нужна моя помощь. Вся его записка мне подозрительна. Почему человек сам не вернулся домой и не взял теплые сапоги? Зачем посылать записку, если несложно вернуться самому? Нет, я думаю, что тут дело нечисто! Поэтому и спешу... Ты меня понимаешь, волчик?

И волк, не переставая улыбаться, кивнул.

— Тогда не будем терять время, — сказала Алиса. — Иди первый, посмотри, как там вокруг, безопасно ли. А я считаю до ста... ну чего ты медлишь?

Алиса оглянулась.

— Свет не погасили? Нет? Ну что же ты медлишь?

Волк двинул лапой кубики и потом дотронулся когтями до мешка, в котором Алиса принесла кубики.

— Ах какая я глупая! — воскликнула Алиса. — Сама же попросила мешок с лямками, чтобы ты всегда носил с собой свою «тетрадку»! И забыла.

Алиса быстро собрала кубики в мешок, затянула его покрепче и надела волку на шею. Теперь кубики всегда с ним. И он, по крайней мере самыми простыми словами, может разговаривать с людьми.

— Теперь иди, — сказала Алиса. — А я пока запру дверь и погашу свет. Мне не хочется, чтобы какой-нибудь случайный человек увидел наш сундук. А то выпустит наружу привидение, как наш Павел.

Она открыла сундук, волк прыгнул в него и прижался ко дну.

И начал быстро-быстро втягиваться внутрь, словно был жидким.

Алиса погасила свет. Потом она сосчитала до ста, как просил волк. Досчитав, сунула руку в сундук. Сундук изнутри был теплым и совершенно пустым. Алиса ощупью залезла внутрь и потянула за ремешок, чтобы сундук закрылся. Затем как можно теснее прижалась к каменному колечку, и тут ее потянуло, завертело, понесло...

Глава 5

ВСТРЕЧА С ДРАКОНОМ

Алиса очнулась в сундуке.

Она поняла, что сидит, скорчившись, в сундуке, иначе бы очень испугалась — каково очнуться в полной темноте, когда со всех сторон к тебе прижимаются деревянные стенки?

Алиса нажала изнутри на крышку сундука. Крышка послушно откинулась. Правда, стало ненамного светлее.

Алиса распрямила спину и, не вылезая из сундука, огляделась.

Она находилась в обширном подвале со сводчатым потолком. На толстом каменном столбе, который поддерживал потолок, горел вставленный в железное гнездо факел. Свет его дрожал, тени метались по подвалу, было дымно и пахло гарью.

В подвале было немало сундуков, ящиков и прочих брошенных предметов. У стен стояли рыцарские доспехи, большей частью ржавые и неполные, без шлемов, рук, груди, — это было похоже на завод по ремонту роботов.

Волка Гаврюхи не было видно.

Алиса позвала его:

— Волчище, ты где?

Никто не откликнулся. Только с потолка сорвалась испуганная голосом Алисы большая летучая мышь, попыталась вылететь из подвала, ударилась о сводчатый потолок и исчезла где-то в темной глубине.

Алиса вылезла из сундука. Это был тот же самый сундук или очень похожий на него — не отличишь. Хотя чему удивляться — ведь это параллельный мир, здесь многое должно быть похоже на Землю.

Волк Гаврюха не появлялся.

Наверное, он сейчас высматривает, нет ли опасности. Надо будет его переименовать. Уж очень несерьезно окликать такое умное и даже грамотное животное неуважительной кличкой.

В подвале было прохладно и сыро, как и положено быть в подвале, но кто-то ведь зажег здесь факел. Вряд ли это сделал волк. Значит, здесь бывают люди. Надо быть осторожнее.

Подумав так, Алиса отступила к стене, в тень. И это ее спасло.

Потому что в подвал вошла откуда-то, может, даже про-

бралась сквозь стену, черная фигура. Совершенно черная, закутанная в черный плащ, в черной маске и черном высоком цилиндре. Из-под цилиндра светились безжизненные глаза, а в расстегнутом вороте было видно, что тела у этого существа нет — а есть только светящиеся кости. Вот это уже что-то новенькое! Светящийся скелет в черной одежде!

Конечно, совсем не страшно читать о скелетах, когда ты сидишь дома, рядом горит лампа и, может, даже работает телевизор. А на всякий случай рядом сидит мама, чтобы можно было протянуть руку и дотронуться до нее.

А представьте себе положение Алисы. Она стоит в чужом подвале, а до мамы надо лететь и лететь. Пашка Гераскин если и ждет тебя, то в каком-то неизвестном замке, даже волк Гаврюха куда-то задевался. Может быть, встретился с таким скелетом в костюме, в плаще и сгинул.

Алиса испугалась, что скелет начнет ее вынюхивать, но тот вдруг обернулся к двери и вытянулся так, что верхушкой цилиндра достал до потолка.

В подвал по каменной лестнице осторожно спускалась молодая женщина, одетая так, как одевались лет двести назад. На ней было платье до земли, поверх него меховая накидка и меховой же капор, завязанный шнурками под подбородком. Лицо женщины было невероятно бледным, даже голубоватым, но светлые волосы кудряшками выбивались из-под капора. Виной тому мог быть неверный и слабый свет факела.

— Что нового? — спросила молодая женщина у скелета.

— Кто-то еще вылез, — ответил скелет страшным голосом, который называют гробовым. Казалось, словно в скелет была вставлена широкая труба. Когда он говорил, зубы лязгали и кости скрипели.

— Кто вылез? Кто вылез? — гневно закричала женщина. — Ты почему не смотрел?

Говорила она так сердито, что Алиса, которая собиралась выйти из своего укрытия и сказать молодой женщине, что она приехала на помощь Пашке Гераскину, затаилась, как мышонок. Лучше этой женщине на глаза не попадаться.

— А он потому не смотрел, — раздался визгливый голос от входа, — что смотреть было приказано тебе!

И тут Алиса увидела еще одного жителя параллельного мира.

Это был очень высокий и настолько худой человек, что,

если бы не человеческое лицо, его тоже можно было бы принять за скелет.

Лицо его было неподвижно, словно маска, которая изображала белую ворону с розовым клювом.

Бывают же такие странные, нечеловеческие лица! Нос — слишком большой и слишком острый на конце, а глаза — круглые, черные, как пуговицы. Человек был коротко пострижен, светлые волосы стояли ежиком, что еще больше придавало ему сходство с птицей. Разговаривая, этот человек имел привычку все время качать головой, как будто примериваясь, чтобы клюнуть. Казалось, что он вот-вот закаркает. А он вместо этого разговаривал пронзительным голосом.

— Ты мне не приказывай, — отозвалась бледная маленькая женщина в длинном платье. — Я тебе не слуга.

— Но я же просил тебя здесь подежурить, чтобы перехватить Алису!

— Я и дежурила! — ответила женщина. — Я с утра дежурила. Но кто мог догадаться, что вместо Алисы из сундука выскочит волк!

— Какой еще волк?

— Самый настоящий громадный серый волк, который, может быть, специально выскочил, чтобы меня разорвать!

— Этого быть не может! Пашка Гераскин написал записку Алисе. Мы с тобой ее привезли сюда. Мы устроили Алисе засаду, чтобы она от нас не ушла!

— Еще бы! Она слишком много знает. Ее ни в коем случае нельзя оставлять в живых.

— И что же? Ты убежала от первой собаки?!

— Погоди, граф, — сказала маленькая женщина. — Не сердись. Ты лучше подумай, почему так могло случиться? А вдруг Алиса превратилась в волка?

— Маркиза, не говори глупостей! — рассердился граф, похожий на белую ворону. — С чего это Алисе превращаться в волка? Она же ничего не подозревает. Она везет своему Пашеньке теплые вещи, а профессору микроскопчик! Она спешит к своим дружкам.

— Но почему волк кинулся на меня? Я еле успела ноги унести!

— Мало ли, почему ты ему не понравилась! Волки вообще кидаются на людей.

— Ты разве забыл, что второй сундук стоит где-то в центре Москвы, где волки не водятся? Наши разведчики там были.

И на одного из них тоже напал волк! В этом я вижу какую-то опасность.

— Все это выдумки, выдумки, выдумки! — отрезал граф. — Не теряй времени даром. Скажи мне, Алиса прибыла или нет?

— Я не знаю, — вздохнула маркиза. — Я же убегала от волка.

— А ты, костяная голова! — крикнул граф стоявшему в стороне скелету в цилиндре. — Ты видел девочку?

— Я кого-то видел, — проскрипел скелет. — Но не знаю... я не знаю. Я их не различаю...

— А волк был?

— Волк был, — отозвался скелет.

— Тогда слушай мою команду! — закричал граф. — Объявляю всеобщий розыск девочки Алисы. Доставить ее ко мне живой или мертвой! А ну, все вперед!

Но Алиса поняла, что, кроме скелета, некому было выполнить приказание графа.

Скелет зашагал к выходу из подвала, а граф оглянулся и спросил маркизу:

— А ты чего?

— А ты чего? — спросила в ответ маркиза.

— Я сейчас подниму в небо моих верных драконов, — сказал граф.

— Ты одного подними, а на втором нам с тобой в замок возвращаться пора, — сказала маркиза. — Я не хочу больше рисковать своей шкурой в этом городе, где все нас ненавидят и где всем заправляет наш злейший враг герцог Кросскан.

Граф с маркизой, которая еле-еле доставала ему до пояса, направились к двери. Алиса уже готова была вздохнуть с облегчением, раз ее не поймали, но тут дверь в подвал распахнулась, и по лестнице сбежал старый господин с острой седой бородкой и длинными усами, которые торчали в разные стороны.

Господин был в железном шлеме и синем камзоле, расшитом серебряным узором. Штаны у него были сшиты как шары с прорезями, на ногах были рейтузы и высокие сапоги. За этим господином в подвал вбежали еще три или четыре вооруженных кривыми саблями воина в серых камзолах, коротких штанах и шерстяных чулках. Башмаки у них были нечищеные.

— Так вот вы где, граф! — закричал господин с бородкой.

— Да самозванец он, а не граф, — сказал один из слуг господина, круглолицый молодой парень с прямыми желтыми волосами и множеством веснушек на лице. — Вы же знаете, ваше сиятельство. Скорее я граф, чем этот бандит.

— Ты не прав, Ганс, — ответил господин с бородкой, — если он не граф, как же я смогу вызвать его на дуэль? Герцог не может сражаться с простолюдином.

Алиса хотела было предупредить герцога, что граф-ворона и его белокурая маркиза, пользуясь спором герцога и Ганса, потихоньку передвигаются к лестнице, но Ганс сам это заметил и, подняв саблю, предупредил:

— А ну ни с места!

— Да кто вы такие?! — возмутился граф. — Почему вы врываетесь сюда без разрешения?

— Странно, — произнес старик с бородкой, — в городе меня знают все! Я же герцог Франсуа де ля Кросскан, владелец подло захваченного вами и вашими привидениями замка Кросскан. Я вызываю вас на бой, самозванец граф Дракула. Я убью вас, и тогда ваша власть над людьми сгинет, ваши привидения разбегутся, и мы будем счастливы.

— Вам с ним нельзя сражаться, герцог, — закричала маркиза, — он ненастоящий граф! Отпустите нас! Мы больше не будем.

— Нет! — прокаркал белый ворон Дракула. — Я не сдамся. Мало ли тут герцогов бегает! Пошли на улицу!

— Зачем на улицу? — спросил Ганс. — Можно и здесь сразиться. На улице недалеко и до привидений. Не поддавайтесь на его штучки, герцог.

— Я справлюсь, — ответил старый герцог. — Я готов сражаться с вами где угодно.

Он первым пошел наверх, за ним слуги, а замыкали шествие граф Дракула и маркиза.

Алиса услышала, как граф прошептал маркизе:

— Быстро, чтобы через минуту он был здесь!

Маркиза поспешила вперед.

Граф вышел следом.

Последней выбежала Алиса. Она осторожно выглянула из подвала.

Перед дверью начиналась зимняя, занесенная снегом пустошь. Вечерело, над головой неслись быстрые сизые облака. Растопырив ветки, стояли вдалеке голые деревья.

Подвал, оказывается, находился под большим полуразрушенным зданием с колоннами.

На дороге, проходившей рядом со зданием, стояла карета, запряженная парой лошадей. В окошке кареты была видна женская голова — кто-то внимательно следил за ними.

Герцог Франсуа де ля Кросскан ждал своего противника, стоя на открытом месте. Его слуги остановились шагах в двадцати сзади.

Граф Дракула недалеко отошел от двери в подвал.

Маркиза, подобрав юбки, бежала по снегу прочь. Вот она остановилась, сунула два пальца в ротик и громко свистнула.

— Ну, вы готовы, граф? — спросил герцог, поднимая саблю.

— Одну минутку, — сказал граф, — шнурок развязался.

Он присел на корточки, чтобы завязать шнурок. Алиса заметила, что сапоги у графа были без шнурков. Значит, он попросту тянет время. Но почему?

Наконец граф выпрямился и вытащил из ножен свою саблю. Сабля показалась Алисе ненастоящей — то ли она проржавела, то ли была покрашена серебряной краской, которая кое-где облезла.

Герцог тут же рванулся вперед, и клинок сабли сверкнул, готовый разрубить противника.

— Ну что же вы? — воскликнул герцог.

Граф ничего не ответил. Он быстро отступал, вертя головой, чтобы не споткнуться.

Алиса с удовольствием заметила, что граф вот-вот упрется спиной в стену дома. И ему некуда будет отступать.

Но все так увлеченно следили за боем, что не заметили, как из-за угла здания вылетел большой зеленый дракон, из ноздрей и открытой пасти которого вырывалось пламя.

Горячий ветер, пожирая снег, пронесся над пустошью.

Герцог не удержался на ногах и покатился по снегу, за ним покатились и его слуги.

Алиса едва успела спрятаться за дверью в подвал.

Но она увидела, что к спине дракона прикреплены два седла. В первом сидела маркиза, второе предназначалось для графа Дракулы.

На несколько секунд дракон прижался к земле желтым животом, и Дракула легко вспрыгнул в седло. Он ткнул острием сабли дракона в бок, и тот, разбежавшись, взлетел вверх.

На прощание дракон выпустил клубы густого дыма, и все в нем исчезло.

Лишь через минуту дым рассеялся. Алиса увидела, как слуги помогают бородатому герцогу подняться на ноги.

Там, где садился дракон, появилось длинное черное пятно. Снег возле здания весь растаял.

Алиса вышла из дверей подвала и пошла к герцогу. По

крайней мере, для нее вся эта история оказалась полезной: теперь она знает, кто здесь враги, а кто — друзья.

И герцог, по крайней мере, не враг.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Вы меня не знаете, но, наверное, этот граф Дракула прилетал сюда, чтобы со мной расправиться.

— Этого еще не хватало! — закричал герцог.

Он потерял свой гордый вид, потому что его правый ус сгорел. А человек с одним усом всегда выглядит несерьезно.

— Я вам очень благодарна, что вы вступились за меня, — сказала Алиса.

— О да, конечно, — согласился герцог. — Разумеется... я очень рад. Но почему ты здесь оказалась, девочка?

— А вы почему здесь оказались? — вопросом на вопрос ответила Алиса.

— Нам сказали, что сюда летят граф Дракула и его сестрица, — сказал слуга Ганс.

— Маркиза — его сестрица?

— Вранье это все, — сказал второй слуга. — Но они — одна банда, это точно.

— Я хотел с ним разделаться, — сказал герцог. — Но если при этом мы помогли тебе, значит, мы мчались сюда не зря.

— Хотя он опять от нас скрылся, — вздохнул Ганс. — Всегда он уклоняется от открытого боя.

— Так что же мы стоим? — воскликнул герцог Франсуа. Он старательно прикрывал правую сторону лица, чтобы Алиса не увидела, что он лишился своего уса. — Чего мы стоим? Поехали к нам.

Он протянул Алисе руку и повел ее к карете.

Слуги пошли сзади.

— Эх, не везет, — сказал герцог по дороге к карете. — В первый раз удалось его поймать без стражи, так все равно он нас перехитрил.

— Поехали, ваше сиятельство, поехали, — сказал Ганс. — А то они свое войско призовут — так мы до дома не доедем.

Герцог открыл дверь кареты.

Внутри сидела маленькая, сухонькая бабушка в очках.

— Опять не поймал? — строго спросила она.

— Не поймал, — признался герцог, — зато освободил в бою с драконом прекрасную даму. А такой подвиг обычно становится достоянием поэтов и композиторов-песенников.

— А ты уверен, что она — дама? — спросила бабушка, разглядывая Алису.

— Уверен, уверен, — ответил герцог.

— Тогда почему она ходит в брюках? — спросила бабушка.

— Потому что у вас холодно, — ответила Алиса.

— Это не аргумент, — возразила бабушка. — У нас всегда холодно, но я еще ни разу не выходила в брюках подобно басурманке. Может быть, вы сарацинка?

— Нет, я не сарацинка, — ответила Алиса. — Хотя когда-то была знакома с королем Саладином.

— Ах, это пустяки, — сказала бабушка. — Саладин дарил мне розы, когда ты еще на горшок пешком ходила.

— Дамы, дамы, — урезонил бабушку герцог, — не надо ссориться. Для ссор в нашем семействе всегда отводится время между ужином и вечерним кефиром.

Герцог постучал ножнами шпаги по передней стенке кареты, и она тут же тронулась с места.

Карета покачивалась и даже подпрыгивала на неровной дороге.

Алиса уставилась в маленькое боковое окошко. Ей было интересно, какие города в параллельном мире.

Но что увидишь сумрачным вечером, если улицы кое-как освещены керосиновыми фонарями, а в домах свет не горит? Окна большей частью на втором или третьем этаже, которые нависают над узкой улочкой, почти смыкаясь, — захочешь, можешь перепрыгнуть к соседу.

Когда карета свернула на улицу пошире, у которой даже были тротуары, Алиса увидела первые магазины, ресторанчики и трактиры. Но на улицах почти не было прохожих. Редкие люди шли быстро, прижимаясь к стенам домов.

— А где у вас гуляют? — спросила герцога Алиса.

— Как так — гуляют? — удивился герцог. — У нас не гуляют. У нас все прячутся по домам.

— Но почему?

— Вот сейчас приедем к нам в домик, и ты поймешь, — сказал герцог.

Вдруг снаружи послышались шум и крики. Алиса увидела, как люди, что шли по тротуару, кинулись бежать. Некоторые старались спрятаться в лавках и трактирах, другие стучали в подъезды.

— Что случилось? — спросила Алиса.

Но никто ей не ответил. Карета ринулась вперед, высоко подпрыгивая на камнях и кренясь, будто вот-вот опрокинется.

Герцог обнял свободной рукой Алису и прижал к себе.

— Не бойся, обойдется, — сказал он.

Бабушка ухватилась за ручку дверцы и шевелила губами.

За окном полыхнуло пламя.

Небо над домами пылало оранжевым цветом.

Карета повернула направо, подальше от зарева.

Слышен был перестук лошадиных копыт да понукания кучера.

— Вроде бы успели, — с облегчением произнес герцог.

Вокруг опять стало темно.

Но оказалось, что герцог ошибался.

Небо снова загорелось, и по нему побежали желтые полосы.

Карета понеслась еще быстрее...

И тут случилось то, чего следовало ожидать.

Высоко подпрыгнув на повороте, карета ударилась об угол дома и опрокинулась. Кони потянули ее, обрывая упряжь. Потом встали. Поняли, что никуда им не деться.

К счастью, карета внутри была обита бархатом и обложена атласными подушками. Так что ее пассажиры даже не ушиблись.

— Ты цела, Алиса? — спросил герцог.

— Не знаю, — ответила Алиса.

— Над тобой дверца. Быстрее вылезай. Он может нас увидеть.

Алиса не стала спрашивать, кого имел в виду герцог. Она протиснулась в полуоткрытую дверь. Потом помогла выбраться бабушке, которая не пострадала, а герцог вылез из кареты с помощью слуг.

Кучер сильно ушибся, он лежал на мостовой и стонал.

Небо над головой было желтым и оранжевым. Сверху доносился рев, подобный реву идущего на посадку реактивного самолета.

Герцог схватил Алису за руку и потянул к пышным кустам, черневшим у дороги.

Слуги и кучер возились у кареты, стараясь ее поднять. Одна из лошадей билась на земле, вторая стояла, пытаясь освободиться от упряжи. Ее бока часто раздувались.

— Да что вы там возитесь? — крикнул герцог.

Свет стал еще ярче, словно рядом открыли дверцу большой печи.

Черная тень стремительно опускалась сверху.

И тогда Алиса сообразила, что на них напало огнедышащее чудовище! Это был дракон, похожий на того, который увез графа Дракулу и маркизу. Но он был раз в пять больше и куда опаснее.

Пламя, которое бушевало внутри его, было подобно лаве вулкана. Его когтистые лапы были вытянуты к земле. Кучер и слуги с криками метнулись в разные стороны. Но дракон успел схватить по коню в каждую лапу и взмыл вверх, ударив хвостом по карете так, что она рассыпалась подобно карточному домику.

Алиса не могла оторвать глаз от чудовища.

Она увидела, как дракон, паря над ними, поднес к раскаленному рту сначала одну лапу с конем, затем вторую.

— О, мои кони! — зарыдал герцог. — Как я их любил!

Как Алиса понимала старого герцога! Люди часто больше любят животных, чем своих ближних. Ведь животные всегда верны тебе и никогда не подведут. Они не умеют предавать... Хотя есть исключение — кошки. Если кошке захочется, она всегда может покинуть тебя и уйти к тому, кто вкуснее кормит.

Это была странная и глупая мысль о кошках — было жарко, лучи оранжевого света пронизывали тьму. Герцог прижался к земле и тяжело надавил ладонью на затылок Алисе.

— Может, не заметит, — прошептал он, и его слова проникали в голову через вязаную шапочку. А Алиса почему-то думала, как бы ей эту шапочку не потерять, ведь ее мама вязала.

— Какое счастье, что у них только один огнедышащий гигант, — сказала бабушка.

— Нам и одного хватит, — возразил герцог.

И тут, словно уловив мысли герцога, гигантский дракон направился к кустам. Он тяжело переваливался с ноги на ногу, его хвост с громким шорохом волочился по земле. Рот дракона был захлопнут, и лишь редкие искры вырывались с дымом из ноздрей. Видно, в носу у дракона температура была ниже, чем в пасти.

Дракон подошел к кустам — люди успели отползти назад.

Дракон поднял лапу и ударил по кустам, выламывая их с корнем, срывая, осыпая с ветвей снег. Поднялся оглушительный треск. Запутавшись в густых кустах, дракон начал страшно реветь и испускать на кусты снопы пламени. Но кусты были сырые и никак не хотели загораться. От них поднимался пар.

Тут, перекрывая шум, треск и рев дракона, с неба донесся оглушительный свист.

Дракон перестал ломиться сквозь кусты, поднял украшенную зелеными пластинами морду к небу и засвистел в ответ, выпуская из ноздрей могучие струи белого пара, как старинный паровоз.

Он вырвался из кустарника и побежал по улице, все шире раскрывая перепончатые крылья. Он задел крылом дерево — оно упало, он коснулся другим крылом угла крыши, и дом рассыпался... Но вот, набрав скорость, дракон взмыл в небо, подобрал толстые короткие ноги, сначала задние, потом передние, и скрылся в облаках.

— Ого-го, — произнес герцог, — считай, что мы чудом остались в живых, Алиса.

— Спасибо вам, герцог, — сказала Алиса. — Вы меня спасли. Я и не догадывалась, какая меня подстерегает опасность.

— Принимаю твою благодарность, — сказал герцог. — Но, к сожалению, остаток пути нам придется идти пешком — карета погибла, кони съедены, кучер убежал... ах, как я сообщу это его несчастной семье!

— У него большая семья?

— Большая, большая, — ответила за герцога бабушка.

Из кустов, подальше от кареты, выполз и, прихрамывая, подошел к ним слуга Ганс.

— Я сейчас зажгу факел, — сказал он, — а то нам до дому не добраться, ваше сиятельство.

— Ах, как я тебе благодарен! — растрогался герцог. — Как нам повезло, что тебя дракон не съел! Мы бы заблудились в трех шагах от дома. Я совершенно не приучен ходить пешком.

Он взял бабушку под руку и повел вперед.

Так вчетвером они пошли по окраинной улице между высокими зелеными изгородями и редкими домами.

— Как хорошо, — вздохнула Алиса, — что я и здесь встретила друзей.

Глава 6

В ГОСТЯХ У ГЕРЦОГА

Небо совсем стемнело, над дорогой несся белый снег, а в воздухе все еще пахло гарью.

Герцог толкнул калитку, и они побрели между занесенными снегом клумбами и грядками к небольшому дому с крутой

красной черепичной крышей, железной дверью и маленькими окошками. Из высокой трубы струился дымок.

Когда несчастные путники подошли к крыльцу, зеленая дверь отворилась, и в ней показалась обширная белая борода лопатой.

Борода была такой, что ее хозяин совершенно не был из-за нее виден. Только если приглядеться, то можно было увидеть над бородой яркие голубые глазки и лобик, прикрытый белыми кудрями, и торчащие из-под бороды в стороны ручки и красные сапожки.

— Неужели! — В бороде появился ротик, и из него выскочили слова. — Неужели я вижу моих родных и близких? Вы потерпели очередное поражение?

— Потерпели, потерпели! — сварливо откликнулась бабушка, которая с трудом ковыляла по снегу. — И нечего этому радоваться!

— Тем не менее! — закричал старик с бородищей. — Я вас предупреждал! Нельзя поднимать руку на грубую силу. Они все равно победят. И разумный политик будет искать компромиссы, будет договариваться, а не вытаскивать шпагу при первой возможности. Против лома нет приема, но руку, которая держит лом, можно отвести.

— Проходи, девочка, проходи, — сказал герцог, оттесняя в прихожую старика с бородищей и пропуская Алису внутрь дома.

В доме было тепло, пахло пирожками и ванилью, уютно тикали ходики.

— Ноги вытирай, — проворчала бабушка, — у нас слуг почти не осталось. Все, кто мог, эвакуировались.

Алиса вытирала ноги, а дед с бородищей напустился на герцога.

— Франсуа! — закричал он. — Что я вижу! Где твой правый ус? Разве ты не понимаешь, что герцогу Кросскану позорно ходить с одним усом? Как ты мог позволить его оторвать?

— Раздевайся, — приказала бабушка Алисе, — здесь тепло.

— Простите, — ответила Алиса, — но я не хотела задерживаться. Меня ждут.

— Где же, прости, ждут девочку на ночь глядя? — удивилась бабушка.

— Мой друг просил меня приехать в замок Кросскан.

— Именно в замок Кросскан? И именно сегодня? — спросила бабушка.

Она скинула шубу и оказалась в длинном скромном сером платье с кружевным воротничком.

— Да, — сказала Алиса. — Моего друга зовут Пашкой Гераскиным. Вместе с профессором Гоцем они изучают привидения.

— Изучают? Я сейчас упаду в обморок! — заявила бабушка. — Разве привидения можно изучать?

— Профессор Гоц посвятил этому всю жизнь.

— Почему я не знаю профессора Гоца? — удивилась бабушка. — Я всю жизнь проработала в библиотеке и знаю всех профессоров. Внучок, ты не знаешь сумасшедшего профессора по фамилии Гоц?

— Бабушка, — ответил герцог, — ты же знаешь, что лучшие годы своей жизни я провел в замке Кросскан, где охотился, пьянствовал и отдыхал. Я никогда не видел ни одного профессора. Если бы не негодяй Дракула, который выгнал меня из замка, напустив на меня своих привидений и драконов, я бы и сейчас там жил.

— Ах, — сказала бабушка и махнула ручкой, — от моего внука Франсуа никогда не было толку. Кому нужна такая аристократия?! Любой проходимец с кучкой привидений и жалким драконом может выгнать его из замка.

— Бабушка, как тебе не стыдно! Ты же видела сегодня дракона! Кто может ему противостоять?

— Тот, у кого есть голова на плечах, — ответила бабушка.

Герцог хлопнул дверью и ушел в другую комнату. За ним поспешил старичок с бородой.

— Ты не познакомилась еще с моим мужем, — сказала бабушка Алисе. — Но можно и не знакомиться, он человек неинтересный. Франсуа мне тоже неинтересен, но когда у него отняли замок и угодья, он приехал в город и поселился в моем маленьком доме. Мы теперь очень тесно живем. Но не выгонишь же собственного двоюродного внука?

— Не выгонишь, — согласилась Алиса.

Бабушка хлопнула в ладоши, и в дверях показалась небольшая, серьезного вида обезьяна в белом фартучке.

— Магдочка, — попросила бабушка, — ты не принесешь нам с моей гостьей по чашечке чаю? И по кусочку кекса. Только смотри, чтобы мужчины не увидели, откуда ты достаешь кексы, они сразу смолотят всю коробку. Они у меня всегда голодные. Презираю мужчин.

Обезьяна побежала исполнять приказание, а бабушка обернулась к Алисе:

— Теперь твоя очередь, девочка. Расскажи мне, как тебя зовут, откуда ты родом и зачем к нам пожаловала. Говори коротко, правдиво и не старайся упрощать. У меня хорошая голова для моих ста тридцати лет, я не боюсь смотреть правде в лицо. Начинай!

И Алиса все рассказала бабушке герцога, которая, оказывается, сама не была герцогиней, потому что приходилась бабушкой герцогу по боковой материнской линии. Она звалась просто — госпожой Марианной Кросскан.

Бабушка слушала внимательно, иногда прерывала Алису, чтобы лучше понять, что такое, к примеру, параллельный мир, а иногда просила повторить непонятную фразу.

Обезьяна Магдочка принесла поднос с чаем и ничего не разлила и не разбила. Уходя, она хотела украсть кекс, который принесла для Алисы, но бабушка прикрикнула на нее, и та ускакала.

— Последняя моя служанка, — призналась бабушка. — Остальные сбежали. А ты продолжай, продолжай!

Алиса кончила свой рассказ тем, как она попала в подвал и услышала разговор графа Дракулы и маркизы. И тут появился герцог Франсуа.

— Хорошо, — сказала бабушка. — С тобой все ясно. Давай вместе попробуем понять, что же у нас здесь происходит! Теперь буду рассказывать я, а ты задавай вопросы.

Старушка отпила маленький глоток чаю.

— Я не могу сказать, что мы жили хорошо, но мы жили и не очень плохо, — начала она свой рассказ. — Места у нас довольно отсталые, и многие здесь верят в привидения, вампиров, оборотней. Вместо науки люди у нас предпочитают гадать по руке, узнавать судьбу по звездам, ходить к экстрасенсам и интрасенсам и даже слушаться гадалок. Порой я удивляюсь, как нам удалось изобрести железную дорогу, если все вокруг верили в чудеса и раскладывали карты. Ума не приложу. А ты пей чай, это хороший чай, последний остался. В этом году, говорят, чаю не завезут, потому что к нам корабли из других стран боятся причаливать — того и гляди накинутся какие-нибудь вампиры, заразят все, людей перекусают. Еще заразу с собой привезут...

Бабушка замолчала, задумалась. Она была очень старенькой, но держалась молодцом.

— А потом появились эти самые... Дракула с маркизой. Франсуа, ты далеко, Франсуа?

— Я здесь, бабушка!

Герцог вошел в гостиную. Он успел сбрить второй ус, и лицо его снова стало симметричным.

— Бородку тоже придется убрать, — сказала бабушка. — Нелепо носить бородку, если нет усов.

— Я отращу, — пообещал герцог.

— Вот когда отрастишь, то и бородку отпустишь, — сказала бабушка. И Алиса поняла, что именно бабушка в этом доме главная.

— Хорошо, — вздохнул несчастный герцог. — Зачем ты меня звала?

— Расскажи нашей гостье Алисе, только коротко, совсем коротко, как ты потерял свой замок и честь.

— Я не терял своей чести! — воскликнул гордый герцог.

— Тем не менее.

Герцог подошел к буфету, открыл его, вытащил графин, полный красного вина, и высокий бокал, налил его до половины и встал, опершись о камин и приняв позу, которую всегда принимают герцоги, когда хотят рассказать о чем-то интересном.

— Этот негодяй! — воскликнул герцог. — Этот мерзавец! Он посмел явиться ко мне в замок и предложить продать фамильную собственность. Вы представляете?

— Я все давно представляю, — сказала бабушка. — Иначе бы ты не занимал три четверти моего домика и не стучал сапогами, как рядовой кавалерист. Продолжай, мой мальчик.

— Я его выгнал, — сообщил герцог и отпил из бокала.

— А потом?

— Потом он приехал снова, и я снова его выгнал.

— Короче!

— Однажды ночью ко мне заявилось привидение и потребовало, чтобы я выматывался из родового замка. Я выгнал и привидение... но они пошли сплошным потоком. Оказывается, этот самозванец Дракула обладает властью над всевозможной нечистью. И мой замок его вполне устраивал как штаб для наступления на города нашей страны. Ты не представляешь, во что это вылилось! Десятки привидений бродили по замку, вампиры сосали кровь из моих коней и из меня лично, оборотни пугали моих слуг... в конце концов жить стало невозможно. И мы уехали. Я имею в виду тех, кто еще оставался в живых. А вся эта свора неслась за нами до самой железнодо-

рожной станции и терзала, терзала... — Герцог всхлипнул и нервно допил вино.

— Иди, мой милый, — велела бабушка. — Иди отдохни.

Герцог ушел, тяжело ступая.

— Когда он появился у меня, я думала, что он просто сошел с ума в своих горах, — сказала бабушка. — Но оказалось, что мой внучок не лгал. Буквально через неделю после него на город стали нападать привидения и даже огненный дракон. Сначала люди пытались бороться с ними... но страх оказался сильнее. Люди предпочитали уехать из города, тем более что эти чудовища еще и похищали детей.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Я боюсь тебе ответить, — сказала бабушка. — Но вернее всего, чтобы съесть.

— Не может быть!

— Но привидения безжалостны! Им ничего не дорого! Это мертвецы, вставшие из могил. И нигде нет защиты от них! Даже в доме.

— И здесь?

— И здесь.

— Страшно, — призналась Алиса. — А как же я доберусь теперь до Пашки?

— Забудь о нем! Возвращайся домой, к своим родителям. Пашке ты не поможешь. И профессору не поможешь. Разве ты не поняла, что они специально подложили записку от твоего друга в сундук, чтобы тебя сюда заманить?

— А почему им надо было меня сюда заманивать? — спросила Алиса.

— Не знаю, — сказала бабушка, — но ничего хорошего я не жду.

— Нет, — возразила Алиса. — Почему-то они меня особенно не любят. И я бы сказала, что они даже побаиваются меня. Вернее, не меня, а моих знаний.

— Каких еще знаний? — спросила бабушка.

— Что-то мне известно, а они этого боятся...

— Пока ты об этом догадаешься, они тебя уже на кусочки разорвут.

— А вдруг не разорвут?

— Я видела много смелых девочек, я сама в молодости скакала на лошадях и взбиралась на самые высокие горы. Но чтобы быть такой безрассудной девочкой — нет, такого я еще не видела.

— Я хочу поехать к Пашке.

— Это смертельно опасно.

— У меня есть друзья.

— Твои друзья не смогут тебе помочь.

— Друзья всегда могут помочь. И вы в том числе.

— Ну какой я тебе друг? Я — выжившая из ума старуха, у которой всего-то в жизни что домик, который не сегодня-завтра развалится, да вздорный дед с бородой лопатой, которую он полдня чистит и нежит, а полдня пачкает яичницей и гороховым супом.

— У меня есть друг волк, — сказала Алиса.

— Если волк — друг, значит, он не волк, — ответила мудрая бабушка. — Значит, он оборотень, днем — волк, ночью — человек. Будь с ним осторожна.

— Но он же друг! — закричала Алиса, которая никогда не предавала друзей.

— Ты уже взрослая девочка, — сказала бабушка, — и не мне тебя учить. Тем более что пора идти ужинать.

Бабушка поднялась и повела Алису в столовую.

Столовая в том домике располагалась прямо в кухне. Только кухня была большой и длинной, во весь первый этаж. У плиты возилась обезьяна Магда, и бабушка поспешила ей на помощь. Алиса тоже хотела помочь, но герцог сказал, что она — гостья и, если надо, поможет Ганс.

Герцог, старик с бородой лопатой и Алиса уселись за стол. Стол был старый, деревянный, без скатерти. Перед каждым стояло по серебряной тарелке, возле тарелки лежали ножик и ложка. Видно, вилками здесь не пользовались. Посреди стола стояло несколько графинов. Герцог и дедушка с бородой налили себе вина, а Алиса отказалась.

— Скажите, пожалуйста, — спросила она, — как мне лучше всего добраться до замка Кросскан?

— И не думай! — откликнулась от плиты бабушка.

— Вы же знаете, что я все равно туда поеду, — сказала Алиса.

— С нее станется, — подтвердил герцог. — Это далеко, девочка, тебе никогда туда не добраться. Тем более если в пути будут поджидать граф Дракула и его паршивая маркиза. Ты не представляешь, сколько у них злобных слуг!

— Ничего особенного, — вдруг заявил дедушка с бородой. — Как бывший начальник железной дороги, я тебе советую сесть на поезд.

— Неужели еще ходят поезда? — спросила бабушка.

— В этой стране есть отважные люди, — сказал старик с бородой лопатой. — Последний поезд еще ходит!

— Ох уж эти герои! — воскликнула бабушка, но герцог Франсуа с ней не согласился:

— Пока в стране ходят поезда, она не погибла. Железнодорожники не боятся привидений.

— Это точно, — подтвердил дед с бородой. — Завтра утром мы тебя посадим в поезд, и доедешь почти до места.

— А я пошлю почтового голубя на станцию, чтобы тебя встретили и дали подводу, — сказал вдруг Ганс. — У нас остались еще два почтовых голубя.

— Молодец, парень, — сказал Франсуа. — Теперь примемся за ужин!

— А вечером нельзя? — спросила Алиса.

Тут все засмеялись, и даже Алиса улыбнулась.

Потом дед с бородой на всякий случай объяснил:

— Ночью привидения хозяйничают как хотят. Никто не выйдет из дому. Они только утром утихомириваются. Так что выспись спокойно. А если ты с нами не согласна, то можешь пойти пешком, по горам и лесам, чуть больше трехсот миль.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я подожду.

— Тогда будь любезна, расскажи нам о своей планете, о своем городе, — попросила бабушка, которая кончила разливать по тарелкам суп и уселась за стол. — Кто твой папа, кто твоя мама?

И Алиса часа три рассказывала хозяевам дома о Земле и своем доме. Им было так интересно, что Алису просили продолжать, пока она совсем не уморилась. И тогда бабушка пожалела ее и погнала всех по комнатам спать.

Ганс проводил Алису наверх, в ее комнату. Он нес свечу и не заметил выложенную из кубиков полоску под последней ступенькой лестницы:

НЕ ЗАПИРАЙ ДВЕРЬ

От радости у Алисы забилось сердце. Как хорошо знать, что друг близко!

Ганс сказал:

— Я запру дверь, чтобы кто-нибудь не залез.

— Нет, пожалуйста, не запирайте! — попросила Алиса.

— Если не закрыть, то может прийти привидение.

— Все равно не запирай, — сказала Алиса.

— Может, ты права, — ответил слуга. — В случае чего легче убежать. Имей в виду — у привидений зрение плохое.

— Вы меня порадовали, — сказала Алиса. — Спокойной ночи.

Ганс ушел.

Слышно было, как его шаги прошуршали по каменным плитам пола. Стало тихо. Потом со всех концов дома стали доноситься скрипы, шорохи и даже голоса.

«Алиса, — сказала она себе, — ты нормальный человек из XXI века. Чудес не бывает, если их не выдумывают люди. Так что давай не бояться призраков и вампиров».

Она разделась и легла.

Свечу она гасить не стала. Все-таки ей было страшновато.

А при свече человеку немного спокойнее.

Некоторое время Алиса прислушивалась к звукам старого дома, но потом незаметно заснула.

Глава 7

ЧЕРНАЯ РУКА

Алиса не знала, сколько она проспала.

Но проснулась она от неприятного чувства, что в комнате кто-то есть.

Было тихо. Яркая, почти полная луна светила в приоткрытое окно.

Сна не было ни в одном глазу. Как будто хорошо выспалась.

Скрипнула половица. Алиса приподняла голову. Середина комнаты была отлично освещена лунным светом, зато в углах, за высокими темными шкафами, было темно. Алиса приподнялась на локте, чтобы рассмотреть, нет ли кого там. В жизни не ожидала, что попадет в такой странный город. У нас никто не верит в чепуху вроде астрологии и колдовства.

Что-то шевельнулось в щели между стеной и шкафом.

— Если тут кто-то есть... — сказала Алиса и осеклась, испугавшись собственного голоса. Она проглотила слюну и начала снова: — Если тут кто-нибудь есть, пускай он выйдет. Я никого не боюсь. Я не из вашего мира. У нас мертвяки не гуляют, вы поняли?

В углу кто-то тихо-тихо засмеялся, будто звук доносился не из угла комнаты, а с пятого этажа.

И тут же раздался удар в окно.

Алиса испуганно обернулась.

За окном покачивалось раздутое светящееся лицо — словно кто-то запустил белый воздушный шар с нарисованными на нем глазами и ртом. «Наверное, это и есть воздушный шар», — подумала Алиса, но воздушный шар открыл рот и зашевелил губами, стараясь что-то сказать. К счастью, Алиса не слышала, а то бы еще больше испугалась.

С каждой секундой ей становилось все страшнее. Она готова была уже убежать. Но бежать можно тогда, когда знаешь, куда бежишь. А куда побежишь в этом домике? Всех перебудишь, всех рассердишь, а себя покажешь трусливым ребенком.

Алиса сидела на постели, накрывшись до горла одеялом, и мечтала, чтобы скорей пришло утро, но за окном все так же тревожно светила луна.

И тут краем глаза она заметила, как нечто черное выдвигается из стены как раз над ее головой.

Алиса посмотрела наверх.

Она увидела, как из стены медленно вылезает черная рука с длинными загнутыми пальцами. Пальцы шевелятся, как гусеницы, и с каждой секундой рука все ближе к Алисиной голове...

Вот этого Алиса уже не могла вынести!

Она скатилась с кровати... И чуть не натолкнулась на белое привидение, закутанное в простыню, которое вышло из шкафа.

Алиса оказалась меж двух огней. И у нее не было никакого оружия, чтобы защищаться.

— Мамочка! — заплакала Алиса и зажмурилась.

Она уже пять лет не звала на помощь маму и два года как не плакала.

— Мама, спаси меня!

И тут она услышала, как по полу — еще далеко, еще в коридоре — стучат когти.

Неужели ее мольбу услышали?

Все ближе стучат когти — и тут дверь широко распахивается от удара волчьей грудью!

Волк Гаврюха влетает в комнату и останавливается на пороге, раскрыв пасть и рыча, как лев.

И — о счастье! — привидение тут же отступило в шкаф и

даже закрыло за собой дверцу. Шаровое лицо за окном перестало кривляться и провалилось вниз.

Только черная рука не сдавалась. Она продолжала тянуть к Алисе свои гибкие пальцы.

И тогда волк Гаврюха совершил непостижимый прыжок — через всю комнату, на постель!

Он вонзил клыки в черную руку, и... о чудо! — рука оторвалась от стены.

Держа добычу в зубах, волк спрыгнул с постели и положил руку на пол у босых ног Алисы.

Алиса отпрянула от страшной добычи и только тут почувствовала, какой холодный пол.

— Зачем ты это сделал! — накинулась она на волка. — А где остальное тело?

Волк отрицательно покачал умной головой, и Алиса поняла, что остального тела у черной руки нет и не бывает, потому что черная рука — совершенно особая и самостоятельная пугалка.

— Там в шкафу еще привидение осталось, — напомнила Алиса. — Оно в простыню завернуто.

Волк спокойно направился к шкафу, лапой отворил дверь и, зарычав, потянул за простыню. Простыня вытягивалась из шкафа, но кто-то держал ее изнутри. Волк мотал головой, чтобы вырвать простыню, а призрак легонько, почти беззвучно топотал и бился внутри шкафа... Наконец волк победил. Он отлетел в другой конец комнаты с простыней в зубах, а из шкафа выскочила совершенно голая женщина с длинными зелеными волосами. Она кинулась прочь из комнаты, и ее спасло то, что волк не успел выпутаться из ее одеяния.

— Больше никого не осталось? — спросила Алиса.

Волк наклонил голову.

— Ты тут побудь, пожалуйста, — попросила Алиса. — Они же спать человеку мешают. Я бы рада не бояться. Но кто не испугается, когда из стены черная рука лезет?

Она показала на пол, но рука куда-то исчезла, остался только черный рукав.

Тут в открытую дверь сунулся череп. Череп щелкнул зубами.

— Пошел, пошел! — прикрикнула на него Алиса. — Ваших уже прогнали.

А волк, чтобы скелет понял его правильно, отважно пошел к двери.

Череп исчез. Дверь со стуком захлопнулась.

— Спать хочется просто ужасно, — сообщила Алиса волку.

Волк улегся поперек комнаты, рядом с пустым рукавом. Теперь, если кто-нибудь захочет войти в комнату, он обязательно должен будет перешагнуть через волка. А вы пробовали шагать через волка?

Алиса улеглась и скоро заснула.

Ночью ей снились самые обыкновенные домашние сны, в которых участвовала мама и робот Поля. Они втроем искали марсианского богомола, который убежал на крышу. Если кто и шумел в особняке, Алиса этого не слышала.

Утром Алису разбудил колокольчик.

Сначала звон его донесся издалека, снизу, потом человек с колокольчиком поднялся на второй этаж.

Звон раскатился по этажу, и Алиса проснулась.

Она открыла глаза.

Если солнце и встало, оно не смогло разогнать зимние снежные тучи. За окном было видно серое небо, с которого медленно летели вниз белые хлопья.

Волка нигде не было видно — наверное, он решил, что Алисе больше ничего не угрожает, и убежал по своим волчьим делам. Снизу доносился звон посуды, на кухне готовили завтрак.

Алиса встала с постели и увидела, что возле кровати стоят теплые ночные туфли. Ночью она их со страху и не заметила. Надела их и подошла к окну.

Перед домом раскинулся газон с клумбами, на которых стояли на постаментах белые мраморные статуи. Газон, клумбы и дорожки были покрыты снегом. Одну из дорожек подметал старик с бородищей, а перед ним стояла бабушка Марианна, которая махала ручками, за что-то ругая мужа.

В дверь постучали.

Алиса обернулась.

Там стоял слуга Ганс. Он широко улыбался.

— А я, честно говоря, — сказал он, — боялся, что ты не переживешь эту ночь.

— Я отлично выспалась! — ответила Алиса.

— Никто тебя не беспокоил? А черная рука приходила?

— Где-то от нее должен рукав остаться, — сказала Алиса.

И в самом деле, пустой рукав от черной руки валялся возле кровати. Алиса не стала признаваться изумленному слуге, что ей помог волк. Не надо Гансу об этом знать. Пускай они здесь все думают, что Алиса ничего и никого не боится. Ведь бесстрашных опасаются. «Жаловаться я буду папе и маме, — сказала Алиса сама себе. — А остальным и слезинки из меня не выжать!»

Слуга был потрясен Алисиной смелостью.

— Неужели ты сама с черной рукой справилась?

— А что в этом удивительного?

— Неужели ты отрубила руку мечом?

— Ганс, не придумывайте чепухи, — отмахнулась Алиса. — Вы отлично знаете, что у меня не было никакого оружия.

— Но как же?

— Считайте, что я отвинтила руку от тела, — призналась Алиса, и слуга помертвел от ужаса. — Кроме того, — сказала Алиса, показывая на простыню, которая лежала у двери, свернутая жгутом, — я вынула из этой простынки призрак, который прятался в шкафу. Он топал и мешал мне спать.

— Этого быть не может, — прошептал слуга, глядя на Алису квадратными глазами.

Он отступил в коридор. Сначала медленно, на цыпочках, а потом, оказавшись на безопасном расстоянии, кинулся бежать.

— Я думаю, что Пашка бы меня похвалил, — сказала Алиса.

Но никто ее не услышал. Пашка был далеко. И неизвестно, каково ему приходилось в окружении всех этих призраков, вампиров и скелетов.

Честно говоря, Алисе не очень нравилось в этом мире. Она любила солнце, большие веселые просторы и старинную песню: «Жил на свете капитан, он объездил много стран...»

Алиса оделась, увидела в стене небольшую дверцу и открыла ее. Она правильно угадала. За этой дверцей скрывался очень простой туалет. Он состоял из ночного горшка и таза с чистой водой, стоявшего на табурете...

Через десять минут Алиса, вполне одетая и готовая к боям, спустилась вниз, в столовую.

Стол был накрыт, но пришла она первой. Кроме обезьяны Магдочки, никого еще не было. Обезьяна поздоровалась с гостьей за руку.

Алиса не знала, можно ли здесь садиться за стол без хозяев. Поэтому она стала рассматривать портреты предков, прошлых герцогов, потемневших от времени и засиженных мухами. Видимо, убегая из замка, герцог успел захватить самые ценные вещи.

Она засмотрелась на эти портреты и вздрогнула, услышав сзади старческий голос:

— А это мой дедушка. По слухам, он убил трех драконов, а четвертый его испепелил, но в это верится с трудом.

За спиной Алисы стояла бабушка.

— Доброе утро, — сказала Алиса.

— Доброе утро, девочка. Как ты спала?

— Отлично, — улыбнулась Алиса.

Бабушка тоже ей улыбнулась.

— Никто тебя не беспокоил? — спросила бабушка.

«Так я тебе и сознаюсь!» — подумала Алиса и спросила:

— А кто мог меня беспокоить?

— Ах, у нас много всякой нечисти... дом так давно не ремонтировали. У нас водятся тараканы, блохи, клопы и даже пауки. Извини, моя девочка, но это именно так. Причем среди пауков встречаются кусачие.

Лицо бабушки было серьезным, но глаза смеялись.

Алиса не успела ей ответить, как вошел герцог.

Он был в серебряном халате, завязанном золотым поясом. Следом за ним вошел Ганс и встал у дверей.

— Ах, как приятно узнать, что ты пережила ночь и осталась среди нас! — воскликнул он. — А я, должен тебе сказать, чуть не погиб.

Герцог прошел к своему месту за столом и жестом пригласил дам садиться.

— Ночью ко мне в спальню проник вампир, — продолжал герцог, беря со стола салфетку и засовывая ее угол себе за ворот. — К счастью, я проснулся, когда он уже сел мне на грудь.

— Франсуа! — возмутилась бабушка. — Как ты смеешь говорить о таких гадостях при нашей юной гостье! Она и в самом деле может подумать, что у нас водятся вампиры.

— Не только водятся, но и кровь сосут, — мрачно заметил Ганс, который принес чайник с кипятком и стоял за спиной герцога, ожидая, когда можно будет разливать его по чашкам, в которые уже был насыпан растворимый кофе и налито молоко.

— А твои слуги, должна тебе заметить, — продолжала бабушка, — ведут себя недостойно. Совсем не помогают по хозяйству и слишком много едят. К тому же они меня и в грош не ставят.

— Бабушка, — ответил герцог, — к сожалению, со слугами в нашем городе очень трудно. У меня их почти не осталось. Я все жду, когда сбегут или погибнут последние.

— Я и сам не знаю, что лучше, — согласился Ганс. — Порой думаю сбежать, а порой решаю — может, лучше здесь погибнуть?

Алиса увидела над камином прибитый к стене щит.

— Какой странный герб, — заметила она. На щите была нарисована рыцарская рука, которая держала сломанный меч.

— Это герб нашего герцогского рода, — сказал Франсуа. — Ему уже тысяча лет.

— Триста, — поправила герцога бабушка, — как сейчас помню!

— Бабушка, вы же в маразме! — закричал герцог. — Каждый здравый человек скажет, что гербу больше тысячи лет.

— Я куда лучше помню то, что случалось со мной в юности, чем последние события. Вот, как сейчас, вижу — иду я по лужайке, а из кустов выскакивает шайка работорговцев, которые хотели меня украсть и продать турецкому султану в гарем. Я стала кричать, мой папа схватил меч, погнался за нами и начал сражаться с этими сарацинами. Он перебил их больше сотни, даже меч сломался. С тех пор на нашем щите помещают руку со сломанным мечом.

— Ах, не слушайте бабушку! — отмахнулся герцог. — Она сошла с ума от старости! На самом-то деле тысячу лет назад мой предок, которого тоже звали Франсуа, штурмовал замок, в котором скрывались наши враги. Ворота замка были такими крепкими, что их не удавалось пробить тараном. Тогда мой предок схватил свой меч и так ударил по воротам, что меч сломался, а ворота развалились. И наш род получил право на этот герб.

— Ах, как это не романтично! — воскликнула бабушка. — Мой вариант победил!

— Бабушка, или вы перестанете, — строго сказал герцог, — или я покину столовую. У нас гости. Что они подумают?

— Это мой дом! Я в нем жила, и я в нем, наверное, умру, от тесноты и топота ваших сапог! После этого назло тебе, мой внучок, я стану привидением и уеду к графу Дракуле.

Бабушка так разволновалась, что опрокинула чашку с кофе и убежала из столовой.

— Ну вот, — сказал герцог, промокая салфеткой пятно. — На нее не напасешься... — Затем он сделал паузу, почесал кончик длинного породистого носа и закончил: — Что ж, раз теперь здесь остались только свои, можно обсудить твое путешествие, Алиса. Ты согласна?

— Конечно. Чем скорее я уеду, тем лучше.

— Ты зря так думаешь, девочка, — заметил герцог Фран-

суа. — Твое пребывание в этом особняке лишь легкая разминка по сравнению с тем, что тебя ждет впереди. И чем лучше ты подготовишься к будущим испытаниям, тем больше шансов у тебя и твоего друга остаться в живых.

— Вообще-то, шансов немного, — произнес слуга Ганс, почесывая затылок.

— Помолчи, Ганс! И лучше погляди, не подслушивает ли кто-нибудь из привидений или мертвяков. А то, если они услышат, обязательно донесут своему хозяину.

Слуга кинулся к двери и широко распахнул ее — какие-то тени понеслись прочь, раздался тихий, леденящий душу смех.

— Не обращай внимания, — сказал герцог, — эти твари безмозглые.

Слуга вытащил из-за широкого пояса пистолет и выстрелил вдоль коридора. В отдалении кто-то завизжал.

Герцог поднялся из-за стола и, показав Алисе жестом, чтобы она продолжала пить кофе, принялся говорить:

— Ганс отвезет тебя на станцию. Билет тебе куплен, в купе ты будешь одна. Ехать тебе два с половиной часа. На станции Суха-Быстрица поезд стоит десять минут. Ты выйдешь в тот момент, когда поезд тронется, чтобы те, кто за тобой следит, не успели сообразить и погнаться за тобой. За зданием станции тебя будут ждать сани.

Герцог выбил трубку о край буфета. Из-под буфета выскочила белая мышь и опрометью помчалась в другой угол.

— Карамба! — рассердился герцог. — Ганс, ты обещал обеспечить мне полную безопасность!

— На вид — самая простая мышь, — сказал слуга.

— Это только тебе кажется, что она простая. А я видел, что у нее на спине нарисован черный знак Дракулы.

— Жаль, — вздохнул слуга. — Если она говорящая, то она сообщит хозяину, на каком поезде едет Алиса.

— Поздно, мы ничего не сможем изменить, — сказал герцог.

— А где будет мой волк? — спросила Алиса.

— Во-первых, — ответил герцог, — он вовсе не твой волк и, может, даже не волк, а во-вторых, я не знаю, где он. Только учти — на железных дорогах есть правило. Волков, собак, кошек и вообще никаких животных провозить нельзя. Потому что железнодорожники охраняют своих пассажиров, а ведь никто не может быть уверен, что с тобой едет кошка, а не заколдованная принцесса. Кот, а не какой-нибудь вампир!

В дверь заглянула бабушка.

— Алиса, — сказала она, — я хотела с тобой попрощаться.

Бабушка выглядела печальной. В руке она держала узелок.

Она оглядела Алису с ног до головы — от вязаной шапочки до сапог с обогревом — и сказала:

— Ты выглядишь странно. Но я к тебе привыкла. Я испекла тебе пирожков на дорогу. Не возражай, возьми. Ты обязательно проголодаешься в поезде и еще скажешь мне спасибо.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла узелок.

— Внучок, — спросила бабушка у герцога, — ты вызвал такси?

— Разумеется, — ответил герцог. — Я же остался без кареты.

— Кто повезет Алису на вокзал?

— Ганс. Он сам вызвался.

— Отважный Ганс!

— Не хотел я его отпускать, — признался герцог. — Он последний толковый слуга, который у меня остался. Есть, правда, еще трое, но они бестолковые.

Герцог вытащил из кармана большой кружевной платок и приложил его к глазам.

— Так мало надежды, Алиса, так мало надежды, что я увижу тебя живой, — сказал он и всхлипнул. — Правда, они тебя почему-то боятся.

— Я тоже так думаю, — согласилась с ним бабушка Марианна. — И потому, Алисочка, будь вдвойне осторожна! У тебя появились опасные и бессердечные враги, но зато стало больше верных друзей, которые на тебя надеются!

— Да, мы на тебя надеемся, — сказал герцог.

Бабушка подошла к Алисе и обняла ее. От бабушки пахло ванилью и душистым мылом. Она поцеловала Алису в щечку.

— Как жаль, — сказала она, — что мне уже больше ста лет. А то бы я составила тебе компанию. Но помни, что сердцем я всегда с тобой.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я помню об этом.

Глава 8

ПАССАЖИРКА

У калитки в сад стояла запряженная гнедой лошадью небольшая повозка, покрашенная в желтый цвет, с откидывающимся черным верхом.

Ганс помог Алисе забраться внутрь, затем влез сам.

Таксист сидел на козлах. Когда пассажиры устроились, он повернул вниз ручку счетчика.

— На вокзал? — спросил он.

— Поезжай прямо, — ответил конспиратор Ганс, — по дороге скажу.

— Мне-то что, — сказал шофер, — но в городе многие говорят, что приехали детишки из параллельного мира и герцог намерен с их помощью отвоевать свой замок Кросскан у графа Дракулы. Правду ли говорят или врут?

— Прямо, прямо и поторапливайся! — приказал Ганс.

— И еще люди говорят, — продолжал возница, — что вчера граф Дракула, который побаивается этих детей из параллельного мира, насылал на них целую стаю драконов. В городе народу побили видимо-невидимо.

— Откуда нам такие вещи знать? — ответил Ганс. — Мы с племянницей герцога вчера весь день в шахматы играли. Правда, Луизочка?

— Да, — поняла Алиса. — Мы весь день в шахматы играли.

— С девчонкой? В шахматы? — удивился таксист. — Такого быть не может! Сейчас же проверю.

Он прикрикнул на лошадь, та остановилась, и таксист вытащил из-под своего сиденья шахматную доску.

Только сейчас, когда он обернулся к ней, Алиса его разглядела.

Возница был человеком массивным, почти толстым, крупным, носатым, бородатым, бровастым, рукастым. Всего в нем было много, даже голоса.

— Расставляй! — приказал он.

— Да ты с ума сошел! — возмутился Ганс. — Поезд отходит через полчаса. Другого до завтра не будет.

— Если она умеет играть в шахматы, пускай сыграет блиц! — взревел таксист.

— Не беспокойся, Ганс, — сказала Алиса. — Мне даже интересно сыграть с местным любителем.

— Какой я любитель! — зарычал таксист и начал быстро расставлять фигуры. — Ты, ребенок, хоть знаешь, как конь ходит?

— Надеюсь, что у нас с вами одинаковые правила, — сказала Алиса.

— Только не надо лукавить, — обиделся таксист. — Если не умеешь, так и скажи. И поедем дальше.

— А если умею? — спросила Алиса, оглядывая фигуры. Вроде бы они стояли правильно.

— Если умеешь, попрошу прощения и домчу до вокзала.

— А если я вас обыграю?

Таксист расхохотался и ответил:

— Тогда везу бесплатно.

И тут же сделал первый ход пешкой.

Противники быстро делали ходы, а Ганс чуть с ума не сошел от страха, что Алиса опоздает на поезд.

Но все обошлось. После восемнадцатого хода таксист, который совершенно не разбирался в защите Каро-Кан, ахнул и сказал:

— Как так — мат?

— А вот так, — сказала Алиса. — И когда я вернусь сюда, дам вам возможность взять реванш. Не расстраивайтесь. Я ведь тоже когда-то не знала теории.

Таксист не сразу смог собрать фигуры. Руки у него дрожали. Алиса уж подумала, может, им подыскать другое такси. Но тут таксист запахнул шубу и завопил на свою лошадку.

Она покорно затрусила к станции.

Теперь перед Алисой лишь покачивалась широкая, укутанная тулупом спина.

Ганс пожал Алисе руку.

— Теперь у меня возникают кое-какие надежды, — прошептал он.

Таксист услышал и рявкнул, не оборачиваясь:

— Если люди правду говорят, что ты хочешь с графом Дракулой сразиться, то считай, что на меня можешь рассчитывать! Конечно, мне обидно пигалице проигрывать, но лучше своя пигалица, чем чужая царица. Эге-гей!

Лошадка побежала чуть быстрее.

Она делала километров десять в час. Но Алиса верила в то, что таксист привезет их вовремя.

Днем город выглядел совсем не так мрачно и страшно, как вечером, когда Алиса увидела его в первый раз. На улицах было немало людей, никто не таился по подворотням, магазины были открыты, в трактирах звенела посуда. Кареты, повозки и пролетки, желтые такси встречались на каждом шагу. Некоторые люди останавливались — видно, узнавали девочку из параллельного мира и махали ей. Алиса махала в ответ. Всегда приятно, когда тебя узнают. Но удивительно, как здесь быстро расходятся слухи.

— На тебя люди надеются, — сказал Ганс. — Так что ты уж оправдай их доверие. Когда плохо, мы за любой слух цепляемся: а вдруг нам помогут?

Справа показалось пепелище. На пепелище копошились люди. Какая-то женщина сидела на обгоревшей кровати и горько плакала.

— Этот дом, — напомнил Ганс, — сгорел вчера от нападения дракона. Ах, какое несчастье!

— Почему же люди не соберутся вместе, чтобы выгнать графа Дракулу?

— Хотели бы объединиться, но не приучены. Привыкли, что привидения сильнее людей. Вот и терпят.

Алиса с удивлением посмотрела на Ганса. Сидит рядом с ней молодой парень, желтые волосы до плеч, потертый камзол, дырявые башмаки — бедный слуга обнищавшего герцога. А рассуждает так умно!

— А ты думаешь как все? — спросила Алиса.

— Я — сам по себе, — ответил Ганс.

Такси остановилось перед вокзалом. Ганс схватил Алисину сумку. Таксист помог пассажирке слезть и спросил:

— Скоро обратно?

— Наверное, завтра, — сказала Алиса.

— Будем ждать, — сказал таксист. — Я с собой всю нашу шахматную секцию приведу. Дашь сеанс одновременной игры?

— С удовольствием.

— Если разберется с привидениями, — напомнил Ганс.

— А у вас там все так играют? — спросил таксист.

— Нет, не все, — ответила Алиса. — Многие лучше.

Таксист расхохотался так, что над покосившимся древним вокзалом взмыла черная стая ворон. Они подняли такой крик, что Ганс не выдержал и поспешил внутрь здания.

— Беги, заклюют! — крикнул таксист и стал отмахиваться от злых ворон метлой, которая лежала у него под сиденьем.

Алиса вбежала в вокзальный зал.

Он был неопрятный, неухоженный, даже штукатурка осыпалась с потолка. Людей было немного, да и вели себя люди осторожно, собирались в кучки, чтобы не было страшно.

На перроне перед поездом Алиса увидела небольшую толпу. Все рыдали. В центре толпы стоял молодой человек в железной каске и бронежилете.

— Что это? — спросила Алиса у одной из плачущих девочек, которые провожали молодого человека.

— Ах, это наш двоюродный брат Густав, — ответила девочка. — С ним случилось несчастье. Он кончил институт по специальности «Дошкольное образование», и его посылают в детский сад на станцию Суха-Быстрица.

— А почему все плачут?

— Там же нечистая сила правит! Там живет граф Дракула.

Поезд загудел, предупреждая, что готов двинуться в путь.

Ганс поднялся с Алисой в вагон, провел ее в купе и убедился, что она едет одна. Потом попрощался и соскочил на ходу.

Поезд был старинный, даже первобытный. Но содержали его в порядке. Медные ручки дверей и шкафчиков были начищены, зеркало протерто, диван застелен чистой простыней и покрыт шерстяным одеялом. Второй диван в купе не был застелен — герцог не обманул, он заплатил за все купе, чтобы Алисе не попался какой-нибудь неприятный попутчик. Алиса немного взгрустнула, что с ней нет волка и что он даже не пришел с ней попрощаться. «Все-таки дикое животное не может полюбить человека, как настоящая собака, — подумала она. — Наверное, волк нашел себе настоящий лес и охотится на зайцев».

Конечно, Алисе на самом деле не хотелось так думать. Но лучше думать о грустном, чем наоборот: надеяться на златые горы, а найти медную монетку.

Постучал и вошел проводник. Это был вежливый старик в поношенном, но чистом и выглаженном мундире и форменной красной фуражке. Он сказал:

— Госпожа едет одна?

— Мне так сказал герцог Кросскан, — ответила Алиса. — А скоро мы прибудем в Суха-Быстрицу?

— Это зависит от погоды, госпожа, — объяснил проводник. — Если ветер попутный, то к обеду доберемся.

— А разве ваш паровоз парусный? — спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

— Вашу шутку, госпожа, я оценил, — сказал он. — Но наш паровоз питается углем. А вы, к сожалению, не знаете, какие у нас бывают ветры. Будете пить чай или кофе?

— Я уже завтракала, — сказала Алиса.

— Значит, лимонад, — буркнул себе под нос проводник и ушел.

Поезд набирал скорость. Он катил через городские окраины. Домики здесь стояли маленькие, бедные, подушки снега лежали на соломенных крышах, кое-где из труб поднимался дым.

Потом пошли поля, по которым гуляла поземка. Вдали

виднелись гребенки еловых лесов. Местность пошла унылая, заснувшая на зиму.

«Жалко, что я не купила какую-нибудь газету или книжку — хоть почитала бы. А то ждать... Когда у них обед?»

Снова появился проводник. Он принес бутылочку с лимонадом и высокий стакан.

— А дорога у вас здесь не опасная? — спросила Алиса.

— Почему же наша дорога должна быть опасной? — удивился проводник. — За рельсами мы следим, тормоза в порядке.

— А привидения не докучают?

— Привидения нас не трогают, — ответил проводник и лукаво улыбнулся. — И знаете почему? Привидения и все те, кто их придумывает, ничего не понимают в технике. В школах они не учились, паровой машины боятся, а уж когда кто-нибудь изобретет самолет, то они совсем попрячутся.

— Так пускай кто-нибудь у вас поскорее изобретет самолет.

— Не получается, — вздохнул проводник. — Самолет испытывать надо, а тут сразу же слетаются драконы и воронье. Заклевывают модель. У нас уж некоторые пытались. А в прошлом году великий воздухоплаватель Весекалинский трагически погиб. Он поднялся на воздушном шаре, но на него напала такая стая воронья, что небо стало черным. Проклевали оболочку, и все! Больше на воздушных шарах никто не летает. Вам еще лимонаду принести?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Невеселая жизнь в вашем параллельном мире!

— Но мы не теряем надежды, — ответил проводник. — Может быть, и вы нам поможете, Алиса.

— Вы меня знаете?

— Вас многие знают. И меня ваши друзья предупредили.

— А много народу в вагоне едет? — спросила Алиса.

— Кроме вас, один торговец и еще молодой воспитатель детского сада, который едет в поселок Суха-Быстрица, где не осталось ни одного ребенка.

— Так зачем же он едет?

— Раз детский сад есть, значит, нужен воспитатель. Когда-нибудь дети снова там будут.

— А вы верите, что все хорошо кончится?

— Если не верить, Алиса, то и жить не стоит.

Проводник ушел, и Алиса снова осталась одна. Небо за окном потемнело, снег пошел гуще, и хлопья снега были большими, как клочки рваной бумаги.

Колеса громко постукивали на стыках рельсов. Неожиданно поезд ворвался в туннель, и стало совсем темно. Алиса сосчитала до двухсот, прежде чем туннель кончился, — и сразу стало тише и светлее.

Наконец-то можно остановиться и не нестись вперед.

Алиса свернулась калачиком на мягком диване и стала думать.

Что она знает об этом параллельном мире?

Сюда умчался профессор Гоц, потому что он всю жизнь изучал привидения, охотился за ними и вот получил возможность на них посмотреть вблизи и узнать, как же они устроены. Потом сюда рванул Пашка, потому что хотел помочь профессору, к тому же он и дня не может прожить без приключений.

Пашка и Гоц исчезли в горах, в замке, который какой-то граф Дракула отнял у герцога Франсуа де Кросскан. Дракула командует привидениями и вампирами и запугал всех местных жителей. А слуги Дракулы к тому же похищают маленьких детей. С ума можно сойти!

Но почему же всесильный Дракула хочет поймать и убить Алису? Чем она ему досадила? Что в ней опасного? Узнать это можно только в замке.

«Ладно, — подумала Алиса, — все равно я ничего нового не придумаю, пока не приеду на место. Я должна отдать Пашке теплые вещи, а профессору микроскоп.

Хорошо быть первоклассницей! Захотела на другую планету — хоть сейчас! В бой с драконами? Только покажите мне этих драконов! В битву с космическими пиратами? Всегда готовы.

А сейчас ты уже стала взрослой, тебе скоро двенадцать лет. Пора задумываться.

А задумавшись, удивляешься.

Подумать только, в параллельном мире язык тот же самый, что и в Москве, и названия совпадают, и законы физики действуют такие же, и даже в шахматы играют по тем же правилам. Тогда почему здесь привидения и вампиры делают что хотят? Почему драконы пожирают коней и сжигают дома? Что-то тут неладно — ведь у нас привидений не бывает!»

Снова пришел проводник и принес корзинку с бутербродами и фруктами.

— У меня, к сожалению, нет денег, — призналась Алиса, хотя она уже проголодалась.

— Не беспокойтесь, юная госпожа, — сказал проводник. — За все уже заплачено.

— Герцогом?

— О нет, герцог у нас совсем разорился, — ответил проводник, который, оказывается, много знал о местных знатных господах. — За вас заплатила железная дорога. Мы на вас надеемся.

Проводник сел рядом с Алисой на диван, взял из корзинки бутерброд с сыром и принялся жевать его, запивая лимонадом.

— Вы простите, что я так, по-простому, но в коридоре очень холодно, — сказал он.

— Не стесняйтесь, — сказала Алиса. — Мне очень приятно, что вы ко мне заглянули. Можно я буду вам задавать вопросы?

— Для этого я здесь и сижу, — признался проводник.

У Алисы было много вопросов. И она даже не знала, с какого начать. Поэтому она спросила:

— Кто такой граф Дракула? Герцог и его бабушка очень на него сердиты, но толком ничего не рассказали.

— Когда-то был такой граф. Он жил в заброшенном горном замке и разбойничал. У него была плохая репутация. Многие считали его злым колдуном. Но все это происходило очень давно.

— А когда он умер?

Проводник почесал седую бровь, потом произнес:

— Лет пятьсот назад. Точнее не скажу. Надо в энциклопедии поглядеть.

— Значит, речь идет о другом графе Дракуле! — сказала Алиса. — Потому что герцог Франсуа утверждает, что именно граф Дракула отобрал у него замок.

— Все знают об этом, — сказал проводник. — И многие думают, что новый Дракула — самозванец.

— И он в самом деле командует привидениями?

— Так многие считают.

— Вы не верите? — спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

— Странный вы человек! — сказала Алиса. — Но хоть в привидения вы верите? Или в драконов? Почему все верят, а вы не верите?

— Я вообще ни во что не верю. Еще в прошлом году я работал в университете и преподавал там физику. Я знал, что у физики есть законы. Теперь же университет закрыли, и все ученые разбежались. Хорошо еще, что нас берут на железную дорогу, потому что всякая нечисть не смеет к ней приблизиться.

— А что же случилось с университетом?

— Университет закрыли, потому что не осталось студентов, — вздохнул проводник. — И все школы закрыли. Даже детские сады закрыли. Остались только училища для колдунов.

— Но почему?

— Во-первых, потому, что люди готовы верить в белиберду, особенно если подвесить к белиберде хрустальный колокольчик.

— Но я сама видела привидения и драконов!

— И я видел, — вздохнул проводник. — Но я не знаю, что они собой представляют. А законы науки гласят, что после смерти люди не возвращаются, черные руки не вылезают из стен, а скелеты не прячутся в шкафах. Наконец, ни один граф не сможет прожить пятьсот лет, даже если он будет питаться одной простоквашей.

— А что же тогда творится вокруг?

— Вот этого я и не могу понять! — воскликнул проводник. — И мои друзья находятся в таком же отчаянии. Ну что же делать, если привидения и колдуны крадут детей! Люди перестали посылать детей в школы. Люди стали жить куда хуже, чем раньше, они отдают все ценности сборщикам налогов, которых посылает граф Дракула.

— И как же быть?

— Думать, искать выход, бороться и надеяться!

— На что?

— Например, на тебя, Алиса, — ответил старый проводник. — На то, что тебя не удастся сбить с толку и околдовать.

— Но я же только девочка! Когда вчера ночью из стены вылезла черная рука, я чуть от страха не умерла.

— Но господин Канис в тебя верит!

— Кто такой господин Канис?

— Я не могу тебе открыть его. Но он хороший и честный юноша.

— Я буду рада с ним встретиться, — сказала Алиса.

— Он сам решит, когда с вами встретиться, — ответил проводник.

Они доели бутерброды, а потом проводник сказал:

— Простите, но мне пора идти. Надо растопить печку, поставить чай для пассажиров. А если кто-то захочет перекусить, я принесу еду из вагона-ресторана.

Алиса посмотрела на часы. Уже скоро два часа, как поезд в пути. Поля вокруг исчезли, пошли горы, поросшие лесом. Горы были пока невысокие, скорее холмы. Они были укрыты пышным снегом.

Глава 9

ПОЕЗД ДАЛЬШЕ НЕ ПОЙДЕТ

Поезд начал тормозить. Он тормозил рывками, словно машинист увидел препятствие слишком поздно. Стакан слетел со столика.

Алиса кинулась к окну. Но ей был видел лишь склон холма. Она открыла дверь и выглянула в коридор — по ту сторону тоже был склон холма. Оказывается, поезд остановился в ложбине между двумя холмами. Как в большой, широкой канаве.

Алиса пошла к проводнику, чтобы узнать, что же произошло.

В служебном купе проводника не было.

Алиса пошла по вагону. Открылась дверь в купе, и выглянул испуганный молодой воспитатель детского сада.

— Что случилось? Почему стоим? Что за безобразие! — восклицал он.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Сейчас поедем дальше.

— Вы так думаете? — обрадовался учитель. — Вы в этом уверены?

Открылась еще одна дверь, высунулся толстый мужчина. Он крутил головой, вздыхал, но молчал.

«Ах, какие они все запуганные, — подумала Алиса. — За них страх все решает. А ведь главное — никогда ему не поддаваться».

Алиса решила пройти вперед по поезду и посмотреть, что же там произошло. Она перешла в другой вагон. Переходы между вагонами были открытыми, поэтому мороз сразу хватал за лицо и руки. Дул ветер со снегом.

Алиса перебежала в следующий вагон. Она не помнила, сколько вагонов отделяют ее от паровоза. Хорошо бы поменьше!

В третьем вагоне было совсем пусто. Одно из окон было опущено, в него врывался снег, и он уже насыпал белый холмик в коридоре.

Алиса хотела закрыть окно, но ничего не получилось.

И тут она увидела, что навстречу ей по коридору спешит старый проводник. Вид у него был сумрачный, лицо бледное, усы повисли, как макароны.

— Алиса, какое счастье, что я тебя нашел! — воскликнул он. — Скорей назад, в этом вагоне оставаться нельзя.

Алиса не стала расспрашивать проводника — она уже от-

лично знала, что только глупые люди начинают задавать вопросы, когда надо уносить ноги. Она побежала обратно, за ней — проводник. Когда она пробегала мимо последнего купе, то услышала странное урчание — будто кто-то громадный чавкал и давился пищей.

Пробежав в свой вагон, проводник запер дверь и перевел дух.

Они остановились в коридоре.

— Что случилось? — тихо спросила Алиса. Ей передалось волнение старого проводника.

— Впереди путь завален снегом.

— Лавина?

— Я бы не сказал, — ответил проводник. — Откуда взяться лавине, когда нет крутой горы? У меня такое впечатление, что завал сделали нарочно.

— Кто?

— Они. Слуги Дракулы.

— Зачем?

— Они всегда стараются уничтожить поезда — последний наш оплот. Они не смеют на них нападать, но строят ловушки.

— Так надо скорее дать задний ход! — предложила Алиса.

— Машинист хотел это сделать, — ответил проводник. — Он взобрался на паровоз и увидел, что сзади нас собралась целая толпа разных оборотней и привидений. Они заваливают пути снегом. Мы в ловушке.

— Неужели неоткуда вызвать подмогу? — спросила Алиса.

— Только из города, — ответил проводник. — Там есть специальная спасательная бригада. Но они же не знают, что с нами случилась беда.

— А как дать им знать?

— Для этого надо добраться до станции. Отсюда два километра до полустанка Праскава. Там есть телеграфный аппарат.

— Так пошли же! — сказала Алиса.

— Нет, нам не дойти, — вздохнул проводник.

— А если не идти, когда нас хватятся?

— Они пока не беспокоятся, потому что здесь часто бывают заносы и паровоз пробивается сквозь них очень медленно, хоть и везет перед собой треугольную лопату, чтобы чистить рельсы. Только часа через два в городе начнут беспокоиться, еще через час решат послать дрезину со спасателями, еще через три часа они сюда доберутся. К этому времени нас не будет в живых.

— О, какое несчастье! — закричал из-за двери купе воспитатель детского сада. — Не надо было мне стремиться к образованию! Лучше бы меня выгнали из школы.

Проводник отворил дверь купе воспитателя и сказал:

— Выходите к нам! Мы соберемся в служебном купе, закроем ставнями окна, запрем двери и будем ждать подмогу.

— А дождемся? — Преподаватель выглянул в коридор, его трясло от страха.

— У нас все уже рассчитано, — сказал проводник. — Не первый раз на нас нападают. Иногда удается продержаться до подхода помощи!

— А иногда? — спросил преподаватель.

— А иногда не удается, — сказал проводник и погрозил кулаком в сторону окна.

Алиса обернулась.

За окном торчала голова снеговика с угольками вместо глаз и морковкой вместо носа. Голова улыбалась, и это было неприятно.

Голова поднялась повыше, и Алиса поняла, что она надета на шест, а шест держит в руках облезлый медведь в валенках.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

— Они снеговика лепят, — ответил проводник. — Он умеет замораживать людей.

— Нет, так нельзя! — возмутилась Алиса. — Мы с вами рассказываем детскую повесть. Так вы всех читателей перепугаете! Да и не только детей — вы только посмотрите на преподавателя детского сада, на нем лица нет.

Воспитатель так перепугался, что принял слова Алисы всерьез и стал ощупывать свое лицо, будто его могли украсть.

— Этого я не хотел, — вздохнул проводник. — Но, к сожалению, в нашем мире это грустная правда жизни. Пускай те, кому страшно, дальше эту повесть не читают. А мы, Алиса, с тобой и с другими пассажирами поскорее спрячемся, чтобы привидения и оборотни не могли к нам пролезть.

— Скорее, скорее! — обрадовался преподаватель. Он схватил свой чемодан и, толкаясь, первым побежал в купе к проводнику. За ним поспешил толстый торговец.

Последней в маленькое служебное купе прошла Алиса. Было тесно. Воспитатель стонал, торговец вздыхал.

Проводник куда-то ушел и долго не возвращался.

В вагоне становилось все холоднее — видно, выгорела печка, а больше угля не подбрасывали.

В окно Алиса увидела, как из ельника вышел небольшой медведь. Он поднялся на задние лапы, чтобы получше разглядеть застрявший поезд, будто проверял, надежно ли он застрял. Может, это был самый обыкновенный медведь, но Алиса уже стала подозревать всех животных в служении этому злодею — графу Дракуле.

Нет, так сидеть нельзя. Скоро уже начнет темнеть, а в темноте, как известно, нечистая сила становится вдвое сильнее.

И тут вернулся проводник.

— Машинист сказал мне, — сообщил проводник, — что есть надежда на выручку. Надо ждать.

— Сколько надо ждать?

— Я думаю, часа два.

— А сколько до разъезда? — спросила Алиса.

— Два километра. До полустанка Праскава.

— Я туда пойду, — сказала Алиса.

— С ума не сходи! — воскликнул проводник. — Они тебя перехватят.

— Я замаскируюсь, — пообещала Алиса.

— Ты замерзнешь!

— Я тепло одета. И я не боюсь мороза.

— Они тебя растерзают!

— У меня есть «Пилат». Я могу ходить по воздуху и подниматься на несколько метров.

— Но вокруг дежурят совы и вороны! У них есть летучие вампиры! Они тебя поймают и в воздухе.

— Я не могу ждать, — возразила Алиса. — Я и в детстве этого не выносила. Они же думают, что мы сидим и ждем помощи, правда?

— Конечно, они уверены, что никто из нас и носа не высунет из поезда.

— Тогда я буду делать то, чего от меня не ожидают, — сказала Алиса.

— Ну как знаешь, — вздохнул проводник. — Ты уже большая девочка. Мое дело — честно предупредить.

— Можно я возьму простыню? — спросила Алиса.

— Зачем?

— Чтобы меня не сразу заметили.

— Это же надо так придумать! — обрадовался проводник Алисиной догадке. — На белом снегу под белой простынкой! Бери простыню, конечно, бери.

— А когда я доберусь до полустанка Праскава, что мне делать дальше?

— Первым делом сообщи тамошнему начальнику, телеграфисту Михаю, что путь завален снегом, пусть он вызывает помощь из города.

— А дорога от Праскавы до замка Кросскан есть? — спросила Алиса.

— Есть дорога. Только плохая, через лес.

— Я пойду через лес.

— Может, подождем вместе? — спросил проводник. — Ведь в Суха-Быстрице тебя ждет экипаж, он домчит до замка за полчаса.

— А когда это будет?

— Когда помощь придет.

— Но никто не знает, когда она придет!

— Никто не знает, — признался проводник, — но все надеются.

Алиса не стала больше тратить время даром. Она оделась, накинула на плечи лямки рюкзака, надвинула пониже на брови шерстяной шлем.

— Жалко, я лыж не взяла, — сказала Алиса. — И Пашка мне не сказал.

— Он же не думал, что вы будете по лесам ходить, — заметил проводник. Он был прав. Пашка не мог о таком догадаться.

— А здесь кто-нибудь ходит на лыжах? — спросила Алиса.

— У нас никто не смеет сунуть нос в лес, — сказал проводник. — И вообще люди предпочитают не отходить далеко от своего каменного дома.

Алиса сняла с дивана простыню. Накинула ее на голову. Теперь она была в белом плаще с капюшоном. Алиса подобрала подол белого плаща и сказала проводнику:

— До встречи!

— Я был рад с тобой познакомиться, — ответил проводник. — Надеюсь, скоро встретимся вновь!

Он проводил Алису до двери вагона, открыл ее треугольным ключом и осторожно выглянул наружу.

Все так же сыпал снег, небо скрылось за снежными хлопьями.

— Еще долго до темноты? — спросила Алиса.

— Часа два, — ответил проводник.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не привлекать внимания врагов.

Врагов пока не было видно. Но Алисе казалось, что за каждым деревом кто-то прячется.

— Снег очень глубокий, — прошептал проводник. — Как минуешь завал, выходи на железнодорожные пути и иди по шпалам — там снегу меньше.

— Зато меня лучше видно, — сказала Алиса.

— И это правильно, — вздохнул проводник. Он протянул ей руку на прощание и произнес со слезами в голосе: — Жалко тебя, такая хорошая девочка и, вернее всего, погибнешь!

Хотела Алиса ему ответить, что не надо бояться, тогда и чудовища не возьмут над тобой власть. Но зачем обижать пожилого человека?

Алиса спрыгнула в снег и сразу ушла в него по колени.

Она поплотнее закуталась в простыню и стала карабкаться вверх по склону, к елкам, чтобы укрыться за ними.

Вскоре она уже оказалась выше поезда и смогла, выглянув из-за дерева, увидеть, что же произошло.

Справа, через три вагона, стоял паровоз с высокой трубой. Паровоз уткнулся в высокий вал снега и отчаянно дымил, будто сердился. Снежный завал тянулся метров на десять в длину. Если бы все пассажиры и проводники выбрались с лопатами, они бы его до темноты разбросали. Но Алиса уже знала, что никто вылезти не посмеет.

Если не считать дыма из паровозной трубы, ничто вокруг не шевелилось. Не было видно ни людей, ни животных.

Алиса пошла вперед, вдоль поезда. Идти было очень трудно — каждый шаг давался с трудом. Снег был где по колено, а где и по пояс. Ведь в лесу никто не протаптывал тропинок для Алисы.

Алиса поняла, что так она доберется до полустанка только к завтрашнему дню.

Сделав из простыни маленькую палатку, Алиса присела на корточки и прикрепила подошвы «Пилата» на свои сапожки.

Высоту полета можно установить на браслете, приклеенном к руке, как вторые часы. Дальше все зависит от твоего умения. Алиса знала, как пользоваться ранцем, главное, надо помнить о равновесии. Забудешь — полетишь к земле быстрее камня. Так что детям пользоваться подошвами «Пилата» строго воспрещается, пока они не сдадут специальный экзамен.

Алиса поставила на циферблате высоту два метра — ей не хотелось подниматься над вершинами елок, чтобы ее не заметили. Она заскользила между зелеными ветками, умело откло-

няясь от колючих иголок. Белая простыня развевалась сзади, и со стороны Алиса казалась привидением.

Она не успела толком подумать, какая ей польза от такого сходства, как заметила слуг графа Дракулы.

Оказывается, они таились прямо за снежным завалом. Поэтому их не было видно с поезда.

Если не знать, что это злодеи, захватившие всю страну, можно подумать, что за сугробом собралась сказочная компания.

Большой белый медведь, три привидения, снеговик с морковкой вместо носа, три волка, маленький, ростом с человека, дракон, скелет в черных брюках и без головного убора, на плече которого сидел большой черный ворон.

Заговорщики беседовали шепотом, видно, боялись, что их подслушают. Но Алиса подобралась к ним довольно близко. Она подлетела сверху с откоса и притаилась за молодыми елочками. Теперь ей было все слышно.

— Главная задача — найти чужую девочку по имени Алиса, — сказал черный ворон, сидевший на плече скелета. — Кто ее увидит, пускай не ест, не кусает, кровь не пьет, а связывает и везет в замок господина Дракулы на допрос.

— А маркиза Жанна сказала не так! — заявило одно из привидений. — Она велела эту девочку не жалеть. Как увидишь, сказала, сразу бей током! А потом высасывай из нее все силы, пока она не станет бесчувственной тряпкой.

Дракон радостно пустил из носа две струи дыма, волки завыли.

— Это что же получается, бунт? — спросил скелет.

— Карр! — крикнул ворон.

— Мы всех их разорвем и замучаем! — сказало второе привидение, и остальные обрадовались еще больше.

— Карр! — закричал ворон еще страшнее.

И тут, подчиняясь его призыву, сверху, из облаков, скрытых снегопадом, ринулась вниз стая ворон.

Они начали кружиться над бунтовщиками, щипать их клювами, бить крыльями, терзать когтями. Те сбились в кучку, стараясь залезть под белого медведя, которому воронье повредить не могло.

— Будете слушаться? — спросил скелет.

Никто не ответил, но никто и не возразил.

— Всех остальных, кого найдете в поезде, вы можете есть,

терзать, уничтожать, как вам нравится. Но девочка Алиса должна быть доставлена ко мне!

— А как мы ее узнаем? — спросил снеговик.

— Будем всех спрашивать, — ответил скелет. — Кто скажет, что он не Алиса, — уничтожайте, терзайте. А если кто скажет, что он Алиса, свяжите ей ручки и ножки, заткните ей ротик, и мы ее отвезем к начальству.

— А если станет сопротивляться, можно сначала ее убить, — добавил ворон.

Алиса была рада, что подслушала этот разговор.

Из него она узнала для себя важные вещи. Во-первых, кто-то уже знает, что она едет этим поездом, и к ее приезду готовятся. Во-вторых, ее намерены везти в плен, связав руки, ноги и заткнув рот. Вот этого Алиса не выносила и не собиралась допускать! В-третьих, она поняла, что всем, кто остался в поезде, грозит смертельная опасность! Она должна, обязана прорваться к телеграфному аппарату и сообщить в город о том, что поезд попал в ловушку.

— Когда мы будем их терзать? — спросило привидение.

Волки завыли от радости.

Алиса боялась увидеть среди этих злобных существ своего друга. Но эти волки были совсем другие — мелкие, с клычищами, облезлыми и злыми мордами.

— Сначала, — сказал ворон, — мы наберем камней и будем кидать в окна. Надо разбить окна и влезть внутрь.

— Но они знают об этом и прячутся в одном вагоне. В нем они закрывают окна чемоданами, досками, всем, что под руку попадается, — прорычал белый медведь.

— Знаю, — проскрипел скелет. — Терпение, друзья, терпение. У нас впереди целая ночь!

— А если к ним придет подмога?

— Никто не знает, что они застряли. А телеграфисту Михаю на полустанке Праскава сам господин Дракула послал лживую телеграмму о том, что поезд отменили. Так что он тоже не беспокоится.

«Ой! — сказала себе Алиса. — Мне надо спешить!»

Привидения, волки, медведь и остальные чудовища полезли на холм и стали разгребать снег в поисках камней, палок и другого оружия.

Пришлось Алисе отступить повыше, чтобы они на нее не наткнулись.

Но как ей идти дальше?

Лететь на гравиподошвах между елок слишком медленно и ненадежно. Это же не полет, а слалом. Подняться над деревьями — чересчур опасно. Тут тысячи ворон — они сразу тебя увидят.

И тут Алиса сообразила.

Ну как же она раньше не подумала?

Если боишься кого-то, то старайся казаться таким же!

А почему бы ей не стать призраком под белым покрывалом?

Гравиподошвы должны ей в этом помочь.

Алиса быстро сняла простыню и охотничьим ножиком прорезала в ней отверстия для глаз. Потом накинула простыню как балахон, скрепив ее на боку, так что высовывались только руки. К счастью, Алиса никогда не расставалась с футлярчиком, в котором хранятся вещи, необходимые для путешественника. Там лежат нитки с иголками, скрепки, булавки, рулеточка, леска, крючки, шпагат, способный выдержать вес динозавра, и многое другое. И этот футлярчик помещается в широком поясе.

Соорудив себе одежду привидения, Алиса включила подошвы и поднялась на них на полметра над землей. Теперь простыня почти доставала до снега. А Алиса казалась ростом со взрослого человека или, вернее, со взрослое привидение.

После этого Алиса включила движок и медленно, словно плыла по воздуху, спустилась к занесенным снегом рельсам по ту сторону сугроба.

Возле сугроба остались лишь два волка и снеговик.

Волки подняли головы и даже зарычали, словно почуяли чужого, но вставать со снега они не стали — больше поверили глазам, чем нюху.

Алиса, не оборачиваясь, поплыла над путями прочь от волков. А так как летела она медленно и со стороны казалось, что она не летит, а идет, как ходят привидения — чуть касаясь земли, то никто не догадался, что Алиса — человек.

Правда, одна любопытная ворона довольно долго кружила над ней, время от времени каркая, словно удивляясь, но никто к ней не присоединился.

Через несколько минут Алиса пролетела мимо небольшой деревеньки, домов в пять. Может быть, там жили стрелочники или путевые рабочие. У одного из домиков стоял старик в меховой шапке и тулупе. Он увидел Алису, но сначала не смог разобрать, кто это белый несется по рельсам. Алиса уже решила было спросить его, долго ли еще ей добираться до полустанка, но не успела и рта раскрыть, как старик сообразил, что видит привидение.

— Еще одно! — закричал он. — Чур меня, чур меня!

И кинулся в дом.

Только дверь хлопнула.

«Бедненькие, — подумала Алиса. — Каково же им жить здесь и всегда бояться! Жить в страхе год за годом. Бояться, что их обидят, укусят, а то и съедят.

Эх, позвать бы на помощь всех ребят из класса, наверное, мы бы придумали, как помочь этим людям. А так мы здесь только вдвоем. Я и Пашка. Но совершенно неизвестно, что там с Пашкой. То ли он заточен в подземелье, то ли стал лучшим другом графа Дракулы. И то и другое возможно, потому что Пашка хоть и смелый, но наивный и доверчивый. А этим порой пользуются всякие мерзавцы».

Алиса посмотрела на часы.

По местному времени около четырех. Уже начало смеркаться.

Алиса вспомнила свое любимое стихотворение Лермонтова. Он писал:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни далеких деревень.

Наверное, он тоже чувствовал себя таким одиноким и никому не нужным! Вот пропадешь в этих снегах, никто и не найдет твоих следов. Только папа и мама будут плакать и спрашивать всех: «Где же наша дочь?» И Пашкина мама тоже...

Как жалко, что она не спросила проводника, зачем же эти привидения и вампиры лезут к нам, на нашу Землю, в нашу Москву?

Но кто тебе ответит?

Сбоку появилось привидение, издали похожее на Алису, только зеленее.

— Где поезд? — спросило привидение. — Мне приказано там быть немедленно.

— Жди здесь, скоро приедет, — сказала Алиса привидению, и оно остановилось, поверив призраку в белой простыне.

И тут вдали показались огоньки.

И больше всего Алису порадовал самый высокий из огоньков — он был зеленым. Это горел семафор.

Значит, близко станция.

Алиса включила подошвы на полную мощность и помчалась к полустанку Праскава, где ее должен ждать, если еще жив, телеграфист Михай.

Еще через пять минут Алиса как вихрь ворвалась на станцию.

Она забыла, что выглядит по крайней мере странно, и потому, увидев, что на платформе под фонарем стоит человек в красной фуражке начальника станции, она кинулась к нему.

— Господин Михай! — крикнула она.

Господин Михай поднял пистолет.

— Не подходи, — предупредил он. — Мой пистолет заряжен серебряной пулей. Ни одно привидение еще не посмело на меня напасть. Лети к своему графу Дракуле! — Но, сказав так, он стал отступать к открытой двери в станционное здание.

— Не бойтесь меня, господин Михай! — взмолилась Алиса, и, чтобы начальник станции не ошибся, она сорвала с себя простыню, и та упала у ее ног. — Я живой человек! — закричала Алиса. — Я не привидение.

Глава 10

ПОЛЕТ НАД ЛЕСОМ

Алиса сидела в жарко натопленной комнатке станции, где стоял телеграфный аппарат, а еще помещался стол, два стула и печка, на которой шумел чайник.

Михай отправил срочную телеграмму в город, и теперь они пили крепкий чай с Алисиными бутербродами. Алиса удивлялась, до чего же она замерзла, если летела не спеша и укрытая простынкой.

— Простыня — не одежда для нашей зимы, — говорил Михай, разговорчивый жилистый человек, у которого даже голова была такой маленькой, что форменная фуражка все норовила сползти ему на нос. В конце концов он снял ее и бросил на вешалку. Фуражка опустилась на крюк и спугнула маленького летучего мышонка, который затаился за плащами и куртками, висевшими там.

— Ах ты, мерзавец! — закричал Михай, выгоняя вампирчика в форточку, и плотно закрыл ее за ним. — Ну, нигде от них покоя не стало! Если им удастся нас покорить, люди будут рабами.

— Но зачем им это?

— А мне тут один вампирчик в лесу сказал: «Нам нужна власть, чтобы сосать кровь в свое удовольствие! Хватит побираться и таиться. Я хочу прийти на пункт питания и потребовать, чтобы мне дали девочку помоложе и послаще!»

— И вы думаете, что у них получится? — спросила Алиса.

— Не знаю. Но мы очень слабые, а их много, и у них сила.

— Но откуда их сила? — спросила Алиса.

— Никто не знает. Наверное, от колдовства.

Алиса вздохнула.

— С вами разговаривать — одно мучение. Откуда их сила — вы не знаете, как с ней бороться — вы тоже не знаете...

— Нет, мы сопротивляемся. Мы защищаемся.

— Конечно, вы меня простите, — сказала Алиса. — Вы человек взрослый, но у меня больше жизненного опыта, и я знаю, что нет такой крепости, которая бы в конце концов не сдалась. Так учил меня мой друг Ричард Львиное Сердце.

— О Ричарде не слышал, — заметил начальник станции. — А про крепость не понял.

— Ну как вам объяснить, Михай! Вот вы построили крепость. Всем крепостям крепость! И засели в ней. Но если вы себя посадили в крепость, значит, признались, что вы слабее врага. Вы уже в темнице, уже в плену. Пройдет день, месяц, год, и ваши стены не выдержат вражеских снарядов, а ваши ворота проржавеют. И враги вас обязательно победят.

— А что же делать? — спросил Михай.

— Вылезать из крепости и идти на врага, — сказала Алиса.

— Наверное, в твоих словах есть правда, — сказал Михай. — Но тебе хорошо говорить — у вас-то привидений нет! А нас они замучили. Нельзя же сравнивать!

— А почему бы и не сравнить? Я одна, но я сейчас пойду дальше, в замок графа Дракулы.

— Ты с ума сошла! И не думай. Мы с тобой посидим здесь запершись. Ни один вампир нас не тронет. А утречком придет поезд, ты вернешься в свое купе. В Суха-Быстрице тебя встретит карета, и ты увидишь своего Пашу уже завтра днем.

— Может, увижу, а может, не увижу. Может, придет поезд, а может, не придет, — возразила Алиса. — А я не хочу зависеть

от других. Я хочу рассчитывать на себя. И я знаю, что Пашка ждет меня, что я ему нужна.

— Мы все очень на тебя надеемся, — сказал Михай. — О тебе уже слухи идут по нашей стране. Вернее всего, привидения устроили засаду на поезд, чтобы тебя схватить. Так приказал сам граф Дракула.

— Михай, расскажите мне, как отыскать дорогу к замку Дракулы?

— Дорога-то есть, — вздохнул Михай, — но очень опасная. Она ведет через лес, через развалины и потом через кладбище. Это просто ужас, а не дорога. Умоляю тебя, Алиса, останься со мной.

— Если я сейчас испугаюсь, — отрезала Алиса, — значит, я буду всю жизнь бояться. Не верю я в ваши привидения!

— Но как же можно не верить в привидения, — ахнул начальник станции, — если мы ими угнетены и запуганы?

— Вот в этом я и хочу разобраться, — сказала Алиса и стала собираться в дорогу.

Так как лыж на станции не было, она решила и дальше лететь на гравиподошвах. Если ее маскарад удался днем и обманул привидения, то вечером уж тем более никто не узнает в ней девочку с Земли.

Михай нарисовал для Алисы карту пути.

Сначала дорога к замку ведет через лес. Потом начинаются развалины маленького городка, который жители покинули из страха перед нечистью. За городком дорога пересекает старое кладбище. И потом начинается подъем на холм, на котором и стоит фамильный замок герцогов Кросскан, который Дракула у них отобрал.

Алиса спрятала карту на груди, хотя надеялась, что она ей больше не пригодится.

Алиса сделала вид, что ничего не боится. Так было надо. Потому что если она не боится, то и Михай становится смелее. Страх ведь заразный, как грипп. Можно заразить страхом целую страну или планету. А потом много месяцев придется ее лечить.

— Завтра, в крайнем случае послезавтра, ждите меня обратно, — сказала Алиса. — Я вернусь на поезде или каким-нибудь другим путем, но вам я обязательно обо всем сообщу. Вы ведь очень смелый человек.

— Ой, и не говори так, — ответил Михай. — Я сижу и дро-

жу. За себя дрожу, за тебя дрожу, за станцию дрожу. Хорошо еще, что я холостой.

— Глупости, — сказала Алиса, натягивая свою маскировочную простыню с прорезями для глаз. — Если бы вы были трусом, то давно бы убежали с этой маленькой станции, где остались одни.

— У меня есть стрелочники, но они редко приходят, — сказал Михай.

— Скоро все кончится, — сказала Алиса. — А сказки кончаются хорошо. Потерпите, Михай.

Михай похлопал Алису по плечу и проводил гостью до края платформы. От последнего фонаря начиналась проселочная дорога к замку Кросскан. Она вела через поле и была обсажена по сторонам старыми дубами. Алиса включила подошвы, немного поднялась над дорогой и понеслась вперед. Простыня чуть касалась снежного покрова, и снежок кружил серебряными облачками в синем вечернем воздухе.

Алиса обернулась.

Черным кубиком виднелось здание станции. На черном высоком столбе сиял зеленый свет. А в окошке уютно горела керосиновая лампа. Там сидел отважный Михай и ждал своего поезда.

— До свидания! — закричала Алиса, но ее крик растаял в снегопаде.

Она полетела над дорогой, теперь уже как можно скорее, кутаясь в простыню, чтобы не замерзнуть.

Алиса могла бы включить небольшой фонарик, который был вшит в ее шерстяную шапочку, но потом подумала, что ей достаточно света луны.

Наверное, по этой дороге в последний раз кто-нибудь проезжал в прошлом году. И если бы не деревья по сторонам, трудно догадаться, что летишь над дорогой, а не над просекой в лесу.

Снегопад только-только прекратился, и облака улетели, унесенные последним усилием еще недавно бешеного ветра. Наступит сказочный новогодний покой, когда воздух прозрачен и видны улыбки на личиках звезд, когда снег настолько ровный и нежный, что даже птицы еще не решаются оставить на нем тонкие треугольники своих следов. И все это снежное одеяло соткано из миллиардов снежинок, из бриллиантиков голубого цвета.

Тишина такая, что слышно, как шепчутся звезды, как про-

летает по небу метеорит, как вздохнул в берлоге медведь, как пискнул в своей глубокой норе крот, увидев страшный сон.

Алиса летела над дорогой, стараясь не дотрагиваться краем простыни до снежного покрова.

«Странно, — думала Алиса, — я здесь уже давно, целый день, а не видела еще ни одного ребенка. Неужели их совсем не осталось?»

Дорога привела Алису к развилке. От развилки надо было брать левее, к развалинам городка, покинутого жителями.

На развилке стоял навес на четырех каменных колоннах, за ним плита и в ней кран, от которого к самой земле тянулась сосулька.

Алиса догадалась, что летом из крана течет родниковая вода.

Она остановилась, подошла к крану, отломила сосульку и начала ее сосать. Если бы сейчас эту картинку увидела мама, а тем более домашний робот Поля, они бы с ума сошли. Впрочем, они бы еще скорее сошли с ума, если бы знали, что Алиса летит в замок, которым правят привидения, да еще мчится по заколдованному зимнему лесу, куда ни один человек не смеет сунуться...

И не успела Алиса додумать мысль до конца, как из-за каменной колонны вышел маленький мальчик в серых лохмотьях и шапке с оборванным ухом.

— Добрая тетенька, — сказал он, протянув к Алисе тонкую, посиневшую от мороза ручку, — подайте кусочек хлебца несчастному сиротке.

— Ой! — испугалась Алиса. — Ты что здесь делаешь? Ты же замерзнешь!

— Я обязательно замерзну, — сказал мальчик. — Я чувствую, как онемели мои ножки и отморозились уши.

— Так беги домой!

— У меня нет дома, — сказал мальчик, — я днем сижу в снегу, ночую в ледяном погребе, а кушаю льдинки и сосульки. Помоги мне, обними меня! Неужели ты дашь мне погибнуть?

Мальчик шел к Алисе, протягивая бессильные ручки и дрожа всем тельцем.

Алисе стало его безумно жалко. Она подбежала к нему и обняла.

— Как же так! — говорила она. — Сейчас я тебя разотру, сейчас я дам тебе глюкозы...

Но она не успела ничего сделать, потому что в мгновение

ока ручки мальчика, которые обнимали ее шею, стали цепкими и когтистыми. Он вцепился в шею Алисы и раскрыл ротик... изо рта торчали длинные загнутые зубы!

Еще секунда — и он вонзит зубы в шею Алисе!

Алиса рванулась в сторону, но мальчик висел на ней, не отпуская.

Он злобно захохотал, и его хохоток понесся над снежной пустыней, устремившись к звездам.

Ужас придал Алисе дополнительные силы. Она оторвала от себя когти маленького чудовища и успела нажать на кнопку гравиподошв.

Тут же подошвы заработали и понесли Алису вверх.

Секунду, а может, две маленький нищий висел на Алисе, а потом его когти разжались, и с отчаянным криком он понесся к земле.

Алиса только тут сообразила, что она могла и убить этого перевертыша. Ведь за две секунды подошвы вознесли ее на высоту пятиэтажного дома.

Опомнившись, Алиса испугалась за мальчика и быстро спустилась к нему. Но касаться его не стала.

Мальчик лежал, зарывшись в снег, глаза его были закрыты.

— Ты не разбился? — спросила Алиса.

Мальчик не отвечал.

Алиса протянула руку, и тут мальчишка сразу ожил и снова кинулся на Алису. Бывают такие собачонки. Вроде ты ей все объяснил и она уже поджала хвост, но стоит тебе повернуться к ней спиной, как она в бешенстве кидается, чтобы схватить тебя за пятку.

Но Алиса два раза на одну уловку не попадается.

Она успела отскочить.

Мальчонка стоял, расставив руки и согнув ноги, готовый прыгнуть. Глаза его сверкали отчаянным зловещим блеском. Он снова кинулся на Алису, и она опять отпрыгнула в сторону. Злости в этом мальчонке было хоть отбавляй, но вот спортом он никогда не занимался, и, конечно же, в ловкости ему с Алисой не сравниться.

Когда он кинулся на Алису в третий раз, она подставила ему ножку, и мальчишка растянулся во весь рост. Теперь-то уж Алиса его не жалела. Она поняла, что он мальчик-ловушка для случайного путника. И относится он к компании привидений.

Хитрец сообразил, что Алису ему в честном бою не одо-

леть, поэтому он кинулся на землю и принялся кататься по снегу и горько плакать.

— Ты меня избила! — кричал он. — Ты меня искалечила! Вот мой старший брат придет, он тебе покажет.

— И кто же такой, если не секрет, твой брат? И где он живет?

— Мой старший брат — великий волшебник! — заявил нищий мальчик. — Он живет в замке.

— А ты, несчастный врунишка, побираешься? И давно ты видел здесь прохожих?

— Давно, — ответил мальчик, — очень давно. И я сильно проголодался.

— Так чего же сидишь?

— Потому что жду девочку Алису. Я должен ее поймать.

— А потом?

— Раньше был приказ доставить ее в замок. А сегодня пришел новый приказ — если будет сопротивляться, ее можно убить!

— И кто же приказал?

— Меня не спрашивают, — ответил мальчик.

— И где же ты живешь? — спросила тогда Алиса.

— Я на кладбище, — быстро ответил мальчик, и Алиса подумала: снова врет!

Алиса потуже закуталась в простыню и включила подошвы.

Мальчик, который смотрел на нее с земли, спросил:

— Так ты Алиса или не Алиса?

— Я привидение! — откликнулась Алиса. — Неужели тебе это не понятно?

Она летела все выше, а снизу донесся голос мальчика:

— Чего же ты раньше не сказала! А я думал, что ты Алиса...

Алиса больше не слушала его. Она полетела левее.

Никто ее не преследовал, никто не обращал на нее внимания.

Снова набежали облака, и луна все чаще скрывалась за ними.

Сразу становилось совсем темно, и Алиса поднималась повыше, чтобы не задеть вершины деревьев.

Она миновала развалины городка, покинутого жителями.

Некоторые дома еще стояли совсем целые, у других провалились крыши или упали стены. Летучая мышь поднялась с

развалин и погналась было за Алисой, но, не долетев до нее, повернула обратно, крикнув:

— Извини, я тебя за девочку Алису приняла, а ты, оказывается, одна из наших!

«Чего же они так стараются, так хотят меня поймать? — удивилась Алиса. — Ничего плохого я им не делала и всего-то везу Пашке теплые вещи. А можно подумать, что обо мне чуть ли не каждое второе чудовище уже знает. Даже драконы!»

Вот и городское кладбище.

Тут Алиса взяла еще повыше. Ведь если здесь мертвяки всю страну завоевали, можно представить, что они творят на кладбище! Если спустишься, тут же разорвут.

Сверху Алисе показалось, что при ее приближении стали двигаться каменные плиты, из-под них вылезали руки скелетов, но, может, это показалось с перепугу — ведь Алиса летела высоко, а луна зашла.

И вот впереди показались стены и башни замка, который венчал собой пологую гору, поросшую вековыми елями. Ели стояли тесно, так что холм был похож на спину ежа.

Сам замок был сложен из плит светлого камня и поэтому казался призрачным. Железные ворота были закрыты, стены — высокие, по углам поднимались круглые башни, а в центре стояла главная толстая и высокая башня с узкими окнами. В некоторых поблескивал свет. Алиса знала, что такая башня называется донжон.

Сомнений не оставалось. Это был замок Кросскан, захваченный привидениями графа Дракулы.

Путешествие Алисы закончилось.

Глава 11

ЖИТЕЛИ ЗАМКА КРОССКАН

Ворота в замок были закрыты, и Алиса предпочла подняться повыше и перелететь через стену. Зачем стучаться в ворота замка, где тебя ждут не только друзья?

Алиса надеялась, что ее не заметят. Было уже совсем темно. Луна спряталась, снова пошел снег, правда, не такой густой, как прежде.

Алиса поднималась все выше, вот зубцы крепостной стены остались внизу, и ее глазам открылся двор замка, освещенный

факелами. Двор замка был очень велик, в половину футбольного поля. Он был занесен снегом, но не весь: по краям его, в тени стен и башен, рядами тянулись хижины — видно, окрестные жители скрывались в них от непогоды или вражьих набегов.

Алиса медленно кружила над двором замка, стараясь понять, живет ли кто-нибудь в этих хижинах.

Казалось, что там есть люди — снизу доносились голоса, стоны, бормотание, но ни в одной из хижин не горел свет, из труб не поднимался дым, да и не было видно тропинок или дорожек в снегу, словно обитатели хижин сидели дома и не смели высунуть носа на мороз.

Алиса не заметила, как рядом с ней появилась большая сова, ростом с немецкую овчарку.

— Пароль! — просвистела сова.

Алиса не стала ей отвечать — что бы ни ответила, все равно ошибешься. Вместо этого она приказала подошвам нести ее вниз и ухнула к самой высокой башне скорее, чем сова успела спуститься за ней.

На верхушке башни был люк, от которого вниз вели ступеньки.

Алиса прыгнула к люку и побежала вниз по каменной лестнице. Лестница была узкой, она жалась изнутри к каменным стенам башни.

Сова громко захлопала крыльями, крикнула что-то неразборчиво, но внутрь башни сунуться не посмела.

Алиса понимала, что если сова служит в замке часовым, то она обязательно сейчас доложит своему начальству, что видела подозрительное привидение в белой простыне, летающее, но не желающее сообщить пароль.

Ах, как жаль, что у Алисы нет шапочки-невидимки. Когда-то была, но она сдала ее в музей, потому что эта шапка соткана из невидимого растения, растущего на планете Блайвау. Там такие растения встречаются очень редко. Они стоят в степи и поджидают пролетающих мимо птиц. Те попадаются в колючие, гибкие, упругие ветви, как в паутину, и растение, задушив птичку, пьет ее соки. Со стороны совсем непонятно, что происходит. Почему птичка бьется в воздухе, когда рядом нет никаких врагов? Из волокон такого растения и была соткана шапка-невидимка, которая досталась Алисе совершенно случайно на ярмарке возле города Палапутра на планете Блук. Тогда Алиса была еще совсем ребенком, но, честно говоря, шапка-невидимка здорово помогла Алисе в ее приключениях. А вот когда они с папой вернулись домой, папа сказал, что такой редкой и ценной вещи место в музее, потому что если ее не сдать в музей, то шапка-невидимка быстро износится. Он сам еще относительно недавно был школьником и знал, сколько всяких шалостей можно сотворить в школе с помощью шапки-невидимки. Алиса вздохнула и послушалась папу. Она всегда его слушалась, если думала, что он прав.

Жалея о шапке-невидимке, Алиса спускалась по лестнице в башню. На верхних этажах никого не было. Там валялись сломанные стулья, дырявые тазы и мятые кастрюли, стояли покосившиеся кровати без матрацев — люди хранили там ненужные вещи, которые было жалко выкинуть.

Алиса миновала три этажа.

Перед спуском на нижний этаж она остановилась, потому что снизу пробивался свет. И слышались голоса.

Алиса подошла к отверстию в полу, от которого вниз вела лестница, и, присев на краю, заглянула вниз.

Она увидела большой круглый зал, занимавший нижний этаж центральной башни. Зал был кое-как освещен факелами, которые торчали из железных колец, укрепленных в стенах меж каменных глыб.

В зале было два стола. Один длинный, видно письменный, заваленный бумагами, книгами и пергаментными свитками, стоял у камина, над которым был прибит щит с гербом — рыцарская рука с обломанным мечом. Второй стол, круглый, столовый, стоял посреди башни.

На стенах висели неприятные картины: тщательно выписанные изображения всевозможных чудовищ: привидений, драконов, вампиров, ведьм, а также воронов, филинов, черных котов и бурых жаб.

Вокруг обеденного стола, на котором стояли бутылки и кувшины с напитками, на стульях с высокими спинками сидели несколько человек. Все они были Алисе знакомы.

Ближе всех к Алисе сидел человек, похожий на белого ворона. У него был длинный, как клюв, розовый нос и ежик белых волос на голове. Конечно же, это граф Дракула!

В соседнем кресле расположился лысый длиннорукий человек, головка тыквочкой, одетый в обычный мужской костюм, поверх которого было надето широкое пальто. Это был профессор Гоц.

Третьей персоной за столом была маленькая красивая

женщина средних лет в длинной горностаевой шубе, похожей на королевскую мантию. Высокий твердый воротник подпирал подбородок женщины, ее голова в маленькой круглой меховой шапочке была поднята, подбородок торчал вперед, и оттого она казалась ужасно гордой и даже спесивой. Алиса эту женщину видела в городе. Называли ее маркизой. Четвертого человека за столом Алиса отлично знала. Это был, разумеется, Пашка Гераскин. Чтобы не мерзнуть в холодном зале, он разыскал где-то старую кожаную курточку, а горло обмотал полотенцем. Алисе стало жалко Пашку, и она уже готова была спуститься вниз и сказать ему, что в рюкзаке лежит его настоящая зимняя куртка с обогревом. Но что-то ее заставило замереть у лестницы.

Если бы Алиса не добиралась сюда с таким трудом и через такие испытания, если бы не знала, что граф Дракула велел ее поймать, она бы вела себя иначе.

Алиса стояла, склонившись над люком в полу второго этажа, и глядела вниз. Ей был отлично слышен разговор, который вели люди внизу. И Алиса решила, что постоит здесь немного, может быть минут пять, и послушает, о чем идет речь.

Граф Дракула налил себе в бокал из кувшина и сказал:

— Немного осталось ждать, немного. Мы ждем твою подругу с минуты на минуту.

— А я уже волнуюсь, — сказал Пашка.

— Скоро она будет, очень скоро. Я послал ей навстречу верных драконов.

— Только не испугайте ее, пожалуйста, — попросил Пашка.

— Чтобы я посмел поднять палец на саму Алису Селезневу?! Да никогда! — возмутился граф. — Ты меня оскорбляешь, мой друг Гераскин.

— Послушайте, граф, — трескучим голосом сказала маркиза, — а вы уверены, что Алису не перехватят ваши враги?

— Все в порядке, — ответил граф-ворон. — Мои привидения ее не пропустят.

— Я тоже с нетерпением жду Алисочку, — сказал длиннорукий человек в пальто. — У меня руки связаны без микроскопа! Какая жалость, что я слишком торопился!

— Мы с уважением относимся к вашим исследованиям, профессор Гоц, — сказал граф Дракула и задумчиво покачал носом, словно хотел клюнуть профессора. — Мы желаем узнать, из чего сделаны привидения.

— Скорее бы, скорее! — Маркиза потерла руки, словно ожора, увидевший, как несут кастрюлю с борщом. И Алиса подумала, что эта женщина — притворщица.

— Не дождусь! — воскликнул Пашка. — Мы с Алисой тут же полетим в Дикие горы.

— С минуты на минуту, Пашенька, — сказал Дракула. — А потом ты отвезешь меня в гости к себе.

Он для всех находил доброе слово, всем улыбался, но Алиса остерегалась его даже на расстоянии. Неужели Пашка и Гоц не чувствуют опасности? Конечно, они не знают, сколько горя Дракула принес людям, но надо же чувствовать!

А что ей самой делать?

Спрятаться где-нибудь в замке, а потом тихонько отыскать Пашку и все рассказать?

Но где спрятаться, как выследить Пашку?

Алиса так задумалась, что не услышала, как кто-то подошел совсем близко. В последний момент она вскочила и прижалась спиной к стене.

В свете редких факелов Алиса увидела, что сверху спускается скелет. Деваться Алисе было некуда.

У Алисы было три секунды на размышление.

И она решилась.

Она сбросила простыню, взяла в руку рюкзак и, ничем не показывая, что волнуется, пошла вниз по каменной лестнице.

Она спустилась в нижний зал, и только тогда ее заметили.

Первым ее увидел Пашка.

— Ур-ра! — закричал он, вскакивая со стула и кидаясь к Алисе. — Я же знал, что ты к нам прорвешься! Не может быть, чтобы Алиса не пришла на помощь к друзьям.

— Алиса? — Граф Дракула выпрямился, как складной нож. — Этого быть не может! Кто допустил?

Еще больше разозлилась гордая маркиза.

— Где мой пистолет? — закричала она. — Я убью этого обманщика Дракулу!

Маркиза хлопала себя по бокам, но пистолета не находила. Она совершенно потеряла рассудок.

— Ты же мне обещал! Ты же здоровьем мамы поклялся, что она сюда не придет! — кричала гордая дама. Ее жесты, ужимки и прыжки были знакомы Алисе. Но кого же она ей напоминала?

— Моя мама давно померла, — ответил граф Дракула. — Ты поменьше верь моим клятвам. Я же негодяй!

— Но между своими... нельзя же так!

— Ее уничтожить никогда не поздно, — сказал граф Дракула. — Так что ты, маркиза, не беспокойся. Мне сейчас важнее понять, как она сюда попала и кто ей помог! Я думал, что меня вся планета боится. Но, оказывается, кто-то не боится. И это мне не нравится. Придется Алису пытать. А я так не люблю пытать девочек...

— Вы все сказали? — спросил Пашка, который держал Алису за руку. — Теперь давайте я вам кое-что скажу. Меня очень удивляет ваше поведение, граф Дракула. Зачем вы мне клялись, что сделаете все, чтобы Алиса нас нашла? Почему изображали из себя доброго человека и ученого? Говорите правду, иначе я приму меры!

— Ха-ха-ха! — затряслась от хохота маркиза. — Этот клопик хочет нас учить! Да я его растерзаю!

— И не мечтай, — ответил Дракула. — Эти людишки мне нужны. Без них мне трудно будет осуществить мои великие планы.

— А нам нужна Алиса! — бушевал Пашка. — И только попробуйте тронуть моего друга! Я весь ваш замок разнесу!

Маркиза снова засмеялась, правда, не очень громко.

— Вам придется убить нас всех! — сказал Пашка. — Правда, Иона Ионович?

Профессор Гоц, который сидел в глубокой задумчивости, расчесывая три волоса на макушке, сообразил, в чем дело, и сказал:

— Я полностью солидарен с Павлом Гераскиным. Немедленно отпустите девочку!

— Интересное кино! — возмутилась гордая маркиза. — Я-то думала, что он только о своих микробах умеет думать. А он нам угрожает!

Профессор отвернулся от маркизы и спросил у Алисы:

— Прости, девочка, привезла ли ты электронный микроскоп?

— Я выполнила все просьбы Пашки, — сообщила Алиса.

— Еще бы! — сказал Пашка. — Я же на тебя надеялся.

Гордая маркиза оттащила высокого негнущегося Дракулу в сторону. Она что-то шептала ему, уговаривала, даже повизгивала от нетерпения и притопывала красной туфелькой.

Дракула глубоко вздыхал и думал.

Алиса тем временем вытащила из рюкзака теплый костюм для Пашки, коробку с электронным микроскопом и футляр с хирургическими инструментами для профессора.

— У вас есть лаборатория? — спросила она.

— Нам обещали ее выделить, — сказал профессор. — Иначе где я поставлю микроскоп?

Профессор приоткрыл коробку и проверил, правильно ли исполнила его просьбу Алиса.

— Ты не бойся, Алиска, — сказал Пашка, — мы тебя в обиду не дадим. Да и вообще это все шутка. Они славные ребята. Дракула командует привидениями, а маркиза просто веселая, ты ее полюбишь. Ее зовут Жанна ля Мотт. А она велит звать ее попросту Жанной, представляешь, какая она демократичная?

— Тогда почему она так кричит? Почему хочет меня убить?

— Я полагаю, — сказал профессор Гоц, — что никто не собирается здесь вас убивать. Это все шутки.

— Шутки? — Алиса хотела было рассказать, как она сюда добиралась. И как узнала, что есть приказ ее убить.

Но тут Дракула кончил беседовать с маркизой Жанной и вернулся к своим гостям.

— Мне надо поговорить с Алисой один на один, — сказал он. — Так что все остальные свободны. Маркиза проводит вас в дом, где будет ваша лаборатория. Там ждите Алису.

— Дай-ка я сама с ней побеседую, — сказала маркиза.

— Жанночка, — попросил ее Дракула, — проводи гостей. Я жду тебя к ужину.

— Я тебе не верю, — сказала Жанна. — На самом деле ты не хочешь ее убивать. Если ты ее не убьешь, я сама ее убью. А то она все нам испортит.

— Я никогда и никого не убивал, — сказал Дракула. — Я очень добрый человек. Но жизнь заставляет... да, тяжелая жизнь заставляет быть жестоким.

Он взмахнул рукой, и тут сверху, из темного отверстия в потолке, влетела воронья стая. С громким карканьем вороны принялись кружиться над людьми.

Отбиваясь от галдящих птиц, Пашка с профессором выбежали из башни. Маркиза, подобрав юбки, поспешила за ними.

— Теперь, когда мы остались одни, Алиса, можем поговорить серьезно, — сказал Дракула.

Дракула отошел к очагу и остановился там. Алиса посмотрела на знакомый герб над дверью — на щите рыцарская рука, которая держит сломанный меч. Она вспомнила, что это герб герцогов Кросскан, но ей было интересно послушать, что скажет Дракула.

— Чей это герб? — спросила Алиса.

— Наш герб, дракуловский, фамильный, — ответил Дракула, задрав голову, чтобы лучше рассмотреть щит.

— Какой он необычный!

— Ясное дело — необычный. Мой предок Дракула Третий однажды встретился в лесу с драконом. Дракон как раз поймал прекрасную княжну Мойру, единственную племянницу владетеля Бланманже. Дракон положил девицу на траву и думал, то ли съесть ее, то ли на ней жениться.

— Неужели драконы женятся на девицах? — спросила Алиса.

— Когда девушки красивые, а драконы не очень большие, то чаще всего женятся. А если дракон большой, а девушка некрасивая, то, скорее всего, едят.

— И что же случилось потом?

— А потом мой предок Дракула Третий выхватил свой волшебный меч и ударил им дракона. Меч ударился о железную чешую и сломался, но дракон перепугался и улетел. Дракула Третий привел девушку в чувство, вернул ее родственникам, а сломанный меч стал основой нашего герба, потому что до того на нашем гербе был целый меч.

— А почему ваш предок не женился на Мойре?

— Потому что у него была жена и трое детей.

— А какой вы сам по счету? — спросила Алиса.

— У меня шестнадцатый номер. Официально я именуюсь Дракула Шестнадцатый.

— Ну вот, — произнесла Алиса. — Наконец-то вы правду сказали.

— А остальное было неправдой?

— Боюсь, что да, граф, — вздохнула Алиса, которая отлично помнила рассказ о гербе, который слышала от герцога Франсуа и слуги Ганса.

— Ты плохо воспитана, Алиса, — сказал Дракула. — Но дело не в этом. Садись. Камин совсем погас.

Дракула хлопнул в ладоши. Послышались частые шажки, и по лестнице сверху сбежали на задних лапах гигантские белые крысы, каждая ростом со свинью. Они держали в лапах факелы. И улыбались, поводя усами.

— Ну и народец у вас, — сказала Алиса. — Предупредили бы, а то и испугаться недолго.

— А я думал, что ты любишь животных, — криво ухмыльнулся Дракула. Он так надеялся, что Алиса перепугается, но ошибся.

— Люблю, — согласилась Алиса. — Но обыкновенных.

— Обыкновенных животных не бывает, — возразил Дракула. — Проходи, проходи, не укусят. Они у меня смирные.

По знаку Дракулы крысы разожгли очаг и отошли к двери.

Низкий сводчатый потолок был покрыт сажей от свечей и факелов. Окошки, совсем маленькие, помещались под потолком. Дракула прошел за стол и уселся на стул. Алиса стояла по другую сторону стола.

— Теперь, — сказал Дракула, — давай поговорим откровенно.

— Давайте, — согласилась Алиса.

— Признаюсь, что я приказал тебя убить.

— Я знаю.

— И знаешь почему?

— Нет, не знаю.

— Меня умоляла об этом маркиза Жанна ля Мотт.

— Почему? — удивилась Алиса.

— А вот это ты мне скажи, — ответил граф Дракула. — Маркиза — моя подруга, но истина дороже.

Крысы внимательно смотрели на Алису и улыбались. Какой противный этот Дракула, и друзья у него такие же! И верить ему не хочется.

Он обманывает, хитрит, даже говорит добреньким голосом, но забыл о том, что нормальный хозяин, если хочет поговорить с гостем, обязательно предложит ему стул, тем более если его гость — девочка, которая страшно устала. Но Алиса и виду не подала, а вежливо ответила:

— Давайте говорить откровенно.

— Тогда открой мне первый секрет. Как ты до меня добралась?

— С трудом, — честно ответила Алиса.

— Ты не должна была добраться! Все мои слуги ловили тебя!

— Это было отвратительно! — сказала Алиса.

— Почему же ты не вернулась?

— Но я обещала Пашке привезти теплые вещи, — серьезно ответила Алиса, глядя на Дракулу в упор и делая вид, что она не очень умная девочка.

— И поэтому ты не испугалась драконов?

— Нет, я испугалась драконов!

— Кто тебе достал билет на поезд? И не пытайся меня об-

мануть! Я все знаю, у меня везде шпионы. Это был герцог? Этот проклятый Франсуа?

— К сожалению, я не могу вам ответить, — сказала Алиса.

— Ты ответишь! — Графа Дракулу охватил страшный гнев. — Я тебя растерзаю! От тебя одни уши останутся.

— Терзайте, — согласилась Алиса.

Не думайте, что она не боялась этого сумасшедшего графа. Как можно такого не бояться! Но ей казалось, что всё вокруг как бы понарошку. Даже крысы у дверей, которые подошли поближе и сидят, как сурки, на задних лапах, держа в передних факелы, тоже ненастоящие.

Дракула еще немного пошумел, потопал сапогами, но вдруг спросил обыкновенным голосом:

— Кто тебе помог из поезда удрать? Кто? Молчишь? А я вот узнаю! А кто тебе помог от поезда до моего замка добраться? Молчишь? А мы и это узнаем. У меня везде есть шпионы — все небо, вся земля меня слушаются. Даже под землей гномы и кроты на меня работают!

— Господин Дракула, — сказала Алиса, — если вы не знаете, как я сюда добралась, значит, ваши шпионы — барахло.

— Что-о-о? Что она мне говорит! Что ты понимаешь, пигалица, в шпионаже?

— А раз вы все знаете, зачем меня спрашивать? — сказала Алиса.

Одна из крыс положила факел на пол и зааплодировала белыми лапками.

— Немедленно прекратить! — завопил Дракула. — Подними факел! Ты кому хлопаешь?

Он выхватил шпагу и попытался проткнуть крысу. Та взвизгнула и кинулась наутек. Вторая, прежде чем последовать примеру подруги, умудрилась ткнуть Дракуле в лицо факелом, отчего кончик его носа почернел, а Дракула стал бить себя по носу, прыгать и ругаться. Глаза его злобно сверкали.

Наконец он пришел в себя.

— Девочка, — сказал он хриплым голосом, — никогда не суди о сильных мира сего по их слабостям. Да, у меня бывают глупые слуги. Но их накажут.

— У-у-ух! — послышалось в ответ, и появившаяся из темного угла сова вылетела в дверь.

— Хорошо, Алиса, — продолжал Дракула. — Забудем прошлое. Я и без тебя узнаю, кто тебе помог, и накажу этих помощников. У тебя же теперь есть выбор. Ты можешь стать

моей союзницей, помочь мне, подружиться со мной. А можешь погибнуть.

— Спасибо за такой выбор, — сказала Алиса. — А что значит дружба с Дракулой?

— Молодец, что так быстро соображаешь. Тогда и я буду с тобой откровенен. Я овладел всей этой страной. Мне подчиняются все привидения, оборотни, вампиры, гномы, водяные, ведьмы и живые скелеты. От меня нет тайн. Стаи драконов и воронья могут растерзать любого врага. Мой старый враг герцог Франсуа жив только потому, что я его жалею. Власть моя беспредельна!

— Так чего же вам еще надо? — спросила Алиса.

— Мне нужна твоя Земля, — сказал Дракула. — Я не могу остановиться. Потому что я страшный тиран и типичный завоеватель. Как только я покорю одну страну, мне приходится покорять следующую. Если их не покорять, то они все восстанут, и мне придет конец. Но, к счастью, нет предела моему могуществу.

— Так и завоевывайте, — сказала Алиса. — Зачем вам моя дружба?

— Труднее всего сделать первый шаг. Мне нужно проникнуть в твою Москву и установить там секретную базу. Оттуда я начну свои нападения... Ах, как славно! — Дракула даже подпрыгнул от радости. Он был похож на белого ворона с черным клювом.

Стукнув кулаком по столу, Дракула стал метаться вокруг стола, будто гонялся за тараканом.

— Мне нужны союзники, — заявил он. — Кто-то должен помочь привидениям и драконам вылезти из сундука, поселиться в тайном безопасном месте, накопить силы... ну как тут обойдешься без помощников? Вам с Пашей и профессором Гоцем придется взять на себя эту задачу. За это я вам обещаю что угодно. Хочешь стать министром? Хочешь быть начальником тюрьмы? Хочешь стать директором зоопарка и мучить всех животных? Ну скажи, чего ты хочешь?

— Пожалуй, я ничего не хочу, — сказала Алиса.

— Тогда моя подруга маркиза Жанна права, — вздохнул граф Дракула. — Обойдемся без твоей помощи. Нам хватит Пашки и профессора. А для того чтобы ты их не испортила, мы тебя убьем прямо здесь!

— А они согласны вам помогать? — спросила Алиса.

— Почти-почти, — ответил Дракула.

Тут отворилась дверь, и показался Пашка Гераскин.

— Ну вот, — сказал он с облегчением. — Вы здесь. А то я уж стал беспокоиться за Алису.

— Спасибо, Пашенька, что ты пришел. Значит, тебя еще не до конца здесь испортили, — сказала Алиса.

— А разве меня можно испортить? — удивился Пашка.

— Вот видите, — повернулась к Дракуле Алиса, — Пашку испортить невозможно.

— Конечно, невозможно, — заговорил Дракула сладким голосом. — Пашенька — мой дружок, и его никто не испортит.

— Спасибо, — сказал Пашка. — Мне нужна Алиса. Можно, она пойдет со мной?

Дракула с сожалением посмотрел на свою шпагу и сказал:

— Идите, дети, и помните, что через полчаса ужин. Чтобы не опаздывать.

Пашка взял Алису за руку и потянул наружу.

— Спасибо, Пашка, — сказала Алиса, — а то он уже приготовился меня убить.

— Ты ошибаешься, — возразил Пашка. — Дракула — хороший парень. Кстати, профессор ждет привидения для исследования.

— После ужина! — крикнул вслед им граф.

Глава 12

УЖИН В ЗАМКЕ

Опять пошел снег. Но не сильный. По углам замкового двора горели фонари.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Какой ужас!

— Что случилось? — удивился Пашка.

Алиса выбежала на середину двора. На длинной перекладине между двумя столбами в двух петлях покачивались под ветром тела больших белых крыс.

— Он их убил! — произнесла Алиса. — Он приказал их убить.

— Ты что, Алиса, крыс пожалела? — удивился Пашка. — Да что эту нечисть жалеть! Правильно Дракула делает, что их уничтожает, а то они все сожрут.

— Это не обыкновенные крысы, — возразила Алиса. — Они пожалели меня.

Сзади раздался воркующий голос:

— Так будет с каждым, кто не послушается приказов великого вождя и доктора черной магии графа Дракулы Шестнадцатого.

Алиса быстро обернулась и увидела, что сзади стоит маркиза Жанна ля Мотт. Задрав длинную юбку, маркиза достала из голенища сапога плоскую бутылку и, отвинтив пробку, запрокинула прекрасную фарфоровую головку. Маркиза пила из горлышка, как последний пьяница.

— Алисочка, не преувеличивай, — засмеялся Пашка. — Здесь все такие милые. И Дракула совсем нестрашный. Он вместе с нами будет изучать привидения.

— Вот это правильно, — сказала маркиза и похлопала Алису по плечу тонкой рукой в красной кожаной перчатке. — И учти, что никуда ты от нас не уйдешь. Мы ведь добрые, как считает Пашка, и будем играть с тобой в веселые игры.

Она снова отхлебнула из горлышка.

— Жанна, — сказал Пашка, — перестаньте пить, граф будет недоволен.

— А ты ему не скажешь, лапулечка, — захохотала маркиза.

Алиса могла поклясться, что знает маркизу. Но откуда? Почему?

— Я скажу, я скажу! — закричал сверху ворон.

— Ах ты, птичья кровь! — завопила маркиза и кинула в птицу своей бутылкой.

Сверху полился спирт, и в воздухе запахло больницей.

Паша провел Алису в соседний дом, прижавшийся задней стенкой к стене замка. Маркиза Жанна шла за ними и громко ругала ворон.

Внутри в небольшой полутемной комнате за грубо оструганным столом сидел профессор Гоц. На столе стоял электронный микроскоп и лежали инструменты для изучения привидений. Профессор услышал, как входят Алиса с Пашкой, и радостно воскликнул:

— Ну как, скоро мне приведут привидение?

— Успеешь, дедуля, — сказала маркиза Жанна. — Хочешь выпить?

«Ну откуда я знаю эту маркизу? — мучилась Алиса. — Точно встречала. Только в другом виде».

— После ужина. Так обещал граф Дракула, — сказал Пашка.

— Это точно, — сказала Жанна. Она уселась на табурет и положила на стол ноги в сапогах со шпорами.

Потом откинула голову назад и сразу захрапела.

— Опять весь спирт выпила, — вздохнул профессор. — Мне же граф Дракула выдал бутыль для опытов, а она ее утащила и выпила. Ох как трудно работать в таких условиях!

Никто ему не ответил. Алиса оглянулась на спящую Жанну и решила, что маркиза не услышит.

— Пашка, — спросила она тихонько у своего друга, — что тебе обещал граф Дракула?

— Ничего не обещал. Мы с ним дружески сотрудничаем.

— Он собирается к нам на Землю?

— Конечно, собирается, — ответил Пашка. — Он хочет показать нашим ученым своих чудовищ. Ведь он их выводил здесь генетически. Это очень интересно.

— Это замечательное открытие! — подтвердил профессор Гоц. — Граф Дракула прославится у нас на Земле. Мы обязательно поможем ему перевезти на Землю своих питомцев.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Вас обманули. Не нужны графу Дракуле ваши научные опыты. Он хочет завоевать Землю.

— Зачем? — удивился профессор Гоц. — Это нелогично! Ученые не бывают завоевателями.

— Дракула не ученый!

— Девочка, — возразил профессор Гоц, — не может быть, чтобы дикая, отсталая страна сумела победить нашу великую Землю! Как? С помощью драконов?

— С помощью земных предателей, — ответила Алиса. — Или наивных людей, которые думают, что завоевателям и покорителям можно доверять.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил Пашка.

— Тебя, мой ангел, тебя, — вдруг проснулась маркиза Жанна. — И твоего дружка профессора. С вашей помощью мы перебросим на Землю передовые отряды драконов и привидений. Наш удар будет неожиданным и жестоким!

— Алиса, не верь ей! — закричал Пашка. — Никакие мы не предатели! Мы ничего не обещали.

— Но вы уже верите графу! А скоро он вас совсем запутает! — сказала Алиса.

— Если ты так будешь говорить, — возмутился Пашка, — то я тебе не друг!

— Именно этого Дракула и добивается, — едва ворочая языком, проговорила пьяная маркиза. — Вы все будете друг дружке не доверять. Сами себя... перебьете!

— Не выйдет! — рассердился профессор.

— А он сначала вашу жену возьмет в плен, — объяснила Жанна, — и ваших детишек посадит в подвал.

— Да помолчите же вы! — возмутился профессор. — Это сказка какая-то!

— Это страшная сказка, — ответила маркиза Жанна.

Тут дверь хлопнула, и внутрь комнаты ворвался снег.

На пороге стоял граф Дракула в черном плаще. Нос торчал, как меч, глаза горели, как угольки в печке.

— Поговорили, и хватит, — сказал он, схватил за шиворот маркизу Жанну ля Мотт и поднял. Затем приказал: — Собирайтесь на ужин. Стол накрыт в круглом зале главной башни. И чтобы без опозданий!

Он вытащил из комнаты Жанну, которая слабо сопротивлялась. Дверь хлопнула.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если приглашают, то надо идти.

— Ты считаешь, что я предатель! И я никуда не пойду! — заявил Пашка.

— Оставайся, — улыбнулась Алиса. — Я тебе чего-нибудь с ужина принесу.

— Не смейся надо мной!

— Тогда не принесу, — сказала Алиса и пошла наружу. Ей надоел этот детский сад.

Поднялся сильный ветер, мороз стал крепче. В некоторых хижинах вокруг двора поблескивали огоньки, словно там горели свечки.

Вдруг Алиса увидела два привидения. Они шли медленно, не обращая внимания на Алису, и одно за другим скрылись в одной из хижин.

«Зачем же привидениям дома? — подумала Алиса. — Они же живут в могилах!»

Вдруг Алиса споткнулась обо что-то.

В снегу цепочкой лежало несколько детских кубиков с буквами. Они составляли фразу:

НЕ ПЕЙ НИЧЕГО ИЗ ЧУЖИХ РУК

Алиса страшно обрадовалась, прочтя эту надпись. Она даже присела на корточки и, разгребая снег, погладила эти кубики. Только одно существо на всем свете могло отправить такое послание — приблудный волк Гаврюха. Милый, добрый, умный Гаврюха, который не потерялся, а нашел Алису!

Пашка догнал Алису и чуть не налетел на нее.

— Ты чего в снегу сидишь? — спросил он.

— Так, — ответила Алиса. — Отдыхаю.

Сначала она хотела сказать Пашке, что волк Гаврюха в замке, но потом прикусила язык. Пашке-то она доверяла, он был хорошим другом. Но, к сожалению, у Пашки был один злейший враг — его язык. Так что Алиса с Пашкой дружила, а с его языком не дружила.

— Чего же ты сидишь в темноте, на снегу...

Алиса быстро поднялась, ударила ногой по кубикам, и они откатились в сторону. Пашка даже не сообразил, что случилось.

— Я подошву укрепляла.

— «Пилата»? Он тебе не пригодится, — сказал Пашка. — Нам ничего не грозит.

— Это замечательно, что нам ничего не грозит, — согласилась Алиса. — И все-таки, если Дракула тебе будет предлагать что-нибудь пить, пожалуйста, воздержись.

— Ах, Алиса, — отмахнулся Пашка, — брось играть в детские игры. Мы с тобой не в логове пиратов, а в гостях в самом обыкновенном замке, в самом обыкновенном параллельном мире. Мы прилетели сюда изучать самые обыкновенные привидения.

— Отлично, — ответила Алиса. — И когда же начнем?

Пашка не почувствовал подвоха в вопросе.

— Завтра с утра нам приведут привидение, и мы начнем делать анализы.

— Эту ночь нам еще надо прожить, — сказала Алиса.

Пашке надоело спорить с Алисой, и он пошел вперед, к главной башне.

Алиса оглянулась. Где-то здесь неподалеку прячется ее чудесный волк! Какое счастье, что ты не одна! Ведь Пашка, к сожалению, не защитник.

Но Алиса никого не увидела. Она пошла вперед к приоткрытой двери в круглую башню.

Зал был освещен. Не ярко, но ярче, чем другие комнаты в ночном замке.

Точно посреди башни слуги поставили большой круглый стол без скатерти. На нем тесно стояли всевозможные блюда и напитки. В центре возлежал поросенок, отдыхающий на блюде, рядом возвышался приготовленный целиком павлин, а на продолговатом блюде таращился сом. Вокруг громоздились

миски и плошки с салатами, капустой, грибами, тушеными баклажанами, картошкой и икрой. Между блюдами были втиснуты бутылки с вином и водкой, кувшины с квасом, лимонадом и даже банки с консервированным пивом.

Вокруг стола стояло пять стульев с высокими спинками.

Самая высокая спинка была у стула, на котором сидел граф Дракула.

Напротив него расположилась маркиза Жанна ля Мотт, которая успела переодеться и теперь была в розовом пуховом платье и обмахивалась веером из страусиных перьев. Ее голову украшала необычная прическа с локонами на верхушке, а к этим локонам, как к волнам, был прикреплен шпильками маленький корабль под шелковыми красными парусами.

Алису Дракула посадил справа от себя, Пашку — слева. На пятый стул уселся пришедший последним профессор Гоц.

Заиграл оркестр.

Алиса посмотрела в ту сторону. К стене башни был пристроен большой балкон, нависавший над столом.

На балконе сидело несколько чудищ — два скелета, привидение, ведьма, гном, гигантская крыса и что-то, похожее на жабу. Оркестранты играли на различных музыкальных инструментах.

Вдоль стен стояли слуги. Это тоже были привидения и различные уроды, облаченные в ливреи, с гербом герцога Франсуа Кросскана, который украл граф Дракула.

Скелет с хвостом, который торчал из-под ливреи, разливал по бокалам вино.

— Дорогие друзья, — произнес граф Дракула. — Мы собрались на этот скромный ужин, чтобы отметить приезд к нам дорогой гостьи, отважной девушки по имени Алиса. Ура!

Оркестр загремел, как будто начался последний и решительный бой.

Маркиза Жанна схватила бутылку с водкой и налила себе целый бокал.

Она заметила, что Алиса наблюдает за ней, и спросила:

— Что, уже и выпить человеку нельзя? Я заслужила такую честь... А ты не узнаёшь меня? Нет? Ну ладно, еще узнаешь! За твое здоровье, Алиса Селезнева! Можешь звать меня просто Жанной!

Алиса мучилась: ну откуда ей знакома эта Жанна? Знакомые движения, присказки, даже кашель знаком. Как будто они раньше встречались... И отгадка уже так близка!

— Что тебя мучает, Алиса? — захохотала вдруг маркиза. — Ломаешь свою беленькую головку? Ломай, ломай, ничего не выйдет! Ты меня раньше не видела и ничего не помнишь. Вспомнишь — погибнешь!

Граф Дракула был полностью занят едой. Он обсасывал каждую косточку, прожевывал каждый пирожок.

Маркиза Жанна ела быстро, жадно, но немного. Ей интереснее было выпить. А сколько в этой маленькой худенькой женщине помещалось водки и вина, человеку представить невозможно. При этом маркиза рассказывала глупые анекдоты, напевала давно забытые песенки и даже подмигивала Пашке, приговаривая:

— Ах ты, мой сообразительный! Ах ты, мой мягенький! Пойди сюда, я тебя съем! Ха-ха-ха!

Пашка был голоден. Он всегда голоден. Поэтому он положил на тарелку всего понемногу, а кое-чего помногу. В том числе гусиную ногу, копченый окорок, половину сома, не говоря уж о закусках и гарнире. Алиса не испугалась, потому что знала: Пашка обжора, но сколько бы ни ел, всегда останется таким же худым и голодным.

Профессор Гоц заткнул за ворот белую салфетку и начал быстро орудовать вилкой и ножом — он отрезал кусочки и мгновенно забрасывал их в рот. Профессор был очень серьезен и даже задумчив. Алиса решила, что, если бы сейчас у него над ухом выстрелили из пушки, профессор бы не заметил.

Дракула кидал вокруг настороженные взгляды, и Алиса понимала, что он только притворяется, что ест, а на самом деле планирует свои злодейства. И ей, Алисе, надо быть настороже, иначе съедят с потрохами, а маме скажут, что улетела в другую галактику.

«Дракула уже хотел меня убить, — думала Алиса, — только Пашка меня спас своим приходом». Если в самом деле этот Дракула и его маркиза хотят завоевать Землю с помощью привидений и всякой нечисти, то Пашка и профессор не помеха — их можно одурачить. Он их вокруг пальца обведет. А вот Алису он обвести не может. И вовсе не потому, что она особенно умная, — просто чем-то она им с маркизой очень опасна. Иначе почему они так разозлились, когда увидели, что Алиса все-таки прорвалась в замок?

«Но что же отличает меня от других людей?» — ломала себе голову Алиса.

Она вспомнила о предупреждении волка, которое тот составил из кубиков: «Не пей из чужих рук...»

Но Дракула и не собирается поить Алису. Он приказывает налить вина всем. Скелеты-слуги наклонились и каждому налили в бокал.

— Мне не надо, — сказала Алиса. — Я не пью вина.

— Девочке налейте лимонаду! — приказывает Дракула.

«А лимонад мне можно пить или нельзя?» И, как назло, некого спросить. А пить так хочется!

Алиса внимательно смотрела, как скелет наливал ей в бокал из кувшина. От скелета пахло землей. В череп вместо глаз были вставлены маленькие лампочки. Противно, просто ужасно! Но Алиса и это терпела.

— А теперь, — произнес Дракула, поднимая свой бокал, — я хочу сказать, что благодарен судьбе за то, что она привела ко мне в гости замечательных людей, ученых, путешественников, мыслителей — Гераскина, Гоца и Алису Селезневу. Они приехали к нам потому, что хотят помочь нашему великому делу. Только научный подход к нечистой силе поможет нам принести пользу человечеству.

— Слушайте, слушайте! — раздались крики.

Алиса в испуге обернулась и увидела, что в зал незаметно набились слуги, воины и помощники Дракулы — кого только не было там! Страшно даже во сне увидеть таких! А тут ты встречаешь их десятками, и совсем рядом. Удивительно, что все эти чудовища слушаются графа Дракулу, а не терзают его и гостей.

У Алисы все внутри сжалось. Пашка побледнел. Только профессор Гоц закричал от радости:

— Ах, сколько у вас экземпляров! Умоляю вас, господин граф! Завтра же выдайте мне несколько штук! Сбылась мечта моей жизни! Не зря я кричал на всех перекрестках Москвы, что привидения существуют. Мне не верили. Меня осыпали насмешками. Мне грозили антиалкогольной лечебницей. Но правда победила!

— Вот именно! — радостно поддержал профессора граф Дракула. — Мы с вами привезем в Москву всех моих детей! Всех моих уродиков и страшилок. Вы мне поможете?

— Разумеется! — кричал радостный профессор.

— И все смогут убедиться, — сказал граф, — что привидения существуют.

— Какое счастье! — закричал профессор и кинулся обниматься с Дракулой.

Дракула выставил перед собой ладонь, и профессор налетел на нее, как пароход на айсберг.

Пашка смотрел на Алису, и взгляд его был растерянным. Он уже сам не понимал, что хорошо, а что плохо. Конечно, приятно было стать ассистентом профессора, который открыл привидения и покажет их в Московском университете...

— Пашенька, — громко сказала Алиса, как бы угадав мысли друга, — а хорошо ли, если на Тверской улице в Москве будут летать драконы и сжигать маленьких детей?

— Алиса, что ты говоришь! — укоризненно произнес Дракула. — Я же тебя предупреждал — не мешай мне! Ты плохо кончишь.

— Поосторожней! — Пашка строго посмотрел на графа Дракулу. — Не смейте угрожать Алисе.

— Но ведь твоя Алиса клевещет! — закричал Дракула. — Неужели мои миленькие, добренькие, хорошенькие ведьмы и скелетики, мои крыски и привидения могут кому-нибудь повредить? Это че-пу-ха!

— А я не согласна! — вдруг заявила маркиза Жанна ля Мотт. Покачиваясь, она поднялась, держа в руке бокал, из которого выплескивалась на стол водка. — Наши привидения очень даже любят похулиганить. Мы всю Землю ограбим и запугаем, мы всех перебьем, а кого не перебьем, сделаем рабами! Да здравствует разбой!

Алиса измучилась, стараясь понять, кого ей так напоминает маркиза ля Мотт, ставшая похожей на крысу. Ее прическа растрепалась, парусный кораблик, который раньше увенчивал ее локоны, съехал вбок, будто собирался потонуть.

— Ну как, мои пташечки? — обратилась Жанна к привидениям. — Вы готовы к боям?

И все чудища, что набились в зал, стали кричать, шипеть и пускать искры.

— А ну, тишина! — рассердился граф Дракула. — Здесь командую только я!

Наступила тишина.

— Жанна, иди спать! — приказал Дракула. — Мы с Алисой выпьем на посошок.

Граф Дракула протянул руку с накрашенными длинными ногтями, схватил бокал, который стоял перед Алисой, и, по-

ставив его перед собой, начал наливать в него темную жидкость из стоявшего отдельно небольшого кувшина.

— Давай, Алисочка, попробуй моей наливочки. Я сам ее сделал. Я очень люблю сельское хозяйство...

Голос у Дракулы был ласковый, тихий, но глаза сверкали ненавистью. Не зря волк Гаврюха составил из кубиков предупреждение.

— Спасибо, — вежливо сказала Алиса. — Мне не хочется.

— Обижаешь, — сказал Дракула. — Ой как обижаешь!

— Пей, гадюка! — закричала маркиза Жанна. — Пришибу!

— Я, кажется, узнала тебя! Ты совсем не изменилась, — сказала Алиса, глядя в глаза маркизе. — А жалко, я так надеялась. Но, видно, горбатого могила исправит.

— Я не горбатая! — закричала маркиза, и тут корабль слетел с ее прически и грохнулся на пол.

Дракула не смотрел на свою сообщницу. Он кричал на Алису:

— Пей сейчас же!

Алиса взяла у него из рук бокал, Дракула хотел что-то сказать, но не успел, потому что Алиса со всего размаха плеснула из бокала в лицо графу. Тот схватился за глаза, а Алиса кинулась к двери.

— Держи ее! — закричала маркиза и попыталась догнать, но она была пьяна, и поэтому ноги ее не слушались. Зато все остальные привидения, скелеты и ведьмы кинулись следом за Алисой. Они бы догнали ее, хотя бы потому, что некоторые стояли совсем близко от двери, но Пашка Гераскин отважно пожертвовал собой — он упал на пол поперек двери, и преследователи Алисы один за другим попадали, спотыкаясь о Пашку. Они кричали, безумствовали, рычали, дрались и устроили такую пробку в двери, что Алиса успела выбежать на середину двора, разбежаться и включить свои гравиподошвы «Пилат». Они тут же вознесли ее вверх.

Она оглянулась — привидения выскакивали из башни и бегали, светясь, по снегу. Следом за Алисой поднималась стая воронья и филинов. Потом разогналась и взлетела ведьма в ступе. Преследователи мчались за Алисой, словно рой пчел, преследующий медведя, который неосторожно забрался в лесу в пчелиное дупло.

Алиса поняла, что в небе они ее быстро догонят, и, увидев перед собой лес, стала резко туда спускаться.

Вот она достигла вершин деревьев, ветви били ее по лицу

и по рукам. Алиса жмурилась, чтобы не повредить глаза. Сзади слышалось карканье, уханье филинов и треск ветвей, но Алиса поняла, что преследователей стало меньше. Вороны не могут летать среди густых ветвей, ведьма тоже отстала — остались лишь филины.

Алиса летела в самой гуще леса, огибая деревья и большие сучья, как слаломист обходит флажки.

Вскоре она вырвалась на поляну. Вдоль поляны бежал ручей, такой быстрый, что даже не замерзал, и над ним поднимался пар. Ручей вытекал из каменного завала... и тут Алиса увидела, что среди мшистых валунов мигнул огонек. Погас. Мигнул снова. Погас...

Алиса подумала, что хуже ей не будет. Надо надеяться, что этот огонек зажигают ее друзья.

Мало ли какие друзья могут быть у человека в чужом мире! Она затаится среди валунов, и филины ее потеряют.

Алиса сбавила скорость и влетела в проход между гигантскими валунами. И тут увидела вход в пещеру. Его было трудно сразу заметить.

Алиса втиснулась меж камней и услышала, как что-то громыхает рядом. Она обернулась. Черный занавес закрыл от глаз звездное небо.

Алиса догадалась, что кто-то привалил к входу в щель большой камень.

Потом раздался шепот:

— Тихо, замри! Они должны тебя потерять.

Снаружи слышались звуки, шорох крыльев... потом все стихло.

Глава 13

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

— Ну вот, — снова произнес голос. — Придется немного посидеть в темноте.

Голос был знаком, но Алиса не могла догадаться, кому же он принадлежит.

И тут ее руки коснулось что-то влажное и холодное. Это был нос волка. Алиса протянула руку, и ладонь сразу согрелась от густой теплой шерсти.

— Ой, мой миленький! — прошептала Алиса. — Мой дорогой волчище! Ты же меня сегодня уже спас.

— А он вас, госпожа, — откликнулся знакомый голос, — уже не раз спас и еще спасет.

— Кто это говорит? — спросила Алиса. — Голос как будто знакомый.

— Это же я, Ганс, неужто госпожа меня не узнала?

— Ты тоже пришел ко мне на помощь?

— Это точно, — сказал слуга герцога. — Мне господин его светлость говорит: нельзя оставлять девчонку одну. Хоть она и не очень благородных кровей, все равно бросать не положено. Вот я и поскакал на нашем последнем коне! Ты что молчишь, Алиса?

— Мне хочется плакать, — сказала Алиса. — Я думала, что мне уже конец пришел.

— Так не бывает, — сказал Ганс, — в сказках и всяких хороших историях героев не убивают. И мы с тобой еще победим.

— Мы вернемся в замок? Спасать Пашку?

— Твоему Пашке ничего не грозит, — сказал Ганс. — А нам надо отсидеться, пока тебя не перестанут искать. И тебе полезно поспать немного. Небось давно не спала?

— Давно.

— Прижимайся к своему волку и спи, — приказал Ганс.

Алиса попыталась возразить, что не хочет спать, но у теплого бока волка было так удобно и уютно, что она тут же задремала.

Проспала Алиса недолго. Волк зашевелился, убрал тяжелую лапу, которой обнимал Алису, и ткнулся в ее щеку холодным носом.

Алиса открыла глаза.

В расщелине меж двух скал, которые прислонились друг к дружке, как карты, составленные домиком, горел небольшой костер. Он почти не давал тепла, но на перекладине, положенной на рогульки, в котелке булькала вода.

— Сейчас чай будет, — сказал Ганс.

Его щекастая, обветренная физиономия казалась заспанной, голубые глазки заплыли.

— Только прости, — сказал он, — кружка у нас одна, пить будем по очереди. Но ты первая.

— Доброе утро! — сказала Алиса. — Я так рада, что вы меня нашли.

— Или ты нас нашла, — сказал Ганс. — Но это все равно.

— Главное, что я сбежала от этих негодяев!

— Но еще не все кончено, — сказал Ганс.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы должны выручить Пашку и профессора.

— И не только их.

— И не только их, — согласилась Алиса. — Хотя я совершенно не представляю, как мы это сделаем. Здесь нас всего трое, а их — штук сто.

Волк зарычал.

— Но у нас есть Алиса, — сказал Ганс. — Мне мой герцог Франсуа сказал: найди Алису, спаси Алису, охраняй Алису. Потому что только на нее наша надежда.

— Но почему мне все об этом говорят? — спросила Алиса. — Я же ничего особенного не знаю. Для меня все это такая же загадка, как и для вас.

— Если бы так, они бы тебя не боялись, — возразил Ганс. — А они тебя очень боятся.

— Привидения меня не боятся, — возразила Алиса, — и скелеты меня не боятся, и драконы меня совершенно не боятся.

— Я человек простой, — сказал Ганс, — я слуга господина герцога. Надо заметить, что последний слуга. И вот господин герцог меня послал — скачи, приказал он, к замку, у меня есть весточка от железнодорожников, что поезд попал в засаду, его окружили привидения, у них есть приказ взять Алису живой или мертвой. Именно Алису! Вот так сказал мой герцог и приказал немедленно скакать к замку. По дороге я догнал твоего друга Каниса.

— Разве тебя Канисом зовут? — спросила Алиса у волка.

Волк кивнул.

— Он же не простой волк, — сказал Ганс. — Канис — заколдованный племянник герцога. Он оборотень.

— Значит, ты можешь оборачиваться человеком? — спросила Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

— Нет, — ответил за него Ганс. — Канис не может обернуться человеком. Он попросту человек, заколдованный в волка.

— Кто же тебя заколдовал, мой милый? — спросила Алиса.

Волк ударил лапой по мешку с кубиками, висевшему у него на шее, но Ганс не дал ему заняться кубиками, а сказал за него:

— У нас все знают, что это сделал Дракула!

— Так откуда он взялся, ваш Дракула? Он настоящий граф?

— Никто не знает, граф он или извозчик, — ответил Ганс. — Но он, к сожалению, настоящий волшебник. И притом злобный волшебник. Он появился всего-навсего в прошлом году. Вдруг в нашем замке стали появляться привидения! Над замком летали драконы и вампиры. Сначала их было немного, и они разбойничали в горных деревеньках. Похищали там скот, овец и коров, крали детей.

— Неужели это правда?

— Для них нет ничего святого.

— И что же они делали с детьми?

Ганс ответил не сразу. Потом глубоко вздохнул и произнес:

— Этого нельзя говорить девочкам, чтобы их не пугать...

— Меня уже ничем не испугаешь, — ответила Алиса. — Я за вчерашний день пережила больше, чем за всю жизнь.

— Я скажу тебе правду, — сказал Ганс. — Никто никогда больше не видел детей, которых украли привидения. Этих детей съели...

— Ой, не может быть!

— Все может быть в нашем страшном мире! Рассказывать дальше или ты будешь плакать?

— Я не буду плакать, — сказала Алиса, — рассказывай.

— Никто из детей не вернулся домой, — произнес Ганс. — И этим все сказано. Родители искали привидения, даже гонялись за ними и старались убить... Но ничего из этого не выходило. И вот люди стали уходить из деревень, перебираться в города, затем в один несчастный день, когда мой герцог поехал в путешествие, чтобы открыть Северный полюс, а в замке оставался только сторож, привидения напали на замок и захватили его. Вот тогда-то люди узнали о графе Дракуле, который заявил, что его род владеет этим замком уже тысячу лет, что он знать не знает никакого герцога. И нашему господину Франсуа, открывшему Северный полюс, пришлось штурмовать собственный замок. Надо сказать, что бой был что надо! Но нас разгромили! Мы отступили, нас осталось только трое! Мы погибли бы, но железнодорожники помогли нам сбежать на почтовом поезде.

Ганс вздохнул и закончил свой рассказ:

— К сожалению, этим все не кончилось. С каждым днем в нашей стране все больше привидений и скелетов! Уже покоре-

ны города, уже детей не выпускают играть и гулять — люди после наступления темноты не смеют выйти на улицу... О горе! Зачем только я на свет родился!

Алисе было очень горько слушать этот рассказ.

Но тут совсем рядом она услышала постукивание. И увидела, что волк составляет надпись из кубиков.

Тем временем Ганс налил в свою кружку горячего чая и протянул Алисе.

Ах, как славно было выпить чаю, хоть и без сахара! В жизни ничего более вкусного Алисе пить не приходилось.

Обжигаясь горячим душистым напитком, Алиса поглядывала, какую фразу составляет из кубиков приблудный волк.

А он выложил кубиками вот что:

КАКОЙ СЕКРЕТ ТЫ ЗНАЕШЬ

Алиса не поняла:

— Я не знаю никакого секрета.

— Канис прав, — сказал Ганс. — Я человек простой и необразованный, всего три класса кончил, хоть и с отличием, я тоже думаю, что ты, Алиса, знаешь какой-то секрет. И если ты сообразишь, что это за секрет, может, мы победим наконец эту банду!

— Я не знаю, как бороться с волшебниками! Совершенно не представляю.

Волк вскочил и стал принюхиваться.

Ганс тоже поднялся.

— Что-то неладно, — сказал он.

Алиса ничего не слышала.

— Ты никого не ждешь? — спросил Ганс у Алисы.

— Нет.

Волк выскользнул из расщелины и помчался, сливаясь со снегом, к лесу.

В лесу стояла тишина, слышно было, как комья снега падают с ветвей на землю, как поскрипывают ветки, сжимаясь от мороза.

Издалека донесся отчаянный крик. Кто-то звал на помощь.

— Может, Пашка? — спросила Алиса.

— Нет, — ответил Ганс. — Твой Пашка сейчас сидит в замке, как королевич. Он Дракуле нужен. Они же с маркизой всю нашу землю обобрали, им не терпится скорее к вам перекинуться и вас тоже пограбить.

— Но у нас развитая техника.

— Ой, не знаю, как справится твоя техника с призраками! — вздохнул Ганс. — Когда люди перепуганы, им ничего не поможет.

— Ваши железнодорожники не испугались.

— Они тоже испугались! Только стараются виду не показать, — сказал Ганс. — Их уже мало осталось. Не сегодня-завтра последний поезд пройдет, и наступит тогда у нас полное господство этого волшебства.

Ганс говорил, но прислушивался к шорохам леса.

Все было тихо. Но волк не возвращался.

— Что-то страшное случилось? — спросила Алиса.

Костер уже почти погас, снаружи дул ветер и летел снег. Стоял серый холодный рассвет.

— Надо возвращаться в замок, — сказала Алиса. — Пашка такой невоздержанный. Увидит, что меня нет, начнет искать, воевать, а Дракула ведь никого не жалеет.

— У него нет чувства жалости, — согласился Ганс. — Говорят, он раньше в этих местах разбойником был, грабил проезжающие кареты. Потом его банду стражники разогнали, он где-то скрывался... а снова появился уже графом. Но, может, врут люди, ты как думаешь?

— А откуда взялась эта маркиза? — спросила Алиса. — Что ты знаешь о маркизе Жанне?

— Никто о ней ничего не знает. Приехала неизвестно откуда, живет вместе с графом, с утра до вечера водку пьет. Совершенно бессовестная госпожа.

— Мне кажется, что я ее знаю, — сказала Алиса. — И она меня знает.

— Ого! — воскликнул Ганс. — Думай, Алисочка, думай! Может быть, в этой маркизе вся загадка?

— Только я ее не как маркизу знаю...

— Может, как графиню? Как герцогиню?

— Нет... близко, совсем близко, а не могу ухватить! — призналась Алиса. — Мне бы с ней еще немного поговорить, я бы догадалась!

Алиса поднялась.

— Что же наш волк не возвращается?

— Я сам опасаюсь, — сказал Ганс.

— Пошли его искать?

— Ну как мы пойдем? — спросил Ганс. — Лес полон графских птиц и ведьм. Как от них скроешься?

— А как же вы думали в замок проникнуть?

— А мы собирались подземным ходом пробраться, — ответил Ганс. — Тебя найти и спасти.

— А мы не можем?

— Можем-то можем, но как до замка дойти?

— Но волк туда ходил! Он мне записку оставил, чтобы я из чужих рук не пила. Почему?

— Потому, что Дракула решил тебя отравить, но так, чтобы Пашка с профессором не догадались, что это он виноват.

Ганс выглянул из расщелины:

— Куда же волк девался?

— Пошли, — сказала Алиса. — Нельзя отсиживаться, когда опасность грозит всем. Пойдем по следам волка и узнаем, что случилось.

— Наверное, ты права, — согласился Ганс. Он взял копье, взвалил на спину мешок и пошел первым. Он шел по следам волка, проваливаясь в глубокий снег. Сзади него в снегу оставались две траншеи, словно за повозкой. Алиса двигалась за ним, стараясь не ступить мимо траншей, а то провалилась бы в снегу по пояс.

Они шли молча, чтобы не привлечь внимания слуг Дракулы. Минут через десять местность начала подниматься — впереди был холм, на котором возвышался замок Кросскан. Над ним кружили вороны.

Алиса и Ганс не стали выходить на открытое место.

Ганс осторожно повел Алису молодым ельником к речке, которая огибала холм. На удивление и небо и земля были пусты — ни одного ворона, ни одной летучей мыши... Удача сопутствовала Алисе.

— Подземный ход ведет к речке, — тихо сказал Ганс. — Его сделали еще в далекие рыцарские времена, чтобы можно было выходить за водой. Конечно, в замке есть колодец, но для стирки воду брали в реке. К тому же если в замке кончалась еда, когда его осаждали враги, то по ночам через подземный ход к речке выбирались рыболовы, забрасывали удочки, а потом подкармливали своих товарищей.

Рассказывая, Ганс вел Алису кустами к реке, а затем под невысоким обрывом вдоль берега замерзшей речки.

— Странно, — сказал Ганс. — Даже охраны не видно — обычно у него на стене и на башнях дозорные сидят.

— Ничего, ты только поскорее покажи мне подземный ход, — попросила Алиса. — А почему их нет, мы потом выясним.

— К счастью, Дракула о подземном ходе не знает. Никто ему не сказал.

С этими словами Ганс нырнул в куст у обрыва и исчез.

— Ты где? — спросила Алиса.

— Я тебя жду, — глухо откликнулся Ганс.

Алиса протянула руку перед собой, и Ганс схватил ее за пальцы и дернул внутрь.

Она оказалась в кромешной темноте.

— Ты держись за меня, — сказал Ганс, — крепко держись. Я этот ход знаю как свои пять пальцев. Раньше, бывало, герцог велит никуда не отлучаться, а моя Агнешка за рекой в деревне ждет. Я — брысь в подземный ход, шасть к речке — бродом, тропинкой, ельником да березняком — и в деревню. Агнешка меня уже у околицы ждет, идем с ней на танцы в другую деревню... Ах, нет теперь этих деревень! Кто жив остался, бежал в далекие края. Где ты, моя Агнешка?

Ганс топал впереди, тяжело вздыхал, а потом стал рассказывать, какие замечательные танцы бывали в соседней деревне, как он плясал всю ночь без остановки и получал от девиц в награду пряник в полпуда весом...

Впереди показалась узкая полоска света.

— А теперь, Алиса, помолчи немного! — заявил Ганс.

Алиса хотела было обидеться — она-то ведь и слова не произнесла, только слушала, но некогда было обижаться: подземный ход вывел их в главную башню, где еще вчера шел пир. В башне было полутемно, грязно. Камин и факелы давно погасли, на столе стояла грязная посуда.

— Это кабинет Дракулы, — сказала Алиса Гансу.

— Ты что же думаешь — я не знаю, что это и есть кабинет его светлости герцога Франсуа де ля Кросскан? Что ж ты думаешь, я здесь не был ровно тысячу раз?

— А где Дракула?

— Сейчас узнаем, — сказал Ганс.

Глава 14

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Ганс подошел к двери на улицу, приоткрыл ее. И замер.

Даже поднял руку, чтобы Алиса тоже замерла.

Алиса осторожно выглянула из-под его руки.

Она увидела невероятную картину. Дальнюю от башни половину двора занимали чудовища графа Дракулы. Они были разбиты на несколько неровных рядов.

Справа в заднем ряду мирно сидели три дракона, выпуская из ноздрей клубы дыма. Вокруг драконов было пусто — вряд ли кому-нибудь было приятно дышать этим дымом.

Дальше в два, а где и в три ряда стояли привидения, разные, от совсем прозрачных до зеленых светящихся. Привидения не могли стоять неподвижно, их ряды все время покачивались, словно все вместе они были зеленой морской волной, которая с минуты на минуту обрушится на берег.

А вот скелеты, которые выстроились в колонну, стояли неподвижно, как костяные. Впрочем, они и были костяными.

Нестройной толпой скопились ведьмы. Некоторые были просто страшными старухами с торчащими зубами, другие, летающие, сидели в деревянных ступах, держа метлы на изготовку. За ведьмами Алиса увидела небольшую группу снеговиков с красными морковками вместо носов, а в углу в полутьме шевелились совсем уж незнакомые и непонятные чудища и существа.

Перед этим войском сидели, бегали, лежали волки-оборотни, скаля зубы и показывая красные длинные языки. На крышах и зубцах стен расселись сотни воронов, сов и филинов, а летучие мыши висели вниз головами на перекладине виселицы.

По двору бродили, не желая стоять в общем строю, черные коты и скорпионы.

Спиной к башне, откуда Алиса наблюдала этот парад, стояли сам граф Дракула и маркиза Жанна.

В руке маркиза держала серебряную ложку, а у своих ног в снегу она пристроила большую бутыль.

Возле Дракулы стояла большая клетка. В ней, держась за прутья сверху, висела мышь-вампир, а по полу клетки бегал, никак не мог остановиться, небольшой откормленный ворон.

Высокий скелет в обрывках генеральского мундира, с одним погоном и в одном сапоге вышел на пустое место.

Чеканя костяной шаг, он остановился в двух метрах от графа и скрипучим голосом произнес:

— Личный состав армии графа Дракулы Шестнадцатого пересчитан, проверен и к боям готов. По спискам и в наличии

привидений восемьдесят два, ведьм шестнадцать, одна пропала без вести...

— Вольно, вольно, — остановил его граф. — Все в порядке, рапорт принят, можешь идти в строй, мой дорогой покойник!

Скелет резко развернулся, но от такого движения его кости стали рассыпаться. Привидения успели подхватить генерала и унести в задние ряды.

— Сегодня у нас большой трудовой день, мои мальчики и девочки, — начал свою речь граф Дракула. — Все основные силы моего войска собраны здесь для получения новых инструкций и заданий, а также для выслушивания важных сообщений. Сообщение номер один: мы начинаем вторжение в параллельный мир под названием Земля. Первым объектом нападения будет город Москва. Там нас ждет большая добыча. Ура!

— Урррра! — закричали, завизжали, заскрипели, зашипели подданные графа Дракулы.

— Нашего полку прибыло! — продолжал граф Дракула. Он показал на клетку. — Это наши новые товарищи! — прокричал он. — Профессор Иона Гоц и Пашка Гераскин. Они решили влиться в наши ряды, чтобы помогать нам на Земле. Они нам покажут дорогу к почте, телеграфу и вокзалам, которые мы возьмем штурмом. Ясно?

— Урррра!

Алиса в ужасе посмотрела на летучую мышь и ворона. Неужели это и есть Пашка и Гоц? Как мог Пашка, ученик московской школы, почти отличник, хороший сын и товарищ, превратиться в вампира? Что же, он теперь будет сосать кровь у товарищей по классу? Нападет на свою маму? Какой ужас!

Но в то же время Алиса и радовалась.

Да, да! Несмотря на трагедию, которую она наблюдала, Алиса не могла не радоваться, потому что ее подозрения подтвердились и она разгадала тайну графа Дракулы и маркизы Жанны ля Мотт. Она могла бы и сейчас уже рассказать об этом Гансу, но боялась, что Ганс что-нибудь не поймет.

— Начинаем боевую зарядку! — закричала, выходя вперед, маркиза Жанна.

Она вытащила из пышной прически небольшую плоскую фляжку, отпила из нее и завопила:

— Мы ненавидим всех взрослых!

— Мы ненавидим взрослых! — в сотни голосов ответили ей чудовища.

— Мы захватим весь мир!

— Мы захватим весь мир!

— Мы будем пить кровь, издеваться и хулиганить, сколько нам захочется!

— Мы будем издеваться и хулиганить...

— Мы слушаемся только нашего благодетеля графа Дракулу! — кричала маркиза пронзительным голосом.

— Благодетеля... графа!

— И если кто станет на нашем пути, он будет растоптан сапогами! — подпрыгивала от ярости маркиза Жанна.

— Будет растоптан! Будет растоптан!

Как страшно было видеть и слышать это море ярости и ненависти! Как они все прыгали, извивались, рычали, махали лапами и когтями! И Алиса понимала: стоит привидениям и оборотням увидеть ее и Ганса — им несдобровать. Может, лучше закрыть дверь? Нет, придется терпеть, надо все знать.

— Будет растоптан! — никак не могли остановиться чудовища. Они топали, показывая, как они всех растопчут.

Ганс толкнул Алису в плечо. Он в изумлении показывал ей на клетку, в которой сидели ворон и вампир. Они тоже топотали и пытались кричать!

— Ничего, — ответила Алиса. — Это пройдет.

Но Ганс ей не поверил.

Еще минут пять продолжались крики и топот.

Потом привидения и вампиры трижды прокричали «ура» в честь благодетеля графа Дракулы Шестнадцатого. И постепенно все утихло.

Граф Дракула сделал шаг вперед и обыкновенным голосом заговорил:

— Начало наступления на Москву я назначаю на завтра, на шесть часов утра. Сегодня вечером вылетаем в город. У меня есть сведения, что проклятые железнодорожники спрятали сундук-самолет в своих мастерских. Предстоит славный ночной бой. Пора нам окончательно уничтожить всех железнодорожников и герцога Франсуа, который с ними связался.

— Смерть! — закричали слуги графа. — Смерть! Смерть!

— Спо-койно! — остановил крики граф Дракула. — Покричали, и хватит. Я знаю, что вы меня любите и слушаетесь. Перейдем к вопросам подготовки завтрашнего похода. Все должно быть в порядке, все должны быть здоровы, веселы, бодры! Кто себя чувствует ослабевшим, больным, кому требуется усиленное питание, мазь от чесотки и блох, кому нужна подзарядка электричеством, — всех прошу поднять руки или лапы.

Чуть ли не половина чудищ подняли свои лапы.

— Многовато, — сказал Дракула. — И я вас предупреждаю, что если кто-то притворился, если кто-то хочет отдохнуть и не участвовать в боях, получить усиленное питание и наесться дефицитных лекарств, я предупреждаю — всех разоблачу и уничтожу! Ясно?

Тут же половина поднятых рук исчезла.

Чудовища боялись своего графа.

— Подходить по одному! — закричала маркиза Жанна. Она взяла у Дракулы кожаный мешочек и развязала его.

В рядах началось движение. Вперед проталкивались привидения, ведьмы и драконы и выстраивались в очередь к маркизе.

Маркиза принялась вынимать из кожаного мешочка пилюли.

Первым к ней подошел дракон с открытым страшным ртом, из которого тянуло дымом. Маркиза кинула в него пилюлю. Дракон отошел. Потом к ней подплыло привидение, светящееся, зеленое, страшное. Маркиза отправила пилюлю в эту дыру. Вот подлетел вампир, вытянув трубочкой губки. Он висел в воздухе возле маркизы, и та вставила ему в ротик желтую пилюлю.

— Что она делает? — прошептал Ганс. — Я чего-то не понимаю.

— А я понимаю, — сказала Алиса. — Я даже догадалась, кто эта маркиза. Мы с ней знакомы.

— С ней все у нас знакомы! Она уже давно при Дракуле живет.

— Они стоят друг друга! — ответила Алиса.

— Ты мне объясни, — попросил Ганс, — а то если они тебя сожрут или разорвут, тайна уйдет с тобой в могилу.

— Ничего они мне не сделают, — ответила Алиса.

— Ой, не зарекайся! — вздохнул Ганс. — Ты только посмотри на своих друзей. Какие люди были! Цвет вашего рыцарства! А теперь что? Один — вампир, второй — ворон!

— Смотри внимательно, — сказала Алиса. — Потом я тебе все объясню.

Она показала вперед.

Дракон, вампир, привидение, которые уже получили свои пилюли и отошли в сторону, вдруг начали изменяться.

Дракон уменьшился, привидение перестало светиться, а вампир вырос...

То же самое случилось и с другими чудовищами, которые получали от маркизы пилюли.

Они превращались в детей!

В голеньких, замерзших, голодных, нечесаных, нестриженых, немытых детей.

Некоторые принимались плакать, другие молчали, терпели и дрожали.

— А ну, — приказал Дракула, — все в башню! Там мы с маркизой вами займемся.

— Ой! — сказал Ганс. — Они сюда бегут!

— Срочно в подземный ход! — ответила Алиса.

Они кинулись обратно к камину, откуда начинался подземный ход.

— Я боюсь, как бы они, — прошептала Алиса, — не вздумали растопить камин — тогда нам придется обратно к речке бежать.

— А что делать? — спросил Ганс.

— На второй этаж! Там сейчас пусто!

Алиса первой побежала по лестнице, Ганс — за ней.

Они только-только успели спрятаться там, улегшись на пол возле люка, как в башню вошел Дракула. За ним толпой ворвались дети. Им было очень холодно.

— А ну разжигайте камин! — приказал Дракула. — Вы что, меня заморозить хотите?

Дети послушно забегали, одни несли хворост, другие — угли, третьи зажженную лучину. Камин загорелся, из него повалил дым, заволок на минуту весь первый этаж башни, но потом нашел себе путь в трубе, и воздух стал чище.

— Это просто здорово, — сказала Алиса, — что мы не остались в той трубе.

— Быстро! — Дракула уселся за стол и скорчил страшную рожу. Дети дрожали, а некоторые всхлипывали. — Мне в армии нужны здоровые, веселые, преданные нашей высокой идее исполнители. Нытиков, хлюпиков, хроменьких, поносненьких — долой! А ну давай ко мне по очереди!

Дети начали толкаться, стараясь не попасться на глаза графу. Они уже раскаивались в том, что заявили о своих болезнях.

— Давай! Ты! Первый! — Дракула ткнул пальцем в одного из мальчиков, и тот как под гипнозом, заплетая ножки, потащился к столу. — Стой! Ни с места! Ты меня любишь?

— Еще как люблю, господин мой!

— Больше папы и мамы?

— Так точно, господин мой!

— Ты готов ради меня зарезать своих родных?

— Так точно, господин!

— И не пожалеешь?

— Никак нет!

— Кем служишь у меня?

— Служу сторожевым филином!

— Какое оружие?

— Имею ядовитый бронебойный клюв!

— На что жалуешься? Ну, быстро!

— Зубы болят... ой как болят!

— Но у тебя же клюв!

— Когда клюв, то он болит, а когда зубы, то зубы болят! Много зубов болит!

— Маркиза, займись!

Жанна схватила мальчишку за ухо и потащила в сторону. Там посадила на табуретку и вытащила из складок своей обширной юбки блестящие щипцы.

Мальчишка взвизгнул от страха. Жанна как следует треснула его кулаком по голове.

— На свалку захотелось? — спросила она у мальчика.

Мальчик беззвучно плакал, стараясь не гневить маркизу.

А перед Дракулой уже стояла маленькая девочка. Совсем голенькая. Ей было холодно и страшно.

— Ты меня любишь, крошка? — спросил Дракула.

— Ой, да, — пискнула девочка и заплакала.

— Ну если плачешь, тебе нечего бояться. А кем ты у меня служишь?

— Ядовитой крысой, дядя!

— А если я тебе скажу — укуси свою маму! Ты укусишь?

— А можно я не буду мамочку кусать? — спросила девочка, и Дракула посмотрел на нее страшными глазами. Девочка заревела в полный голос.

— М-да, — сказал граф. — Слабо мы еще работаем с личным составом. А на что жалуешься, ничтожное существо?

Ответить девочка не успела, потому что из угла донесся отчаянный вопль мальчика.

— Это еще не все! — закричала Жанна. — У нас еще один больной зуб остался!

Мальчик принялся бегать по башне, Жанна за ним.

— Ах, оставьте свои соревнования, — сказал граф. — А то всех перестреляю. Как вы мне надоели!

Жанна догнала мальчика, силком открыла ему рот и стала прилаживать щипцы, чтобы вытащить еще один зуб. Мальчик бился, как птичка в зубах у лисицы, а некоторые дети уже начали кричать:

— Я здоровый!

— Я здоровая! Пошлите меня обратно!

— Я больше не буду!

— Нет, будешь! — зарычал Дракула. — На что жалуешься?

И тогда маленькая девочка произнесла, заикаясь от страха:

— Я к ма-а-мее хочу...

— С тобой все ясно, — сказал Дракула, — постой-ка вон там, под картинками. Подожди, отправим тебя к маме.

Девочка покорно отошла к стене, на которой были приклеены в ряд картины, изображающие в натуральном размере различные виды подданных Дракулы: привидений, вампиров, оборотней и так далее... А Дракула тем временем продолжал допросы. Допрашивал он всех одинаково. Сначала он интересовался, любит ли его ребенок и готов ли ради него убить собственных родителей, а потом выяснял, на что тот жалуется. Если жалоба была невелика — нарыв, больной зуб, царапина или ушиб, он передавал больного маркизе, и она им занималась в меру своих сил и небольшого умения. А вот тех, кто хотел просто избавиться от работы, ленился или боялся, а уж тем более разлюбил великого Дракулу, граф заставлял отойти и встать под картинами. Вскоре дети разделились на две группы. Человек пятнадцать стояли кучкой под картинами и ныли от страха, и столько же толпилось вокруг маркизы.

Когда проверка закончилась, Дракула громким голосом произнес:

— Все, кто у двери, синюю пилюлю принимай!

С этими словами Дракула выдвинул ящик письменного

стола, достал оттуда еще один кожаный мешочек, такой же, как у маркизы, и кинул его своей подруге.

Маркиза стала вынимать из него синие пилюли.

Дети, видно, привыкшие уже к этой процедуре, становились в очередь, и маркиза спрашивала:

— Ты у нас кто?

— Сова, — отвечал ребенок, у которого вырвали два зуба.

— Покажи на картинку!

Мальчик показал на картинку, на которой была нарисована сова.

После этого маркиза дала ему пилюлю, мальчик с трудом проглотил ее и отошел в сторону.

— А ты кто у нас? — спросила маркиза мальчика, которому недавно перевязала разбитую руку.

— Я привидение, — сказал мальчик. — Только я хочу стать драконом.

— До дракона еще дорасти надо. В драконы берут только злобных подростков, — строго сказала Жанна. — Смотри на картинку и глотай пилюлю!

Мальчик подчинился.

Один за другим дети отходили в сторону, и вскоре раздача пилюль закончилась. Алиса и Ганс увидели поразительную картину: на глазах у них маленькие, голенькие, несчастные дети превращались в привидений, сов, крыс, ведьм... Когда операция закончилась, маркиза вернула мешочек с пилюлями Дракуле, и тот спрятал его в ящик стола.

— А ну давайте наружу! — крикнул им Дракула. — Готовьтесь к вылету. А пока полетайте, побегайте вокруг!

Превращенные в чудищ дети покорной толпой побрели наружу.

Остались лишь те, кто не понравился Дракуле.

— А с этими, — сказал он усталым голосом, — ты сама знаешь, что делать.

— Почему, если грязная работа, так мне? — спросила маркиза Жанна.

— Иди, иди, мне тоже поработать придется.

— Я ничего не понимаю, — прошептал Ганс. — Они дети? А почему тогда они привидения?

— Я тебе все объясню.

— Но пилюли... пилюли!

— Помолчи. Прошу тебя.

— Я не могу молчать! Я должен знать, куда маркиза поведет детей!

— Недалеко, — ответила Алиса. — Маркиза их хочет убить.

— Детей?

— Вот именно.

— Я сейчас пойду и это остановлю.

— Так просто ты ничего не остановишь, — сказала Алиса. — Тут надо думать.

— Да разве волшебников передумаешь?

— Гансик, миленький, — сказала Алиса, — не говори мне под руку. Здесь нет волшебников, а есть мошенники.

Маркиза погнала обреченных детей к выходу.

За ними шли превращенные с помощью синих пилюль в привидения и ведьм остальные дети. Шли они, еле-еле переставляя ноги и лапы.

— А ну пошевеливайтесь! — приказал Дракула. Он подтолкнул отставших кончиком сабли.

— Ну чего ты медлишь! — торопил Алису Ганс. — Каждая секунда на счету! Нельзя же допускать, чтобы они у нас так распоряжались. Лучше смерть, чем позор.

— Но еще лучше жизнь со славой, — ответила Алиса.

В этот момент дверь за Дракулой захлопнулась.

В два прыжка Алиса слетела по лестнице вниз и кинулась к столу. Она потянула ящик, но он не открывался.

— Да помоги же, Ганс!

Ганс старался помочь Алисе, но стол был сделан из крепкого мореного дуба. А где ключ?

И тут из-под стола появилась тонкая детская ручка. В пальцах она держала медный ключик.

Вслед за ключиком из-под стола вылезла маленькая девочка, та самая, которая хотела к маме.

— Зачем ты это сделала? — спросил Ганс, помогая девочке выбраться наружу.

— Я залезла к нему в карман. Я хотела найти эти пилюли и освободить всех ребят.

Алиса быстро повернула ключ и выдвинула ящик. В ящике лежали два мешка. В одном были желтые пилюли...

— Это для того, чтобы возвращать людям их нормальный облик, — сказала Алиса.

— А эти синие, — сказала девочка, показывая на другой мешочек. — Их надо сжечь!

— Молодец, как тебя зовут? — спросила Алиса.

— Сюзанна.

— Погоди, Сюзанна, — сказала Алиса. — В хороших руках и плохие пилюли могут принести пользу.

— Алиса, объясни мне хоть что-нибудь! — взмолился Ганс. — Я так больше не могу. То привидения, то пилюли, то вампиры, то мошенники!

Алиса сняла с себя куртку и накинула на голенькую замерзшую девочку. Куртка доставала девочке до колен. Девочка прижалась к Алисе.

— Я уже вчера вечером заподозрила неладное, — сказала Алиса. — Не сходились концы с концами — страшный граф Дракула, привидения, вампиры... Но чтобы все привидения, все вампиры и ведьмы слушались одного графа — это так странно! И чтобы они охотились за мной и даже устраивали завалы на железной дороге?! Ну просто не верится! А эта маркиза? Пьет водку и ругается.

— Она еще хуже Дракулы, — пискнула девочка. Она оказалась сообразительной.

— И я подумала: а что, если эти волшебники вовсе не те, за кого они себя выдают? Но кем они тогда могут быть? И я вспомнила — есть у меня враги! Всю жизнь я с ними враждую, борюсь, пытаюсь остановить их гнусные проделки и даже преступления. Эти враги — космические пираты Крыс и Весельчак У. Я думала, что они ушли на пенсию, купили замок и играют на барабанах. Но совсем недавно я встретила их на планете динозавров. Там они пытались утащить золотые яйца ящеров. Как это им удавалось? У них есть специальные пилюли, чтобы превращаться в кого захотят. Синие — чтобы превратиться в кого пожелаешь, желтые — чтобы снова принять свой облик. Эти грабители решили обчистить целую планету. Как-то они узнали о параллельном мире и воспользовались тем, что люди здесь верят в привидений и вампиров. Если ты сильно веришь в чепуху, посмотри вокруг — не окажешься ли ты в дураках.

— Я догадался! — закричал тут Ганс. — Им же надо было из кого-то делать себе слуг? И они стали воровать детей. Все думали, что они детей пожирают. А они их превращали во всякую нечисть! Я правильно догадался?

— Молодец, Ганс! — воскликнула Алиса.

— Тогда побежим и скажем Дракуле, что мы обо всем догадались. Пускай он сдается.

— Как бы не так! — возразила Алиса. — С чего бы ему сдаваться? Он тут же разрубит тебя саблей, нашлет на тебя привидений и драконов. Ты даже договорить не успеешь.

— Так что же делать?

— Мы будем воевать с нашими врагами их собственным оружием, — сказала Алиса.

— Только скорее, — попросила маленькая девочка, — а то они убьют детей, которых увела маркиза.

— Дайте мне одну минуту, — попросила Алиса. — И я придумаю, что мы будем делать.

Ганс шевелил губами, он считал секунды. Девочка подбежала к двери и стала смотреть сквозь узкую щелку.

— Что там? — спросила Алиса.

— Дракула разговаривает с драконами, — ответила девочка. — А теперь он подошел к клетке, в которой сидят твои друзья, Алиса.

— А маркиза?

— Маркиза повела детей в подвал, — сказала девочка. — Там всегда наказывают непокорных.

— Скорее, Алиса, — снова попросил Ганс. — А то я не выдержу.

— Ну что ж, — сказала Алиса. — У меня созрел план.

Глава 15

СДАВАЙСЯ, ДРАКУЛА!

Граф Дракула, похожий издали на бледную поганку, стоял прямо, сдвинув тонкие длинные ноги в белых чулках, в коротком сером плаще, который раздувался от ветра, как шляпка гриба. Он глядел на клетку, в которой томился Пашка, превращенный в вампира, и профессор Гоц, ставший вороном. Граф что-то втолковывал своим новым слугам, грозя им длинным указательным пальцем.

Остальные его слуги разошлись по двору, разговаривали или просто вздыхали по дому, маме и папе, которых они теперь должны были убивать или покорять. Вороны стаей носи-

лись над двором, играя в догонялки и пятнашки, забыв на время о том, что они солдаты страшной армии графа Дракулы.

Боевой дракон Дракулы лежал, вытянувшись под стеной, чтобы не продуло ветром, — он очень боялся простудиться. Дышал он обыкновенно, паром.

В первую минуту никто не заметил, как из главной башни замка, в которой еще так недавно правил суд и расправу граф Дракула, вышли три человека.

Алиса — в легком костюме, но на толстых гравиподошвах «Пилат».

Ганс — в крестьянской одежде, но босой.

Маленькая девочка Сюзанна, одетая в Алисину куртку и башмаки Ганса. Одежда была ей страшно велика, зато девочке было тепло.

Никто не знал, что Алиса только что проглотила синюю пилюлю и дала проглотить такую же Гансу, а потом спрятала мешочек с синими пилюлями в снежный сугроб у выхода из башни. Другой мешочек, с желтыми пилюлями, Алиса оставила девочке Сюзанне.

— Ты все поняла? — спросила она.

— Что ж тут непонятного? — ответила вопросом на вопрос девочка Сюзанна.

— Тогда начинаем наш последний и решительный бой! — сказала Алиса.

— А вдруг не выйдет? — спросил Ганс.

— Сомнения прочь! — ответила Алиса. — Ты знаешь, что делать. Сюзанночка знает, что делать. Смотри не отвлекайся!

И она тут же стала расти. Через полминуты вместо Алисы у двери в башню стоял еще один граф Дракула, тоже похожий на бледную поганку.

Ганс же, который не успел ни в кого превратиться, по знаку Алисы отступил внутрь башни. Он потянул за собой и девочку.

Сначала никто не заметил появления перед башней второго графа. Привидения и оборотни занимались своими делами.

Пожалуй, только большой серый волк-оборотень поглядел на Алису и медленно пошел к центру двора, будто почувствовал, что там произойдет что-то интересное.

Ничего не заметила и маркиза Жанна ля Мотт, которая в дальнем конце двора гнала палкой кучку голеньких, несчастных, плачущих детей в подвал, собираясь там с ними распра-

виться. Надо сказать, что преступники и негодяи предпочитают совершать свои преступления и делать гадости тайком, не на глазах у всех, или хотя бы надев маски. Каждый негодяй, какой бы сильный он ни был, в глубине души знает, что рано или поздно его преступления будут раскрыты и ему придется держать за них ответ.

Алису устраивало то, что на нее не обратили внимания. Чем позже граф спохватится, тем лучше.

Она направилась к графу широкими уверенными шагами, и, когда ей оставалось дойти до него всего метров десять, граф почуял неладное, обернулся и сначала попросту не сообразил, что же произошло.

Алиса продолжала спокойно идти к нему.

Тут очнулись привидения, оборотни, драконы и все прочие слуги Дракулы.

Они засуетились, начали шептаться и переглядываться, но никто не посмел сдвинуться с места. Раздвоение всесильного графа было чудом, ничего подобного они и вообразить не могли.

Дракула тоже ничего не мог понять. Он сразу даже не узнал себя в мужчине, в которого превратилась Алиса, проглотив синюю пилюлю. Идет какой-то чужой рыцарь в коротком плаще, на кого-то похожий...

И только когда Алиса была совсем близко от него, Дракула понял, что происходит что-то страшное.

Пользуясь его замешательством, Алиса подошла к клетке с Пашкой и профессором, открыла дверцу клетки и кинула внутрь две желтые пилюли.

— Быстро! — приказала Алиса. — Пашка, Иона Ионович, проглотите! Это я вам говорю — Алиса! Не бойтесь меня.

Как тут не бояться! Летучая мышь и ворон крутили головами, стараясь понять, кто для них страшнее — старый Дракула или новый Дракула.

И тут новый Дракула сказал:

— Пашка, если ты не проглотишь таблетку, я твоей маме скажу. И Аркашке Сапожкову. Ты понял?

Но Алиса не успела увидеть, понял ли ее Пашка.

Потому что к этому моменту Дракула уже опомнился настолько, что повернулся к ней и схватил своего двойника за ворот.

— Ты кто такой? — сказал он.

— А ты кто такой? — спросила Алиса, отскакивая назад и вырываясь из цепких пальцев графа.

— Я — граф Дракула Шестнадцатый.

— Никакой ты не Дракула, а жалкий самозванец!

Граф Дракула выхватил саблю.

Алиса-Дракула тоже выхватила саблю.

Надо честно признать — первый граф Дракула куда лучше умел владеть саблей, чем Алиса-Дракула.

Но Алиса решила, что будет сражаться до последнего. Главное для нее было выиграть время. Выиграть время, пока выполняли задание Ганс и девочка Сюзанна.

К полному изумлению всех привидений, два графа Дракулы отчаянно рубились на саблях, причем один из них громко кричал:

— Я тебе покажу, самозванец!

А второй отвечал:

— Еще посмотрим, кто из нас самозванец!

Искры сыпались от ударов сабель.

Тем временем в большой клетке для попугаев, что стояла рядом со сражающимися графами, происходило нечто невероятное: летучая мышь породы вампир и ворон на глазах превращались в людей. При этом, разумеется, они разломали клетку, прутья и щепки летели в разные стороны!

Ба-бах! И вот мальчик и невысокий черноволосый человек средних лет покатились по истоптанному снегу в разные стороны.

В этот момент глазам потрясенных привидений предстало еще одно неожиданное зрелище: из двери большой башни выбежали два человека. Первой бежала маркиза Жанна ля Мотт, подобрав длинное платье одной рукой и сжимая в другой небольшую кочергу от камина. За ней выскочила маленькая девочка в длинной, почти до земли, Алисиной куртке и больших башмаках. Девочка держала в руке мешочек.

Маркиза и девочка побежали в разные стороны. Маркиза — к подвалу, куда только что скрылась еще одна такая же маркиза, которая повела убивать маленьких детей. А девочка Сюзанна, бойкая малышка, помчалась к толпе удивленных и замерших от неожиданности привидений, ведьм, оборотней и других слуг графа Дракулы, совсем не опасаясь их, хотя любая обыкновенная девочка умерла бы на ее месте от страха.

Привидения же вели себя, как зрители на теннисном матче, которые все вместе поворачивают головы: мячик полетел

направо — трибуны следят за ним, мячик полетел обратно — все, как один, зрители провожают его взглядами.

Вот привидения смотрят на схватку двух графов, вот они повернули головы к клетке, в которой, развалив ее на части, выросли два узника, вот они оборачивают взоры к башне, откуда выбегают маркиза и Сюзанна.

Удар! Еще удар!

Алиса отступала под натиском взбешенного Дракулы.

— На помощь! — кричал между тем Дракула. — Ко мне, на помощь! Чего вы медлите, мои верные ведьмы!

Но ведьмы не спешили, потому что никто не знал, к нему ли надо спешить на помощь или к другому графу, который с ним сражался.

— Ну я вам покажу! — в бешенстве воскликнул Дракула. — Только вот разрублю этого самозванца!

Алиса поняла, что ее дело плохо.

Сколько она еще продержится?

Она отступала. Дракула преследовал ее.

Ее руки уже онемели от тяжелой сабли.

Алиса пошатнулась.

Граф занес саблю, чтобы нанести роковой удар.

Но в этот момент от толпы привидений и оборотней к графу кинулся громадный серый волк.

В два прыжка он настиг Дракулу, подпрыгнув, ударил его лбом и вцепился в поднятую руку так, что Дракула выронил саблю. Граф пошатнулся и упал, а волк обрушился на него всем своим тяжелым телом. Открытая пасть волка оказалась всего в вершке от лица Дракулы.

Дракула завизжал от страха и закрыл глаза.

Алиса разжала кулак, в котором была зажата желтая пилюля, и сунула ее в открытый от страха рот графа Дракулы.

— Держи его, Гаврюха, — сказала она, потрепав волка по загривку, — я пойду помогу Сюзанночке.

Алиса пошла к привидениям, которые видели перед собой не Алису, а только своего страшного повелителя графа Дракулу. Они стали отступать от него, жаться к стенам, а вороны и летучие мыши взмыли в поднебесье.

Девочка Сюзанна стояла перед толпой слуг графа, вынув из мешочка горстку желтых пилюль, и уговаривала их:

— Ну скушайте, пожалуйста, и вы снова станете мальчиками

и девочками. Вы вернетесь домой, и больше не будет этого проклятого графа Дракулы. Не бойтесь его, и все хорошо кончится!

Но привидения видели, как из-за спины Сюзанны выходит страшный Дракула, и никто не торопился взять пилюлю.

И чем ближе подходила Алиса-Дракула, тем громче становились крики из толпы привидений:

— Мы любим тебя, господин! Мы подчиняемся тебе, граф! Мы готовы убить любого из любви к тебе!

Девочка Сюзанна обернулась и сама замерла от страха. Кто это — Алиса или Дракула?

— Ой! — сказала она, и пилюли покатились по снегу.

— Что с тобой? — спросила Алиса и тут же поняла, что все еще держит саблю.

Алиса бросила саблю в снег и сказала:

— Не бойся меня, Сюзанночка. Дай мне тоже пилюлю. Я хочу снова стать девочкой.

Сюзанна перевела дух: значит, победила Алиса!

Но привидения отказывались взять пилюли.

И Алисе пришлось воспользоваться тем, что они так боятся графа.

— Я вам приказываю! — произнесла она противным, скрипучим голосом графа Дракулы. — Немедленно каждому проглотить по желтой пилюле! Ну, сколько раз надо повторять?

Как загипнотизированные, привидения, ведьмы и драконы стали протягивать руки и лапы, чтобы подобрать из снега и проглотить желтые пилюли.

Сверху спускались вороны, совы и вампиры, вскоре уже не осталось пилюль на снегу, и Сюзанна опять развязала мешочек, чтобы всем хватило.

И тут до них донесся жалобный крик:

— Так нельзя! Я буду жаловаться! Дракула, мой любимый, что они себе позволяют!

Все обернулись на крик и увидели, как из подвала, держась за голову, поднимается маркиза ля Мотт. Большая шишка выросла у нее на макушке.

За маркизой шагала еще одна маркиза. В руке она несла кочергу и постукивала ею по спине первой маркизы.

За маркизами из подвала вылезли перепуганные ребятишки.

— Сюзанночка, прошу тебя, — сказала Алиса, — дай, пожалуйста, по пилюле нашим маркизам.

— Я вас поняла, — сказала Сюзанночка и побежала к двум маркизам.

Когда ушибленная маркиза увидела в руке Сюзанночки желтую пилюлю, она обо всем догадалась.

— Ни в коем случае! — закричала она. — Ведь все догадаются!

Она побежала к Алисе, продолжая кричать на бегу:

— Останови это безобразие! Они же догадаются!

— Гансик, стукни ее еще разок, чтобы не спорила, — сказала Алиса, и тут же в глазах у нее потемнело, земля быстро приблизилась к ней, и она упала.

А когда она через пять секунд пришла в себя и снова стала Алисой Селезневой, во дворе замка многое изменилось.

Во-первых, один за другим все слуги Дракулы — все привидения, скелеты, черные коты, ведьмы, оборотни — снова стали детьми, теми самыми детьми, которых Дракула и маркиза похищали у несчастных родителей, превращая в привидений и заставляя себе служить.

Во-вторых, тощий и длинный граф Дракула, который лежал на снегу в страхе перед волком Канисом, которого Алиса называла Гаврюхой, этот самый граф Дракула превратился в очень толстого, противного, обрюзгшего человека. А маркиза, получившая от Ганса кочергой по голове, стала маленьким, поджарым и злобным человечком, сквозь искусственную кожу которого проглядывали крысиные черты. Зато вторая маркиза снова стала слугой Гансом.

— Вот мы и встретились. — Алиса обернулась к Пашке.

— Да, — сказал прежний Пашка, веселый и неунывающий, — узнаю старых знакомых. Ну уж теперь, надеюсь, вам не отвертеться от галактической тюрьмы, космические пираты.

Конечно же, маркизой и графом были Крыс и Весельчак У, те космические пираты, которые еще в прошлом году случайно проникли в этот мир. Когда они узнали, что люди здесь верят в привидения, духов и всякую нечисть, сообразили, что на этом можно отлично нажиться. Вот они и стали отнимать детей у несчастных поселян и горожан, заставляли их глотать синие пилюли, превращали в чудовищ и понемногу сколотили свою страшную армию и запугали всю страну.

Только им не терпелось завоевать и Землю.

И в этом заключалась их главная ошибка.

Потому что на Земле живет Алиса Селезнева, которая очень много знает и с которой шутки плохи.

Узнав, что Алиса стремится в замок Дракулы, куда попали Пашка с профессором Гоцем, пираты перепугались и решили любым способом остановить Алису, которую считали своим главным врагом во всей Вселенной.

Но им этого сделать не удалось.

Потому что у Алисы были друзья.

Подумав об этом, Алиса посмотрела на волка Гаврюху.

— А ты почему не принимаешь пилюлю? — спросила Алиса.

Волк посмотрел по сторонам.

Если бы он умел пожимать плечами, то пожал бы.

Пашка Гераскин, который чувствовал себя чуть неловко, потому что из-за своей доверчивости оказался в дураках и Алисе пришлось его выручать, сказал:

— У нас же кончились пилюли!

— Сюзанночка, неужели это так? — спросила Алиса.

— Только-только хватило, — сказала Сюзанночка.

— Нет, так быть не может! Я не уеду никуда, пока не помогу своему другу! — сказала Алиса.

Дети, хоть и замерзли, стали перекапывать снег, перебирать его по снежинке, чтобы помочь волку.

Алисе стало их жалко, и она отправила их в башню погреться.

— А у вас не осталось пилюль? — спросила Алиса у пиратов.

— Дома кое-что осталось, — усмехнулся Весельчак У. — Только лететь далеко. Хочешь, слетаю?

— Ты слетаешь, а обратно забудешь вернуться? — спросил Пашка.

— А я Крыса в залог оставлю, — сказал Весельчак У.

— Не слушайте его! — закричал Крыс. — Он никогда не вернется. У нас в криминальном мире друзей не бывает. Все друг друга предают! Лучше я слетаю за пилюлей.

Ганс, который стерег пиратов, чтобы не убежали, и держал в одной руке кочергу, а в другой саблю Дракулы, даже засмеялся.

— Какие все-таки они мерзавцы! — сказал он. — Пока они сильные, то ни к кому не испытывают жалости. А как только попались, становятся ягнятами.

— Нет, — сказала Алиса, — не могу я отпустить на свободу таких ужасных преступников. Их нельзя оставлять на свободе!

— Можно! — откликнулся Крыс. — Еще как можно. Мы ведь в принципе безвредные. Мы иногда ошибаемся, но готовы исправиться!

Волк Канис огорчился. Он поднял кверху морду и завыл.

Дети заплакали.

И тут с неба спустилась ворона. В клюве она держала желтую пилюлю.

Ворона кинула пилюлю у ног волка и громко каркнула.

Она ходила по снегу, очень довольная собой.

— О нет! — воскликнула Алиса. — Нельзя жертвовать собой. Ведь тебя тоже ждут дома осиротевшие папа и мама!

— Не беспокойтесь, тетя Алиса, — сказала Сюзанночка. — Это я виновата. Я дала ей пилюлю, а это самая обыкновенная ворона.

— Карр! — сказала ворона и поднялась в небо.

— Ешь, Гаврюха, — сказала Алиса.

В этот момент в открытые ворота замка ворвалась карета, запряженная парой могучих коней.

На козлах сидел рыцарь в латах с поднятым мечом, а из открывшихся дверей кареты выскочило несколько мужчин в одежде железнодорожников, а за ними герцог Франсуа.

— Немедленно освободите Алису! — закричал рыцарь на козлах.

— А также мой родовой замок! — закричал герцог.

— И всех наших детей! — закричали железнодорожники.

Алиса побежала к герцогу. Тот обнял ее и с трудом удержал рыдания.

— Все в порядке, ваша светлость, — сказал слуга Ганс. — Дети живы, замок освобожден, Алиса на свободе! О чем вам и докладываю.

— Бабушка! — воскликнул герцог. — Ты посмотри, как все хорошо кончается! Теперь ты сможешь пожить на свежем воздухе.

Рыцарь на козлах поднял забрало, и Алиса с удивлением узнала в нем бабушку Марианну.

— Что же ты удивляешься, Алиса? — спросила бабушка. — Я не такая старая, как кажусь. Правда, уже сто лет я не надевала лат, но они мне все еще впору. Сейчас я зарублю этих негодяев!

— Нет, — сказал герцог Франсуа. — Мы их отвезем в город и будем судить. Ведь негодяи берут власть над людьми и над целыми странами только потому, что их боятся. Надо всем показать, что бояться нечего — чем человек хуже, тем он трусливей.

— Мы больше не будем! — закричал Крыс. — Мы будем хорошие!

— Я вам буду на барабане играть, — вторил ему Весельчак У.

Алиса не стала больше слушать эти мольбы, а отошла к двери в башню и взяла спрятанный в снегу мешочек с синими пилюлями. Мало ли когда они пригодятся!

Она спрятала их в карман и почувствовала, что за спиной кто-то стоит.

Она обернулась.

Сзади стоял высокий мальчик, чуть постарше Алисы. Бледнолицый, синеглазый, с темными курчавыми волосами.

— Спасибо, Алиса, — сказал он.

— Ой! — Алиса сразу догадалась. — Ты и есть Гаврюха?

— И еще Канис, — сказал мальчик. — Я не хотел подчиняться разбойникам и быть злым волком, который охотится за людьми. Поэтому я убежал в твой мир.

— Я тебе так благодарна! — сказала Алиса. — Без тебя я бы не смогла всего этого сделать.

— А я благодарен тебе. Теперь я снова свободен. Можно, я отдам тебе одну вещь?

Мальчик снял с шеи мешочек. В нем постукивали кубики.

— Больше они мне не понадобятся.

Подошел Пашка.

— Пашка, познакомься, это наш волк Гаврюха, — сказала Алиса.

— Ох ты, как он изменился! — воскликнул Пашка. — Останешься тут или поедешь с нами?

— Я сирота, — сказал мальчик. — И если можно, я бы пожил у вас на биостанции. Мне там нравится.

— Но тебе придется ходить в школу, — сказала Алиса.

— Я всегда хотел учиться.

Во двор въехало несколько саней с вооруженными людьми — это были люди из отряда, который набрал герцог, чтобы выручить Алису и победить привидения. Среди них были родители некоторых украденных детей. Они побежали в башню, и оттуда доносились крики радости и плач.

— Уберите куда-нибудь пиратов, — подсказала Алиса герцогу, — а то люди их растерзают.

— Правильно, уберите нас! — взмолился Весельчак У. — Но еще лучше дайте нам по желтой пилюле, и мы превратимся в жучков, чтобы путешествовать в вашем кармане.

Но герцог побоялся, что пираты сбегут. Поэтому их отправили в город в карете.

Алиса с Пашкой и профессором Гоцем, который был страшно расстроен, потому что привидения оказались ненастоящими и теперь придется их искать снова, а также с мальчиком Гаврюхой, которого на самом деле звали Канисом, доехали до станции в санях.

Там их ждал знакомый поезд, потрепанный после боя с привидениями и драконами.

Знакомый проводник встретил друзей и показал им места в вагоне, а знакомый начальник полустанка Михай поднял желтый флажок, показывая, что поезду можно ехать.

Ганс проводил друзей до сундука и попрощался с каждым за руку.

А в Москве шел снег и было холодно.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ 7
ОПАСНЫЕ СКАЗКИ 259
ПЛАНЕТА ДЛЯ ТИРАНОВ 347
СЫЩИК АЛИСА 439
ИЗЛУЧАТЕЛЬ ДОБРОТЫ 505
ДЕТИ ДИНОЗАВРОВ 623
ГОСТЬ В КУВШИНЕ 699
ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ 747